Археологические Вести

-11-

·2004·

Археологические Вести

№ 11

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

В очередной том включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и нумизматики. В ряде статей освещаются возможности различных методов анализа каменных орудий для реконструкции исторических процессов, происходивших в период каменного века. Впервые вводятся в научный оборот материалы из раскопок Варфоломеевской неолитической стоянки (Степное Поволжье), памятников эпохи поздней бронзы с территорий Южного Таджикистана, а также крепости Тали Хамтуда. В сборнике представлены интереснейшие результаты обобщающих исследований по изделиям из триалетско-кировоканских царских курганов и по сибирским погребальным маскам. В ряде статей рассматриваются отдельные категории археологического и нумизматического материалов различных эпох. Особый интерес представляют публикации серебряных монет Александра Македонского из собрания Государственного Эрмитажа, редкого ожерелья из Одесского Музея, а также уникальной литейной формочки для отливки подвесок с изображением так называемых женщин-«валькирий» из Старой Ладоги. Специальный раздел сборника составляют статьи по актуальным проблемам археологии, в одной из которых, в частности, рассматриваются древнейшие памятники Аляски, в связи с вопросами заселения Америки. В сборнике дается информация о важнейших международных конференциях и обозрение новейших отечественных и зарубежных публикаций. Один из разделов посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника ученые из различных центров России, Таджикистана, Украины и Словакии. Кроме того, дается библиография работ, опубликованных в первых десяти сборниках «Археологические Вести», а также библиография изданий за 1998–2002 гг., подготовленных сотрудниками ИИМК РАН.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (ответственный редактор),
В. А. Алёкшин, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева, В. А. Завьялов,
Н. В. Хвощинская (отв. секретарь), Л. Г. Шаяхметова, Н. В. Головачева.

Адрес редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, *факс* (812) 3119271
http://www.archeo.ru; vesti_iimk@mail.ru

Издательская группа: Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова, В. Я. Стеганцева.

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief),
V. A. Alëkshin, M. Yu. Vakhtina, T. S. Dorofeeva, V. A. Zav'yalov,
N. V. Khvoshchinskaya, L. G. Shayakhmetova, N. V. Golovacheva.

Address: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.
Dvortzovaya nab., 18. St.-Petersburg, 191186, Russia
Phone: 7-812-31121484; Fax: 7-812-3116271
http://www.archeo.ru; vesti_iimk@mail.ru

Publishing group: T. S. Dorofeeva, G. A. Kuznetsova, V. Ya. Stegantzeva.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 03-01-00327д

ISBN 5-86007-421-2

© Институт истории материальной культуры РАН, 2004
© Издательство «Дмитрий Буланин», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры; Г. Ф. Коробкова; С. Н. Астахов; А. Н. Щеглов; В. А. Галибин. 9

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. К. Анисюткин, В. И. Тимофеев. Каменные изделия из пещеры Тхамкуэн на севере Вьетнама. 13

А. И. Юдин. Варфоломеевская стоянка – опорный памятник Орловской неолитической культуры Степного Поволжья. 23

И. С. Жущиховская. Динамика техники обжига в древнем гончарстве Дальнего Востока в контексте культурно-исторического процесса. 42

В. Немейцова-Павукова (†). Результаты новых раскопок фортификационных сооружений лендельской культуры. 52

К. Х. Кушнарева, М. Б. Рысин. Парадная посуда и ювелирные изделия из триалетско-кироваканских «царских» курганов. 55

Н. М. Виноградова. Земледельческие памятники Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы. 71

А. Н. Егорьков, А. Я. Щетенко. К вопросу о составе металла изделий эпохи бронзы и железа Южного Туркменистана. 95

А. К. Каспаров. Некоторые проблемы интерпретации костных материалов на примере археологических памятников Восточного Крыма. 102

М. В. Скржинская. Праздники Аполлона на Боспоре и в Ольвии. 107

В. И. Денисова. К боспорским монетам с пятиколонным храмом. 114

Е. В. Переводчикова, К. Б. Фирсов. Орнаментированный предмет из кургана Козёл: пережиточный гальштатский стиль в скифских царских курганах? 128

М. Ю. Трейстер. Ожерелье из Одесского Музея – малоизвестная находка из Ольвии или подделка? 138

Ю. Л. Дюков, Т. Н. Смекалова, А. В. Мельников, Н. М. Вечерухин. Исследование серебряных монет Александра Македонского из собрания Государственного Эрмитажа. 146

Ш. Ф. Курбанов. Тали Хамтуда. 156

Пьер Брун. Средневековые укрепления Султан-Кала (Мерв, Туркменистан): Раскоп 7 (Куртина 6 и башня 7, Цитадель, Северная стена). 174

И. Ф. Никитинский. Ранние земледельческие орудия бассейнов Ваги и Сухоны. 190

Е. М. Колпаков, В. А. Назаренко. Новый тип погребальных сооружений Приладожской курганной культуры. 196

А. В. Плохов. Уникальная литейная форма из Старой Ладоги 202

А. В. Курбатов. Кожаные предметы из раскопок на Рюриковом Городище в 2001–2002 гг. 218

К. А. Михайлов, Д. Д. Елшин. Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева. 226

А. А. Липатов. Этюд о разрушающейся штукатурке: материалы наблюдений над штукатурными растворами фасадов церкви в Тракумле (о. Готланд, Швеция). 233

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

С. А. Васильев. Древнейшие памятники Аляски: хронология, палеоэкология и культурное взаимодействие (к проблеме первоначального заселения Америки). 244

А. Е. Матюхин. Типология и технология двусторонних треугольных орудий из позднепалеолитических слоев Бирючьей балки 2. 257

Ст. А. Васильев. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие. 275

Э. Б. Вадецкая. Сибирские погребальные маски (предварительные итоги и задачи исследования). 298

Р. А. Сингатулин. Палеофонография: проблемы новых технологий. 324

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Методика исследования палеолита: микростратиграфия и хронология. Х. А. Амирханов. Зарайская стоянка. 243 с., 92 илл., 7 табл. 2000. РАН. Москва: Научный мир. (Рец. Г. П. Григорьева, Е. В. Булочниковой). 329

Новые данные о синташтинской культуре. Н. Б. Виноградов. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. 360 стр. 2003, Челябинск: Южноуральское книжное издательство. (Рец. В. М. Массона). 333

Украшения древних вьетов. Trònh Sinh, Nguyeãn Vaên Huyeãn. Trang söùc cuûa ngöôøi vieät coå. 154 p., 70 ill, 25 photo. 2001. Haø Noäi: Nhaø xuaát baûn vaên hoùa daân toäc. (Рец. В. А. Ветюкова). 335

Этно- и культурогенез эллинской народности бронзового и раннего железного веков, процесс становления цивилизации нового типа в архаической Греции. Ю. В. Андреев. От Евразии к Европе.Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.). 862 с., 250 илл., 5 вкл., библ.: С. 801–820. 2002. Санкт-Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин». (Рец. Н. С. Широковой). 341

Мех и кожа в раннесредневековой Европе. Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology. Edited by Esther Cameron. 105 p., 22 ill. 1998. London. (Рец. А. В. Курбатова, Т. С. Матехиной). 350

Ex Oriente Lux: возвращение христианской археологии. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). 499 с. 146 илл. LXXX табл. 2002. Москва: Наука. (Рец. А. Е. Мусина). 358

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

В. А. Мешкерис. Хроника зарубежной музыкальной археологии (лидирующая роль Международного общества – Study group on music archaeology of the International Council for Traditional Music [ICTM]). 366

ИСТОРИЯ НАУКИ

З. В. Ханутина. Неизвестные терракоты из собрания Генриха Шлимана в античном фонде Государственного музея истории религии. 369

М. В. Медведева. Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН). 379

В. И. Тимофеев. К юбилею Т. Д. Белановской. 387

Т. Д. Белановская. Светлой памяти Татьяны Сергеевны Пассек (15 августа 1903 г. – 4 августа 1968 г.) 389

ПЕРСОНАЛИИ

Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский. Слово об Учителе. 391

А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. Памяти профессора Игоря Васильевича Дубова. 394

ХРОНИКА

С. А. Кулаков. ИИМК РАН в 2001–2002 гг. 397

БИБЛИОГРАФИЯ

О. Н. Сажина, Р. Ш. Левина. Работы отечественных ученых, опубликованные в зарубежных изданиях (1941–1991 гг.) (окончание). 402

Л. Б. Кирчо, Л. М. Всевиов. Издания, подготовленные сотрудниками ИИМК РАН в 1998–2002 гг. 430

Н. В. Головачева. Содержание сборников «Археологические Вести» №№ 1–10. 432

CONTENTS

Our Jubilees: Galina F. Korobkova; Sergey N. Astakhov; Alexander N. Shcheglov; Valentin A. Galibin. 9

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

N. K. Anisyutkin, V. I. Timofeev. Stone Artefacts from the Cave of Tham Khuyen in the North of Vietnam. 13

A. I. Yudin. The site of Varfolomeevka – a Key Site of the Neolithic Orlovskaya Culture in the Steppe Volga Region. 23

I. S. Zhushchikhovskaya. Dynamics of Firing Technique in Ancient Pottery-making of Russian Far East (in the Context of Culture-Historical Process). 42

V. Nemeytsová-Pavuková (†). Results of New Excavations of Defensive Structures of the Lengyel Culture. 52

K. Kh. Kushnareva, M. B. Rysin. Ceremonial Tableware and Jewellery from Trialeti-Kirovokan 'Royal' Kurgans. 55

N. M. Vinogradova. Agricultural Sites of the Late Bronze Age Period in Southern Tajikistan. 71

A. N. Yegor'kov, A. Ya. Shchetenko. Chemical Composition of Bronze Age and Iron Age Metals from Southern Turkmenistan. 95

A. K. Kasparov. Some Problems of Interpretation of Faunal Remains as Shown by Archaeological Sites in the Eastern Crimea. 102

M. V. Skrzhinskaya. Festivals of Apollo in Bosporus and Olbia. 107

V. I. Denisova. Bosporan Coins with Five-columned Temple. 114

E. V. Perevodchikova, K. B. Firsov. Ornamented Object from the Kozel Barrow: Remnants of the Hallstatt Style in Scythian Royal Kurgans? 128

I. Yu. Treister. The Necklace from the Odessa Museum – a Little-known Find from Olbia or a Fake? 138

Yu. L. Dyukov, T. N. Smekalova, A. V. Mel'nikov, N. M. Vecherukhin. Studies of Silver Coins of Alexander of Macedon from the Collection of the State Hermitage. 146

Sh. F. Kurbanov. Tali Khamuda. 156

P. Brun. The Medieval Fortifications of Sultan Kala (Merv, Turkmenistan): Excavation 7 (Curtain C6 and Tower T7, Citadel, North Wall). 174

I. F. Nikitinskiy. Early Agricultural Tools from the Basins of the Vaga and Sukhona Rivers. 190

E. M. Kolpakov, V. A. Nazarenko. New Type of Funerary Structures of the Ladoga Barrow Culture. 196

A. V. Plokhov. A Unique Mould from Staraya Ladoga. 202

A. V. Kurbatov. Leather Finds from the Excavations of 2001–02 at Ryurik Gorodishche. 218

K. A. Mikhaylov, D. D. Elshin. New Archive Evidence on Archaeological Investigations in Ancient Kiev. 226

À. À. Lipatov. Essay on the Coatings under Destruction. Materials of the Investigation on Lime Coatings of the Church in Träkumla (Gotland, Sweden). 233

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

S. A. Vasil'ev. The Oldest Aleut Archaeological Sites: Chronology, Paleoecology and Culture Interaction (Concerning the Peopling of America) 244

A. E. Matyukhin. The typology and Technology of Bifacial Triangular Points from the Late Palaeolithic Layers at the Site of Biryuchya Balka 2. 257

St. A. Vasil'ev. Anan'ino Animal Style. The Origins, Basic Components and Development 275

E. B. Vadetskaya. Siberian Burial Masks (Tentative Results and Prospects of Studies). 298

R. A. Singatulin. Palaeophonography: Problems of New Technologies. 324

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

Methods of Studies of the Palaeolithic Evidence: Micro-Stratigraphy and Chronology. Kh. A. Amirkhanov. The Site of Zarayskaya. 243 p., 92 figs., 7 plates. 2000. RAS. Moscow: Nauchny Mir. (Rev. by G. P. Grigor'ev and E.V. Bulochnikova) 329

New Evidence on the Sintashtin Culture. N. B. Vinogradov. Bronze Age Cemetery of Krivoe Ozero in the Southern Trans-Urals. 360 p., 2003. Chelyabinsk: Yuzhnoural'skoe knizhnoe izdatel'stvo (Rev. by V. M. Masson) 333

Decorations of Ancient Viets. Trònh Sính, Nguyeãn Vaên Huyeân. Trang söùc cuûa ngöôøi vieät coå. 154 p., 70 ill, 25 photo. 2001. Haø Noäi: Nhaø xuaát baûn vaên hoùa daân toäc. (Rev. by V. A. Vetyukova) 335

Ethnic and cultural genesis of the Hellenic peoples of the Bronze and early Iron Age and the process of formation of a new civilization in Archaic Greece. Yu.V. Andreev. From Eurasia to Europe. Crete and the Aegean World in the Bronze and Early Iron Age (the 3rd – Early 1st Mil. B. C.). 862 p., 250 ill., 5 inserts., references: pp. 801–820. 2002. Saint-Petersburg: «Dmitriy Bulanin» publishing house (Rev. by N.S. Shirokova) 341

Leather and Fur in the Early Medieval Europe. Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology. Edited by Esther Cameron. 105 p., 22 ill. 1998. London. (Rev. by O.S. Matekhina and A.V. Kurbatov). 50

Ex Oriente Lux: the return of Christian archaeology. L.G. Khrushkova. Early Christian monuments in the Eastern Black Sea region (4th–7th centuries). 499 p. 146 ill., 80 plates. 2002. Moscow: Nauka. (Rev. by A. E. Musin) 358

THE EAST-WEST COOPERATION

A. A. Meshkeris. Chronicle of foreign music archaeology (the leading role of the international society – Study Group on Music Archaeology of the International Council for Traditional Music [ICTM]). 366

HISTORY OF SCIENCE

Z.V. Khanutina. Unknown Terracottas from Heinrich Schliemann's Collection in the Ancient Assemblage of the State Museum of the History of Religion. 369

M.V. Medvedeva. Petr Petrovich Pokryshkin and Problems of the Preservation of Architectural Sites (on the Basis of Materials from Archives of IIMK RAS). 379

V. I. Timofeev. T. D. Belanovskaya. 387

T. D. Belanovskaya. In Memory of Tatyana Sergeevna Passek (August 15, 1903 – August 4, 1968). 389

PERSONALIA

Yu. A. Vinogradov, V. A. Goroncharovskiy. About Teacher. 391

A. N. Kirpichnikov, V. N. Sedykh. In Memory of Prof. Igor Vasil'evich Dubov. 394

CHRONICLE

S. A. Kulakov. IIMK RAS in 2001–2002. 397

BIBLIOGRAPHY

O. N. Sazhina, R. Sh. Levina. Works of Soviet and Russian Scholars Published Abroad (1941–1991) (final part). 402

L. B. Kircho, L. M. Vseviov. Index of publications of 1998–2002 prepared by assistants of IIMK RAS. 430

N. V. Golovacheva. Bibliography: Archaeological News nos. 1–10. 432

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Редакция ежегодника «Археологические Вести» поздравляет с юбилейной датой нашу очаровательную Галину Федоровну Коробкову, уже многие годы возглавляющую Экспериментально-трасологическую лабораторию. Ведущий специалист в области экспериментальной трасологии, будучи ученицей основателя этого направления в науке С. А. Семенова, превратила лабораторию в центр, который признан как отечественными, так и зарубежными исследователями. Автор более 150 работ в том числе трех монографий, за годы своей плодотворной научной деятельности дала импульс к усовершенствованию методики трасологического анализа созданием эталонной коллекции экспериментальных образцов и разработкой макротрасологического подхода. Ею изучены материалы археологических памятников, расположенных практически на всех континентах мира – в Европе, Азии, Африке и Америке, и относящихся к различным хронологическим периодам от палеолита до средневековья.

Чуткая и отзывчивая, требовательная к себе и ученикам она воспитала целую плеяду талантливых специалистов, работающих в настоящее время в различных археологических центрах России и СНГ. Особое значение для престижа отечественной науки имеют проведенные под руководством Г. Ф. Коробковой международные трасологические школы.

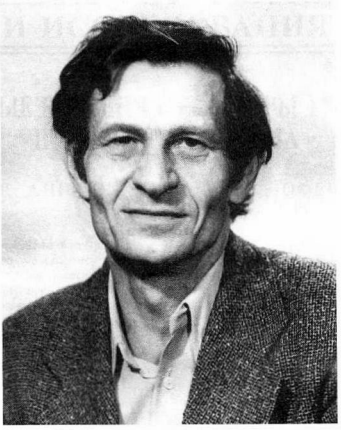
Неутомимая труженица Галина Федоровна встречает свой юбилей полная творческих сил и научных проектов. Мы желаем нашему юбиляру дальнейших успехов в развитии и распространении экспериментально-трасологического метода и всегда оставаться такой же энергичной, жизнерадостной, доброжелательной и обаятельной.

24 апреля 2003 г. исполнилось 70 лет ведущему научному сотруднику Отдела палеолита нашего Института, доктору исторических наук, и. о. заместителя директора по науке ИИМК РАН, заслуженному деятелю науки республики Тыва Сергею Никитичу Астахову. Сергей Никитич – один из крупнейших знатоков каменного века Сибири, Центральной и Восточной Азии.

Нет нужды говорить о научных заслугах Сергея Никитича, они известны всем археологам, занимающимся палеолитом. Благодаря его поискам, большая область, лежащая в самом сердце Азиатского материка, обрела свою древнейшую историю. В итоге долгих трудов: десятки первоклассных памятников, открытие следов ашельской и мустьерской эпох в Туве, раскопанные в Саянском каньоне Енисея многослойные верхнепалеолитические стоянки. Перу С. Н. Астахова принадлежат более 60 печатных работ, в том числе монографические труды «Палеолит Тувы», «Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске», «Древний палеолит Японии», и большие разделы в книгах «Палеолит Енисея» и «История Тувы».

От своего учителя, Алексея Павловича Окладникова, Сергей Никитич унаследовал масштабность научных интересов, умение видеть проблемы развития древней культуры, не замыкаясь в узких региональных рамках. Отсюда ясен его давний интерес к палеолиту Востока Азии. Пути его поездок пролегли в Монголию, Непал, на Японские острова. В самое последнее время Сергей Никитич с энтузиазмом, которому могут позавидовать многие молодые сотрудники института, взялся за исследование древностей Крайнего Севера.

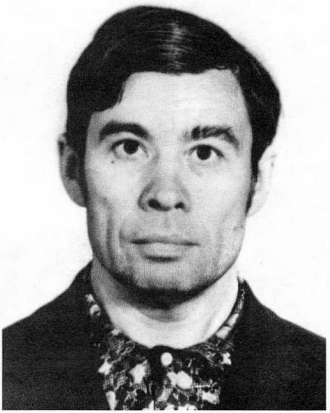
Увлекающийся человек, большой любитель природы, страстный охотник и рыболов, мастер на все руки, с легкостью управляющийся с моторной лодкой и экспедиционным грузовиком, Сергей Никитич встречает свой юбилей в расцвете сил. Пожелаем юбиляру с той же энергией трудиться над изучением следов древнейших обитателей мало исследованных районов России.



17 октября 2003 г. исполнилось 70 лет старшему научному сотруднику Отдела истории античной культуры ИИМК РАН Александру Николаевичу Щеглову. Мы поздравляем этого яркого ученого, веселого, остроумного, отзывчивого и мягкого человека, прекрасного собеседника и рассказчика. Его путь в науку был не прост и тернист, как у многих его сверстников. Уроженец Великих Лук, в детстве он пережил все ужасы войны и эвакуацию. В 1949 г. с матерью переехал в Херсон, где впервые познакомился с работой археологов в составе Буго-Днепровской экспедиции. У людей одаренных любые условия жизни не препятствуют творческому развитию. Даже во время срочной службы в армии А. Н. Щеглову удавалось работать в Ялтинской археологической экспедиции. Свою профессиональную деятельность Александр Николаевич начинал сотрудником Херсонесского историко-археологического музея, а в 1968 г. как уже сложившийся исследователь был приглашен на работу в группу Античной археологии ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). Как ученого археолога А. Н. Щеглова отличает скрупулезность полевых изысканий и комплексный творческий подход к исследованию памятника. Не случайно многолетние раскопки греческого поселения и могильника Панское I на мысе Тарханкут на уровне современной методики признаны эталонными. Здесь во всем блеске и объеме проявился талант полевого исследователя-универсала. Отработанные Александром Николаевичем новые методы раскопок и обработки материалов в настоящее время восприняты многими античными экспедициями. Результаты работ на Панском отражены в многочисленных публикациях, в том числе в фундаментальном монографическом исследовании, первый том которого вышел в Дании в 2002 г.

Невозможно не испытывать глубокого и искреннего чувства уважения к этому человеку, не восхищаться его увлеченностью и преданностью своему делу. В нем органически сочетается талант археолога-практика и преподавателя. В течение нескольких десятилетий он учит студентов на кафедре археологии Петербургского университета. За эти годы А. Н. Щеглов воспитал плеяду прекрасных ученых-исследователей.

От всей души мы желаем Александру Николаевичу долгих лет бодрости, крепкого здоровья, неутомимого интереса к жизни, новых успехов и достижений, талантливых учеников и последователей.



19 апреля 2003 г. исполнилось 70 лет кандидату химических наук Валентину Александровичу Галибину. Придя в ЛОИА в 1978 году уже сложившимся исследователем-аналитиком, он вскоре сосредоточил в своих руках всю работу по совершенствованию спектрального анализа археологических объектов. Если анализ меди и ее сплавов к этому времени был достаточно разработан, то количественный анализ стекла и ему подобных материалов необходимо было создавать. Выведение спектрального анализа стекла в ИИМК на высокий профессиональный уровень, в результате чего число заказов далеко превысило объем анализов в какой-либо другой организации СНГ, – всецело заслуга В. А. Галибина. Достигнутый высокий уровень спектрального анализа в институте принес В. А. Галибину заслуженную известность в стране, подтверждаемую уже и тем, что заказы к нему потекли и от его научных оппонентов. Проделанную при этом работу невозможно переоценить: потребовалось выполнить громадное число анализов модельных смесей, а затем подобрать спектральные эталоны из исторических и современных стекол, предназначенные именно для анализа археологического материала. Без этих эталонов работа по анализу некоторых видов стекла (например, древнерусского) в части обязательно определяемых элементов оказалась бы невозможной. Сосредоточив свой интерес на изучении состава древнего стекла, за время работы в институте В. А. Галибин выполнил свыше 10 тыс. анализов стекла и родственных ему материалов, причем без отрыва от работы по анализу других материалов, прежде всего металла.

Работа В. А. Галибина по составу древнего стекла получила обобщение в недавно вышедшей книге «Состав стекла как археологический источник». Эта монография, построенная на анализе свыше 2 тыс. образцов, была долго ожидаема всеми исследователями древнего стекла и нет никакого сомнения, что она долгие годы будет оставаться для них настольной книгой.

В. А. Галибин постоянно делится своим опытом с молодыми исследователями, охотно консультирует и опытных. Знаток нескольких языков, В. А. Галибин осуществляет и переводческую деятельность. В его жизни есть и другие увлечения: выполненные им с удивительным искусством модели древнерусских церквей вызывают закономерное восхищение.

От всей души желаем юбиляру крепкого здоровья и долгих лет жизни, желаем находить радость в своих увлечениях и удовлетворение от сознания того, что в лаборатории спектрального анализа ИИМК РАН активно продолжается получившая толчок при Валентине Александровиче аналитическая работа: семена упали на уже возделанную почву.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПЕЩЕРЫ ТХАМКУЭН НА СЕВЕРЕ ВЬЕТНАМА

Н. К. АНИСЮТКИН, В. И. ТИМОФЕЕВ[1]

В конце 1984 и начале 1985 года авторы данной статьи находились во Вьетнаме в научной командировке, во время которой удалось посетить ряд важных памятников каменного века, расположенных на севере и юге страны, ознакомиться с их топографией, геоморфологией и стратиграфией, методикой раскопок, изучить археологические материалы. В одной из таких поездок по северной части Вьетнама, в провинции Лангшон, нас ознакомили с пещерами, в которых ранее были сделаны интересные антропологические и палеонтологические находки. В пещере Тхамкуен, расположенной в северной провинции Лонгшон, удалось обнаружить выразительные каменные изделия, которые могли происходить из отложений среднего плейстоцена. После дополнительных исследований мы собирались подготовить совместную публикацию этих материалов, но, к сожалению, соответствующие работы не были проведены, и нам, по прошествии некоторого времени, пришлось готовить публикацию самостоятельно, используя свои дневниковые данные, рисунки и описания найденных каменных изделий. Первостепенное значение имело знакомство с материалами по каменному веку, которые были добыты вьетнамскими коллегами в течение ряда лет их продуктивных археологических изысканий. Особо важно то, что нам удалось изучить коллекции таких самобытных культур каменного века как Шонви и Хоабинькой, включая, в частности, материалы эталонных памятников – Намтуи, Сом Чай, Миой, которые хранятся в Институте археологии Комитета общественных наук Вьетнама (КОН) и государственном историческом музее (г. Ханой). Пользуемся случаем выразить искреннюю признательность и благодарность за помощь и консультации вьетнамским товарищам и коллегам – сотрудникам Института археологии КОН Социалистической республики Вьетнам профессору Хоан Суан Тиню, Чи Ван Тану, Нгуен Ван Ши, Нгуен Ван Хао, Фам Ли Хыонг и музейным работникам – директору музея профессору Ли Чень Тю и научному сотруднику Куанг Ван Каю[2].

Введение. *В изучении первобытной археологии* Вьетнама особое место принадлежит пещерам с обломками костей плейстоценовых животных (рис. 1), которые начали изучаться с 1964 года группой немецких и вьетнамских ученых под руководством известного палеонтолога Х. Д. Кальке (Kahlke 1967: 113–119). Далее самостоятельные раскопки пещер были продолжены вьетнамскими исследователями в 1965 году.

В обобщающей публикации вьетнамских исследователей «Палеонтологические и палеоантропологические исследования за 10 лет», вышедшей в 1976 году, названо 36 местонахождений (Le Trung Kha 1976: 9–16). И только в нескольких из этих пещер обнаружены кости ископаемых животных, которые датируются средним плейстоценом. Среди них особо следует упомянуть важные антропологические находки, включая зубы архантропа близкого синантропу (Homo erectus).

Очень важные открытия были сделаны в двух пещерах у села Тан Ван уезда Бинья провинции Лонгшон. Первый моляр архантропа морфологически близкого синантропу найден в пещере Тхамхай еще в 1964 году (Урысон 1966: 144), а в расположенной рядом пещере Тхамкуэн, но уже в следующем году, обнаружено 9 зубов архантропа (Nguyen Lan Cuong 1985: 99). Однако, это были только костеносные пещеры без находок каменных изделий палеолитического времени.

В остальных пещерах выявлены кости только современных людей-неоантропов. Исключением, как будто, является пещера Тхамом с остатками человека, сочетающего признаки как синантропа, так и неоантропа. Отдельные каменные изделия найдены только в пещерах Кеоленг и Тхамом (данные получены из доклада палеонтолога Ле Чунг Ха, прочитанного им в Хошимине 6 декабря 1984 года в Отделе археологии КОН, и публикации на немецком языке: Nguyen Lan Cuong 1985: 100).

В настоящее время все пещеры с остатками фауны и каменными орудиями относятся к позднему

[1] Н. К. Анисюткин, В. И. Тимофеев. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

[2] Основные положения статьи изложены в докладе авторов (Анисюткин, Тимофеев 2001), прочитанном на юбилейной сессии ИИМК РАН 2001 года, посвященной 90-летию проф. П. И. Борисковского.

© Н. К. Анисюткин, В. И. Тимофеев, 2004

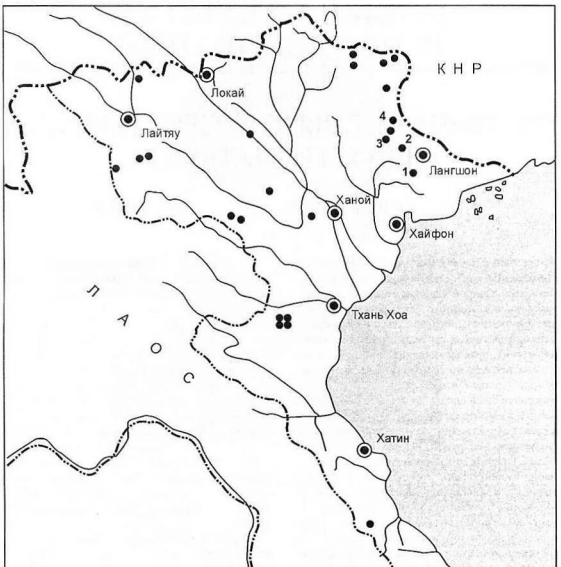


Рис. 1. Карта пещер северной части Вьетнама с палеонтологическими находками (отмечены жирными точками): 1 – Нанонг, 2 – Файве, 3 – Тхамхай и Тхамкуэн, 4 – Кеоленг.

Fig. 1. Map of the caves with palaeontological finds (marked with bold points) in the northern part of Vietnam: 1 – Nanong, 2 – Faiwe, 3 – Tham Hai and Tham Khuyen, 4 – Keo Leng.

плейстоцену, соответствуя верхнему палеолиту или культуре Шонви вьетнамских ученых (Нгуен Кхак Ши 1982). Ранний палеолит, синхронный раннему и среднему плейстоцену, представлен сегодня только подъемным материалом (Борисковский 1966).

Поэтому значительный интерес для исследователей палеолита может представить небольшая коллекция каменных изделий, обнаруженных нами совместно с вьетнамскими коллегами в декабре 1984 года в пещере Тхамкуэн у села Тан Ван, которую вероятно можно привязать к плейстоценовым отложениям с остатками ископаемой фауны и зубов архантропов.

Описание условий нахождения каменных изделий. Обе пещеры, расстояние между которыми составляет всего около 20 м, выявлены в мощном известняковом массиве. В нижней из них, известной под названием Тхамкуэн, и были найдены каменные изделия древнего человека. Высота этой пещеры над современным уровнем рисовых полей достигает 23,5 м (Nguyen Lan Cuong 1971: 8). Данные карстовые полости не уходят глубоко, а представляют несколько камер, связанных небольшими коридорами. Верхняя пещера (Тхамхай) выше нижней на 5 м. На стенке одной из камер сохранилась цветная разметка в виде квадратной сетки. В пещере Тхамхай, как уже отмечалось выше, проводили раскопки палеонтологи из ГДР еще в 1964 году. В нижней пещере (Тхамкуэн) выявлены только нулевые отметки. Здесь было две камеры, соединенные коридором, скальная поверхность которого наклонена в сторону входа.

Каменные изделия обнаружены в верхней камере площадью около 60 кв. м. Они встречены в куче щебня, представляющего из себя отвал прежних палеонтологических раскопок. Эти отвалы были рас-

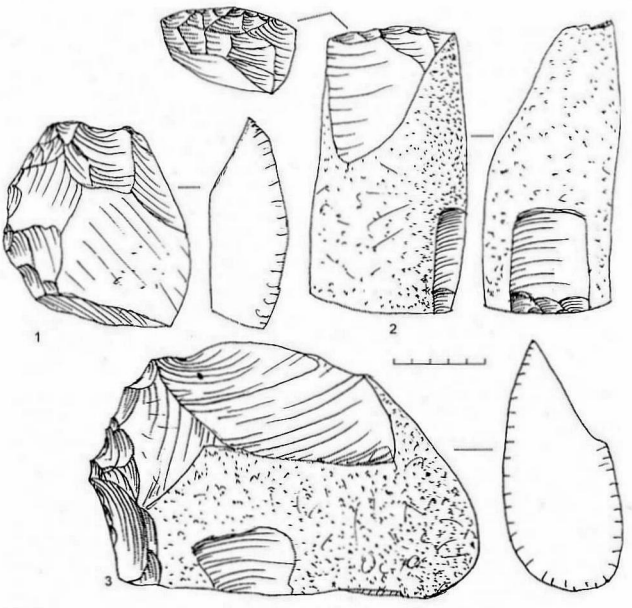


Рис. 2. Чопперы из пещеры Тхамкуэн: 1, 2 – боковые; 2 – концевой (все имеют красноцветные примазки).

Fig. 2. Choppers from the cave of Tham Khuyen: 1, 2 – lateral; 2 – of the end-type.

положены в центре и отчасти непосредственно у стены. Скорее всего щебень и камни (включая гальки) были извлечены непосредственно из четвертичных отложений, где они находились в одном слое вместе с обломками костей ископаемых животных. На наличие значительного количества камней в среднеплейстоценовых отложениях указывали вьетнамские ученые, проводившие здесь раскопки в 1965 году (Nguyen Lan Cuong 1985: 98).

В верхней пещере Тхамхай было установлено два слоя, относящихся к среднему плейстоцену. В нижнем из них, выявленном на стене пещеры, найден моляр архантропа. В голоценовом слое обнаружены каменные изделия позднего времени, отнесенные вьетнамскими исследователями к бакшонской неолитической культуре. Из образцов раковин, происходящих из этого слоя, с глубины 20 см от современной поверхности, получены 2 радиоуглеродных даты (9705 ±80 и 9645 ±70 лет тому назад, Bln-1002, I–II).

К сожалению, из публикаций не удалось выяснить подлинной стратиграфической колонки: были ли отложения распространены по всей пещере или они сохранились только на стенах? По сообщению местных жителей, принимавших ранее участие в раскопках, подлинные отложения сохранялись, если иметь в виду пещеру Тхамкуэн, только на стенах. Таким образом четвертичные отложения обнаруживались во многих пещерах Вьетнама, о чем сообщалось в научных публикациях (Kahlke 1967: 115–117).

Нижняя пещера Тхамкуэн изучалась, как уже указывалось выше, вьетнамскими палеонтологами во второй половине 1965 года. По их описаниям кости ископаемых животных происходили из суглинистых отложений темно- и светло-красных цветов с боль-

шим количеством достаточно крупных обломков камней. Первоначально предполагалось, что отложения в пещере связаны со средним и верхним плейстоценом, однако на основе данных палинологического и петрографического анализов удалось, как утверждают вьетнамские ученые, доказать одновременность слоев: они отложились в конце среднего плейстоцена, соответствуя миндель-риссу Европы (Nguyen Lan Cuong 1985: 98–100). В темно-красном слое были найдены 3 моляра и 1 резец верхней челюсти, а также 3 моляра и 1 клык нижней челюсти архантропа, сопровождаемые многочисленными обломками костей орангутанов (Pongo), слонов-стегодонов (Stegodon insignis), панд (Ailuropoda), носорогов, макак, тапиров и оленей, принадлежащих 30 семействам и 32 родам. Особый интерес представили, как отмечали вьетнамские палеонтологи, находки 3 зубов гигантопитеков (Gigantopithecus), остатки которых были ранее известны только из более древних отложений Китая и Пакистана. Совместные находки зубов Homo erectus и Gigantopithecus указывают на их сосуществование на территории современного Вьетнама даже в конце среднего плейстоцена.

Важно указать на то, что среднеплейстоценовые отложения из пещеры Тхамкуэн отчетливо отличаются от верхнеплейстоценовых отложений пещеры Кеолен; которая удалена от рассматриваемых объектов всего на 3 км. Последние имеют светло-желтый цвет и меньшую плотность (Nguyen Lan Cuong 1971: 8; 1985: 100).

Каменные изделия, обнаруженные в пещере Тхамкуэн, изготовлены из уплощенных галек изверженных пород (порфирит, базальт) серого и коричневого цветов. Поверхность изделий покрыта слабовыраженной патиной со следами коррозии. На некоторых из них прослеживаются участки с известковистыми натеками, а в фасетках и в норах слабовыветрелой поверхности выявляются сохранившиеся частицы сулинка красного цвета. Эти предметы извлекались обычно непосредственно из отвалов, в то время как поднятые с поверхности были лишены натеков и красноватых примазок.

Только три изделия найдены в пределах входовой (то есть нижней) камеры пещеры. Они сделаны из галек светло-коричневого и зеленовато-коричневого цветов. Данное сырье типично для культуры Шонви, а найденные предметы, как указали вьетнамские археологи, аналогичны формам данной культурной традиции. Они рассматривались как поздняя примесь и были исключены из коллекции. Все изделия основной коллекции происходят только из верхней камеры.

Прежде чем приступить к описанию основной коллекции каменных изделий из пещеры Тхамкуэн, остановимся на некоторых особенностях нахождения археологического материала. Напомним еще раз, все каменные изделия происходят из верхней камеры, которая хорошо освещена через большое отверстие. Последнее не было входом в пещеру по той причине, что горизонтальный скальный «пол» круто обрывается вниз почти вертикальной скалой. Освобожденная от отложений поверхность была глыбообразной, неровной. В центре камеры прослеживается значительный скальный выступ. Каменные изделия найдены на поверхности, но многие из них извлечены из кучи, состоящей из вьетнакового щебня, обломков камней, включая гальки. Несмотря на тщательный осмотр поверхности и стен пещеры, какие-либо пещерные отложения не были обнаружены.

Очевидно здесь мы имеем дело с такой сохранностью отложений, о которой писал немецкий палеонтолог Кальке, указавший на то, что в раскапываемых им пещерах северной части Вьетнама плейстоценовые отложения были уничтожены поздней эрозией, связанной с наступившим в начале голоцена значительным увлажнением климата, и сохранялись, как правило, только на стенах пещер, в то время как на поверхности пола вновь образовывались отложения уже только голоценового времени (Kahlke 1967: 116–117). Видимо, таким образом сохранялись отложения и в пещере Тхамкуэн.

Описание каменных изделий. В основной коллекции каменных изделий имеется 37 предметов, в их числе 16 орудий, включая 10 чопперов, 17 отщепов, 3 обломка и 1 осколок со следами раскалывания. Нуклеусы не обнаружены. Изделия не окатаны и сохраняют острые грани.

Отщепы имеют преимущественно средние размеры, варьирующие в пределах 50–70 мм. По одному представлены крупный отщеп (более 70 мм) и мелкий (менее 50 мм). Лишь у трех отщепов спинка лишена корочного покрытия. Остальные являются либо первичными (спинка сплошь покрыта коркой), либо полупервичными. У всех ударные площадки гладкие и скошенные, преимущественно сохраняющие поверхность с галечной коркой. Это указывает на то, что они сняты или с чопперов, или с неподготовленных ядриш. Большинство отщепов имеют укороченные пропорции и значительную массивность сечений. Только 3 отщепа характеризуются удлиненными пропорциями и тонкими сечениями (в их числе 2 первичных и 1 полупервичный). Они могут быть интерпретированы как сколы оббивки чопперов или начальной стадии обработки грубых бифасов. Для них характерны тонкие (линейные) ударные площадки, которые указывают на то, что удары были нанесены по самой кромке галек (рис. 3: 2, 5, 6). Выразительных стандартных сколов-заготовок не обнаружено. Только один отщеп может быть отнесен к левалуазским. Он имеет подпрямоугольную и слабо удлиненную форму, относительно тонкое поперечное сечение и небольшую, слегка скошенную (гладкую) ударную площадку. Спинка сложена негативами конвергентных снятий, а в фасетках сохранились частички красного сулинка (рис. 3: 8). Для изготовления орудий весьма широко использовались гальки, которые нередко раскалывались вдоль их длинной оси. Иногда применялись обломки галек, но были ли они намеренно фрагментированы – неясно.

В целом, отщепы указывают на весьма примитивную технику первичного раскалывания камня. Они имеют случайную форму и получены с неподготовленных ядриш и чопперов.

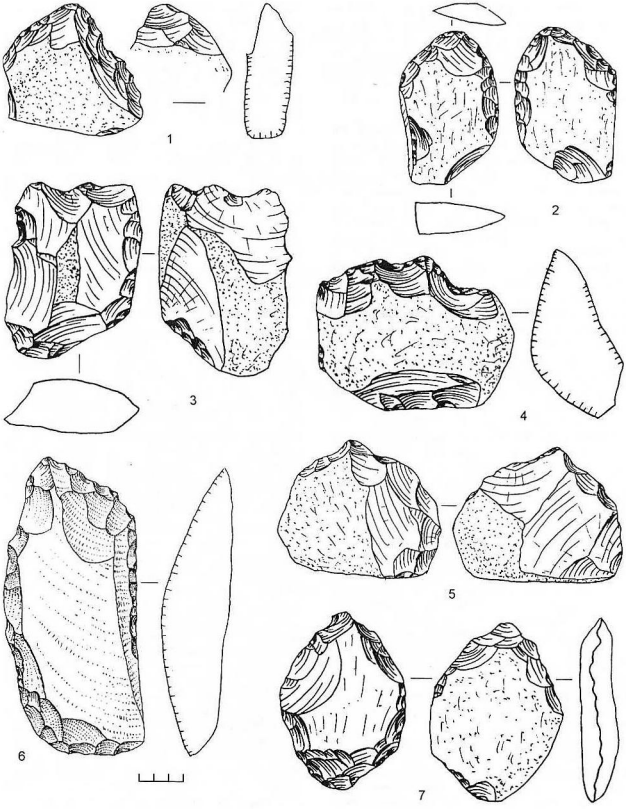


Рис. 3. Галечные орудия из пещеры Тхамкуэн. 1, 4 – чопперы с острыми концами; 2 – keilmesser; 3 – орудие с поперечным рабочим краем; 5, 7 – остроконечные бифасы; 6 – орудие типа «пик».

Fig. 3. Pebble tools from the cave of Tham Khuyen. 1, 4 – choppers with acute ends; 2 – keilmesser; 3 – tool with transversal working edge; 5, 7 – pointed bifaces; 6 – tool of the 'pick' type.

В основе вторичной обработки лежат оббивка и грубая ретушь, которые, встречаясь на одном и том же орудии, с трудом отделяются друг от друга. Применявшаяся ретушь была часто нерегулярной мелкой крутой и полукрутой, реже зубчатой. В одном случае прослежена типичная для среднего палеолита уплощенная однорядная ретушь, близкая субпараллельной. В двух случаях отмечена подтеска.

Основу коллекции составляют галечные орудия. Они обработаны преимущественно с одной стороны. Из двустороннеобработанных орудий наибольшее внимание следует обратить на два предмета с выделенными оббивкой и ретушью острыми концами, которые по форме напоминают ручные рубила. Первое изделие на плоской гальке по основным пропорциям можно сопоставить с овальными рубилами (рис. 4: 7). Обе плоскости частично обработаны при помощи оббивки и слабо уплощенной ретуши, что указывает на изготовление бифаса без применения «мягкого» отбойника из кости, рога или дерева. Второе атипичное рубило сделано на более массивной гальке и имеет более грубую вторичную обработку (рис. 4: 5). Обе плоскости также оформлены лишь частично. Имеется так называемая «пятка», сохранившая поверхность гальки. Эта форма занимает как бы промежуточное положение между остроконечными чопперами с двусторонней оббивкой и грубыми ручными рубилами.

Обратим особое внимание на орудие с двусторонней обработкой, в качестве заготовки которого использована крупная плоская галька. «Дореальная» поверхность оформлена сочетанием крупных снятий в виде оббивки и ретуши, которые распространялись вдоль боковых краев. Верхний поперечный широкий конец, который наиболее тщательно выделен, образован фасетками двух крупных снятий, а скошенный нижний – широким и плоским сколом в сочетании с частичной ретушью. Вентральная плоскость сохраняет значительный участок корочного покрытия и два направленных друг к другу широких и относительно глубоких снятия с фасетками ретуши вдоль скошенного конца (рис. 4: 3). Вероятно, этот предмет, который близко напоминает по форме и обработке два «кливера» из 5 (нижнего) слоя раннепалеолитической пещеры Сельунгур в Центральной Азии (Анциферов, Исламов, Крахмаль 2000: 16), можно рассматривать в качестве рубящего орудия. Оба орудия изготовлены по одной и той же модели: 1) в качестве заготовок применялись крупные, уплощенные и удлиненные гальки, 2) обе боковые стороны были обработаны полукрутой ретушью или оббивкой, 3) расширенные поперечные (порой скошенные) концы оформлены уплощенными и широкими снятиями, создавая удобные для рубки топоровидные лезвия. В фасетках данного предмета вновь отчетливо прослеживаются красноцветные примазки и слабый известковистый натек.

Вызывает интерес бифас на обломке плоской гальки (рис. 4: 2), который по форме аналогичен типичным для среднего палеолита Центральной Европы бифасиальным ножам типа Keilmesser (Bosinski 1967). Существенное отличие данной формы от европейских заключается в том, что здесь мы имеем дело с частично двусторонней обработкой. Это выразительное орудие, имеющее естественный обушок и обоюдоострый верхний конец, представляет из себя яркий пример конвергенции, указывая на то, что аналогичные формы орудий могут независимо возникать в разных концах палеолитической ойкумены. Орудие найдено на полу пещеры и не имеет красноцветных примазок.

Чопперы обработаны чаще всего с одной стороны. Почти все они боковые или продольные и только один относится к концевым с крутым рабочим краем и следами употребления противоположного нижнего конца в качестве отбойника (рис. 2: 2). Два боковых чоппера, которые извлечены из кучи щебня, имеют следы известковистых натеков и красноцветных примазок (рис. 2: 1, 3). Можно выделить также два остроконечных чоппера, один из них с конвергентно обработанными рабочими краями и следами подправки конца (рис. 4: 1).

Среди орудий на отщепах прежде всего выделяется поперечное скребло, изготовленное на укороченном отщепе. Полукрутой рабочий край обработан однорядной краевой и уплощенной ретушью. На брюшке имеется несколько фасеток ретуши и плоские двусторонние снятия, которые позволяют видеть здесь комбинированное орудие, сочетающее скребло и долотовидную форму. Этот предмет сохраняет следы красного суглинка и может быть условно отнесен к «красноцветному комплексу» (рис. 3: 9), выделение которого вряд ли обосновано.

Два крупных первичных отщепа имеют оббивку поперечных краев крупными снятиями, которые в одном случае нанесены со спинки, а в другом со стороны брюшка (рис. 3: 7). Один укороченный по оси скалывания отщеп оббивки, имеющий плоское сечение и едва заметную динейную площадку, может быть описан как клювовидное орудие, острый конец которого выделен смежными выемками, обработанными полукрутой ретушью (рис. 3: 10).

Обращает на себя внимание очень крупное орудие (201 x 93 мм) на расколотой вдоль длинной оси удлиненной гальке (рис. 4: 6). Подобные формы заготовок, которые были в свое время описаны А. П. Окладниковым (Окладников 1982: 26), широко распространены в каменном веке Азии. Орудие имеет заостренный ретушью верхний конец и оббито почти по всей полуокружности фасетками разновеликих снятий, в которых прослеживаются частицы красноватой породы. Наиболее тщательно выделен верхний конец. Левый край орудия весьма интенсивно обработан и заглажен, хотя все остальные края имеют острые грани. Этот предмет напоминает пики культуры Шонви, которые отличаются от описанного нами более тщательной обработкой и симметричной формой (На Huu Nga 1982: 13).

В целом, рассматриваемая коллекция относится к типично галечным индустриям с весьма примитивной техникой первичного раскалывания, что, впрочем, свойственно и культуре Шонви. В частности, в коллекции пещеры Намтун, которая относится к ран-

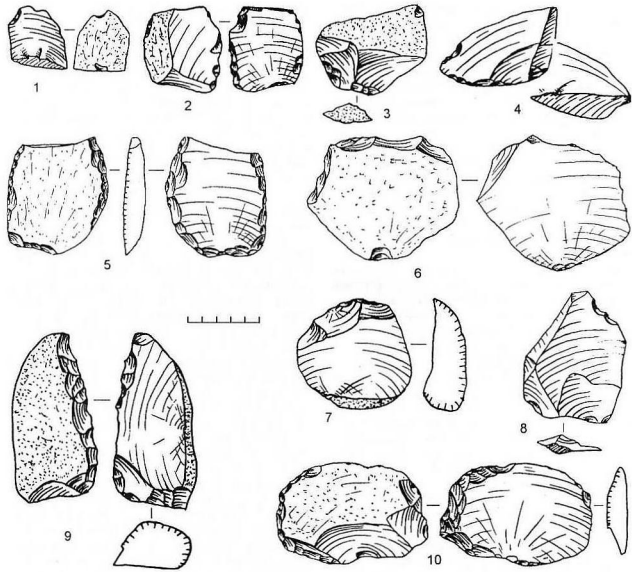


Рис. 4. Отщепы и орудия из них: 1, 3 – отщепы; 2, 6 – зубчатые орудия; 4, 5, 8 – отщепы с ретушью (8 – леваллуа); 7 – скребловидное орудие; 9 – скребло.

Fig. 4. Flakes and tools made on flakes: 1, 3 – flakes; 2, 6 – denticulate tools; 4, 5, 8 – retouched flakes (8 – Levallois); 7 – tool resembling a side-scraper; 9 – side-scraper.

нему этапу развития А вьетнамских ученых (Нгуен Кхак Ши 1982: 9), также почти нет типичных нуклеусов, а пластины редки и невыразительны. Показательно, что как и в нашей коллекции, заметно абсолютное преобладание отщепов с гладкими и скошенными ударными площадками, покрытыми галечной коркой. В пещере Намтун таких площадок 90,8% от всех сколов с сохранившимися ударными площадками. Правда, если учесть то обстоятельство, что техника раскалывания в индустриях позднего плейстоцена с территории Вьетнама весьма примитивна и не отличается от раннепалеолитической, то подобные показатели техники недостаточно убедительны. Как нам кажется, более показательны типологические сопоставления.

Каменные орудия, включая галечные формы, рассматриваются в статье без подразделения на какие-либо комплексы, хотя выделение «красноцветного комплекса» с сохранившимися частицами красноватого суглинка вполне возможно, но вряд ли целесообразно по причине разной сохранности поверхности предметов: все зафиксированные изделия без известковистых натеков и красноцветных примазок найдены на поверхности, а поэтому плоскости их могли подвергаться наиболее значительному воздействию позднейших эрозионных процессов.

Галечные орудия в основном представлены чоперами, которые имеют средние и крупные размеры, варьирующие в пределах 70–140 мм, и относятся к категории боковых по классификации М. Лики (Leakey 1971). Исключением является, как уже отмечалось, один концевой чоппер на удлиненной гальке. Двустороннеобработанные орудия имеют преимущественно остроконечные бифасиальные формы, отли-

чающиеся от подлинных ашельских рубил нерегулярностью и грубостью вторичной обработки, отсутствием плоской ретуши. Один бифас напоминает даже центральноевропейский Keilmesser.

Сравнение пещерной коллекции каменных изделий с коллекциями культур Шонви и Хоабиньской. Подобного сочетания галечных орудий нет в культуре Шонви ни на раннем этапе, ни на позднем. В последней существуют весьма специализированные галечные формы, включая своеобразные унифасы, которые обработаны с одной стороны сплошной и распространенной ретушью, но единичны чопперы с односторонней оббивкой. К тому же, в Шонви нет ни одного остроконечного бифаса, который бы напоминал формы из пещеры Тхамкуэн. В культуре Шонви отсутствуют поперечные скребла с естественными обушками и подтеской, нет и аналогичных клювовидных орудий, но представлены, хотя и в небольшом числе, выразительные скребки, проколки и резцевидные формы на отщепах, которые не обнаружены в пещере Тхамкуэн.

Более заметно отличаются анализируемые нами материалы от коллекций хоабиньской мезолитической культуры, в которой можно встретить редкие орудия на отщепах, гальки с оббивкой по краям, орудия, напоминающие «ручные рубила». Обращавший на них внимание П. И. Борисковский отмечал, что настоящие палеолитические ручные рубила существенно отличаются от хоабиньских (Борисковский 1966: 26). К числу типичных для хоабиньских комплексов относятся такие особые формы как многочисленные «сумматролиты», «короткие топоры», а также более редкие скребловидные орудия, «диски» и так называемые «бакшонские топоры» из галек с подшлифованным лезвием. Следует отметить, что вторичная обработка хоабиньских орудий отличается от более грубой оббивки и ретуши, которая применялась в комплексе Тхамкуэн, большей тщательностью, регулярностью фасеток, нередко удлиненных и параллельных. Вторичная обработка Тхамкуэн более груба и примитивна. Еще в большей степени заметно отличие от инвентаря бакшонской неолитической культуры, для которой характерно широкое распространение шлифованных орудий.

Общие выводы. Итак, изученная нами коллекция отличается по сумме технико-типологических признаков от многочисленных голоценовых и финальноплейстоценовых комплексов Вьетнама. Каменная индустрия пещеры Тхамкуэн вполне вписывается в круг раннепалеолитических памятников Азии, для которых обычен высокий процент галечных орудий, и вполне может быть современной палеонтологическим находкам из среднеплейстоценовых отложений. Данное предположение подтверждается прежде всего тем, что как археологические, так и палеонтологические находки связаны только с красноцветными отложениями, следы которых отмечены на поверхностях многих каменных изделий, выявленных нами в пещере Тхамкуэн. Именно в этих отложениях найдена фауна среднеплейстоценового времени, включая зубы ископаемых людей.

В этом плане важно указать, что несмотря на небольшие размеры коллекции, речь идет о специфической галечной индустрии со своеобразными бифасами, которые отличаются от подлинных ашельских рубил характером вторичной обработки. Последние, также грубо оформленные, известны в качестве подъемных находок на территории Вьетнама, оставаясь неопределимыми во времени (Борисковский 1966; Анисюткин 1992: 12–13). И тем не менее, эти факты, ныне подкрепленные коллекцией из пещеры Тхамкуэн, дают возможность для подтверждения особого пути развития раннепалеолитической культуры на территории (как минимум) Юго-Восточной Азии, галечной в основе, но сопровождаемой морфологически несвойственными «западной зоне» (по Х. Мовиусу) малочисленными формами атипичных рубил и кливеров, на что ранее обращали внимание некоторые исследователи азиатского палеолита (Вишняцкий 1996: 163). Сходная галечная индустрия с атипичными рубилами и кливерами, но с представительной коллекцией каменных орудий, происходит из пещеры Сельунгур в Центральной Азии (Анисюткин, Исламов, Крахмаль 2000: 18–19). Из чего следует, как можно предполагать на основе современных данных, что так называемая «восточная зона» развития азиатского палеолита, несмотря на присутствие в ряде региональных индустрий отдельных «ашельских» элементов, сохраняла свою специфику на огромной территории Восточной (Абрамова 1994; Zhang Senshui 1985), Центральной и Юго-Восточной Азии в течение всего каменного века.

Абрамова, З. А. 1994. Палеолит Северного Китая // Палеолит Центральной и Восточной Азии. Палеолит мира IV: 63–135. Санкт-Петербург: Наука.

Анисюткин, Н. К. 1992. Находки ручных рубил на территории Вьетнама // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки: 5–13. Новосибирск: Наука.

Анисюткин, Н. К., У. И. Исламов, К. А. Крахмаль. 2000. Кливеры раннепалеолитической стоянки Сельунгур в Средней Азии // Археологические Вести 7: 12–19. Санкт-Петербург.

Анисюткин, Н. К., В. И. Тимофеев. 2001. Некоторые проблемы каменного века Вьетнама. Тезисы докладов // Каменный век Старого Света: 13–15. Санкт-Петербург.

Борисковский, П. И. 1966. Первобытное прошлое Вьетнама. Москва-Ленинград: Наука.

Вишняцкий, Л. Б. 1996. Палеолит Средней Азии и Казахстана. Санкт-Петербург: Европейский дом.

Нгуен Кхак Ши. 1982. Культура Шонви и ее место в каменном веке Юго-Восточной Азии // Советская археология 3: 5–12. Москва.

Окладников, А. П. 1982. Открытие Сибири. Новосибирск.

Урысон, М. И. 1966. Новые находки костных остатков ископаемых гоминид в Юго-Восточной Азии.// Вопросы антропологии 24: 143–144. Москва: Наука.

Bosinski, G. 1967. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta A, 4. Köln-Graz.

Ha Hun Nga. 1982. Stone axe from Sonvian culture to Bacsonian culture // Khao Co Hac (*Archaeology*) 1: 13–17. Hanoi.

Kahlke, H.-D. 1967. Ausgrabungen auf vier Kontinenten. Urania-Verlag. Leipzig-Jena-Berlin.

Leakey, M. D. 1971. Olduvai Gorge. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge.
Le Trung Kha. 1976. Bilan dixans de recherches paléontologiques // Khảo Cổ Học 18: 10–15. Hanoi.
Nguyen Lan Cuong. 1971. Sau Khi Khai Quat Hang Hum, Tham Khuyen, Keo Leng // Khao Co Hoc 11–12: 7–11. Hanoi.
Nguyen Lan Cuong. 1985. Fossile Menschenfunde aus Nordvietnam // Menschwerdung – biotischer und gesellschaftlicher Entwicklungsprozess. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte 41: 96–101. Berlin.
Zhang Senshui. 1985. The Early Palaeolithic of China // Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the Peoples Republic of China: 147–186.

STONE ARTEFACTS FROM THE CAVE OF THAM KHUYEN IN THE NORTH OF VIETNAM

N. K. ANISYUTKIN, V. I. TIMOFEEV

During their scientific trip to the SRV in the end of 1984 – beginning of 1985, the authors had an opportunity to examine the main collections and visit quite a number of key sites of the Stone Age in different districts of Vietnam. In the course of these trips, in the province of Lang Son in the north of Vietnam, during the examination of the cave of Tham Khuyen near the village of Tan Van where earlier some important anthropological and palaeontological finds had been made (Kahlke 1967: 113–119; Урысон 1964: 144; Nguyen Lan Cuong 1985), it was possible for the first time to discover some fairly expressive stonze artefacts dated probably to the period of the middle Pleistocene.

The cave of Hang Tham Khuyen is situated 23.5 m above the modern level of the rice fields. Higher up there is another cave (Thâm Hai) where in 1964 excavations were conducted by palaeontologists from GDR.

The cave of Tham Khuyen consists of two chambers connected by a corridor, whose rocky floor is inclined towards the entrance. The stone artefacts were found in the upper chamber of 60 sq m, among a heap of crushed stone formed as the spoil from the palaeontological excavations. Most probably these finds come directly from the Quaternary deposits which contained them together with debris of various fossil fauna. In the course of the excavation of 1965, a considerable amount of stones were recorded in deposits dated (*inter alia* by the evidence of palinological and petrographical analyses) to the end of the middle Pleistocene (Nguen Lan Cuong 1985: 98–100). The remains of palaeofauna were represented by bones of orang-utans, elephants-stegodons, pandas, rhinoceros, macaques, tapirs, and deer. In addition, teeth of archanthropus (Homo erectus) and Gigantopithecus were identified among the finds, suggesting that these species existed in the territory of what is now Vietnam even in the end of the middle Pleistocene.

At present, all the Palaeolithic cave sites of Vietnam are dated to the Upper Pleistocene – the culture of Son Vi (Нгуен Кхак Ши 1982). The earlier sites are represented only by some surface materials (*Борисковский* 1966). The finds of stone tools which probably are connected with the Pleistocene deposits, that contain remains of fossil fauna and teeth of archanthropi, and are therefore of considerable scientific importance.

Stone artefacts from Tham Khuyen are manufactured from flattened porphyritic or basaltic pebbles, grey or brown, with their surface coated with thin patina and bearing traces of corrosion. On some of the items (mostly those which were found in the spoil-heaps themselves) spots of limy runnels were discernible and particles of red loam were occasionally discovered in the facets and pores of their surface. Within the area of the entrance to the cave, only three examples have been found: these differed from most of the collection and, in the opinion of our Vietnamese colleagues, belonged to the Son Vi culture. Most of the collected artefacts were found in the upper chamber. The state of preservation of the deposits here is such as it has been observed by the German palaeontologist D. Kahlke, who came to the conclusion that the Middle-Pleistocene deposits in caves of Northern Vietnam were disturbed by erosion connected with dampening of the climate in the beginning of the Holocene and are preserved only in the areas close to the walls. The main collection consists of 16 tools (including 10 choppers), as well as 17 flakes, 3 pieces of debris, and a fragment of a pebble bearing traces of chipping. Cores were absent. The flakes are mostly massive with shortened proportions of medium size (50–70 mm), the primary or semi-primary examples predominating. The striking platforms are smooth and obliquely retouched. Only three flakes were of elongated shape with thin (linear) striking platforms (fig. 3: 2, 5, 6). One of the flakes may probably be identified as Levallois (fig. 3: 8). The secondary flaking was based on trimming and rough retouching – often irregular light abrupt or semi-abrupt. The pebble tools comprised a small series of bifaces, including two with pointed ends emphasised by chipping and retouch, of which one resembled ovaloid bifaces (fig. 4: 7) and the other was an atypical biface made from a massive pebble by coarse secondary flaking (fig. 4: 5). Noteworthy is a tool that was bifacially chipped from a large and flat pebble (fig. 4: 3) – apparently a chopping tool resembling the 'cleavers' from the Low-Palaeolithic layer at the cave of Sel-Ungur in Central Asia. Another tool, made from a fragment of a flat pebble (fig. 4: 2), in its shape is close to the bifacial knives of the Keilmesser type, characteristic of the Middle Palaeolithic in Central Europe (Bosinski 1967), but differs from the

latter by a partial bifacial chipping. The choppers were chipped mostly on one side, only one of them being of the end type (fig. 2: 2) while the other was lateral according to M. Leakey's classification (fig. 2: 1, 3). There are also two pointed choppers (fig. 4: 1). The tools from flakes included a transverse side-scraper from a shortened flake (fig. 3: 9) and some object which may be described as a beak-shaped point (fig. 3: 10). Noteworthy is a partially worked blank for some tool made on a pebble cleft, very large lengthways (fig. 4: 6). This object resembles picks of the Son Vi culture, though the latter differ by their more careful finish and symmetrical shape (Ha Huu Nga 1982: 13). In general, the collection from Tham Khuyen belongs to the number of typical pebble-working industries with extremely primitive technique of primary knapping. A similar technique of knapping, though, is also characteristic of the Son Vi culture of the Upper Palaeolithic period, therefore certain typological comparisons would be more indicative here. The set of tools under examination differs much from the industry of Son Vi, typical to which are some specialised pebble shapes including unifaces, very few choppers smashed on one side, and expressive end-scrapers, borers and burin-like tools made on flakes. Still more distinctly the collection from Tham Khuyen differs from the Mesolithic Hoă Bình industry of which are characteristic some peculiar types of worked pebbles ('sumatroliths', 'discoids', 'short axes' and axes made from pebbles with ground edges). The secondary flaking differs still stronger, being much more regular and careful. Materials of later Neolithic industries demonstrate even more distinctly expressed differences from our set.

The collection from the cave of Tham Khuyen blends in well with different Low-Palaeolithic sites in Asia and quite possibly is synchronous to the palaeontological finds from the Pleistocene deposits in the same cave. This supposition is confirmed by the fact that both on palaeontological and on archaeological finds traces of the same red-coloured sediments are discernible. In principle, the finds from Tham Khuyen prove that the development of the Low-Palaeolithic culture in the territory of South-Eastern Asia is notable for the fact that being basically of the pebble-working type it was accompanied by few forms of atypical choppers and cleavers (earlier known in the territory of Vietnam only from surface finds) (Борисковский 1966; Анисюткин 1992: 12–13). This fact has already been noted by some researchers of the Palaeolithic period in Asia (Вишняцкий 1996: 169). A similar industry with a fairly representative collection of stone tools is recorded from the cave of Sel-Ungur in Central Asia (Анисюткин, Исламов, Крахмаль 2000: 18–19). We may suppose that the so-called 'eastern zone' of the development of Asiatic Palaeolithic cultures retained for a long time its specificity in the territories of Eastern (Абрамова 1994, Zhang Senshui 1985), Central and South-Eastern Asia.

The authors are sincerely grateful to Prof. Hoŕng Xuân Chinh, Chu Văn Tăn, Nguyen Khắc Shu, and Phạm Ly Huong for their help and consultations, as well as to other assistants of the Institute of Archaeology Vietnam Social Studies Committee and to the museum assistants – the Director Luu Tran Tieu, Research Assistant Quang Van Cay, and many other Vietnamese colleagues who treated us with invariable friendliness.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ СТОЯНКА – ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК ОРЛОВСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

А. И. ЮДИН[1]

Неолит степного Поволжья до недавнего времени был практически неизвестен, за исключением нескольких разновременных и почти не исследованных раскопками стоянок (Мамонтов 1974; Третьяков 1974; Еремин 1977; Телегин 1981).

Наиболее представительная часть материалов неолитического времени происходит с многослойной Варфоломеевской стоянки в степном Заволжье, исследовавшейся автором в 1987–1990 и 1996 гг., в результате чего было вскрыто свыше 400 кв. м культурного слоя по южной границе памятника. Четыре насыщенных находками слоя стоянки, остатки жилищ, погребения и культовые комплексы дают уникальную возможность проследить культурное развитие местного населения на протяжении более тысячи лет – от среднего неолита до раннего энеолита и определить или уточнить культурно-хронологические позиции известных ранее стоянок.

Комплексная обработка материалов позволила получить данные о возрасте стоянки, палеоклимате на всем протяжении ее существования, хозяйстве населения, технологии домашних производств[2]. В настоящее время, несмотря на относительно небольшую вскрытую площадь, Варфоломеевская стоянка является одним из наиболее изученных неолитических памятников степного Поволжья.

Варфоломеевская стоянка находится в Новоузенском районе Саратовской области (рис. 1), в 6 км к юго-востоку от с. Лохмотовка, на левом берегу р. Малый Уень[3]. В настоящее время на этом участке реки создано Варфоломеевское водохранилище.

Раскоп был заложен вдоль берега водохранилища, где расположена западная часть памятника, сама же стоянка располагалась вдоль устья примыкающего к реке лимана (до 350 м). Культурные напластования Варфоломеевской стоянки, достигающие толщины 2,2 м, неоднородны по всей площади. Стратиграфически выделяются четыре литологических слоя: верхний (первый), два средних (2 А и 2 Б) и нижний (третий).

Нижний (третий) слой достигает толщины 0,7 м в северо-восточном углу раскопа, в западном направлении он постепенно выклинивается. Слой переработан слабо и имеет светло-желтый цвет, почти не отличающийся от подстилающей его материковой глины. По дну жилищ слой отделяется от материка тонкой прослойкой красной охры.

Граница между нижним и средним 2 Б слоями четкая – слой 2 Б имеет значительно более темный цвет из-за примеси гумуса, а на многих участках эти слои разделены хорошо читаемой в бровках прослойкой охры, которая также посыпалась по дну жилищ слоя 2 Б. По мнению Ю. А. Лаврушина, существовал хронологический разрыв между формированием нижнего и среднего слоев.

Большую часть стратиграфической колонки занимает средний слой. На некоторых участках он имеет толщину до 1,5 м и чрезвычайно сильно насыщен находками. По ряду признаков средний слой разделен на два хронологических горизонта: нижняя половина – слой 2Б и верхняя – слой 2А. Слои разделяются прослойкой более светлого цвета толщиной 0,2–0,3 м или тонкими слоями охры и линзами костей животных, приуроченными ко дну котлованов жилищ слоя 2 А. Правомерность разделения среднего слоя на два горизонта подтверждается анализом массовых категорий находок, комплексы которых различаются в верхней и нижней частях пласта. Кроме того, на одном из участков северной стенки раскопа Ю. А. Лаврушин отметил слой погребенной почвы между 2 А и 2 Б, что свидетельствует о хронологическом промежутке между отложениями верхней и нижней частей среднего слоя.

Слой 2 А залегает по всей площади раскопа. Максимальная толщина слоя – 1,5 м над котлованами жилищ, минимальная – 0,4 м. С этим слоем связаны наиболее выразительные находки на стоянке, доминируют они и по количеству на единицу площади по сравнению с другими горизонтами.

Верхний (первый) слой выражен слабее остальных (толщина 0,3–0,4 м). Очень четко отделяется от среднего, поскольку имеет светло-желтый цвет. В отличие от предыдущих с верхним слоем не связывается никакая строительная деятельность на исследованном участке памятника.

Стоянка существовала длительный период времени и поэтому при сооружении более поздних жилищ частично или полностью уничтожались предшествующие котлованы. Последние по времени постройки своим дном в некоторых местах достигали материка, а остальная площадь котлована заглублялась в культурный слой и практически не фиксировалась. Причем, разновременные землянки перекрывали друг друга настолько плотно, что на всей вскрытой площади нет сколько-нибудь значительного участка, ко-

[1] Россия, 410056, Саратов, ул. Мичурина, 86. Управление по историко-культурному наследию.

[2] Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность всем специалистам, результаты исследований которых использованы в данной работе: Д. Я. Телегину (ИА НАН Украины), Е. А. Спиридоновой (ИА РАН), Ю. А. Лаврушину (Геологический институт РАН), И. Е. Кузьминой (Зоологический институт РАН), А. К. Каспарову (Зоологический институт РАН), В. В. Кидейникову (Воронежский ГПУ), А. В. Шадрухину (НИИ Геологии при Саратовском госуниверситете).

[3] Бессточный Камыш-Самарский бассейн в Волго-Уральском междуречье.

© А. И. Юдин, 2004

Рис. 1. Неолитические стоянки степного Поволжья. 1 – Варфоломеевка; 2 – Кушумская; 3 – Бубены; 4 – Кумысска, Максимовка; 5 – Борсы, Савинка; 6 – Красный Яр; 7 – Кочетное, Краснополье; 8 – Орловка; 9 – Рахинка; 10 – *Вавилово-2*.

Fig. 1. Neolithic sites in the Volga steppe regions. 1 – Varfolomeevka; *2 – Kushumskaya;* 3 – Bubenty; *4* – Kumyska, Maksimovka; 5 – Borsy, Savinka; 6 – Krasny Yar; 7 – Kochetnoe, Krasnopolye; 8 – Orlovka; 9 – Rakhinka; 10 – Vavilovo-2.

торый не являлся бы дном жилища. Пока удалось установить, что на всем протяжении существования стоянки практиковалась единая домостроительная традиция, насколько это *определяется по сохранившимся* элементам конструкций из разных хронологических горизонтов.

Наиболее полное представление о характере жилищ получено при исследовании слоя 2 А. Жилища имели прямоугольную или близкую к ней форму, округлые углы. Тип жилища – полуземлянка, заглубленная в материк или культурный слой до 1 м. Северные и южные стенки котлованов почти вертикальные, западные и восточные – пологие. Дно жилища всегда покрыто слоем охры. Причем, охра посыпалась на дно три-четыре раза, *после очередного «загрязнения»* пола. В центральной части жилищ находились очаги, заглубленные в дно жилища (диаметр до 1,2 м, гл. – до 0,4 м). Часто вокруг очагов по периметру расположены столбовые ямки.

Северная и западная стенки одного жилища сгорели, что позволило более детально ознакомиться *с конструкцией стен. При пожаре* западная стенка упала наружу. В разрезе стенка состояла: пласт оранжево-желтой прокаленной глины без каких-либо находок толщиной 0,05–0,1 м; слой золы (0,15–0,25 м); *еще один слой прокаленной глины. Между слоями* глины зачищен сгоревший камыш, лежавший вдоль края котлована. Под остатками стены в культурном слое обнаружены столбовые ямки, заполненные золой. Одна из них прорезала весь культурный слой и заглублялась в материк. Еще более *наглядная картина* получена по северной стенке жилища. Основание стены залегало на материковом останце. *По краю котлована* в нем выкопан ряд столбовых ямок. К югу от них, по внутренней стороне стенки котлована, на ступеньке, заглубленной на 0,2 м от верха останца, вертикально располагались: слой прокала (0,05–0,07 м), слой золы (0,1 м) и опять слой прокала. После разбора этих слоев, на ступеньке вырисовались столбовые ямки, заполненные золой. С внутренней стороны стены жилища были окрашены, как и полы, красной или розовой (воздействие огня?) охрой. Все это показывает, что по периметру котлована вкапывались столбы и более тонкие жерди, которые затем переплетались камышом и обмазывались с двух сторон глиной.

Вдоль стенок в полу были устроены глубокие и обширные хозяйственные ямы, в которых обнаружены наиболее интересные находки. Вероятно, жилища были многокамерными, с расположением полов на разных уровнях. Это хорошо прослеживается по окрашенным охрой полам и золистым шлейфам очагов, опускающихся с верхнего уровня на нижний. Установить размеры жилищ пока невозможно. Ширина котлованов 6 и 8 метров, максимальная сохранившаяся длина 11 метров (южная часть котлованов размыта рекой).

Керамика. В культурных слоях стоянки обнаружены фрагменты от нескольких тысяч сосудов. Более чем у 800 из них можно реконструировать форму и орнаментальную композицию верхней части.

По форме керамические изделия распределены на 4 основные группы: 1) прямостенные сосуды с широким открытым устьем; 2) сосуды с прикрытым устьем; 3) слабопрофилированные; 4) небольшие чашевидные округлодонные сосуды.

Сосуды трех первых групп плоскодонные. Кроме плоских днищ имеются плоско-выпуклые, плоско-вогнутые и уплощенные. Незначительный процент составляют сосуды других форм: ладьевидные (3 экз.), с S-овидным профилем и др. Толщина стенок сосудов колеблется от 0,3 до 1 см.

Абсолютное большинство фрагментов керамики нижнего слоя (рис. 2) имеет примесь толченой раковины в тесте. Количество раковины различно – от едва заметного до значительного. Сосудов без раковинной примеси мало, обычно они невелики по размерам и тонкостенны. Часть сосудов пористая от выгоревших растительных добавок. Обжиг сосудов неравномерный, цвет внешней поверхности варьирует от черного до светло-коричневого. Формовалась керамика ленточным способом, что хорошо видно по некоторым расслоившимся фрагментам. Внешняя поверхность сосудов почти всегда подлощена, внутренняя сглаживалась пучком травы или зачищалась гребенчатым штампом из створки раковины Unio (несколько таких штампов определены В. В. Килейниковым как орудия для выравнивания поверхности керамики) (рис. 8: 7). При производстве керамики использовался широкий набор костяных орудий: шпатели, лощила, штампы; комбинированные орудия – шпатели-лощила, шпатели-штампы. Несколько шпателей для формовки керамической массы изготовлены из красно-коричневого песчаника.

Керамика нижнего слоя представлена всеми четырьмя основными формами. Количественное распределение сосудов по группам представлено

Рис. 2. Керамика нижнего (3) слоя стоянки Варфоломеевка.

Fig. 2. Pottery from the lower (3rd) layer at the site of Varfolomeevka.

в таблице 1. Кроме керамики четырех основных групп, в нижнем слое найдены фрагменты двух сосудов ладьевидной формы. Овальное в плане дно этих сосудов плавно переходит в стенки. Высота их не более 5 см, ширина – около 7 см, длина полностью не восстанавливается, но не менее 14–16 см. Черепки этих сосудов плотные и имеют незначительную примесь мелкотолченой ракушки.

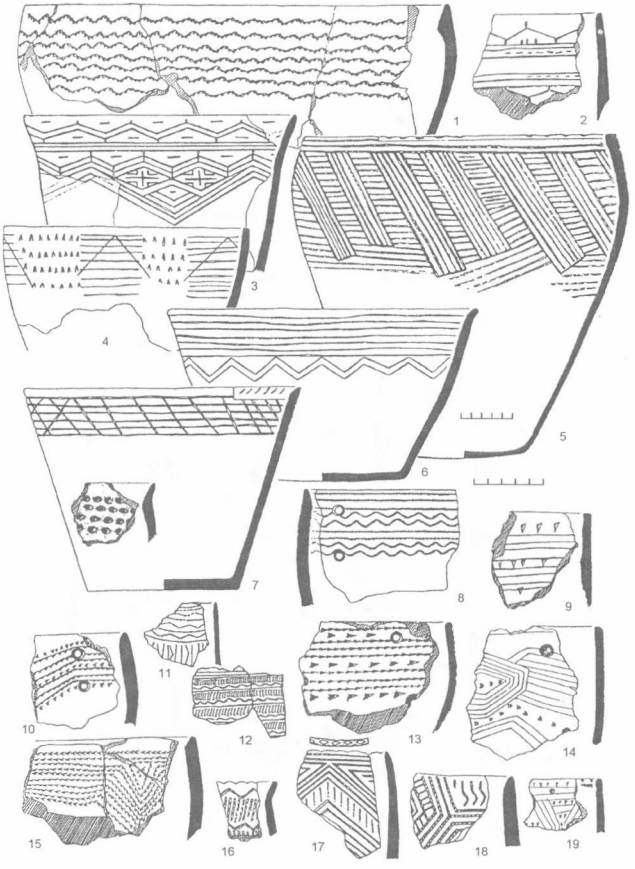


Рис. 3. Керамика слоя 2 Б стоянки Варфоломеевка.

Fig. 3. Pottery from 2B layer at the site of Varfolomeevka.

Уникальной находкой *является миниатюрный сосуд биконически-усеченной формы. Его высота* 2 см, диаметр максимального расширения тулова 3,5 см, диаметр плоского дна 3,5 см. *Цвет кирпично*-красный, примесей в тесте нет.

Около 47% керамики нижнего слоя орнаментировано наколом, как правило, *в отступающей манере*. Изредка встречаются одиночные разреженные *наколы. На большей части* керамики – это узкий подтреугольный накол. Прочерченный орнамент отмечен на 33% керамики. На остальных *сосудах накол и прочерк* сочетаются в разных пропорциях.

Обычно орнамент заполняет верхнюю треть сосуда, в редких случаях он опускается до середины тулова и лишь чашевидные сосуды могут быть орнаментированы полностью. В целом, наблюдается следующая закономерность – чем меньше высота сосуда, тем большую площадь занимает орнаментальная зона. На нескольких сосудах по срезу венчика нанесены *насечки или глубокие вдавления*, придающие венчику легкую гофрированность.

Набор элементов, из которых составлялись геометрические орнаментальные композиции, немного*численен. Это прямая линия, зигзаг*, треугольник, «соты», косая штриховка, изредка – волна, ромб, прямоугольник или шестиугольник, а также строка редко *поставленных наколов различной* величины. Перечисленные элементы орнамента могут быть нанесены на керамику как прочерчиванием, так и наколом. Жесткой регламентации в технике нанесения орнамента не было – на нескольких сосудах *строчки отступающего* накола плавно переходят в прочерк.

Все орнаментальные композиции состоят либо из сочетания вышеперечисленных элементов, либо неоднократного повтора одного элемента. Большая часть композиций включает два-три повторяющихся элемента. Преобладают композиции из горизонтальных линий, зигзагов, сочетаний зигзага и линии, линии и треугольника, линии и отдельных наколов.

Фрагменты глиняных сосудов использовались вторично для изготовления пряслиц. Круглые пряслица имеют диаметр 5,5–6,5 см, края их неровно об*ломаны и затем* обточены.

Технологические характеристики керамики слоя 2 Б (*рис. 3*) – *состав теста глины, качество обжига, формовка, обработка* поверхности – аналогичны керамике нижнего слоя. Максимальное *количество* сосудов (ок. 63%) относится ко 2 группе и около 7% *из них имеет напыв по внутренней* стороне венчика.

По технике нанесения орнамента распределение керамики следующее: накольчатая – ок. 54%, прочер*ченная* – 28%, *прочерченно*-накольчатая – 12%, неорнаментированная – 5%.

Элементы орнамента керамики претерпевают *незначительные изменения* по сравнению с нижним слоем. Увеличивается разнообразие форм одиночных наколов – появляются каплевидные, круглые, овальные, ногтевидные. Орнаментальные композиции почти не изменились. Наиболее распространенными остаются композиции из зигзагов или зигзагов и линий и отдельных наколов.

Группы \ слои	1	2 А	2 Б	3
1 – прямостенные	12	80	60	23
2 – с прикрытым устьем	12	152	66	42
2 Н – с прикрытым устьем и внутренним напывом	9	5	5	–
3 – слабопрофилированные	6	7	7	9
4 – чашевидные –	2	2	1	–
всего по горизонтам	39	353	140	75

Таблица 1. Распределение *групп керамики Варфоломеевской стоянки по хронологическим горизонтам* (только из квадратов с четкой стратиграфией).

Table 1. Distribution of groups of pottery from the site of Varfo*lomeevka according to the chronological horizons* (only from the excavation-*squares with distinctly identified* stratigraphy).

Керамика слоя 2 А (рис. 4). Уже около 32% керамики 2 группы имеет утолщенный напыв по внутренней стороне венчика (группа 2 Н). Подобная керамика составляет приблизительно пятую часть от общего количества в слое (табл. 1). Эти сосуды широко варьируют в своих размерах, но основная их часть *представлена крупными* формами. Самый маленький сосуд имеет диаметр венчика 10 см. В большинстве случаев диаметры венчиков – в пределах 18–26 см, а у наиболее крупных они достигают 39–49 см. Создается впечатление, что причиной появления внут*реннего напыва была необходимость укрепления* верхнего края сосуда при увеличении его размеров.

Профили венчиков *сосудов группы 2 Н* чрезвычайно разнообразны даже в пределах нескольких выделенных типов. Наиболее *часто встречаются* венчики, имеющие напыв подтреугольной формы (около 41%) и плоский напыв *с четко выраженным* полуорочным переходом к стенке сосуда (около 24%).

Техника нанесения *орнамента* остается прежней, но происходит изменение процентного соотношения накольчатой и прочерченной керамики. Почти 3/4 керамики орнаментировано наколом (74%), прочерком – всего 12% (против 23% и 33% в слоях 2 Б и 3). Как и в нижних слоях, прочерк чаще всего отмечен на керамике *1* группы (около 19% и около 25% вместе с прочерченно-накольчатой). Появляются новые *элементы орнамента* – крупные наленные «жемчужины» (6 фрагментов) и короткий гребенчатый штамп (1 фрагмент). Увеличилось количество керамики, украшенной крупными наколами треугольной, подовальной, скобковидной форм, незлубокими ямочными круглыми вдавлениями.

Сравнение керамических находок из слоя 2 А с нижележащими показывает, что происходит не столько замена одних признаков другими, сколько появление новых при дальнейшем бытовании и развитии уже существующих орнаментов и форм сосудов.

Ряд новых черт, появившихся на керамике слоя 2 А, получил свое дальнейшее развитие в керамическом комплексе верхнего слоя (рис. 5). Среди профи-

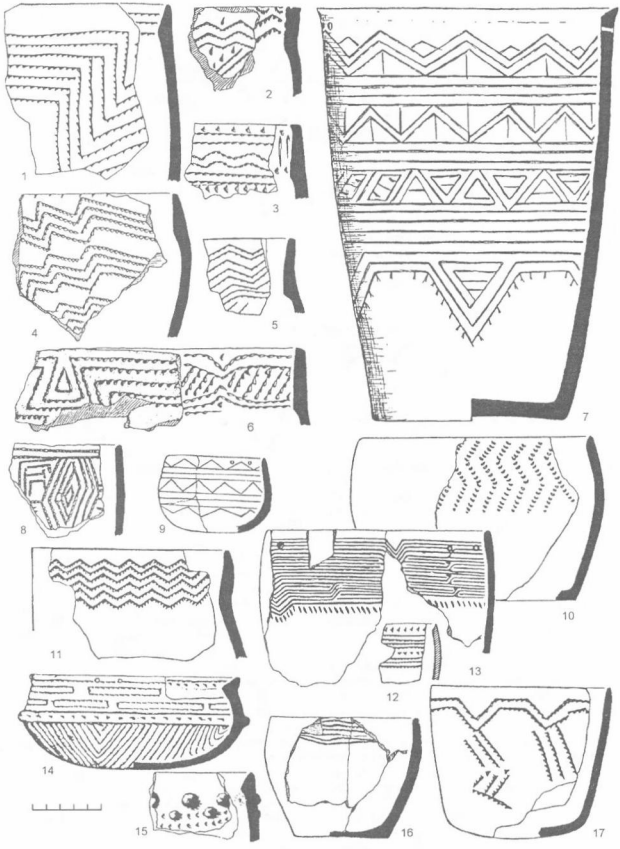


Рис. 4. Керамика слоя 2 А стоянки Варфоломеевка.

Fig. 4. Pottery from 2A layer at the site of Varfolomeevka.

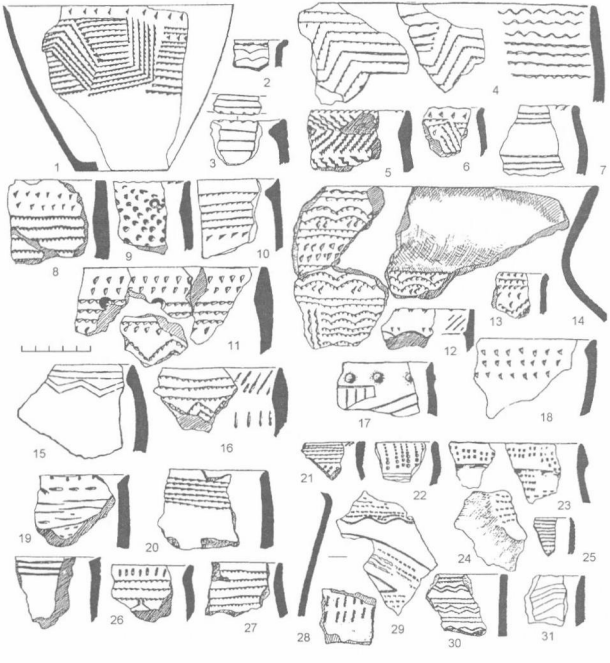


Рис. 5. Керамика верхнего (1) слоя 2 Б стоянки Варфоломеевка.

Fig. 5. Pottery from the upper (1st) 2 B layer at the site of Varfolomeevka.

лированной керамики третьей группы появляются сосуды совершенно нового, уже почти энеолитического облика. Например, найдены фрагменты крупного сосуда, нетипичного для керамики стоянки. Он имеет высокий (до 6 см), отогнутый наружу, раструбовидный венчик и хорошо выделенную шейку, переходящую в округлое тулово. Сосуд пышно украшен в технике отступающего накола (сдвоенные горизонтальные линии и волны) и отдельными крупными наколами. Фрагменты нескольких сосудов имеют воротничковое оформление венчиков и при их орнаментации использован гребенчатый штамп, что характерно уже для керамики раннеэнеолитической прикаспийской культуры.

Орнаментация керамики при сохранении основных черт, отмеченных в предыдущих слоях, претерпевает изменения. Наиболее распространенными остаются композиции из прямых линий и отдельных наколов, сочетания линии и зигзага, орнамент с шевронами и сотовый. Но вместе с тем происходит изменение формы накола: в большом количестве появляется крупный накол полуовальной формы. Следует подчеркнуть, что появившиеся новые признаки в форме сосудов и их орнаментации, сочетаются со старыми, а все технологические признаки остаются прежними.

Орудия и изделия из камня. Поскольку принципиальных различий в технологии изготовления и на-

категории изделий	всего	1	2 А	2 Б	3
нуклеусы для снятия пластин	49/(1)	2	3	4	5
нуклеусы для снятия отщепов	23/2 (1)	3	5	1/1	3
нуклевидные обломки	7	1	1	–	–
поперечные сколы с нуклеусов	21/1	1	*1*	3	*1*
продольные сколы с нуклеусов	125/1	2	9/2	7	–
ножевидные пластины	668/*21*	8/1	69/6	68/1	39/2
отщепы	1750/63	31/9	311/12	150/4	113/3
галька	10	2	3	2	–
трапеции (струг. сп. /не стр. спинка)	79/3	3	*12*	9	/2
сегменты	19	–	–	5	11
пластины-вкладыши	12/1	–		–	4/1
ножевидн. пластины с ретушью	441/9	1	38	25/1	13
скребки на пластинах концевые	174/4	1/2	19	14	19/1
скребки на пл. с боковой ретушью	396/5	3	27/1	23/1	13
скребки на укороченных пластинах	499/7	14/1	71/2	59/2	48/1
скребки на отщепах	780/11(2)	11	82	84	54/1
ножи на пластинах	44/1	1	23/1	12	1
ножи на отщепах	30/2 (1)	–	6/1	5	1
скобели	49/2	/1	5	8	4
острия	68/1	2	8	11	5/1
отщепы с ретушью	156/4	1/1	24/1	*18*	*5/1*
резцы	5	–	1	1	–
отбойники	9/6	–	/1	/1	1
скребки высокой формы	7	1	1	1	2
скребла	4	–	1	1	–
долотовидные орудия	4	–	–	–	–
утюжки	2	–	–	–	1
тесла	8	–	2	3	1
абразивные орудия и другие некремневые изделия	52	2	4		

Таблица 2. Каменные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки (в слоях указаны находки только из четко стратифицированных квадратов).

Примечание: в числителе – орудия и изделия из кремня, в знаменателе – из кварцита, в скобках – яшмовидные породы.

Table 2. Stone artefacts from the site of Varfolomeevka (specified in the layers are only finds from grid-squares *with distinct stratigraphy*).

Note: the numerators – flint artefacts, denominators – artefacts from quartzite, in brackets – jasper-like stone.

боре категорий орудий нет, ограничимся суммарной характеристикой.

Всего из культурного слоя стоянки получено 5624 предмета из камня. Из них 2887 (52,4%) экз. – орудия труда со вторичной обработкой, остальные – нуклеусы, пластины, отщепы и отходы производства. Большинство находок (5563 экз.) являются продуктами *расщепления кремня и кварцита, 60 предметов* изготовлены из других пород камня – песчаников, мела, глинизированных и кристаллических пород (табл. 2).

В качестве основного сырья использовался кремень. Цвет кремня варьирует от светло-серого (встречается и молочно-белый) до черного; много полосчатого. Происхождение кремня местное, заволжское: известны коренные выходы кремнистых конкреций среднего и нижнего карбона в районе г. Пугачева *в 200 км севернее стоянки*. Редкие и маломощные выходы галечного кремня, появившиеся на поверхности в результате неотектонических процессов, встречаются в районе г. Новоузенска, в непосредственной близости от памятника. Из этого галечного кремня изготовлена большая часть орудий *стоянки*. Всего пять предметов выполнены из раскристаллизированных глинизированных пород типа яшмы. Из светло-серого сливного (кварцитовидного) песчаника *найдено 130 предметов*. Ближайшие мощные выходы на поверхность сливных песчаников, традиционно именуемых археологами Поволжья кварцитом, находятся в районе п. г. т. Озинки в 180 км к северо-востоку от стоянки.

Количественное распределение каменных предметов в литологических слоях аналогично керамике: максимальное число в слое 2 А, затем в слоях 2 Б, 3 и *1*.

Часть изделий, представляющих всю хронологическую колонку, подвергнута трасологическому анализу (В. В. Килейников, ЗГПУ), который показал, что жесткой зависимости между типологическими признаками и функциональным назначением орудий на материалах данного памятника нет. Например, орудия, по морфологическим признакам определяемые как концевые скребки с ретушью по боковым граням, функционально могут являться скобелями, резчиками, пилками по дереву. При этом скребковое лезвие вообще не использовалось.

Характерна пластинчатая техника расщепления камня. На пластинах выполнено около 60% орудий. Предметы с первичной обработкой представлены нуклеусами и сколами с них, пластинами, чешуйками и расколотыми кремневыми гальками. Нуклеусы для снятия пластин делятся на несколько типов (плоские, уплощенные, торцовые и конические) и имеют небольшие размеры – от 2,5 до 4,5 см (рис. 6: 1–4). Почти все они одноплощадочные, площадки прямые. Нуклеусы сильно сработаны, имеются следы подправки площадок или вторичного использования. Нуклеусы для снятия отщепов имели овальную или круглую форму и также уплощены в результате сильной сработанности. Скалывание производилось бессистемно, с нескольких площадок (рис. 6: 5). Очень часто торцы по всему периметру забиты в результате вторичного использования в качестве отбойников.

Целых ножевидных пластин и продольных сколов с нуклеусов, являвшихся основными заготовками для орудий, немного. Максимальная длина пластин без вторичной обработки не превышает 4-6 см, что соответствует размерам нуклеусов. Основная часть пластин представлена медиальными и проксимальными сечениями. Ширина наиболее часто встречаемых в нижнем слое пластин 0,8–1,2 см и всего несколько экземпляров шириной до 1,8-2,4 см. Есть микропластины шириной 0,5–0,7 см. В средних слоях чаще встречаются пластины от 1,4 до 1,8 см шириной. Пластины и сечения слоя 1 уже имеют ширину от 0,5 до 3,5 см.

В сечении пластины треугольные или трапециевидные. Пластин правильной призматической формы мало. Чаще всего пластина имеет неровные края и огранку; количество граней изменяется на разных участках пластины (рис. 6: 6–12). Краевые пластины сохранили следы желвачной корки. Свыше 60% пластин и сечений (из просмотренных трасологом) определены как орудия без вторичной обработки – резчики на углу пластины и мясные ножи. Последние часто выполнялись на коротких трапециевидных сечениях.

На сечениях пластин изготовлены геометрические микролиты. В слое 3 геометрические микролиты представлены сегментами низких форм и трапециями. Трапеции невыразительны, ретушированы по верхнему краю со спинки и по боковой стороне с брюшка (рис. 6: 19–21). Низкие трапеции без струганой спинки встречены только в нижнем слое.

В слое 2 Б, в отличие от нижнего слоя, все трапеции имеют струганую спинку (рис. 6: 13–18). Почти все они высоких пропорций, когда высота несколько больше ширины основания, но есть трапеции, у которых высота равна ширине. Все сегменты низких пропорций, ретушь наносилась по-разному: двусторонняя (встречная) по дуге; односторонняя лицевая по дуге или ее части, двусторонняя по боковым сторонам (рис. 6: 22–25).

В слое 2А геометрические микролиты представлены несколькими невыразительными сегментами и тремя типами трапеций со струганой спинкой (высокие и средневысокие; с почти параллельными боковыми сторонами; асимметричные). Около 1/6 части трапеций этого слоя имеют ретушь по одному или двум торцам, нанесенную с брюшка и мелкую краевую ретушь по основаниям со спинки. В слое 1 сегментов нет, а высокие трапеции со струганой спинкой типологически не отличаются от трапеций слоя 2А, но появляются крупные экземпляры, высота которых достигает 2,3–2,7 см. Функциональное определение трапеций и сегментов – резчики (углы) и мясные ножи (основания).

Скребки на пластинах выполнены на коротких сечениях пластин, форма лезвия округлая, встречаются дублированные. Более разнообразны скребки на пластинах с боковой ретушью (рис. 6: 30, 32, 35–37; 40).

Скребки на укороченных пластинах и продольных сколах с нуклеусов отличаются от предыдущих большей высотой спинки. Скребковое лезвие всегда расположено на нижнем конце пластины, как бы укорачивая ее. Скребки чаще всего имеют трапециевидную форму, длина немного превышает ширину или равна ей (рис. 6: 47-52).

Скребки на отщепах наиболее разнообразны (рис. 6: 33, 34, 38, 39, 41–46), но можно выделить несколько устойчивых серий: округлые с ретушью на 3/4 периметра (рис. 6: 39, 44); с гранью на спинке (на пластинчатых отщепах) (рис. 6: 34, 43); концевые аморфные (рис. 6: 38, 45). Функционально все скребки определены как скребки по дереву и кости, скребки по шкуре; боковые ретушированные грани – пилки по дереву.

Острия выполнялись на пластинах и сечениях, рабочая часть имеет треугольную форму, боковые стороны притуплены ретушью, иногда жало орудия подправлялось несколькими фасетками ретуши с брюшка (рис. 6: 26–29).

Орудия со скобленидными выемками. Типологически выделяются пластины с выемками, оформленными с лицевой стороны, и отщепы с одной-двумя выемками, выполненными крутой ретушью. Скобленидные выемки имеются и на других категориях орудий – нуклеусах, скребках (рис. 6: 36) и даже трапециях.

Найдено несколько обломков «утюжков» из различных плотных мелкозернистых пород и окаменевшего дерева (рис. 8: 11). Они имеют поперечную подокруглую бороздку, перпендикулярно ей по верхней плоскости нанесен орнамент в виде нескольких прочерченных параллельных линий. Типологически они близки к выпрямителям древков стрел эпохи бронзы. Абразивные орудия из мягкого песчаника,

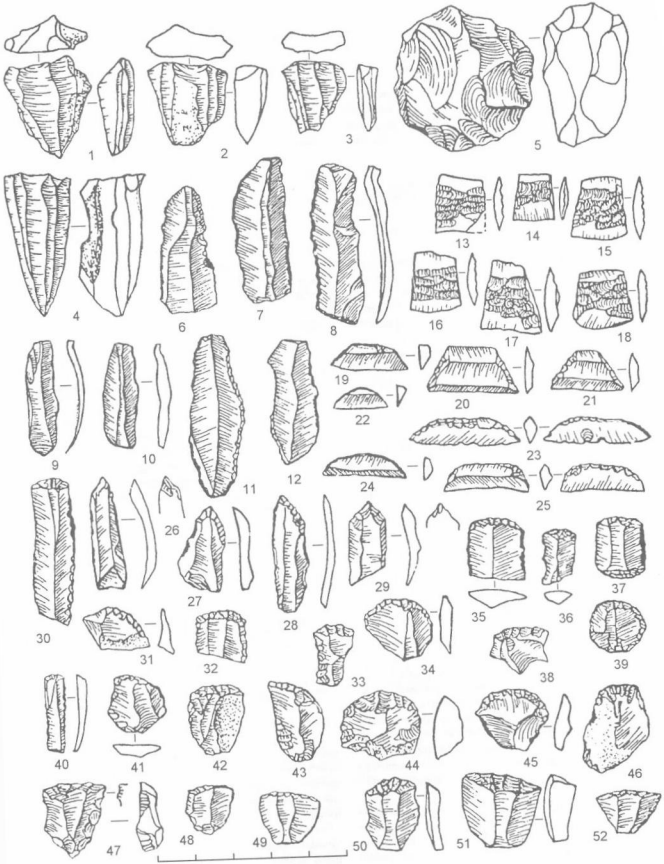


Рис. 6. Каменные орудия и изделия стоянки Варфоломеевка. 1–5 – нуклеусы; 6–12 – ножевидные пластины и орудия на пластинах; 13–18 – трапеции со струганной спинкой; 19–21 – трапеции; 22–25 – сегменты; 26–29 – проколки и острия; 30–52 – скребки.

Fig. 6. Stone artefacts from the site of Varfolomeevka. 1–5 – cores; 6–12 – knife-shaped blades and tools on blades; 13–18 – trapezoids with the back flattened by retouch; 19–21 – trapezoids; 22–25 – segments; 26–29 – borers and points; 30–52 – end-scrapers.

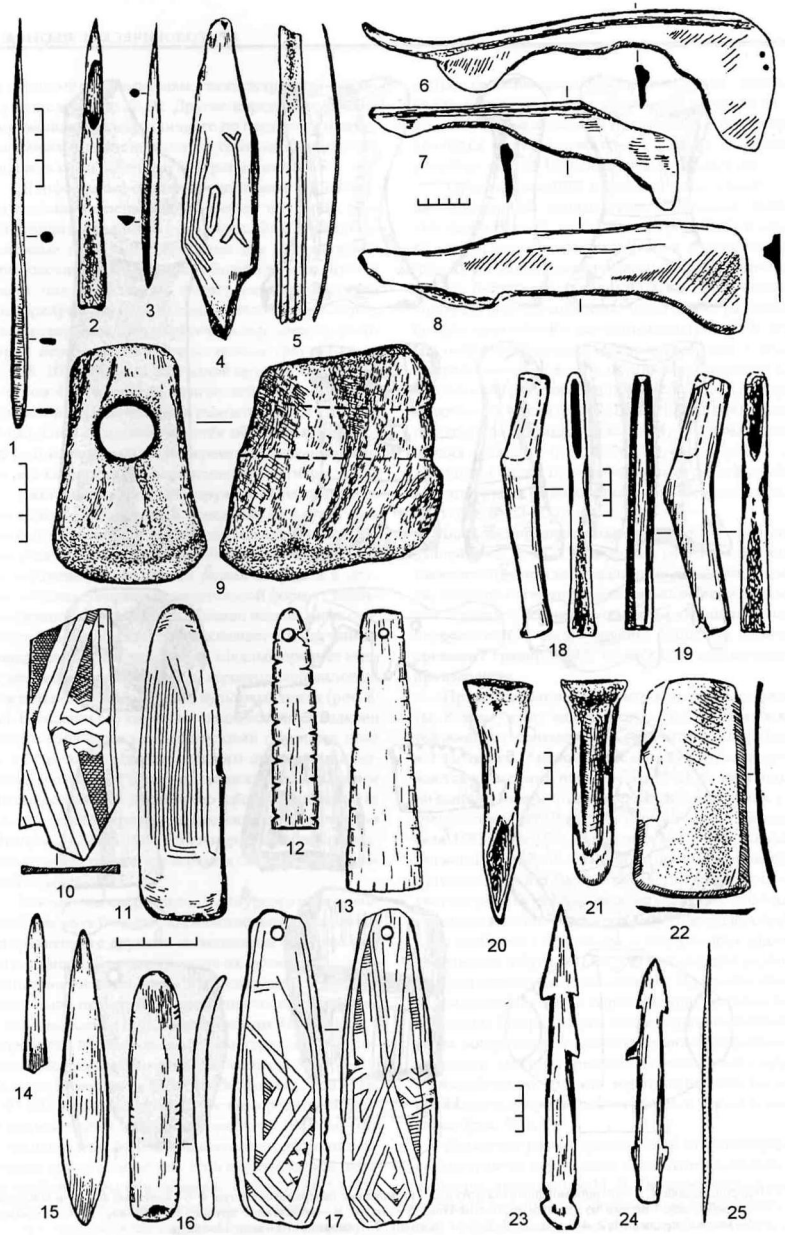


Рис. 7. Варфоломеевка. Костяные орудия. 1–9 – орудия кожевенного производства; 10–17 – орудия керамического производства; 18–19 – оправы; 20–22 – землекопные орудия; 23–25 – гарпуны и охотничье острие.

Fig. 7. Varfolomeevka. Bone tools. 1–9 – tools for leather-dressing; 10–17 – tools for manufacturing pottery; 18–19 – casings; 20–22 – digging tools; 23–25 – harpoons and a hunting point

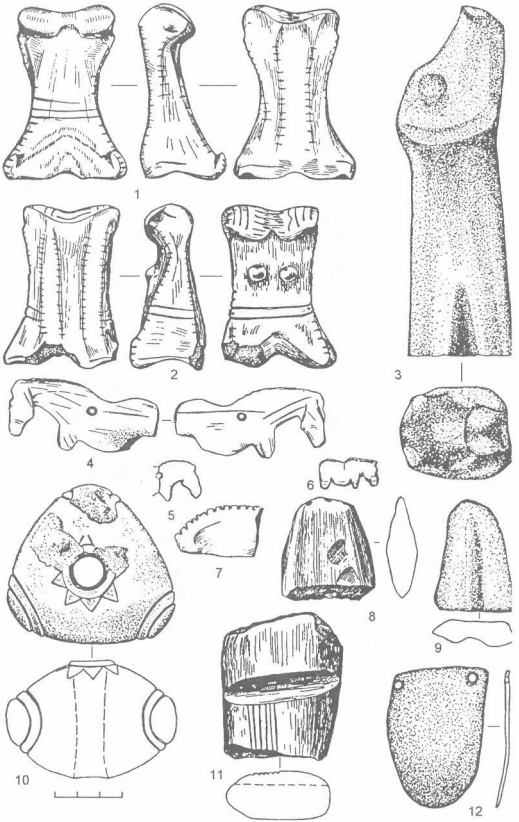


Рис. 8. Варфоломеевка. 1, 2 – антропоморфные статуэтки; 3 – зооморфное навершие скипетра; 4–6 – костяные фигурки лошадей; 7 – гребенчатый штамп из створки раковины Unio; 8 – тесло; 9 – абразивное орудие; 10 – булава; 11 – «утюжок»; 12 – медный предмет. 1, 2, 4–6 – кость; 3, 8, 9, 11 – камень; 7 – раковина; 10 – мел; 12 – медь.

Fig. 8. Varfolomeevka. 1, 2 – anthropomorphic figurines; 3 – zoomorphic top of a sceptre; 4–6 – horse figurines made from bone; 7 – comb-stamp made from a shell of Unio; 8 – adze; 9 – abrasive tool; 10 – mace; 11 – «small flatiron»; 12 – some copper object. 1, 2, 4–6 – bone; 3, 8, 9, 11 – stone; 7 – mollusc-shell; 10 – chalk; 12 – copper.

идентичные выпрямителям, также *встречены в культурном слое* (рис. 8: 9). Другие абразивные орудия изготавливались из различного по плотности и цвету песчаника и представляют из себя плоские плитки с несколькими рабочими поверхностями.

Шлифованные орудия представлены небольшими теслами трапециевидной формы из мягких раскристаллизированных пород (рис. 8: 8). Найдены *каменные грузила с бороздками* для привязывания к рыболовной сети; навершие булавы из мела. Булава имеет подтреугольную форму, окончания лучей подчеркнуты двумя круговыми желобками. Сверху, вокруг сверлины также проточена окружность, от которой вершинами вниз опускаются треугольники (рис. 8: 10). Фрагмент еще одной круглой булавы диаметром 4,5 см из серо-коричневой плотной мелкозернистой породы найден в размытой части стоянки. Уникальной находкой является обломок каменного (красно-коричневый мелкозернистый песчаник) скипетра с зооморфным оформлением *рукояти* (рис. 8: 3).

На стоянке в слое 2А обнаружено несколько «жертвенников», состоящих, в основном, *из плотно уложенных* в кучки передних резцов лошади (от нескольких *десятков до четырехсот*). *В одном случае в центре* жертвенника находился развал сосуда, а в другом – медная пластина прямоугольной формы с овальным *концом. Предмет был обложен несколькими слоями* зубов, что полностью исключает его случайное попадание в культурный слой. Медный предмет имеет два сквозных отверстия и, вероятно, использовался в качестве подвески или в культовых целях (рис. 8: 12). Во всяком случае, ни на одном костяном изделии следов обработки металлическими орудиями пока не обнаружено. Находка медного предмета в позднеэнеолитическом слое подтверждает высказанное предположение о достаточно прочном знакомстве последующего мариупольского *населения с металлом* (Васильев, Синюк 1985: 30). Аморфный обломок медного изделия найден и в верхнем *слое Варфоломеевской* стоянки.

Уникальная сохранность культурного слоя стоянки обусловила большое количество находок из кости по сравнению с другими памятниками нижневолжского региона. Для определения их функционального *назначения и технологии изготовления* большая их часть была подвергнута трасологическому анализу. Анализ выполнен В. В. Килейниковым. На основе его разработок, апробированных на материалах памятников лесостепного Подонья (Килейников 1985: 1–20; Пряхин, Килейников 1986: 20–36; *Килейников 1989*: 119–120) и нашедших применение в работах других *исследователей* (Зданович, *Коробкова 1988: 60–78*), была проведена функциональная классификация костяных орудий и изделий. Итоги проделанной работы *опубликованы* (*Килейников, Юдин 1993*: 63–86), *поэтому они излагаются* предельно кратко.

Трасологическому определению подвергнуто 275 предметов *(целые и обломки) из раскопа*, 13 находок из размытого водохранилищем культурного слоя, а также 44 предмета, являвшихся заготовками и отходами производства. Все орудия и изделия распределены *по трем функциональным классам:* орудия домашних производств, орудия присваивающих отраслей хозяйства, *бытовые и культовые предметы. Классы подразделяются* на несколько групп, каждая из которых включает от 2 до 10 типов орудий *или изделий*.

Орудия домашних производств включают: орудия кожевенного производства – проколки нескольких видов (рис. 7: 1–3), струги (рис. 7: 5) и скребки-струги для мездрения и сгонки волоса, лощила (рис. 7: 4), тупики для волосостонки и мездрения шкур (рис. 7: 6–8), скребки для мездрения шкур, скребки-лощила для мездрения и мягчения кожи, 'разбильники' для уплотнения и мягчения кожи (рис. 7: 9), ножи для подрезания мездры и разрезания кожи и орудие для растягивания ремней; орудия керамического производства – шпатели-лощила (рис. 7: 10, 11, 16), формовочные шпатели (рис. 7: 12, 13, 17), шпатели-штампы, лощила и штампы (рис. 7: 14, 15); землекопные орудия – копалки (рис. 7: 20, 21), совки (рис. 7: 22), колышки. Орудия присваивающих отраслей хозяйства – это орудия рыболовства (гарпуны) и охоты (*острия*) (рис. 7: 23–25).

Бытовые предметы включают оправы для вкладышей (*рис. 7: 18, 19*), *муфты и рукоятки*. Из кости также изготавливались различные подвески, пронизки, пластины с геометрическим и линейным орнаментом. Геометрическим орнаментом украшена и часть перечисленных выше орудий, особенно сложный орнамент гравировался на орудиях керамического *производства*.

Представляют интерес антропоморфные предметы. К этому типу изделий отнесено 7 путовых костей лошади с орнаментом и обработкой поверхности и 3 заготовки. *Аналогичные* находки изредка встречаются на стенных нео-энеолитических памятниках, но единого мнения относительно их назначения у исследователей *нет* (*Васильев и др. 1980: 185*; Белановская 1983: 158–164; Даниленко 1985: 145; Калиева, *Логвин 1997: 62, 68–69*). Серия орнаментированных путовых костей с Варфоломеевской стоянки позволяет *по ряду признаков рассматривать их как стилизованные* женские статуэтки. Они тщательно обработаны скобелем и абразивом, с поверхности удалены неровности и бугорки, на трех метаподиях глубокими пропилами выделены «ножки». На одной статуэтке при соскабливании и выравнивании заготовки были оставлены бугорки-груди. После первичной обработки на поверхность кремневыми пилками наносился орнамент: две-три горизонтальные линии в средней и нижней частях изделия, короткие насечки по естественным и сформованным граням, в одном случае – *зигзаг* (*рис. 8: 1, 2*).

Детальное рассмотрение малой антропоморфной скульптуры на *памятниках костенковско-авдеевской* культуры, проделанное М. Д. Гвоздовер в ряде работ, показало устойчивую связь между типом фигурки и ее орнаментацией. Схема нанесения орнамента оказалась единой для реалистических и схематических изображений (Гвоздовер 1953: 218–219; Гвоздовер 1985: 37–38; Гвоздовер 1985а: 9–22). Анализ расположения орнамента на женской статуэтке из позднепалеолити-

тической стоянки Елисеевичи и орнамента на метаподиях, фалангах, трубчатых костях, найденных там же, *позволил* Л. А. Яковлевой вслед за М. Д. Гвоздовер, связать орнаментировку вышеназванных предметов с образом женщины (Яковлева 1989: 43). В этом плане интересно отметить сходство в композиционном построении стилизованных статуэток Поднепровья и антропоморфных изделий Варфоломеевской стоянки. Для реалистической скульптуры верхнего палеолита характерна трехчастная моделировка статуэток, для стилизованных – *двучастная*. Стилизованные скульптурки из Варфоломеевки *также имеют двучастное строение, что всегда подчеркивается* рядами горизонтальных линий в средней части статуэтки.

Зооморфные предметы представлены фигурками лошадей на тонкопластинчатых костях. У одной фигурки на голове с обеих сторон *кремневой пилкой* сделаны глубокие пропилы, в том числе и два длинных *по шее* (*рис. 8: 4*). *Возможно*, этими пропилами обозначена уздечка. Все три фигурки выполнены в одной художественной манере: головы лошадей опущены, они имеют короткие ноги и отвислый живот (рис. 8: 4–6). Ближайшие аналогии обнаруживаются в раннеэнеолитических могильниках Поволжья (Васильев 1980: 185; Васильев, Матвеева 1979; Васильев 1985: 17).

Функционально устойчивый набор костяных *орудий*, использовавшийся в повседневной жизни населения, остается неизменным на протяжении всего существования стоянки. Нет существенных *различий* между орудиями из разных слоев и в том случае, если их сравнивать по морфологическим признакам.

Несколько *иная картина наблюдается при анализе* послойного залегания предметов культа и украшений. *Только 5 фрагментов* пластин, подвеска и пронизка происходят из нижнего слоя, остальные предметы обнаружены выше. Предметы из горизонта 2 А обнаруживают сходство с раннеэнеолитическим материалом (фигурки лошадей, различные подвески).

При раскопках Варфоломеевской стоянки исследованы первые неолитические погребения в степном *Заволжье (Юдин 1991: 3–14)*.

Обращает на себя внимание отсутствие единой *позы и ориентировки погребенных. Умершие* лежали на спине, на груди, на правом боку скорченно. *Отмечены следующие ориентировки*: южная (в двух случаях), юго-западная, юго-восточная (в трех случаях) и северо-западная. Подобная картина наблюдается и на других неолитических памятниках сопредельных регионов, но там «нестандартные» погребения составляют незначительный процент *от захоронений* с единым обрядом (Белановская 1972: 267–268; *Синюк* 1986: 122–123). *Такие сильные различия можно* объяснить разновременностью погребений, *поскольку стоянка существовала* длительное время.

Следует отметить, что на финальной стадии существования стоянки зафиксировано два обряда захоронения: вытянуто на спине и скорченно на боку. Полное или почти полное *отсутствие инвентаря* – еще одна характерная особенность погребений стоянки.

Аналогичная картина наблюдается не только среди неолитических могильников сопредельных территорий (Белановская 1972: 262–265; *Синюк* 1986: 122–123), но и на памятниках отдаленных регионов. В этом плане *интересны выводы* В. А. *Алекшина о том, что* бедные, безынвентарные погребения Среднеазиатского, *Иранского и Малоазийского регионов, бесспорно* расположенные на территории поселений, *характерны для периода архаической экономики* производящего типа (Алёкшин 1986: 52–54, 151–152). *Население Варфоломеевской стоянки находилось* на первом этапе становления производящей экономики, *о чем будет сказано ниже. Поэтому отсутствие* инвентаря в погребениях и их неупорядоченное расположение на площади стоянки в какой-то мере можно отнести на счет общих стадиальных закономерностей социального развития периода становления производящего хозяйства.

Рассмотренный выше материал из четырех литологических слоев Варфоломеевской *стоянки несомненно* обладает рядом общих черт, что позволяет относить его к одной *неолитической* культуре. Общие черты прослеживаются во всех категориях инвентаря на протяжении всего существования стоянки.

Керамика имеет примесь толченой раковины в тесте глины, обжиг неравномерный, орнамент *наносился* прочерком и наколом. На каждом этапе сохраняются четыре основные формы сосудов: прямостенные с широким *открытым* устьем, с прикрытым устьем, слабопрофилированные и чашевидные. Большая часть орнаментальных композиций, отмеченных *в нижнем слое, продолжает* существовать далее.

Техника обработки камня на разных этапах также *не претерпевает* принципиальных изменений. *Орудия микролитичны, преобладает пластинчатая* техника расщепления, *основное сырье – галечный* кремень темных и серых *типов* и *полосчатый желвачный* кремень. Вторичная обработка орудий производилась только по спинке и очень редко с *брюшка. Полностью* отсутствуют орудия со сплошной двусторонней *обработкой*.

Для всех слоев характерно широкое применение костяных орудий, функциональный набор которых остается неизменным.

Несмотря на *фрагментарность данных о жилищах*, можно отметить, что полы всегда посыпались красной охрой, все жилища – полуземляночного типа, у всех вдоль стен устраивались глубокие хозяйственные ямы; *нет различий и в устройстве очагов*.

Вместе с тем, одновременно прослеживаются *и изменения, происходящие в развитии материального комплекса, что дает* основание соотносить литологи*ческие горизонты с хронологическими этапами* неолитической культуры.

В керамическом комплексе это, в первую очередь, изменения в технике *нанесения орнамента. Постепенно* уменьшается доля прочерченной керамики (33% в нижнем слое, 29% в слое 2 Б и 12% в слое 2 А) и увеличивается количество сосудов, орнаментированных наколом различной формы. В слое 2 А появляется жемчужный орнамент, а в верхнем слое четыре сосу-

да украшены гребенчатым штампом. На 12% керамики верхнего слоя отмечен элемент орнамента в виде волнистой линии, часто встречаемый уже в энеолите.

Во-вторых, происходят определенные изменения формы сосудов. Основу комплекса составляет керамика 2 группы (с прикрытым устьем). В слое 2 Б в этой группе керамики у 7% сосудов на внутренней *стороне венчика* появляется наплыв, очень часто орнаментированный. В слое 2 А во второй группе *таких сосудов уже 32%. Кроме того, фрагмент венчика* одного сосуда имеет наплыв по внутренней стороне *и воротниковое оформление по внешней. В верхнем* слое количество сосудов с наплывом уменьшается, иногда от него остается только орнамент на внутренней стороне венчика, но появляются сосуды с воротничками. В верхнем же слое до 24% увеличивается количество профилированной керамики, тогда как в нижних слоях такая керамика составляла 5–12%.

Изменения в комплексе каменных орудий наиболее ярко видны на геометрических микролитах. *В нижнем слое обнаружены сегменты и трапеции.* В слое 2 Б – сегменты и трапеции со струганой спинкой. В слое 2 А – сегменты и трапеции со струганой спинкой, причем часть из них имеет дополнительную подработку по боковым сторонам. В верхнем слое уве*личиваются размеры* трапеций со струганой спинкой. Заметно некоторое увеличение и остальных категорий орудий и *пластин от нижнего слоя к верх*нему. В верхнем слое орудия из кварцита составляют 15%, тогда как в остальных – не более 2–3%. Таким образом, можно констатировать, что четыре литологических слоя Варфоломеевской стоянки отражают последовательное развитие одной культуры при сохранении основных культуроопределяющих признаков на всем протяжении ее существования, а все отмеченные изменения носят хронологический характер.

Объединить неолитические памятники степного Поволжья в рамках орловской культуры было пред*ложено автором сразу после первого года исследова*ния Варфоломеевской стоянки (Юдин 1988: 167–170). Материалы, полученные *в последующие годы*, позволили дать более обоснованную и подробную характеристику орловской культуры (*Юдин 1995*).

Территория распространения памятников орловской культуры – это степная зона Волго-Уральского междуречья и степное Правобережье Волги. Опорный памятник для характеристики культуры – Варфоломеевская стоянка. Кроме нее в Заволжье к настоящему времени известен еще ряд памятников с орловскими материалами: Кушумская стоянка в верховьях р. Б. Узень, поселения Кумыска и Максимовка, стоянка Савинка, местонахождение Борсы (все – на р. Торгун), поселение Бубенцы на р. Мерекень, стоянка Вавилово 2 на р. Деркул и стоянка Рахинка на р. Волга. В степном Правобережье это стоянка Орловка (рис. 1). Регион исследован крайне неравномерно, поэтому очертить границы распространения орловской культуры лучше всего по памятникам неолитических культур сопредельных областей (Юдин 2000). На севере территория культуры, вероятно, будет ограничена памятниками лесостепной волго-уральской (Моргунова 1997: 8–14) или средневолжской (Васильев, Выборнов 1987) культуры. *Географически эта* граница будет проходить где-то по водоразделу р. Самары и р. р. Б. и М. Иргиз. На юге границей распространения орловской культуры будут служить *памятники каиршакского и тентекского* типов или сероглазовской культуры (Козин 2002) в Северном Прикаспии – это нижнее течение Узеней, южнее которых начинаются пески. Судя по разведкам на р. Деркул, на востоке орловские памятники, возможно, доходят до р. Урал, хотя гра*ница, вероятно, проходит* по Урало-Узеньскому междуречью. На западе естественной границей является Волга, *так как степной* зоне Заволжья на Правобережье соответствует лесостепь с иным культурным кругом памятников. Крайние юго-западные памятники орловской культуры обнаружены на Правобережье Волги, но опять же в степной зоне. Заволжские памятники и правобережная *Орловка, которая* находится намного южнее, не выглядят территориально *разомкнутыми*, так как их соединяет узкая полоса степной зоны по левому берегу Волги – Приволжская песчаная гряда. Здесь на дюнах еще в 10–20-е годы Ф. Б. Баллодом, П. Д. Рау и Т. М. Минаевой были собраны выразительные коллекции кремневых орудий (Кочетное, Краснополье, Красный Яр) (Минаева 1929: 3–27). По составу сырья, технике расщепления *и вторичной* обработки, набору категорий эти орудия вполне сопоставимы с варфоломеевскими.

О *хозяйственной* деятельности населения орловской культуры можно получить представление, опираясь на материалы Варфоломеевской стоянки и основываясь на результатах остеологических определений, выполненных И. Е. Кузьминой и А. К. Каспаровым, и трасологического *анализа костяных* и каменных орудий, произведенного В. В. Килейниковым. Данные, полученные *в результате обработки* материалов нижнего (средний неолит) и 2 Б (1 этап позднего неолита) слоев, показали, что в это время хозяйство носило комплексный присваивающий *характер, сочетающий* охоту на копытных, мелких хищников и птицу, в основном, водоплавающую и рыболовство.

О занятии древнего населения рыболовством свидетельствуют *рыболовные костяные* гарпуны (*рис. 7: 5*), каменные грузила для сетей, прослойки слежавшейся чешуи, *в том числе на дне нескольких хозяйствен*ных ям, где они достигали *нескольких сантиметров* толщины. Во всех слоях, кроме верхнего, встречены рыбьи позвонки, жаберные щитки и чешуи.

Основу хозяйства населения составляла охота на *травоядных. Культурные* напластования стоянки насыщены костями. В двух нижних слоях определены кости следующих животных: лошади (31% от общего числа особей), сайги (29%), тура или бизона (20%), кулана (17%) и благородного оленя (3%). Была распространена охота на птицу: уток, гусей, крякв, нырков, чирков, а также тетеревов и белую куропатку. Определены кости собаки, волка, *лисы, корсака и барсука.*

Из оружия сохранились охотничьи стрелы из кости. Абразивные орудия из песчаника с округлыми

в сечении бороздками и утюжки из плотных пород камня, вероятно, использовались для обработки древков стрел.

На этапе 2 А состав фаунистических остатков изменяется. Основой хозяйства *продолжают* оставаться рыболовство и охота на копытных: кулана (34,5%), лошадь (23,5%), сайгу (21%), *тура или бизона (14%). Появляется корова или мелкий тур* (7%). Также определены кости собаки, волка, *кабана и лисы*. Встречены кости утки, гуся и тетерева. В этом же слое определены кости овцы (1 особь), что фиксирует *начало* перехода к производящему хозяйству. Пока нет *данных о доместикации лошади*, но отношение к ней у населения стоянки было неординарным. На стоянке встречено несколько жертвенников (?) из передних резцов лошади, о которых говорилось выше. Стоит *вспомнить и об одной из трех* фигурок лошади с возможной *имитацией* уздечки (рис. 8: 4). Перед нами налицо проявление древнейшего в степном Заволжье культа лошади, который, вероятнее всего, мог сформироваться только в том случае, если лошадь имела важное значение в хозяйстве. *О возможности отнести к этому времени начало одомашнивания лошади* свидетельствует коневодческий характер хозяйства раннеэнеолитического населения самарской культуры (*Моргунова 1986: 12–13*).

Охота остается ведущей отраслью хозяйства и в переходный нео-энеолитический период (верхний слой Варфоломеевки). Но фиксируется увеличение количества особей овцы относительно диких животных – 3 особи или 10%. *Остальные распределяются* следующим образом: кулан 38%, сайга 17%, тур *и лошадь – по 14%*, корова или мелкий тур 7%. Также определены кости собаки, волка и корсака.

Пока *нельзя сделать* однозначных выводов по результатам остеологического анализа, так как обработано не более 5% коллекции. Примечательно, что увеличение количества особей овцы в верхнем слое совпадает с исчезновением остатков всех птиц, кабана, благородного оленя, барсука, *то есть они перестают* быть объектом охоты в связи с переориентацией хозяйственной деятельности населения.

Хронологические рамки Варфоломеевской стоянки и орловской культуры в целом определяются на *основании типологического сопоставления с памятниками* сопредельных территорий, данных радиоуглеродного и палинологического анализов. Датировка облегчается возможностью сопоставлений с материалами близкородственных культур *Северного и Северо-Западного Прикаспия*.

Средний неолит[4]. К этому времени относятся нижний слой Варфоломеевки и часть материалов *Кушумской стоянки*. Обнаруживается сходство с материалами двух нижних слоев (3 и 2) стоянки Джангар *в Северо-Западном Прикаспии* (Кольцов 1988). Это сходство проявляется не только по таким общим для нижневолжского региона признакам, как плоскодонность керамики, примесь ракушки, накольчато-прочерченная орнаментация, микролитичность и пластинчатость изделий из камня, но и более частным, свидетельствующим о несомненной синхронности материалов двух памятников.

Также по ряду общих признаков и радиоуглеродным датам нижний слой Варфоломеевки синхронизируется с памятниками каиршакского типа в *Северном Прикаспии* (Выборнов, Козин 1988: 92–105; Васильев, Выборнов, Козин 1989: 18–46).

Две из трех радиоуглеродных дат стоянки Каиршак 3 определяют время существования стоянки в пределах первой четверти V *тысячелетия* до н. э. (*Барынкин, Козин* 1998: 69). Дата, полученная по углю на основании нижнего слоя Варфоломеевки, также указывает на начало V тыс. до н. э. – 6980±200 лет назад (ГИН 6546). Синхронность Каиршака и нижнего слоя Варфоломеевки также подтверждается совпадением состава споро-пыльцевых комплексов (по данным Е. А. Спиридоновой). Если же учитывать калиброванное значение даты ГИН 6546, то начальный этап Варфоломеевской стоянки отодвигается в первую половину VI тыс. до н. э. – 5801±172 В. С. Cal. (Телегин и др. 2001: 129).

Поздний неолит. На *Варфоломеевской стоянке* представлен двумя хронологическими горизонтами – 2 Б и 2 А.

Первый этап позднего неолита: слой 2 Б Варфоломеевки, Вавилово 2, Борсы.

Технико-типологические характеристики материального комплекса слоя 2 Б Варфоломеевки обнаруживают максимальное совпадение с материалами верхнего Джангара.

Две радиоуглеродные *даты для слоя 2 Б указывают* на вторую половину V тысячелетия до н. э.: Лу-2620 – 6090±160; *Лу-2642* – 6400±230. Калиброванное значение этих дат смещает этап 2 Б к рубежу VI-V тыс. до н. э. – 5285±223 и 5020±180 В. С. Cal. (Телегин и др. 2001: 129).

Второй этап позднего неолита. Представлен слоем *2 А Варфоломеевки, стоянками* Орловка и Рахинка.

Для слоя 2 А получена серия калиброванных дат: Ки 3589 – 4351–4237 *лет* до н. э.; Ки 3590 – 4226-4002 лет до н. э.; Ки 3595 – 4334–4047 *лет* до н. э.; Ки 3596 – 4214–3991 лет до н. э. Причем образец (уголь) *3590 взят* с участка памятника, где залегал только слой 2 А. Таким образом, материалы слоя 2 А хорошо укладываются в хронологическую шкалу финального степного неолита Поволжья и датируются последней четвертью V тысячелетия до н. э.

Переходный нео-энеолитический период. Представлен верхним слоем Варфоломеевки и частью материалов поселения Кумыска.

В верхнем слое Варфоломеевки *появляется* керамика, позволяющая говорить о начале складывания *керамического комплекса* прикаспийской энеолитической культуры, что подтверждается и другими материалами (Юдин 1998).

[4] Памятники раннего неолита типа Кутат и Кулагайси в Северном Прикаспии (Козин, Комаров 1989: 6–18) в степном Поволжье пока неизвестны.

Учитывая, что *хронологические рамки* прикаспийской культуры определяются в пределах первой половины IV тысячелетия до н. э., заключительный *этап* функционирования стоянки следует относить к рубежу V–IV тыс. – началу IV тыс. до н. э.

Алёшин, В. А., 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Ленинград: Наука.

Барынкин, П. П., Е. В. Козин. 1998. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: 66–83. Самара: Издательство Самарского государственного педагогического университета.

Белановская, Т. Д., 1972. Погребения близ *неолитического* поселения Ракушечный Яр у станицы Раздорской Ростовской области // Палеолит и неолит СССР 7. Материалы и исследования по археологии СССР 185: 262–270. Ленинград: Наука.

1983. Орнаментированные изделия из кости и рога неолитического поселения Ракушечный Яр // *Изыскания по мезолиту и неолиту СССР: 158–164.* Ленинград: Наука.

Васильев, И. Б. 1985. *Могильник Мариупольского времени* в Липовом овраге на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья: 3–19. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного университета.

Васильев, И. Б., А. А. Выборнов. 1988. *Неолит* Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного педагогического института.

Васильев, И. Б., А. А. Выборнов, Е. В. Козин. 1989. Исследование неолитической стоянки Каир-Шак 3 // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: 118–45. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного педагогического института.

Васильев, И. Б., Г. И. Матюгина. 1979. Могильник у с. Съезжее *на реке Самаре* // *Советская археология 4: 147–166.*

Васильев, И. Б., А. Т. Синюк. 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного педагогического института.

Васильев, И. Б., А. А. Выборнов, Р. С. Габашев, Н. Л. Моргунова, Г. С. Пеньш. 1980. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы: *151–188.* Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного педагогического института.

Выборнов, А. А., Е. В. Козин. 1988. Неолитическая стоянка Каиршак 1 в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия: 92–105. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного педагогического института.

Гвоздовер, М. Д. 1953. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Материалы и исследования по археологии СССР 39: 192–226. Москва: Наука.

1985. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // Советская археология 1: 9–22.

1985а. Орнамент на изделиях костенковской культуры // Советская антропология 1: 9–22.

Даниленко, Т. А., 1985. Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: 34–47. Челябинск: Издательство Башкирского университета.

Еремин, В. И. 1977. Стоянки предъямного и ямного времени на территории Нижнего Поволжья // Историко-краеведческие записки 7: 53–69. Волгоград.

Зданович, С. Я., Г. Ф. Коробкова. 1988. *Новые данные о хозяйственной деятельности поселения эпохи бронзы* (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка 2) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей: 60–79. Челябинск: Издательство Башкирского университета.

Кадиева, С. С., В. И. Логвин, 1997. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до н. э. Кустанай: Издательство Минво науки – АН РК.

Килейников, В. В. 1985. Хозяйство населения донской лесостепной срубной культуры (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ленинград.

1989. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи: 119–126. Воронеж: Издательство Куйбышевского государственного педагогического института.

Килейников, В. В, А. И. Юдин. 1993. Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки // Археологические вести 1: 63–86. *Саратов: Издательство Саратовского* государственного университета.

Козин, Е. В. 2002. Неолит Северного Прикаспия. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ижевск.

Козин, Е. В., А. М. Комаров. 1989. Памятники раннеэнеолитического *времени в южной части* Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: 6–18. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного педагогического института.

Кольцов, П. М. 1988. Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия: 52–92. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного педагогического института.

Мамонтов, В. И. 1974. Позднеэнеолитическая стоянка Орловка // Советская археология 4: 254–258.

Минаева, Т. М. 1929. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения 36 (1): 3–27. Саратов.

Моргунова, Н. Л. 1986. Хозяйство населения волго-уральской и самарской культур // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы (тезисы докладов): 8–10. Оренбург: Издательство Оренбургского государственного педагогического института.

Моргунова, Н. Л. 1997. *Население юга лесостепи Волго-Уральского* междуречья в эпохи неолита–энеолита – ранней бронзы. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Москва.

Пряхин, А. Д., В. В. Килейников. 1986. Хозяйство жителей Мосоловского поселения эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трасологического анализа орудий труда) // *Археологические памятники* эпохи средней бронзы восточноевропейской лесостепи: 20–36. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.

Синюк, А. Т. 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.

Телегин, Д. Я. 1981. Про неолітичні пам'ятки Подоння та Степового Поволжя // Археологія 36: 3–19. Київ: Наукова думка.

Телегин, Д. Я., А. Л. Нечитайло, И. Д. Потехина, Ю. В. Панченко. 2001. *Среднестоговская и новоданиловская культуры* энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск: Шлях.

Третьяков, В. П. 1974. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области // Советская археология 1: 208–213.

Юдин, А. И. 1988. Варфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия: 142–172. Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного педагогического института.

1991. Неолитические погребения Варфоломеевской стоянки // Археология Восточной Европейской степи 2: 3–14. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета.

1995. Неолит и энеолит степного Заволжья. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва.

1998. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: 83–105. Самара: Издательство Самарского государственного педагогического университета.

2000. Культурные контакты и связи населения Нижнего Поволжья в неолитическое время // Нижневолжский археологический вестник 3: 41–57. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета.

Яковлева, Л. А. 1989. Позднепалеолитические схематические статуэтки женщин территории Подиепровья // Первобытная археология: 42–54. Киев: Наукова думка.

THE SITE OF VARFOLOMEEVKA – A KEY SITE OF THE NEOLITHIC ORLOVSKAYA CULTURE IN THE STEPPE VOLGA REGION

A. I. YUDIN

The multy-layered site of Varfolomeevka, situated in the steppe region beyond the Volga (fig. 1), has yielded some unique materials which enable us to trace the cultural development of the local population throughout more than one millennium – from the middle Neolithic to the early Aeneolithic periods, and to identify the cultural-chronological positions of a number of sites discovered earlier.

Interdisciplinary studies of the evidence from Varfolomeevka made it possible to obtain information on the age of the site and on the palaeoclimate during the whole period of its existence, the economy of its population, and the technologies of various household manufactures. Now the Varfolomeevka is one of the most studied sites in the Volga steppe zone.

The cultural sediments at the site of Varfolomeevka amount in thickness to 2.2 m and stratigraphically are subdivided into four lithological layers: the upper (first), two medium ones (2A and 2B), and the lower (third).

The remains of dwellings – rectangular semi-pitted houses, were excavated in the three lower horizons. Their floors in each case were covered with a layer of ochre. In the central part of the dwellings there were fireplaces and alongside their walls several household pits were ranged.

Fragments of several thousands of ceramic vessels were uncovered at the site and grouped into 4 main categories: 1) straight-sided vessels with a broad open mouth; 2) vessels with closed mouth; 3) poorly-profiled ware; and 4) small cup-like round-bottomed vessels. Pots of the first three groups have flat bases. The paste of the majority of the pots (figs. 2–5) contains pounded shells. The vessels are decorated with scratched lines and indentations. The number of the examples with indented ornamentation increasing from the lower horizon to the upper one (Table. 1).

A total of 5624 stone items have been found at the site. Most of the finds (5563 items) were produced by flint or quartzite knapping, 60 items were manufactured from other kinds of stone, namely: sandstone, chalk, and different argilised and crystalline rocks (Table 2).

The blade-making technique of stone knapping is the characteristic feature of this site. About 60% of tools are manufactured on blades. End-scrapers, knives, points, and geometric microliths were manufactured on the sections of blades. In layer 3, geometric microliths are represented by segments of lower shapes and by trapezoids. In layer 2B, all of the trapezoids have already acquired the back flattened by retouch (fig. 6). In layer 2A, geometric microliths are represented by a few inexpressive segments and three types of trapezoids with the back flattened by retouch (high and medium high, with almost parallel lateral sides, asymmetric). About 1/6 of the trapezoids from this layer are retouched on one or two face planes on ventral surface and have fine lateral retouch on the bases from the faces. In layer 1, the segments were absent, while the high trapezoids with the back flattened by retouch are typologically indistinguishable from those from layer 2A; but some large examples appear here (amounting to 23–27 cm in height).

A total of over 300 bone items have been found at Varfolomeevka (fig. 7): tools of vaious home manufactures (leather-dressing and ceramic); tools typical of the food gathering economy (harpoons and hunting points); household (casings for inserts, muffs and hafts) and ritual items (anthropomorphic and zoomorphic) (*Килейников, Юдин 1993*: 63–86).

Also, the first in the steppe trans-Volga region Neolithic burials have been excavated here (*Юдин 1991*: 3–14). These are peculiar by the absence of any common posture of the deceased and of any grave inventory.

The materials from the four lithological layers of the Varfolomeevka site undoubtedly are united by a number of common features that allow to attribute them to a single Neolithic culture. These common features are traceable in all the categories of the inventory and throughout the entire period of the existance of the site. The changes which occurred in the development of the material complex enabled us to correlate the lithological layers with certain chronological stages of the Neolithic culture which received the appellation of Orlovskaya after the first excavated site of this cultu-re (*Мамонтов* 1974). The territory of the distribution of sites of the Orlovskaya culture is the steppe zone between the Volga and Ural rivers and the right steppe bank of the Volga.

The economy of the bearers of the Orlovskaya culture was a complex hunting and fishing one, while in the upper layer, bones of sheep and cow appear suggesting the transition to food production. It is also possible that in the late Neolithic, that the horse was already domesticated here.

The chronological borders of the Varfolomeevka site, and the Orlovskaya culture in general, are determined on the basis of a typological comparison with sites on adjacent territories and the results of the radiocarbon and palinological analysis.

Middle Neolithic. The lower layer at Varfolomeevka belongs to this period. Some common features and radiocarbon dates suggest that the lower layer at our site is synchronous to the sites of the Kairshak type. The uncalibrated dating by the carbon from the base of the lower layer at Varfolomeevka indicated the beginning of the 5th mil. B.C.: 6980±200 B. P. (ГИН 6546).

The Upper Neolithic period at the Varfolomeevka site is represented by two chronological layers – 2B and 2A. Horizon 2B corresponds to the middle – second half of the 5th mil. B.C.: 6090±160 B. P. (Jly-2620); 6400±230 (Jly-2642). For layer 2A, four calibrated dates were received in the time-span from 4351–4237 B. C. to 4214–3991 B.C. Finds from layer 2A conform well to the chronological scale of the final Neolithic in the Volga steppe and are dated to the last quarter of the 5th mil. B.C.

The transitional Neo-Aeneolithic period. The occupation of the site came to its end in the beginning of the 4th mil. B.C. with the formation of the early Aeneolithic Caspian culture.

ДИНАМИКА ТЕХНИКИ ОБЖИГА В ДРЕВНЕМ ГОНЧАРСТВЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

И. С. ЖУЩИХОВСКАЯ[1]

Введение. Обжиг – заключительная и важнейшая стадия производственного цикла *гончарства*, превращающая путем температурного воздействия исходное глинистое сырье в собственно керамику. Техника обжига керамических изделий претерпевала *изменения* в рамках *исторической эволюции гончарства* начиная с самых ранних его этапов. Способы и приемы обжига в значительной мере отражают *состояние* керамического производства, технический потенциал и социально-экономический уровень древних обществ (*Августиник* 1956; *Сайко* 1982: 138–195; Bares et al. 1982: 191–208).

Основные индикаторы техники обжига керамики – температурный и атмосферный режимы, зависящие от типа обжигательного устройства и принципов его *эксплуатации*. Именно эти характеристики *оказывают решающее влияние на* качество готовых изделий. Археологические свидетельства техники *обжига представлены*, во-первых, остатками самих *обжигательных сооружений* (*прямые* свидетельства) и, во-вторых, комплексами керамической продукции (*непрямые* свидетельства). *Исследуя археологическую керамику можно распознать* и измерить признаки *для идентификации* температурного и атмосферного режимов обжига. К ним относятся фазовое *состояние и текстура пластичных* и непластичных фракций в составе *формовочной массы*, *пористость*, водопоглощение, твердость, цвет излома и поверхности *черепков* (*Августиник* 1956; 1982: 53–69; Heinmann 1982; Hulthen 1977; Shepard 1985: 74–92, 102–116, 203–223; Rice 1987: 347–367). Изучение с этих позиций древней керамики позволяет получать системные серийные аналитические данные в отличие от исследования остатков обжигательных конструкций, *которые относятся* к редким археологическим объектам, особенно на памятниках первобытной эпохи (Бобринский 1989; Bares et al. 1982: 191–208; *Sullivan* 1988).

Определение технического уровня обжига керамики – *одно из* ведущих направлений в исследовании*х гончарства древних культур* Дальнего Востока России на протяжении последних двух десятилетий (Гельман 1999; Гребенщиков 1989; *Жущиховская* 1988, 1996; 1998; *Мыльникова 2000*; Понкратова 2000; Тупикина 1996; Zhushchikhovskaya 1999; 2002). Задачей настоящей статьи является обзор пространственно-временной *динамики* техники обжига в общем контексте развития гончарства *и культурно-исторического процесса в зоне Российского Дальнего* Востока в эпоху первобытности и эпоху средневековья (эпоху ранних государств).

Зона Дальнего Востока представляет значительный интерес для изучения корреляции между эволюцией техники обжига керамики и культурно-исторической *динамикой. Здесь выделяется три географ*ических и культурных ареала – материковая часть южного Дальнего Востока, включающая регионы *Приморья и Приамурья*, островная часть южного Дальнего Востока (о. Сахалин) и север Дальнего Востока (северо-востока Азии), включающий побережье Охотского *моря*, *Камчатку и* Чукотку (рис. 1). Каждый ареал демонстрирует свой характер динамики техники обжига в древнем *гончарстве*.

Заключения о температурном и атмосферном режимах обжига базируются в основном на результатах изучения археологической *керамики Дальнего* Востока. Автором использованы следующие аналитические методы: цветовой анализ, повторный обжиг; *петрографический анализ*, сканирующая электронная микроскопия (SEM), определение показателя водопоглощения, определение показателя твердости. Большинство этих методов, за исключением электронной микроскопии, были использованы при изучении представительных серий керамического материала, что позволило повысить степень надежности полученных результатов. Другими исследователями, занимавши*мися проблемой реконструкции* техники обжига в древнем гончарстве Дальнего Востока, также применен комплекс специальных методов (Гребенщиков 1989; *Мыльникова 2000*; Понкратова 2000). Наиболее сложной задачей является определение температуры обжига древней керамики, поскольку *нет универсаль*ного метода, позволяющего получать надежный абсолютный показатель. Оптимальным исследователь*ским принципом надо считать* сочетание различных методик и корреляцию их результатов, что повышает степень вероятности определений *температурного* индекса в каждом конкретном случае (Heinmann 1981). Однако обсуждение методики исследования *археологической керамики* на предмет установления характеристик техники обжига не является специальной задачей данной статьи. Здесь уже в суммирован*ном виде приводятся результаты*, к которым привел анализ источников.

[1] Россия. 690600. Владивосток. ул. Пушкинская, 89. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

© И. С. Жущиховская, 2004

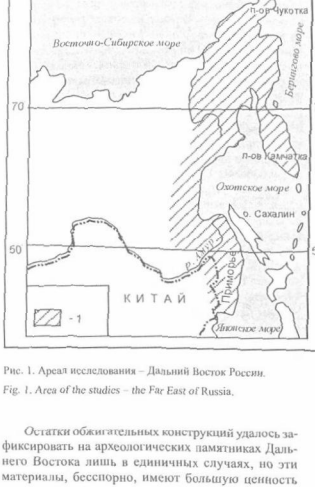


Рис. 1. Ареал исследования – Дальний Восток России.

Fig. 1. Area of the studies – the Far East of Russia.

Материальная культура древнего населения *периода позднего плейстоцена* – раннего голоцена сочетает архаические палеолитические *традиции и новые технические* черты и инновации, среди которых одно из центральных мест занимало освоение приемов *изготовления керамических* емкостей. Технико-технологический уровень этой деятельности был простым и примитивным, *имея ряд общих характеристик* с ранним гончарством других районов мира (Жушиховская 2002) *Это утверждение в* полной мере относится и к технике обжига. По результатам исследования древнейшей керамики ее температурный индекс – 500–600° С. В некоторых случаях можно предполагать и более низкие температуры – в пределах 400–500° С. Например, в отдельных фрагментах керамики памятника Гася обнаружены карбонизированные, но не выгоревшие полностью растительные волокна травянистой примеси – как известно, выгорание органики происходит при температуре 500° С и *выше* (Rice 1987: 88). Цветовые характеристики древнейшей керамики – бледно-желтые, коричневатые тона – указывают на окислительный режим обжига, при свободном доступе воздуха. Отдельные образцы, имеющие черную окраску, подвергнись, вероятно, случайному задымлению, вследствие чего поры оказались заполнены углеродистыми частицами. Никаких следов обжигательных сооружений, относящихся к начальному этапу освоения керамики, не обнаружено. Однако по результатам исследований можно предполагать использование для обжига обычного костра. Очень низкие температурные индексы указывают на недостаточный уровень владения даже простейшими приемами обжига в костре, который при *определенных навыках* позволяет достигать вполне удовлетворительных условий тепловой обработки глиняных изделий (Bares et al. 1982: 191–212).

Керамические комплексы большинства неолитических культур и памятников Приморья и Приамурья также можно отнести к первому этапу эволюции техники обжига в гончарстве этих регионов. В Приморье – это материалы рудницкой культуры середины VI – середины V тыс. до н. э., бойсманской культуры середины V – середины IV тыс. лет до н. э., многих памятников зайсановской культуры III–II тыс. до н. э. На Нижнем Амуре – материалы малышевской культуры VII–VI тыс. до н. э., кондонской культуры V–IV тыс. до н. э., прото-вознесеновской культуры второй половины III тыс. до н. э., и возможно, вознесеновской культуры конца III – первой половины II тыс. до н. э. На протяжении неолитической эпохи имело место медленное и постепенное развитие технологии формовочных масс, методов формовки, морфологических стандартов, технологии обработки поверхности и принципов декора керамики (Жушиховская 1996: 12–18, 21–23).

В сфере обжига прогресс по сравнению с начальными шагами в освоении мастерства керамики был весьма слабым. Температурный индекс керамики неолита – 600–650° С. Атмосферный режим – окислитель-

Остатки обжигательных конструкций удалось зафиксировать на археологических памятниках Дальнего Востока лишь в единичных случаях, но эти материалы, бесспорно, имеют большую ценность в контексте нашего исследования. В процессе их изучения был использован метод экспериментального моделирования.

Ниже будет рассмотрена динамика техники обжига в древнем гончарстве каждого из трех выделенных регионов.

Техника обжига в древнем гончарстве Приморья и Приамурья. По археологическим материалам материковой части юга Дальнего Востока можно выделить несколько этапов в динамике техники обжига древней керамики.

А). *Первый этап* охватывает период со времени появления керамической технологии на Дальнем Востоке (XI–VIII тыс. до н. э.) до III – начала II тыс. до н. э. Самая ранняя керамика в этом регионе была обнаружена на памятниках Гася и Хумми на Нижнем Амуре, Черниговка *1* и Устиновка 3 в Приморье (Жушиховская 2002; Derevyanko, Medvedev 1995; Zhushchikhovskaya 1997). Эти памятники представляют переходную фазу *между* поздним плейстоценом и ранним голоценом. Возраст комплексов определен радиоуглеродным датированием культурного слоя, содержащего раннюю керамику, и анализом самих керамических образцов: Гася – 12980 ± 120, 10875 ± 90, Хумми – 13260 ± 100, 12010 ± 105, 10345 ± 110, Черниговка-1 – 10770 ± 75, 7975 ± 65, Устиновка-3 – 9301 ±3 1 (Гарковик 2000; Джалл и др. 1998).

ный, судя по преобладанию в керамической коллекции любого памятника образцов желто-коричневой цветовой гаммы. Часто встречающаяся *пятнистая окраска* поверхности с темными участками указывает на обжиг *в условиях неконтролируемого* присутствия дыма, копоти. Характерным дефектом обжига является так называемая полоса «недожега» в середине излома черепков, свидетельствующая о недостаточном времени выдержки изделий в достигнутом температурном режиме и о неполном окислении соединений железа в глине. Эта особенность типична для простейшего уровня обжига керамики (Shepard 1985: 80–81).

Какие-либо остатки обжигательных сооружений на неолитических памятниках *Приморья и Приамурья* не известны. По данным исследования археологической керамики можно предполагать использование обычного открытого костра.

Б). *Второй этап* соответствует периодам *позднего неолита и палеометалла*, охватывая время примерно от середины II тыс. до н. э. до I–II вв. н. э. С этим *временем связаны* существенные изменения в материальной культуре, экономике, социальной структуре *древних обществ* материковой части юга Дальнего Востока. Наиболее важными новациями следует считать распространение навыков *земледелия, знакомство* с металлом и технологией металлообработки. В позднем неолите и на *стадии освоения бронзы* во II – первой половине I тыс. до н. э. на развитие местного населения заметное *влияние* оказали культурные *импульсы из районов* Центральной Азии и Южной Сибири (Zhushchikhovskaya 2003). Все эти новые явления и тенденции определенным образом сказались и на состоянии керамического производства, обогатив его целым рядом прогрессивных инноваций, достаточно быстро принявших устойчивый характер традиции. В гончарстве позднего неолита и палеометалла происходит освоение новых морфологических стандартов, технологических приемов, принципов декора (Жущиховская 1996: 21–23).

Второй этап эволюции техники обжига керамики *представлен в Приморье* материалами рада западных памятников зайсановской культуры неолита, *памятников синегайско-лидовской* культурной общности, относящейся ко времени освоения бронзы в конце *II* – первой половине I тыс. до *н. э.*, памятников янковской культуры (IX–VIII вв. – IV в. до н. э.) и крауновской культуры (*IV в. до н. э. – I–II вв. н. э.*) раннего железного века. На Нижнем Амуре этот этап представлен материалами памятников урильской культуры (X–V вв. до н. э.) и польцевской культуры (IV в. до н. э. – II в. н. э.), также относящихся к раннему железу.

Поздний неолит и период палеометалла – время качественных изменений в технике обжига керамики, насколько позволяют судить об этом археологические источники. Аналитические исследования керамики из некоторых памятников зайсановской культуры, расположенных в западном и юго-западном Приморье (Крауновка-1, Зайсановка-1) дают температурный индекс 650–700° С, в ряде случаев можно предполагать и более высокое значение – 750° С. Большинство изделий обжигается в обычном окислительном режиме, однако именно в позднем неолите появляется *новая технология – целенаправленное «дымление»*, позволяющее получать посуду ровного черного цвета и одновременно улучшающее ее практические качества за счет снижения водопоглощения. Так, на памятнике Крауновка-1 (средний горизонт) черный цвет имеет особая группа керамических изделий, которые по совокупности признаков технологии, морфологии и декора интерпретируются как «парадная» посуда (Zhushchikhovskaya 2003). *Смысл приема «дымления» заключается в намеренном насыщении* воздушного пространства вокруг обжигаемых изделий *углеродом. Обычно* это происходит после окончания обжига в окислительной среде – керамические изделия выдерживаются в дыму и копоти в течение определенного времени. Чем более длительно время выдержки, тем интенсивнее темная окраска изделия. При повторном помещении задымленной керамики в окислительную среду черная окраска постепенно исчезает при температуре от 500–550° С (Shepard 1985: 217–222).

Мы *не располагаем данными о наличии на* памятниках позднего неолита специальных обжигательных *устройств, однако по результатам исследования* керамики можно заключить, что в технике обжига по сравнению с предшествующим этапом произошли качественные изменения прогрессивного характера. Даже если гончары позднего неолита продолжали использовать обычный открытый костер, мастерство работы с этим тепловым устройством значительно возросло – оно позволяло теперь достигать более высоких температур и практиковать специальные технологические эффекты обжига («дымление»).

Еще более заметен прогресс в технике обжига *керамики в культурах, относящихся к* периоду палеометалла, охватывающему время освоения бронзы и ранний железный век. Температурный индекс керамики из памятников Приморья по данным анализов может быть определен в пределах 700–750° С. В ряде случаев этот показатель мог достигать 800° С. Как полагают исследователи керамики раннего железного века Нижнего Амура, в гончарстве урильской и польцевской культур *значения температурного режима составляли 800–850° С*, а иногда даже 900–1000° С. Эта точка зрения основывается на результатах *идентификации* температурного индекса комплексом методов естественных наук (Гребенщиков 1989). Существенное значение для суждений о техническом потенциале операции обжига имеют находки на некоторых памятниках палеометалла керамических фрагментов с явно *выраженными следами брака* в результате чересчур резкого подъема температуры. *Керамика с покоробившимися*, деформированными стенками, покрытыми глубокими трещинами, была обнаружена на памятнике Синий Гай в слое, относящемся ко времени освоения бронзы, на памятниках крауновской культуры раннего железа. В составе формовочной массы таких фрагментов присутствуют зерна кварца с оплавленными краевыми зонами, что *однозначно указывает на воздействие высоких тем-*

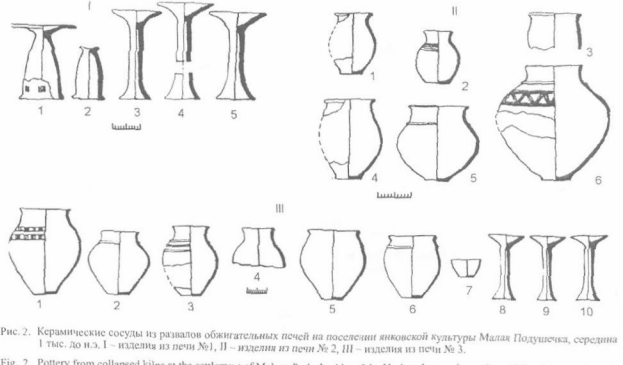


Рис. 2. Керамические сосуды из развалов обжигательных печей на поселении янковской культуры Малая Подушечка, середина 1 тыс. до н.э. I – изделия из печи №1, II – изделия из печи № 2, III – изделия из печи № 3.

Fig. 2. Pottery from collapsed kilns at the settlement of Malaya Podushechka of the Yankovskaya culture, the middle of the 1st mil. B.C. *I – finds from kiln no. 1; II – finds from kiln no. 2, III – finds from kiln no. 3.*

пературе – около 1000–1100° С. Деформация стенок могла быть следствием очень быстрого температурного скачка, что негативно отражается на состоянии формовочной массы. Причиной подобного брака во время обжига также могло быть то, что для некоторых типов глин температурный порог 900–950° С является критическим. При его *превышении*, даже если подъем температуры был плавным, в глинах *начинаются резкие структурные трансформации*, приводящие к браку изделий (Shepard 1985: 81–92, 213–224). Факт наличия керамического брака важен потому, что он может рассматриваться как косвенное свидетельство использования обжигательных устройств более сложных, чем обычный костер, в которых можно было, хотя бы и на короткое время, получить высокие температуры.

Что касается атмосферного режима обжига *керамики периода плеометалла, то он был* преимущественно окислительным. Однако достаточно *хорошо был освоен прием «дымления»*, который использовался при изготовлении, главным образом, посуды неутилитарного назначения – ритуальных или парадных сосудов янковской и крохуновской культур. Это некоторые виды мисок, чаши и блюда на поддоне, тарелки.

Мы располагаем материалами, которые можно *интерпретировать как остатки обжигательных* сооружений периода палеометалла. Они обнаружены *на поселении* янковской культуры Малая Подушечка в южном Приморье (Андреева и др. 1986: 44–45). По данным радиоуглеродного анализа памятник датируется V в. до н. э. Найдены развалы трех печных сооружений, располагавшихся на территории древнего поселка недалеко *друг от друга. Печи были сло-*жены из глины на растительном каркасе – прекрасно сохранились куски глиняной обмазки со следами выгоревших стеблей и прутьев. Площадь печных развалов, представлявших собой растянутые скопления обмазки, – 4 х 2 м, 4 х 3 м. Не выявлено каких-либо четких конструктивных особенностей. Внутри развалов находились археологически целые сосуды, уже прошедшие стадию обжига (рис. 2). По своему типу эти сооружения, вероятно, близки наиболее ранним обжигательным печам, известным в древности в некоторых районах мира. Такие печи, сложенные из глины или сырцового кирпича, были небольшого размера и вмещали немного изделий. Самый простой вариант печей не разделялся на топочный и обжигательный отсеки. В более сложной конструкции топка и обжигательная камера разграничивались перегородкой либо перепадом уровня пола в горизонтальной плоскости. Печь имела топочное отверстие и отверстие для воздушной тяги в перекрытии (Хлопин 1964: 120–123; Bares et al. 1982: 191–208, 223). Была предпринята попытка соорудить экспериментальную печь подобного типа и провести в ней обжиг керамики (рис. 3). Выяснено, что при интенсивном процессе горения топлива (древесины) в такой печи температура около 700–750° С может быть достигнута в течение 1–1,5 часа. Для того, чтобы получить изделия с достаточно равномерно обожженным черепком, необходимо выдержать их при температуре 700° С около 2 часов (Жущиховская 1998).

Можно отметить, что прогресс в области тепловой обработки керамики в период палеометалла на юге Дальнего Востока синхронизируется по времени с процессом знакомства с металлами – бронзой и железом. По имеющимся сегодня данным трудно

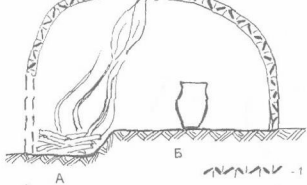


Рис. 3. Экспериментальная печь для обжига керамики. Разрез по горизонтальной оси. А – топка, Б – обжигательный отсек, 1 – глина на растительном каркасе.

Fig. 3. Experimental pottery-firing kiln. Horizontal section. A – fire-chamber; Б – firing compartment; 1 – clay with a vegetal carcass.

сказать, в какой степени были освоены приемы тепловой обработки металла в культурах конца II – I тыс. до н. э. Известны единичные факты, которые можно интерпретировать предположительно как свидетельства выплавки бронзы на некоторых *памятниках* раннего железного века Приморья (Конькова 1989: 47–48). Вопрос о путях освоения железа на юге Дальнего Востока *пока остается открытым.*

В). *Третий этап* приходится на время развитого железного века, первую половину I тыс. н. э. В Приморье *материалы этого этапа представляет* ольгинская культура, памятники которой широко известны *в регионе и маркируют* заключительную стадию эпохи первобытности. *Некоторые исследователи рассматривают ольгинскую культуру как приморский* вариант польцевской культуры Нижнего Амура (Бродянский *1987: 174–179). Ольгинская культура дает* свидетельства развитого производящего хозяйства, в котором важную роль играло земледелие, с широким *использованием* железных орудий в различных производственных сферах. Последние демонстрируют типовое разнообразие и высокий уровень технологии *изготовления. В период* ольгинской культуры происходит заметное укрупнение площадей поселений, усложнение их структуры (Андреева 1977).

Керамическая посуда ольгинской культуры характеризуется обширным спектром форм, размеров и функций. Как и в предшествующий период, формовка *сосудов производится* вручную, *однако в* технике обжига наблюдаются прогрессивные изменения. По данным анализов керамики температурный интервал обжига – 800–950° С. *Атмосферный режим* обжига – окислительный, в качестве специального эффекта используется «дымление». Каких-либо остатков обжигательных *сооружений, относящихся к* ольгинской культуре, пока не обнаружено. Мы можем предполагать их существование, исходя из установленного температурного *индекса, который соответ*ствует обжигу в печных устройствах.

Г). *Четвертый этап* согласуется с эпохой ранних государств на юге Дальнего Востока, VII–XIII вв. Памятники государства Бохай *(конец VII – X вв.)* и империи Чжурчженей (XII–XIII вв.) – городища, крепости, поселения – *содержат богатейшие материалы*, отражающие социальный, экономический и культурный *аспекты данного исторического периода.* В частности, получены выразительные свидетельства существования ремесленной специализации во многих *производственных сферах. Особого расцвета* достигают металлургия и металлообработка, располагавшие развитой техникой тепловой обработки *и широким арсеналом технологических приемов* (Леньков 1974). В керамическом производстве активно развивались две основных отрасли – изготовление *бытовой керамики* (посуда) и изготовление строительной керамики (черепица, кирпич).

В период ранних государств технический уровень керамического дела базировался на использовании гончарного круга и печных обжигательных *устройств.* Температурный интервал обжига керамических изделий составлял около 900–1000° С (Тупикина 1996: 20). Цветовой *анализ и поверхный обжиг образцов* керамики позволяют определить спектр атмосферных режимов – окислительный, восстановительный, *«дымление». При* этом достаточно часто отмечается комбинация различных режимов – окислительного и «дымления», восстановительного и «дымления», окислительного и восстановительного. Прием «дымления» использовался в нескольких *вариантах* – для получения равномерной черной окраски поверхностного слоя стенок сосудов, для сплошной обработки изделий на всю *толщину стенок. Технология* «дымления» требовала хорошо отлаженной регуляции времени воздействия *углеродистой атмосферы* на *обжигаемые сосуды.*

Восстановительный режим обжига, результатом которого является ровная насыщенная серая с голу*боватым оттенком окраска поверхности* и излома керамических сосудов, наиболее сложен технически. *Он требует изоляции* изделий, находящихся в обжи*гательном устройстве от прямого доступа* кислорода. В оптимальном варианте изделия надо изолировать также от дыма и копоти. При этом должен поддерживаться *стабильный температурный режим* (Shepard 1985: 81–91; 213–223). Обжиг керамики в восстановительной среде связан обычно с достаточно высоким уровнем *развития теплотехники.*

О качестве изделий бохайских и чжурженьских гончаров красноречиво *свидетельствует* показатель водопоглощения – от 5 до 10%. *Этот индекс* указывает на хорошую спеченность *и низкую* пористость формовочной массы, что в значительной мере является следствием соответствующего технического уровня обжига (Августинлик 1956; Сайко 1982: 68). Для сравнения можно отметить, что для керамики *неолита* Приморья показатель водопоглощения в среднем составляет 15–20%, а для керамики палеометалла – 12–17%.

Сегодня неизвестны достоверные *факты обнаружения* на памятниках эпохи ранних государств остатков печей для обжига гончарных изделий. Однако раскопанных неплохо сохранившиеся части печей для обжига черепицы – на Краскинском городище периода Бохай в южном Приморье. Согласно результатам анализов керамического материала из печей, температурный интервал обжига составлял 850–1100° С (Boldin, Nikitin 1999).

Динамика техники обжига в древнем гончарстве о. Сахалина. Исследования археологических материалов древних культур Сахалина позволяет выделить два этапа в эволюции техники обжига керамики, которые согласуются с общими темпами культурно-исторического процесса в островном регионе юга Дальнего Востока России.

А). *Первый этап* соответствует периоду неолита и представлен материалами южно-сахалинской культуры около VI–V тыс. до н. э., имчинской культуры III–II тыс. до н. э., анивской культуры около II – первой половины I тыс. до н. э., *сусуйской культуры* I тыс. до н. э. (Васильевский 1995). Неолит – время становления керамической технологии на Сахалине. Для нее характерны ручная формовка сосудов, простейшие морфологические модели, примитивный уровень обработки поверхности, несложный декор. Техника обжига была несовершенна. Средний температурный интервал – 500–600° С, атмосферный режим – окислительный. Окраска поверхности часто пятнистая, с задымленными участками. В изломе черепков обычно фиксируется полоса «недожега». Все эти признаки позволяют предполагать, что обжиг керамики проходил в обычном костре, с плохой регулярной воздушной среды, часто с недостаточным временем температурной выдержки.

Б). *Второй этап* может быть соотнесен со временем от рубежа н. э. до XII–XIII вв., определяемым сегодня как период палеометалла. Этот период представлен материалами охотской культуры, поселения которой широко известны на Сахалине, особенно в его южной части (Васильевский 1995, 2000). Эти памятники дают нам яркие свидетельства значительных изменений в жизни обитателей острова по сравнению с эпохой неолита. В системе жизнеобеспечения ведущую роль играл морской зверобойный промысел, что обусловливало высокую степень оседлости; сложился развитый орудийный комплекс, ориентированный на промысловые потребности; в I тыс. н. э. на Сахалине появились железные изделия, импортированные с материка и Японских островов. Возможно, происходит знакомство и с некоторыми навыками металлообработки. В целом же, по своим социальным и культурным параметрам, техническому потенциалу население острова не перешагнуло рамки до-государственного общества.

Состояние керамического производства охотской культуры также отражает некоторые прогрессивные изменения относительно периода неолита. Эти изменения проявляются в расширении морфологического разнообразия изделий, появлении более развитых приемов обработки поверхности. Технический уровень операции формовки остается прежним (ручная лепка), однако в технике обжига происходят позитивные сдвиги. Средние температуры обжига возрастают до 600–700° С. Особо следует отметить находки на ряде охотских памятников (Свободное, Анфельцево-2, Кузнецово-1) фрагментов керамики со следами брака в результате резкого подъема температуры обжига до 1000–1100° С, судя по характеру трансформации минеральных включений в формовочной массе. Возможно, эти факты указывают на существование обжигательных сооружений, более сложных, чем обычный костер, и способных к достижению – хотя бы кратковременному – высоких температур. Однако до сих пор на памятниках охотской культуры каких-либо остатков обжигательных конструкций не обнаружено.

Динамика техники обжига в древнем гончарстве севера Дальнего Востока. Зона, включающая западное побережье Охотского моря, бассейн р. Колымы, полуостров Чукотка, относится к суб-арктическому и арктическому климатическим поясам с экстремально суровыми природными условиями. Открытые здесь археологические культуры принадлежат предкам эскимосов, чукчей, корякох. По сравнению с южными районами Дальнего Востока темпы культурно-исторического развития на севере были замедленными, что нашло выражение в различных сферах социальной и экономической жизни, и, в частности, в материальной культуре. Технологический уровень эпохи камня сохранялся в северных культурах вплоть до XVII–XVIII века, когда в эти районы впервые пришли русские землепроходцы и исследователи. Редкие изделия из металла – сначала бронзовые, затем железные, эпизодически попадавшие к жителям севера из районов Дальнего Востока, Сибири начиная с конца II тыс. до н. э., не меняли общей картины производительных сил. К рубежу н. э. сложилась система жизнеобеспечения приморских северных культур – ее основу составлял морской зверобойный промысел. В целом, культурный контекст населения северных районов Дальнего Востока был полностью ориентирован на адаптацию к окружающей среде, на наиболее эффективные модели выживания (Диков 1979; Орехов 2001).

Адаптивная направленность ярко прослеживается и в традициях изготовления керамической посуды. Они характеризуются крайним рационализмом, простотой, экономичностью временных и трудовых затрат, максимальной приспособленностью к местным климатическим и сырьевым условиям – это нашло отражение в технологии формовочных масс, принципах формовки, обработки поверхности, очень ограниченном функциональном поле глиняных емкостей (Гусев, Жущиховская 1998; Жущиховская, Понкратова 2000). Керамические комплексы северных культур в широких временных рамках III тыс. до н. э. – середины II тыс. н. э. не дают убедительных свидетельств технико-технологического прогресса, морфологической и функциональной эволюции. Это касается и техники обжига керамики, которая не претерпела сколько-нибудь существенных измене-

ний за несколько тысячелетий. Средний температурный интервал обжига – 600–700° С. Атмосферный режим – *окислительный. Нет данных о целенаправленном* использовании приема «дымления», хотя случайно задымленная керамика достаточно часто встречается в коллекциях памятников. По имеющимся сегодня материалам можно предполагать обжиг глиняных изделий в обычном открытом костре. Любопытное подтверждение этому дают этнографические сведения – так, в эскимосской сказке «Охотник и орел», записанной Г. И. Меновщиковым, в сюжетное повествование включен рассказ об изготовлении женщиной глиняной посуды с описанием технологических операций и, в частности, обжига. Сосуды обжигались в пламени костра, сложенного из сухого кустарника (Меновщиков 1980).

Заключение. В заключении отметим основные *тенденции динамики техники обжига в гончарстве первобытных и средневековых культур Дальнего Востока России.*

1. Выделяются три региональных варианта, или *модели, динамики обжига древнего гончарства*, связанные с общим характером этого производства *и культурно-исторического процесса в целом* в разных географических зонах. Для каждого варианта динамика тепловой обработки реконструируется по таким признакам-индикаторам как температурный и атмосферный режимы обжига.

2. Первый вариант представлен гончарством материковых районов юга Дальнего Востока – Приморья и Приамурья. Здесь на фоне благоприятных природно-климатических условий и поступательно*го развития древних обществ* гончарное дело развивалось достаточно активно (Жущиховская, Понкратова 2000). Четыре этапа *эволюции техники обжига* соответствуют важнейшим стадиям и рубежам культурно-исторического процесса от неолита до эпохи *ранних государств. Эволюция техники обжига* косвенно отражает временные качественные изменения экономического и социального контекстов древних обществ юга Дальнего Востока. С усложнением последних наблюдается и прогресс в сфере теплотехники.

Второй вариант соотносится с гончарством Сахалина – островного района Дальнего Востока. Хотя мы и фиксируем здесь некоторое поступательное движение в области тепловой обработки керамики, оно было более медленным и менее выразительным *по сравнению с керамическим производством Приморья и Приамурья. Два этапа эволюции техники обжига в гончарстве островных культур* согласуются с двумя этапами истории древнего населения – неолитом и *периодом палеометалла.*

Третий вариант представлен гончарством самых северных территорий Дальнего Востока, где культурно-*исторический процесс* характеризовался наиболее медленными темпами, что нашло отражение и в сфере производства. Здесь фактически нет свидетельств прогрессивных изменений в технике обжига, как нет их и в других аспектах гончарства.

Таким образом, по материалам древних культур Дальнего Востока России можно говорить о прямой связи динамики *техники обжига в гончарстве* с темпами культурно-исторического процесса. Эта же закономерность ранее была *подмечена для других* районов мира – так, исследования техники и технологии керамического производства Средней Азии в хронологических рамках от неолита до средневековья *показали соответствие между поступательными* изменениями в технике обжига и культурно-исторической эволюцией, социально-экономической динамикой древних культур (Сайко 1982).

3. Интересно отметить временную синхронность между качественными изменениями в технике обжига керамики и прогрессом в сфере освоения металлов. Она прослеживается, прежде всего, по материалам культур Приморья и Приамурья во временных рамках палеометалла – эпохи ранних государств. *Позитивные события* в сфере освоения металлов – первое знакомство, распространение металлических предметов и появление навыков металлообработки в конце II – I тыс. до н. э., заметное усложнение и расширение ассортимента изделий из металла и совершенствование *технологии их изготовления* в первой половине I тыс. н. э. и, наконец, существование высокоразвитого металлообрабатывающего производства в эпоху ранних государств, VII–XIII вв. – *соответствуют по времени эволюционным сдвигам* в технике обжига керамической продукции. Сегодня *пока нельзя однозначно* объяснить эту синхронизацию – свидетельствует ли она о взаимном влиянии двух древних производств, сущность которых составляла тепловая обработка сырьевых материалов, либо носит случайный характер. Археологические данные по ряду районов мира – Ближнему Востоку, Восточной Азии – позволяют предполагать позитивное влияние развития *знаний о металлах* и навыков их термообработки на динамику техники обжига в гончарстве (Hitchins 1976; *Merpert, Munchaev* 1993; Pigott et al. 1982; Shangraw 1977). Возможно, зона Дальнего Востока также представляет пример этого *интересного* явления в производственной деятельности древних культур. Данная проблема может быть выделена в качестве самостоятельного сюжета для дальнейших исследований.

Августиник, А. И. 1956. К вопросу о методике исследования *древней керамики // Краткие сообщения Института* истории материальной культуры 64: 148–162.

Андреева, Ж. В. 1977. Древнее Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век. Москва: Наука.

Андреева, Ж. В., И. С. Жущиховская, Н. А. Кононенко. 1986. Янковская культура. Москва: Наука.

Бобринский, А. А. 1989. Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник: 10–43. Новосибирск: Наука.

Бродянский, Д. Л. 1987. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: *Издательство Дальневосточного* государственного университета.

Васильевский, А. А. 1995. Коррекция радиоуглеродных датировок: абсолютная хронология археологических культур о. Сахалин // Краеведческий бюллетень 2: 93–110. Южно-Сахалинск.

Васильевский, А. А. 2000. К понятию «неолит» и его периодизации на о. Сахалин // *Вперед… в прошлое: 150–160*. Владивосток: Дальнаука.

Гарковик, А. В. 2000. *Архаичные керамические комплексы* Приморья // Вперед… в прошлое: 252–271. Владивосток: Дальнаука.

Гельман, Е. И. 1999. Глазурованная керамика и фарфор средневековых *памятников* Приморья. Владивосток: Дальнаука.

Гребенщиков, А. В. 1989. Гончарство племен Приамурья в период раннего железа. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск.

Гусев, С. В., И. С. Жущиховская. 1998. Реконструкция технологии производства керамики приморских культур Восточной Чукотки // Интеграция археологических и этнографических исследований. *Материалы VI* международного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д. Н. Анучина 1: 56-59. Омск: Издательство Омского государственного университета.

Джилл, Э., Ж. Малли, Д. Биддульф, А. П. Деревянко, Я. В. Кузнецов, В. Е. Медведев, А. В. Табарев, В. И. Зенин, В. М. Веторов, З. С. Лапшина, А. В. Гарковик, И. С. Жущиховская. 1998. Радиоуглеродная хронология древнейших неолитических культур юга Дальнего Востока России и Забайкалья по результатам *прямого датирования керамики* методом ускорительной масс-спектрометрии // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий 2: 63–68. Новосибирск: Наука.

Дикон, Н. Н. 1979. Древние культуры Северо-восточной Азии (Азия на стыке с Америкой). Москва: Наука.

Жущиховская, И. С. 1988. К характеристике обжига древней керамики юга Дальнего Востока // Технология древних производств Дальнего Востока: 3–9. Владивосток: Издательство Института *истории, археологии* и этнографии *народов Дальнего* Востока.

1996. Древнее гончарство юга Дальнего Востока России (история производства). Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Санкт-Петербург.

1998. *Эксперимент в изучении древнего* гончарства Дальнего Востока // Историко-культурные *связи* между коренным населением Северо-западной Америки и Северо-*восточной Азии*: 179–190. Владивосток: Дальнаука.

2002. Ранняя керамика Дальнего Востока и Восточной Азии (проблемы систематизации, технологии, генезиса) // Актуальные проблемы *дальневосточной* археологии: 199–150. Владивосток: Дальнаука.

Жущиховская, И. С., И. Ю. Поникратова. 2000. Сырьевая база, климат и традиции древнего гончарства (по материалам культур Восточной и Северо-восточной Азии) // Вперед… в прошлое: 103–149. Владивосток: Дальнаука.

Конькова, Л. В. 1989. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР. Москва: Наука.

Леньков, В. Д. 1974. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука.

Меновщиков, Г. И. 1980. Эскимосские сказки. Магадан.

Мыльникова, Л. Н. 2000. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура. Новосибирск: Наука.

Орехов, А. А. 1987. Древняя культура Северо-западного Беринго*морья. Москва:* Наука.

Поникратова, И. Ю. 2000. Гончарство Северо-востока Азии (как культурно-историческое явление). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Владивосток.

Сайто, Э. Б. 1962. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. *Москва:* Наука.

Тупикина, С. М. 1996. Керамика чжурчженей Приморья XII – *начала XIII в. Владивосток:* Дальнаука.

Хлопин, И. Н. 1964. Геокюрская группа поселений эпохи энеолита. Москва-Ленинград: Наука.

Барех, М., М. Lička, M. Ruzichkova. 1982. K technologii neolitické keramiky // Acta Musei Nationalis Pragae, Series A. XXXV (3–4): 137-227.

Boldin V. I., Yu.G. Nikitin. 1999. Bohai roof tile kilns from Kraskinskoe ancient town // The Proceedings of International Symposium on Ancient Ceramics'99: 238–246. Shanghai.

Derevyanko, A. P., V. E. Medvedev. 1995. The Amur river basin as one of the *earliest centers of ceramics in the Far East* // The Origin of Ceramics in Eastern Asia: 11–26. Sendai: Tokhoku Fukushi University press.

Heinmann, R. B. 1982. Firing technologies and their possible assessment by modern analytical methods // Archaeological Ceramics: 89–96. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press.

Hitchins, P. 1976. Technical studies on materials of Yayoi Period Japan: their role in archaeological interpretation // Asian Perspectives XIX (1): 156–171.

Hulthen, B. 1977. *On ceramic technology during the Scanian* Neolithic and Bronze age. Stockholm.

Merpert, N. I., R. M. Munchaev. 1993. Yarim-tepe 1 // Stages in the evolution of Mesopotamian civilization: Soviet excavations in Northern Iraq: 73–114. Tucson and London: University of Arizona press.

Rice, P. 1987. Pottery analysis: a source-book. Chicago: The University *of Chicago* press.

Pigott, V. C., S. M. Howard, S. M. Epstein. 1982. Pyrotechnology and cultural change at Bronze age *Tepe* Hissar (Iran).// Early pyrotechnology (the evolution of the first fire-using industries): 215–236. Washington, D.C., Smithsonian Institution press.

Shangraw, C. 1977. Early Chinese ceramics and kilns // Archaeology 30 (6): 382–393.

Shepard, A. O. 1985. Ceramics for the archaeologist. Washington, D.C., Carnegie Institution press.

Sullivan, III A. P. 1988. Prehistoric South-western ceramic manufacture: the limitations of current evidences // American Antiquity 53 (1): 1–35.

Zhushchikhovskaya, I. 1997. On early pottery-making in the Russian Far East // Asian Perspectives 36 (2): 159-175.

1999. Dynamics of prehistoric pottery-making of Russian Far East // The Proceedings of International Symposium on Ancient Ceramics'99: 471–484. Shanghai.

2002. Pottery firing technique in the context of culture-historical dynamics (Russian Far East as a Case of Study) // The Proceedings of International Symposium on Ancient Ceramics'02: 10-19. Shanghai.

2003. The Russian Far East and cultural interaction in prehistoric Eurasia in light of ceramic studies // The Proceedings of International Conference on Eurasian Archaeology. Chicago: *The University of Chicago* press. *In press.*

DYNAMICS OF FIRING TECHNIQUE IN ANCIENT POTTERY-MAKING OF RUSSIAN FAR EAST (IN THE CONTEXT OF CULTURE-HISTORICAL PROCESS)

I. S. ZHUSHCHIKHOVSKAYA

The firing is an essential stage in the process of pottery-making. Besides, the firing methods mark the technical level of pottery-making. The main indicators of the firing technique and technology are the temperature and atmosphere regimes. The evolution of ancient firing means was connected closely with general historical dynamics of past societies (Сайко 1982; Rice 1987).

The area of Russian Far East is interesting for the study of correlation between the pottery firing technique's evolution and culture-historical dynamics. Three main zones are distinguished within this area depending on their ecological and cultural contexts: the mainland part of southern Far East (Primorye and Amur river regions), insular part of southern Far East (Sakhalin island), and northern Far East (North-Eastern Asia) (Fig. 1). Each zone demonstrates certain dynamics of the ancient pottery firing technique. The approach to the identification of firing temperature indexes and firing atmosphere characteristics includes a set of methods (color analysis, re-firing, experimental testing, petrographical analysis, SEM) (*Heinmann 1981; Shepard 1985; Rice 1987*).

Mainland part of southern Russian Far East. Several stages of ancient pottery firing evolution are distinguished *corresponding to certain culture-historical stages.*

a). The first stage embraces the period from the beginning of pottery-making in the Russian Far East in the Late Pleistocene-Early Holocene (11–8 mil. BC) to Developed Neolithic (3 – first half of 2 mil. BC) (Zhushchikhovskaya 1997, 1999). The average firing temperature interval is 500–650°C, the firing atmosphere regime is oxidizing. The simplest open fire technique is supposed.

b). The second stage corresponds to the Late Neolithic – Paleometallic period (second half of 2 mil. BC – 1–2 cc. AD). The average firing temperature interval was 650–800°C. The *firing atmosphere regimes were oxidizing* and «smudging». The first firing constructions of closed type appeared and began to develop in this period (*Fig. 2, 3*). The progress of the firing technique was caused probably by the invention of metal (bronze, iron) and metalworking in the southern Far East (Андреева и др. 1986; *Конькова 1989*).

c). The third stage corresponds to the Developed Iron Age (first half of 1 mil. AD) (Андреева 1977). The average firing temperature interval was 800–950°C. The firing atmosphere regimes were oxidizing and «smudging». *It is likely that the firing constructions of closed type were* used. The progress of the pottery firing technique was influenced by the development of iron metalworking and its thermal technique.

d). The fourth stage corresponds to the period of the Early States of the Russian Far East (7–13 cc. AD). The pottery-making and tile-making existed in the form of mass production based on the usage of the pottery wheel and special firing kilns (Тупикина 1996). The average firing temperature interval was 900–1100°C. The firing atmosphere regimes were reducing, oxidizing and «smudging».

3. *Insular part of southern Russian Far East.* The evolution of ancient pottery-making in Sakhalin island was slower and less expressive in comparison with the dynamics of pottery-making in Primorye and Amur river regions. It was caused by *different tempos of general* culture-historical process in the mainland and insular territories. One can outline two stages in the evolution of the *ancient pottery firing technique in Sakhalin island.*

a). The first stage corresponds to the Neolithic period (6 – the middle of 1 mil. BC). The average firing *temperature interval was 500–650°C.* Firing atmosphere regime was oxidizing. Simplest open fire technique was used.

b). Second stage corresponds to Paleometallic period (the border of 1 mil. BC and 1 mil. AD – first half of 2 mil. AD) (Васильевский 2000). Average firing temperature interval was 600–700° C. The firing atmosphere regime was oxidizing. Some evidence allows to suppose the appearance of the first firing constructions of closed type. In this period the metal appeared and began to spread in Sakhalin island. Probably this process influenced in some measure the progress in the pottery-making firing technique.

4. *Northern Russian Far East.* This area embracing the west coast of the Okhotsk Sea, Kolyma river basin, Chukotka peninsula is characterized by extreme living conditions in arctic and sub-arctic zones. The tempos of *the culture-historical dynamics* in the northern Far East were very slow in comparison with the southern mainland part and insular part of the research area. This was reflected in various fields of social and economical contexts and in the material culture in particularly (Дьков 1979; Орехов 1989). Severe natural conditions restricted greatly various kinds of productive activity. This concerns the pottery-making entirely. In fact one cannot find any evidence of technical and technological progress in the pottery-making of northern cultures within a long period of time (3 mil. BC – middle of 2 mil. AD). The firing technique was unchanged through several milleniums. The average firing temperature interval was *600–700°C*, firing atmosphere regime was oxidizing. The simplest *open fire technique may be supposed according* to the ceramics analysis data.

Research data shows a close connection between the pottery firing technique, the general level of pottery-making development and the tempos of culture-historical dynamics of prehistoric and ancient cultures in different

zones of the Russian Far East. More progress in the firing technique took place in southern part of the mainland Russian Far East, in Primorye and Lower Amur districts. It seems to be likely that the most important factor stimulating the progress of the pottery firing technique was the appearance of metal and the acquaintance with some methods of metalworking, including thermal processing. Archaeological data from various regions of the world allows to admit the positive influence of the metalworking on the achievements in the firing technique of pottery-making (Hitchins 1976; Merpert , Munchaev 1993; Pigott et al. 1982; Shangraw 1977).

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ РАСКОПОК ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ЛЕНДЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. НЕМЕЙЦОВА-ПАВУКОВА (†)

В систематических исследованиях поселений эпохи неолита и раннего энеолита в Средней Европе выделяются два частично перекрывающих друг друга этапа. В пятидесятых, шестидесятых и начале семидесятых годов проводились крупные раскопки поселений линейно-ленточной керамики и внимание акцентировалось прежде всего на этом направлении. *С семидесятых годов работы были сосредоточены* на изучении более поздних памятников. В Карпатском бассейне (вместе с Моравией и Австрией) исследовались в основном поселения ранних фаз лендельской культуры, в западных же районах Средней Европы – в Чехии и Германии – поселения с наколчатой керамикой (Stichbandkeramik), одновременные раннему Ленделю.

На международном симпозиуме, посвященном проблематике ранней металлургии и связанным с нею археологическим культурам (*1990* г., Югославия), *на основании новых находок предметов из меди* на территории Словакии мы вновь предложили *считать в Карпатском бассейне лендельскую и полгарскую* культуры энеолитическими с самого их начала, а не только от горизонта Лендель III – Тисаполгар I. Таким образом, сейчас есть возможность согласовать терминологию, принятую для Карпатского бассейна, с терминологией Юго-Восточной и Восточной Европы для времени близких культур – от Триполья *на востоке до лендельской культуры на западе*, тем более, что они и географически и культурно относятся к одной ограниченной *цивилизационной единице*. По всем известным в настоящее время данным граница между двумя основными эпохами – неолитом и энеолитом – как правило проводится в середине одной и той же культуры без исторической логики. Тогда как основные изменения характера поселений и могильников, хозяйственных основ, социальных и общественных структур происходят уже на ранних этапах культуры. Развитие металлургии было только одним из сопутствующих явлений, технически очень *важным, но не основным*.

Культуры западнее лендельской, как, например, одновременная ей культура наколчатой керамики, *по среднеевропейской систематизации остаются* еще вполне неолитическими.

Западная Словакия принадлежала к сфере распространения центральной группы *лендельской* культуры. Раскопки ее поселений в этом районе проводились и раньше, однако они были направлены, прежде всего, на решение вопросов внутренней *хронологии* культуры, особенно, ее ранних фаз. Достаточно большие раскопки (площадь несколько гектаров) стали проводиться только в 1971–1983 гг. в селе Сводил (Южная Словакия) – 3 га, в 1980–1985 гг., в с. Жлковце – 4 га, 1978–1980 гг. в с. Бучаны – 6 га (Западная Словакия) (Nemejcová-Pavuková 1992: 83–86; 1997).

Результаты этих раскопок дали основную информацию о характере памятников I и II фаз лендельской культуры, в которой наряду с небольшими поселками имеются крупные поселения площадью около 30 га.

Получены данные об архитектуре жилищ, их размещении на территории поселений: кольцевая застройка, преследующая, вероятно, определенный *урбанистический замысел*. *Имеется* также информация о характере *центральной незастроенной площади*.

В лендельской культуре незастроенные центры *памятников окружают кольцевые фортификационные* сооружения, состоящие из одного или двух рвов (иногда могут быть и три), с четырьмя выходами (*реже* с двумя, тремя или шестью). Внутри к рвам примыкал палисад, от которого сохранились углубленные ровики – желоба.

Концентрическая застройка поселения в Сводине напоминает систему застройки многих поселений трипольской культуры, однако в настоящее время *трудно объяснить* причины такого сходства. Лишь специальные исследования смогут *выяснить* характер этого феномена.

Раскопками в Моравии, Австрии, Чехии и Германии исследованы, *в основном, большие центральные* сооружения. Конструкция этих построек включает *в себя* глубокие рвы, палисадные ровики и входы, причем при кажущемся единообразии входов двух абсолютно идентичных не найдено. По диаметру фортификационные сооружения разделяются на три группы: около 50 м, около 100 м, около 150 м. Внутренняя часть большинства из них не застроена. Только в Западной Словакии – в Бучанах и Жлковце – внутри этих *концентрических сооружений* имеются дома типа мегарона. Описанные выше сооружения интерпретируются *по-разному. Некоторые авторы считают* их культовыми центрами, другие же видят в них настоящие оборонительные системы. Раскопки 1989–1992 гг. в микрогеоцене, где расположены также *Бучаны* и Жлковце, открыли новые фортификационные сооружения возле села Ружиндол-Борова. Здесь *было* исследовано только укрепление, и пока мы *не имеем никакой* информации об окружающей его площади (рис. 1).

Фортификационное сооружение было обнаружено *случайно* – при военной съемке с самолета. Оно выглядело как два концентрических темных пятна с диаметрами около 90 м и 150 м. В начале раскопок мы предполагали открыть еще одно из типичных укреплений в виде *двух концентрических* рвов и двух

© В. Немейцова-Павукова, 2004

или трех палисадных ровиков. Однако уже первый контрольный шурф дал четкие следы только одного рва. Геомагнитная съемка показала также один ров с двумя входами, ориентированными по линии север-юг. Тем не менее, новая аэрофотосъемка опять подтвердила следы двух рвов. Раскопки в течение четырех сезонов так и не решили эту проблему.

Раскопанная площадь составляет 60 х 140 м, что соответствует приблизительно половине круглого фортификационного сооружения с внутренним диаметром 93 м. Полностью был обследован большой северный вход в виде «клешей». Длина входа – 23 м. Для получения информации о виде рва не только в районе входа он был разрезан еще в трех разных местах.

Фортификационное сооружение у с. Борова отличается от других, раскопанных ранее, отсутствием некоторых типичных черт. Во-первых, отсутствуют палисадные желоба, присутствующие на всех известных подобных укреплениях и являющиеся следами дополнительной деревянной конструкции земляного вала, шедшего внутри параллельно рву. Во-вторых, здесь фиксируются только два входа, большинство же фортификационных сооружений этого типа имеет четыре входа. В-третьих – и это самый важный момент, – постройка укрепления, как показали раскопки, не была завершена. Ров имел типичный треугольный профиль с острым дном. Его ширина в разных местах была от 6,5 до 13,5 м, глубина колебалась от 3 до 5 м. Дно, как и стены, было ступенчатым, а на более глубоких участках стены расширялись и наоборот. Глубина рва изменялась не плавно, а резко. Все эти изменения формы рва происходят на небольших участках, что, вероятно, указывает на разные этапы постройки. Профили разных участков рва показывают, что он заплыл естественным образом, а не был засыпан. При анализе всех данных, полученных с этого объекта, по-видимому, станет возможным уточнить систему и метод строительства этих монументальных памятников начала IV тыс. до н. э.

В рве у с. Борова было очень мало находок – керамики и костей животных, но во всех секторах были обнаружены человеческие кости – скелеты в анатомическом порядке или же отдельные части скелетов, растащенные дикими животными. Кости принадлежали как взрослым, так и детским индивидам.

Скелеты в рве располагались в два этажа – внизу, недалеко от дна и в его верхней части. Первый слой скелетов, вероятно, принадлежит строителям рва и объясняет, почему постройка укрепления не закончена. Другой слой скелетов свидетельствует, по-видимому, о новой, также очень короткой активности на объекте и о новом столкновении. Следы конфликтов в такой ясной форме найдены впервые. Судя по характеру находок, начало постройки укрепления совпадает с первой фазой лендельской культуры. Другой горизонт деятельности приходится на конец I – начало II фазы. К этому времени относятся находки в засыпке рва двух браслетов из меди и нескольких украшений из спондилуса. Точный анализ металла будет проведен в Гейдельберге. Этот тип браслетов

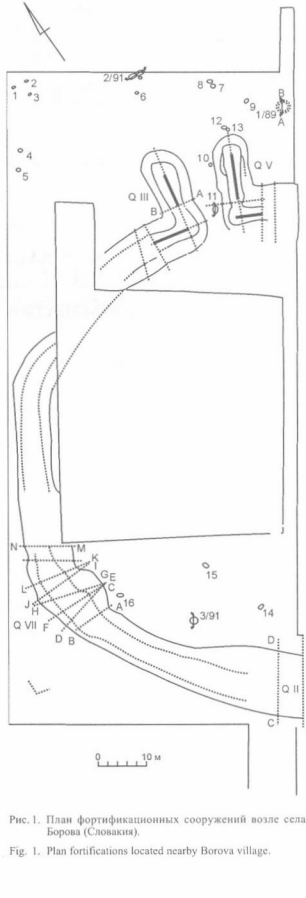


Рис. 1. План фортификационных сооружений возле села Борова (Словакия).

Fig. 1. Plan fortifications located nearby Borova village.

относится к начальному периоду производства мелких изделий из меди в Карпатском регионе и в Юго-Восточной Европе, который по времени предшествовал появлению так называемых тяжелых орудий из меди горизонта Тисаполгар-Варна.

К сожалению, ограниченные масштабы раскопок памятника не позволяют сказать, было ли здесь поселение и, если было, то каков был его тип, было ли оно построено раньше самого укрепления.

Мы предполагаем, что в релятивно-хронологическом отношении к развитию трипольской культуры объект из села Ружиндол-Борова I фазы лендельской культуры можно сопоставить со второй половиной Триполья А.

Nemejcová-Pavucová, V. 1992. Výskum fortifikacie lengyelskej kultury v Ružindole-Borovcj // Archeologické výskymy a holezy na Slovenskú roku 1991: 83–86. Nitra.

1997. Kreisgrobenanlage der Lengyel-Kultur in Ružindol-Borova. Bratislava.

RESULTS OF NEW EXCAVATIONS OF DEFENSIVE STRUCTURES OF THE LENGYEL CULTURE

V. NEMEYTSOVÁ-PAVUKOVÁ (†)

This article presents information about excavations of a new Eneolithic object of the Lengyel Culture near v. Ružindol-Borova in Slovakia. This structure, like the other similar ones excavated earlier, is an area encircled with a ring moat 150 m in diameter with two entrances (fig. 1). In some areas of the moat (6.5–13.5 m, depth from 3 to 5 m), in its lower and upper parts, a number of burials were found. Similar structures are known in Germany, Austria, and Czechia, but no common opinion about their purpose has as yet been formed in the science.

ПАРАДНАЯ ПОСУДА И ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ТРИАЛЕТСКО-КИРОВАКАНСКИХ «ЦАРСКИХ» КУРГАНОВ[1]

К. Х. КУШНАРЕВА, М. Б. РЫСИН[2]

Данная статья является продолжением уже опубликованного исследования, посвященного обоснованию датировки памятников и установлению культурных связей на протяжении триалетско-кироваканского этапа бедено-триалетской общности (БТО). Если в первой части были проанализированы кавказские предметы вооружения и их хорошо датированные, но не использованные ранее переднеазиатские параллели (Кушнарева, Рысин 2003: 114–127), то в настоящей статье исследуются парадная посуда и ювелирные изделия, сопровождавшие знатных погребенных. Напомним, что сопоставительный анализ предметов вооружения из тех же курганов позволил надежно датировать их последними веками III – началом II тыс. до н. э., тогда как прежде курганы датировались либо серединой, либо первой половиной II тыс. до н. э.

Конец III – начало II тыс. до н.э. характеризуется дальнейшим развитием БТО, перешедшим в стадию «цветущей поры», и появлением ряда новаций, вызванных общим прогрессом производства и расширением межрегиональных связей. Необходимо подчеркнуть, что, говоря об «украшениях», мы имеем в виду не только престижные изделия, дополняющие парадную одежду, но и их смысловую нагрузку, потому что «украшения» одновременно являлись и оберегами, талисманами или «предметами судьбы» (инсигнии «царского» статуса, знаки посвящений-инициаций) и пр., то есть выступали в десятках значений. В высокогорных глухих аулах и сегодня эти изделия имеют конкретную символику, с помощью которой можно понять их значение в древности. Золотая и серебряная посуда, а также изделия из драгоценных металлов рассматривались в прошлом (особенно в погребальном контексте) в качестве инсигний царской и жреческой власти (Маразов 1999: 115). Однако это – особая тема, не связанная непосредственно с нашим исследованием.

В настоящей статье для датировки памятников по находкам в них драгоценных изделий и выявлению связей их создателей с переднеазиатскими областями мы делаем акцент на технологических особенностях этих раритетов.

Одной из крупнейших новаций триалетско-кировоканского этапа является появление в «царских» могилах множества разных ювелирных изделий. Преобладающее их большинство изготовлено из золота и серебра, значительно реже – из бронзы. Это, прежде всего, разнообразная посуда из драгоценных металлов, навершия штандартов, украшения, нашивавшиеся на парадную одежду, нарядные булавки, серьги, ожерелья и пр. Ничего подобного (кроме двух-трех золотых булавок, бус и золотой фигурки льва) в могилах бедено-алазанского этапа не наблюдается. Бросается в глаза отсутствие прямых аналогов изделиям, найденным в триалетских могилах, равно как и отсутствие точных параллелей за пределами кавказского региона.

Новации в ювелирном деле включали овладение сложными техническими приемами: зернь, филигрань, закрепление в «гнездах» драгоценных камней (техника клуазонне), аппликация листовым металлом, «волочение» проволоки из драгметаллов, изготовление сосудов с помощью «вытягивания» листового металла. Применение этих приемов связано, возможно, с появлением на Южном Кавказе мастеров-ювелиров из Передней Азии или влиянием последних на мастерство кавказских ювелиров. Их присутствие подтверждается как изобилием изделий златокузнечества, настоящих шедевров, обнаруженных в «царских» погребениях, так и искусно исполненными в переднеазиатском стиле гравированными изображениями на серебряных сосудах.

Среди предметов роскоши представителей элиты сопровождала в иной мир золотая и серебряная посуда, очевидно заимствованная из «царских» сервизов. Она занимала почетное место в инвентаре погребений Триалети, Кировакана, Карашамба. Наряду с гладкостенными экземплярами, здесь находились шедевры, украшенные чеканкой, тиснением, полудрагоценными камнями, зернью и филигранью. Большинство этих уникальных изделий уже неоднократно исследовалось и публиковалось. Основная цель данной статьи – дополнить информацию, привлекая более широкий круг источников.

Серебряный кубок из кургана № V в Триалети (Куфтин 1941: таб. XCI, XCII) уже много лет является наиболее ярким выразителем искусства «цветущей» поры. Это – изготовленный путем вытягивания из целого листа металла цилиндрический сосуд на полой ножке, с округлым низом, украшенным снизу плоскогравированной розеткой. Поверхность сосуда охватывают два чеканных фриза: в верхнем изображена процессия из 23 одетых в хитоны человеческих фигур, направляющихся к сидящему перед алтарем «божеству»; в нижнем – следующие друг за другом в обратном направлении самцы и самки оленей. Высота кубка – 108 мм, наибольший диаметр – 90 мм. Ниже приводим описание некоторых технологиче-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-01-00122а).
[2] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел Центральной Азии и Кавказа.

© К. Х. Кушнарева, М. Б. Рысин, 2004

ских приемов, с помощью которых нанесены изображения на поверхность кубка: «Для создания рельефа применялся деревянный стек с округленной головкой, который приводился в действие или непосредственным нажатием или ударом молоточка. Выдавленный таким способом рельеф не всегда совпадал с предварительно размеченным графическим контуром рисунка и был лишен четкости; поэтому следующим этапом обработки рельефа являлось его резкое повторное очерчивание по контуру и выведение дополнительными четкими выдавленными штрихами отдельных деталей. Интересным элементом обработки поверхности и декоров фриза являются парные параллельные штрихи почти на всех деталях изображений» (Джавахишвили 1955: 14–15).

Сюжеты фризов неоднократно привлекали внимание археологов, этнографов, лингвистов, искусствоведов. Так, П. Н. Ушаков трактует главный фриз на основании конкретного языкового материала. С его точки зрения на лицах фигур надеты маски кротов, люди имеют лисьи хвосты, а фриз в целом, выполненный в стиле хеттского искусства, изображает сцену поклонения божеству весны и возрождения – Телепину (Ушаков 1941: 111–118). Полемизируя с П. Н. Ушаковым, Б. А. Куфтин связывает сцену с водным тотемом, который в виде пережитка сохраняется в этнографических и лингвистических грузинских источниках, и относит кубок к местным изделиям (Куфтин 1941: 90–92). Делая акцент на охотничьем сюжете, он видит в сидящей фигуре охотничье божество, которое (благодаря присутствию древа жизни) трансформировалось в божество природы и плодородия.

М. Я. Чиковани, базируясь на фольклорных данных, трактует фигуры процессии верхнего фриза как охотников в медвежьих масках, совершающих ритуал поклонения божеству охоты – богине Дали (Чиковани 1947: 60–67). Ш. Я. Амиранашвили ищет сюжетные корни фризов в древневосточной, а точнее в хеттской культурной среде. По его мнению, на кубке изображена торжественная мистерия с участием жрецов, посвященная культу плодородия. Сидящую на троне фигуру он отождествляет так же с божеством Телепином и сопоставляет с распространенным в Сванетии культом божества плодородия Тулепия-мелия (Амиранашвили 1961: 20–25).

Наконец, крупнейший грузинский этнограф В. В. Бардавелидзе на основании анализа всех элементов фризов приходит к заключению, что на кубке изображены общинные божества, собравшиеся у врат «племенного» бога для выполнения обряда «славословия» и главный годичный праздник. Сам же кубок она считает изделием картвельских мастеров, о чем свидетельствуют волчьи атрибуты фигур, которые развидись из культа волка, характерного для верований картвельских племен (Бардавелидзе 1962: 102).

Впоследствии появились еще две интерпретации композиции на триалетском кубке. Согласно первой из них, изображенный ритуал отражает одну из мифологем цикла «жизнь – смерть» или «рождение – смерть – возрождение», то есть обряд «перехода» из одного состояние в другое (Бериашвили, Схиртладзе 1984: 146–149). Примерно тот же концепции придерживается Г. Е. Арешян (Арешян 1988), прослеживающий в целом ряде древнекавказских изобразительных сюжетов, в том числе и на триалетском кубке, индоевропейские мотивы и пришедший к заключению, что в начале II тыс. до н. э. междуречье Куры и Аракса было заселено носителями духовной культуры индоевропейцев. Он полагает, что это население оставило археологические культуры, представленные «царскими» курганами БТО в период ее «цветущей поры».

К сожалению, ни одно из перечисленных суждений не затрагивает проблему точной датировки триалетского кубка. Ссылки исследователей на передневосточные материалы носят несколько обобщенный характер, ибо прямых аналогов кубку южнее Кавказа не обнаружено[1].

Серебряное ведерко из кургана № XVII в Триалети (Куфтин 1941: таб. LXXXVIII) – *еще одно* высокохудожественное изделие торевтики того времени. Отогнутый верхний край сосуда *оправлен золотой* пластинкой. Шов на месте соединения краев покрыт золотой плетенкой. Ведерко имеет дуговидную ручку. Его высота – 145 мм, диаметр устья – 150 мм, диаметр дна – 90 мм. Именно этот сосуд по некоторым деталям дает веское обоснование датировки *вышеописанного* кубка, и, следовательно, всего комплекса триалетского кургана № V. Эти два уникальных изделия *сближает* технология нанесения чеканных рисунков и характер изображенных фигур. На фрагментарно сохранившемся ведерке изображены олени, козы, серны, косули и деревья. Высокие стилизованные «древа жизни» идентичны на обоих сосудах. В отличие от кубка, фигуры животных на ведерке расположены свободно и многопланово, как бы в перспективе. По всей *вероятности*, на утраченной части были помещены фигуры охотников, а общая композиция воспроизводила охоту *на диких зверей* на фоне лесного пейзажа. Способ крепления к ведерку дуговидной ручки позволяет определить его дату, и, следовательно, всего комплекса кургана № XVII, о чем будет *сказано ниже*.

Серебряный кубок из «царского» погребения в Карашамбе (Оганесян 1988; 1990). Этот кубок является в некотором смысле аналогом описанного выше триалетского серебряного кубка. Их роднит как форма, пропорции, так и техническое исполнение сосудов из цельного листа металла. Идентична и техника декоративного убранства кубков (чеканка с дальнейшей подправкой), хотя сами изображения весьма различны. Размеры карашамбского кубка (высота, диаметр устья) близки триалетскому. Создается впечатление, что оба изделия вышли из одной ювелирной мастерской и сделаны мастерами одной школы, а может быть даже рукой одного мастера.

[1] Некоторое отклонение от прямой направленности *настоящей статьи в сторону раскрытия* полисемантических трактовок изображенных на кубке композиций оправдано, с нашей точки зрения, уникальностью самого изделия.

Необыкновенный интерес для раскрытия идеологии, воссоздания быта и социального устройства древнего населения представляют нанесенные на кубок изображения. Сюжеты уже интерпретировались в печати (Оганесян 1988), однако, учитывая уникальность находки, мы все же коснемся их вкратце.

На обоих кубках изображения расположены фризами, но на карашамбском вместо двух мы видим шесть фризов, предельно насыщенных сложными композициями с участием людей и животных, окруженных множеством различных реалий того времени. Высказано предположение, что они передают единый мифический сюжет, прочтение которого проясняет этническую атрибуцию общества, создавшего эти шедевры (Оганесян 1988; Арешян 1988).

В верхнем фризе карашамбского кубка изображена охота на вепря, в которой участвует охотник с собакой. Композиция второго фриза состоит из трех взаимосвязанных частей – война, конвоирование пленного, ритуальное пиршество. Они насыщены многочисленными деталями, позволяющими воссоздать относящееся к различным системам вооружение противоборствующих сторон, а также особенности культовой атрибуции. На третьем фризе изображены сюжеты победы и избиения врагов; среди них есть и аллегорические сюжеты «того света» с фантастическими существами. Центральная сцена – ритуальное убийство вражеского вождя, из которой можно также почерпнуть дополнительные сведения о вооружении воинов. Четвертый фриз состоит из вереницы движущихся хищников: львов и леопардов. Пятый фриз орнаментальный. И, наконец, шестой, опоясывающий ножку кубка, передает все тех же хищников, но уже в геральдическом противостоянии. Если связывать композиции в единый сюжет, то он начинается с охоты на вепря, после убийства которого вспыхивает война, приведшая к гибели многих ее участников и победе одной из враждующих сторон. Изображенная на кубке схватка, предположительно, восходит к какому-то легендарному сражению, перенесенному позднее в мифологическую сферу.

Комплексное изучение всех деталей кубка (технология, стилистика изображений, аналогии) и обнаруженные в кургане изысканные предметы приводят к мысли о местной художественной традиции, развивавшейся под сильным воздействием малоазийских и месопотамских культурных центров. Зона вероятных контактов этих влияний – западная часть Армянского нагорья на рубеже III–II тыс. до н. э. должна была являться формирующим центром и источником культурных импульсов и миграций, направленных на восток. Исходя из анализа сюжетов на фризах, в этих процессах, лежавших в основе формирования и развития триалетско-кироваканского этапа БТО, должны были принимать участие индоевропейские этнические группы, что прекрасно показал В. Э. Оганесян (Оганесян 1988).

Бронзовая ваза из кургана № XV в Триалети (Куфтин 1941: таб. LXXXVII), в отличие от описанных серебряных сосудов, имеет округлые бока, высокую полую подставку и дуговидную ручку. Высота вазы около 180 мм. Какие-либо изображения на стенках отсутствуют, ножка-подставка украшена гравированным орнаментальным фризом. Кстати, подобная ваза изображена на алтарном столике перед «божеством» в композиции кубка из Карашамба. Очевидно, ее содержимое – священный напиток – наливалось в более мелкие сосуды для возлияний.

Дуговидные ручки – важная деталь для хронологической атрибуции сосудов – прикреплены к стенкам необычным способом: на стенке сосуда закреплены согнутые пластины; в отверстие пластин продеты петлевидно-изогнутые шпильки; в петле, образуемой шпилькой, зажат конец дуговидной ручки (рис. 1). Сосуды с дуговидной ручкой изучались Д. Коллоном (Collon 1982) и М. Мюллером-Карпе (Müller-Karpe 1996). Д. Коллон заметил, что крепление дуговидных ручек излишне усложнено, так как можно было обойтись без трубочек и изогнутых пластин и прикрепить петлю непосредственно к стенке сосуда. Вероятно, предложенный способ крепления связан с традицией, восходящей к трубчатым ручкам, служившим для привязывания крышки к сосуду (Collon 1982: 100). Применение трубочек является месопотамским изобретением и имеет здесь длительную традицию: Киш РД-I; Ур, Телль Асмар РД-III, аккадский период (Müller-Karpe 1996: 287, Taf. 58–60; 121–123).

Д. Коллон объясняет длительное бытование этого усложненного способа крепления дуговидных ручек особым ритуальным назначением сосудов, что подтверждается контекстом находок (в том числе и на Кавказе). Сосуды с дуговидными ручками обнаружены как в Месопотамии (Ур, Ашшур, Телль-Асмар), так и за ее пределами (Библ, Троя, Аладжа, Кюльтепе у Кайсери, Триалети, Микены). Наиболее ранний экземпляр из Телль-Асмара датирован финалом РД-III (Frankfort 1934: 39), а ваза из Микен относится к периоду ПЭ-I (XVI в. до н. э.). М. Мюллер-Карпе отмечает признаки эволюции способа крепления ручки, позволяющие уточнить датировку кавказских экземпляров: у сосудов раннединастического периода трубочки припаяны, а у сосудов аккадского времени – приклепаны; сравнительно поздно появились литые трубочки с широкой пластиной для заклепок, известные по раскопкам в Ашшуре (погребение № 20) и в Кюльтепе Ib (Müller-Karpe 1996: 304).

На бронзовой вазе из кургана № XV в Триалети использована согнутая и приклепанная пластина. Д. Коллон сравнивает эту деталь и саму триалетскую вазу с серебряным сосудом из Микен (Collon 1982: 100). На это можно возразить, что вазы на полой ножке относятся к длительно бытовавшему типу сосудов, а способы крепления ручки различны. Так, в Микенах пластины прямые и в форме двойного топора, а в Триалети пластины изогнутые, бабочковидной формы; в Микенах концы шпильки прямые, а в Триалети, как и у передневосточных экземпляров, – изогнутые. После выхода в свет статьи Д. Коллона был опубликован сосуд с дуговидной ручкой из второго слоя Кюльтепе у Кайсери (Özgüç 1986: 123, Fig. 58). Способ крепления его ручки полностью совпадает

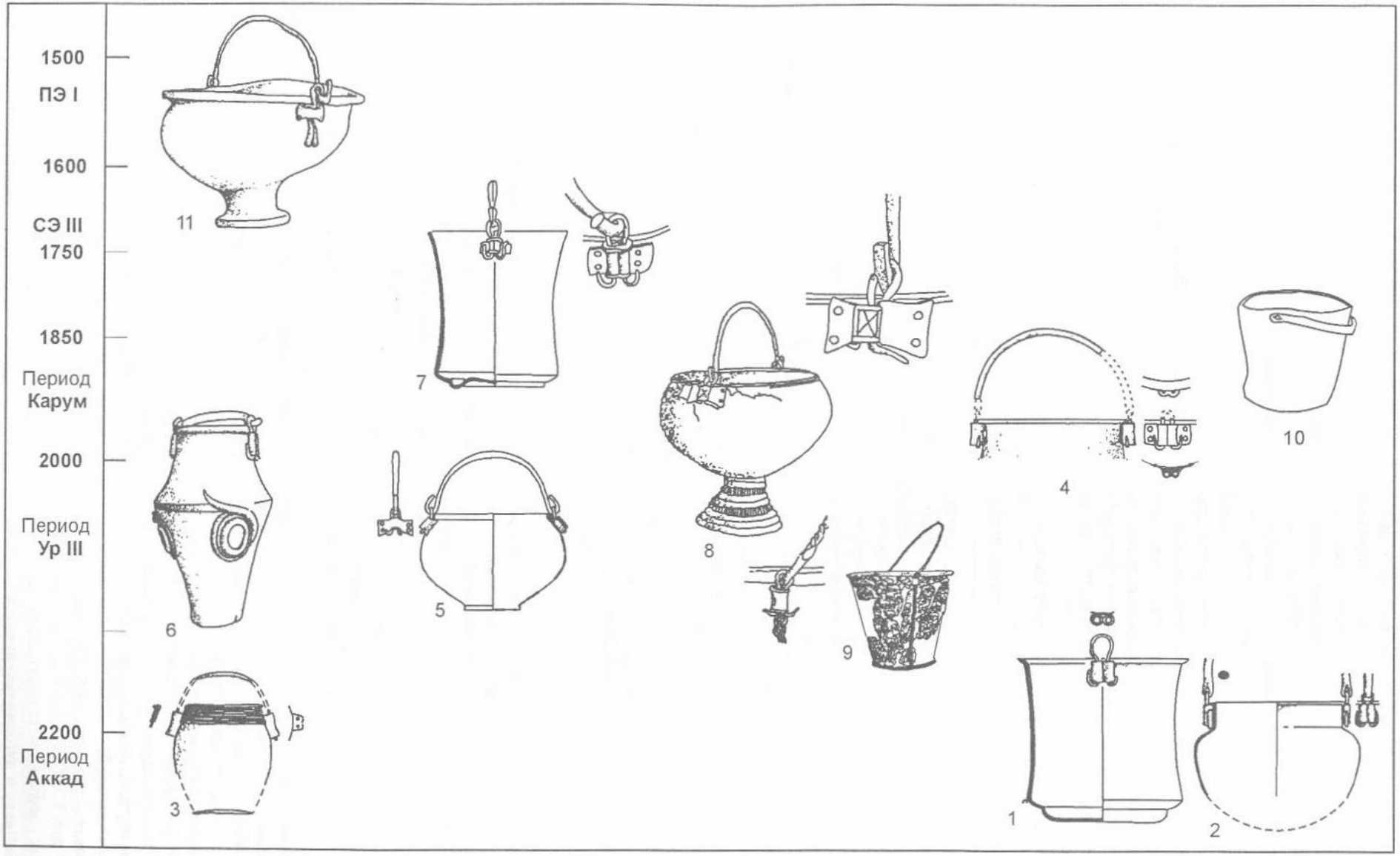


Рис. 1. Сосуды с дуговидной ручкой. 1–2 – Ур; 3 – Троя II; 4 – Ашшур; 5 – Кюльтепе II; 6 – Библ; 7 – Кюльтепе Ib; 8–9 – Триалети; 10 – Кировакан; 11 – Микены. 1–3, 11 – по Коллону; 4 – по Мюллеру-Карпе; 5, 7 – по Озгючу; 6 – по Дунанду; 8, 9 – по Куфтину; 10 – по Хнкикян.

Fig. 1. Vessels with arc-shaped handle. 1–2 – Ur; 3 – Troy II; 4 – Assur; 5 – Kültepe II; 6 – Byblos; 7 – Kültepe I b; 8–9 – Trialeti; 10 – Kirovakan; 11 – Mykenai. 1–3, 11 – according to Collon; 4 – according to Müller-Karpe; 5, 7 – according to Özgüç; 6 – according to Dunand; 8, 9 – according to Kuftin; 10 – according to Khnkikyan.

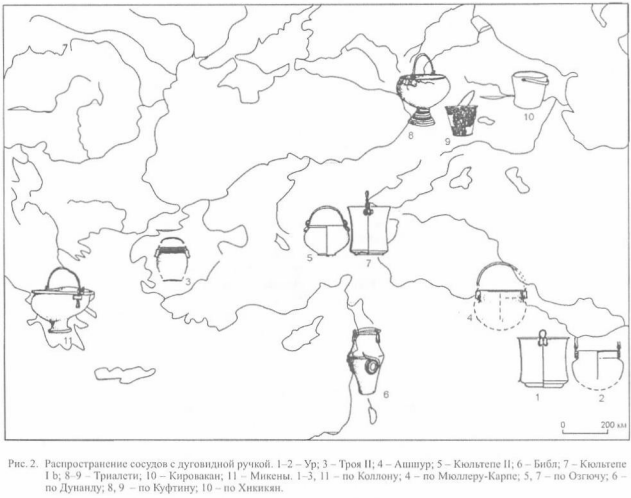


Рис. 2. Распространение сосудов с дуговидной ручкой. 1–2 – Ур; 3 – Троя II; 4 – Ашшур; 5 – Кюльтепе II; 6 – Библ; 7 – Кюльтепе I b; 8–9 – Триалети; 10 – Кировакан; 11 – Микены. 1–3, 11 – по Коллону; 4 – по Мюллеру-Карпе; 5, 7 – по Озгючу; 6 – по Дунанду; 8, 9 – по Куфтину; 10 – по Хникиян.

Fig. 2. Distribution of vessels with arc-shaped handle. 1–2 – Ur; 3 – Troy II; 4 – Assur; 5 – Kültepe II; 6 – Byblos; 7 – Kültepe I b; 8–9 – Trialeti; 10 – Kirovakan; 11 – Mykenai. 1–3, 11 – according to Collon; 4 – according to Müller-Karpe; 5, 7 – according to Özgüç; 6 – according to Dunand; 8, 9 – according to Kuftin; 10 – according to Khnkikyan.

с триалетской вазой. В Кюльтепе пластины также изогнуты и расклепаны, а концы шпилек изогнуты как и на сосуде из Триалети. Эта единственная прямая аналогия позволяет датировать триалетскую вазу, а, следовательно, и весь комплекс из кургана № XV началом II тыс. до н. э. Нижнюю хронологическую границу появления сосудов с подобным способом крепления ручек образуют экземпляры с литыми в виде трубочек пластинами с заклепками из Ашшура и Кюльтепе (Müller-Karpe 1996: 304, Abb. 49).

У серебряного ведерка из триалетского кургана № XVII ручка прикреплена при помощи припаянных к стенке трубочек, что, на первый взгляд, сближает его с самыми древними месопотамскими экземплярами раннединастического времени. Однако здесь есть и принципиальное отличие: на триалетском ведерке трубочка одинарная и проволочная шпилька не фиксируется от выпадения, тогда как у более древних месопотамских сосудов с двойными трубочками выпадению шпильки препятствовала перемычка, разделявшая трубочки. В этом отношении крепление ручки триалетского ведерка аналогично более поздним экземплярам с изогнутыми пластинами из Триалети (курган № XV), Кюльтепе (слой II) и из Микен (погребение № 5). Однако, если у первых шпилька свободно вынимается снизу, то у микенского сосуда шпилька изогнута над краем пластины, что затрудняет ее выпадение. Таким образом, способ крепления ручки к триалетскому серебряному ведерку обнаруживает ближайшую параллель в сосуде из второго слоя Кюльтепе. Крепление же ручки микенской вазы отличается еще и прямыми концами шпильки, тогда как у кавказских и передневосточных сосудов концы шпильки отогнуты.

Итак, по способу крепления дуговидной ручки оба сосуда из Триалети ближе всего стоят к образцам из второго слоя в Кюльтепе, что позволяет датировать триалетские экземпляры (и комплексы, в которых они находились) XX–XIX вв. до н. э. (рис. 2). Сравнение сосудов с дуговидной ручкой показало, что триалетские сосуды типологически ближе к передневосточным, чем микенский экземпляр[4].

[4] В 2001 г. в рамках проекта РГНФ авторы данной статьи выполнили исследование, в котором, в частности, рассматривался способ крепления дуговидных ручек на металлических триалетских сосудах (первая часть работы была опубликована в журнале

Бронзовые котлы, найденные во многих элитных погребениях Кавказа (*Триалети*, курганы № № V, XV; Лори-Берд, *погребение № 6*; *Кировакан*; Аруч; Карашамб; Автоагрегат в Ереване) (Есаян 1987: 58, Табл. I, 1, 2, 5, 6), хоть не являются предметами роскоши, но составляют непременный атрибут могил, будучи, вероятно, инсигниями «царской» власти. Они свидетельствуют о совершаемых многолюдных тризнах. Это – цилиндрические и усеченно-конические сосуды с плоским дном и краем, усиленным согнутой полосой металла. Над краем друг против друга располагается пара петельчатых ручек. Ручки имеют вертикально поставленные расщепленные концы в виде «хомутиков», охватывающие край корпуса и прикрепленные заклепками к стенке. На фоне рассмотренных выше способов крепления дуговидных ручек крепление ручек к котлам представляет большой интерес (*рис. 3*).

К. Рубинсон (Rubinson 1977: 246; 1991: 284) приводит в качестве типологической параллели для котла из *Триалети* экземпляр с вогнутыми стенками из погребения № 4 в Микенах (Matthaus 1980: 91, Taf. 4, 25). Однако автор явно преувеличивает степень сходства этих котлов: микенский экземпляр отличается от триалетского и формой (вогнутые стенки) и обработкой *поверхности корпуса* частыми косыми насечками, и раскованными в виде листа концами ручек. Подобные листовидные расширения имеют и другие эгейские котлы ПБВ, что, *вероятно*, повышало надежность крепления ручек. К тому же на них ручки закреплены тремя заклепками, расположенными в виде треугольника на расширенных концах. У триалетских же котлов концы ручек узкие под*прямоугольные* и закреплены на двух заклепках, *располагающихся* одна над другой. Такой способ крепления был менее надежным, он может свидетельствовать *о большем архаизме кавказских котлов* по сравнению с эгейскими[1]. В действительности же, ближайшие типологические параллели кавказским котлам обнаруживают переднеазиатские *экземпляры* из памятников начала II тыс. до н. э.: Библ, клад, включающий пектораль с именем Аменемхета III; слой II Карума Кюльтепе (Özgüç 1986: Pl. 127, 2); Аншур, погребение № 18 (Müller-Karpe 1996: Abb. 4, 19) (*рис. 4*). Соответствия наблюдаются здесь в форме и обработке *поверхности сосудов*, *а также в способе крепления* и форме ручек с прямыми расщепленными концами. Сходство же микенских и кавказских котлов может объясняться не прямыми контактами обоих регионов (Rubinson 1991: 284), *а общими* переднеазиатскими корнями этих сосудов. Еще одним косвенным доказательством большей древности триалетских котлов по сравнению с микенскими служит тот факт, что ближайшими типологическими *параллелями последним* являются экземпляры из закавказских комплексов ПБВ – Лчашена, Аруча, Ширакавана (Симонян 1987: 59-60, табл. I, 3, 7, 10; II, 2).

Бронзовые крюки с раскованной и свернутой втулкой найдены вместе с котлами в двух элитных погребениях Армении: в Кировакане и в Лори Берде (Мартиросян 1964: 65, рис. 30, 1). В основании втулки *пробиты отверстия* для штифта. Длина крюков около 20 см. Подобные крюки известны также в памятниках ранней и средней бронзы Северного Кавказа, Предкавказья и степной зоны Юго-Восточной Европы (новосвободненская культура, «северокавказская» культура, катакомбная культурная общность, полтавкинская культура). В «царских» погребениях новосвободненской культуры крюки часто, как и в Армении, находились вместе с бронзовым котлом. Исследователи предполагают, что крюки относятся к инсигниям власти и использовались в ритуале, совершавшемся во время массовой тризны. Один из авторов этой статьи (*М. Б. Рысин*) установил, что размеры бронзовых крюков со временем меняются: крюки РБВ имели размеры *4 – 6 см*; *крюки начала СБВ* – 8 – 12 см, а крюки финала СБВ – около 20 см. Таким образом, крюки триалетско-кировакканского этапа БТО из Армении по размерам и пропорциям *достаточно поздние и близки* к орудиям из позднекатакомбных и полтавкинских памятников степной зоны Юго-Восточной Европы.

На триалетско-кировакканском этапе сложился *новый, неизвестный ранее стиль ювелирных изделий*, названный нами *полихромным*. Он характеризуется *совместным* использованием техники зерни, филиграни и закрепления в «гнездах» полудрагоценных камней. Полихромный стиль применялся исключительно к изделиям из золота, серию которых открывает знаменитый и уникальный *кубок из триалетского кургана № XVII*, занимающий особое место среди металлических сосудов кавказского и древневосточного мира (Куфтин 1941: табл. XCIII). «Изготовлен *кубок* из одного куска золота, выкованного первоначально в виде овальной формы узкогорлой бутылки, донная половина которой была затем вдавлена внутрь, наподобие стенок мяча, так что получилась глубокая чаша с удвоенной стенкой, на ножке, в которую превратилась бывшая шейка бутылки. Отверстие ножки после этого было запаяно ажурным прорезным донышком, украшенным затем, как и вся наружная поверхность кубка, гнездами для камней, обрамленными сканью и зернью» (Куфтин 1941: 92). Высота кубка – 73 мм, диаметр горла 45 мм. Проведенный технологический анализ показал, что кубок изготовлялся на токарном станке путем вытягивания листа *металла сначала снизу* вверх, к краю, а затем от края

Археологические Вести № 10). В том же году в Грузии вышли тезисы доклада К. *Рубинсон* (Рубинсон 2001: 123), где рассматривался аналогичный сюжет. Параллельное появление двух работ, затрагивающих данную тему, отражает большой интерес исследователей к внешним связям древнего Кавказа. Очень важно, что выводы Рубинсон относительно включения Кавказа в связи Аншур-Ра и его колоний совпадают с нашими наблюдениями. Однако, последовательно отстаивая тезис о кавказско-эгейских связях и о близости триалетских материалов к микенским (Рубинсон 1977; 1991; 2001), *Рубинсон* допускает, на наш взгляд, ошибку, поскольку привлекаемые ею для триалетских сосудов параллели из Кюльтепе и из Микен разделяет не менее трех веков. *На это обстоятельство мы уже указывали в первой части исследования, посвященной оружию Триалети.*

[1] К. Рубинсон не совсем верно перевела термин «листовидные» (концы ручек) в монографии (Гогадзе, Жоржикашвили 1974: 88), *полагая, что концы ручек котла из Триалети имели листовидную форму, как у котла из Микен.*

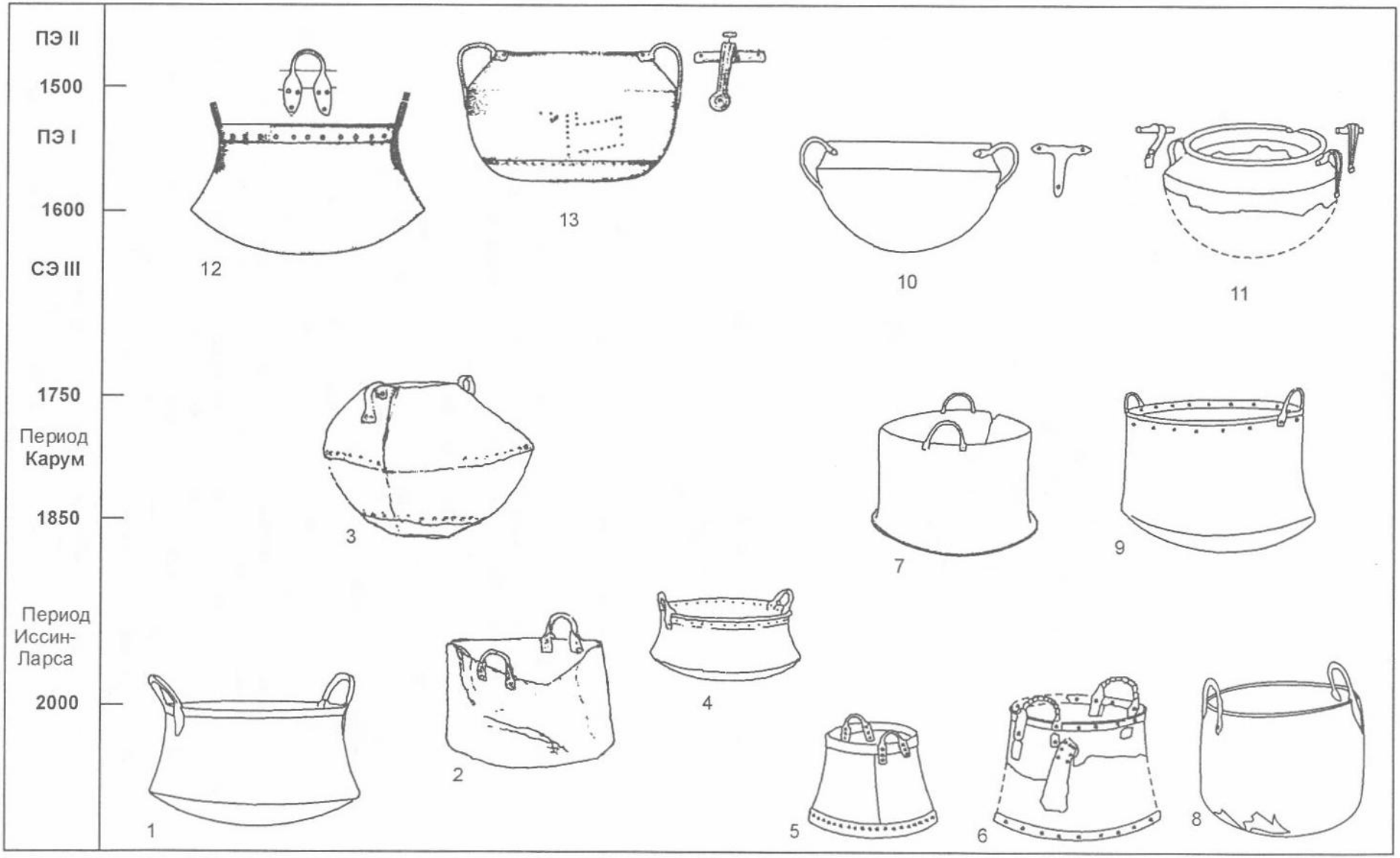


Рис. 3. Котлы. 1 – Библ; 2 – Кюльтепе II; 3 – Кюльтепе I b; 4 – Триалети; 5 – Кировакан; 6 – Ереван; 7 – Аруч; 8 – Ашшур; 9 – Кировакан; 10 – Лчашен; 11 – Бухакар; 12 – Микены; 13 – Тиринф. 1 – по Дунанду; 2,3 – по Озгючу; 4, 5–7, 9–11 – по Есаян; 8 – по Мюллеру-Карпе; 12–13 – по Маттхаусу.

Fig. 3. Cauldrons. 1 – Byblos; 2 – Kültepe II; 3 – Kültepe I b; 4 – Trialeti; 5 – Kirovakan; 6 – Yerevan; 7 – Aruch; 8 – Assur; 9 – Kirovakan; 10 – Lchashen; 11 – Bukhakar; 12 – Mykenai; 13 – Tirins. 1 – according to Dunand; 2, 3 – according to Özgüç; 4, 5–7, 9–11 – according to Esayan; 8 – according to Müller-Karpe; 12–13 – according to Matthaus.

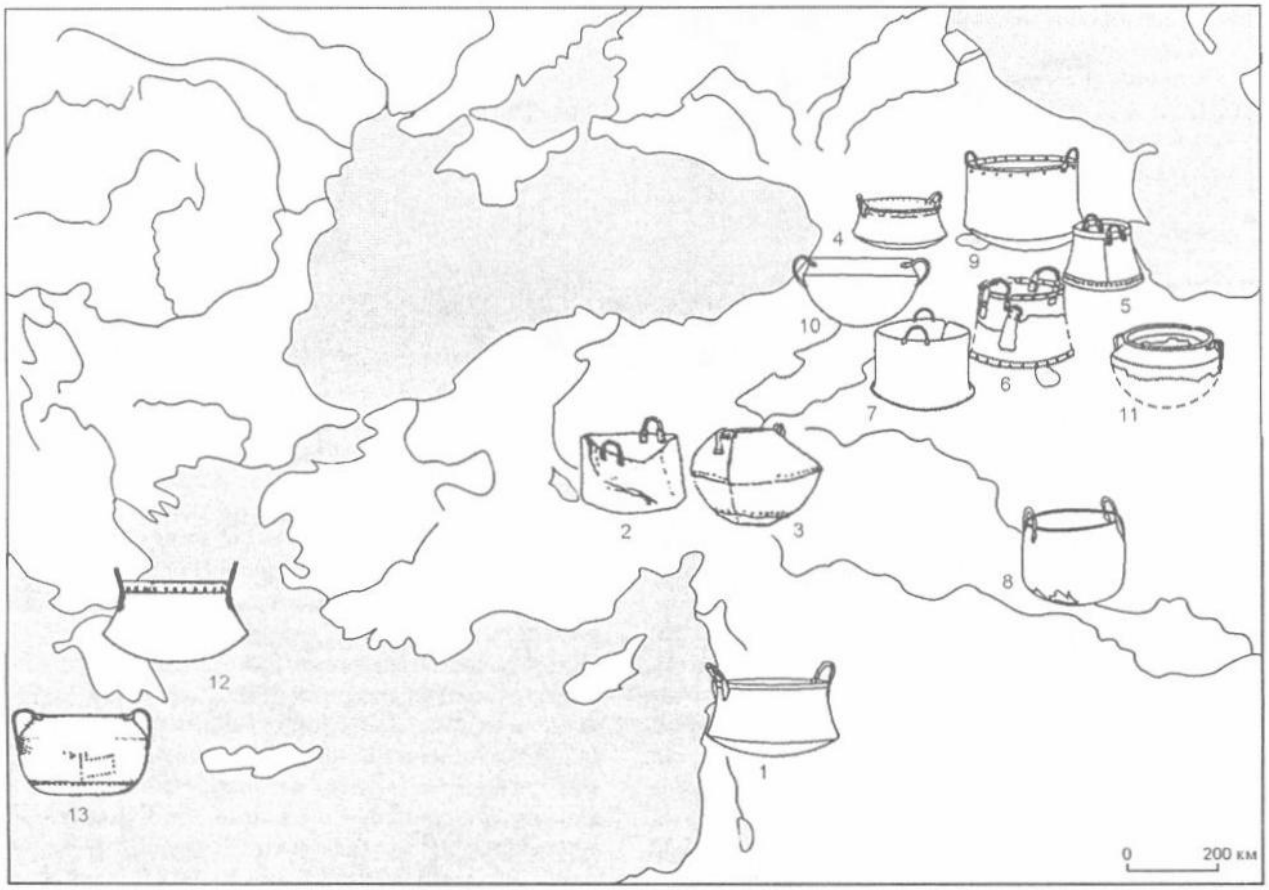


Рис. 4. Распространение котлов. 1 – Библ; 2 – Кюльтепе II; 3 – Кюльтепе I b; 4 – Триалети; 5 – Кировакан; 6 – Ереван; 7 – Аруч; 8 – Ашшур; 9 – Кировакан; 10 – Лчашен; 11 – Бухакар; 12 – Микены; 13 – Тиринф. 1 – по Дунанду; 2,3 – по Озгючу; 4; 5–7, 9–11 – по Есаян; 8 – по Мюллеру-Карпе; 12–13 – по Маттхаусу.

Fig. 4. Distribution of cauldrons. 1 – Byblos; 2 – Kültepe II; 3 – Kültepe I b; 4 – Trialeti; 5 – Kirovakan; 6 –Yerevan; 7 – Aruch; 8 – Assur; 9 – Kirovakan; 10 – Lchashen; 11 – Bukhakar; 12 – Mykenai; 13 – Tirins. 1 – according to Dunand; 2, 3 – according to Özgüç; 4; 5–7, 9–11 – according to Esayan; 8 – according to Müller-Karpe; 12–13 – according to Matthaus.

к основанию (Тавадзе, Месхиа, Баркая 1954: 19–24). После придания сосуду нужной формы, лишний металл срезался, а на стенки накладывались аппликации в виде волют, на которые припаивались гнезда для камней, обрамленные филигранью; затем в «гнезда» вставлялись полудрагоценные камни (бирюза, сердолик). Филигранью обрамлены горизонтальные пояса со вставными камнями, волюты и камни в припаянном донышке. Некоторая перегруженность изделия декоративными элементами, а также двойные стенки сосуда, создают впечатление его монументальности. Сочетание золота с разноцветными камнями, разнообразие орнаментальных мотивов, использование определенных норм симметрии и пропорций придают кубку парадный вид, а сложная технология изготовления, декоративность накладных деталей в сочетании с витой проволокой из золота, специальная обработка основания ножки сосуда вставленными крестообразно разноцветными камнями ставит кубок из триалетского кургана № XVII в ряд наиболее ярких шедевров искусства рассматриваемого времени в широком кавказско-ближневосточном регионе.

Как уже было сказано, прямых аналогий кубок не имеет. В поисках сходства с другими изделиями исследователям приходилось сравнивать отдельные мотивы, детали и элементы. Для этих сопоставлений привлекались орнамент на керамике и детали декора ювелирных изделий, что привело к выявлению единого стилистического замысла различных триалетских изделий, независимо от материала, из которого изготовлен тот или иной предмет. Так, волюты встречаются не только на золотых булавках и «бунчуках», но и на расписных керамических сосудах; цветные вставки камней – на знаменитом агатовом кулоне и крупных золотых бусах; филигрань, «плетенка», зернь – на тех же ювелирных изделиях, а их имитация (шишечки, «елочка») – на украшениях из листового металла с чеканкой, на чернолощенной и расписной посуде. На керамических же сосудах имитируется такой распространенный в это время мотив, как крестообразные и бабочкообразные фигуры, классическим вариантом которых является крестообразная фигура из вставных (обрамленных зернью) камней на донышке триалетского кубка (а также накладные пластины для крепления дуговидной ручки триалетской вазы). Последний знак, использовавшийся на древнем Востоке как религиозный символ, говорит о ритуальном назначении триалетского кубка.

Декоративный стиль кубка, в котором непременным атрибутом являются уложенные в «гнезда» разноцветные камни, полностью оправдывает название «полихромный», а сходство элементов декора на кубке с элементами убранства на других ювелирных изделиях, а также на парадной посуде свидетельствует о существовании на Южном Кавказе местного, отмеченного неповторимостью, очага художественного ремесла.

В плане сказанного специального внимания заслуживают родственные по стилю описанному кубку украшения (рис. 5), среди которых уникальным изделием является *агатовый кулон в золотой оправе* из триалетского кургана № VIII. Он венчал ожерелье *из четырнадцати* золотых бусин различной формы и декорировки. Кулон имеет (Куфтин 1941: рис. 97, *табл. XCIV; XCV)* лунарную форму; сам камень коричневый с белыми прожилками заключен в золотую *оправу. Концы* кулона охвачены золотыми квадратными обоймами, по краю которых вьется золотая *плетенка; такая же плетенка* отходит радиально *от «гнезда» в центре квадратов, состоящих* из трех *сердоликовых камней.* В середине кулона имеется вертикальная золотая накладка, в которую *вмонтированы* расположенные друг над другом три сердоликовых камня, обрамленные тем же способом. Отверстие *для нити* ожерелья просверлено через камень вдоль его длинной оси. Кулон был сломан и починен *в древности.* На его первоначальной трактовке и датировке мы остановимся ниже.

Золотые декорированные бусы (курган № VIII), составляющие с агатовым кулоном ожерелье, целиком вписываются в полихромный стиль, представленный в первую очередь кубком из кургана № XVII. Ожерелье состояло из 14 бусин (Куфтин 1941: табл. XCIV – XCVI)[6], отличающихся друг от друга формой (сферические, уплощенно-сферические, бочонковидные), размерами (диаметр 1,2–3,3 см), технологией (выдавленные из листа металла или спаянные из двух половинок) и декоративным убранством. Здесь мы встречаем такие же как на кубке и агатовом кулоне элементы декора: сердоликовые камни, вставленные в «гнезда», обрамленные «цепочками» зерни и филиграни; «рисующие» спиралеобразные фигуры; в некоторых случаях вместо камней в «гнезда» вставлена светлая паста; крупные и мелкие напаянные шишечки, дополняющие световую игру разноцветных вставок; сложные композиции, состоящие из геометрических элементов (углы, кресты, напоминающие свастику фигуры, зигзагообразные линии), воспроизведенные цепочками «уложенных» симметрично зерни и филиграни; выдавленные изнутри мелкие полусферы, покрывающие всю поверхность биконических бусин, половинки которых в месте соединения *украшены филигранной плетенкой;* мелкие бусинки с вмонтированным в металл одним камнем; по-видимому замыкавшие ожерелье и присоединявшиеся к замковому устройству.

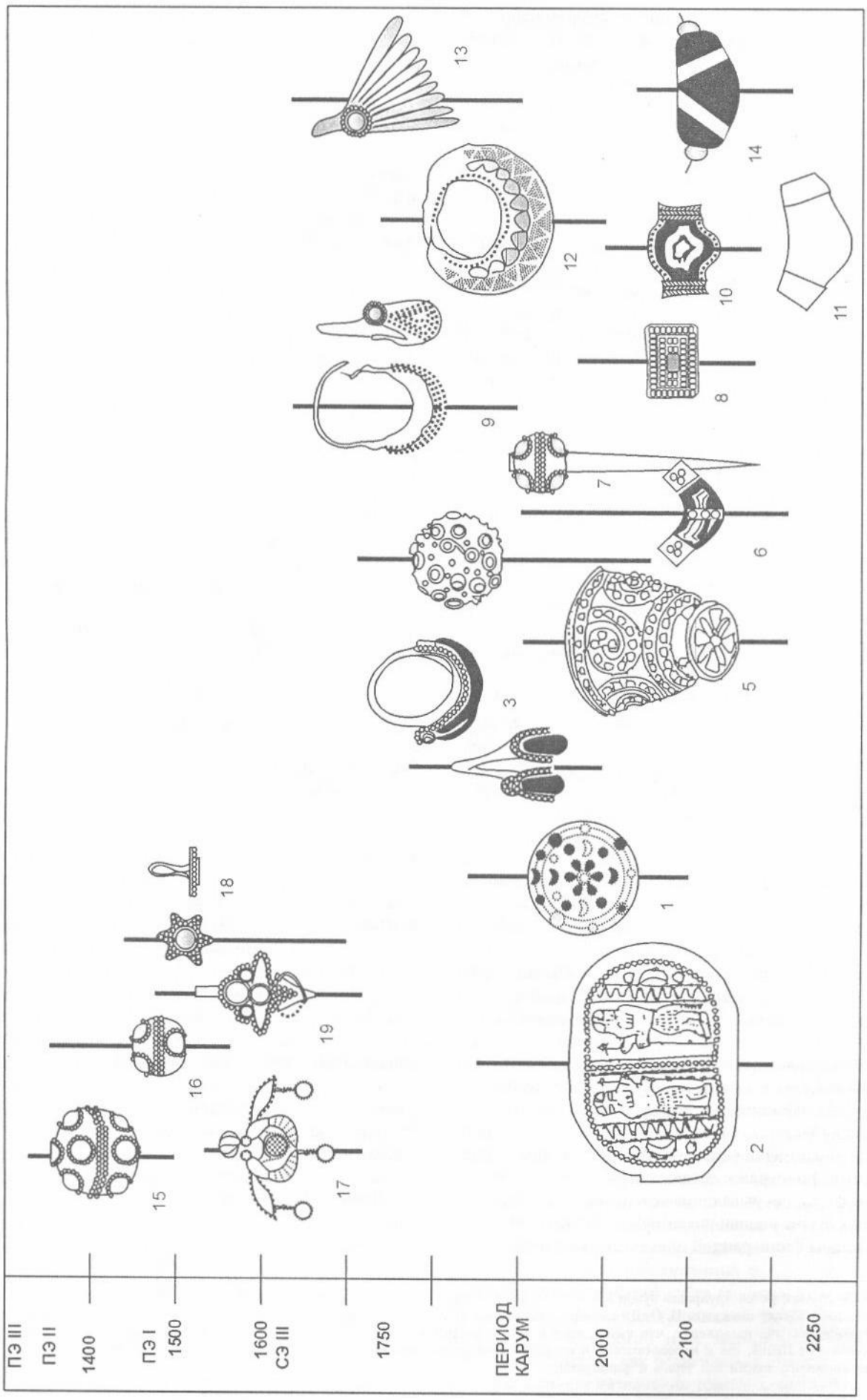
Серебряные булавки с золотыми сферическими головками из курганов № № XVII и XXXVI целиком вписываются в изделия полихромного стиля. Их головки также декорированы вставленными в «гнезда» камнями сердолика, обрамленными зернью и филигранью (Куфтин 1941: *табл. XCVII).*

В процессе исследования золотых изделий, украшенных полудрагоценными камнями, *зернью и филигранью,* возникает ряд вопросов. Можно ли считать полихромный стиль южнокавказским изобретением? В каком ареале представлены подобные украшения? Когда они впервые появились? *Прямые* аналоги ювелирным изделиям «цветущей поры» БТО за пределами Южного Кавказа пока *не обнаружены,* что затрудняет датировку памятников этого времени. Уже Б. А. Куфтин, проницательно заметив *переднеазиатские* истоки открытых им шедевров, привел две группы аналогий для триалетских ювелирных изделий. С одной стороны, это – украшения второй половины III тыс. до н. э. из *Месопотамии и Малой Азии, с другой – находки из Греции и Крита* микенской эпохи, середины II тыс. до н. э. Так, в *качестве аналогии* агатовому кулону из триалетского кургана № VIII Б. А. Куфтин привел *ожерелье жрицы Аббабашти* из храма в Уруке (Куфтин 1941: 94). Это ожерелье, ошибочно отнесенное Б. А. *Куфтиным к началу* III тыс. до н. э., сегодня надежно датируется периодом III *династии Ура (XXI в. до н. э.). Важно подчеркнуть стремление* мастера придать триалетскому кулону лунарную *форму, что после поломки камня* было достигнуто с помощью золотой оправы. Кулоны «V»-*образной или лунарной* формы появляются в Шумере в аккадский период, но становятся особенно популярными в период *III* династии Ура (Maxwell-Hyslop 1971: 26, 65, Fig. 19a). Именно в этот период лунарные кулоны распространились далеко за пределы Месопотамии, в частности в Тепе-Гиссар и Шахдад на территории Ирана[7] (Maxwell-Hyslop 1971: 79, Pl. 55). Копирование формы кулона подтверждает связь с шумерскими прототипами и позволяет синхронизировать его изготовление с периодом бытования шумерских украшений этого типа. При внимательном рассмотрении заметны также отличия триалетского кулона и ожерелья из Урука: на урукском украшении отсутствует зернь (есть только филигрань) *и использована цветная* паста в гнездах из проволоки, а не цветные камни, как в Триалети. Поэтому нельзя считать кулон из Триалети простой копией шумерских украшений.

Вторая, *рассмотренная* Б. А. Куфтиным группа аналогий связана с эгейским регионом. В качестве единственной *аналогии украшениям из Триалети*

[6] Б. А. Куфтин реконструировал кулон и *золотые бусы* как части одного ожерелья (Куфтин 1941: табл. XCV). Некоторые сомнения по этому поводу высказала Н. О. Джапаридзе. Она полагала, что по своим формам эти изделия не составляют единого украшения *и высказала предположение,* что кулон, скорее всего, входил в состав другого набора бус (*Джапаридзе Н. 1988: 58).*

[7] Кулоны из Ирана, как и месопотамские экземпляры аккадского времени, не имеют оправы или снабжены простыми колечками из листового золота без зерни и филиграни.


ПЭ III
ПЭ II
1400
ПЭ I
1500
1600
СЭ III
1750
ПЕРИОД КАРУМ
2000
2100
2250
1
2
3
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

Б. А. Куфтин привел полую золотую бусину *из кубальной* гробницы в Вафио, датированную периодом ПМ-II (XV–XIV вв. до н. э.). По мнению Б. А. Куфтина, бусина из Вафио представляет образец той же техники ювелирного искусства (полихромной), что и бусы, и головки булавок из Триалети (Куфтин 1941: рис. 96). На наш взгляд, эта параллель требует оговорок: во-первых, полихромная техника, *впервые применяемая на Южном Кавказе в начале II тыс. до н. э.*, позднее неоднократно использовалась ювелирами; *во-вторых, есть определенные отличия эгейской ювелирной техники от триалетской*. Эгейские бусины в центре имеют золотую трубочку *и украшены* не камнями, а стеклянной пастой, закрепленной *в* лунках или в гнездах из проволоки. Перечисленные отличия, в особенности использование пасты, *имитирующей* лазурит и бирюзу, указывают, на наш взгляд, на Передний Восток как на вероятный источник *заимствования технологии изготовления эгейских бус*. Таким образом, эгейские украшения с кавказскими объединяют только общие передневосточные корни *техники и стиля ювелирного искусства. Пути же*, приведшие к их появлению на Южном Кавказе и в Греции, как и время их бытования, *были различны*, о чем будет сказано ниже. В итоге Б. А. Куфтин датировал курганы «цветущей поры» середины II тыс. до н. э. (Куфтин 1941: 99). Позднее Э. М. Гогадзе, опираясь на переднеазиатские параллели изделиям Триалети и совместное обнаружение в триалетских комплексах *«цветущей поры»* расписной и чернолощенной посуды архаичного облика, расчленил их на три хронологических группы и поместил эти группы в пределах *первой половины II тыс. до н. э.*; сооружение же самой ранней группы курганов «цветущей поры» *он отнес к XX–XVIII* вв. до н. э. (Гогадзе 1972: 104). Эта дата была принята также А. И. Джавахишвили (*Джавахишвили* 1973: 268).

К сожалению, ряд недоумений вызывают хронологические оценки Г. Л. Кавтарадзе, который, отбросив все эгейские параллели, привлек *аналогии* триалетским изделиям из переднеазиатских культур IV – начала II тыс. до н. э. (Кавтарадзе 1983: 116–141). Эти параллели скорее демонстрируют эрудицию автора, нежели помогают уточнить датировку триалетских комплексов. Предложенная датировка последних второй половиной III тыс. до н. э. *представляется* недостаточно обоснованной, ибо приведенные аналогии носят несколько поверхностный характер. Например, автор сопоставляет булавки из Триалети с булавками из Аладжи. Данная параллель не адекватна как с точки зрения техники изго*товления украшений, так и их стиля*. Во-первых, мастера из Аладжи не пользовались техникой зерни *и филиграни, применявшейся* кавказскими ювелирами. Во-вторых, в Аладже камни в виде просверленных *цилиндрических бусин закреплены* на металлических проволочках, а в Триалети камни закреплены *в гнездах, то есть способом, впервые появившимся* в Малой Азии (Кюльтепе) только на рубеже II тыс. до н. э. (Özgüç 1986: Fig. 26). *Украшение же головки булавки бусиной характерно для Месопотамии*, начиная с раннединастического периода. Часть приведенных Г. Л. Кавтарадзе параллелей верна с типологической *точки зрения, но не позволяет уточнить* датировку памятников Триалети, так как автор не использует в полной мере информацию, содержащуюся в археологических источниках. Например, для лунарного кулона из кургана № VIII в Триалети Г. Л. Кавтарадзе привлек в качестве аналога бусины из ожерелья Аббабашти, датируемого XXI в. до н. э., *и бусину из могильника* Ура аккадского времени (Кавтарадзе 1983: 119). При таком сопоставлении кулон датируется в *широком диапазоне второй половины* III тыс. до н. э., однако, учитывая наблюдение К. Р. Максвелл-Хислоп о том, что бусы лунарной формы стали популярными и распространились за пределы Южной Месопотамии только в конце III тыс. *до н. э, в период III династии* Ура (Maxwell-Hyslop 1971: 26), необходимо было сузить диапазон синхронизации параллелей.

На наш взгляд, Г. Л. Кавтарадзе оказался «в плену» ошибочной гипотезы о решающем культурном влиянии периферийных районов, к которым относился и *Южный Кавказ*, на *цивилизацию* Переднего Востока. По мнению Г. Л. Кавтарадзе, ранние погребения белено-алазанского этапа *БТО датируются* раньше царских могил Ура, и именно варварская пышность обряда триалетских курганов *послужила* образцом для подражания шумерским правителям при формировании погребального ритуала в Ура периода РД-III. Появление деревянных повозок в могилах шумерских владык также связывается с влиянием *далекой северной периферии* (*Кавтарадзе 1983: 116*, 125), хотя вопрос этот со сих пор находится в стадии дискуссий. Г. Л. Кавтарадзе ссылается на работу С. Пиггота (Piggott 1968), *впервые предположившего*, что традиция погребения знатных особ с повозками распространилась из ареала ямной культуры Причерноморья *через Кавказ в Иран и Месопотамию*, и датировавшего триалетские погребения с повозками *середины-второй половины III тыс. до н. э.* (Piggott 1968: 273, 276). Однако *на приведенных* С. Пигготтом чертежах прослеживается, что повозки со сплошными колесами не могут использоваться для датировки погребений триалетско-кировабанского этапа, поскольку их конструкция не меняется от эк-

Рис. 5. Украшения полихромного стиля на Кавказе и *Переднем Востоке*. *1, 2 – Библ*; 3 – *Кюльтепе II*; 4–7 – Триалети; 8 – Карашамб; 9, 11 – Ур; 10 – Урук; 12 – Геой Тепе, погребение 4; 13 – Ашшур; 14 – Тепе Гиссар IIIB; 15 – Вафио; 16 – Фивы; 17 – Мадлия; 18–19 – Телль Аджуль. 1 – по Дунанду; *2, 9–11, 13–14, 18–19* – по Максвеллу-Хислоп; 3 – по Озгюч; 4–7 – по Куфтину; 8 – по: Оганесян; 12 – по Гравфорду; 15–17 – по Хиггинс.

Fig. 5. Adornments in the polychrome style from the *Caucasus and Near East. 1, 2 – Byblos*; 3 – *Kültepe II*; 4–7 – Trialeti; 8 – Karashamb; 9, 11 – Ur; 10 – Uruk; 12 – Geoy Tepe, grave 4; 13 – Assur; 14 – Tepe Hissar IIIB; 15 – Vaphio; 16 – Theben; 17 – Mallia; 18–19 – Tell-el-Ajjul. 1 – *according to Dunand; 2, 9–11, 13–14, 18–19 – according to Maxwell-Hyslop*; 3 – according to Özgüç; 4–7 – according to Kuftin; 8 – according to Oganesyan; 12 – according to Grawford; 15–17 – according to Higgins.

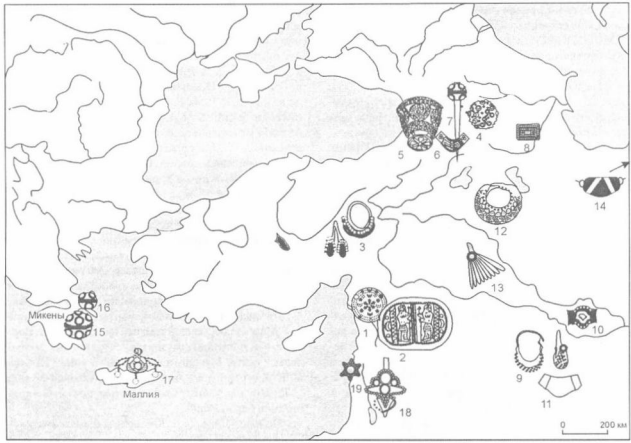


Рис. 6. Распространение украшений полихромного стиля на Кавказе и Переднем Востоке. 1, 2 – Библ; 3 – Кюльтепе II; 4–7 – Триалети; 8 – Карашамб; 9, 11 – Ур; 10 – Урук;12 – Гсой Тепе, погребение 4; 13 – Ашшур; 14 – Тепе Гиссар IIIB; 15 – Вафио; 16 – Фивы; 17 – Маллия; 18–19 – Телль Аджуль. 1 – по Дунанду; 2, 9–11, 13–14, 18–19 – по Максвеллу-Хислопу; 3 – по Озгючу; 4–7 – по Куфтину; 8 – по Оганесян; 12 – по Графорду; 15–17 – по Хиггинсу.

Fig. 6. Distribution of adornments in the polychrome style throughout the Caucasus and Near East. 1, 2 – Byblos; 3 – Kültepe II; 4–7 – Trialeti; 8 – Karashamb; 9, 11 – Ur; 10 – Uruk; 12 – Geoy Tepe, grave 4; 13 – Assur; 14 – Tepe Hissar IIIB; 15 – Vaphio; 16 – Theben; 17 – Mallia; 18–19 – Tell-el-Ajjul. 1 – according to Dunand; 2, 9–11, 13–14, 18–19 – according to Maxwell-Hyslop; 3 – according to Özgüç; 4–7 – according to Kuftin; 8 – according to Oganesyan; 12 – according to Grawford; 15–17 – according to Higgins.

земляров алазано-беденского этапа в Триалети до повозок эпохи поздней бронзы Лчашенских курганов (Piggott 1968: Fig. 7, 11, 12; Pl. XXI, XXII).

Сопоставив ювелирные изделия триалетско-кировабанского этапа с украшениями из соседних регионов Древнего Востока (при этом нами были использованы монографии К. Р. Максвелл-Хислоп (Maxwell-Hyslop 1971) и Р. А. Хиггинс (Higgins 1963; 1980), мы установили, что полихромная техника, продемонстрированная на примерах кубка, жерельа и булавок, является оригинальным изобретением, впервые примененным ювелирами Южного Кавказа. Отдельные технические приемы, используемые кавказскими ювелирами, были изобретены шумерскими мастерами в III тыс. до н. э., однако в Месопотамии эти приемы не применялись в подобном сочетании. Так, в Шумере зернь использовалась очень редко и отдельно от филиграни; филигрань же применялась несколько чаще. Вставки из камней в Шумере также применялись редко и не обрамлялись зернью. Шумерские ювелиры предпочитали использовать цветную «пасту» (имитирующую лазурит или бирюзу), закрепленную в углублениях-лунках или в «гнездах» из золотой проволоки; драгоценные же камни либо закрепляли с помощью клейкой смолы (техника инкрустации), либо сверлили и нанизывали на золотую проволоку. Часто шумерские мастера помещали каменные бусины в оправу из листового золота; головки булавок украшали, привязывая к ним просверленную каменную бусину или цилиндрическую печать.

Первое применение мастерами Трои техники украшения золотых изделий зернью и филигранью было зафиксировано в знаменитых кладах второго города, синхронных РД III и аккадскому периодам в Месопотамии. Связи месопотамских ювелиров с мастерами из Трои подтверждаются находкой близких украшений на промежуточной территории в Эскишпаре, в Центральной Анатолии (Özgüç, Temizer 1993: 615, 621, 627, Fig. 1–8, 45, 46). Позднее такой прием зафиксирован в Библе на рубеже III-II тыс. до н. э. Наиболее древние изделия, сочетающие зернь, филигрань и гнезда с камнями вне Кавказа найдены на памятниках не ранее рубежа III-II тыс. до н. э.

в Сирии, Каппадокии, на Армянском нагорье и в Северной Месопотамии (рис. 6). Это – дисковидный медальон и обкладка рукоятки вотивного золотого топора из кладов в Библе (Maxwell-Hyslop 1971: 102, 104 Pl. 69, Fig. 75) и серьги из второго слоя Карума *в Кюльтепе – Канише* (*Özgüç 1986: 119, Fig. 26*). К первым векам второго тыс. до н. э. относятся выполненные в такой же технике серьги из погребения слоя Д Гейй-тепе (Crawford 1975: Pl. VII), серьги из Ура периода правления Гугунума в Ларсе (Maxwell-*Hyslop* 1971: *83, Pl. 57*), *серьги из Суз* (*Maxwell-Hyslop* 1971: 84, Pl. 58,59), серьги из погребения 20 и ожерелье из погребения 45 в Ашшуре (Maxwell-Hyslop 1971: 70, Fig. 46). Причем *только на серьгах в Гейй-тепе и на* обкладке рукоятки топора в Библе, также как в Триалети, *использовалось* сочетание зерни, филиграни и вставок из камней, а в остальных случаях имеются только камни, обрамленные шариками зерни, но нет филиграни. Нам представляется, что *опыт шумерских* (и ассирийских) ювелиров был творчески переработан кавказскими мастерами, в результате чего появился оригинальный полихромный стиль, центром воспроизводства которого долгое время оставался Южный Кавказ. *Только на Южном Кавказе в курганах* Триалетского плато и в Карашамбе найдены комплексы с наборами престижных изделий, исполненных в полихромном стиле, тогда как за пределами Кавказа встречаются лишь единичные изделия подобного рода (*упрощенные вариации кавказских*), *причем* часто со следами *длительного употребления, ремонта* и вышавшими камнями (Библ, Гейй-тепе)[8]. Находки изделий полихромного стиля за пределами Кавказа, со своей стороны, уточняют датировку памятников триалетско-кировабканского этапа БТО: *все эти изделия* относятся к XXI–XIX вв. до н. э., что позволяет *распространить* указанную дату на памятники Южного Кавказа, *содержащие* подобные украшения.

Что касается эгейских украшений, сочетающих зернь и «гнезда», заполненные цветной «пастой», то их происхождение, судя по стилю и технике изготовления, *связано с Сирией и Палестиной*. Прототипами изделий полихромного стиля из Эгеиды могла послужить продукция ювелирных мастерских восточного побережья Средиземного моря, в частности, перстень и серьги из погребений в Телль Аджуль в Палестине, датируемые 1750–1500 до н. э. (Maxwell-Hyslop 1971: 116, 119, Fig. 79, 82, Pl. 82, 83). Вполне сопоставимое *с последними наиболее древнее полихромное* украшение из Эгейского бассейна – подвеска из Маллии на Крите – датируется СМ периодом – *1700–1550 до н. э.* (Higgins 1980: 45, *III. 39*). Перстни с вставками из Греции и Крита датируются 1500–1300 до н. э. (Higgins 1980: 70, Pl. 11C). Несколько сферических золотых бусин с вставками из голубой пасты в окружении шариков зерни обнаружены в гробницах на Крите и в Пелопоннесе: Вафио (Tsountas 1889: 151, Pl. VII, 7), Фивах (*Amandry 1953: 24, Pl. VIII*, 28), Просимне (Blegen 1937: fig. 541, 11) и др. Бусы со вставками относятся к периодам ПЭ I–III (1600–*1200 до н. э.*). Эгейские бусы *отличаются от триалетских*, но близки ближневосточным украшениям (применение цветной пасты в углублениях, отсутствие филиграни), что *позволяет связывать их появление* с эгейско-ближневосточными контактами. Для Минойско-Микенского ювелирного искусства характерны изделия иного типа – так называемые рельефные бусы, штампованные из листового золота, с обратной *стороны припаяна* «подкладка» из золотого листа, а полость заполнена магнетитовым песком. Украшения имели одно или два-*три отверстия для нанизывания*. На лучших образцах встречаются напаянные шарики зерни, а голубая эмаль *изредка заполняет впадины* (*Higgins 1980: 75, Pl. 10*). Полихромные украшения встречаются в Эгеиде очень редко, только в погребениях знати, где *представлены лишь одна-две бусины*, являвшиеся, скорее всего, ближневосточным импортом (дары, военная добыча) или подражаниями.

Изучение ювелирных изделий БТО приводит *нас* и к другому важному культурно-историческому выводу: население Южного Кавказа в СБВ не имело *тесных контактов* с эгейским регионом, главными и определяющими направлениями контактов и связей в этот период были анатолийское (*Армянское нагорье, Каппадокия*), иранское и северо-месопотамское, то есть области, *включенные* в систему Ашшурской дальнедистанционной торговли. Изучение документов из архивов ашшурской торговой организации *показывает, что агенты*-торговцы постоянно стремились расширить сеть и освоить новые источники сырья. Капитал всегда *стремится покинуть регион*, где велико влияние бюрократии на экономику. Вывоз торгово-обменные операции на территории, не контролируемые *древне*восточными правителями, торговцы увеличивали свою прибыль, хотя риск в таких районах тоже *возрастал* (*Янковская 1985: 240*). Южный Кавказ в этот период удовлетворял всем требованиям ашшурских торговых агентов: здесь имелись запасы различного сырья, население могло стать потенциальным потребителем продукции передневосточных мастерских (например, тканей из шерсти, хлопка и льна), *наконец*, в Закавказье не сформировались государства с *развитой бюрократией*.

Попытка уточнения датировки погребения с серебряным кубком из *Карашамбского кургана № 1* недавно предпринята М. Боемером и Г. Коссаком (Boehmer, Kossack 2000). Единственный датирующий артефакт из этого погребения – серебряный якоревидный топор. Авторы относят производство

[8] Могила IV, открытая на поселении Гейй-тепе и относящаяся к слою D, содержала комплекс предметов, в том числе и золотые серьги, выполненные, как и украшения из «царских» могил Триалети, в полихромном стиле. Как известно, на основе некоторых сопоставлений слой D датировал Р. Дайсоном 1750–1500 гг. до н. э., что хронологически не увязывается со всеми приведенными выше и пересмотренными нами датировками различных предметов из памятников «цветущей поры» *БТО. Крайняя изношенность* серег, отсутствие камней в гнездах, утрата фрагментов филиграни и пр. позволяют предположить (как один из вариантов), что эти старинные к моменту захоронения серьги были положены в могилу в качестве некоего символа, возможно связанного *с культом предков*.

подобных топоров к аккадскому периоду. М. Боемер и Г. Коссак не учли, что подобные изделия входили на Южном Кавказе в инвентарь погребений алазано-беденского этапа (Шатберашвили 1998: 125; Ахундов 2001; Piccheluari 1997: taf. 12), датируемых нами аккадским периодом. Таким образом, в Закавказье подобные топоры появляются действительно в аккадское время, *но они могли употребляться и позднее*, на триалетско-кироваканском этапе, то есть в конце III – *начале II тыс. до н. э. Проанализируем статью* М. Боемера и Г. Коссака и датирующие возможности серебряного кубка из Карашамба. Авторы детально *исследуют изображения* на фризах карашамбского кубка и пытаются определить время и ареал всех сюжетов на Древнем Востоке. Выясняется, что происхождение сюжетов карашамбских фризов связано с широким ареалом от Каппадокии на западе до Месопотамии и Ирана на востоке. Большинство сюжетов восходят к урукскому периоду (IV тыс. до н. э.) и бытуют на Древнем Востоке до новошумерского времени (начало II тыс. до н. э.). И все-таки, некоторые детали изображений позволяют уточнить возможное время изготовления карашамбского кубка. Перечислим подобные мотивы. Сидящие на корточках фигуры распространены в иранском искусстве в аккадское и новошумерское время (встречаются они и позднее, в хурритском искусстве). Лира с изогнутым грифом известна с позднеаккадского времени и затем встречается в новошумерское время и в хеттское время в Малой Азии. Столик на ножках в виде бычьих копыт изображается только в новошумерское время в Сирии (Эбла) и в Каппадокии (Карум-Каниш). Подставка под сосуд в форме песочных часов напоминает алтарь с чашей-курильницей позднеаккадского периода. *Изображения львиноголового орла – Анзу – происходят из Месопотамии раннединастического* времени. По мнению авторов, традиция изображать голову Анзу анфас характерна только для *раннединастического времени, позднее же голову это*го персонажа начали изображать в профиль (Boehmer, Kossak 2000: 31). У пирующего «князя» голова обрита, *а на затылке имеется косичка, свисающая* на шею. Бритоголовые персонажи с косой известны в искусстве аккадского периода. Причем на рельефе изображен не аккадец, а пленный чужеземец, по-видимому, анатолиец (Boehmer, Kossak 2000: 29; *Fig. 18). Кинжал с полукруглым навершием авторы* сравнивают с образцами раннединастического и аккадского периодов из Месопотамии (Boehmer, Kossak *2000: 32).* На наш взгляд, ближе по форме к карашамбским кинжалы начала II тыс. до н. э., например, из погребения в Дахшуре (Египет) периода Среднего царства и из второго слоя Карум-Каниша. Свободное размещение борющихся пар животных *характерно для глиптики среднеаккадского периода. Однако здесь* есть и различия: на Древнем Востоке в парах борющихся зверей изображались хищники и травоядные, а на карашамбском кубке – львы и леопарды (пары из двух львов встречаются *на печатях II тыс. до н. э.).*

Обобщая свои наблюдения, авторы датируют кубок из Карашамба от раннединастического до новошумерского времени, «с сильным перевесом *в пользу раннединастического и аккадского периодов»* (Boehmer, Kossak 2000: 32). Мы не можем принять такой вывод, поскольку с ним не согласуется появление некоторых сюжетов карашамбских фризов (например, столика на «бычьих» ножках и лиры с изогнутым грифом) начиная с новошумерского *времени.* Наибольшую близость по стилю к изображениям на триалетских кубке, ведерке и карашамбском кубке демонстрирует глиптика новошумерского времени *из Карум-Каниша* и Библа; в частности, изображения животных. Глиптика же аккадского периода демонстрирует совершенно иной стиль. Недавно, кстати, к подобному выводу пришла и К. Рубинсон, изменив свой прежний взгляд на датировку комплексов из курганов Триалети (*Rubinson 1998:* 126). В построениях М. Боемера и Г. Коссака важно, на наш взгляд, определение региона, тесно связанного с Закавказьем, *откуда южнокавказские мастера* могли заимствовать сюжеты для своих произведений. Такими регионами являлись Каппадокия, Сирия, Месопотамия и Иран, *что хорошо согласуется с нашими* выводами о связях Южного Кавказа на триалетско-кироваканском этапе.

Анализ сюжетно-*композиционных* схем в глиптике Двуречья, произведенный Е. И. Кононенко (Кононенко 2000), позволяет обнаружить параллели с сюжетами кавказских кубков для уточнения датировки последних. В древневосточной глиптике схема *«шествия»* получила широкое распространение с аккадского периода, однако только с периода III династии Ура композиция на печатях ограничивается *изображением перед сидящим божеством несколь*ких предстоящих, но, в отличие от печатей Аккада, часто без божественных атрибутов. Теперь это не *боги, а смертные* (как на кубках из Триалети и Карашамба). В начале аккадского периода «фриз сражающихся» и схема «фризообразного шествия» сосуществуют, а «пир» из тематических сюжетов резчиков печатей исчезает, *только к концу аккадского периода* сцены «пира» вновь появляются. Таким образом, *широкое* распространение сцен «пира» и «шествия» в глиптике Месопотамии отмечается с конца аккадского периода и в период III династии Ура. Только с периода III *династии Ура в сценах* «шествия» перед сидящей фигурой начинают изображаться предстоя*щие без божественных* атрибутов.

Учитывая весь комплекс сопоставлений, следует сделать вывод о надежности даты памятников «цветущей поры» или второго этапа БТО. Совершенно очевидно, что их нельзя датировать ни серединой II тыс. до н. э., ни первой его половиной. Памятники этого этапа *сооружались в конце III – начале II тыс. до н. э.*, вслед за курганами бедено-алазанского этапа, датируемыми XXVI–XXII вв. до н. э. (Кушнарева, Рысин 2000: 102).

В этот период население Южного Кавказа, в основном его правящая элита, *поддерживало активные связи* с передневосточным регионом: Каппадокия, Сирия, Северная Месопотамия и Северо-Западный Иран. Не подтверждаются предположения о связях

Закавказья с эгейским регионом, даже опосредованных. Если на предыдущем, алазано-беденском этапе существовали активные *и разносторонние контакты* Южного Кавказа с Северным, то на триалетско-кавказском *этапе эти связи* практически полностью прерываются. Отсутствие притока новаций с Древнего Востока *через Закавказье* оказало решающее влияние на судьбу культур Северного Кавказа и восточноевропейских степей. Согласно разработкам *В. С. Бочкарева (Бочкарев 1991: 25), именно в это время*, в финале средней бронзы, центр культурогенеза смещается с Кавказа в Волго-Уральский регион, где формируется новый очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы.

Амиранашвили, Ш. Я. 1961. История грузинского искусства. Тбилиси: Мецниереба.

Ардзинба, В. Г. 1982. Ритуалы и мифы древней Анатолии. Москва: Наука.

Арешян, Г. Е. 1988. Индоевропейский сюжет в мифологии населения междуречья Куры и Аракса во II тыс. до н. э. // *Вестник древней истории* 4: 84-102.

Арешян Г. Е., В. Э. Оганесян, Ф. М. Мурадян, П. С. Аветисян. 1990. Конец среднего бронзового века в междуречье Аракса и Куры // Историко-филологический журнал 1: 53–74. Ереван: Издательство АН *Армянской ССР.*

Ахундов, Т. Е. 2001. Северо-западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку: Элм.

Бардавелидзе, В. В. 1957. *Древнейшие религиозные* верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР.

Бериашвили, М. Т., З. И. Схиртладзе, 1984. К пониманию сюжетных изображений на серебряном кубке из Триалети // Труды Кахетской археологической экспедиции VI: 138-153. Тбилиси: Мецниереба.

Бочкарев, В. С. 1991. Волго-Уральский очаг культурогенеза *эпохи поздней бронзы* // *Социогенез* и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методического семинара ИИМК АН СССР: 24–27. Санкт-Петербург: Госкомсэс.

Гогадзе, Э. М. 1972. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети (на груз. яз.). Тбилиси: Мецниереба.

Джанашвили, А. И. 1955. Художественные ремесла // «Саботчота хеловнеба» 6. Тбилиси: Хеловнеба.

1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до н. э. Тбилиси: Мецниереба.

Джапаридзе, И. О. 1981. Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии. Тбилиси: Хеловнеба.

Есаян, С. А. 1987. Металлическая утварь Армении эпохи бронзы // *Вестник общественных наук* Академии наук Армянской ССР 2: 58–67. Ереван: Издательство АН Армянской ССР.

Жоржиашвили, Л., З. М. Гогадзе. 1974. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Каталог триалетских материалов II. Тбилиси: Мецниереба.

Кавтарадзе, Г. Л. 1983. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба.

Кононенко, Е. И. 2000. Сюжетно-композиционные схемы в глиптике Двуречья III тыс. до н. э. // *Вестник древней истории* 3: 126–136.

Куфтин, Б. А. 1941. Археологические раскопки в Триалети I. Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР.

Кушнарева, К. Х., М. Б. Рысин. 2000. Бедено-алазанская группа памятников Кавказа // *Взаимодействие культур и цивилизаций*: 60–109. Санкт-Петербург: Петербургкомстат.

2003. Триалетская культура // Археологические Вести 10: 114–127. *Санкт-Петербург*: Дмитрий Буланин.

Маразов, И. 1999. Митология на древността. София: Христо Ботев.

Мартиросян, А. А. 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Издательство Акд Армянской ССР.

Оганесян, В. Э. 1988. Серебряный кубок из Карашамба // *Историко-филологический* журнал 4: 145–161. Ереван; Издательство АН Армянской ССР.

1990. Культура первой половины II тыс. до н. э. в средием течении р. Раздан. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Ереван: Издательство АН *Армянской ССР.*

Тавадзе, Ф. Н., Ш. Месхия, В. А. Бакрая. 1954. Обработка листового металла на станках в древней Грузии. Тбилиси: Техника да Шрома.

Тавадзе, Ф. Н., Т. Н. Сакварелидзе, 1959. Бронзы древней Грузии. Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР.

Ушахов, Л. Н. 1941. Хеттская проблема. К вопросу о генезисе и взаимоотношениях индоевропейских и картвельских языков // Труды Тбилисского Государственного университета XVIII. Тбилиси: Издательство ТГУ.

Чиковани, М. Я. 1947. Прикованный Амирани. Тбилиси: Мецниереба.

Шатберашвили, З. 1998. Вопросы беденской культуры // Археологическая конференция Кавказа – I: 125–126. *Тбилиси: Издательство АН Грузии.*

Яковская, Н. Б. 1985. Торговая община Каниша и свободный рынок // *Древняя Анатолия*: 228–242. Москва: Наука.

Amandry, P. 1953. Collection Hélène Stathatos. Les bijoux antiques. Strasbourg: Chez l'auteur à l'Institut d'archéologie de l'Université de Strasbourg.

Blegen, C. W. 1937. Prosymna. The Helladic settlement preceding the Argive Heraeum 2. Cambrige: University Press.

Boehmer, R. M., G. Kossack. 2000. Der figürlich verzierte Becher von Karašamb // Variatio Delectat. Iran und der Westen. Gedenkschrift für Peter Calmeyer. Alter Orient und Altes Testament 272: 9–71. *Münster*: Ugarit-Verlag.

Collon, D. 1982. Some bucket Handles // Iraq XLIV/1: 95–101. London: British School of archaeology in Iraq.

Dunand, M. 1937. Fouilles de Byblos I. Atlas // Bibliothèque archéologique et historique 24. Paris.

Granford, H. 1975. *Geoy Tepe* 1903. Material in the collection of the Fitzwilliam museum, Cambridge // Iranica Antiqua XI: 1–28. Leiden.

Gimbutas, M. 1965. Bronze Age Culture in Central and Eastern Europe. Paris: Mouton.

Higgins, R. A. 1961. Greek and Roman jewellery. London: Methuen & CO LTD.

1980. Greek and Roman jewellery. London: Methuen.

Maxwell-Hyslop, K. R. 1971. Western Asiatic jewellery (c. 3000–612 B. C.). London: Methuen.

Morgan, J., de. 1985. Fouilles à Dahchour, mars – juin 1894. Vienne.

Müller-Karpe, E. 1996. Zu den *Erdgräbern 18, 20 und* 21 von Assur. Ein Beitrag zur Kenntnis Mesopotamischer Metallgefässe und Waffen von der Wende des 3. zum 2. Jahrtausend v. Chr. // Jahrbuch des *Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 42/1. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum.

Özgüç, T. 1959. Kültepe-Kaniş // *Türk Tarich Kurumu yayinlari* 5 (19). Ankara: Türk Tarich Kurumu Basimevi.

1986. Kültepe-Kaniş II // Türk Tarich Kurumu 5 (41). Ankara: *Türk Tarich Kurumu* Basimevi.

Özgüç T., R. Temizer. 1993. The eskiyapar treasure // Aspects of art and iconography: Anatolia and its neighbours. Studies in honour of Nimet Özgüç: 614–628. Ankara.

Piccheluri, K. 1997. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // Archäologie in Eurasien 4. Espelkamp: Verlag Marie Leidorf GmbH.

Piggott, S. 1968. The earliest wheeled vehicles and the Caucasian evidence // Proceedings of the Prehistoric Society 34: 266–318. Cambridge: The University Museum of Archaeology and Ethnology.

Pulturidze, M. 2001. Analysis of one type of goldsmithery from the Trialeti culture // Dziebani VI: 116–122. Тбилиси: Изд-во АН Грузии.

Rubinson, K. S. 1977. The Chronology of the Middle Bronze Age *Kurgan at Trialeti* // *Bibliotheca Mesopotamica* 7: 235–249. Malibu: Undena Publications.

1991. Mid-Second Millenium Pontic-Aegean Connections: *A Note To Chapter 12* // *Ancient Economy in Mythology*: East and West. Отдельный оттиск. Savage: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

1998. Silver and sealings: Transcaucasia and *Anatolia* in the Middle Bronze Age // Археологическая конференция Кавказа – I: 126. Тбилиси: Изд-во АН Грузии.

2001. Metal vessels with basket handles at Trialeti // Dziebani VI: 123–124. Тбилиси: Изд-во АН Грузии.
Schaeffer, C. F. A. 1962. Ugaritica IV. Mission de Ras Shamra // Bibliothèque archéologique et historique 74. Paris.
Tzountas, 1889. Eregnai en ti Lakoniki kai o taphos tog Vaphio // Ephimeris arxaiologiki.
Woolley, C. L. 1934. The Royal Cemetery. Ur Excavations II. London, Philadelphia, Paris: The aid of a Grant from the corporation of New York.

CEREMONIAL TABLEWARE AND JEWELLERY FROM TRIALETI-KIROVAKAN 'ROYAL' KURGANS

K. KH. KUSHNAREVA AND M. B. RYSIN

This paper is the continuation of the one published in a previous issue of 'Archeologicheskie Vesti' (Archaeological News) about the weapons from burials of the second (Trialeti-Kirovakan) stage of the Beden-Trialeti culture (BTC). Here, the subject of our studies is the metallic tableware and articles made from precious metals. Two types of metallic vessels are considered: vessels with an arc-shaped handle and cauldrons. The votive function of the Near-East vessels with arc-shaped handle has been noted by D. Collon. In terms of the manner in which the handles are fixed on a vessel, the closest parallels to the Trialeti examples are demonstrated by those from the second horizon of Kültepe and from burial no. 20 in Assur. These parallels enabled us to date the complexes where they are found to the turn of the 3rd and 2nd mil. B.C.

Cauldrons (often found together with bronze hooks) from the 'royal' burials of rank traditionally are attributed to insignia of the royal power, though they might have had also a sacral function. In the peculiarities of their construction and the manner of fixing the handles with split ends, the closest parallels to the Trialeti cauldrons are the golden example in a hoard from Byblos and bronze cauldrons from burials of the second horizon of Kültepe. The bronze Aegean cauldrons from burials of the Late Helladic period (Mycenae, Tiryns) which earlier were compared with those from Trialeti (Rubinson 1977, 1991: 284), typologically are closer to the Caucasian vessels of the late Bronze Age (Lchashen, Aruch, Shirakavan).

An innovation found in the graves of the Trialeti-Kirovakan stage is the appearance there of golden 'adornments' combining the technique of gold granulation, filigree and fixing semiprecious stones in sockets. We named this style of jewellery 'polychrome', and linked its origin with the Southern Caucasus where the advances of the Near East goldsmithery were adopted and artistically reworked. However, in the Trialeti complexes, entire 'suites' of such objects appear, while in the Near East, the articles made in the polychrome style are encountered only as single finds and in badly damaged state (stones fallen out from their sockets). Nevertheless, their emergence in a number of reliably dated complexes makes it possible to characterise chronologically the Trialeti burials too – the turn of the 3rd and 2nd mil. B.C. The mapping of such objects from the ancient East (Byblos, Kültepe, Assur, Larsa, Uruk) suggests certain ties with some earlier identified centres united by the long-distance Assurian trade, which apparently involved also the Southern Caucasus.

Also in the Aegean region, beads made in polychrome style are occasionally found, but here such objects, being alien to the jewellery manufacture of the Aegean World, are represented only by a few finds in several Late Helladic burials and are dated to a considerably later period. In our opinion, they were imported here from some Syrian-Palestinian centre, e.g. Tell-el-Ajjul, the workshops of which continued manufacturing polychrome objects in the second half of the second mil. B.C.

In general, both the finds of polychrome objects and a comparative analysis of the images on silver plates allow us to date the complexes of the Trialeti-Kirovakan stage of the BTC to the end of the 3rd – beginning of the 2nd mil. B.C. and confirm the existence of close ties between the South-Caucasian region and the Near East, which were probably realised within the system of Assur's links with its trade colonies.

At this stage, the outer relations of the population of the Southern Caucasus were oriented to Cappadocia, Syria, Northern Mesopotamia, and north-west Iran. No contacts (albeit indirect ones) with the Aegean area have been recorded. While at the precedent, Beden-Alazan stage, the relations of the Southern Caucasus with the North were actively realised, at the Trialeti-Kirovakan stage these northern ties were severed almost completely. We suppose that the cessation of relations with the Near East played the decisive role in the development of different cultures on the territory of the East-European steppes, because it was precisely during that period (the final Middle Bronze) that the influence of the Caucasus on the process of the cultural genesis in the regions to the north of it was lost, and a new, the Volga-Ural centre was formed which determined the development of south-eastern Europe during the late Bronze Age (Бочкарев 1991: 25).

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ[1]

Н. М. ВИНОГРАДОВА[2]

Археологические памятники Южного Таджикистана неразрывно связаны с культурно-исторической областью, получившей *в античности название Бактрия*, и представляют ее периферийный северо-восточный регион. Только в рамках «единой Бактрии» возможна историческая интерпретация памятников этого времени в Южном Таджикистане.

В настоящее время памятники эпохи ранней и средней бронзы на территории Южного Таджикистана не известны. В эпоху поздней бронзы данная область становится контактной зоной трех крупных культурно-исторических общностей, различных по происхождению. Это – земледельческие памятники северо-бактрийского *варианта культуры Намазга VI, так называемые сапаллинская культура и памятники степной бронзы*: бешкентско-вахшская[3] и андроновская[4].

Для земледельческих памятников Бактрии и Маргианы исследователи предлагают различные названия: культура Намазга (Kolh 1981: VII), культура Окса (Frankfort 1984: 174), сапаллинская культура (Аскаров 1977), бактрийско-маргианский археологический комплекс БМАК (Сарианиди 1990: 77). В. М. Массон допускает сосуществование группы локальных цивилизаций, объединенных понятием протобактрийский центр (Masson 1988: 536–541). А. Аскаров, Т. Ширинов пишут, что археологические оседлоземледельческие комплексы юга *Средней Азии, северо-восточного* Ирана и северного Афганистана можно объединить в единую культурную общность, которая может быть названа как Намазгинская историко-культурная общность – НИКО (Аскаров, Ширинов 1993: 42). Нам *представляется возможным* оставить название культура Намазга, считая, что памятники сапаллинской культуры являются ее северо-бактрийским вариантом.

В настоящее время открыт целый пласт земледельческой культуры в изучаемом регионе. Эта культура не является здесь автохтонной и генетически связана с земледельческим населением Северной Бактрии, прежде всего, с так называемыми сапаллинскими памятниками.

На поздних моналинской и бустанской фазах сапаллинской культуры происходит процесс расселения *земледельческих племен из юго-западной части* Северной Бактрии (*территория Южного Узбекистана*) на северо-восток. Причины передвижения земледельческого *населения на территорию Южного Таджикистана с юго-запада в эпоху поздней бронзы* можно понять лишь в контексте общих процессов, происходивших на юге Средней Азии. На первом этапе происходит угасание культур бронзового века в предгорьях Копет-Дага, что вызывает массовое переселение жителей предгорной полосы в низовья Мургаба и на территорию Бактрии, по обе стороны Аму-Дарьи. В Южном Таджикистане мы фиксируем позднюю волну этих переселений или миграций, связанных с экологическими (аридизация климата), демографическими (рост населения) или экономическими (освоение *новых земель*, торговые *связи*) причинами.

Результаты споро-пыльцового анализа[5] лессовых почв *поселения Кангурттут позволяют реконструировать* палеогеографическую ситуацию в эпоху неолита и поздней бронзы на юге Таджикистана. В нижнем слое поселения, относящемся к гиссарскому неолиту, Е. А. Спиридонова выделяет пыльцу древесных пород – березы (13% от общего видового состава). На долю трав приходится 69–70% и 17–18% принадлежат спорам, где господствуют зеленые мхи. Состав спектров свидетельствует о теплом и влажном *климате. Споро-пыльцевые комплексы из горизонтов* поселения Кангурттут, относящихся уже к эпохе бронзы, отличны от предыдущего неолитического комплекса. Пыльца травянистых и кустарничковых растений составляет в спектре 95%, а древесных пород – практически отсутствует. В растительном покрове преобладают степные группировки, свидетельствующие о большой сухости климата эпохи поздней бронзы по сравнению с гиссарским неолитом.

Некоторые исследователи (Ранов 1998: 107) придерживаются мнения, что гиссарская неолитическая культура в горных районах Таджикистана доживает до прихода племен эпохи поздней бронзы. Приведенные выше палеоботанические данные не подтверждают эту точку зрения. Они косвенно свидетельствуют о временном *разрыве между концом гиссарской* неолитической культуры и позднебронзовым веком *в данном регионе, что подкрепляется и радиоуглеродными* датами: 2710 ± 120 гг. до н. э. для гиссарского слоя поселения Кангурттут (Ранов 1998: 107) и 1594 *или 1291 гг. до н. э. для слоя бронзового века этого*

---

[1] *Статья подготовлена при финансовой поддержке* РГНФ, проект № 03-01-00104а.

[2] Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, *12. Институт* востоковедения РАН.

[3] Хотя традиционно выделяется две культуры, часть авторов (Кузьмина 1972: 138; Аскаров 1977: 115) считают более правильным говорить о единой культуре. Автор данной статьи также придерживается мнения о единой бешкентско-вахшской культуре с двумя или несколькими локальными вариантами, внутри которых могут быть *выделены отдельные хронологические фазы* (*Виноградова* 1996: 32; Vinogradova 2000: 89).

[4] Процесс инфильтрации андроновских племен на юг был относительно медленным и мирным; никаких следов гибели земледельческих поселений не наблюдается. При этом могло происходить оседание и «растворение» степняков среди населения земледельческих оазисов. Андроновцы появляются в сапаллинской культуре *впервые* на *кызылнском этапе и особенно активно проявляются* позднее, на моналинском и бустанском этапах (Аскаров 1989: 158; Avanesova 1996: 141; Vinogradova 1993: 289).

[5] Анализ проведен сотрудником Института археологии РАН Е. А. Спиридоновой.

© Н. М. Виноградова, 2004

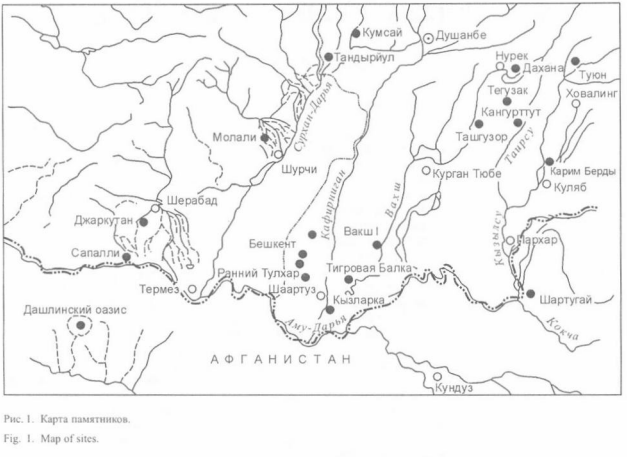


Рис. 1. Карта памятников.

Fig. 1. Map of sites.

же памятника. Этот хронологический разрыв мог составлять около 1000 лет.

Расселение земледельческих племен в Южном Таджикистане носило оазисный характер. Археологические материалы позволяют выделить три земледельческих оазиса (рис. 1): 1) Гиссарская долина; 2) долины в среднем течении р. Вахш в районе Нурека, Туткаула и верховьев р. Таирсу; 3) Пархаро-Кулябские долины (бассейн р. Кызылсу)[6]. Для поселений древними земледельцами выбирались земли в предгорной зоне, одинаково пригодной для земледелия и скотоводства. В предгорьях выпадало достаточное количество атмосферных осадков для богарного земледелия, подгорная равнина была удобна для орошения. Основным источником орошения были притоки рек, из которых выводились каналы на выходе из гор.

1. Гиссарская долина[7] граничит с юго-запада с Сурхандарьинской долиной, где были раскопаны многочисленные памятники поздних этапов сапалликской культуры (Аскаров, Ширинов 1993). В Гиссарской долине известны два древнеземледельческих некрополя – Тандырйул и Заркамар (Виноградова 1991: 68). Отдельные погребения эпохи бронзы открыты на кушанских памятниках Туп-Хона (Дьяконов 1950: 176) и Кара-Пачок (Виноградова, Пьянкова 1983: 62). Следы земледельческого поселения найдены П. Т. Самойликом в нижних слоях Гиссарской крепости[8].

Лучше всего исследован могильник Тандырйул. Он находится на второй надпойменной террасе левого берега р. Каратаг у кишлака Негмат Бача Турсунзадевского района (Антонова, Виноградова 1979: 93). Терраса в этом месте представляет собой лессовый склон в предадырной части. Рядом с кладбищем, возможно, находилось поселение[9].

Всего раскопано 34 погребения, большинство из них были разграблены еще в древности. На древней поверхности могилы отмечены камнями закладов входных ям. Конструкция – подбойно-катакомбные захоронения с заполнением входной ямы камнем. При сооружении очень удачно используется рельеф местности – погребальная камера всегда выкапывается в сторону повышения склона. Имеют место погребения в простых ямах. Способ захоронения – трупоположение. Погребенный лежит в скорченном положении, на левом или правом боку, головой на северо-восток или юго-восток. Зафиксированы кенотафы со скульптурой из необожженной глины (погребение № 2). Отмечены случаи нахождения угля на дне могилы и обожженности костей скелета. Полученные антропологические данные не позволяют

[6] В данной статье, в первую очередь, освещаются результаты исследований земледельческих памятников оазиса.

[7] Гиссарский земледельческий оазис был впервые выделен Э. В. Ртвеладзе (Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 14).

[8] К сожалению, результаты исследований не опубликованы.

[9] На поле встречаются находки зерноторок, керамики эпохи бронзы и ахеменидского времени.

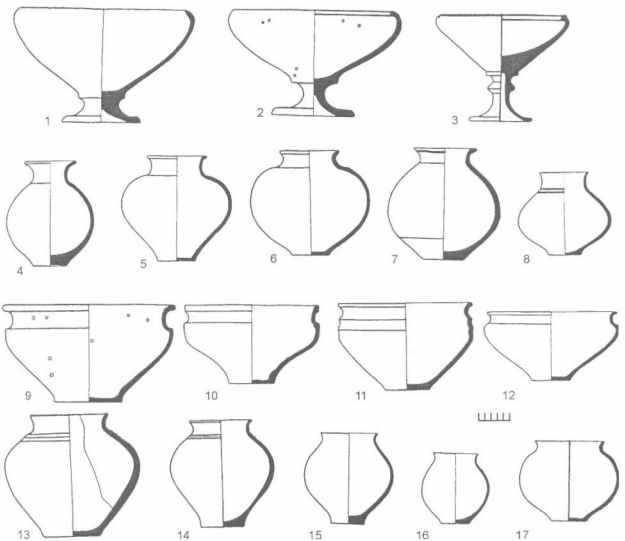


Рис. 2. Могильник Тандырйул. Круговая керамика.

Fig. 2. Cemetery of Tandyryul. Wheel-made pottery.

с точностью определить соотношение пола погребенного с его положением в могиле. Предположительно, можно говорить, что мужчины хоронились на правом боку, а женщины на левом. В некоторых случаях это правило могло не соблюдаться. Антропологически погребенные относятся к европеоидному восточно-средиземноморскому типу (Кияткина 1987: 22).

За исключением инвентаря погребения № 25 с типично андроновским набором вещей и двух захоронений №№ 9 и 10 с бешкентско-вахшской керамикой, весь материал характерен для земледельческих памятников сапаллинской культуры молалинско-бустанского этапов[10] (рис. 2). Имеются случаи нахождения андроновской и бешкентско-вахшской керамики в могилах с инвентарем, характерным для сапаллинской культуры.

Погребальный инвентарь состоит из сосудов (до 9 шт.), металлических предметов (миниатюрные ножички, пластины, пронизки, серьги), украшений из камня и пасты, керамических наверший, пряслиц и фигурок из необожженной глины. Встречаются кости животных. Наблюдаются некоторые закономер-

[10] Первоначально А. Аскаров на основе материалов из Сапаллитепа и Джаркутана выделяет в культуре Сапалли три хронологических этапа: сапаллинский (нижний слой Сапаллитепа), джаркутанский (верхний слой Сапаллитепа, нижний слой Джаркутана) и молалинский (верхний слой Джаркутана) (Аскаров 1977: 60–63). В дальнейшем молалинский этап был разделен на два хронологических последовательных этапа – кузалинский и молалинский (Аскаров, Абдуллаев, 1983: 40). Накопление новых материалов с поселения Джаркутан и могильников Джаркутан IVb и Бустан IV, V позволило У. Рахманову подразделить молалинский этап на две хронологические ступени: собственно молалинскую и бустанскую (Рахманов 1987: 13). А. Аскаров и Т. Ширинов предлагают разделить археологические комплексы Джаркутана на три периода, обозначив их римскими цифрами как Джаркутан I, II, III, соответствующие выделенным ранее джаркутанскому, кузалинскому и молалинскому этапам сапаллинской культуры (Аскаров, Ширинов 1993: 81, 82). В дальнейшем Т. Ширинов и С. Баратов, исходя из результатов исследований могильника Джаркутан 4с, разделили этап Джаркутан III на две ступени – Джаркутан IIIa (= период Молали) и Джаркутан IIIb (= период Бустан) (Sirinov, Baratov, 1997: 88).

ности расположения вещей, сопровождавших погребенных: сосуды – около головы[11], топоровидные амулеты – около рук и ног; пастовые бусы – около головы или таза; пряслa – около головы; бронзовые бусы – на руках, около таза; бронзовые серьги и подвески – около головы; бронзовые ножевидные пластины – в вазах.

Основное место в погребальном инвентаре занимает керамика. Посуда, характерная для сапаллинской культуры, представлена на могильнике круговой керамикой, с ангобом беловатого цвета. Применяется вертикальное и горизонтальное лощение. Тесто очень хорошего качества с примесью песка, шамота, дресвы. Различаются следующие формы:

1) Вазы (чаши на ножке):

а) чаши на невысокой полой ножке с дисковидным основанием. Резервуар чаши – конический, с загибающимся внутрь венчиком. Переход от резервуара к ножке обозначен уступом (рис. 2: 1, 2). Иногда на тулове сосуда видны следы древнего ремонта (рис. 2: 2).

б) отличается от предыдущего варианта высокой ножкой и ребром на стебле ножки (рис. 2: 3). Примечательно, что высота ножки равна высоте резервуара чаши.

2) Кувшины: сосуды с высоким узким выделенным горлом, шаровидным туловом (рис. 2: 4, 6, 7) и придонной частью конусовидной формы. Выделяются биконические формы, когда линия максимального диаметра (МД) делит сосуд на две равные части (рис. 2: 8). Встречаются кувшины со слегка приподнятыми плечиками (линия МД находится в верхней части сосуда, рис. 2: 5).

3) Кратеровидные сосуды (тагора): глубокие чаши с широким устьем, отогнутым наружу венчиком, высоким выделенным горлом и конусовидной нижней частью. Плечики сосуда плавно переходят в тулово (рис. 2: 12) или оформлены острым ребристым краем (рис. 2: 9, 10) и каннелюрами (рис. 2: 11). На некоторых кратерах отмечен венчик клювовидной формы (рис. 2: 10).

4) Небольшие горшковидные сосуды изящных форм со слегка отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловом и конусовидной нижней частью (рис. 2: 15–17). Условно мы называем эту форму "кубком", чтобы в дальнейшем отличить их от больших горшковидных сосудов. Имеются переходные формы между кувшином и "кубком" (рис. 2: 13, 14).

Особую категорию погребального инвентаря составляет скульптура из необожженной глины. Скульптурное изображение человека в сидячей позе из погребения № 2 – кенотафа (рис. 3: 1). Фигура высотой 37,5 см вылеплена объемно. Лицо – овальных очертаний, с крупным удлиненным носом; глаза – щелевидные. Подбородок – плоский, лопатообразной формы, с тонкими вертикальными линиями, изображающими бороду. Полностью вылепленная левая рука протянута вперед и вверх до уровня груди. Рядом с левой кистью расположена горизонтально только кисть правой руки. На них лежит предмет прямоугольной формы с боковым отверстием. Вытянутая нога, как и рука, – единственная изображенная. Стопы, однако, изображены две. Неглубокими черточками показаны пальцы ног. Голова лепилась отдельно и укреплялась специальным деревянным штырем. Необходимо отметить тот факт, что скульптура, изображающая мужскую фигуру, положена на правый бок.

Вторая скульптура изображает «льва» (погребение № 4, рис. 3: 2). Объемная фигура высотой 27,5 см сохранилась фрагментарно. Голова приподнята и заканчивается небольшим плоским поперечным гребнем. Морда вылеплена реалистично: большие миндалевидные глаза с выделенными зрачками, узкий, длинный нос, треугольный, несколько выступающий подбородок и маленькая пасть. Шею окаймляет прямоугольный «воротничок». Туловище – прямоугольное со столбчатой ножкой почти кубической формы.

Во многих погребениях с земледельческим инвентарем встречаются предметы из бронзы. Среди них найдено значительное число (64 шт.) бронзовых пронизок цилиндрической формы (рис. 4: 18, 19). Встречаются небольшие миниатюрные ножички, пластины с линзовидным сечением, крючок (рис. 4: 1–13, 15–17). Металлом для изготовления всех предметов служила металлургическая медь с добавками олова, свинца, мышьяка. Обращает на себя внимание большой процент олова – от 5% до 14% (Виноградова 1991: 85).

Из глиняных предметов в могилах найдены навершия, внешне очень похожие на пряслица, но без сквозного отверстия. Встречаются и пряслица из обожженной или необожженной глины. В нескольких погребениях были найдены амулеты топоровидной формы из лазурита, пасты и черно-зеленой яшмы (рис. 4: 21–23). В других украшений следует упомянуть пастовые двух- и трехсоставные пронизки, пастовые бусы и бусы из халцедона (рис. 4: 20) и мраморовидного оникса. Из разрушенных погребений происходит каменная гиря и колонка из серовато мраморовидного камня (рис. 4: 24, 25).

Из случайных находок рассматриваемого региона следует упомянуть медные топоры из кишлаков Аракчин, вблизи Варзоба и Шаршар к югу от г. Душанбе (Кузьмина 1966: 8, 19) (рис. 15: 4, 5). Бронзовый кинжал луристанско-закавказского типа найден в кишлаке Рамит, недалеко от г. Душанбе (Литвинский 1964: 145, рис. 10) (рис. 15: 6). Известны также находки земледельческой керамики сапаллинской культуры молали-бустанского типа из разрушенных погребений около г. Ордженикидзобада и бронзового зеркала с ручкой (рис. 15: 3) в кишлаке Кара-Пичок (Виноградова, Пьянкова 1983: 63).

[11] В ряде случаев рядом с верхними камнями заклада входной ямы обнаружены целые сосуды, перевернутые на бок или вверх дном. Этот факт можно рассматривать как свидетельство тризны или как результат ограбления могильной ямы.

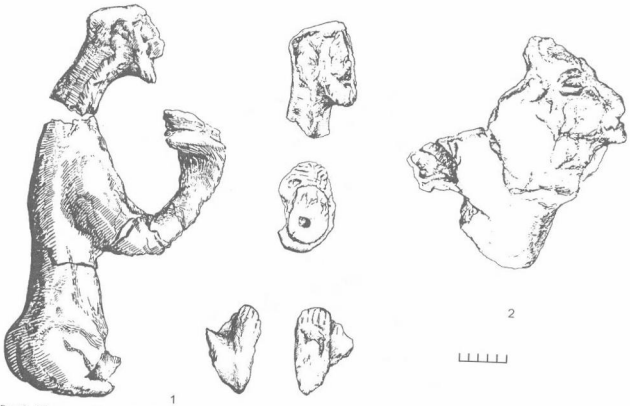


Рис. 3. Могильник Тандырйул. Глиняная скульптура.

Fig. 3. Cemetery of Tandyryul. Clay sculpture.

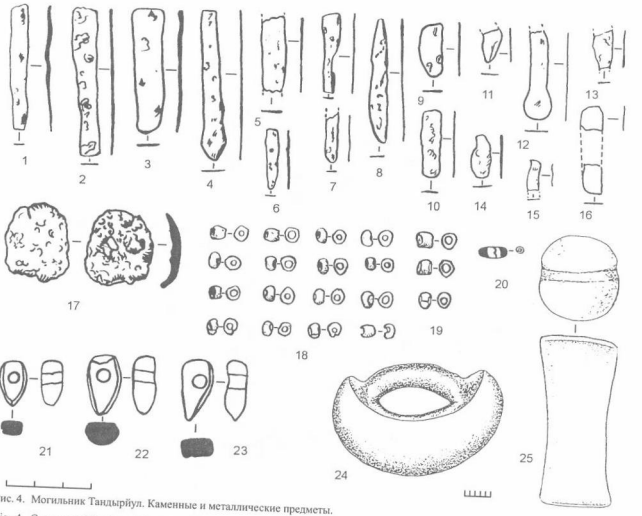


Рис. 4. Могильник Тандырйул. Каменные и металлические предметы.

Fig. 4. Cemetery of Tandyryul. Stone and metal objects.

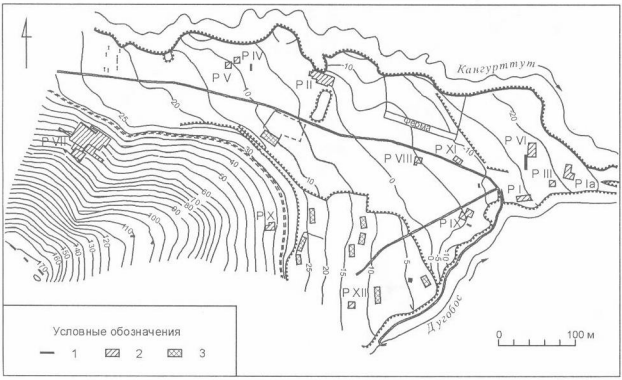


Рис. 5. План поселения Кангуттут.

Fig. 5. Plan of the settlement of Kangurttut.

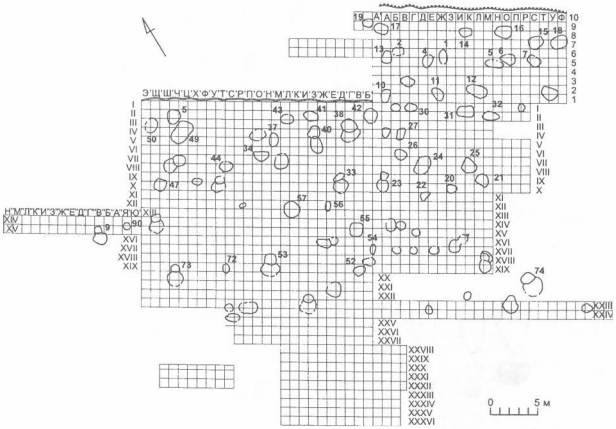


Рис. 6. План могильника Кангуттут.

Fig. 6. Plan of the cemetery of Kangurttut.

2. Памятники среднего течения р. *Вахш и верховьев р. Таирсу*

В этом оазисе известно несколько земледельческих поселений и некрополей: Кангурттут, Дахана, Тегузак, Бараки Куруг и нурекские могильники (рис. 1).

Кангурттут (рис. 5) исследовался в течение нескольких лет (Виноградова 1987; Vinogradova 1994; Виноградова 2000). Рядом с поселением открыт *могильник (рис. 6)*. Памятник находится в горной долине около кишлака Кангурттут Дангаринского района. Долина представляет собой высокий мыс, образованный двумя саями Кангурттут и Дутобоз. Саи сливаются в более мощный ручей Курусай, который впадает в р. Таирсу. С западной *стороны поселение* связано по ущелью с другими памятниками (нурекские могильники и поселения Тегузак, Дахана)[12]. По сведениям местных жителей, площадь мыса *обводилась в прошлом арыком*, выведенным из р. Кангурттут[13].

Площадь и стратиграфия поселения. На поверхности памятник внешне никак не *проявляется*. Общая площадь поселения составляет примерно 500 х 300 м. Культурный слой *бронзового века* – от 0,5 до 2,7 м. На некоторых раскопах, в юго-восточ*ной части поселения он подстилается* неолитическим слоем гиссарского неолита (0,2–0,6 м), при этом hiatus между слоями не наблюдается. В верхних горизонтах поселения встречается керамика раннежелезного века – Яз I, позднеантичного и средневекового времени.

Планировка. Жилища, хозяйственные постройки и мастерские. Раскопками выявлены некоторые характерные черты в общей планировке и строительстве жилых и хозяйственных объектов. Большинство из них открыто по краям поселения, центральная часть *которого не застроена. Часто дома сооружаются* на склоне с применением террасирования. *Жилые* и хозяйственные постройки разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Регулярной планировки в застройке поселения не выявляется, но определенная ориентировка *при строительстве жилища* и хозяйственных объектов существует[14]. На восточной окраине поселения найдено несколько гончарных горнов (раскоп Iа).

Большой строительный комплекс с хозяйственными помещениями и двором открыт на раскопе II (рис. 7). При строительстве применялось террасирование. Раскопанное полностью здание[15] ориентировано по линии северо-запад – юго-восток (углы – по странам света). Оно прямоугольной формы (18 х 6,7 м) с двумя центрально симметричными *входами* в торцовых стенах (С и Е). Сохранились каменные *фундаменты* стен высотой от *0,3* до *0,5* м, а сами стены были *сложены из пахсы. Первый вход* шириной 1,2 м, ведущий в сооружение со стороны двора, оформлен порогом, двумя ступеньками и каменным подпятником для двери. У другого прохода шириной 1,2 м расчищено три подпятника, положенных один на другой. *Вдоль стены D, являвшейся одновременно подпорной стеной террасы, и под ней открыты* каменные конструкции в форме «цветка» (диаметр – 0,6–0,7 м; высота – 0,3 м) и ящика (0,5 х 0,5 м; высота – 0,3 м). Подобные каменные «цветки» расчищены и в других местах здания. В юго-восточном углу помещения находилось небольшое возвышение (0,5 х 2 м), выложенное из плоских камней. Полы – *лессовые, сильно «утоптанные»*. Находок мало, только на полу найдены скопления керамики, пряслица (рис. 10: 17), *веретено. С* северо-восточной стороны здания располагается ряд хозяйственных помещений с развалами больших сосудов, зернотерок и терочников, здесь же найден бронзовый нож. Во дворе расчищена подпорная каменная стена террасы значительных размеров (*высота – 1,7 м, длина – 3,8 м*) и несколько хозяйственных ям с каменными выкладками *по краю*.

Данный жилой комплекс неоднократно ремонтировался и перестраивался; укреплялась подпорная стена D шириной 1,2 м. По заключению архитектора Н. Баймагамбетовой, планировка сооружения (рис. 7) очень близка плану «айванного» жилого дома, традиционного для многих *областей* Средней Азии.

Ряд хозяйственно-производственных комплексов *найден* в восточной части поселения (раскопы I, Ia, III, VI,VIII, IX). На *раскопе VI* зафиксирована наибольшая толщина культурного слоя (2,7 м) и прослеживается *несколько строительных периодов*. В нижнем строительном горизонте непосредственно на слое гиссарского неолита расчищена часть хозяйственного комплекса с двором, печами и ямами (Vinogradova 1994: 39). Раскопано помещение (7 х 4 м) с открытой *стороной во двор. Сохранились фундаменты* каменных стен высотой 0,4 м. В одной из стен *имеется проход* шириной 0,9 м. Вход оформлен порогом и каменным подпятником. Углами помещение ориентировано по линии север-юг, восток-запад. *Полы не прослеживались, но горизонтальная поверхность* с золистыми пятнами четко читалась. Во дворе *открыты* две печи. Одна из них овальная в плане (0,9 х 0,7 м; высотой 0,6 м), несколько заглублена в землю. Другая печь диаметром 0,9 м сложена из сырцовых кирпичей[16] на специальной глиняной *платформе* и имела, скорее всего, кирпичный свод. Около *устья печи расчищен большой зольник (1,8 х 1 м)*. Во дворе раскопано еще несколько хозяйственных ям,

[12] В древности по ущелью проходил караванный путь из кишлаков в районе Нурека в Кангурттут.

[13] В этом районе очень распространено богарное земледелие на лессовых склонах, главным образом выращиваются зерновые и бахчевые культуры. Годовое количество осадков *колеблется от 350 до 500 мм в год и вполне достаточно для произрастания* злаков.

[14] По этнографическим данным это может быть связано с постоянным направлением ветра в горных долинах, где стараются строить так, чтобы входная дверь была обращена в подветренную *сторону* (*Андреев*: 1958: 431).

[15] Часть постройки около сая разрушена селевыми потоками.

[16] Размеры кирпичей 27 х 27 х 12 см; 27 х 20 х 12 см.

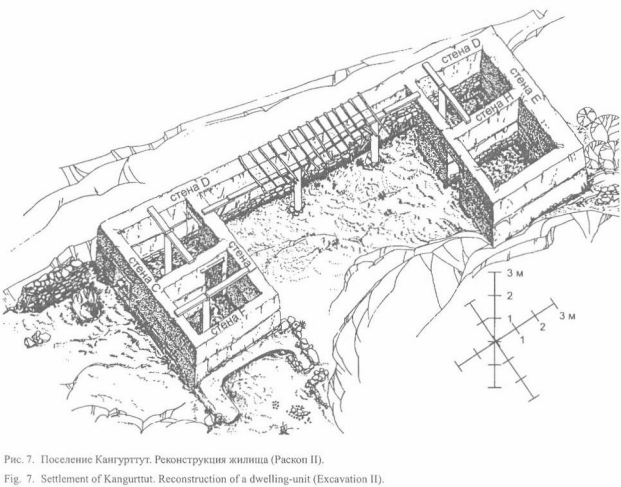


Рис. 7. Поселение Кангурттут. Реконструкция жилища (Раскоп II).

Fig. 7. Settlement of Kangurttut. Reconstruction of a dwelling-unit (Excavation II).

на дне одной из них лежали две зернотерки и два теорочника.

Второй строительный горизонт отмечен развалами каменных стен, керамики и небольшого очага диаметром 0,65 м. Рядом с одним из керамических скоплений найден бронзовый нож и бронзовая пуговица (рис. 10: 12)

Нижняя граница III верхнего строительного горизонта фиксируется каменными основаниями стен какого-то сооружения и развалами пахсы.

На раскопе IX (рис. 5) также открыта часть большого хозяйственного комплекса, с каменными фундаментами стен дома размером 3,2 х 2,1 м. Ширина и высота каменных фундаментов колеблется в пределах 0,2–0,4 м. Помещение открыто в сторону двора и ориентировано длинной осью по линии северо-восток – юго-запад, а углами – по странам света. Во дворе и в помещении хозяйственного комплекса в большом количестве найдены зернотерки (50 шт.), песты, ударники, многочисленные фрагменты керамики, прясла, бронзовый нож и часть зооморфного сосуда в виде глиняной головки птицы (рис. 10: 18).

Раскоп XI находится в северо-восточной части поселения. Исследованиями выявлено 2 строительных горизонта. К верхнему строительному горизонту относятся остатки каменной стены длиной 2,2 м и многочисленные фрагменты керамики и каменных орудий труда. В нижнем строительном горизонте открыты четыре гончарных печи, от которых сохранились лишь топочные камеры, частично впущенные в нижележащий слой гиссарского неолита и материк (рис. 8: 1, 2).

Печь № 1 – округлой формы (1,4 х 1,4 м), с топочным устьем (0,4 х 0,4 м); внутренний диаметр печи – 0,75 х 0,7 м; глубина топочной камеры – 2,1 м; толщина стенок достигает 6,5 см (рис. 8: 3). В верхней части фрагментарно сохранился под обжигательной камеры с четырьмя жаропроводящими отверстиями. Стенки и дно топочной камеры сильно прокалены. На дне камеры обнаружены обломки рухнувшего свода, керамика, камни, куски шлака, обломки кирпичей. Зафиксированы некоторые архитектурные детали верхней обжигательной камеры. Свод обжигательной камеры был, вероятно, кирпично-купольным. Перекрытие сооружалось, видимо, напуском внутрь кирпичей верхних рядов стен. Размеры кирпичей из-за их фрагментарности установить трудно.

Печь № 2 – округлой формы (1,1 х 1,05 м), с топочным устьем (0,4 х 0,38 м); толщина стенок – 5–7 см (рис. 8: 1); глубина топочной камеры – 1,1 м. В ее заполнении расчищены обломки кирпичей, керамика и куски шлака.

Печь № 3 – округлой формы (1,1 х 1,15 м), без устья сохранилась на глубину 0,7 м (рис. 8: 5). Чрезвычайно интересен тот факт, что на втором этапе

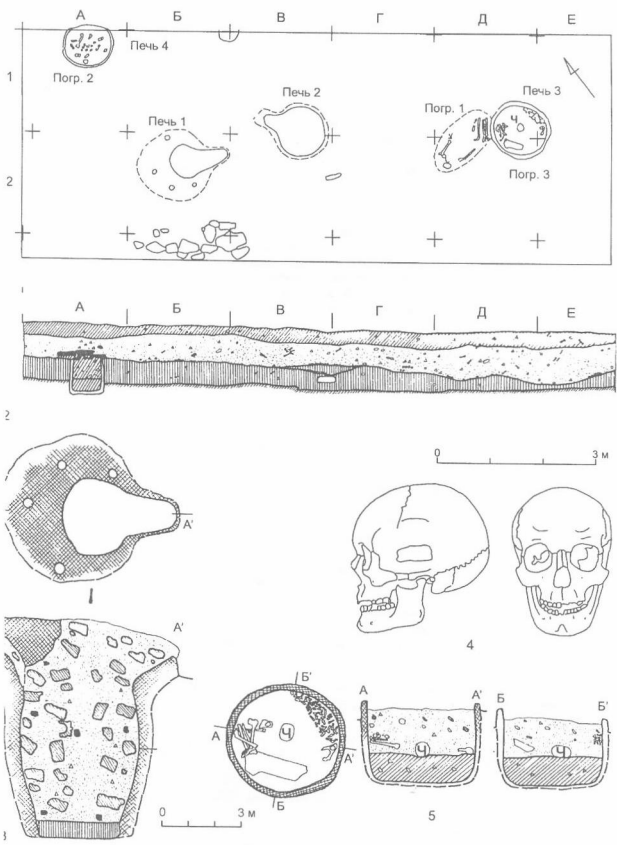


Рис. 8. Поселение Кангурттут. Раскоп XI.

Fig. 8. Settlement of Kangurttut. Excavation XI.

существования поселения печь использовалась как погребальная камера. Захоронение совершено в тщательно очищенной от обломков свода печи, дно которой было предварительно утрамбовано плотной глиной. В центре камеры лежал череп человека (рис. 8: 4), к северо-западу от него были сложены в кучу длинные кости ног[17]. Кроме костей, на дне камеры лежали плоский камень и фрагмент ножки вазы плохой сохранности, слабого обжига. Затем погребение было засыпано землей и совершена тризна, о чем свидетельствуют многочисленные кости молодого ягненка и крупного рогатого скота[18].

Печь № 4 (0,9 х 0,95 м; глубина – 0,67 м; толщина стенок около 5 см) также использовалась в качестве погребальной камеры. Топочная часть печи предварительно была очищена от обломков кирпичей, сделана подсыпка и на ней произведено захоронение, от которого сохранились фрагменты черепа человека, нижняя челюсть, одна длинная берцовая кость и несколько мелких костей[19]. В заполнении печи найдены кости животных.

Две печи-горна (раскоп Iа) открыты на самой восточной окраине поселения. Они находятся на расстоянии 6 м друг от друга. Сохранились топочные камеры, выкопанные в слое гиссарского неолита и в материке. Одна из печей – эллипсоидной формы (1,75 х 0,96 м), глубиной 1,66 м. Другая печь – лучшей сохранности (1,9 х 1,8 м), глубиной 2,2 м с топочным устьем в восточной части. В заполнении топочных камер обнаружены обломки обожженных кирпичей, камни, каменные орудия труда, керамика. Судя по обломкам кирпичей, свод обжигательной камеры был, вероятно, кирпично-купольным.

В центральной части поселения было заложено несколько шурфов и раскоп VIII. Значительных культурных остатков здесь не выявлено. По всей видимости, эта часть не застраивалась. На окраине поселения, в северо-западной его части раскопаны две мусорные кучи (раскопы IV, V). В них в большом количестве расчищены скопления камней, керамика, кости животных. Интересны находки литейной формы (рис. 10: 1), глиняной головки лошади или собаки (рис. 10: 19). На раскопах IV и V открыты погребения ребенка и собаки.

Археологический материал поселения представлен находками керамики, каменных орудий труда, металлическими изделиями, пряслицами, антропоморфными и зооморфными статуэтками, пряслицами, бусами.

Анализируя керамический материал, следует отметить, что различий в формах сосудов по строительным горизонтам не прослеживается, за исключением некоторых форм лепной посуды. Вся керамика разделяется на две группы: гончарная (более 90%) и лепная. Круговая посуда представлена тонкостенной и толстостенной керамикой. Тесто хорошего качества, обжиг в большинстве случаев ровный, цвет глины от беловато-зеленого до кирпично-красного. Внешняя поверхность покрыта белым «ангобом»[20], очень редко окрашивается до обжига охристой краской[21]. В тесте глины имеется примесь песка, шамота, дресвы[22]. Как правило, в верхней части сосудов сохраняются следы вертикального и горизонтального лощения; горло и плечики украшались волнистыми или горизонтальными линиями; отмечены вырезанные на стенках знаки, напоминающие греческую букву «фи».

Выделяются следующие формы:

1) Вазы (чаши на ножке):

а) чаши на высокой полой ножке с дисковидным основанием (рис. 9: 1). Резервуар чаши конический. Переход от резервуара к ножке обозначен несколькими сложнопрофилированными уступами;

б) отличается от предыдущего варианта невысокой ножкой (рис. 9: 6);

в) чаши на высоком поддоне (рис. 9: 7).

2) Горшковидные сосуды с отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловом и с подкосом в нижней части. В некоторых случаях венчик имеет сложнопрофилированный или крюковидный профиль (рис. 9: 15, 18–20).

3) Глубокие кратеровидные сосуды типа тагора с широким устьем, высокой конической нижней частью и венчиками разнообразной формы (рис. 9: 9, 10). Особый интерес представляет сосуд с высоким горлом.

4) Миски мелкие и глубокие с различным профилем венчика (рис. 9: 11–13).

5) Кувшины с высоким горлом, которое так же, как и плечики, часто орнаментируется горизонтально прочерченными линиями.

6) «Кубки» с отогнутым наружу или загнутым внутрь венчиком[23]. У кубков наблюдается бикониче-

[17] По заключению Л. Т. Яблонского, череп женщины 17–30 лет обнаруживает наибольшее сходство с тазабагъябской серией черепов и андроновцами Восточного Казахстана. Согласно выводам Т. П. Кияткиной, череп относится к южному грацильному европеоидному средиземноморскому типу.

[18] Определения костей животных проведены сотрудницей ИА РАН Е. Е. Антипиной.

[19] По определению антрополога Д. В. Пежемского, кости принадлежат мужчине 35–45 лет.

[20] Так называемый белый ангоб получается при обжиге сосудов низким. Определение сотрудника ИА РАН А. А. Бобринского.

[21] Определение А. А. Бобринского.

[22] Сама глина для лепки сосудов добывалась, скорее всего, рядом с поселением. Местные жители указывают места добычи гончарной глины в кан. Кангуртут. Глина здесь пластичные, зеленого цвета. Технологический анализ керамики, проведенной в Институте научных новых технологий и сохранения художественного наследия (г. Рим) с помощью оптического исследования и рентгеновских лучей Х привели итальянских исследователей Карделлини Ф., Ди Бартоломео А., Гвиди Г. Ф. к следующим заключениям: 1) гранулометрический состав керамического замеса представляет собой достаточно очищенную глину; 2) дифрактометрический анализ пыли выявил наличие кварца (использовался как обезжиривающее вещество), кальцита, доломита, альбита и слюды; 3) температура обжига керамики составляет 800–950° С. Петрографический анализ керамики выполнен сотрудником Санкт-петербургского университета Г. М. Ковмурю (†).

[23] Термин «кубок» – название условное, так как эта форма не имеет ножки. Отличается небольшими размерами и тонкими стенками сосуда. В археологической литературе эта форма часто определяется как горшок.

ская форма тулова или плечики тулова располагаются в нижней части сосуда.

7) Редкая форма – сосуд с носиком (рис. 9: 37).

8) Бутылкообразные сосуды с узким высоким горлом и биконической формой тулова представлены одним экземпляром (рис. 9: 14).

9) Керамические подставки (рис. 9: 8).

10) Большие хумовидные сосуды с небольшим устьем, шаровидным туловом и нижней частью с подносом. Венчик в большинстве случаев имеет валикообразный профиль (рис. 9: 16, 17).

Вторую категорию сосудов составляет лепная посуда (менее 10%), подразделяющаяся, в свою очередь, на две группы: 1) так называемая столовая посуда с примесью кварца, шамота и аллеровита (обломки горных пород) в тесте. Различаются формы горшковидных сосудов, кубков, цедилок, мисок и чаш; 2) так называемая кухонная серогли нянная посуда из грубого теста с примесью песка и измельченной раковины. Встречаются формы горшковидных сосудов (рис. 9: 22, 23), в том числе и с налепом на венчике (рис. 9: 24).

Степная керамика андроновского типа составляет менее 1%. В качестве отощителя глины преимущественно используется кварц. Орнамент углубленный, иногда употреблялся гладкий и гребенчатый штамп (рис. 9: 26–28, 30–34). Здесь доминирует орнамент вертикальных рядов треугольников, входящих друг в друга. Встречаются и канелюры (рис. 9: 27–34), что также характерно для андроновской керамики (Виноградова 2000: 97, рис. 8).

На поселении найдена и керамика, характерная для бешкентско-вахшской культуры и представленная большими круглодонными горшковидными сосудами (рис. 9: 25).

Металлические изделия

На поселении найдены следующие бронзовые предметы: ножи-серпы, относящиеся к типу так называемых хвостатых ножей (рис. 10: 4, 5); серпы (рис. 10: 10); ножи-кинжалы листовидной формы и черешковые с суживающимися книзу клинками и ребром посередине (рис. 10: 2, 3, 8); булавка с плоско срезанным верхом (длина – 27,5 см, диаметр – 0,5 см), заостренная на конце (рис. 10: 7); пуговицы округлых очертаний с застежкой в виде перемычки; стрела с черешковым насадом, листовидной формы с нервюрой посередине (рис. 10: 14), шило четырехгранной формы (рис. 10: 15), обломки пластин-полуфабрикатов. Найдены литейные формы (рис. 10: 1, 9), изготовленные из местного песчаника и представляющие собой овальную в плане плоскую плитку. На одной из них вырезаны два углубления в виде кинжальчика и шила. Специального канала для вливания металла нет.

Спектральный и металлографический анализы позволяют сделать некоторые выводы о химическом составе металла и технологии найденных металлических предметов[24] (табл. 1). Предметы изготовлены из сплава медь-олово, содержание олова в котором составляет 1–3% или 3–5%. Исключительно редко в качестве легирующей добавки использовался мышьяк (1,6%). Как правило, в небольшом количестве имеются добавки свинца (0,1–0,4%), висмута (0,01–0,04%), сурьмы (0,1–0,4%), мышьяка (0,1–0,7%), никеля (0,001–0,007%; 0,01–0,07%) и серебра (0,1–0,4%). Кобальт встречается в тысячных долях процента. Находки литейных форм, наличие изделий-полуфабрикатов позволяет говорить о существовании собственных металлообрабатывающих мастерских на поселении. Этот факт подтверждается единой схемой изготовления найденных на поселении орудий труда, оружия и украшений. Из раскопок на поселении происходят два предмета из метеоритного железа, использовавшихся как куранты. Особенностью данных образцов является полное отсутствие в них никеля, наиболее характерной примеси к железу в сидеритах (от греч. sideros – железо)[25].

Каменные орудия труда изготовлены из песчанистых, известковых и сланцевых пород камня. Среди орудий представлены зернотерки и каменные ступы, куранты, песты, наковальни, ядра для праши, гири (рис. 10: 21–26). Зернотерки – ладьевидной формы; песты – удлиненной и округлой формы; наковальня – подпрямоугольный предмет со скругленными углами. По определению Н. Н. Скакун, при изготовлении каменных орудий труда применялась техника оббивки, пикетажа и шлифовки. Кроме того, было выявлено и функциональное назначение этих предметов. Так, зернотерки, служившие для растирания зерна, иногда применялись для обработки более грубого материала, чем зерно. Некоторые сломанные зернотерки употреблялись для растирания краски – охры. На наковальне обрабатывались небольшие металлические предметы, о чем свидетельствуют следы точечных ударов на ее поверхности. Среди орудий труда отметим два крупных предмета с выделенной головкой (рис. 10: 23, 24) для привязывания веревки. Они могли использоваться как гири.

Мелкие находки, глиняные фигурки. На поселении в большом количестве найдены биконические пряслица, веретено, пряслица из стенок сосудов[26] и глиняные навершия. Встречаются фрагменты обработанной кости со специально просверленными дырочками, биконической формы лазуритовые и пастовые бусы. Особый интерес представляют находки мелкой пластики из обожженной глины – схематическая женская фигурка, головки барана и лошади или собаки (рис. 10: 16, 19, 20). Также представляет интерес глиняная головка «птицы» – часть зооморфного сосуда (рис. 10: 18).

На основании палеоботанического исследования в куски печины и обломках сырцовых кирпичей уда-

[24] Исследования проведены сотрудниками Центральной реставрационной лаборатории металла (г. Москва) – И. Г. Равич и А. Ф. Дубровиным.

[25] Эмиссионно-спектральный анализ проведен сотрудником ИИМК РАН А. Н. Егорьковым.

[26] Анализ отпечатков ткани на черепках позволяет сделать вывод, что для выделки тканей использовались как растительные волокна: хлопок, лен, пенька, так и животные: скорее всего, шерсть пуховая и переходный волос (заключение Миколайчук Е. А. – сотрудника отдела научно-технической экспертизы, Санкт-Петербург).

№№ п/п	Наименование изделия	Состав										
		Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Поселение Кангуртгут												
1	Кинжал	основа	*2,5*	0,1	–	0,02	0,15	0,35	0,45	0,1	0,005	0,004
2	Нож	основа	*2,0*	0,1	–	0,025	0,05	0,7	0,6	0,03	0,03	0,003
3	Нож-серп	основа	5,0	0,04	–	0,004	0,05	0,3	0,1	–	*0,01*	*0,003*
4	Кинжал	основа	*1,0*	0,09	0,02	*0,006*	*0,1*	*0,09*	*0,5*	*0,04*	*0,003*	*0,006*
5	Серп	основа	0,8	0,05	–	0,01	0,02	0,2	0,1	0,008	0,01	0,002
6	Кинжал	основа	3,7	*1,8*	–	*0,013*	*0,035*	–	*1,6*	–	*0,005*	–
7	Наконечник стрелы	основа	5,5	0,04	–	0,02	0,2	–	0,09	0,02	0,003	0,005
8	Булавка	основа	4,0	1,0	0,4	0,02	0,06	0,2	0,07	0,06	0,003	0,003
9	*Полуфабрикат-пластина*	*основа*	*6,0*	8,5	0,1	0,04	0,2	0,9	0,2	0,1	0,1	0,006
10	Полуфабрикат-пластина	основа	0,4	0,3	0,3	0,04	15,0	0,02	0,1	0,07	0,08	0,003
Могильник Кангуртгут												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
11	Чащечка	основа	2,0	*0,15*	–	*0,05*	*0,035*	*0,2*	*0,8*	0,035	0,08	–
12	Чащечка	основа	5,0	1,2	0,02	0,05	0,5	0,35	0,34	0,025	0,03	0,006
13	Пластина	основа	5,5	*0,15*	–	*0,05*	*0,03*	*0,3*	*0,9*	–	*0,06*	–
14	Пластина	*основа*	5,0	*0,1*	–	0,007	0,01	0,02	0,7	0,02	0,04	0,007
15	Шарик	основа	13,0	0,4	–	0,06	0,01	0,16	0,5	0,005	0,06	0,009
16	Пластина	основа	2,0	–	–	0,003	0,04	*0,05*	*0,4*	–	–	–
17	Пластина	*основа*	2,0	–	0,02	0,006	0,006	–	–	–	–	–
18	Пластина	основа	2,0	–	–	0,04	0,007	–	–	–	–	–
19	Чащечка	основа	2,0	0,1	–	0,008	0,001	–	–	–	0,006	–
20	Чащечка	основа	2,0	*0,4*	*0,04*	*0,018*	*0,006*	–	–	–	*0,002*	–

Таблица 1. Химический состав металлических изделий из поселения и могильника Кангуртгут.

Table 1. Chemical composition of metals from the settlement and cemetery of Kangurttut.

ется обнаружить большое количество растительных примесей – соломы и других отходов обмолота хлебных злаков[27]. По заключению Е. Ю. Лебедевой, среди них представлены практически все разновидности культурных ячменей – многорядный (пленчатый и голозерный), а также двурядный. Пшеница представлена двумя видами – мягкая и двузернянка. Встречены также отпечатки проса, сорных растений и льна.

На поселении собран богатый остеологический материал (табл. 2). Подсчеты костей домашних животных по некоторым раскопам дают следующую картину[28].

Кости диких животных не найдены. Данные таблицы указывают примерно на равное количество костей крупного и мелкого рогатого скота, за исключением раскопа IX (кости из погребений в печах). По заключению Е. Е. Антипиной, мясо крупного рогатого скота стоит на первом месте в мясном рационе жителей поселения, так как обычно при подсчете мясной продукции к одной особи крупного рогатого скота приравнивают 6–*10* овец. Интересно, что в погребении (печь № 3) найдены в большом количестве кости мелкого рогатого скота, из них 1/3 составляют новорожденные или одно-трехмесячные животные.

В верхнем слое (раскоп IV) обнаружены два лепных сосуда с широкими носиками и большой котел *с ручкой-уступом, расписная керамика* (рис. 9: 35–38). Эта посуда характерна для памятников Яз I[29]. Верхнюю границу (terminus ante quem) существования памятника можно приблизить к началу раннежелезного века, т.е. к самому концу II – нач. I тыс. до н. э.

Для слоя бронзового века поселения Кангуртгут имеется несколько радиокарбонных дат. Одна из них получена в лаборатории C. N. R. S. во Франции в 1990 г.: Gif-8414–3150 ÷ 60, калиброванные даты –

[27] Исследование проведено *Лебедевой Е. Ю. в лаборатории* ИА РАН (Москва).

[28] Данные по раскопам I, III – результат исследований В. *И.* Данильченко; остеологический материал раскопов IX, XII обработан сотрудником лаборатории ИА РАН Антипиной Е. Е. В таблицах приводится общее количество найденных костей, а не особей.

[29] *Культурный слой этого времени не прослеживается, встречаются лишь отдельные находки.*

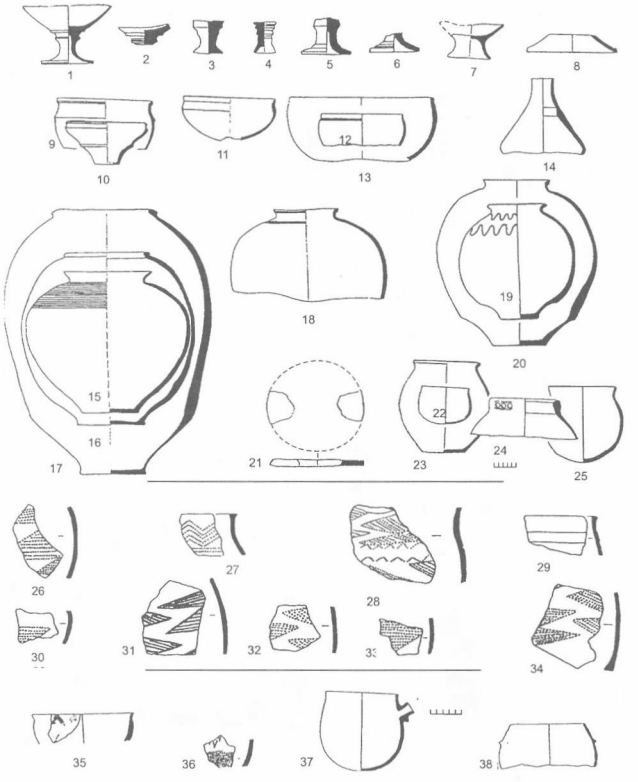


Рис. 9. Поселение Кангурттут: 1–25 – круговая и кухонная керамика; 26–38 – степная андроновская керамика; 35–38 – керамика Ях I (верхние слои).

Fig. 9. Settlement of Kangurttut: 1–25 – wheel-made pottery and kitchenware; 26–38 – steppe Andronovo pottery; 35–38 – pottery of the Yaz I type (upper layers).

1594 или 1291 гг. до н.э. Радиоуглеродный анализ по коллагену костей из погребений в горнах дал две калиброванные даты: горн № 3 –1976 или 1756 гг. до н.э. (gin 9480) и горн № 4 – 1435 или 1320 гг. до н.э. (gin 9479). Все даты находятся в хронологическом интервале между 1976/1756 и 1594/1291 гг. до н.э.

Могильник Кангурттут (рис. 5, 6) находится рядом с поселением на высоком склоне (раскоп VII),

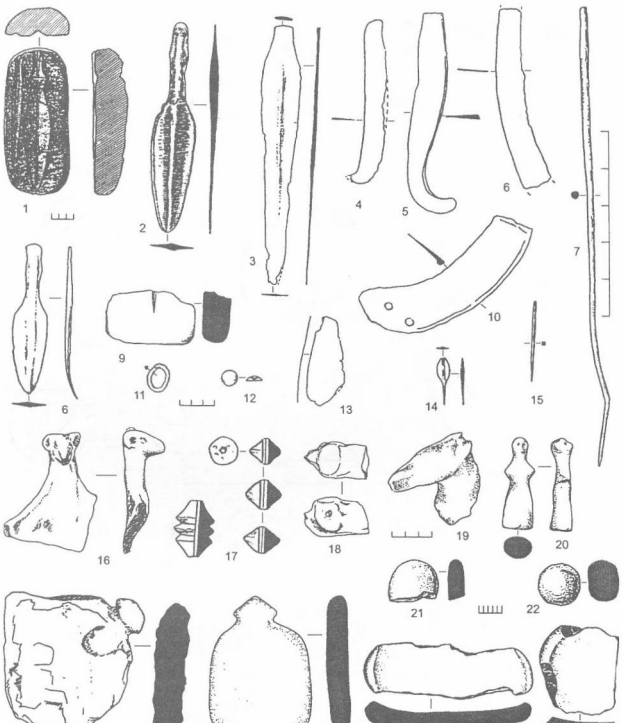


Рис. 10. Поселение Кангурттут. Металлические, глиняные и каменные предметы.

Fig. 10. Settlement of Kangurttut. Metal, clay and stone finds.

(Vinogradova 1996: 171). Перепад высот между поселением и могильником составляет 40 м. Всего вскрыто около 1300 м^2 и выявлено 91 погребение.

Древняя дневная поверхность, с которой совершались захоронения, находится на глубине 0,2–0,4 м. Несомненно, что в древности существовали надмогильные «памятники». Следы последних открыты на древней поверхности. Это – один или два камня (погребения №№ 30, 63, 71, 72, 73, 91) или большие куски глины (погребения №№ 50, 53). В некоторых случаях глина слабо обожжена, имеются следы угольников (погребение № 51). В погребении № 33, рядом с могильным камнем расчищено два сосуда.

Домашние млекопитающие	Раскоп I	Раскоп II	Раскоп IX		Раскоп XII (слой эпохи бронзы)
			Верхний стр. гориз.	Из погребений в печах	
Крупный рогатый скот (Bos taurus)	75 (5 особей)	59	49	26	28
Мелкий рогатый скот (овца, коза) (Ovis s. Capra)	54 (10 особей)	42	87	181	25
Осел (Equus asinus)	2 особи	4	4	–	–
Лошадь (Equus caballus)	45 (4 особи; 1 молодая)	11	20	3	1
Собака (Canis familiaris)	3 (1 особь)	–	–	1	–

Таблица 2. Распределение остеологического материала поселения Кангуртутт.

Table 2. Distribution of osteological finds from the settlement of Kangurtutt.

Конструкция погребальных сооружений и обряд захоронения. Все захоронения – подбойно-катакомбного типа (рис. 11: 1–3), за исключением детских, совершавшихся в неглубоких ямах, практически на древней поверхности. С древнего горизонта холма вертикально или под углом прокапывалась входная яма-дромос, в которой в сторону повышения склона делалась подбой-катакомба, оказывавшаяся на довольно большой глубине. Входная яма – округлых очертаний (0,9 х 0,9; 0,9 х 0,6; 1,1 х 1 м), глубиной от 0,5 до 1 м, иногда со ступенькой. Подбой-катакомба вырыта в юго-западной части входной ямы. Погребальная камера со сводом – овально-вытянутой формы (1,3 х 1,8; 1,5 х 1,8; 1,2 х 1,5; 1,3 х 1,9 м), высотой от 0,4 до 0,8 м. В заполнении входной ямы и в погребальной камере находятся большие куски глины, редко камни, иногда фрагменты керамики, угольки и мелкие камушки. В некоторых случаях на стенках и на полу подбоя-катакомбы имеются горизонтальные натеки (погребения №№ 24, 53, 26). Камера могла оставаться какое-то время открытой и, таким образом, незащищенной от атмосферных осадков, или же наличие воды связано с каким-то определенным погребальным ритуалом.

За исключением нескольких, все погребения без костяков – кенотафы. В двух случаях встречены кости животных (погребения №№ 23, 53). Следы кремации не обнаружены.

Погребения с ингумацией. В одной из могил (погребение № 53) расчищено захоронение взрослого мужчины в скорченном положении, на правом боку, лицом ко входу (рис. 11: 1), головой на юго-восток. Рядом с черепом найдена челюсть барана. Погребальный инвентарь состоял из 7 изготовленных на кругу сосудов (5 – у головы и рук; 2 – около ног) и нескольких миниатюрных ножевидных пластин. По определению антрополога Т. П. Кияткиной, погребенный относится к европеоидному восточносредиземноморскому типу. Расчищены также захоронения с расчлененными скелетами, когда в могилу клались череп, длинные кости рук и ног. Так, в погребении № 74, в центре камеры открыты кости женского скелета[30], сохранились отдельные кости ног, рук и зубы. Сопровождавшие покойную сосуды стояли двумя группами: в западной части 5 сосудов, а в восточной – 3. На дне камеры найдена миниатюрная ножевидная пластина.

Погребения-кенотафы. Абсолютное большинство захоронений на могильнике Кангуртутт – кенотафы с погребальным инвентарем, при этом в могиле всегда оставлялось место для «покойного» или помещались глиняные фигурки (погребения №№ 26, 73), иногда просто большие бесформенные куски необожженной глины. Погребальный инвентарь ничем не отличается от захоронений с ингумацией: в могилу ставилась посуда (от 1 до 12 сосудов), клались миниатюрные бронзовые предметы (ножички, пластины, вилы, зеркальце, чашечки и т. д.).

Погребальный инвентарь. Керамика в погребениях располагается группами или в ряд, обычно по 2-3 сосуда. Часто в могилы ставилась бракованная посуда, плохо обожженная или вышедшая из употребления (вазы без ножки). Обычный набор – горшковидные сосуды больших и небольших размеров, стаканчики, «кубки», миски или чаши, реже вазы и кувшины. Из 419 сосудов только 7 – лепные, остальные – круговые. Одно погребение (№ 69) – с керамикой, характерной для бешкентско-вахшской культуры. Представляют интерес два погребения (№ 88, 91), где на одной стороне могилы находилась группа круговых сосудов, а на противоположной – лепной сосуд. В центре оставалось место для предполагаемого костяка.

Круговая посуда сделана из теста хорошего качества. Беловатый и красный ангоб покрывает верхнюю часть сосуда, иногда целиком. Красный ангоб на керамике зафиксирован только в 3-х погребениях (№№ 11, 22, 36). В верхней половине сосудов сохраняется горизонтальное и вертикальное лощение. Для круговой керамики различаются следующие формы: большие горшковидные сосуды (134 шт.), кубки и «стаканчики» (138 шт.), миски и глубокие чаши – 104; вазы – 25 (из них 10 шт. – с обломанной ножкой); кувшины – 10 шт.; поильник – 1. Встречаются миниатюрные формы.

[30] Антропологическое определение Л. Т. Яблонского.

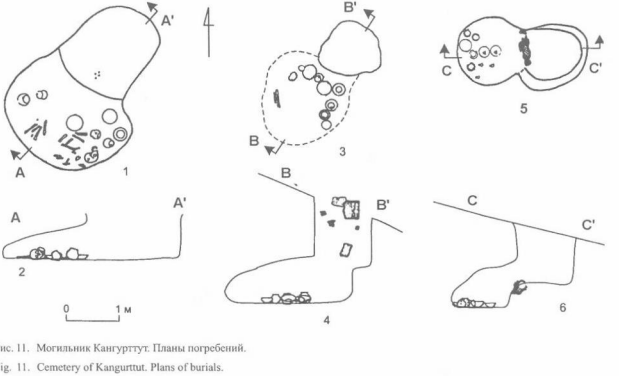


Рис. 11. Могильник Кангурттут. Планы погребений.

Fig. 11. Cemetery of Kangurttut. Plans of burials.

1. Чаши на ножке (вазы):

а) чаши на высокой полой ножке с дисковидным основанием, при этом ножка примерно в 2 раза превышает высоту чаши. Резервуар чаши – конический, с загнутым внутрь венчиком. Переход от резервуара к ножке обозначен уступом (рис. 12: 1, 4);

б) отличается от предыдущего варианта (1а) отогнутым наружу венчиком и ребром в верхней части тулова чаши (рис. 12: 2, 3, 6);

в) отличается от варианта 1б прямым венчиком и ребром в средней части чаши (рис. 12: 7);

г) кубок биконической формы, на высокой ножке (последняя не сохранилась), с рифленым верхним краем венчика и красным ангобом (рис. 12: 5);

д) миниатюрные вазы на полой (рис. 12: 8) или сплошной ножке (рис. 12: 9, 10), с отогнутым или загибающимся внутрь венчиком.

2. Кувшины:

а) сосуды с высоким узким выделенным горлом, отогнутым наружу венчиком и шаровидным туловом (рис. 12: 11, 12, 15);

б) отличается от предыдущего варианта биконическим туловом (рис. 12: 16);

в) отличается от варианта 2б усеченно-конической придонной частью.

Горло и частично тулово кувшинов орнаментируется горизонтальными углубленными линиями (рис. 12: 11, 12).

3. «Кубки»:

а) с биконическим туловом и отогнутым наружу венчиком (рис. 12: 17–20);

б) плечики тулова располагаются в нижней части сосуда. Иногда орнаментируются горизонтальными углубленными линиями (рис. 12: 21).

4. Чаши и миски:

а) глубокие чаши с широким устьем, отогнутым наружу венчиком и конической нижней частью (рис. 12: 23, 25, 26);

б) глубокие чаши отличаются от варианта 4а выделенными плечиками (рис. 12: 24);

в) глубокие чаши отличаются от варианта 4а загнутым внутрь венчиком (рис. 12: 28, 29, 31);

г) глубокие чаши с шаровидным туловом и отогнутым или прямым венчиком (рис. 12: 27, 30);

д) мелкие чаши со слегка отогнутым наружу венчиком;

е) чаши с конусовидным туловом на поддоне с дисковидным основанием (рис. 12: 32).

5. Стаканчики, банки:

а) с вытянутым туловом и выделенными в нижней части плечиками (рис. 12: 34, 35, 37, 38);

б) стаканчики баночной формы (рис. 12: 36).

6. Горшковидные сосуды:

а) сосуды с отогнутым наружу венчиком и коническим туловом (рис. 12: 45-47);

б) отличается от варианта 6а шаровидным туловом (рис. 12: 43, 44, 51, 52). В некоторых случаях имеют выделенное горло (рис. 12: 50);

в) сосуды с шаровидным туловом, скошенной нижней частью и отогнутым наружу венчиком (рис. 12: 48, 49). Встречается клювовидный венчик (рис. 12: 48).

7. Поильник, или чайник с носиком представлен единственным экземпляром.

Лепная керамика:

1) т. н. кухонная сероглиняная посуда из грубого теста, с примесью песка и известняковой крошки. Встречаются формы небольших горшков, иногда круглодонных.

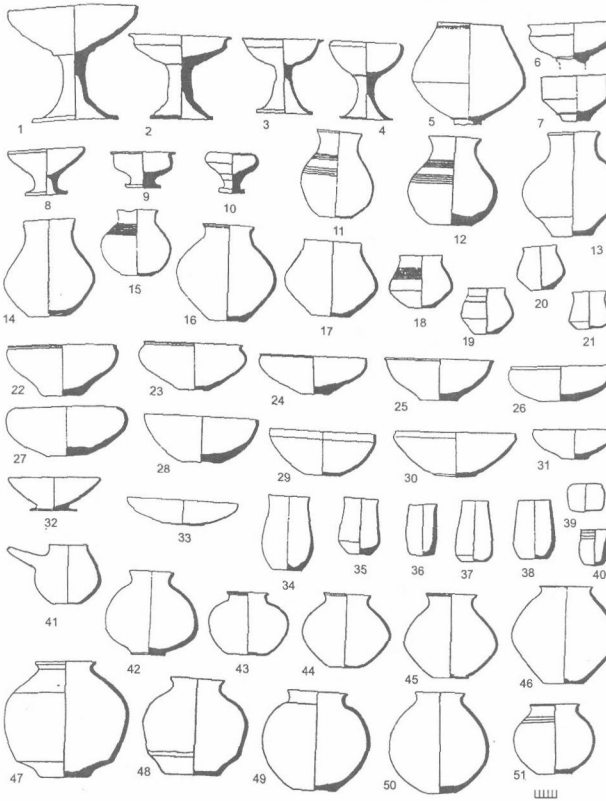


Рис. 12. Могильник Кангурттут. Керамика.

Fig. 12. Cemetery of Kangurttut. Pottery.

2) миниатюрные формы баночного сосуда и коробочки (рис. 12: 40, 41).

В 13 погребениях встречены ***предметы из бронзы***: на дне входной ямы, в камере или в сосудах, главным образом в чашах (рис. 14). Количество металлических миниатюрных изделий колеблется от одного до 26 предметов, часто имитирующих настоящие, употреблявшиеся в быту вещи. В трех погребениях (№№ 37, 60, 74) они находились в небольшой металлической чашечке, при этом набор предме-

тов иногда повторяется: ножевидные пластины, бритвы, вилы, серьги или височные подвески, наконечники, «змейки», лопатки, наконечники долот, бусы, тесло и т. д.

Согласно выводам И. Р. Равич, металлические изделия из поселения и могильника совпадают по набору примесей. Последние изготовлены из бронзы, основным легирующим элементом которой *является олово, в пределах от 1 до 5%, то есть преобладают* низкооловянные и среднеоловянные сплавы. *Содержание других элементов* следующее: висмут – 0,01–0,04%, сурьма – 0,1–0,4%, мышьяк – 0,1–0,7%, *никель – 0,001–0,007%*, серебро – 0,01–0,07%. Кобальт и цинк практически отсутствуют (табл. 1).

Особую категорию погребального инвентаря составляет скульптура из необожженной глины. Одна *из женских* фигурок происходит из погребения № 26 (рис. 13: 1). Фигура – объемная, высотой 27,5 см, глаза *щелевидные*, нос передан защипом, рот прорезан. Сильно выделены плечи и бедра, руки изображены схематично – вытянуты вдоль торса. Обозначены пупок и грудь. Ноги – кривые, левая длиннее правой; *стопа левой ноги повернута назад. Другие три* фигурки, найденные в погребении № 74, слеплены также схематично, но хорошо *различается пол* – мужская, женская и между ними непонятный предмет, скорее всего, детская фигурка (рис. 13: 2). *Мужская* фигура длиной 33 см лежала на спине, голова повернута в бок и наклонена к голове второй *фигурки*. Руки не сохранились, ноги подогнуты в коленях. На плечах, груди и животе подчеркнуты мышцы. Голова – со скошенным черепом и выступающей нижней *челюстью, хорошо* моделированы уши. Глаза и рот обозначены схематично. Другая, женская, фигурка *длиной 27 см также лежала* на спине с подогнутыми в коленях ногами, руки прижаты к груди, голова – *со скошенным черепом*, выступающей челюстью, выделенными надбровными дугами и носом.

Керамический материал свидетельствует о синхронности могильника и поселения, существовавшего, исходя *из темпов накопления* культурного слоя, около 200 лет. Круговая керамика, найденная в по*гребениях, может быть* временным индикатором изменений, происходивших в изготовлении посуды *на поселении. Выделяется* группа более ранних сосудов из погребений №№ 11, 22, 36 с красным ангобом и *несколько архаичными* формами. Это – кубок (рис. 12: 5) на высокой ножке, кубки *грушевидной формы*, *горшковидные* сосуды округлых очертаний (плечики мягко переходят в тулово), без *подкоса в нижней части*. Уникальной форме кубка на ножке в Кангурттуте имеются параллели в *керамике могильника* Дашлы 3 (Сарианиди 1976: 34, рис. 23) и в западинской культуре джакрутанского этапа (Аскаров 1977: 65, рис. 32). *На моладлинском* и бустанском этапах эта форма уже не встречается.

Из других земледельческих *памятников* выделяемого нами оазиса следует сказать еще о двух поселениях – Дахана, Тегузак и могильниках, раскопанных на месте затопления Нурекской ГЭС.

Поселение Дахана (Пьянкова 1994: 151) *расположено* на территории г. Нурека. Культурный слой эпохи бронзы составляет от 0,5 до 1 м. Строительные остатки представлены каменными основаниями стен в 2–3 ряда камней. Пол иногда выстилался галькой. Открыто 5 жилых помещений, вне домов расчи*щена топочная камера* гончарной печи. Выделяется два строительных периода. Круговая керамика составляет 86% с белым ангобом, *лепная* – 14%. Формы – хумы, хумча, тагора, кувшины, горшковидные сосуды, вазы, миски, *цедилки, подставки. Лепные сосуды* – котлы. Среди других находок – бронзовый нож степного *типа, прясла. По керамическому материалу* и датировкам это поселение соотносится с поселением Кангурттут.

Поселение Тегузак (Пьянкова 1987: 117, 297) *находится в нескольких километрах от поселка* Себистон Дангаринского района, *на второй нижней* террасе р. Вахш. *Слой эпохи бронзы (около 2,5 м)* подстилается культурными слоями гиссарской культуры. *Границы поселения не* установлены. Общая вскрытая площадь 400 кв. м. Архитектурные остатки *представлены каменными* основаниями стен, сложенными в ширину двух-трех рядов камней. Полностью *вскрыт один жилой комплекс* из двух помещений. Дом ориентирован углами по странам света. Преобладает *земледельческая* керамика моладлинско-бустанского типа. Один из шурфов дал очень высокий *процент керамики* (43%) *«степного типа»* андроновской культуры[31]. Найдены каменные орудия труда, бронзовые *предметы и литейные формы из местной* породы камня.

Нурекские могильники (*Пьянкова 1979: 78*) открыты в зоне затопления Нурекской ГЭС, в районе комплекса Туткаул на аллювиальных *террасах* левобережья р. Вахш. Конструкцию погребальных сооружений из-за плохой сохранности *проследить не* удалось, за исключением одного случая. Зафиксирована *погребальная камера* с костными останками (череп и длинные кости рук), она *перекрыта* каменной плитой. Раскопано всего несколько захоронений со скелетами в скорченном положении (одно – парное), другие погребения относятся к кенотафам, напоминая ситуацию могильника Кангурттут. Сопровождающий инвентарь представлен сосудами (от 1 до 5), характерными для земледельческой керамики Южного Таджикистана (вазы, *миски, горшковые сосуды* и т. п.), бусинами (одна из них топоровидная подвеска как в Тандырйуле), золотым височным кольцом и бронзовым ножом, относящимся к так называемым «хвостатым» ножам *степного типа*.

3. Оазис р. Кызылсу (Сурхоб) и ее притоков

Основными притоками р. Кызылсу являются реки Яхсу и Таирсу. Долины этих рек *в нижней части* расширяются, образуя холмисто-грядовую Пархаро-Кулябскую равнину. Благодаря работам Кызылсуйс-

[31] *На наш взгляд, при* подсчете керамики могла произойти ошибка. Могли быть *учтены также фрагменты кухонной керамики*, которая по тесту не отличается от андроновской.

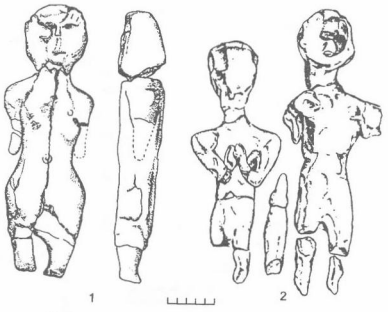


Рис. 13. Могильник Кангурттут. Глиняная скульптура.

Fig. 13. Cemetery of Kangurttut. Clay sculpture.

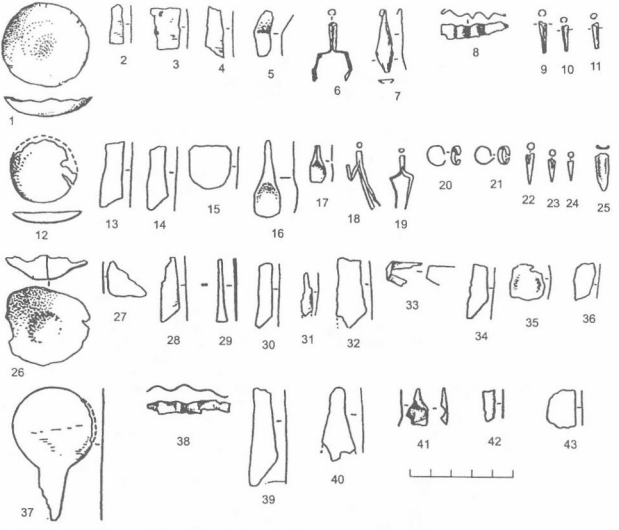


Рис. 14. Могильник Кангурттут. Металлические изделия.

Fig. 14. Cemetery of Kangurttut. Metal objects.

ского археологического отряда (Gotzelt, P'jankova, Vinogradova 1998: 117), удалось собрать материалы из земледельческих памятников данного региона. *Были открыты два древнеземледельческих могильника*, к сожалению, на территории современных мусульманских кладбищ. Один из них – могильник Ходжа Гоиб в Кулябе, откуда происходят два сосуда. Сосуд-чайник имеет широкий круг аналогий в поздних земледельческих комплексах Маргианы и Бактрии. Другой земледельческий некрополь располагается на возвышенности Урта-Боз около г. Пархара (рис. 1). Древние погребения были разрушены более поздними мусульманскими могилами. В одном из них найдена керамика молалинского (?) типа и два детских серебряных браслетика (рис. 15: 8). Они круглой формы (43 х 43 мм) и, очевидно, происходят из детского захоронения[32]. Застежки на концах браслетов имеют форму нескольких спиралевидных витков, входящих друг в друга. Орнамент на обоих браслетах абсолютно идентичен и выполнен гравировкой – *тонкими линиями или точками*. Композиция состоит из трех симметрично расположенных четырехлепестковых розеток, центральная из которых с прожилкой по длине каждого лепестка – более крупная, а две другие, расположенные ближе к краям браслета, имеют меньшие размеры. Розетки обрамлены орнаментом из угловидных и дугообразных линий и точек. Серебряный сплав браслетов очень высокой пробы, медь составляет всего 3–5%. Подобные сплавы характерны для серебряных изделий времени поздней культуры Намазга VI (Хлопин 1983: 227, табл. 3).

Из случайных предметов, находящихся в экспозиции музеев Куляба, Московского района и Пархара, следует отметить находки каменных гирь в *могильнике* Свед Московского района, Алимтай Дангаринского района, каменной колонки (из нефрита?) в кишлаке Арча Пархарского района. В Кулябском музее представлены находки двух жезлов из сланца и двух каменных гирь. Происхождение предметов *неизвестно (рис. 15: 9)*.

Заканчивая наш обзор земледельческих памятников, следует сказать о двух погребениях (рис. 15: 10–14) около г. Кызлар-Кала Шаартузского района в оазисе Шах (Литвинский, Седов 1983: 80). Первое захоронение было очень богатым, конструкция *погребения – катакомба, на дне камеры расчищены два* костяка в скорченной позиции, «лицом к лицу». Найдено два сосуда (рис. 15: 13–14), большое количество бронзовых, серебряных, пастовых, сердоликовых бус (всего свыше 800 шт.) и 4 бронзо-*золотые бляхи*. Во втором погребении найдены два сосуда (рис. 15: 11, 12) и бронзовый нож. Керамика характерна для молалинских памятников. Дальнейшие исследования *в оазисе Шах позволят говорить о случайности дан*ных захоронений или о существовании здесь земледельческих памятников уже с эпохи бронзы.

Подводя итоги исследованиям на земледельческих памятниках Южного Таджикистана, можно провести аналогии и сделать некоторые выводы. Земледельческая традиция населения Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы несколько отличается от классических западных памятников Северной Бактрии, что связано, прежде всего, с условиями жизни в горной местности. Это проявляется в строительстве террасных домов на каменном фундаменте с пахсовыми стенами, в определенной ориентации жилищ углами по странам света и в устройстве погребальных сооружений с использованием рельефа местности для подбоя катакомбы и закладкой входной ямы не сырцовым кирпичом, а камнем или кусками глины.

Сравнительный анализ археологического материала поселений и могильников Южного Таджикистана позволяет установить хронологическое различие внутри этих памятников. К первой более ранней хронологической группе может быть отнесен могильник Тандырйул и *случайные находки из могильников* Кызлар-Кала, Пархар, Карапичок, медные топоры из Аракчина, Шаршара и бронзовый меч из Рамита. Во *вторую более позднюю группу входят поселение* и могильник Кангуртут, поселения Дахана, Тегузак. Нурекские могильники занимают промежуточную *позицию между этими двумя группами памятников*.

Для керамики могильников Тандырйул, Кызлар-Кала наиболее *близкие аналогии прослеживаются на следующих памятниках* молалинского этапа (Джаркутан IIа) *сапаллинской культуры: могильник и по*селение Муллали (Сагдуллаев, 1989: 12; Пугаченкова 1972: *88, рис. 23), погребения периода Джаркутан IIа* на могильнике Джаркутан 4с (Sirinov, Baratov 1997: *89), молалинские погребения на могильниках Джар*кутан 4а, Джаркутан 4b (Аскаров, Абдуллаев, 1983: 25), *Бустан 6* (Avanesova, 1997: *163, Abb. 9*).

Вторую группу памятников, прежде всего, по керамике можно *сопоставить с бустанской фазой (Джар*кутан IIb) сапаллинской культуры – погребения периода Джаркутан IIb на *могильниках Джаркутан 4с*, Джаркутан 4а (Sirinov, Baratov 1997: 105, 117), бустанские погребения на *могильнике Бустан 6*. (Avanesova, 1997: *164*, Abb. *10*; 171, Abb. *14*).

По *сравнению с керамикой первой группы* происходят изменения в ведущих типах сосудов: *«кубки», горшковидные сосуды, миски составляют* значительный процент. Керамика становится более *грубой, ангоб покрывает только верхнюю* часть сосуда. Несколько видоизменяются формы сосудов: *у ваз уменьшаются размеры резервуара*, высота ножки превышает высоту чаши (тип 1а); у кувши*нов горло менее выделено*, исчезают формы с приподнятыми плечиками; у «кубков» максимальный *диаметр смещается в нижнюю часть сосуда (тип 3б)*; кратеровидные сосуды встречаются редко; на смену *им приходят глубокие чаши (тип 4а)*; появляются формы стаканов и банок (тип 5).

*Некоторые хронологические различия прослежи*ваются в металлических изделиях. Медные топоры из Аракчана и Шаршара – самые ранние в первой

[32] *Браслеты* были найдены с описанным выше сосудом.

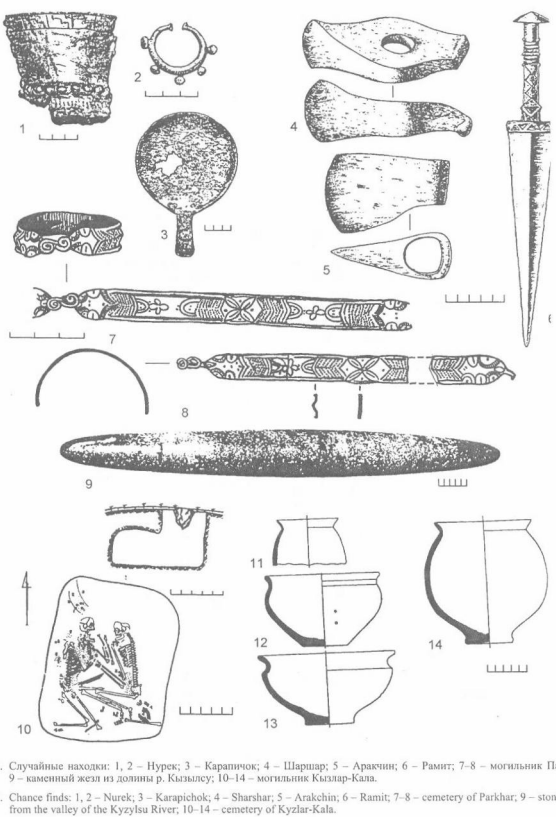


Рис. 15. Случайные находки: 1, 2 – Нурек; 3 – Карапичок; 4 – Шаршар; 5 – Аракчин; 6 – Рамит; 7–8 – могильник Пархар; 9 – каменный жезл из долины р. Кызылсу; 10–14 – могильник Кызлар-Кала.

Fig. 15. Chance finds: 1, 2 – Nurek; 3 – Karapichok; 4 – Sharshar; 5 – Arakchin; 6 – Ramit; 7–8 – cemetery of Parkhar; 9 – stone staff from the valley of the Kyzylsu River; 10–14 – cemetery of Kyzlar-Kala.

хронологической группе. Орудия, близкие типу шаршарского топора, найдены в Саразме (Исаков 1991: рис. 78, 2), в Дашлы 3 (Сарианиди 1977: 71, рис. 32 – литейная форма), в Саппалли-тепа (Аскаров 1977: 196, табл. XXXII, 2). Одними из ранних металлических изделий рассматриваемой группы памятников могут быть серебряные браслеты из могильника Пархар. Аналогии для четырехлепестковых розеток, изображенных на пархарских браслетах, ведут к южным оседло-земледельческим комплексам. Орнамент четырехлистника довольно часто встречается на печатях и амулетах Бактрии и Маргианы эпохи поздней бронзы

(*Аскаров, Ширинов 1993: рис. 24, 12*; Sarianidi 1986: 222; Сариниди 1990: 91; Масимов 1981: рис. 4, 3), а также на некоторых хлоритовых флаконах из разграбленных могильников Бактрии (Amiet 1986: рис. 159).

Среди бронзовых вещей первой и второй групп хронологических различий не наблюдается. Для них характерны оловянистые сплавы с высоким содержанием олова. В. Д. Рузанов сравнивает металл памятников Тандырйул и Кангурттут по химическому составу и микропримесям с бронзой андроновских памятников (могильники Чака, Искандер) и чустской культуры Ферганы. Рудная база, по его мнению, находилась в Чаткало-Кураминских горах на северо-востоке Узбекистана. Оловянистые сплавы характерны также для металла молалинско-бустанских *памятников сапалинской культуры* (Аскаров, Рузанов 1990: 6). На предшествующем этапе этой культуры, а также в Мургабе, *Северном* Афганистане основной процент составляют мышьяковистые бронзы (Терехова *1990: 201*; Сариниди *1976*: 82). В эпоху поздней бронзы основными источниками металла *для Северной Бактрии становятся* северо-восточные области степных культур. Формы металлических изделий, *найденных на могильниках и поселениях* Южного Таджикистана, имеют широкий круг аналогий как на земледельческих, так и на *степных памятни*ках (Виноградова 1991: 77; Vinogradova 1994: 40; Vinogradova 1996: 183).

На поздних этапах сапалинской культуры бросается в глаза «бедность» археологических находок. Так в погребениях используются, главным образом, вотивные бронзовые изделия, отсутствуют печати *и произведения искусства*, за исключением пархарских браслетов. В погребальной практике появляется огромное *количество кенотафов – на* могильниках Южного Узбекистана *около 40%* (*Иониесов* 1990: 227, рис. 22); на могильнике Кангурттут более 90%. Иногда в могиле-кенотафе вместе с погребальным инвентарем находят антропоморфные (Sirinov, Baratov *1997: 85, 113*) или зооморфные фигурки (Тандырйул) из необожженной глины. В конце эпохи бронзы в Се*верной Бактрии* происходят изменения в религиозно-ритуальной концепции погребения умерших.

На *протяжении* всего периода поздней бронзы *прослеживаются тесные контакты* земледельческого населения с носителями бешкентско-вахшской культуры и *андроновскими племенами* (Виноградова 2000: 89; Vinogradova 2001: 199–219). Андроновцы играют роль посредников в *распространении* древневосточной земледельческой культуры на север (южные импорты). С другой стороны, фиксируется наличие андроновской керамики и металла на земледельческих памятниках. В *отдельных контактных* зонах могло происходить оседание степняков в земледельческих оазисах и восприятие ими некоторых обрядовых и культурных традиций земледельцев.

Что касается хронологии памятников поздней Намазга VI, то здесь нет единства мнений. Ученые *республик бывшего* СССР относят их к середине – концу II тыс. до н.э., что согласуется с традиционной *хронологией евразийских* степных культур. Западноевропейские и американские исследователи на основе калиброванных дат по ^{14}C датируют эти памят*ники 1-й половиной – серединой II тыс. до н. э. Эти* датировки соотносятся с калиброванными датами *для степных культур* (*Görsdorf J. und andere* 1998: 73). По мнению Е. Е. Кузьминой, в наше время корректно использовать или традиционный метод синхронизации, или радиоуглеродный метод, учитывая расхождение обеих систем (*Kuz'mina 1998*).

Андреев, М. С. 1958. Таджики долины Хуф. Душанбе.
Антонова, Е. В., И. М. Виноградова. 1979. О летних и осенних работах в Регарском районе в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане XIV (1974): 93–109. Душанбе: Дониш.
Аскаров, А. 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: ФАН.
1989. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и *древних цивилизаций*: 158-166. Алма-Ата.
Аскаров, А., Б. Н. Абдуллаев. 1983. Джаркутан. Ташкент.
Аскаров А. А., В. Д. Рузанов. 1990. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4 и 5 // История материальной культуры Узбекистана 23: 6–12. Ташкент: ФАН.
Аскаров, А., Т. Ш. Ширинов. 1993. *Ранняя* городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд.
Виноградова, Н. М. 1987. Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства: 76–91. Москва: Наука.
1991. Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // Международная Ассоциация по изучению культур Центр*альной Азии 18: 68–88.* Москва: *Наука.*
1996. Первое поселение бишкентско-вахшской культуры на юге Таджикистана // Древность: историческое значение и специфика источника. Тезисы докладов конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского: 32–34. Москва.
2000. Исследования контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: 89–108. Москва: Геос.
Виноградова, Н. М., Л. Т. Пьянкова. 1983. Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // Археологические работы в Таджикистане XVII: 56–68. *Душанбе: Дониш.*
Дьяконов, М. М. 1950. Работы Кафирниганского отряда // Материалы и исследования по археологии СССР 15: 147–186. Москва-Ленинград: Наука.
Иониесов, В. И. 1990. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии. Автореферат *дисс. … канд. ист. наук. Самарканд.*
Исаков, А. И. 1991. Сарай-Куль. Душанбе: Дониш.
Кузьмина, Е. Е. 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // Свод археологических источников В 4–9. Москва: Наука.
1972. К вопросу о *формировании культуры Северной Бактрии* «Бактрийский мираж» и археологическая действительность // Вестник древней истории 1: 131–147.
Литвинский, Б. А., А. Д. Сайдов, 1983. Тепа-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. Москва: Наука.
Масимов, И. С. 1981. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // Советская археология 2: 132–150.
Массон, В. М. 1996. О системе цивилизаций бронзового века на ближнем Востоке. Рецензия на *книгу* C. Lamberg-Karlovsky. Beyond the Tigris and Euphrates (1996) // Археологические вести 6: 426–429. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
Пугаченкова, Г. А. 1972. Новый памятник древнебактрийской культуры // Успехи среднеазиатской археологии 1: 47–49. Ленинград: Наука.

Пугаченкова, Г. А., Э. В. Ртвеладзе. 1990. Северная Бактрия – Тохаристан. Ташкент: ФАН.

Пьянкова, Л. Т. 1979. Отчет о работе Нурекского археологического отряда // Археологические работы в Таджикистане XIV (1974) 78-92. Душанбе: Дониш.

1987. О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 году // Археологические работы в Таджикистане XX (1980): 117–125. Душанбе: Дониш.

1994. Работа Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985) // Археологические работы в Таджикистане XXV: 151–161. Душанбе: Дониш.

Ранов, В. А. 1998. Каменный век // История таджикского народа. *Древнейшая и древняя история 1*: 45–123. Душанбе.

Рахманов, У. 1987. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Самарканд.

Сагдуллаев, А. С. 1989. К изучению поселения Мулаали // Краеведение Сурхандарьи: 8–12. Ташкент.

Сариниди, В. И. 1976. Исследование памятников Даштлинского оазиса // Древняя Бактрия: 21–86. Москва: Наука.

1977. Древние земледельцы Афганистана. Москва: Наука.

1990. Древности страны. Маргуш. Ашхабад.

Хлопин, И. Н. 1983. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Ленинград: Наука.

Amiet, P. 1986. L'âge des échanges *inter-iraniens* 3500–1700 avant J.-C. Paris.

Avanesova, N. 1996. Buston VI – the peculiarities of the protobactrian complex of Uzbekistan // Information Bulletin, International Association for the Study of the Cultures of Central Asia 20: 141–155. Moscow.

1997. Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flussoase nach den Befunden der Nekropole Bustan 6 // Archäologische Mitteilungen aus Iran and Turan 29: 147–178.

Görsdorf, J., H. Parzinger, A. Nagler, A. Leont'iev. 1998. Neue ^{14}C – Daterungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // Eurasia *Antiqua 3*: 73–80. *Berlin.*

Götzelt, T., T. Pjankova, N. Vinogradova. 1998. Neue bronzezeitliche Fundorte in Kyzyl Su-Tal (Südtadzikistan) // Archäologische Mitteilungen aus Iran and Turan 30: 115–144. Berlin.

Kohl, Ph. L. 1981. The Namazga Civilization: an Overview // The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries. New-York.

Kuz'mina, E. E. 1998. Three Methods of Chronologization and Three Directions of Synchronization of the Sites of the Bronze Age in the Steppes of Eurasia // EAA 4th Annual Meeting. Abstracts Book: 90–91. Göteborg.

Sarianidi, V. 1986. Die Kunst des alten Afghanistan. Leipzig.

Sirinov, T. S. Barator. 1997. Bronzezeitliche Grabstätten aus der Nekropole Džarkutan 4 C (Süd-Uzbekistan) // Archäologische Mitteilungen aus Iran and Turan 29: 65–120. Berlin.

Vinogradova, N. M. 1993. Interrelation between Farming and Steppe *Tribes in the Bronze Age South Tadjikistan // South Asian* Archaeology 1991: 289–301. Stuttgart.

1994. The Farming Settlement of Kangurttut in the Late Bronze Age // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 27: 29–47. Berlin.

1996. *Kangurttut: The Ancient Agricultural Burial Ground* in Southern Tadjikistan. // Information Bulletin, International Association for the Study of the Cultures of Central Asia 20: 171–194. Moscow.

2001. Südtadzikistan in der Spätbronze- und Früheisenzeit // *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und* zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 6: 199–219. *Bonn.*

AGRICULTURAL SITES OF THE LATE BRONZE AGE PERIOD IN SOUTHERN TAJIKISTAN

N. M. VINOGRADOVA

Archaeological sites of Southern Tajikistan are linked inseparably with the cultural-historical region called Bactria in antiquity and occupy the peripheral north-eastern area of the latter. Only within the frame of the 'indivisible Bactria', a historical interpretation of any site of that period in Southern Tajikistan is possible.

There are no sites of the Early and Developed Bronze Age known within the territory of Southern Tajikistan. During the Late Bronze Age this region became the contact zone of three cultural-historical communities. Those were the agricultural sites of the North-Bactrian variant of the Namazga VI culture, the so-called Sapalli culture, and the sites of the steppe Bronze Age: the cultures of Beshkent-Vakhsh and Andronovo.

Different researchers proposed diverse appellations for the agricultural sites of Bactria and Margiana: the Namazga culture (*Kohl 1981*: VII), the Oxus culture (Frankfort 1984: 174), the Sapalli culture (Аскаров 1977), the Bactrian-Margian archaeological complex (BMAC) (Сариниди 1990: 77). V.M. Masson assumes that a group of local civilisations united by the concept of a proto-Bactrian centre may have been co-existing (Masson 1988: 536–541). It was proposed to unite the archaeological settled agricultural complexes of the south of Central Asia, north-eastern Iran and northern Afghanistan into a single Namazga historical-cultural community, or NHCC (Аскаров, Ширинов 1993: 42). We are of the *opinion that the appellation of the Namazga culture may* be preserved, assuming that the sites of the Sapalli culture are its North-Bactrian variant.

At the later Molali and Bustan phases of the Sapalli culture, the spread of agricultural tribes from the southwestern part of Northern Bactria (*Southern Uzbekistan*) to the north-east took place. The causes of the migration of agricultural population to Southern Tajikistan during the Late Bronze Age may be understood only within the context of the general processes occurring in the south of Central Asia. At the first stage, the extinction of cultures of the Bronze Age took place in the foothills of Kopet-Dag causing mass migrations of inhabitants of the foothill zone to the lower reaches of the Murghab and into the territory of Bactria on both sides of the Amu Darya. In Southern Tajikistan, a later wave of those migrations connected with ecological (aridisation of the climate), demographic (growth of the population), or economical (settling of new lands, trade links) factors *has been registered*.

Results of a palynological analysis of loess soils at the settlement of Kangurttut enabled to reconstruct the

paleogeographical situation in the Neolithic period and Late Bronze Age in the south of Tajikistan. In the settlement's *lower layer dated to the Hissar Neolithic, pollen* of trees was found – birch (13% of the total *composition of plant species*). The herbage amounted to 69–70%, and 17–18% belonged to spores, those of green mosses predominating. The composition of plant species implies a warm and moist climate. Among the palynological complexes from the horizons of the settlement of Kangurttut dated to the Bronze Age, 95% of *the pollen comprises* the grass and shrub species. *In the herbage, the steppe groups predominated suggesting* the increased aridity of the climate in the Bronze Age.

The settling of agricultural tribes throughout Southern Tajikistan was of an oasis character. The archaeological evidence allows us to identify three agricultural oases: 1) the Hissar valley; 2) the valleys in the middle reaches of *the Vakhsh River in the regions* of the Nurek, Tutkaul and upper reaches of the Tairsu River; 3) the Parkhar and Kulyab valleys (the basin of the Kyzylsu *River*). *The ancient* agriculturists selected for their settlements the lands in the foothills which were equally favourable *for agriculture and animal husbandry. In the foothills, the amount of* atmospheric precipitations was sufficient for non-irrigable agriculture and the valleys were convenient for irrigation. *The main source of irrigation* were the tributaries of different rivers, from which channels were led out where *they had outlets from the mountains*.

1. The Hissar Valley is bordered on the south-west by the Surkhan-Darya valley where numerous sites of the late stages of the Sapalli culture have been excavated (Аскаров, Ширинов 1993). In the *Hissar valley, two* necropoleis of the ancient agricultural population are known: Tandyryul and Zarkamar (Виноградова 1991: 68). Single burials of the Bronze Age were uncovered at the Kushan sites of Tup-Khona (Дьяконов 1950: 176) and Kara-Pachok (Виноградова, Пьянкова 1983: 62). *The remains of an agricultural* settlement have been found in the lower layers of the Hissar fortress.

2. Sites at the middle reaches of *the Vakhsh River* and upper reaches of the Tairsu River

In this oasis, a number of agricultural settlements and *necropoleis are known*: Kangurttut, Dakhana, Teguzak, Baraki-Kurug, and the cemeteries of Nurek.

3. The Oasis of the Kyzylsu River and its tributaries

The major tributaries of the Kyzylsu River are the Yakhsu and Tairsu rivers. The valleys of these rivers widen in their lower parts forming the Parkhar-Kulyab plain of the hill-and-range type. Owing to the activities of the Kyzylsu Archaeological Detachment (Gotzelt, P'jankova, Vinogradova 1998: 117) *it was possible to gather different* materials from the agricultural sites in that region. In addition, two ancient agriculturalist's necropoleis have been discovered which unfortunately were located within the areas of present-day Moslem cemeteries. In one of them – the cemetery of Khodzha Goib in Kulyab – two vessels were found including a tea-pot widely paralleled among the late agricultural complexes from Margiana and Bactria. *The other agricultural necropolis* is located on the top of the Urta-Boz elevation, near the town of Parkhar. In one of the ancient graves, pottery of the Molali (?) type and two children's silver bracelets were found. The silver alloy of the bracelets was of a high order, copper amounting only to 3–5%. Such alloys are characteristic of silver objects of the period of the late culture of Namazga VI (Хлопин 1983: 227, *табл. 3*).

The agricultural tradition of the Late Bronze Age population of Southern Tajikistan differs slightly from that of the classical western sites in Northern Bactria, that is connected with the living conditions in highlands. This difference shows itself in building of terraced houses on stone foundations with the walls constructed from *pakhsa* (packed earth), orientation of the houses with their corners on the cardinal points and making funerary structures using the local relief for the undercuts of the catacombs and blocking up the entrance pits with stone or pieces of clay rather than with mud-bricks.

A comparative analysis of the archaeological materials *from the settlements and cemeteries of Southern Tajikistan* allows us to identify the chronological differences between these sites. The first chronological group comprises the cemetery of Tandyryul and chance finds *from the cemeteries of Kyzlar-Kala*, Parkhar, Karapichok, copper axes from Arakchin and Sharshar, and a bronze sword from Ramit. The second, later group includes the settlement and cemetery of Kangurttut, the settlements of Dakhana, Teguzak, and the Nurek cemeteries.

At the latest stages of the Sapalli culture, noteworthy is the 'scantiness' of archaeological finds. Thus in burials, mostly bronze votive objects are found, any seals and objects of arts being absent, except for the bracelets from Parkhar. A great number of cenotaphs appeared in the funerary *practice: about 40% at cemeteries of Southern Uzbe*kistan, and over 90% at the cemetery of Kangurttut. In some cases, anthropomorphic or zoomorphic figurines made from unfired clay were *found along with other funerary inventory* in cenotaph-graves (Tandyryul). In the end of the Bronze Age, changes of the religious-ritual ideas concerning burying of deceased occurred in Northern Bactria.

Throughout the entire period of the Late Bronze Age, *the existence of close contacts of the agricultural population* with bearers of the Beshkent-Vakhsh culture and Andronovo tribes *may be traced* (Виноградова *2000: 89*). The Andronovians played the role of mediators in the spread of the ancient-eastern farming culture to the north (southern imports). On the other hand, the presence of Andronovo pottery and metals is registered at *different agricultural sites*. In particular contact zones, settling of the steppe-nomads in agricultural oases and adopting certain ritual and cultural *traditions of agriculturists possibly occurred*.

As to the chronology of the sites of the Late Namazga VI, there is as yet no common opinion. Scholars from republics of the former USSR date them to the middle or end of the 2nd mil. B.C. that is in agreement with the traditional chronology of the Eurasian steppe cultures. West-European and American researchers attribute these sites to the 1st half – the middle of the 2nd mil. B.C. on the basis of calibrated radiocarbon dates. Such datings correspond to calibrated dates of steppe cultures (Görsdorf J. *et al.* 1998: 73). In E.E. Kuz'mina's opinion, to date it is equally correct to use either *the traditional method of synchronisation* or the radiocarbon one, but taking into account the divergence of *the two* systems (Кuz'mina 1998).

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ МЕТАЛЛА ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

А. Н. ЕГОРЬКОВ, А. Я. ЩЕТЕНКО[1]

Анализу состава металлических изделий из южнотуркменистанских памятников посвящено несколько публикаций, обзор которых дан в недавно вышедшей работе (Егорьков 2001). В ней обобщены накопленные аналитические материалы по поселению эпохи бронзы Алтын-депе, для которого выполнено около 400 анализов металла. Расширить рамки сравнения состава металла Алтын-депе позволяет выполненный в последнее время эмиссионно-спектральный анализ металла предметов, найденных при раскопках А. Я. Щетенко в 1968–1988 гг. на поселениях Ахалского велаята (бывший Каахкинский р-н): Шабалинском комплексе, Намазга-депе, Шор-депе, Тайчанакдене, Теккем-депе, Безымянном холме и Абивердe (рис. 1). Анализ металла осуществлен А. Н. Егорьковым по уже описанной в литературе методике (Егорьков 2001: 85, 86). Номера предметов, изображенных на рисунке 2, соответствуют порядковым номерам таблицы 1, в которой представлены результаты анализа.

Несмотря на то, что доступным для изучения было не очень большое число предметов, сами результаты анализа почти полностью совпали с опубликованными результатами состава металла изделий из Алтын-депе (Егорьков 2001). Общим для всего исследованного металла эпохи бронзы и начала железного века из Южного Туркменистана является постоянное содержание мышьяка, присутствие олова лишь в более поздних, чем изделия из Алтын-депе, образцах, отсутствие в качестве легирующей добавки цинка (его невысокое содержание в некоторых пробах следует рассеиванию как рудную примесь).

Образцы **1** и **2** металла из Шабалинского комплекса несколько выделяются среди других повышенным содержанием железа и пониженным содержанием свинца. Высокое содержание железа может быть следственным неполного плавования выплавляемого металла, содержание свинца, однако, не выходит за рамки, зафиксированные для изделий из Алтын-депе, хотя чаще его содержание в них выше этих значений.

В составе металла предметов из Намазга-депе (табл. 1: 3–9) выделяются образцы **6** и **7** – печати с повышенным содержанием свинца. Такое содержание свинца в литых изделиях, не требовавших доработки ковкой, в алтыновском металле замечено уже давно (Наумов 1970: 244, 245; Клер 1979: 123). Высокое содержание свинца в печатях других южнотуркменистанских памятников также отмечено в литературе (Кузьмина 1966: 103)

Несмотря на малое число проб, металлические изделия из Шор-депе (табл. 1: 10–12), если судить по составу образца **12**, подтверждают отливку печатей не только из металла с повышенным содержанием свинца, но и из металла с низким его содержанием, как и в некоторых печатях Алтын-депе. Кроме того, этот же образец показал относительно высокое содержание сурьмы, предположение о целенаправленном использовании которой было сделано и по составу металла изделий Алтын-депе (Егорьков 2001: 87, 88).

Наиболее обширная и разнообразная информация получена по составу металла предметов из Тайчанакдене, по материалам которого выполнено наибольшее число анализов. Уже образец **13**, предположительно относящийся к раннему железному веку, показал использование при легировании олова. Сплавы с оловом практически отсутствуют в металле Алтын-депе, но их появление в Южном Туркменистане, как это видно на примере металла Теккем-депе (Егорьков, Щетенко 1999), к началу железного века уже не редкость, хотя мышьяковая медь или бронза еще преобладали. В структуре тайчанакского металла видно также присутствие сплавов с одновременно высоким содержанием мышьяка и свинца (образцы **14**, **15** и **24**), выявленных уже достаточно давно (Наумов 1970) и являющих собой полную аналогию ряду алтыновских образцов. О причинах совместного присутствия мышьяка и свинца в сплаве можно говорить лишь на основе не вполне уверенных предположений (Егорьков 2001: 89). Такие сплавы, когда это удается определить, использовали для литых изделий, не требовавших доработки ковкой, прежде всего, печатей и браслетов.

Легирован оловом и образец **25** из Теккем-депе (шило), датируемый рубежом эпохи поздней бронзы и раннего железа. Как отмечалось выше, к этому времени оловянная бронза начинает интенсивно входить в употребление (Егорьков, Щетенко 1999), та же картина наблюдается и в Юго-Западном Туркменистане (Хлопин, Галибин 1990).

Учитывая значительное сходство состава металла изделий эпохи бронзы Южного Туркменистана, необходимо все же выделить некоторые отличия. Так, образцы **1** и **14** показали довольно высокое содержание никеля, тогда как в металле предметов из Алтын-депе преобладает низкое его содержание. Однако наиболее характерное отличие всех публикуемых образцов от алтыновских состоит в том, что ни в од-

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологической технологии, Отдел Центральной Азии и Кавказа.

© А. Н. Егорьков, А. Я. Щетенко, 2004

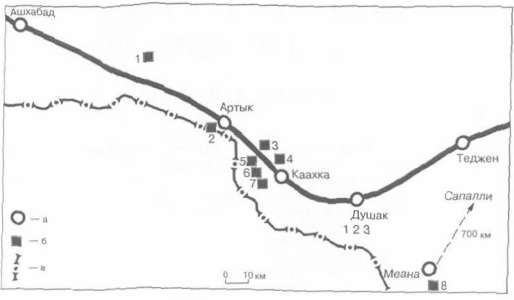


Рис. 1. Схема местоположения памятников Южного Туркменистана, упомянутых в статье: а – современные населенные пункты; б – древние поселения; в – государственная граница с Ираном. *1* – *Шор-депе*, *2* – *Тайчанак-депе*, *3* – *Абиверд*, *4* – *Безымянный холм*, *5* – *Намазга-депе*, *6* – *Теккем-депе*, *7* – *Шабалинский комплекс*, *8* – *Алтын-депе*.

Fig. 1. Scheme of the locations of the sites of Southern Turkmenistan mentioned in the article: а – present-day settlements; б – ancient settlements; в – state border with Iran. *1* – Shor-Depe, *2* – Taichanak-Depe, *3* – Abiverd, *4* – Bezymianny Kholm, *5* – Namazga-Depe, *6* – Tekkem-Depe, *7* – the complex of Shabalinsky, *8* – Altyn-Depe.

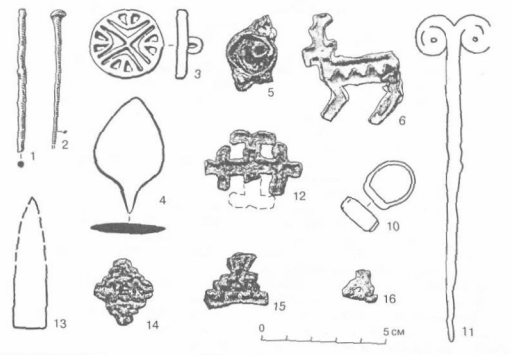


Рис. 2. Металлические изделия из древних поселений Южного Туркменистана (номера на рисунке соответствуют номерам анализов на табл. *1*): *1*, *2* – *Шабалинский комплекс*; *3–6* – *Намазга-депе*; *10–12* – *Шор-депе*; *13–16* – *Тайчанак-депе*.

Fig. 2. Metal artefacts from settlements in Southern Turkmenistan (numbers in the figure correspond to the numbers of the analyses in Table *1*): *1*, *2* – the complex of Shabalinsky; *3–6* – Namazga-Depe; *10–12* – Shor-Depe; *13–16* – Taichanak-Depe.

ном из них содержание марганца не поднимается выше нескольких сотых долей процента, тогда как в некоторых образцах металла из Алтын-депе оно гораздо выше и достигает величин, близких к 1 %. Повышенное содержание марганца в меди и сплавах на ее основе расценивается как показатель выплавки меди из медистых песчаников, несколько кусков которых были найдены на Алтын-депе. Впрочем, подобное несоответствие может быть объяснено и малым числом образцов.

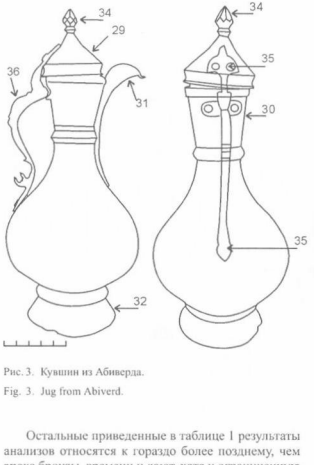


Рис. 3. Кувшин из Абиверда.

Fig. 3. Jug from Abiverd.

Остальные приведенные в таблице 1 результаты анализов относятся к гораздо более позднему, чем эпоха бронзы, времени и дают, хотя и ограниченную из-за малого их числа, но все же некоторую возможность проследить развитие состава сплавов во времени. Так, металл чаши железного века (образец **26**) с Безымянного холма – качественная оловянная бронза с низким содержанием примесей. Средневековый металл из Абиверда показывает разнообразие, обусловленное назначением предметов. Это – и хорошего качества медь (образец **27**), и металл с набором компонентов, которые могут самостоятельно выступать как легирующие агенты (образец **28**). Последний образец демонстрирует явную аналогию металлу ножа (?) из Алтын-депе с тем же набором компонентов в концентрациях, превышающих 1 %, за исключением сурьмы, хотя и ее содержание там тоже высоко – 0,8 % (Егорьков 2001: 95, образец *86*). Такое совпадение подтверждает правомерность отнесения этого предмета, найденного на поверхности Алтын-депе, ко времени гораздо более позднему, чем эпоха бронзы.

Изображенный на рис. 3 кувшин из Абиверда (образцы **29**–**36**) эпохи позднего средневековья, тулово которого склепано из нескольких медных полос, ясно показывает применение специальных сплавов для различных его частей. Медь для тулова (образец **30**) и носика (образец **31**), основное требование к которой – пластичность, демонстрирует исключительную чистоту[2]. Другие же части кувшина, в соответствии с возможностями использования иных материалов и требованиями декоративности, выполнены из не столь чистой меди (образец **29**), из бронзы (образец **32**) или латуни (образцы **33**–**36**). Состав сплавов показывает, что мастерам-чеканщикам, изготовившим кувшин, были доступны в то время разнообразные материалы, в том числе полученные с использованием высоких технологий.

Большой интерес представляет сравнение состава металла из Алтын-депе и других памятников Южного Туркменистана с материалами памятников эпохи бронзы Средней Азии, одним из которых является поселение Сапаллитепа в Узбекистане. Сапаллитепа расположено в Шерабадской степи Сурхандарьин-ской обл., близ с. Советабад, на берегу речки Уланбулаксай, раскопано А. А. Аскаровым и датировано первой четвертью II тыс. до н. э., то есть несколько более поздним, чем Алтын-депе, временем. Значительное число анализов состава металла из Сапаллитепа – свыше 70 (Аскаров, Богданова-Березовская 1972; Аскаров и др. 1975) дает хорошую базу для сравнения. Эмиссионно-спектральный анализ металла выполнен Д. В. Наумовым в ЛОИА в 1970 и 1973 гг. Более позднее время существования поселения и его близость к известному месторождению олова в верховьях р. Зеравшан (Кузьмина 1966) обусловили заметное отличие состава металла. Так, медь, преобладающая на Алтын-депе, представлена лишь двумя образцами. И хотя в металле Сапаллитепа постоянно присутствует мышьяк, значительную роль в нем уже играет олово, содержание которого равно или превышает 1 %. Налицо также понимание древними литейщиками близости свойств сплавов меди с оловом и с мышьяком и вызванное этим их стремление ограничиться одним легирующим компонентом, в результате чего типичным оказывается соответствие высокого содержания олова низкому содержанию мышьяка и наоборот. Характерным для металла Сапалли является также наличие нескольких образцов с повышенным содержанием никеля, достигающим наивысших значений в несколько десятых процента. Соотношение никеля и меди в выплавленном металле соответствует таковому в исходной руде и является, следовательно, показателем характера руды. В алтыновском металле, как уже отмечалось, содержание никеля, напротив, низкое. Об ином характере медной руды свидетельствует и отсутствие или низкое содержание в металле Сапалли марганца, заставляющее предполагать иные, чем для Алтын-депе, рудные медные источники.

Из-за малого числа анализов выявленные соответствия и различия состава металла рассмотренных памятников Южного Туркменистана следует считать лишь одним из шагов на пути построения общих представлений о характере древнего металла. Расши-

[2] Отсутствие примесей в образцах на таблице 1 обусловлено тем, что за значимые приняты содержания элементов равные или превышающие 0,01 %.

№	Памятник	Год	Категория	Период	Место находки	Шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn
1	Шабал. компл.	1976	стержень	НМЗ V	кв. 6-Л	677–18	0,03	1,9	–	–	1,1	–	0,5	0,05	0,02	–	–
2	"	1978	булавка	"	кв. 3-И	кв. 3-И	–	0,5	–	–	4,4	–	0,01	0,08	–	–	0,03
3	Намазга-депе	1968	печать	НМЗ VI	вышка	677–20	–	–	–	–	1,0	–	–	–	–	–	0,3
4	"	"	нож? нак. стрелы?	"	"	678–17	–	1,8	0,08	–	0,07	–	–	–	0,02	–	–
5	"	"	печать	НМЗ V ?	подъем у вышки	677–22	0,06	2,0	0,04	–	0,06	0,01	–	3,7	0,03	–	–
6	"	1988	печать-козел	НМЗ V	вышка, траншея 1975 г., пгр.4	677–23	0,01	0,1	–	–	0,06	–	–	4,6	0,01	–	–
7	"	1982	крючок	"	Р. к ЮЗ от вышки, гор.В, шт.1	721–25	0,06	0,3	0,06	–	–	–	–	0,5	–	0,01	–
8	"	"	неопределена	"	Р. к ЮЗ от вышки, гор.В, шт.2	721–26	0,3	0,2	–	–	–	0,02	–	1,2	0,05	0,2	–
9	"	"	венчик чаши	"	"	721–27	–	–	–	–	0,6	0,02	–	–	–	–	0,2
10	Шор-депе	1969	кольцо	"	3–й строительный период	677–24	0,01	2,5	0,2	–	0,07	–	–	–	0,01	–	–
11	"	"	булавка	"	"	677–25	–	0,4	–	–	0,07	–	–	0,4	0,01	–	–
12	"	"	печать	"	"	677–26	–	1,6	–	–	0,6	–	–	0,2	1,3	–	0,2
13	Тайчанак	1968	нож?	РЖВ ?	верхний (кроющий) слой	677–27	0,01	1,6	0,02	0,2	0,8	0,03	0,1	0,1	0,02	5,2	–
14	"	"	печать	НМЗ V	раскоп	677–28	0,8	7,8	–	0,01	0,5	–	0,8	10	0,05	–	–
15	"	"	"	"	"	677–29	0,4	5,0	–	–	0,1	–	–	17	0,8	–	–
16	"	"	часть печати (ушко)	"	"	677–30	0,4	0,4	–	–	–	–	–	3,7	0,03	–	–
17	"	"	нож?	"	"	677–31	0,04	2,6	–	–	1,4	0,02	–	0,4	–	0,04	–
18	"	"	пластина	"	"	677–32	0,01	–	–	–	–	–	–	0,09	0,08	–	–
19	"	"	шило?	"	"	677–33	0,01	0,06	–	–	–	–	–	0,06	–	–	–
20	"	"	шило	"	"	677–34	–	0,07	–	–	0,4	0,02	–	–	–	0,1	–
21	"	"	"	"	"	677–35	0,03	2,2	–	–	0,01	–	0,03	0,2	0,05	–	–
22	"	"	неопределена	"	"	677–36	0,3	0,7	–	–	0,6	–	–	0,2	–	–	–
23	"	"	кусок больший	"	подъемный материал	677–37	0,1	0,3	–	–	–	–	–	–	0,04	–	–
24	"	"	то же, меньший	"	"	677–38	0,3	9,7	1,3	0,01	–	0,01	0,01	16	0,3	0,04	–
25	Теккем-депе	1982	шило?	ЭПБ-РЖВ	водовод № 2	721–24	0,05	–	–	0,01	0,01	–	0,07	0,06	–	8,5	–
26	Безым. холм	1987	чаша	VII–VI вв. до н. э.	подъемный материал	677–39	0,2	0,08	–	0,01	0,3	–	0,01	–	–	7,0	–
27	Абиверд	1975	черпак	XI–XII вв.	городище, с поверхности	677–40	0,3	0,05	–	0,01	0,2	–	0,01	–	–	–	–
28	"	"	рукоять?	"	"	677–41	0,3	1,4	–	0,06	0,2	–	0,2	13	1,3	4,4	3,3
29	"	"	кувшина крышка	XVIII? в.	"	735–46	0,01	–	–	–	–	–	0,03	–	0,03	–	–
30	"	"	его же верхн. часть	"	"	735–47	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
31	"	"	его же носик	"	"	735–48	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
32	"	"	его же донце	"	"	735–49	0,01	–	–	–	–	–	0,05	0,04	0,02	7,7	–
33	"	"	его же заклепка	"	"	735–50	0,01	–	–	–	–	–	0,04	0,03	0,01	–	4,4
34	"	"	его же навершие	"	"	735–51	–	–	–	–	0,1	–	0,04	0,2	0,01	0,4	26
35	"	"	его же петля крышки	"	"	735–52	–	–	–	–	0,3	–	0,02	0,03	–	0,3	
36	"	"	его же ручка	"	"	735–53	–	–	–	–	0,01	–	0,02	0,04	–	0,05	15

ренный анализ состава металла изделий из других памятников, даже не такой масштабный, как для Алтын-депе, позволит точнее определить характер древнего металла юга Средней Азии и его место в структуре древнего металла Центральной Азии, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока.

Аскаров, А. А., А. А. Абдуразаков, И. В. Богданова-Березовская, В. Д. Рузанов. 1975. Химический состав металлических предметов из поселения Сапаллитепа // История материальной культуры Узбекистана 12: 72–84.

Аскаров, А. А., И. В. Богданова-Березовская. 1972. Металлические изделия из поселения Сапаллитепа (результаты химического анализа) // Общественные науки в Узбекистане 10: 59–64.

Егорьков, А. Н. 2001. Особенности состава металла Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла: 85–103. Санкт-Петербург.

Егорьков, А. Н., А. Я. Щетенко. 1999. Состав металла поселения эпохи поздней бронзы Текхем-депе (Южный Туркменистан) // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини 3: 39–43. Київ.

Клер, А. М. 1979. Химический состав некоторых бронзовых изделий из поселения Алтын-депе (Южный Туркменистан) // Каракумские древности VIII: 122–124. Ашхабад.

Кузьмина, Е. Е. 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // Свод археологических источников В4-9. Москва: Наука.

Наумов, Д. В. 1968. Химический состав металлических предметов некоторых памятников Южного Туркменистана // Каракумские древности II: 57–60. Ашхабад.

Наумов, Д. В. 1970. Химический состав некоторых предметов Южного Туркменистана // Каракумские древности III: 244–245. Ашхабад.

Хлопин, И. Н., В. А. Галибин. 1990. Древнегирканский очаг металлообработки (конец V – конец II тыс. до н.э.) // Известия АН Туркменской ССР 5: 88-90.

CHEMICAL COMPOSITION OF BRONZE AGE AND IRON AGE METALS FROM SOUTHERN TURKMENISTAN

A. N. YEGORĬKOV, A.YA. SHCHETENKO

A number of publications have been dedicated to analyses of the compositions of metal in objects found at different South-Turkmenian sites. The results of these analyses have been summarised in a recently published paper (Егорьков 2001) in which were presented almost four hundred analyses of the composition of metals from Altyn-Depe – a Middle Bronze Age (3rd mil. BC) settlement in Southern Turkmenistan. The majority of these samples are copper, though also arsenical copper or bronze, lead bronze and copper with relatively high joint contents of arsenic and lead have been identified. Only few samples may be formally classified as tin bronze, but this fact is not surprising since tin bronze appeared in any significant amounts in Southern Turkmenistan only in the beginning of the Early Iron Age (Егорьков, Щетенко 1999). Many of the samples displayed fairly marked manganese contents, and generally, metals from Altyn-Depe have low contents of nickel. In order to widen the range for comparison of metals from Altyn-Depe, recently a series of analyses have been performed on samples obtained during excavations of 1968–1988 conducted by A.Ya. Shchetenko at different settlements of the Akhal Velayat (formerly the Kaakhka Region): the complex of Shabalinsky, Namazga-Depe, Shor-Depe, Taichanak-Depe, Tekkem-Depe, Bezymianny Kholm, and Abiverd (Fig. 1). The analyses were carried out by A.N. Yegor'kov using a technique of optical emission spectrography described earlier (Егорьков 2001: 85, 86). The numbers of objects represented in Fig. 2 correspond to those in Table 1, in which the results of the analyses are summarized.

Although a rather small number of samples have been available for these studies, the results of the identifications predominantly coincide with those published on metals from Altyn-Depe (Егорьков 2001). The common features of the composition of all the examined Bronze Age and Early Iron Age metals from Southern Turkmenistan include a constant content of arsenic, the presence of tin only in certain samples younger than the objects from Altyn-Depe, and the absence of zinc alloys (the small amounts of zinc found in a few samples being evidently a natural ore admixture).

Samples **1** and **2** from the complex of Shabalinsky differ slightly from the others in their higher contents of iron and smaller contents of lead. The high percentage of iron is possibly caused by incomplete slagging of the smelted metal, while the contents of lead do not exceed significantly the levels registered in any objects from Altyn-Depe.

Among the metals from Namazga-Depe (Table 1: 3–9), samples **6** and **7** (cast seals) are distinguished by their higher contents of lead. Such increased percentage of lead in cast objects, which did not need any finishing by forging, has already been noted long ago in Altyn metals (Наумов 1970: 244, 245; Клер 1979: 123). The same is true also of seals from other South-Turkmenian sites (Кузьмина 1966: 103).

Табл. 1. Состав металла южнотуркменистанских памятников (основа – медь), %.

Table 1. Chemical composition of the investigated artefacts (copper taken as the basis), %.

Notwithstanding a rather small number of samples from Shor-Depe (Table 1: 10–12), judging by the metal composition of sample **12** we may suppose that seals were cast not only from metal with high content of lead but from alloys poor in lead too, as it was also the case with some seals from Altyn-Depe. Moreover, the sample mentioned above showed a relatively high percentage of antimony which possibly was used intentionally as suggested by the composition of metals from Altyn-Depe (Егорьков 2001: 87, 88).

The most extensive and diverse information on the composition of metal was yielded by analyses of objects from Taichanak-Depe. Thus sample **13**, supposedly dating to the Early Iron Age, demonstrated the use of tin as a doping material. Tin alloys are practically absent among metals from Altyn-Depe, although they had become quite common in Southern Turkmenistan by the beginning of the Early Iron Age (the arsenic copper and bronze still remaining predominant), as implied by metals from Tekkem-Depe (Егорьков, Щетенко 1999). The composition of the Taichanak alloys also show high contents of both arsenic and lead (samples **14**, **15**, and **24**). This fact has already been registered before (Наумов 1970) and is in complete correspondence with quite a number of analogues from Altyn-Depe. The causes of the joint presence of arsenic and lead may be suggested only very tentatively (Егорьков 2001: 89). Such alloys, at least in those cases where it is possible to arrive at a judgement, were used for casting objects which did not demand any subsequent forging, in particular, such as seals and bracelets.

Alloyed with tin proved to be also sample **25** from Tekkem-Depe (awl) dated to the turn of the Late Bronze and Early Iron Ages. As mentioned above, by that period tin bronze had come into extensive use (Егорьков, Щетенко 1999), as has been registered also in the case of South-Western Turkmenistan (Хлопин, Галибин 1990).

Stating the considerable similarity in the composition of metals of the Bronze Age throughout Southern Turkmenistan, we must nevertheless note certain differences. Thus samples **1** and **14** demonstrated fairly high percentage of nickel while objects from Altyn-Depe predominantly contain small amounts of this metal. Yet the most peculiar feature of all the samples under consideration is the fact that none of them has a content of manganese exceeding several hundredth percent, while some samples from Altyn-Depe contain much more manganese, amounting to the levels close to 1%. The increased contents of manganese in copper and its alloys is usually considered as an indication that such copper was smelted from cuprous sandstone, of which a few pieces indeed have been found at Altyn-Depe. This result, though, may be caused just by too small a number of the samples examined.

The other results represented in Table 1 are related to samples much more younger than the Bronze Age. These yield us a possibility (albeit fairly limited due to the small number of the samples analysed) to trace the development of the composition of alloys with time. Thus the metal of a bowl of the Iron Age (sample **26**) from Bezymianny Kholm is tin bronze of high quality with low content of impurities. Medieval metals from Abiverd display variations caused by the purpose of the objects. They include both copper of good quality (sample **27**) and some metals containing a set of admixtures which taken individually may serve as alloying agents (sample **28**). The latter sample is a distinctive parallel to the metal of a knife (?) from Altyn-Depe which contains the same set of admixtures in concentrations exceeding 1%, except for antimony, the percentage of which, though, is also fairly high – 0.8% (Егорьков 2001: 95, sample 86). Such a coincidence confirms that the object mentioned above, found on the surface of Altyn-Depe, was justly dated to the period much later than the Bronze Age.

The late medieval jug from Abiverd represented in Fig. 3 (samples **29**–**36**), the body of which was riveted from several flat copper bars, distinctly demonstrates the use of special alloys for its different parts. The copper of the body (sample **30**) and spout (sample **31**) which demanded mainly plasticity was of extreme purity (in Table 1 no admixtures are shown, since only the element contents exceeding 0.01% are accepted as significant). The other parts of the jug, according to their intended structural or decorative purposes, were made either from impure copper (sample **29**) or bronze (sample **32**) or brass (samples **33**–**36**). The composition of these alloys shows that fairly diverse materials including those obtained using certain high technologies were available to the masters-chasers who made this jug.

Of great interest is a comparison of the composition of metals from Altyn-Depe and other sites in Southern Turkmenistan with materials from different Bronze Age sites in Central Asia, in particular the settlement of Sapalli-Tepe in Uzbekistan. Sapalli-Tepe is situated in the Sherabad steppe, the Surkhan-Darya Region, near the village of Sovetabad, on the bank of the small Ulanbulaksai River. The settlement was excavated by A.A. Askarov and dated to the first quarter of the 2nd millennium B.C., *i.e.* the period slightly later than that of Altyn-Depe. A considerable number (more than 70) of analysed metal samples from Sapalli-Tepe (Аскаров, Богданова-Березовская 1972; Аскаров *et al.* 1975) constitute a reliable basis for a comparison. The analyses were conducted in LOIA by analyst D.V. Naumov using the emission spectrography in 1970 and 1973. The younger age of the site and its closeness to the well-known tin-ore deposit in the upper reaches of the Zeravshan River (Кузьмина 1966) determined an appreciable peculiarity of the composition of its metals. Thus the type of copper which predominated at Altyn-Depe was found only in two samples. Moreover, although arsenic is invariably present in the metals from Sapalli-Tepe, nevertheless considerable admixtures are represented here by tin, the contents of which amount to or exceed 1%. It is also clear that the ancient smelters knew about the similarity of properties of copper alloys with tin and arsenic and therefore they tried to do with a single alloying component, so that a high percentage of tin is usually accompanied by a low content of arsenic, and *vice versa*. Characteristic of the Sapalli metals is also the occurrence of several samples with increased content of nickel amounting in its maximum to several tenth percent. The ratio of nickel and copper in the smelted

metal corresponds to that in the initial ore and therefore is an indication of its nature. On the contrary, in Altyn metals, as mentioned above, the content of nickel is fairly low. The use of other sources of copper ore as compared to those at Altyn-Depe is implied also by the absence of manganese in the metals from Sapalli-Tepe.

Due to the small number of the analyses, the revealed correspondences and differences in the composition of metals from the sites in Southern Turkmenistan under discussion should be considered just as the first steps for the formation of more general ideas about the character of ancient metal. More extensive analyses of the composition of metals from sites elsewhere will allow us to acquire more detailed knowledge of the features of the ancient metal from the south of Central Asia and its place among the ancient metallurgic systems of Central Asia, Caucasus and the Middle and Near East.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОГО КРЫМА

А. К. КАСПАРОВ[1]

Особенности совместной работы археолога и палеофауниста привлекали к себе внимание исследователей еще в то время, когда археозоология только начинала становиться самостоятельной научной дисциплиной. Уже тогда было понятно, что «При подходе к систематической обработке органических остатков сразу становится ясной разница в системе мышления гуманитарной и естественно-исторической. Методы естественных наук заставляют базироваться вначале на частностях и путем индукции дойти до более широких вопросов. В то же время археологи, вработавшиеся в свою область исторического времени, в силах дать темы широкого обобщающего значения, при разработке которых натуралист будет работать как эксперт… Задача натуралиста – отметить, систематизировать археологический материал, подойти к нему со своей естественно-исторической подготовкой. В этом случае детали, ускользающие от историка и археолога… могут проявиться в полной степени и часто изменить смысл и значение факта и свидетельства» (Тихий 1922: 51).

Трудности правильной интерпретации костных материалов археологических памятников Восточного Крыма не являются сугубо специфическими для этого региона. При работе с результатами остеологических определений исследователь сталкивается здесь с теми же проблемами, что и в любом другом регионе, в случае если речь идет о работе с материалами из поселений исторического времени. Костные остатки на таких поселениях не являются массивом пищевых отбросов, просто оставленных на месте утилизации, как часто бывает на памятниках эпохи камня. Механизмы их накопления весьма разнообразны: случайное попадание в культурный слой костей павших или забитых животных; сознательное складирование костного сырья или отходов кулинарной разделки и др. Подобная «многоликость» костного материала усложняет интерпретацию полученных данных.

Самой известной и не раз обсуждавшейся проблемой, о важности (или неважности!) которой продолжают дискутировать специалисты, является определение минимального количества особей и степень его соответствия реальности. Примерно два или три десятилетия назад этот показатель считался чрезвычайно важным, и исследователи настойчиво пытались разработать методики его достоверного исчисления (См. например: Krants 1968; Бёкони 1969; Chaplin 1971: 250; Ducos 1975; Klein 1984). К настоящему моменту уже никто не сомневается, что минимальное количество особей – абсолютно условная величина, не имеющая отношения к числу животных, забитых на поселении за определенный период времени, некий условный коэффициент, косвенно отражающий значение того или иного вида в хозяйственной жизни древних обитателей. Это обстоятельство уже отмечалось при анализе материалов из Северного Причерноморья (Антипина 1999).

При этом следует помнить, что археозоологическая выборка всегда является очень малой частью танатоценоза, который она представляет, вследствие того, что памятники редко раскапываются полностью, и огромное количество костного материала просто не доходит до исследователя по объективным тафономическим причинам. Так, шанс, что конкретная особь из археозоологического танатоценоза будет представлена в коллекции хотя бы одной костью равен примерно 0,5, а вероятность того, что от него дойдет до нас n-количество костей, равна 0,5 в степени n, то есть 0,25 для двух костей, 0,125 для трех, 0,062 для четырех и т. д. (Gautier 1984: 240). Таким образом, можно сделать парадоксальный вывод: в действительности минимальное количество особей равно количеству определимых костей, так как чрезвычайно мала вероятность того, что одно животное будет представлено в выборке несколькими костями и, следовательно, будет учтено несколько раз.

Это не противоречит реальной ситуации. Так, на античном поселении Нимфей, расположенном в черте города Керчи, минимально возможное количество коров, забитых в течение 200 лет (IV–III вв. до н. э.), составляет около 15 особей, а количество их костных остатков за тот же период – 1350. Между тем, площадь этого крупного Боспорского города, по мнению некоторых исследователей (Худяк 1962: 10), составляла тогда примерно 9 га, а численность населения не менее двух-трех тысяч человек. Для сравнения: в раннесредневеком Херсонесе проживало 5–6 тысяч (Якобсон 1961). Если руководствоваться палеоэкономическими реконструкциями, средними нормами потребления мясной пищи и количеством мяса с одной коровьей туши, приводимыми в некоторых работах (Гаврилюк 1999; Круглікова 1975; Кардин 2000; Clason 1973), то в течение этого времени

[1] Россия, 198181. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологической технологии.

© А. К. Каспаров, 2004

для обеспечения такого количества людей мясной пищей потребовались бы тысячи голов крупного рогатого скота, причем учитывая, что примерно треть мясного питания составляли мелкий рогатый скот и лошади. Вычисленная для Нимфея цифра 15, как видим, абсолютно нереальная, условная величина.

Это, разумеется, справедливо только для основного массива костных материалов из культурного слоя. В конкретных контекстах – мусорных ямах, захоронениях, курганах и т.п. ситуация может быть совершенно иной. На том же поселении Нимфей были открыты хозяйственные ямы, где минимальное количество особей животных (как правило, от одного до трех) полностью соответствовало имеющемуся набору костных остатков и по разным элементам скелета давало одинаковое значение. В этом случае минимальное количество особей соответствует реальности и становится важным показателем, отражающим объем и тип животноводческой деятельности конкретной социальной группы на протяжении времени функционирования данной хозяйственной ямы. По археологическим данным этот период устанавливается достаточно точно. Но это – некая специфическая ситуация.

При общем подсчете костных материалов по разным видам так же может возникнуть проблема учета найденных костей в том случае, когда в культурном слое обнаруживается целый или почти целый скелет животного. Если при статистической обработке материала эти кости включить в общее количество костей, то, представляя остатки одного, конкретного животного, они сильно исказят полученную картину. Так, например, несколько зайцев, случайно добытых в течение трехсот лет существования какого-либо населенного пункта, при формальном включении всех костей их скелетов (если они найдены целиком) в общее количество фаунистических остатков превратятся в чуть ли не основной источник мясной пищи по сравнению с количеством разрозненных элементов других видов животных. С другой стороны, проводить сравнение между видами по минимальному количеству особей в данном случае также не достоверно. Минимальное количество особей, как отмечалось выше, условная величина, в десятки раз меньшая числа определимых остатков. На поселении за такое время в действительности было забито во много раз больше животных. Таким образом, сравнивая виды по минимальному количеству особей, мы будем сравнивать условные величины по одним видам с вполне реальными данными по тем видам, особи которых представлены целыми скелетами, что также исказит полученную картину. Правильнее считать целый скелет отдельной находкой и включать в общее число костных остатков как одну единицу, поясняя это в тексте работы при публикации материала.

Следующей проблемой, которая может сильно осложнить трактовку остеологических результатов, является разделение диких и домашних форм одного и того же вида или почти сходных видов, если одомашненное животное признано за самостоятельный вид. На памятниках античного Крыма такими видами-«двойниками» являются кабан и домашняя свинья, волк и крупная собака, а также, возможно, лошадь и тарпан, который мог в то время водиться в причерноморских степях. Отличить некрупную особь дикой свиньи от домашней формы по обломкам костей посткраниального скелета чрезвычайно затруднительно. Признаком, хорошо маркирующим наличие остатков дикой свиньи на поселении, являются кости и зубы крупного размера и мощные клыки самцов-секачей. И те, и другие несомненно присутствуют на античных поселениях Восточного Крыма. Известно, что охота на кабана практиковалась в античное время (Ермолов 1979: 64). В некоторых работах приводятся изображения сцен охоты на кабана с собаками (Чубова, Иванова 1966: рис. 142), в том числе и в Крыму (Цалкин 1954: 279, рис. 5). Определить реальные объемы этой охоты по костным остаткам невозможно, поскольку достоверно распознаются только самые крупные и морфологически характерные экземпляры. Вероятно, масштаб охоты был не очень велик, потому что охота на кабана довольно опасное занятие даже сейчас при наличии мощного и технологически совершенного огнестрельного оружия. В античное время она, скорее всего, была уделом наиболее умелых охотников, не боявшихся идти на риск. Содержание домашних свиней было, разумеется, гораздо проще, безопаснее и экономически выгоднее. Наличие свиноводства в античном Причерноморье отмечалось и древними авторами (Цалкин 1960: 59), однако всегда следует учитывать тот факт, что среди остатков домашних свиней находятся, возможно, и остатки дикой формы, которые не удалось распознать.

Наличие на некоторых памятниках костей крупных псовых позволяет предполагать охоту на волка. Однако волки южной части ареала в среднем мельче, чем центральной и северной. В этом случае также трудно отличить кости некрупного дикого волка от большой домашней собаки. Охота на волков, видимо, была эпизодической. Правильное определение этих остатков имеет большое значение и для выяснения пород домашних собак античных поселений Причерноморья. В целом, тип домашней собаки из греческих полисов и скифских поселений Крыма довольно стандартен. Это некрупная форма, размером примерно с карельскую лайку, с основной длиной черепа в среднем 162 мм (Цалкин 1960) и, как можно судить по изображениям, с закрученным наверх некупированным хвостом и висячими небольшими ушами. При этом во второй половине I тыс. до н. э. в Египте и Средиземноморье уже существовали породы собак больших размеров, выведенные для сторожевой и боевой службы (Shawki 1955; Reed 1960). Ответ на вопрос о том могли ли эти породы попадать из Средиземноморья на северные окраины Ойкумены (?) всецело зависит от трактовки найденных крупных остатков псовых хищников. До сих пор не найдено достоверных остеологических, археологических или документальных доказательств (свидетельств древних путешественников и историографов) того, что крупные собаки служебных пород были в Крыму. Даже в столице мощного Боспорского цар-

ства Пантикапее среди более чем трех тысяч определимых фрагментов обнаружено всего две таких крупных кости, причем они происходят из слоев, разница между которыми составляет более трехсот лет. Остатки подобного рода, учитывая их размеры и массивность, определялись нами как кости волка.

Присутствие среди костных остатков лошади костей тарпана является уже проблемой зоогеографической. Наличие и использование большого количества домашних лошадей в античных хозяйствах несомненно, а тарпан не мог оказывать серьезного влияния на хозяйственную деятельность населения эпохи раннего железа. Возникает вопрос – мог ли тарпан, обитавший в Причерноморье на рубеже голоцена, дожить до античного времени, как это произошло, например с сайгой и куланом, кости которых находились на древних поселениях Крыма не раз (Цалкин 1954, 1960; Каспаров 1996)? Достоверного ответа на этот вопрос пока нет.

При работе с остеологическими материалом крайне важно учитывать археологический контекст, из которого происходит данная часть коллекции. Специфика происхождения фаунистических материалов в значительной мере определяет реконструкцию жизненного уклада на изучаемом поселении. Наиболее показательны в этом отношении хозяйственные ямы, представляющие собой сравнительно хорошо датированные закрытые комплексы. В Нимфее, где фаунистические исследования проводятся уже в течение десяти лет, состав костной коллекции из хозяйственных ям за время с конца классического до римского периода меняется иначе, чем в целом на городище. Так, процент костей лошади в культурных слоях римского времени растет, в ямах же не меняется, процент костных остатков коровы увеличивается в культурных слоях незначительно, а в хозяйственных ямах заметно возрастает. Процент костей мелкого рогатого скота в культурных слоях сильно падает, в ямах же уменьшается незначительно. Кости собак в культурных слоях римского времени встречаются реже, чем в слоях классического, в ямах же исчезают совсем!

Различие костного состава в разных контекстах объясняется тем, что в культурных слоях сохраняются остатки всех животных, бывших на поселении, в том числе и павших, и использовавшихся как тягловая сила или содержавшихся в каких-то культовых целях. Остатки же в хозяйственных ямах – почти исключительно пищевые отбросы, отражающие кулинарные приоритеты некоторых групп населения.

Лошадей на поселении Нимфей в римское время стало больше потому, что население сильнее варваризовалось, но в пищу конина вряд ли употреблялась в больших масштабах, поскольку не было недостатка в говядине. Вероятно, на лошадях стали больше ездить и перевозить поклажу, вследствие чего количество их костей в культурных слоях увеличилось, между тем, как среди пищевых отбросов – не изменилось.

Количество мелкого рогатого скота, судя по костным остаткам, уменьшается к римскому времени, но его мясо по-прежнему занимает место в рационе, хотя и в меньших масштабах. К концу классического периода, вероятно, возросло количество бродячих собак, а к первым векам нашей эры их стало меньше. Мясо собак едва ли употреблялось в пищу. В ямах позднеклассического периода собачьи кости встречаются как непищевой мусор, а в ямах римского времени – практически отсутствуют, хотя в культурных слоях этого времени они сохранились.

На данном примере видно, насколько детально можно судить об изменении жизненного уклада на поселении при сравнении материалов из различных контекстов. Будучи включенными в общий массив данных, материалы из хозяйственных ям почти не повлияли бы на общее процентное соотношение в фаунистическом списке, так как составляют едва ли десятую часть всего количества костей, вследствие чего и многие детали жизненного уклада ускользнули бы от внимания исследователей.

В связи с этим большое значение приобретает тесный контакт эксперта-археозоолога с археологами. Правильная интерпретация последними археологических контекстов также очень важна. Любая ошибка, допущенная археологами, приведет к еще большей ошибке в трактовке материала исследователем-фаунистом и искажению представлений о хозяйстве обитателей памятника. Совершенно неправильной представляется поэтому так называемая работа «вслепую», когда специалист определяет костные материалы в камеральных условиях, без ознакомления с археологическими контекстами памятника и выдает коллегам археологам общий фаунистический список или список по отдельным пакетам, не понимая специфики их происхождения.

Особо следует сказать об остатках поминальных трапез, обнаруживаемых при раскопках как некрополей, так и отдельных могил или курганов. Костные остатки на этих памятниках отражают не кулинарные приоритеты, а некие культовые традиции данного ритуала. По таким фаунистическим остаткам нельзя формально судить о характере скотоводства и охоты. Например, на некрополе поселения Илурат (I-III вв. н. э.) заметное количество костных остатков принадлежит чомге – птице абсолютно несъедобной, на некрополе поселения Китей (I–IV вв. н. э.) – большому баклану (Каспаров 1996). Обе птицы, в особенности чомга, в обычной ситуации в пищу не используются, как и большинство остальных (орлан-белохвост, болотный лунь и т. п.). Логично предположить, что эти птицы не разводились в хозяйствах и не употреблялись в пищу на поминальных тризнах, а приносились в жертву, то есть предпочтение в этом ритуале отдавалось дикой птице. Млекопитающие в остатках таких тризн, как правило, представлены малосъедобными частями туш – концевыми частями конечностей, обломками нижних челюстей и т. д., что связано, вероятнее всего, с символическим значением трапез, а не бедностью населения.

Следует также обращать внимание на то, какими составными частями скелета представлено животное в материалах. Например, на крупных городских поселениях Крыма нередки остатки благородного оленя, представленного исключительно фрагментами

рогов зачастую со следами распиловки на части. Это позволяет предположить, что благородный олень не был объектом охоты жителей крупных боспорских центров. На него охотились скифы или, возможно, жители поселков на хоре, приносившие на городские рынки оленьи рога как сырье для костерезного дела. Действительно, на городищах Нимфей и Пантикапей найдено много сделанных из оленьего рога декоративных резных предметов и рукояток ножей.

В заключение следует отметить, что в данной статье упомянуты не все проблемы, возникающие перед исследователем при работе с костными материалами. Однако те вопросы, которые удалось осветить, возникают чаще всего, и успешное их решение имеет первостепенное значение для правильной интерпретации костных материалов археологических памятников в любом регионе.

Антипина, Е. Е. 1999. Проблемы интерпретации археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья // Тезисы докладов Международной конференции «Скифы Сев. Причерноморья в VII–IV вв. до н. э.»: 72–74. Москва: Институт археологии РАН.

Бёкони, Ш. 1969. Новый метод вычисления количества особей животных в остеологическом материале из археологических местонахождений // Бюллетень Московского общества испытателей природы (отдел биологический) 74/6: 34–39. Москва.

Гаврилюк, Н. А. 1999. История экономики степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев: Издательство ПТФ.

Ермолов, Л. В. 1979. Охота на кабана в скифское время // Тезисы докладов всесоюзной конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: 64–65. Кемерово.

Кардин, Н. Н. 2000. Хозяйственная деятельность населения Иволгинского городища // Вестник Дальневосточного отделения РАН 6: 111-121.

Каспаров, А. К. 1996. Фаунистические остатки с некрополей боспорских городов Indrat и Китей // Материалы конференции «Животные и растения в мифоритуальных системах»: 38–40. Санкт-Петербург: Государственный музей истории религии.

Кругликова, И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. Москва: Наука.

Тихий, М. И. 1922. Задачи биологического разряда // Известия Института археологической технологии 1: 49–52.

Худяк, М. М. 1962. Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э. Ленинград: Наука.

Цалкин, В. И. 1954. Домашние и дикие животные из Неаполя Скифского // Советская археология 20: 253–287.

1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // Материалы и исследования по археологии СССР 53: 7–109.

Чубова, А. П., А. П. Иванова. 1966. Античная живопись. Москва: Искусство.

Якобсон, А. Л. 1961. О численности населения средневекового Херсонеса // Византийский временник 19: 16–22.

Chaplin, R. E. 1971. The study of animal bones from archaeological sites. London and New-York.

Clason, A. T. 1973. Some aspects of stock-breeding and hunting in the period after the bandceramic culture north of the Alps // Domest. Forschung und Geschichte der Haustiere. International Symposium in Budapest 1971: 205–212. Budapest: Akademiai Kiado.

Ducos, P. 1975. Analyse statistique des collections d'ossements d'animaux // Archaeozoological Studies. American Elsevier: 35–44. Amsterdam / New-York.

Gautier, A. 1984. How do I count you, let me count ways? Problems of archeozoological quantification // Animals and Archaeology. Husbandry in Europe. B. A. R. Intern. Ser. Grigson C., Clutton-Brock J. (Ed.). Vol. 227: 237–252. Oxford.

Krantz, G. S. 1968. A new method of counting mammal bones // American Journal of Archaeology 72/3: 286–288.

Reed, C. 1960. A review of the archaeological evidence of animal domestication in the prehistoric Near East // Braidwood R.J., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan: 170–178. Chicago.

Shawki, M. Y. 1955. Canis familiaris aegyptica from predynastic Maadi, Egypt // L'Institute d'Egypte. Bulletin 36: 105–109.

SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION OF FAUNAL REMAINS AS SHOWN BY ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE EASTERN CRIMEA

A. K. KASPAROV

The article deals with problems of *interpretation* of palaeofaunistic identifications of bones from different archaeological *sites*. The most general index which is obtained on the basis of the amount of similar bones in an assemblage, the sizes of fragments and the individual age of animals, is the minimum number of individuals (MNI). However, this index is in fact rather arbitrary and, as a rule, smaller than the real value, reflecting the reality only in single cases.

Moreover, we should remember that any archaeozoological sample is quantitatively a very small part of the thanatocoenosis it represents, both because few sites are excavated completely, and because huge numbers of bones do not get into hands of a researcher for certain taphonomic reasons. The probability that a particular individual from a archaeozoological thanatocoenosis is represented among the collection by at least a single bone is approximately 0.5. Respectively, the probability of obtaining *n* bones for examination equals to 0.5 in the *n*th power, *i.e.* 0.25 for two bones, 0.12 for three, 0.062 for four, and so on (Gautier, 1984). Thus a paradoxical conclusion can be drawn that the minimum number of individuals is practically equal to the number of identifiable bones, since the probability of an animal being represented

in the sample by several bones, and therefore counted repeatedly, is extremely small.

The general calculation of bones of particular species also may lead to the problem of accounting osteological finds in the case where a complete or almost complete animal skeleton is discovered in a cultural layer. If such bones, which are the remains of a single individual, are included into the general number during the statistical calculation, they would distort badly the results. For instance, a few hares preyed by chance for three hundred years of the occupation of a site, if all bones of their skeletons are added to the general sum of the faunal finds, would indicate hare as perhaps the main source of meat as compared with single skeletal fragments of other animal species. On the other hand, a comparison of species on the basis of MNI in the given case is also unreliable, because MNI is a conventional value several dozen times smaller than the number of identifiable remains. Undoubtedly, many more animals must have been slaughtered at the settlement for the period discussed. Hence, if we compare species according to MNI we compare certain conventional values as regards some species with the real data related to those species which are represented by a number of complete skeletons. The results thus obtained are also distorted. It seems reasonable to account a complete skeleton as a single find adding it as one item to the general number of bones with corresponding notes recorded in the report.

A further problem which makes interpretation of osteological data much more difficult is that of identification of wild and domestic forms of the same or very similar species in those cases where the domesticated animal has been assumed to be an individual species. The main indications in such a situation are the absolute number of the bones found and their statistics. In the cases where the wild species does not differ in its size from the domesticated breed (*e.g.* wild and domestic horse), the presence of domesticated forms is identified by archaeological evidence – representations, finds of parts of harness, documents, *etc.*

We must also pay attention to peculiarities of the archaeological contexts from which our osteological collections come. This will enable us to reconstruct more completely the mode of life at the sites studied. Indicative examples of this are storage pits representing closed complexes of a clear genesis and often reliably dated. The main feature of osteological finds from pits as compared with those from cultural layers is that they have been accumulated during a relatively short period of functioning of the pits and represent bones of particular animals slaughtered by definite groups of individuals. With a fair degree of probability such remains may be considered as food refuses. For that reason, the minimal number of individuals probably does not differ much from the real value there, whereas in cultural layers this index is fairly arbitrary.

The percentage of principal animal species in storage pits generally differs from that in cultural layers. This difference of osteological composition is to be explained by the fact that in cultural layers were buried remains of any animals kept at the settlement, including dead or draft animals, or even those bred for some ritual purposes. By contrast, in storage pits these are mostly food remains reflecting culinary priorities of certain groups of population. The above considerations are illustrated here by the example of the town of Nymphaeum in the eastern Crimea, which is dated to the period from the 4th–3rd cen. B.C. to the first centuries of this era. Would materials from storage pits have been included into the total mass of data they would have almost no influence on the percent ratios of the faunal finds, accounting hardly for one tenth of the total number of bones, and thus many details of the town's life would have been overlooked. The example of Nymphaeum demonstrates how exactly we may judge about changes in the life mode of some population by comparison of materials from different contexts if we take into account the principal difference of their origins.

We must draw attention also to that by what kind of osteological remains a particular animal is represented. For instance, antlers of red deer, often sawn into parts, are fairly common finds at large urban settlements in Crimea. Such character of the remains suggests that red deer were hunted not by dwellers of large Bosporan centres, but rather by Scythians or inhabitants of different settlements in the *chora*, who brought the antlers to the city markets as raw material for bone carvers. Many decorated carved objects, including knife-handles, from Nymphaeum and Panticapaeum are made from antler.

In this article it is emphasized that a close collaboration of an expert-archaeozoologist with archaeologists and the correct interpretation of archaeological contexts by the latter are of special importance. From any mistake made by archaeologists follows still a greater error in treatment of the material by the faunist, distorting our conceptions of the economy of the site's occupants. Therefore, it seems quite a wrong approach for an expert to work 'blind' identifying osseous remains in laboratory conditions without having examined the archaeological contexts of the site, and to present to his colleagues-archaeologists a general faunal list or lists of particular packets of finds without taking their provenance into account.

ПРАЗДНИКИ АПОЛЛОНА НА БОСПОРЕ И В ОЛЬВИИ

М. В. СКРЖИНСКАЯ[1]

В древности регулярные и экстраординарные праздники играли гораздо более важную роль, чем в новое время. Теперь они превратились, по большей части, в декоративный элемент быта города и деревни, а в античности праздники были всегда так или иначе связаны с религией, консолидировали людей перед лицом почитаемых отеческих богов и составляли структурообразующий фактор общественной жизни. Изучение того, как проводились праздники и как относились к ним все члены общества, характеризует народ не меньше, чем исследования политической, экономической или военной истории (Маринович 1998: 295).

Милетские поселения в Нижнем Побужье и на Боспоре Киммерийском в начальный период существования справляли сходные религиозные празднества, повторявшие многие ритуалы, принятые в метрополии. Со временем Ольвийское государство и Боспорское царство пошли по разным путям своего исторического развития. Это сказалось и на характере праздников, посвященных Аполлону.

Установление культа богов и, соответственно, праздников с исполнением определенных ритуалов считалось у эллинов одной из первостепенных задач при основании новых поселений. Эта черта греческой колонизации отразилась уже в «Одиссее» Гомера, описавшего переселение феаков на новые земли:

> ... божественный вождь Навсифой поселил их
> В Скерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
> Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
> Храмы богам их воздвиг, разделил их поля и участки.
> (*Od. VI, 7–10*; перевод В. А. Жуковского)

Таким образом, греки включали устройство религиозных празднеств в число столь же необходимых и первоочередных дел, как постройка жилищ, оборонительных сооружений и раздел земли внутри и вокруг города. Сразу же часть земель отводилась под теменосы, священные участки, на которых справляли праздники. Теменосы постоянно благоустраивали, украшая их храмами, алтарями и статуями. Это хорошо прослеживается на примере археологических остатков Центрального теменоса Ольвии. Там в VI в. до н. э. на священном участке Аполлона Дельфиния стояли примитивные культовые сооружения, и была высажена священная роща. В V в. до н. э. ольвиополиты поставили небольшой храм и алтарь из известняка, а в IV в. до н. э. вместо старого построили вдвое больший храм и новый алтарь, облицованный мрамором (Карасев 1964: 32–85).

До отправления на новую родину считалось необходимым запросить оракул Аполлона (Graham 1964: 26–39). Ведь греки почитали этого бога в качестве основателя городов и предводителя экспедиций, выводивших колонии, поэтому ему давали соответствующие эпиклезы ἀρχηγέτης и κτίστης. По большей части эллины обращались к Дельфийскому оракулу (Parke 1956: 30–45), но милетяне в VI в. до н. э. получали напутствие у Аполлона Дидимского (Русяева 1986: 29). Его святилище располагалось в местности Дидимы недалеко от Милета, и жрецами там были видные граждане города. В середине VI в. до н. э. в Дидимах был сооружен один из лучших храмов того времени (Пичикян 1984: 91–92). Близ него из расщелины в скале вытекал источник; из него, как и в Дельфах, поднимались одурманивающие испарения, приводившие жреца в экстаз, во время которого он произносил веления бога (Akurgal 1969: 222–226). Оракул славился не только среди греков. Свои пожертвования Аполлону присылали сюда египетский фараон Нехо и лидийский царь Крез, причем последний передал в Дидимы такие же дары, как в Дельфы (Her. I, 92; II, 159). В 494 г. до н. э. персы разрушили храм (Her. VI, 19); его заново выстроили только в IV в. до н. э., и тогда оракул возобновил свои пророчества.

Предполагается, что в VII–VI вв. до н. э. дидимские жрецы учредили особый культ Аполлона для колонистов, переселявшихся на северные и западные берега Понта. Новая ипостась Аполлона Врача (Ἰατρός или в ионической форме Ἰητρός) была генетически связана с Аполлоном Дидимским и включала в себя черты бога, имевшего в метрополии эпиклезы Гиперборейский и Стрелок. Изображения Врача получили те же атрибуты (лук и стрела), которые характерны для Аполлона Дидимского; колонисты считали Врача покровителем основанных ими городов и защитником от всяческих несчастий (Толстой 1904: 12–13; Русяева 1992: 31–40; Сударев 1999: 213).

Аполлон Врач часто упоминается в эпиграфических памятниках названного региона, но ни разу не встречается в надписях за его пределами. В сохранившихся литературных источниках, бесчисленное количество раз писавших об Аполлоне, его эпиклеза Врач названа лишь у двух поэтов: в «Птицах» Аристофана (ст. 584) и в поэме « Александра» Ликофрона (ст. 1207, 11377), любившего использовать древние и мало известные варианты мифов. Эпиклеза Ἰατρός переводится на русский язык обычно как Врач, потому что таково наиболее распространенное значение этого слова. Однако, в эпиклезе заключен более широкий круг представлений о боге. Начиная с Гомера, античные авторы писали об Аполлоне как о благодетеле, защитнике от болезней и всяческих зол и отмечали существовавшие в разных городах эпитеты бога, близкие по смыслу эпиклезе Врач: Παιώνιος, Ἀλεξίκακος, Ἀποτρόπαιος, Ἀκέσιος и др. (Hom. Il. XVI, 528–531; Eur. Alc. 92; Soph. Oed. R. 154; Paus. I, 3, 4).

Праздники Аполлона Врача в Пантикапее и в Ольвии с самого начала существования этих поселений стали здесь главными городскими торжествами, в которых принимали участие все граждане, и таким

[1] Украина. 254210. Киев, пр. Героев Сталинграда, д. 12. Институт археологии НАН. Отдел античной археологии.

© М. В. Скржинская, 2004

образом праздник играл важную роль в единении общины. Основные праздничные ритуалы, зерятно, были определены еще дидимскими жрецами.

В начале V вв. до н. э. несколько независимых полисов на берегах Боспора Киммерийского создали военно-политический союз для защиты своих экономических интересов и для совместных усилий при угрозе вторжения местных племен. Центром объединения стал Пантикапей, и здесь одновременно возникла религиозная амфиктиония этих городов (Толстиков 1984: 46–47; Зубар 1997: 46–49). Со временем первоначально равноправные полисы оказались подвластными пантикапейским правителям, и так на обеих сторонах Керченского пролива образовалось Боспорское царство (*Каллистов 1949*: 193–197; Виноградов 1983: 404–420; Шелов-Коведяев 1985: *63–70; Васильев 1992: 11–128*).

Союзы, называвшиеся амфиктиониями (ἀμφικτίονες — *жители окружающих областей, соседи*), характерны для архаического и классического периодов греческой истории. Наиболее знамениты амфиктионии на Делосе и в Дельфах при храмах Аполлона. Первоначально члены амфиктионий собирались на общие празднества и защищали свой главный храм и находившиеся там сокровища. Праздничные собрания использовались также для совещаний на животрепещущие политические темы и для урегулирования разных спорных вопросов; со временем эта функция стала приобретать все более важное значение.

Образцом для боспорской амфиктионии, скорее всего, послужил союз, объединявший 12 ионийских городов на родине колонистов. Там в святилище Панионион проходили их общие религиозные празднества, упомянутые Геродотом (I, 148). Граждане многих окрестных городов собирались в Пантикапее на главный государственный праздник Аполлона Врача. Древнейшим боспорским памятником с упоминанием этого бога в настоящее время является пантикапейское граффито рубежа VI–V вв. до н. э. (Толстиков 1992: 69). Деятельность амфиктионии в V в. до н. э. подтверждается тем, что она чеканила монеты с легендой АПОЛ (Толстиков 1984: 47; Фролова 1995: 205–212), а также возведением в это время *на акрополе Пантикапея крупнейшего* в Северном Причерноморье храма. По мнению современных исследователей, одни Пантикапей *не мог* оплатить строительство столь большого сооружения, поэтому его *возвели на средства всех членов амфиктионии* (Пичикян 1984: 156–170).

Этот храм, также как ольвийский храм Аполлона Дельфиния, занимал господствующее положение в панораме города, открывавшейся перед взором мореходов, прибывавших сюда из многих государств Причерноморья и Средиземноморья. Архитектурные остатки здания позволяют в общих чертах представить его размеры и внешний облик. Монументальный храм Аполлона Врача достигал высоты 14 м; его фасад *украшали шесть колонн*, и скорее всего они окружали все сооружение, то есть это был периптер. *Наверное, к скульптурному декору храма V в. до н. э.* принадлежит уцелевший фрагмент мраморного фриза, исполненного одновременно с сохранившимися архитектурными деталями здания. Центр композиции фриза занимает Аполлон, рядом с ним находятся фигуры *Гермеса, Артемиды* и нимфы. Пространство около храма заполняли посвятительные скульптуры, *надписи* и дары богу (Блаватский 1957: 33; Пичикян 1984: 168–170, 177). Вероятно, боспоряне на праздниках перед храмом стремились в меру сил воспроизвести ритуалы, принятые в Дидимах: торжественные шествия, обильные жертвоприношения и состязания, в которых участвовали граждане городов, вошедших *в амфиктионию* (*Moretti* 1973: 126, № 49).

С древнейших времен и до конца эллинистического периода Аполлон Врач занимал ведущее положение в пантеоне богов Пантикапея и всего европейского Боспора, поэтому его праздники были главными государственными торжествами. *Династия* Спартокидов, долго правившая на Боспоре, считала *Аполлона Врача своим покровителем. В надписях V–*IV вв. до н. э. упоминаются члены царской семьи *и представители* боспорской аристократии, занимавшие должности жрецов этого бога (КБН 1965: № 6, *10, 25*). Они играли важнейшую роль на праздниках Аполлона, следя за правильным проведением ритуалов *и совершая* жертвоприношения. По окончании срока жречества они ставили посвятительные статуи *Аполлону, которые украшали* геменосы у его храмов в Пантикапее, Фанагории и Гермонассе. От этих статуй *сейчас уцелели лишь* постаменты с посвятительными надписями.

Менее пышные, чем в Пантикапее, праздники Аполлона Врача проходили в других боспорских городах. Граффити VI–V вв. до н. э. с посвящениями этому богу найдены в Мирмекии, Феодосии, Патрее (*Сударев 1999*: 215–216), они указывают на существование святилищ Аполлона, у которых проводились празднества. Лапидарные надписи IV–II вв. до н. э. из Фанагории и Гермонассы (КБН 1965: № 974, *985, 1037, 1044) свидетельствуют о* распространении главного пантикапейского культа и на азиатской стороне Боспора.

Посвятительные граффити говорят о том, что уже в первой четверти VI в. до н. э. в Борисфене справляли праздники Аполлона Врача и приносили дары в его святилище (Русяева 1992: 31). Подобные праздники появились *в Ольвии вскоре после ее основания*. Косвенные свидетельства о них имеются среди археологических памятников, найденных на Западном теменосе города; в первую очередь это остатки храмов Аполлона Врача, *называвшихся* Ἰητρεῖον (Русяева 1992: 33). Древнейший из них был сооружен *из дерева и сырцового кирпича в первой трети VI в.* до. н. э., а на рубеже VI–V вв. *до н. э. ольвиополиты построили новый более крупный* храм, простоявший целое столетие. С. Д. Крыжицкий сделал реконструкцию *здания, некогда украшенного привезенными* из Милета расписными терракотовыми деталями и увенчанного *известняковым акротерием. Этот* небольшой антовый храм ионического типа с двумя колоннами *по фасаду имел ширину 7 метров и вдвое* большую длину (Крыжицкий 1998: 170–190).

Таким образом мы имеем представление о двух храмах Аполлона Врача в Пантикапее и в Ольвии, перед которыми проходили главные жертвоприношения богу и другие торжества. Кроме того известен в общих чертах облик особо почитавшейся в Ольвии архаической статуи Аполлона Врача. Скульптура хранилась в городе много столетий, она существовала еще во II в. н. э., потому что ее изображение чеканилось на ольвийских монетах этого времени. Аполлон был представлен во весь рост, одной рукой он держал прислоненный к ноге лук со стрелой, а в другой – какой-то круглый предмет. По форме калафа, венчавшего голову бога, статуя датируется началом или серединой VI в. до н. э. (Карышковский 1986: 31) Традиция долго хранить и поклоняться древним скульптурам богов вообще характерна для античности. Известно, например, как радовались милетяне, когда в 295 г. до н. э. в Дидимское святилище была возвращена похищенная персами статуя Аполлона, исполненная Канахом в конце VI в. до н. э. (Paus. 1, 16, 3; II, 10, 4; Curt. Ruf. 28–35). В римское время продолжало существовать множество древних кумиров; о них много рассказывается в «Естественной истории» Плиния и «Описании Эллады» Павсания.

В IV в. до н. э. Западный теменос Ольвии украсила бронзовая статуя Аполлона Врача, исполненная афинским скульптором Стратонидом по заказу ольвиополита Леократа; от нее уцелел теперь лишь постамент с надписью (НО 1968: № 65).

Во второй половине VI в. до н. э. в Ольвию пришла новая волна милетских колонистов. Возможно, их возглавлял жрец Аполлона Дельфиния, покинувший родину вместе с группой соотечественников из-за политических неурядиц и подчинения Милета власти персов. Культ Аполлона Дельфиния, как писал Страбон (IV, 1, 4), был общим для всех ионян и занимал ведущее положение в пантеоне Милета; его святилище с большим храмом находилось у Львиной бухты (Rhem 1913: 406–409).

Почитатели Аполлона Дельфиния влились в гражданскую общину Борисфена и Ольвии, о чем свидетельствуют граффити с посвящением богу, и постепенно этот культ оттеснил на второй план Аполлона Врача и его праздники (Русяева 1992: 42–43). Гораздо меньшее количество почитателей Аполлона Дельфиния из новой волны колонистов поселилось на Боспоре. О них известно по посвятительным граффити V в. до н. э. из Тиритаки (Емец, Чевелев 1995: № 16) и по надписи IV в. до н. э. из Гермонассы (КБН 1965: № 1038); там в отличие от Ольвии праздники Дельфиния справлялн гораздо скромнее, чем местные торжества Аполлона Врача.

Ольвийские праздники Аполлона Дельфиния проходили на Центральном теменосе города. Сюда, начиная с третьей четверти VI в. до н. э., ольвиополиты приносили свои дары богу; из них сохранилось несколько обломков киликов с посвящениями Аполлону Дельфинию (Русяева 1992: 42). В начале V в. до н. э. здесь построили храм. Он был вдвое меньше пантикапейского храма Аполлона Врача и внешне напоминал милетский Дельфиний. Реконструкция этого архаического ольвийского храма исполнена А. Н. Карасевым и затем дополнена И. Р. Пичикяном. Около фасада здания находились два жертвенника, стояли вотивные статуи и декреты, высеченные на стелах (Пичикян 1984: 178–184).

В ольвийских культовых зданиях V в. до н. э. видны черты архаизации; это перекликается с нашими знаниями об особой любви ольвиополитов к древним сказаниям о героях и заставляет думать об их желании сохранять в неприкосновенности многие черты культурной и религиозной жизни, заимствованные из метрополии при выводе колонии (Карасев 1964: 89). Поэтому можно думать, что празднества Аполлона Дельфиния, справлявшиеся перед его храмом в классический период, сохраняли многие архаические черты. В IV в. до н. э. ольвиополиты на месте старого воздвигли новый, более крупный и богато украшенный храм (Карасев 1964: 41). Тогда, вероятно, главный государственный праздник Аполлона приобрел здесь более пышный характер, свойственный подобным торжествам эпохи эллинизма, а дань древним ритуалам отдавали на Западном теменосе, где продолжали чтить Аполлона Врача.

Ольвийский праздник Аполлона Дельфиния сопровождался торжественной процессией, возлияниями и жертвоприношениями перед храмом бога, пением хоров и танцами, сходными с теми, о которых известно по надписям из милетского Дельфиниона (Bilabel 1920: 81). Торжества проходили так же, как в Милете и других городах, весной во время открытия сезона мореплавания, потому что греки считали Дельфиния покровителем мореходов (Кобылина 1965: 76). Эта эпиклеза Аполлона так разъяснялась в гомеровском гимне (II, 315–317):

Так как впервые из моря туманного в виде дельфина
Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
То и молитесь мне впредь как Дельфинию.
(перевод В. В. Вересаева)

Кроме покровительства мореплаванию Дельфиний, по мнению ольвиополитов, был организатором и покровителем их государства. Дельфин занял первостепенное место в символике Ольвийского полиса. В VI–V вв. до н. э. здесь обращались монеты в виде дельфинов, затем дельфин наряду с орлом, символом Зевса, вошел в эмблему Ольвии, которая чеканилась на монетах с последней трети V в. до первой половины II в. до н. э. (Карышковский 1982: 80–98; Русяева 1992: 65–70).

В Милете организация культовых действ в честь Аполлона находилась в ведении жрецов, возглавлявших союз мольпов. Подобный союз образовался и в Ольвии; о его деятельности в V в. до н. э. известно по нескольким посвятительным надписям Аполлону Дельфинию (НО 1968: № 55, 58, 60, 167). В ольвийский союз вошли представители аристократических родов, ведущих происхождение от издавна живших в Милете предков. Мольпы чествовали Аполлона на совместных пиршествах, упоминаемых в милетских надписях. Вероятно, подобные симпосионы устраивались также в Ольвии, и местные мольпы, приезжая в метрополию, посещали там эти торже-

ственные трапезы. Они проходили в специально отведенном для них доме; еду и вино предоставляли все члены союза, кроме отдельных освобожденных от подобной обязанности. Во время симпосиона, как и на праздниках Аполлона Дельфиния, пение играло особо важную роль. Молъпы исполняли гимны в честь своего бога, считавшегося непревзойденным певцом и музыкантом; знаменательно, что наименование самих мольпов образовано от слова μολπή, означающее у Гомера только пение или пение в сопровождении пляски (Карышковский 1984: 42–51).

Древнейшие музыкальные и спортивные агоны в Северном Причерноморье, по-видимому, появились *на праздниках Аполлона*. Ведь в гомеровском гимне (I, 149–150), созданном в период колонизации северных берегов Понта, говорится, что где бы ни собрались ионийцы, «они услаждают Аполлона пением и пляской». Самого бога греки часто изображали с лирой или кифарой, ставшими его наиболее распространенными атрибутами. *Музыка на праздниках* Аполлона в основном исполнялась на этих инструментах. Их изображения чеканились на монетах Ольвии, Херсонеса, Пантикапея и Тиры. В Ольвии в мастерской коропласта, изготовлявшего посвятительные статуэтки, можно было приобрести фигурку Аполлона, играющего на кифаре (Леви 1985: 83); подобные статуэтки делали также на Боспоре (Кобылина 1961: 61–62).

Аполлон, по рассказам греков, чаще других богов принимал участие в различных состязаниях, получая первенство и в музических, и в атлетических соревнованиях (Plut. Symp.VIII; 4, Mor. 724. B-C). *Поэтому с архаического периода его праздники постоянно включали различные агоны. Греки считали бога непревзойденным* исполнителем на лире и кифаре и часто вспоминали, как он наказал Марсия, вызвавшего его на музыкальное состязание (Apollod. Bibl. I, 4, 2; Hygin. Fab. 165,191). Этот миф знали эллины на северных берегах Понта, о чем свидетельствуют росписи на двух краснофигурных вазах из Херсонеса и Пантикапея (ДБК 1854: Табл. 57; ОАК 1904: 68). По преданию, Аполлон побеждал на Пифийских и Олимпийских играх, одолевал в кулачном бою Ареса, в беге – Гермеса, *стрелял из лука* и метал диск (Paus. V, 7, 10; XIII, 5, 38). Вероятно не случайно какой-то ольвиополит посвятил Аполлону чернофигурный килик с изображением борцов (Леви 1964: 145).

Кроме уже названных главных праздников в государствах Северного Причерноморья отмечали еще несколько праздников Аполлона. Граффито, найденное на Березани, указывает, что в Борисфене, древнейшей колонии на северных берегах Понта, в VI в. *до н. э.* справили грандиозное по возможностям колонистов празднество в честь Аполлона Дидимского, принеся ему в жертву 70 быков (Русяева 1986: 26). *Вероятно, как было принято у греков, большую часть* туш раздали гражданам, и праздник, по обычаю, завершился большим пиром. Сохранившийся единственный эпиграфический документ с упоминанием жертвоприношения Аполлону Дидимскому не позволяет узнать, был ли регулярным в Борисфене праздник с такими большими жертвами, или его провели по случаю какого-то выдающегося события.

Наверное, в упомянутом празднестве наряду с борисфенитами участвовали колонисты из нескольких поселений Нижнего Побужья. Именно этим можно объяснить столь большое количество жертвенных животных, которое было бы затруднительно предоставить одной небольшой колонии на Березани. *В связи с этим стоит напомнить, что для обильных* жертвоприношений греки зачастую собирали скот из разных городов, привлекавшихся к участию в празднике. Например, каждый город, входивший в состав Афинского морского союза, доставлял на Панафинеи корову и двух овец (IG I^2 N 57, 63, 66; Латышев 1997: 128; Shapiro 1996: 222). Вероятно, нечто подобное было на праздниках Аполлона в Борисфене и в Пантикапее.

Греки чтили Аполлона как покровителя календаря, и одна из основных функций последнего состояла в указании определенных сроков празднеств в честь разных божеств (Нильссон 1998: 33). Названия многих месяцев в календарях разных греческих городов происходили от справлявшихся в них праздников. Наименование трех аполлоновских праздников отразилось в месяцах Таргелион, Кианепсион *и Боэдромион. Они* входили в милетский календарь, по которому первоначально вели счисление все милетские колонии Северного Причерноморья. Кроме того, Аполлону посвящались каждый первый день нового месяца, *его середина и 20-е число (Nilsson* 1976: 644–647).

В месяце Таргелионе, приходившемся на вторую половину апреля и часть мая, справлялись одноименные празднества Аполлона и его сестры Артемиды. Этот месяц встречается в надписях Боспора (Грач 1984: 87) и Ольвии (IPE I^2: 44; Виноградов, Русяева 1980: 38). Граффито V в. *до н. э. определенно свидетельствует* о проведении Таргелий в Ольвии и даже указывает их даты: первого и седьмого числа одноименного месяца. Праздник начинался в новолуние, и затем его отмечали через семь суток в день рождения Аполлона, появившегося на свет на день позже Артемиды (Виноградов, Русяева 1980: 25, 32–33). 7-го Таргелиона в Милете и, наверное, в его колониях Северного Причерноморья было принято пить неразбавленное вино (Parthen. IX, 5). Видимо, его наливали в тот *частично уцелевший скифос, на дне* которого ольвиополит Андокид в V в. до н. э. вычертил надпись с посвящением Аполлону в четырех его ипостасях и перечислил все месяцы года, то есть записал календарь, которому покровительствовал бог (Виноградов, Русяева 1980: 25, 33).

В большинстве ионийских городов Таргелии справляли как весенний праздник плодородия, очищения и молитв о будущем урожае. Жертвенная каша θάργελος, сваренная из разных зерен и злаков, дала название этому празднику. В первый день Таргелий проводили очищение, а во второй совершали жертвоприношения. Для очищения по городу проводили несколько *преступников, которые в* это время, как

предполагалось, вбирали в себя всю нечисть, затем их убивали или изгоняли из государства, и таким способом община *избавлялась от скопившейся скверны* (Deubner 1932: 179; Simon 1983: 86; Parke 1987: 226). В Милете церемонии Таргелий проходили у храма Аполлона Дельфиния; ведущую роль в них играли *мольпы*, а животное для жертвоприношения оплачивалось за государственный счет (Parke 1987: 227). Наверное, так же было и в Ольвии.

Другой распространенный у ионийцев праздник *Кианепсии отмечался* 7-го Кианепсиона и по милетскому календарю соответствовал теперешнему концу сентября. Подобно Таргелиям, название произошло от особо приготовленного *в этот день блюда* из чечевицы, бобов и разных овощей. Это было приношение Аполлону в его ипостаси бога, способствовавшего созреванию *плодов и злаков*. Кианепсии также *знаменовали поворот* к зиме и срок, когда Аполлон отправлялся на несколько месяцев в страну сказочно счастливых гипербореев.

В конце лета в месяце Боэдромионе *справляли* праздник Аполлона, чтимого в роли помощника и защитника в битвах, поэтому участники торжественного шествия шли *в полном вооружении* (Латышев 1997: 130). Греческие колонии, как правило, поддерживали тесные религиозные связи с метрополией. С древнейших времен граждане городов Северного Причерноморья регулярно посещали *милетские* праздники Аполлона. Боспор и Ольвия на протяжении многих столетий имели постоянные контакты с милетским Дельфинионом и Дидимским святилищем, посылая туда своих представителей на главные праздники. Не случайно при раскопках Дельфиниона обнаружен декрет об исополитии Милета и Ольвии; в нем говорится, что граждане этих городов на равных основаниях могут участвовать в жертвоприношениях, агонах и других праздничных церемониях. Ольвиополиты безусловно пользовались этим, посещая метрополию. На милетских праздниках Аполлона иногда присутствовали боспорские цари и их послы. Сохранились надписи II в. до н. э. о подношениях в Дидимейон от Перисада III и Камассарии. Царь подарил золотую чашу весом в 200 статеров, а дар царицы несколько уступал в весе – 187 статеров (Граков 1939: №№ 38, 39).

Античные надписи и отдельные сообщения древних авторов, а также раскопки археологов позволяют представить, как милетяне весной в месяце Тавреоне отмечали праздник Аполлона, называвшийся Διδύμεια. Корпорация певцов и танцоров устраивала торжественную процессию из Милета в Didимы. В определенных местах шествие останавливалось для исполнения хоров: первый пеан Аполлону звучал у ворот Милета, затем хор пел у святилища Гекаты, на холме нимф и у статуй Гермеса и Хареса. Праздничная процессия двигалась по проложенной в лесистой местности священной дороге, вымощенной щебнем, а в римское время, выложенной камнем. Долгий путь тянулся 180 стадиев вплоть до ворот святилища Аполлона, стоявшего на высоком месте, откуда открывался широкий вид на окрестности. Вдоль дороги близ святилища и на подступах к храму стояли посвятительные скульптуры. В архаический период это были лежащие львы и торжественно восседающие мужчины и женщины, изображавшие людей, совершивших посвящения богу. Ольвиополиты украсили свою священную дорогу такими же львами, сделанными милетскими мастерами (Русяева 1987: 159–160).

Участники праздника, войдя в ворота святилища, попадали на улицу длиной 250 м, подводившую к боковой стороне храма Аполлона; они огибали его и завершали свой поход у главного фасада. Здесь совершались жертвоприношения на круглом алтаре, проходили состязания хоров, бег с факелами и другие соревнования. Зрители сидели на ступенях храма и на специально построенных для этого уступах подпорной террасы (Nilsson 1906: 177; Кобылина 1965: 110–111, 114–117).

Ольвиополиты и боспоряне регулярно бывали на знаменитых по всей Элладе праздниках Аполлона на острове Делосе и делали приношения в храм бога. В перечнях даров святилища упоминаются чаша, подаренная боспорским царем Перисадом в 269 г. до н. э. и три серебряные чаши весом по 100 драхм, поднесенные херсонеситами (Граков 1939: №№ 25–28). Сохранились также делосские проксении, данные гражданам Ольвии и Пантикапея (Граков 1939: №№ 21, 23, 24); среди прочих привилегий они получали право занимать передние почетные места во время праздничных агонов (Граков 1939: № 21).

Традиция ионийцев собираться из разных городов на весенний *делосский праздник восходила к* архаическому времени, о чем говорится в гомеровском гимне Аполлону (II, 146–162). В классический период Аполлонии стали грандиозным панэллинским праздником, справлявшимся раз в четыре года (Нильссон 1998: 136). Эта панэгерия существовала много столетий вплоть до первых веков нашей эры.

Аполлонии славились агонами и в первую очередь музыкальными. Особо почетное место отводилось хорам с танцами юношей, девушек и мужчин. Победители получали в награду треножник (Ringwood 1933: 455). Его удостаивались коллективы из многих городов. Певцы выступали в венках и специально изготовленных к празднику одеждах; они стремились затмить соперников не только своим мастерством, но также внешним видом, и на это благотворители тратили немалые средства. Например, во второй половине V в. до н. э. хор из Афин произвел потрясающее впечатление; выдающийся политический деятель и полководец Никий приобрел для певцов роскошные одеяния и венки, а также построил мост к Делосу от островка Рении, к которому пристал афинский корабль. Зрители, собравшиеся на праздник, с восхищением смотрели, как богато наряженный хор с пением вступал на Делос по мосту, убранному коврами и венками (Plut. Nic. 3).

В эллинистический период музические агоны на Аполлониях дополнились драматическими состязаниями; в них включались главным образом современные комедии, реже трагедии. Здесь разыгрывали те

же пьесы и выступали те же актеры, которые участвовали в афинских Ленеях и дельфийских Сотериях (Ringwood 1933: 455). Поэтому гости из Северного Причерноморья могли видеть лучших исполнителей и знакомиться с произведениями самых популярных драматургов своего времени. После музыкальных агонов проводились атлетические и конные состязания, их победители получали пальмовые ветви и призовые серебряные чаши (IG. II. № 814, 816; Plut. Thes. 21).

Не менее прославленный в греческой ойкумене праздник Аполлона проходил в его святилище близ Дельф; в этом «общем очаге Эллады» устраивались Пифийские игры в память о победе бога над чудовищем Пифоном, и во время музыкального агона исполнялась песнь-гимн на эту тему (Hom. Hymn. II, 115–196; Callim. Hymn. II, 100–104; Ovid. Met. I, 446–447). В города Северного Причерноморья прибывали корабли со священными послами феорами, они приглашали граждан на дельфийские праздники и объявляли точную дату их начала (Граков 1939: № 12). К назначенному сроку ольвиополиты и боспоряне отправляли в Дельфы священное посольство, членами которого бывали боспорские цари (Граков 1939: № 15).

Кроме Пифийских игр греки с северных берегов Понта посещали дельфийские Сотерии (игры спасения) в честь Аполлона и Зевса. Их учредили в 278 г. до н. э. в память о разгроме галатов, грозивших разорить Дельфы, и о помощи богов, помогавших грекам победить. Представители Боспора и Ольвии занимали почетные места на дельфийских праздниках (Граков 1939: № 12), а некоторые бывали не только зрителями, но и участниками агонов. В первой половине III в. до н. э. Исил выступал в качестве наставника одного из хоров, состязавшихся на дельфийских Сотериях в честь Аполлона и Зевса (Граков 1939: № 11). К сожалению, из сохранившегося каталога участников Сотерий нельзя узнать, прибыл ли Исил с обученным им боспорским хором, или другое государство наняло его как опытного хородидаскала. По этому и нескольким другим списками можно представить программу музыкальных агонов на Сотериях: там состязались рапсоды, мужские и детские хоры, сольные певцы, кифаристы, авлеты и комические актеры.

В I в. до н. э. праздники Аполлона Врача на Боспоре и Аполлона Дельфиния в Ольвии утеряли свою роль ведущих государственных праздников. После возобновления жизни Ольвии, прерванной из-за разрушения города гетами, в местном пантеоне произошли коренные изменения, и вместо Аполлона Дельфиния ведущую роль стала играть другая ипостась этого бога – Протат (Русяева 1992: 50).

Еще более радикальные перемены в системе праздников произошли на Боспоре. Митридат VI Эвпатор, подчинивший своей власти Боспор, ввел здесь македонский календарь и летосчисление, принятое в Понте и Вифинии. Это было одно из мероприятий, с помощью которых Митридат стремился превратить в единое целое страны, входившие в его владения (Перл 1969: 68). Изменение календаря должно было повлечь за собой настоящую революцию в системе государственных праздников.

Эллины совершали большинство религиозных праздников в строго определенные дни месяца; пренебрежение издавна установленными датами считалось равносильным оскорблению богов. Сколь серьезно греки относились к соблюдению сроков праздников, можно видеть на примере Афин. Там драматический агон должен был начинаться 10-го Элафеболиона, и когда в 270 г. до н. э. представления почему-то пришлось отложить на 4 дня, то эти дни решено было считать вставными, и состязания драматургов начались в традиционно установленную для этого дату (Биккерман 1975: 31).

Наверное, нововведение Митридата сначала вызывало неприятие местного населения, однако, введенное насильно новшество привилось, а календарь больше не изменялся до конца античности. По сравнению с милетскими другими стали не только названия месяцев, скорее всего, и числа не соответствовали прежним. Например, сражение при Платеях в 427 г. до н. э. произошло 4-го Боэдромиона по афинскому календарю, и за 4 дня до окончания месяца Панемоса по беотийскому. Сообщая об этом, Плутарх писал: «Неповпадение дней не следует удивляться, ведь даже теперь (II в. н. э. – М. С.), когда познания в астрономии стали основательнее, в разных местах по-разному исчисляются начало и конец месяца» (Plut. Arist. 19).

Все сказанное заставляет думать, что в первой половине I в. до н. э. на Боспоре не только изменилось счисление времени, но и кардинально поменялись государственные праздники. Торжества в честь Аполлона Врача утеряли свою главенствующую роль, что подтверждается весьма малым количеством свидетельств о культе этого бога в римское время.

Биккерман, Э. 1975. Хронология древнего мира. Москва: Наука.

Блаватский, В. Д. 1957. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1948 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 56: 5–95. Москва: Наука.

Васильев, А. Н. 1992. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья: 111–128. Санкт-Петербург: Гиперион.

Виноградов, Ю. Г. 1983. Исторические судьбы полисов Северного Причерноморья в V в. до н. э. // Античная Греция 1: 404–420. Москва: Наука.

Виноградов, Ю. Г., А. С. Русяева. 1980. Культ Аполлона и календарь Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья: 19–64. Киев: Наукова думка.

Граков, Б. Н. 1939. Материалы по истории скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // Вестник древней истории 3: 231–312.

Грач, Н. Л. 1984. Открытие нового исторического источника в Нимфее // Вестник древней истории 1: 81–88.

ДБК. 1854. Древности Боспора Киммерийского. Санкт-Петербург: Типография Академии наук.

Емец, И. А., О. Д. Чевелев. 1995. Эпиграфические материалы с Керченского полуострова // Эпиграфический вестник 1: 9–27. Москва.

Зубар, В. М. 1997. Виникнення воєнного та релігійного союзу грецьких міст Боспору Кимерійського // Український історичний журнал 5: 41–52.

Каллистов, Д. П. 1949. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Ленинград: Издательство АН СССР.

Карасев, А. И. 1964. Монументальные памятники Ольвийского temenos // Ольвия. Temenos и агора: 32–85. Москва-Ленинград: Наука.

Карышковский, П. О. 1982. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика Северного Причерноморья: 80–98. Киев: Наукова думка.

1984. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье: 42–51. Киев: Наукова думка.

1986. Монетное дело Ольвии во второй половине VI в. до н. э. // Античная культура Северного Причерноморья: 25–36. Киев: Наукова думка.

КБН. 1965. Корпус Боспорских надписей. Москва-Ленинград: Наука.

Кобылина, М. М. 1961. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. Москва: Издательство АН СССР.

1965. Милет. Москва: Наука.

Крыжицкий, С. Д. 1998. Храм Аполлона Врача на Западном temenose Ольвии (опыт реконструкции) // Вестник древней истории 1: 170–190.

Латышев, В. В. 1997. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. Санкт-Петербург: Алетейя.

Леви, Е. И. 1964. Материалы Ольвийского temenosa // Ольвия. Temenos и агора: 131–174. Москва-Ленинград: Наука.

1985. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Ленинград: Наука.

Маринович, Л. П. 1998. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире: 295–362. Москва: Наука.

Нильссон, М. 1998. Греческая народная религия. Санкт-Петербург: Алетейя.

НО. 1968. Надписи Ольвии. (1917–1965). Ленинград: Наука.

ОАК. 1904. Отчеты Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.

Перн, Г. 1969. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // Вестник древней истории 3: 39–69.

Пичикян, И. Р. 1984. Малая Азия – Северное Причерноморье. Москва: Наука.

Русяева, А. С. 1986. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // Вестник древней истории 2: 25–65.

1987. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время: 154-160. Киев. Наукова думка.

1992. Религия и культы античной Ольвии. Киев. Наукова думка.

Суйдаев, Н. И. 1999. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // Древности Боспора 2: 213–221.

Толстиков, В. П. 1984. К проблемам образования Боспорского государства // Вестник древней истории 3: 24–48.

1992. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора: 45–98. Москва: Наука.

Толстой, И. И. 1904. Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии // Журнал Министерства народного просвещения. Январь. Отд. Классической филологии: 1-15.

Фролова, Н. А. 1995. О проблеме чеканки монет с надписью АПОЛ // Боспорский сборник 5: 205-212.

Шелов-Коведяев, Ф. В. 1985. История Боспора в V–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР: 5–187. Москва: Наука.

Akurgal, E. 1969. Ancient Civilizations and Ruins of Turkey. Istanbul.

Bilabel, F. 1920. Die Ionische Kolonisation. Leipzig.

Deubner, L. 1932. Attische Feste. Berlin.

Graham, A. J. 1964. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester.

IG. 1840. Inscriptiones aliquot graecae, nuper repertae, restituuntur et explicantur. Sanct-Petersburg: Graefe, Fredericus.

Moretti, L. 1973. Inscrizioni agonistiche Greche. Roma.

Nilsson, M. P. 1906. Die griechische Feste von religiösen Bedeutung. Leipzig.

1976. Geschichte der griechischen Religion 1. München.

Parke, H. W. 1987. Athenische Feste. Mainz am Rhein.

Parke, M. W., D. E. Wormell. 1956. The Delphic Oracle. Oxford.

Rhem, A. 1913. Delfinion // Milet. 1,3.

Ringwood, I. 1933. Local Festivals at Delos // American Journal of Archaeology 37/3: 452–458.

Shapiro, H. 1996. Democracy and Imperialism. The Panathenaia in Age of Pericles // Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon: 215–222. Madison.

FESTIVALS OF APOLLO IN BOSPORUS AND OLBIA

M. V. SKRZHINSKAYA

During the Greek period, the participation in various *public religious* festivities was one of the most important civil activities of any individual. In Milesian colonies in *the northern Black Sea area, the main state festival* was celebrated in honour of Apollo. There the festivals were originally dedicated to this god in his hypostasis of Physician. It was so in Panticapaeum and many other cities of Bosporus till the 1st cen. B.C. In Olbia, from the 5th cen. B.C. the main public festivals were dedicated to Apollo Delphinius. This paper describes both the mentioned above and some other festivals of Apollo (Thargelia, Kyanepsia, Boedromia, *etc.*).

Epigraphic sources suggest that Olbiapolitans and Bosporans went abroad to various festivities in honour of Apollo more frequently than to any other ones. With that purpose they visited Miletus, as well as different pangyreis in Delphi and on Delos. Among the guests from the northern Black Sea coasts happened to be Bosporan kings and their ambassadors. Citizens of Bosporus and *Olbia offered there gifts to the god, watched festive rituals*, and sometimes participated in the festive agones. For their services to the Panhellenic sanctuaries, some Olbiapolitans and Bosporans were honoured with a proxenia or various other awards, in particular, a prohedry (the right to occupy an honorary place) during the festive music *competitions* in theatres and at the athletic stadiums.

The festivals of Apollo, having been established in Olbia and Bosporus in the 6th–5th cen. B.C., lost their leading role in the 1st cen. B.C. *This was the period when*, after the Getaean devastation, Olbia for some time ceased to exist altogether, and after the revival of the city the pantheon of its gods changed considerably, the religious festivals being correspondingly changed, too. Also in Bosporus, after Mithridates VI had introduced a new calendar, the whole system of festivities was transformed in a *cardinal way*.

К БОСПОРСКИМ МОНЕТАМ С ПЯТИКОЛОННЫМ ХРАМОМ

В. И. ДЕНИСОВА[1]

Издавна внимание коллекционеров привлекали медные монеты (рис. 1), на одной стороне которых *изображен пятиколонный храм и буквы КА ПЕ*[2], *а на* противоположной, в обрамлении массивного венка, монограмма ВАК или ВАЕУ (рис. 2: 1–3) и под монограммой буквы КД. Согласно Б. Кёне, эти монеты были *введены в научный оборот в XVIII в. Немецкий аббат* Э. Фрёлих (*Frölich* 1752), *один из наиболее* сведущих эрудитов и нумизматов того времени, и его современник французский историк и коллекционер Ф. Кари (*Cary* 1752) *приписали эти монеты двум* боспорским царям II в. н. э.[3]: с монограммой ВАК – Котису II (123–132 гг.), с монограммой ВАЕУ – Евпатору (154–170 гг.). Поименованные ученые полагали, что на монетах изображен боспорский храм Юпитера Капитолийского и что буквы КА ПЕ *составляют начало слова КАПЕТΩΛΙΟΝ*. Эту трактовку развил Б. Кёне. Согласно его мнению, монеты с монограммой ВАК были *отчеканены Котисом II* в ознаменование закладки на Боспоре храма Юпитера Капитолийского; монеты с монограммой ВАЕУ выпустил Евпатор, завершивший строительство этого храма (Кёне 1857: 206, 260, 272).

Д. Рауль-Рошетт предложил иную дату для монет с храмом и монограммой ВАК. Правда, сделал это он *вскользь*, *рассматривая* вопрос о медных монетах, несущих изображение инсигний зависимого от Рима царя и надписи: ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ – на аверсе, ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ – на оборотной стороне монеты[4]. Оспаривая мнение своих предшественников и современников о принадлежности этих монет Котису I – боспорскому царю эпохи римских императоров Клавдия и Нерона, Д. Рауль-Рошетт решительно настаивал на более ранней их дате. С *только что упомянутыми монетами* Д. Рауль-Рошетт объединил в одну хронологическую группу интересующие нас монеты с храмом и монограммой ВАК, тем самым удревнив последние более чем на сто лет (Raoul-Rochette 1822: 138, 139). Для правильной оценки степени обоснованности утверждений Д. Рауль-Рошетта необходимо коснуться ряда общих вопросов истории Боспора рубежа нашей эры.

Боспорское царство, некогда существовавшее на северных берегах *Понта, уже с начала XVIII в.* оказалось в орбите постоянного интереса ученых, стремившихся на основании скудных *свидетельств античных авторов и множества собранных коллекционерами* боспорских монет воссоздать его историю (Латышев 1909: 69, примеч. 2). Но крайняя ограниченность письменных источников, малое количество *находок эпиграфических текстов*, их фрагментарность, *неправильная датировка и ошибочная их* интерпретация нередко увлекали ученых по ложному пути. С другой стороны, полное *отсутствие* документальных данных для значительных отрезков времени *ставило ученых перед необходимостью* заполнять эти зиявшие пустоты различными догадками и *предположениями*. *Одним из таких периодов* в истории Боспора, слабо освещенных источниками, является *рубеж нашей эры*.

В. В. Латышев в свое время отметил: «Всем, занимающимся историей Боспорского царства, известно, что, начиная с Полемона I, *древние писатели очень* редко и при том весьма кратко касаются событий на Боспоре; они не дают нам даже имен многих боспорских царей, ... и мы не знали бы о них ровно ни*чего, если бы нам не помогали* надписи и монеты, дающие нам имена царей и годы их царствования» (Латышев 1909: 104).

Говоря о монетах, В. В. Латышев имел в виду, главным образом, боспорские золотые статеры с обозначенной на них датой чеканки *по годам боспорской* (понтийской) эры. Эта система летоисчисления, перенесенная на Боспор, по-видимому, при Фарнаке – сыне великого Митридата Евпатора (Латышев 1909: 94; *Зограф 1951: 87*), сохранялась здесь, с незначительными перерывами, более трех с половиной столетий. Что же касается царских имен, то, за исключением кратковременного эпизода в правление Митридата VIII (39–44 гг.), на Боспоре до 80 г. н. э. чеканились монеты не с полным *именем царя, а с моно*граммами, которые нумизматы нередко трактовали по-разному. И если происхождение боспорской (понтийской) эры летосчисления было, в основном, *установлено уже в первой половине* XVIII в. (Raoul-Rochette 1822: 7, 8; Латышев 1909: 94, 95), то имена боспорских царей первых десятилетий нашей эры, их число, последовательность и годы правления долгое время оставались предметом научных дискуссий, оживлявшихся после находок новых *эпиграфических* текстов или при ином истолковании известных эпиг*рафических и нумизматических памятников* (*об этом*, например, Григорьев 1876: 277 и сл.).

Не вдаваясь в детали очерченных проблем, сосредоточим наше внимание на монетах, по едино*душному мнению всех прежних нумизматов*, принад-

---

[1] Россия. 191186. *Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18.* Институт истории материальной культуры *РАН*. Отдел истории античной *культуры*.

[2] В отечественной нумизматической литературе аверсом традиционно считается та *сторона* данных монет, на которой изображен храм.

[3] При написании имен боспорских царей мы следуем формам, принятым в издании: «Корпус боспорских надписей». М.-Л., 1965 (КБН); там же приведена хронологическая таблица правления царей (КБН: 832, 833).

[4] *Тип монеты* – Зограф 1951: табл. XLVI, 17.

© В. И. Денисова, 2004

Рис. 1. Боспорские монеты с пятиколонным храмом и монограммами (Анохин 1986: №№ 370, 371, 372 – увеличены)

Fig. 1. Bosporan coins with a five-columned temple and monograms (Анохин 1986: nos. 370, 371, and 372 are enlarged)

лежащих чекану Котиса I, – со знаками царской власти и надписью на аверсе ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ. Объединяя эти монеты в одну хронологическую группу с монетами, несущими изображение храма и монограмму ВАК, Д. Рауль-Рошетт, как он сам указал (Raoul-Rochette 1822: 138, 139), следовал выводу, который ранее сделал И. А. Стемпковский, обративший внимание на однородность монет обоих типов и на идентичность фактуры и цвета их металла. Но при подобном объединении было бы логичным приписать монеты с храмом и монограммой ВАК Котису I, поскольку золотые и медные монеты именно этого царя помечены монограммой ВАК. Однако Д. Рауль-Рошетт монеты обоих этих типов приписал другому царю с таким же именем, якобы находившемуся у власти примерно тремя десятилетиями ранее Котиса I.

Чтобы разобраться в мотивах такой датировки Д. Рауль-Рошеттом интересующих нас монет, продолжим знакомство с текстом его труда. Так, Д. Рауль-Рошетт отмечает, что образец монеты с изображениями: на аверсе – царских регалий и слов ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΡ ΚΟΤΥΟΣ, на реверсе – предметов вооружения, слов ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ и букв ΚΔ, был известен знатокам уже в XVII в. Французский эрудит и нумизмат Ж. Ардуэн включил ее в свой трактат по истории нумизматики (Hardouin 1684). На аверсе монеты он прочел имя Котиса, а буквы ΚΔ, имеющиеся на оборотной стороне монеты, истолковал как начало слов ΚΑΙΣΑΡΙ ΔΟΜΕΤΙΑΝΩΙ (Raoul-Rochette 1822: 129), что могло восприниматься в качестве хронологического индикатора. Следует упомянуть, что антиквары давно обратили внимание на буквенные сочетания I B, M H, ΚΔ, встречающиеся только на медных монетах Боспора, но истолковывали их по-разному. В начале XIX в. итальянский ученый Э. Висконти пришел к выводу, впоследствии принятому всеми нумизматами, что эти пары букв обозначают номинал монет, а именно: I B – асс, M H – сестерций, ΚΔ – дупондий (Visconti 1811: 156, n.1).

Из труда Д. Рауль-Рошетта мы также узнаем, что монета, несущая изображение знаков царской власти, аналогичная рассмотренной выше, но неправильно атрибутированная по причине плохой сохранности имеющихся на ней надписей, дала толчок к формированию ошибочных представлений относительно боспорских царей начала нашей эры – их числа, имен и годов их правления. Автором этой ложной атрибуции, согласно Д. Рауль-Рошетту, оказался знаменитый французский эрудит и нумизмат XVIII в. И. Пельрэн (J. Pellerin). По нескольким плохо различимым на монете буквам И. Пельрэн решил, что в полном виде надпись читалась так: ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ. Ф. Кари, Э. Висконти и другие ученые, доверившись чтению И. Пельрэна, заключили, что монета принадлежит Савромату «из аспургиан» или «аспургианину» (Raoul-Rochette 1822: 129).

Годы правления этого Савромата попытался определить Ф. Кари (Cary 1752). В качестве хронологической привязки он взял рассказ Страбона (Strab. XI, 2, 11), в котором «аспургиане» упомянуты в связи с гибелью Полемона – римского ставленника на боспорском престоле. Согласно Страбону, Полемон намеревался «под прикрытием дружбы» напасть

Рис. 2. Монограммы боспорских монет: 1, 2, 3 – монограммы на монетах с изображением храма; 4 – монограмма Рескупорида II; 5 – монограмма на сестерции Рескупорида II.

Fig. 2. Monograms on Bosporan coins: 1, 2, 3 – monograms on coins bearing a representation of a temple; 4 – monogram of Rheskouporis II; 5 – monogram on a sestertius of Rheskouporis II.

на аспургиан, но был встречен их войском, попал в плен и *был казнен. Из другого отрывка* Страбона следует, что аспургиане – одно из варварских *племен*, обитавших между Фанагорией и Горгиппией. Ф. Кари увидел в Савромате «аспургианине» упомянутой выше монеты выходца из этого племени и первого представителя новой династии, по Ф. Кари – сарматской, якобы захватившей власть на Боспоре. Создав данную гипотезу, Ф. Кари, однако, не исключал, что слова ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ могли *обозначать «сын Аспурга»*.

Гипотеза Ф. Кари о смене правящей на Боспоре династии после Полемона получила дальнейшую разработку в труде Э. Висконти. Так, сославшись на боспорские лапидарные надписи, *в то время ошибочно* отнесенные ко времени Августа и Тиберия[5], Э. Висконти утверждал, что на Боспоре после Полемона, убитого аспургианами, правил не Савромат, а его отец Рескупорид, но якобы римляне признали царем Боспора лишь его сына Савромата. Здесь нетрудно уловить, что называя Савромата первым, после Полемона, боспорским царем, Э. Висконти базировался на упомянутой выше *монете из свода* И. Пельрэна, которую, как мы уже знаем, тот ошибочно приписал *некоему Савромату «аспургианину»*. В целом, согласно Э. Висконти, на Боспоре *на протяжении двух* первых десятилетий I в. н. э. было два царя по имени Рескупорид и два царя по имени Савромат.

Вслед за Э. Висконти династической историей царей Боспора начала нашей эры заинтересовался Д. Рауль-Рошетт. *Опубликовав рисунок* монеты, на которой И. Пельрэн ошибочно прочел ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, и сопоставив её с аналогичной монетой, несущей на аверсе надпись ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ, а на реверсе ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, Д. Рауль-Рошетт продемонстрировал идентичность обеих монет, чем доказал ошибку И. Пельрэна и лишил приверженцев гипотезы о захвате власти на Боспоре *после Полемона неким Савроматом «из аспургиан»* главного их аргумента. Элиминировав тезис о сарматском происхождении династии, занявшей боспорский престол после Полемона, и сославшись на упомянутые выше лапидарные тексты, в действительности принадлежащие более позднему времени, Д. Рауль-Рошетт назвал первым представителем новой боспорской династии Рескупорида, якобы правившего с 2 по 17 г. н. э. Этому Рескупориду он *дал в качестве брата и соправителя* некоего царя Котиса, которому приписал как монеты Котиса I (45/6–67/8 гг.) с изображением царских регалий и с надписью на аверсе ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ, так и монеты с *храмом и монограммой* ΒΑΚ, *которые* все прежние нумизматы относили к чекану Котиса II (123/4–132/3 гг.). Что же касается надписи ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ на реверсе монет со знаками царской *власти, то Д. Рауль-Рошетт предложил два* варианта возможного ее истолкования. Либо, приняв конъектуру Ф. Кари, переводить как «сын Аспурга», либо трактовать *ее как почетное звание «аспургианин»*, якобы полученное Котисом в честь его предполагаемой победы над теми аспургианами, которые, согласно Страбону, взяли в плен и убили Полемона (Raoul-Rochette 1822: passim).

Итак, по версии Д. Рауль-Рошетта, монеты с храмом и монограммой ΒΑΚ должно датировать примерно 2–17 гг. н. э. Что же касается монет с изображением *аналогичного* храма, но с монограммой ΒΑΕΥ, то Д. Рауль-Рошетт принимал традиционную их атрибуцию в качестве монет боспорского царя Евпатора (154/5–170/1 гг.). *Его совсем не смущал тот факт*, что после произведенной им передатировки монет с храмом и *монограммой* ΒΑΚ, *удревнившей* их по отношению к традиционной дате более, чем на столетие, монеты с храмом и монограммой ΒΑΕΥ, имеющие *идентичный* тип аверса, оказались отделенными от них примерно полутораве ковым интервалом. Д. Рауль-Рошетт сослался на существующие различия в фактуре и цвете металла *между монетами с* разными монограммами, усмотрев в этом бесспорное до-

[5] Принадлежащая рубежу *I–II вв. н. э. надпись с именем* Савромата, сына Рескупорида (КБН, № 1048), ученики начала XIX в. была ошибочно отнесена к 20-м гг. I в. н. э. Они исходили из факта включения имен Тиберий Юлий в титулатуру царя. Найденные позже на территории Боспора лапидарные тексты позволили установить, что боспорские цари, начиная с Котиса I, на протяжении более двух столетий кроме собственных личных имен неизменно носили династические римские имена Тиберий Юлий. Обстоятельства присвоения царям Боспора этих имен неизвестны. Несомненно, что произошло это при царе Аспурге и было связано с императором Тиберием, получившим имя Тиберий Юлий Цезарь после усыновления его Августом в 4 г. н. э. (Саябалёвіч 1971: 338 і). *Основные точки зрения приведены* в статье Т. В. Блаватской (Блаватская 1965: 203). Наиболее ранним эпиграфическим свидетельством включения династических *имен Тиберий Юлий* в титулатуру боспорских царей является манумиссия с именем Котиса I (КБН, № 69), датированная 354 г. б. э. (57 г. н. э.).

казательство принадлежности монет с монограммой ВАК и монет с монограммой ΒΑΕΥ различным, далеко отстоящим один от другого периодам (Raoul-Rochette 1822; 131 etc.).

Труд Д. Рауль-Рошетта сразу после его публикации был подвергнут острой и обстоятельной критике со стороны У. Кёлера (Köhler 1823). Следует сказать, что спорные, противоречивые, недоказуемые *построения* Д. Рауль-Рошетта не поколебали традиционных представлений нумизматов: они продолжали считать, что монеты с царскими регалиями и надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ принадлежат Котису I, а монеты с храмом и монограммой ВАК – Котису II. *Лишь* А. В. *Орешников в* 70-е гг. XIX в. выразил сомнение в правильности общепринятого взгляда на монеты с *храмом и монограммами* ВАК *или* ΒΑΕΥ, заявив, что монеты с монограммой ВАК он склонен приписать Котису I, поскольку «*монеты Котиса II* не выделяются из монет его предшественника и преемника, тогда как при Котисе I характер типов был *совсем иной*». По той же *причине* А. В. Орешников усомнился в принадлежности Евпатору монет с храмом и монограммой ΒΑΕΥ (Орешников 1887: 97–100). Однако сомнения А. В. Орешникова не вызвали отклика. Атрибуция указанных монет, сложившаяся в XVIII в., продолжала удерживаться в нумизматической литературе вплоть до начала 1950-х гг., *когда* эти монеты вновь оказались в поле зрения исследователей.

По ходу нашего краткого экскурса, освещающего судьбу интересующих нас монет как объекта научного исследования, необходимо уделить внимание позиции А. Н. Зографа. Прежде всего отметим, что А. Н. Зограф в своем монументальном труде обошел *молчанием и концепцию* Д. Рауль-Рошетта, и сомнения А. В. Орешникова относительно принадлежности *монет с храмом и монограммами* ВАК или ΒΑΕΥ. А. Н. Зограф придерживался традиционной атрибуции, *приписывавшей их, в соответствии* с монограммами, Котису II и Евпатору. Что же касается монет со знаками царского достоинства и с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ, которые, как мы уже знаем, нумизматы издавна включили в монетное дело Котиса I (45/6–67/8 гг.), а Д. Рауль-Рошетт, объединив их в одну хронологическую группу с монетами, несущими изображение храма и монограмму ВАК, приписал и те и другие некоему царю Котису, якобы правившему в самом начале нашей эры, то А. Н. Зограф фактически отрицал возможность считать монеты с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ *монетами* Котиса I и склонялся к тому, чтобы отнести их к чекану Рескупорида II – преемника Котиса I (Зограф 1951: 198, 200).

Прервем на время изложение взглядов А. Н. Зографа и вспомним, какими достоверными свидетельствами *располагают ученые* о боспорском царе Котисе I? В свое время эти скудные данные суммировал В. В. Латышев (Латышев 1909: 110). Так, согласно античной традиции, Котис был братом боспорского царя Митридата, правившего примерно с 39 по 44 гг. н. э. Исследователи, по замечанию В. В. Латышева, называют его то вторым, то третьим, то восьмым правителем с таким именем. Задумав освободиться от власти римлян, Митридат отправил Котиса в Рим *к императору Клавдию «под видом скрепления дружбы»*. Но Котис открыл императору коварные замыслы своего брата и *был вместо него назначен* царем Боспора. Монеты с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ *послужили основанием для вывода*, что Котис пользовался у римлян большой благосклонностью. Надпись ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, *имеющаяся* на реверсе этих монет, а также лапидарный текст (КБН № 958) позволили установить, что Котис являлся сыном боспорского царя Аспурга.

Годы правления Котиса были определены по золотым статерам, на которых, кроме портретных изображений членов римского императорского дома (без каких-либо сопровождающих надписей) и монограммы ВАК, содержащей, что давно признано учеными, титул и имя царя Котиса I, указан и год их чеканки по боспорской (понтийской) эре. Статеры такого образца чеканились, с кратковременными перерывами, с 342 по 357 г. боспорской эры, что примерно соот*ветствует периоду с 45 по 60 г. н. э.*[6] *В это время* чеканились и медные монеты с аналогичной монограммой и с профильными изображениями представителей римской правящей династии, сопровожден*ными их именами*.

Статеры 358 г. б. э. неизвестны. В 359 г. б. э. (62/63 гг. н. э.) *на Боспоре получили хождение* статеры, на которых царскую монограмму сменила монограмма императора Нерона. *Как констатировал* А. Н. Зограф, одновременно с золотыми статерами, помеченными монограммой Нерона, на Боспоре путем выпуска двух небольших серий медных монет были введены новые для боспорского монетного дела номиналы – сестерции и дупондии, несущие на аверсе профильное изображение Нерона. После этой эмиссии последовал шестилетний перерыв, в течение которого на Боспоре чеканка монет вообще не производилась (Зограф 1951: 199). В научной литературе этому перерыву было дано такое объяснение: «Нерон, обратив в 63 г. Понт в провинцию, сделал то же самое с Боспором или уменьшил, по крайней мере, царскую власть, отняв у царя право чеканить монету» (Латышев 1909: 111). К слову заметим: монеты с надписью *ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ*, как и монеты с храмом и монограммами ВАК или ΒΑΕΥ, судя *по буквам* ΚΔ *на их реверсе, являются дупондиями*.

Выпущенный после шестилетнего перерыва статер с датой 365 г. б. э. (68/69 гг. н. э.) *известен в единственном экземпляре*. Эта монета из-за нечеткости имеющихся на ней императорских портретов и монограммы породила в среде нумизматов разногласия.

[6] Поскольку год боспорской (понтийской) эры начинался осенью, то при переводе этих дат на современную систему летосчисления следует, учитывая *разницу в календарном счете*, указывать два смежных года. В данной статье мы, в основном, следуем этому правилу, но в тех случаях, когда это не имеет принципиального значения, ограничиваемся указанием одного (первого) года.

Одни нумизматы приписали ее Котису I, другие – Рескупориду II[7]. И хотя бесспорная монограмма Рескупорида II (рис. 1; 4) засвидетельствована лишь на статерах 368 г. б. э. (71/72 гг. н. э.), многие исследователи приняли за начало правления Рескупорида II именно 68 г. Этот взгляд разделял и А. Н. Зограф.

Обратимся теперь к взглядам А. Н. Зографа на дупондии с царскими регалиями и надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ. Сразу отметим: позиция А. Н. Зографа в атрибуции этих монет характеризуется некоторой нечеткостью. Так, отметив, что *в эпоху Нерона в боспорском монетном деле* появились новые номиналы – сестерции и дупондии, с профильным изображением Нерона на тех и других, А. Н. Зограф особо подчеркнул, что средний вес дупондиев с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ не позволяет поместить их в одну группу с медными монетами, бесспорно принадлежащими Котису I (Зограф 1938: 297, примеч. 3). Данное *обстоятельство* побудило А. Н. Зографа отнести эти дупондии к *чекану Рескупорида* II и *рассматривать их* в качестве младшего номинала по отношению к сестерциям, несущим на аверсе надпись ΤΙΒΕΡΙΟΣ ΙΟΥΛΙΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ вокруг восседающего царя, а на реверсе – изображение предметов вооружения и надпись ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ (Зограф 1951: 198–200, табл. XLVI, 16). Принимая 68 г. за первый год правления Рескупорида II, А. Н. Зограф, соответственно, распространил эту дату на сестерции Рескупорида II и на дупондии с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ, сделав следующий вывод: «Совмещение в этой серии монет *с изображением* восседающего *при* знаках своего достоинства Рескупорида и монет с одними только регалиями его предшественника позволило бы сделать вывод, что последний пережил властное вмешательство Рима и получил подтверждение своего царского достоинства и *прав уже от нового императора*» (Зограф 1951: 201). О каком императоре могла бы идти речь? Этот вопрос А. Н. Зограф оставил открытым. Попробуем дать на него хотя бы приблизительный ответ, предварительно вспомнив наиболее знаменательные события римской истории в интересующий *нас период*.

Вокруг Нерона, *занявшего престол когда ему еще* не исполнилось семнадцати лет, постоянно велась ожесточенная борьба придворных группировок за власть и влияние. Во внешней политике римское *государство сталкивалось* с серьезными трудностями в Британии. Сложной была ситуация на Востоке. В провинциях ширились сепаратистские тенденции. Немалую роль в нарастании в римском обществе оппозиционных настроений сыграл пожар, *случившийся* в Риме в 64 г. Пожар, бушевавший около недели, охватил значительную часть города, привел к многочисленным жертвам, *многих лишил крова. Общую* ситуацию осложняли и личные качества Нерона, склонного к нереальным планам во внутренней и внешней политике, его разнузданный образ жизни, кровожадность, мотовство, маниакальное увлечение театром. Широкое недовольство во всех слоях римского общества подготовило почву для серьезных общественно-политических сдвигов.

Первым в 68 г. открыто выступил Виндекс – *наместник Лугдунской Галлии. В сговоре с Гальбой* – правителем Тарраконской Испании – Виндекс поднял восстание под лозунгом восстановления республики. *Нерон послал против него* войска. Виндекс был разбит и покончил самоубийством. Но против Нерона восстали преторианцы, провозгласившие императором Гальбу – *в недавнем прошлом любимца* Нерона. Нерон бежал из Рима. В июне 68 г. сенат утвердил Гальбу императором; Нерон был низложен и объявлен *вне закона. Нерон* покончил самоубийством.

Положение Гальбы было крайне шатким, его признали не все наместники. В начале января 69 г. верх*не-германские легионы отказались возобновить* присягу Гальбе и провозгласили императором своего легата Вителлия; их примеру последовали войска, стоявшие на нижнем Рейне. Чрезвычайно напряженная ситуация сложилась в Риме. Отон, в последние годы правления Нерона наместник Лузитании, в свое время деятельно помогал Гальбе занять императорский *престол, в надежде быть усыновленным Гальбой* и впоследствии стать императором. Но Гальба усыновил другого претендента. Отон, обманутый в своих надеждах, развил среди преторианцев энергичную деятельность и добился успеха. Отон был признан императором, Гальба был убит.

Три месяца спустя после этих событий, в апреле 69 г., около Кремоны произошла решающая битва между сторониками Вителлия и Отона. Отон потерпел поражение и покончил самоубийством. Вителлий был признан сенатом и провинциальными наместниками. Восточные провинции и войска в первое время *также признали императором Вителлия. Однако вскоре государство дошло до полного банкротства.* В Александрии в июле 69 г. в результате большого военного заговора войска присягнули Веспасиану как императору. За ними последовали находившиеся в Иудее легионы, затем все восточные провинции и вассальные государства. Но в Риме императором все еще оставался Вителлий. Лишь в декабре 69 г. Вителлий, сверски убитый преторианцами, был *устранен с исторической сцены. Веспасиан прибыл в Рим* летом 70 г.

Итак, *освежив в памяти* судьбоносные события *римской истории 68–69 гг. и соотнеся с ними тезис* А. Н. Зографа, согласно которому Котис пережил Нерона и получил подтверждение своих царских прав *от нового императора, мы*, скорее всего, увидим в этом императоре Веспасиана и отнесем акт упомянутого подтверждения ко времени, последовавшему за при*бытием Веспасиана в Рим*.

Таким образом, создается впечатление, что ближе *к истине были те нумизматы, которые приписыва-*

[7] Мы придерживаемся общепринятой нумерации боспорских царей, носивших имя *Рескупорид* (КБН: 933).

ли статер с датой 365 г. б. э. (68/69 гг. н. э.) Котису, а не Рескупориду II[8]. Предпочтительнее выглядит и мнение В. В. Латышева, полагавшего, что правление Рескупорида II началось в 71 г. (Латышев 1909: 123). И если, следуя А. Н. Зографу, отнести чеканку сестерциев Рескупорида II, о которых говорилось *выше, к первому году его царствования, то придется* признать, что они не могли быть выпущены ранее 71 г. Соответственно, эту дату в качестве terminus post quem мы должны распространить на дупондии с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ, поскольку, как мы уже знаем, А. Н. Зограф доказательно объединил эти две группы монет в единую серию.

И все же, независимо от того, какой год, 68 или 71, считать началом правления Рескупорида II, имеются *ли данные для* отнесения указанных сестерциев к первому году нахождения его у власти? Нет, таких данных не существует. Более того, ряд наблюдений (о них будет сказано ниже), *позволяют отнести* выпуск этих сестерциев не к году предполагаемого воцарения Рескупорида II, а к более позднему периоду его правления, на что указывал еще Б. Кёне (Кёне *1857*: 231).

Может возникнуть вопрос, что *побуждает* нас столь скрупулезно вникать в проблему датировки упомянутых сестерциев Рескупорида II? Ответ прост: стремление нащупать какой-либо объективный *критерий для определения времени* чеканки дупондиев с храмом и монограммой ВАК. *Напомним*, что Д. Рауль-Рошетт объединил в одну хронологическую группу дупондии с храмом и монограммой ВАК и монеты того же номинала с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ. Оставим в стороне их абсолютную датировку, предложенную Д. Рауль-Рошеттом, ее неприемлемость очевидна, но обратим внимание на тот *факт, что в среде специалистов (Д. Рауль-Рошетт* назвал в этой связи И. А. Стемпковского) уже к первым десятилетиям XIX в. сформировалась уверенность *в синхронности эмиссий* дупондиев с именем Котиса и дупондиев, несущих изображение храма и монограмму ВАК. Правда, в основе этой уверенности лежал визуальный критерий, а именно, сходство фактуры и цвета металла монет обоих типов.

Много позже А. Н. Зограф путем привлечения для целей датировки медных боспорских монет I–II вв. весовых их характеристик (Зограф 1938: 304) поставил решение проблемы на научную основу. Сопоставление этих *данных привело* А. Н. Зографа к выводу, о чем уже говорилось выше, что дупондии с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ являются *младшим номиналом к сестерциям Рескупорида II, имеющим* надпись ΤΙΒΕΡΙΟΣ ΙΟΥΛΙΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, что и послужило для А. Н. Зографа основанием отнести указанные дупондии к монетному делу *Рескупорида II* (*Зограф 1951: 198, 200*). Казалось бы, А. Н. Зограф должен был на основании полученных им данных поставить вопрос о пересмотре традиционной атрибуции и датировки монет с храмом и монограммами, *поскольку оба царя – Котис II и Евпатор*, которым нумизматы издавна приписали эти дупондии, правили во II в., но еще при Савромате I – *предшественнике Котиса II на Боспоре* прекратилась чеканка монет данного номинала (Зограф 1951: 202). Однако эту проблему в своем монументальном труде А. Н. Зограф не затронул, скорее всего – не успел это сделать. Не будем забывать, что труд А. Н. Зографа *был подготовлен к печати* и издан посмертно.

В начале 1950-х гг. специальное внимание боспорским монетам с храмом и монограммами уделил Л. П. Харко. Не подвергая сомнению их атрибуцию *и датировку годами правления Котиса II* и Евпатора, Л. П. Харко попытался установить причину выпуска этих монет, стоящих, как он отметил, особняком в чеканке Боспора. С точки зрения Л. П. Харко, буквы КА ПЕ не имеют отношения к храму, по бокам которого они *размещены*. Не согласен *Л. П. Харко* и с тем, что якобы на монетах изображен боспорский храм Юпитера Капитолийского. Развивая идеи *Б. Кёне и А. В. Орешникова* (*Кёне 1857: 260, Орешников* 1887: 98), Л. П. Харко высказал предположение, что в данном случае под словом ΚΑΠΕΤΩΛΙΟΝ следует подразумевать стратегический или муниципально-религиозный центр одного из боспорских городов, подобный *капитолиям, существовавшим* в провинциальных городах Римской империи. По предположению Л. П. Харко, выпуском этих мо*нет был увековечен* факт сооружения или восстановления какого-то боспорского капитолия и главного храма на нем. Проштудировав религиозно-культовую тематику изображений, запечатленных на боспорских монетах *II–III* вв. и выявив доминирующую

[8] Статер с датой 365 г. б. э. (68/69 гг. н. э.) разыскал известный итальянский нумизмат Д. Сестини и на основании своей трактовки имеющейся на статере монограммы приписал его Котису I. Это определение было принято другими нумизматами и историками, разногласия касались лишь атрибуции портретных изображений, *имеющихся на обеих сторонах монеты. Так, Э. Висконти, разделяя* мнение И. Эккеля, что на одной стороне изображен Гальба или Вителлий, не соглашался с тем, что на оборотной стороне изображен сам Котис I (Visconti 1811: 158, 159). Б. Кёне, тоже не сомневавшийся в принадлежности статера Котису I, отнес *его выпуск к промежутку между* февралем и августом 69 г., но усматривая на нем портретные изображения Вителлия – отца и сына. Б. Кёне также не исключал, что Веспасиан, надевший императорскую корону в Сирии в июле 69 г., мог, по пути своего следования в Рим, быть признан Котисом I. Что же касается года смерти Котиса I и воцарения Рескупорида II, то Б. Кёне *отметил* отсутствие каких-либо данных для ответа на эти вопросы (Кёне 1857: 227). *Такова же была позиция А. Заллета* (Sallet 1877: 304). В последние десятилетия XIX в. во взглядах отечественных нумизматов произошла *определенная трансформация*. Так, П. О. Бурачков отнес смерть *Котиса I к 67 г., воцарение Рескупорида II к 68 г.* (Бурачков 1884: 250, № 45). А. В. Орешников осторожно высказался за принадлежность статера 365 г. б. э. скорее Рескупораду II, чем Котису I (Орешников 1887: 90). *А. Н. Зограф принял точку зрения своих предшественников* и продатировал 68 г. воцарение Рескупорида II (Зограф 1951: 200). Т. В. Блаватская, основываясь на лапидарной надписи из Анапского музея (Блаватская *1958*), перенесла начало правления Рескупорида II на 67 г., что вызвало возражения (КБН, № 116). Нельзя не отметить, что В. В. Латышев в своей хронологической *таблице продатировал начало правления* Рескупорида II и с датами по боспорской эре, относятся к 79, 81 и 82 гг. (КБН, №№ 70, 76, 986).

среди них роль женского божества, а также изучив боспорский скульптурный рельеф эллинистического *времени с изображением портика пятиколонного храма*, Л. П. Харко пришел к выводу, что на интересующих *нас монетах представлена главная* культовая святыня Боспора – храм Афродиты Апатуры, находившийся *вблизи Фанагории*, на территории предполагаемого *им капитолия (Харко 1950).*

Вслед за Л. П. Харко к монетам с храмом обратился П. О. Карышковский. Но если эти нумизматические памятники заинтересовали *Л. П. Харко в* историко-культурном аспекте, то П. О. Карышковский свое изложение построил вокруг их даты, лишь бегло коснувшись общих вопросов. Так, П. О. Карышковский не согласен с интерпретацией постройки, фигурирующей на монетах, в качестве храма Юпитера Капитолийского и сомневался в самой возможности существования на Боспоре такого храма. Однозначно высказался П. О. Карышковский *и против* гипотезы Л. П. Харко. «Предположение же Л. П. Харко, будто помещенный на монетах храм есть фанагорийское *святилище Афродиты, а буквы относятся не к* изображению, а к боспорскому капитолию вообще, как к городской цитадели, *в высшей степени натянуто»* (Карышковский 1953: 180). Сам же П. О. Карышковский в целом ряде своих суждений противоречив и не всегда точен.

Так, базируясь на сводной таблице весов медных монет А. Н. Зографа, наглядно показывающей, что дупондии с храмом и монограммами тяготеют по своим весовым характеристикам к дупондиям, несущим на аверсе надпись ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ, продатированным А. Н. Зографом примерно 68 годом (Зограф 1938: 304), П. О. Карышковский высказал предположение, что монеты с храмом и монограммой ВАК имеют отношение к Котису I, но в качестве *своего предшественника* называет Д. Рауль-Рошетта: «Такое мнение высказал Рауль-Рошетт, но оно было отвергнуто всеми нумизматами» (Карышковский 1953: 181, примеч. 1). Здесь П. О. Карышковского *подвело внимательное чтение* труда Д. Рауль-Рошетта, специально подчеркивавшего, что эти монеты *он связывает отнюдь не с Котисом I, а с другим* боспорским царем, тоже носившим имя Котис, который *якобы находился у власти с 2 по 17 гг. Об этом мы* уже говорили. Мнение же А. В. Орешникова, давно высказавшегося за вероятную принадлежность Котису *I* монет с храмом и монограммой ВАК, по-видимому, прошло мимо внимания П. О. Карышковского. Во всяком случае, о нем он не упоминает.

В разбираемой статье П. О. Карышковский поставил задачу доказать, что монеты с храмом и монограммой ВАК были *выпущены в 68 г. Котисом I*, но всю систему своих доказательств он построил на событиях римской истории. Так, сославшись на временное ослабление могущества Римской империи в 60-е гг. I в., на падение ее внешнего престижа, *на предполагаемое стремление* боспорских царей ослабить свою зависимость от Рима и восстановить на Боспоре чеканку монет со *своим изображением* и с указанием своего царского титула, П. О. Карышковский выстроил такую логическую конструкцию. Якобы Котис I, хотя и стремился освободиться от *опеки Рима, но будучи обязанным римской власти* своим утверждением на Боспоре, не решался на радикальные шаги. Поэтому, согласно версии П. О. Карышковского, Котис I ограничился обильным выпуском серии медных монет, существенно изменив их тип. «Вместо императорского портрета на них появилось изображение главного и древнейшего святилища Рима – храма Юпитера Капитолийского». В конце этой же статьи мы найдем дополнительное авторское разъяснение, из которого узнаем, что на этих монетах *должно* было присутствовать изображение римского храма *Юпитера Капитолийского. Однако* боспорский мастер никогда эту святыню не видел, поэтому штемпеле для чеканки монет он изобразил, с пояснительной надписью, «в качестве Капитолия лучший и наиболее почитаемый из местных храмов, а таковым, несомненно, было святилище Афродиты-Апатуры в *Фанагории, которое имело фасад с пятью* колоннами, как это убедительно показал Л. П. Харко» (Карышковский 1953: 186–188).

В данной связи В. Д. Блаватский справедливо заметил: «Мало вероятно, чтобы боспорские правящие круги имели столь туманное представление о важнейшей святыне Римской империи, чтоб не заметить такую грубую ошибку пантикапейского монетария». По предположению В. Д. Блаватского, перед глазами монетария был *«какой-то иной образец, по всей ви*димости, местный пантикапейский храм», вполне вероятно *носивший* наименование *Капитолия*, «подобно ряду аналогичных храмов в Италии и римских провинциях. *Сооружение этого храма было одним из проявлений сервилизма в отношении Рима*, наряду с принятием *Котисом I звания верховного жреца* Августов» (Блаватский 1964: 162–163).

*Итак, ознакомившись с аргументацией П. О. Ка*рышковского, нетрудно установить, что автор базировался не на фактическом материале, а на цепочке *гипотетических посылок. Исходной посылкой* послужил тезис, согласно которому Нерон лишил боспорских царей права чеканки монет, а цари, со своей стороны, якобы неуклонно стремились ослабить опеку Рима и приступить к чеканке монет со своими портретными изображениями. Как полагает П. О. Карышковский, Котис I осмелился лишь на своего рода полумеру. Улучив момент, «когда трон Нерона поколебался», Котис I, согласно версии П. О. Карышковского, выпустил в обращение медные монеты, на которых вместо портрета римского императора было отчекан*ено «изображение главного и древнейшего святили*ща Рима, храма Юпитера Капитолийского» (Карышковский 1953: 186). В завершающей части статьи, как мы уже *знаем, это же изображение* названо боспорским святилищем Афродиты Апатуры. А вот и заключительное *авторское утверждение. «Итак, номинал* и вес монет с изображением Капитолия, их тип и выставленные на них монограммы – всё это ведет нас *ко второй половине I в. н. э. и позволяет отнести их появление* к началу войны в Римской империи в 68–69 гг.» (Карышковский 1953: 187).

Таким образом, вычленив из труда А. Н. Зографа те данные, на которых можно базироваться при разработке хронологии и атрибуции интересующих нас монет, П. О. Карышковский оснастил эти данные серией постулатов, навеянных событиями римской истории. В данной связи не может не обескураживать и попытка автора подкрепить свои построения ссылкой на уникальную монету Отона, несущую изображение храма Юпитера Капитолийского. Заметим, что на римских монетах изображение этого храма появилось еще в 1 в. до н. э. Позже храм Юпитера Капитолийского воспроизводился на монетах Веспасиана, Тита, Домициана и других императоров.

Боспорские монеты с изображением храма и монограмм П. О. Карышковский привлек для реконструкции династической истории Боспора, скупыми штрихами набросав такую картину: «Котис I, начавший летом 68 г. чекан монет с изображением Капитолия, умер вскоре вслед за Нероном, оставив сына, который и наследовал ему после краткого правления своей матери в июле, августе или сентябре 69 г.» (Карышковский 1953: 187). В соответствии с выше процитированными утверждениями, П. О. Карышковский приписал монеты с храмом и монограммой ВАЕУ некоей царице Евнике – предполагаемой супруге царя Котиса I и матери Рескупорида II, якобы, по его утверждению, около года занимавшей боспорский престол. Однако ни в одном исследовании по истории Боспора мы не найдем упоминаний о правлении такой царицы. В свое время В. В. Латышев писал: «После Котиса I боспорским царством владел Тиберий Юлий Рескупорид (обыкновенно называемый II), которого мы знаем только из надписей и монет; писатели о нем не упоминают» (Латышев 1909: 112). Что же касается «царицы Евники», то это имя В. В. Латышев предположительно восстановил, публикуя (по эстампажу) плохо сохранившуюся надпись на обломке мраморной плиты из Анапы (*КБН№ 1118*), причем имена царицы-матери и царя-отца восстановлены в тексте условно. Проблематична и датировка. В настоящее время надпись утрачена. Эту-то царицу Евнику и вывел П. О. Карышковский на подмостки боспорской истории в качестве самостоятельного правителя.

Разумеется, гипотетическая реконструкция лапидарного текста имеет право на существование. На ней можно основываться при различных исторических реконструкциях, но при неукоснительном соблюдении обязательного условия, а именно: четко отделять документально подтверждаемые факты от гипотез и предположений. В рассматриваемой статье мы столкнулись с другим приемом: полная недоказуемость основных положений оказалась искусно замаскированной драпировками из словесной ткани. Это способствовало формированию у исследователей, обращавшихся к статье, ощущения выверенности основных ее положений и помешало им увидеть, что эти положения не являются следствием взвешенной проработки аргументов, но, наоборот, служат для них отправным пунктом.

Так, хронологические выкладки П. О. Карышковского попыталась скорректировать Н. А. Фролова. Утверждая в ряде статей (Фролова 1976; 1977 и др.), что якобы П. О. Карышковским установлены и принадлежность Котису I монет с храмом и монограммой ВАК и начало их чеканки в 68 г., Н. А. Фролова заявила о наличии возможности уточнить их дату и проделала «уточнение», перенеся начало их выпуска к 63 г. *Но вспомним уже приводившиеся нами* наблюдения А. Н. Зографа: во-первых, на Боспоре наряду с золотыми статерами 359 г. б. э. (62 г. н. э.) с монограммой Нерона были введены два новых номинала медных монет – сестерции и дупондии, причем оба номинала – с профильным изображением головы Нерона и с его именем; во-вторых, в последующее время, на протяжении примерно шести лет, монетная чеканка на Боспоре вообще не производилась (Зограф 1951: 199). Нетрудно установить, что именно эти наблюдения А. Н. Зографа, а также разработанная *им таблица весов медных боспорских монет* (Зограф 1938: 304) и побудили П. О. Карышковского отнести выпуск монет с храмом и монограммами к 68 г., *сопроводив эту датировку двумя принадлежащими* ему версиями: о смерти Котиса вскоре после выпуска монет с монограммой ВАК (*умер вскоре вслед* за Нероном) и о кратковременном правлении на Боспоре царицы Евники, якобы сопровождавшемся чеканкой монет с монограммой ВАЕУ.

Созданную П. О. Карышковским хронологическую цепочку Н. А. Фролова оставила без внимания. Заключение А. Н. Зографа о примерно шестилетнем перерыве в боспорской чеканке охарактеризовала как заблуждение, объяснив его тем, что при А. Н. Зографе еще не была установлена принадлежность Котису I монет с храмом и монограммой ВАК. Это, с точки зрения Н. А. Фроловой, доказал П. О. Карышковский. И далее Н. А. Фролова утверждает: «Монеты с храмом могли быть отчеканены только одновременно с сестерциями и дупондиями, носящими имя Нерона. По-видимому, чеканка монет с монограммой Котиса I проводилась до конца его жизни, а после была продолжена его супругой Евникой до 69 г.» (*Фролова 1976: 110*). *Однако, продатировав 63 г.* начало чеканки монет с храмом и монограммой ВАК, Н. А. Фролова упустила из виду, что в построениях П. О. Карышковского 68 г. является своего рода «несущей конструкцией». Так, объясняя выбор типа лицевой стороны данных монет, а именно, изображение храма, П. О. Карышковский утверждал: «...невозможно представить себе, чтобы в правление Нерона его портрет был заменен изображением храма, будь это даже римский Капитолий». «Такое явление могло произойти только тогда, когда трон Нерона поколебался и стал замещаться по произволу легионов» (Карышковский 1953: 184). «Уточнение» Н. А. Фроловой не только оставило конструкцию П. О. Карышковского без хронологической привязки, но оно полностью разрушило сложную систему силлогизмов, созданную П. О. Карышковским в обоснование тезиса о принадлежности Котису I монет с храмом и монограммой ВАК.

Спустя десятилетие после опубликования статьи с «уточненной» датировкой, Н. А. Фролова изменила

свой взгляд на этот вопрос. «Котис действительно пережил вмешательство Нерона, потому что чекан меди с монограммой Котиса ВАК был возобновлен *им только после смерти римского императора*» – ссылка дана на ту же статью П. О. Карышковского (Фролова 1986: 70). Как согласовать это утверждение с тем, что Н. А. Фролова писала по этому же поводу десятилетием ранее? Читателю предоставлена *возможность самостоятельного* поиска ответа на данный вопрос.

Иной взгляд на монеты с храмом и монограммами ВАК и ВАЕУ изложил В. А. Анохин. Приняв тезис П. О. Карышковского, что на них представлены монограммы Котиса и царицы Евники, В. А. Анохин отклонил как «уточненные» датировки Н. А. Фроловой, так и саму возможность приписать эти монеты Котису I. С точки зрения В. А. Анохина, дупондии с храмом и монограммами чеканил с 69 по 79 г. Рескупорид II в честь своих родителей, возможно в то время еще здравствовавших или уже умерших (Анохин 1986: 101). Мнение В. А. Анохина получило отрицательную оценку со стороны ряда ученых – они полагают, что вопрос о принадлежности этих монет Котису I и царице Евнике уже решен П. О. Карышковским и Н. А. Фроловой (Абрамзон, Фролова, Горлов 2000: 111). Однако с таким утверждением нельзя согласиться. В статьях упомянутых авторов изложение построено на уровне гипотез, научные доказательства в них отсутствуют.

А чем *руководствовался* В. А. Анохин, *приписав* монеты с храмом и монограммами *чеканке* Рескупорида? К сожалению, В. А. Анохин разъяснений не дает и нам остается *ограничиться* предположением, что здесь решающую роль сыграла явная шаткость позиции П. О. Карышковского. Так, продекларировав принадлежность этих монет Котису I и некоей, будто бы правившей вслед за ним царице Евнике, П. О. Карышковский с большим трудом втиснул эти монетные выпуски в хронологическую *щель между окончанием* примерно шестилетнего перерыва в монетной *чеканке Боспора, последовавшего за денежной* реформой Нерона в 62 г., и предполагаемым воцарением Рескупорида II в 68 г. Как отмечалось выше, *денежная* реформа сопровождалась введением новых номиналов – сестерциев и дупондиев (Зограф 1951: 198, 199). Однако дупондии с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ по весовым характеристикам не укладываются в *денежное дело Котиса I* (Зограф 1938: 297, примеч. 3), что и побудило А. Н. Зографа отнести их к Рескупориду II. Начальным *годом правления* Рескупорида А. Н. Зограф считал 68 г. Поставив задачу доказать принадлежность дупондиев с храмом и монограммой ВАК Котису I, П. О. Карышковский безусловно исходил из установленной А. Н. Зографом *близости их весовых* характеристик весовым характеристикам дупондиев с именем Котиса I. Это обстоятельство, как можно полагать, поставило П. О. Карышковского перед необходимостью *продатировать монеты с храмом и монограммой ВАК* последними месяцами правления Котиса I и, чтобы изыскать место для предполагаемой им царицы Евники, передвинуть на 69 г. *начало правления Рескупорида* II. Можно предположить, что явная надуманность построений П. О. Карышковского побудила В. А. Анохина *без колебаний* исключить монеты с храмом и монограммой ВАК из монетной чеканки Котиса, переместив их вместе с так называемыми монетами Евники в первый период монетной чеканки Рескупорида, соответствующий, согласно его классификации, 69–79 гг.

Чтобы лучше сориентироваться в датировке В. А. Анохина, освежим в памяти основные этапы *в изучении монет Рескупорида II. Основы хронологии* денежного обращения Рескупорида II были заложены А. Н. Зографом, выделившим в золотой чеканке этого царя – два, а в медной чеканке – три хронологических периода. При классификации золотых монет А. Н. Зограф исходил из кардинального изменения монетного типа, по времени совпавшего с восшествием на *римский* престол императора Домициана. Итак, *если статеры Рескупорида, относящиеся к первому* периоду, однотипны статерам Котиса, а именно: одну их сторону занимает портрет императора, а на оборотной стороне размещены портрет его наследника, дата боспорской эры и царская монограмма (рис. 2: 4), то на статере 377 г. б. э. (80/81 гг. н. э.) лицевую сторону монетного диска занимает изображение Рескупорида II, сопровождаемое его именем и титулом, на оборотной стороне – *по-прежнему портрет императора* и дата боспорской эры. В чеканке Боспора *данный тип статера* сохранялся, с небольшими вариациями, более *двухсот пятидесяти лет. По* заключению А. Н. Зографа, одновременно с золотыми статерами изменялся внешний облик медных монет Рескупорида II (Зограф 1951: 200, 201). Н. А. Фролова, создавая свою классификацию монет Рескупорида II (Фролова 1968), пошла по *пути разработки и уточнения* вех, намеченных в свое время А. Н. Зографом. Иной путь избрал В. А. Анохин. Положив в *основу такой* объективный критерий, как изменение формы монетной легенды, В. А. Анохин разделил вторую группу статеров Рескупорида II, выделенную А. Н. Зографом, на два хронологических периода. Логично полагая, что форма легенды на золотых и медных монетах развивалась синхронно, В. А. Анохин произвел систематизацию медных монет Рескупорида II на основе его золотой чеканки (Анохин 1986: 100, 101). Но если в *отношении медных монет с надписями такой подход привел* к вполне убедительным результатам, то попытку В. А. Анохина *связать монеты с храмом и монограммами с первым периодом* золотой чеканки Рескупорида II, датируемым 69–79 гг., нельзя признать удачной, на что уже было указано (Анисимов 1989).

Итак, детально ознакомившись с бытующими в литературе взглядами относительно дат и принадлежности монет с храмом и монограммами, *приходится* заключить, что эти памятники боспорской *нумизматики пока не получили сколько-нибудь* убедительной атрибуции. Перед нами дилемма: либо признать, что имеющиеся в распоряжении исследователей источники *не содержат материалов для раз-*

решения поставленных вопросов, либо, тщательно просмотрев все известные данные и мобилизовав некоторые косвенные указания, сделать попытку *продвинуться в их прояснении*. Поскольку в настоящее время, благодаря исследованиям А. Н. Зографа, вопрос о широких хронологических рамках выпуска дупондиев с храмом и монограммами решается *положительно*, мы *полагаем целесообразным* избрать второй путь, предварительно снав с занимающих нас монет ту своего рода «патину» из предположений и догадок, которой они обросли за последние пятьдесят лет. Основным катализатором к ее образованию послужила гипотеза П. О. Карышковского о чеканке монет с храмом и монограммой ВАК в конце правления Котиса I, а затем – его вдовой царицей Евникой, *якобы в течение* короткого времени занимавшей боспорский престол и чеканившей монеты со своей монограммой (*рис. 2: 3*). Мы уже отмечали выше, что фрагмент давно утраченного текста с именем Рескупорида (*КБН, № 1118*) содержал лишь несколько букв имени некоей царицы Е У N [- - -]. Попытка В. В. Латышева *увидеть в этой царице мать Рескупорида II* – не более, чем недоказуемое *предположение, как и* вторая его догадка: якобы в несохранившейся части того же текста в качестве отца Рескупорида II был назван Котис I. Данное предположение находится в противоречии с другим эпиграфическим текстом, а именно, с надписью в честь императора Веспасиана (КБН, № 1047), из которого явствует, что отец Рескупорида II носил имя Юлий (Латышев 1909: 112). Таким образом, вопрос о родителях Рескупорида II и, в частности, об отчестве Котиса I остается открытым. Также следует отказаться от мифа о чеканке монет с монограммой ВАЕУ царицей Е У N [- - -], *которую уже стало привычным называть Евникой*. Помимо отсутствия каких-либо свидетельств в поддержку этого утверждения, оно *опровергается нумизматическим материалом*.

В начальную пору изучения истории Боспорского царства, как уже говорилось выше, эрудиты, знавшие эти монеты, отмечали существенные различия в фактуре и цвете металла между монетами с монограммой ВАК и монетами с монограммой ВАЕУ, которые тогда приписывались двум боспорским царям II в. – Котису II и Евпатору, правившим с интервалом *один от другого в двадцать с небольшим лет*. Именно на эти, подмеченные эрудитами различия, как на доказательство разновременности серий монет с различными монограммами, сослался Д. Рауль-Рошетт (Raoul-Rochette 1822: 139, 140), когда, продатировав монеты с монограммой ВАК первыми десятилетиями I в., монеты с монограммой ВАЕУ оставил в чеканке Евпатора, правившего во второй половине II в. А. Н. Зограф, стоявший в вопросах атрибуции и датировок монет обеих серий на позиции своих предшественников, обратил внимание на значительное *количественное преобладание* монет с монограммой ВАЕУ по отношению к монетам, несущим монограмму ВАК (*Зограф 1951: 203*). *Согласно утверждению* Н. А. Фроловой, внесшей заметный вклад в разработку *мифа о правлении царицы Евники, изучение* штемпелей показало, что монеты с различными монограммами не связаны между собой (Фролова 1976: 110). Уже одно это наблюдение должно было бы удержать от безоглядного следования гипотетическим построениям П. О. Карышковского, поскольку нарисованная им картина *исключает наличие какого-либо* хронологического интервала между обеими сериями монет. Но если, как заверяет Н. А. Фролова, серии с разными монограммами *не* связаны между собой, тогда есть все основания утверждать: *их разделяет* какой-то отрезок *времени*. *В ином случае обязательно* были бы зарегистрированы факты чеканки одним и тем же штемпелем лицевых сторон монет как с монограммой ВАК, так и с монограммой ВАЕУ. Еще несколько слов о «монетах Евники». Наряду с монетами, имеющими монограмму ВАЕУ (рис. 2: 2), которую П. О. Карышковский истолковал как сокращение имени Евника, имеется несколько монет, тоже с изображением храма (рис. 1: 3), но с иной монограммой (рис. 2: 3). А. М. Подшивалов, опубликовавший такую монету (Podschiwalow 1882: 16, 17), обоснованно отвел возможность приписать обе упомянутые монограммы одному и тому же лицу. П. О. Бурачков вообще усомнился в подлинности *монет с третьим вариантом монограммы (Бурачков* 1884: 202). Н. А. Фролова не сомневается в принадлежности обеих монограмм все той же царице Евнике (Фролова 1976; 1977). Мы принимаем заключение П. О. Бурачкова.

Решение вопроса о дате выпуска монет с изображением храма и монограммами затруднено не только крайней ограниченностью и малой информативностью источниковедческой базы по истории Боспора I в., но и необычностью *данных монет*. Как справедливо отметил Л. П. Харко, эти монеты не имеют в боспорской нумизматике ни своих типологических предшественников, ни дальнейшего развития (Харко 1950). По этой причине, разумеется, трудно найти им место в общей линии развития боспорской нумизматики I в. н. э. В данной связи нам представляется целесообразным единственный путь: вернуться к идее Д. Рауль-Рошетта о синхронности эмиссий монет *с надписью* ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ *и монет* с храмом и монограммой ВАК. С этим утверждением Д. Рауль-Рошетта, основанным на тождестве фактуры и цвета металла монет обеих указанных серий, *коррелируют результаты метрологических исследований* А. Н. Зографа (Зограф 1938: 304). О неприемлемости абсолютных дат, предложенных Д. Рауль-Рошеттом для этих монет, подробно говорилось выше.

Мы уже отмечали *прежде, что А. Н. Зограф* объединил дупондии с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ в одну хронологическую *группу (в качестве* младшего номинала) с сестерциями Рескупорида II, несущими на аверсе: изображение *Рескупорида*, сидящего на курульном кресле, круговую надпись с его полным именем и монограмму (Зограф 1951: 201, табл. XLVI, 16). Монограмма этих сестерциев (рис. 2: 5) давно привлекла внимание нумизматов. Б. Кёне трактовал ее как клеймо монетчика (Кёне 1857: 231), А. А. Сибирский – как сокращение ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, что *послужило* ему основанием наста-

ивать на принадлежности Рескупорида II к роду Аспурга (Сибирский 1877: 62, 63). Согласно другим догадкам, монограмма обозначает дату по боспорской эре. А. Н. Зограф высказал предположение, что *монограмма составлена из инициалов императора* Тита (Зограф 1951: 201). И *хотя такое предположение открывало возможность продатировать эмиссию* данных монет временем после 79 г., А. Н. Зограф его *не развил. Вероятно, подчинившись господствовавшему* тогда представлению о воцарении Рескупорида II в 68 г., А. Н. Зограф *отнес указанные сестерции* к 68 г. Однако, если руководствоваться критерием, предложенным В. А. Анохиным, а именно, исходить из формулы надписи, имеющейся на данных сестерциях, то их следует синхронизировать со статерами Рескупорида II, помеченными 383, 384 и 386 гг. *боспорской эры, что примерно соответствует* периоду с 86 по 89 гг.

Относя эмиссии интересующих нас сестерциев к 86–89 гг., и учитывая, что А. Н. Зограф синхронизировал с этими сестерциями дупондии с надписью *ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ*[4], а также руководствуясь изложенными выше соображениями, мы полагаем *правомочным распространить* эту дату не только на указанные дупондии, но продатировать этим же временем *серию дупондиев с изображением* на аверсе храма и букв КА ПЕ, на реверсе – монограммы ВАК.

К сожалению, мы не располагаем никакими данными, опираясь на которые, можно было бы выяснить причины, повлекшие изменения в золотой чеканке Рескупорида II, четко членящейся на три периода, или попытаться объяснить причину появления в его чеканке монет с надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ. Можно лишь предположить, что за этими фактами стоят какие-то чрезвычайно важные для боспорского царя события. Вспомним, что в легенде статеров, отчеканенных в 86–89 гг., личное имя царя сопровождено династическими именами Тиберий Юлий. Что *же касается дупондиев*, то *включение* в их легенду имени Котис предположительно можно истолковать, как стремление Рескупорида II таким путем восполнить какое-то недостающее звено в цепи боспорского престолонаследия. Как мы уже отмечали, вопрос об отце Рескупорида II не вполне ясен.

Что же касается эмиссий монет с храмом, то здесь можно высказать ряд версий. Нам наиболее правдоподобным представляется предположение о связи чеканки на Боспоре дупондиев, несущих изображение храма, с Капитолийскими играми – Капитолиями, учрежденными Домицианом в 86 г. и проводившимися каждые пять лет (Gsell 1894: 123–125). Принятие данной версии позволяет объяснить чеканку серии монет с монограммой ВАЕУ, *отделенную от серии* с монограммой ВАК каким-то промежутком времени, что явствует из различий между обеими сериями и в качестве металла и в технике изготовления. При этом не обязательно, на наш взгляд, стремиться расшифровать монограмму ВАЕУ как личное имя. За этим сокращением *может стоять какой-то культовый термин*, например, ΕΥΣΕΒΗΣ или производное от него определение. В данной связи *нельзя не обратить внимание*, что венчающая часть обеих монограмм разная.

И, наконец, несколько слов о храме. Капитолийские игры, пользовавшиеся на протяжении примерно двух веков огромной популярностью, были в той или иной степени связаны с императорским культом. Существование этого культа на Боспоре хорошо иллюстрируется боспорскими легендами, на которых явствует, что цари Боспора носили титул пожизненного жреца Августов. В культе императоров важное место отводилось родоначальнице рода Юлиев – *богине Венере (Афродите)*. Согласно документальным данным, в ряде античных малоазийских центров культ императоров был объединен с культом местного женского божества, почитавшегося под эллинским именем, *но истоками своими уходившего в* глубокую древность. Боспорское святилище Афродиты Апатуры, скорее всего, могло явиться центром организации на Боспоре императорского культа. Поэтому высказанное в свое время Л. П. Харко предположение, что на монетах изображено святилище Афродиты Апатуры, обретает контуры реальности.

---

[4] *По утверждению Н. А. Фроловой, дупондии с легендами* ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ (на аверсе), ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ (на реверсе) чеканил не Котис I, как традиционно считали прежние нумизматы, и не Рескупорид II, что обоснованно предположил А. Н. Зограф, а Котис II (Фролова 1986: 70). Чем же Н. А. Фролова аргументирует свое утверждение? Нас заверяют, что *к этому выводу* Н. А. Фролова пришла, «проанализировав весь боспорский нумизматический материал царского периода» (*Абрамзон, Фролова, Горлов 2000: 113*). Однако после ознакомления с текстом статьи становится очевидным, что процитированное заверение не соответствует действительному *положению вещей, поскольку единственный аргумент, приведенный* Н. А. Фроловой, – отсутствие у нас твердой уверенности, что Котис I получил подтверждение своих царских прав уже от нового императора. *На этом посылке Н. А.* Фролова выстраивает дальнейшие рассуждения: «Мы не можем согласиться с мнением А. Н. Зограф, что монеты с этой надписью чеканил Рескупорид II и склоняемся к мысли, что они могли быть выпущены *только Котисом II»* (*Фролова* 1986: 70). Информируя читателя, что до А. Н. Зограф никто из нумизматов не сомневался в принадлежности этих монет Котису I, Н. А. Фролова умалчивает о том, как мотивировали прежние нумизматы указанную атрибуцию и чем руководствовался А. Н. Зограф, отнеся их к чеканке Рескупорида II. Далее Н. А. Фролова перечисляет боспорские эпиграфические тексты, позволяющие причислить Котиса II к *потомкам* царя *Аспурга*, заметим – к весьма отдаленным, поскольку Аспург правил примерно за сто лет до Котиса II, и завершает этот перечень безаподикционным утверждением, что указанные дупондии могли быть выпущены только *Котисом II, последним представителем потомков Аспургов»* (Фролова 1986: 71). Возникает недоуменный вопрос: где же анализ боспорского нумизматического материала?

Хотя проблема «династии Аспургиан» в научной литературе не нова, это обстоятельство Н. А. Фролова обошла молчанием. *Между тем, раздел «Династия Аспургианов» имеется в нумизматическом* труде Б. Кёне (Кёне 1857: 193 и сл.). В 80-е гг. XIX в. специально внимание этой проблеме уделил А. А. Сибирский. Основываясь на тогдашних представлениях ученых о числе и последовательности правлений боспорских царей I–II вв. н. э. и сопоставив эти данные с нумизматическими материалами, А. А. Сибирский утверждал, что от Аспурга, сына Асандрова, до Савромата, сына Рескупорида II, *ему удалось проследить* «шесть последовательных царствований аспургийского рода». (Далее следуют Котис II, Ремитал и Евпатор, из коих два первых имена, фракийского пошиба, *указывают на связь с «аспургийцем»* (Сибирский 1877: 63). Под «аспургийцем» А. А. Сибирский подразумевал царя Котиса I, которому, как справедливо заметила Н. А. Фролова, все прежние нумизматы приписывали дупондии с надписями ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ (на аверсе), ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ(на реверсе).

Абрамзон, М. Г., Н. А. Фролова, Ю. В. Горлов. 2000. Клад бронзовых боспорских монет конца I в. до н. э. – II вв. н. э. (Анапа 1978 г.) // Российская археология 3: 110–117.

Анисимов, А. И. 1989. Неопубликованная монета и некоторые вопросы чекана Боспора II (68–93 гг.) // Вестник древней истории 1: 93-97.

Анохин, В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка.

Блаватская, Т. В. 1958. Горгиппийская манумисия 67 г. н. э. // Советская археология 28: 91–96.
1965. Рескрипты царя Аспурга // Советская археология 2: 197–209.

Блаватский, В. Д. 1964. Пантикапей. Москва: Наука.

Бурачков, П. О. 1884. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России (Составил по монетам, принадлежавшим собственному собранию и отчасти по рисункам из других собраний). Ч. 1.Одесса: Типография Шульце.

Гиль, Х. Х. 1895. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. // Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия VII: 217–229. Санкт-Петербург.

Григорьев, В. В. 1876. Цари Боспора Киммерийского преимущественно по современным им памятникам и монетам // Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым ориенталистом[10]: 322–417. Санкт-Петербург: Типография Пантелеевых.

Зограф, А. Н. 1938. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II // Вестник древней истории 2: 287–306.
1951. Античные монеты // *Материалы и исследования* по археологии СССР 16. Москва-Ленинград: Наука.

Карышковский, П. О. 1953. Боспор и Рим в I в. н. э. по нумизматическим данным // Вестник древней истории 3: 179–190.

КВН. 1965. Корпус боспорских надписей (Corpus inscriptionum regni Bosporani /*CIRB*/ MCMLXV). Москва-Ленинград: Наука.

Кёне, Б. Б. 1857. Описание музыма покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств Понтийского и Боспора Киммерийского. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография экспедиции заготовления бумаг.

В данной связи *необходимо подчеркнуть* два обстоятельства. Во-первых, в боспорской *нумизматике нет примеров тому*, чтобы цари помещали на монетах имена своих ушедших предков, на чем настаивает Н. А. Фролова, приписывая указанные дупондии *с надписью* ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ *Котису II*, который был, как известно, сыном Савромата I. *Во-вторых, занимающие нас дупондии* с именем Котиса I вообще являются единственным случаем включения в легенду боспорской монеты имени отца царя. Н. А. *Фролова думает по-другому, она* нас заверяет, что монеты подобного *номинала, тоже с надписью* ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, есть в монетной чеканке Савромата I, и отсылает к статье Х. Х. Гиля (Фролова 1986: 71). Однако, раскрыв указанную ею статью (Гиль 1895: 226, № 64, табл. XX), мы установим, что *дупондии Котиса I и Савромата I несут на аверсе* и реверсе сходные изображения, однако заметно различаются по схеме надписей и по их размещению. Вместе с тем, при всем старании мы *не сможем найти на дупондии* Савромата I слов ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, *такая монет вообще не существует*. Сказем прямо: материал для этой части своих построений Н. А. Фролова извлекла не из анализа боспорского нумизматического материала, *а из статьи востоковеда* В. В. Григорьева, относящейся к *начальному периоду его научной деятельности*. Эта статья, впервые опубликованная в 1851 г., была примерно четверть века спустя, наряду с другими ранними работами В. В. Григорьева, помещена *в сборник, изданном к* 3-му Международному съезду ориенталистов *с таким предубеждением*: «*Автор не хотел исправлять своих прежних мнений или приемов, включать себя ученое или основательное, чем был за тридцать, за сорок лет перед сим, когда писал издаваемое в настоящем сборнике*» (Григорьев 1876). Несомненно, данная статья интересна современному исследователю, поскольку дает хорошее представление о путанице и неразберихе *в атрибуции и датировке боспорских* монет первых веков н. э., *царивший в русской нумизматической литературе* первой половины XIX в. По словам В. В. Григорьева, «...занимающиеся историей и нумизматикой Боспора, один и те же монеты приписывали разным лицам, разнорося между собой не только относительно времятва, но и относительно самого числа лиц, властвовавших на Боспоре в этот период». Отчасти далее, что «подобная и отчетливая проверка противоречивых утверждений нумизматов сопряжена с большими трудностями», В. В. Григорьев продолжает: «*Всякому, кто взялся бы за такой труд, необходимо личное исследование* монет и обширные сведения в древней нумизматике и археологии. Мы такими сведениями не обладаем; монет изучать по подлинникам и слепкам не имеем возможности... Поэтому мы *ограничимся здесь изложением важнейших мнений* о предмете и то, *когда писал издаваемое в настоящем сборнике*» (Григорьев 1876). Как вы*текает* из слов В. В. Григорьева, при *работе над статьей он опирался*, главным образом, на труды Б. Ашика, Суть *концепции* В. В. Григорьева, реализованной Н. А. *Фроловой, сформировалась под воздействием* неправильной атрибуции монеты Котиса I с надписями ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ (на аверсе), ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ (на реверсе). Как мы отмечали *в начальной части* данной статьи, И. Пельрэн, французский *эрудит и нумизмат первой половины XVIII в.*, на обороте аналогичной, но плохо сохранившейся монеты прочел ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ – и с таким чтением включил ее в свой *нумизматический свод. Эта монета*, из свода И. Пельрэна, способствовала *формированию в исторической* науке середины XVIII в. гипотезы о захвате на Боспоре в начале нашей эры власти племенем аггургиан, якобы положившим начало новой правящей династии. Указанную монету, соответственно, приписали первому правителю *династии. Хотя уже в начале XIX в.* бесспорность этой гипотезы стала очевидной, А. Рауль-Рошетт, со своей стороны, убедительно доказал, что предполагаемая монета Савромата-«аспургианина» в действительности является монетой Котиса I (Raoul-*Rochette* 1822: 126–127), указанная монета, ошибочно атрибутированная И. Пельрэном, заняла прочное место в каталогах великих нумизматов прошлого – Д. Сестини, Т. Мионне, авторитет которых претерпевал пересмотру ее атрибуции. Проиллюстрировав соответствующий раздел труда Д. Рауль-Рошетта, в котором тот доказывает, что монеты с надписью ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ в действительности не существует и что такое чтение надписи – эта монета, правда в одном каталоге как монета Савромата I предполагаемого основателя сарматской династии, а другом – как монета некоего царя Савромата III, якобы правившего с 104 по 124/128 гг. Удостоверившись, что в каталоге Д. Сестини упоминается монета с надписью ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, В. В. Григорьев, вопреки доказательствам Д. Рауль-Рошетта, сделал вывод, что такая монета существует и приписал ее упомянутому сейчас Савромату III (Григорьев 1876: 394 и сл.). Как мы помним, разбираемая здесь статья В. В. Григорьева впервые была опубликована в 1851 г. Несколько *лет спустя* вышел в свет нумизматический труд Б. Кёне, в котором, в частности, были систезированы основные результаты изучения истории Боспора и подведен итог предшествовавших *разработок* в области боспорской нумизматики (Кёне 1857). После опубликования труда Б. Кёне, базовые выводы статьи В. В. Григорьева, основанные на устарелых представлениях, утратили научное значение. Именно из этой статьи позаимствовала Н. А. Фролова сведения о существовании дупондиев с надписью ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ и, подкорректировав хронологические выкладки В. В. Григорьева, приписала эти монеты Савромату I (93–123 гг.). Перенеся в свою статью основные выводы В. В. Григорьева, Н. А. Фролова дополнила их описанием оживленной дискуссии, якобы разгоревшейся между Э. Висконти и Д. Рауль-Рошеттом в связи с указанными монетами. Но такой дискуссии не было, да и не могло быть, поскольку Э. Висконти завершил свой жизненный путь примерно за четыре года до опубликования труда Д. Рауль-Рошетта, в котором доказана ошибочность атрибуции И. Пельрэна.

[10] Впервые статья была напечатана в «Журнале министерства внутренних дел» 1851 г., ч. 36: 110–146, 267–296, 413–489. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел.

Латышев, В. В. 1909. ПОНТИКА. *Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря.* Санкт-Петербург: Издательство Императорской Археологической комиссии.

Орешников, А. В. 1887. Монеты Боспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России // *Каталог собраний древностей графа Алексея Сергеевича Уварова* VII. Москва: Типография О. Гербек.

1921. К нумизматике преемников Аспурга // Известия Российской академии истории материальной культуры I: 1–8.

Сибирский, А. А. 1877. Гипотеза о происхождении Асандра и новые домыслы о некоторых событиях его правления // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей 10. Отделение первое. Рассуждения и исследования: 56–71.

Спасский, Г. И. 1846. Босфор Киммерийский с его древностями и достопримечательностями. Москва: Университетская типография.

Фролова, Н. А. 1968. Монетное дело Рескупорида II // Нумизматика и эпиграфика 7: 43–67.

1976. Медные монеты Котиса I как исторический источник // Советская археология 3:103–111.

1977. Монетное дело Котиса I, сына Аспурга (45–68 гг.) // Труды Государственного исторического музея 49/2: 219–238. Москва.

1986. Монеты Котиса II (123–132 гг.) // *Труды Государственного исторического музея. Новые нумизматические исследования* 61: 66–81. Москва.

Харко, Л. П. 1950. О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах II в. // Вестник древней истории 1: 197–205.

Cary, F. 1752. *Histoire des rois de Thrace et ceux du Bosphore Cimmérien*, éclarcir par les médailles. Paris.

Eckhel, J. 1784. Doctrina numorum veterum. Vindobonae.

Frölich, E. 1752. Regum veterum numismata anecdota aut perrata notis illustrata. Vindobonae.

Gajdukevič, V. F. 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin-Amsterdam.

Gsell, S. 1894. Essai sur le règne de l'empereur Domitien // Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rom 65.

Hardouin, J. 1684. Nummi antiqui populorum et urbium illustrati. Parisiis.

Köhler, H. K. E. 1823. *Remarques sur un ouvrage intitulé Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien.* St.-Petersburg.

Minns, E. H. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.

Podschiwalow, A. M. 1882. Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Tarica und Bosphorus Cimmerius. Moskau. Schrift und Druck von O. Herbeck.

Raoul-Rochette, D. 1822. Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien. Paris.

Sallet, A. V. 1871. Zur Numismatik der Könige von Pontus und Bosphorus // Zeitschrift für Numismatik Bd. 4

Visconti, E. Q. 1811. Iconographie grecque. T. 2. Second partie. Rois. Paris.

BOSPORAN COINS WITH FIVE-COLUMNED TEMPLE

V. I. DENISOVA

Bosporan copper coins (fig. 1) were published as early as the 18th century. German abbot E. Frölich (Frölich 1752) and French Historian F. Cary (Cary 1752) attributed them to two Bosporan kings of the 2nd cen. A. D.: those with the monogram BAK to Kotys II (123–132 A. D.), and with the monogram BAEY – to Eupator (154–170 A. D.). Frölich and Cary supposed that represented on these coins *was the temple of Capitoline Jupiter which existed* somewhere in the Bosporan Kingdom, letters KA PE put at either side of the temple having been interpreted *as* the beginning of the word KAPETŮLIO N.

D. Raouf-Rochette (Raoul-Rochette 1822: 116 sqq.), who set to refuting the popular then hypothesis about *usurpation* of power in Bosporus by the Sarmatian tribe of *Aspurgians* in the beginning of the 1st *cen.* A.D., *made* an *attempt* to *revise the dates of coins with the monogram* BAK. The supporters of the hypothesis mentioned above (F. Cary, E. Visconti, *et al.*) referred to a poorly preserved coin published in a treatise of the well-known French erudite of the 18th century J. Pellerin) who erroneously read SAUROMATOU ASPOURGOU on the coin. Raoul-Rochette disclosed Pellerin's delusion and proved that *the coin of* 'Sauromates *the* Aspurgian' – the supposed usurper of the royal power in Bosporus – was in fact a coin bearing the legends TEIMAI BASILEŮS KOTUOS (on the obverse) and TOU ASPOURGOU (*on the reverse*). *Although coins of this type were considered by* all numismatists as minted by the Bosporan king Kotys I (45–68 A. D.), D. Raoul-Rochette did not agree with this definition. Running counter to the generally accepted view, he insisted in his work upon these coins having been minted by another Bosporan king, also named Kotys, but who would have been ruling in 2–17 A. D. *To that Kotys*, created by Raoul-Rochette's own imagination, the latter *attributed* in *addition* the coins with a temple and the monogram BAK (fig. 1: 1). D. Raoul-Rochette, following *the traditional attribution*, considered the coins with the monogram BAEY (fig. 1: 2) as minted by Eupator. H. K. E. Köhler (*Köhler 1823*) criticized severely the speculations of D. Raoul-Rochette. The attribution and dating of the coins with a temple and the monograms BAK and BAEY, as they were formed in the 18th century, were retained in scientific literature until the middle of the 20th century when these coins appeared again within the field of vision of researchers.

L. P. Kharko accepting the traditional view on these coins supposed that the letters KA PE have no relation to *the temple they are flanking. He believed* that in this case under the word KAPETŮLION some strategic or municipal-religious centre was implied, similar to the capitols which existed in different provincial centres of the Roman Empire. In Kharko's opinion, *the Bosporan Capitol was situated somewhere near Phanagoria* and included a temple of Aphrodite Apatura – the main object of worships

in Bosporus. According to Kharko's version, the issue of the coins under consideration marked the fact of the construction or restoration of the Bosporan Capitol and its temple (Харко 1950).

P. O. Karyshkovskiy considered these coins under another angle (Карышковский 1953). Erroneously alleging that already D. Raoul-Rochette had attributed the coins with a temple and the monogram BAK to Kotys I (misunderstanding that D. Raoul-Rochette implied here quite another king Kotys), Karyshkovskiy attempted to ground that these coins were issued by Kotys I. He adduced no convincing arguments, but presented instead a series of syllogisms. Having declared the belonging of the coins to Kotys I, Karyshkovskiy explained the appearance of this coin type in the minting of Kotys I as some kind of concealed protest of the Bosporan king against the power of Rome. Kotys I would have intended to free himself from the Roman wardship and start minting of coins with his own image and designation of his royal title, but finally had not dared to do that. Therefore, according to Karyshkovskiy's version, in 68 A.D., Kotys I issued copper coins on which the imperial portrait was replaced by the representation of a temple. This temple is called in Karyshkovskiy's paper now the Roman temple of Capitoline Jupiter, now the Bosporan sanctuary of Aphrodite Apatura. In Karyshkovskiy's opinion, Kotys I dared to mint these coins only in the end of Nero's rule – «when the throne of Nero became unsteady». The further events according to Karyshkovskiy were as follows: Kotys died soon after Nero. After Kotys I, the Bosporan throne would have been occupied for several months by his widow – queen Eunike. The historical sources, however, contain no evidence on the rule of such a queen. This name was deduced by Karyshkovskiy from the text of an inscription (КБН/CIRB № 1118) tentatively reconstructed by V. V. Latyshev. The inscription itself is lost and Latyshev's reconstructions and dating are rather problematic.

The chronological suppositions of Karyshkovskiy run counter the general trend in the development of the coinage in Bosporus. Judging by certain evidence, minting of the coins mentioned above is dated to some period later than that proposed by Karyshkovskiy. The speculative hypotheses of Karyshkovskiy contradict distinctively to the Bosporan numismatic evidence, and are reduced to a rank of ungrounded guesses, invalidating the conclusions of those researchers who have based on them their investigations (Фролова 1976, 1977; Абрамзон, Фролова, Горлов 2000, *et al.*). V. A. Anokhin (Анохин 1986) supposed that the coins with a temple and the monograms BAK and BAEY were minted in 68–79 by Rheskouporis II in honour of his parents (alive or already dead) – king Kotys I and his spouse Eunike.

A careful examination of the proposed hypotheses showed the absence of any arguments in favour of this or that dating, as well as of any evidence on the rule of queen Eunike introduced into the history of Bosporus by P. O. Karyshkovskiy.

Taking into account the general trend in the development of Bosporan minting in the 2nd cen. A. D. there are certain grounds to date the first issue of the coins with a temple and the monogram BAK to 86 A. D. and to link it with the Capitoline Games. The five-yearly Capitoline Games established by Domitian in 86 A. D. were accompanied by organization of numerous agones connected to a greater or lesser degree with the imperial cult. As a constituting part of the imperial cult they were held in honour of the emperors at different temples. Therefore, it is quite probable that the emission of the coins with a temple and the monogram of Kotys I – the first Bosporan king bearing the title of lifelong high priest of the emperors (ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου) – was connected with celebration of Capitolia in the Bosporan Kingdom.

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЙ ПРЕДМЕТ ИЗ КУРГАНА КОЗЁЛ: ПЕРЕЖИТОЧНЫЙ ГАЛЬШТАТСКИЙ СТИЛЬ В СКИФСКИХ ЦАРСКИХ КУРГАНАХ?[1]

Е. В. ПЕРЕВОДЧИКОВА, К. Б. ФИРСОВ[2]

В Государственном Историческом музее среди материалов из скифского царского кургана Козёл IV в. до н. э., раскопанного *И. Е. Забелиным в 1865 г.* (Инв. № 54746, оп. Б 288), хранятся фрагменты металлического предмета, состоящего *из орнаментированных* свернутой *пластины, диска*, гвоздиков-заклепок, а также остатков дерева. Металлические фрагменты покрыты ядовитой патиной ярко-зеленого цвета. Подобная патина может покрывать вещи как *бронзовые, так и из плохого серебра*, содержащего *много меди*.

Первая часть предмета, в настоящее время состоящая из ряда фрагментов, которые легко соединяются между собой, представляет собой тонкую бронзовую пластину вытянутой подпрямоугольной формы, согнутую по кругу таким образом, что концы пластины почти сходятся друг с другом (*рис. 1: 1, 2, 4*). Пластина орнаментирована рядами чередующихся между *собой «жемчужин»* (три ряда крупных *«жемчужин»* между рядами мелких), выдавленных с оборотной стороны инструментами двух размеров. На обоих концах пластины имеются ряды *отверстий, вероятно*, для ее крепления на какой-либо основе. Высота пластины – до 4,3 см.

Вторая часть предмета также фрагментирована, но все фрагменты сохранились. Она представляет *собой пластину округлой формы*, орнаментированную одной большой, находящейся в центре диска «жемчужиной», от которой в четыре стороны отходят *неровные двойные линии рядов более мелких* «жемчужин» (рис. 1: 3). Орнамент нанесен таким же *образом, как и на предыдущей* пластине. Диаметр диска – около 8 см.

Наконец, в состав предмета входят бронзовый гвоздик-заклепка с широкой подпрямоугольной шляпкой, также орнаментированной мелкими *«жемчужинами»* (рис. 1: 5), фрагмент деревянного предмета с округлым краем (*рис. 1: 6) и фрагмент бронзового* гвоздя (рис.1: 7). Форма гвоздя соответствует углублению на фрагменте деревянного диска.

Согласно поздней описи коллекции, предмет относится к шейному убору 6-го коня, однако по данным ранних экземпляров описи находок, он лежал у колена 6-го коня (ОПИ ГИМ, ф. 440, д. 263, л. 184).

Предмет вызвал явное замешательство автора раскопок И. Е. Забелина, который в одном из черновых вариантов описей обозначил его как «чертовщину» (ОПИ ГИМ, ф. 440, д. 263, л. 184). В этом, скорее всего, первоначальном варианте описи слово «чертовщина» зачеркнуто и тем же почерком написано слово «обойма». Этот термин сохраняется во всех *последующих вариантах описи. На экземпляре* этого документа, видимо, сопровождавшем находки из кургана *и ныне хранящемся в Архиве Института истории материальной культуры РАН*, рукою В. Г. Тизенгаузена помечено: «сделать особый рисунок» (Архив *ИИМК РАН, ф. 1/1865, д. 11, л. 11*). Рисунок этот был выполнен художником И. Медведевым и хранится в этом же архиве (Архив ИИМК РАН, Р-1, дело № 792, л. 5). На нем этот предмет изображен в виде цилиндрической коробочки с крышкой (рис. 2). Заголовок рисунка сделан почерком В. Г. Тизенгаузена.

Перечисленные обстоятельства *заставляют предполагать*, что данный рисунок в значительной мере представляет собой реконструкцию, авторами которой являются В. Г. Тизенгаузен и И. Медведев. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что при *раскопках и полевом описании не было ясно функциональное* назначение предмета (иначе в описи не появились бы слова «чертовщина» и «обойма»). При *этом некоторые детали рисунка не позволяют* безоговорочно принять эту реконструкцию во всех подробностях. Так, неизвестно, на каком основании было определено место заклепки, рисунок не дает ясного представления о способе крепления. Не вполне понятным остается и взаиморасположение деревянного дна и стенок коробочки, а также торчащий из ее стенки гвоздь, след которого читается на сохранившемся фрагменте деревянного диска.

Так или иначе, наиболее вероятно, что предмет первоначально представлял собой округлую в плане цилиндрическую *деревянную коробку со стенками и* дном (крышкой), обложенными бронзовыми или серебряными орнаментированными *пластинами. При этом диаметр коробки* составлял около 8 см, а высота – не меньше 4,3 см (при большей высоте сосуда *бронзовая обкладка* могла идти как по верхнему краю сосуда, так и по нижнему его краю или по середине).

О присутствии дерева в составе предмета говорит сохранившийся фрагмент крышки (дна) сосуда толщиной 0,25 см и реконструируемым диаметром около 8 см, с округлым краем. По определению А. А. Гольевой (ИГ РАН), предмет сделан из граба (Carpinus L.) Характер сохранившегося деревянного фрагмента *позволяет нам предполагать, что коробка не была* целиком вырезана из дерева, *наподобие скифских* резных и выдолбленных сосудов с металлическими обкладками, а, напротив, являлась составным сосу-

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-01-00399а). Ее основные положения изложены в тезисах доклада на конференции «Боспорский феномен» (Переводчикова, Фирсов, Япония 2002)

[2] *Россия. 109012.* Москва. Красная площадь, д. 1/2. Государственный Исторический музей. Отдел археологических памятников.

© Е. В. Переводчикова, К. Б. Фирсов, 2004

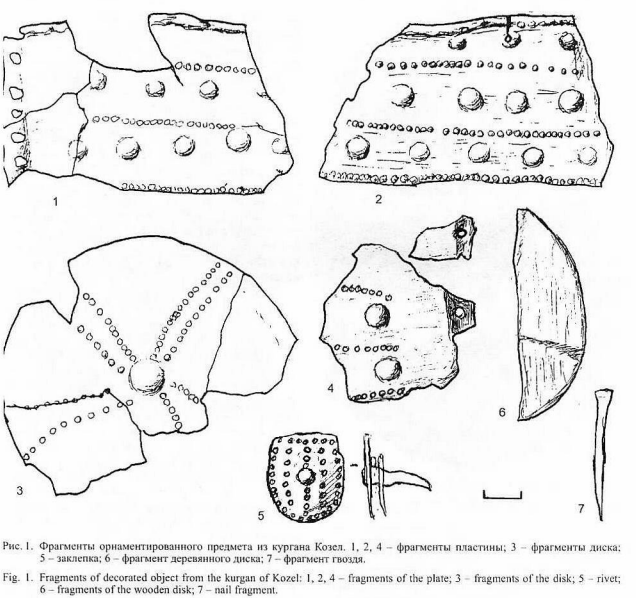


Рис. 1. Фрагменты орнаментированного предмета из кургана Козел. 1, 2, 4 – фрагменты пластины; 3 – фрагменты диска; 5 – заклепка; 6 – фрагмент деревянного диска; 7 – фрагмент гвоздя.

Fig. 1. Fragments of decorated object from the kurgan of Kozel: 1, 2, 4 – fragments of the plate; 3 – fragments of the disk; 5 – rivet; 6 – fragments of the wooden disk; 7 – nail fragment.

дом – во всяком случае, дно (или крышка) было изготовлено отдельно.

В античных памятниках этого времени широко известны похожие по форме точеные, в том числе составные, цилиндрические приземистые достаточно широкие коробки-пиксиды, сделанные из дерева, металла, кости и других материалов, служащие для хранения косметических и иных принадлежностей, а также коробки для хранения швейных принадлежностей (Сокольский 1971: 199, рис. 60, табл. XXVII). Подавляющее большинство их относится к боспорскому производству IV в. до н.э. Однако точные аналогии нашему предмету с металлическими обкладками в античных материалах нами пока не найдены. Античные деревянные пиксиды делались, как правило, из самшита, также известны пиксиды из ясеня и боярышника (Сокольский 1971: 199–200), а в «коробочке» из кургана Козёл использована древесина граба. Тем не менее, сам факт существования в это время подобных изделий позволяет наметить пути интерпретации и нашего предмета.

Оставляя подробное освещение этой темы за рамками настоящей работы, мы можем, тем не менее, предположить использование описываемого предмета как коробки для хранения каких-либо принадлежностей, в частности, возможно, и швейных, например, для починки амуниции коня.

Не найдя сколько-нибудь убедительных аналогий предмету в целом, попробуем обратиться к отдельным его деталям. Почти полные аналогии обеим его частям найдены в Александропольском кургане. Это тонкий серебряный диск с крестовидным орнаментом, нанесенным пуансонными точками (рис. 3: 2), и тонкая серебряная полоска с рядами крупных и мелких горошин (рис. 3: 1). По контуру диска проходит ряд мелких точек, крестовидная фигура обозначена рядами мелких точек и расположенными «елочкой» штрихами. В каждом из секторов, образованных лучами креста, помещена выпуклая полусфера, окруженная рядом точек. Полоса здесь (в отличие от рассматриваемой) сохранилась целиком. Она короткая, один ее край оформлен фестонами (если

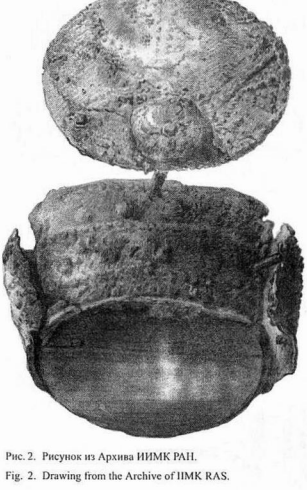


Рис. 2. Рисунок из Архива ИИМК РАН.

Fig. 2. Drawing from the Archive of IIMK RAS.

предполагать аналогичное назначение, следует думать о наличии еще одной или нескольких подобных полосок, но на этом предположении трудно настаивать). Несмотря на указанные отличия в некоторых деталях, сравниваемые предметы сходны по целому ряду признаков. Помимо общего сходства форм вещей и мотивов орнамента, можно отметить, что линии крестовидной фигуры на диске из Александрополя такие же неровные, как и в нашем случае. Чередование рядов «жемчужин» мелких и более крупных наблюдается на подпрямоугольных пластинах и из Александрополя, и из Козла. И в том, и в другом случае они нанесены двумя инструментами разного размера, причем более тонкие инструменты практически одного диаметра. Эта наиболее близкая аналогия нашим фрагментам, к сожалению, мало способствует их пониманию, поскольку контекст находки неизвестен (Древности Геродотовой Скифии I: 4).

Тонкие серебряные диски (рис. 4) такого же диаметра (от 8 до 9 см) найдены в богатом фракийском погребении IV в. до н. э. в Панагюрище (Филов 1919: табл. III: 2–4). Помимо хронологической близости и сходства размеров, они похожи на наш диск и по некоторым другим признакам. Композиция изображения построена вокруг расположенной в центре выпуклой полусферы. Остальные изображения несходны с орнаментом на рассматриваемом нами предмете. Это растительные мотивы либо фигуры животных, организованные так, что во всех случаях остается значительное пространство, не занятое орнаментом. Анализ технологии изготовления дисков из Панагюрище показал, что они сделаны без использования общей матрицы (Vasilev 1980: 151). Ряд элементов орнамента также нанесен с обратной стороны тонкой металлической пластины острым инструментом. Двойные ряды получившихся при этом точек проходят по краю каждого диска, при этом ряды такие же неровные, как и двойные ряды точек, образующих лучи на диске из Козла. Центральная полусферическая выпуклость тоже выдавлена с обратной стороны. Иными словами, орнамент на дисках из Панагюрище, как и на диске из кургана Козёл, был нанесен сходным способом инструментами двух размеров.

К сожалению, сами раскопки в Панагюрище остались не документированными, имеется лишь список находок, не дающий представления об их расположении в могиле (Филов 1919: 14–16), поэтому трудно судить о том, деталями каких предметов являются интересующие нас диски. Интерпретация же их как накладок на щит, основанная на изобразительных материалах (Огненова 1952), пока остается всего лишь интересным предположением. Поэтому приходится признать, что, при всех отмеченных признаках сходства, диски из Панагюрище тоже не проясняют характер и назначение предмета из кургана Козёл. Тем не менее, находка подобного орнамента в практически синхронном фракийском комплексе из Панагюрище указывает на перспективность поисков аналогий в кругу памятников фракийского искусства IV в. до н. э.

Обращаясь к орнаменту на прямоугольной пластине (стенке сосуда), следует заметить, что сами по себе горошины («жемчужины») – элемент простой и весьма распространенный в разных культурах. В поисках же связи с какой-либо определенной традицией диагностичным следует признать сочетание этих элементов определенного размера (совсем мелких и более крупных), особенности их взаиморасположения (ряды крупных между рядами мелких), а также технику их нанесения (выдавливание изнутри инструментами двух размеров).

Сходные по перечисленным признакам композиции этих элементов встречаются в памятниках гальштатской культуры. Пояски орнамента, подобного нашему (три ряда крупных горошин между рядами мелких) отмечены на ряде гальштатских шлемов IX–VII вв. до н. э. (Antike Helme 1988). Ленты такого орнамента могут проходить по краю шлема, как на экземплярах из Гальштатского могильника (рис. 5: 4), Популонии (рис. 5: 2) и предмета неизвестного происхождения, хранящегося в Брюсселе (рис. 5: 1). Подобные ленты могли проходить и по контуру гребня шлемов (экземпляр из Брюсселя), а также сходиться под углом, как на шлеме из Олимпии (рис. 5: 3), окружать другие элементы орнамента, как на шлеме из Дельф (рис. 5: 5). Иными словами, наблюдаемое

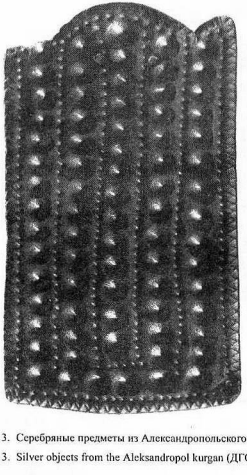


Рис. 3. Серебряные предметы из Александропольского кургана (ДГС, I). 1 – пластина (табл. V, 10); 2 – диск (табл. V, 11).

Fig. 3. Silver objects from the Aleksandropol kurgan (ДГС, I): 1 – plate (Pl. V, 10); 2 – disk (Pl. V, 11).

сочетание элементов представляло собой вполне устойчивый мотив орнамента.

Полосы подобного орнамента проходят и по тулову сосудов гальштатской культуры, происходящих из разных областей Центральной Европы. Это сосуды из кладов северо-западной Румынии (рис 5: 6–8) и центральной Германии (Brunn 1968: Taf. 137, 164, 2), известны также погребальные урны с таким орнаментом (например: Die Germanen 1976: Taf. 2). Данная серия примеров интересна еще и тем, что сходны не только мотив орнамента, но и сам факт его расположения горизонтально по стенке сосуда, что усиливает сходство с нашей ситуацией, учитывая возможную реконструкцию назначения описываемого предмета как сосуда-коробочки. Собственно, в этом отношении не менее интересна ситуация, когда по-

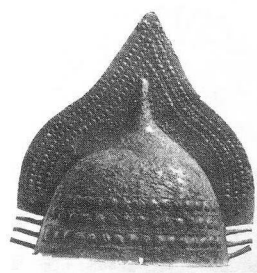
Рис. 4. Серебряные диски из Панагюрище (Венедиков, Герасимов 1974: ил. 246, 247).

Fig. 4. Silver disks from Panagyurishte (Венедиков, Герасимов 1974: Figs. 246, 247).

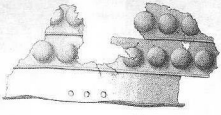
ясок подобного орнамента проходит по краю шлема, так как шлем тоже представляет собой некую емкость, хотя и перевернутую.

Приведенные примеры относятся к временам весьма далеким от IV в. до н. э. Ко времени сооружения царских курганов степной Скифии гальштатская культура в центре Европы давно уже сменилась латенской. Однако на некоторых периферийных по отношению к ее ядру территориях гальштатские традиции сохранялись в пережиточном виде. Одной из таких областей была Фракия, в искусстве которой в интересующее нас время доминируют изображения в зверином стиле, в значительной мере сходном со скифским, но отличающемся своими особенностями. Для искусства Фракии этого времени характерно сильное античное и ахеменидское влияние, хотя во фракийском искусстве V–IV вв. до н. э. известны примеры существования пережиточного гальштатского стиля.

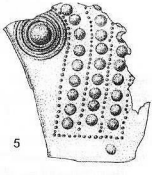
Пожалуй, наиболее яркий пример этого явления – золотые нагрудники из фракийских погребений V–IV вв. до н. э. (см., напр.: Филов 1931: 49, рис. 37,1; Филов 1934, табл. II; 107; рис. 131; 129, рис. 153; 195, рис. 209; 196, рис. 210). Это тонкие золотые пластины продолговатых форм, на которых с обратной стороны выдавлены различные орнаменты, оставляющие в большинстве случаев незаполненным значительное пространство (рис. 6). Среди общих черт этих орнаментов можно назвать схематичность и обособ-

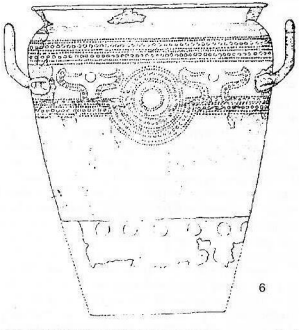

1

2


4

3


5


6

7

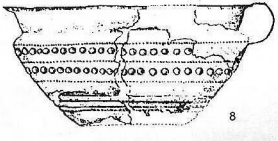

8

Рис. 5. Орнаменты на гальштатских шлемах и сосудах (Antike Helme 1988): 1 – происхождение неизвестно, Брюссель (S. 199, Abb. 5: 2); 2 – Популония (S. 182, Abb. 2); 3 – Олимпия (S. 199, Abb. 5: 4); 4 – Гальштатский могильник (S. 199, Abb. 5: 5); 5 – Дельфы (S. 199, Abb. 5: 3); 6–8 – Северо-западная Румыния, клады (S. 186, Abb. 5)

Fig. 5. Decorations on Hallstatt helmets and vessels (Antike Helme 1988): 1 – of unknown provenance, Brussels (S. 199, Abb. 5, 2); 2 – Populonia (S. 182. Abb. 2); 3 – Olympia (S. 199, Abb. 5, 4); 4 – the cemetery of Hallstatt (S. 199, Abb. 5, 5); 5 – Delphi (S. 199, Abb. 5,3); 6–8 – North-Western Romania, hoards (S. 186, Abb. 5).

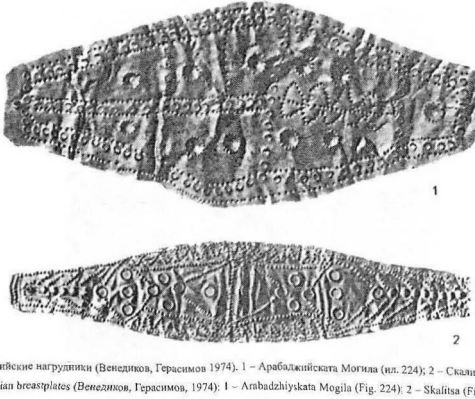


Рис. 6. Фракийские нагрудники (Венедиков, Герасимов 1974). 1 – Арабаджийската Могила (ил. 224); 2 – Скалица (илл. 217).

Fig. 6. Thracian breastplates (Венедиков, Герасимов, 1974): 1 – Arabadzhiyskata Mogila (Fig. 224); 2 – Skalitsa (Fig. 217).

ленность от фона. Техника их исполнения, когда изображения наносятся от руки, без использования общей матрицы, характеризуется как наиболее простая и архаическая (Vasilev 1980: 151). Сходство этих орнаментов с гальштатскими было отмечено Б. Филовым еще в 30-е гг. XX в. при находке первых погребений с нагрудниками, причем по технике и стилю они были отнесены к местному производству (Филов 1931: 47; Филов 1933: 230; Филов 1934: 195).

Существует уже значительная серия этих предметов; хотя на фоне общей картины искусства Фракии V–IV вв. до н. э. они явно не доминируют. Достаточно сказать, что каждый из них найден в богатом погребении, инвентарь которого представлен, в основном, изделиями греческой работы (напр.: Дякович 1930: 188–192; Филов 1931: 54; Филов 1933: 272–274; Венедиков 1964: 78–85). К этому следует добавить, что назначение этих предметов сугубо погребальное, связано с ритуалами, уходящими корнями в глубокую древность (Филов 1934: 195–196; Конова 1995: 196–198). Помимо нагрудников, в культуре Фракии выделяется группа категорий вещей (гривны, фибулы, перстни), архаический стиль исполнения которых считается местным (например, Миков 1950: 150; Венедиков 1964: 91–92) и объясняется их знаковой ролью и соответственно сложной семантикой (Тонкова 2002: 498).

Трудно пока судить о том, какое место в культуре Фракии IV в. до н. э. занимали предметы, выполненные в этом стиле, но важно, что они были и при этом не играли доминирующей роли в общей картине художественных направлений. В данной ситуации эти фракийские примеры особенно интересны, поскольку в культуре, представленной в скифских царских курганах IV в. до н. э., фракийское влияние общеизвестно. Не входя в подробности сложной проблемы взаимоотношений скифского и фракийского искусства в IV в. до н. э., заметим, что следы фракийского влияния в скифском зверином стиле этого времени в той или иной мере признаются практически всеми исследователями (например, Ильинская 1968: 122; Мелюкова 1976; Мозолевский 1979: 186-187; Манцевич 1980).

Заслуживает особого внимания тот факт, что в материале курганных комплексов, отмеченных чертами фракийского влияния, иногда присутствуют вещи, стиль оформления которых можно предположительно охарактеризовать как пережиточно-гальштатский. К приведенной аналогии из Александропольского кургана можно добавить еще несколько.

В комплексе кургана Хомина Могила наряду с великолепными образцами фракийского искусства (Мозолевский 1973: 214, рис. 27; 215, рис. 28; 217, рис. 29) найден уздечный набор с крупным геометрическим орнаментом из прямых и ломаных выпуклых линий, концентрических окружностей, радиальных линий и выпуклых полусфер (рис. 7). Бляхи этого набора сделаны из тонкого листового серебра, орнамент штампованный, отмечается общая небрежность в его исполнении, что приводит автора раскопок и публикации Б. Н. Мозолевского к выводу о том, что орнаменты были нанесены не общим штампом, а от руки (Мозолевский 1973: 220).

В материалах Краснокутского кургана, также содержащего произведения искусства фракийского облика наряду с фракизированными образцами скиф-

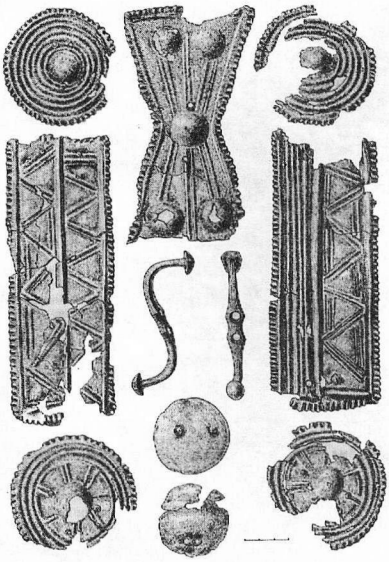


Рис. 7. Уздечный набор из Хоминой Могилы (Мозолевский 1973: 219, рис. 30).

Fig. 7. Bridle set from Khomina Mogila (Мозолевский, 1973: 219, Fig. 30).

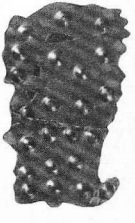


Рис. 8. Нащечник из Краснокутского кургана (Мелюкова 1981: 71, рис. 20: 3).

Fig. 8. Cheek-piece from the Krasnokutsky kurgan (Мелюкова. 1981: 71, Fig. 20: 3).

ского звериного стиля, присутствуют нащечные бляхи от конских уборов (рис. 8) с орнаментом из выпуклых «жемчужин», беспорядочно расположенных по поверхности предмета (Мелюкова 1981: 71, рис. 20: 2, 3). Нащечники вырезаны из тонкого листа серебра, выпуклостям по лицевой их стороне соответствуют углубления на обратной (Мелюкова 1981: 70). А. И. Мелюкова, отмечая сходство этих вещей с рассмотренными выше предметами из Александрополя, характеризует их как «проявление творческой индивидуальности местного мастера», который соблюдал только требуемую форму вещи, а в художественном отношении «отошел от образцов звериного стиля» (Мелюкова 1981: 92).

Похожим образом оформлены тонкие золотые пластинки-обкладки деревянной чаши из кургана Солоха (Манцевич 1987: кат. 3). Выпуклые полусферы расположены тремя рядами по всей поверхности предмета. По мнению А. П. Манцевич, эти элементы орнамента имитируют выпуклые шляпки гвоздей,

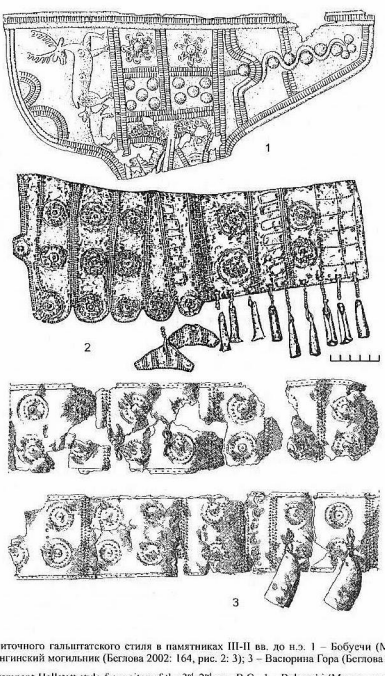


Рис. 9. Примеры пережиточного гальштатского стиля в памятниках III-II вв. до н.э. 1 – Бобуечи (Мордвинцева 2001: 109, рис. 1:2); 2 – Тенгинский могильник (Беглова 2002: 164, рис. 2: 3); 3 – Васюрина Гора (Беглова 2002: 167, рис. 5: 3).

Fig. 9. Examples of the remnant-Hallstatt style from sites of the 3rd–2nd cen. B.C.: 1 – Bobuechi (Мордвинцева, 2001: 109, Fig. 1: 2); 2 – the cemetery of Tenginsky (Беглова, 2002: 164, Fig. 2: 3); 3 – Vasyurina Gora (Беглова, 2002: 167, Fig. 5:3).

встречающиеся на подобных обкладках (Манцевич 1987: 34).

К этому же кругу предметов можно причислить и тонкую бронзовую полуовальную пластину от конского шейного убора из кургана Солоха (Манцевич 1987: кат. 114). Пластина вырезана из тонкого листа, украшена рядами выпуклых точек (Манцевич 1987: 112). Ряд точек окаймляет округлые края пластины, по ее прямому верхнему краю проходят два ряда точек. Такие же ряды точек, сходящиеся под углом, разделяют плоскость пластины на подтреугольные фигуры. Как в этих рядах, так и в двойном ряде по краю предмета, точки нанесены неровно и, похоже, от руки.

У с. Покровка Мелитопольского уезда Таврической губернии в 1896 г. крестьянами был раскопан богатый скифский курган с конскими захоронениями (Спицын 1906: 172). Среди добытых вещей имеются серебряные конские налобники явно фракийской работы (Спицын 1906: 173, рис. 44, 45), серебряная головка кельто-фракийского стиля (Спицын 1906: 173, рис. 43), а также «обломки широких медных листовых пластин, украшенных горошинами» (Спицын 1906: 174). Судя по описанию и по контексту находки (вместе с вещами фракийского облика), этот предмет вполне может дополнить список интересующих нас примеров.

При всем разнообразии форм перечисленных предметов и орнаментов на них, они могут быть объединены рядом общих признаков, как морфологических, так и технологических. Все они сделаны из тонкого листового металла, орнамент нанесен с обратной стороны достаточно небрежно – скорее всего, от руки, без использования общей для всей вещи матрицы. Наблюдаемые орнаменты составляют относительно крупные геометрические фигуры (таковой можно считать и полосу из мелких точек-горошин). Орнамент организован таким образом, что остаются незаполненными значительные участки свободной гладкой плоскости, что, учитывая блеск металла, должно создавать специфический эстетический эффект. Думается, что сумма именно этих признаков позволяет говорить об их общности и определять стиль их исполнения как пережиточно-гальштатский.

Обобщая сказанное, напомним, что перечисленные предметы найдены в курганах, комплексы которых известны находками образцов фракийского искусства и произведений скифского звериного стиля, отмеченных чертами искусства Фракии. Это обстоятельство, думается, отражает некое явление, которое следует рассматривать в контексте скифо-фракийских контактов IV в. до н. э. Выделенная группа материала сопровождает гораздо более значительную по количеству совокупность предметов явно фракийского облика. Думается, пока преждевременно решать вопрос о том, были ли эти вещи фракийским импортом или же были сделаны в Северном Причерноморье. Тот факт, что и в искусстве самой Фракии предметы пережиточно-гальштатского стиля в IV в. до н. э. не доминировали, также наводит на мысли об особой силе и непростом характере фракийского влияния и заставляет задуматься о том, какие реальные исторические явления скрываются в данном случае за чисто условным термином «влияние».

Представляет особый интерес и открывает перспективы для дальнейшего исследования и то обстоятельство, что вещи подобного стиля встречаются в Северном Причерноморье и в более позднее время.

Анализируя декор упомянутого выше нащечника из Краснокутского кургана, А. И. Мелюкова в числе примеров сходства назвала орнамент на предметах конской упряжи из склепа Васюринской Горы (Мелюкова 1981: 92). На фрагментах тонких бронзовых пластин мы видим орнамент из концентрических окружностей, составленных из мелких точек и разделенных тройными рядами таких же точек (рис. 9: 3).

Подобным орнаментом украшены бронзовые конские налобники и нагрудники из Тенгинского грунтового могильника на Кубани (рис. 9: 2). Автор раскопок и публикации памятника Е. А. Беглова, говоря об этом сходстве, датирует склеп на Васюринской Горе III–II до н. э., а рассматриваемую группу материала из Тенгинского могильника – началом II в. до н. э. (Беглова 2002: 160).

В декоре бронзовых пластин из известного Бубуечского комплекса (рис. 9: 1) прослеживаются черты гальштатского орнамента, но сам комплекс датируется II в. до н. э. (Мордвинцева 2001: 112-113).

Эти позднее примеры, хоть и выходят за хронологические рамки данной работы и взяты из другой историко-культурной ситуации, могут все же предоставить некоторую информацию и для дальнейшего исследования вопросов, связанных с выделенной группой материала IV в. до н. э.

Беглова, Е. А. 2002. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока 3: 157–168. Москва: Гос. Музей Востока.

Венедиков, И. 1964. Находка от Стара Село, Сливенско // Известия на Българския Археологически Институт XXVII: 77–109.

Венедиков, И., Т. Герасимов, 1974. Тракийското изкуство. София: Български художник.

Древности... 1866. Древности Геродотовой Скифии 1. Санкт-Петербург.

Дякович, Б. 1930. Тракийска гробница при с. Опалченец // Годишник на народната библиотека и музей в Пловдив: 187–194.

Ильинская, В. А. 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка.

Манцевич, А. П. 1980. Об уздечках фракийского типа из кургана Огуз // Actes du II Congrès international de Thracologie (Bucarest, 4–10 sept. 1976): Histoire et archéologie: 267–293. Bucarest: Ed. Acad. Republicii Socialiste România.

1987. Курган Солока. Ленинград: Искусство.

Мелюкова, А. И. 1976. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии: 106–127. Москва: Наука.

1981. Краснокутский курган. Москва: Наука.

Миков, В. 1950. Тракийски накитни предмети от V–IV в. пр. н. е. // Известия на Българския Археологически Институт XVII: 146–156.

Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности: 187–234. Киев: Наукова думка.

Мозолевський, Б. М. 1979. Товста Могила. Киев: Наукова думка.

Мордвинцева, В. И. 2001. Декоративные пластины из Бубуечa // Российская археология 2: 108-114.

Оценова, Л. 1952. Опит за реконструкция на два щита // Известия на Българския Археологически Институт XVIII/1: 61–82.

Переводчикова, Е. В., К. К. Фирсов, И. В. Яценко, 2002. Фрагменты орнаментированного предмета из кургана Козёл // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Часть II: 145-149. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.

Сокольский, Н. И. 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. Материалы и исследования по археологии СССР 178. Москва: Наука.

Спицын, А. А. 1906. Серогозские курганы // Известия Императорской Археологической Комиссии 19: 157–174.

Тонкова, М. 2002. Аристократични накитни украси от V в. пр. Хр. в Тракия // Пътеи. Изследвания в чест на проф. Иван Маразов: 494–505. София: Алубис.

Фигов, Б. 1919. Паметници на тракийското изкуство // Известия на Българското Археологическо дружество VI: 1–56.

1931. Антична гробница при Дълбоки, Старо-загорско // Известия на Българския Археологически Институт VI: 45–56.

1933. Новооткрити тракийски гробници от Дуванлий // Известия на Българския Археологически Институт VII: 217–280.

1934. Надгробните могили при Дуванли в Пловдивско. София: Българския Археологически Институт.
Antike Helme. 1988. Sammlung Lippenheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin // Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte. Monographien. Bd. 14. Mainz.
Brunn, W. A., von. 1968. Mitteldeutsche Hortfunde der jüngeren Bronzezeit // Römisch-Germanische Forschungen, 29. Berlin: Gruyter.
Die Germanen. 1976. Geschichte und Kultur der Germanischen Stämme in Mitteleuropa. Bd. 1. Berlin: Akademie-Verlag.
Konova, L. 1995. The necropolis from Trebenište – studies and problems // Studia in honoren Alexandri Fol. Thracia 11: 195–202. Serdicae: In Aedibus Instituti thracologici.
Vasilev, P. 1980. Einige charakteristische und traditionelle Methoden in der thrakischer Toreutik // Pulpudeva. Semaines philippopolitains de histoire et de la culture thrace. Plovdiv, 19 octobre 1987. 3: 149–164. Sofia.

ORNAMENTED OBJECT FROM THE KOZEL BARROW: REMNANTS OF THE HALLSTATT STYLE IN SCYTHIAN ROYAL KURGANS?

E. V. PEREVODCHIKOVA, K. B. FIRSOV

In the State Historical Museum, among the finds from the Scythian Royal Kurgan of Kozel excavated by I.E. Zabelin in 1865 and dated to the 4th cen. BC., there are some fragments of a metallic (bronze or poor silver) object consisting of a decorated plate (Fig.1: 1, 2, 4), a disk (Fig.1: 3), a nail-rivet (Fig.1: 5), a nail (Fig.1: 7), and some wooden remains (Fig.1: 6).

In the archive of IIMK RAS, was found a picture drawn in the times of I.E. Zabelin by artist I. Medvedev. On this drawing, the object under discussion is represented in the form of a cylindrical box with a lid (Fig. 2). Though we cannot agree with certain details of the reconstruction represented on this drawing, we must nevertheless recognize that the object really was a wooden cylindrical box with metal attachments, and a composite one besides, in contrast to the traditional Scythian vessels cut (gouged) from complete wooden pieces.

The finds from the Aleksandropol kurgan (Fig. 3) which are almost complete analogues to the two parts of our example, do not make its purpose any clearer since the context of those finds has remained unknown. The same is true of the thin silver disks similar to ours in their dimensions, composition and technique, found in a Thracian burial of the 4th cen. B.C. in Panagyurishte (Fig. 4).

Ornaments similar to those with which our plate is decorated (three rows of large peas between rows of small ones) have been recorded as a well-established motif on a number of Hallstatt helmets and vessels of the 9th–7th cen. B.C. (Fig. 5).

In the 4th cen. B.C., Hallstatt traditions were preserved in remnant forms in some areas including Thrace. At Thracian sites of that period, a number of types, *e.g.* breastplates (Fig. 6), are found executed in old Hallstatt traditions.

The Thracian influence is well known in finds from Scythian Royal kurgans. Among the complexes from a number of these barrows (Khomina Mogila – Fig. 7, Krasnokutsky – Fig. 8, Solokha, and Pokrovka), along with Thracian materials are found certain objects in the style which may be tentatively called remnant-Hallstatt. Considered as characteristic features of this style may be the technique, decorations composed of large geometrical figures and considerable clear areas between their elements. Few examples of this presumable style have been found within the zone of Thracian influence in the culture represented by Scythian Royal kurgans of that period.

Of special interest and promising for further studies is the fact that objects of a similar style have been reported also from the northern Black Sea area of a later period (Fig. 9).

ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ ОДЕССКОГО МУЗЕЯ – МАЛОИЗВЕСТНАЯ НАХОДКА ИЗ ОЛЬВИИ ИЛИ ПОДДЕЛКА?

М. Ю. ТРЕЙСТЕР[1]

В собрании Одесского археологического музея хранится ожерелье с подвеской в форме бабочки, происходящее предположительно из Ольвии (*рис. 1: 1*; 2: 1). Это ожерелье было приобретено А. Л. Бертье-Делагардом в 1907 г., а в 1910 г. подарено им Музею. Ожерелье практически не привлекало внимания *исследователей, хотя М. В. Скржинская* (Скржинская 1994: 20, 22, рис. 2, 4) отметила, что оно было составлено в начале XX в. из элементов античных ожерелий, при этом датируя подвеску в форме бабочки II в. до н. э. Недавно ожерелье было воспроизведено *в новом каталоге Одесского музея* и датировано I–II вв. н. э. (Karageorghis, Vanchugov 2001: 68–69, No. 130 (52359), Dl. 50 cm, вес 52.8 gr., проба 958).

Хранящееся в Одесском музее ожерелье составлено из биконических стеклянных бус и маленьких филигранных золотых бус, четырех *подвесок* и имеет большую подвеску-бабочку в центре. *Стеклянные* биконические бусины оправлены с двух сторон в золотые конусы, украшенные *филигранью. Подвески* в виде амфорок состоят из стеклянных бусин и украшены филигранью. Ожерелье имеет золотые конические наконечники с петлями. *Подвески в виде* амфорок выполнены из круглых стеклянных бусин, оправленных сверху и снизу в золотые пластинчатые обоймы. Под ними имеются *бутоны, состоящие из* ромбовидных, украшенных филигранью лепестков. В центре этих бутонов закреплены по три проволочки, украшенные проволочной *обмоткой, на которых* нанизаны маленькие круглые бусины. Центральная подвеска в форме бабочки состоит из нескольких частей. Головка выполнена из *круглой бусины в золо*той оправе типа «волчьего зуба». Крылья образованы четырьмя пластинками с закругленными концами. Эти пластинки украшены *филигранью, а в центре вставками в виде кабошонов в пластинчатых* оправах типа «волчьего зуба», обрамленных напаянными рубчатыми проволочками. С двух сторон эти касты обрамляют шестилепестковые золотые розетты, каждая с шариком *зерни в центре*. Розетты на маленьких задних крыльях выполнены в технике зерни. Тулово бабочки состоит из удлиненной овальной *бусины в золотой оправе, украшенной по* краю зернью. Передняя часть бусины украшена напаянными золотыми пластинками в форме листиков. Кроме того подвеска *дополнительно* украшена припаянными проволочными завитками.

По мнению М. В. Скржинской, античные бусы ожерелья «заключены в новые золотые оправы», *при этом «ювелир не знал, что древние мастера всегда* помещали бабочку в качестве подвески к центральному камню ожерелья, а крылья соединяли цепочками с боковыми камнями, поэтому бабочка оказалась в ряду бусин». Далее Скржинская предполагает, что «возможно, бабочка, бусины и подвески происходили из одного погребения, но конечно, относились к разным ожерельям» и анализирует декор бабочки-подвески, отмечая, что *с ольвийским ожерельем ее* «сближает техника декора: на крыльях – круглые стеклянные глазки, а золотые розетки и зернь такие же, *как на оправе центрального камня ольвийского ожерелья*. В этом проявились еще не до конца оставленные прежние приемы декора монохромных ожерелий» (*Скржинская 1994: 22*).

Ожерелье из Одесского Археологического музея, может быть, и не вызвало бы мой интерес, если бы *не негатив* (*рис. 1: 2*; 2: 2), обнаруженный мной при работе в фотоархиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге[2]. В инвентарной *книге фотоархива* значится «Ольвия. Древности, предложенные Мишениным, как происходящие из Ольвии – ожерелье, состоящее из круглых и продолговатых бус с привеской в виде бабочки, украшенной филигранью (возвращено как добавленное и переделанное). Дело 11/1904/». К сожалению, в деле № 11 Археологической комиссии от 1904 г. мне не удалось обнаружить записи, касающейся предложенного к продаже ожерелья. Правда, из этого дела известно, что С. Н. Мишенин служил сторожем «при древнем склепе в Парутино».

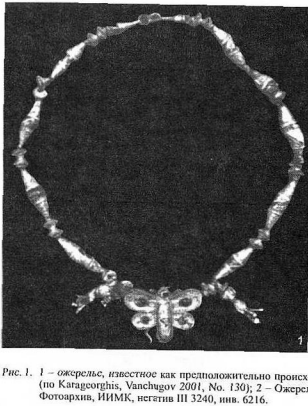
Предложенное на закупку в Археологическую комиссию ожерелье в основной части полностью соответствует ожерелью, которое через три года после этого было приобретено А. Л. Бертье-Делагардом, однако подвеска-бабочка одесского ожерелья, стилистически близкая и в деталях исполнения очень похожая на подвеску ожерелья, известного нам по негативу, хранящемуся в Санкт-Петербурге, отличается от *нее в существенных деталях. У нее не вытянутые*, а плавно закругленные крылья. Бусина, вставленная в тулово – не полосатая. На задних крыльях отсутствуют розетты. Особенно наглядно проявляются различия в форме передних крыльев.

---

[1] Германия. Археологический институт Университета Лейпцига. Ritterstraße 14, D-04109 Leipzig, priv. Weißenburgstr. 59, D-53175 Bonn.

[2] Негатив III 3240, инв. 6216. Автор выражает глубокую признательность заведующей фотоархива, Г. В. Длужневской, за помощь в работе. Архивные поиски в Санкт-Петербурге проводились в рамках проекта по исследованию торевтики и ювелирного дела Северного Причерноморья эпохи эллинизма-первых веков н. э. Немецкого научного общества, осуществляемого в Археологическом Институте Университета Лейпцига (руководитель проекта Ф. Флесс).

© М. Ю. Трейстер, 2004



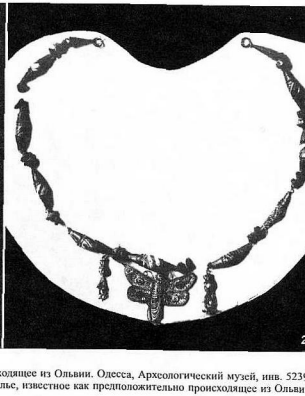


Рис. 1. 1 – ожерелье, известное как предположительно происходящее из Ольвии. Одесса, Археологический музей, инв. 52395 (по Karageorghis, Vanchugov *2001*, No. *130*); 2 – Ожерелье, известное как предположительно происходящее из Ольвии. Фотоархив, ИИМК, негатив III 3240, инв. 6216.

Fig. 1. 1 – Necklace allegedly originated from Olbia. Odessa, Archaeological Museum, inv. 52395 (after Karageorghis, Vanchugov 2001, No. 130); 2 – Necklace a*llegedly coming from Olbia*. Photo-archive, *IIMK*, negative *III 3240*, inv. 6216.

Таким образом не вызывает *сомнения тот факт*, что не позднее 1904-1907 гг. или были найдены, или подделаны два ожерелья с подвесками в виде бабочек, одно из которых было *затем продано* А.Л. Бертье-Делагарду. В пользу второго предположения свидетельствует не только тот факт, что разные, хотя, вероятно, и выполненные одной рукой, подвески-бабочки украшали одно и то же ожерелье. Кроме того, как это *уже было* справедливо отмечено М. В. Скржинской (Скржинская *1994*: 22), все известные нам на сегодняшний день ожерелья с подвеска*ми в виде бабочек представляют* собой цепочки, в центральной части которых имеются соединенные между собой медальоны, как правило овальной, но так*же округлой и прямоугольной* формы (рис. 2: 3) (см. Приложение 1). Подобные ожерелья известного происхождения встречаются в сарматских погребениях Северо-Западного Причерноморья, а также некрополях Ольвии и Херсонеса, которые датируются второй половиной I в. н. э. (Трейстер 1993; Treister *1998*; ср. Скржинская *1994*). Наконец, у всех известных подвесок в форме бабочек – крылья – одночастные, представляющие, как правило, касты каплевидной, подтреугольной или округлой формы. Обе подвески в виде бабочек, рассматриваемые нами, имеют двухчастные крылья, украшенные мелким филигранным орнаментом, напаянными розеттами и круглыми вставками. Между тем и рассматриваемое одесское ожерелье, и ожерелье, предлагавшееся на закупку в Археологическую комиссию, образованы биконическими стеклянными бусинами *со спиралевидной орнаментацией. Все приведенные* выше наблюдения дают серьезные основания сомневаться в аутентичности ожерелья из Одесского *музея. Конечно*, удлиненные бусины, которые использовались для украшения подвесок в виде бабочек, могли быть подлинными. Такие бусины с так называемым украшением в виде фестонов типичны для эллинистического времени (Алексеева 1978: 38, табл. 30).

Основная часть ожерелья, хранящегося в Одесском музее, состоящая из стеклянных бус в золотых конических оправах с маленькими золотыми разделителями биконической формы и подвесок-амфорок со свисающими цепочками (за исключением бусин, образующих тулово амфор), вероятно также аутентичная, и на основании параллелей, происходящих из так называемого клада из Палеокастро в Фессалии (Гамбург; инв. 1918, 60) (Küthmann-Kusel 1925: 170–171, Nr. 3, Taf. VIII, 3; Amandry 1953: 134, note 3; Hoffmann, Davidson 1965: No. 135; Hoffmann, von Claer 1968: Nr. 26), может быть достаточно уверенно датирована второй половиной II в. до н. э. Также и биконические стеклянные бусины со спиралевидной орнаментацией типичны для эллинистического времени (Алексеева 1978: 35).

Подвески в виде амфорок, состоящие в центральной части из бусины, которая выполнена из стекла или цветного камня, встречаются на множестве серег. Наиболее ранние образцы можно датировать еще концом III в. до н. э. (Stillwell, Sjoqvist 1957: 158, pl. 60, fig. 28; Denis 1996: 213, note 12 – в контексте

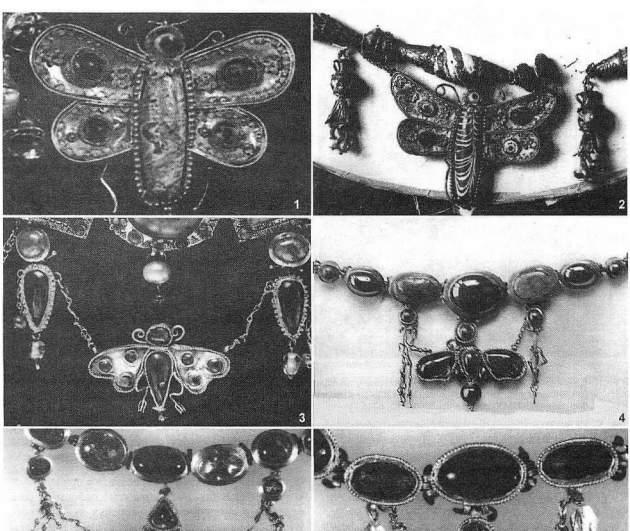


Рис. 2. 1 – ожерелье, известное как предположительно происходящее из Ольвии. Одесса, Археологический музей, инв. 52395 (по Karageorghis, Vanchugov 2001, No. 130), деталь; 2 – ожерелье, известное как предположительно происходящее из Ольвии. Фотоархив, ИИМК, Ст. Петербург, негатив III 3240, инв. 6216, деталь; 3 – Ожерелье из грабительских раскопок в Парутино, 1891 г. Деталь. Балтимор, Галерея Уолтерса, инв. 57.386. Фото Галереи Уолтерса; 4 – Ожерелье. Ранее коллекция Мерля де Массоно, Париж. Фото ок. 1928 г. Фотоархив ИИМК, Q.300; 5 – Ожерелье из Херсонеса, склеп 630/1896 г. Деталь. Гос. Эрмитаж, инв. Х. 1896.18. Фото Гос. Эрмитажа; 6 – Ожерелье из Херсонеса, склеп 1009, урна 5/1898 г. Гос.Эрмитаж, инв. Х.1898.8. Фото Гос. Эрмитажа.

Fig. 2. 1 – Necklace said to originate from Olbia. Odessa, Archaeological Museum, inv. 52395 (after Karageorghis, Vanchugov 2001, No. 130). Detail. 2 – Necklace said to come from Olbia. Photo-archive, IIMK, negative III 3240, inv. 6216. Detail. 3 – Necklace looted in Parutino, 1891. Detail. Baltimore, The Walters Art Gallery, inv. 57.386. Photo, The Walters Art Gallery. 4 – Necklace. Previously in Merle de Massoneau's Collection. Paris, Photo. Ca. 1928. Photo-archive IIMK, Q.300. 5 – Necklace from Chersonesos, tomb 630/1896. Detail. State Hermitage, inv. X. 1896.18. Photo, State Hermitage. 6 – Necklace from Chersonesos, tomb 1009, urn 5/1898. State Hermitage, inv. X.1898.8. Photo, State Hermitage.

с денариями 211 г. до н. э.), большинство – характерны для II–I вв. до н. э.[3].

Также и другие элементы подвесок в форме амфорок на рассматриваемых ожерельях характерны для эллинистической эпохи. Так, например, подвески в виде цепочек, которые свисают из центра бутона, состоящего из ромбовидных лепестков с филигранью, украшающие стеногиду из Артюховского кургана (ГЭ,

[3] 1) Торонто, Музей Онтарио, инв. 986.164.1; гранат (Denis 1996: 208–9, fig. 4: III–I вв. до н. э.); 2) из Вульчи, Берлин, Античное собрание, инв. Gl.181 (Greifenhagen 1975: Taf. 39, 12: II–I вв. до н. э.); 3) из Фессалии, стекло; Афины, Музей Бенаки, инв.

инв. Арт. 38: Максимова 1979, цв.илл. на с. 26; 48–49), а также многочисленные серьги II-I вв. до н. э., в том числе находки из Египта (Британский музей, инв. GR 1904.7–6.11, сам. выше) и Южной Италии (из коллекции Ш. Уайт и Л. Леви: Cat. New York 1990: No. 141b). *Для хронологии* этих декоративных элементов важна находка серьги с подобной подвеской *в кладе, найденном* на акрополе Геракли в Лукании вместе с монетами, датирующимися от 134 до 45 гг. до н. э. (Cat. Venosa 1992: 144, a, fig. 230).

Бусы, свисающие на проволочках с обмоткой из подобных бутонов, также находят многочисленные параллели среди ювелирных изделий эллинистического времени, например, на указанной выше серьге из Палеокастро, хранящейся в Гамбурге, а также на целом ряде находок из Артюховского курганного поля: *на двух* булавках – ГЭ, инв. Арт. 7 (Максимова 1979: цв. илл. на с. 26; 49–50, № 1; Higgins 1980: 169, 171, *pl. 53F*; Despini 1996: No. 219; Cat. Bonn 1997: Nr. 103); ГЭ, инв. Арт. 39 (Максимова 1979, *цв. илл. на с. 26; 50, № 2*); на большой диадеме с «геракловым узлом» – ГЭ, инв. Арт. 1 (Максимова 1979: 25, цв. илл.; 45–48, рис. 6–7); на серьгах с подвесками в виде голубей – ГЭ, инв. Арт. 40 (Максимова 1979: цв. илл. на с. 27; 54, *№ 4*; Higgins 1980: 164, *pl. 48 B*; Despini 1996, No. 105); на указанной выше стеленгиде, а также на ожерелье из бус – ГЭ, инв. Арт. 5 (Максимова 1979: цв. илл. на с. 28; 56–57, *№ 4*, рис. 11). Примечателен также тот факт, что подвески к булавкам, диадеме и стеленгиде из Артюховского кургана закреплены на промежуточных бусинах. Эти бусины обрамлены золотыми обоймами, которые, хотя и имеют форму иную (полукруглую, а не коническую), нежели оправы бус из Одессы, все же стилистически чрезвычайно близки последним. Такие полусферические оправы были довольно распространенным элементом ювелирных изделий эпохи эллинизма[4].

Напомним, что к моменту появления предполагаемых подделок на антикварном рынке России было известно как минимум три ожерелья с подвесками в форме бабочек, происходящие из ольвийского погребения, разграбленного жителями с. Парутино в 1891 г. (см. ниже Приложение 1.2; Рис. 2: 3), а также херсонесских гробниц, открытых в 1896 и 1898 гг. (см. ниже Приложение 1.4–5; Рис. 2: 5,6). Не исключено, что в 1891 г. в Ольвии было найдено еще одно ожерелье с подвеской-бабочкой, хотя, возможно, оно происходит из грабительских раскопок 1913 г. (см. Приложение 1.3). Возможно, в начале XX в. было известно также ожерелье, которое, судя по сообщению Р. Цана (1921 г.), хранилось в частной коллекции в Берлине (Приложение 1.12), изображением его я не располагаю, если только не предположить, что это же ожерелье в 1920-х гг. хранилось в парижской коллекции Мерля де Массоно (Приложение 1.13; рис. 2: 6). Из них наибольшую близость к подвескам-бабочкам из Одесского музея и с фотографии в Архиве ИИМК обнаруживает подвеска-бабочка одного из ожерелий, происходящих из ольвийского погребения, хранящаяся в настоящее время в Балтиморе (рис. 2: 3), что уже было справедливо отмечено М. В. Скржинской (Скржинская 1994: 22). Крылья этой бабочки образуют золотые пластины подтреугольной формы с волнистыми концами, и на каждом крыле имеется по три маленькие округлые вставки-кабошоны в пластинчатых кастах.

Указанные находки не могли остаться незамеченными одаренными мастерами подделки древностей, которая процветала в конце XIX – начале XX вв. на юге России. Хорошо известны имена торговцев древностями, таких как братья С. и Л. Гохманы из Очакова, на которых работали известные одесские ювелиры, такие как И. Рухумовский, выполнявший заказы по рисункам Гохманов (см., например, Бертье-Делагард 1896; фон Штерн 1899; Colligonn 1899; Передольская 1966; Алексеев 1997: 31; Metzger 2002; Schiltz 2002; Nicolini 2002), некоторые из его изделий были проданы в крупнейшие музеи России и Европы. Тот факт, что Гохманы часто продавали фальшивки через посредников, среди которых была, например, некая Аниота из Парутино (Передольская 1966: 49), вполне соответствует обстоятельствам предложения о продаже ожерелья Археологической комиссии в 1904 г. Вероятно, со второй попытки (хотя не исключено, что их больше), рассматриваемое нами ожерелье, в несколько измененном виде было продано известному русскому нумизмату, в дальнейшем подарившему его в Одесский археологический музей, который, в свою очередь, без всякого критического анализа[5] публикует его по прошествии почти ста лет

1557 (Segall 1938: Nr. 37, Taf. 13; Cat. Dallas 1990: 53, pl. 31; Cat. Athens *1999*, No. 72, fig. *152*); 4) предположительно из Египта, гранат; Британский Музей, инв. GR 1906.4–11.1 (*Marshall 1911: No. 2331; Deppert-Lippitz 1985: 261–262, Farbtaf. XXXI; Despini* 1996: No. 102; *Cat. Athens 1999:* 232, *fig. 166*: I в. до н. э.; Cat. London 2001: No. 104: II в. до н. э.); 5) из погребения в Аммунейне, Египет, II в. до н. э., изумруд; Британский музей, инв. GR 1904.7–6.1 (Marshall 1911: Nos. 2332–2333; Cat. London 2001: No. 105); 6) из Нотиона, к югу от Измира, стекло; Стамбул, Арх. Музей (Mеriçboyu 2001: 163, res. 3: II в. до н. э.); 7) *Британский музей, инв. GR 1872.6–4.1105*; гранат (Marshall 1911: Nos. 2442–2443; Ogden 1992: 45, fig. 28; Pfrommer 1990: OR 380, Taf. 24, 8;

[4] См., например, подобные оправы на ожерелье из Измита, Стамбул, Археологический музей (Mеriçboyu 2001: 186–187), на диадемах *из Абдеры (Берлин, Античное собрание*, инв. 30219,371) (Greifenhagen 1970: 35 ff., Taf. 14–15; Farbtaf. I; *Pfrommer* 1990: 215 ff., FK 21, Taf. 12, 3; Platz-Horster 2001: Nr. 43: 200–150 гг. до н. э.) и Фессалии (Афины, Музей Бенаки, инв. 1548) (Cat. Athens 1999: No. 67, fig. 144), а также Музея Далласа, инв. 1991.75.66.a-b (Deppert-Lippitz 1996: No. 88: II в. до н. э.); на бусах ожерелья из Музея Далласа, инв. 1991.75.79; *1991.75.78* (Deppert-Lippitz *1996*: Nos. 67–68: II в. до н. э.). Сам. также *аналогичные оправы* на подвесках серег, например, из погребения в окрестностях Измира (Далласа, инв. 1991.75.74.1.a-c) (Hoffmann, von Claer 1968: 17; Deppert-Lippitz *1996*: No. *95A*: II в. до н. э.); или из кургана *Эдемиш под Эфесом (Эфес, Музей: Edremgil n.d.:* 64–66: I в. до н. э.).

[5] Конечно, необходимо исследование состава металла и техники изготовления ожерелья из Одесского музея, в первую очередь подвески в форме бабочки, для окончательного решения вопроса о ее подлинности, однако, на мой взгляд, представленные в данной публикации наблюдения дают серьезные основания сомневаться в аутентичности ожерелья.

в одном ряду с подлинными *произведениями* античного искусства.

Проблема оригиналов и подделок в археологических исследованиях северопричерноморских древностей приобретает сегодня не меньшее значение, чем на рубеже XIX–XX вв. В последнее десятилетие грабительские раскопки в странах бывшего СССР, в том *числе в России и на Украине, приобрели* огромный размах, соответственно на черном и «сером» рынке древностей, как в России (см, например, Ильюков 1998; Kazanski, Treister 2000), так и в Европе и США[6] значительно выросло предложение находок из городов и некрополей Северного Понта, а также скифских и сарматских погребений. С другой стороны, хранители крупнейших музеев отмечают возросшее число подделок, в том числе античных ювелирных *изделий и произведений* греко-скифской и скифской торевтики, зачастую *выполненных на довольно* высоком уровне, отражающем хорошее знание музейных материалов и специальной литературы.

Стыдливое замалчивание этих явлений или их односторонее освещение (только в газетных радио- или телевизионных интервью), но не в серьезных научных *изданиях*[7] приведет к тому, что будут утрачены те крупицы информации, пусть не всегда полностью *достоверной*, которые *еще* можно было бы найти «по горячим следам», а наши *преемники на многие деся-*

тилетия будут по горло обеспечены работой по отделению подлинных памятников от подделок.

Примером, на мой взгляд, может служить ситуация в итальянской археологии – размах нелегальных раскопок и торговли древностями в этой стране вызывает к жизни не только активную охрану памятников, отслеживание нелегальных раскопок и путей торговли древностями, возвращение по суду нелегально вывезенных за границу произведений древнего искусства – конфискованные государством древности становятся предметом специальных *выставок*, *а памятникам* «без происхождения» посвящаются специальные *научные симпозиумы* (см, например Pelagatti, Guzzo 1997). Очевидно, что, если ни российское, ни украинское государства не способны бороться с нелегальными раскопками и торговлей древностями, если спрос на произведения древнего искусства вызывает *массовый вал подделок (какая-то их часть так или иначе* попадает в Музеи, особенно в те, где уровень экспертизы невысок – или путем покупок, или в результате даров, или попадет в них впоследствии, например, через частные собрания), то в этой связи, на мой взгляд, приобретают особую актуальность научные публикации памятников обеих групп «по горячим следам», так, как это столетие назад делали А. В. Орешников (1891), А. Л. Бертье-Делагард (1896), Э. фон Штерн (1899; 1907), *Н. И. Веселовский (1904) и другие археологи.*

Алексеев А. Ю. 1997. К реконструкции одного утраченного предмета эллино-скифской торевтики V–IV вв. до н. э. // Stratum+ПАВ: 29–43. Санкт-Петербург, Кишинев.

Алексеева, Е. М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников Г 1–12. Москва: Наука.

Апакидзе, А. М., Г. Ф. Гобедзишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ламтадзе 1958. Мцхета. Итоги археологических исследований. I. Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937–1946 гг. Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР.

Бертье-Делагард, А. Л. 1896. Подделка греческих древностей на юге России // Записки Одесского общества истории и древностей XX: 27–68.

Веселовский, Н. И. 1904. Случайная находка близ Новороссийска // Известия археологической комиссии 11: 167–168.

Дзиговский, О. М. Дзиговский, А. Н.] 2000. Культура сармат*ив* пізнічно-західного Причорномор'я. Одеса: Гермес.

Дзиговский, А. Н., А. С. Островерхов. 2000. *Стеклянная* посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и российского Подонья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Одесса: Гермес.

2000а. Перстень-печать из сарматского погребения у с. Михайловка // Штербуль, Н. А. (ред.), Пам'ятки археології північно-західного Причорномор'я: 120–130. Одеса: Гермес.

Иессен, А. А. 1961. Так называемый «майкопский пояс» // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 2: 163–177.

Ильюков, Д. С. 1998. Коллекция античных сокровищ // Донская археология 1: 88–91.

Кат. Ленинград, 1980. Художественные изделия эпохи Римской империи (I в. до н. э. – IV в. н. э.). Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Ленинград: Искусство.

Кат. Москва. 2001. Логинова, Ю. Е. Греки в России. Памятники истории и культуры Греции в собрании Государ*ственного исторического* музея. Москва: Художник и книга.

2002. Журавлев, Д. В. (ред.), На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Моск*ва: Государственный* исторический музей.

Люценко, Д. Е. 1878. Замечания о курганах Киевской губернии // Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Приложения: 199–204. Киев.

Максимова, М. И. 1979. Артюховский курган. Ленинград: Искусство.

Орешников, А. В. 1894. Заметки о древностях, найденных в Парутино в 1891 г. // Древности XV/2: 1–13.

Передольская, А. А. 1966. Оригинал или подделка? (по поводу лувроского серебряного ритона) // Советская археология 1: 42–50.

[6] См., например, богатый «ассортимент» скифских золотых бляшек VI–IV вв. до н. э. Cultura 1999: 52; Christie's 8.12. 1999: No. 19; Christie's 13.06. 2000: Nos. 411, 414; Sotheby's 14.06. 2000: No. 135; Christie's 8.06. 2001: Nos. 324–327.

[7] Образцом такого подхода является статья А. И. Айбабина и Е. Хайрединовой (Aibabin, Chairedinova 2001) *на нашу с М. Казанским* по словам продавца, из искренов Лучистое. Мы с М. Казанским были обвинены в «научной легализации» находок, что ведет к повышению *их материальной стоимости – «Auf solche Weise können die* Funde «wissenschaftlich legalisiert» und «dokumentiert» werden. Sie steigen dadurch wesentlich in Preis» (Aibabin, Chairedinova 2001: 522). С этим может быть можно было бы в какой-*то степени* согласиться, если бы находки были выставлены на аукционе, или находились в частной коллекции, готовящейся к продаже (и то с большими оговорками, так как ни один коллекционер не станет доказывать, что вещи происходят из нелегальных раскопок), но памятники, публикация которых вызвала бурю гнева со стороны авторов раскопок могильника, были изданы через пять лет после того, как они были приобретены российским государственным музеем (!), который экспонирами из своих фондов не торгует.

Скржинская М. В. 1994. Из истории античных ювелирных украшений // Российская Археология 1: 18–25.

Субботин, Л. В., А. Н. Дыгосенуй. 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья 2. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. Киев: Наукова думка.

Трейстер, М. Ю. 1993. Еще раз об ожерельях I в. н. э. с подвесками в форме бабочек из Северного Причерноморья // Петербургский археологический вестник 4: 87–95.

в печати. Полихромные ожерелья эпохи поздней эллинизма (*к вопросу о происхождении ожерелий с* подвесками в форме бабочек) // Вестник древней истории.

Штерн, Е. фон. 1899. О подделках классических древностей на юге России // Труды X Археологического съезда I: 189–196. Москва.

1907. Могильная находка в Ольвии в 1891 г. // Записки Одесского общества истории и древностей XXVII: 87–100.

Aibabin, A., E. Chajredinova. 2001. Zum „neuen" Fundkomplex aus dem Gräberfeld beim Dorf Lutchistoe // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии VIII: 522–524. Симферополь: *Крымское отделение института* востоковедения НАН Украины.

Amandry, P. 1953. Collection Hélène Stathatos. Les bijoux antiques. Strasbourg: Institut d'archéologie de l'Université de Strasbourg.

Belin de Ballu, E. 1972. Olbia. Cité antique du littoral nord de la Mer Noire. Leiden: Brill.

Boardman, J. (ed.) 1993. Oxford History of Classical Art. Oxford: Oxford University Press.

Cat. Athens. 1999. Delivorrias, A. (ed.), Ellenika kosmemata. Apo tis Sylloges tou Mouseiou Benake. Athens: ADAM Editions.

Cat. Baltimore. 1979. Jewelry. Ancient to Modern. A Studio Book. Baltimore: The Walters Art Gallery; New York: The Viking Press.

1984. Objects of Adornment. Five Thousand Years of Jewelry from the Walters Art Gallery, Baltimore. Baltimore: The Walters Art Gallery.

Cat. Bonn. 1997. Barkova, L., Ju. Kalašnik (hrsg.). Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn: Gerd Hatje.

Cat. Dallas. 1990: Bromberg, A.M., Gold of Greece. Jewelry and Ornaments from the Benaki Museum. Dallas: Dallas Museum of Art.

Cat. London. 1976: Jewellery through 7000 Years. London.

1997. Walker, S., M. Bierbrier, Ancient Faces. Mummy Portraits from Roman Egypt. London: British Museum Press.

2001. Walker, S., P. Higgs (eds.), Cleopatra of Egypt. From History to Myth. London: British Museum Press.

Cat. New York. 1990. von Bothmer, D. (ed.), Glories of the Past. Ancient Art from the Shelby White and Leon Levy Collection. The Metropolitan Museum of Art. New York: Harry N. Abrams.

Cat. Paris. 1967. L'art russe des Scythes à nos jours. Trésores des musées soviétiques. Paris: Grand Palais.

Cat. Venosa. 1992. Da Leukania a Lucania. La Lucania centro-orientale fra Pirro e i Giulio-Claudii. Roma: Istituto poligrafico e zecca dello stato.

Charrière, G. 1974. Die Kunst der Skythen. Köln: DuMont.

Collignon, M. 1899. Tiara en or offerte par la ville d'Olbia au roi Saitapharnès // Fondation Eugène Piot. Monuments et Mémoires VI: 5–59.

Christie's 8.12.1999. Christie's New York, Ancient Jewelry, 8 December 1999.

Christie's 13.06.2000. Christie's New York Antiquities, 13 June 2000.

Christie's 8.06.2001. Christie's New York Antiquities 8 June 2001 (AEGINA-9666).

Cultura 1999. Cultura. The World Art & Antiques Fair. 13–21 November. Basel.

Davidson, P. E., A. Oliver Jr. 1984. Ancient Greek and Roman Gold Jewelry in the Brooklyn Museum. Brooklyn: The Brooklyn Museum.

Denis, P. 1996. Recent Acquisitions of Ancient Jewelry by the Royal Ontario Museum // Calinescu, A. (ed.), Ancient Jewelry and Archaeology: 207–214. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Deppert-Lippitz, B. 1985. Griechischer Goldschmuck. Mainz: Zabern.

1996. Ancient Gold Jewelry at the Dallas Museum of Art. Dallas: Dallas Museum of Art.

Despini, A. 1996. Ancient Gold Jewellery of Athens: Ekdotike Athenon.

Edremgil, S. n.d., Ephesos Museum. Istanbul: Do-Gü.

Greifenhagen, A. 1975. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. II. Berlin: Gebr. Mann.

Hackens, T. 1976. Catalogue of the Classical Collection. Classical Jewelry. Museum of Art, Rhode Island. School of Design. Providence: Museum of Art, Rhode Island. School of Design.

Hackens, T., R. Winkes (eds.) 1983. Gold Jewelry. Craft, Style and Meaning from Mycenae to Constantinople (Aurifex, 5). Louvain-la-Neuve: Université Catholique de Louvain.

Higgins, R. 1976. Jewellery from Classical Lands. London: British Museum Publications Ltd.

1980. Greek and Roman Jewellery. 2nd edition. Berkeley: University of California Press.

Hoffmann, H., P. F. Davidson. 1965. Greek Gold: Jewelry from the Age of Alexander. Mainz: Zabern.

Hoffmann, H., V. von Claer. 1968. Antiker Gold- und Silberschmuck: Museum für Kunst und Gewerbe, Hamburg. Mainz: Zabern.

Karageorghis, V., V. Vanchugov (ed.) 2001: Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa. Nicosia: Foundation A.G.Leventis, National Academy of Sciences of the Ukraine, Archaeological Museum of Odessa.

Kazanski, M., M. Treister. 2000. Quelques objets du haut moyen-âge provenant de la nécropole de Louchistoe (Crimée) // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucause durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Âge (*Colloquia* Pontica, 5): 89–96. Leiden, Boston, Köln: Brill.

Küthmann-Kusel, H. 1925: Thessalischer Goldschmuck im Hamburger Museum für Kunst und Gewerbe // Athenische Mitteilungen 50: 167–191.

Marshall, F. H. 1911. Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum. London: British Museum.

Merichoyu, Y. A. 2001. Antikçağ de Anadolu takilari. Istanbul: Akbank.

Metzger, C. 2002. De quelques faux célèbres en orfèvrerie // Revue Archéologique 1: 173.

Minns, E. H. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge: Cambridge University Press.

Musche, B. 1988. Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden. Leiden, New York, København, Köln: Brill.

Nicolini, G. 2002. La «Tiare de Saïtafarnès», considérations techniques // Revue Archéologique 1: 174–177.

Ogden, J. 1992. Ancient Jewellery. London: Trefoil Books.

Oliver, A., Jr. 1979. The Olbia Treasure // *Cat. Baltimore* 1979: 94–103.

Pavesi, G., E. Gagetti, E. 2001. Arte e materia. Studi su ogetti di ornamento di età romana (Università degli studi di Milano, Quaderni di Acme, 49). Milano: Università degli studi di Milano.

Pfeiler, B. 1970. Römischer Goldschmuck der ersten und zweiten Jahrhunderten n. Chr. nach datierten Funden. Mainz: Zabern.

Pfeiler-Lippitz, B. 1972. Späthellenistische Goldschmiedearbeiten // Antike Kunst 15.2: 107–119.

Pfrommer, M. 1990. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks (Istanbuler Forschungen 37). Tübingen: Wasmuth.

Platz-Horster, G. 2001. Alles Museum. Antiker Goldschmuck. Eine Auswahl der ausgestellten Werken. Mainz: Zabern.

Reeder, E. 1988. Hellenistic Art in the Walters Art Gallery. Baltimore: The Walters Art Gallery.

Ruxer, M. S., J. Kubszak. 1972. Naszynik grechi w okresach hellenistycznym i rzymskim. Warsaw, Poznań: Państwowe Wydawnitwo Naukowe, Oddział w Poznaniu.

Samoilova, T. (ed.) 2001. Ancient Greek Sites of the Northwest Coast of the Black Sea. Kiev.

Schiltz, V. 2002. Les sources iconographiques du faussarie'// Revue Archéologique 1, 173–174.

Segall, B. 1938. Katalog der Goldschmiede-Arbeiten. Museum Benaki. *Athen*: Pyrsos.

Sotheby's 14.06.2000. Sotheby's Antiquities, New York, June 14, 2000, Sale 7489.

Stefanelli, L. P. B. 1992. L'oro dei Romani. Roma: L'Erma.

Steinhart, M., E. Wirbelauer 2002. Aus der Heimat des Odysseus. Mainz: Zabern.

Stillwell, R., E. Sjoqvist. 1957. Excavations at Serra Orlando. Preliminary Report // American Journal of Archaeology 61: *151–159.*

Treister, M. Y. 1998. Further Thoughts about the Necklaces with Butterfly-Shaped Pendants from the North Pontic Area // Journal of the Walters Art Gallery 55/56: 49–62.

in print. 1st Century AD Jewellery Workshop in North Pontic Area and the Peculiar Graeco-Sarmatian Style // 1. International Symposium on ancient Gold Technology: America and Europe', Madrid, 23.–25.Oktober, 2002. Madrid.

Zahn, R. 1921. Sammlung der Galerie Bachstitz. Den Haag. Berlin: Galerie Bachstitz.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

ОЖЕРЕЛЬЯ, УКРАШЕННЫЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ МЕДАЛЬОНАМИ СО ВСТАВКАМИ-КАБОШОНАМИ ИЗ ЦВЕТНЫХ КАМНЕЙ И СТЕКЛА И ПОДВЕСКАМИ В ФОРМЕ БАБОЧЕК

1. Итака, ранее в коллекции Кастеллани. Британский Музей, *инв. 2746. Лит. Marshall 1911:* No. 2746; Zahn 1921: 33; Pfeiler 1970: 102, Taf. 30; Ruxer, Kubszak 1972: pls. XXVII; E; *Cat. London* 1976: 115, No. 161; Higgins 1976: 29–30; col. pl. D; *1980:* 179, pl. 55B; Hackens, Winkes 1983: 62, fig. 5; 67; Ogden 1992: 19, fig. 9; Stefanelli 1992: No. 115, fig. 163; Скржинская 1994: 20, *рис. 2*, 3; 23; *Cat. London* 1997: 162; Treister 1998: 52, fig. 3; Pavesi, Gagetti 2001: 123. Это ожерелье происходит не из Рима, как отмечал *Ф. Маршалл*, а из раскопок капитана Гуттерра на о. Итака 1811–1814 гг. На рисунке, опубликованном в 1840 г. *Х. фон Пюклер-Мускау, представляющем именно это ожерелье* с круглым медальоном, изображающим богиню в сегона muralis. См. Steinhart, Wirbelauer 2002: 248–249, Nr. I, Abb. 134.
2. Ольвия, из грабительских раскопок 1891 г. Балтимор, Галерея Уолтерса, инв. 57.386. Ранее в собраниях Постникова, *П. Маврогордато, Ф. Л. фон Ганса.* Лит. Орешников 1894: 3, табл. I, 2; Minns 1913: 406; Zahn 1921: 28–29, Nr. 92. B; 32–33, Taf. 25; Pfeiler-Lippitz 1972: 108 f., Taf. 31; Hackens 1976: 83, note 2; Oliver 1979: 94 f., No. 281; *Cat. Baltimore* 1984: No. 49; Hackens, Winkes 1983: 62, fig. 5; Deppert-Lippitz 1985: 283, 286, *Abb. 215*; Reeder 1988: 236–237, No. 132; Pfrommer 1990: 92, 328, TK 305; Boardman 1993: 187, No. 182 B; Скржинская 1994: 19, *рис. 1*, 2; 21; 2000: 176, *рис. 79*; Treister 1998: 49, 53, fig. 4. Здесь, *Рис.* 2: 3.
3. Ольвия, из грабительских раскопок 1891 г. или 1913 г. Балтимор, Галерея Уолтерса, инв. 57.385. Ранее в собраниях П. Маврогордато и Ф. Л. фон Ганса. Лит. Zahn 1921: 29, Nr. 92. C ; 33; Taf. 26; *Pfeiler-Lippitz 1972: 108 f.*, Taf. 31; Belin de Ballu 1972: pl. LXXVIII, 3; Oliver 1979: 96, No. 282; *Cat. Baltimore* 1984: No. 50; Deppert-Lippitz *1985: 283, 286, Abb. 215*; Reeder 1988: 238, No. 133; Musche 1988: 148–149, Nr. 5.4; Taf. XLIII; Скржинская 1994: 19, рис. 1, 1; 2000: 176; Treister 1998: 49, 53, fig. 5.
4. Херсонес, склеп 630/1896: ГЭ, инв. Х. 1896.18. Лит. ОАК *за 1896 г.: 76, рис. 323*; Minns *1913: 407*; *Hoffmann*, von Claer 1968: 39; *Кат. Ленинград* 1980: № 141; Скржинская 1994: 20–23, рис. 2, 1; *Cat. Bonn* 1997: Nr. 108; Treister 1998: 49 ff., fig. 7. Здесь, *Рис.* 2: 5.
5. Херсонес, склеп 1009, урна 5/1898: ГЭ, инв. Х.1898.8. Лит. ОАК за 1898 г.: 121 сл.; Minns 1913: 408; *Cat. Paris* 1967: No. 150; Charriere 1974: 335; Treister 1998: 49 ff., 54, fig. 6. Здесь, Рис. 2: 6.
6. Михайловка, курган 3/1982. Одесса, Археологический музей, инв. 53982. Лит. Субботин, Дзиговский 1990: 21, № 16, рис. 16, 7; Treister in: Stefanelli 1992: No. 116, fig. 297; Скржинская 1994: 20, рис. 2, 1; 23; Treister 1998: 49 ff., fig. 1–2; Дзиговский 2000: 92, *рис. 38; 104*, рис. 43, 2; Дзиговский, Островерхов 2000: 151; 2000a: 124, 129, *рис. 1*, 7; *Santoldova 2001*: 107, илл. внизу; Karageorghis, Vanchugov 2001: 69, No. 131; Pavesi, Gagetti 2001: 123.
7. Возможно, Усть-Альма, грабительские раскопки 1996 г. Частная коллекция С. Н. Платонова, Киев. Не опубликовано. Выставка в Нац. Банке Украины в Киеве, весной 2002 г. и в Музее-Заповеднике «София Киевская» весной 2003 г.
8. Возможно, Усть-Альма, грабительские раскопки 1996 г. Частная *коллекция С. Н. Платонова, Киев. Не опубликовано. Выставка в Нац. Банке* Украины в Киеве, весной 2002 г. и в Музее-Заповеднике «София Киевская» весной 2003 г.
9. Северное Причерноморье. *Из* грабительских раскопок ок. 1999–2001 гг. (?). Частная коллекция С. Н. Платонова, Киев. Не опубликовано. Выставка в Нац. Банке Украины в Киеве, весной 2002 г. и в Музее-Заповеднике «София Киевская» весной 2003 г.
10. Северное Причерноморье. Из грабительских раскопок ок. *1999–2001* гг. (?). Частная коллекция С. Н. Платонова, Киев. Не опубликовано. Выставка в Нац. Банке Украины в Киеве, весной 2002 г. и в Музее-Заповеднике «София Киевская» весной 2003 г.
11. Северное Причерноморье (?). Коллекция «Индустриального союза Донбасса». Не опубликовано. Выставка в Музее-Заповеднике *«София Киевская» весной 2003 г.*
12. «Прекрасный экземпляр, также из южной России, в одной *берлинской* частной коллекции» (Zahn 1921: 10).
13. Место находки не известно. Вероятно, Северное Причерноморье. В 1920-х гг. в парижской коллекции Мерля де Массоно. Фото подарено 15. *05. 1928 г. Б. Л. Богаевским.* Фотоархив, ИИМК, Q.300. Не опубликовано. Здесь, рис. 2: 4.
14. Керчь, ГИМ, инв. 78607 (10554). Ранее коллекция П. О. Бурачкова. Лит. Апакидзе и др. 1958: 103; Ruxer, Kubszak 1972: 253, pl. XXXVI, 1; *Кат. Москва* 2001, № 68; 2002, № 172.
15. Петрики, сарматское погребение, находка 1873 г. Место хранения не известно. *Ранее в собрании Д. Е. Люценко.* Ожерелье с подвеской в виде лунницы, вероятнее всего изначально была другая подвеска, возможно в форме бабочки Лит. Люценко 1878: 203, *№ 3*, табл. XIV, 1; *Трейстер* в печати; Treister in print.

THE NECKLACE FROM THE ODESSA MUSEUM – A LITTLE-KNOWN FIND FROM OLBIA OR A FAKE?

M.YU. TREISTER

The author discusses a necklace with a butterfly-shaped pendant, allegedly coming from Olbia, in the collection of the Odessa Archaeological Museum. This necklace was acquired in 1907 by A. L. Bertier de la Garde, who handed it over as a gift to the Museum in 1910 (Figs. 1: 1; 2: 1). It has almost never attracted the attention of scholars, except for M.V. Skrzhinskaya (Скржинская 1994: 20, 22, fig. 2, 4), who suggested that it was made up in the early 20th century of different pieces of authentic ancient jewellery, probably even coming from a single burial and dating the pendant to the 2nd cen. B.C. Most recently, the necklace under consideration was published in the new catalogue of the Odessa Museum where it was dated to the 1st–2nd cen. A.D. (Karageorghis, Vanchugov 2001: No. 130).

During my studies in the Photo Archive of the Institute of the History of Material Culture in St. Petersburg, I found a negative (III 3240, inv 6216. Figs. 1: 2; 2: 2) showing a necklace with a butterfly-shaped pendant which is registered as found in Olbia and offered to the Archaeological Commission in 1904 by a certain S. N. Mishenin, the watchman of the ancient tombs in Parutino. The necklace was not then acquired by the Archaeological Commission as a «composite and reworked» example.

The necklace offered for sale to the Archaeological Commission, in its main part, corresponds exactly to the one acquired in 1907 by Bertier-Delagarde and stored now in Odessa, although the butterfly-shaped pendant, being stylistically similar to that in Odessa, differs in several significant details. This fact suggests that sometime before 1904–1907, two necklaces with butterfly-shaped pendants had been found, or rather forged, one of which was offered to the Archaeological Commission. That item having not been acquired, it was equipped with another, similar pendant and then successfully sold to A.L. Bertier de la Garde.

The supposition that these necklaces were rather forged than authentic is confirmed by the fact, that all the necklaces with butterfly-shaped pendants, known from some archaeological contexts, have medallions in the central part and demonstrate a differing type of the connection between the medallions and the pendants (figs. 2: 3–6) (see Appendix 1). Moreover, in the necklaces known from the necropoleis of Olbia and Chersonesos, as well as Sarmatian burials in the North-Western Pontic area of the second half of the 1st century A.D., the construction of the butterfly-shaped pendants also differs. An examination of the main part of the Odessa necklace, shows that it is possibly authentic, being composed of elements which have parallels among the jewellery of the 2nd–1st centuries BC.

By the time, when the Odessa necklace was forged, there had been known at least three necklaces with butterfly-shaped pendants, all found between 1891 and 1898 in Olbia (Appendix 1.2; Fig. 2: 3) and Chersonesos (Appendix 1.4–5; Figs. 2: 5,6). Perhaps, there was another necklace of this type found in Olbia in 1891, although it is also possible that it was found by illegal excavators in Olbia in 1913 (Appendix 1.3). Moreover, by that time, perhaps, there had been known yet another example, which according to R. Zahn (1921) was kept in a private collection in Berlin (Appendix 1.11); no representations of the latter item are known, but it may prove to be the same necklace, which was kept in the 1920s in the collection of Merle de Massoneau in Paris (Appendix 1.12; Fig. 2: 4). Of all the necklaces mentioned above, the example from Odessa has a pendant which resembles most closely the one decorating the necklace looted in Olbia in 1891 and published first by A.V. Oreshnikov in 1894 (Fig. 2: 3).

Finally, this paper is dealing with the falsification of antiquities in South Russia in the late 19th – early 20th cen., which is compared with the present-day situation of illegal excavations in the North Pontic area, trade in antiquities, and the growing flow of fakes, especially those of Graeco-Roman jewellery, as well as faked gold and silver objects of the types found in different Scythian and Sarmatian barrows. It is proposed here to adopt drastic measures for documenting the 'unprovenanced materials' and fakes offered for sale to the museums, similarly to those efforts that were diligently applied a century before by E. von Stern, A. L. Bertier de la Garde, A.V. Oreshnikov and others in order to preserve the available information and to single out fakes. This will help our successors to avoid in future publishing fakes alongside with authentic objects of ancient art, as it was recently the case with the necklace from the Odessa Archaeological Museum.

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА[1]

Ю. Л. ДЮКОВ[2], Т. Н. СМЕКАЛОВА,
А. В. МЕЛЬНИКОВ, Н. М. ВЕЧЕРУХИН[3]

Вклад Александра Македонского в историю цивилизации поистине огромен. Велико также его *влияние на монетную чеканку всего эллинистического* мира. Александр ввел единый тип монет на всей территории своей огромной империи. Ряд стран и городов только благодаря завоеваниям Александра Македонского впервые познакомился с монетой.

При жизни Александра и после его смерти в 323 *г. до н. э. в его владениях, простиравшихся* от Эпира до Инда, насчитывалось примерно 24 официальных монетных двора (рис. 1). Все они производили свои собственные золотые, серебряные и бронзовые монеты строго установленных типов для того, чтобы снабдить всю территорию обширной империи надлежащим видом и необходимым количеством государственных денежных средств. Внимательное изучение дошедших до нас александровских монет свидетельствует об удивительном постоянстве типов на протяжении десятилетий, как при его жизни, так и после смерти Александра, когда, несмотря на начавшийся распад империи, на всей территории продолжают чеканить александровские монеты, не изменяя *при этом ни их внешний вид*, ни объем выпусков (Bauslaugh 1984: 35, 36). Целью этих упорно сохранявшихся типов было снабдить рынок завоевавшей необыкновенную популярность и доверие александровской монетой и тем самым удержать захваченные этой монетой позиции (Зограф 1951: 99).

Македонское завоевание лишило греческие города традиционной независимости и поставило их в очень трудные условия. Смерть Александра была встречена в городах антимакедонскими восстаниями, но слабость отдельных деятелей и полисов в целом делали эти попытки борьбы за свободу бесплодными. Преемники Александра держали те города, которые доставляли наибольшее беспокойство, в более или менее подчиненном положении, но они оказались полностью зависимыми в организации обороны против варваров. В состоянии данного кризиса греческие города обратились ко все еще пользующимся безусловным доверием монетам александровских типов. Они безоговорочно принимались как средство межгосударственного обмена во всем греческом мире, что демонстрировало «политическую нейтральность» этих монет. Нужно, однако, отметить, что Афины в данной связи представляли собой явное исключение. Тем не менее почти в пятидесяти других греческих городах Европы и Азии – от Мессены на Пелопоннесе до финикийского города Арада (рис. 2, 3), одним словом, везде, где нужны были новые деньги – были выбраны монетные типы Александра Великого (Bauslaugh 1984: 37).

Имперская чеканка Александра состояла из золотой, серебряной и бронзовой монеты.

Золотые монеты:

Статеры и полустатеры:

Л. с. голова Афины в Коринфском шлеме с плюмажем, украшенным змеей.

О. с. Стоящая Ника, вл., держащая венок в вытянутой правой руке и мачтой в левой руке.

Серебряные монеты:

Декадрахмы, тетрадрахмы, дидрахмы, драхмы, и другие фракции:

Л. с. безбородое *лицо Геракла, впр.*

О. с. Зевс, сидящий на стуле-троне, вл., держащий на вытянутой правой руке орла и скипетр в левой.

Бронзовые монеты:

Прижизненные выпуски бронзовых монет Александра, *оболы и полуоболы*, чеканились на Востоке, и их типы отражали типы серебряных монет. В Македонии местные бронзовые монеты имели изображение *орла, Зевса и Геракла* (Price 1991: 29–31).

Александровские имперские монеты, чеканенные на разных монетных дворах, отличались *по внешнему* виду только наличием определенных символов, знаков, эмблем, буквенных сокращений, монограмм и даже имен целиком на реверсе (рис. 4). Они появляются для того, чтобы отметить продукцию определенных выпусков, и тем самым *оградить полноценные монеты от опасности порчи* металла. Для современных исследователей использование разнообразнейших символов представляет большое удобство и интерес, так как открывает возможность для определения *места и времени выпусков*. В настоящее время удается идентифицировать многие монетные дворы, но все еще есть большое количество типов монет, *отнесение* которых к определенным центрам чеканки остается пока открытым вопросом. Поэтому в данной работе была поставлена цель наиболее полной идентификации александровских монет *из коллекции Государственного Эрмитажа по их принадлежности* тому или иному центру

[1] Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ (грант № 03-01-00425а) и Министерства образования (грант № *T'02-1.2-480*).

[2] 191065. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел нумизматики.

[3] Россия. *198504*. Санкт-Петербург. Петергофский пр., ул. Ульяновская, 1. НИИ физики Санкт-Петербургского государственного университета. Отдел квантовых магнитных явлений.

© Ю. Л. Дюков, Т. Н. Смекалова, А. В. Мельников, Н. М. Вечерухин, 2004

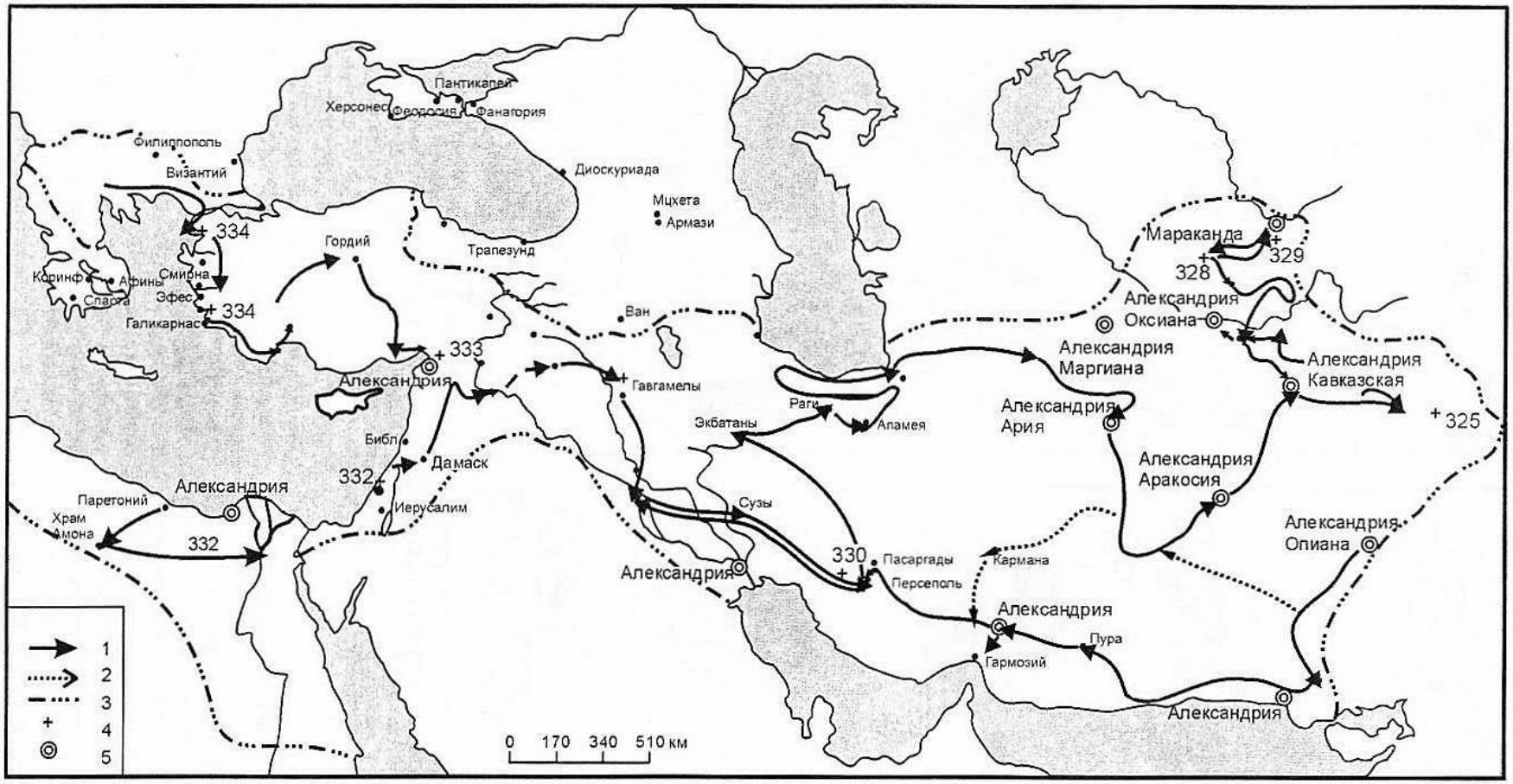


Рис. 1. Империя Александра Македонского: 1 – путь армии Александра; 2 – путь армии Кратера; 3 – границы империи Александра; 4 – места и годы важнейших сражений; 5 – города, основанные Александром.

Fig. 1. Empire of Alexander the Great: 1 – the way of Alexander's army; 2 – the way of Crater's army; 3 – frontiers of Empire of Alexander; 4 – places and dates of most important battles; 5 – towns founded by Alexander.

Рис. 2. Центры чеканки александровских монет в Македонии и Греции (а) и в Малой Азии (б).

Fig. 2. Centres of minting of Alexander's coins in Macedon and Greece (a) and Asia Minor (б).

Рис. 3. Центры чеканки александровских монет в Причерноморье (а), на Кипре, Сирии и Финикии (б) и на Востоке (в).

Fig. 3. Centres of minting of Alexander's coins in the northern Black Sea area (a), on Cyprus, Syria and Phoenicia (б) and in the East (в).

чеканки и установление хронологических рамок их чеканки.

Вплоть до XX века считалось общепризнанным, что все городские выпуски датируются периодом 189–133 гг. до н. э. Когда же накопившиеся материалы кладов доказали, что это утверждение совершенно несправедливо, стало ясно, что требуется проводить детальное изучение деятельности каждого из монетных дворов в отдельности.

В 1855 г. в Копенгагене вышла выдающаяся в своем роде монография Людвига Мюллера (Müller 1855), которая более чем на 130 лет стала наиболее полным сводом всех известных вариантов александровских монет и первой попыткой соотнесения различных отличительных признаков на монетах определенным монетным дворам.

Однако в XX веке наблюдается столь значительный прогресс в дальнейшей разгадке неопознанных до той поры символов и хронологии монетных выпусков, что книга Л. Мюллера более уже не могла

Рис. 4. Тетрадрахмы александровских типов различных центров чеканки.
1 – Македония («Амфиполь»), 336–323 гг. до. н. э., ГЭ 5506, 17,96 г. Price 1991: 103; 2 – Македония («Амфиполь»), 320–317 гг. до. н. э., ГЭ 5556, 16,79 г. Price 1991: 132; 3 – «Амфиполь», 315–294 гг. до.н.э., ГЭ 5545, 16,88 г. Price 1991: 445; 4 – «Амфиполь», 315-294 гг. до.н.э., ГЭ 33940, 16,85 г. Price 1991: 474; 5 – Вавилон, с. 311 – с. 305 гг. до н.э., ГЭ 5672, 16, 80 г., Price 1991: 3746; 6 – Дамаск, с. 332–323 гг. до н.э., ГЭ 5553, 17,15 г., Price 1991: 3210; 7 – Одесс, с. 125 – с. 70 гг. до н.э., ГЭ 5861, 12,97 г., Price 1991: 1179 ; 8 – Одесс, с. 125 – с. 70 гг. до н.э., ГЭ 33911, 13,84 г., Price 1991: 1197; Fig. 4.

Fig. 4. Tetradrachms of Alexander's types from different minting centres.
1 – Macedonia («Amphipolis»), 336–323 B.C., Hermitage 5506, 17,96 g. Price, 1991, 103; 2 – Macedonia («Amphipolis»), 320–317 B.C., Hermitage 5556, 16,79 g. Price, 1991, 132; 3 – «Amphipolis», 315–294 B.C., Hermitage 5545, 16, 88 g., Price, 1991, 445; 4 – « Amphipolis», 315–294 B.C., Hermitage 33940, 16, 85 g., Price, 1991, 474; 5 – Babylon, c. 311 – c. 305 B.C., Hermitage 5672, 16, 80 g., Price, 1991, 3746; 6 – Damascus, c. 332–323 B.C., Hermitage 5553, 17, 15 g., Price, 1991, 3210; 7 – Odessus, c. 125 – c. 70 B.C., ГЭ 5861, 12, 97 g., Price, 1991, 1179; 8 – Odessus, c. 125 – c. 70 B.C., Hermitage 33911, 13, 84 g., Price, 1991, 1197.

отразить современного состояния знаний об атрибуции александровских монет. Пионером в этих исследованиях был Эдвард Невелл (Newell 1905; 1912; 1915; 1916; 1918; 1918a; 1919; 1920; 1923; 1927; 1938, 1938a; 1941), а позже к работе присоединились его преемники в Американском нумизматическом обществе, Сидней Ной (Newell, Noe 1950; Noe 1954; 1962, 1962a), Маргарет Томпсон (Thompson, Bellinger 1955; Thompson 1954; 1981; 1981a; 1983; 1991), Нэнси Вагонер (Waggoner 1968; 1969; 1983) и Хейди Трокселл (Troxell 1971; 1997).

Значительнейшим событием в научной жизни стало появление каталога александровских монет Британского музея Мартина Джесопа Прайса (Price 1991), являющегося на данный момент наиболее современным и полным исследованием в данном вопросе. По признанию самого автора, эта книга суммирует все то, что было сделано его коллегами до него и опубликовано в различных, весьма разнородных, изданиях. Но, безусловно, вклад самого автора в исследование александровских монет огромен, и заслуга его по завершению каталога, который, как указано в предисловии, был в работе еще в 1910 г., велика. В его книге впервые приводятся индексы для поиска необходимых символов, знаков, букв, слов и монограмм, что делает каталог практически удобным для

идентификации монет. Поэтому в наших исследованиях мы опирались в основном на работу М. Дж. Прайса и использовали в виде прототипа форму каталога Британского музея для представления Александровских монет из коллекции Государственного Эрмитажа.

По мнению М. Дж. Прайса, чеканка Александра Македонского распадается на три группы. Прежде всего, это имперские золотые, серебряные и бронзовые монеты, учрежденные Александром в качестве царской чеканки, и выпускающиеся на различных монетных дворах в его империи.

Вторая группа – это монеты, также учрежденные Александром или его правителями для организации местного денежного обращения. В Македонии под эту категорию подпадают монеты с орлом на реверсе, а также несколько других серий, чеканенных правителями Александра на территориях, которые прежде находились под властью Ахеменидов (Египет, Силиция, восточная часть империи Александра).

Александровская имперская чеканка была продолжена его последователями, и посмертные выпуски александровских монет, составляющие третью категорию, отличаются от прижизненных только стилем изображений и вспомогательными символами. Они являются естественными преемниками прижизненных выпусков, но имеют существенно отличающуюся от них природу. Эти монеты выпускались вплоть до начала I в. до н. э. гражданскими общинами, а сохранение квази-царских типов монет означало только то, что эти типы завоевали безусловное доверие населения. Однако, необходимо помнить, что для получения полной картины монетного дела и денежного обращения городов, необходимо изучать местные и александровские выпуски параллельно. В одном ряду с посмертными александровскими выпусками находятся монеты его последователей, Филиппа Арридея и Лисимаха (Price 1991: 24–25).

Коллекция серебряных монет александровских выпусков Государственного Эрмитажа насчитывает более 1000 экземпляров (из них около 560 – тетрадрахмы, остальные – драхмы, полудрахмы и другие производные). В данной работе мы излагаем результаты по исследованию только тетрадрахм, т.е. серебряных монет крупнейшего номинала в 4 единицы – драхмы.

К настоящему времени проведена идентификация тетрадрахм с помощью монографии М. Дж. Прайса (Price 1991) по принадлежности тому или иному монетному центру и составлены соответствующие фототаблицы (всего 45 фототаблиц). Всего изучено около 550 тетрадрахм, из них 515 экземпляров точно идентифицированы по каталогу М. Дж. Прайса, 35 тетрадрахм остались пока не определены по центру их выпуска.

Каталог тетрадрахм из коллекции Государственного Эрмитажа составлен по географическому признаку. Он включает их полное описание, вес, происхождение, соотношение осей, состав сплава, ссылки на общепринятые издания данных монет, то есть на монографии Л. Мюллера, М.-Дж. Прайса и др. (Müller 1855; Price 1991). Каталог тетрадрахм станет основой для научного каталога всей коллекции александровских монет из собрания Государственного Эрмитажа.

Естественно было ожидать, что чеканка Александровских монет в Малой Азии, на Востоке, в Египте, в Причерноморье, то есть областях, отдаленных друг от друга на огромные расстояния, основывалась на различных источниках металлов, и сплавы монет, чеканенных в разных центрах, должны различаться по содержанию микропримесей. Поэтому в настоящую работу впервые в мировой практике был включен аналитический метод (рентгеновская флуоресцентная спектроскопия) для изучения элементного состава сплавов серебряных монет Александра Македонского, то есть введен новый независимый исследовательский параметр.

С помощью метода рентгено-флуоресцентного анализа детально изучены особенности изменения содержания примесей золота, меди, свинца и цинка в серебряном сплаве монет. Для интерпретации полученных результатов построены графики изменения состава сплавов в зависимости от географического района и от времени выпуска монет.

На основании рассмотрения результатов исследования состава сплавов были определены закономерности в применении тех или иных типов сплавов в разных регионах и в разные исторические периоды.

Оказалось, что примеси *золота*, *меди* и *свинца* помогают выявить географические и временные различия в составе сплавов монет. Содержание цинка в серебряных монетах на уровне микропримесей и практически неизменно.

Наибольшее, по сравнению с монетами, чеканенными во всех других регионах, количество примесного *золота* содержится в монетах Македонии, а среди македонских монет максимальное содержание золота обнаружено нами в монетах, чеканенных в Амфиполе, имеющих символ «факел» вместе с буквой Λ и другими знаками и буквами (рис. 5) (Price 1991: №№ 438–97). Такой выдающийся символ, как «факел», встречающийся в сочетании с различными знаками в 61 варианте на большом количестве монет (только в коллекции Государственного Эрмитажа таких монет 41 экз.) вряд ли был знаком какого-то должностного лица. М. Дж. Прайс склонялся к тому, что это – символ города Амфиполя (Price 1991: 86). Опираясь на данные по содержанию золота, мы можем высказать предположение, что, возможно, для чеканки монет именно с символом «факел», была применена какая-то особая партия металла из месторождения, руды которого характеризуются большим содержанием примесного золота.

Это согласуется с данными других исследователей о том, что серебряные руды Фракии и Македонии характеризуются высоким содержанием золота. Несколько меньшее количество золота зафиксировано для монет, чеканенных в Причерноморье, затем следуют монеты, чеканенные в Малой Азии, и, наконец, самое маленькое количество этого элемента фиксируется для тетрадрахм, чеканенных на Востоке и в Мемфисе. Таким образом, изменения в содер-

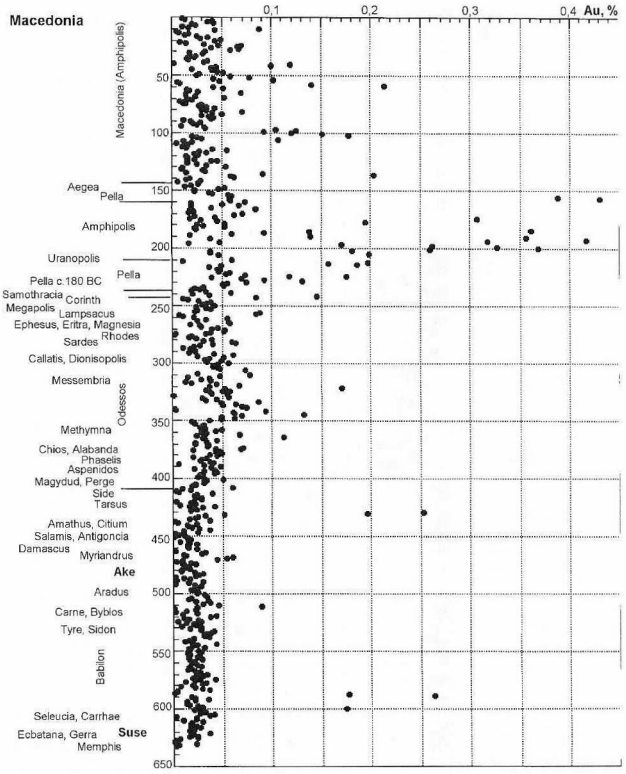


Рис. 5. Содержание примесного золота в александровских тетрадрахмах, в процентах.

Fig. 5. Contents of gold admixtures in Alexander's tetradrachms, percents.

жании примеси золота носят явно выраженный территориальный характер. Это означает, что данные по содержанию золота можно использовать для того, чтобы судить о региональной принадлежности монет, и, возможно, о том или ином рудном месторождении серебра для их чеканки.

Едва ли не более яркие изменения фиксируются для содержания *меди* в серебряном сплаве тетрадрахм. Во всех монетах, чеканенных в IV–III вв. до н. э., содержится ничтожно малое количество меди (до 1%). Только для монет, чеканенных во II в. до н. э., зафиксировано довольно значительное количество

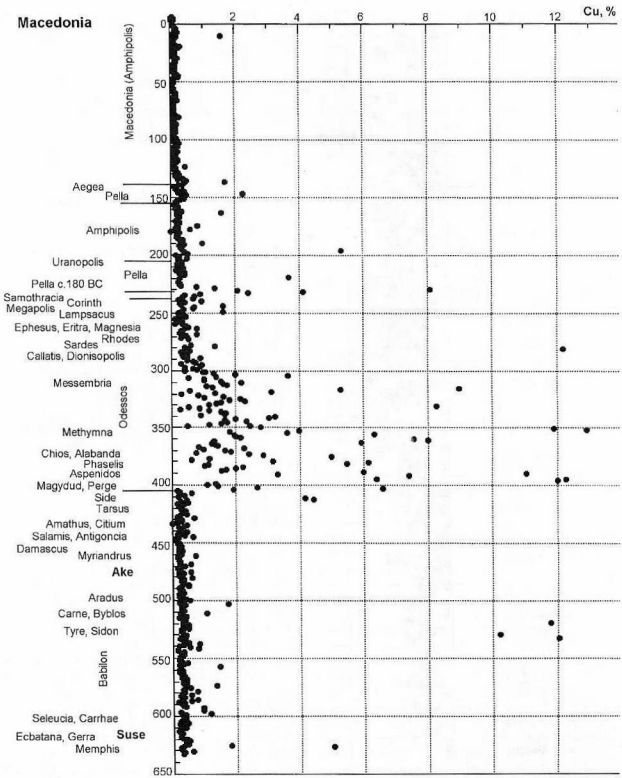


Рис. 6. Содержание меди в александровских тетрадрахмах, в процентах.

Fig. 6. Contents of copper admixtures in Alexander's tetradrachms, percents.

меди в составе сплава (иногда более 10%) (рис. 6). *Следовательно, высокое содержание меди в сплаве является хронологическим признаком и характеризует наиболее поздние выпуски тетрадрахм.*

Хорошо видны различия по содержанию *свинца* в сплаве тетрадрахм, которые, скорее, являются территориальными, чем хронологическими. В монетах, чеканенных в Македонии, свинца больше, чем во всех остальных, от 2 до 5%. Меньше всего свинца (<1%) содержится в сплаве тетрадрахм, чеканенных в Сирии и Финикии, а также на Востоке и в Мемфисе. Промежуточное количество свинца (~1–2%) содер-

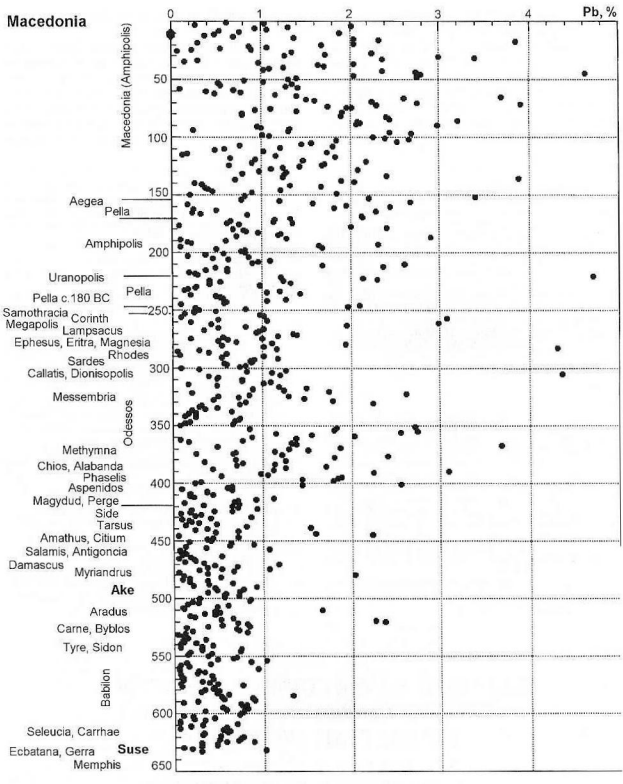


Рис. 7. Содержание свинца в александровских тетрадрахмах, в процентах.

Fig. 7. Contents of lead admixtures in Alexander's tetradrachms, percents.

жится в тетрадрахмах, чеканенных в Причерноморье, Греции и Малой Азии (рис. 7).

Нам удалось выявить также монеты, резко отличающиеся по составу сплава поверхностного слоя от остальных монет этого класса.

Так, обнаружены две ***позолоченные*** монеты (золоченые, вероятно, уже в Новое время в чисто декоративных целях): Мессембрия, 175-125 гг. до н. э. (Price 1991: № 1059) и Амфиполь, 315-294 гг. до н.э. (Price 1991: № 494).

По аномально большим значениям меди, которая, вероятно, проступает на поверхности монет за счет изношенности покрывающего серебряного слоя, выявлены *плакированные монеты*, имеющие медную сердцевину, покрытые серебряной фольгой: Пелла, 275–270 гг. до н. э. (Price 1991: № 621); Истр, примерно 201 г. до н. э. (Price 1991: № 2507); Алабанда, 173–167 гг. до н.э. (Price 1991: № 2468); Аспенд, 203–185 гг. до н. э. (Price 1991: № 2911); Сидон, 311 г. до н. э. (Price 1991: № 3514); Вавилон, 311–305 гг. до н. э. (Price 1991: № 3762).

Безусловно, для полноты *картины необходимо учесть* сведения о составе более мелких фракций серебра, что и будет сделано в дальнейшем, но уже данные о составе сплава тетрадрахм дают интереснейшие результаты, *которые помогают в территориальной*, временной атрибуции и определении технологических особенностей чеканки серебряных монет Александра Македонского.

Зограф, А. Н. 1951. Античные монеты. Материалы и исследования по археологии СССР 16. Москва–Ленинград: Наука.

Bauslaugh, R. A. 1933. *The Numismatic* Legacy of Alexander the Great // Archaeology 37/4: 34–41.

Campbell, W. 1933. Greek and Roman plated coins. Numismatic Notes and Monographs of the American Numismatic Society 57. New York.

Kraay, C. M., V. M. Emeleus. 1962. *The composition of* Greek silver coins. Oxford.

Müller, L. 1855. Numismatique d'Alexandre le Grand, suivie d'un appendice contenant les monnaies de Philippe II et III. Copenhagen.

Newell, E. T. 1905. Alexander Hoard II. Demanhur. Numismatic Notes and Monographs of the American Numismatic Society 19. New York.

1915. Some Cypriote «Alexanders» // The Numismatic Chronicle: 294–322.

1916. The Dated Alexander *Coinage of Sidon and Ake*. New Haven/Oxford.

1918 [1919]. Tarsos under Alexander // *Americal* Journal of *Numismatics 52: 69–115.*

1918a [1919]. The Alexandrine coinage of Sinope // Americal Journal of Numismatics 52: 117–27.

1919 [1920]. *Myriandros – Alexandria Kat'Isson // Americal* Journal of Numismatics 53/2: 1–42.

1923. Tyrsus Rediviva. New York.

1927. The *Coinage of Demetrius* Poliorcetes. London.

1938. The Coinage of Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III // American Numismatic Society, Numismatic studies 1. New York.

1938a. Miscellanea Numismatica: Cyrene to India // Numismatic Notes and Monographs of the *American Numismatic Society* 82. New York.

1941. The Coinage of Western Seleucid Mints from Seleucus I to *Antiochus III // American* Numismatic Society, Numismatic studies 4. New York.

Newell, E. T., S. P. Noe. 1950. The Alexander coinage of Sicyon // American Numismatic Society, Numismatic studies 6. New York.

Noe, S. P. 1954. *Countermarked* and overstruck Greek coins at the American Numismatic Society // American Numismatic Society Museum Notes 6: 85–93.

1962. *Alexander-type tetradrachmes* of Argos // American Numismatic Society Museum Notes 10: 37–9.

1962a. *Alexander-type tetradrachmes* of Megapolis // *American Numismatic Society* Museum Notes 10: 39–41.

Price, M. J. 1991. The coinage in the name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus // A British Museum Catalogue 1, 2. *Zurich/London.*

Thompson, M. A. 1954. Countermarked hoard from Büyükkmece // American Numismatic Society Museum Notes 6: 11–34.

1981. *The Alexandrine mint* of Mylasa // Quaderni Ticinesi di *Numismatica e Antichita Classiche 10: 207–17.*

1981a. The Cavalla hoard (IGCH 450) // American Numismatic Society Museum Notes 26: 33–49.

1983. Alexander's drachm mints. I. Sardes and Miletus // The *American Numismatic Society 16. Belgium, at* Cultura, Vetteren.

1991. Alexander's drachm mints. II. Lampsacus and Abydos // The American Numismatic Society 19. New-York.

Thompson, M. A., A.R. Bellinger. 1955. Greek coins in Yale collection. *IV. A hoard of Alexander drachmes // Yale Classical* Studies 14: 3–45.

Troxell, H. A. 1971. The Peloponnesian Alexanders // American Numismatic Society Museum Notes 17: 41–94.

1997. *Studies in the Macedonian Coinage* of Alexander the Great // American Numismatic Society Museum Notes 21. New-York.

Waggoner, N. 1968. The Alexander mint at Babylon. Doctoral dissertation, *Columbia* University.

1969. The early Alexander coinage at Seleucia on the Tigris // American Numismatic Society Museum Notes 15: 21–30.

1983. Further reflections on Audoleon and his Alexander mint. *Revue Belge de Numismatique 129: 5–21.*

STUDIES OF SILVER COINS OF ALEXANDER OF MACEDON FROM THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE

YU.L. DYUKOV, T. N. SMEKALOVA,
A.V. MEL'NIKOV, N. M. VECHERUKHIN

The contribution of Alexander of Macedon into the history of civilisation is huge indeed, as is also his influence on the minting of coins all over the Hellenistic world. Alexander introduced a common type of coins throughout the entire territory of his vast empire. It is owing to his conquests that a number of countries and cities became acquainted with coins at all. During the lifetime of Alexander and after his death in 323 B.C., the number of official mints within the limits of his possessions, which extended from Epirus to the Indus, amounted to *c.* twenty four. They all issued their own gold, silver and bronze coins of strictly established types in order to provide all the empire with due kinds and necessary amounts of state currency. A careful examination of survived Alexander's

coins indicates an amazing constancy of their types throughout several decades both during his lifetime and after his death, when notwithstanding the starting disintegration of the empire, the minting of Alexander's coins continued, without any changes either in their outer appearance or in the volume of the issues. The purpose of these tenaciously persevered types was to provide the market with the coin which had already gained an extraordinary popularity and confidence and thus to retain the positions conquered by this coin.

The imperial coins of Alexander issued from different mints differed in their appearance only by the presence of certain symbols, marks, emblems, letter abbreviations, monograms or even certain complete names on the reverse. These differences emerged in order to mark the products of particular issues and thus to protect the full-value coins from the danger of the spoiling of the metal. For modern researchers, this use of various symbols is of a great interest and convenience, since it gives the possibility to determine the sites and dates of different issues. At present, it has been possible to identify many of the mints, but there are still a considerable number of coins, the attribution of which to any particular minting centre remains an unsolved problem. This article is aimed, therefore, at the presenting of the most complete identifications of Alexander's coins from the collection of the State Hermitage in terms of their attribution to particular minting centres and establishing the chronological brackets of their issues. Naturally, it is only to be expected, taking into account the differing sources of metal, that the alloys of various issues of Alexander's coins in Asia Minor, in the East, in Egypt or on the Black Sea coasts, *i.e.* in the regions lying at great distances from each other, should vary in the amounts of the trace-elements they contain. For that reason, this article deals, for the first time in the World practice, with the application of a method of chemical analysis (x-ray fluorescence spectroscopy) to investigations of the elemental composition of the alloys of silver coins of Alexander of Macedon, *i.e.* a new independent parameter is introduced into the studies.

The collection of silver coins of Alexander's issues from the State Hermitage includes over one thousand of examples (of which about 560 items are tetradrachms). On the obverse of silver coins of Alexander, the beardless face of Herakles, right, is represented; on the reverse – Zeus seated on throne left, holding an eagle in his extended right hand and a sceptre in his left. At present, part of the data on the chemical composition of the alloys of the tetradrachms have been already processed. Undoubtedly, it is necessary to supplement these with the information about the compositions of the smaller fractions of silver, as we indeed are intending to do it later, but the results already yielded by the tetradrachms seem to be so interesting that we decided to present them now. The admixtures of gold, copper and lead proved to be helpful in the determination of geographical and chronological differences in the composition of coin alloys. Coins from Macedonia contain the greatest amount of stranger gold as compared with the coins minted in other regions. The most abundant admixtures of gold, as it was discovered, were in the coins minted in Amphipolis and bearing the 'torch' symbol along with the letter Λ and other signs and letters (Price 1991: nos. 438–97). It is unlikely that such a remarkable symbol as the 'torch' which is encountered on numerous coins in 61 combinations with various signs (only in the collection of the State Hermitage there are 41 such coins) was the sign of some magistrate. M. J. Price was inclined to consider it as the emblem of the city of Amphipolis (Price 1991: 86). On the basis of our data on the contents of gold, we suppose that it was a certain special lot of metal from some deposit to which high concentrations of gold in the ore were peculiar, that was used for minting exactly the coins with the 'torch' symbols.

This supposition agrees well with communications of some other researchers that the silver ores in Thracia and Macedonia a characterised by high contents of gold. A slightly poorer concentration of gold was recorded in the alloy of coins minted in the Black Sea area; these are followed by the coins from Asia Minor, and the smallest contents of this element were found in the tetradrachms minted in the East and in Memphis. Thus the variations in the concentration of the admixed gold are of a distinctly expressed geographical character. This suggests that identifications of the contents of gold in coins may be used to define their origin and, possibly, the source of silver from which they were minted.

Perhaps still more distinct variations have been recorded in the concentrations of copper in the silver-based alloys of the tetradrachms. All of the specimens coined in the 4th and 3rd cen. B.C. contain very small admixtures of copper (below 1%). Only in coins issued in the 2nd cen. B.C., fairly high quantities of copper have been recorded (in some cases over 10%). Therefore, the high concentration of copper is a chronological indication which is characteristic of the latest issues of tetradrachms.

In the alloys of tetradrachms, also certain variations of the lead contents are well discernible being of a territorial rather than a chronological character. Coins struck in Macedonia contain more lead (from 2% to 5%) than all the other. The smallest admixtures of lead (<1%) are found in the alloys of the tetradrachms coined in the Black Sea area, Greece and Asia Minor.

This analysis enabled us to recognise also the coins which differ markedly from other specimens of the same class in terms of the composition of their surface alloy. Thus revealed were two gilded (possibly in the modern period for some decorative purpose) coins: Messembria, 175–125 B.C. (Price 1991: no. 1059) and Amphipolis, 315–294 B.C. (Price 1991: no. 494). By anomalously high contents of copper, which probably shows through due to the wear of the silver coating, also several silver-clad coins with a copper core were recognised: Pella, 275–270 B.C. (Price 1991: no. 621); Istrus, *c.* 201 B.C. (Price 1991: no. 2507); Alabanda, 173–167 B.C. (Price 1991: n 2468); Aspend, 203–185 B.C. (Price 1991: no. 2911); Sidon, 311 B.C. (Price 1991: no. 3514); Babylon, 311–305 B.C. (Price 1991: no. 3762). Thus the information on the composition of the alloy may help with the geographical and chronological attribution, as well as identification of technological peculiarities of a particular silver coinage of Alexander of Macedon.

ТАЛИ ХАМТУДА

Ш. Ф. КУРБАНОВ[1]

Античная крепостца Тали Хамтуда находится в 32 км к юго-востоку от города *Пенджикента*, расположена в предгорной полосе Зеравшанского хребта у слияния долин Сои Мазор и Сои Сероб и к востоку от современного кишлака Мазори Шариф. Сои Сероб тянется к северу и доходит до кишлака Гусар. *В целом протяженность Сои Мазора с юга на север* около 10 км, ширина от 0,4 до 2,5 км. У его начала, в юго-восточной части кишлака *Мазори Шариф* расположен средневековый архитектурный памятник XII–XIV вв. Мавзолей Ходжа Мухаммад Башоро (*Бретаницкий 1956: 323; Воронина, Крюков 1978: 58*). Мазори Шариф находится между двумя северными окончаниями отрогов Зеравшанского хребта. Здесь проходит граница двух географических и древних культурных зон: горной и равнинной. Археологически такие пограничные территории почти не исследованы, что делает изучение Тали Хамтуда весьма актуальным.

С образованием в 1946 г. по инициативе А. Ю. Якубовского Согдийско-Таджикской археологической экспедиции верховья Зеравшана стали объектом исследования (Якубовский 1950). Сотрудницей экспедиции О. И. Смирновой *был обнаружен раннесредневековый замок Калландартепе (Смирнова* 1950: 72), напротив которого расположена Тали Хамтуда, *но сам* памятник тогда остался незамеченным. Горный отрог, на склоне которого расположена Тали Хамтуда, *ограничен с севера, запада и востока крутыми склонами*. С южной стороны, выше памятника поднимается основная часть этого отрога. Она отделена небольшой узкой лощиной, по которой проходит современная грунтовая дорога. На *участке холма выше этой лощины* заметен искусственный холмик, где были обнаружены фрагменты керамики, похожие на найденные в Тали Хамтуда.

Тали Хамтуда до раскопок представляла собой холм овальной формы, расположенный в северо-*западной части подквадратной* площадки 70 х 80 м (рис. 1). Высота холма от уровня этой возвышенности *около 5 м. Он имеет в поперечнике около 20 м*. До раскопок можно было *предполагать*, что перед нами древнее селение с небольшой *цитаделью в виде* отдельной высокой постройки.

Памятник был обнаружен в 1985 г. А. И. Исаковым, который заложил разведовательный шурф на центральном холме. В дальнейшем раскопки проводил автор данной работы. В результате трех (1988, *1990, 1991* гг.) полевых сезонов был почти полностью раскопан центральный холм. Во всех трех полевых сезонах в этих раскопках принимали участие студенты исторического факультета Таджикского Университета *под руководством доцента кафедры археологии* У. Пулатова. В 1988 и 1990 гг. также приняла участие группа археологов из Эрмитажа под руководством начальника Пенджикентской археологической экспедиции Б. И. Маршака, которые сделали необходимые архитектурные обмеры. Судя по рельефу местности, *можно предположить, что на холме-цитадели* нераскопанным осталось одно помещение, однако уже сейчас можно реконструировать план всего здания в целом.

Результаты раскопок показали, что здание имело *крестообразную планировку и было двухэтажным* (рис. 1, 2). Оно построено из сырцового кирпича размерами 40 х 40 х 10–12, 40 х 38 х 10–12, 40 х 35 х 12, 36 х 36 х 10, 33 х 33 х 10, 40 х 30 х 10, 40 х 22 х 10–11, 40 х 20 х 10, 38 х 18 х 10, 37 х 20 х 10 см и пахсы. При этом в одной кладке синхронно использовались кирпичи разных размеров. Перекрытия были сделаны из арчевых балок. Здание состояло из восьми помещений на нижнем этаже, столько же, видимо, их было *и на втором этаже*.

В плане выделяются три квадратные башни к востоку, западу и югу от коридора (помещение 1). К северу от *коридора находятся два маленьких прямоугольных* угловых помещения, клетка пандуса между ними и входная прямоугольная башня к северу от пандуса. Таким образом, помещение 1 (*коридор*) *находится в* центральной части здания. Оно *расположено на первом этаже, имеет прямоугольную* форму и вытянуто с запада на восток. Его длина – 9,7 м, ширина – 2,2 м. Судя по остаткам сохранившихся стен второго этажа, над помещением 1, очевидно, был такой же коридор (рис. 1, 3). В северной стене помещения 1 сохранились три гнезда от деревянных балок *перекрытия. Первое гнездо находится на расстоянии* 3,25 м от северо-западного угла. Его ширина – 25 см, глубина – 20 см. Второе гнездо шириной 25 см и глубиной 25 см расположено на расстоянии 2 м от первого. Третье гнездо шириной 20 см и глубиной 18 см находится на расстоянии 2,25 м от второго. Высота *первого этажа от первоначального пола до верха* балок 4,75 м (на противоположной стене никаких следов гнезд не было обнаружено, так как южная стена была сильнее разрушена).

Южная и северная стены помещения 1 сохранились на высоту 3–4,8 м и 5,7 м, соответственно, они были построены комбинированной кладкой из сырцового кирпича и пахсы (размеры кирпича см. выше) и имели трехслойную саманную штукатурку. Толщина штукатурки на стенах всего здания от 2 до 5 см.

Сохранность южной фасадной стены плохая. Кладка всех фасадных стен отличается от кладки *внутренних тем, что в них имеются ряды пахсовых блоков* высотой от 0,5 до 1 м, разделенные прокладками из нескольких рядов сырцовых кирпичей. В пахсовых блоках южной стены были обнаружены трещи-

[1] Таджикистан. 734025. Душанбе. ул. Рудаки, 33. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан.

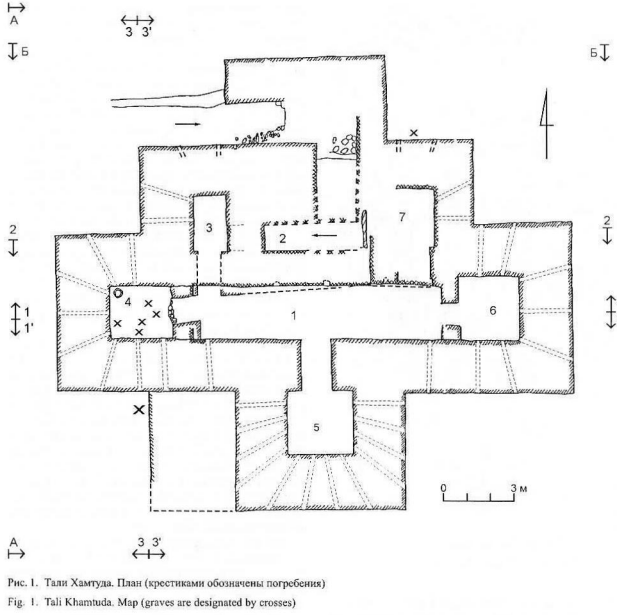


Рис. 1. Тали Хамтуда. План (крестиками обозначены погребения)

Fig. 1. Tali Khamtuda. Map (graves are designated by crosses)

ны шириной около 5–10 см, а в 10 см к востоку от западного угла помещения в ней была открыта бойница. Вторая бойница шириной 16–18 см и высотой 0,6 м находилась на расстоянии 1,5 м к западу от юго-восточного угла коридора. Обе бойницы расположены на высоте 1,1 м от нижнего пола.

Все бойницы Тали Хамтуда однотипны. В башнях и угловых помещениях они расположены веером, расстояние между ними в большинстве случаев примерно одинаковое: по внешним сторонам башен (кроме южной) около 1,6 м. Бойницы находятся на высоте 1,1 м от уровня пола пристенной фасадной площадки. Со стороны фасада они имеют стрелообразную форму, их верхняя треугольная часть представляет собой нишу высотой 30 см, глубиной около 30–40 см. Стрельчатый верх бойницы образован двумя кирпичами размером 40 х 40 х 10 см, поставленными наклонно. Высота бойницы с фасадной стороны около 1,75 м, внутри – 0,6 м, ширина – 0,16–0,2 м. Длина перпендикулярных стен бойниц более 2 м, а направленных под углом – до 2,4 м, ширина их – до 20 см. Стрелять из лука сквозь такие бойницы было очень трудно. Снаружи к южной стене помещения 1 позднее пристроили стену толщиной 5,5 м.

Восточная стена помещения 1 сохранилась на высоту 5,1 м и была оштукатурена двумя слоями саманной штукатурки, при толщине каждой около 2,5 см.

В помещении 1 было обнаружено два пола. Верхний – ровный с обмазками толщиной около 3 см. Нижний пол находится на глубине 18 см от первого. Между полами здесь, как и в других помещениях, находятся гумированные наслоения времени функционирования здания. В северо-западной части помещения на полу зафиксировано очажное пятно размером 40 х 60 см.

В помещении 1 обнаружено четыре прохода: два в западной части, один в середине южной стены и один в восточной части. Проход в северо-западном

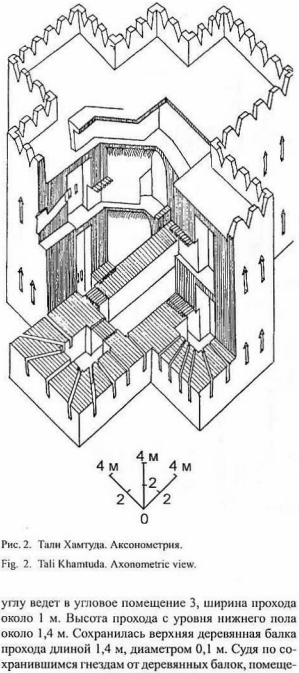


Рис. 2. Тали Хамтуда. Аксонометрия.

Fig. 2. Tali Khamtuda. Axonometric view.

углу ведет в угловое помещение 3, ширина прохода около 1 м. Высота прохода с уровня нижнего пола около 1,4 м. Сохранилась верхняя деревянная балка прохода длиной 1,4 м, диаметром 0,1 м. Судя по сохранившимся гнездам от деревянных балок, помещение имело плоское деревянное перекрытие.

Проход в западной стене помещения 1 шириной около 1 м ведет в помещение 4. Высота его от уровня нижнего пола около 1,9 м, высота порога – 0,2 м. Сохранилась верхняя деревянная балка прохода длиной 1,25 м, диаметром около 0,15 м. Проход шириной 1,2 м, высотой около 1,85 м в южной стене помещения 1 ведет в помещение 5. Здесь не было порога. Почти в середине восточной стены помещения 1 расположен проход шириной 0,85 м, ведущий в помещение 6. Порог не обнаружен.

По второму этажу открыто два прохода на север: в восточное угловое помещение (шириной 1,25 м) и плохо сохранившийся – на пандус. Прямоугольное в плане угловое помещение 3 длиной 2,2 м, шириной 1,5 м вытянуто с севера на юг. Стены – из сырцового кирпича и пахсы. Местами сохранился слой алебастровой штукатурки толщиной около 0,5 см. Возможно, здесь было зернохранилище. Основная часть поверхности стен была обмазана саманной штукатуркой толщиной 2 см. В помещении 3 обнаружено два ровных пола, верхний из них расположен на расстоянии 5 см от нижнего. В западной и северной стенах помещения 3 имеются по две бойницы, находящиеся на высоте 1,1 м от нижнего пола. Бойницы расположены веером так, что расстояние между ними одинаково. На фасаде все бойницы стреловидные. В юго-восточной части помещения имеется проход шириной 1 м, с плоским перекрытием. Он связывает помещение 3 по нижнему этажу с помещением 2 (пандус), выполнявшим связующую функцию. Лишь через него попадали в помещения первого и второго этажа.

Пандус (помещение 2) расположен в северной части замка (рис. 1). Первый марш пандуса находится в северной башне (рис. 5), его направление с запада на восток, длина около 5 м, ширина – 1,7 м. Стены пандуса были обмазаны двухслойной саманной штукатуркой толщиной около 2 см. Марш по первому периоду не расчищен.

В западной части северной стены должен был находиться проход в коридор первого этажа, устроенный под пандусом. Через этот коридор по низу проходили в помещения 3 и 7. Во втором периоде проход был заложен кладкой из сырцовых кирпичей, по верху которой была устроена наклонная рампа, проходящая не только в башне, но и к северу от нее перед фасадом углового помещения 3. Кладка – сырцовая, но в башне она смешается засыпкой камнями. Во втором периоде проход по первому этажу перестал функционировать. В это время, возможно, на первый этаж спускались по деревянной лестнице, однако следов такой лестницы не обнаружено.

Второй коридор пандуса вытянут с севера на юг. Его длина около 6 м, ширина около 1,7 м. Пол второго коридора повышается к югу, до высоты пола второго этажа. Здесь был проход в коридор второго этажа над помещением 1.

Третий марш, который вел с востока на запад, сохранил свой первоначальный вид и во втором периоде. Длина южного марша – 5 м, ширина около 1 м. От свода у южной стены сохранился небольшой участок, сложенный арочными отрезками (рис. 4). Высота свода пандуса составляет около 1 м. Пандус по первому периоду имеет П-образную форму. Каждый подъем марша по первому периоду составляет от 1,5 до 2,75 м, при высоте первого этажа 4,75 м от нижнего пола. Возможно, наиболее крутые марши имели ступени.

Верхний из сохранившихся маршей вел выше пола второго этажа, но чтобы попасть на крышу должны были существовать еще два-три марша. В помещение 3 второго этажа с третьего марша пандуса можно было попасть только спустившись на несколько ступеней. Надо отметить, что из помещения 1 (основного коридора) по второму этажу не было прохода в помещение 3. При строительстве пандуса зодчие использовали древнюю традицию возведения сводов из сырцовых кирпичей. Такой строительный прием

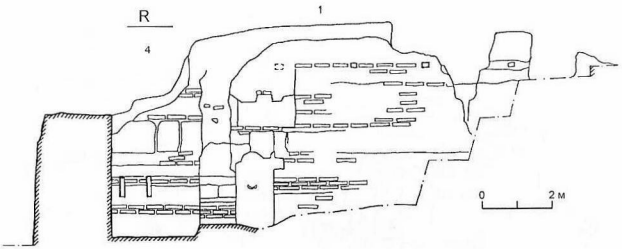


Рис. 3. Тали Хамтуда. Разрез 1 – 1', вид с юга.

Fig. 3. Tali Khamtuda. Section 1 – 1', view from south.

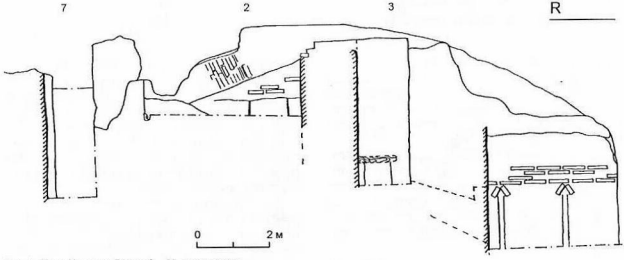


Рис. 4. Тали Хамтуда. Разрез 2 – 2', вид с севера.

Fig. 4. Tali Khamtuda. Section 2 – 2', view from north.

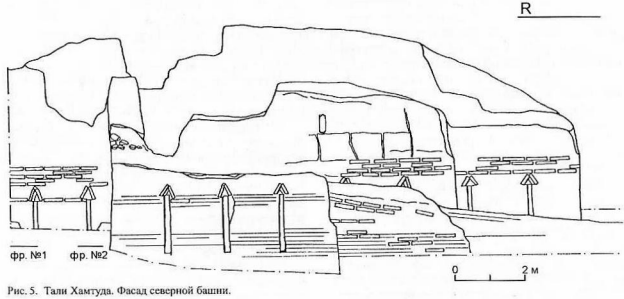


Рис. 5. Тали Хамтуда. Фасад северной башни.

Fig. 5. Tali Khamtuda. Facade of the northern tower.

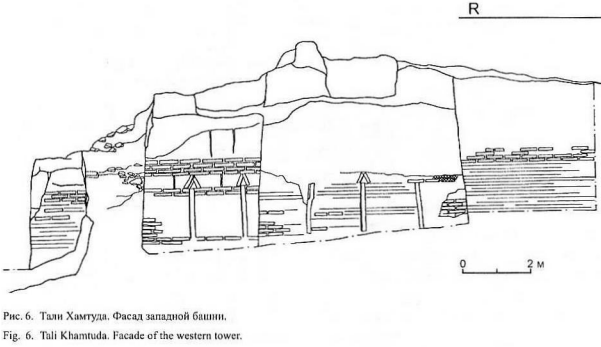


Рис. 6. Тали Хамтуда. Фасад западной башни.

Fig. 6. Tali Khamtuda. Facade of the western tower.

приобретает массовый характер в дальнейшем, в период раннего средневековья. Аналогичные пандусы обнаружены на городище древнего Пенджикента (Воронина 1958: 201) и других археологических памятниках Средней Азии, в частности в крепостце Фильмандар V в. (Исаков 1979: 50).

Почти все бойницы нижнего этажа входной башни не могли использоваться для стрельбы из-за устроенного в ней пандуса, хотя входная башня имеет пять стреловидных бойниц, три в северной стене и две в восточной. Северная стена гораздо толще восточной. Толщина северной стены – 1,75 м, восточной – 1,23 м.

Помещение 4 – западная башня (рис. 1, 6) находится к западу от помещения 1. Размеры помещения – 2,5 х 2,5 м. Оно было построено из кирпичей разного формата и блоков пахсы. Стены помещения сохранились на высоту 3,35 м и были обмазаны трехслойной саманной штукатуркой. Снаружи западная башня сохранилась хорошо, о чем свидетельствуют высокие стены. Ширина башни по фасаду около 6,25 м, выступ от северной боковой стены около 3,5 м. Как это обычно для архитектуры Тали Хамтуда, стены башни были возведены комбинированной кладкой из блоков пахсы размерами 0,35 х 1,35; 0,6 х 0,55; 0,9 х 0,75 м, с поясами из трех и четырех рядов сырцовых кирпичей между рядами блоков. Толщина стен башни – 2,2–2,1 м.

Западная башня имеет восемь стреловидных бойниц. Две бойницы находятся в северной стене, три бойницы находятся в западной стене помещения (рис. 6) и три бойницы в южной стене. Все бойницы внутри башни расположены веером на высоте 1,05–1,1 м от нижнего пола. Башня имеет два уровня пола, верхний из них ровный. На глубине около 18–20 см от него находится также ровный нижний пол. С уровня верхнего пола в северо-западном углу башни была вкопана лепная хумча с подправленным на круге венчиком (диаметр венчика – 22 см, диаметр дна – 17 см, диаметр тулова – 36 см, высота – 33,5 см). В середине восточной стены помещения находится проход, который ведет в помещение 1. Ширина прохода около 1 м, высота проема около 1,9 м. В проходе на нижнем полу были обнаружены восемь галечных камней различной величины, видимо, выполнявших функцию основания деревянного порога.

Напротив западной башни симметрично расположена восточная: в ней – помещение 6 размерами 2,3 х 2,5 м. Стены помещения были возведены из сырцового кирпича и пахсы и обмазаны двухслойной саманной штукатуркой. Толщина штукатурки – 1,5 см. Помещение имеет семь бойниц: по две бойницы в северной и южной, три бойницы в восточной стене. Бойницы расположены веером, как и в других башнях, на том же расстоянии от пола. Толщина стен такая же, как в западной башне. Помещение 6 (восточная башня) имело два уровня ровных полов, расстояние между которыми около 20 см.

Почти в середине западной стены помещения 6 имеется проход шириной 0,85 м, который ведет в помещение 1 (коридор). Порог не был обнаружен.

Помещение 5 (южная башня) размером 2,6 х 2,5 м находится к югу от помещения 1. Стены из сырцовых кирпичей и пахсы были обмазаны двумя слоями саманной штукатурки, общей толщиной около 1,5–2 см. Стены башни сохранились на высоту от 3,5 до 4,4 м. Толщина стен – 2,2–2,5 м. В помещении обнаружено два ровных пола. На высоте 1 м от нижнего пола начинаются бойницы. Южная башня имеет 12 расположенных веером бойниц, по четыре бойницы в восточной, южной и западной стенах. Почти в середине северной стены располагается проход шириной 1,22 м, ведущий в помещение 1 (коридор). Здесь так же, как в восточной башне, не был обнаружен порог.

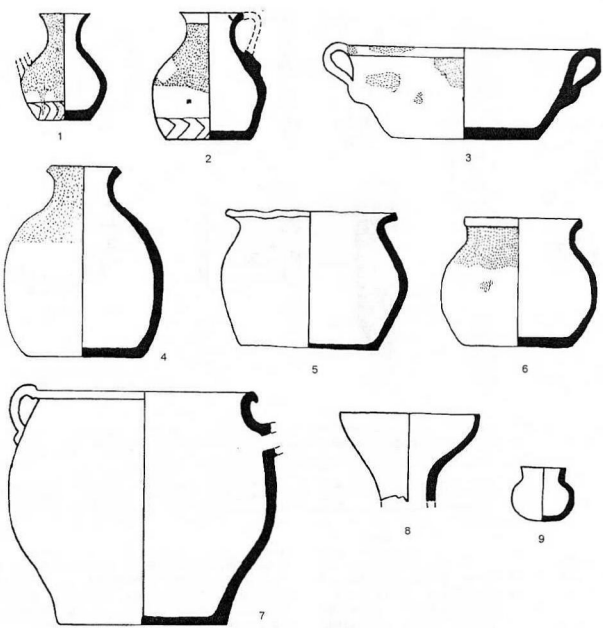


Рис. 7. Тали Хамтуда. Керамика (1, 2, 4–6, 8, 9) из погребения в помещении 4: 1 – кувшин со сливом из погребения 4; 2, 9 – кувшин и горшочек из погребения 2; 4 – кувшин из погребения 3; 5 – широкогорлый сосуд из погребения 7; 6 – широкогорлый сосуд из погребения 5; 8 – музыкальный инструмент (таблак) из погребения 1; 3,7 – миска и сосуд со сливом из слоя с погребениями.

Fig. 7. Tali Khamtuda. Pottery (1, 2, 4–6, 8, 9) from graves in room 4: 1 – spouted jug from grave 4; 2, 9 – jug and small pot from grave 2; 4 – jug from grave 3; 5 – broad-necked vessel from grave 7; 6 – broad-necked vessel from grave 5; 8 – musical instrument (*tablak*) from grave 1; 3,7 – bowl and spouted vessel from the layer with burials.

Через узкие и длинные бойницы мог стрелять лишь очень опытный человек, который, выглядывая то из одной, то из другой из них, имел возможность поразить только врага, стоявшего прямо напротив бойницы. Для этого защитник крепостцы должен был обладать очень быстрой реакцией и меткостью стрельбы. С крыши камни могли метать и необученные люди. В башне могло поместиться два стрелка из лука, в угловых помещениях по одному и в коридоре еще два. Таким образом, для двух этажей понадобилось бы 24 стрелка. На крыше, где было построено ограждение, могло находиться еще 16–22 человека. Таким образом, крепостца могла быть рассчитана примерно на 40 обороняющихся, две трети которых должны были быть обученными стрелками из лука. Однако создается впечатление, что вся изощренная система обороны едва ли могла применяться на практике, и военная архитектура в такой сельской крепостце, как Тали Хамтуда имела престижное и устрашающее значение, но не соответствовала реальным военным действиям.

В некоторых местах (в помещении 4 и на участке к юго-востоку от западной башни, и к юго-востоку

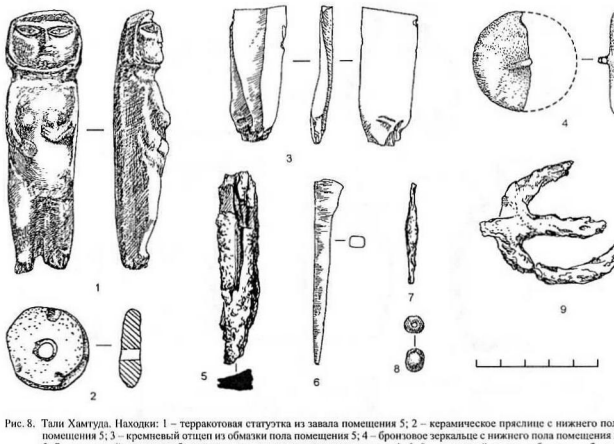


Рис. 8. Тали Хамтуда. Находки: 1 – терракотовая статуэтка из завала помещения 5; 2 – керамическое пряслице с нижнего пола помещения 5; 3 – кремневый отщеп из обмазки пола помещения 5; 4 – бронзовое зеркальце с нижнего пола помещения 5; 5, 7 – железный нож и ромбовидное шило с нижнего пола помещения 4; 6, 8 – железный гвоздь и бронзовая бусина с нижнего пола помещения 5; 9 – железная кольцевидная пряжка с подвижным язычком из погребения 1.

Fig. 8. Tali Khamtuda. Finds: 1 – terracotta statuette from the fill of room 5; 2 – ceramic spindle whorl from the lower floor in room 5; 3 – flint flake from the plaster of the floor of room 5; 4 – bronze mirror from the lower floor of room 5; 5, 7 – iron knife and rhomboid awl from the lower floor of room 4; 6, 8 – iron nail and bronze bead from the lower floor of room 5; 9 – iron ring-shaped buckle with moving tongue from grave 1.

от северной башни) обнаружены погребения с трупоположением. Всюду они находятся на мощном слое натека и относятся ко времени запустения здания.

Пять костяков обнаружены в помещении 4. Первый костяк был расчищен на высоте 40–50 см от нижнего пола, в 10 см к северу от южной стены помещения 4. Он лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Руки и ноги вытянуты, кисть левой руки находится у левого бедра, правая рука согнута в локте, кисть расположена под спиной. С правой стороны костяка у бедра обнаружена железная кольцевидная пряжка (рис. 8: 9) с подвижным язычком (ср. Литвинский 1973: табл. 8), а рядом с ней лежал музыкальный инструмент: таблак – барабанчик (рис. 7: 8). Вероятно, барабанчик использовался во время военных церемоний. На цитадели Пенджикента найдены две статуэтки всадников с таким барабанчиком в руках (V в.) (Тереножкин 1950: 92, 44, 2; Исаков 1977: 26).

Перпендикулярно первому костяку положен второй. Он лежит на спине в вытянутом положении, головой на юг, руки и ноги прямые. Череп отклонен к востоку. Погребальный инвентарь состоял из одноручного кувшинчика и миниатюрного горшочка (рис. 7: 2, 9). Кувшинчик – ленной с отогнутым наружу венчиком, подправленным на гончарном круге. Его невысокая, слабовогнутая горловина, окрашена с обеих сторон светло-коричневым ангобом. Ручка прикреплена к краю венчика. Донце срезано ножом. Черепок в изломе охристый. Диаметр венчика – 4,8 см, горла – 4 см, тулова – 11 см, высота сосуда – 13 см. Миниатюрный, горшкообразный, толстостенный, лепной сосудик с вертикальным невыраженным венчиком изготовлен из глины с песком. Черепок в изломе красного цвета. Диаметр венчика – 4 см, донца – 3 см, высота сосуда – 5 см.

Третий костяк находился в 0,4–0,5 м к северу от первого, в скорченном положении, на правом боку. Череп лежал лицевой частью вниз. Возле коленей костяка обнаружен кувшин без ручки (рис. 7: 4). Подправленный на круге венчик отогнут, его наружная поверхность наклонная с четкими гранями наверху и внизу. Снаружи верхняя часть сосуда окрашена коричневым ангобом. Черепок охристого цвета. Диаметр венчика – 6 см, горла – 5 см, высота сосуда – 18 см.

Четвертый костяк находился в центре помещения. Кости лежат не в анатомическом порядке, обнаружены лишь часть позвоночника и череп, лежавший лицом вниз. Возле черепа обнаружен узкогорлый кувшинчик с расположенным на плечике сливом-рожком,

формованный на гончарном круге (рис. 7: 1). Венчик *с заостренным краем* отогнут наружу. Снаружи сосуд окрашен светло-коричневым ангобом. Внизу тулова заметны срезы ножом. Диаметр венчика – 4,5 см, горла – 3 см, тулова – 8 см, высота сосуда – 10 см.

Пятый погребенный находился в 0,5 м к западу от порога помещения 4 и лежал лицом вниз, головой на юг. Руки и ноги вытянуты. С правой стороны черепа находился широкогорлый сосуд (рис. 7: 6). Венчик отогнут, его наружная поверхность наклонная с четкими гранями сверху и снизу. Плечико окрашено коричневым ангобом. Черепок и его поверхность охристые. Диаметр венчика – 11,5 см, тулова – 15 см, донца – 11 см, высота сосуда – 12,5 см.

В помещении 4 на уровне погребений найден также широкогорлый сосуд с петлевидной ручкой *и круглым сливом-рожком* (рис. 7: 7). Подтреугольный в сечении венчик отогнут наружу. Ручка прикреплена к верхней части венчика и к плечику сосуда. Венчик подправлен на круге. Диаметр венчика – 22 см, тулова – 26 см, донца – 16,5 см, высота сосуда – 22 см. Здесь же обнаружена миска с двумя петлевидными ручками (рис. 7: 3). Отогнутый наружу венчик подправлен на круге. Донце – плоское, с песчаной подсыпкой. Ангоб нанесен в виде пятен темно-коричневого цвета. Черепок серый, обжиг ровный. Диаметр венчика 23 см, донца – 13 см, высота сосуда 8 см.

Шестой костяк, анатомически не полный, находился к юго-востоку от западной башни. Сохранившаяся часть костяка лежала головой на север на глубине 1,35–1,3 м от верха бойниц южной стены западной башни. Череп сохранился целиком, правая рука – до локтя. Левая рука согнута на уровне плеча, кисть находилась под поясницей. Погребальный инвентарь отсутствует.

Нижняя часть костяка уничтожена при строительстве ремонтной стены толщиной 2,9 м вдоль западной стены южной башни, а значит, ремонт относится к более позднему времени, чем погребения. Возможно, он синхронен перестройке пандуса, который закрыл вход в помещения первого этажа. Таким образом, в истории здания было несколько периодов: I-ый соответствует двум полам в помещениях, 2-ой – запустению со слоем натека и погребениями, 3-ий – ремонтным стенам и использованию только второго этажа.

Седьмой костяк находился к юго-востоку от северной башни, на глубине 1,4 м от верхней части бойниц. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Правая нога прямая, левая согнута в колене и находилась под правой. Руки вытянуты вдоль тела, левая рука согнута в локте. Около черепа был найден лепной горшок с отогнутым венчиком (рис. 7: 5). Наружная поверхность венчика наклонная с четкими гранями сверху и снизу. Черепок и поверхность охристые, венчик подправлен на круге. Диаметр венчика – 17,5 см, тулова – 19 см, донца – 14 см, высота сосуда – 14 см.

Вопрос о датировке керамики из погребений будет рассмотрен после характеристики находок с полов.

В припольных наслоениях помещений было обнаружено большое количество керамики, подразделяющейся по технологии на станковую, лепную и лепную с венчиком, подправленным на круге. По назначению выделены три группы: столовая, тарная и кухонная посуда. По формам керамический материал состоит из кубков, чаш, кувшинов, широкогорлых сосудов, хумчей, котлов и жаровен. Описание начнем со столовой керамики (чаш, кубков и малых кувшинов), а также водоносных кувшинов.

В помещении 1 найден фрагмент станковой тонкостенной красноглиняной чаши (рис. 9: 7) с приостренным, отогнутым наружу венчиком и вертикальным бортиком. Стенки – выпуклые в нижней части. Внутри и снаружи чаша целиком покрыта красным ангобом. Снаружи имеются вертикальные полосы лощения. Диаметр венчика – 16 см, диаметр корпуса в месте перегиба – 16,8 см.

Фрагмент другой чаши найден в помещении 2. Чаша – красноглиняная, тонкостенная с приостренным венчиком, отогнутым вертикальным бортиком и коническим низом (рис. 9: 5). Сосуд покрыт плотным красным ангобом с двух сторон. Снаружи в нижней части нанесено вертикальное лощение. Диаметр венчика – 14 см, тулова – 13,5 см.

В помещении 5 найдены два фрагмента от одного кубка (рис. 9: 4). Он изготовлен на гончарном круге и имеет ножку, колоколовидной формы тулово и приостренный венчик. Ножка от тулова отделяется двумя уступами. Сосуд покрыт с двух сторон красным ангобом. Диаметр венчика – 10 см, ножки – 3,8 см, тулова – 10,7 см, высота сосуда – 13 см.

В этом же помещении найдены еще две чаши (рис. 9: 1, 2): коническая – с отогнутым венчиком диаметром 10,5 см, высотой 4,5 см, красным ангобом; и полусферическая – с вертикальным бортом и светло-коричневым ангобом, диаметрами венчика – 14 см, тулова – 14 см, высотой сосуда – 8,6 см.

В помещении 1 были найдены три крупных фрагмента столовых кувшинов, позволяющие восстановить их форму (рис. 9: 8–10). Профиль тулова кувшинов – овальный, горло – блоковидное. Подправленный на круге венчик отогнут, его наружная поверхность наклонная, с четкими гранями сверху и снизу. Дно сосуда – плоское, на песчаной подсыпке. Черепок в изломе – охристый. Внешняя поверхность затерта тряпкой. Два фрагмента кувшинов по форме аналогичны, но отличаются по размерам. По назначению эти кувшины можно считать водоносными. Диаметр венчика первого кувшина – 6,5 см, второго – 10,5 см, третьего – 11,5 см.

В помещении 5 найдены фрагменты четырех широкогорлых водоносных кувшинов, которые по форме и технике изготовления аналогичны широкогорлым кувшинам, обнаруженным в помещении 1 (рис. 9: 11–14). Горло – блоковидное, подправленный на круге венчик отогнут, его наружная поверхность наклонная с четкими гранями сверху и снизу. Черепок в изломе – охристый. Два из четырех фрагментов были окрашены темно-коричневым ангобом по плечику и краю венчика. Внешняя поверхность

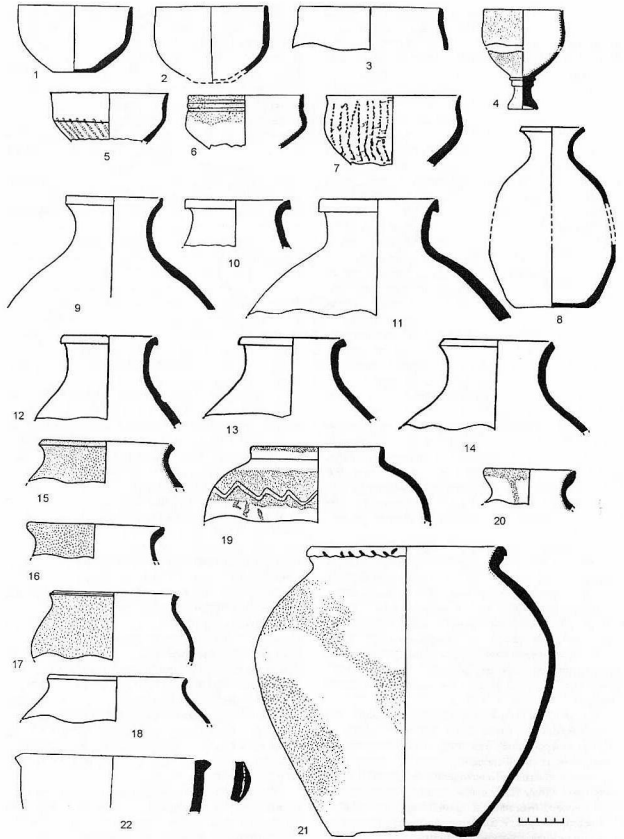


Рис. 9. Тали Хамтуда. Керамический комплекс из нижнего слоя.

Fig. 9. Tali Khamtuda. Pottery assemblage from the lower layer.

затерта тряпкой. Диаметры венчиков – 11, *12*, 12,5 и 13 см соответственно.

Широкогорлые сосуды относятся и к столовой, и к тарной посуде. В помещении 1 найдены фрагменты шести широкогорлых сосудов. Один из них с коническим, почти вертикальным плечиком. *Венчик* слегка отогнут, его наружная поверхность наклонная *с четкими гранями сверху и снизу. Наружная* поверхность окрашена красным ангобом. Диаметр венчика – 11 см. *Второй сосуд с шаровидным* туловом и отогнутым венчиком. Наружная поверхность венчика наклонная со сглаженными *гранями сверху* и снизу. Диаметр венчика – 13 см. Третий сосуд с почти вертикальными стенками. Венчик отогнут, *наружная* его поверхность вертикальная с четкими гранями сверху и снизу. Горло отделяется от плечика валиком. Диаметр венчика – 15 см. Четвертый сосуд с *отогнутым* венчиком. Наружная поверхность венчика наклонная с четкими гранями сверху и снизу. На плечике прослеживается желобок. Диаметр венчика – 22 см. Пятый и шестой сосуды по форме венчиков похожи. Клювовидный *венчик отогнут. Диаметры* венчиков – 17 и 29 см. Все эти сосуды имеют охристый в изломе черепок, венчики подправлены на круге.

В помещении 3 на нижнем полу было найдено три фрагмента широкогорлых сосудов, один из них от шаровидного гончарного сосуда с четырьмя отверстиями ниже венчика. Венчик отогнут, его наружная поверхность наклонная с четкими гранями сверху и снизу. По плечикам сосуд украшен двумя полосами с измельченным волнистым орнаментом с уклоном влево. Черепок и поверхность – светлые. Диаметр венчика – 19 см. Второй и третий сосуды – лепные *с венчиком*, подправленным на круге. У одного из них венчик сильно отогнут, его наружная поверхность вертикальная *с четкими гранями сверху и снизу. Ниже* венчика по плечику сосуд окрашен полосой красно-коричневого ангоба. Черепок и поверхность охристые. Диаметры венчиков – 15 и 17 см.

В помещении 4 найдены фрагменты от одного гончарного сосуда и четырех лепных с венчиком, подправленным на круге. Первый сосуд – шаровидный с вертикальным венчиком, верх которого уплощен (рис. 9: 19). По плечику с нанесенным волнистым орнаментом и краю венчика сосуд окрашен светло-красным ангобом. Черепок и поверхность – охристые. Диаметр венчика – 16 см. Второй *сосуд с отогнутым* венчиком, его наружная поверхность наклонная с четкими гранями сверху и снизу. По плечику сплошь до края венчика покрыт коричневым ангобом. Черепок и поверхность – охристые, венчик подправлен на круге. Диаметр венчика – 14 см. Третий сосуд с отогнутым венчиком, его наружная поверхность – вертикальная, верхняя грань приостренa. По плечику нанесен волнистый орнамент. Черепок и поверхность – *светлые, венчик подправлен* на круге. Диаметр венчика – 22 см. Четвертый *сосуд с отогнутым венчиком*, подтреугольным и клювовидным в сечении, *окрашен* по краю венчика светло-коричневым ангобом. Черепок *и поверхность – охристые, венчик подправлен* на круге. Диаметр венчика – 22 см. Пятый сосуд с двумя петлевидными ручками и вертикальным, непрофилированным венчиком окрашен по верху красным ангобом. Черепок и поверхность – охристые, *венчик подправлен* на круге. Диаметр венчика – 30 см.

На нижнем полу помещения 5 были найдены *фрагменты 12 широкогорлых сосудов, из них шесть* изготовлены на круге и столько же лепных с подправкой венчика на круге. *Первый сосуд с отогнутым*, скругленным венчиком (рис. 9: 16) окрашен по верху красным ангобом. Черепок и поверхность – светлые. Диаметр венчика – 16,5 см. Венчик второго сосуда отогнут, его наружная поверхность наклонная с четкими гранями сверху и снизу (рис. 9: 15). С двух сторон *верхняя часть сосуда окрашена черно-коричневым* ангобом. Черепок и поверхность – светлые. Диаметр венчика – 16 см. Третий сосуд с вертикальным *венчиком и округлыми плечиками* (*рис.* 9: 17) профилирован по наружной поверхности двумя валиками. Верх сосуда сплошь окрашен светло-красным ангобом. Черепок и поверхность – охристые. Диаметр *венчика – 16 см.* У *четвертого сосуда* с отогнутым венчиком и широкими плечиками (рис. 9: 18) край венчика приострен. Черепок и *поверхность – охристые*. Диаметр венчика – 17 см. Пятый сосуд с вертикальным венчиком, наружная поверхность которого профилирована двумя валиками. Верх сосуда окрашен светло-красным ангобом. Черепок и поверхность – охристые. Диаметр венчика – 21 см. Шестой сосуд с отогнутым венчиком, с округлым плечиком, поверхность его венчика наклонная, со сглаженными гранями сверху и снизу. *Венчик с двух сторон окрашен темно-коричневым ангобом. Черепок и поверхность* – охристые. Диаметр венчика – 20 см.

Из шести лепных сосудов с подправленным на круге венчиком первый имеет отогнутый, подтреугольный в сечении венчик и с двух сторон окрашен красным ангобом. Черепок и поверхность – охристые. Диаметр венчика – 12 см. Второй сосуд с отогнутым, подтреугольным в сечении венчиком по верху окрашен красно-коричневым ангобом. Черепок и поверхность – красные. Диаметр венчика – 14 см. Третий сосуд с отогнутым, подтреугольным в сечении *венчиком, наружная поверхность которого приострена* внизу, по верху окрашен темно-коричневым ангобом. Черепок и поверхность – охристые. Диаметр венчика – 18 см. Четвертый сосуд с отогнутым венчиком, наружная поверхность которого наклонная, с четкими гранями сверху и снизу. По плечикам и краям венчика он окрашен коричневым ангобом. Черепок и поверхность – охристые. Диаметр венчика – 19 см. Пятый сосуд с отогнутым подтреугольным, клювовидным *венчиком окрашен по верху красным ангобом. Че*репок и поверхность – красные. Диаметр венчика – 22 см. Шестой сосуд с отогнутым венчиком, наружная поверхность которого наклонная с четкими гранями сверху и снизу, с узкими плечиками окрашен по венчику и горлу красным ангобом. Волнистый орнамент нанесен на неподвижный сосуд. Черепок и поверхность – красные. Диаметр венчика – 27 см.

Хумы и хумчи. На нижнем полу помещения 1 было найдено несколько экземпляров толстостенных

сосудов. Все они поверху окрашены *светло-коричневым ангобом, их* венчики подправлены на круге. Хумча имеет отогнутый венчик с валиком сверху. Черепок и поверхность – красные. Диаметр венчика – 21,5 см. У первого хума – широкие и почти горизонтальные плечики, венчик отогнут, его наружная поверхность наклонная с четкими гранями сверху *и снизу. Первый* фрагмент в изломе – двухцветный, красно-серый, его поверхность – красная. Диаметр венчика – 27 см. Второй хум имеет отогнутый венчик. Его наружная поверхность – красная. Диаметр венчика – 28 см. Третий хум с широкими плечиками и отогнутым венчиком, наружная поверхность которого наклонная с *четкими гранями сверху и снизу. Черепок и поверхность – красные.* Диаметр венчика – 33 см. Четвертый хум с отогнутым *венчиком*, подтреугольным *в сечении. Черепок и* поверхность – красные. Диаметр венчика – 37 см. Пятый хум с *крутыми плечиками* и отогнутым венчиком, его наружная поверхность наклонная с четкими гранями сверху и снизу. Черепок и поверхность – красные. Диаметр *венчика – 40* см.

В помещении 2 на нижнем полу были найдены фрагменты двух закопченных котлов. У первого из них венчик вертикальный, верхняя поверхность горизонтальная. *По краям венчика* прикреплены две налепные ручки (ушки). Черепок *красный с при*месью очень мелкой гальки и *сланца. Диаметр* венчика – 20 см. Второй котел также с двумя ушками. Венчик вертикальный, с горизонтальной верхней поверхностью. *Черепок красный, с примесью галечки* и сланца. Диаметр венчика – 28 см.

В помещении 3, на нижнем полу было найдено донце толстостенного *сосуда* на трех низких ножках у края днища. Черепок в изломе – красно-серый, его поверхность красная, а внутри он серый. Диаметр дна – 18 см.

В северо-западном углу помещения 4 был найден *целый сосуд*-хумча с отогнутым венчиком и скругленной наружной поверхностью (рис. 9: 21). По краю венчика нанесены пальцевые вдавления. Хумча имеет *три низкие ножки*, расположенные по краю днища. *Черепок и поверхность – красные. Диаметр* венчика – 22 см, тулова – 36 см, дна – 17 см, высота сосуда – 33,5 см. В помещении 4 найдены также фрагменты хумчей, первая из них *высокогорлая*, с отогнутым венчиком, наружная поверхность которого скруглена. Черепок и поверхность – *красные. Диаметр* венчика – 19 см. Вторая – с отогнутым венчиком, наружная поверхность которого профилирована двумя валиками. Черепок и *поверхность – красные. Диаметр* венчика – 23 см. В этом же помещении, на нижнем полу у порога найдены фрагменты четырех хумов, первый из них с отогнутым венчиком, наружная поверхность которого наклонная, с двумя валиками. *Черепок и поверхность – красные.* Диаметр венчика – 30 см. У второго хума венчик отогнут *и профилирован* внизу валиком. Черепок и поверхность – красные. Диаметр венчика – 32 см. Третий хум имеет отогнутый венчик, наружная поверхность которого наклонная, с четкими гранями сверху и снизу. Черепок *и поверхность – красные. Диаметр венчика* – 40 см. У четвертого хума венчик отогнут, а его наружная поверхность наклонная, с желобком. Черепок и поверхность – красные. Диаметр венчика – 43 см.

В помещении 4 на нижнем полу найдены фрагменты трех котлов с копотью на наружной поверхности: у первого венчик – вертикальный, его верхняя поверхность горизонтальная. Черепок – тускло-красный, с примесью песка со слюдой. Диаметр венчика – 21 см. Второй котел имеет вертикальный венчик с горизонтальной наружной поверхностью. Под венчиком прикреплены две кольцевидные ручки. Черепок – красный, с примесью песка со слюдой. *Диаметр венчика* – 22 см. *У третьего котла с вертикальным* венчиком к плечикам прикреплены две *дуговидные ручки. Черепок – красный, с примесью песка* со слюдой. Диаметр венчика – 20 см.

В помещение 5 были найдены фрагменты семи лепных котлов со следами копоти на наружной поверхности, первый из них с отогнутым венчиком. Черепок – тускло-красный, с примесью галечки и сланца. Диаметр венчика – 22 см. Второй фрагмент имеет слегка отогнутый венчик, наружная поверхность которого скруглена. Черепок – красный, с примесью очень мелкой гальки и сланца. Диаметр венчика – 25 см. Третий фрагмент также имеет отогнутый *венчик. Черепок – красный, с примесью мельчайшей гальки и сланца. Диаметр венчика – 25 см. К плечи*кам четвертого фрагмента прикреплены две кольцевидные ручки. Черепок – красный, с примесью га*лечки и сланца. Диаметр венчика* – 26 см. У пятого фрагмента венчик отогнут. Черепок – красный, с примесью мелкой гальки и сланца. Диаметр венчика – 26,5 см. У шестого и седьмого фрагментов черепок и примеси такие же. Диаметр венчиков – 28 см.

В углу северо-восточной части помещения 4 най*ден железный нож (рис. 8: 5) в очень плохом состоя*нии, с погнутым черенком. Общая длина ножа около 13–15 см, ширина – 1,8 см. Там же было обнаружено бронзовое ромбовидное в сечении шило (рис. 8: 7) длиной около 4 см, а также пряслица, изготовленные из камня и фрагментов керамики. Керамические круглые пряслица окрашены с двух сторон красно-коричневым ангобом. Диаметры пряслиц от 3,5 до 5,5 см, толщина от 0,6 до 0,8 см. Из других находок упомянем грузила, изготовленные из необожженной глины. Они круглые, в центре имеют отверстие *диаметром от 0,7 до 0,10 см; диаметры окружности* – от 10,5 до 12 см.

На *нижнем полу помещения 5 было найдено* бронзовое зеркальце (*рис. 8: 4*) диаметром 4 см и толщиной около 0,3 см. В обмазке пола северной части помещения 5 обнаружены нуклеус и фрагменты каменного орудия (рис. 8: 3), не характерные для этого памятника, несомненно, случайно попавшие в культурный слой Тали Хамтула. Здесь также было найдено *керамическое пряслице*, покрытое коричневым ангобом (рис. 8: 2). Диаметр – 5,6, толщина – 1,5 см.

Фрагменты керамических сосудов были найдены и в завалах. Так, в завале помещения 3 обнаружен фрагмент тонкостенной станковой чаши с кониче-

ским низом и профилированным бортиком из трех валиков. Венчик чаши приострен и отогнут наружу. *Черепок в изломе – охристый.* Диаметр венчика – 13 см. Другой фрагмент принадлежал водоносному кувшину с высоким горлом и отогнутым венчиком, подтреугольным в сечении. Внешняя сторона кувшина затерта тряпкой. Черепок в изломе – охристый. Венчик диаметром 14 см подправлен *на круге.*

Фрагмент столового кувшина с шаровидным туловом *найден в завале помещения 2.* Его подтреугольный в сечении венчик отогнут и подправлен на круге. Нижняя часть стенок подрезана ножом. Внешняя поверхность затерта тряпкой. Черепок – охристый. Диаметр венчика – 7,5 см, дна – 13 см, тулова – 20 см, высота сосуда – 19,5 см. Оттуда же происходит *широкогорлый сосуд с* шаровидным туловом и четырьмя отверстиями *под венчиком.* Подправленный на круге венчик отогнут, его наружная поверхность наклонная, с четкими гранями *сверху и снизу.* Снаружи сосуд окрашен красным ангобом. *На плечиках* имеются два ряда мелкого волнистого орнамента, *нанесенного на неподвижный сосуд.* Черепок в изломе – *охристый. Диаметр венчика* – 10 см, дна – 8 см, тулова – 16 см, высота *сосуда* – 14 см.

Еще один фрагмент широкогорлого сосуда был найден в завале помещения 3. Верх сосуда с отогнутым, подправленным на круге венчиком окрашен красным ангобом. Черепок – *охристый. Диаметр* венчика – 17,5 см. Другой сосуд с отогнутым, подтреугольным в сечении, подправленным на круге венчиком окрашен красным ангобом в верхней части. Ниже края ангоба на неподвижный сосуд был нанесен волнистый *орнамент. Черепок в изломе* – охристый. Диаметр венчика – 23 см.

Также в помещении 2 на высоте 1,2 м *от нижнего* пола был найден фрагмент широкогорлого сосуда с пальцевыми вдавлениями вокруг венчика. Подправленный на круге венчик отогнут, его наружная *поверхность наклонена. По горлу* вертикально, а по плечикам *наклонно нанесены полосы* красного ангоба. Ниже венчика по плечикам расположены подковообразные выступы. Черепок – красный. Диаметр венчика – 32 см.

В помещении 4 найден *венчик водоносного кувшина,* формованного на круге, с красным ангобом по краю (рис. 9: 20). Венчик отогнут и имеет округлый *край и утолщение снизу по* наружной стороне. Диаметр венчика – 10 см.

В северо-западной части помещения 5 была обнаружена примитивная терракота (рис. 8: 1), изображавшая фигурку обнаженной женщины, стоящей фронтально (Курбанов 1992: 61). Ее левая рука *поддерживает грудь,* а *правая* расположена у лона. Короткие руки не пропорциональны фигуре. На левой руке обозначены четыре пальца. Торс непропорционально велик, приземист. Ноги *короткие. Шея* короткая и толстая, плечи маленькие, живот полный. Лицо округлое, лоб очень низкий, рельефные ровные брови растянуты до висков, тщательно проработаны *миндалевидные большие глаза* со зрачками, нос прямой, с горбинкой, рот маленький, подбородок выпуклый.

Подведем итоги: на нижнем полу всех помещений найдены три целых сосуда: один кубок, одна чаша и одна хумча. Также обнаружены фрагменты, принадлежавшие 64 сосудам: 3 чашам, 8 кувшинам, 28 широкогорлым сосудам, 13 хумам и хумчам, 12 котлам. Из этих фрагментов 8 принадлежали сосудам, изготовленным на гончарном круге, 44 – сосудам, изго*товленным техникой лепки, но с венчиками, подправленными* на круге, и 12 – *полностью лепным сосудам.* Три чаши, один кубок, восемь широкогорлых сосудов и тринадцать хумов изготовлены лепным способом, с подправкой венчиков на круге. Двенадцать фрагментов котлов полностью являлись лепными.

В слое погребений найдено всего восемь целых сосудов и один *керамический музыкальный инструмент.* В завале найдено два целых сосуда и фрагменты не менее шести сосудов, из них: одна чаша, два водоносных кувшина, два фрагмента широкогорлых сосудов и один фрагмент широкогорлого сосуда с *ручкой.*

Обжиг всех сосудов – горновой. *Очевидно,* местные гончары имели хорошие гончарные печи, но они не вполне владели техникой изготовления сосудов на гончарном круге. Им удавалось формовать на круге лишь маленькие сосуды. Восемь крупных широкогорлых сосудов, изготовленных на круге, возможно, выполнены приезжими гончарами. Е. М. Пещерева *пишет,* что гончары из Пенджикента в начале XX в. имели мастерские в нескольких селениях, куда они периодически приезжали работать (Пещерева 1959: 312). Можно *предположить, что в окрестностях Тали* Хамтуда была мастерская такого заезжего гончара, во время его отсутствия использовавшаяся местными учениками, не вполне овладевшими профессиональ*ными навыками* своего учителя. Очень малые различия в цвете и фактуре черепка свидетельствуют о том, что, за немногими исключениями, вся *найденная керамика изготовлена в одном центре.*

Перейдем теперь к вопросам датировки Тали Хамтуда и к исторической интерпретации результатов раскопок этого памятника. Сразу же надо отметить, что своеобразие сугубо локальной керамики и специфические особенности архитектуры памятни*ка, не находящие полных аналогов,* затрудняют его *датировку.*

Крестовидный план зданий широко распространен в Иране и Средней Азии, появляется еще в бронзовом веке (Сариани*ди* 1977: 156, рис. 8), но встречается вплоть до поздней античности (Сулейманов 1983: *108–110,* рис. 33–34; Филанович 1983: табл. 5; Заднепровский 1985: *168, рис.* 1; *Исаков* 1979: 50; Горбунова 1985: 47–49, рис. 2; 1997; Семенов 1996: 168; Stronach 1968–1969: 177; Stronach-Roaf 1973: 129; 1978: 10; Hansman-Stronach 1970: 29; 1974: 12). Квадратные кирпичи и стреловидные бойницы характерны для эпохи эллинизма, хотя известны и в более позднее время.

Для датировки памятника эпохой античности есть и дополнительные аргументы. Это вещественные находки, и прежде всего, керамика нижнего (основного) горизонта. В нем есть чаши с лощением и ча-

шевидный кубок, напоминающие сосуды последних веков до н. э. и первых веков н. э. (рис. 9: 1, 2, 7), но анализ керамического материала памятника Тали Хамтуда приводит к выводу, что керамические изделия, за немногими исключениями, изготовлены в местном центре и относятся к локальному, ранее неизвестному варианту. В пользу выдвинутого тезиса говорит отсутствие полной аналогии форме кубка из Тали Хамтуда (рис. 9: 4). Приведем, однако, частичные параллели. Этот кубок по своей верхней части похож на кубок из Кургантепе в Мианкале (Пугаченкова 1989: 100, рис. 41: 13), датируемый по комплексу КТ-Б2, II–III вв. н. э. Также по профилю он близок к кубкам, найденным С. К. Кабановым в развалинах крепостной стены Афрасиаба, которые автор датирует III-I вв. до н. э. (Кабанов 1973: рис. 12: 6). Между кубками Тали Хамтуда, Кургантепе и Афрасиаба наблюдаются различия в профилировке верхней части ножек. В Халчаяне аналог ножке из Тали Хамтуда дает керамический комплекс из слоя, датируемый II–I вв. до н. э. (Пугаченкова 1966: рис. 14–17, 20). Наиболее близкие кубкам из Тали Хамтуда формы обнаруживаем среди кубков, найденных А. М. Мандельштамом в могильниках Южного Таджикистана. Он датирует их в пределах II в. до н. э. – I в. н. э. (Мандельштам 1966: табл. 27: 4,1; 1975: табл. 21: 2,10). Однако они отличаются по профилю ножки.

Датировать кубок сложно не только из-за отсутствия прямых аналогов, но также из-за спорности археологических дат на территории Согда и Бактрии. В частности, для Халчаяна и для могильников Южного Таджикистана были предложены более поздние датировки (Литвинский, Седов 1983: 37-38; Древности Таджикистана: 109–113). Б. А. Литвинский и А. В. Седов опираются, в частности, на хронологию римских стеклянных бус из среднеазиатских находок (см. также Шеркова 1991: 62). С учетом их поправок кубок из Тали Хамтуда может быть приблизительно отнесен к I–III вв. н. э.

Чаша из Тали Хамтуда (рис. 9: 7) находит близкую аналогию в керамике периода КМШ-IIIб (Мианкаль), которую Г. А. Пугаченкова датирует I в. н. э. (Пугаченкова 1989: рис. 20, Б). Такие чаши с приостренным венчиком (рис. 9: 3) встречаются в КМШ-III, относимом ко II–III вв. н. э. (Пугаченкова 1989: 60, рис. 22, А). Они же (рис. 9: 3, 7) встречаются в керамических комплексах Кургантепе в Мианкале (Пугаченкова 1989: рис. 31, слева наверху 1–2). Однако чаши из Мианкаля не имеют лощения.

Одним из редких видов сосудов в комплексе Тали Хамтуда являются чаши с вертикальным бортиком (рис. 9: 1, 2). Близкую аналогию находим в керамическом комплексе Еркургана из слоев 34–46 раскопа 5, который датируется 100 г. н. э. (Исамиддинов, Сулейманов 1984: 74, рис. 32, 22; 60, 10; Шишкина и др. 1985: 421, табл. 83, снизу вторая колонка).

Также близкую аналогию чашам Тали Хамтуда (рис. 9: 7) находим в кушано-сасанидском комплексе керамики из Чоплидеге (на побережье Средней Амударьи), которая датируется концом IV в. (Пилипко 1985: 128, табл. 12,9; 156, табл. 90, 20).

Около половины керамических сосудов из Тали Хамтуда частично покрашены красным ангобом с подтеками на наружной стороне. Аналогичные по форме широкогорлые сосуды с подтеками по плечику и тулову находим в культуре Каунчи I-II (Буряков и др. 1985: 435, табл. 64). Такую же форму с подтеками встречаем в Актобе 2, которую Л. М. Левина датирует от рубежа н. э. и до IV в. н. э., допуская начальную дату I в. до н. э. (Левина 1971: рис. 34–40). Начальную дату памятника предположительно относят к I в. до н. э. на основании находки костяной пряжки прямоугольной формы с неподвижным язычком. Насколько можно судить по публикациям, поселение имело два строительных горизонта – нижний и верхний, однако керамика разделена не по периодам, а только по формам, поэтому не совсем понятно как эти формы соотносятся с выделенными строительными горизонтами (Левина 1971: 115; Максимова и др. 1968: 71).

В Согде такие подтеки появляются в слоях II–IV Тали Барзу, то есть несколько позднее, чем в Чаче. Датировка слоев Тали Барзу дискуссионна (Григорьев 1940: 91; Тереножкин 1950: 160; Мандельштам 1954: 91; Ставиский 1967: 27; Маршак 1968: 55–56; Лебедева 1997: 67). Во всяком случае, она не может быть древнее II в. н. э. для Тали Барзу I, потому что слой Афрасиаб IV более ранний, чем Тали Барзу, датируется не ранее начала н. э. (Исамиддинов 1997: 69). Такой «орнамент», видимо, наносили не для красоты, а для магической защиты: изделие покрывали пятнами, чтобы сделать его непривлекательным для духов (Пещерева 1959; Маршак 1970).

Волнистый орнамент на широкогорлых сосудах из Тали Хамтуда схож с аналогичным на керамических сосудах из позднеантичных слоев Еркургана (I–IV вв. н. э.) в Южном Согде, в частности, из слоя 44 раскопа 5 (Исамиддинов-Сулейманов 1984: 150, рис. 31: 43; 32: 10,11; 33: 3, 4, 14, 16; 34: 1, 2, 34; 36: 12). В верхней части долины Кашкадарьи волнообразные орнаменты на посуде появляются, по мнению С. К. Кабанова, во II в. до н. э. (Кабанов 1962: 52, рис. 5: 1–3). В долине Зеравшана распространение волнистого орнамента впервые отмечается в комплексе Тали Барзу I, датированном А. И. Тереножкиным II–I вв. до н. э. (Тереножкин 1950: 156, рис. 69, 6, 2). Однако теперь этот слой датируют не ранее первых веков н. э. (см. выше). Такой же орнамент встречается на керамике нижнего строительного горизонта и керамике так называемой второй группы из поселения Актобе 2, I–IV вв., культуры Каунчи (Левина 1971: рис. 34: 14, 18, 23; 38: 22, 24, 30, 41; 39: 24). В основном он наносился на широкогорлые сосуды: горшки и хумчи.

В Тохаристане мелкие и крупные зигзагообразные волнистые орнаменты нанесены на разные сосуды Халчаяна, особенно в комплексах II–IV вв. (Пугаченкова 1966: 57, рис. 33, 34, 39, 40) и Дальверзина III (кушано-бактрийский комплекс), конца I–II вв. и периода Дальверзин IV (позднекушанский или кушано-сасанидский комплекс III–IV вв.) (Пугаченкова 1978: рис. 104: 16, в, 2а; 110: 14, 15, 17, 20, 21,

23, 30; ср. Литвинский, Седов 1983: 34–37). В Южном Таджикистане (Бактрии) появление волнообразного орнамента, по данным раскопок на могильнике Тупхона, относится к I–III вв. (Дьяконов 1953: 155, табл. 83, рис. 2; Мандельштам 1966: 137–159; Литвинский, Седов 1983: 38; 1984: 77). В Хорезме широкое распространение волнообразный орнамент получает *лишь в II–III вв.* (Воробьева 1959: 195). В Афганистане *сосуды с волнообразным орнаментом* известны в комплексе Беграм I, датированном II в. *до н. э. – III в. н. э.* (*Ghirshman 1946: 43*, pl. *21 1, 33*). В Южном Туркменистане время появления интересующего нас орнамента определяется рубежом н. э. (Марущенко 1956: 130–131).

Широкогорлый сосуд с вертикальным бортиком, с одним рядом волнистого орнамента, с двумя полосами ангоба и с подтеками по венчику и по плечикам (рис. 9: 19) очень похож на *некоторые сосуды из Тали* Барзу, слои II–IV, датирующиеся III-VI вв. Есть они *и в горном Согде, где исследовано* несколько памятников со слоями IV–VI вв, например, Калаи Муг в Магиане (Ставиский 1959: 66, рис. 2). Кроме фрагментов венчиков, в Тали Хамтуда найдены две стенки с круглыми сливами-рожками, слегка расширяющимися наружу. Эти сосуды находят аналогии среди керамических комплексов Тали Барзу II (Григорьев, РА ИИМК РАН: ф. 35, оп. 2. д. 46–49, лист 14, рис. 171; лист 31, рис. 202) и в ранних слоях Пенджикента V-VI вв. (*Маршак 1970: рис. 118*), где они уже *очень редки. Таким образом, нижние слои Тали Хамтуда по керамике датируются* очень широко – в пределах первых четырех веков н. э. Однако керамика верхних слоев позволяет несколько уточнить верхнюю дату нижнего слоя.

Кувшинчик из погребения в Тали Хамтуда (рис. 7: 4) по профилю венчика с наклонной наружной поверхностью и четкими гранями сверху и снизу близок керамическим кувшинам из курганов 1–2 могильника Аджартепе около Чилека, датируемым II–III вв. н. э. (Обельченко 1962: 67, рис. 50). *В погребении* в северо-восточной части раскопа в Тали Хамтуда встречен лепной кувшин (рис. 7: 8), *имеющий лишь* приблизительные аналогии в кувшинах I в. до н. э. – I в. *н. э. из слоя КМШ-III* (Пугаченкова 1989: 49, рис. 17). Горшок из завала имеет признаки, аналогичные *особенностям сосудов* из Тулхарского могильника (Мандельштам 1966: 178, табл. 16: 11; 4: 3), которые датируются *I в. до н. э. – I в. н. э. Однако у* последних есть три ножки на донце и шейка несколько длиннее. Итак, в погребениях и в завале, как и в нижнем слое, керамика находит аналоги, которые датируются до V в. н. э., соответственно нижний слой можно относить, скорее всего, к I-III вв. н. э. В отличие от остальных сосудов из завала только венчик *одного водоносного кувшина* (рис. 9: 20) идентичен *венчикам кувшинов, найденных в Калаи Муг на* Магиане (Ставиский 1959: рис. 1: 18) и в слоях V в. древнего Пенджикента (Маршак 1964: рис. 23: 1).

Терракотовая женская статуэтка из Тали Хамтуда относится к архаическому типу, однако точной стратиграфической привязки эти терракоты не имеют (Мешкерис 1989: 93). *Такая фигурка найдена* в усадьбе *близ Кафыркалы, раскопанной* Г. В. Шишкиной. Обнаруженные Г. В. Шишкиной керамические материалы на этом памятнике никаких предметов ранее V–VI вв. не содержат, за исключением лишь *нескольких фрагментов III–IV вв. из платформы здания*. Нет оснований и фигурку датировать временем *раньше V–VI вв.* (Шишкина 1961: рис. 13; 1965: 181, *рис. 3*). В. А. Мешкерис относит подобные статуэтки к наиболее ранней группе терракот, основываясь на находках других фигурок «обнаженных богинь» в Хорезме, Южной Туркмении и Двуречье в слоях III–II вв. *до н. э.* (*Мешкерис 1962: 17, 18*).

Между находками с нижнего пола, из горизонта погребений и из завала имеются некоторые различия, но сходство между ними все же преобладает. Поэтому, можно думать, что *все обнаруженные там материалы* относятся к одной эпохе. Железная пряжка, найденная в погребении 1, конечно же, не может быть аргументом *для датировки, поскольку погребение* вторично. Такие пряжки, появившись в IV–III вв. до н. э., *становятся ведущей формой лишь на рубеже* и в первые века н. э. (*Литвинский 1973: 81*).

Обзор керамики Тали Хамтуда свидетельствует, что она, в основном, представляет те же типы сосудов, их виды, приемы украшения, что и синхронные сосуды других памятников Согда – Тали Барзу, Афрасиаба, могильников Бухарского оазиса, *античных* памятников Кашкадарьинского Согда – Еркургана и *др. Отмечается* некоторая общность и с керамикой соседних историко-культурных *областей – Бактрии* и Чача, хотя в комплексе Тали Хамтуда есть и своеобразные *элементы: особые формы кубка и чаш*; кувшинов и широкогорлых сосудов, техника изготовления *сосудов и т. д.*

Если суммировать все приведенные сведения – квадратный кирпич, стреловидные бойницы, керамику, терракоту, пряжку, *наконец, то, что по своей* архитектуре памятник вписывается в круг сооружений *полобной планировки*, можно предположить, что здание Тали Хамтуда было построено в первые века н. э. *и использовалось* в I–IV вв.

Особенно интересен вопрос о назначении раскопанного здания. По мнению ряда ученых, среди крестообразных построек встречаются культовые, оборонительные *и жилые (Шкода 1997: 69). Другие* исследователи полагают, что функциональное назна*чение крестообразных зданий* в Средней Азии может быть определено как культовое самой их планировкой, отражающей солярную символику и, следовательно, космологические *представления древнего* населения (Филанович 1983: 173; 1989: 38; Горбунова *1994*; 205; 1997: 26). Видимо, более правильно признать, вслед за В. Г. Шкодой (Шкода 1997: 68), что большинство *памятников с таким планом были* оборонительного и жилого (усадебного) характера. Нет никаких оснований предполагать культовое назначение постройки в Тали Хамтуда.

В то же время это сооружение не было и жилищем аристократа, поскольку там нет жилых и парадных помещений. О том, что это был именно военный пост,

свидетельствует его планировка, приспособленная для обороны (Хасанов 1990: 20; 1995: 110). Это, прежде всего, крепостца-убежище, предназначенная для жителей селения. Вероятно, таким же было назначение некоторых древних маленьких «замков» поблизости от Тали Хамтуда, как, например, Фильмандар (Исаков 1979), а также первоначальное здание «усадьбы» близ Кафыркалы под Самаркандом (Шишкина 1961) и некоторых памятников Нахшеба эпохи раннего средневековья – небольших селений с укрепленной маленькой цитаделью (Рахимкулов 1992: 179, рис. 57, 60). Вполне возможно, что наряду с такого рода крепостцами, существовали и укрепленные дома знати, похожие на них по архитектуре (Заднепровский 1985: 88). Тали Хамтуда не усадьба и не укрепление, а именно крепостца внутри неукрепленного селения. Построив такую крепостцу, несколько семей могли обороняться в ней против сильного противника: хотя, как мы видели, защищаться с помощью бойниц было очень трудно, однако они тем самым демонстрировали соседям свою обороноспособность.

Таким образом, термин «крепостца» должен дополнить классификацию среднеазиатских оседлых памятников, в которую сейчас входят такие категории, как укрепленная усадьба, замок, неукрепленное селение, крепость, город. Кроме того, значение раскопок Тали Хамтуда заключается в том, что удалось исследовать памятник, отражающий взаимодействие высокоразвитой культуры равнинного Согда и более архаичной культуры его горных районов и наглядно демонстрирующий влияние первой на последнюю. Керамика Тали Хамтуде, в основном, лепная, с венчиками, правленными на круге, и горновым обжигом, изготовлена не вполне профессиональными сельскими мастерами, которые учились у гончаров, приезжавших из городов. В архитектуре обнаруживается сочетание сложного плана и пандуса, возведение которого из-за разнобоя в размерах кирпичей и использования плохой пахсы было невозможно без специалиста-строителя.

В горах долины Зеравшана встречаются сохраненные на протяжении многих веков отзвуки традиций Древнего Востока (Мидии) – крестообразный план, стреловидные бойницы. Не менее интересны и социологические вопросы, вытекающие из результатов раскопок на Тали Хамтуда, поскольку селение с цитаделью дает нам новые сведения об общественной организации сельского населения Согда.

Бретанацкий, А. С. 1958. Об одном малоизвестном памятнике согдийского зодчества. //Материалы и исследования по археологии СССР 66: 323–357. Москва-Ленинград.

Бурятов, Ю. Ф., Г. А. Кошеленко. 1985. Ташкентский оазис (Чач) // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии: 297–303. Москва.

Воробьева, М. Г. 1959. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции IV: 63–220. Москва.

Воронина, В. Л. 1958. Архитектура древнего Пенджикента (итоги работ 1952–1953 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР 66: 195–215. Москва-Ленинград.

Воронина, В. Л., К. С. Крюков. 1978. Мавзолей Мухаммада Бошшаро // Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура): 58–68. Москва.

Горбунова, Н. Г. 1985. Памятники Керкидонской группы в Южной Фергане // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 26: 45–70. Ленинград.

1994. Поселение Арк-тепе в Южной Фергане // Российская археология 4: 191–206.

1997. Некоторые данные о культах населения древней Ферганы // Верования и культы домусульманской Средней Азии. Тезисы конференции: 24–25. Москва.

Григорьев, Г. В. 1940. Городище Тали Барзу // Труды Отдела Востока Эрмитажа II: 87–104. Ленинград.

Без года. Рукописный архив ИИМК РАН. Фонд 35, оп. 2. Д. 46–49.

Древнейшие государства. 1985. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Москва.

Древности Таджикистана. 1985. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе.

Дьяконов, М. М. 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950–1951 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР 37: 253–293. Москва-Ленинград.

Заднепровский, Ю. А. 1985. Городище Биловуртепе (Восточная Фергана) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 184: 88–95.

Исаков, А. И. 1977. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе.

1979. Фильмандарский замок // Успехи Среднеазиатской археологии 4: 50–51. Ленинград.

Исамиддинов, М. Х., Р. Х. Сулейманов. 1984. Еркурган. Ташкент.

Кабанов, С. К. 1962. Керамический комплекс из наслоения древнего городища в Китабе // История материальной культуры Узбекистана 3: 42–53.

1973. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб 2: 14–84. Ташкент.

Лебедева, Т. И. 1997. Керамика сельской округи раннесредневековом Самарканда // 50 лет раскопок древнего Пенджикента. Тезисы докладов научной конференции: 62–66. Пенджикент.

Левина, Л. М. 1971. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. // Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции VII. Москва.

Литвинский, Б. А. 1973. Керамика из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы II. Москва.

1973а. Украшения из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы III. Москва.

Литвинский, Б. А., А. В. Седов. 1983. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. Москва.

Максимова А. Г., М. С. Мерщиев. Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. 1968. Древности Чардары. Алма-Ата.

Мандельштам, А. М. 1954. Предварительный отчет о работах Верхне-Зеравшанского отряда в 1953 г. // Доклады АН Таджикской ССР 11: 31–37.

1966. Кочевники на пути в Индию // Материалы и исследования по археологии СССР 136. Москва-Ленинград.

Маршенко, А. А. 1956. Хосровкала // Труды Института истории, археологии и этнографии 2. Материалы по археологии Туркменистана. Ашхабад.

Маршак, Б. И. 1964. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 124: 128–243. Москва-Ленинград.

1968. Керамика и даты слоев (на примерах из археологии Средней Азии) // Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов: 55–56. Ленинград.

1970. Код для описания керамики Пенджикента V–VI вв. н. э. // Статистико-комбинаторные методы в археологии: 25–53. Москва.

Мешкерис, В. А. 1962. Терракоты Самаркандского музея. Ленинград.

1989. Согдийская терракота. Душанбе.

Обельченко, О. В. 1962. Могильник Аджартепе // История материальной культуры Узбекистана 3: 57–70.

Пещерева, Е. М. 1959. Гончарное производство Средней Азии. Москва-Ленинград.

Пилипко, В. Н. 1985. Поселения северо-западной Бактрии. Ашхабад.

Пугаченкова, Г. А. 1966. Халчаян (к проблеме художественной культуры северной Бактрии). Ташкент.

1989. Древности Мианкаля (из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции). Ташкент

Пугаченкова, Г. А., Э. В. Ртвеладзе и др. 1978. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.

Рахимкулов, А. А. 1992. Культура сельских поселений Нахшеба в эпоху раннего средневековья. Дисс. … канд. ист. наук. Приложение. Самарканд.

Сариандиди, В. И. 1977. Древние земледельцы Афганистана. Москва.

Семенов, Г. П. 1996. Согдийская фортификация V–VIII веков. Санкт-Петербург.

Смирнова, О. И. 1950. Археологические разведки в бассейне Зеравшана в 1947 г. // Материалы и исследования по археологии СССР 15: 65-80. Москва-Ленинград.

Ставиский, Б. Я. 1959. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г. // Археологические работы в Таджикистане 5. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР 53. Сталинабад.

1967. О датировке ранних слоев Тали Барзу // Советская археология 2: 22–28.

Сулейманов, Р. Х. 1983. Раскопки Сеталака-I // Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. н. э.: 66–98. Ташкент.

Терешкевич, А. И. 1950. Раскопки в кухендизе Пенджикента // Материалы и исследования по археологии СССР 15: 81–93. Москва-Ленинград.

Филанович, М. И. 1983. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент.

1989. Система расселения и градостроительные формы Ташкентского микрооазиса в древности и раннем средневековье // Градостроительство и архитектура. Развитие связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Культура Среднего Востока: 35–51. Ташкент.

Хасанов, М. 1990. Античные сельские поселения Южного Согда. Автореф. дисс. … кан. ист. наук. Самарканд.

1995. Еще раз о крестообразной архитектуре // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. Тезисы докладов Международной конференции: 110. Самарканд.

Шёркова, Т. А. 1991. Египет и кушанское царство. Москва.

Шишкина, Г. В. 1961. Раннесредневековая домусульманская усадьба под Самаркандом // История материальной культуры Узбекистана 2: 192–227.

Шишкина, Г. В., Р. Х. Сулейманов, Г. А. Кошеленко. 1985. Согд // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии: 273–292. Москва.

Шкода, В. Г. 1997. К вопросу о крестообразных сооружениях Средней Азии // Верования и культы домусульманской Средней Азии. Тезисы конференции: 68–70. Москва.

Якубовский, А. Ю. 1950. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946–1947 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 15: 13–55. Москва-Ленинград.

Ghirshman, R. M. 1946. Begram. Le Caire.

Hansman, J., D. Stronach. 1970. Excavations at Shahr-i Qumis, 1967 // Journal of the Royal Asiatic Society 1: 29–61.

1974. Excavations at Shahr-i Qumis, 1971 // Journal of the Royal Asiatic Society 1: 8–19.

Stronach, D. 1968–1969. Tepe Nush-i Jan: a Mound in Media // MMAB, NS 27: 177–186.

Stronach, D., M. Roaf. 1973. Tepe Nush-i Jan, 1970: Second Interim Report // Iran 11: 129–140.

1978. Excavations at Tepe Nush-i Jan: a Third Interim Report // Iran 16: 1–28.

TALI KHAMTUDA

SH. F. KURBANOV

The small fortress of Tali Khamtuda dating to the Classic period is situated in the foothill belt of the Zeravshan Range, 32 km south-east of the town of Pendzhikent. This place forms the boundary between two geographical and ancient cultural zones — the mountainous one and the flat country. Such border areas still remain almost unexplored by archaeologists that makes the studies of Tali Khamtuda very urgent.

The site was discovered in 1985 by A. I. Isakov who sunk a test pit on the central mound. Later, the excavations were continued by the author of this paper. During three field seasons (1988, 1990, and 1991) the central mound has been excavated almost completely. The relief of the locality suggests that still one room has remained unexcavated on the mound-citadel, nevertheless, now we are already able to reconstruct the general plan of the building.

It is evident from the results of these excavations that the fortified structure had two storeys and a cruciform ground plan. The building had eight rooms at ground-floor level and the second storey amounted to the same number. On the plan, three square towers stand out to the east, west and south from the corridor (room 1). To the north of the corridor there are two small rectangular corner rooms, a ramp area between them, and a rectangular entrance tower to the north of the ramp.

The loopholes of Tali Khamtuda are all of the same type. In the towers and corner rooms they are ranged in a fan-like way, the distance between them being mostly equal: 1.6 m on the outer surface of the towers (except for the southern one). The loopholes were made 1.1 m over the level of the floor of the facade platform attached to the wall. From the side of the facade they are arrow-shaped, their upper triangular part forming a niche 30 cm high and 30–40 cm deep. The ogive top of the loopholes was formed by means of two bricks measuring 40 x 40 x 10 cm and set obliquely. The height of the loopholes on the side of the facade was about 1.75 m and 0.6 m on inside; their width was 0.16–0.2 m. The length of the loopholes perpendicular to the wall exceeded 2 m, that of the loopholes made at an angle reached 2.4 m, the width being 20 cm. It was extremely difficult to shoot from a bow through such loopholes. Only a highly experienced archer was able to shoot through the narrow and long holes, and looking out in turn from one or another loophole he could hit only that enemy who was standing directly opposite some of them. For that purpose, a defender of the fortress must have had an extremely swift

reaction and excellent marksmanship. But even untrained people could throw stones from the roof. A tower could house two archers, the corner rooms each gave place for one and the corridor yet for two archers more. Thus 24 bowmen would have been needed for the two storeys. The roof could room yet 16–22 persons. Hence the small fortress may have been intended roughly for 40 defenders two thirds of whom were trained archers. However, it looks that this sophisticated system of defence hardly could have been employed in practice, so that the military architecture in such a small rural fortress as Tali Khamtuda rather had a prestigious and redoubtable significance than corresponded to any real war actions.

In some places (in room 4, in the area south-east of the western tower and that to the south-east of the northern one) several graves with inhumation were uncovered. Everywhere they were dug in a thick layer deposited by water and are dated to the period of the abandonment of the building.

Thus the history of the building included several periods: the first corresponds to two floor levels in the rooms, the second does to the abandonment with the water-deposited layer and burials, the third — to the repair walls and the use of the second storey only.

A survey of the pottery from Tali Khamtuda shows that it includes mostly the same types of vessels, their variations, and decoration techniques as the synchronous pottery from other sites of Sogdiana: Tali Barsu, Afrasiab, cemeteries in the Bukhara oasis, sites of the Classic period in the Kashkadarya Sogdiana — Erkurgana and others. One can see also certain features similar to pottery of the neighbouring historico-cultural regions — Bactria and Chacha, though the assemblage from Tali Khamtuda shows some peculiar elements: unusual shapes of beakers and cups, jugs and broad-necked vessels, the technique of making pottery etc.

At the lower floor level of all of the rooms three complete vessels were uncovered: one beaker, one cup and one khumcha (storage jar). In addition, fragments belonging to 64 vessels were found: 3 cups, 8 jugs, 28 broad-necked vessels, 13 storage vessels (khums and khumchas), and 12 cauldrons. Of those fragments, 8 belonged to vessels made on a potter's wheel, 44 to those made in the modelling technique but with rims retouched on a wheel, and 12 to completely handmade ware. Three cups, one beaker and eight broad-necked vessels, and thirty khums were handmade with the rims retouched on a wheel; twelve fragments of cauldrons were completely handmade.

In total, eight complete vessels and a ceramic musical instrument were found in the layer of burials. In the fill, two complete vessels and at least six fragmentary ones were found, including one cup, two jugs for carrying water, two fragments of broad-necked vessels and one fragment of a broad-necked vessel with a handle. All of the vessels were fired in kiln. It seems that the local potters had good pottery kilns but they did not possess the technique of making ware on a potter's wheel, by means of which they were able to form only small vessels. The eight large broad-necked wheel-thrown vessels possibly were made by visiting potters. E. M. Peshchereva wrote that in the beginning of the 20th century potters from Pendzhikent had workshops in different settlements to which they occasionally came to work (Пещерева 1959: 312). One may suppose that somewhere near Tali Khamtuda there was a workshop of such a visiting potter and it was used during the latter's absence by his local apprentices who had not though mastered completely the professional skills of their teacher. Extremely small variances in the colour and texture of the clay suggest that all of the pottery found was manufactured in a single centre.

Let us consider now the questions of dating Tali Khamtuda and historical interpretation of the results of the excavations at this site. We must note at once that the peculiarity of the truly local pottery and specific features of the site's architecture that find nowhere complete parallels make it difficult to date this settlement.

Surely, the pottery from the graves and fill, as well as from the lower layer, has parallels dated to the period before the 5th century A.D., hence the lower layer may be dated roughly to the 1st–3rd centuries A.D.

Taken together, the square bricks, ogive loopholes, pottery, terracottas, a buckle, and finally, the fact that in terms of its architecture the site blends well with other known structures of similar plan, suggest that the Tali Khamtuda's building was constructed in the first centuries A.D. and used during the 1st–4th centuries A.D.

Of special interest is the question of the purpose of the excavated building. In the opinion of a number of scholars, cross-shaped structures comprise the cult, defensive and dwelling buildings (Шкода 1997: 69). Others suppose that the function of cross-shaped buildings (in Central Asia) is completely defined as a cult one by their ground-plan itself reflecting the solar symbolics and hence the cosmological notions of their inhabitants (Филанович 1983: 173; 1989: 38; Горбунова 1994: 205; 1997: 26). It seems more justified to agree with V. G. Shkoda (Шкода 1997: 68) that most of the sites with such plans were of a defensive and dwelling (as farmhouses) character. There are no grounds to suppose a cult purpose of the structure in Tali Khamtuda.

Neither it was an aristocratic house, since it had no dwelling nor ceremonious rooms. It was precisely a military post as is suggested by its ground plan designed for defence (Хасанов 1990: 20; 1995: 110). It must have been a small fortress-refuge intended for inhabitants of the settlement. Probably, such was also the purpose of some other ancient small «castles» in the vicinity of Tali Khamtuda, e.g. Filmandar (Исаков 1979), as well as that of the original structure of the «rural house» near Kafyrkala not far from Samarkand (Шишкина 1961) and certain sites at Nakhsheb dating to the early Middle Ages – small settlements with a fortified citadel (Рахимкулов 1992: 179, figs. 57, 60). It is possible that along with small fortresses of this kind there also existed fortified houses of the nobility resembling the former in their architecture (Заднепровский 1985: 88).

Tali Khamtuda is not a farmhouse nor a fortification but exactly a small fortress inside an unfortified settlement. Having built such a fortress, a few families were not able to defend themselves against any strong enemy since, as we have already mentioned, it was very difficult to use

the loopholes, but they demonstrated in this way their defensive capability to their neighbours.

Thus the term «small fortress» must supplement the classification of Central-Asiatic settled sites that now comprises such categories as fortified farmhouse, castle, unfortified settlement, fortress and town. In addition, the significance of the excavations at Tali Khamtuda lies in the fact that we have had an opportunity of investigating a site which reflects the interaction of the high-developed culture of the Sogdian plains and a more archaic one of the mountainous regions of Sogdiana. The excavated site clearly demonstrates that the latter culture was influenced by the former. In the mountains near the Zeravshan Valley we found preserved for many centuries reminiscences of traditions of the Ancient East (Media) — the cruciform plan and ogive loopholes. Not of lesser interest are the sociological questions which resulted of the excavations at Tali Khamtuda, since this settlement with a citadel gave new evidence on the social organization of the rural population of Sogdiana.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ СУЛТАН-КАЛА (МЕРВ, ТУРКМЕНИСТАН): РАСКОП 7 (КУРТИНА 6 И БАШНЯ 7, ЦИТАДЕЛЬ, СЕВЕРНАЯ СТЕНА)

ПЬЕР БРУН[1]

Введение. Мервский оазис, расположенный *на юго-востоке* Туркменистана, начиная с раннежелезного века является одним из важнейших центров Хорасана. Его главное поселение – древний Мерв представляет собой серию отдельных городищ, окруженных стенами (рис. 1). Древнейший из городов Эрк-Кала основан *в VI в. до н. э. В селевкидский период Эрк-Кала становится цитаделью Гяур-Калы* – города, основанного Антиохом (281–261 до н. э.) (Dani and Bernard 1994: 91). Гяур-Кала обживалась до *XI в., однако в VIII в. поселение начинает сдвигаться* к западу – за пределы города. Новый пригород становится центром средневекового города Султан-Кала. Расцвет Султан-Калы приходится на правление Великих Сельджуков, когда Чагрыбек (1040–1060 гг.) и Санджар (1118–*1157* гг.) делают его своей столицей (Bosworth 1968: 49, 137). Упадок города, по-видимому, связан с *монгольским нашествием 1221–1222* гг., а на протяжении Илханидского периода (Ilkhanid) в XIII–XIV вв. *городское поселение постепенно* смещалось к югу. Кульминацией этого процесса явилось появление в начале XV *в. города Абдулла-Хан-Кала*, из которого возник современный город Байрам-Али (Обельченко 1963: 331).

Городище Султан-Кала представляет собой в плане приблизительно *квадрат (2 км x1,8 км)*, в северо-восточном углу которого находится цитадель, называемая Шахриар-Арк и *отделенная от поселения своей* собственной стеной. Шахриар-Арк имеет подпрямоугольную форму и занимает около *4,5 га из 360 га* основного города, слегка выступая за пределы последнего. На севере и юге от города имеются также два дополнительных пригорода, обнесенные стенами и занимающие площадь 120 га и 110 га соответственно. Для укреплений, построенных главным образом из пахсы и сырцового кирпича, стены великолепно сохранились, однако между ними можно заметить некоторые различия. Средняя видимая высота сохранившихся стен варьирует от 2 м до 5 м.

Укрепления окружены рвом 15–25 м шириной и до 4 м глубиной. *Главные стены города по оценкам насчитывают в общей сложности 314* башен, из которых *сохранилось* приблизительно две трети. На всей протяженности, составляющей *около* 8 км, *башни* построены в среднем на расстоянии 25–30 м друг от друга вдоль восточной и западной стен и 15–25 м вдоль северной и южной стен. Стены цитадели были защищены башнями, расположенными на расстоянии 18–35 м друг от друга. Городские укрепления завершались двумя независимыми бастионами. В город вели четверо ворот, расположенные приблизительно посередине каждой из его сторон. Через восточные ворота, называемые Шахристанскими, можно было попасть в Гяур-Калу. Трое остальных связывали город со средневековыми дорогами. *Кушмейханские* ворота на севере выходили в сторону Аму-Дарьи и Хорезмского региона, Фирузские ворота на западе вели к городам *Серахс и Абиверд*, Аламдарские ворота на юге вели к Герату. Ворота посередине южной стены цитадели являлись единственным доступом туда из города.

Качество стратиграфии Султан-Калы и великолепная *сохранность ее стен побудили Международный* Мервский Проект (I.M.P) начать в 1996 г. программу *по изучению исламской фортификации Мерва*[2]. Целью данного исследования являлось зафиксировать то, что *осталось от стен, выделить различные этапы их* постройки и датировать их[3]. *Исследования начались* в Султан-Кале, *некоторые предварительные исследования* которой были проведены еще силами ЮТАКЭ[4].

---

[1] Pierre Brun. International Merv Project Field Director (Islamic Military Architecture). Institute of Archaeology, University College London. *31–34 Gordon Square, London WC1H 0PY brun@prbr.demon.co.uk*

[2] Международный Мервский Проект (I. M. P.) является результатом сотрудничества между Национальным институтом истории Туркменистана при Кабинете Министров, Институтом Археологии (Юниверсити Колледж в Лондоне) и Британским Музеем (Лондон). С 1992 г. исследования *в рамках Международного Мервского Проекта* сосредоточены на историческом городском центре Мервского оазиса (Туркменистан). I. M. P. основан преподавателем Западно-Азиатской археологии в *Институте Археологии д-ром Джорджиной Херрманн, которая* до сих пор продолжает руководить им; с туркменской стороны проектом руководит д-р Какамурад Курбансахатов из Национального института истории Туркменистана. (С 2001 г. проект возглавляется с британской стороны д-ром Тимом Вильямсом – *ред.*).

[3] С 1996 г. в качестве *полевого директора Исламской военной архитектуры* вместе с туркменским археологом А. Аннаевым я отвечаю за программу изучения фортификации Султан-Кала.

[4] *Город Мерв* изучался и раскапывался, начиная с 1947 г. силами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР (ЮТАКЭ) *под руководством проф. М. Е. Массона*. Первой работой по оборонительным сооружениям явились раскопки куртины С42 (городище, восточная стена), проведенные в 1955 г. М. Амангалдовой под руководством Г. А. Пугаченковой (*Луппия 1969: 117*). *В 1960 г.* Б. Тургунов осуществил три разреза стен северного пригорода (Тургунов 1961). Результаты этих работ дали основную часть материала, по которому Г. А. Пугаченковой была написана первая обобщающая работа *по укреплениям* Султан-Калы (Пугаченкова 1961). Этот краткий обзор, несмотря на свою полезность, описывая оборонительные сооружения в целом без учета их эволюции. До раскопок Фирузских ворот (западных *ворот города*) и *Кушмейханских*

© П. Брун, 2004

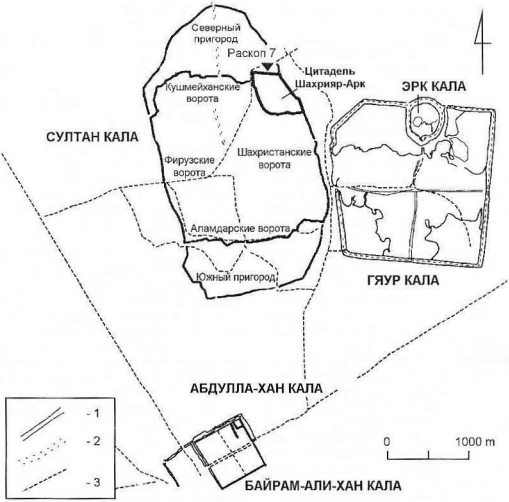


Рис. 1. Ситуационный план древнего города Мерв. Условные обозначения: 1 – древние дороги; 2 – главный канал; 3 – современные дороги.

Fig. 1. Ancient Merv. Legend: 1 – ancient roads; 2 – main canal; 3 – modern roads.

Сезоны 1996 и 1997 гг. были посвящены обмеру сохранившихся на поверхности стен (Brun and Annaev 1997, 1998). Топографическая съемка позволила получить информацию лишь о верхних частях стен, в то время как нижние их части были погребены под слоем камней. В 1998 г. для получения недостающей информации был заложен ряд разрезов, начиная с северной стены города (Brun and Annaev 1999). Еще несколько разрезов были сделаны в 1999 г. (Brun, Annaev 2000), а на 2000 г. намечены несколько новых. Полученные результаты помогли уточнить данные съемки и позволили представить предварительный обзор средневековых укреплений Султан-Калы.

1. Эволюция средневековых укреплений Султан-Калы. Эволюция сохранившихся на поверхности средневековых укреплений Султан-Калы характеризуется двумя последовательными периодами. В течение первой стадии («полый» период) использовались полые оборонительные укрепления, имевшие галереи внутри куртин, а внутри башен – помещения. На второй стадии («сплошной» период) стены по большей части были монолитными.

«Полый» период. Следы первичных «полых» укреплений встречаются на всей протяженности стен Султан-Калы, причем их характер и размеры повсюду примерно одинаковы. Стены сооружались либо на глиняной платформе шириной 12–17,5 м и высотой 1–3 м, либо на выровненных постройках и достигали высоты 8–9 м с небольшим уклоном для равномерного распределения веса укреплений.

Основание куртин сооружалось из блоков пахсы, разделенных двумя-тремя рядами кладки из сырцового или обожженного кирпича. Кирпичные полы галерей и внутрибашенных помещений укладывались на пахсовое основание. Сырцовые кирпичи или, изредка, обожженные кирпичи (21–25 x 21–25 x 6–7 см) использовались для внутренней и внешней облицов-

ворот (северных ворот города), проведенных Т. Ходжаниязовым в конце 1980-х (Ходжаниязов 1990; 1991), подобные работы прерываются. Дальнейшие раскопки участков стен проводились также А. Аннаевым под руководством Т. Ходжаниязова (Аннаев 1993). Данная новая серия раскопок является первой попыткой проследить эволюцию оборонительных сооружений Султан-Калы.

ки галерей трехметровой ширины. Коридоры располагались на высоте 5,6–6 м над платформой, *имели* 1,9–2 м в высоту, 70–90 см в ширину и были облицованы *снаружи кладкой толщиной 70–80 см*. Они были перекрыты сводами из 5–6 прямоугольных сырцовых кирпичей, поддерживавших пахсовый под верхней оборонительной платформы. Внешний фасад коридоров был прорезан бойницами для лучников высотой 65 см, шириной 20 см, расположенных на расстоянии 80–95 см друг от друга. Над бойницами имелись щели для вентиляции и освещения галерей. Верхние оборонительные площадки со своими *зубцами были встроены в некоторые* секции окружных стен. Зубцы парапета были прорезаны двойным регулярным рядом бойниц. Нижний ряд позволял обстреливать участки у оснований куртин и башен, а верхний – участки впереди них. С внешней *стороны зубцы были украшены геометрическим* орнаментом.

Как показали раскопки, для устройства ворот также использовались мощные башни. При раскопках Фирузских ворот города была обнаружена полукруглая приворотная *башня диаметром* 28 м, *выступающая на* 23 м *наружу от стены*. Прямой коридор в центре башни вел непосредственно в город. У северных Кушмейханских *городских ворот* раскопана только восточная часть. Здесь раскрыта полукруглая *цирйной 8 м башня, возвышавшаяся на 5 м и выступавшая* на 4 м вперед от стены. Башня была полая и связана с галереей на восточной стороне. Двое других городских ворот и ворота цитадели, к сожалению, сохранились очень плохо из-за бульдозерных работ и разборки кирпича. Кирпич разбирался, по-видимому, также из мостов, некогда существовавших для *пересечения рва перед воротами. От мостов ничего* не осталось, за исключением моста из обожженного кирпича у Фирузских ворот, где при раскопках обнаружено его основание.

Воины могли перемещаться вдоль стен с внутренней стороны города по платформе, примыкавшей к куртинам. Эта платформа была возведена выше *уровня почвы и вымощена кирпичом. Отсюда воины* могли подниматься по лестнице на галерею или выходить через боковые проходы на внешнюю площадку и ко рву. По галерее можно было непосредственно попасть в камеры башен, а из наиболее крупных камер лестницы вели на дорожки, проходившие по верху стен.

Изучение этих проходов продемонстрировало природу первичных полых оборонительных сооружений: единственная линия куртин с двухуровневой системой обороны, состоящей из галереи и верхней боевой площадки. За исключением незначительных починок, на протяжении «пологого» периода оборонительные сооружения Султан-Калы не подвергались серьезному ремонту. Вместо этого, в конце концов, *произошли радикальные перемены: первичные полые укрепления были заменены* на сплошные по всему периметру оборонительных стен, что положило начало второму *основному периоду истории* укреплений – «сплошному периоду».

«Сплошной период». «Сплошной период» можно описать как *постепенное усиление оборонительных* сооружений путем возведения сплошных *стен*. Первой фазой этого усиления явилась намеренная *закладка полостей* первичных укреплений для образования сплошных стен и башен. Лишь в нескольких башнях сохранились глухие камеры. В большинстве случаев галереи, внутренние камеры и щели *закладывались сырцовым и обожженным кирпичом*, пахсой, золой и бутовым камнем. Впоследствии платформа, на которой были возведены первичные укрепления, была наращена в высоту и ширину для пристройки дополнительной сплошной стены к внешнему фасаду куртин и башен. Толщина пристроенной сплошной стены составляла в среднем у основания 2–2,6 м для куртин и 1,2–1,5 м *для башен. По-видимому*, с внутренней стороны к укреплениям была *пристроена еще одна* сплошная стена. Несомненно, что наверху расширенных укреплений была устроена *новая боевая площадка с зубчатым парапетом*, высоту и ширину которой *определить невозможно*, поскольку от нее ничего не сохранилось.

На следующей стадии была создана вторая линия оборонительных сооружений путем сравнивания и расширения внешней платформы. По краю последней из пахсы и сырцового *кирпича была сооружена* протейхизма, то есть внешняя крепостная ограда, шедшая параллельно и ниже основного крепостного вала. Это сооружение сохранилось на высоту до 2,20 м и имело в ширину около 1 м. В дальнейшем оборонительные сооружения постоянно усиливались. Внешний вал был выровнен, а протейхизма ремонтировалась и один-два раза *расширялась*.

Такая перестройка полых стен в сплошные потребовала пересмотра путей доступа и сообщения для оборонявшихся. Внутренняя платформа стены «пологого» периода все еще продолжала использоваться. С нее воины могли подняться по лестнице на верхнюю боевую площадку или выйти на внешний вал. В галереях *предшествующего периода были пере*строены лестницы, ведущие на настенную дорожку. *Число* боковых проходов, несомненно, было увеличено для ускорения доступа к внешней платформе. В различных местах протейхизмы также были сделаны проходы, выводившие ко рву.

Раскопки Фирузских и Кушмейханских ворот *показали, что такой же эволюции подверглись* и ворота. Прямой проход через Фирузские ворота был заменен коридором, изгибавшимся, образуя два прямых угла. Коридор предназначался для замедления движения нападавших, которым пришлось бы дважды *останавливаться* или замедлять ход для разворота, что делало их более уязвимыми со стороны оборонявшихся. *Ширина* ворот также была уменьшена для затруднения *движения врага по коридору. Перед Кушмейханскими воротами были построены башня* и еще какие-то неустановленные сооружения, возможно барбакан. Перед этими сооружениями был вырыт полукруглый *ров*, который, по-видимому, соединялся с основным рвом.

И, наконец, защита Султан-Калы была усилена постройкой укреплений пригородов, которые выступали в качестве третьей линии обороны для северной и южной стен города. Стены пригородов были сплошными толщиной около 3 м и строились исключительно из пахсовых блоков. Они дополнительно укреплялись башнями, расположенными с интервалом 25–30 м друг от друга, и рвом. После такого усиления оборонительные сооружения Султан-Калы стали совершенно непохожи на первичные полые стены. Главная оборонительная линия стала шире и выше, стены стали сплошными, а их оборона ограничена верхней боевой площадкой. Наконец, к уже существовавшей оборонительной линии были добавлены две новые: протейхизма и сплошные стены пригородов.

Проблема сохранившейся северной стены цитадели. Северная стена цитадели не обнаруживала признаков вышеописанной эволюции. Эта стена длиной около 330 м имела четырнадцать полукруглых фланговых башен, от которых часто сохранялась лишь одна стена. Северная стена характеризуется присутствием идущих под прямым углом лестниц с внутренней стороны, ведших на верхушку башни или к настенной дорожке, а также наличием проходов, обеспечивавших доступ к нижнему валу. Во время обмеров северной стены в ней не было обнаружено никаких признаков первичных полых укреплений, а ее сохранившиеся в высоту остатки выглядели сплошными. Для объяснения настолько отличающейся эволюции было выдвинуто два предположения: либо первая полая стена была снесена и заменена сплошной стеной, либо северная стена цитадели была перенесена на другое место. Для ответа на этот вопрос было решено провести раскопки северной стены (MSK7)[5].

2. Раскоп MSK7. Для раскопок были выбраны куртина С6 и башня Т7, расположенные приблизительно в 150 м от северо-восточной угловой башни цитадели, так как здесь имелся, как представлялось, лучше всего сохранившийся проход в северной стене и лестница ST13, ведущая на вершину башни Т7.[6] Это давало возможность изучить функции и взаимосвязь основных элементов северной стены. До начала раскопок мы имели возможность ознакомиться с чертежами разреза и плана Г. А. Пугаченковой 1955 г. (ЮТАКЭ), на которых памятник представлялся по-другому (рис. 2). Согласно этим чертежам остатки, определенные как оплывшая башня Т7, являлись на самом деле восточной стеной большой башни, а проход был коридором, который вел в имевшуюся в ней небольшую камеру. Разрез показал присутствие протейхизмы, теперь уже не обнаруживаемой. Поэтому еще одной целью раскопок стала проверка правильности этих чертежей.

После предварительной зачистки участок был размечен и зачерчен, причем выяснилось, что Г. А. Пугаченкова была отчасти права: башня Т7 оказалась крупнее, чем ожидалось, и имела небольшую камеру, в которую вел так называемый «проход». Нам также стало понятно, что ее план и разрез являлись в какой-то мере реконструкцией, так как никаких следов западной части башни Т7 не было найдено, также как следов внешней площадки или протейхизмы. Если бы даже они обрушились за прошедшие 45 лет, все равно какие-то их следы должны были бы сохраниться.

Раскопки проводились с 6 по 27 сентября 1999 г. по обе стороны от стены силами 8 рабочих (рис. 3). Внутри цитадели (участок *A*) была прокопана разведочная траншея (*S1*) размером 1,50 х 2,5 м для изучения стратиграфии внутренней платформы и было обнаружено, что одна незначительная перестройка имела место. Проходной коридор и камера башни Т7 также были раскопаны, чтобы связать их с внутренней платформой. Под более поздней забутовкой башни был обнаружен первоначальный пол. Снаружи цитадели (участок *B*), перпендикулярно куртине была заложена траншея (*S2*) размером 2 х 3,20 м для определения края башни Т7 и привязки ее стратиграфии к стратиграфии куртины С6. Еще одна траншея (*S3*) размером 2 х 8,5м была заложена между башней Т7 и ровом. Под башней Т7 были найдены более ранняя башня и ее платформа, позднее тщательно выровненные. Чтобы получить полную информацию о форме обеих башен была прокопана последняя траншея 3,50 х 2,50 м (*S4*) с западной стороны камеры башни Т7.

По всей площади раскопок зачерчивались разрезы и планы. Были собраны керамика, мелкие находки и образцы для палеоботанического анализа и ускоренной датировки (accelerator dating – AMS). Проводился систематический отбор образцов кирпичей и обмазки, относящихся к различным фазам возведения укреплений. Для лучшего понимания результаты раскопок представлены в хронологическом порядке.

Фаза 1. Первая фаза характеризуется возведением на глиняной платформе куртины и башни (куртина С6, башня Т7). Подобно другим куртинам цитадели куртина С6 предположительно имела галерею, а башня Т7 – внутрибашенное помещение (рис. 3).

Перед всеми этими сооружениями располагался ров, вероятно вырытый, в первую очередь, для получения материалов, из которых строились укрепления на данном участке. Обмеры показали, что ширина рва была около 12 м. Глубину его можно было бы измерить лишь при раскопках, но, исходя из уже раскопанных частей укреплений, можно предполагать, что она должна была быть не менее 4,50 м[7]. Несомненно, что глина, добытая из рва, пошла на первое сооружение – платформу, на которой воздвигались первые укрепления.

[5] Аббревиатура MSK означает Мерв-Султан-Кала.

[6] В ходе съемки архитектурные элементы (куртина, башни и прочие объекты) каждой стены (восточной, северной, западной, восточных стен цитадели, города и пригородов, то есть в общей сложности 10 стен) нумеровались против часовой стенки. Например, куртина 6 (С6) является шестой куртиной северной стены цитадели.

[7] Ров перед MSK 14 (башня Т20, городище, южная стена) имел в глубину 4,50 м.

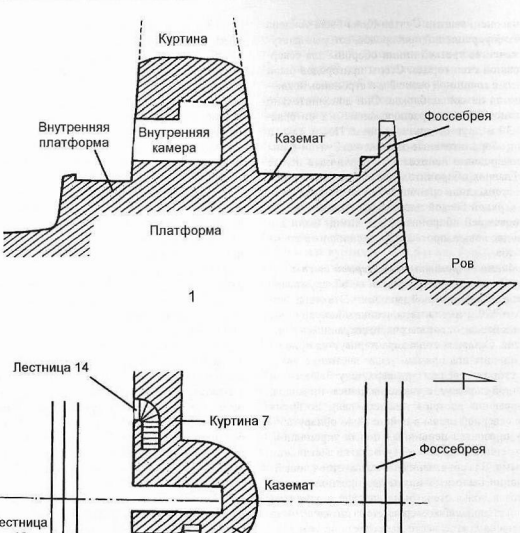


Рис. 2. Мерв. Султан-Кала. Раскоп 7. Шахрияр-арк. Северная стена. 1 – разрез башни 7; 2 – план куртин 6, 7 и башни 7.

Fig. 2. Merv. Sultan Kala. Excavation 7. Shahriar Ark. North fortification wall of the citadel. 1 – section of Tower T7; 2 – plan of Curtains C6, C7 and Tower T7.

Платформа (9) была сооружена из плотно утрамбованной глины и имела в ширину не менее 12,50 м. Небольшая разведочная траншея (*S3*), заложенная перед башней Т7, показала, что высота платформы достигала не менее 50 см. Естественно предположить, что со стороны рва платформа была оштукатурена для защиты от сырости.

В разведочной траншее *S2* первая куртина С6 (22, 59) была раскопана до высоты 2,25 м от платформы (9). Из-за возможной опасности обвала раскопки не были доведены до поверхности платформы. Изучение кладки куртины С6 показало, что стена на уровне галереи имела ширину 4,25 м и сохранилась на высоту 5,50 м. Первые 3,30 м были возведены из пахсовых блоков (22). Следующие 1,90 м были сложены из сырцовых кирпичей (22-25 х 22–25 х 5 см и 30 х 30 х 7 см), связанных плотно утрамбованной глиной уменьшающейся толщины (от 20 см до 3–5 см) (59). Верхние 30 см состояли из трех рядов кладки, плотно уложенных на двухсантиметровом слое

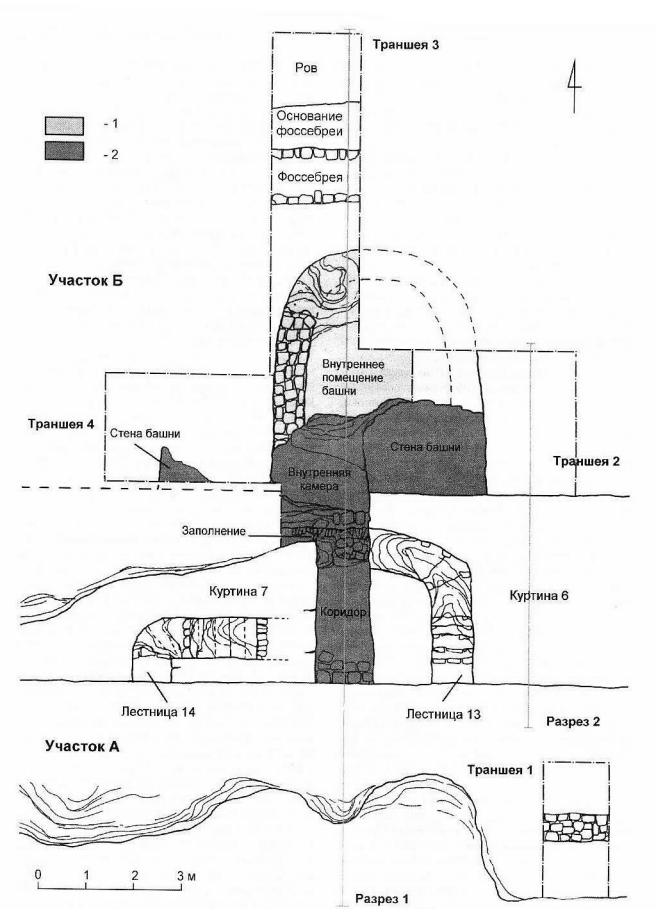


Рис. 3. Мерв. Султан-Кала. Раскоп 7. Северная стена. План куртин 6, 7 и башни 7. Условные обозначения: 1 – первый горизонт; 2 – второй горизонт.

Fig. 3. Merv. Sultan Kala. Excavation 7. North fortification wall of the citadel. Plan of Curtains C6, C7 and Tower T7. Legend: 1 – the 1st level; 2 – the 2nd level.

глиняного раствора (59). *Это соответствовало характеру кладки, обнаруженному в других куртинах* на уровне галерей (например, куртин С2 и С20, городище, северная стена). С уровня выше 5,50 м в кладке наблюдались заметные *изменения: раствор достигал толщины* 15 см и, кроме сырцового кирпича, использовалось *некоторое количество обожженного*. Эта новая кладка (24) была аналогична кладке второй *сплошной башни* Т7. *Такое изменение* характера кладки свидетельствует о том, что куртина была *разобрана, вероятно*, чуть выше пола ее галереи, *и перестроена. Основание* первичной куртины *С6*, в отличие от башни Т7, не имело облицовки из обожженного кирпича.

Первая башня Т7, как показала разведочная траншея *S2*, была не пристроена, а связана с куртинами *С6* и *С7*. *Башня* Т7 имела в ширину 4,70 м и сохранялась на высоту лишь до 5,50 м, то есть чуть выше уров*ня пола ее камеры. Первые 4,70 м были возведены* с уклоном в 80°, а выше стены были вертикальными.

Внутренняя часть башни была из пахсы (10) и имела хорошую кирпичную облицовку (рис. 6). На *высоту до 2,20 м выше платформы* (9) эта облицовка (11) была сложена из обожженных кирпичей различного размера (17–30 х 17–30 х 4–7 см) на растворе *из смеси глины с соломой толщиной* 2–3 см. На высоте 2 м над платформой облицовка была прорезана ложной бойницей шириной 18 см и высотой не ме*нее 40 см*. Кроме раскопанной, возможно, имелось еще три или четыре бойницы. Вероятно, они были *предназначены для устрашения* врага либо имели декоративное назначение. Слой обожженного кирпича *был скрыт штукатуркой* (*12*) и не покрывал всю башню. Таким образом, облицовка была не декоративной, *а, скорее всего, защищала основание* башни от воды и позволяла сделать его более вертикальным. Это объясняло бы, почему *куртина С6, расположенная* на более безопасном расстоянии, не была снабжена подобным покрытием. Аналогичная ситуация наблюдалась у MSK 5 (башня Т27 и куртина С27, городище, восточная стена).

Выше облицовки из обожженного кирпича до уровня пола камеры башня была выложена (13) на высоту 60–75 см десятью чередующимися слоями кладки из сырцового кирпича (25–28 х 25–28 х 6–7 см) и трех слоев кладки высотой 15 см из обожженного кирпича (19–30 х 19–30 х 4–7 см). Они скреплялись саманным раствором толщиной 2–3 см. В качестве основания для укладки пола камеры *из обожженного или сырцового кирпича*, вероятно, использовалось пахсовое заполнение (10) башни. От пола камеры и, по-видимому, до настенной дорожки стена имела толщину 75–80 см и была сложена из сырцовых кирпичей (28–30 х 28–30 х 6–7 см), скрепленных саманным раствором 7–10 см толщиной. По всей вероятности штукатурка покрывала всю башню. От камеры сохранилась только западная стена (60), но, к *сожалению, и она – лишь ниже уровня* бойниц. Однако сходная башня Т15 на западной стене *цитадели имела признаки наличия пяти-шести бой*ниц в камере такого же размера. Можно предполагать, *что имелись* также прорези для наблюдения за врагом, вентиляции и освещения галереи, подобно тем, что *найдены* в MSK13 (башня Т74, городище, южная стена). Верхняя боевая площадка, раскопанная наверху последней башни, также может дать представление о том, как могла выглядеть несохранившаяся боевая площадка башни Т7.

Вопрос о *доступе* на куртину С6 и башню Т7 остается открытым. Внутри цитадели могла располагаться очень низкая платформа (участок А), аналогичная той, что раскопана на MSK4 (куртина С20, городище, северная стена). В галерею куртины С6, вероятно, *можно было пройти по лестницам с внутрен*ней платформы, а камера башни Т7 соединялась с галереей. *Несомненно, что из галереи и камеры* лестницы выводили на настенную дорожку. Нельзя исключать *существование в башне* Т7 *глухой нижней* камеры, доступной с внутренней платформы и ведшей *к верхней камере*.

Фаза 2. Характер остатков первых укреплений и их анализ свидетельствуют *о том, что во второй фазе* стена подверглась обширным повреждениям. В основании башни Т7 *из обожженного кирпича и на ее* восточной стороне *заметны заделанные трещины*. Северный внешний фасад башни Т7 *ниже уровня* камеры обрушился, в том числе верхняя часть облицовки из обожженного *кирпича* (*63*). Что *еще* существеннее, была утрачена верхняя часть укреплений (галерея куртины *С6*, большая часть камеры Т7 и соответствующие настенные дорожки).

Обмеры *укреплений показали, что в других* частях цитадели первые укрепления подверживались на уровне верха *галереи или выше, заполнялись* и встраивались в новую стену. То же самое относится к большей части городских *оборонительных сооружений*. Такая практика позволяла строителям экономить *материалы и время при постройке новых укреплений*. Короче говоря, везде, где только можно, пер*вые укрепления использовались вторично*. В MSK7 первые укрепления не были сохранены выше полов *галереи или камеры* (кроме части западной стены). Такое различие в сохранности означает, что верхняя часть стены либо обрушилась, либо была повреждена настолько, что не могла больше использоваться. Так же, как и в других местах Султан-Калы, строители действительно встроили куртину С6 и башню Т7 в новую стену, но только ту их часть, которая осталась после обрушения *или специальной разборки*.

Естественное обрушение, например, в результате землетрясений, маловероятно, так как укрепления в остальной части цитадели все еще стояли. Падение платформы, на которой была сооружена стена, также маловероятно, потому что тогда было бы затронуто основание укреплений и от него, не осталось бы никаких следов. Наиболее вероятным объяснением *является* разрушение вследствие штурма цитадели. К *счастью*, в отличие от куртины С6 остатки башни Т7 *не* были сровнены с землей на последующей фазе. Неровный вид башни доказывает, что намеренной нивелировки не было. У строителей для этого не было никаких причин, так как в отличие от куртины С6,

остатки башни Т7 должны были быть погребены под новой платформой, сооруженной на фазе 3. Таким образом, башня Т7 сохранилась в том виде, в каком она была перед перестройками следующей фазы. Это помогло нам разобраться в причинах разрушений. То, что северная сторона башни Т7, обращенная к врагу, была наиболее повреждена и то, что только верхняя часть была разрушена, свидетельствует об обстреле катапультами, установленными перед северной стеной. Бомбардировка могла разрушить самые непрочные части укреплений – галерею и камеру – и вызвать обрушение настенной дорожки. Пахсовое основание стен, вероятно, лучше выдержало обстрел. Последним доводом в пользу нападения явилось обнаружение обожженного кирпича (36), частично закрывавшего пробуй (33) в платформе (9), в котором были найдены человеческие кости (34, 35), имевшие характер поспешного погребения. Это могло быть тело воина, убитого во время штурма и похороненного здесь же, так как кладбища были недоступны из осажденного города. Это захоронение совершено непосредственно перед существенной разборкой укреплений, что ознаменовало начало перестройки северной стены в последующий период.

Фаза 3. В течение фазы 3 поврежденные укрепления отстраивались заново и усиливались. Перестройка началась вскоре после разрушения сооружений, произошедшего в фазе 2, так как слоев, относящихся к периоду между этими событиями, обнаружено не было. Скорость, с которой отстраивались стены, хорошо показывает, что после нападения цитадель продолжала быть важнейшей частью города, которая не должна была надолго оставаться неукрепленной. Логично предположить, что цитадель также оставалась и административным центром.

На участке В куртина С6 была срыта, о чем свидетельствует ее аккуратный и прямой срез (23), однако башня Т7 была лишь расчищена. Остатки верхней ее части были использованы под новую платформу (1). Облицовка из обожженного кирпича башни Т7 была отремонтирована: щель была заделана глиной (51) и обожженным кирпичом (14), а ее верхняя часть облицована (16) вертикальными обожженными кирпичами (19 х 19 х 4 см). В тоже время ложная бойница была заложена обожженным кирпичом (15).

После того, как эти основные починки были закончены, внешняя платформа, на которой были возведены укрепления, была, по-видимому, расширена, после чего весь участок В был выровнен на уровне 5,20 м. Выравнивание производилось в два этапа (рис. 4). На первой стадии, было произведено предварительное выравнивание по высоте 3,40 м. Оно было выполнено с помощью последовательных слоев туюна (глина из канала) и глины с песком (8, 45, 44, 43, 42). С северного края верхняя часть платформы была замазана тонким слоем пахсы (41), на котором была воздвигнута стена (3) шириной 1,20 м. Эта стена была сложена из сырцового кирпича (37–38 х 37–38 х 7–8 см) и сохранилась на высоту до 1,60 м вместе со своим глиняным основанием высотой 1 м (6). Она, очевидно, служила в качестве облицовки выровненного участка, однако не исключено, что это могло быть основание протейхизмы, теперь окончательно уничтоженной. Стена, несомненно, была оштукатурена.

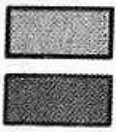
В ходе первого выравнивания строители отремонтировали восточную сторону башни Т7. Были обнаружены два возвышения для ремонта, оба на выступающем пахсовом основании (17), которое могло служить во время работ временной поверхностью и возвышалось приблизительно на 2,50 м над платформой. Первое возвышение (18) пирамидальной формы было сооружено на последнем из сохранившихся рядов кладки из обожженного кирпича башни Т7. Оно состояло из сырцовых кирпичей (17–34 х 17–34 х 4-8 см), наверху которых выдавался обожженный кирпич. Второе возвышение (19) было пристроено к первому (18), вероятно потому, что первое было недостаточно устойчиво и требовало укрепления. На постройку пошли сырцовые и обожженные кирпичи вторичного использования различных размеров (16–32 х 16–32 х 4–8 см), в том числе большой обожженный кирпич (56 х 56 х 4 см). Обе площадки для ремонта были перекрыты новой платформой, что объясняет их грубый вид.

На второй стадии, остатки башни Т7 были заложены изнутри (5). Первый слой закладки – смесь обожженного кирпича вторичного использования (17–20 х 17–30 х 4–7 см) и глины – замазан слоем пахсы (рис. 6). Выше шли ряды сырцовой кладки (30 х 30 х 7 см), перемежающиеся со слоями очень плотной глины. Заполнение было сильно потревожено норами животных. Сверху весь участок был выровнен глиной с песком (38, 32, 31, 30, 29, 2, 28, 27 и 26) (рис. 4). Материалы, пошедшие на поврежденные части стены, в том числе пахсовые блоки и обожженный кирпич, по-видимому, все были вторичного использования, что указывает на быстроту, с какой осуществлялась перестройка после разрушения укреплений.

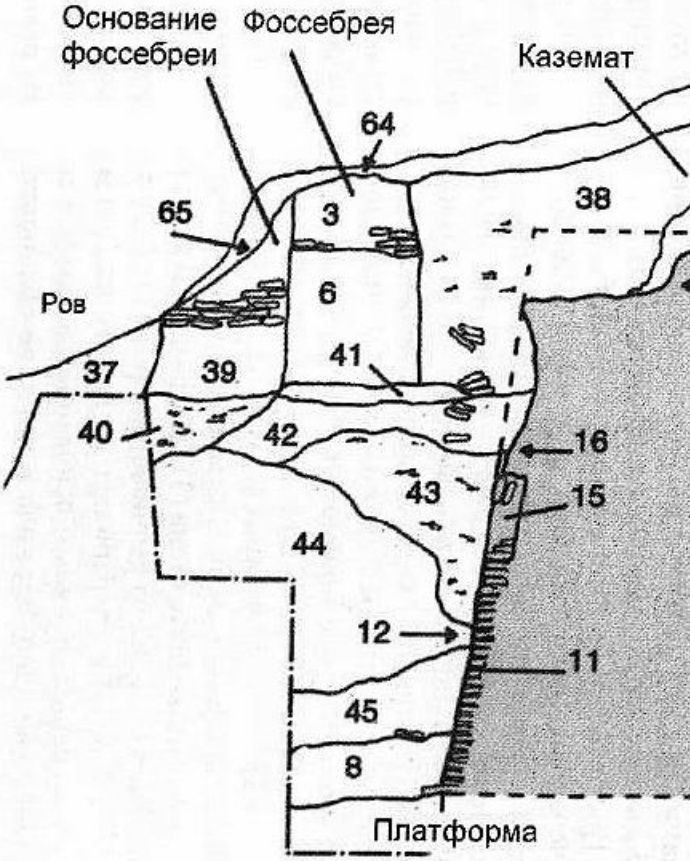
Наверху выровненной площадки была сооружена платформа из пахсы, за исключением участка над остатками башни Т7, где плотное заполнение (5) выполняло ту же функцию. Сильно оплывшая платформа сохранилась лишь на высоту 15–50 см с восточной стороны башни Т7 (1) и на высоту 50 см с ее западной стороны (49) (рис. 6).

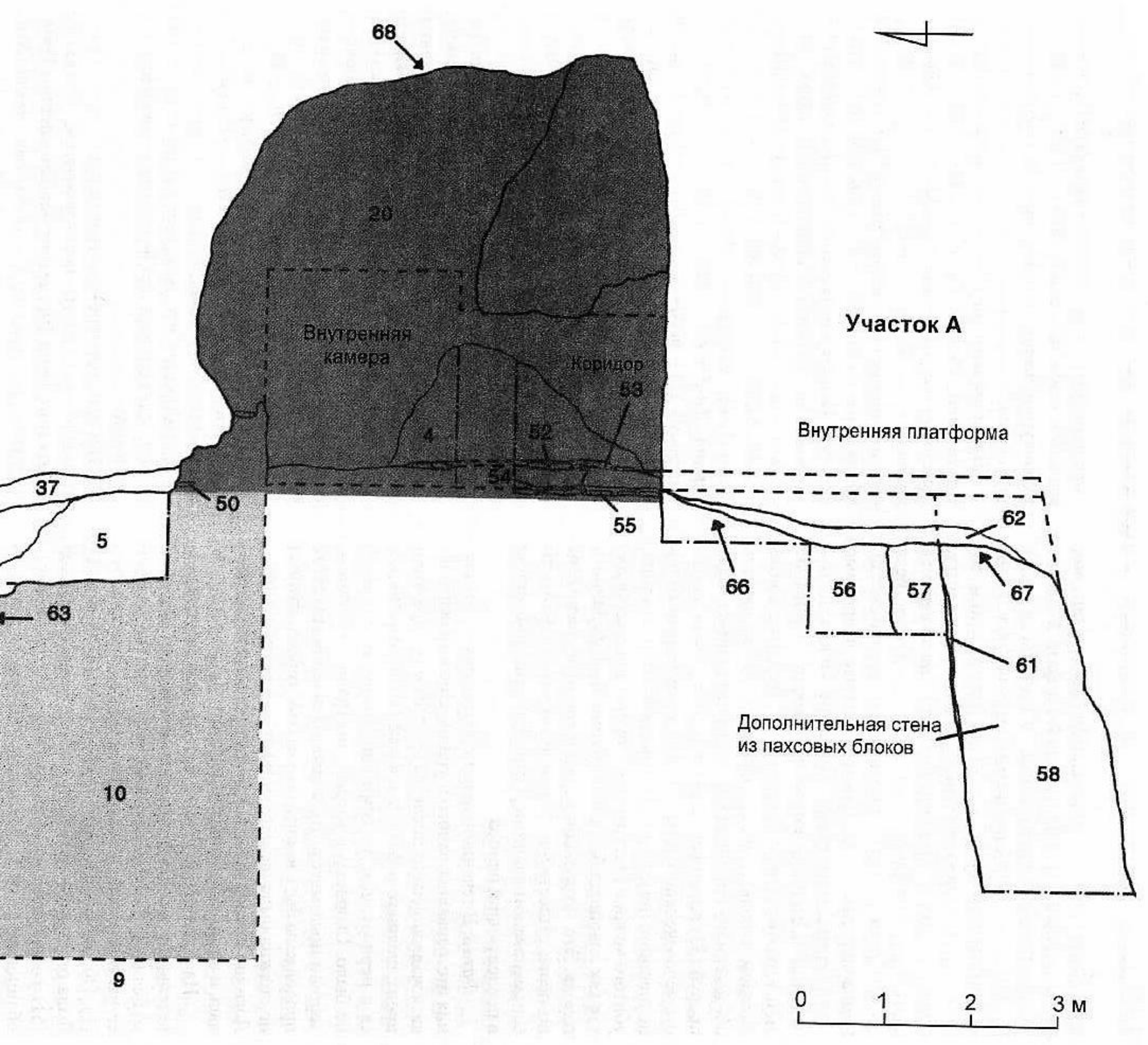
На участке А в этот период была возведена или наращена внутренняя платформа (рис. 4). В верхней своей части она достигала не менее 4,50 м в высоту и 3,50 м в ширину. Она включала в себя сердцевину из бутового камня и глины с песком (56), облицованную стеной из сырцового кирпича (57) шириной 60 см, покрытой саманной штукатуркой (61). К сожалению, поверхность пола, возможно, вымощенного сырцовым кирпичом и оштукатуренного, не сохранилась.

При выравнивании поверхности участков А и В образовалась новая платформа, скрывшая под собой поврежденные укрепления. Эта новая платформа шириной 14,80 м была на 5,75 м выше предыдущей. В сравнении с участками на других раскопах выра-


- 1
- 2

Участок Б


Основание фоссебреи
Фоссебрея
Каземат
64
65
3
38
Ров
6
37
39
41
40
42
16
43
15
44
12
11
45
8
Платформа


68
20
Участок А
Внутренняя камера
Коридор
53
Внутренняя платформа
4
52
54
37
50
55
62
5
66
56
57
67
63
61
Дополнительная стена из пахсовых блоков
58
10
9
0
1
2
3 м

нивание, произведенное на MSK7, отличалось своими масштабами[8]. Оно было вызвано размером и весом новых укреплений. Новая куртина С6 была тяжелее предшествующей, так как была сплошной и не имела галереи. Новая башня Т7 была не только тяжелее, но и в два раза крупнее первой башни Т7. *Основание первоначальной башни было недостаточно широко для проектировавшегося сооружения*, и половина новой башни должна была располагаться *на самой платформе*. Выравнивание также позволило прикрыть и защитить от вражеской артиллерии *наименее прочные конструкции стены* (например, *вновь отстроенную линию верхних* частей стен и повреждения фундамента полой стены, произошедшие в фазе 2).

Первым архитектурным перестроенным элементом была куртина С6. Новая куртина (*24*) была воздвигнута поверх прежней *куртины С6 (рис. 5)*. В настоящее время эта новая куртина имеет на уровне основания ширину 4,25 м и возвышается на высоту 5 м над новой платформой (*1*), однако первоначальная ее ширина, вероятно, составляла 5 м. Она была *построена из сырцовых кирпичей* (22 х 22 х 5 см и 30–31 х 30–31 х 7 см), плотно уложенных и скрепленных саманным раствором 1–3 см толщиной. Кладка была аналогична кладке новой башни Т7. К сожалению, настенная дорожка куртины *С6 и ее зубцы* не сохранились, но, по-видимому, они были выше, чем у предшествующей куртины.

К новой куртине С6 была пристроена новая башня Т7 (*20*) *с небольшой камерой* (рис. 6). Она была воздвигнута на специальной платформе (50) из битого *обожженного кирпича* (*19* х *19* х *4* см и 32 х 32 х 5 см), которая, вероятно, служила также полом для новой камеры. Вторая башня Т7 была около 7 м шириной, а *стены ее внутрибашенного помещения*, в настоящее время уточнившиеся до *2,60–2,70* м, вероятно имели первоначальную толщину 3 м. Сейчас эта башня *имеет* высоту 4,80 м от новой платформы (1), а ее верхняя часть вместе с верхней *боевой площадкой* не сохранилась. Она была тщательно сложена из сырцовых кирпичей размером 28–33 х 28–33 х 6–7 см, скрепленных небольшим количеством саманного раствора *толщиной 1–3 см* и оштукатуренных (21). Внутрибашенное помещение, вероятно, было прямоугольным 1,50 х 2 м и 2,60 м высотой, как можно заключить по остаткам предположительно барабанного свода в его восточной части. О форме его трудно судить вследствие того, что ее западная часть *давно* обрушилась. На уцелевшей *восточной стене* не заметно следов бойниц, из чего следует, что внутрибашенное помещение несомненно было глухим. Благодаря этому, нападавшие не должны были догадываться о существовании этого помещения, служившего, возможно, для хранения оружия. Свет и воздух обеспечивал ведущий в камеру коридор длиной 2,60 м, шириной 1,25 м и высотой 2,10 м, соединявший ее с внутренней платформой. При входе в коридор не *обнаружено никаких следов дверного прохода*, однако его следы могли быть размыты дождями. Полы коридора и внутрибашенного помещения были вымощены сырцовым кирпичом (55) (20–30 х 20–30 х 6 см) и оштукатурены (54). Обмеры показали, что проходы, выводившие с внутренней платформы к внешнему нижнему валу, обычно располагались между двух башен (проходы Р3, Р7 и Р8), но не исключено, что башни также были снабжены *проходами*. В *башне* Т7 такой проход для вылазок мог быть устроен в западной *стене внутрибашенного помещения*.

Признаки, характерные для башни Т7, были обнаружены у башни Т12, расчищенной вскоре после раскопок MSK7. Башня Т12 сохранилась на высоту 4,50 м и ширину 2,70 м. Ее размеры чуть меньше размеров башни Т7. Она сооружена из сырцовых кирпичей размером 25–30 х 25–30 х 5–7 см, скрепленных саманным раствором толщиной 0,5–2 см. Внутрибашенное помещение в форме буквы L было шириной 90–95 см. В настоящее время его *стены уменьшились до ширины 0,80–1,00 м*.

Подобно остальным укреплениям этого периода у северного конца внешнего вала, несомненно, была сооружена протейхизма (рис. 3, 4). В качестве ее основания, возможно, выступала стена шириной 1,20 м (3), сложенная из сырцового кирпича 34–35 х 34–35 х 7–8 см. Можно предположить, что протейхизма *была достаточно высока, чтобы скрывать проходы* в северной стене, поэтому ее высота должна была быть не менее 2 м. Ее внешняя поверхность была покрыта слоем штукатурки.

С внутренней платформы на участке А можно было пройти во внутрибашенное помещение башни Т7 *и ко всем боевым позициям* на стене. Отсюда же воины могли выйти через проходы на внешнюю платформу *и с помощью идущих под* прямым углом лестниц *добраться до верхушек башен* (*лестница ST13*) или до настенной дорожки (лестница ST14). Эти лестницы сооружались внутри куртин, но, чтобы *не ослаблять стены, некоторые из них располагались* непосредственно позади башни. *Например*, лестница ST13 и верхняя часть лестницы ST14 находились *позади новой башни* Т7.

Перестроенные укрепления теперь представляли собой две концентрических линии обороны – *главную стену и протейхизму впереди нее* – вместо

Рис. 4. *Мерв. Султан-Кала. Раскоп* 7. Северная стена. Разрез 1 через внутреннюю платформу, куртину 7 и башню 7. Условные обозначения: 1 – первый горизонт; 2 – второй горизонт.

Fig. 4. Merv. Sultan Kala. Excavation 7, North fortification wall of the citadel. Section 1: Inner Platform, Curtain C7 and Tower T7. Legend: *1* – the 1st *level*; 2 – the 2nd level.

[8] Выровненная площадка перед MSK5 *(башня Т27, городище, восточная стена) имела в высоту 1,20 м, перед MSK15* (куртина С16, городище, южная стена) была 1,40–1,60 м высотой.

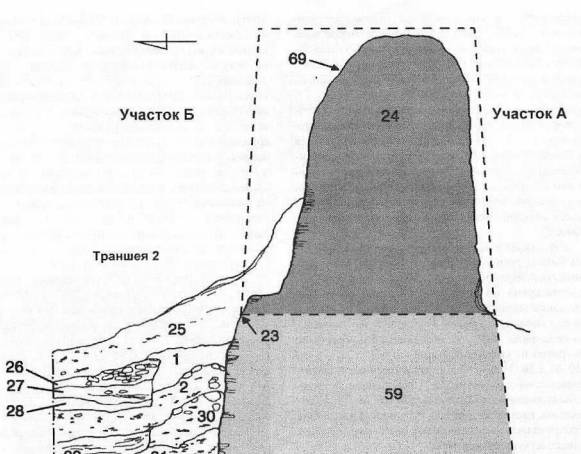


Рис. 5. Мерв. Султан-Кала. Раскоп 7. Северная стена. Разрез 2 через внутреннюю платформу, куртину 6 и башню 7. Условные обозначения: 1 – первый горизонт; 2 – второй горизонт.

Fig. 5. Merv. Sultan Kala. Excavation 7. North fortification wall of the citadel. Section 2: Inner Platform, Curtain C6 and Tower T7. Legend: 1 – the 1st level; 2 – the 2nd level.

одной линии предшествующих укреплений. Оборонающиеся теперь могли действовать с верхушки сплошных стен и с внешней платформы, не будучи ограниченными галереей и настенной дорожкой основной стены, как было в период существования «полых» стен.

Фаза 4. Четвертая фаза характеризуется усилением оборонительных сооружений на обоих участках А и В. На участке В внешняя платформа (1) и протейхизма (6, 3) ремонтируются после повреждений, вероятно, в результате медленной эрозии, вызванной северными ветрами и водой рва (рис. 3). Во-первых, внешняя платформа была расширена последовательной подсыпкой слоев туюна (40). Во-вторых, дополнительная стена из сырцового кирпича (39) на глине была пристроена к краю платформы. Она сохранилась плохо на высоту лишь около 1 м. В-третьих, протейхизма, по-видимому, была расширена до 2,10 м, наращена в высоту и оштукатурена. Возможно, что при этой реконструкции внешняя площадка была снивелирована.

На участке В внутренняя платформа (56, 57) была расширена за счет пристройки к ее внешней поверхности дополнительной стены (58) из пахсовых блоков (рис. 3). Новая внутренняя платформа приобрела ширину 5 м. Это расширение на 2 м могло быть связано с починкой пола в коридоре камеры башни Т7. Пол был отремонтирован путем укладки заполнения из бутового камня (7) высотой 20 см, которое было выложено сверху обожженным кирпичом вторичного использования размером 20–29 х 20–29 х 7 см (53). Новая поверхность пола была оштукатурена, предположительно, несколько раз (52).

Фаза 5. В течение этой фазы камера башни Т7 и ее коридор были заложены мусором (4), содержавшим битый сырцовый и обожженный кирпич различ-

ных размеров (20–31 х 20–31 х 5–7 см), рваный камень и рыхлую глину с песком (рис. 3). В заполнении также было найдено надгробие с арабской надписью длиной 22 см, высотой 14 см и шириной 5–6 см. *Заполнение было помещено между* специально возведенными *для него стенами, небрежно сложенными* частью из сырцовых (24 х 24 х 5 см), частью из обожженных (19 х 19 х 3,5 см) кирпичей, иногда битых. Кирпичи стен были сложены либо в горизонтальные, *либо вертикальные ряды кладки и* сцементированы саманным раствором различной толщины. Необычно большое количество обожженного кирпича в заполнении свидетельствует о том, что *он происходит* из какого-то, незадолго перед этим разрушенного, *строения из обожженного кирпича*, возможно, культовой постройки на кладбище в северном пригороде, откуда также могло быть принесено и найденное надгробие.

Закладка башни Т7 была не единичным случаем. В башне Т12 внутрибашенное помещение было забутовано камнем и, по крайней мере, шесть из десяти хорошо сохранившихся лестниц северной стены (лестницы ST7, ST11, ST12, ST13, ST22 и ST24) также были заложены кирпичными стенами (рис. 5). Необходимы дополнительные раскопки, чтобы проверить, *не были ли также заложены* стенные проходы.

В результате этих закладок стало невозможно попасть в помещения для хранения *оружия и, что еще важнее*, на настенную дорожку и зерхушки башен. *Поскольку именно с этих позиций* осуществлялась оборона, закрытие доступа к ним означало невозможность дальнейшего использования укреплений вообще. Таким образом, закладки можно *рассматривать* как следствие политики, направленной на демонтаж *укреплений. Если* это верно, то одновременно должно было осуществляться систематическое разрушение настенной дорожки и зубцов стены.

Фаза 6. После закладки северной стены *всякие* попытки ремонта укреплений прекращаются. Не *будучи используемыми, они стали* обрушаться (*64*, *65*, *66*, *67*, *68*, *69*). В какой-то момент западная и северная стороны башни Т7 рухнули (*68*), удержалась только восточная сторона. Последняя была *прочно пристроена* к первичной башне Т7 и поэтому устояла, когда медленный размыв северной стены привел к обрушению внешней платформы и башни. Не исключено, что *гигантские стены внутрибашенного помещения при* падении снесли и протейхизму.

Очевидных следов этого обрушения не было найдено ни в разведочной траншее S2, ни в западной части раскопа, в разведочной траншее *S4*. Вероятно, остатки разрушения либо были использованы вторично, *либо постепенно выветривались* и размывались дождями. Исследования микрорельефа на западной стороне башни Т7 показали наличие естественной канавы, которая, несомненно, способствовала смыву обрушившейся части башни Т7 и соседней куртины *С8*. *В дальнейшем заполнение башни Т7 с западной* стороны медленно смывалось *дождями* (*48*, *47*) (рис. 6). В еще более поздний период, все это (46) вместе с остальной частью памятника (37, 25, 62) было покрыто продолжавшими обрушаться слоями.

Заключение. При раскопках MSK7 получены важнейшие результаты для изучения оборонительных сооружений Султан-Калы. Во-первых, был решен *вопрос* о существовании и местонахождении стены *первого строительного периода, так как под* сохранившейся северной *стеной были обнаружены башня* и куртина, относящиеся к этому периоду. Это показало, что планировка Султан-Калы соответствует планировке ее стен первой фазы и что переход к укреплениям сплошного типа не сопровождался пересмотром *оборонительной системы*.

Во-вторых, была полностью прослежена эволюция северной стены цитадели на раскопе MSK7. Эта эволюция сводилась к следующему: первые укрепления представляли собой одну полую стену, сооруженную *на платформе. Эта стена была серьезно* повреждена во время штурма. Оставшиеся укрепления были заложены изнутри и весь участок выровнен, в результате чего образовались внешняя и внутренняя платформы. Были воздвигнуты новые укрепления, в том числе сплошная куртина, большая башня и протейхизма на внешней платформе. В дальнейшем имело место некоторое усиление стены, главным образом за счет пристройки к протейхизме и *внутренней платформе дополнительных стен. И, наконец, стена была* заблокирована с целью ее разоружения и перестала *использоваться*.

В-третьих, можно предположить, что и вся северная стена цитадели, за исключением башни Т1, прошла ту же эволюцию. Топографическая съемка показала на сохранившихся куртинах северной стены *наличие* лестниц и кладки, аналогичных тем, что найдены на MSK7. Это явно свидетельствует о том, что перестройка и конструкция этих куртин были такими же, что и для куртины С6. Труднее сказать, были или не были похожи на башню Т7 *башни северной стены, сохранившиеся* крайне фрагментарно. Этот вопрос можно решить только при крупномасштабной расчистке всей этой территории. Тем не менее, уже при разведочной расчистке башни Т12 было обнаружено, что она была похожа на башню Т7, хотя и *несколько уступала ей в размерах. Следовательно, можно* предположить, что использовались башни двух размеров или башня Т7 была крупнее остальных. Если верно второе предположение, то, исходя из *положения* башни Т7 посередине между двумя угловыми *башнями, можно сделать вывод, что Т7 являлась* скорее не башней, а бастионом.

В-четвертых, такая эволюция несколько отличается от той, которая выявлена в других частях Султан-Калы. Основное различие, если не считать впечатляющий масштаб усиления обороны, заключается в отсутствии сплошной дополнительной стены, обычно пристроенной к первичным укреплениям. В ее постройке не было необходимости, так как участок MSK7 и так был достаточно усилен постройкой *его* новой стены (толщина которой была эквивалентна *сумме первичных укреплений и дополнительной* сплошной стены). Вследствие этого сооружение но-

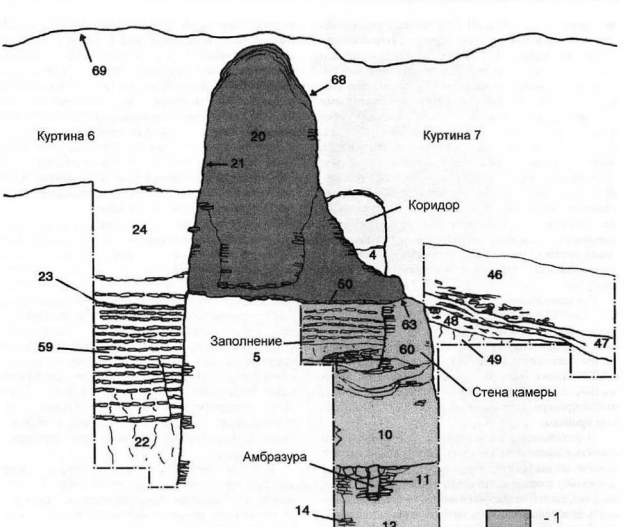


Рис. 6. Мерв. Султан-Кала. Раскоп 7. Северная стена. Профиль куртин 6, 7 и башни 7 (участок Б). Вид с юга. Условные обозначения: 1 – первый горизонт; 2 – второй горизонт.

Fig. 6. Merv. Sultan Kala. Excavation 7. North fortification wall of the citadel. Elevation of Curtains C6, C7 and Tower T7 (Area B). Looking south. Legend: 1 – the 1st level; 2 – the 2nd level.

вой стены на MSK7 должно было происходить перед или одновременно с постройкой дополнительных сплошных стен. Заполнение изнутри первичных укреплений и пристройка дополнительных сплошных стен явились первыми мерами по переходу от полых укреплений к сплошным. Поэтому не исключено, что переход к сплошным укреплениям был инициирован штурмом первых укреплений. После штурма сильно поврежденные участки первичной стены были заменены новой сплошной стеной. Сплошная стена была также пристроена и к относительно неповрежденным секциям.

Датировка нападения на первые укрепления Султан-Калы затруднена, потому что определение дат различных строительных периодов укреплений Султан-Калы пока находится на предварительной стадии. Несколько найденных при раскопках монет относятся к доисламским выпускам, поэтому пока мы можем полагаться лишь на керамический материал. Сопоставление с предшествующими исследованиями Мерва (Лунина 1962; 1974) и Самарканда (Шишкина 1979) дает основания датировать XI–XII веками полые стены и XII–XIII вв. – укрепления «сплошного» периода.

Тем не менее, можно сделать некоторые заключения относительно первичной полой стены. Эта представлявшая одну линию обороны стена, по-видимому, была недостаточно высока и широка, чтобы противостоять катапультам осаждавших, как показал на MSK7 характер *разрушений, возникших* при штурме цитадели. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что первые укрепления были сооружены в тот *период, когда Мерву не угрожала прямая* военная опасность от соперничающих соседей. Отсутствие военной угрозы могло быть вызвано периодом мира в регионе либо объяснялся тем, что Мерв входил в состав территории, находившейся в процессе экспансии. Поэтому весьма правдоподобными представляются утверждения Хамд Аллаха Мустауфи, что городские укрепления построены Малик-Шахом, так как Мерв входил в состав расширявшейся Сельджукской империи (Mustauffi 1919: 154).

Штурм цитадели врагом, оснащенным осадными механизмами, ознаменован для Мерва конец мирного периода. Если укрепления Султан-Калы действительно построены Малик-Шахом, то штурм цитадели мог иметь место во время борьбы за трон, последовавшей после смерти последнего в 485/1092 г., так как хронологически это был первый период неустойчивости в Сельджукской империи после многолетнего внутреннего мира. Борьба за трон между Берк-Яруком и другими представителями сельджукской династии продолжалась двенадцать лет. Мерв особенно пострадал во время восстания Арслан-Аргуна – дяди Берк-Ярука. В 485/1095 г. Арслан-Аргун захватил Хорасан и объявил в Мерве о его независимости. Берк-Арук послал против него своего дядю Бёри-Барса, урожденного Алып-Арслана (?), который обратил Арслан-Аргуна в бегство. Однако, собрав силы, последний убил Бёри-Барса (Алып-Арслана ?), в 488/1095 г. осадил Мерв и взял его штурмом, разрушив ворота (Bosworth 1968: 106). Поэтому вполне вероятно, что штурм цитадели, зафиксированный на MSK7, произошел во время осады Мерва Арслан-Аргуном в 488/1095 г.

Детальный анализ керамики и радиуглеродные датировки сырцовых кирпичей из укреплений Султан-Калы должны помочь в ближайшем будущем уточнить даты штурма цитадели и различных фаз *постройки* укреплений.

Аннаев, А. 1993. Новые данные о фортификации средневекового Мерва // Мерв в древней и средневековой истории востока IV: Мерв и сельджукская эпоха. Тезисы докладов научной конференции. Академия наук Туркменистана, Мары, 15–16. Ашгабат: Ылым.

Брун, П., А. Аннаев. 1999. Оборонительные сооружения Средневекового Мерва // *Культурные Ценности 1997–1998*: 36–45. Санкт-Петербург: Европейский Дом.

Лунина, С. Б. 1962. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. // Труды Южно-Туркменской Археологической Комплексной Экспедиции XI: 217–416. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР.

1969. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, *его обводов и западной части пригорода* // *Труды Южно-Туркменской Археологической Комплексной* Экспедиции XIV: 109–171. Ашгабат: Ылым.

1974. Историческая топография западной части рабада средневекового Мерва // Труды Южно-Туркменской Археологической Комплексной Экспедиции XV: 182–230. Ашгабат: Ылым.

Обельченко, В. В. 1963. Городища старого Мерва, Абдулла Хан Кала и Байрам-Али в свете работ ЮТАКЭ 1950 г. // Труды Южно-Туркменской Археологической Комплексной *Экспедиции XII*: 309–350. *Ашгабат: Ылым.*

Пугаченкова, Г. А. 1961. К характеристике крепостной архитектуры Султан-Калы // Известия АН ТССР, Серия общественных наук 3: 37–44.

Тургунов, Б. 1961. Археолого-топографическая *съемка* Мервского городища Султан-Кала с северным и южным обводами. Дипломная работа, Ташкентский Государственный Университет им. В. И. Ленина, Исторический Факультет, Кафедра Археологии Средней Азии. Архив ЮТАКЭ.

Ходжаниязов, Т. 1990. Раскопки объектов сельджукской эпохи в Старом Мерве // Мерв в древней и средневековой истории Востока I, Тезисы докладов научной конференции, Академия Наук Туркменистана: 15–18. *Ашхабад: Ылым.*

1991. Отчет о работе Султан-Калинской группы XVIII отряда ЮТАКЭ в 1991 г. Архив ЮТАКЭ.

Шишкина, Г. В. 1979. Глазурованная керамика Согда. Ташкент: Филиал Академии Наук Узбекистана.

Bosworth, C. E. 1968. The political and dynastic history of the Iranian world (AD 1000–1217) // Cambridge History of Iran 5: 1–202. *Cambridge.*

Brun, P., A. Annaev. 1997. The Medieval Citadel of Sultan Kala: The Fortifications // Herrmann, G., Kurbansakhatov K., Simpson *St J. et al.* The International Merv Project, Preliminary Report *on the Fifth Season* (1996). Iran XXXV: 19–22.

1998. The Medieval Fortifications: Sultan Kala // Herrmann, G., Kurbansakhatov K., Simpson St J. *et al.* The International Merv Project, Preliminary Report on the Sixth Season (1997). Iran XXXVI: 67–72.

1999. The Medieval Fortifications: Excavation of Curtain C20 (North wall) // Herrmann, G., Kurbansakhatov K., Simpson St J. *et al.* The International Merv Project, Preliminary Report on the Seventh Season (1998). Iran XXXVII: 18–22.

2000. The Medieval Fortifications // Herrmann, G., Kurbansakhatov K., Simpson St J.*et al.* The International Merv Project, Preliminary Report on the Eight Season (1999). Iran XXXVIII: 21–28.

Dani, A. H., P. Bernard. 1994. Alexander and its successors in Central Asia // The development of Sedentary and Nomadic Civilisations: 700 BC to AD 250. History of Civilisations of Central Asia II. UNESCO Publishing.

Mustaufi, Hamd Allah. 1919. Nuzhat al-qulūb (перевод G. Le Strange). London.

THE MEDIEVAL FORTIFICATIONS OF SULTAN KALA (MERV, TURKMENISTAN): EXCAVATION 7 (CURTAIN C6 AND TOWER T7, CITADEL, NORTH WALL).

PIERRE BRUN

The excavation of MSK7 produced crucial results for the study of the fortifications of Sultan Kala.

Firstly, the question of the presence and location of the first phase wall has been solved by the discovery of a tower and a curtain from this period below the standing north wall. It demonstrated that the layout of Sultan Kala corresponds to the layout of the first phase wall and that the move to solid fortifications was not marked by a remodelling of the defensive system.

Secondly, the evolution of the north wall of the citadel at MSK7 is quite clear and can be summarised as follows: The first fortification was a single hollow wall constructed on a platform. This wall was seriously damaged during an attack. The remaining fortifications were filled and the whole area levelled, bringing the creation of an outer platform and an inner platform. New fortifications were erected including a solid curtain, a large tower and a *fausse braie* on the outer platform. Subsequently, some strengthening of the wall took place, mainly the construction of additional walls against the *fausse braie* and against the inner platform. Finally, the wall was blocked in a successful attempt to dismantle it and was not used any more.

Thirdly, it seems probable that the whole north wall of the citadel, with the exception of Tower T1, followed the same evolution. The survey showed that the preserved curtains of the north wall displayed staircases and masonry similar to that found at MSK7, a strong indication that they were rebuilt and probably identical to Curtain C6. It is more difficult to tell whether or not towers of the north wall were similar to Tower T7 because of their fragmentary state of preservation. The question can only be solved by a large-scale cleaning of the area. However, the brief cleaning of Tower T12 revealed a tower similar to Tower T7 but of slightly smaller dimensions. Thus it is quite possible that two sizes of tower were used or that Tower T7 was bigger than the other towers. If the second hypothesis was correct, the position of Tower T7, halfway between the two corner towers, would suggest that Tower T7 was more a bastion than a tower.

Fourthly, this evolution differs slightly from that revealed in other sections of Sultan Kala. The main difference, apart from the more impressive scale of the strengthening, is the absence of the solid additional wall usually built against the first fortifications. There was no need to build one because MSK7 was already sufficiently strengthened by the building of its new wall (its width was equivalent to those of the first fortifications plus a solid additional wall). In consequence, the construction of the new wall in MSK7 must have taken place before or at the time of the construction of the solid additional wall. The infilling of the first fortifications and the building of the solid additional wall were the first measures adopted when it was decided to move from hollow to solid fortifications. Therefore, it is quite possible that the attack on the first fortifications of Sultan Kala had triggered the move to solid fortifications. Following the attack, sections of the first wall that were too heavily destroyed were replaced by a new solid wall, and a solid wall was built against the sections relatively intact.

The dating of the attack on the first fortifications of Sultan Kala is difficult because the dating of the different phases of the fortifications of Sultan Kala is still at a preliminary stage. The few coins found during excavations are residual pre-Islamic issues thus, for the moment, we can only rely on the ceramic material. Comparison with previous studies at Merv (Лунина 1962; 1974) and Samarkand (Шишкина 1979) suggests a eleventh-twelfth centuries date for the hollow wall and a twelfth-thirteenth date for the fortifications of the «solid» period.

Nevertheless, some conclusions can be drawn from the primary hollow wall. This single line wall was probably not high and wide enough to withstand besiegers with catapults as shown in MSK7 by the extent of destruction when the citadel was attacked. This in turn suggests that the first defences were erected when Merv faced no direct military threat from rival powers in the neighbouring. The lack of military threat can be due to a period of peace in the region or can be explained by the fact that Merv was part of a territory in expansion. Therefore, the statement by Hamd Allâh Mustaufi that Malik-Shâh built the fortifications of the city is quite possible as Merv was part of a territory in expansion, the Saljuq empire (Mustaufi 1919: 154).

The attack of the citadel by an enemy with siege engines marked the end of this peaceful period for Merv. If Malik-Shâh did built the fortifications of Sultan Kala, the attack of the citadel might have taken place during the struggle for the throne following its death in 485/1092 because it is chronologically the first period of insecurity within the Saljuq empire after years of internal peace. The struggle for the throne between Berk-Yaruk and other members of the Saljuq family lasted twelve years. Merv suffered especially during the rebellion of Berk-Yaruk's uncle Arslan-Arghun. Arslan-Arghun had seized Khurâsân in 485/1092 and declared its independence in Merv. Berk-Yaruk sent against him his uncle Böri-Bars b. Alp-Arslan who put Arslan-Arghun to flight. The last

recovered, killed Böri-Bars b. Alp-Arslan and besieged Merv in 488/1095, taking it by force and destroying its gates (Bosworth 1968: 106). Therefore, it is quite possible that the attack of the citadel in MSK7 took place during the siege of Merv by Arslan-Arghun in 488/1095.

The detailed analysis of the pottery and the radiocarbon dating of the mudbricks used to build the fortifications of Sultan Kala should help us in near future to date more precisely the attack of the citadel and the different phases of the fortifications of Sultan Kala.

РАННИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ БАССЕЙНОВ ВАГИ И СУХОНЫ

И. Ф. НИКИТИНСКИЙ[1]

К настоящему времени специальных работ, посвященных ранним земледельческим орудиям и началу земледелия в бассейнах рек Ваги и Сухоны нет. В «Истории северного крестьянства» Ю. С. Васильевым, автором третьей главы этого труда, отмечается, что широкое распространение пашенное земледелие и огородничество получили в Центральном Поморье, куда входили и бассейны рек Ваги и Сухоны. По Двинскому краю к XIV–XV вв. относятся сто поземельных актов, причем в шестидесяти пяти из них говорится о «страдомой» и «оромой», то есть о *старопахотной земле*. Кроме того, *отдельные* акты упоминают о «дешей» пашне, «топорной земле», *и «чертежах» (История 1984: 71)*. Во второй, главе «Истории северного крестьянства», написанной коллективом авторов, среди пашенных орудий Севера начала II тыс. н. э., называются три сошника: один XII–XIV вв. из случайных находок в верховьях реки Ваги у *современного с. Верховажье и пара* XI–XIII вв. с Никольского городища на реке Кокшеньге. (История 1984: 47). Все эти пахотные орудия авторы работы не связывают с местным населением – чудью заволочской (История 1984: 49, 52), а распространение пашенного земледелия на Севере рассматривается ими в рамках славянской колонизации. В *настоящее время вопрос о начале пашенного земледелия* в бассейнах рек Вага и Сухона можно попытаться решить иначе.

Археологических свидетельств о наличии земледелия в виде соответствующих орудий и зерна в рассматриваемом регионе в эпохи камня и раннего металла автору не известно. Можно лишь упомянуть о находке семян дикой моркови в развале неолитического сосуда, сделанной автором на берегу р. Вологды в 1981 г. (Никитинский 1982: 23), что можно трактовать в пользу огородничества. Но уже к первому от последней четверти I тыс. н. э. и до начала XIV в. относятся находки земледельческих орудий из четырех пунктов: Векса, Долговицы, Никольское, Верховажье.

В 1986 г. на финно-угорском поселении Векса (Nykitinskiy 1989: 563–573) на р. Вологде в слое *последней четверти I тыс. н. э. был найден железный* наральник (рис. 1: 7) (Никитинский 1986: 30). Его длина (L) 10см, внутренняя ширина втулки (dl) 5,5см, толщина металла 0,4 см. Втулка овальная. Низ наральника сработан на одну сторону. Верхний срез, *в отличие от всех других орудий подобного типа*, косой. Создается впечатление, что орудие с Вексы работало почти горизонтально и притом с отвалом земли на одну сторону, хотя последнее не характерно для рала. По размерам и пропорциям орудие с Вексы ближе всего к наральникам типа 1А1 классификации Ю. А. Краснова: L : d1 = 1,8; L : d2 (наибольшая ширина наконечника) = 1,6; L : l (длина втулки) = 2,1 (Краснов 1987: 37). Наральники этого типа могли применяться как с малым, так и с большим углом наклона рабочей части (Краснов 1987: 57). Можно предположить, что рало с Вексы было близко по функциям к плугу.

Возможно выделение особого подтипа орудий типа 1А[2]. Почвы береговых валов Присухонской низины, в зоне которой находится и древнее поселение Векса, обладают высоким плодородием (Ляпкина 1967: 216–217). Площади береговых валов *составляют* сотни гектаров. В настоящее время эти земли для *запашки почти не используются из-за неблагоприятных* климатических условий. По данным климатологии (*Борисенков 1982*: 23; *Борисенков, Пасецкий* 1983: 23; Манин, Шишков 1979: 34) во второй половине I тыс. н. э. наступает период так называемого *«малого климатического оптимума»*. *Складывающиеся* климатические условия способствовали продвижению пашенного земледелия далеко на север как в бассейн Сухоны на р. Вологду, так и в некоторые другие регионы – Старая Ладога, Новгород (Краснов 1987: 103), *входящие в подзону южной тайги* (Краснов 1987: 109).

В Тотемском районном краеведческом музее (ТКМ) находится клад сельскохозяйственных орудий и производственно-бытовых предметов (ТКМ №№ 111–126), происходящий из Долговиц. Долговицы находятся на р. Кокшеньге в бассейне р. Ваги (Тарногский район Вологодской области). Клад был найден в 1922 г. крестьянином И. А. Вячеславовым «в поле у д. Проневской в Долговицах на горке при пашне, в меже, в яме, выложенной камнями и закрытой большой плитой» (Чернецын 1925: № 99). Н. А. Чернецын, директор Тотемского музея, считал, что клад относится к XV в. ко времени борьбы Новгорода с Москвой (Чернецын 1925).

Состав клада. Топор (ТКМ № 123 – рис. 1: 11) близок формам топоров, бытовавших в XII–XIII вв. (Чернецов, Куза, Кирьянова 1985: 225, табл. 97: 1–7; Колчин: 1959: 30; 1982: 163; Культура Биляра 1985: 38, 47). Еще два орудия (ТКМ №№ 124,125 – рис. 1: 8, 9), вслед за Н. А. Чернецыным, надо считать мотыгами. В литературе отмечалось, что мотыги и тесла трудноразличимы (Чернецов, Куза, Кирьянова 1985: 224). Однако в данном случае лезвие одной (рис. 1: 9) *сильно затуплено, а лезвие другой (рис. 1: 8)* сработано на одну сторону, что не могло получиться при

[1] *Россия. 160035. Вологда. ул. С. Орлова, 15. Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.*

[2] Устная консультация Ю. А. Краснова.

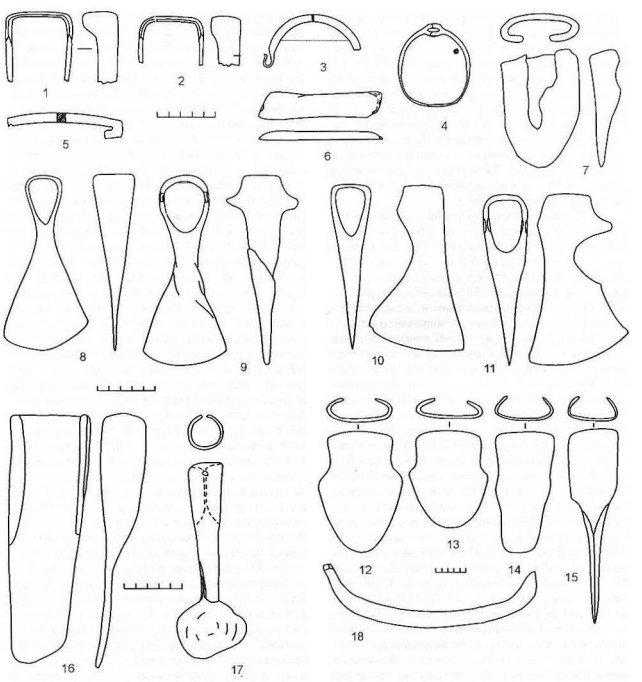


Рис. 1. Находки с территории бассейнов рек Ваги и Сухоны: 1–6, 8, 9, 11–15, 17, 18 – вещи из долговицкого клада; 7 – наральник с поселения Веска; 10 – топор (случайная находка у д. Проневской); 16 – наконечник пахотного орудия с Никольского городища. 1–5, 7–18 – железо; 6 – сланец.

Fig. 1. Finds from the basins of the Vaga and Sukhona rivers: 1–6, 8, 9, 11–15, 17, 18 – the hoard from Dolgovitsy; 7 – a plough-tip from Veksa; 10 – an axe (accident find from Pronevskaya); 16 – a plough-tip from Nikolskoye hill-fort. 1–5, 7–18 – iron; 6 – slate.

работе по дереву, зато подобная сработанность края орудия вполне возможна при обработке земли. Одна мотыга (рис. 1: 9) со щекавицами и округлым проухом переделана из топора переходной формы, характерной для XII–XIII вв. (Чернецов, Куза, Кирьянова 1985: табл. 97: 8–10). В состав клада кроме упомянутых предметов входили кресало, стремя и коса. Обломок овального заостренноконечного кресала (ТКМ № 119 – рис. 1: 5), по новгородской классификации датируется XII – первой половиной XIV вв. (Колчин 1982: 163). Почти круглое стремя с отверстием для пупишца в дужке (ТКМ № 116 – рис.1: 4) датируется XII–XIII вв. (Чернецов, Куза, Кирьянова 1985: 318). Коса-горбуша (ТКМ № 117 – рис. 1: 18) имеет параметры характерные для древнерусских кос северного типа XII–XIII вв. (Чернецов, Куза, Кирьянова 1985: 225). Кроме того, в коллекции имеется два сломанных скобеля (ТКМ №№ 120, 121 – рис. 1: 1, 2) обычных для того времени (Чернецов, Куза, Кирьянова 1985: 257), крупный, сланцевый точильный бру-

сок (ТКМ № 122 – рис. 1: 6), железная дужка от ведра (ТКМ № 118 – рис. 1: 3) и железная кованая чашевидная сковорода (ТКМ № 126) *диаметром 23 см.*, высотой 2,2 см и толщиной стенок 0,3–0,4 см, *какие бытовали в Новгороде с X в. длительное время* (Колчин 1959: 105). Употребление еще одного предмета коллекции автору не совсем понятно (*ТКМ* № 115 – рис. 1: 17). Это сваренная кузнечной сваркой *из двух частей железная лопатка. На плоский* черенок лопатки наварен дополнительный черенок, заканчивающийся втулкой. *Лопатка слегка согнута, низ ее* приострен. Можно предположить, что ею доставали накаленные предметы из огня.

Особый интерес в коллекции представляют четыре наконечника пахотных орудий. Три из них (№ 111–113 – рис. 1: 12–14) – наральники. Размеры первого (рис. 1: 12): длина 21,2 см, ширина по втулке 12,5 см, ширина по плечикам 15 см, толщина металла 0, 6 см. Размеры второго (рис. 1: 13): длина 17 см, ширина по втулке *11*,2 см, ширина *по плечикам 17 см, толщина* металла 0, 6 см. По размерам и отношениям (L: d1 равным *соответственно 1,7* и *1,5*; L: d2 равным *1,4* и *1,2* и L: 1 равным 3,5 и 2,8) эти наконечники пахотных орудий *относятся к типу 1В4 классификации Ю. А. Краснова* (Краснов 1987: 42) или к симметричным лемехам от *усовершенствованных рал по А. В. Черецову* (Черецов, Куза, Кирьянова 1985: табл. 83: 7–11). Наральники типа 1В4 работали в положении близком к горизонтальному (Краснов 1987: 57). По Ю. А. Краснову известные орудия происходят с Верхнего и Среднего Прикамья. Наиболее вероятная дата их бытования – от IX–XII до XIV вв. (Краснов 1987: 43). В свою очередь, А. В. Черецов датирует их XII–XIII вв. Размеры третьего орудия (рис. 1: 14): длина 22 см, ширина по втулке *11*,5 см, ширина по плечикам 10 см, толщина металла 0, 4 см. У орудия есть слабовыраженные плечики. *По размерам и отношениям (L:* d1 равному 2.1; L: d2 равному 2,2 и L: 1, равному 2,8) орудие близко к *типу 1Б1 по классификации* Ю. А. Краснова (Краснов 1987: 39). Наральники этого типа также работали в положении *близком к горизонтальному* (Краснов 1987: 57). Большинство подобных орудий *имеет длину* 11–16, 7 см, *но отдельные* наконечники из Волго-Камского междуречья достигают *длины 24–26 см. (Краснов 1987: 38). «Начиная с* первой половины I тыс. н. э. вплоть до XIII–XIV вв. они *спорадически встречаются на обширной территории от Молдавии до Среднего Поволжья и Прикамья. Большая* часть наконечников относится к I тыс. н.э.» (Краснов 1987: 39). Четвертое пахотное орудие – чересло. Его длина 36 см (рис. 1: 15). Но это чересло в отличие от большинства известных черешковых – втульчатое. Втульчатое чересло встречено только однажды на Новотроицком городище в Сумской области (Краснов 1987: 55), где оно датируется VIII–X вв. Если предыдущие три орудия могли преимущественно работать на подготовленных (*старопахотных*) землях, то чересло служило для подготовки и первичной обработки поля. Факт устойчивого сопровождения пашущих орудий *чересламии отмечался в литературе* (Черецов, Куза, Кирьянова 1985: 222).

Судя по хронологии вещей, входивших в клад, скорее всего, он был сокрыт в конце XIII в. или *на самом рубеже XIII–XIV вв. Интересно*, что клад находился в специально устроенном «капитальном» *вместилище*. В 1925 г. Н. А. *Чернцыным в Долговицах* были записаны сведения о находке в XIX в. у д. Проневской «на буграх» *человеческих костей (*групоположений и трупосожжений) и многочисленных *бронзовых украшений: бубенчиков разных размеров* и одного «бутылочного», бус из трубочек толщиной *в карандаш с ремешком внутри*, витых колец разных размеров, зооморфных подвесок (птичек и конька). Здесь же была найдена серебряная цепочка с крупными блямками. Встречены следы столбовой конструкции с углями и камнями. Пробные раскопки, предпринятые Н. А. Чернцыным, не дали положительных результатов, поэтому он полагал, что Проневский *могильник (или* Долговицы I) полностью разрушен оврагами и карьером (Чернцын 1925). В 1991 г. мною *был заложен шурф в данной местности (*«на буграх»), в котором обнаружены следы перемытого рекой средневекового слоя (Никитинский 1991: 25). Все указанные факты дают возможность предполагать, что у д. Проневской в XII–XIII вв. существовал финно-угорский могильник, а возможно, и поселение. По *воспоминаниям* местных жителей *могильник* находился в нескольких сотнях метров от местоположения клада. В *настоящее время место, где был найден* клад, разрушено карьером. В 1922 г. крестьянином И. И. Вячеславовым *около деревни* Проневской был найден *еще* один топор (ТКМ № 110 – рис. 1: 10), не связанный с кладом и могильником впрямую. По форме *топор напоминает изделия*, распространенные на более западных территориях в Карелии, Юго-Восточном Приладожье и Финляндии. Бытуют они в X–XI вв., но встречаются и позднее, до XIV вв.

В *1979* г. безуспешную попытку найти Проневский могильник предпринял Н. В. Гуслистов. Однако *в том же году* и в той же местности им был обнаружен другой могильник XIV–XV вв. – Долговицкий II, в 1981 и 1984 гг. исследованный автором статьи. Погребения в центральной части могильника *ориентированы* на северо-северо-запад, а на периферии – на запад с отклонениями к северу. Кроме того, зафиксированы следы ритуалов, связанных с огнем, каменная кладка (*пирамидка*) и немногочисленный погребальный инвентарь. Могильник языческий, хотя в погребениях встречено два христианских крестика. В той же местности автором зафиксированы легенды «чудского» характера и сведения о священной роще – «Кусте» (*Никитинский* 1989: 74–80).

Таким образом, в районе Долговиц фиксируется ряд *различных по характеру историко-культурных* памятников: 1) археологические – клад и могильники; 2) этнографический – священная роща – «Кусте»; 3) фольклорный – рассказы о том, что здесь жила *и была* погребена чудь. На наш взгляд, между ними *существует* определенная связь. Можно предположить, что какие-то события вызвали как прекращение *функционирования* Проневского (Долговицкого I) могильника, так и сокрытие клада. Оба археоло-

гических объекта свидетельствуют о том, что в XII–XIII вв. здесь находился родовой центр финно-угорской общины. Земледелие в Долговицах в XII–XIII вв., надо полагать, было родовым, а поля распахивались на удобных приусловых лугах. Эти луга простираются вверх и вниз по р. Кокшеньге на многие километры. Запашка их, наряду с использованием под выгоны для скота, периодически производится и в наше время.

В 1931 г. в Отдел истории первобытной культуры Эрмитажа из Русского Археологического общества (РАО) поступили два наконечника пахотных орудий, найденных в бассейне р. Кокшеньги около с. Никольское. Скорее всего, они происходят с известного на Кокшеньге Никольского городища. *В начале* XX в. там, кроме церкви и богадельни, было и несколько дворов. Другого с. Никольского на р. Кокшеньге не было. В те годы краевед Б. М. Едемский, со слов *местных крестьян, записал* сведения о том, что в конце XIX в. на Никольском городище вели раскопки приезжие археологи (Едемский 1906). Местными крестьянами им была продана часть от большого количества вещей, найденных на городище, в основном на берегу у реки. Среди найденных вещей было много медных «конёчков» (зооморфные *подвески – ред.), в том числе, с* цепочками и подвесками. Возможно, два пахотных орудия попали в РАО через этих «приезжих археологов». У автора статьи имеется рисунок одного из двух орудий[3] (рис. 1: 16). *Его длина* 21,7 см, *ширина* 7,5 см, длина втулки 12 см, толщина металла 0,5 см. По своим пропорциям (L: d1 = 3,1; L: d2 = 3,1; L: l = 2) *этот наконечник относится к типу* IIIВ1 *по классификации* Ю. А. Краснова. Наконечники подобного типа *зафиксированы* почти исключительно на памятниках XII–XIII вв. главным образом центральных и южных *районов* лесной полосы, а также в Волжской Болгарии (Краснов 1987: 51). По мнению Ю. А Краснова эти наконечники работали под большим углом наклона (Краснов 1987: 57). *Из с. Верховажье* на р. Ваге происходит еще один наконечник пахотного орудия, аналогичный описанному выше. Данные о нем приведены у Ю. А. Краснова без датировки, но *ошибочно* местонахождение названо Верховражьем (Краснов 1987: *35, 69, 208*). *Как уже говорилось выше*, эти три орудия упоминаются в «Истории северного крестьянства» – «*Сошники из Верховажья и Никольского городища* идентичные, принадлежали к одному типу, который *преимущественно использовался не в* условиях лесного перелога, а на старолахотных *землях*» (История 1984: 47). По моему мнению, все три наконечника следует датировать XII-XIII вв.

Итак, для периода XII-XIII вв. в бассейне р. Ваги *фиксируются*, по меньшей мере, шесть пахотных орудий и две мотыги. Для сравнения укажем находки подобного рода с близких территорий. В Белоозере *в горизонте XII–XIII вв. найдены наральник* и плужный нож (Голубева 1973: 123, 189–190), а также мотыжка и восемь фрагментированных серпов (Макаров 1990: 116). Обломок пашенного орудия XII–XIII вв. найден на городище Крестцы на р. Мологе. Пашенное орудие близкого типа происходит из Карелии (Кочкуркина 1989: 41) и два с бассейна Вычегды (*Савельева 1971: 113–115). В Карелии*, кроме того, встречено 12 серпов, мотыги и косы (Кочкуркина 1982: 143).

Вероятно, довольно широкому распространению *пашенного* земледелия в первые века II тыс. н. э., в числе других причин, способствовали и климатические условия. Упоминавшийся «малый климатический оптимум» продолжался до рубежа XII–XIII вв. В целом, на период «малого климатического оптимума» *в бассейнах рек Ваги и Сухоны приходится семь* пашенных и ряд других орудий, связанных с земледелием. Интересно, что *все пахотные орудия предназначены* для работы не в условиях подсеки, а на более легких землях (поймённых, луговых, *старопахотных*). В бассейне Сухоны в XII–XIII вв. появляется славяно-русское население, сначала в районе современного Великого Устюга, *а затем на р. Вологде*[4].

Н. А. Макаров зафиксировал вокруг Великого Устюга 17 славянских поселений, но пахотных орудий *там* пока не встречено. В бассейне Ваги славяно-русских поселений и могильников этого времени *не обнаружено*, зато известен ряд памятников чуди заволочской (Черницын 1966: 196–202; Назаренко, Овсянников, Рябинин 1984; *Гуслистов* 1979: 7; 1995; Голубева 1987: 64–66).

Исходя из наличия пашенных орудий, найденных в бассейнах рек Сухоны и Ваги, следует предположить, что дославянское, дорусское население этого *региона знало пашенное земледелие, а его проникновение* в данный регион надо связывать с «малым климатическим *оптимумом*». *Судя по наличию мо*тыг в составе Долговицкого клада, население бассейна р. Ваги в XII–XIII вв. могло заниматься и мотыжным *земледелием* (огородничеством).

Борисенков, Е. П. 1982. Климат и деятельность человека. Москва: Наука.

Борисенков, Е. П., М. В. Пасецкий. 1983. Экстремальные природные явления в русских летописях XII–XVII вв. Москва: Гидрометеоиздат.

Голубева, Л. А. 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. Москва: Наука.

1987. Чудь заволочская // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР: 64–66. Москва: Наука.

Гуслистов, Н. В. 1979. *Отчет о работе* Вологодской археологической экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН *и ВГИАиХМЗ*.

1980. Раскопки и разведка в Вологодской области // Археологические открытия 1979 г.: 7. Москва: Наука.

[3] Благодарю Н. А. Макарова за предоставленные сведения и рисунок.

[4] *Вопрос возникновения с. Вологды как славянского*, древнерусского поселения в XII или в XIII вв. остается дискуссионным. Относить возникновение этого поселения к XII в. пока нет достаточных оснований.

1995. Материалы раскопок на р. Сондуге Тотемского района // Послужить Северу. Вологда.
Едемский, Б. М. 1906. Кокшеньгская старина. Санкт-Петербург.
История. 1984. *История северного крестьянства* I: Крестьянство европейского Севера в период феодализма. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство.
Колчин, Б. А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технологии) // Материалы и исследования *по археологии СССР 65: 7–120.* Москва: Наука.
1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода: 156–177. Москва: Наука.
Кочкуркина, С. И. 1982. Древняя Карела. Ленинград.
1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск
Краснов, Ю. А. 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. Москва.
Культура Биляра 1985. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. Москва.
Лыкина, А. А. 1967. Физико-географическая характеристика и природные ресурсы Присухонской низины Вологодской области. Дисс. … канд. геогр. наук. Архив ВГИАиХМЗ.
Макаров, Н. А. 1988. Средневековые *поселения Устюжской* округи // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья: 122–131. Сыктывкар.
1990. *Население Русского Севера в XI–XIII вв. Москва.*
Манин, А. С., Ю. А. Шишков. 1979. История климата. Ленинград: Гидрометеоиздат.
Назаренко, В. А., О. В. Овсянников, Е. А. Рябинин. 1984. Средневековые памятники чуди заволочкой // Советская археология 4: 197–215.
Никитин, А. В. 1961. Древняя Вологда по археологическим данным // *Сборник* по археологии Вологодской области: 6–24. Вологда.
1974. Городище и могильник у д. Крестцы // Краткие сообщения Института археологии 139: 100–105.
Никитинский, И. Ф. 1982. *Отчет о работе Вологодской археологической* экспедиции в 1982 г.// Архив ИА РАН и ВГИАиХМЗ.
1988. Работы Вологодского музея // Археологические открытия 1986 г.: 30. Москва: *Наука.*
1989. Грунтовые могильники в священных рощах – «кустах» на Кокшеньге и Сухоне // Краткие сообщения Института археологии 195: 74–80.
1991. Отчет Вологодской археологической экспедиции за 1991 г. // *Архив* ИА РАН и ВГИАиХМЗ
Савельева, З. А. 1971. Пермь Вычегодская. Москва.
Чернецов, А. В., А. В. Куза, Н. А. Кирьянова. 1985. Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР: 219–242. Москва: Наука.
Чернецын, Н. А. 1925. Из доисторического прошлого Кокшеньги. *Рукопись.* 1925 г. ТКМ № 99.
Чернецын, Н. А. 1966. Угро-финские могильники на терри-тории Вологодской области // Советская археология 4: 196–202.
Nykiitinskiy, I. F. 1989. Kozepkon finnugor telepules a Vologda folyonal // Kulonlenyonat a Herman Ottó múzeum evkönyve. XXVII: 563–573. Koteteboi. Miskole.

EARLY AGRICULTURAL TOOLS FROM THE BASINS OF THE VAGA AND SUKHONA RIVERS

I. F. NIKITINSKIY

Till present days no special works have been published on the early agricultural tools from the basins of the Vaga and Sukhona rivers. Only in the 'History of the Northern Peasantry' are mentioned a tilling tool found near v. Verkhovazhye, and two implements found at the settlement-site of Nikolskoye on the Kokshenga River. These implements are dated to the 12th–14th and 11th–13th cen., the spread of the arable agriculture being linked with the Slavs.

Now, it is possible to view in another light the problem of the beginning of the arable agriculture on the Vaga and Sukhona rivers. At four sites in this region: Veksa, Dolgovitsy, Nikolskoye and Verkhovazhye, seven ploughing implements have been found, as well as a number of other tools connected with agriculture and dated to the period from the last quarter of the 1st mil. A.D. to the beginning of the 14th cen.

In 1986, at the Finno-Ugrian settlement of Veksa on the Vologda River (a tributary of the Sukhona), in a layer of the last quarter of the 1st mil. A.D., the author found an iron plough-tip close to type IAI according to Yu.A. Krasnov's classification (fig. 1: 1). Among the collections of the Totemskoe Regional Museum there is a hoard composed of agricultural tools and manufacturing/household implements (TKM 111–126) found in Drogovitsy – a locality near v. Pronevskaya on the Kokshenga River (the basin of the Vaga). This hoard was found in 1922, in a pit lined with stones and covered over with a large slab. The hoard includes four tips of ploughing implements and two hoes. According to the classification developed by Yu. A. Krasnov and L. V. Chernetsov, three of these four plough-tips were intended for the use on some old (previously cultivated) lands (fig. 4: 1, 2, 3). The fourth tool – skim-coulter (fig. 4: 4) might have been used for the preparation and primary cultivation of fields. This and all the other objects from the hoard may have been in use, probably at the same time, in the 12th–13th cen., the hoard being abandoned, supposedly, in the late 13th or the turn of the 13th and 14th cen. The researcher of the local history and lore, Director of the Totemskoe Museum N. A. Chernitsyn noted that not far from the place of discovery of the hoard there had been a cemetery, disturbed by the river and sand-quarrying, and a settlement-site where numerous artefacts and human bones were found. These finds included rattling adornments which are regarded as linked with the local Chud population.

In 1931, the Hermitage received from Russian Archaeological Society (RAO) two tips of ploughing implements from the settlement-site of Nikolskoye on the Kokshenga River. Here, local peasants found a large amount of medieval objects, including numerous pendants of horse-figures with small chains and pendants. Of the two tools mentioned above, one of which a drawing is

available to the author (fig. 5) belongs to type IIIBI according to Krasnov's classification and is dated to the 12th-13th cen. The other tip was identical to the first. Yet another tip of a ploughing tool comes from the village of Verkhovazhye on the Vaga River and is similar to the tips from the settlement-site of Nikolskoye. All the three tips belonged to a single type which was predominantly used rather on previously cultivated lands than in the conditions of some forest leas.

All the ploughing implements found within the basins of Vaga and Sukhona were intended for use not in the forest leas or fields cleared specially in the forest but rather on the lands which were easier for tillage: flood plains, meadows, or some fields already cultivated earlier. The penetration of the arable agriculture into the basins of the Vaga and Sukhona must have been connected with the 'smaller climatic optimum' which occurred during the period of the employment of the tools under consideration and with the pre-Russian, pre-Slavic population of the Zavolochskaya Chud. Judging by the presence of hoes (fig. 2: 1, 2) among the objects from the Dolgovitsy hoard, the population of the Vaga basin possibly knew also the hoeing agriculture (vegetable gardening).

НОВЫЙ ТИП ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ПРИЛАДОЖСКОЙ КУРГАННОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. М. КОЛПАКОВ[1], В. А. НАЗАРЕНКО[2]

В 1994 г. в Лодейнопольском р-не Ленинградской области нами было раскопано погребальное сооружение Гонгиничи-3, представлявшее собой в древности деревоземляную постройку. *Памятник* находится в 4 км к западу-юго-западу от д. Гонгиничи, на краю третьей надпойменной террасы *празо*го берега р. Ояти, в 220 м к северо-востоку от нее, на высоте 15 м над уровнем воды в реке. *Рядом*, на второй надпойменной террасе, находятся два курганных могильника Приладожской курганной культуры.

До раскопок сооружение выглядело как подквадратный холмик, ориентированный гранями *по сторонам* света, с уплощенной вершиной, высотой до 0,7 м, *размерами площадки 5 х 5 м и по основанию 9 х 9 м*. В центральной части со смещением к юго-юго-востоку находилась яма квадратных очертаний 2 х 2 м, ориентированная углами *по сторонам света*, глубиной до 0,6 м. Вдоль западной и северной пол насыпи прослеживались неглубокие короткие ровики, с юга *расположен край* террасы, с востока – лесная дорога.

Сооружение площадью 12 х 12 м было раскопано *на снос методом* непрерывных горизонтальных зачисток и зачисток по слою с оставлением центральных *бровок*. *Раскопками* открыт квадратный подиум 6,2 х 6,2 м, вырезанный в материке четырьмя прямоугольными несомкнутыми ровиками 4,5 х 2 м глубиной 0,7–0,8 м (рис. 1). В центре подиума на подсыпке *находился очаг из четырех* плохо сохранившихся плах, ориентированных с севера на юг. В углистом очажном *слое зафиксирована колонка* белого зернистого песка подпрямоугольного сечения 18 х 16 см глубиной 27 см, *образовавшаяся*, очевидно, в результате стекания воды *через отверстие для дыма*. *Очаг был перекрыт материковым выкидом* из центральной ямы. С края подиума в ровики спускался слой сероватого*желтого песка, под которым обнаружены* остатки и следы кольев (рис. 2). Подиум перекрывался слоем *коричнево-серого песка* с крапинками сероватого-желтого песка и древесными угольками, который залегал П-образно с разрывом с юга и за исключением крайней полосы по периметру подиума. На подиуме, во рвах и между ними выявлены столбовые ямки. Кроме того, во рвах зафиксированы немногочисленные остатки деревянных конструкций.

Отдельные кальцинированные кости в мелких *фрагментах встречались* в пределах всего раскопа, за исключением северной его части, во всех слоях. Однако, в основном, они залегали в темно-сером *гумусированном песке*. *При этом их большая* часть происходит из скопления, связанного с линзой серозисого песка к востоку от очага. Повышенная концентрация кальцинированных костей наблюдалась также в центре восточного ровика вместе со скоплением керамики и находок.

В восточном ровике, у его восточной стенки, был зафиксирован развал лепного сосуда, который возможно реконструировать графически. Типологически сосуд относится к керамике, находимой в горизонтах *Е и Д Старой Ладоги*, датируемых VIII–X веками. Фрагменты керамики, найденные в юго-западном *секторе, вероятно, относятся к одному сосуду*. Судя по имеющемуся фрагменту венчика, сосуд был слабопрофилированный, *вероятно*, баночной формы.

Вещи располагались разрозненно, но достаточно компактно. *Почти все вещи были приурочены* к темно-серому песку и сконцентрированы в двух скоплениях: *в середине восточного ровика и в середине* западного ровика. Особенно компактно они располагались *в восточном ровике – в объеме 1,2 х 0,4 х 0,6 м* вместе с развалом лепного сосуда. Отдельные предметы встречались на южной половине подиума. *Все вещи имеют следы пребывания в огне. В целом* находки типологически датируются X–XI вв.

Среди находок следует отметить фрагменты подковообразных *фибул (рис. 3: 6–8)*, *спиральных и пластинчатых* браслетов (рис. 3: 10–12), так называемой фибулы с длинной иглой (рис. 3: 1), пластинчатую коньковую подвеску с утраченными головками (рис. 3: 9), цепочку (рис. 3: 2) (все – бронза), железный нож (рис. 3: 5); бусы (бронзовые «флакончики», хрустальные круглые, сердоликовые 14-гранные, дисковидная гранчатая и круглые, с двумя черными ободками и волной, стеклянные черные глазчатые, желтые ребристые, синие, цилиндрическая со спирально-волнистой инкрустацией – рис. 3: 13–34), а также фрагменты керамики, по крайней мере, от двух сосудов приладожских типов.

Реконструкция данного погребального сооружения может быть представлена *следующим образом*. Срезкой дерна была выделена прямоугольная площадка, *примерно*, 6,5 х 6,5 м, *ориентированная по сторонам* света. На ней, на древней дневной поверхности, *на опорных столбах была сооружена дерево-земляная* кровля, прямоугольная в плане, примерно, 7 х 7 м, *ориентированная по сторонам света*. Главной опорной конструкцией были две связки по три столба, *установленные по оси восток-запад на расстоянии* около 4 м друг от друга в середине сооружения. По одному *столбу было установлено под углами* кровли. Кроме этого, кровля опиралась на два ряда столбов, *видимо, по четыре и по шесть в ряд*, расположенных квадратами со сторонами около 4 и 5 м.

[1] Россия. 190068. Санкт-Петербург. кан. Грибоедова, 116. ООО «Реквизит».
[2] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

© Е. М. Колпаков, В. А. Назаренко, 2004

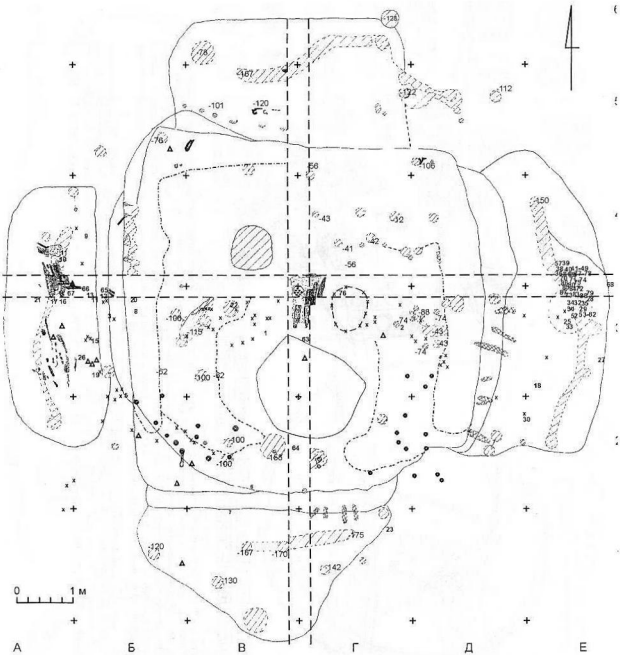


Рис. 1. План сооружения у д. Гонгиничи (условные обозначения см. рис. 2)

Fig. 1. Plan of the structure excavated near the village of Gonginichi.

Вероятнее всего, последние представляли собой составленные вместе пары жердин, не требовавшие обязательного заглубления в материк. Края кровли, возможно, поддерживались столбами, одновременно укреплявшими внутренние стенки рвов. В центре кровли было устроено квадратное дымоходное отверстие около 18 х 18 см, ориентированное углами по сторонам света.

Под кровлей вдоль ее сторон была установлена опалубка, каждая наружная стенка которой состояла из 12 кольев на расстоянии около 0,3 м между ними с переборками из жердей. Внутренняя стенка опалубки, вероятнее всего, крепилась к опорным столбам кровли. Ширина опалубки 0,6–0,8 м. Следов укрепления стыков опалубки по углам сооружения во время раскопок не обнаружено. Вдоль кольев наружной стенки опалубки с отступом от нее около 0,3 м были выкопаны прямоугольные ровики, грунт из которых был засыпан в опалубку. Расчеты объемов светло-желтого песка, сползшего во рвы, говорят о приблизительной высоте образовавшегося деревоземляного вала в 0,7–1 м. Северное прясло вала, возможно, было более мощным. С южной стороны вал имел укрепленный двумя столбами проход шириной около 0,5 м. Ровики имели длину 4,5–5 м, ширину около 2 м и глубину 0,6–0,7 м. Стенки рвов были укреплены столба-

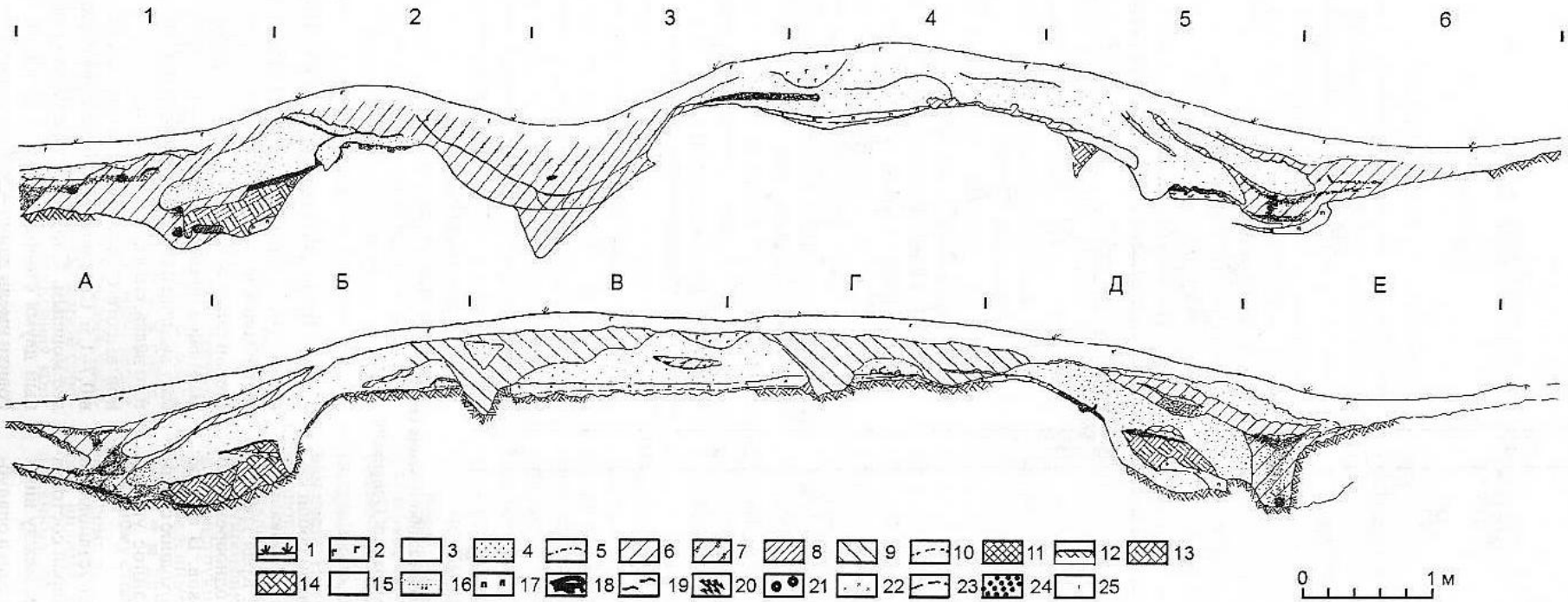


Рис. 2. Разрезы погребального сооружения у д. Гонгиничи. Условные обозначения: 1 – современная дневная поверхность; 2 – дерн и почвенный слой гумусированного буровато-серого песка; 3 – подзол; 4 – серовато-желтый песок; 5 – граница серовато-желтого песка на плане; 6 – темно-серый гумусированный песок; 7 – серый гумусированный песок; 8 – коричневатый песок; 9 – коричневато-серый песок с включениями угольков; 10 – граница коричневото-серого песка на плане; 11 – черный гумусированный песок; 12 – материк; 13 – красновато-желтый песок; 14 – пепельно-серый, переходящий в углисто-черный песок; 15 – погребенная почва; 16 – дерево и древесный тлен; 17 – светло-розовый песок; 18 – угли; 19 – темно-бурое ожелезнение; 20 – кальцинированные кости; 21 – граница скоплений кальцинированныхкостей; 22 – фрагменты керамики; 23 – граница скоплений керамики; 24 – белый зернистый песок под очажным отверстием; 25 – места индивидуальных находок и их номера.

Fig. 2. Sections of the burial structure near the village of Gonginichi. Legend: 1 – modern surface; 2 – turf; 3 – white sand with ashes; 4 – grey and yellow sand; 5 – the border of grey and yellow sand on the plan; 6 – dark and grey sand; 7 – grey sand; 8 – brown sand; 9 – brown and grey sand with accumulation charcoal; 10 – the border of brown and grey sand on the plan; 11 – black sand; 12 – primary soil; 13 – red and yellow sand; 14 – grey and black; 15 – ancient surface; 16 – wood; 17 – light-rosy sand; 18 – charcoal; 19 – inclusions of iron; 20 – cremation bones; 21 – the border of cremation born; 22 – fragments of pottery; 23 – the border of accumulations of pottery; 24 – white sand under place of the fire; 25 – individual numbers of finds.

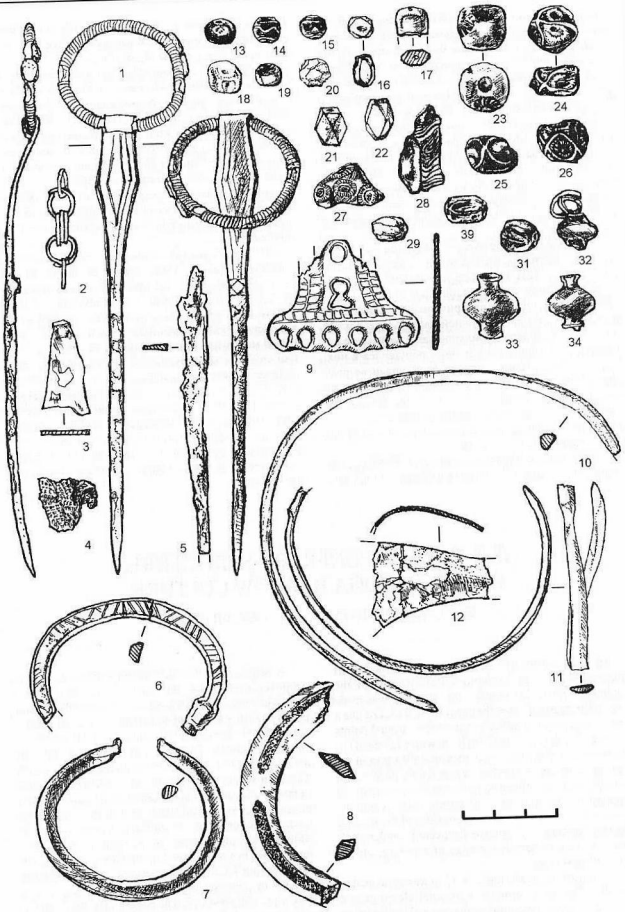


Рис. 3. Вещевой инвентарь.

Fig. 3. Grave goods.

ми с переборками: 4–6 столбов по длинным сторонам и по одному столбу по середине коротких сторон.

В середине сооружения был устроен и зажжен *очаг, состоявший из плах*, ориентированных с севера на юг. Погребения по обряду трупосожжения на стороне располагались на восточном и западном *пряслах дерево-земляного вала, по их середине.*

Остается неясным характер центральной ямы к югу от очага. Материалы раскопок позволяют рассматривать два варианта: 1) яма выкопана до устройства описанного погребального сооружения, 2) является синхронной ему. При этом весьма вероятным представляется то, что яма была выкопана до обрушения кровли, поскольку выкидом из нее перекрыт очаг.

Разрушалось сооружение следующим образом. Кровля покосилась и падала *в направлении* на юг и юго-запад. Под тяжестью дерево-земляного вала периметр погребальной площадки просел. Колья внешней опалубки вала привели к откалыванию и сползанию во рвы наружной части погребальной площадки. Сам дерево-земляной вал в результате на*кренился в сторону рвов* и затем обрушился в них. Погребения, находившиеся на валу, упали во рвы. Лишь северо-восточный угол вала рассыпался не *только наружу, но и внутрь* сооружения. Крепления рвов были «выдавлены» *навстречу друг другу*, за исключением южного рва, наружная стенка которого оползала по склону террасы.

По вещам сооружение датируется X–XI вв., на*ходится оно в ареале* Приладожской курганной культуры и, в целом, по типам инвентаря соответствует ей, но при этом оно представляет собой неизвестный ранее тип погребальных памятников.

В заключение стоит обратить внимание на два аспекта. 1) В 80–90-е годы непосредственно в могильниках Приладожской курганной культуры раскопано *несколько погребальных сооружений типа «домиков* мертвых», практически не имевших насыпей, однако по характеру конструкции и погребальному обряду они отличались от рассмотренного нами сооружения. Облик вещевого инвентаря полностью соответствует Приладожской курганной культуре, но при этом, в отличие от «классических» приладожских курганов, в них отсутствуют вещи, связанные со Скандинавией.

2) Сооружение Гонгиничи-3 – первое обнаруженное не в могильнике Приладожской курганной культуры. Ближайший приладожский курган находится в 60 м от него на *другой надпойменной террасе* р.Ояти. На наш взгляд, исследованное сооружение типологически является переходным звеном от «домиков мертвых», представлявших собой столбовые или срубные конструкции, к «классическим» *приладожским насыпям, поскольку имело земляные* стены-валы, укрепленные деревянными конструкциями. При этом необходимо подчеркнуть, что все *известные теперь типы погребальных конструкций* Приладожской курганной культуры синхронны *(X–XI вв.) и их типологический ряд не может быть* интерпретирован как хронологическая последовательность.

NEW TYPE OF FUNERARY STRUCTURES OF THE LADOGA BARROW CULTURE

E. M. KOLPAKOV, V. A. NAZARENKO

In 1994 we excavated the funerary structure of Gonginichi-3 in the Lodeinoye-Pole Region of the Leningrad Oblast. *In antiquity*, this structure was made of wood and earth. Before the excavation, *it looked like a* small, nearly square hill oriented on the cardinal points *with its sides. It was up to* 0.7 m high, with a flattened top measuring 5 x 5 m, and it was measuring 9 x 9 m in the foundation. In its central part was a square pit 2 x 2 m, up to 0.6 m deep, off-centre to *the south-south-east* and oriented on the four cardinal points *with its angles. Alongside the* western and northern sides of the mound, short and shallow *ditches* were discovered. On the south from the barrow there is the edge of a terrace, on the east – a forest road.

The structure measuring 12 x 12 m was excavated to *its full extent by continuous* horizontal clearings and clearing of layers the central stratigraphical baulks being preserved.

A reconstruction of this funerary structure may be proposed as follows. By cutting the turf topsoil a rectangular area about 6.5 x 6.5 m, aligned on the cardinal points, *had* been cleared out. On that ancient ground surface, a timber-and-earth roof was constructed on supporting posts. The roof was of rectangular plan measuring about 7 x 7 m, oriented on the cardinal points. The main supporting construction comprised two bonds of three posts each, set in the centre of the building along the east–west axis at a distance of 4 m from each other. Under each corner of the roof also a post was set. In addition, the roof rested on two rows of posts, probably of four and six *in a* row, ranged in the form of squares with *sides* of about 4 and 5 m. These were probably composed of pairs of poles set together so that they required no digging into the bedrock. The edges of the roof possibly were supported by posts which at the same time were reinforcing the inner walls of the ditches. To let the smoke

out, a square hole about 18 x 18 cm, oriented on the cardinal points by its angles, was made in the centre of the roof.

Under the roof, along its sides, a shuttering was constructed with its outer walls composed of 12 stakes at a distance of about 0.3 m between them. Inside, this shuttering had a number of bulkheads made from poles. The inner wall of the shuttering was probably fastened to the poles which supported the roof. The shuttering was 0.6–0.8 m wide. No traces of the joints of the shuttering having been reinforced in the corners have been discovered during the excavation. Alongside the outer pole-wall of the shuttering, at a distance of 0.3 m from the latter, were dug small rectangular ditches, the soil from which was used as the filling of the shuttering. The height of thus constructed timber-and-earth bank was 0.7–1 m. The northern flight of the bank possibly was thicker. On the south, the bank had an entrance-way about 0.5 m wide, reinforced with two posts. The ditches were 4.5–5 m long, about 2 m wide and 0.6–0.7 m deep. Their walls were reinforced by posts with bulkheads: 4–6 posts along each of the longer sides, and one post in the middle of each short side.

In the centre of the building was made and kindled a fire-place which consisted of wood-blocks aligned from north to south. The dead were cremated elsewhere and buried in the middle of the eastern and western flights of the timber-and-earth bank.

Conclusion.

On the basis of the finds, the structure is dated to the 9th–10th century. It is situated within the area of the Ladoga barrow culture, and generally corresponds to it in terms of its inventory, but at the same time, it represents a previously unrecorded type of funerary sites.

In 1980s–1990s, a number of funerary structures of the «mortuary house» type, practically devoid of mounds and constructed according to some peculiar funerary rite were excavated in the burial grounds of the Ladoga barrow culture proper. In terms of their grave goods they correspond completely to the Ladoga barrow culture, but at the same time, in contrast to the «classical» Ladoga barrows they contained no objects related to Scandinavia. The structure of Gonginichi-3 is the first one discovered outside the limits of any burial ground of the Ladoga barrow culture. Typologically it is a transitional link from the «mortuary houses» presenting post-constructed or timbered structures toward the «classical» Ladoga mounds, because it had earthen walls-banks reinforced with wooden constructions. Here it should be stressed however, that all of the presently known types of funerary structures of the Ladoga barrow culture are synchronous (10th–11th centuries), so that their typological series cannot be interpreted as a chronological one.

УНИКАЛЬНАЯ ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ[1]

А. В. ПЛОХОВ[2]

Памяти Ани Мачинской посвящается

Культурный слой Староладожского поселения таит в себе немало информации важной для понимания истории древнерусской государственности. Каждый год, благодаря археологическим раскопкам Старой Ладоги пополняются коллекции вещевых находок, ученые получают уникальные данные по различным аспектам материальной и духовной культуры древних обитателей Нижнего Поволховья.

У материалов, полученных в ходе исследований, ведущихся уже почти столетие, была разная судьба. Не все они сохранились до сегодняшнего дня, а имеющиеся сейчас в наличии находки не в одинаковой степени введены в научный оборот. Лучше всего оказались изучены коллекции вещей из раскопок Староладожского Земляного городища, которые проводились В. И. Равдоникасом в течение 11 сезонов с 1938 по 1959 гг. Находки этих лет стали объектом изучения для целого ряда ученых. Особенно тщательно и всесторонне их исследовала О. И. Давидан. Её перу принадлежат многочисленные статьи по различным аспектам культуры Старой Ладоги. Однако, как оказалось, даже в этих наиболее изученных коллекциях возможны новые неожиданные открытия[3].

Во время работы с керамическими материалами Старой Ладоги, находящимися в Государственном Эрмитаже, мною было встречено несколько коробочек с вещами. В одной из них находилось три небольших обломка от двух глиняных литейных форм[4].

Наибольший интерес представляют два фрагмента. Они стыкуются и составляют большую часть формы со значительно сохранившейся частью изображения (рис. 1). Первоначально форма представляла, видимо, подпрямоугольную плитку. Наибольшие размеры остатков формы – 30 х 16 х 9 мм. Глубина негатива не более 1 мм. Следов литника нет, так как, по-видимому, он находился в той части формы, которая до нас не дошла. Конструкция изделия предполагает вторую створку. Форма выполнена из глины без визуально видимой искусственной примеси. Она слабо обожжена. Внешняя поверхность изделия – светло-серого цвета. Форма предназначалась для отливки женских фигурок, показанных в профиль. На женщине длинные до лодыжек одежды. На шее ясно видно какое-то украшение, скорее всего, ожерелье. Прижатая к груди рука женщины касается его, что, видимо, подчеркивает смысловую значимость именно этой детали для передачи образа. Найденная форма могла служить как для отливки изделий из различных металлов, так и для изготовления моделей из воска.

Обломки глиняных форм были найдены при раскопках Земляного городища Старой Ладоги в 1940 году. В дневниковых записях отмечено, что они были встречены при исследовании культурного слоя над настилом в квадратах $Г_{9-11}$, $Д_{10-11}$ на глубине 0,75–0,98 м от репера (рис. 2) (Равдоникас 1940: 34, 35)[5]. В. И. Равдоникас относил раскрытый настил и примыкавшие к нему постройки к горизонту Д культурных напластований Земляного городища, который датировал, в основном, X веком (Равдоникас 1949: 24, 25, 40, 41; рис. 5; 6). Из культурного слоя над настилом происходят в основном фрагменты лепной посуды[6]. Поскольку считается, что к середине X в. в керамическом комплексе Старой Ладоги доминировали горшки, сделанные на гончарном круге (Рябинин 1985: 37), обломки формы, видимо, следует датировать более ранним временем.

Следы ювелирного и косторезного ремесленного производства встречались при исследовании большинства комплексов жилых построек горизонта Д, раскопанных В. И. Равдоникасом в 1938–1940 гг. (Равдоникас 1949: 34, 42, 45; рис. 33: 3–5; 34: 5, 10, 11). В постройках и около них находили железные шлаки, обломки литейных форм, льячек, тиглей, бруски и слитки цветного металла, остатки производства изделий из кости и рога. Бесспорных мастерских зафиксировано не было, хотя одну из построек, с которой были связаны особенно многочисленные следы обработки металлов, в ходе полевых работ называли «кузницей» (Равдоникас 1949: 34).

Бронзолитейному делу в Старой Ладоге посвятила специальное исследование О. И. Давидан (Давидан 1980). По ее наблюдениям наибольшее количество форм было найдено при изучении горизонта Д Земляного городища. В раскопах В. И. Равдоникаса в этом слое

---

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 01-01-00380а).

[2] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

[3] Благодарю за возможность работы с материалами хранителя староладожских древностей в Государственном Эрмитаже Б. С. Коротковича, а также выражаю искреннюю признательность всем, кто помогал мне при написании этой работы.

[4] Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург: Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Опись хранения 17 №1543.

[5] Кроме обломков форм здесь были обнаружены: две бронзовых подвески, 50 железных предметов, 55 бусин, два фрагмента костяного гребня, одна костяная проколка, костяной предмет в виде трубочки, два роговых спила, фрагмент оселка, 40 фрагментов керамики и 170 кусков шлака (Равдоникас 1940: 35).

[6] В описи находок к этому комплексу отнесено 45 обломков посуды. Из них всего один фрагмент имеет волнистый орнамент, остальные не орнаментированы (Опись 1940: 26). Сейчас в фондах хранится 24 обломка только лепных горшков.

© А. В. Плохов, 2004

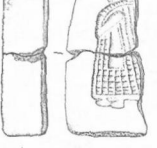


Рис. 1. Глиняная форма из Земляного городища Старой Ладоги.

Fig. 1. The clay mould from Zemlyanoe Gorodishche in Staraya Ladoga.

обнаружено 22 формы. О. И. Давидан смогла ознакомиться только с девятью из них, потому что остальные были утрачены во время Великой Отечественной войны (Давидан 1980: 59). Среди материалов из раскопок Н. И. Репникова есть пять форм, которые также происходят из отложений X в. (Давидан 1980: 61). По подсчетам О. И. Давидан, из 79 обломков тиглей и льячек 47 экземпляров происходят из горизонта Д (Давидан 1980: 61). С бронзолитейным производством связаны встреченные при раскопках семь медных слитков. Три из них найдены в слоях горизонта Д поселения (Давидан 1980: 61, 65). В этих отложениях встречены: медная матрица, а также незаконченное и бракованное изделия (Давидан 1980: 63, 65; табл. 2: 8, 9; 3: 5).

Работа О. И. Давидан по картографированию находок, связанных с различными производствами, и анализ вещевого комплекса из горизонта Д показали, что в северо-восточной части исследованной площади Земляного городища располагалось несколько построек, в которых жили и работали ремесленники-универсалы (рис. 3). Они занимались изготовлением разнообразных предметов из кости, рога, янтаря, а также обработкой железа и ювелирным делом (Давидан 1977). О. И. Давидан предположила, что обнаруженные на данном участке жилища составляли особый ремесленный квартал, где изготавливались различные украшения и предметы туалета (Давидан 1977: 104).

Таким образом, археологические работы показали, что с отложениями X в. связаны наиболее разнообразные и многочисленные следы ювелирного производства, встреченные при исследовании Старой Ладоги (Давидан 1980: 65).

В древностях Северной и Восточной Европы раннего средневековья нам известно одиннадцать литых рельефных женских фигурок в разной степени похожих на те, которые могли изготавливаться в найденной в Старой Ладоге форме (рис. 4):

1. Старая Упсала (Gamla Uppsala), провинция Уппланд (Uppland), Швеция (рис. 5: 3) (Nordahl 1984; 2001: 46–61; fig. 44)[7]. Бронзовая фигурка высотой 2,8 см происходит из женского захоронения в ладье. На оборотной стороне миниатюра имеет ушко. По фибулам и другим находкам могила датируется IX в.

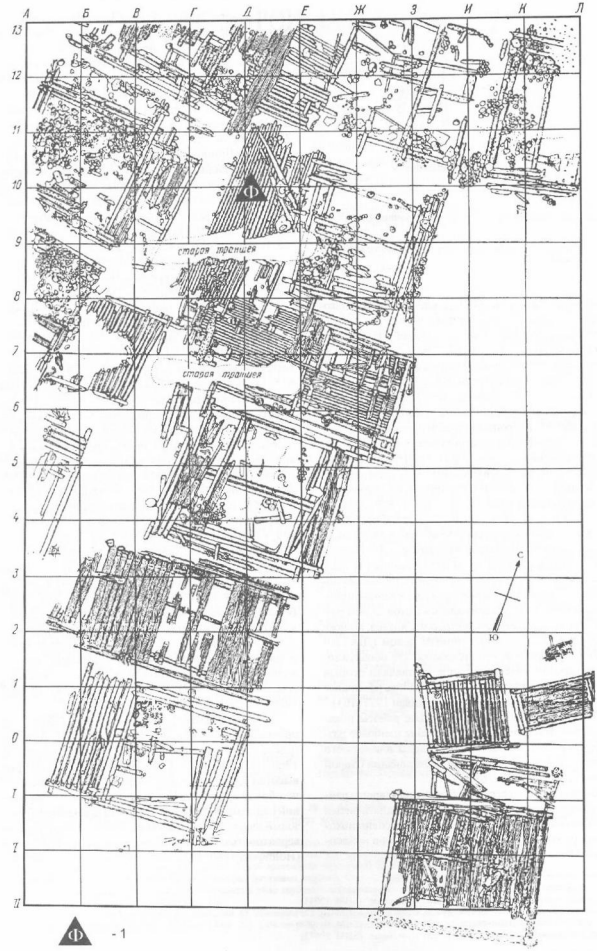
2. Туна (Tuna), приход Алсике (Alsike), провинция Уппланд (Uppland), Швеция (рис. 5: 1) (Arne 1934: 26–28, 56, 70, 71; Taf. VII: 11; Holmqvist 1960: 113; fig. 23)[8]. Миниатюрное изображение высотой 3,4 см относится, видимо, к инвентарю разрушенного женского погребения. Это серебряная фигурка со следами золочения на внешней поверхности. Накидка оформлена белым металлом (олово). На платье имеются две гравированные орнаментальные полосы. В верхней части несколько вогнутой оборотной стороны фигурки, есть ушко для подвешивания. Подвеска может быть датирована концом VIII – первой четвертью IX века (Arne 1934: 56, 70, 71).

3. Бирка (Birka), приход Адельсё (Adelsö), провинция Уппланд (Uppland), Швеция (рис. 5: 8) (Arbman 1940: taf. 92: 10; Arbman 1943: 298–300; Abb. 248; Arwidsson 1989: 58, 59; Abb. 9: 1)[9]. Серебряная подвеска в виде женской фигурки, найдена в погребении 825, где в камере по обряду трупоположения была захоронена женщина. Высота изделия 2,7 см. Поверхность миниатюры декорирована с помощью гравировки. На оборотной стороне фигурки на уровне головы есть ушко. Считается, что подвеска была прикреплена с обратной стороны маленького серебряного прямоугольного реликвария (Arbman 1943: 299; Abb. 248; Gräslund 1984: 114,115). Овальные фибулы и серебряные подвески дают основание датировать захоронение концом IX–X в. (Jansson 1985: 34–37, 129, 174, 175, 181, 182; Duczko 1989: 14).

4. Бирка (Birka), приход Адельсё (Adelsö), провинция Уппланд (Uppland), Швеция (рис. 5: 9) (Arbman 1940: taf. 92: 8; Arbman 1943: 394–396. Abb. 346: 9; Holmqvist 1960: 113. Fig. 21; Arwidsson 1989: 58)[10]. В камерном женском погребении 968 была обнаружена серебряная подвеска в виде женщины. Её высота 2,5 см, а толщина 0,2 мм. На оборотной стороне головы фигурки есть ушко. По сопровождающему инвентарю это захоронение может быть датировано X веком (Jansson 1985: 128, 174, 175, 181, 182; Duczko 1989: 14; Callmer 1989: 29).

5. Сиббле (Sibble), приход Грёдинге (Grödinge), провинция Сёдерманланд (Södermanland), Швеция (рис. 5: 2) (Archeological 1935: 271, 272; Holmqvist 1960: 113; fig. 24)[11]. Серебряная женская фигурка высотой 3,4 см найдена в погребении, совершенном по обряду кремации. Кроме миниатюры в захоронении найдены ледоходный шип, десять заклёпок, бронзовый ключ. Эти предметы позволяют с наибольшей вероятностью отнести подвеску к VIII или IX веку (Holmqvist 1960: 113).

[7] Музей Упсальского университета, (Museum Gustavinum).
[8] Государственный исторический музей. Стокгольм. (SHM 10035).
[9] Государственный исторический музей. Стокгольм. (SHM Bj 825).
[10] Государственный исторический музей. Стокгольм. (SHM Bj 968).
[11] Государственный исторический музей. Стокгольм. (SHM 20672).


А Б В Г Д Е Ж З И К Л
13 12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1 0 I II
Ф
старая траншея
старая траншея
С
Ю
Ф - 1

6. Юртхаммар (Hjorthammar), приход Фрёчерла (Frökärla), провинция Блекинге (Blekinge), Швеция (рис. 5: 5) (Holmqvist 1960: 113, 114, fig. 25; Zeiten 1997: 55)[12]. *В разрушенном кургане, в женском захоронении (погребение 115), совершенном по обряду кремации, найдены две трети фигурки из бронзы (голова отсутствует).* Кроме миниатюры в могиле встречены две круглых подвески с ажурным зооморфным орнаментом, обломок бронзового ключа, бронзовая спиральная бусина, бронзовая спираль*ка, около шестидесяти стеклянных бус и два гвоздя. По мнению* В. Холмквиста, захоронение может *быть отнесено* к IX веку (Holmqvist 1960: 114).

7. Клинта (Klinta), приход Чёпинг (Köping), о. Эланд (Öland), Швеция (рис. 5: 4) (Holmqvist 1960: 113, fig. 22; From Viking 1992: 277, *№ 186; Grahame*-Campbell 1980: 154, № 518; Stenberger 1958: abb. 41)[13]. В кладе серебра среди предметов есть *миниатюра* в виде женской фигурки. Ее высота 2,7 см. На оборотной стороне фигурки на уровне головы имеется ушко для подвешивания. Клад содержит и другие подвески, которые могли составлять единое ожерелье. Сопровождающие предметы позволяют отнести находку к середине XI в. или позже (Stenberger 1958: 166).

8. Неизвестное место на о. Эланд (Öland), Швеция (рис. 5: 6) (Graham-Campbell 1980: 154, № 517)[14]. Маленькая бронзовая подвеска высотой 3 см. На обратной стороне на уровне головы есть пара ушек.

9. Нюгорд (Nygård), *приход Клеменскер* (Klemensker), о. Борнхольм (Bornholm), Дания (*рис.* 5: 7) *(Zeiten 1997: 10, 55, fig. 9)*[15]. *Подвеска* в форме женской фигурки. Она сделана из бронзы с позолотой. *Высота миниатюры* 3 см. *На обратной* стороне головы – два ушка для подвешивания, одно из которых сломано. *Подвеска найдена* во время разведки на месте поселения эпохи викингов – раннего средневековья.

10. Тиссё (Tissø), о. Зеландия (Zealland), Дания (рис. 5: 8) (Vikings 2000: 84, 85, 419, fig. 4.19; Jørgensen 1999: 62)[16]. Фигурка высотой 4 см выполнена из позолоченного серебра с чернением. Подвеска встречена на поселении и датирована X в.

11. Д. Городище, ныне находящееся в черте г. Новгорода, Россия (рис. 5: 11) (Носов 1990: 126, рис. 44: 2; Nosov 2001: 65, Abb. 46: 1; From Viking 1992: 302, № 281)[17]. Серебряная фигурка высотой 2,7 см происходит из культурного слоя поселения. На обратной стороне – *ушко для подвешивания.*

До последнего времени единственным местом, где были встречены следы *изготовления женских* фигурок, была Бирка. В первой половине 1990-х гг. *во время изучения культурного слоя этого поселения* – «Черной земли» – были найдены тысячи фрагментов глиняных литейных форм. *В популярных публикациях*, посвященных исследованиям Бирки, сообщается, что среди них выявлены обломки двух разъемных форм для отливки женских фигурок (Ambrosiani, Erikson 1994: 25, 26; Ambrosiani, Erikson 1996: 26, 27). От первой формы найдены обе створки (рис. 6: 1). У *них подовальная в плане* форма. К верхней части изображения подходит литник. Изделие предназначалась для производства фигурок, которые близки подвеске, встреченной в погребении 825 из могильника Бирки. Вторая форма представляла собой подпрямоугольную в плане плитку (рис. 6: 2). Она служила для изготовления сразу двух фигурок. К верхним частям негативов подведены литейные каналы. По своему виду отливки, получавшиеся в этой форме, очень близки находке из Сибблие, что уже отмечалось автором раскопок (Ambrosiani, Erikson 1996: 26). Б. Амбросиани связывает обе находки с мастерской, функционировавшей в начале IX в. (Ambrosiani, Erikson 1994: 25; Ambrosiani, Erikson 1996: 27). Изучение форм из раскопок культурного слоя Бирки еще не закончено, и мы можем ожидать новых интересных открытий.

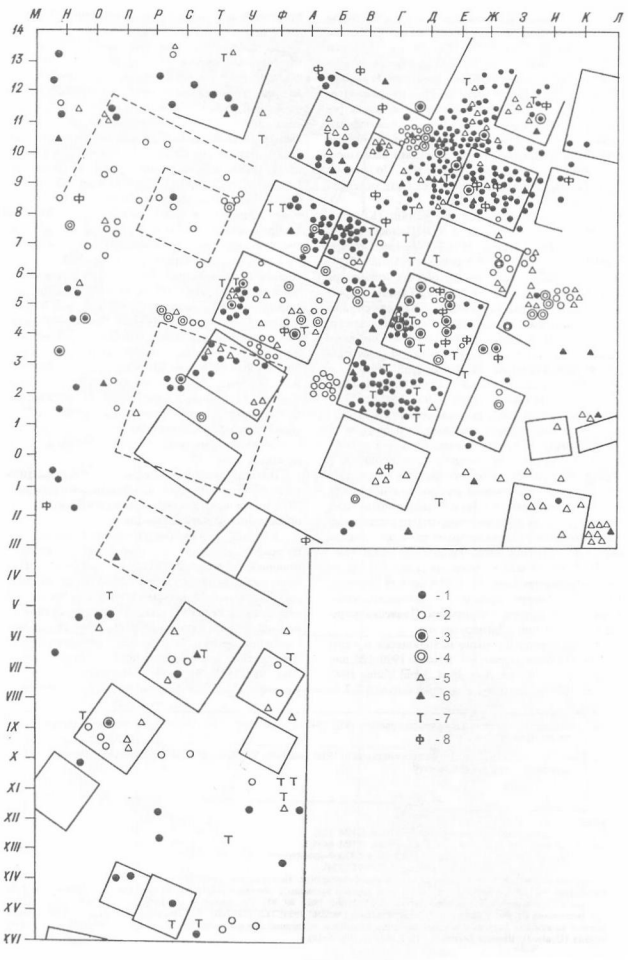
Все описанные миниатюры являются рельефными изображениями женщин, показанных в профиль. По композиционному построению *эти фигурки* можно разделить на четыре группы.

К первой *хронологически наиболее ранней группе* относятся находки из Туны и Сибблие. Главной отличительной чертой *этих подвесок является* отсутствие изображения рук, очевидно, скрытых одеждой. *Головы фигурок зооморфны и показаны без особой* детализации. Рельефно выделен лишь глаз в середине *лица*. Волосы женщин собраны узлом на затылке. Среди предметов одежды Ф. Бау отмечает на фигурках передник, платье с бретелями, шлейф и накидку (Bau 1982: 15, 16, 31, *fig.* 3; 4). Накидки закреплялась у шеи фибулами[18]. У фигурки из Туны показано оже-

Рис. 2. План построек горизонта Д на участке раскопа 1938–1940 гг. (по В. И. Равдоникасу) с местом находки глиняной формы: 1 – место находки.

Fig. 2. Plan of buildings of horizon Д at the excavation area of 1938–1940 (after V. I. Ravdonikas) with the spot where the clay mould was discovered: 1 – the place of discovery.

[12] Музей Блекинге. Карлскрона.
[13] *Государственный исторический музей.* Стокгольм (SHM 128).
[14] Государственный исторический музей. Стокгольм (SHM 6485).
[15] Датский Национальный музей. Копенгаген (NM I C32009 (BMR)).
[16] Датский Национальный музей. Копенгаген (FB209/FG2234).
[17] Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Новгород (кп 38668-219).
[18] На фигурке из Уппланда имеется застежка в виде круглой пуговицы с отчетливо выраженными рамками. Б. Аррениус полагает, что так передана фибула с гранатовой вставкой (Arrhenius 1962: 80, 81). Как равноплечная фибула трактуется раздельная на три части лента на шее у подвески из Сёдермандланда (Nordahl 1984: 112, 113; 2001: 53). Подобные изображения фибул можно *увидеть на женских* фигурах с золотых тисненых пластинок, найденных при раскопках на Хельгё (Helgö) приход Экерё (Ekerö), Уппланд (Uppland), Швеция (Arrhenius 1962: 82, 83, fig. 6–10).


М Н О П Р С Т У Ф А Б В Г Д Е Ж З И К Л
14 13 12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1 0 I II III IV V VI VII VIII IX X XI XII XIII XIV XV XVI
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

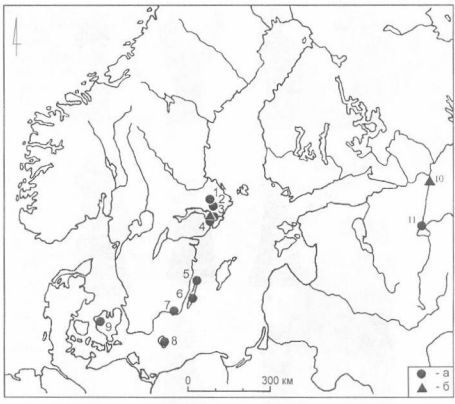


Рис. 4. Распространение подвесок в виде женских фигурок. а – места находок подвесок. б – места, где были найдены литейные формы для отливки фигурок. 1 – Старая Упсала; 2 – Туна; 3 – Бирка; 4 – Сиббле; 5 – Клинта; 6 – о. Эланд; 7 – Юртхаммар; 8 – Нюгорд; 9 – Тиссё; 10 – Старая Ладога; 11 – Рюриково городище.

Fig. 4. Distribution of pendants in the form of female figurines. a – sites of discovery of pendants. б – sites where moulds for casting figurines have been found. 1 – Gamla Uppsala; 2 –Tuna; 3 – Birka; 4 – Sibble; 5 – Klinta; 6 – Island of Öland; 7 – Hjorthammar; 8 – Nygård; 9 – Tissø; 10 – Staraya Ladoga; 11 – Ryurik Gorodishche.

релье. Нельзя исключать, что ленты, имеющиеся на груди женской фигурки из Сиббле, являются передачей того же украшения.

Вторую группу составляют изделия в виде женщин, держащих в руке кубок или питьевой рог. Это находки из Старой Упсалы, Юртхаммара, Нюгорда и о. Эланд. Данная группа наиболее разнообразна по приемам моделировки элементов фигуры, одежды и прически, а также по использованному для подвесок металлу и качеству изготовления. Наиболее изящна и детально проработана фигурка, найденная в Клинте. На реалистично переданной голове показана необычная для скандинавских изображений прическа. Среди одежд женщины Ф. Бау различает платье на лямках, шлейф, кафтан, нижнюю рубаху и, возможно, передник (Bau 1982: 14–16, fig. 3). В отличие от подвески из Клинты, вторая фигурка с Эланда является наименее реалистичным женским изображением. Ее одежда передана несколькими ромбами, разделенными поперечными линиями, которые окружены каймой, состоящей из ряда кружков. На голове показан, как и у фигурок первой группы, рельефный глаз. Волосы, завязанные узлом на макушке, спадают на шею. Миниатюра с Борисольма очень близка предыдущей фигурке, но её наряд передан не так схематично. На женщине можно увидеть шаль длиной до пят, из под которого выдается край платья (Zeiten 1997: 55). Находка из Старой Упсалы по многим деталям схожа с фигуркой из Сиббле. Принципиальным её отличием является изображение руки с большим питьевым рогом. Судя по качеству проработки деталей фигурки, данная подвеска была, видимо, неудачной отливкой. Подвеска из Юртхаммара показывает женщину в длинной до лодыжек нижней одежде, развевающейся сзади. На плечи женщины накинута короткая крылообразная накидка. Эта миниатюра имеет определенные параллели с изображением на серебряной копоушке из Бирки (рис. 7) (Arbman

Рис. 3. Места находок в слое горизонта Д Староладожского городища, связанных с различными производствами (по О. И. Давидан): 1–2 – заготовки из рога; 3–4 – заготовки гребней; 5 – кусочки янтаря; 6 – изделия из янтаря; 7 – тигли, льячки; 8 – литейные формы.

Fig. 3. Places where objects related with various manufactures were found in horizon D of the town-site of Staraya Ladoga (after O. I. Davidan): 1–2 – billets of horn; 3–4 – half-finished combs; 5 – pieces of amber; 6 – amber objects; 7 – crucibles, moulds; 8 – casting moulds.

Рис. 5. Подвески в виде женских фигурок: 1 – Туна; 2 – Сиббле; 3 – Старая Упсала; 4 – Клинта; 5 – Юртхаммар; 6 – о. Эланд; 7 – Нюгорд; 8 – Тиссё; 9 – Бирка, погребение 825; 10 – Бирка, погребение 968; 11 – Рюриково городище; 12 – позитив изображения со Староладожской формы.

Fig. 5. Pendants in the form of female figurines: 1 – Tuna; 2 – Sibble; 3 – Gamla Uppsala; 4 – Klinta; 5 – Hjorthammar; 6 – i. Öland; 7 – Nygård; 8 – Tissø; 9 – Birka, grave 825; 10 – Birka, grave 968; 11 – Ryurik Gorodishche; 12 – positive imprint of the mould from Staraya Ladoga.

1940: taf. 173: 1; Arbman 1943: 147–149; Holmqvist 1960: fig. 19; Graham-Campbell 1980: 50, № 176; Gräslund 1984a: 177)[19].

Фигурки из погребений Бирки и культурного слоя Рюрикова городища составляют третью группу, которая состоит из очень близких изображений, различающихся только мелкими деталями трактовки одежды и прически. На всех миниатюрах мы видим женщин, одетых в широкие длинные одежды, доходящие до лодыжек. Исследователи различают среди их одеяний передник, платье на лямках и шлейф (Holmqvist 1960: 112, fig. 20; Bau 1982: 15, 16, 31, fig. 3). Лица фигурок не проработаны[20]. Волосы убраны в закрепленный петлей узел. На шее изображены ленты, которые женщины придерживают согнутыми в локтях руками.

Подвеска из Тиссё образует четвертую группу. В отличие от других миниатюр у этой фигурки показаны обе руки. Они изображены в характерной для стиля Борре манере. На женщине – какая-то верхняя одежда и длинное платье. Руки сжимают концы платка, наброшенного на плечи. Волосы, как и у большинства других фигурок, завязаны в узел.

Изучение имеющихся в нашем распоряжении материалов показало, что наиболее близкими аналогиями фигуркам, отливавшимся в староладожской форме, являются подвески третьей группы, особенно миниатюры, найденные в погребении 968 Бирки и в культурном слое Рюрикова городища (рис. 5: 9–11). Круг аналогий в очередной раз подтверждает тесные связи населения региона озера Мелларен и Поволховья в эпоху викингов.

Все перечисленные выше фигурки, видимо, были привесками, поскольку на обратной стороне каждой из них были ушки. Возможно, как считают отдельные исследователи, некоторые миниатюры нашивались на одежду (Zeiten 1997: 10, 55). Важной проблемой является определение функционального назначения

[19] На одной стороне ручки копоушки изображена женская фигурка, одетая в длинное до лодыжек платье и короткий плащ в виде крыла. В руке она держит питьевой рог. Копоушка найдена в женском камерном погребении 507 Бирки. На основании фибул погребение датируется X веком (Holmqvist 1960: 112; Jansson 1985: 174, 175, 181, 182).

[20] Исследователи пишут о сильной потертости подвесок из Бирки (Blindheim 1960: 82; Arwidsson 1989: 58; Ambrosiani, Erikson 1996: 27), но, возможно, это просто следствие качества отливки.

женских фигурок. Для ее решения определяющими моментами служат как внешний вид миниатюр, так и их положение в погребениях. Практически все найденные фигурки, судя по характеру сопутствующего инвентаря, происходят из женских захоронений. В погребениях Бирки и Старой Упсалы они были найдены в районе грудной клетки или шеи. В Бирке у захороненных был встречен целый ряд вещей, считающихся культовыми предметами. Показательно в этом плане погребение 968 (рис. 8). Здесь в состав одного ожерелья входили: женская фигурка, щитообразная привеска, подвеска в форме миниатюрного стула и крест (Arbman 1943: abb. 346; Callmer 1989: abb. 3: 37). Н. Прайс считает, что часть находок этого погребения составляет символическое снаряжение колдуний и им подобных (Price 2002: 167).

Расположение миниатюр в погребениях, а также их малочисленность позволяют предполагать, что они были скорее не украшениями, а имели символическое, магическое значение и являлись амулетами. Обнаружение подобных предметов в кладе и на поселениях свидетельствует, что они использовались не только в погребальных обрядах, но и носились в повседневной жизни.

К группе миниатюрных женских фигурок, которую мы здесь рассматриваем, неоднократно обращались исследователи. Традиционно российские и зарубежные ученые трактуют эти фигурки, особенно подвески с питьевым рогом или кубком в руках, как изображение валькирий (Davidson 1967: 130, Pl. 63; From Viking. 1982: 190, № 186, 281; Ambrosiani, Erikson 1994: 26; Gräslund 1984: 117; Graham-Campbell 2001: 183; Price 2002: 336, 337; Vikings 2000: 57; Zeiten 1997: 10; Носов 1990: 126, 159; Мифы 1997: 211; Янссон 1999: 25, 26; Петрухин 1999: 44; Пушкина 2001: 315)[21].

В древнем скандинавском эпосе валькирии – воинственные девы, спутницы Одина, который посылал их во все сражения (Ст. Э. 1963: 12, 68, 69, 74, 78, 82, 88, 173, 174; Мл. Э. 1994: 56, 107)[22]. Валькирии определяли судьбу того, кто вступил в битву; избирали, кому суждено в ней пасть; помогали героям в борьбе с врагами и стихией. Само слово «валькирия» (valkyria) переводится с древнеисландского как «избирающая убитых». Валькирии встречали погибших в сражениях героев («эйнхериев») в загробном мире, прислуживали им в Вальхалле, подносили питьё, присматривали за посудой и чашами (Мл. Э. 1994: 55, 56; Ст. Э. 1963: 39; Стеблин-Каменский 1976: 68). Вместе с нориами «девы Одина» составляли категорию низших женских божеств (Мифы 1997/1: 211).

Трактовка учеными женских фигур как изображений валькирий основана на изучении разнообразного

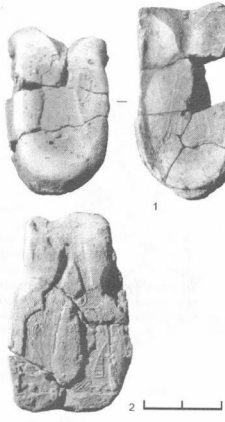


Рис. 6. Формы для отливки подвесок в виде женских фигур из Бирки.

Fig. 6. Moulds for casting female figures from Birka.

Рис. 7. Копоушка из погребения 507 Бирки.

Fig. 7. Ear-spoon from grave 507 in Birka.

[21] Кроме литых подвесок имеются изображения женских фигурок, выполненные в другой технике, которые исследователи интерпретируют как валькирий. Так, при раскопках поселения Уппокра (Uppåkra) Сконе (Skåne), Швеция были встречены миниатюрные тисненые фигурки из золотой фольги, в том числе, изображающие женщин, держащих кубки. Автор раскопок определяет их как валькирий, принимающих павших воинов в Вальхалле. Здесь же была найдена матрица для изготовления женских фигурок этого вида (Larsson 2002: 5, 6, fig. 6). При исследованиях культурного слоя гнёздовского Центрального городища (Смоленская обл., Россия) была найдена подвеска, вырезанная из тонкого листового серебра. Т. А. Пушкина видит в форме подвески «силуэт стоящей в профиль женщины» и считает, что фигурка изображает валькирию (Пушкина 2001: 313, 315, рис. 1). Видимо, о находке на городище в 1987 году этого миниатюрного амулета, но только при разборке ямы 83, упоминается в статье Н. В. Енисеевой (Енисеева 1999: 74).

[22] Подробный анализ упоминаний валькирий в древних скандинавских источниках см.: Price 2002: 331–346.

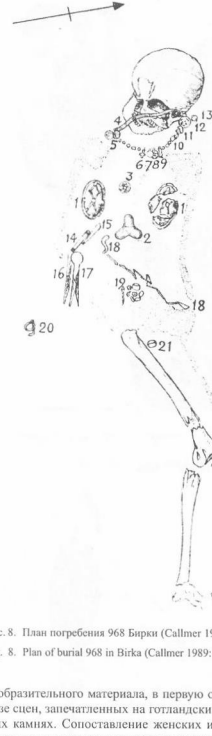


Рис. 8. План погребения 968 Бирки (Callmer 1989: abb.3:37).

Fig. 8. Plan of burial 968 in Birka (Callmer 1989: abb. 3: 37).

изобразительного материала, в первую очередь, анализе сцен, запечатленных на готландских поминальных камнях. Сопоставление женских изображений на камнях с сюжетами из северогерманской мифологии, привело к интерпретации фигур с питьевыми рогами как «дев Одина», поскольку именно эти воинственные существа приветствовали в Вальхалле погибших героев кубками с медом (Lindqvist 1941: 96). Образы на камнях послужили, в свою очередь, основой для смысловой интерпретации подвесок в виде женских фигурок как валькирий (Price 2002: 336).

На многих готландских камнях VII–IX вв. мы можем видеть разнообразные женские изображения. Некоторые из них по моделировке элементов фигуры, деталям в изображении одежды и прически близки металлическим подвескам (Lindqvist 1941: fig. 85; 97; 128; 134; 135; 137; 139; 141). Часть женщин держит в руках питьевой рог или другие предметы. В качестве примера приведем камень из Ченгвиде (Tjängvide) прихода Алскуг (Alskog), датируемый VIII или IX веком (рис. 9) (Davidson 1967: 124, 125; Lindqvist 1942: 15–17; Nylén 1978: 68–70, 92; From Viking 1992: 144, 145, № 175; Graham-Campbell 2001: 179; Янссон 1996: 34, 35; Петрухин 2001: 183). В верхней его части находится многофигурная композиция, включающая несколько женских изображений. По мнению исследователей, здесь отражены эпические мотивы. Сцена показывает небесный чертог – Вальхаллу. Центральной фигурой композиции является изображение бородатого мужчины, сидящего на восьминогом коне Одина – Слейпнере. Перед всадником стоит женщина валькирия, которая предлагает ему питьевой рог и еще какой-то предмет[23]. Другая валькирия предлагает рог с напитком мужчине с топором.

Интерпретация миниатюрных фигурок женщин как воинственных «дев Одина» вызывает, однако, определенные сомнения. Непонятным является факт отсутствия этих амулетов в мужских захоронениях, где их наличие было бы понятно в свете роли валькирий в мифах и героических песнях, и присутствие их в женских могилах. Причем, в основном это погребения не рядовых скандинавок, а женщин высокого социального положения, богатых хозяек дома[24], преданных земле по «престижным» обрядам, какими являются захоронения в камере или ладье (Gräslund 1980: 79–81, 86; Nordahl 1984: 114; 2001: 65, 66; Стальсберг 1998: 284, 285). Исследователи, сопоставляющие фигурки с валькириями, обычно не дают объяснения роли этих амулетов в повседневной жизни средневековых женщин и их значении в погребальном ритуале. Исключением является работа датской исследовательницы М. К. Цайтен, посвященная амулетам эпохи викингов в Дании (Zeiten 1997). Ученый пишет, что поскольку «валькирии ассоциируются со смертью – как с путешествием в страну мертвых, так и с жизнью после смерти – маленькие женские фигурки … могли быть амулетами, ведущими женщин, которые их носили, в более привлекательную страну мертвых, чем мрачный Хель. Они могли также быть оберегами, помещающими женщин под сильное покровительство женских существ, как при жизни, так и в смерти» (Zeiten 1997: 10).

Безусловно, образ воинственных дев был популярен среди населения Скандинавии. Несомненна также связь амулетов в виде женских фигурок с представлениями древних скандинавов о загробном мире.

[23] Сцена с изображением всадника и встречающей его женщиной, держащей в руке питьевой рог и/или другие предметы, присутствует на целом ряде камней Готланда (Lindqvist 1941: fig. 83; 85; 112; 116; 128; 134; 141; 182; Nylén 1978: 71–73).

[24] Почти во всех погребениях с женскими фигурками встречены ключи, которые считаются знаком достоинства хозяйки дома (Роэсдаль 2001: 29; Vikings 2000: 84).

Рис. 9. Фрагмент изображения на поминальном камне из Чеквиде, Аскуг, Готланд.

Fig. 9. Fragment of the representation on picture stone from *Tjängvide, Alskog, Gotland.*

Однако, валькирии в скандинавской мифологии являются служанками «бога павших» и его воинов, поэтому предположение о покровительстве этих существ женщинам, высказанное М. К. Цайтен, не представляется нам достаточно правдоподобным.

Кроме валькирий, в скандинавской мифологии имеется множество женских персонажей, большая часть из них только упоминается в источниках, другие же являются значимыми героинями мифов. Кого же могли изображать рассматриваемые амулеты?

Как уже отмечалось, характерная черта третьей группы подвесок – лента на шее фигурки. Староладожская форма с достаточной уверенностью, позволяет трактовать эти ленты как изображения ожерелий. Такое же украшение есть на груди у фигурок из Туны, и, возможно, из Сибблe.

Ожерелье, а именно «ожерелье Брисингов» (древнеисландское Brisingamen), как известно из скандинавской мифологии, являлось главным атрибутом Фрейи (Миф 1997/1: 187). Оно упоминается как в «Старшей» так и «Младшей Эдде» (Ст. Э. 1963: 61,62; Мл. Э. 1994: 53,121). Так, в «Песне о Трюме» «Старшей Эдды», рассказывающей о том, как Тор вернул себе молот, похищенный великаном Трюмом, Брисингамен неоднократно отмечается при описании убора Фрейи.

«Разгневалась Фрейя,
зафырчала так,
что затрещались
асов палаты,
с нес сорвалось
ожерелье Брисингов ...»
(Ст. Э. 1963: 61)

Чтобы обмануть великана, Тор переоделся в одежды богини, которая якобы едет к Трюму в качестве невесты. В песне говорится:

«Тору надели
брачный убор,
украсили грудь
ожерельем Брисингов,
связка ключей
забренчала сзади,
женская скрыла
колени одежда,
камней дорогих
на грудь нацепили,
голову пышным
убором накрыли. »
(Ст. Э. 1963: 62)

Брисингамен похищает у Фрейи Локи. Из-за этого украшения борются Локи и Хеймдалль у камня Сингастейн (Мл. Э. 1994: 111–113; Мифы 1997/1: 187; 1997/2: 68, 587).

Судя по сведениям, сохранившимся в исландских источниках, у Фрейи было много поводов опасаться за свое знаменитое сокровище. Эти данные позволяют объяснить положение рук у фигурок из Бирки и Поволховья. Богиня, очевидно, держит свое ожерелье, боясь его потерять.

Фрейя (древнеисландское Freyia, «госпожа») является наиболее ярким женским персонажем в сохранившихся мифах. Вместе с отцом Ньёрдом и братом Фрейром она принадлежала к ванам – группе богов плодородия в скандинавской мифологии (Мифы 1997/1: 214); 1997/2: 572). Её мужем называется Од, который, возможно, представлял одну из ипостасей Одина (Мл. Э. 1994: 53; Мифы 1997/2: 241). Исследователи считают Фрейю богиней плодородия, любви и деторождения (From Viking 1992: 147; Ст. Э. 1963: 199; Мифы 1997/2: 572; Роздаль 2001: 137). О ней говорят как о предводительнице дис – женских созданий, в ведении которых состоит помощь при родах (Роздаль 2001: 137; Мифы 1997/1: 187, 384). В «Младшей Эдде» говорится о том, что этой богине «очень по душе любовные песни. И хорошо призывать ее на помощь в любви» (Мл. Э. 1994: 45). В эддической поэзии «богиня ванов» наделена необыкновенной сексуальной силой (Ст. Э. 1963: 56, 57, 169; Стеблин-Каменский 1976: 79) и как самая красивая из богинь пользуется неизменным вниманием у великанов (Ст. Э. 1963: 61, 232; Мл. Э. 1994: 62, 63, 114; Мифы 1997/2: 572). Фрейя имела также отношение к колдовству и магии (Стуглусон 1995: 12; Zeiten 1997: 43; Price 2002: 108, 220). «Богиня любви» была среди богов «всех благосклоннее к людским мольбам». Она считалась в Скандинавии славнейшей из богинь (Мл. Э. 1994: 44, 45).

Было бы естественным ожидать материального воплощения культа Фрейи в скандинавских древностях. Частным его проявлением являются, по нашему мнению, женские фигурки с ожерельями, выделенные в первую и третью группы. Ш. Блиндхейм в статье, посвященной янтарному амулету из Каупанга, также пришла к выводу, что на этих миниатюрах может быть запечатлена Фрейя (Blindheim 1960). Норвежская исследовательница сделала его, основываясь, главным образом, на анализе параллелей между подвесками в виде женских фигурок и изображениями на бляшках из золотой фольги[25].

[25] В скандинавских древностях второй половины I тыс. н. э. широко представлены золотые тисненые *бляшки с парными – мужской и женской, фигурами*. Они найдены на поселениях, обычно в основаниях домов. Ученые придерживаются различных мнений о трактовке композиции и назначении этих изделий. В основном, их считают связанными с культом плодородия. Многие исследователи видят на пластинах изображения Фрейра и Герд (Blindheim 1960: 85–87; Holmqvist 1960: 106–108). Однако возможно, что на них представлены только дети Ньёрда.

Рис. 10. Изображение женских фигур с ожерельями: 1 – Аска, 2 – Трёнинге; 3 – Гнёздово; 4 – Солберга.

Fig. 10. Representations of female figures with necklaces: 1 – Aska, 2 – Trøninge; 3 – Gnezdovo; 4 – Solberga.

В нордических материалах имеются и другие изображения женских фигур с ожерельями. Одним из них является фигурка на небольшой (3,8 см) круглой позолоченной серебряной подвеске из кургана у Аски, приход Хагебюхёга (Hagebyhäga), провинция Эстерьётланд (Östergötland), Швеция (рис. 10: 1) (Arne 1932; Holmqvist 1960: 115, fig. 26; Arrhenius 1962; Янссон 1996а). Она найдена в погребении женщины, захороненной по обряду кремации в середине X века. Сама же подвеска датируется временем около 800 г. Изображение женской фигуры, показанной в фас, довольно детализовано. Хорошо различимы предметы, украшающие женщину. У шеи находится большая фибула, а на груди – несколько нитей бус. Рассматривая вопрос о персонификации изображения, ряд исследователей говорят о Фрейе (Arrhenius 2001: 306; Price 2002: 158, 220). Такая трактовка фигуры основана на наличии ожерелья и выдающемся животе, который, как считают ученые, может означать беременность. Последнюю черту полагают свойственной богине плодородия, каковой была «дочь Ньёрда». Б. Аррениус также писала о соответствии изображения на подвеске из Аски наряду «жены Ода», описанному в «Песне о Трюме» (Arrhenius 1962: 92).

Изображением Фрейи, по-видимому, является маленькая (высота 1,95 см) золотая подая фигурка, найденная возле Трёнинге (Trøninge), Хольбек (Holbæk), Дания (рис. 10: 2) (Davidson 1967: 95, 96, 198, Pl. 39; Mackeprang 1935: 243, Abb. 16–18). В пользу такой идентификации кроме ожерелья, украшающего грудь, свидетельствует накидка. Она передана как наряд из перьев. Из скандинавской мифологии известно, что «соколиное оперенье» является одной из принадлежностей «сестры Фрейра» (Ст. Э. 1963: 60; Мл. Э. 1994: 99).

Некоторое сходство с находкой из Дании имеет женская серебряная с позолотой фигурка, обнаруженная в кладе X века из Гнёздова под Смоленском (рис. 10: 3) (Гущин 1936: 57, рис. 15; From Viking 1992: 77, № 304). Изображенный по пояс человек имеет богатые одежды, необычный головной убор и ожерелье на шее. Возможно, что здесь мы также имеем дело с передачей образа Фрейи.

Еще одна женская фигура, украшенная ожерельем, представлена на бронзовой поясной накладке из трупосожжения в Солберге (Solberga), приход Аскебю (Askeby), провинция Эстерьётланд (Östergötland), Швеция (рис. 10: 4) (Holmqvist 1960: 115,116, fig. 27; Stenberger 1977: 402, Abb. 267). Женщина изображена плывущей, держащейся за леску. Выше – мужчина в лодке, ловящий рыбу. Волосы женщины убраны в петлеобразный узел. На ней платье до лодыжек и крылообразная накидка. Кроме ожерелья, Б. Аррениус отмечает у женщины фибулу, аналогичную встреченной на подвеске из Туны (Arrhenius 1962: 82). Захоронение датируется временем около 700 года (Holmqvist 1960: 116; Stenberger 1977: 402).

Таким образом, в скандинавских древностях, кроме миниатюрных женских фигурок, имеется значительное число других предметов, на которых можно предполагать изображение Фрейи.

Не следует, по-видимому, однозначно интерпретировать и фигурки, держащие в руках кубок или питьевой рог как изображение валькирий. Изготовление большей части подвесок этой группы из менее ценного материала – бронзы, вроде бы, говорит о том, что перед нами божество менее значимое, чем на других амулетах. Однако, возможно, что и женские фигурки, держащие в руке кубки или питьевые рога, также являются одним из воплощений Фрейи[26].

В скандинавском обществе раннего средневековья, как и во многих других традиционных культурах, большую социальную и религиозную значимость имели пиры (Гуревич 1972: 206–212). Частью этого действа являлось употребление хмельных напитков. В этих ритуальных церемониях важную роль играли женщины. Они угощали напитками как своих родичей так и появлявшихся в домах гостей[27]. Так, в «Младшей Эдде» описывается появление в Валькалле великана Хрунгнира. Фрейя угощает его и подливает пивом в чашу «словно на пиру у богов» (Мл. Э. 1994: 114). Из древнескандинавских литературных источников известно, что у «владелицы ожерелья Брисингов» кроме любовной роли была и другая – связанная с войной. С Одином Фрейя делила «поровну воинов, в битвах погибших» и решала, где герои сядут в её владениях – Фолькванге («поле войска») (Ст. Э. 1963: 37, 224; Мл. Э. 1994: 44). Вполне возможно, что женщины, держащие в руках сосуды, представляют

[26] М. К. Цайтен полагает, что фигурки с рогом и без рога могли изображать Фрейю, а также были амулетами как смерти так и плодородия (Zeiten 1997: 11).

[27] Снорри Стурлусон в «Младшей Эдде» пишет, что «женщину следует обозначать по … пиву, вину и другим напиткам, которые она подаст либо поднесет …» (Мл. Э. 1994: 124).

собой изображения «владычицы павших», встречающей воинов в своих чертогах.

Присутствие в женских погребениях амулетов, связанных с почитанием Фрейи, в отличие от валькирий, не вызывают удивления. Для мифологического сознания населения Скандинавии раннего средневековья характерна связь заупокойного культа с поклонением богам плодородия (Петрухин 1976: 158, 159). Фрейя являлась символом богатства, помощницей в любви и родах. Её палаты – Сессрумнир («вмещающий много сидений») были единственным доступным местом для посмертного существования достойных женщин, подобно Вальхалле Одина, предназначенной для воинов (Price 2002: 108, 109). Так, в «Саге об Эгиле» Торгед, дочь главного героя, собираясь умереть вместе с отцом, сказала: «Я не ужинала и не буду ужинать, пока не попаду к Фрее» (Сага об Эгиле 1956: 228; Graham-Campbell 2001: 182, 183). Снорри Стурлусон сообщает, что по имени «богини ванов» знатных жен, «всякую владелицу своего имущества и всякую хозяйку, у которой есть свое добро» величали госпожами (Мл. Э. 1994: 45; Стурлусон 1995: 16).

Итак, имеющиеся аналогии не оставляют сомнения, что в найденной в 1940 г. в Старой Ладоге форме отливались женские фигурки, характерные для скандинавских древностей. Они были амулетами и несли определенное магическое значение, понятное носителям культа, но ничего не значившее для иноплеменников. Эти привески, как и некоторые другие категории сакральных предметов, относились к женским оберегам (Новикова 1991: 197; Новикова 1998: 166; Zeiten 1997: 39).

Следы присутствия скандинавов фиксируются с момента возникновения поселения в устье р. Ладожки, то есть с середины VIII века. Предметы скандинавского происхождения, или выполненные в северном стиле, встречены во всех древнейших слоях Старой Ладоги. Число таких находок весьма значительно и по мере изучения памятника продолжает постоянно увеличиваться. На слои X в. приходится их наибольшее количество: фибулы – готландского типа в форме головы зверя, равноплечная, круглая и части овальных; подвески – с рунической надписью, кресаловидные; железная шейная гривна с подвесками в виде «молоточков Тора», кольцевидная булавка, ладьевидный браслет, наконечники ножен мечей с изображением птицы с распростертыми крыльями (Равдоникас 1949: 40, рис. 30: 1, 3, 4; Равдоникас, Лаушкин 1959: 27–29, рис. 5, 7; Davidan 1970: 89; Петренко 1985: 115; Davidan 1992: 15, 16, 27-29, abb. 8: 4, 6, 9–12; 9: 13, 14, 19; Мельникова 2001: 189–200; Михайлов, Носов 2002: 136–138). Такие предметы культа, как гривны с «молоточками Тора», кресаловидные подвески, амулеты с руническими надписями не могли попасть на поселение в качестве объектов торговли. Они свидетельствуют о пребывании на поселении скандинавов, сохранивших свои культурные и религиозные традиции, причем не только мужчин, но и женщин.

Кроме воинов и торговцев, из-за моря в Нижнее Поволховье прибывали и ремесленники (Давидан 1981). О. И. Давидан считала, что в материалах горизонта Д отчетливо видно скандинавское влияние на развитие местного ремесла (Давидан 1982). В X веке в Ладоге производятся вещи «северных типов», которые порой трудно отличить от импортных изделий. В слоях этого времени встречена каменная литейная форма для изготовления массивного ладьевидного браслета (Давидан 1980: 59, 60, табл. 2: 18). К горизонту Д, по мнению О. И. Давидан, относится матрица с антропоморфным изображением. Она полагала, что эта вещь композиционно очень близка деталям на скандинавских украшениях (Давидан 1980: 63, табл. 3: 5). В продукции косторезов и ювелиров выделяется категория «гибридных» изделий. К ним относится находка из оловянисто-свинцового сплава, по-видимому, разделитель бус. Г. Ф. Корзухина, изучив эту вещь, квалифицировала её как неудачную отливку скандинавского украшения, выполненную ладожским ремесленником (Корзухина 1973: 35–37, рис. 8: 1; Давидан 1980: 65, табл. 2: 9).

Таким образом, археологические материалы показывают нам Старую Ладогу X в. как ремесленный центр, где широко изготовлялись предметы скандинавского облика. Поэтому обнаружение здесь формы для отливки так называемых «валькирий» не выглядит изолированным фактом. Эта находка показывает, что поселение в устье Ладожки являлось, наряду с Биркой, пунктом, где изготовлялись скандинавские амулеты в виде женских фигурок. Сходство изображений на подвесках из этих двух памятников в очередной раз показывает, что приходившие в Ладогу варяги были, в основном, выходцами из центральной Швеции. Находка формы – одно из косвенных свидетельств проживания на поселениях Поволховья скандинавок. Существуют серьезные основания для трактовки миниатюр как изображений Фрейи. Обнаруженная форма свидетельствует о почитании «прекрасной в слезах богини» на берегах Волхова.

Гуревич, А. Я. 1972. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство.

Гущин. А. С. 1936. Памятники художественного ремесла Древней Руси X-XIII вв. Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство.

Давидан, О. И. 1977. К вопросу об организации косторезного ремесла в древней Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 18: 101–105. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

1980. Бронзолитейное дело в Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 21: 59–67. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

1981. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–XIII вв. (по материалам Земляного городища) // *Контакты и взаимодействие древних культур. Краткие тезисы* докладов научной конференции отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа: 25, 26. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

1982. Скандинавское влияние на развитие ремесла в Ладоге // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов I: 176–178. *Тарту.*

Еносова, Н. В. 1999. Медная матрица из Гнёздова: *функция и контекст* // Великий Новгород в истории средневековой Европы: 65–75. Москва: Русские словари.

Сага об Эгиле. 1956, Сага об Эгиле // Исландские саги: 61–251. Москва: Художественная литература.

Корзухина, Г. Ф. 1973. Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге // Краткие сообщения Института археологии 35: 35–40. Москва.

Мельникова, Е. А. 2001. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Москва: Издательская фирма «Восточная литература РАН».

Мл. Э. 1994. Младшая Эдда. Москва: Научно-издательский центр «Ладомир».

Мифы 1997. Мифы народов мира. *Энциклопедия*: в 2-х т. Москва: Большая советская энциклопедия.

Михайлов, К. А., Е. И. Носов, 2002. Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище // Археологические Вести 9: 136–140. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Новикова, Г. Л. 1991. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города): *175–199.* Москва: *Издательство Московского университета.*

1998. *Щитообразные* подвески из Северной и Восточной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы: 165–174. Москва: Памятники исторической мысли.

Носов, Е. Н. 1990, Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград: Наука.

Опись 1940. Опись находок *Старорадожской* экспедиции *1940* г. Коллекция № 17. Земляное городище // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 134.

Петренко, В. П. 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 81–116. Ленинград: Наука.

Петрухин, В. Я. 1976. Погребение знати эпохи викингов (по данным археологии и *литературных памятников*) // Скандинавский сборник XXI: 153–170. Таллин.

1999. «Сага о Волсунгах» на «Восточном пути» // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. Труды Государственного исторического музея 111: 43–46. Москва.

2001. Мифы древней Скандинавии. Москва: Астрель; АСТ.

Пушкина, Т. А. 2001. Подвеска-амулет из Гнёздова // Норна у источника судьбы. *Сборник* статей в честь Е. А. Мельниковой: 313–316. Москва: Индрик.

Равдоникас, В. И. 1940. Дневник Старорадожской экспедиции Историкого факультета ЛГУ. 1940 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 127,128.

1949. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // Советская археология XI: 5–54. Москва-Ленинград.

Равдоникас, В. И., К. Л. Лаушкин. 1959. Об открытии в Старой Ладоге *рунической надписи* на дереве в *1950* г. // Скандинавский сборник IV: 23–44. Таллин.

Рождак, Э. 2001. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. Санкт-Петербург: *Всемирное слово.*

Рябинин, Е. А. 1985. Новые *открытия* в Старой Ладоге (*итоги* раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая *Ладога. Новые археологические открытия* и исследования: 27–75. Ленинград: Наука.

Стальсберг, А. 1998. О скандинавских потребностях с ольками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы: 277–287. Москва: Памятники исторической мысли.

Стеблин-Каменский, М. И. 1976. Миф. Ленинград: Наука.

Стурлусон Снорры. 1995. Круг земной. Москва: Наука.

См. Э. 1963. Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Москва; Ленинград: Наука.

Янссон, И. 1996. Смена религии // Наследие варягов. Диалог культур: 33–40. Borås.

1996а. Захоронение знатной женщины из Аски // Наследие варягов. Диалог культур: 41–44. Borås.

1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы:* 18–38. Москва: Русские словари.

Ambrosiani, B., B. G. Erikson. 1994. Birka: Vikingastaden. Stockholm. Vol. 4.

1996. Birka: *Vikingastaden.* Stockholm. Vol. 5.

Arbman, H. 1940. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala.

1943. Birka I. Die Gräber. Text. Uppsala.

Archaeological... 1935. Archaeological *investigations and finds* in the Scandinavian countries *in the year 1934/ A summary //* Acta archaeologica VI (3): 261–282. København.

Arne, T. J. 1932. Ein bemerkens*werter* Fund in Östergö // Acta *archaeologica III (2): 6–12.* København.

1934. Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike. Uppland. Stockholm.

Arrhenius, B. 1962. «Det flammande smycket» // Fornvännen 57: 79–101.

2001. Beliefs behind the use of polychrome *jewellery* in the Germanic area // Roman gold and the development of the early Germanic kingdoms. KVHAA Konferenser 51: 297–310. Stockholm.

Arwidsson, G. 1989. Verschiedene Schmuckgegenstände // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde: 55–62. Stockholm.

Bau, F. 1982. Seler og slæb i vikingetid. Birka's kvindedragt i nyt lus // Kuml 1981: 13–47. København.

Blindheim, Ch. 1960. Ein amulett av rav // Universitetets Oldsaksamlings Årbok. 1958-1959: 78–90, Oslo.

Callmer, J. 1989. *Gegossene Schmuckanhänger* mit nordischer Ornamentik // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde: 19–42. Stockholm.

Davidan, O. I. 1970. Contacts between Staraja Ladoga and Scandinavia (on the evidence of archaeological) material from Zemljanoe gorodišče // Varangian Problems. Scando-Slavica. Supplementum I: 79–91. Copenhagen.

1992. Kunsthandwerkliche *Gegenstände* des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga (Die Sammlung der Staatlichen Ermitage in St. Petersburg) // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Jahrgang 20: 5–61.

Davidson, H. R. E. 1967. Pagan Scandinavia. New York-Washington.

Duczko, W. 1989. Runde Silberblechanhänger *mit punzierter* Muster // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde: 9–18. Stockholm.

Graham-Campbell, J. 1980. *Viking Artifacts: a select catalogue.* London: British Museum Press.

2001. The Viking World. London: Frances Lincoln Publishers Limited.

Gräslund, A.-S. 1980. Birka IV: The Burial customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm.

Gräslund, A.-S. 1984. Kreuzanhänger, Kruzifix und Reliquiar-Anhänger // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde: 111–118. *Stockholm.*

Gräslund, A.-S. 1984a. Ohrlöffel // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde: 177–182. Stockholm.

From Viking. 1992. From Viking to Crusader. The Scandinavians and Europe 800–1200. Uddevalla.

Holmqvist, W. 1960. The Dancing Gods // Acta archaeologica XXXI (2–3): 101–127, København.

Jansson, I. 1985. Ovala spännbucklor: en studie av vikingatida *standardsmycken med utgångspunkt från* Björkö*fynden.* Aun 7. Uppsala.

Jørgensen, L. 1999. Der Herrenhof am Tissø // Archäologie in Deutschland 2: 62–63.

Larsson, L. 2002. New excavations at the central site of Uppåkra. In the very south of Sweden // *Viking Heritage Magazine 4: 3–6.*

Lindqvist, S. 1941–1942. Gotlands Bildsteine. Bd. I–II. Stockholm.

Mackeprang, M. B. 1935. Menschendarstellungen aus der Eisenzeit Dänemarks // Acta Archaeologica VI: 228–249. København.

Nordahl, E. 1984. En kvinna från Gamla Uppsala // Gotländskt Arkiv. Årgång 56: 111–116. Visby.

Nordahl, E. 2001. Båtgravar i Gamla Uppsala: spår av en vikingatida högreståndsmiljö. Aun 29. Uppsala.

Nosov, E. N. 2001. Ein Herrschaftsgebiet entsteht. Die Vorgeschichte der nördlichen Rus' und Novgorods // Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Rußlands. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Bd. 1: 13–74. Neumünster.
Nylén, E. 1978. Bildstenar. Visby.
Price, N. S. 2002. The Viking way: religion and war in late Iron Age Scandinavia. Aun 31. Uppsala.
Stenberger, M. 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. I. Text. Stockholm.
1977. Vorgeschichte Schwedens. Berlin.
Vikings. 2000. Vikings: The North Atlantic Saga. Ed. W. W. Fitzhugh, E. I. Ward. Washington, London.
Zeiten, M. K. 1997. Amulets and amulet use in Viking age Denmark // Acta Arhaeologica 68: 1–74. København.

A UNIQUE MOULD FROM STARAYA LADOGA

A. V. PLOKHOV

The cultural layer of the settlement-site of Staraya Ladoga conceals much information important for studies of the history of State organization in Ancient Rus. Every year, owing to archaeological excavations in Staraya Ladoga, collections of substantial finds are being supplemented, researchers obtaining in their disposal unique data on various aspects of the material and spiritual culture of ancient inhabitants of the Lower Volkhov. However, examination of some collections of the objects excavated earlier has also proved to be fruitful with new and surprising discoveries.

Among the material from Staraya Ladoga preserved in the State Hermitage, I found a fragmentary clay mould *with considerable part of the negative representation* (fig. 1). Originally, the mould had probably the form of a nearly rectangular plate. The largest extant remains are measuring 30 x 16 x 9 mm. The depth of the negative does not exceed 1 mm. No traces of the sprue are discernible since it probably was located in that part of the mould which is not preserved. The mould was made of clay containing no visually discernible tempers. The outer surface of the object is light-grey. The mould was *intended for casting female figurines shown in* profile. The woman figured was clad in a long garment reaching her ankles. On the neck, some adornment, probably a necklace, is clearly discernible. The hand of the woman, pressed to the bosom, is touching this adornment, evidently emphasizing its importance for recognition of the image imprinted in the mould.

The fragments of this mould were found during the excavation of 1940 at Zemlyanoe Gorodishche (Earthen Hillfort; fig. 2). The *director of the* excavation V. I. Ravdonikas assigned the floor, in which the mould was found, to horizon Д of the cultural deposits at the site, and dated most of this horizon to the 10th century.

Excavations showed that in the layers of the 10th *century, the most diverse and numerous* evidence on the jeweller's art is found. Mapping of the finds related to various manufactures and an analysis of the complex of *objects found in horizon D, conducted by O. I. Davidan*, indicated that in the north-eastern part of the excavated area of Zemlyanoe Gorodishche there was a number of buildings where all-round artisans had lived and worked (fig. 3). They manufactured various objects from bone, horn, amber, and were occupied also with jewellery and working iron. O. I. Davidan supposed that the dwellings excavated within this area composed at some time a special craft block where various adornments and objects of toilet were manufactured.

Among the antiquities from Northern and Eastern Europe we know eleven cast relief female figurines more *or less similar to those which would* have been manufactured by means of the mould found in Staraya Ladoga (fig. 4). Most of them (nine items) were found in Sweden: in the boat burial in Gamla Uppsala, Uppland (fig. 5: 3); in a disturbed burial in Tuna, Alsike, Uppland (fig. 5: 1); in chamber-graves 825 и 968 in Birka, Adelsø, Uppland (fig. 5: 9, 10); in a barrow with a cremation in Sibble, Grödinge, Södermanland (fig. 5: 2); in a cremation burial in Hjorthammar, Frökärla, Blekinge (fig. 5: 5); among a silver hoard from Klinta, Köping, Öland (fig. 5: 4); and in some unknown place on the island of Öland (fig. 5: 6). Two miniatures were found at settlements in Denmark: Nygård, Klemensker, Bornholm (fig. 5: 7) and Tissø, i. Zealand (fig. 5: 8). One of the figurines comes from Russia: the settlement of Ryurik Gorodishche near Novgorod (fig. 5: 11).

Until recently, the only site where evidence on manufacturing female figurines has been recorded was Birka. In the first half of 1990s, during excavations of the «Black Earth» – the cultural layer of this settlement – fragments of two bivalve moulds for casting female figurines were found (fig. 6). B. Ambrosiani supposed that both of the finds were related to a workshop which was *functioning in the early 9th century.*

In terms of their sculptural composition the known figurines depicting women in profile can be divided into four groups.

The first, and *the earliest, group includes the finds from Tuna and Sibble. The main feature of these pendants* is the absence of hands evidently hidden by the garment. The heads of the figurines are zoomorphic and shown without any detail. Only an eye in the centre of the face is rendered in relief. Among the details of the clothing, *noticeable are only* an apron, a strapped gown, a train, cape or coat. The capes were fastened near the neck with fibulae. On the figurine from Tuna, a necklace is shown. It is possible that the same adornments are rendered like ribbons on the bosom of the female figurine from Sibble.

The second group comprises objects in the form of females holding a beaker or a drinking horn, found in Gamla Uppsala, Hjorthammar, Nygård, and the island of Öland. These are the most varied in terms of the methods of modelling the details of the figure, clothing and coiffure, as well as the metal used for casting these pendants and their quality. They show certain similarity with a representation on a silver ear-spoon from grave 505 in Birka (fig. 7).

The figurines from burials in Birka and the cultural layer of Ryurik Gorodishche constitute the third group. These are very similar to each other differing only in small details of dress and coiffure. On all of the miniatures we see women clothed in broad long garments reaching their ankles. Researchers distinguish in their clothing an apron, a strapped gown and a train. The faces are rendered only roughly. The hair is gathered into a knot fixed with a loop. On the neck, there are fillets which the women are holding with their arms folded in the elbows.

The pendant from Tissø makes up the fourth group. In contrast to other miniatures, both hands are represented here. They are rendered in the manner typical to the northern applied art. The hands are clasping the tips of a shawl thrown over the shoulders.

Examination of the available material revealed that the closest parallels to the figurines cast in the mould from Staraya Ladoga are the pendants of the third group, especially the miniatures found in grave 968 in Birka and at Ryurik Gorodishche (fig. 5: 10–12).

The arrangement of these miniatures inside the graves (fig. 8), as well as their small number, suggest that they were not adornments but rather amulets intended for some symbolical and magical purpose. The presence of such objects in a hoard and at various settlements indicates that they were used not only in funerary rituals but were worn in everyday life too.

Traditionally, Russian and foreign researchers treat the miniature female figurines, especially the pendants with a drinking horn or a beaker, as representations of Valkyries.

The Valkyries in the ancient Scandinavian epos were warlike maidens – the companions of Odin who sent them to the battlefields. Valkyries determined the fate of those who entered a battle, chose who was destined to be slain in it, helped heroes in various struggles against their enemies or with elements. Also, Valkyries met the slain heroes in the other world, attended upon them in Valhalla treating them to drinks and keeping their dishes and cups.

The treating of female figures as Valkyries is based on studies of various figurative material, first and foremost, the scenes depicted on Gotland picture stones (fig. 9). Comparison of female representations on the stones with certain subjects of the North-German myths led to the interpretation of the figures with drinking horns as "the maidens of Odin". The images on the stones, in their turn, became the basis for the interpretation of pendants in the form of female figurines as Valkyries.

Treating of the miniature female figurines as the warlike «maidens of Odin» is however somewhat doubtful. Unclear is why such amulets are found in female burials and absent in the male ones where their presence would have been explicable considering the role of Valkyries in myths and heroic songs. Moreover, the graves with the figurines under discussion are mostly those of no ordinary Scandinavians but rather women of a high social status – rich house-owners committed to the earth according to such a ritual «of prestige» as burial in a chamber or a boat. The researchers who compare the figurines with Valkyries usually propose no explanation of the role of these amulets in the everyday life of Medieval women nor of their significance in the funerary rites.

Besides Valkyries, there are numerous other female characters in Scandinavian mythology. Most of them are just mentioned in various sources, but the others are fairly significant heroes of the myths. Who among these may have been represented in the amulets under consideration?

As mentioned above, a feature of the third group of pendants is the presence of ribbons on the neck of the figurines. The mould from Staraya Ladoga enables us to consider with fair reliability these ribbons as necklaces. A similar adornment is on the bosom of figurines from Tuna, and, possibly, on those from Sibble. From Scandinavian myths it is known that a necklace, namely the Brisingamen, was the main attribute of Freyja. Judging by the information preserved in Iceland sources, this goddess on many occasions had to be on guard for her famous treasure. This fact possibly is the clue to the explanation of the position of hands on figures from Birka and the Volkhov region. Probably, the goddess is holding her necklace fearing to lose it.

Freyja is the most vivid female character in the surviving myths. Researchers consider Freyja as the goddess of fertility, love and childbearing. She was also related with witchcraft and magic.

It would be natural to expect some material embodiment of the cult of Freyja to be found in Scandinavian antiquities. In my opinion, a particular manifestation of that embodiment are the female figurines with necklaces assigned to the first and the third groups. Among the Nordic material there are also other representations of female figures with necklaces, which possibly depict the goddess of fertility (fig. 10).

Neither it is possible to interpret with assurance as representations of Valkyries the figurines holding a beaker or a drinking horn. Pendants of this group mostly are made from bronze, suggesting that we have here apparently a deity of lesser significance than those on other amulets. Nevertheless, it is possible that these female figurines also are one of the embodiments of Freyja.

In the Scandinavian society of the early Middle Ages, as well as in many other traditional cultures, of high social and religious importance were various feasts. Part of such activities included taking alcoholic drinks. Women played an important role in those ritual ceremonies. They treated to drinks both their kinsmen and guests of the house. It is known from ancient Scandinavian literary sources that in addition to the loving role, the «owner of the Brisingamen» had also another one connected with war. Freyja divided together with Odin the warriors who fell in battle into two equal groups, deciding which of the heroes would settle in her estates. It is quite possible that the women

holding drinking vessels are representations of the goddess meeting warriors in her seat.

In contrast to Valkyries, the presence of amulets related to the worship of Freyja in female graves is not surprising. Freyja was a symbol of wealth, an assistant in love and in childbirth. Her hall – Sessrúmnir was the single place possible for the posthumous existence of worthy females, similarly as Odin's Valhalla was destined to warriors.

Thus the available analogues leave no doubt that in the mould found in Staraya Ladoga in 1940, female figurines characteristic of Scandinavian antiquities were cast. These were amulets of certain magic significance plain to the bearers of the cult but which made no sense to foreigners. Such pendants, along with some other groups of sacral objects, were considered as women's amulets worn to protect their owners against evil influences.

The traces of the presence of Scandinavians are recorded from the moment of the appearance of a settlement near the mouth of the Ladozhka River, *i.e.* from the middle of the 8th century. Objects of Scandinavian provenance or executed in the northern style have been found in all of the most ancient layers at Staraya Ladoga. Most of them belong to layers of the 10th cent. The cult objects found at this site, such as twisted iron neck-rings with a Thor's hammer, firesteel-shaped pendants, and amulets bearing runic inscriptions, could not have got to the settlement as trade goods. They indicate that at the settlement there were Scandinavians who had retained their cultural and religious traditions, and, moreover, those of women along with the men's.

Along with warriors and tradesmen, also various craftsmen arrived to the Lower Volkhov region from beyond the sea. Davidan supposed that the material from horizon D clearly demonstrated the Scandinavian influence upon local handicrafts. In the 10th century, manufactured in Ladoga were articles of various Scandinavian types which it is difficult to distinguish from imports. Among products of bone-carvers and jewellers, also a category of «hybrid» objects has been identified.

Thus archaeological finds show us Staraya Ladoga of the 10th century as a manufacturing centre where objects of Scandinavian appearance were produced on a wide scale. Therefore, revealing here of a mould for casting the so-called «Valkyries» does not seem to be a mere chance. This find indicates that the settlement in the mouth of the Ladozhka, along with Birka, was a site where Scandinavian amulets in the form of female figurines were manufactured. The similarity of the images on pendants from these two sites demonstrates once again that the Varangians coming to Ladoga were mostly natives of central Sweden. The discovery of the mould is an indirect evidence that Scandinavian women lived at settlements situated in the Volkhov region. There are certain reasons to treat the miniatures discussed above as representations of Freyja suggesting that «the goddess beautiful in tears» was worshiped on the banks of the Volkhov River.

КОЖАНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ РАСКОПОК НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ В 2001–2002 ГГ.

А. В. КУРБАТОВ[1]

В 2001–02 гг. Новгородская областная экспедиция *НИМК РАН* (руководитель Е. Н. Носов) проводила раскопки на северном берегу Сиверсова канала, на участке примыкающем к валу Рюрикова Городища. *В нижних частях отложений, спускающихся в* ров, в прослойке гумусированного суглинка и песка, насыщенной органическими материалами, встречена группа кожаных предметов. Коллекция 2001 г. составляет 19 единиц, а 2002 г. – 105 предметов из кожи и 1 фрагмент войлока. Отметим, что при подсчетах часть мелких обрывков, относящихся к более крупным деталям принималась за 1 предмет.

Локализация. Пространственное распределение кожаных предметов в слое крайне неравномерно и определенно указывает на специфический характер *их накопления*. За *исключением* 4-х *предметов*, взятых из осыпи слоя в северной стенке раскопа 1997–1999 гг., остальные происходят из одной или двух гумусированных прослоек и найдены на глубинах *от +0,69 м до –0,06 м от условного репера*. *Более* того, подавляющее большинство предметов были сосредо*точены в квадрате* 58 и несколько меньше в соседнем квадрате 59, а также в смежных квадратах на площади *рва*. *Такое* это *локальное скопление* множества кожаных предметов подразумевает совершенно определенную причину их появления – все предметы были сброшены в ров (*или в западину на местности*) *вместе одномоментно и представляют комплекс* очень узкого периода накопления. Конечно, нельзя исключать, что они были перекрыты окружающим культурным слоем позднее времени своего накопления, например, при нивелировке площадки городища.

В любом случае следует признать, что они составляли первоначально единый комплекс из заполнения *ямы на городище*, *иначе* разброс вещей был бы более *широким*. *Значительное качественное сходство в* составе кожаных предметов дополнительно убеждает в правильности вывода, что находки 2001 и 2002 гг. стратиграфически происходят из одних слоев (Курбатов *2001-А; 2002-А*).

Состав находок. Среди фрагментов изделий определенно выделяются, за единственным исключением, только детали обуви. Исключением является петля-застежка – узкая полоска кожи длиной около 8 см и шириной 0,9 см, с продольными прорезями на обоих концах (рис. 3: 12). Среди деталей, относящихся к конструкциям обуви, общим числом 95 единиц, выделены: *обора* – 2 ед., фрагменты подошв – 28 ед., детали верха обуви – 51 ед., прокладка в шов – 2 ед., обшивка края – 4 ед. Встречены две полных модели обуви. Скорее всего, к обуви относятся и фрагменты 12-ти неопределенных деталей. Кроме обуви имеется группа обрезков от раскроя в количестве 21 единиц, среди которых 7 обрезков с краев шкуры. Последние выделяются по характерным признакам: утолщению *края шкуры*, неровному краю и остаткам несмятого волоса (рис. 3: 16, 18, 19).

Сырье. *Характер слоя, где залегали кожаные предметы*, мог повлиять на сохранность материала. Практически все кожаные предметы имеют одинаковую *толщину – от* 0,8 *мм* до 1,2–1,5 мм. Видимая толщина кожи, возможно, не всегда соответствует толщине материала в древности. Большинство находок имеют выраженные признаки *высыхания и истлевания* – например, внутренние слои отсутствуют (истлели). Но *при малой толщине* кожи, на всех предметах видно ее расслоение, что говорит о недостаточно глубоком продубе. Однако нет сомнений в том, что вся кожа *проходила дубление в таннидосодержащих настоях*. Остаются до конца необъяснимыми некоторые особенности кожевного материала, связанные с обработкой сырья. Например, мерея почти всех находок имеет черный цвет, в противоположность коричневому цвету внутренних участков кожи. Также, при размыве деталей обуви, некоторые находки после длительного (3–4 суток) размачивания в воде придали ей рыжевато-коричневый цвет, *тогда как другие – коричневый* цвет с зеленоватым отливом. Толщина обрезков *с края шкуры несколько* больше (до 2 мм), что может быть связано с недостаточным строганием этих участ*ков шкуры*. *Тщательная* отделка краев *шкуры*, топографически принадлежавших пашине, огузку или шее, технически затруднена и не имеет практического смысла из-за последующего их обрезания и выбра*сывания*. *Кроме того, именно на пашине чаще всего* встречаются прижизненные пороки, делающие сырье непригодным для кожевенного дела. В коллекции встречены два обрезка со свищами (утолщения шкуры в местах подкожного размещения личинок оводов), которые в средневековье *называли «близнами»* и «отпорицами» (СаРЯ XI–XVII вв. 1: 241; 13: 282). В целом, можно считать, что сырьем для преобладающей части находок служили относительно тонкие шкуры молодых особей крупного рогатого скота. Шкуры мелкого рогатого скота – коз – относительно малочисленны. Из них, например, были пошиты две полностью сохранившихся модели низкой обуви (рис. 2). Преобладание *шкур молодых особей в* составе кожевенного сырья перекликается с выводами остеологов. По заключению специалистов, в составе костных остатков с Рюрикова Городища (раскопы 1979 и 1993 гг.) преобладают кости крупного рогатого скота. Среди животных с Троицкого раскопа Новгорода (здесь сохранилось наибольшее количество

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб. , 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской *археологии*.

© А. В. Курбатов, 2004

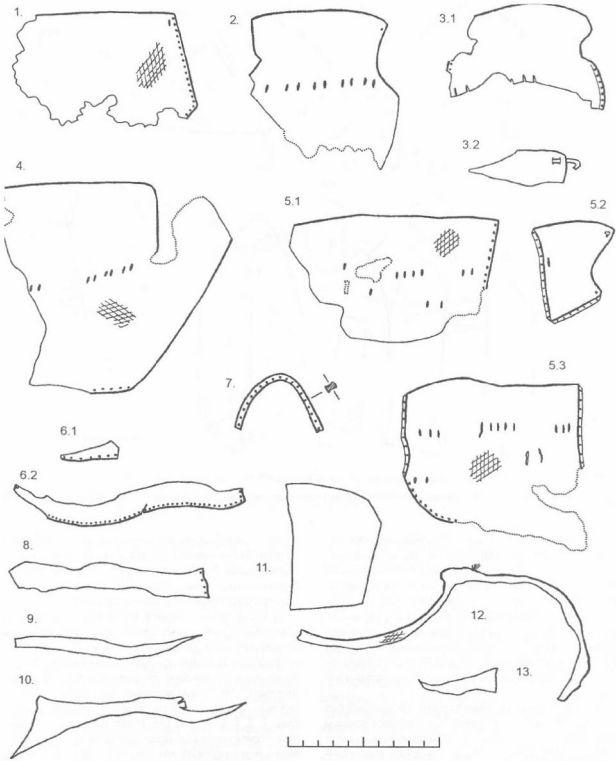


Рис. 1. Рюриково Городище, 2001 г., фрагменты кожаных изделий и обуви (№№ по полевой описи: 1 – РГ-564; 2 – РГ-566; 3.1–2 – РГ-580; 4 – РГ-550; 5.1-3 – РГ-567; 6.1–2 – РГ-738; 7 – РГ-736; 8 – РГ-708; 9 – РГ-740; 10 – РГ-603; 11 – РГ-559; 12 – РГ-741; 13 – РГ-737).

Fig. 1. Ryurik Gorodishche 2001, fragments of leather objects and shoes (№№ according to field list finds: 1 – РГ-564; 2 – РГ-566; 3.1-2 – РГ-580; 4 – РГ-550; 5.1-3 – РГ-567; 6.1-2 – РГ-738; 7 – РГ-736; 8 – РГ-708; 9 – РГ-740; 10 – РГ-603; 11 – РГ-559; 12 – РГ-741; 13 – РГ-737.

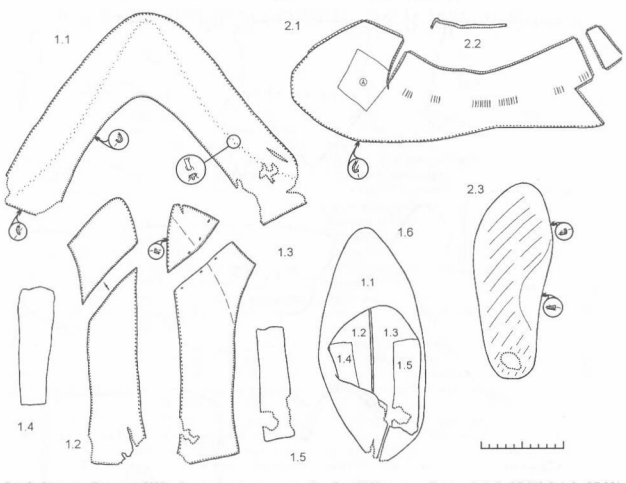


Рис. 2. Рюриково Городище, 2002 г., фрагменты кожаных изделий и обуви (№№ по полевой описи: 1. 1–6 – РГ-262; 2. 1–3 – РГ-254.

Fig. 2. Ryurik Gorodishche 2002, fragments of leather objects and shoes (№№ according to field list finds: 1.1–6 – РГ-262; 2.1–3 – РГ-254.

определимых костей) не менее 25% было забито в возрасте от 2 до 4 лет. Надо принимать во внимание и то, что домашний скот в Древней Руси был низкорослым, следовательно, имел относительно тонкую шкуру (Молтби, Гамильтон-Даер 1995: 136, 139, 141–143). На многих обрезках от раскроя и фрагментах деталей верха обуви видны следы мелкого тиснения кожи, что свидетельствует о развитом ремесленном характере выделки сырья. Это наблюдение подтверждается техническими особенностями раскроя и пошива изделий.

Обувь. Насколько можно судить по имеющимся фрагментам, все детали относятся к низким формам мягкой обуви. Большинство деталей оборваны или вторично обрезаны, что затрудняет детализацию конструкций. Встреченные подошвы однослойные, скроены из относительно тонкой кожи. Имеются фрагменты вытянутой заостренной пятки подошвы, однако насколько была популярна такая форма кроя говорить сложно (рис. 3: 4, 9). Основной шов – выворотный, что связано, видимо, с малой толщиной материала. Среди деталей верха обуви можно условно выделить разные варианты кроя.

1). Встречено несколько головных частей от цельнокроеного асимметричного верха, наподобие хорошо описанных мягких туфель. В раскройке головной отдел выделен полуотрезом от боковины, имевшей откидной (отложной) край. Парные прорезы для обор очень редкие – на полной раскройке их, скорее всего, было только 2–3 (рис. 4: 6.1; 9; 5). Имеется дополнительная вытянутая треугольная деталь, подшиваемая к верхнему краю отворота. На ней прослеживается обметочный шов «через край», свидетельствующий об использовании обшивки для края туфли. Несколько фрагментов демонстрируют иную манеру оформления прорезей для обор. Это равномерно расположенные (через 10–12 мм) вертикальные прорезы длиной 6–8 мм, прерывающиеся только в области задника (рис. 1: 2, 4, 5; 4: 1, 4, 10). Также встречены небольшие четырехугольные пришивные части к раскройке верха, используемые, как считается, при недостаточной площади сырья (рис. 4: 7, 8).

2) Симметричный крой показывает отдельная головная деталь и 1–2 детали, закрывающие боковые участки стопы. Обе формы имели достаточно широкое распространение в Восточной Европе в XII–XIII вв. Для настоящей коллекции представляется предпочтительным относить находки к XII в. Среди ранних признаков имеется двойная линия прорезов (по высоте) под оборы, фиксируемая на некоторых деталях. Наибольший интерес представляют две полностью сохранившиеся модели низкой обуви, найден-

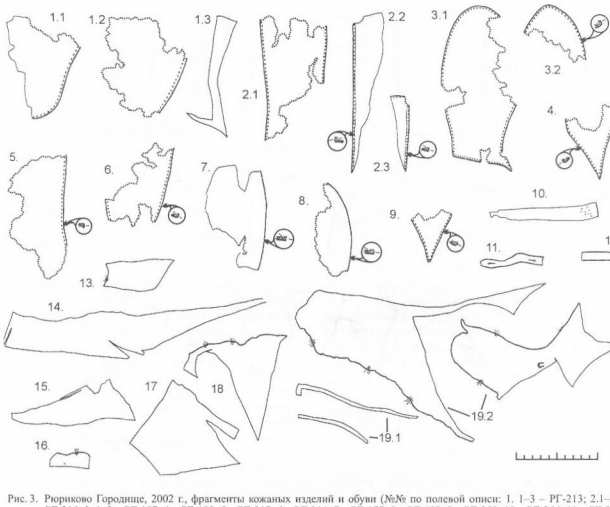


Рис. 3. Рюриково Городище, 2002 г., фрагменты кожаных изделий и обуви (№№ по полевой описи: 1. 1–3 – РГ-213; 2.1–3 – РГ-216; 3. 1–2 – РГ-187; 4 – РГ-182; 5 – РГ-217; 6 – РГ-214; 7 – РГ-177; 8 – РГ-408; 9 – РГ-250; 10 – РГ-264; 11 – РГ-251; 12 – РГ-111; 13 – РГ-277; 14 – РГ-276; 15 – РГ-352; 16 – РГ-255; 17 – РГ-320; 18 – РГ-183; 19.1–2 – РГ-184.

Fig. 3. Ryurik Gorodishche 2002, fragments of leather objects and shoes (№№ according to field list finds: 1. 1–3 – РГ-213; 2.1–3 – РГ-216; 3. 1–2 – РГ-187; 4 – РГ-182; 5 – РГ-217; 6 – РГ-214; 7 – РГ-177; 8 – РГ-408; 9 – РГ-250; 10 – РГ-264; 11 – РГ-251; 12 – РГ-111; 13 – РГ-277; 14 – РГ-276; 15 – РГ-352; 16 – РГ-255; 17 – РГ-320; 18 – РГ-183; 19.1–2 – РГ-184.

ные в собранном состоянии. Это, а также следы сильного износа, свидетельствует о выбрасывании протертой обуви вместе с другим бытовым мусором.

Первая модель представляет собой образец мягкой низкой туфли с раздельным кроем подошвы и верха (рис. 2: 1). Подошва овальная, с округлыми носком и пяткой, со значительным расширением в пальцах и без сужения в области свода стопы. Основной шов – выворотный, на одном из участков – тачной. Форма стертости нижней поверхности показывает, что туфлю определенно носили на левой ноге. Асимметричная раскройка верха сделана из кожи мелкого рогатого скота толщиной 0,8–1,0 мм и дополняется небольшой четырехугольной деталью. Боковой шов расположен на внутренней стороне стопы. По верхнему краю отворота пришивалась узкая обшивка из сложенной вдвое полосы кожи. Прорезы для оборы располагались по всей длине детали изолированными группами: по 4 прореза на боковых частях изделия и по 8 прорезов по обеим сторонам от задника. Длина прорезов 8 мм и расстояние между ними 2,5–3,0 мм.

Вторая модель представляет цельнокроеную форму низкой мягкой обуви с основным швом на продольной оси с подошвенной стороны стопы. Обувь скроена из тонкой (0,8–1,0 мм) кожи мелкого рогатого скота и дополнительно уплотнена парными внутренними деталями и прокладками (всего 6 предметов) (рис. 2: 2). Верхний край основной детали был загнут внутрь и подшит к внутренним деталям. Модель имела «глухой» верх – то есть без разрезов и без крепления завязками. Очень близкая по конструкции пара туфель была найдена в последние годы при раскопках в Старой Руссе. Туфли состояли из 9-ти и 12-ти деталей и датированы, по слою, второй половиной XI–XII вв. (Антропова, Торопова 2001: 245, 255). Данная модель имеет оригинальный конструктивный прием, отличающий ее от многочисленных обувных типов средневековья – скроенная из одного куска кожи основная деталь имеет основной шов по продольной оси на подошве. Такой прием кроя встречен в моделях разных русских средневековых городов, но выделен как специфический вариант на материалах Твери, в слоях и комплексах 80-х гг. XIII – первой

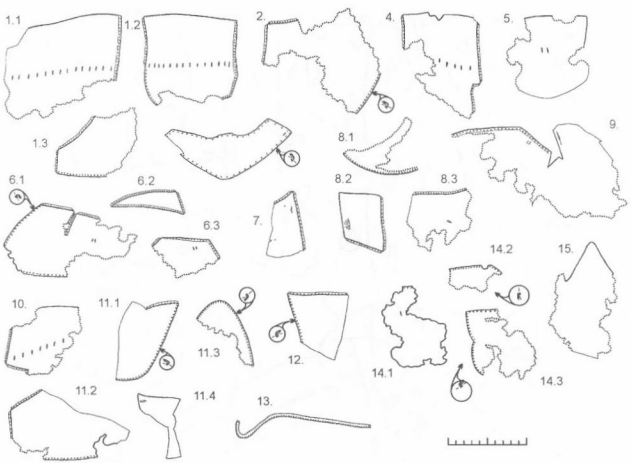


Рис. 4. Рюриково Городище 2002 г., фрагменты кожаных изделий и обуви (№№ по полевой описи: 1.1–3 – РГ-110; 2 – РГ-322; 3 – РГ-178; 4 – РГ-321; 5 – РГ-180; 6.1–3 – РГ-351; 7 – РГ-350; 8.1–3 – РГ-317; 9 – РГ-215; 10 – РГ-319; 11.1–4 – РГ-185; 12 – РГ- 265; 13 – РГ-261; 14.1–3 – РГ-188; 15 – РГ-263.

Fig. 4. Ryurik Gorodischе 2002, fragments of leather objects and shoes (№№ according to field list finds: 1.1–3 – РГ-110; 2 – РГ-322; 3 – РГ-178; 4 – РГ-321; 5 – РГ-180; 6.1–3 – РГ-351; 7 – РГ-350; 8.1–3 – РГ-317; 9 – РГ-215; 10 – РГ-319; 11.1–4 – РГ-185; 12 – РГ- 265; 13 – РГ-261; 14.1–3 – РГ-188; 15 – РГ-263.

половины XIV вв. (Курбатов 1997: 136). Но предметы с Рюрикова городища и из Старой Руссы отличает использование тонкой кожи и набор внутренних деталей.

Анализ кожевенной продукции и вопросы хронологии. Для характеристики уровня кожевенного ремесла имеют значение мелкие признаки раскроя и сшивания, например точность линий раскроя деталей, регулярность и аккуратность нанесения сшивных отверстий и состав обрезков от раскроя. Кроме того, показательно и тиснение поверхности в «сеточку». Для находок с Городища можно предполагать, учитывая их малочисленность, сложившееся профессиональное кожевенно-сапожное ремесло, сопоставимое по техническим признакам, с находками из различных древнерусских городов. Оценка находок возможна на основе сравнительного анализа, по сумме конструктивных и стилистических признаков, с материалами из других средневековых городов России и Западной Европы. В коллекции, в первую очередь, обращает на себя внимание асимметричный крой верха полной модели и развитая стандартизованная форма раскройки. Подобный раскрой характерен для древнерусских и западных моделей с XI в. В сочетании с употреблением относительно тонкой кожи, характерным стилем исполнения прорезей для обор и использованием обшивки края это может указывать на вторую половину XI–XII вв. как наиболее вероятное время пошива обуви. Из западных коллекций наиболее близкими находками отличаются материалы XI – начала XII вв. Лунда (Blomqvist 1937; 1939), Тронхейма (Marstein 1989: fig. 3b). Среди изученных древнерусских материалов наиболее близкими надо считать модели обуви из Белоозера и Полоцка (Курбатов 1999: 100 и сл.). Своеобразием находок на городище можно считать малую толщину используемого материала и своего рода «стиль» сшивных соединений – это использование относительно тонкой нити для различных швов и очень короткие стежки. Подобная манера в пошиве обуви, с одной стороны, говорит о сложении профессионального кожевенно-обувного ремесла и высокой технической квалификации мастеров. С другой стороны, эти признаки отличают данные находки от известных коллекций XII–XIII вв. из Новгорода, Пскова и других древнерусских городов. Определенным репером для ниж-

ней границы коллекции с Рюрикова Городища может быть активизация жизнедеятельности на городище в последней четверти XI в. (Носов 1990: 150–151). Верхней границей можно считать время начала коренных изменений в организации новгородского ремесла в XII в., отмеченных Б. А. Колчиным в 1975 г. Исследователь дал общую характеристику становления и развития ремесла в русских средневековых городах на примере Великого Новгорода (Колчин 1975: 53 и сл.). Оценка технического строя ремесла, производительности труда, объема продукции и товарности ремесленных изделий на новгородском рынке позволили ему разбить историю ремесла на 4 периода, в том числе: *1 период* – середина X – 20–30-е гг. XII вв.; *II период* – 30-е гг. XII в. – 70–80-е гг. XIII вв. Первому периоду, по Б. А. Колчину, свойственна сравнительно высокая и совершенная, в понятиях средневековья, техника производства. Второй период, в техническом плане, характеризуется резким расширением ассортимента продукции, высокой специализацией внутри отдельных отраслей ремесла и в то же время значительной рационализацией производства – упрощением технологии. Например, в текстильном ремесле в конце XII в. появляется горизонтальный ткацкий станок, что ведет к резкому повышению производительности труда, но в то же время, к упрощению системы ткацких переплетений, а следовательно, в массе – сокращению сортовых видов тканей. Значительно возрастает серийность производства и стандартизация изделий, особенно в металлообработке и текстильном деле. Есть и очень узкие профессии внутри отраслевой дифференциации. Это время резкого развития мелкотоварного ремесла, продукция которого рассчитана на широкий сбыт во всей Новгородской земле. Б. А. Колчин отмечал, что эта периодизация совпадает с общей социально-экономической картиной развития Новгородской феодальной республики. Время до 20–30-х гг. XII в. – это период, когда сохраняется дореспубликанская организация Новгорода во главе с князем. С 20–30-х гг. XII в. до 80-х гг. XIII в. – время формирования главных боярских органов власти, занявших ключевые позиции в структуре политической власти Новгорода. Здесь необходимо сделать сравнение с последними разработками археологических материалов по Новгороду и другим городам. Общие выводы по многолетним наблюдениям изменений материальной культуры сделали В. Л. Янин и Б. А. Колчин. Они считают, что «в начале XII в. в связи с бурным развитием городского ремесла, его высокой дифференциацией и работой ремесленника на рынок резко меняется технология производства. Упрощается конструкция предмета, форма становится более лаконичной и утилитарной, и вместе с этим меняется понятие декоративности». Они разбивают историю новгородского ремесла на три периода, учитывая технический строй ремесла (техника, технология и структура производства) и емкость новгородского рынка: *1 период* – первая половина X – 20–30-е гг. XII вв.; *2 период* – 20–30-е гг. XII в. – 70–80-е гг. XIII в.; *3 период* – 70–80-е гг. XIII в. – XV в. Первый этап выделяется высокой техникой (в понятиях средневековья) ремесленного производства, известной нам по материалам всего древнерусского ремесла». Количество продукции довольно ограничено. Изделия ремесленников еще дороги. Это период вотчинного ремесла с работой на заказ. Рынок свободного сбыта еще сильно ограничен. В это время были созданы все основные виды ремесленного инструментария и заложены новые технологические основы древнерусского производства. По уровню оснащения, технологичности и дифференциации новгородское ремесло стояло на одной ступени с ремесленным производством стран Западной Европы и Востока. На втором этапе происходит резкое расширение ассортимента продукции при некоторой рационализации производства – упрощении технологических операций. Значительно проявляется серийность производства. Создаются стандарты изделий, особенно в металлообрабатывающем, текстильном, сапожном, ювелирном ремеслах. Проявляется широкая специализация ремесла внутри отдельных отраслей (Янин, Колчин 1978: 25, 27–28). Взаимозависимость землевладения, торговли, ремесла и политического строя наглядно видна, например, в исторических обстоятельствах второй половины XI – начала XII вв., когда переход от ремесленного производства на заказ к производству на рынок потребовал резкого увеличения массы импортируемого сырья, а активизация его ввоза повлекла увеличение государственной территории за счет продвижения в Заволочье – основной район доходных промыслов. С этими процессами естественным образом связывается и стремительное усиление новгородского боярства, именно в это время создавшего органы своей государственности. К этому же времени относится и организация в Новгороде первых иноземных торговых дворов, и консолидация крупнейшего новгородского купечества в рамках гостиной корпорации – Иваньского ста (Янин, Колчин 1978: 34). Выводы, изложенные в работе 1978 г., были подтверждены этими же авторами и в работе, посвященной 50-летию археологии Новгорода (Колчин, Янин 1982: 91, 122–124 и сл.). Л. В. Покровская исследовала бронзовые булавки Новгорода с головками сложных форм, ранние варианты которых традиционно связываются с традициями закрепления одежды у балтских и западнофинских племен. В начале XII в. в Новгороде появляются варианты одежных булавок, «выполненные в технике, характерной для городского ювелирного ремесла этого времени. В начале XII в. украшения еще изготавливались на заказ, а мастерство ювелиров позволяло создавать имитацию зерни и филиграни. Дальнейшее же развитие ремесленной технологии ... шло по пути упрощения конструкций предмета, то есть предмет рассчитывался на массовое производство. Поэтому в конце XII – начале XIII вв. появляются более простые – стилизованные и трехлопастные булавки» (Покровская 1995: 190). Тот же вывод, уже на фоне всех финно-угорских украшений в культуре Новгорода исследователь подтверждает и в более поздней работе (Покровская 2000: 147–148). В изменениях керамических форм Троицкого XI раскопа

период середины – второй половины XII в. указан как один из четырех хронологических рубежей, связанных с изменениями керамических форм. К сожалению, авторы не затрагивают вопрос о причинах этих изменений (Малыгин, Гайдуков, Степанов 2001: 96). Надо отметить и наблюдения о предполагаемой унификации и регламентации домостроительства, отмечаемые в Новгороде со второй половины XII в., прослеживаемые на Троицком раскопе. Значительно сокращается доля пятистенных срубов, при одновременном увеличении четырехстенных средней площади. В остатках некоторых четырехстенных построек исследователи определенно видят двухэтажные постройки, где верхний использовался под жилье, а нижний – для ремесленных занятий (Фараджева 1998: 79). Результаты изучения материалов по костерезному ремеслу Новгорода, на примере Федоровского раскопа, позволяют предполагать значительное развитие этого промысла примерно в первой половине XII в., или даже с конца XI в. (Смирнова 1998: 94 и сл.).

Металлографические исследования ножей Подоцкой земли и Новгорода показывают резкие изменения в сторону развития прогрессивных технологий (наварка стали на режущую кромку), происходившие в XII в. (Розанова 1997: 276, 279). По результатам исследования ножей и других железных изделий Рязани и Ростиславля Рязанского В. И. Завьялов делает выводы о смене технологических схем железных орудий в середине XII в. (Завьялов 2002: 29–30). Вывод: при сопоставлении находок с Рюрикова городища с известными коллекциями средневековых кожаных изделий, а также основываясь на исторической и археологической периодизации жизнедеятельности на городище и, также, на периодизации новгородского ремесла, можно предположить, что формирование найденной коллекции кожаных предметов происходило в ограниченный период времени – с последней четверти XI в. до 30-х гг. XII в. При этом наиболее вероятным можно считать период с конца XI в.

Антропова, Я. В., Е. В.Торопова. 2001. Средневековая кожаная обувь, Старой Руссы: первые результаты исследований // Новгород и Новгородская земля. *История и археология* 15: 245–257. *Новгород.*

Завьялов, В. И. 2002. Кузнечное ремесло столицы и периферии (Рязань и Ростиславль Рязанский) // *Русь в IX–XIV веках:* взаимодействие Севера и Юга. Материалы научной конференции: 29–30. Москва.

Козчин, Б. А. 1975. Становление ремесла древнего Новгорода // *Доклады на III Конгрессе славянской археологии:* 53–58. Москва.

Козчин, Б. А., В. Л. Янин. 1982. Археологии Новгорода 50 лет // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода:* 3–137. Москва: Наука.

Курбатов, А. В. 1997. Кожевенное производство Твери XIII – первой половины XV вв. по раскопкам Тверского кремля 1993–96 гг. // *Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие:* 127–147. Тверь.

1999. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей: 100–117. Санкт-Петербург.

2001-А Приложение к Отчету о раскопках Рюрикова Городища в 2001 г. // Е. Н. Носов. *Отчет о работах Новгородской* областной экспедиции в 2001 г. с описью находок и иллюстрациями // Рукописный архив ИИМК РАН, КП 5468, ф. 35, 2001 г.

2002-А Приложение к Отчету о раскопках Рюрикова Городища в 2002 г. // Е. Н. Носов. *Отчет о работах Новгородской* областной экспедиции в 2002 г. с описью находок и иллюстрациями. Рукописный архив ИИМК РАН.

Малыгин, П. Д., П. Г. Гайдуков, А. М. Степанов. 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (По материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология 15: 82–97. *Новгород.*

Молтби, М., Ш. Гюльштоп-Даер. 1995. Кости животных из раскопок в Новгороде *и его округе* // *Новгород* и Новгородская земля. История и археология 9: 129–156. Новгород.

Носов, Е. Н. 1990. Новгородское (Рюриково) *городище.* Ленинград: Наука.

Покровская, Л. В. 1995. Булавки с головками сложных форм // Новгород и Новгородская земля. История и археология 9: 181–191. *Новгород.*

2000. Финно-угорские украшения в городском уборе средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и *археология* 14: 139–149. Новгород.

Розанова, Л. С. 1997. Пути развития и формирования традиций в кузнечном ремесле Древней Руси // Терехова Н. Н., Л. С. Розанова, В. И. Завьялов, М. М. Толмачева. Очерки *по истории древней железообработки в Восточной Европе:* 265–295. Москва.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1; 13.

Смирнова, Л. И. 1998 *Этапы становления* костерезного ремесла в средневековом Новгороде (по материалам Федоровского раскопа в Плотницком конце) // Новгород и Новгородская земля. История и археология 12: 94–109. Новгород.

Торопова, Е. В., Г. И. Кожина, Я. В. Антропова, С. Е. Горонжи, А. Ю. Курочкин. 2000. Археологические исследования в Старой Руссе в 1999 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология 14: 44–53.

Фараджева, Н. Н. 1998 Пятистенные срубные постройки древнего Новгорода. *Проблемы их сложения и эволюции* (по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология 12: 70–82. Новгород.

Янин, В. Л., Б. А. Колчин. 1978. Итоги и перспективы новгородской *археологии* // *Археологическое изучение* Новгорода: 5–56. Москва.

Blomqvist, Ragnar. 1937. Medeltida svard, dolkar och sador funna i Lund // Kulturen 1937. Blomqvist, Ragnar.

1939. Medeltida skor i Lund // Kulturen 1938. Marstein, Oddlaug.

1989. Sko og andre gjenstander i laer // Meddelelser, nr.23. Trondheim.

LEATHER FINDS FROM THE EXCAVATIONS OF 2001–02 AT RYURIK GORODISHCHE

A. V. KURBATOV

In 2001–02, the Novgorod Regional Expedition of IIMK RAS (headed by E. N. Nosov) carried out excavations on the northern bank of the Sivers Canal, in an area adjoining the rampart of the Ryurik Gorodishche. Leather objects were preserved in the lower layers of the deposits spreading down into the ditch – an interlayer of humus-containing loam and sand, rich in organic materials. Such a local accumulation of numerous leather objects implies a quite definite cause of their appearance here – all the objects were thrown into the ditch (or natural depression) simultaneously and present a complex dated to a very narrow period. The total of 124 leather objects and a fragment of felt have been recorded here. Among the fragmentary articles, only details of footwear (along with a buttonhole-loop as a single exception) were identifiable reliably. Among the 95 identified parts of footwear were: 2 *oboras* (footwear frilled ties), 28 fragmentary soles, 51 upper parts of footwear, 2 packings for seams, and 4 edgings. Also were found two complete examples of footwear. In addition, there were 12 unidentified details which probably were parts of footwear too. This collection includes 21 leather scraps left from cutting, including 7 items cut from skin edges. By the comparison of the finds from Ryurik Gorodishche with other known collections of medieval leather goods, as well as on the basis of the historical and archaeological periodization of the occupation of this townsite, and also the periodization of Novgorod's handicrafts, we may presume that the formation of the accumulation of leather objects found here occurred throughout a limited time interval – from the last quarter of the 11th cen. to the 1130s, the most probable period being that of the end of the 11th cen.

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕГО КИЕВА

К. А. МИХАЙЛОВ, Д. Д. ЕЛШИН[1]

Но, так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике...
А. А. Ахматова

Современные данные по исторической топографии древнего Киева, *во многом, получены в результате* работ археологов, которые изучают культурный слой столицы Древней Руси уже более ста лет. Масштабные археологические исследования древних районов Киева начались с конца XIX в. Так, в 1890-е гг. *значительные* раскопки на территории киевского детинца производил *И. А.* Хойновский (Хойновский 1893). Вслед за ним, В. В. Хвойка в 1907–1908 гг. заложил несколько раскопов на усадьбе Петровского (Хвойка 1913). В 1908–1914 *гг. по поручению* Археологической комиссии значительные археологические работы вокруг Десятинной церкви произвел Д. В. Милеев (Каргер 1958: 33–57; Толочко 1972: 30–31; Килиевич 1982: 15–17).

Первые же археологические исследования вокруг Десятинной церкви наглядно продемонстрировали, *что этот участок* на старокиевской горе является одним из древнейших районов Киева. Изучение территории на Старокиевской горе *давало возможность проследить формирование древнего города. Поэтому* работы там не прекращались и после 1917 г. В 1920-1930-е гг. раскопки, начатые Д. В. Милеевым и Археологической комиссией, продолжали экспедиции под руководством С. С. Гамченко, Ф. Н. Молчановского и М. К. Каргера.

В дальнейшем, перед новыми поколениями исследователей встал вопрос о местонахождении мест раскопок всех упомянутых *нами авторов и*, следовательно, точная локализация археологических объектов, открытых ими. *Поиск* мест старых раскопов затрудняла, и до настоящего времени затрудняет, плохая сохранность полевой документации. Особенно тяжело пострадали материалы из раскопок 1908–1914 гг. Это документация Д. В. Милеева, великолепно *исполненная по качеству* фото- и графической фиксации, которая, после смерти ученого *и начавшейся революции*, оказалась разделена между Петербургом и Киевом и частично утеряна (Грибанова 1996: 28). В 1930-е гг. многие *украинские археологи стали* жертвами сталинских репрессий, и это повлияло на научную судьбу оставленных ими архивов. Так, в самом разгаре археологических работ на старокиевской горе был арестован в *1937* (по другим сведениям в 1938 гг.) начальник киевской экспедиции Ф. Н. Молчановский (Т. М. Мовчанівський). По-*видимому, вследствие* этого *события*, *полевая* документация его раскопок частично оказалась утеряна (Килиевич 1982: 21; Мезенцева 1997: 183).

Первая, и самая серьезная, попытка собрать и систематизировать все архивные материалы исследований «города Владимира» была предпринята в монографии М. К. Каргера «Древний Киев» (Каргер 1958; Каргер 1961). *Но, по вполне ясным причинам*, М. К. Каргер пропустил в своей книге фамилию *Ф. Н. Молчановского, вместе* со значительной частью результатов раскопок *последнего* (Каргер 1958: 59, 100, 178). В монографии приведена графическая реконструкция раскопов на месте Десятинной церкви, но отсутствует изображение многих раскопов вокруг нее (Каргер 1961: рис. 9). В дальнейшем различные исследователи продолжали предпринимать попытки совместить *данные археологических работ* на старокиевской горе (Толочко 1972).

Тщательное исследование этого вопроса было *предпринято в книге С. Р.* Килиевич «Детинец Киева IX – первой половины XIII веков». Исследовательница наиболее полно собрала все материалы по археологическим *работам в* центральной части древнего Киева. Кроме этого, С. Р. *Килиевич* составила две карты: «Археологические исследования Киевского детинца (1824–1980 *гг.*)» и «*Археологическая* карта Киевского детинца». На *современную топографическую основу* улиц старокиевской горы она нанесла места расположения раскопов и значительной части археологических памятников, открытых во время раскопок (Килиевич 1982: рис. 7, рис. 94 см. вкладыш-карту). Исследовательница признавалась, что самой большой сложностью было точно локализовать места археологических работ, проводившихся в 1930-е годы, и, особенно, раскопов Ф. Н. *Молчановского* (*Килиевич 1982: 22*). *Как она писала, это было связано с тем, что многие чертежи в архиве ИА НАНУ* не сохранились.

В связи с этим большой интерес для исследователей Киева как археологов, *так и историков*, могут представлять материалы, открытые в рукописном архиве ИИМК РАН. В начале 2003 г., при каталогизации материалов архива, Д. Д. Елшиным было обнаружено два листа ватмана с нанесенными на них кар-

[1] *Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18.* Институт истории материальной культуры РАН. *Отдел славяно-финской* археологии.

© К. А. Михайлов, Д. Д. Елшин, 2004

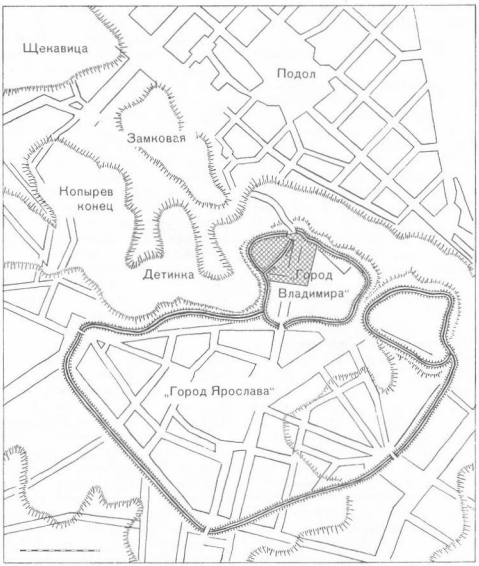


Рис. 1. План Древнего Киева X–XIII вв. (по П. П. Толочко) и место расположения «плана Г. Ф. Корзухиной».

Fig. 1. Plan of Old Kiev in the 10th–13th cen A. D. (according to P. P. Tolochko) and localization of the «G. F. Korzukhina's plan».

тами старокиевской горы[2]. Первый лист был меньшего размера, план на нем частично выполнен в карандаше, являясь черновым наброском. Второй лист представлял собой чистовой план (см. цв. вкладку). Рисунки на нем сделаны черной и цветной тушью и, по-видимому, акварелью. На лист ватмана в масштабе 1 см = 2,5 м нанесена схема улиц и домов на горе Десятинной. Изображен участок от Андреевской церкви на севере до Десятинного переулка на юге и от Исторического музея на западе до ул. Десятинной на востоке, то есть северная часть «города Владимира» – киевского детинца (рис. 1). На плане разными цветами обозначены раскопы с 1899 по 1939 гг.: И. А. Хойновского (1892), В. В. Хвойко (1907–1908), Д. В. Милеева и Археологической комиссии (1908–1914), С. С. Гамченко и Всеукраинского археологического комитета (1926–1927), ИА УССР (1935), Ф. Н. Молчановского (1936–1937) и М. К. Каргера (1938–1939). В контуры раскопов проставлены планы раскопанных археологических объектов: жилищ, погребений и каменных построек (см. цв. вкладку). Следует отметить, что как черновые, так и беловой варианты этого плана выполнены в единой манере и, по-видимому, одной рукой. Все подписи на чертежах также сделаны в одной характерной манере[3]. В настоящий момент можно достаточно уверенно утверждать,

[2] Планы были обнаружены Д. Д. Елшиным во время работы в фондах рукописного архива ИИМК РАН. По сообщению сотрудников архива, планы попали в архив из одной из камеральных лабораторий ИИМК РАН где-то в 1980-е гг.

[3] Все подписи на чертежах выполнены в одной манере и только на одном из черновиков нам удалось обнаружить несколько рукописных строчек, выполненных стершимся карандашом. После сравнения почерка этой надписи с рукописями архива, О. А. Щеглова и М. В. Малевская определили, что подпись на чертеже принадлежала Г. Ф. Корзухиной. Мы приносим свою искреннюю благодарность М. В. Малевской и О. А. Щегловой.

что оба плана киевского детинца с нанесенными на них раскопами выполнила сотрудница ИИМК – Г. Ф. Корзухина. Для удобства обозначения, в дальнейшем этот план мы будем называть «план Корзухиной». Можно предполагать, что эта работа была сделана для М. К. Каргера, который в 1938 г. начал изучать остатки *Десятинной церкви. По неизвестным нам причинам М. К. Каргер так и не издал эту карту.*

Основное достоинство обнаруженной карты, «плана Корзухиной», состоит в том, что она наиболее точно отражает *расположение и размеры всех* раскопов вокруг Десятинной церкви (рис. 2). Это особенно *важно, если учесть, что даже подробная археологическая* карта С. Р. Килиевич является не более, чем приблизительной схемой. Схемой, во многом восстановленной по косвенным документам и устным сообщениям участников раскопок 1930-х гг. Схемой без масштаба и точной локализации раскопанных участков.

Некоторые детали «плана Корзухиной», как мы уже отмечали, позволяют предполагать, что этот план был изготовлен для М. К. Каргера во время подготовки его публикаций раскопок в Киеве[4]. Важным является также тот факт, что на карте обозначены раскопы Ф. Н. Молчановского (рис. 2, 3). Имя этого исследователя ни разу не встречалось в работах М. К. Каргера после 1945 г. Одними из первых упомянули *Ф. Н.* Молчановского М. Ю. Брайчевский и П. П. Толочко (Толочко 1972: 31; Брайчевський 1963: 5–6). Подобный факт может свидетельствовать *в пользу* того, что этот план создавался именно в 1939 *г. или до 1941 г.* Судя по некоторым деталям, в руках составителей карты находилась не сохранившаяся *до наших дней* полевая документация. На это же косвенно указывает расположение многочисленных раскопов *и шурфов* экспедиций *ИИМК АН УССР* под руководством С. С. Гамченко и Ф. Н. Молчановского, *нанесенных точно и подробно. Расположение* раскопов, заложенных в 1920–1930-гг украинскими археологами, *можно проверить как по карте киевского* Детинца, составленной С. Р. Килиевич, так и по отдельному плану раскопов 1936–1937 *гг.*

Фотография еще одного неизвестного плана раскопок Киева была обнаружена К. А. Михайловым в 1999 г. среди материалов М. К. Каргера, хранящихся в фотоархиве ИИМК РАН[5]. По-видимому, фотография с этого чертежа также сделана для М. К. Каргера, но не вошла в его монографию. Полное название этого чертежа: «План розташування археологічних ділянок і розвідочних розкопів на садибі художньої школи *в Києві* (давній акрополь)». План сделан в масштабе 1 см = 5 м. На нем изображена территория к востоку от ул. Владимирской и к северу от Десятинного переулка, то есть участок перед современным Историческим музеем. На плане проставлены высотные отметки и, по-видимому, ход теодолитной съемки.

Эти факты дают возможность считать данный план результатом творчества сотрудников экспедиции Н. Ф. Молчановского (рис. 4 – в дальнейшем этот план будет обозначен как «план Молчановского»). Следовательно, раскопы на этом плане должны быть проставлены достаточно точно по сравнению с более поздними схемами. Всего на плане отмечены места 33-х раскопов и шурфов 1936–1937 гг. Только 4 из них, очень приблизительно, совпадают с местами раскопок по «плану Килиевич» (Раскопы А-36 и NO-36 к северо-западу от Десятинной церкви и дил. II-36, кв. 1-36 к востоку от церкви)[6]. Остальные места раскопок Н. Ф. Молчановского на «плане Килиевич» *отсутствуют* или переданы неточно. В свою очередь, *«план Молчановского» и «план Корзухиной» совпадают* почти полностью, кроме нескольких небольших *шурфов в западной части участка.*

Одним из важных расхождений с картой Р. С. Ки*лиевич можно считать* локализацию раскопа 1935 г. Киевской экспедиции Института археологии под руководством *С. С. Магуры. На карте Р. С.* Килиевич этот раскоп расположен с восточной стороны ул. Владимир*ской и к северу от раскопа С. С. Гамченко* 1926 г. На «плане Корзухиной», напротив, этот раскоп расположен вдоль ул. *Десятинная. В свою очередь*, места раскопок В. В. Хвойки на «плане Килиевич» практически полностью совпадают с планом *Д. И. Багалея* усадьбы Петровского (Корзухина 1956; Килиевич 1982: 18).

Одной из важных деталей *«карты Корзухиной»* можно считать локализацию нескольких погребений в камерах. *Например, погребение № 112, 110 и 123*[7]. Погребение № 112 (из раскопок Н. Ф. Молчановского) показано на *«карте Корзухиной» в раскопе А-36 к* северу от Десятинной церкви и около западной стены «дворцовой постройки», открытой В. В. *Хвойко.* Погребение № 110 из раскопок Д. В. Милеева обозначено около северо-восточного *угла Десятинной* церкви. Камера № 123 с захоронением женщины помещена в раскопе Ф. Н. Молчановского около юго-западного угла церкви. Ранее локализация этих погребений была известна только по описаниям М. К. Каргера и фрагментам отчетов.

Публикация ранее не доступных картографических материалов из архивов ИИМК РАН позволит исследователям Киева более точно локализовать многие археологические объекты. Мы надеемся, что эти вновь обретенные научные документы помогут современным археологам связать воедино многочисленные и разновременные раскопы. Мы намеренно обозначили эти археологические карты фамилиями исследователей, которые так много сделали для изучения Киева. Таким образом, обнаруженные нами планы Н. Ф. Корзухиной и Ф. Н. Молчановского позволяют ввести в оборот ценный научный источник, который так долго считался утерянным навсегда.

[4] Документы из личного фонда *Г. Ф. Корзухиной в Архиве* ИИМК РАН свидетельствуют о том, что она подбирала архивные и музейные материалы для работы М. К. Каргера «Древний Киев», в том числе, и материалы по раскопкам Десятинной церкви.

[5] Фотоархив ИИМК РАН Альбом № 1610/38 (Инв. № 1296/153).

[6] *Обозначения раскопов даны по «плану Молчановского».*

[7] Номера погребений даны по каталогу М. К. Каргера в книге «Древний Киев» (Каргер 1958).

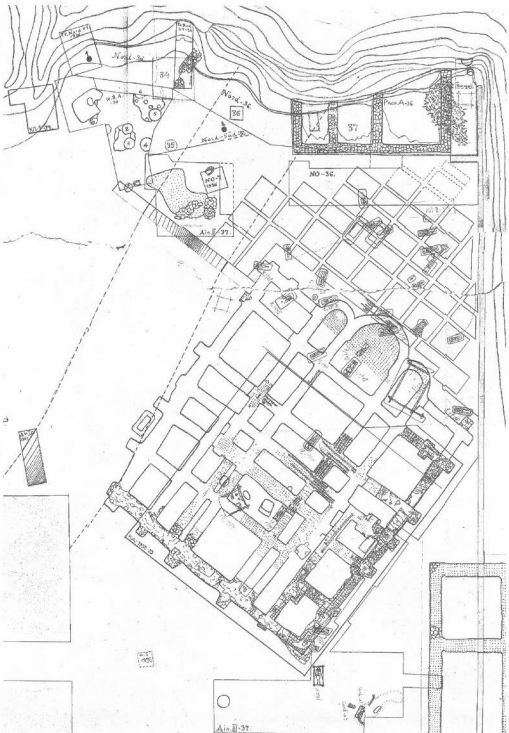


Рис. 2. Фрагмент № 1 «План Корзухиной» вокруг Десятинной церкви.

Fig. 2. Fragment no. 1 «Korzukhina's plan», the area around the Church of the Tithe.

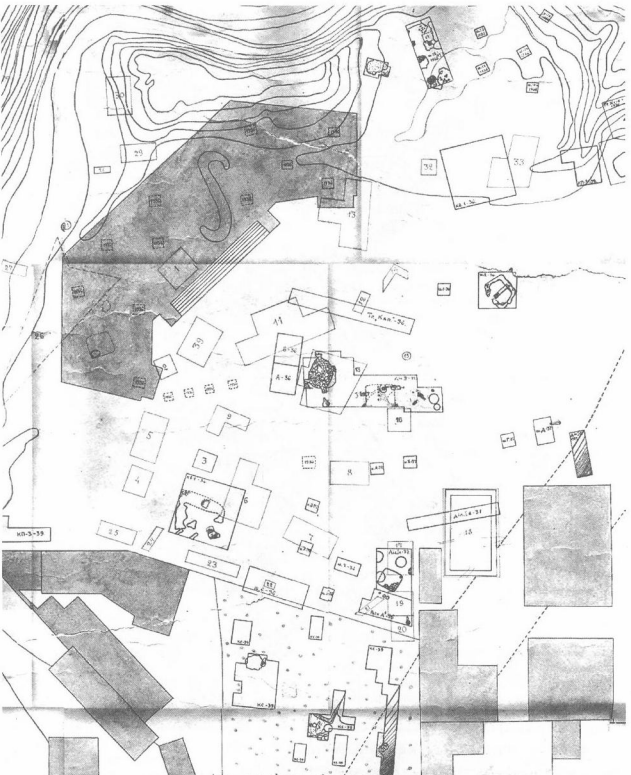


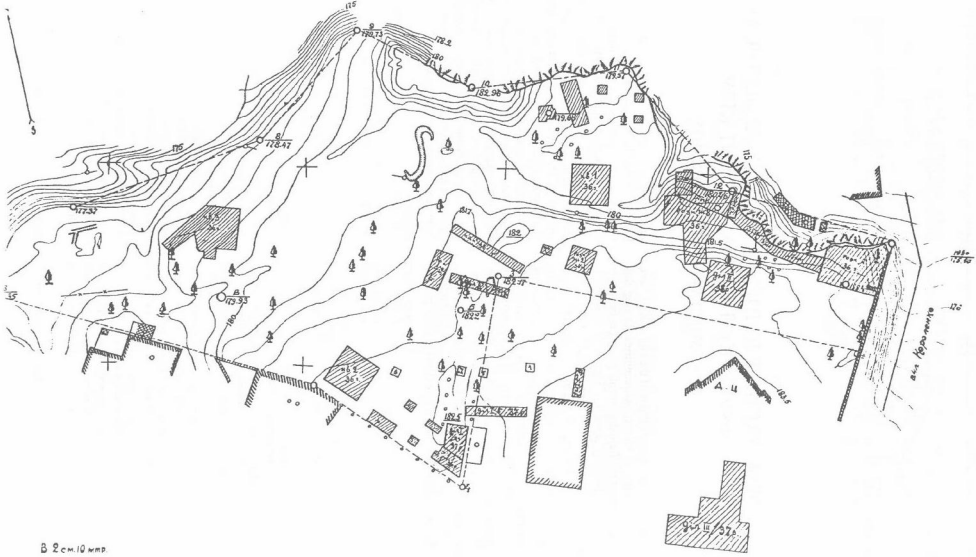
Рис. 3. Фрагмент № 2 «План Корзухиной» вокруг Исторического музея.

Fig. 3. Fragment no. 2 «Korzukhina's plan», the area around the Historical Museum.

Рис. 4. «План Мовчановского».

Fig. 4. «Movchanovskiy's plan».

План розташування археологічних ділянок і розвідочих розкопів на садибі художньої школи в Києві
(давній акрополь)



В 2 см. 10 мтр.

Брайчевський, М. Ю. 1963. Коли і як виник Київ. Київ.
Грибанова, Н. 1996. «Втрачене» джерело про археологічні дослідження 1908–1914 рр. // Церква Богородиці Десятина в Києві. Київ.
Каргер, М. К. 1958. Древний Киев. Том I. Москва-Ленинград. 1961. Древний Киев. Том II. Москва-Ленинград.
Килиевич, С. Р. 1982 Детинец Киева IX – первой половины XIII вв. По материалам археологических исследований. Киев.
Корзухина, Г. Ф. 1956. Новые данные о раскопках В. В. Хвойка на усадьбе Петровского // Советская археология XXV: 318–342.
Мезенцева, Г. І. 1997. Дослідники археології України: Енциклопедичний словник-довідник. Чернігів.
Толочко, П. П. 1972. Історична топографія стародавнього Києва. Київ.
Хвойка, В. В. 1913. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев.
Хойновский, И. А. 1893. Раскопки великокняжеского двора древнего города Киева, проведенные весной 1892 г. Киев.

NEW ARCHIVE EVIDENCE ON ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS IN ANCIENT KIEV

K.A. MIKHAYLOV, D. D. ELSHIN

Archaeological excavations of the city of Kiev have been continuing for almost two centuries. During this period, some of the field documents proved to be lost or inaccessible. In many cases it is impossible to establish even the locations of some old excavations in the centre of Kiev. The documentation left by the researchers who worked in the early 19th to the first half of the 20th century has been poorly disturbed by wars and social cataclysms of the past century. Neither there had for a long time existed any detailed composite plan of excavations in the most ancient and studied part of Kiev – the area of the Old-Kiev Mountain. The published plans are but schematic and often based on rather unreliable information.

Nevertheless, our studies in the Manuscript Archive of the Institute of Material Culture (IIMK), RAS, proved successful in discovery of a detailed plan with exact positions of the old excavation pits around the Church of the Tithe on Desyatinnaya and Vladimirskaya streets. This plan proved to be drawn in 1939–1940 by the well-known archaeologist G.F. Korzukhina, and it was based apparently on the now missing archive information of Kievan researchers. Owing to this important find, archaeologists will be able to localize more precisely the areas excavated by their predecessors and even reconstruct the topography of the abovementioned part of the medieval town, since many of the archaeological objects are drawn on this plan according to an exact scale. In its turn, this will enable to solve many problems of the topography and history of the ancient Russian town of Kiev which have accumulated throughout the decades of its studies.

ЭТЮД О РАЗРУШАЮЩЕЙСЯ ШТУКАТУРКЕ: МАТЕРИАЛЫ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ШТУКАТУРНЫМИ РАСТВОРАМИ ФАСАДОВ ЦЕРКВИ В ТРАКУМЛЕ (О. ГОТЛАНД, ШВЕЦИЯ)

А. А. ЛИПАТОВ[1]

Краткая история строительства и реставраций церкви в Тракумле.

По всей видимости, на месте нынешней каменной постройки в Тракумле существовала более ранняя деревянная церковь, о чем косвенно может свидетельствовать название селения – Träkumla (шв. trä – дерево). От этой деревянной церкви сохранились лишь деревянная скульптура Мадонны и крещальная купель производства мастера-византийца.

Сохранившийся до наших дней хор церкви традиционно датируется 1250-ми годами, но Дж. Русвал и Э. Борн относят постройку этой части здания к 1220-м годам (Roosval, Bohrn 1942: 27–40), однако в это время хор еще не был перекрыт сводами. Неф и башня церкви были построены в конце XIII в., но упомянутые авторы относят их строительство к 1240-ым годам (Roosval, Bohrn 1942: 27–40). С этим же временем они частично связывают и живопись нефа. Южный портал обычно датируют примерно 1277 г. В так называемых налоговых листах («taxuslistan») приводится другая дата строительства церкви – 1286 г. (Kyhlberg 1991: 191–198; Pernler 1977: 89–107), а в Хронике Х.-Н. Стрелова церковь датируется 1287 годом (см., например: Kyhlberg 1991: 135–139, 145–152; Wase 1995: 83–93), с этой датировкой согласуются и древнейшие в церкви граффити. Вскоре после 80-х гг. XIII в. были возведены своды над хором. К 1430-50-м годам интерьеры были украшены живописью, выполненной художником, называемым «Мастер страстей». В 1700-е гг. к основному объему церкви было пристроено небольшое помещение для служебных нужд – сакристи.

Первая реставрация церкви была произведена в 1917 г. (архитектор Н. Петерссон), в 1951 г. по предложению архитектора Леннарта Тама (Lennart Tham) – новая реставрация. Тогда же были очищены от побелки стены и своды интерьера (реставратор Г. Линдстрем). Консервация витражей в восточных окнах состоялась в 1990 г., а в 1993 г. осуществлены устройство амвона и замена кровли нефа с южной стороны. На схеме 1 показана характеристика использованных в 1996 г. растворов и картограммы их расположения.

При проведении эксперимента по оштукатариванию стен церкви различными типами растворов были употреблены следующие 3 типа связующего:

Тип 1. В первом типе штукатурного раствора была использована негашеная известь производства реставрационно-строительной фирмы «Byggnadshyttan på Gotland». Гашение осуществлялось одновременно с замешиванием раствора и добавлением агрегатных добавок по так называемой технологии «горячей извести» (Moropoulou, Bakolas, Bisbikou 2000: 35–46; Moropoulou, Tsiourva, Bisbikou, Biscontin, Bakolas, Zendri 1996: 151–59).

Тип 2. Гашеная известь производства «Byggnadshyttan på Gotland» (см.: Gotlands kalk 1987).

Тип 3. *Порошковая известь производства завода* «Cementa» (Слите, о. Готланд, Швеция).

Во все три типа растворов в качестве наполнителя был включен измельченный известняк (до какой степени – не указывается, скорее всего, не более 10 мм), добавленный в связующее в пропорции один к трем (см. Отчет 1996: п. 9–6, АТА № 7643/93). Согласно реставрационному заданию архитектора Я. Утаса, песок должен был быть использова н следующих фракций (см. диаграмма, там же): от 0,075 до 0,125 мм – около 5%, от 0,125 до 0,25 мм – около 25%, от 0,25 до 0,5 мм – около 42%, от 0,05 до 1,0 мм – около 22%, от 1,0 до 2,0 мм – около 4%, от 2,0 до 3,0 мм – 2% (правда, в задании не было указано, в каком отношении, весовом или объемном). В части отчета, подготовленной Э. Линдквистом (см. Отчет 1996 г., п. 9, с.1, АТА № 7643/93), указывается, что в растворах был использован песок с максимальным размером частиц 3 мм.

Распределение описанных выше трех типов растворов показано на схемах (рис. 1, 2) и в приведенной ниже таблице. Таким образом получается, что стены хора (северная, восточная и южная) покрыты одним типом раствора – № 3, стены нефа покрыты типом раствора № 2, и башня была оштукатурена раствором первого типа. Все три типа растворов оказываются в равном климатическом положении, и, что самое важное, все три типа представлены на южной и северной стенах церкви.

Исследования 2002 года. В течение пяти дней (4–9 апреля 2002 года) автор принял участие в плановых работах «Byggnadshyttan på Gotland» по реставрации фасадов церкви в с. Тракумла. В течение этого срока были возведены второй и третий ярусы лесов вокруг южного, западного и части северного фасадов церкви. Автором были проведены наблюдения над разрушениями и нарушениями штукатурного слоя на всех поверхностях стен с целью выяснения количествен-

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

© А. А. Липатов, 2004

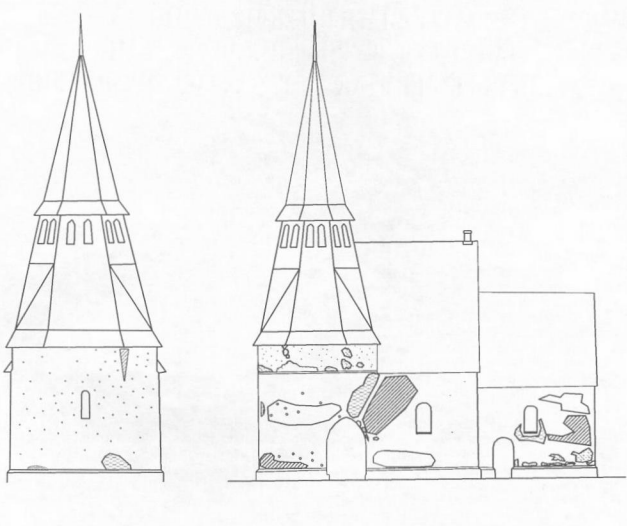


Рис. 1. Картограмма разрушений штукатурного слоя на западном и южном фасадах церкви в Тракумле.
Список условных обозначений. 1 – тип разрушения II C-II B_1; Отделение штукатурного слоя значительной площади; 2 – тип разрушения I C. Подтеки на стенах башни с деревянной конструкции кровли; 3 – тип разрушения II A_{3-3}: отделение побелки с подлежащим слоем (или его частью) штукатурного намета; 4 – тип разрушения I B. Желтоватые пятна (без значительных разрушений) на известковой побелке; 5 – тип разрушения I A: отшелушивание побелки; 6 – тип разрушения II A_1: точечные «отстрелы» штукатурного раствора; 7 – тип разрушения IIB_2: отслаивание штукатурного слоя от намета с образованием характерных пустот («пузырей»).

Fig. 1. The situation of destruction of plaster layers on western and southern facades of the Trākumla-church.
Legend. 1 – Type IIC-IIB_1: destruction of plaster layer of significant area; 2 – Type I C: places of flowing of condensed water; 3 – Type II A_{3-3}: «shutting out» of whitewashing together with preliminary mortar layer (or part of it); 4 – Type II B: yellow spots on whitewashing (without any significant destructions); 5 – Type I A: peeling of lime wash; 6 – Type II A_1: «dot-like shutting out» of lime-plaster layers from surface of wall and preliminary coats; 7 – Type IIB_2: flaking-off of plaster layer from preliminary mortar layer accompanied by forming of hollowness between plaster and preliminary layer.

ных и качественных отличий в поведении использованных в 1996 году трех типов растворов. В ходе наблюдения были составлены картограммы утрат штукатурного слоя, произведена фотофиксация поверхностей стен, а также наиболее характерных разрушений штукатурки[2].

Типология характерных разрушений растворов, наблюдаемых в 2002 году.

Повреждения и нарушения штукатурного слоя на стенах церкви можно разделить на две основные группы: *поверхностные* и *глубокие* (или *глубинные*). Как явствует из этого разделения, нарушения носили

[2] Материалы этих исследований легли в основу отчета, хранящегося в архиве фирмы «Byggnadshyttan på Gotland» (Strandgatan 7, SE-621 57 Visby, Sweden) и в архиве музея г. Висбю. Автор считает своей приятной обязанностью поблагодарить Э. Линдквиста (Университет г. Висбю), Л. Борге (музей г. Висбю), главу «Бюгнадсхюттьи» Х. Линдквиста, а также тех ее сотрудников, с которыми мне посчастливилось работать в Трекумле – Бо, Никласа и Путе.

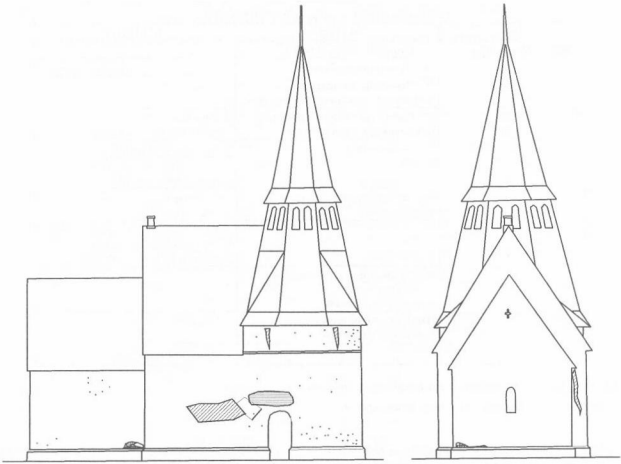


Рис. 2. Картограмма разрушений штукатурного слоя на северном и восточном фасадах церкви в Тракумле (условные обозначения см. на рис. 1).

Fig. 2. The situation of destruction of plaster layers on northern and eastern facades of the Trākumla-church (legend see fig. 1).

поверхностный характер, то есть не затрагивая всей толщины штукатурного раствора (вызваны они как правило, не процессами или изменениями внутри толщи штукатурного слоя, а влиянием извне, в первую очередь, природными явлениями). Нарушения, отнесенные ко второй группе «глубоких» (или «глубинных»), обусловлены целым спектром изменений, происходивших в слое штукатурного раствора, вызванных как составом самого раствора, так и взаимодействием различных слоев штукатурного покрытия здания.

Предлагаемая типология носит предварительный характер и основана лишь на визуальных характеристиках нарушений штукатурного слоя. Возможно, более детальное изучение характера изменений штукатурки различных типов даст более точную картину

1	Южный фасад	Хор	Раствор № 3.	
		Неф	Раствор № 2	Примеч.: граница растворов проходит по линии,
		Башня	№ 1	соединяющей середину правого полукружия арки портала и крайнюю восточную точку известнякового карниза башни.
2	Западный фасад	Башня	№ 1	
3	Северный фасад	Хор	№ 3	
		Неф	№ 2	Примеч.: граница растворов проходит по линии,
		Башня	№ 1	соединяющей середину левого полукружия арки портала и крайнюю восточную точку известнякового карниза башни.
4	Восточный фасад	Хор	№ 3	
		Неф	№ 2	

Таблица 1. Распределение различных типов штукатурных растворов на фасадных стенах церкви.

Table 1. Distribution of the mortar's types through the facades of the Trākumla church.

Типы нарушений и разрушений штукатурного слоя			
ТИП		ПОДТИП	ВАРИАНТ
Тип I	*Поверхностные*	(А) Отшелушивание побелки.	
		(В) Пожелтение побелки.	
		(С) Черные пятна-подтеки под определенными местами кровли.	
Тип II	*Глубинные / Глубокие*	(А) Отстрел штукатурного раствора благодаря непрогасившимся	*1.* Точечные (зерна в штукатурном слое).
		зернам извести:	2. Значительной площади.
			3. Зерна извести в намете и, как следствие, тип IIA_2.
		(В) Отслаивание штукатурного слоя от намета:	*1.* С отпадением, полным или частичным.
			2. Без отпадения, но с образованием пустотного «мешка» между *наметом и слоем штукатурки.*
		(С) Слоение штукатурного слоя с отпадением его части с наружней побелкой.	
		(D) Отслаивание штукатурного слоя от конструкций стены:	1. От камня.
			2. От древнего раствора.

Таблица 2. Типология повреждений и разрушений штукатурного слоя.

Table 2. Typology of the mortar's damages and deteriorations.

причин разрушений. Два основных типа разрушений подразделяются на ряд подтипов, выделение которых базируется на внешнем проявлении обоих типов нарушений. При рассмотрении подтипов разрушений второго типа оказывается возможным развить *дробление характерных нарушений слоя* раствора, основываясь на более частных характеристиках того или иного подтипа разрушений. Как правило, такими характеристиками оказываются размер (площадь) нарушения (как в случае с типом $IIB_{1, 2}$), в другом случае наблюдения над характером нарушений позволяют выявить течение процесса разрушения штукатурного слоя: такая картина может быть прослежена в последовательности разрушений типа IIA_1 а IIA_2 или $IIA3$ а IIA_2.

В приведенной выше таблице (Табл. 2) дана сводка нарушений / разрушений, выделенных на основе визуального изучения.

Описание типов нарушений и их распределение по поверхностям стен (см. картограммы рис. *1*, 2).

А) Нарушения.

Тип **1А** нарушений штукатурного слоя имеет самый безобидный и легко исправимый характер. Отпадение побелки наблюдается практически на всех поверхностях южного фасада (особенно – южной стены хора), на северном фасаде – это граница двух типов растворов (№ *1–2*) по линии, соединяющей западный конец кровли нефа и середину четверти полукружия арки портала. Причиной *появления этого* типа нарушений, скорее всего, является старение слоя побелки, а также воздействие атмосферных явлений.

Тип **1В** нарушений штукатурного слоя (пожелтение известковой побелки) также, как и предыдущий, может быть легко исправлен. Фиксируется он на несколько больших площадях, *чем тип* 1А, *и обнаружен только на южном и северном* фасадах здания. Закономерность в его расположении проследить сложно, можно лишь отметить, что этот тип также наблюдается на поверхностях, где использованы типы раствора № 1 и 2. На поверхностях стен хора, где употреблялся раствор № 3, такие нарушения отсутствуют.

Тип **1С**, *в отличие от* рассмотренных выше, имеет четкую локализацию и причины появления. К этому типу нарушений штукатурного слоя относятся черные грязноватые подтеки на стенах церкви, *расположенные* под водоотводными конструкциями кровли. На южном фасаде они отмечены под конструкцией кровли башни, в месте примыкания кровли нефа к стене *башни. На западной стене башни* подтек расположен под южным скатом кровли возле юго-западного угла башни. На поверхности северной стены здания подобные нарушения также отмечаются *в двух случаях* под скатом кровли башни. Последнее место, где наблюдаются подтеки влаги с кровли, – участок восточной стены нефа, в месте примыкания его к хору.

Следует сразу заметить, что природа появления таких нарушений – изменение влажностного режима штукатурки, долговременная подверженность намоканию. Причины же таких нарушений в разных случаях различны. В последнем рассмотренном нами случае подтек влаги на стене появился из-за отсутствия водоотвода на участке примыкающей кровли.

В качестве возможного варианта предотвращения поступления влаги на восточную стену нефа можно предложить конструкцию водоотвода, использованную И. Хольмстром для церкви в Экебю (Holmstrom, Gotlands Fornsal arkivet).

Причина появления подтеков под скатами кровли башни иная. Как видно на картограмме, подтеки влаги наиболее интенсивны на южном фасаде и на северном возле юго-западного угла башни. Именно эти скаты кровли башни наиболее всего нагреваются солнцем в течение дня. Поэтому кажется логичным предположить, что причина этих подтеков – влага, конденсирующаяся под кровлей башни. Стоку накопившейся влаги на поверхности стен способствует несущая конструкция кровли башни: в качестве прокладки между деревянными опорами кровли использована металлическая лента, идущая между балками на всю высоту ската кровли. Именно она служит прекрасным водоводом для конденсата. Можно предложить направить сток этой ленты в водоотводящую систему по периметру кровли башни.

В) Разрушения.

Тип разрушения **IIA**$_1$ имеет самое значительное распространение по поверхности стен церкви. Не встречен он лишь на восточном фасаде хора и очень незначительное число этих точечных разрушений встречено на северной стене хора. На всех остальных фасадах он присутствует в той или иной степени. Южный фасад подвержен этому типу разрушения штукатурного слоя на участке нефа и башни. Более всего разрушен участок южной стены над декоративным известняковым карнизом. Причины появления таких разрушений видны на примере некоторых отдельных отстрелов штукатурного слоя, где процесс отделения поверхностного слоя раствора не завершился. Причина – непрогасившиеся до конца в процессе замешивания раствора зерна извести, которые, попав на стену, продолжили поглощение влаги из прилежащих участков раствора и завершили процесс гашения. Как известно, процесс гашения извести сопровождается как бурной реакцией, так и увеличением в объеме частиц извести. И то, и другое послужило причиной своеобразного «отстреливания» штукатурного слоя от поверхности стены и намета. Эти бурно протекающие процессы обнаружили себя практически сразу по нанесении штукатурного слоя на стены (см. Линдквист 1996: фото 27, 28, 30, АТА № 7643/93). В 2002 же году особенно хорошо последствия такого «гашения post factum» зерен извести проявляются на западной стене башни и на западном участке северной стены возле северо-западного угла башни.

Как видно из документации по реставрации фасадов церкви 1996 года, в приготовлении штукатурного раствора для этих поверхностей была использована негашеная известь, которая гасилась в процессе замешивания штукатурного раствора. Нетщательный замес, а также отсутствие должного контроля над качеством гашения извести в процессе замешивания и стали причиной попадания непрогасившихся зерен извести в значительном количестве на стены здания. По всей видимости, в дальнейшей практике следует отказаться от использования такого сорта растворов для штукатурных работ. Совмещение процессов замешивания раствора и гашения известкового связующего ускоряет производственный процесс только на начальной стадии, поскольку перед использованием приготовленного раствора следует протирать раствор через сито (размер ячейки – не менее самых крупных фракций песка в растворе), что позволит избежать попадания зерен извести на стены.

Следует также отметить, что «взрыв» непрогашенного зерна извести в толще штукатурного слоя часто служит началом процесса разрушения штукатурки гораздо больших масштабов. Эту ситуацию мы попытались отразить в предлагаемой типологии разрушений штукатурного слоя. Последствия отделения поверхностного слоя штукатурки от остального раствора может вести к дальнейшим разрушениям (не следует также забывать об активном состоянии зерен извести).

Разрушения данных двух типов мы объединяем (тип IIA1–2), поскольку тип IIA$_1$ является причиной возникновения типа IIA$_2$, так как зерна непрогасившейся извести, по всей видимости, попадали и в штукатурный намет, что дает возможность объяснить появление на стенах разрушений более значительной площади. Причины появления такого рода разрушений штукатурного слоя были описаны в предыдущем пункте.

Объяснения требует, скорее, механизм превращения «точечного отстрела» в отслоение штукатурки значительной площади. Во-первых, причиной разрушений штукатурки большой площади в большинстве случаев являются непрогасившиеся зерна извести в намете, а не в штукатурном внешнем слое. В остальных случаях причиной широкой площади разрушения штукатурного слоя является отслоение его от слоя намета. Как правило, такой тип (IIB) встречается исключительно на верхнем ярусе (выше известнякового карниза) южного фасада башни. Итак, причин значительных по площади разрушений штукатурного раствора две – зерна извести в штукатурном намете и отслоение от намета. Отметим, что отслоение штукатурного слоя от намета может сопровождаться «точечными отстрелами» штукатурки с поверхности без всяких последствий для целостности образовавшегося «пузыря». Другой вопрос, что со временем такой «воздушный пузырь» рано или поздно обнажит штукатурный намет, образовав разрушение типа IIB$_1$.

Отличие разрушений штукатурного слоя, происшедших по причине наличия непрогасившихся зерен извести в намёте, заключается в меньшей площади разрушения, но в гораздо более значительной глубине, затронутой разрушениями: как правило, поверхность штукатурного намета покрыта кавернами так, что общая глубина разрушенного слоя достигает порой 0.07 м.

Значительные по площади участки стен подвержены отслаиванию штукатурного слоя от намета (тип IIB1), особенно участок южной стены башни над декоративным известняковым карнизом. Причиной

отслаивания штукатурки именно на этом участке, по всей видимости, является недостаточное сцепление штукатурного слоя с подготовительным слоем намета. *Из-за чего это происходит – сказать довольно сложно, но возможно предположить*, что поверхность намета была недостаточно увлажнена перед нанесением штукатурки, либо она имела слишком ровную поверхность, что препятствовало необходимому сцеплению слоев. Как видно по фотографиям, поверхность намета покрыта сетью трещин, что может свидетельствовать о том, что намет был практически сухой перед нанесением штукатурного слоя (*или недостаточно увлажнен*). Механизм отслоения штукатурного раствора от намета может быть проиллюстрирован ситуацией с отслаиванием штукатурки от каменной основы.

На верхнем участке южной стены башни (выше известнякового карниза) встречается также несколько иной тип разрушения штукатурного слоя – тип IIB_2, отличающийся от упомянутого выше тем, что отделившийся от намета штукатурный слой не разрушился и не отделился полностью *от стены*, образовав, таким образом, пустоты между штукатуркой и наметом. Нет сомнений в том, что *со временем* разрушение этого типа видоизменится в разрушение предыдущего типа (IIB_1) и примет *вид уже упомянавшихся* выше.

Разрушений типа IIC встречено не *очень* большое количество. *Хотя у них и разрушений типа* IIA_2 сходные визуальные признаки, но они имеют совершенно различную природу происхождения. В ряде случаев разрушение типа IIC сопровождает разрушения, причиной которых являются зерна извести *в штукатурном намете*. Как правило, разрушения штукатурного слоя типа IIC появляются по периметру *каверн в растворе* штукатурного намета. Причину слоения штукатурного слоя можно усмотреть в температурно-влажностном воздействии на внешний штукатурный слой: например, понижение температуры в процессе нанесения штукатурного слоя могло сказаться впоследствии именно таким образом.

Разрушение типа IID_2 – явление единичное, так как встречено нами в одном случае – в откосах оконного проема в южной стене хора. Механизм такого слоения уже использовался нами для иллюстрации рассмотренных выше разрушений штукатурного слоя. Однако причины такого отслоения штукатурного слоя от каменной основы следует искать в механизме взаимодействия границы «камень-раствор», при этом *следует учесть то обстоятельство, что камень* откосов окна, на который был положен *раствор, не имеет* характерной поверхности, предназначенной под оштукатуривание, а напротив, обтесан *для экстерьерной* кладки. Кроме того, поверхность известнякового камня в откосах окон сильно отличается от поверхности камней в кладке стен тем, что первый – окислен под *воздействием* атмосферных влияний, что также может препятствовать образованию хорошего контакта между *раствором и поверхностью* камня.

Последний тип разрушений штукатурного слоя II – довольно экзотический: отслаивание штукатурного слоя от древнего кладочного раствора (тип IID_2). Так как обнаружен он только в одном месте – справа от южного портала нефа, на уровне пяты арки портала – можно с уверенностью сказать, что этот тип разрушений не имеет большого значения и опасности для штукатурного слоя фасадов в целом. Своим появлением он обязан очень небольшому расстоянию между древней кладкой и поверхностью внешнего раствора. По всей видимости, на этом участке не было возможности уложить достаточно мощный слой штукатурного намета. Древний раствор, по всей вероятности, сыграл ту же роль в активизации разрушения, что и каменная кладка в предыдущем типе.

В заключение к описанию нарушений и разрушений штукатурного слоя мы приводим обобщающую таблицу (Табл. 3), в которой суммированы сведения по расположению тех или иных разрушений на южной, западной, северной и восточной поверхностях стен конструктивных элементов здания церкви: хора, нефа и башни. Как видно по данным таблицы, не подвержен нарушениям лишь восточный фасад хора, штукатурки всех остальных стен в различной степени пострадали. Можно также отметить, что наибольшее число нарушений и разрушений штукатурного слоя обнаруживается на южном фасаде церкви: здесь представлены практически все типы нарушений и разрушений (за исключением типа IID_1, представленного единственным случаем). Эта картина заставляет задуматься над причинами столь сильного разрушения именно южной стороны. Среди возможных причин – наиболее интенсивная инсоляция южной стороны здания, и, следовательно, именно южная стена подвержена самому большому перепаду суточных температур, южная стена более других подвержена воздействию ветров, преимущественное направление которых – южное. Воздействие сильных ветров на фасады зданий – известный факт (см., например: Mark 1997: 11), кроме того, воздействие ветра понижает фактическую температуру стен здания, что неблагоприятно сказывается на штукатурном слое как в процессе его нанесения, так и в последующий период твердения и эксплуатации. Ветер, помимо понижения температуры поверхности стены, зачастую приносит на стены и значительный объем влаги, так что влажностный режим южной стены также оказывается менее всего благоприятным.

Также следует отметить, что значительно меньшим нарушениям подвержен северный фасад здания, что также связано с ориентацией этой плоскости здания. Северная сторона наиболее стабильна в отношении дневного перепада температур и подвержена меньшему, в сравнении с южной, воздействию ветра, то есть температурно-влажностный режим северной стены более благоприятен для штукатурных растворов, особенно при сравнении с южным фасадом.

Восточная сторона нефа слишком незначительна по площади, чтобы на ней можно было проследить значительные нарушения. Следует лишь отметить, что разрушению подвержен слой штукатурки на южной части восточного фасада нефа, между деревянными лежнями конструкции кровли нефа и участком изве-

	ТИП	ПОДТИП / ВАРИАНТ	ХОР			НЕФ			БАШНЯ		
			Север	*Восток*	*Юг*	*Север*	*Восток*	*Юг*	*Север*	*Запад*	*Юг*
1	I	A	+	–	+	+	–	+	–	–	–
2		B	–	–	+	+	–	+	+	+	+
3		C	–	–	–		+	–	+	+	+
4	II	A_1	+	–	–	+	–	+	+	+	+
5		A_2	–	–	+	–	–	–	+	+	+
6		A_3	–	–	+	–	–	–	–	+	+
7		B_1	+	–	+	–	+	–	–	–	+
8		B_2	–	–	+	–	–	–	–	–	+
9		C	+	–	+	–	–	+	–	–	+
10		D_1	–	–	+	–	–	+	–	–	–
11		D_2	–	–	–	–	–	+	–	–	–

Таблица 3. Распределение различных типов нарушений и разрушений штукатурного слоя на стенах церкви.

Table 3. Location of the mortar's deterioration of that type.

стнякового декоративного карниза: происходит отслоение *штукатурного покрытия* пространства между ними (см. картограмму, восточный фасад).

Типы растворов и их разрушения: некоторые закономерности.

В заключение предлагаем обратить внимание на таблицу, иллюстрирующую связь различных типов нарушений / разрушений штукатурного слоя и типов использованных растворов (Табл. 3). Как следует из таблицы, все три типа растворов в равной степени подвержены нарушениям штукатурного слоя (IA-B-C), но, как мы уже говорили, характер этих *нарушений не столь губителен* и исправления его не столь сложны. Разрушения *же штукатурки дают* равномерную картину: растворы типа 1 и 3 подвержены практически всем выявленным *разрушениям*. Тип раствора № 2 подвержен разрушениям менее двух остальных. Скорее всего, именно ему следует отдавать предпочтение при проведении штукатурных работ в дальнейшем.

Некоторые рекомендации при проведении последующих работ.

Температурный режим во время нанесения намета (подготовительного слоя) и внешнего слоя штукатурки: перепад дневной и ночной температуры должен составлять не более 10–15° С. При этом следует учитывать, что постоянно (или переменно, что случается редко) дующий ветер понижает температуру поверхности дополнительно на 5–10° С. Таким образом, очень важно соблюдать не только дневной температурный режим, но и стараться не проводить штукатурные работы, когда ночью стены охлаждаются до температуры, близкой к 0° С. Существуют рекомендации для работы с штукатурными растворами при низких температурах: рекомендуется использовать в качестве связующего *гидравлическую известь* (Holmes, Wingate 1997: 112). Также возможно использовать теплую известь (*Holmes, Wingate 1997: 112–*113), то есть сразу же после гашения, но этот способ более сложен, так как требует тщательного контроля над всеми ингредиентами и особенно над качеством *гашеной извести*.

Предварительный намет должен сразу же покрываться внешним слоем штукатурного раствора, не дожидаясь его просушки. Работа в таком случае должна вестись не на всей поверхности стены, а участками-захватками, площадь которых может быть определена опытным путем. Основным критерием при этом должна стать скорость высыхания площади намета.

Следует также обратить внимание на поведение штукатурных растворов на стенах различной ориентации (температурное воздействие солнца, преимущественные ветра и, как следствие, увлажнение стен).

При подготовке штукатурных растворов отдавать предпочтение *извести с большим гидравлическим* модулем и использовать именно этот раствор на юж-

Тип раствора	Нарушения штукатурного слоя			Разрушения штукатурного слоя							
	I A	I B	I C	II A_1	II A_2	II A_3	II B_1	II B_2	II C	II D_1	II D_2
№ 1	–	+	+	+	+	+	+	+	+	–	–
№ 2	+	+	+	+	–	–	+	–	+	+	+
№ 3	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+	–

Таблица 4. Корреляция типов штукатурных растворов и типов нарушений и разрушений штукатурного слоя.

Table 4. Correlation between mortar's types and types of damage.

ной и западной стенах как наиболее подверженных влажностным воздействиям и колебаниям температуры. Либо, при использовании обычной тощей извести, вводить в состав раствора пуццолановые добавки (например, кирпичная крошка или мелкий керамический бой). Однако следует учесть, что фракционный состав таких добавок должен быть не крупнее песочной составляющей раствора, предпочтительно – не крупнее фракции 1 мм.

Если все-таки приходится использовать негашеную известь и гасить ее одновременно с приготовлением раствора, то рекомендуется последующее протирание раствора через сетку с ячейкой размером не более 1 мм (то есть не менее самой крупной фракции составляющих). Такая операция позволит уничтожить все непрогашенные зерна извести любого размера.

Тщательный отбор песка как добавки в штукатурный раствор имеет очень большое значение для конечного результата: для внешних слоев штукатурки (и особенно для последнего) максимальный размер частиц песка не должен превышать 1 мм, то есть для просеивания песка должна использоваться сетка с ячейкой не более 1.18 мм (Holmes, Wingate 1997: 84; о различных стандартах см. Table 6.1 и Appendix 3).

Не лишним представляется промывание песка перед его использованием в растворе, что позволит вымыть часто встречающиеся в песке глинистые частицы.

По результатам исследований можно заключить, что при проведении штукатурных работ в дальнейшем предпочтение следует отдавать раствору типа 2.

Holmes, S., M. Wingate. 1997. Building with lime: A practical introduction. London: Intermedia technology publications.

Holmstrom, I. Ekeby kyrka, Gotland: Restaurering av tak M. M. // Gotlands Fornsal arkivet.

Kyhlberg, O. 1991. Gotland mellan arkeologi och historia: Om det tidiga Gotland // Stockholms universitet. Theses and papers in archaeology 4. Tierp: Löjdquist tryckeri.

Mark, R. 1997. Technological innovation in High Gothic architecture // Technology and resource use in Medieval Europe: Cathedrals, mills, and mines: 11–25. Aldershot: Ashgate.

Pernler, S.-E. 1977. Gotlands medeltida kyrkorliv – biskop och prostar: En kyrkorättslig studie. Visby: Barry press.

Roosval, J., E. Bohrn. 1942. Träkumla kyrka // Gotland, Bd. III: Hejde setting. Sveriges kyrkor: konsthistoriskt inventarium 54: 27–49. Stockholm.

Wase, D. 1995. De Strelowska kyrkoårtalen // Fornvännen 90/2: 83–93.

Moropoulou, A., A. Bakolas, K. Bisbikou. 2000. Physico-chemical adhesion and cohesion bonds in joint mortars imparting durability to the historic structures // Construction and building materials 14: 35–46.

Moropoulou, A., Th. Tsiourva, K. Bisbikou, G. Biscontin, A. Bakolas, E. Zendr. 1996. Hot lime technology imparting high strength to historic mortars // Construction and building materials 10/2: 151–59.

Gotlands kalk. 1987. Gotlands kalk: Beskrivning av traditionell falkstillverkning i Hejnum-Djupgvior // Riksantikvarieämbetet och Statens Historiska museer rapport 7. Stockholm.

ESSAY ON THE COATINGS UNDER DESTRUCTION. MATERIALS OF THE INVESTIGATION ON LIME COATINGS OF THE CHURCH IN TRÄKUMLA (GOTLAND, SWEDEN).

A. A. LIPATOV

Short building history.

An earlier building was situated on the place of present church. Probably it was made of tree; the name of the village Träkumla indirectly supports this version. Only the wooden sculptures of Virgin and limestone baptismal font made by Byzantius are survived. Around 1250 the present chor of the church was build, but wasn't vaulted. In the end of 1220th the nave and the tower were added to the chor. The painting of the nave originates partly from this time. Southern doorway was build around the year 1277. Under 1287 the church in Träkumla was mentioned by H.-N. Strelow's chronicle, and the earliest inscriptions in the church correspond this date. Short time after that the vaultings above chore were established. Around 1430–50th the interiors of the church were decorated by paintings of «Passion master». In 1700 to the church building the sakristi was added.

Description of lime used in 1996 and the mapping of it distribution on facades (see schem, fig. 1, 2).

During the experiment on lime finishing coats of church' facades, the following 3 kinds of lime binder were used:

Type 1. Unslacked lime (produced by Bygnadshyttan pe Gotland) was used as a binder for first type of mortar. It was used for preparing of mortar according to the «hot lime» technology.

Type 2. Slaked lime, produced by Bygnadshyttan pe Gotland.

Type 3. Pulverkalk, produced by «Cementa» (Slite, Gotland).

The distribution of mortar's types described above is shown on the Scheme 1 and in the following Table 1. This diagram shows that the walls of the chor (northern, eastern and southern) were covered by the same type of

lime mortar – № 1, the walls of the nave – by mortar № 2, and the tower by mortar type № 1.

The investigations in 2002.

During 4–9 of April 2002 the author took part in restoration works, carried out by Bygnadshyttan pe Gotland on the church facades in Trakumla. The observations on demolition and destruction of lime coats on all surfaces of church' walls were carried, pursuing the clarification of qualitative and quantitative difference in behavior and destruction of mortars' different types, used in 1996.

Typology of most characteristic mortar's destructions, observed in 2002.

The damages and disturbances of wall coatings of the church could be divided into two main groups: damages *on surface* and *deep* damages. As we can see from this dividing, the destruction could be of surfacial character, that means, that they don't touch the deep of the mortar layer (and their origin are the influence from outside, the climatic and natural phenomenon in the first line). The damages of the second group, the *deep damages*, are of «inside origin», i.e. they are stipulated by different changes in the deep of mortars layer. The causes for these changes could be the composition of the mortar, and the interaction of different layers of mortar.

The following typology has a preliminary character and bases on visual evidences of coat destruction only. Two main types of destructions are divided into some sub-types, distinguishing of them bases on outer traces of destruction's development. By the investigating of these sub-types it's possible to divide the characteristics of destructions more and more exact. As a rule, the reasons for this determination are «private» characteristics of damages: size (area) (as in the case of type $IIB_{1,2}$), in other cases the observation of character of destruction can elucidate the mechanism of coat's destruction (as in the case of succession IIA_1 a IIA_2 or IIA3 a IIA_2). The Table 2 summarizes the types of damages, basing on visual observation of coatings.

Description of the damages types and its distribution on the walls surfaces.

A) Disturbances (Surface-damges).

The type **IA** of lime coat's disturbances has the most innocent and easy character for repairing. Peeling of lime wash was observed almost on all surfaces of the southern facade (especially on the southern wall of the chor), on the northern facade that is the border between two types of mortar (№ 1–2), which goes on the line between the middle of right semi-circle of portal' arch and the most western point of limestone cornice of tower. The cause of appearance of this damage type is the age of lime wash layer and the influence of the natural phenomena (rain, dampness, wind and frost). It's also possible, that the carbonate film on the preliminary layer of mortar appeared earlier, than the finishing coat and lime wash were piled up. If it's so, we can recommend to make the period between these two operations shorter.

Type **IB** of lime coat's damages – «yellowing» of lime wash – as a last one, can be easily repaired. It is situated on slightly more wider surfaces, than type IA, and was distinguished on southern and northern facades only. The regularity in its distribution is not so easy to trace, but we can note, that it is situated on the surfaces, where mortars types *1* and *2* were used. On the wall surfaces of the chor this type wasn't found.

Type **IC**, as distinct to the types IA-B, has clear localization and the reasons of appearance. To this type of damages belong black dirty spots on the walls of the church, situated under drain construction of the roof. On the southern facade of the church they were traced under roof construction, and on the place of contact of nave's roof to tower. On the western wall of the tower this kind of flow is situated under southern pitch close to the south-western corner of tower. On the surface of northern wall of the church these surface-damages were traced in two cases under pitch of the tower's roof. Last place were this type is located is the area of the eastern nave's wall, in the place of its adjoining to the chor.

In the first line I have to draw attention to the nature of these damages – the changes in the regime of humidity of lime coats, long term subject to getting wet. And the reasons for un-normal wetting are in different cases different: in the last case black spots appears on the wall due to the absence of draining construction on the adjoining roof. The cause of appearance of spots under pitches of tower's roof is another. As it is visible on a cartogram, the spots are most intensive on a southern facade and on northern near south-western corner of the tower. Exactly these sides of the roof are heated by the sun during the day. Therefore it seems logical to suspect, that the cause of these black spots is the moisture, condensed under a roof of the tower. The drain of an accumulating moisture on a surface of the walls is promoted by carrying construction of tower's roof: as the gasket between wooden beams under the roof the metal tape going between beams through all height of roof was used. It serves as fine gutter for condensed water. It is possible to offer to route this tape in waterdraining system under the perimeter of the tower's roof.

B) Damages (Deep damages).

The given type of damages (**IIA_1**) has the most considerable distribution on surfaces of church walls. It wasn't met only on the eastern facade of chor and in very little number of these dot-destructions was met on northern wall of chor. On all remaining facades it's present in different quantity. The southern facade was influenced by this destruction of a plaster layer on area of nave and tower. Southern wall above decorative limestone cornice was destructed by that destruction of mortar more, than all other surfaces. The causes of occurrence of such destructions are visible on an example of some «shuting out» of plaster layer, where the process of separation in surface layer of mortar wasn't completed. The cause of that destruction is unslaked lime particles which appears in the process of mortar mixing. On the wall these particles continue to slake and to adsorb the water from next areas and make some sort of explosion in the deep of the mortar layer. As it is known, the process of lime slaking is accompanied by rough reacting with escaping of considerable heat, and increasing of particle's size. All these circumstances serve as a cause of peculiar «shutting out» of lime-plaster layers from a surface of wall and

preliminary coats. These vigorous processes found *out themselves practically at once after the plastering of the* church' walls. In 2002 the traces of this «slaking post factum» of lime-grains were shown on western wall of tower, on western area of northern wall near NW corner of the tower.

It is necessary also to mark, that «explosion» of grains of unslaked lime in the deep of plaster layer serves often as the starting point of destruction processes of plaster of much bigger scales. We attempted to reflect this situation in the typology of plaster layer destructions.

Destructions of these two types are integrated (type IIA_{2-3}), because the type IIA_1 is the cause of originating of type IIA_2, since the grains of unslaked lime, as we suppose, get into the preliminary layers too. That enables *to explain the appearance of destructions on more* considerable areas of walls. The causes of such occurrence of such destructions were described in the previous point.

The mechanism of metamorphosis from «dot-shutting out» of plaster to the separation of plaster of considerable size needs, as we think, an explanation. At first, the causes of destructions of plaster of large area in most cases are the un-slaked lime-grains in preliminary mortar layer, instead of it in plaster finishing layer. In other cases the cause of the broad area of destruction of plaster layer is the separation of a plaster layer from a layer of preliminary mortar. As a rule, such type of destructions (IIB) we can meet extremely on the upper level (above the limestone cornice) of southern tower facade. So, there are two causes of large-size destructions in plaster mortars – the lime-grains within preliminary mortar plaster and the separation from this preliminary layer without visible reasons. Let's mark, that the separation of plaster from preliminary layer can be accompanied by «dot shuttings out» of plasters from the surface without any results for integrity of derivated «bubble» of hollowness. Other problem is, that time by time such «air bubble» will uncover the preliminary plaster layer, making destruction such as IIB_1.

The difference in *destructions of plaster layer, which* have place owing to unslaked lime-grains in *preliminary* mortar layer, is contained in smaller area of destruction, but in much more depth, affected by destructions: as a rule, the surface of preliminary plaster is covered by *caverns so, that the general depth of broken down layers reaches occasionally 0.07 m.*

Considerable areas of the walls are subject to flaking-off of plaster layer from preliminary mortar layer (type *of destructions* IIB_1), especially the part of southern wall of tower above a decorative limestone cornice. The cause of flaking-off of plaster exactly on this place, as we can suggest, is the poor cohesion of plaster layer with a preliminary mortar layer. It's not easy to say, why it happens, but it's possible to suspect, that the surface of preliminary *mortar layer wasn't humidified enough before deposition* of last, finishing layer, or the surface was too smooth, and that handicapped prevented due cohesion of layers. *The forming of carbonate film on the preliminary layer* of mortar is another possible reason for that situation. As *it's visible on walls, the surface of preliminary mortar* was covered by a grid of cracks, and *it can testify, that the* preliminary mortar layer was practically dry before *deposition of finishing plaster layer (or un-sufficiently humidified). The mechanism of separation of finishing* plaster from preliminary one can be illustrated by the *situation with flaking-off of plaster from stone.*

On the upper segment of southern towers wall (above limestone cornice) there are traces of other type of destruction of plaster layer – type IIB_2, which differs from the mentioned above, because it's separated from preliminary mortar layer plaster wasn't destroyed and doesn't come off completely from a wall, but had formed hollowness between plaster and preliminary layer. There are no doubt, that by time the destruction of this type will transform into destruction of the *previous type* (IIB_1) and will begin to look out like already mentioned type.

Destructions of that type (IIC) were found in limited *quantities, though the destructions of other type* (IIA_1) have similar visual *indications*, but absolutely *different* nature of origin. In some cases the destruction of that type *accompanies that types, whose cause are the lime-grains* in preliminary layer. As a rule, the destructions of plaster layer of type IIC occurs on the perimeter of caverns in *the mortar of preliminary layer. The cause of its* appearance can be seen in thermal and humidity influence on external (finishing) plaster layer: for example, the *temperature fall during plastering of the wall could give* such effect.

The destruction of that type (IID_1) is the single *phenomenon, as it was met in one case – in slopes of* window in southern wall of chor. The gear of such layering was already used for illustrating a case with reviewed *above destructions of plaster layer. However the causes* of such separation from stone wall construction are necessary to searched in the mechanism of interaction in border «stone – mortar», and it's necessary to take into account that the stone of window acclivities has no special surface for plastering, and vice-versa, was cutted for exterior masonry. Besides, the surface of limestone in acclivities of windows differs hardly from the surface of *stones in the masonry of walls by oxidation under* influence of weather effects. That also can prevent the formation of a good contact between the mortar and surface of a stones.

Last type for destructions of plaster layers – rather *exotic – is the layering-off of finishing mortar layer from* ancient masonry mortar *(type* IID_2). *As it was found only* in one place – to the right from the southern portal of the nave, at the level of footstep of the portal arch – it's possible to say, that this type of destructions has no large value and danger for plaster layer of facades as a whole. By the occurrence it *is obliged to very small spacing* interval between an ancient masonry and outer surface of external plastering. As we can assume, on this area wasn't possible to lay enough deep layer of preliminary plaster. The ancient mortar, it's more likely, played the same role in activating of destruction, *as the stone masonry in the* previous type.

As the summary for the description of disturbances and destructions of plaster layers next table is presented *(Tab. 3), in which* the information on the topography of different types of destructions on southern, western, northern and eastern surfaces of walls of the building is

summarized. As it's visible from the table, only the eastern facade of chor wasn't influenced by disturbances, and the plasters of all other walls were damaged in different degree. It's possible also to mark, that the greatest number of damages and destructions of a plaster layers are on southern facade of church: all types of destructions are visible here (with an except of type IID, represented by single occasion).

This situation forces us to ponder over the causes of so strong destructions of the southern side of the church. Among the possible causes is the most intensive insolation of the southern side of building during the works on coating, and, therefore, the southern wall was subject to largest difference in daily temperatures; the southern wall is more often the object for the wind effects, preferred direction of which is the southern. The impact of winds on facades of buildings is well known fact, besides the effect of wind lowers actual temperature of building walls, that unfavorable effects the plaster layer not only during its deposition, but during following times too. The wind, apart from temperature fall of a surface of wall, brings often a considerable volume of a moisture on the walls. So, the regime of temperature and moisture of the southern wall is also less favorable.

It's also necessary to mark, that the northern facade is subjected to less destructions, that is also connected with orientation of this plane of building. Northern side is most stable, concerning the day time temperatures changes and is a subject for smaller, in comparing to southern facade, effect of wind. That means that regime of temperature and moisture level of northern wall is more propitious for plaster mortars, especially comparing with southern facade.

The eastern side of the nave is insignificant in area, and it's impossible to observe considerable damages on it. It's necessary to mark, that the coat on a southern part of eastern facade of nave (between wooden beams of roof constructions and part of decorative limestone cornice) is subject to destruction: there is a layering of finishing coat in the space in-between.

Types of mortars and their damages: some discussions.

As a summary we suggest to pay attention to the table, illustrating correlation between different types of damages and destructions of coat layers with kinds of mortars, used by the restoration (Tab. 3). As we can see from the table, all three types of mortars are equally subject to damages of coat (IA-B-C), but, as we have already spoken, the nature of these disturbances is not so destructive and corrections of these types are not so difficult. Destructions of plaster show a uniform picture: the mortars type 1 and 3 are the subject practically to all detected destructions. Mortar type № 2 is subject to destructions less, than two other. Most likely, it should be preferred during next plastering works.

Some recommendations for next coating works.

The regime of temperature during coating with preliminary layer of mortar (and finishing coat too): the difference between day and night temperatures must be no more than 10–15 degree. Then, it's necessary to take into account, that constant (or variable, but that happens seldom) wind lowers the temperature of walls surface in 5-10 degrees. Thus, it is very important to keep not only day-time temperature regime, but also to try not to carry out coating works, when the walls cools down to temperature close 0 degrees during the nights. There exist some recommendations for work with plaster mortars at low temperatures: it's recommended, for example, to use as a binder the hydraulic lime. Also it's possible to use warm slaked lime, i.e. at once after slaking, but this way is more difficult, since it requires the careful control on all aggregates and especially on the quality of slaked lime.

Preliminary mortar layer should at once be covered by an external (finishing) layer of plaster, without expecting its drying. The work in that case should be conducted not on all areas of wall, but by limited areas, which size should be determined by practice. The basic criterion for this determination should be the speed of drying of the area of preliminary mortar layer.

For prevention of fast drying (and fast formation of carbonate film) on preliminary mortar layer of southern wall of building it's possible to recommend special shadowing of walls, which organization is possible by means of black-out screens on scaffoldings. The organization of such screens is more rational, than conducting of plastering works in evening and morning hours, when there are oblique sun-shining.

It's necessary also to pay attention to behavior of plaster mortars on the walls of various orientation, what is the reason of different temperature influence of the sun, mainly wind's direction and, as a consequence, humidifying of the walls.

During the preparation of plaster mortars to prefer lime with larger hydraulic module. To use the mortar with this lime on southern and western walls as most subjected to humidity influences and temperature changes. Or, if to use usual lime, to add to the mortar pozzolans (for example, cruched brick, or fine ceramic cruch). However it's necessary to take into account, that fractions of these aggregates should be not larger, than sand component of mortar. The fraction no more, than 1 mm, is preferable (according to Russian rules – 0.5–0.7 mm).

If it's necessary to use «hot lime» technology, the subsequent rub the mortar through a grid with a cell size no more than 1 mm (i.e. not less than the largest fraction of mortar) is recommended. This operation will allow to destroy all grains of un-slaked lime of any size.

The careful selection of sand as a additives to the mortar is very significant for final result: for external layers of mortar (and especially for finishing coat) the maximal size of sand particles should not exceed 1 mm, i.e. that for sand sieving the screen with a cell size no more than 1.18 mm should be used.

The flotation (washing) of the sand before use in the mortar mix isn't surplus practice, because that allows to wash out clay particles, which are often present in the natural sand.

According to the results of researches it's possible to conclude, that the mortar type 2 is more preferable for plastering works.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ АЛЯСКИ: ХРОНОЛОГИЯ, ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (К ПРОБЛЕМЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ)[1]

С. А. ВАСИЛЬЕВ[2]

Палеолит Аляски, проблемы проникновения древнего человека в Новый Свет и культурных контактов в северотихоокеанском регионе всегда находились в центре внимания отечественных исследователей (Абрамова 1973; Ларичева 1976; Окладников, Васильевский 1976; Деревянко 1985; Кузнецов 1988). За последнее время многое изменилось в наших знаниях о палеолите американской части Берингии, пересмотрены хронологические схемы, появился ряд новых памятников, выделены неизвестные ранее культурные комплексы. Цель статьи – охарактеризовать современные сведения о плейстоценовых стоянках Аляски.

По данным палеогеографии, Берингийская суша существовала на протяжении всего финала плейстоцена (рис. 1). Особенно благоприятные условия для миграции фауны и человека создались со времени порядка 14 тыс. лет, определяемого по палинологическим данным как «зона березы». В период от 12 до 13 тыс. лет Берингия представляла собой широкие пространства осушенного шельфа, своего рода плоскую равнину. Около 11 тыс. лет площадь суши резко сокращается. Первым образовался Анадырский пролив между Чукоткой и о. Св. Лаврентия, а затем и Берингов пролив. Вероятно около 10,5 тыс. лет происходит окончательное соединение вод Тихого и Северного Ледовитого Океанов (Elias, Short, Birks 1997). Однако, и после разъединения Азии и Америки, Берингов пролив не представлял собой непреодолимого препятствия для передвижений человека и контактов групп, обитавших по обе стороны пролива, осуществлявшихся вероятно как по воде, так по льду зимой.

Обширная область кордильерского ледника охватывала на юге региона Алеутский и Аляскинский хребты (оледенение парк маккинли), а также Алеутские острова и осушенные области современного шельфа. В основном распространение оледенения шло в южном направлении, но отдельные языки горных ледников выходили в верховья рек бассейна Юкона, в том числе Ненаны. Благоприятные условия для распространения человека и фауны здесь создались в период между ледниковыми надвигами парк маккинли III и IV, во время от 10,5 до 11,8 тыс. лет. Затем следует фаза парк маккинли IV, вероятно сопоставимая с молодым дриасом, но существовавшая вплоть до времени 9,5 тыс. лет.

На севере оледенение затрагивало лишь центральную часть хребта Брукса (оледенение иткиллик II). Последняя подвижка ледников относится здесь ко времени порядка 12,8 тыс. лет, затем они только отступали и около 11,5 тыс. лет значительно сократились по площади. Кроме того, небольшие ледники существовали в горах южной части полуострова Сьюард, на хребте Кускокквим, на возвышенностях между Юконом и Тананой. Таким образом, доступной для проникновения человека оставалась вся средняя часть полуострова, где в финале плейстоцена особенно активно шло лессообразование (Péwé 1975, Ten Brink 1984; Bigelow 1991). Ландшафт Берингии представлял собой холодные кустарниковые тундры с обилием полыни, разнотравья, островками кустарника (ивы) и березняка на поймах рек. Кустарниковая береза распространялась по территории Аляски, начиная с 13,5–14,3 тыс. лет. Ее ареал постепенно

[1] Написание работы было бы невозможным без поездки в США, предпринятой по приглашению Университета Аляски и обеспеченной Программой RSEP. За предоставленную возможность ознакомления со стоянками, коллекциями, отчетами, ценные дискуссии и обмен информацией я признателен Д. Диксону, Д. Хоффекеру, Ф. Х. Уэсту, М. Кунцу, М. Беверу, Р. Ремиру, Д. Пирсону, Д. Йесперу, Р. Галлу, Д. Стоуну, Ч. Холмсу, К. Мандрык, Д. Стоферу, Т. Гебэу, Ж. Сеня-Марсу, Д. Одессу, К. Гералту, М. Мюррей, Б. Поттеру, Т. Флангану, Д. Гатри и другим американским и канадским коллегам. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (гранты № 00-06-80376 и 02-06-80456).

[2] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

© С. А. Васильев, 2004

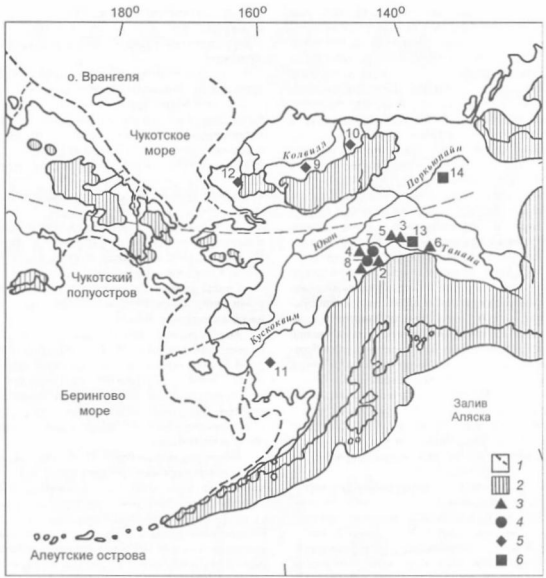


Рис. 1. Очертания Берингийской суши в финале плейстоцена и основные стоянки Американской Берингии. 1 – очертания береговой линии; 2 – область распространения ледников.
Археологические памятники: 3 – культуры ненана; 4 – культуры денали; 5 – культуры северных палеоиндейцев; 6 – прочие. 1 – Драй Крик; 2 – Уолкер Роуд, Муз Крик; 3 – Броукен Мэммот, Мид; 4 – Оул Ридж; 5 – Чагуотер; 6 - Хили Лейк; 7 – Драй Крик; 8 – Муз Крик; 9 – Мейза; 10 – Бедвелл, Хиллтоп; 11 – Спейн Маунтин; 12 – Тулуак; 13 – Свен Пойнт; 14 – Блюфиш 1 и 2.

Fig. 1. The Bering Land Bridge in the Final Pleistocene and main archaeological sites located in American Beringia. 1 – shorelines; 2 – glaciers.
Archaeological sites: 3 - Nenana; 4 - Denali; 5 – Northern Paleoindian; 6 – other.
1 – Dry Creek; 2 – Walker Road, Moose Creek; 3 – Broken Mammoth, Mead; 4 – Owl Ridge; 5 – Chugwater; 6 – Healy Lake; 7 – Dry Creek; 8 – Moose Creek; 9 – Mesa; 10 – Bedwell, Hilltop; 11 – Spein Mountain; 12 – Tuluaq; 13 – Swan Point; 14 – Bluefish 1 and 2.

продвигался с западной части полуострова, достигнув Юкона около 12–12,5 тыс. лет. Горы были безлесными, с участками травянистой тундры. Примерно с 11 тыс. лет (поздняя фаза «зоны березы») начинается сокращение площади ледников и экспансия лесной растительности – бальзамического тополя вдоль речных долин, осины по склонам гор южной экспозиции. В ландшафте по-прежнему доминировали кустарниковые тундры (Андерсон, Брубейкер 1995). Кратковременный эпизод похолодания, возможно отвечающий молодому дриасу, около 10,2–10,5 тыс. лет, фиксируется по факту распространения травянистой тундры на месте кустарниковой в центральной части Аляски (Elias 2001).

Данные современных исследований говорят о большой степени мозаичности пейзажа, опровергая концепцию единой «тундростепи» или так называемой «мамонтовой степи» (Guthrie 1990). Кустарниковая и травянистая тундра, вероятно, была способна прокормить многотысячные стада копытных, остатки

которых на территории Аляски поражают своим изобилием. Основные виды фауны – мамонт (обычный для позднего плейстоцена Евразии Mammuthus primigenius), лошадь и бизон (Bison priscus); также представлены як (Bos grunniensis), овцебык, лось, северный и благородный олень и овца Далля (Ovis Dalli), из хищных – крупная форма волка, бурый медведь, росомаха, песец и др. В финале плейстоцена, в период между 12 и 13 тыс. лет (то есть во время, непосредственно предшествовавшее появлению здесь человека), вымирают лошадь, сайга и мамонт, среди фауны начинает преобладать северный олень (Hopkins 1983).

Путь на юг из Берингии лежал по так называемому безледному коридору Маккензи длиной до 1600 км между Лаврентийскими и Кордильерскими ледниковыми щитами. По разным оценкам, коридор стал доступен для распространения фауны и человека, начиная с 13,5 или 12 тыс. лет. Гипотетически возможен также путь миграций на лодках вдоль тихоокеанского побережья (эта тема сейчас активно обсуждается археологами; Dixon 1999), но памятники, если они и существовали, ныне скрыты водами океана. К тому же, на большей части тихоокеанского побережья ледники спускались непосредственно к морю, образуя ледовую кромку типа современного берега Гренландии или Антарктиды. Правда, новейшие исследования говорят о наличии на отдельных участках прибрежной зоны (юго-восток Аляски, острова Королевы Шарлотты, Британская Колумбия) участков травянистой растительности, уже начиная с 12–12,5 тыс. лет (Mandryk et al. 2001).

Говоря о древностях Американской Берингии, я опускаю рассмотрение костеносных местонахождений, связь которых с деятельностью человека остается не доказанной (Оулд Кроу, Лайм Хиллз 1, Трейл Крик и др.), и стоянок, где стратиграфическое соотношение артефактов и датированных по радиоуглероду образцов неясно (Блюфиш 1 и 2, Галлахер Флинт и др.). Новейшие исследования плейстоценовых фаунистических комплексов пещер Аляски показывают, что накопление костеносных отложений связано с естественными факторами, а все датировки существенно древнее самых ранних дат для стоянок открытого типа. Таким образом, налицо промежуток от 12,3 до 11,8 тыс. лет между окончанием аккумуляции костеносных отложений в пещерах и первыми следами проникновения на Аляску человека (Suttler, Vinson, Gillespie 2001).

Большинство исследователей склоняются к выделению в финале плейстоцена трех культурных комплексов, объединяемых Ф. Х. Уэстом (West 1996) в широких рамках так называемой «раннеберинговой традиции» (рис. 2).

Древнейшее свидетельство присутствия человека в регионе – памятники культуры ненана, сосредоточенные в центральной части Аляски, в северных предгорьях Аляскинского хребта. Они связаны с долинами р. Танана и ее притоков, рек Ненана и Текланика. Долины этих рек имеют ящикообразный характер, с плоским днищем и хорошо развитой в устьях притоков серией террас. Культурные слои памятников залегают в эоловых отложениях (лессах и песках), перекрывающих флювиогляциальные галечники и коренные породы на речных террасах и возвышенностях.

Основные стратифицированные комплексы культуры ненана происходят из слоев 1 (нижних) на стоянках Драй Крик, Уолкер Роуд, Муз Крик и Оул Ридж, слоев 4 и 3 на пунктах Броукен Мэммот и Мид. Сюда же относят часть материалов из нижней толщи отложений на стоянках Хилл Лейк (горизонты 6–10) и Чагуотер (табл. 1; Cook 1969; Powers, Guthrie, Hoffecker 1982; Phippen 1988, Higgs 1992; Yesner 1994, 1996, 2001; Yesner, Pearson, Stone 2000; West 1996; Pearson 1997).

Датировки комплексов ненана лежат в основном в интервале от 9,3–9,7 до 11,8 тыс. лет (табл. 2). На многослойных стоянках Драй Крик, Чагуотер и Муз Крик слои с индустрией ненана подстилают комплексы денали. В культурных слоях выявлены очаги, иногда сопровождавшиеся приочажными камнями, и скопления артефактов.

Хозяйственная деятельность носителей культуры ненана, судя по данным со стоянки Броукен Мэммот (табл. 3), носила комплексный характер. Помимо охоты на стадных животных (бизона, северного и благородного оленя), они промышляли добычей птиц и занимались рыболовством. Поселения располагались на возвышенностях, обеспечивающих хороший обзор речных долин.

Индустрия ненана (табл. 4) основывалась на использовании широкого спектра горных пород, включающего кремень, риолит, базальт, кварцит, обсидиан, халцедон. Каменный инвентарь характеризуется отсутствием признаков микропластинчатой техники; орудия изготавливались на пластинах и отщепах, снимавшихся с плоских одно- и двухплощадочных ядрищ. В большинстве комплексов доминируют отщепы, но в Уолкер Роуд заметную роль играл пластинчатый компонент.

Характерные формы метательного вооружения – каплевидный наконечник (типичный чиндади или наконечник типа чиндади I, рис. 2: 2, 3; по Ч. Холмсу; Holmes 2000) и бифасиальный короткий треугольный наконечник с прямым основанием (тип чиндади II; рис. 2: 1), к которым иногда добавляются удлиненные наконечники с вогнутым основанием (тип чиндади III) и двухконечные формы (тип чиндади IV). Морфологическое сходство типов наконечников объединяет такие памятники как Чагуотер, 3 слой стоянки Броукен Мэммот, Хилл Лейк, 1 слой стоянки Драй Крик, Уолкер Роуд, Оул Ридж и Муз Крик. Вместе с тем, индустрия 4 слоя стоянки Броукен Мэммот лишена характерных для ненана типов вещей, возможно это связано с небольшим объемом коллекции.

Кроме того, каменный инвентарь культуры ненана характеризуется наличием унифасиальных скребел и ножей, проколок, скребков, долотовидных орудий, ретушированных отщепов и пластин, выемчатых орудий, чопперов, своеобразных тесловидных изделий (они встречены в Драй Крик и Уолкер Роуд; рис. 2: 11), наковален и отбойников.

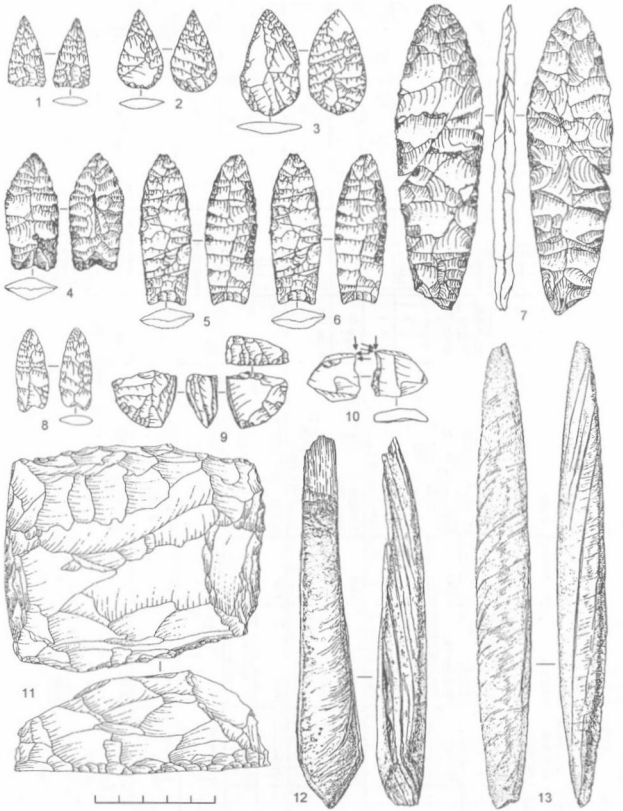


Рис. 2. Каменный инвентарь и изделия из бивня мамонта культуры ненана (по материалам стоянок Драй Крик, 1 культурный слой: 1, 11, Уолкер Роуд, 1 культурный слой: 2, 3, и Броукен Мэммот, 4 культурный слой: 12, 13), ранней фазы культуры Денали (по материалам стоянки Драй Крик, 2 культурный слой: 8–10) и культуры северных палеоиндейцев (по материалам стоянки Мейза: 4–7; по Вест 1996).
1–6, 8 – наконечники; 7 – листовидный бифас; 9 – микронуклеус; 10 – резец; 11 – тесло; 12, 13 – изделия из бивня.

Fig. 2. Lithics and ivory artifacts representing the Nenana assemblage (Component 1 of Dry Creek:1 and 11, Component 1 of Walker Road: 2 and 3, and Component 4 of Broken Mammoth: 12 and 13), the early phase of Denali (Component 2 of Dry Creek: 8 to 10), and Northern Paleoindian (Mesa: 4 to 7, after West 1996).
1 to 6, and 8 – points; 7 – foliate; 9 – microcore; 10 – burin; 11 – adze; 12 and 13 – ivory pieces.

Таблица 1. Общие характеристики опорных стоянок финального плейстоцена Аляски.

Table 1. Profiles of the key Alaskan Final Pleistocene sites.

Название	Географическая позиция	Геоморфологическая позиция	Геологический контекст	Дата открытия	История *раскопок*	Вскрытая *площадь*, кв. м	Характер	Структуры обитания	Литература
Драй Крик	долина р. Ненана	терраса	палеопочвы в лессовой толще	1973	Д. Хоффекер, У. Пауэрс, *1974, 1976, 1977*	347	стоянка-мастерская	*скопления* артефактов и костей	West 1996
Уолкер Роуд	долина р. Ненана	терраса	лессовидный суглинок	1980	Д. Хоффекер, У. Пауэрс, *Т. Гиллеспи, Т. Гебл, 1984–1990*	*около 200 стоянка*	жилая	2 очага, скопление расщепленного камня	West 1996
Броукен *Мэммот*	долина *р. Танана*	терраса	палеопочвы в лессовой толще	1989	Ч. Холмс, Д. Йеснер, *1990–1993, 1998, с 2000*	более 200	жилая стоянка	по 2 очага *в слоях 3 и 4*	West 1996
Мид	долина р. Танана	терраса	палеопочвы в лессовой толще	1991	*Ч. Холмс, Д. Йеснер, 1991*		жилая стоянка		Yesner 2001a
Муз Крик	долина р. Ненана	терраса	*палеопочвы* в лессовой толще	*1978*	*Д. Хоффекер, У. Пауэрс, 1979, 1984, Д. Пирсон, 1996*	65		по очагу в слоях 1 и 2	Pearson 1997
Оуд Ридж	долина р. Текланика	терраса	суглинок	1976	У. Пауэрс, 1977, *П. Финнен, 1982, 1984*	около 30			West 1996
Чагуотер	долина *р. Танана*	холм	лесс	1976	Д. Кук, Ч. Холмс, Д. Айнер, *Р. Ливли и др., 1976, 1978, 1979, 1982–1987*	более 120			West 1996
Хили Лейк	котловина оз. Хили	терраса	*лесс*	1962	Д. Кук, 1967–1972	около 400		очаги	West 1996
Свен *Пойнт*	долина *р. Танана*	холм	палеопочвы *в лессовой толще*	1991	Ч. Холмс, 1992-1994	9			West 1996
Мейза	долина р. Итериак *Крик*	возвышенность	*почва, коллювий*	*1978*	*М. Кунц, М. Реинр, 1989, с 1991*	более 175	наблюдательный пункт	28 очагов	*Bever 2000*
Бедвелл	долина р. Сагованирктон	возвышенность	почва, коллювий	1970	Г. Александер, *1973*, М. Кунц, Р. Реинр, 1994	*более 102*	*наблюдательный пункт*		Bever 2000
Хиллтоп	ущелье *Атигун*	возвышенность	почва, коллювий	1970	Д. Кук, 1973, М. Кунц, 1993, 1994	более 46	наблюдательный пункт	скопления артефактов	Bever 2000
Снейн Маунтин	долина р. Кисаралик	возвышенность	*лесс*	*1979*	*Р. Акерман, 1992*	85	*наблюдательный пункт*	яма (?)	Bever 2000
Тулуак	приток *р. Келли*	возвышенность	почва, коллювий	1998	Д. Расик, Р. Гал, с 1998		мастерская *и охотничий* лагерь		Rasic, Gal 2000

Таблица 2.1. Радиоуглеродные датировки стоянок финального плейстоцена Аляски.

Table 2.1. Radiocarbon dates of the Alaskan Final Pleistocene sites.

Стоянка	Культурный слой	Датировка	Материал	Лаб. номер	Литература
Драй Крик	2	8915±70	древесный уголь	*AA-11730*	*West 1996*
Драй Крик	2	10060±75	древесный уголь	AA-11727	West 1996
Драй Крик	2	10615±100	древесный уголь	AA-11728	West 1996
Драй Крик	2	10690±250	древесный уголь	SI-1561	West 1996
Драй Крик	1	11120±85	древесный уголь	SI-2880	West 1996
Уолкер Роуд		*11010±230*	древесный уголь	AA-1683	West 1996
Уолкер Роуд		11170±180	древесный уголь	AA-1681	West 1996
Уолкер Роуд		11300±120	древесный уголь	AA-2264	West 1996
Уолкер Роуд		11820±200	древесный уголь	Beta-11254	West 1996
Броукен Мэммот	3a	9310±65	почва и древесный уголь	WSU-4266	Bigelow, Powers 2001
Броукен Мэммот	3	*9690±960*	древесный уголь	UGA-6256D	West 1996
Броукен Мэммот	3	10270±110	древесный уголь	WSU-4263	West 1996
Броукен Мэммот	3	10290±70	древесный уголь	CAMS-5357	West 1996
Броукен Мэммот	3	10790±230	древесный уголь	WSU-4019	West 1996
Броукен Мэммот	между 3 и 4	11040±80	кость	CAMS-7203	West 1996
Броукен Мэммот	между 3 и 4	11060±90	кость	*CAMS-7204*	*West 1996*
Броукен Мэммот	4a	11040±260	древесный уголь	UGA-6257D	West 1996
Броукен Мэммот	4b	11280±190	древесный уголь	WSU-4265	West 1996
Броукен Мэммот	4b	*11420±70*	древесный уголь	CAMS-5358	West 1996
Броукен Мэммот	4b	11500±80	кость	CAMS-8261	West 1996
Броукен Мэммот	4b	11510±120	древесный уголь	WSU-4262	West 1996
Броукен Мэммот	4b	*11540±140*			Holmes 2001
Броукен Мэммот	4c	11770±210	древесный уголь	WSU-4351	West 1996
Броукен Мэммот	4c	*11770±220*	древесный уголь	*WSU-4364*	*West 1996*
Броукен Мэммот	4c	*15830±70*	бивень	CAMS-9898	West 1996
Мид	3	10410±80	древесный уголь	CAMS-5197	Bigelow, Powers 2001
Мид	3	*10460±110*	древесный уголь	CAMS-4876	Bigelow, Powers 2001
Мид	3	10760±170	древесный уголь	WSU-4425	Bigelow, Powers 2001
Мид	4	11560±80	древесный уголь	CAMS-5198	Bigelow, Powers 2001
Мид	4	11600±60	древесный уголь	CAMS-4877	Bigelow, Powers 2001
Мид	4	17370±290	бивень	NSRL-2000	Bigelow, Powers 2001
Муз Крик	2	*8160±260*	*почва*	*A-2168*	*West 1996*
Муз Крик	2	8940±270	почва	A-2144	West 1996
Муз Крик	2	10500±60	древесный уголь	Beta-106040	Pearson 1997
Муз Крик	2	*10640±280*	*почва*	*I-11227*	*West 1996*
Муз Крик	2	11730±250	почва	GX-6281	West 1996
Муз Крик	1	11190±60	древесный уголь	*Beta-96627*	*Pearson 1997*
Оул Ридж	1	9060±410	древесный уголь	B-5416	West 1996
Оул Ридж	1	11340±150	древесный уголь	B-11209	West 1996
Хили Лейк	*горизонт 6*	*5110±90*	древесный уголь	Beta-76064	West 1996
Хили Лейк	горизонт 6	7920±90	почва	Beta-76062	West 1996
Хили Лейк	горизонт 6	10250±380	древесный уголь	*GX-2173*	West 1996
Хили Лейк	горизонт 6	10410±60	древесный уголь	Beta-76071	West 1996
Хили Лейк	горизонт 6	11100±60	древесный уголь	Beta-76067	West 1996
Хили Лейк	*горизонт 6*	*11410±60*	древесный уголь	Beta-76060	West 1996
Хили Лейк	горизонт 7	8665±280	древесный уголь	GX-2171	West 1996
Хили Лейк	*горизонт 7*	8680±240	древесный уголь	*GX-2170*	*West 1996*
Хили Лейк	горизонт 7	8990±60	древесный уголь	Beta-76070	West 1996
Хили Лейк	горизонт 7	9640±170	древесный уголь	AU-7	Bigelow, Powers 2001
Хили Лейк	горизонт 7	10290±60	древесный уголь	Beta-76066	West 1996
Хили Лейк	горизонт 7	*11550±50*	растительные остатки	Beta-76065	West 1996
Хили Лейк	горизонт 7/1	9245±213	древесный уголь	AU-1	*West 1996*
Хили Лейк	горизонт 7/1	9895±210	древесный уголь	GX-2174	West 1996
Хили Лейк	горизонт 7/1	10150±210	древесный уголь	SI-737	West 1996
Хили Лейк	горизонт 8	*11090±170*	кость	GX-1341	West 1996
Хили Лейк	горизонт 9/2	6645±280	древесный уголь	GX-2159	West 1996
Хили Лейк	горизонт 9/2	*8210±155*	древесный уголь	SI-738	West 1996

Таблица 2.2. Радиоуглеродные датировки стоянок финального плейстоцена Аляски.

Table 2.2. Radiocarbon dates of the Alaskan Final Pleistocene sites.

Стоянка	Культурный слой	Датировка	Материал	Лаб. номер	Литература
Хиди Лейк	горизонт 9/2	9401±528	древесный уголь	AU-2	West 1996
Хиди Лейк	горизонт 10/3	8465±360	древесный уголь	GX-2175	West 1996
Хиди Лейк	горизонт 10/3	10040±210	древесный уголь	SI-739	West 1996
Хиди Лейк	горизонт 10/3	10434±279	древесный уголь	AU-3	West 1996
Хиди Лейк	горизонт 10	10500±280	древесный уголь	GX-1944	West 1996
Свен Пойнт	3	10230±80	древесный уголь	Beta-56666	West 1996
Свен Пойнт	4	11660±70	древесный уголь	Beta-56667	West 1996
Свен Пойнт	4	11660±60	древесный уголь	Beta-71372	West 1996
Свен Пойнт	4	11770±140	органика	AA-19322	Holmes 1998
Свен Пойнт	4	12060±70	бивень	NSRL-2001	West 1996
Мейза	пункт В	7620±95	древесный уголь	DIC-1589	Kunz, Reanier 1995
Мейза	восточный гребень	8820±230	древесный уголь	Beta-120397	Bever 2000
Мейза	перевал	9730±80	древесный уголь	Beta-36805	West 1996
Мейза	восточный гребень	9740±50	древесный уголь	Beta-120400	Bever 2000
Мейза	перевал	9800±60	древесный уголь	Beta-120793	Bever 2000
Мейза	пункт А	9810±110	древесный уголь	Beta-96065	Bever 2000
Мейза	пункт А	9850±150	древесный уголь	Beta-96067	Bever 2000
Мейза	перевал	9860±50	древесный уголь	Beta-120399	Bever 2000
Мейза	пункт В	9900±70	древесный уголь	Beta-57429	West 1996
Мейза	пункт В	9900±80	древесный уголь	Beta-69899	West 1996
Мейза	перевал	9920±50	древесный уголь	Beta-120398	Bever 2000
Мейза	пункт В	9930±80	древесный уголь	Beta-55284	West 1996
Мейза	перевал	9945±75	древесный уголь	Beta-50430	West 1996
Мейза	пункт В	9980±60	древесный уголь	Beta-84649	Bever 2000
Мейза	перевал	9990±80	древесный уголь	Beta-55282	West 1996
Мейза	пункт А	10000±50	древесный уголь	Beta-119100	Bever 2000
Мейза	пункт В	10000±80	древесный уголь	Beta-55285	West 1996
Мейза	пункт А	10040±50	древесный уголь	Beta-118584	Bever 2000
Мейза	пункт А	10050±50	древесный уголь	Beta-118583	Bever 2000
Мейза	пункт В	10050±90	древесный уголь	Beta-69900	West 1996
Мейза	пункт В	10060±70	древесный уголь	Beta-52606	West 1996
Мейза	перевал	10070±60	древесный уголь	Beta-69898	West 1996
Мейза	пункт А	10080±60	древесный уголь	Beta-95913	Bever 2000
Мейза	пункт А	10080±120	древесный уголь	Beta-96068	Bever 2000
Мейза	пункт А	10090±85	древесный уголь	Beta-50428	West 1996
Мейза	пункт А	10090±110	древесный уголь	Beta-96066	Bever 2000
Мейза	пункт А	10100±50	древесный уголь	Beta-118582	Bever 2000
Мейза	пункт А	10130±50	древесный уголь	Beta-118585	Bever 2000
Мейза	пункт А	10130±60	древесный уголь	Beta-95914	Bever 2000
Мейза	пункт А	10150±130	древесный уголь	Beta-96069	Bever 2000
Мейза	пункт А	10170±50	древесный уголь	Beta-118581	Bever 2000
Мейза	пункт А	10230±60	древесный уголь	Beta-95600	Bever 2000
Мейза	пункт В	10240±80	древесный уголь	Beta-55283	West 1996
Мейза	пункт А	10260±110	древесный уголь	Beta-96070	Bever 2000
Мейза	перевал	10980±280	древесный уголь	Beta-50429	Kunz, Reanier 1995
Мейза	пункт В	11190±70	древесный уголь	Beta-57430	West 1996
Мейза	пункт В	11660±80	древесный уголь	Beta-55286	West 1996
Бедвелл		10490±70	древесный уголь	Beta-69895	Reanier 1995
Хилдтоп		6160±130	почва	GAK-4924	Reanier 1995
Хилдтоп		10360±60	древесный уголь	Beta-69897	Reanier 1995
Спейн Маунтин		10050±90	древесный уголь	Beta-64471	West 1996
Тулуак		7950±40	древесный уголь	Beta-133394	Rasic, Gal 2000
Тулуак		11110±80	древесный уголь	Beta-122323	Morlan 2001
Тулуак		11180±80	древесный уголь	Beta-122322	Morlan 2001
Тулуак		11200±40	почва	Beta-133393	Morlan 2001

Таблица 3. Остатки крупных млекопитающих со стоянок финального плейстоцена Аляски.

Table 3. Large mammals from the Alaskan Final Pleistocene sites.

Стоянки		Драй Крик		Броукен Мэммот	
Культурные слои		1	2	3	4
Литература		Powers, Guthrie, Hoffecker 1982		Yesner 2001	
Artiodactyla					
Благородный олень	Cervus elaphus	/2		87	44
Северный олень	Rangifer tarandus			6	6
Лось	Alces alces			4	4
Бизон	Bison priscus		/5	133	21
Овца Далля	Ovis dalli	x	x	11	11
Carnivora					
Волк	Canis sp.			1	1
Песец	Alopex lagopus			13	18
Медведь	Ursus sp.			1	1
Выдра	Lutra canadensis			6	6
Lagomorpha					
Заяц	Lepus sp.			33	44
Пищуха	Ochotona collaris			3	3

Помимо каменного инвентаря, известны изделия из бивня и кости. Стоянка Броукен Мэммот дала наконечники из кости и бивня мамонта (*рис. 2: 12, 13*), а также костяную иглу и поделку типа застежки. Интересно отметить, что радиоуглеродные датировки, полученные по изделиям из бивня из Броукен Мэммот и Мид, существенно древнее возраста самих культурных горизонтов, что указывает на практику сбора бивней древним человеком.

В целом индустрия ненана близка по основным типам орудий культуре кловис, но лишена характерных для последней желобчатых наконечников (Dixon 1993). Считается, что ненана представляет собой следы первой волны переселенцев из Сибири, однако вряд ли можно указать на ее предков в Северной Азии. Д. Хоффекер (Hoffecker 1984) пытался связать комплекс ненана с предшествовавшим экспансии дюктайцев распространением азиатских групп без микропластинчатой технологии, представленных материалами Береджа (имеются в виду находки из культурного слоя, клиновидные нуклеусы в Береджке встречены только среди смешанных материалов).

К несколько более позднему времени относится культура денали («палеоарктическая традиция»), большинство памятников которой датировано голоценом. Из числа финальноплейстоценовых комплексов отметим вторые культурные слои стоянок Драй Крик и Муз Крик (Powers, Guthrie, Hoffecker 1982; West 1996; Pearson 1997, 2000) с датировками от 9 до 11,7 тыс. лет. Возможно, список плейстоценовых памятников денали расширится с получением серий радиоуглеродных датировок, так как время существования многих комплексов, таких как стоянки Финпс, Пангинге Крик, Ревен Лейк и др. неясно.

Интересные данные о возможно более раннем существовании микропластинчатой индустрии на Аляске получены с мало обследованной стоянки Свен Пойнт в долине Тананы (West 1996; Holmes 1998). Кремневая индустрия нижнего культурного слоя памятника (компонент 4), датированного 11,7–11,8 тыс. лет, включает пластины, микропластинки, сколы подправки микроядрищ, резцы, чопперы. Комплекс дополняют обломки бивня мамонта со следами обработки.

Выше вскрыты остатки слоя 3, датированного 10,2 тыс. лет. Отсюда определены кости дикого гуся и оленя (вид не обозначен). Из слоя описаны треугольные бифасиальные наконечники, проколки, чопперы-отбойники. Культурная принадлежность данного комплекса неясна.

Как и в случае с ненана, носители культуры денали использовали ту же тактику расселения на местности и устройства поселений на возвышенностях. Практиковалась добыча бизона и овцы Далля. Характер поселений мало отличался от ненана. Древние обитатели использовали разнообразные породы камня. Для денали характерна развитая микропластинчатая техника, основанная на клиновидных ядрищах (рис. 2: 9). Встречены листовидные наконечники (*рис. 2: 8*), бифасиальные ножи, резцы (рис. 2: 10), скребла, ретушированные отщепы, микропластинки и др.

Из общего контекста памятников денали явно выбивается комплекс 3 слоя стоянки Свен Пойнт, лишенный характерных черт микропластинчатой индустрии и доставивший наконечник, аналогичный формам ненана из 3 слоя Броукен Мэммот. До появления полной публикации материалов памятника трудно судить об этом явлении, но, как кажется, мы имеем дело

Таблица 4. Каменный инвентарь стоянок финального плейстоцена Аляски.

Table 4. Lithics from the Final Pleistocene Alaskan sites.

Стоянки	Драй Крик		Уолкер Роуд	Муз Крик		Оул Ридж	Чагу-отер	Хили Лейк					Мейза	Бед-велл	Хилл-топ	Спейн Маунтин
Культурные слои	1	2	1	1	2	1	1	6	7	8	9	10				
Литература	West 1996			Pearson 1997		West 1996		Cook 1969					Bever 2000			
Наконечники и их фрагменты	3	18	10	2	2	2	3	1	2				131	11	11	68
Бифасы и их фрагменты	5	73		1	2	3		4	3	1			150	35	99	553
Скребла	5	21	26	2						1			22	3	6	8
Скребки	12		40				7	3	6	1					1	4
Проколки			8										44	1	4	13
Долотовидные орудия			9							1						
Ножи			1	1			1									
Резцы		37			1				1				6			
Ретушированные отщепы и пластины	9	39	102	1				4	6	10			197	1	24	32
Зубчатые орудия			2													
Выемчатые орудия			9												2	
Комбинированные орудия	1															
Унифасы	1															
Галечные орудия	3		4					1	1	1						
Отбойники и наковальни		3	7			2							10			
Нуклеусы	4	81	10	1				1					2		1	1
Всего артефактов	3517	28881	4980			150	189	390	535	196	49	1	91973	879	1359	4277

с первым в регионе случаем «обратной» стратиграфической последовательности (комплексом *ненана*, перекрывающим денали). Учитывая примерную одновременность ненана и денали по радиоуглеродной шкале, сосуществование культур вполне возможно.

Каменная индустрия денали имеет *явные азиатские* корни; исследователи практически единодушно *связывают ее происхождение с дюктайскими* памятниками Алдана (Мочанов 1977), реконструируя вторую волну миграций из Сибири. Правда, речь идет об определенном общем сходстве каменного инвентаря дюктайских памятников Алдана (*впрочем, как и других стоянок близкого возраста* Восточной Сибири и Дальнего Востока) *с денали*. Имеется в виду наличие листовидных бифасов, клиновидных ядрищ, сочетание в инвентаре резцов, долотовидных орудий и скребков с многочисленными скреблами и галечными *орудиями* и *т. д. Действительно*, морфология клиновидных нуклеусов дюктая и денали близка. Вместе с тем, в комплексах денали отсутствуют такие хорошо представленные в дюктае формы как сегментовидные в плане бифасиальные ножи, мелкие *изолитные наконечники. Типичные для дюктая* разновидности бифасов (широкие овальные, крупные треугольные) представлены в аляскинских комплексах единичными экземплярами. В свою очередь, *в дюктайских* комплексах нет большинства отмеченных в *Драй Крик* разновидностей наконечников и бифасов.

Традиционно ненана и денали трактуются как сменяющие друг друга культурные традиции, что как будто находит подтверждение в стратиграфических колонках ряда памятников. Некоторые археологи видят типологические различия между ненана *и денали* не только в наличии/отсутствии микропластинчатого *элемента*, но и в характеристиках сопровождающего инвентаря. Высказано мнение, что в комплексах ненана *нет резцов и ретушированных микропластинок*, а в денали мало скребков и ретушированных пластин (Goebel, Powers, Bigelow 1991). Правда, стоит отметить, что ретушированных микропластинок нет и в ранних памятниках денали, а единичные резцы встречены в слоях культуры ненана в Уолкер Роуд и *Хилли Лейк*.

В то же время имеются другие объяснения индустриального разнообразия на Аляске в финале плейстоцена. Р. Морлан, например, трактует ненана и денали как сосуществовавшие *явления, и причины их* различий видит в хозяйственной деятельности отдельных групп древнего населения (Morlan 1991). Возникает вопрос, не представляет ли комплекс ненана всего лишь вариант единой с *денали культуры*, лишенный микропластинчатого компонента в силу функциональных особенностей памятников или исследованных участков (Pearson 1997). Ч. Холмс *объединяет все* памятники Аляски древнее 11 тыс. лет в рамках «*берингийского периода*» *с вариантами – без* и с микропластинчатым компонентом. Материалы стоянки *Свен Пойнт, по его мнению, демонстрируют* сочетание комплекса каменного инвентаря, в целом *близкого* по типу *ненана, с микропластинчатым* компонентом (Holmes 2001).

Интересные данные по этой теме доставил 2 слой стоянки Драй Крик. Вскрытые здесь скопления культурных остатков оказались неоднородными по *составу. Из одних скоплений происходят бифасы, скребла* и фрагменты наконечников, но признаков микроплас*тинчатой техники тут нет. Судя по следам износа*, здесь велась интенсивная разделка охотничьей добычи. Данные участки по составу находок *ближе к* материалам из подстилающего культурного слоя 1. Другие скопления, напротив, характеризуются многочисленными микропластинками *и микроядрищами в* сочетании с бифасиальными ножами, резцами и резцовыми сколами. Вероятно, тут велось изготовление охотничьего вооружения. По сути дела, лишь эти вторые скопления доставили материалы, диагностичные для традиции денали. Таким образом, *наличие или* отсутствие микропластинчатого компонента может быть всего лишь следствием выборочного вскрытия культурного слоя.

Если все же считать ненана и денали самостоятельными *культурами, то следует сделать вывод о* том, что памятники Аляски позволяют говорить как минимум о двух миграционных волнах, направленных с азиатской территории. Древнейшая из них оставила комплексы типа ненана с примерными датировками *от 11 до 12 тыс. лет.* Вторая, вероятно отражающая распространение носителей дюктайской культуры на северо-восток, фиксируется по памятникам типа денали, и относится ко времени от 10 до11 тыс. лет (West 1996).

Последняя из плейстоценовых культур Аляски – северная палеоиндейская. Основной стратифициро*ванный памятник, стоянка Мейза*, открыта в арктической части Аляски на северном склоне хребта Брукса (Kunz, Reanier 1995, West 1996). Серия радиоуглеродных определений помещает ее возраст между 9,7 и 11,7 тыс. лет. Памятник расположен необычно – на скальном эрозионном останце 60 м высоты, возвы*шающемся над равниной*. На площади останца выделено 4 концентрации артефактов, обозначенных как *пункты* А и В, *Перевал* и *Восточный Гребень*. В под*почвенном слое расчищены остатки 28 небольших* очажков. Судя по преобладанию в инвентаре бифасиальных наконечников метательного вооружения и отходов их изготовления, стоянка служила в качестве своеобразного наблюдательного пункта группы охотников. Здесь велось изготовление бифасов (рис. 2: 7) и наконечников (рис. 2: 4–6). Отсюда происходит также небольшое число проколок и скреб*ков*. Сходны с Мейзой по стратиграфии и характеру пункты Бедвелл, Хиллтоп и Спейн Маунтин (Reanier 1995; West 1996; Bever 2000).

На Аляске и Юконе известен ряд поверхностных *местонахождений с наконечниками, в том числе* желобчатыми, располагающихся в северной части региона, к северу от долины р. Юкон. Особенно обильны такие находки на выходах обсидиана в районе Батца Тена. Возраст их остается неясным (Dixon 1993).

В последние годы ранние палеоиндейские стоянки активно исследуются в северо-западной части

полуострова, в долине р. Ноатак. Новые радиоуглеродные датировки позволили отнести к плейстоцену ряд ранее известных, но не датированных местонахождений. Судя по предварительным сообщениям, на пункте Тулуак, расположенном неподалеку от выходов кремня, в подпочвенном слое открыты остатки стоянки, датированной около 11 тыс. лет. Собраны угольки ивы или тополя. В числе находок – серия массивных удлиненных бифасиальных наконечников со скругленным основанием и следами приплифовки краев (Rasic, Gal 2000).

В целом для северных палеоиндейцев мы имеем в нашем распоряжении серию специализированных стоянок, вероятно охотничьих лагерей, устраивавшихся на доминирующих точках рельефа. Можно предполагать, что пункты такого рода были лишь частью сложной системы разнофункциональных мест обитания, включавшей жилые стоянки и мастерские. К сожалению, нет данных о характере охотничьей добычи. Интересно, что географическое распространение палеоиндейских стоянок заметно отличается от памятников денали и нена, сосредоточенных в центральной, внутренней части Аляски.

Исходя из морфологии наконечников, можно выделить две группы комплексов. К первой относятся Мейза и Хиллтоп, для которых характерны изделия с вогнутым или скошенным основанием. Ко второй – Спейн Маунтин и Тулуак с ланцетовидными наконечниками со скругленным основанием. В коллекции из Бедвел имеются и те, и другие формы. Остальные категории инвентаря (бифасы, скребки, скребла, проколки, ножи, ретушированные отщепы и др.) представлены сходными типами во всех памятниках, их большое разнообразие в Мейзе просто зависит от величины коллекции. В основном эти орудия изготовлялись на отщепах, за исключением комплекса Бедвелл, где достаточно много пластин.

Как и в случае с нена, перед нами опять встает вопрос, – считать ли микропластинчатую технику составной частью комплекса, или рассматривать наличие признаков ее как свидетельство смешения материалов. При крайне низких темпах осадконакопления на столь специфических пунктах как возвышенности арктической зоны, трудно разграничить следы ряда эпизодов обитания человека, даже разделенных тысячелетними интервалами.

По общим очертаниям в плане, характеру приплифовки краев и отсутствию желобчатого скола наконечники Мейзы обнаруживают сходство с орудиями типа эгейт бейсин, распространенными на Великих Равнинах. Вместе с тем, для наконечников эгейт бейсин свойственна прямая и выпуклая, а не вогнутая, как на орудиях из Мейзы, форма основания. Нельзя не заметить, что культура эгейт бейсин относится в целом к более позднему времени, чем Мейза. При явном разбросе датировок Мейзы неясно, идет ли речь о зарождении на Аляске традиции изготовления наконечников метательного вооружения с ее последующим распространением к югу (Morlan 1977), или, напротив – о проникновении сюда группы палеоиндейцев с основной территории Северной Америки (Dixon 1993, Bever 2000). Исследователи Мейзы склоняются к тому, чтобы рассматривать северных палеоиндейцев как предков носителей культуры эгейт бейсин (Kunz, Reanier 1995).

Стоит упомянуть, что фрагмент основания наконечника из 3 слоя стоянки Броукен Мэммот аналогичен изделиям из Мейзы и Бедвелла (Yesner 2001a). Мелкие треугольные наконечники присутствуют не только в памятниках ненана, но и в самом выразительном из комплексов денали 2 слое стоянки Драй Крик. Указанные аналогии, как и сходство ряда других форм наконечников и бифасов между памятниками всех трех выделенных в регионе культур, говорит о взаимодействии носителей различных индустриальных традиций в финальном палеолите Аляски. Трудно предположить сосуществование в течение длительного времени нескольких групп охотников-собирателей различного происхождения на одной территории без каких-либо контактов.

Несмотря на явную неполноту картины, древнейшие памятники Аляски демонстрируют сложность миграционных процессов и культурного взаимодействия в регионе в финале плейстоцена. Корреляция культур Восточной и Западной частей Берингии остается во многом неясной. Прежде всего, решению вопроса о времени и путях первоначального заселения Америки препятствует отсутствие достоверных четко стратифицированных памятников позднеплейстоценового возраста на обширной территории Чукотки, примыкающей к затопленной части Берингии (новейший обзор фактического материала см. Слободин 2000). Нет сомнения в том, что земли Северо-востока Азии таят в себе следы предков первых американцев. Открытие их – дело будущего. Современная активизация сотрудничества ученых нашей страны и США позволяет с оптимизмом смотреть вперед.

Абрамова, З. А. 1973. К вопросу о культурных связях Азии и Америки // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 137: 22–27.

Андерсон, П. М., Л. Б. Брубейкер. 1995. История растительности и развитие бореального леса на севере Центральной Аляски в позднечетвертичное время // Эволюция климата и растительности Берингии в позднем кайнозое: 24–71. Магадан: Северо-восточный комплексный НИИ.

Деревянко, А. П. 1985. Палеолит Тихоокеанского бассейна // Проблемы тихоокеанской археологии: 42–124. Владивосток: Издательство Дальневосточного государственного университета.

Кузнецов, А. М. 1988. Каменный век Аляски: проблемы палеолита и мезолита // Очерки тихоокеанской археологии: 60–100. Владивосток: Издательство Дальневосточного государственного университета.

Ларичева, И. П. 1976. Палеоиндейские культуры Северной Америки. Новосибирск: Наука.

Мочанов, Ю. А. 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-восточной Азии. Новосибирск: Наука.

Окладников, А. П., Р. С. Васильевский. 1976. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск: Наука.

Слободин, С. Б. 2000. Перспективы археологических исследований ранних комплексов на северо-востоке Азии //

Археология, этнография и антропология Евразии 4: 49–60.

Bever, M. R. 2000. Paleoindian lithic technology and landscape use in Late Pleistocene Alaska: a study of the Mesa Complex. Ph. D. dissertation. Dallas: Southern Methodist University.

Bigelow, N. H. 1991. Analysis of Late Quaternary soils and sediments in the Nenana valley, central Alaska. M.A. dissertation. Fairbanks: University of Alaska.

Bigelow, N. H., W. R. Powers 2001. Climate, vegetation, and archaeology 14,000–9000 Cal yr. B.P. in Central Alaska // Arctic Anthropology 38/2: 171–195.

Cook, J. P. 1969. Early prehistory at Healy Lake. Ph. D. dissertation. Madison: *University of Wisconsin.*

Dixon, E. J. 1993. Quest for the origin of the first Americans. Albuquerque: *University* of New Mexico Press.

1999. Bones, boat, and bison. Archaeology and the first colonization of Western North America. Albuquerque: University of New Mexico Press.

Elias, S. A. 2001. Beringian paleoecology: results from the 1997 workshop // Quaternary Science Reviews 20/1–3: 7–13.

Elias, S. A., S. K. Short, H. H. Birks. 1997. Late Wisconsin environments of the Bering Land Bridge // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology *136: 293–308.*

Goebel, T., R. Powers, N. Bigelow. 1991. The Nenana complex of Alaska and Clovis origins // Clovis: origins and adaptations: 49–79. Corvallis: Oregon State University.

Guthrie, R. D. 1990. Frozen fauna of the mammoth steppe. Chicago: University of Chicago *Press.*

Higgs, A. S. 1992. Technological and spatial considerations of the *Walker Road* site: implications from a lithic refit study. M.A. dissertation. Fairbanks: University of Alaska.

Hoffecker, J. F. 1984. The search for Early Man in Alaska: results and recommendations of the *North Alaska Range project* 1979 // N. W. Ten Brink North Alaska Range project. Final report on 1978–1982 geo-archaeological studies: 1–28. Allendale: Grand Valley State College.

Holmes, C. E. 1998. New data pertaining to Swan Point, the oldest microblade site *known in Alaska // Current Research in the* Pleistocene 15: 21–22.

2000. Classification of Early Alaskan archaeological assemblages: the search for useful criteria. Paper presented at the 33rd annual conference of the Canadian Archaeological Association, Ottawa.

2001. Broken Mammoth archaeological project. <http://www.dur.uaf.ak.us/parks/oba_web/mammoth.htm>

Hopkins, D. M. 1983. Hard times in Beringia: a short note // Quaternary coastlines and marine archaeology: towards the pre*history of land bridges* and continental shelves: 345–346. London: Academic Press.

Kunz, M. L., R. E. Reanier. 1995. The Mesa site: a Paleoindian hunting lookout in Arctic Alaska // Arctic anthropology 32/1: 5–30.

Mandryk, C. A. S., H. Josenhans, D. W. Fedje, R. W. Mathews. 2001. Late Quaternary paleoenvironments of Northwestern North *America: implications for inland versus coastal* migration routes // Quaternary Science Reviews 20/1–3: 301–314.

Morlan, R. E. 1977. Fluted points makers and the extinction of the Arctic-steppe biome in Eastern Beringia // Canadian journal of archaeology 1: 95-108.

1991. Peopling of the New World: a discussion // Clovis: origins and *adaptations:* 303-308. Corvallis: Oregon State University.

2001. Canadian radiocarbon database. <http://www.canadianarchaeology.com/radiocarbon/card/card/htm>

Pearson, G. A. 1997. Paleoindians in the Alaskan interior: results of the 1996 Moose Creek expedition. Paper presented at the 62nd SAA Annual Meeting, Nashville.

2000. Late Pleistocene and Holocene microblade industries at the Moose Creek site // Current Research in the Pleistocene 17: 64–65.

Péwé, T. L. 1975. Quaternary geology of Alaska. Geological Survey professional papers, 1 835. Washington: US Geological Survey.

Phippen, P. G. 1988. Archaeology at *Owl Ridge*: a Pleistocene-Holocene boundary age site in Central Alaska. M.A. dissertation. Fairbanks: University of Alaska.

Powers, W. R., R. D. Guthrie, J. F. Hoffecker. 1982. Dry Creek Archaeology and paleoecology of a Late Pleistocene Alaskan hunting camp. Report *submitted to* the National Parks Service and the National Geographic Society. Fairbanks: University of Alaska.

Rasic, J., R. Gal. 2000. An early lithic assemblage from the Tuluaq site, Northwest Alaska // Current Research in the Pleis*tocene 17: 66–68.*

Reanier, R. E. 1995. The antiquity of Paleoindian materials in Northern Alaska // *Arctic Anthropology 32/1: 31–50.*

Suttler, R. A., D. M. Vinson, T. E. Gillespie. 2001. Calibrated radiocarbon ages and taphonomic factors in Beringian cave fau*nas at the end of the Pleistocene* // People and wildlife in Northern North America. British Archaeological Reports Int. *Series 944: 112–123.*

Ten Brink, N. W. 1984. North Alaska Range project. Final report on 1978–1982 geo-archaeological studies. Allendale: Grand Valley State College.

West, F. H. (ed.) 1996. American beginnings. The prehistory and *palaeoecology of Beringia.* Chicago: The University of Chicago Press.

Yesner, D. R. 1994. Subsistence diversity and hunter-gatherer strategies in late Pleistocene/early Holocene Beringia: evidence from the Broken Mammoth site, Big Delta, Alaska // Current *Research in the Pleistocene 11: 154–156.*

1996. Human adaptation at the Pleistocene-Holocene boundary (circa 13,000 to 8,000 BP) in Eastern Beringia // Humans at the end of the Ice Age. The archaeology of the Pleistocene-Holocene transition: 255–276. New York: Plenum Press.

2001. Human dispersal into interior Alaska: *antecedent conditions*, mode of colonization, and adaptations // Quaternary Science Reviews 20/1–3: 315–337.

2001à. Human colonization of Eastern Beringia and the question of mammoth hunting // Proceedings of the international *conference on mammoth sites. University of Kansas publi*cations in anthropology 22: 69–84.

Yesner, D. R., G. A. Pearson, D. E. Stone. 2000. Additional organic artifacts from the Broken Mammoth site, Big Delta, Alaska // Current Research in the Pleistocene: 87–89.

THE OLDEST ALASKAN ARCHAEOLOGICAL SITES: CHRONOLOGY, PALEOECOLOGY AND CULTURE INTERACTION (CONCERNING THE PEOPLING OF AMERICA)

S. A. VASIL'EV

The paper deals with the Final Pleistocene adaptations of the Northwestern North America directly relevant to the problem of the initial colonization of America via the Bering Land Bridge. Beringia provided a favorable place for large herds of ungulates, especially during the so-called «Birch zone», which evidenced a climate amelioration from 14,000 to 10,000 BP. The majority of scholars tends to argue that cold dry steppes with sagebrush; grasses and isolated willow stands dominated the Bering Land Bridge while woodland refuges (willow, birch) could survive along rivers. Numerous discoveries of Pleistocene fauna (horse, bison, reindeer, wild sheep, elk, etc.) seem to indicate that this time span corresponds to the presumable human entry to the New World. The early Alaskan sites are assosiated with the few last millennia of the Pleistocene corresponding to the Allerud and Younger Dryas on the European geochronological scale.

The oldest Alaskan archaeological assemblages belonging to the few last millennia of the Pleistocene are considered to represent the traces of the initial colonization of America via the Bering Land Bridge. The sites of Alaska were ascribed to different culture traditions (Nenana, Denali, and Northern Paleoindian complexes) thus reflecting several migration waves oriented from Asian territory eastwards in two former cases, or across the 'Ice-Free Corridor' northwards (or southwards, according to the other version) in the last case. Meanwhile the analysis reveals a more complex character of the record. A number of factors shaping both inter- and intra-assemblage variability (differences in site function, subsistence and settlement strategies, lithic raw material procurement and technology, sampling errors, etc.) should be taken into account. Several alternative hypotheses striving to explain the variability have been proposed and confronted against the data at hand.

ТИПОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ДВУСТОРОННИХ ТРЕУГОЛЬНЫХ ОСТРИЙ ИЗ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ БИРЮЧЬЕЙ БАЛКИ 2[1]

А. Е. МАТЮХИН[2]

Вопросам изучения двусторонних наконечников *каменного века посвящены* работы типологического и технологического направлений (см., например, Матюхин, Григорьева 1981: 245–251; Hahn 1990: 79–83; Plumel, Lebel 1991: 343–350; *Chauchat* 1991: 263–273; Bradley, Anikovich, Giria 1995: 989–998). *Интересны работы, основанные* на экспериментах по изготовлению наконечников позднего палеолита (Pelegrin 1981: 4–7; Geneste, Maury 1997: 165–189) и палеоиндейских наконечников типа фолсом, кловис и кодн (Callahan 1979; Frison, Bradley 1980: 18–55; Bradley, Stanford 1982: 181–212; Bradley, Frison 1987: 199–231; Bradley 1993: 201–262).

В настоящей работе дана типолого-морфологическая и обобщенная технологическая *характеристика* орудий с двусторонней обработкой и прежде всего треугольных острий из позднепалеолитических слоев многослойного памятника Бирючья балка 2. При этом мы основываемся на данных морфологического анализа, эксперимента, а также микроскопического исследования. Последнее предполагает выявление возможных следов износа от *работы на предметах* и изучение микроморфологии орудий, отщепов и чешуек. Типологическая группировка орудий разных типов *осуществлена с помощью* принятых в палеолитоведении *тип-листов*. Однако в список орудий введены некоторые дополнительные типы, например, нуклевидные орудия, атипичные орудия с двусторонней обработкой, отщепы с базальным утончением, отщепы с уплощенным корпусом и др. При описании орудий использовались такие понятия как «типичные», «атипичные», «специфические», «отдельные формы», «профильные типы» и др.

Технологическое исследование сводится, с одной стороны, к описанию технологически значимых признаков у изделий, с другой, – к реконструкции процесса изготовления орудий. Ремонтаж орудий с двусторонней *обработкой не проводился*. Надо иметь в виду, что многочисленные незаконченные формы в коллекции слоя 3 позволяют достаточно точно и полно воссоздать основные стадии и *ступени изготовления* треугольных острий. В то же время об их детальном *содержании они говорят не* в полной мере. Уточним, что широко используемое нами понятие незаконченные формы означает главным образом неполучившиеся, пробные орудия. Реже встречаются орудия или заготовки, *незавершенные в* силу каких-то (непонятных) причин. Учитывая объективную неполноту источников, уместно будет считать, что всякого рода реконструкции технологии изготовления орудий имеют обобщенный и вероятностный характер. Поэтому *неоправданно придавать* технологическим реконструкциям внешнюю строгость и излишнюю детальность (см. Гиря 1997: 162–183). Это касается последовательности и, прежде всего, содержания технологических операций. Для такого подхода часто нет *объективных предпосылок. Нередко он приводит* к субъективным построениям. Кроме того реконструкции подобного рода затруднительны для восприятия, хотя внешне эффектны и производят впечатление научной основательности. Информация не должна быть *избыточной. Реконструкции* технологии изготовления сложных орудий из конкретных памятников, в частности, *Русской равнины недопустимо проводить* по схеме, разработанной, например, для таких специфических двусторонних форм как солютрейские наконечники или наконечники типа кловис и фолсом.

В процессе технологического исследования *применяются такие основные* понятия как технологически значимые орудия, законченные, незаконченные, пробные орудия, заготовки и *т. п.* При технологических реконструкциях большое значение приобретают следующие понятия: редукционная (морфо-технологическая) последовательность, редукционные (типолого-технологические) ряды, технологические контексты, стадиальные формы, полная схема технологии обработки изделий и др. (Матюхин 1994: 33–34, *1995: 22–26; 1996: 23; 1998: 27; 2001: 34–44*). Редукционная последовательность может быть дополнительно расчленена на такие понятия как стадиально-технологическая (операционная) последовательность, а также стадиально-технологическая изменчивость.

Понятие стадиально-технологическая последовательность указывает на очередность технологических стадий (см. Bradley 1975: 5–18; 1977: 19–57), а стадиально-технологическая изменчивость – на ступени и динамику изменения формы предметов в ходе *их обработки. В* то же время последовательность первого типа касается содержания этих стадий с указанием отдельных операций, а также использованных технических приемов. Понятие редукционная последовательность часто сопоставляется с понятием «операционные цепи» (chaînes opératoires), введенным А. Леруа-Гураном (Leroi-Gourhan 1964: 133–134).

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 02-06-80462а.
[2] *Россия. 191186. Санкт-Петербург.* Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

© А. Е. Матюхин, 2004

Заметим, что это понятие получило неоднозначное, порой противоречивое толкование. *На наш взгляд оно необоснованно сопоставляется* с такими понятиями как стратегия и способы обработки камня. Так, отдельные исследователи *считают, что операционные* цепи распадаются на два больших принципа обработки: а) изготовление орудий и б) первичное расщепление (Boëda, Geneste, Meignen *1990*: 43). В частности, к операционным цепям относят леваллуазский, *радиальный и др. способы* обработки. Строго говоря, операционные цепи логически не исходное, а производное от перечисленных выше терминов (принцип, прием, стратегия и т. д.) понятие, имеющее узкое значение. С другой стороны, многие археологи придерживаются широкого определения понятия «операционные цепи», включая сюда все компоненты производственного процесса, в том числе добычу сырья, изготовление, использование и переоформление орудий, а также психологические основы трудовой деятельности (см. Pelegrin et al. 1988: 55–62; Pelegrin 1990: 116–125; Ploux 1991: 201–214; Geneste 1992: 3; Karlin 1992: 107–124).

По нашему мнению, понятие «операционные цепи», «редукционная последовательность» необходимо сузить, ограничив их процессами обработки: последовательность и содержание стадий и технические средства. Они имеют конкретное значение, касаясь реальных изделий. Все остальные моменты «жизни» изделий целесообразно увязывать с общей схемой *технологии обработки изделий*.

Редукционная последовательность *конкретно* выражается в виде редукционных рядов. Последние *представляют совокупность* изделий, разных по своей типологии, но технически взаимосвязанных. Они указывают, с одной стороны, на последовательность изменения формы обрабатываемых изделий, а с другой, на технологические *стадии. Отметим, что* редукционные ряды – это не процессуальное, а аналитическое понятие. Каждый отдельный редукционный ряд состоит из отдельных звеньев или типов, *расположенных в порядке* технологической очередности. Таким образом, понятие «редукционные ряды» не адекватно понятию стадиально-технологическая последовательность, хотя, как отмечалось выше, в целом отражает ее (рис. 6–7).

Стадиальные формы соответствуют основным технологическим стадиям изготовления орудий, то есть начальной, промежуточной и заключительной. *Начальные и промежуточные стадиальные формы* сложных орудий, как правило, *не имеют* стандартных очертаний, как это можно видеть на изделиях эпох *неолита и бронзы, а также* палеолитических наконечниках типа кловис и фолсом. Первые две формы – *это, собственно, не заготовки*, а незаконченные орудия, оставленные на начальном и промежуточном этапах обработки. Стадиальный характер всякого технологического процесса, несомненно, предполагает внутреннюю зависимость как отдельных *стадиальных форм, так и технических приемов. Каждая стадиальная* форма, *независимо от ее* морфологии, имеет оптимальные морфологические и метрические характеристики, необходимые для *дальнейшей успешной обработки. Таким образом, эта зависимость носит* конкретный, реальный, а не логистический характер (см. Гиря 1997: 47–68). Изобретенное понятие «*технологическая необходимость*», *в силу* которой осуществляется жесткая причинно-следственная связь между стадиальными формами и, соответственно, переход от одной стадии *к другой, приобретает* одушевленное и самодовлеющее значение и является на деле искусственной конструкцией.

Стадиальные формы, стадиальный характер обработки орудий *вполне* согласуются с понятием редукционные ряды. Первые входят в состав последних. Оправданно выделять типичные и атипичные стадиальные формы.

Одним из существенных вопросов технологического *изучения* двусторонних наконечников является вопрос о количестве и содержании стадий их изготовления. Е. Кэллахен (Callahen 1979; 1996) на основе экспериментального моделирования *палеоиндейских* наконечников выделил 9 основных стадий обработки: *1) подготовка исходных* заготовок; 2) обработка их боковых краев и получение преформы; 3) первичное уплощение изделий; 4) вторичное их уплощение; 5) оформление основных элементов модели искомого орудия; 6) снятие желобчатого скола с одной стороны; 7) подготовка другой поверхности к снятию аналогичного скола; *8) снятие здесь этого скола*; 9) отделка орудия. Во многом близка технологическая *схема, предложенная* Б. Бредли (Frison, Bradley *1980*: 43–48).

Уже давно нами была предложена схема последовательности изготовления бифасов ашельского и мустьерского облика, в которой выделены 3 стадии: 1) первичное уплощение *исходной заготовки*; 2) черновая обработка; 3) *окончательное оформление* (Матюхин *1977*: 9; *1983*: 148). В целом эта схема вполне применима к процессу изготовления двусторонних наконечников, отражая его основные стадии. Хотя, конечно, в данном случае она будет сложней.

Говоря о последовательности стадий и их числе, следует, по-нашему мнению, принимать во внимание те признаки, которые ведут к существенному изменению *формы изделий*, содержанию технологических операций, а также технологических и технических приемов обработки. Причем изменение формы предполагается на уровне *типа, а не категорий, иначе* не удается объективно расчленить на стадии все сложные *орудия*. С учетом сказанного едва ли можно согласиться с принципом разделения на стадии, предложенным Е. Кэллахеном. Так, первичное и вторичное уплощение в его схеме неотделимы от процесса оформления наконечников. Последние 4 стадии – это, скорее всего, одна стадия. Вообще, не всякое разделение на стадии имеет технологическое значение. В ряде случаев речь может идти о стадиях оформления орудий, например, бифасов (см. Матюхин *2001б*: *20–27*). *Хотя, несомненно*, очередность технологических стадий здесь присутствует.

Ставя вопрос о количестве стадий и содержании технологического процесса, *нужно*, прежде всего,

Наименование изделий	Восточный участок кол-во; %	Южный участок кол-во; %
Желваки и обломки кремня без обработки	53 (0,04)	6 (0,01)
Желваки и обломки кремня с единичными сколами	129 (0,09)	24 (0,04)
Нуклевидные обломки	1261 (0,89)	250 (0,45)
Нуклеусы	649 (0,46)	142 (0,25)
Отщепы	39823 (28,03)	10878 (19, 76)
Пластины и пластинки	4432 (3,12)	1506 (2, 73)
Осколки и чешуйки	93788 (66,01)	41892 (76, 12)
Сколы оформления и переоформления	537 (0,45)	–
Орудия	1088 (0,76)	331 (0,59)
Всего	142070	55029

Таблица 1. Общий список изделий горизонта 3.

Table 1. General list of artefacts from horizon 3.

принимать во внимание тип исходной заготовки. *С одной стороны*, это желваки, валуны, обломки, массивные отщепы, а с другой, тонкие отщепы и пластины. В первом случае число стадий будет значительным, *а во втором – минимальным*. Что касается первого случая, то здесь многое зависит от размеров и морфологии исходных заготовок. С учетом типа *заготовок следует выделять два технологических* варианта изготовления двусторонних наконечников. Первый вариант предусматривает изготовление орудий из крупных и массивных заготовок, а второй – из тонких отщепов. На принадлежность тех или иных изделий к первому или второму вариантам *могут* указывать размеры и степень обработанности их поверхностей. Многие мелкие орудия и орудия с частичной обработкой изготовлены обычно из *некрупных* и тонких отщепов. Более или менее точно о числе стадий и их последовательности можно говорить при наличии в коллекциях большого количества *стадиальных* форм, т.е. незаконченных орудий, как это имеет место в мастерских. Однако в любом случае построения подобного рода будут носить предположительный и условный *характер, поскольку* распознать тип исходной заготовки у многих орудий на деле нельзя.

Применительно к первому технологическому варианту число стадий может заметно колебаться. Рассмотрим наиболее сложную модель первого варианта: 1) получение заготовок; 2) первичное *уплощение* заготовок; 3) начальное оформление элементов *будущего орудия*; 4) *дальнейшее их формирование*; 5) отделка орудия. В этом варианте в зависимости от морфологических и метрических параметров исходных заготовок можно выделить менее сложные под*варианты. Если* исходными заготовками являются заметно уплощенные желваки, валуны, обломки и плитки, то стадии 2 и 3 (иногда и стадия 4) могут *быть объединены. В отдельных случаях* реальным представляется объединение двух последних стадий. Это простая модель первого варианта. Объективно *на небольшое число стадий разделяется* второй вариант. Следовательно, вопрос о стадиях изготовления треугольных острий решается не столь однозначно. *В дальнейшем в ходе непосредственного анализа* орудий мы будем касаться сложной и простой моделей, но более подробно в данной работе представлена сложная модель.

Перейдем непосредственно к изучению двусторонних форм Бирючьей балки 2. Этот памятник исследовался нами в течение ряда лет (*Матюхин* 1994: 4–36; 1994а: 134–141; 2001а: 141–145; Matioukhine *1998a*: 470–477; *1998b*: 71–81). Здесь выделены 5 мустьерских и 5 позднепалеолитических культурных горизонтов. Наибольшее количество двусторонних *наконечников* встречено в позднепалеолитическом горизонте 3. В данной работе *будут* использованы археологические материалы, собранные на восточном и южном участках памятника.

Отщепы получались как *при изготовлении* двусторонних орудий, так и при расщеплении нуклеусов (рис. 1: *2–3*; *4*, *8*, *12–14*). Исключительный интерес *представляют орудия. Сразу отметим, что наряду* с редкими атипичными резцами и скребками отмечено немало типичных скребков и скребел (рис. 2: 2–3). *Вкратце опишем орудия, имеющие, по нашему* мнению, отношение к процессу изготовления треугольных острий. На поверхности нуклеидных орудий отмечены не только негативы сколов (*рис.* 6: 2б), но также участки, оформленные крупной ретушью (*рис. 2: 7*). *У атипичных орудий с двусторонней об*работкой (рис. 1: 7; 3: 3) обычно не выделены рабочие лезвия и не выражена форма какого-либо орудия (*рис.* 2: 6). *Характерны* атипичные орудия с частичной двусторонней обработкой (рис. 1: 7; 3: 3). Часть *орудий, обозначенных нами как скребла, имеет от*носительно *интенсивную обработку* поверхностей (рис. 3: 1–2, 6–7; 7: 1а, 6, 7а). Причем у некоторых предметов оформлено и основание. Следует обратить внимание на *простые грубые скребла* (*рис.* 2: 4; 7: 4а). Интересны бифасы. Отмечены *грубые* (рис.1: 4–6, 8; 2: 8; 6: 1а–6, 2в) и не особенно тщательно обработанные экземпляры (*рис.* 6: 1 *в–г*; 7: 6 *а–б*). На дистальных концах отдельных грубых бифасов

	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
Пропорции (целые)	Слабо удлиненные *до 1,5 см*		Умеренно удлиненные 1,5–2,0		Заметно удлиненные более 2 см					
	21	7	27	21	11	7				
Профиль (целые *и фрагменты*)	Плоско-выпуклый		Двояко-выпуклый		Двояко-плоский					
	73	56	79	29	2	–				
Форма орудия у основания	Равномерно треугольная		Подпрямо-угольная		Закругленная					
	57	28	24	17	10	9				
Форма основания	Выпуклая		Прямая		Слабо-вогнутая		Умеренно-вогнутая		Заметно-вогнутая	
	11	11	27	17	35	16	12	9	4	2

Таблица 2. Группировка треугольных *острий* (*а - законченные, б - незаконченные*).

Table 2. Grouping of triangular points (*а - completed, б - uncompleted*).

имеются следы от рубки, вероятно, кости или рога (*рис. 1: 4*). У других грубых бифасов не выделены общая форма и рабочие лезвия. Показательны бифасы с вогнутым (рис.1: 6) и прямым (рис.1: 8) основанием. Упомянем такие специфические *типы* как отщепы с уплощенным корпусом (рис.1: 1) и отщепы *с утонченным основанием* (рис. 7: 5а).

Более подробно остановимся на двусторонних наконечниках (*рис. 2: 5; 3: 5; 4: 1–7, 9–11; 5*).Для данного памятника это профильный тип орудий. Мы не ставили перед собой цель дать строгую классификацию данных орудий, как это, скажем, сделано для наконечников мезолита и неолита (см. например Гурина 1978: 57–70; *Римантене* 1978: 20–31; *Козырева* 1986: 149–153). В определенной степени это невозможно сделать по той причине, что многие орудия представлены фрагментами или являются незаконченными. Следует также принимать во внимание заметную вариабельность *деталей формы* данных орудий. При группировке изделий важным для нас является выявление основных тенденций в форме, пропорциях и размерах. Смешивать в одной классификации, *с одной стороны*, морфологические, метрические, и с другой, технологические критерии, неоправданно.

Практически все двусторонние *наконечники* имеют треугольную и подтреугольную форму. Выделено всего 4 листовидных орудия (*рис. 3: 4*). *Двусторонние* наконечники представлены целыми (60 экз.), почти целыми (34 экз.), нижними частями (72 экз.), средними частями (9 экз.), *верхними частями (96 экз.) и неопределимыми обломками* (30 экз.). Некоторые орудия склеены из одного-двух фрагментов (рис. 2: 5; 4: 6, 10–11; 5: 7, 10–11). Собственно целыми являются медкие орудия и небольшая часть орудий средних размеров (рис. 3: 5; 4: 1, 3–5, 7; 5: 9, 12). По степени завершенности все предметы разделены на грубые, то есть незаконченные и орудия более *или менее правильных очертаний*, то есть в целом законченные. Длина целых предметов составляет 2,9–11,5 см, ширина 1,8–5,2 см, толщина 0,4–1,5 см, у 15 экземпляров – длина колеблется в пределах 2,5–4 см (рис. 5: 1–6, 8). Добавим, что среди грубых орудий имеются различные по своей природе предметы: *незавершенные, неполучившиеся орудия и заготовки* (рис. 2: 5; 4: 1, 3, 5, 7; 5: 1).

Как следует из *таблицы*, в *коллекции слоя 3 преобладают* слабо и умеренно удлиненные треугольные *острия*. Выразительны заметно удлиненные острия (рис. 4: 2, 10–11; 5: 7, 10–11). Причем у некоторых из них отчетливо заужены пропорции. Следует обратить *внимание на острия разных пропорций (рис. 3:* 5; 4: 1, 6–7, 10–11; 5: 2–8, 11–12), у которых нижняя часть имеет подпрямоугольные (рис. 4: 2; 5: 10; 6: 2е; 7: 6г) и закругленные очертания (рис. 4: 4; 5: 10; 7: 7в). Форма основания главным образом прямая и слабовогнутая, *реже заметно вогнутая и выпуклая*. Характерно, что многие грубые орудия, изготовленные из отщепов, имеют плоско-выпуклое сечение. Такое же сечение отмечено у отдельных изделий со *сплошной обработкой. Мелкие орудия имеют плоско-выпуклое* и двояковыпуклое сечение. Если говорить о функциональной группировке, то оправдано относить треугольные острия к *наконечникам дротиков* и, возможно, стрел. В этой связи интересным представляется вывод Н. Д. Праслова (Праслов 1982: 232–233) о появлении лука и стрел в палеолите.

В итоге уместно прийти к выводу, что в индустрии слоя 3 присутствуют как законченные, функционально значимые, так и незаконченные, преимущественно двусторонние орудия, имеющие прямое или косвенное отношение к процессу изготовления треугольных острий. В количественном отношении среди всех изделий явно преобладают отходы производства. Бирючья балка 2 является долговременной мастерской по изготовлению треугольных острий (*Матюхин 1996: 21–24*).

Перейдем к обобщенной технологической характеристике изделий, имеющих, по нашему мнению, отношение к процессу изготовления треугольных

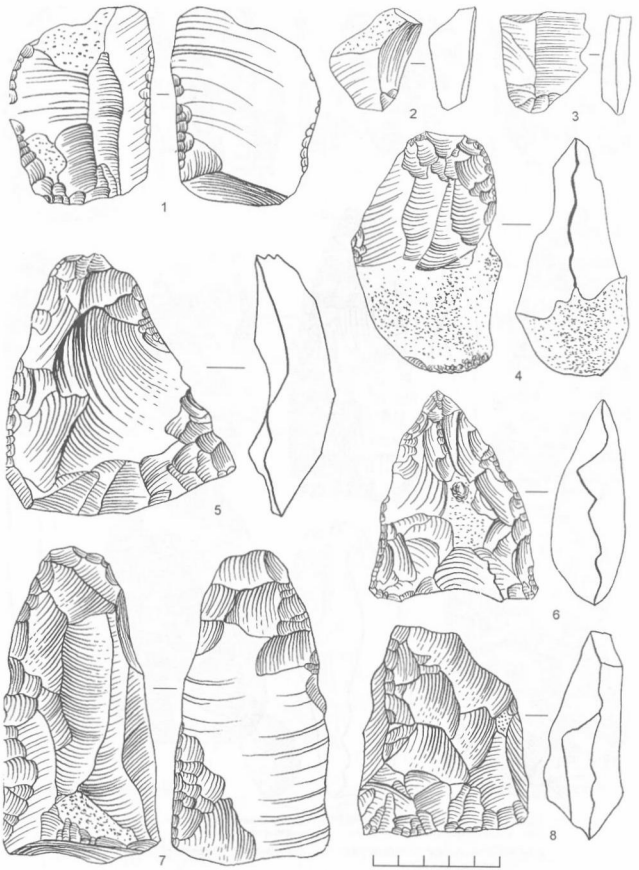


Рис. 1. Бирючья балка 2. Кремневые изделия: 1 – отщеп с уплощенным корпусом; 2–3 – отщепы; 4–6, 8 – бифасы, 7 – орудие с частичной двусторонней обработкой.

Fig. 1. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts: 1 – flake with a flattened body; 2–3 – flakes; 4–6, 8 – bifaces, 7 – a partly bifacial tool.

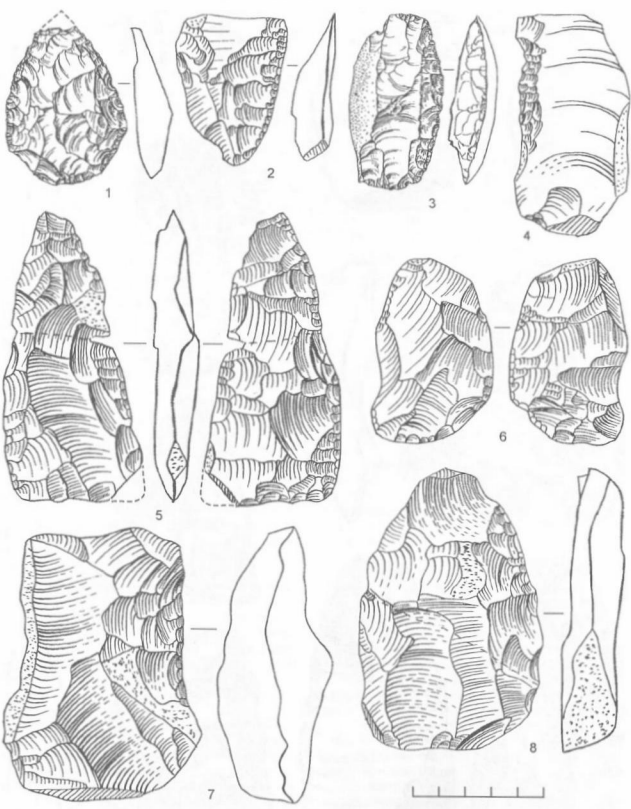


Рис. 2. Биркочья балка 2. Кремневые изделия: 1 – двусторонний остроконечник; 2–4 – скребла; 5 – незаконченный наконечник; 6 – атипичное орудие с двусторонней обработкой; 7 – нуклевидное орудие; 8 – бифас.

Fig. 2. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts: 1 – bifacial point; 2–4 – side-scrapers; 5 – uncompleted point; 6 – atypical tool bifacially chipped; 7 – core-shaped tool; 8 – biface.

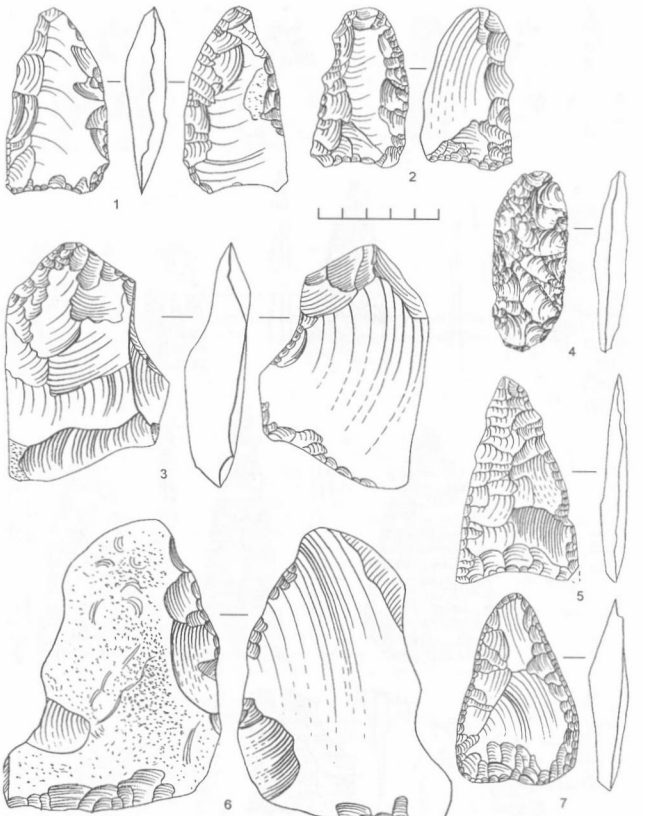


Рис. 3. Биркочья балка 2. Кремневые изделия: 1–2, 7 – скребла; 3, 6 – орудия с частичной двусторонней обработкой; 4 – листовидное орудие; 5 – треугольное острие.

Fig. 3. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts: 1–2, 7 – side-scrapers, 3, 6 – partly bifacial tools; 4 – foliate tool; 5 – triangular point.

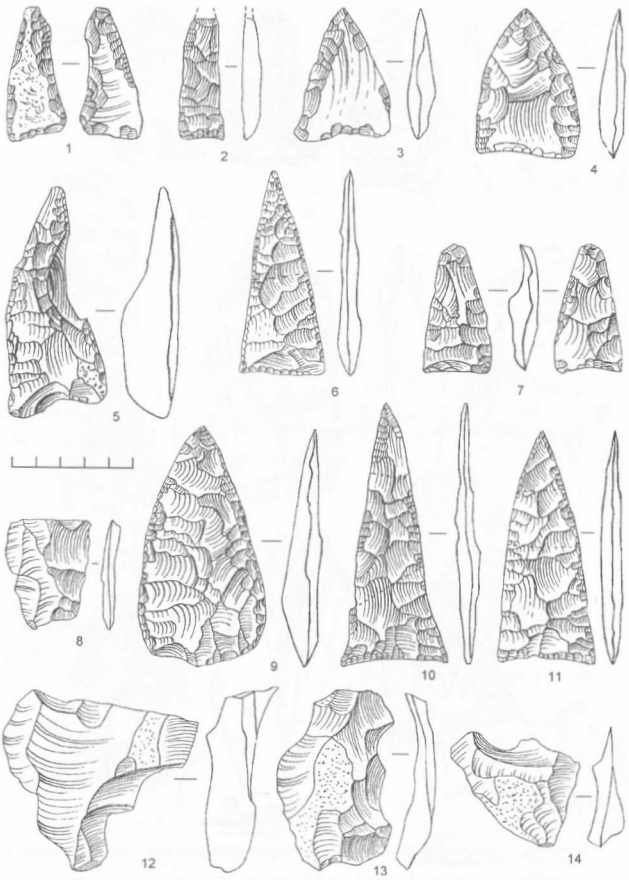


Рис. 4. Бирючья балка 2. Кремневые изделия: 1–7, 9–11 – треугольные острия; 8, 12–14 – отщепы.

Fig. 4. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts: 1–7, 9–11 – triangular points; 8, 12–14 – flakes.

Наименование признаков	Кол-во	%
Удаление карниза у кромки площадки	685	14,07
Крупный фасетаж	52	5,52
Тонкий (мелкий) фасетаж	110	11,68
Фасетаж непосредственно у кромки	14	1,68
Площадки изолированные	25?	2,65?
Наличие «губы» вместо конуса удара	92	3,10
Площадки фасетированные и редуцированные	57	6,05
Площадки заметно скошенные	117	3,95
Площадки скошенные и редуцированные	193	20,51
Притупливание кромки площадки грубое	181	19,23
Притупливание кромки площадки регулярное	164	17,42
Кромка площадки едва притуплена	29	3,08
Площадки пришлифованные или притертые у кромки	173	18,38
Всего подготовленных площадок	998	33,72
Всего отщепов	2959	

Таблица 3. Характер подготовки ударных площадок и смежных с ними участков у отщепов без корки слоя 3 (раскопки 2000 г.).

Table 3. The character of the prepared striking platforms and areas adjacent to them on crustless flakes from horizon 3 (excavation of 2000).

острий. Начнем со сколов, которые дают важную информацию *о процессе изготовления орудий. Отщепы* с частичной коркой (7669 экз.) и без корки (20838 экз.) заметно преобладают над отщепами первичными (2925 экз.) и полупервичными (10294 экз.). У полупервичных отщепов присутствует в большинстве случаев продольная, т.е. грубая огранка. Напротив, для отщепов без корки и с частичной коркой характерна двускатная плоская и многорядная огранка (рис. 1: 2–3). Заметно увеличивается количество сколов с радиальной, продольно-поперечной, трехскатной и конвергентной огранкой (рис. 4: 8, 12–14).

Эта таблица нуждается в пояснении. Судя по толщине и морфологии тыльной поверхности и брюшка сколов, основная их часть снималась каменным отбойником. В то же время многие отщепы сколоты мягким отбойником, о чем наглядно свидетельствует их морфология.

К обеим таблицам сделаем дополнительные разъяснения. Отщепы и чешуйки просматривались визуально и под бинокулярным микроскопом. Типичные образцы изолированных (то есть особым способом подготовленных) площадок не установлены. Поэтому в табл. 3–4 приведено их приблизительное количество. Под редуцированием мы понимаем скашивание кромки площадки всякого скола путем притупливания отбойником, а также пришлифовки и притирания. Притирание (легкое сглаживание кромки) могло осуществляться древними мастерами мягким камнем или краем отщепа. Несколько отщепов с заметно сглаженными, затертыми краями найдено в слое 3. Не всегда уверенно удается разделить площадки, с одной стороны, с притупленными, а, с другой, слабо пришлифованными и притертыми кромками. Вполне допустимо, что у некоторых отщепов грубое притупливание и притирание имело случайный характер. Это означает, что общее число сколов с редуцированными кромками может быть завышено. Было бы заманчиво разделить отщепы на морфологические группы и связать их с соответствующими

Наименование признаков	Кол-во	%
Удаление карниза у кромки площадки	110	36,66
Наличие фасетажа	54	29,83
Площадки изолированные	8?	4,42?
Наличие губы вместо конуса удара	128	42,66
Притупливание кромки площадки грубое	25	13,81
Притупливание кромки площадки регулярное	79	38,67
Площадки пришлифованные или притертые у кромки	24	13,25
Всего подготовленных площадок	181	60,33
Всего чешуек	300	

Таблица 4. Характер подготовки ударных площадок и смежных с ними участков у чешуек слоя 3 (раскопки 1989 г.).

Table 4. The character of the prepared striking platforms and adjacent to them areas on small flakes from horizon 3 (excavation of 1989).

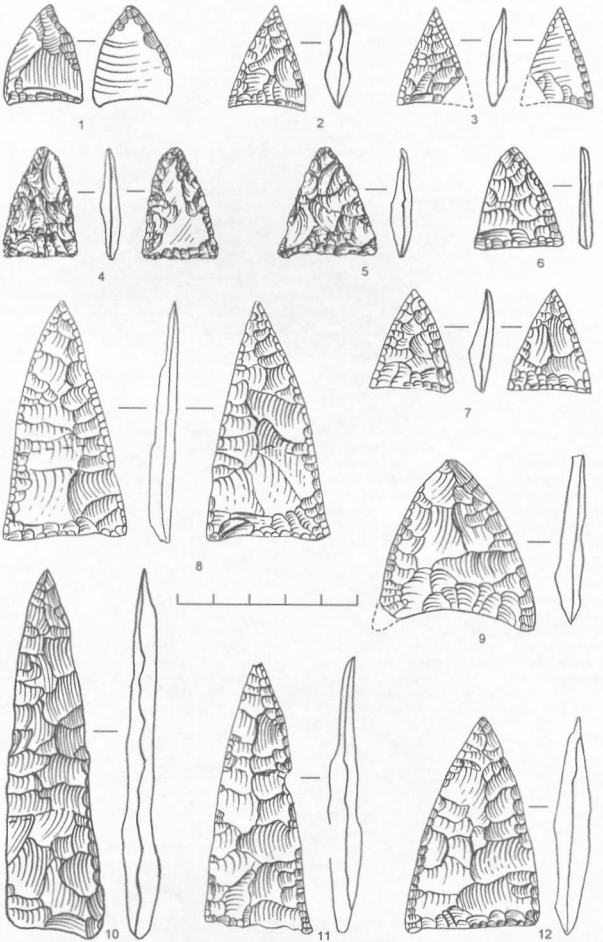


Рис. 5. Биркчья балка 2. Кремневые изделия: 1–8 – мелкие треугольные острия; 7–11 – крупные треугольные острия.

Fig. 5. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts: 1–8 – small triangular points; 7–11 – large triangular points.

стадиями изготовления треугольных острий. На деле этого сделать нельзя.

Перейдем к реконструкции процесса изготовления треугольных острий. Она основана на данных технолого-морфологического, функционального исследования и эксперимента. Укажем на некоторые *трудности в этом вопросе. Такие орудия как бифасы,* атипичные орудия с двусторонней обработкой, двусторонние скребла и остроконечники, скребла с базальным утончением и др. более или менее уверенно связываются с процессом изготовления треугольных острий. Что касается нуклевидных орудий, отщепов с *уплощенным корпусом, отщепов с базальным утончением и особенно простых грубых скребел и отщепов* с ретушью, то здесь присутствует значительная доля допущения. Однако следует обращать внимание, например, на обработку основания, удлиненные пропорции изделий, избыточность ретуши по краям. Учитывается *также тип памятника и его производственный профиль.* Другой трудный момент – это взаимо*связь треугольных наконечников, особенно мелких,* с двумя выделенными технологическими вариантами изготовления треугольных острий.

Разделение процесса изготовления наконечников проводится нами в связи с первым технологическим *вариантом, конкретно – его наиболее сложной мо*делью, то есть значительным количеством стадий (см. рис. 6: 1–2). Вполне вероятно, что большая часть палеолитических наконечников изготавливалась менее сложным в стадиальном отношении путем. Речь идет всего лишь о сложном примере, а не единственном варианте. Вообще существенным при реконструкциях *представляется в первую очередь не выделение* числа стадий, а учет общей логики процесса обработки и связанных с ним различных технологических *ситуаций, касающихся обоих вариантов.* Повторим, что предложенные ниже реконструкции имеют гипотетический и относительный характер.

Стадия 1. Эта стадия связывается с получением *исходных заготовок. Для первого варианта таковыми* могли служить уплощенные желваки, обломки, плитки, валуны и крупные отщепы. Нельзя исключить опробование исходных отдельностей кремня или *в зоне* его выходов, или непосредственно в пределах мастерской. Не исключено, что некоторые обнаруженные в слое 3 желваки и обломки с единичными сколами *являются именно такими предметами* (рис. 6: 2а).

Стадия 2. Орудийный комплект включает нуклевидные орудия (рис. 2: 7; 6: 2б), *крупные орудия* с частичной двусторонней обработкой и отдельные грубые бифасы (рис. 6: 2в). Крупные отщепы (с целью первичного уплощения исходных заготовок, *например, желваков, валунов) скалывались* или с подходящих участков, или с подготовленных на них ударных площадок. Сколы уплощения снимались по всему периметру предметов, или на отдельных его участках. Некоторые такие изделия напоминают *бифасы. Характерно, что все нуклевидные орудия* имеют удлиненные пропорции. Использовались кремневые отбойники. Связать уверенно с этой стадией соответствующие ей отщепы не удается, поскольку они не отличаются от сколов, снятых с нуклеусов. Следует заметить, что в коллекции слоя 3 мало орудий, связываемых с данной стадией. Они или не сохранились по причине преобразования их в другие стадиальные формы, или не столь часто получались в ходе обработки.

Стадия 3. К этой стадии имеют отношение такие типы орудий как грубо оформленные бифасы (рис.1: 5; 2: 8; 6: 1а–б) и некоторые колуноподобные орудия. Как показывают эксперименты, многие отщепы, получаемые на этой стадии, также не отличаются от отщепов, сколотых с нуклеусов. В то же время некоторые отщепы имеют специфические признаки: *неровные очертания в плане,* изогнутый профиль, радиальное расположение негативов на спинке и т. п. (рис. 4: 8, 12–14). Подчеркнем, что одновременно с выделением основных элементов двустороннего орудия происходит его уплощение. Последнее может выступать как отдельная *направленная операция.* Вообще необходимость в уплощении возникает *по ходу изготовления орудия.* Отщепы снимались с необработанных участков, граней, негативов, сколов, а также – с подготовленных ударных площадок, в том числе фасетированных: *вначале с одной* стороны, а затем с другой, то есть попеременно. На грубых *бифасах фиксируется чередующееся снятие сколов.* Соотношение ширины и толщины у данных бифасов колеблется в пределах 1–3. Часто встречаются бифасы с плоско-выпуклым профилем (80%). На краях редких бифасов отмечены небольшие участки с грубо притупленными кромками. Возможно, *так готовилось* место удара для снятия сколов уплощения. Интересно, что у отдельных грубых бифасов отмечена направленная обработка основания, которое имеет прямые очертания, как у наконечников (рис. 1: 6, 8). Судя по морфологии орудий, на этой стадии в большинстве случаев использовались каменные отбойники.

Стадия 4. К этой стадии *имеют отношение более* или менее тщательно обработанные бифасы (рис. 4: 9; 6: 1в–г, 2г; 7: 6а–б), а также незаконченные наконечники, имеющие массивное сечение и неровные края (рис. 2: 5; 6: 2д; 7: 6в). Эта стадия связана с даль*нейшим оформлением, детализацией и согласованием* основных структурных элементов орудий с двусторонней обработкой, а также *целенаправленным* (в случае технологической ситуации) их уплощением. Например, осуществляется выравнивание рельефа обеих поверхностей, боковых краев и контуров *основания; достигается общая* симметрия орудий и т. д. Наконец, на этой стадии оформляется общая модель собственно треугольного острия. Дополнительное уплощение осуществляется одновременно с оформлением элементов орудий.

Соотношение ширины и толщины у бифасов колеблется в пределах 2,36–4. Преобладают бифасы с плоско-выпуклым профилем. *Направление снятий* – попеременное, попеременно-чередующееся и отдельно чередующееся. Ударными площадками в целом являются те же, которые указаны для 3-й стадии. Однако чаще встречаются площадки фасетированные, а также притупленные, реже – пришлифованные и притер-

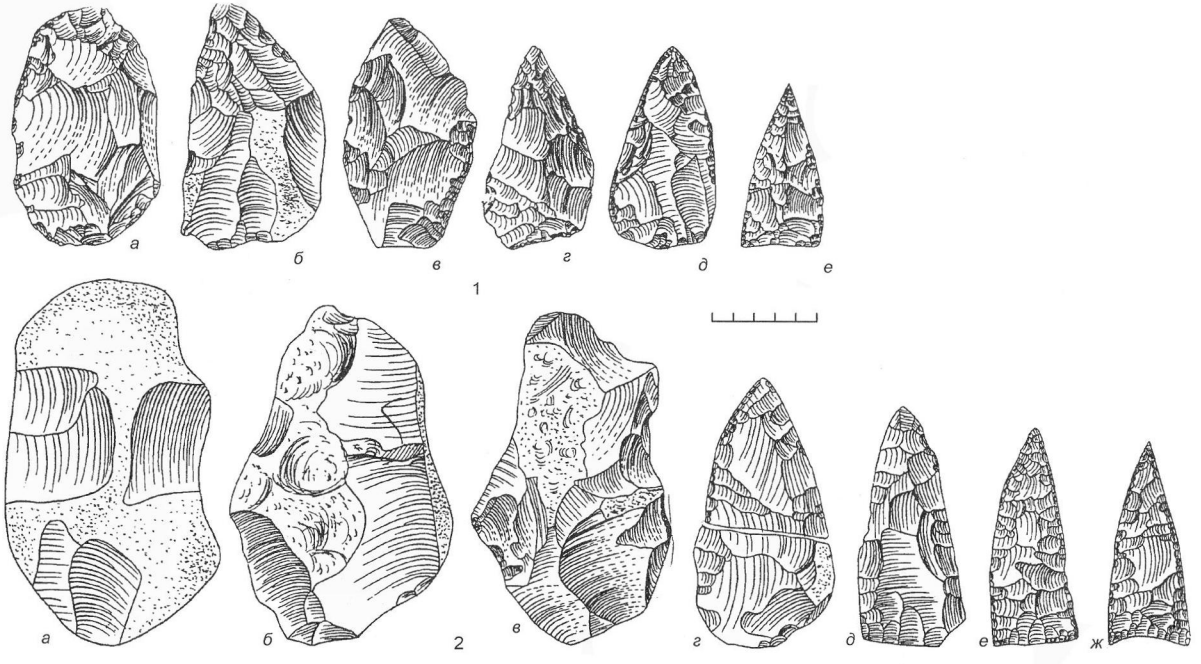


Рис. 6. Бирючья балка 2. Типолого-технологические (редукционные) ряды. 1–2 – сложная модель первого технологического варианта изготовления трсугольных острий.

Fig. 6. Biryuchya Balka 2. Typological-technological (reduction) series. 1–2 – a complex model of the first technological variant of manufacturing triangular points.

тые. Признаков изолированных площадок не установлено. Негативы на одних бифасах относительно глубокие, на других – заметно плоские. У начала некоторых негативов нет точки удара. Окончания негативов разнообразные, в том числе неровные с остатками снятых сколов. Все признаки указывают на использование мягких отбойников (рога, кости и мягких пород камня). Эффективны, по данным эксперимента, каменные отбойники из сланца или песчаника пальцевидной формы с рукояткой, а также плоские гальки, располагающиеся в момент удара вертикально. Некоторые бифасы полностью обработаны каменными отбойниками.

К треугольным наконечникам мы относим двусторонние формы, у которых морфологические и метрические показатели определенным образом фиксируют их модель, то есть соотношение ширины и толщины, *общую форму, форму основания и т. д. Наконечники* достаточно массивны, оформлены сколами и преимущественно крупной ретушью. Соотношение ширины и толщины в диапазоне 2,40–4,80. Этот показатель не является точным, поскольку в эту группу вошли неудавшиеся орудия, а также те, у которых исходными заготовками могли быть отщепы. Данные орудия подвергались дополнительному уплощению, о чем свидетельствуют негативы крупных сколов (чаще по одному краю). Происходило согласование элементов модели орудия и оформление отдельных деталей, в частности, *формы основания, выравнивание краев* и т. д. У орудий встречается двояковыпуклое и плоско-выпуклое сечение. Возрастает роль чередующихся снятий. Ударными площадками служили негативы предшествующих сколов, а также фасетированные участки. Широко применялось притупливание, пришлифовка и притирание кромок краев. Использовались одновременно каменные и мягкие отбойники. Основание оформлялось обычно поздней, чем боковые края.

Стадия 5. С этой стадией связываются наконечники, имеющие достаточно крупные размеры (рис.3: 5; 4: 6, 10–11; 5: 7, 10–12; 6: 2). На этом этапе происходит отделка орудий, то есть детализация их каждого отдельного элемента, согласование их друг с другом и получение заданной, другими словами, эталонной *формы в соответствии с технологическими*, культурными и, возможно, эстетическими стандартами. Оформление орудий осуществлялось с помощью крупной и мелкой ретуши. В ряде случаев происходило уплощение предметов относительно крупными сколами. Речь в том числе идет о направленном уплощении: то есть, когда специально готовятся ударные площадки разных типов. Важная задача – выравнивание кромок краев, рельефа поверхностей, *удаление неровностей, выступов и т. п.*

Касаясь направления снятий, отметим, что они примерно такие же как для наконечников, связываемых со стадией 4. В ряде случаев возрастает роль чередующихся снятий. В то же время мелкая ретушь часто имеет одностороннюю позицию. Увеличивается значение кромочных, то есть редуцированных площадок. Тем не менее, ударными площадками часто служили негативы предшествующих снятий (прежде *всего при нанесении мелкой* ретуши). Пришлифованные и притертые площадки на небольших участках сохранились примерно на 20–25 изделиях. На одном выделяется несколько типов ударных площадок, в частности, фасетированных и редуцированных.

По всей видимости, *использовались отбойники* из мягких пород камня, а также роговые отбойники небольших размеров. Удары наносились продуманные и точные. Как показывают эксперименты, эффективны *скользящие удары*. Важное значение приобретает расположение обрабатываемых предметов под соответствующим углом по отношению к отбойнику. У многих предметов отмечены очень плоские, едва заметные по очертаниям фасетки. Наверное, такая поверхность была получена в ходе деликатного использования небольших по весу мягких отбойников и специальной подготовки кремня для более пластичного его расщепления. Следов тепловой обработки *на орудиях слоя 3 не* установлено. Возможно, предметы, подвергаемые обработке, могли, например, помещаться на некоторое время в воду. Согласно наблюдениям, это повышает технологические свойства кремня. Вполне вероятно, что мелкая и очень мелкая ретушь на отдельных орудиях *получилась отжимом*. Последний использовался главным образом для окончательного выравнивания кромки краев, удаления мелких утолщений и т. п. При этом следует обратить *внимание на отсутствие* на краях многих орудий затупленности кромок.

Теперь кратко рассмотрим двусторонние орудия, связанные со вторым технологическим вариантом (исходная заготовка – относительно тонкий отщеп). Сюда уверенно относятся как *грубые, так и законченные* образцы. На 36 предметах фиксируются участки брюшка исходных отщепов-заготовок (рис. 4: 1, 3; 5: 1, 3–4; 7: 2–3). Однако уверенно увязать многие некрупные *орудия с этим вариантом* крайне сложно. Можно лишь допускать, что это так и есть. Вероятно, с этим вариантом нужно связывать грубые наконечники, имеющие плоско-выпуклый профиль и массивное сечение. Скорее всего, это неполучившиеся орудия.

Применительно к данному *варианту* начальная стадия оформления треугольных острий прослеживается не только на грубых остриях, но также на орудиях, которые типологически обозначаются как отщепы с базальным утолщением, отщепы с уплощенным корпусом (рис. 1: 1; 7: 5а), орудия с частичной двусторонней обработкой (рис. 3: 3), некоторые типы сложных скребел (рис. 3: 1–2, 6–7). *Многие* начальные формы имеют грубый облик и обработаны каменным отбойником (рис. 4: 1, 3; 5: 1). У незаконченных наконечников направление снятий часто по*переменное, реже чередующееся*. Мелкая регулярная ретушь у большей части грубых орудий отсутствует. Характерна чешуйчатая, по сути, оконтуривающая ретушь. Такая же ретушь отмечена и на некоторых законченных изделиях (рис. 5: 3–4). Вообще многие мелкие острия имеют частичную, видимо, рациональную обработку. Последняя нередко является грубой *и даже небрежной. Соотношение* ширины и толщины у мелких предметов в пределах 3–4, редко 4–5,5.

Таким образом, исходными заготовками в случае со вторым вариантом могли быть как относительно крупные, так и мелкие отщепы.

Выше отмечалось, что при наличии данных исходных заготовок число стадий в первом технологическом варианте может быть сокращено до 3–4 (рис. 6: 1; 7: 6). Оформление модели двустороннего орудия треугольного острия начиналось сразу. Основываясь на данных экспериментов в определенных условиях обработку двусторонних орудий можно проводить одним отбойником, включая получение обобщенной формы наконечника, то есть в пределах одной технологической стадии. В этом случае оправданно говорить о двух-трех стадиях. Что касается второго технологического варианта, то нужно говорить об одной-двух стадиях. Следовательно, изготовление многих наконечников из отщепов (2-й вариант) носит не стадиальный, а однолинейных характер. Прежде всего, это относится к частично обработанным наконечникам.

Причины выбора технологического варианта, очевидно, были разные: поставленная цель, традиции, индивидуальная манера мастеров, типы и характер исходных заготовок. Учитывая размеры и характер обработки треугольных острий Бирючьей балки 2, можно прийти к выводу, что изготовители нуждались в наконечниках разных размеров. Однако нельзя исключить того, что мелкие размеры ряда острий обусловлены технологической ситуацией, то есть заранее не планировались. Укажем на отчетливую стандартизацию отдельных орудий (особенно мелких) по форме и размерам: они почти идентичны. У значительной части наконечников основание имеет одинаковые очертания (прямое или слегка вогнутое). Характерным признаком также следует считать наличие у некоторых орудий подпрямоугольных очертаний нижней части, причем отдельные диагностические характеристики выделялись на стадиях начальных наконечников и бифасов. Все это указывает на то, что некоторые технологические признаки могут оказаться культуросодержащими.

По-нашему мнению, изготовление совершенных треугольных острий осуществлялось путем использования различных технологических и технических приемов, в том числе редуцирования кромок обрабатываемых орудий. В то же время ни на отщепах, ни на орудиях мы не установили каких-то особых приемов обработки, например подготовки изолированных ударных площадок. Последние, очевидно, имели ограниченное применение в ходе изготовления наконечников, в том числе уплощения их корпуса. Успешное уплощение орудий древними мастерами могло осуществляться при использовании фасетированных и кромочных ударных площадок. Речь идет, прежде всего, о большом технологическом мастерстве изготовителей, которые, несмотря на невысокое качество местного сырья, изготавливали совершенные орудия. Кроме того, не следует забывать, что многие острия изготовлены из отщепов, когда направленное уплощение исходных заготовок было ненужным.

Нельзя не отметить, что в инвентаре слоя 3, наряду с умело изготовленными образцами, присутствует немало грубых, неполучившихся, неудачных орудий (в том числе среди некрупных экземпляров). Некоторые изделия оставлены, то есть незавершены по непонятным причинам: они не имеют каких-либо заметных дефектов. Среди грубых, неполучившихся наконечников много мелких. Судя по всему, они обработаны каменным отбойником. Основная часть хороших наконечников имеет соотношение ширины и толщины 3–6. У многих мелких орудий довольно низкий показатель подобного рода – 3–4. Определенный интерес представляют промеры средней части изделий, а также их обоих концов на ¼ длины. Явно преобладают орудия, у которых одинаковая (или почти одинаковая) толщина отмечена в двух местах, то есть в средней части и на одном из концов (свыше 60%). Орудия, у которых одинаково уплощенными являются три участка, составляют 17%. Заметим при этом, что многие солютрейские наконечники имеют одинаковую уплощенность (толщину) на значительной части их длины. Важным показателем для двусторонних наконечников является соотношение длины и толщины. В технологическом плане оно не менее важное, чем соотношение ширины-толщины. В индустрии Бирючьей балки 2 наконечников с высоким значением этого показателя немного. Вполне вероятно, что изготовление таких наконечников в целом не планировалось древними мастерами. Любопытно, что очень многие умело изготовленные двусторонние наконечники солютре, а также неолита, энеолита и бронзы по соотношению ширины-толщины не являются так называемыми тонкими бифасами. Не относятся к их числу большинство стрел и дротиков упомянутых поздних эпох. Термин «тонкий бифас» получил широкое распространение в литературе по первобытной технологии (см. Гиря 1997: 153). Некоторые из его сторонников считают, что «тонкие бифасы» имеют хронологическое значение и свидетельствуют о революционных изменениях в технологии изготовления двусторонних орудий. На наш взгляд, этот вывод является явным преувеличением, эффектной фразой и не соответствует действительности. Не совсем ясно, почему к «тонким бифасам» относят орудия с высоким значением соотношения ширины-толщины, а не длины-толщины. Как мы пытались показать, такие технологические показатели «тонких бифасов» как специальные стадии первичного и вторичного уплощения в ходе изготовления треугольных острий из Бирючьей балки 2 не прослеживаются. Не выделяются и какие-то особые способы подготовки зоны обработки для снятия сколов уплощения. Наконец, отметим, что к числу «тонких бифасов», очень часто относят орудия, изготовленные из отщепов. Данный термин приводит нередко к двусмысленным и неверным оценкам значения того или иного предмета. От него лучше отказаться вовсе. Не отрицая важности упомянутых выше метрических соотношений, отметим, что наиболее существенными являются такие технологические и технические показатели изготовления двусторонних

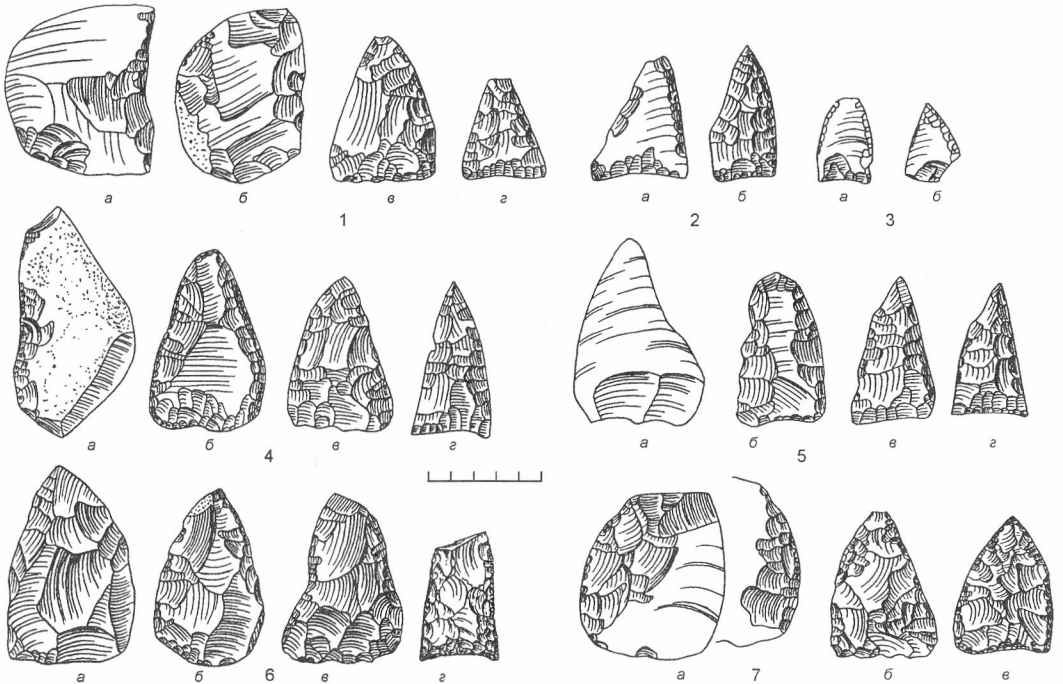


Рис. 7. Бирючья балка 2. Типолого-технологические (редукционные) ряды. 1–5, 7 – разные варианты модели изготовления треугольных острий, 6 – простая модель первого технологического варианта.

Fig. 7. Biryuchya Balka 2. Typological-technological (reduction) series. 1–5, 7 – different variants of the model of manufacturing triangular points, 6 – simple model of the first technological variant.

наконечников как их очертания, детали рельефа поверхностей, особенности профиля и кромок его краев и т. п. Наконец, не следует забывать, что вообще орудия со сплошной двусторонней обработкой для позднего палеолита, тем более неолита и энеолита являются пережиточными орудийными формами, идущими с раннего палеолита. Наиболее прогрессивной тенденцией в это время нужно признавать рациональный и экономичный подход в изготовлении сложных орудий, в данном случае двусторонних наконечников.

В заключение остановимся на типолого-технологических редукционных рядах, иллюстрирующих процесс изготовления *треугольных острий*. Для наиболее сложной модели первого технологического варианта можно представить различные орудийные формы (рис. 6: 1–2; 7: 6). Начальными стадиальными формами в данном ряду будут желваки и обломки кремня с единичными сколами, нуклевидные обломки и грубые бифасы (рис. 6: 2 а–в). Начальными стадиальными формами другого ряда первого варианта могут выступать грубые бифасы (рис. 6: 1а–б). Промежуточные формы представлены отдельными бифасами и незаконченными наконечниками (рис. 6: 1 г-д; 2г-д), а заключительные стадиальные формы – законченными наконечниками (рис. 6: 1е, 2е-ж).

Относительно разнообразные, но менее сложные по составу редукционные ряды могут быть составлены для второго технологического варианта (рис. 7: 1–5, 7). К начальным стадиальным формам нами предположительно отнесены орудия с частичной двусторонней обработкой (рис.1: 7; 3: 6), сложные типы скребел (рис. 7: 1а-б, 7, 7а), отщепы с уплощенным корпусом (рис. 1: 1), отщепы с базальным утончением (рис. 7: 5а), некоторые простые грубые скребла (рис. 2: 4; 7: 4а), зубчатые формы и отщепы с ретушью. Для частичных мелких наконечников стадиальные формы не выделяются (рис. 7: 2–3). Здесь оформление модели искомого орудия начинается сразу, то есть с первых технологических актов. Таким образом, составлению редукционных рядов предшествует типолого-морфологическое и функциональное исследование орудий. Просмотренные нами орудия из Костенок 6 и Костенок 1 (5-й слой) дают основание ставить вопрос об их сходстве с аналогичными орудиями Бирючьей балки 2. В то же время следует говорить о технологическом своеобразии изготовления наконечников, в частности, из Костенок 1. Речь идет о преимущественном использовании 2-го технологического варианта, а также значительной роли пришлифовки кромок ударных площадок, наличия заметно выпуклых площадок, что фиксируется на отщепах, полученных в ходе изготовления двусторонних форм. Это отличие скорее всего носит не общекультурный, а локальный или даже индивидуально-технологический характер.

В технологическом и типологическом отношении треугольные острия Бирючьей балки 2 похожи на *острия памятников стрелецкой культуры на Среднем* Дону. Однако стоит обратить внимание на некоторые отличия указанного порядка. В первую очередь отметим широкую вариабельность треугольных наконечников Бирючьей балки 2 и в том числе присутствие удлиненных предметов и орудий подпрямоугольных у основания. Более разнообразны орудия из памятников Северского Донца и в плане технологии их изготовления. Все это может указывать на правомерность выделения северско-донецкого варианта этой культуры (речь идет вообще об археологической культуре), рассматриваемой как аналитическое понятие, а не реальное явление. Совершенство формы и тщательность отделки описываемых двусторонних форм обусловлены в первую очередь не использованием каких-то особых технологических и технических приемов (хотя это не исключается), а высоким индивидуальным мастерством древних изготовителей.

Гиря, Е. Ю. 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Санкт-Петербург.

Гурина, Н. Н. 1978. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел // Орудия каменного века: 57–70. Киев: Наукова думка.

Козырева, Р. В. 1986. Типы кремневых наконечников стрел на стоянках эпохи неолита и раннего металла Северо-Запада Европейской части СССР // Палеолит и неолит: 149–153. Ленинград. Наука.

Матюхин, А. Е. 1977. Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ленинград.

Матюхин, А. Е. 1983. Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита: 134–187. Ленинград: Наука.

1994. Многослойный палеолитический памятник Бирючья балка 2 // Донские древности 4: 4–36. Азов.

1994а. Палеолитические мастерские в бассейне Нижнего Дона // Археологические вести 3: 25–37.

1995. Особенности анализа двусторонеобработанных изделий каменного века // Российская археология 3: 13–27.

1996. Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Санкт-Петербург.

1998. О некоторых методических и общих аспектах изучения каменных орудий // Археологический альманах 7: 25–38. Донецк.

2001. Описание и интерпретация орудий из палеолитических мастерских // Археологические Вести 8: 29–48.

2001а. Полевые исследования Северо-Донецкого палеолитического отряда в 1999–2000 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999-2000 гг. 17: 135–146. Азов.

2001б. Технологическая характеристика макроорудий из палеолитической стоянки Сатани-Дар в Армении // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 55: 15–31.

Матюхин, А. Е., Г. В. Григорьева. 1981. Технология изготовления наконечников из позднепалеолитической стоянки Корпач // Советская археология 2: 245–251.

Праслов, Н. Д. 1982. О времени появления лука // Труды II Конгресса Международной ассоциации по изучению четвертичного периода 3: 232–233. Москва.

Boëda, E., J.-M. Geneste, L. Meignen. 1990. Identification de chaînes opératoires lithiques du Paléolithique ancien et moyen // Paléo 2: 43–80.

Bradley, B. A. 1993. Paleo-Indian flaked stone technology in the North American High Plain // From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic Paleo-Indian adaptation: 201–262. New York: Plenum Press.

Bradley, B. A., D. J. Stanford. 1982. Flake stone technology and typology // The Agate basin site: 181–212. New York: Academic Press.

Bradley, B. A., G. C. Frison. 1987. Projectile points and specialized bifaces from the Horner site // The Horner site of the Cody cultural complex. 199–231. New York: Academic Press.

Bradley, B. A., M. Anikovich, E. Giria. 1995. Early Upper Paleolithic in the Russian plain: Streletskay-flaked stone artifacts and technology // Antiquity 69 (266): 989–998.

Callahan, E. 1979. The basics of biface knapping in the Eastern flutted point-stradition: a manual for flintknappers and lithic analysis // Archaeology of Eastern North America 7: 1–180.

Chauchat, C. 1991. L'approche technologique dans une étude régionale: le Paijanien de la côte du Perou // 25 ans d'étude technologiques en Préhistoire. IXe rencontres Internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Juan-les-pins: 263–273.

Frison, G. C., B. A. Bradley. 1980. Folsom tools and technology at the Hansgon site, Wyoming: 18–55. Albuquerque: University of New-Mexico Press.

Geneste, J.-M. 1992. L'approvisionnement en matières premières dans les systèmes de production lithique: la dimension spatiale de la technologie // Technologie y Cadenas operativas liticas treballs d'arqueologia 1: 1–36.

Geneste, J.-M., S. Maury. 1997. Contributions of multidisciplinary experimentation to the study of Upper Paleolithic projectile points // Projectile technology: 165–189. New York: Plenum Press.

Hahn, J. 1990. La technologie des pointes bifaciales de Rorshain et leurs relation avec l'Allemagne du sud // Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supérieur Européen. Études et Recherches archéologiques de l'Université de Liège: 79–83. Liège.

Karlin, C. 1992. Connaissances et savoir faire: comment analyses un processus technique en Préhistoire introduction // Technologia y Cadenas operativas liticas. Reunion International 15–18 enero de 1991: 99–124. Servei de Publication de la Universitat Autonoma de Barcelona.

Leroi-Gourhan, A. 1964. Le geste et la parole. T.1: technique et langage. Paris: A. Michel.

Matioukhine, A. E. 1990. Les formes bifaciales d'ateliers et de station-ateliers // Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supérieur Européen. Études et Recherches archéologiques de l'Université de Liège 42: 141–162. Liège.

1998. Les ateliers du Paléolithique supérieur de la vallée du Donets Severski (région de Rostov, Russie) // L'Anthropologie 102 (4): 467-494.

1998a. Les ateliers paléolithiques de taille du silex dans la vallée de Donets Severski (région de Rostov, Russie) // Préhistoire Européen 13: 67–113. (Текст рус.)

Pelegrin, J. 1981. Experiments in bifacial // Flintknappers Exchange 4 (1): 1–7.

1990. Prehistoric lithic technology: some aspects of research // Archaeological review from Cambridge 9: 1. Technology in the humanities. Cambridge.

Pelegrin, J., C. Karlin, I. Bodu. 1988. «Chaînes opératoires»: un outil pour le préhistorien // Technologie préhistorique. CNRC. Notes et monographies technique 25: 55–62. Paris.

Ploux, S. 1991. Technologie, technicité, techniciens: méthode de détermination d'auteurs et comportement techniques individuels // 25 ans d'étude technologiques en Préhistoire. IXe rencontres Internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Juan-les-pins.

Plumel, P., S. Lebel. 1991. Les pointes à cannelures distales dorsétiennes: seconde «invention» americaine // 25 ans d'étude technologiques en Prehistoire. IXe rencontres Internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes: 343–350. Juan-les-pins.

THE TYPOLOGY AND TECHNOLOGY OF BIFACIAL TRIANGULAR POINTS FROM THE LATE PALAEOLITHIC LAYERS AT THE SITE OF BIRYUCHYA BALKA 2

A. E. MATYUKHIN

This paper deals with the problem of the typology and technology of bifacial triangular points from the upper Palaeolithic layers at the site of Biryuchya Balka 2 situated in the Konstantinovsky region of the Rostov Oblast. The collection of flint artefacts from this site includes various flakes, debris, small flakes, and tools. The latter comprise end-scrapers, side-scrapers, bifaces, triangular points, core-shaped pieces, atypical bifacial tools, flakes with a flattened body, flakes with thinned base, *etc.* All the artefacts enumerated above were subjected to a detailed typological and morphological study. In addition, the tools were examined under a microscope in order to identify potential traces of their utilisation. As a result, the conclusion was drawn that the assemblage from this site comprises both finished tools (end-scrapers, many of the side-scrapers, and some bifaces) and unfinished ones to which were attributed various types of bifacial tools. The latter have no traces of being used and they were connected with the process of the manufacturing of triangular points. The bifaces can be distinguished into rough ones but also rather skillfully made examples. Several complicated types were identified among the side-scrapers, in particular bifacial scrapers and those with a flaked base. Among the triangular points predominate the slightly and moderately elongated ones with a single convex and a double biconvex cross-section. Notably elongated points and ones with sub-rectangular base which give the industry of Biryuchya Balka 2 its typological peculiarity. The morphological studies of tools and flakes were carried out both visually and microscopically, special attention being paid to the investigation of striking platforms.

The reconstruction of the process of manufacturing triangular points included the identification of the sequence of the stages and technical methods, which in their turn corresponded to the stages of changing the shape of the artefacts. Depending on the type of the initial blank, two technological variants have been identified. In the first case, initial blanks were nodules, cobbles, blocks,

and massive flakes; in the second, thin flakes and blades were used. In the first variant, the manufacture must have included a considerable number of stages, while the second variant involved a minimum of stages. The most complicated model of the first variant included 5 stages: 1) obtaining and primary treatment of the blanks; 2) primary flattening of the blanks; 3) initial forming of the future tool; 4) further shaping of the tool; and 5) finishing of the tool. Regarding the initial blanks, it is reasonable to consider as such, e.g., the nodules with single blows that were found in layer 3 (fig. 6: 2а). Core-like artefacts (figs. 2, 7: 6, 2б) and some rough bifaces may be associated with the second stage (fig. 6: 2в). The purpose of this stage is the maximal thinning of the nodule or fragment in order to obtain a working, *i.e.* a convenient blank. At this stage the tools look like nuclei. Stage 3 is connected mainly with the rough bifaces (figs. 1: 5; 2: 8; 6: 1а-б). The rough formation of the principal elements of the model of bifacial tools and at the same time their flattening take place at this stage. Related to stage 4 are more or less carefully trimmed bifaces (figs. 4: 9; 6: 1в-г; 7: 6а-б), as well as the unfinished points (figs. 2: 5; 6: 2д; 7: 6в). And finally, the large finished points are related to stage 5 (figs. 3: 5; 4: 6, 10–11; 5: 7, 9–11; 6: 2). The initial developmental forms of the second technological variant are represented by tools such as flakes with flattened body (fig. 1: 1; 7: 5ѓ), partially bifacial tools of (fig. 3: 3), and some types of complex side-scrapers (fig. 3: 1–2, 6–7). The designing of the model of the triangular point was started immediately. It is practically impossible to identify any stages of the working of the tool. In my opinion, the manufacture of perfect triangular points was carried out by the employment of the optimal technological and technical working techniques, including the preparation of various types of striking platforms, and application of special methods of ameliorating the technological properties of flint. Altogether, such manufacture was possible thanks to exceptional mastery and experience of the ancient craftsmen.

For illustration of the process of manufacturing triangular points, the author presents here a number of typological-technological (reduction) series, composed of tools differing in their morphology for the first (fig. 6: 1–2) and second (fig. 7: 1–5, 7) technological variants. Distinguished are the initial, intermediate and concluding developmental forms. In terms of their technology and typology, the triangular points from Biryuchya Balka 2 are similar to the triangular points of the Streletskaya culture in the region of the central Don. However, it should be noted that there are some morphological peculiarities which suggest a possibility of distinguishing the North-Don variant of this culture.

АНАНЬИНСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ. ИСТОКИ, ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ И РАЗВИТИЕ

СТ. А. ВАСИЛЬЕВ[1]

Скифский звериный стиль как неотъемлемая часть культуры ранних кочевников, наряду с конским убором и вооружением определенных типов, формирует скифскую триаду. Наличие триады определяет круг культур скифского типа, распространенных *в степи и лесостепи, предгорьях и горах, главным об*разом на территории России, Украины, Казахстана, Киргизии, Монголии и Северного Китая в VIII–III вв. *до н. э. Множество культур на всей* этой территории объединяет определенное родство, элементы которого проявляются либо внутри этого единства, либо у групп соседних культур, называемых иногда «провинциями» скифского мира. Среди них выделяют Северное (Степное) Причерноморье и Днепровскую Лесостепь, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Южное Приуралье, Среднюю Азию, Казахстан, Минусинскую *котловину*, Саяно-Алтай, Туву, *Монголию и Северный* Китай. Эти очаги скифской культуры и скифского зве*риного стиля являлись* своего рода генераторами идей и художественных образов, а также источниками распространения звериного стиля на соседние территории: Центральную Европу, Подонье, Волго-Камье, Восточный Урал и Западную Сибирь, Забайкалье, где пришлое искусство под влиянием местных традиций приобрело свои особенности и семантическую нагрузку. Причерноморский, северокавказский, донской, нижневолжский, южноуральский, казахстанский, минусинский (тагарский), алтайский варианты четко различаются. Одни восходят к местным культурам эпохи бронзы (Южная Сибирь), другие являются привнесенными (Северное Причерноморье, *Северный Кавказ).*

Распространение звериного стиля осуществлялось *в значительной мере по крупным водным магистра*лям, таким как Волга, Кама, Иртыш, Обь и Енисей. Именно в бассейнах этих рек встречены *многочислен*ные скифские украшения и местные подражания им. Из-за сходства ананьинских изделий в зверином стиле со скифскими их иногда объединяют одним общим понятием «ананьинский звериный стиль» и рассматривают как ранний этап пермского звериного стиля[2]. Истоки и природа этого явления не вполне ясны. С одной стороны, набор мотивов и сюжетов имеет явное скифское происхождение, с другой – отличная от скифских образцов *стилистика многих из них* и деревянная скульптура восточноевропейского и особенно зауральского неолита вынуждают нас с осторожностью относиться к таким суждениям и искать *иные пути решения* проблемы происхождения и развития ананьинского искусства.

В настоящее время известно более 500 ананьинских памятников, включая места случайных находок. Основная их масса распределена по всей территории Среднего Поволжья и *Предуралья* и бассейнов рек Вятки и Белой. Отдельные памятники встречаются *и на соседних территориях*[3]. *Термин Волго-Камье* – условный и изначально он подразумевал насыщенный раннеананьинскими памятниками район слияния Волги и Камы с прилегающими территориями. Постепенно это определение стало собирательным для бассейнов Волги и Камы и всей территории ананьин*ской культурно-исторической* области (АКИО). Из-за отсутствия четкого географического районирования данного региона, привязка осуществляется к бассейнам рек, а под термином Волго-Камье подразумевается территория Средней Волги и Камы с притоками, крупнейшими из которых являются Вятка, Ветлуга, Чусовая и Белая. В вопросах ананьинского культурно-исторического *единства вместо термина* «ананьинская культура» корректнее и правильнее использовать термин «ананьинская *культурно-историческая* область» (АКИО) по отношению к изучаемому историческому региону, поскольку его формирование связано с внутренней консолидацией маклашеевских, текстильных, лебяжских (и других постгаринских) популяций в лесной зоне Восточной Европы, а стержнем и движущей силой стало взаимодействие носителей постмаклашеевских и постлебяжских (*шнуровых и гребенчато-шнуровых*) древностей, в значительной степени обусловленное и активными миграционными процессами в раннем железном веке[4] (Кузьминых 2000: 104–112.).

Всего, включая места случайных находок[5], учтено 320 зоо- и антропоморфных предметов из 71 памятника АКИО, составляющих 50–70% всех известных изображений в зверином стиле с территории

---

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. *Группа археологического* мониторинга.

[2] Подробнее историографию вопроса см.: Васильев Ст. А. История изучения искусства ананьинской культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПб., № 4, 2000.

[3] *Среднее Поволжье состоит из правобережного* Приволжья и левобережного Заволжья и вместе с Нижним и Верхним Поволжьем образует собственно Поволжье. Предуралье — *территория, прилегающая к западному склону Урала в бассейне Печоры и Камы, окраинная* часть Восточно-Европейской равнины. Наряду с Полярным, Приполярным, Северным, Средним, Южным Уралом и Зауральем входит в состав собственно Урала. Подробнее о районировании см.: Географический … словарь 1989: 170, 177, 376, 379, 383, 385, 452, 505, 574.

[4] *В более ранних работах предлагался* термин «ананьинская культурно-историческая общность» (АКИО).

[5] Это не так много. Например, у Л. А. Голубевой было учтено 976 зооморфных украшений VI–XIV вв. (см. Голубева 1979: 9).

© Ст. А. Васильев, 2004

АКИО[6]. Из общего числа предметов 182 происходят *из раскопок*, 88 – *из случайных находок*, сборов и покупок, 12 – из кладов, обстоятельства обнаружения 37 предметов остались невыясненными. В состав рассматриваемого комплекса включены также изображения на предметах из случайных находок, имеющие аналогии среди памятников АКИО или других синхронных археологических культур и географически не выходящие за пределы АКИО. В нашем распоряжении нет предметов в зверином стиле *из органических материалов (кроме кости)*: дерева, кожи и ткани, служивших, вероятно, основным материалом для большинства местных изображений.

Проанализированные находки и изображения распределены по функциональным категориям и четырем группам происхождения: 1) импорты, 2) копии с импортов, 3) подражания импортам, 4) местные. Для *большинства изображений установлены* датировка и ближайшие аналогии. В целом можно выделить два основных периода: VII–VI и V–III вв. до н. э. Большая часть находок приходится на V–III вв. до н. э., образуя две крупные группы: V–IV и IV–III вв. до н. э. Небольшая часть относится к VII–VI и VI–V вв. до н. э., и единичные находки выходят за пределы VII–III вв. до н. э. Деление на периоды условно, так как находки, попадающие в разные периоды, могут иметь *перекрывающие* друг друга даты.

VII–VI вв. до н. э. К наиболее раннему периоду относятся около сорока предметов, происходящих, *главным образом, из раннеананьинских* могильников и случайных находок на Средней Волге и Нижней Каме (рис. 1). Из них лишь одна костяная палочка со схематичными изображениями идущих друг за другом людей *(напоминают бронзовых человечков-идолов* из Ст. Ахмыловского могильника) и коней (?) происходит из слоя IX–VIII вв. до н. э. Черепашьего городища (рис. 21: 4). Кроме материалов Ст. Ахмыловского *могильника, находки этого периода не образуют* серий и больших скоплений на какой-то определенной территории и относительно равномерно *распределены по всему течению* Средней Волги и Нижней Камы. *Несколько экземпляров происходят* с Вятки и Средней и Верхней Камы.

Более четверти находок являются импортами из Казахстана, Северного Причерноморья и Кавказа. *Доминирующее положение занимают украшения* в виде налобных венчиков из фрагментов пластин бронзовых гравированных кавказских поясов с изображениями скачущих лошадей, собак, львов и рыб (*рис. 21: 7, 9–12*). *Кроме того, встречаются* единичные попытки подражаний кавказским аналогам (рис. 21: 8), а также случаи, когда фрагменты таких пластин использовались в качестве нашивных украшений костюмов (рис. 21: 6). Импорты из Казахстана и Причерноморья представлены единичными находками бронзовых ременных и нашивных бляшек и бронзовым зеркалом с изображениями хищных животных и птиц (рис. 21: 16, 21, 23; 22: 4, 7, 8).

Количество копий и подражаний привозным изделиям невелико и несет на себе явный отпечаток влияния *южных прототипов с Кавказа. Таковыми* являются бронзовое навершие с головой животного *на конце*, бляха со свернувшимся хищником (не исключено, впрочем, их импортное происхождение) и накладка от налобного венчика (рис. 20: 10; 21: 5, 8).

Количество местных изделий гораздо больше (23 экз.) за счет практически однотипных бронзовых фигурок-амулетов Ст. Ахмыловского *могильника* (*рис. 20*: 19–22). Отдельные находки в виде схематичных *фигурок зверей и птиц*, а *также антропоморфные* личины – местные сюжеты, бытующие в АКИО на протяжении всего периода ее существования и получившие развитие в последующее время (рис. 21: 1–2). Для не подвергшихся влиянию скифского искусства *местных изделий* характерна максимальная лаконичность и простота изображений, граничащая со схематизмом и примитивизмом.

Из-за малочисленности выборки в выборе сюжетов и мотивов не прослеживается каких-то особенных предпочтений. В действительности, раннеананьинские изображения (мотивы и сюжеты) полноценно представлены лишь материалами полностью раскопанного Ст. Ахмыловского могильника, на основе которых выделяют серии налобных венчиков и антропоморфных фигурок, составляющих более половины *всех* известных нам раннеананьинских зоо- и антропоморфных *украшений. Остальные мотивы* и сюжеты представлены одной-двумя находками (рис. 20: 4; 21: 1, 24; 22: 14) и не образуют ни серий, ни стилистически или сюжетно близких групп.

Материалом *для большинства предметов служила* бронза разного качества[7]. Всего два предмета изготовлены из кости: зооморфный псалий с Буйского *городища* и палочка с Черепашьего городища. Нам *не известны ни каменные, ни глиняные, ни* тем более органические (кроме костяных) предметы с зоо- и антропоморфными украшениями этого времени.

VI–V вв. до н. э. Для периода VI-V вв. до н. э. известно около пятидесяти находок: в основном с поселений, из могильников, а *также* случайных. Географическое распределение находок показывает увеличение их концентрации на Средней и Нижней Каме, а также в устье Камы, на Белой и Вятке (рис. 2). Зоо- и антропоморфные украшения исчезают со Сред-

[6] К. И. Корепанов сообщает о 1598 (!) учтенных изображениях. Однако даже *при беглом ознакомлении с работой выяснилось*, что более половины изображений составляют не относящиеся к АКИО *изделия караабызской культуры бассейна р. Белой* и поздние материалы Гляденовского костища. Кроме того, изображения одного и того же предмета из разных публикаций толковались как серия однотипных предметов. Неточность и схематичность рисунков с дорисовкой несуществующих деталей стали причиной неправильного толкования изображений, что, в свою очередь, привело к *появлению несуществующих сюжетов и персонажей* (см. Корепанов 1980: рис. 18: 1, 2, 4 – бронзовый чекан с головой кабана *из г. Елабуги*; *рис. 28: 3*, 4 – костяная пластинка с изображением медвежонка с Аргыжского городища и др.).

[7] Например, два кочедыка из Ст. Ахмыловского могильника – металл ВУ (волго-*уральская* группа), кинжал из Акозинского могильника – металл ВК (волго-камская группа по С. В. Кузьминых 1983).

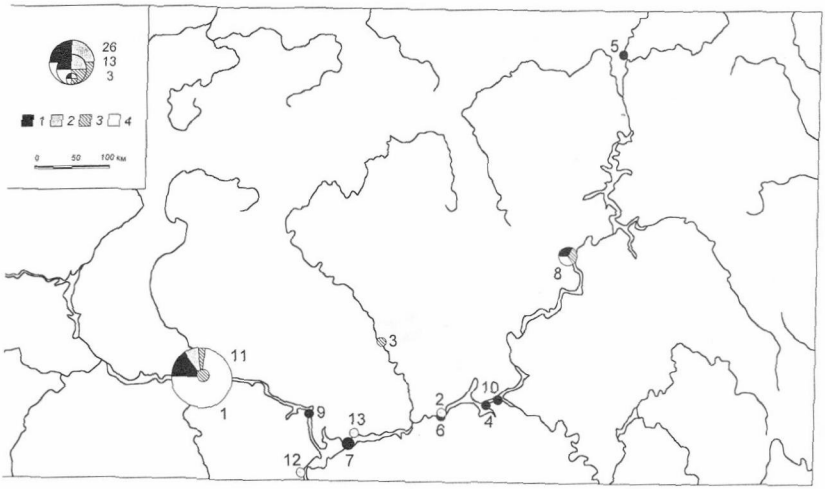


Рис. 1. Распределение находок в зверином стиле на территории АКИО в VIII–VI в. до н. э.: 1 – *импорт*; 2 – копия; 3 – подражание; 4 – местная.
1 – *Акозинский могильник*; 2 – *Ананьинский могильник*; 3 – *Аргыжское городище*; 4 – Зуевский могильник; 5 – Колва, р.; 6 – Луговской 1 могильник; 7 – Мурзихинский 1 (4) могильник; 8 – Першинский могильник; 9 – Пусто-Моркваншинский могильник; 10 – Пьяный Бор, окр.; 11 – Ст. Ахмыловский могильник; 12 – Тетюшский 1 могильник; 13 – Черепашье городище.

Fig. 1. Ananjino animal style finds from the VIII–VI cen. B. C. 1 – import; 2 – copy; 3 – imitation; 4 – native.

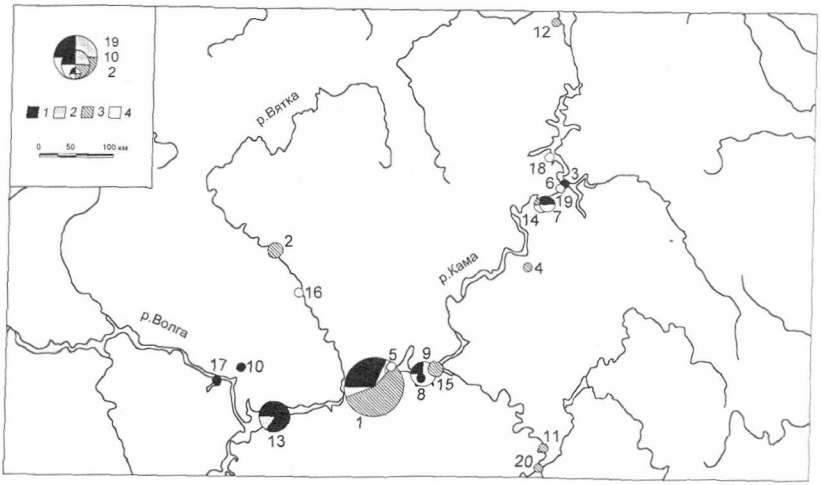


Рис. 2. Находки VI–V вв. до н. э.: 1 – Ананьинский могильник; 2 – Буйское городище; 3 – *Галкинское городище*; 4 – *Гремячанское селище и святилище*; 5 – Елабуга, г.; 6 – Заосиновское 5 селище; 7 – Заюрчимское 1 селище; 8 – *Зуевоключевское городище*; 9 – Зуевский могильник; 10 – Камаевское городище, окр.; 11 – Кара-абызское городище; 12 – р. Сарабаиха, Пермская обл.; 13 – Мурзихинский 1 (4) могильник; 14 – Половинное 1 селище; 15 – Рёлка; 16 – Ройское городище; 17 – Свияжск, окр.; 18 – Скородум, могильник; 19 – Турбинский клад; 20 – *Уфимский Новый* могильник.

Fig. 2. Finds VI–V cen. B. C.

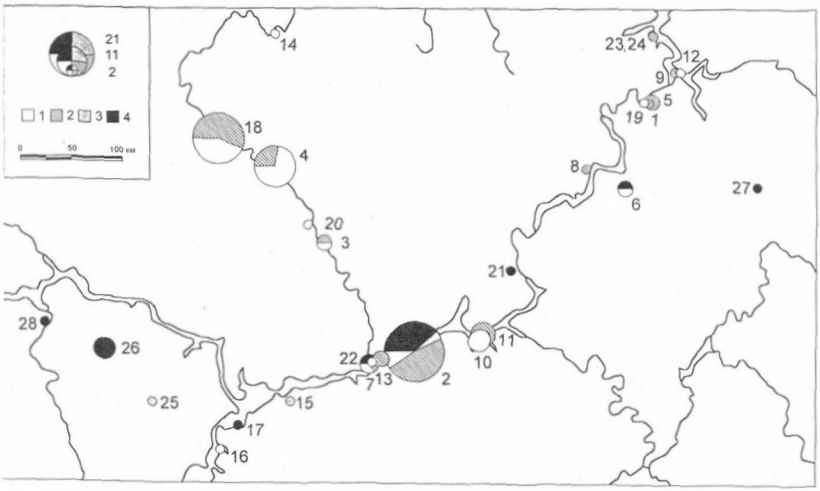


Рис. 3. Находки VI–IV вв. до н. э.: 1 – Алтен-Тау, городище; 2 – Ананьинский могильник; 3 – Аргыжское городище; 4 – Буйское городище; 5 – Галкинское городище; 6 – Гремячанское селище и святилище; 7 – Грохань; 8 – Ерзовское 1 селище; 9 – Заюрчимское 1 селище; 10 – Зуевоключевское городище; 11 – Зуевский могильник; 12 – Конецгорское селище; 13 – Котловский могильник; 14 – Кривоборское городище; 15 – Курган, городище; 16 – Маклашеевское 2 селище; 17 – Ново-Мордовские 1 находки; 18 – Пижемское городище; 19 – Половинное 1 селище; 20 – Ройское городище; 21 – Сарапул, окр.; 22 – Свиногорское городище; 23 – Скородум, селище; 24 – Скородумский клад; 25 – Таяба, село; 26 – Убеевский могильник; 27 – Юг, пос.; 28 – Ядрин, г.

Fig. 3. Finds VI–IV cen. B. C.

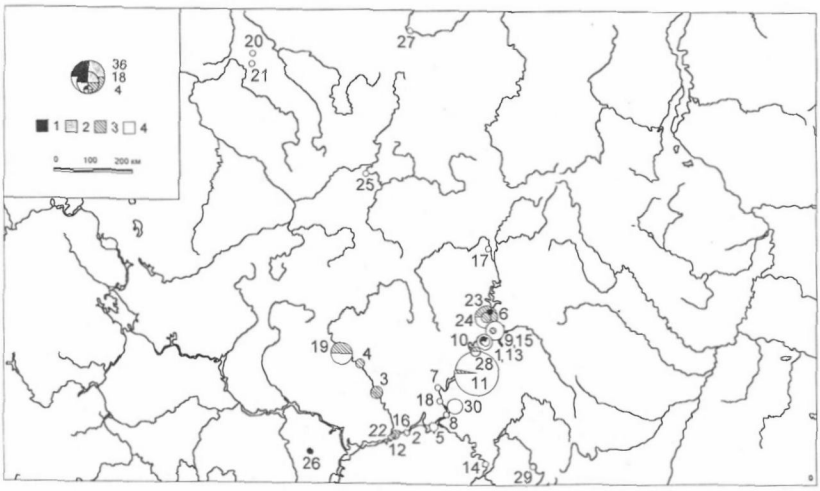


Рис. 4. Находки V–III вв. до н. э.: 1 – Алтен-Тау, городище; 2 – Ананьинский могильник; 3 – Аргыжское городище; 4 – Буйское городище; 5 – Быргындинское 2 городище; 6 – Висим, село; 7 – Воткинский завод, окр.; 8 – Галаново, село; 9 – Галкинское городище; 10 – Гляденовское городище и костище; 11 – Гремячанское селище и святилище; 12 – Грохань; 13 – Заюрчимское 1 селище; 14 – Кара-абызское городище; 15 – Конецгорское селище; 16 – Котловский могильник; 17 – Курган, секира; 18 – Пашурское; 19 – Пижемское городище; 20 – Пинега 1, река; 21 – Пинега, река; 22 – Свиногорское городище; 23 – Скородум, могильник; 24 – Скородумский клад; 25 – Слудка, село; 26 – Чурачикский курган; 27 – Шиховской могильник; 28 – Юго-Камское городище; 29 – Юрюзань; 30 – Юшковское городище

Fig. 4. Finds V–III cen. B. C.

ней Волги: отсюда известны всего две случайные находки. Со второй половины VI в. до н. э. основная масса изображений в зверином стиле концентрируется в бассейне Средней и Нижней Камы и Вятки. Отчасти это связано с предполагаемым запустением средневолжского района с конца VI в. до н. э., причины которого пока во многом остаются неясными.

По богатству материала на первом месте стоит Ананьинский могильник. Оттуда происходят около двадцати зооморфных предметов, треть которых – привозные. Из известных нам памятников АКИО на протяжении VI–IV вв. до н. э. этот могильник остается самым богатым зооморфными украшениями, причем значительную часть этих вещей составляют скифские, савроматские и сибирские образцы, а также подражания им. Количество копий и местных изображений из могильника минимально (рис. 2; 3; 21: 14, 15; 22: 3, 5, 6). Других мест концентраций изображений в зверином стиле подобного масштаба в VI–V вв. до н. э. в Волго-Камье нет. Из Мурзихинского I (IV) могильника известно 6 зооморфных предметов, и все они – привозные (впрочем, один из них может считаться копией – рис. 22: 9). Остальные памятники представлены всего одной-двумя находками.

По сравнению с предыдущим периодом увеличивается количество привозных украшений скифского, савроматского и тагарского облика, судя по близким аналогиям (рис. 5; 20: 8). Некоторые изображения имеют аналогии во многих регионах скифского мира, поэтому точно указать, откуда конкретно они попали в Волго-Камье, затруднительно (рис. 20: 11; 22: 9). К VI–V вв. до н. э. относятся все зооморфные ананьинские чеканы, которые можно с уверенностью назвать особенностью ананьинского искусства. Вероятно, под влиянием мощных центров искусства звериного стиля, расположенных к юго-востоку и востоку от Волго-Камья, в Южной Сибири и Южном Приуралье, складывается традиция изготовления зооморфных чеканов с головкой хищной птицы под бойком и поясных крючков (рис. 19: 2–6, 10, 12). Причем чеканы и та часть крючков, которые имеют, предположительно, восточное происхождение, приобретают оригинальные формы, и при их изготовлении используются мотивы, отличающиеся от восточных прототипов (рис. 19: 12, 18). Чеканы производят довольно крупных размеров и, иногда, украшают декоративными элементами, неизвестными в других регионах (рис. 19: 1) (см. также: Збруева 1952: рис. XXII: 1). Помимо зооморфных чеканов и крючков как категорий предметов, имеющих изначально неананьинское происхождение, скифские мотивы также используются для украшения местных предметов, например костяных гребней с ананьинских поселений (рис. 20: 5, 6). Можно предположить, что костяные гребни существовали у ананьинцев и ранее. Таким образом, прослеживается процесс переноса скифских звериных мотивов и сюжетов на местные категории предметов (рис. 20: 3, 7).

Большая часть привозных вещей относится к конской упряжи. Преобладают сюжеты голов хищных птиц и пока немногочисленных фигур животных. По скифским образцам донского и, возможно, кавказского происхождения, иногда с минимальной переработкой отливают копии изделий с наиболее распространенными сюжетами – свернувшегося в кольцо и прижавшегося к земле хищника, которые приобретают в это время большую популярность среди сюжетов скифского звериного стиля. Наряду с сюжетами, появляющимися в Волго-Камье еще в предыдущий период и имеющими глубокие корни в местной среде (рис. 21: 19, 20), на памятниках АКИО обнаруживаются некоторые предметы, не имеющие близких стилистических аналогий в соседних культурах, и являющиеся, вероятно, произведениями местных мастеров (рис. 20: 12; 21: 18). Большой процент составляют зооморфные предметы, выполненные «по мотивам» или в подражание скифским образцам. Прежде всего, это относится к чеканам, концентрирующимся в восточной части АКИО (рис. 19: 1–6), а также к крючкам и костяным псалиям (рис. 19: 12; 22: 13). Местные экземпляры представлены небольшим количеством разнородных находок, на основе которых трудно выделить какую-то определенную тенденцию. Можно отметить, что продолжает бытовать мотив человека, в том числе личина как художественный мотив, а также сюжет летящей птицы. Остальные находки можно охарактеризовать как предметы, при изготовлении которых использовалась сама идея анималистического мотива в качестве декора предмета. Подобное явление трудно увязать с влиянием какого-то конкретного искусства или стиля и, скорее всего, данные предметы являются самостоятельными творческими разработками ананьинцев (рис. 19: 1; 20: 3, 7, 12).

Из-за большого количества привозных бронзовых изделий и чеканов – ведущей категории предметов этого периода – можно сказать, что основным материалом служила бронза различных сплавов, а также кость, из которой изготовлены местные гребни и псалии. Из камня выполнены всего два предмета – плиты из Ананьинского могильника с изображениями человека (рис. 21: 17, 18).

VI—IV вв. до н. э. Достаточно сложно определить четкую границу между этим и предыдущим периодом, и их следует рассматривать, скорее, как процесс непрерывного развития, в котором на протяжении V в. до н. э. происходят изменения, связанные с исчезновением одних категорий предметов и появлением других, а также увеличением количества местных оригинальных изделий, мотивов и сюжетов.

К VI–IV вв. относятся более девяноста находок (рис. 3). Сюда вошли группы предметов, датированных в широких пределах VI–IV и V–IV вв. до н. э., большая часть которых происходит с поселений Средней и Нижней Камы, Вятки и из Ананьинского могильника. Отдельные экземпляры известны из других могильников Нижней Камы, случайных находок в Среднем Поволжье, на Средней и Нижней Каме, в том числе – кладов. При этом наибольшее число находок, как и прежде, происходит из Ананьинского могильника, а также с двух «костеносных» горо-

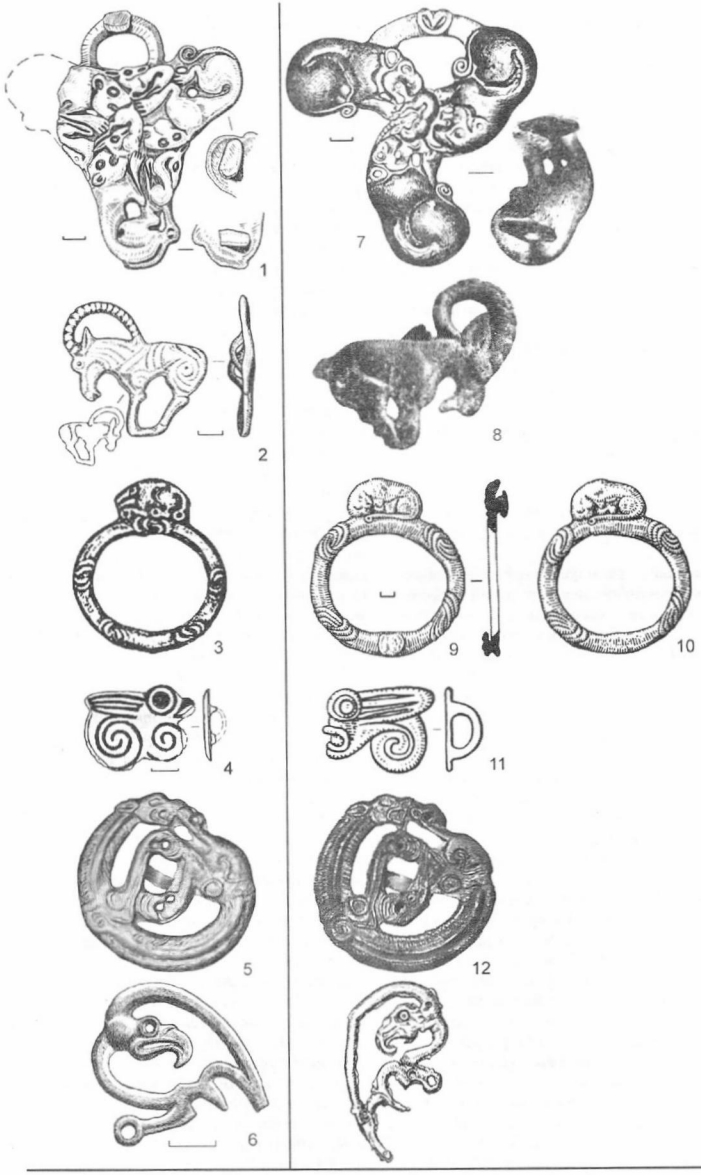


Рис. 5. Находки с территории АКИО: 1– Пьяный Бор, окр.; 2 – Ерзовка 1; 3 – р. Колва; 4 – Мурзихинский I (IV); 5 – Ананьинский могильник, погребение 23; 6 – Зуевский могильник.
Ближайшие аналогии: 7 – Павлодарское Прииртышье; 8 – ур. Тамды, курган 10, Памир; 9, 10 – могильник Южный Тагискен, курган 45; 11 – могильник Нартан, курган 24; 12 – Староживотиново; 13 – могильник Чиликты, курган 5.

Fig. 5. 1–6 – Finds from Ananjino; 7–13 – Closest analogies.

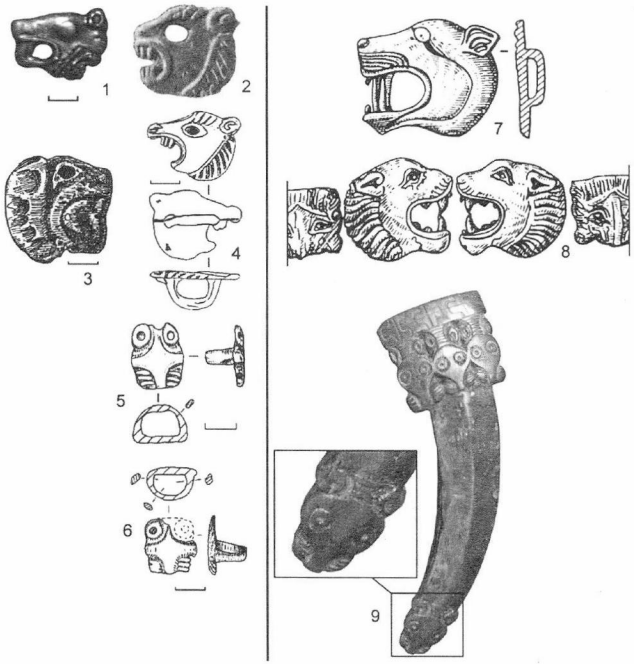


Рис. 6. Находки с территории АКИО: 1, 2, 4–6 – Ананьинский могильник; 3 – Воскресенское городище. Ближайшие аналогии: 7 – Журовка; 8 – Берестняги; 9 – д. Малые Будки (Сумская обл.).

Fig. 6. 1–6 Finds from Ananjino; 7–9 – Closest analogies.

дищ – Пижемского и Буйского. Остальные памятники насчитывают от 1 до 5 предметов. По сравнению с предыдущим периодом, возрастает количество материала на вятских памятниках, главным образом за счет большого числа изделий из кости.

Среди изделий в зверином стиле по-прежнему встречается много предметов скифского, савроматского и сибирского происхождения. Это, в основном, детали конской упряжи в виде голов грифонов и животных, оружие с фигурами животных и головами грифонов на рукоятях и поясные крючки. Из Подонья заимствуют новый тип зооморфных поясных крючков, в большом количестве встречающихся на ананьинских поселениях Вятки и в могильниках Нижней Камы (рис. 19: 11, 13–16, 19, 21, 22). Вообще, в этот период значительно возрастает процент предметов, выполненных «по мотивам» или «в подражание» скифским образцам, количество же копий минимально. Среди таких подражаний можно назвать бляшки в виде фигур животных: летящего лося и стоящего козла, припавшего к земле хищника и летящей птицы (рис. 19: 20; 21: 13; 22: 10). Причем изготавливают как заимствованные и несколько переработанные категории вещей (поясные крючки, бляшки с фигурками копытных, металлические рукояти ножей), так и местные, украшенные заимствованными сюжетами (костяные гребни, рукояти мечей, ножей, наконечники ножен). На примере зооморфных крючков мы можем наиболее полно представить себе процесс и механизм заимствования и переработки как категории, так и сюжета: схема «голова грифона на одном конце» + «одиночная или двойная голова волкообразного хищника на другом» на бронзовом крючке постепенно превращается в схему «голова грифона или какого-нибудь животного на одном конце» + (всего один раз) «голова (фигура?) животного на другом конце» на костяном крючке (рис. 10: 1–4, 8, 9).

Примерно в V в. до н. э. появляются и получают большое распространение, особенно на вятских памятниках, костяные рукояти ножей, украшенные головами животных на конце (рис. 20: 13–18). Фактически они доминируют среди местных зооморфных изделий. Их стилистическое, сюжетное и идейное единство вместе с разнообразием форм и обнаружен-

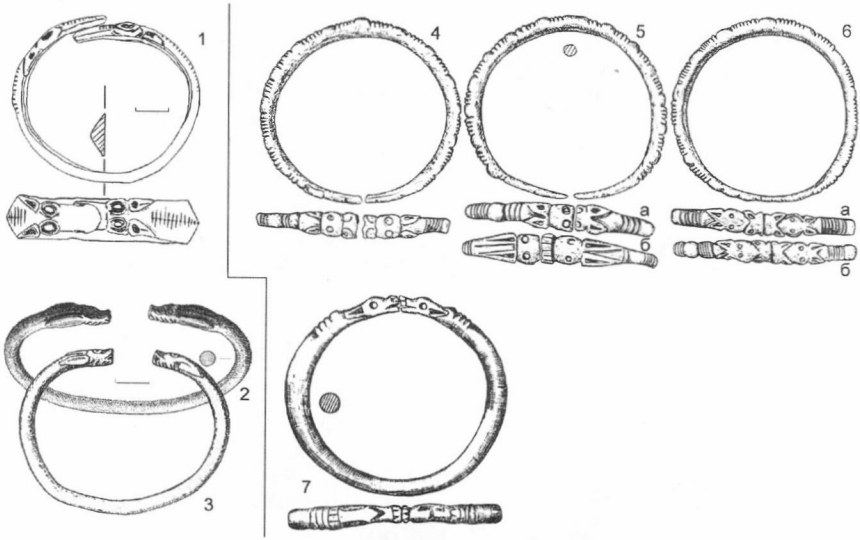


Рис. 7. Находки с территории АКИО: 1 – Ананьинский могильник; 2, 3 – Зуевский могильник.
Ближайшие аналогии: 4 – Аксютинцы, от Терещенко; 5 а, б – Басовка, курган А; 6 а, б – Волковцы, курган 4; 7 – Передано Львовским музеем (Украина).

Fig. 7. 1–3 – Finds from Ananjino; 4–7 – Closest analogies.

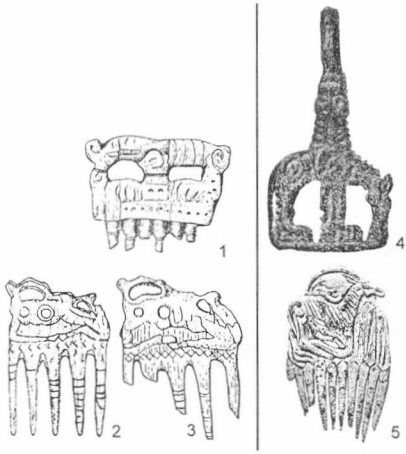


Рис. 8. Находки с территории АКИО: 1 – Буйское городище; 2 – Половинное I сел.; 3 – Гремячанское сел.
Ближайшие аналогии: 4 – с. Бажиган, Северный Кавказ; 5 – могильник Хемчик-Бом III, погребение 13, Тува.

Fig. 8. 1–3 – Finds from Ananjino; 4–5 – Closest analogies.

ными заготовками не оставляют сомнения в наличии локального производства, учитывая, что кость является традиционным и одним из основных сырьевых материалов для Волго-Камья и всей лесной полосы Евразии. Появляются пряслица с изображением свернувшегося в кольцо хищника.

Количество мотивов невелико. Можно выделить все тот же мотив хищной птицы-грифона, мотив хищника (кошачьего, волко- и медведеобразного, а также неопределенного) и мотив копытного (лося и неопределенного). Доминирующими сюжетами являются головы хищников, копытных и хищных птиц-грифонов как на отдельных бляшках, так и в составе более сложных композиций (крючки), или же как украшение части предмета (окончания рукоятей). Целые фигурки животных и птиц встречаются всего в 13 случаях в виде отдельных бляшек, в составе композиций или как украшение части предмета.

Все импортные изделия и их копии изготовлены из различных сплавов бронзы. Количество бронзовых и костяных предметов, выполненных в подражание привозным образцам, примерно одинаково, при этом всего один крючок изготовлен из железа. Подавляющее же большинство местных изделий сделано из кости.

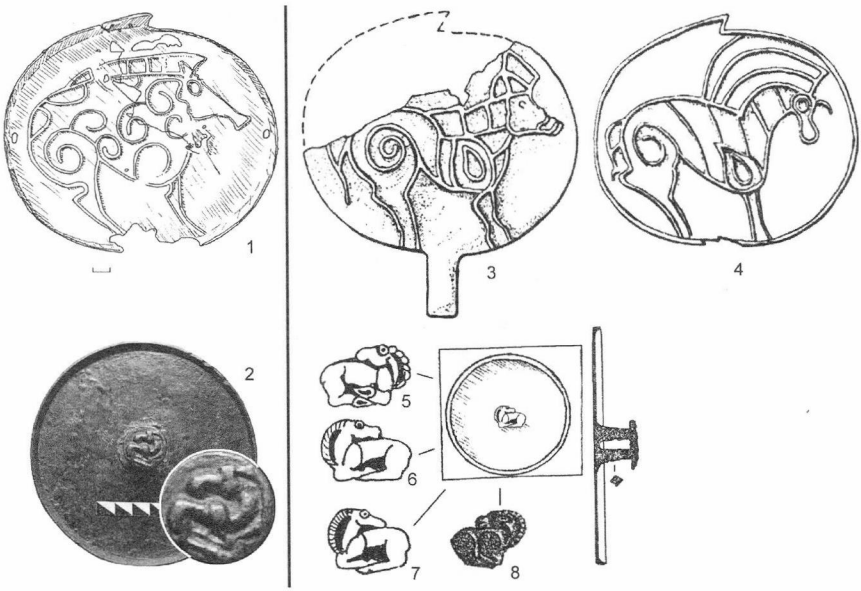


Рис. 9. Находки с территории АКИО: 1 – Зуевский могильник; 2 – Пусто-Морквашинский могильник. Ближайшие аналогии: 3 – Селитренное городище; 4 – Происхождение неизвестно; 5 – Могильник Нартан, курган 18; 6 – Глинище; 7 – Герасимовка, курган 1; 8 – Могильник Аксютинцы, случайная находка.

Fig. 9. 1–2 – Finds from Ananjino; 3–8 – Closest analogies.

V–III вв. до н. э. На завершающий этап[8] развития ананьинского искусства звериного стиля приходится основная масса находок – 109, что несколько превышает количество предметов предыдущего периода. Находки этого времени по-прежнему образуют скопления в районе Средней и Нижней Камы, на Вятке их количество уменьшается. Отдельные яркие экземпляры встречаются в очень отдаленных от Волго-Камья северных районах: Пинега, Печора и на р. Белой, что следует связывать с распространением ананьинского влияния на эти территории или ананьинским экспортом (рис. 4) (Васильев 2001: 36). На Средней Волге зооморфные украшения этого периода не встречаются, не считая крючка из Чурачикского кургана (рис. 19: 17), погребения которого не связаны с АКИО.[9]

Подавляющее большинство зооморфных украшений происходит с ананьинских поселений (особо стоит отметить Гремячанское, Пижемское и Конецгорское) и только некоторые – из погребальных памятников, случайных находок и кладов (Скородумский). В среднем, число находок из одного памятника, кроме вышеупомянутых, не превышает 5 экземпляров.

Импортов и копий очень мало – всего 4 экземпляра, но заметно возрастает количество подражаний и местных изделий (32 и 84 экз. соответственно) за счет больших серий каменных зооморфных пряслиц, костяных псалий и глиняных антропоморфных фигурок с вятских и камских городищ. К этому же времени относятся знаменитые ананьинские секиры – шедевры ананьинских мастеров. Кроме того, встречаются отдельные бляшки и подвески, имеющие в своей основе как мотивы и сюжеты скифского звериного стиля, так и местные оригинальные (рис. 20: 1, 2, 9; 21: 3, 22; 22: 1, 2, 11, 12).

На общем фоне находок прослеживается тенденция в оформлении некоторых категорий предметов определенными мотивами и сюжетами, а также их географическом распространении. Так, вятские пряслица преимущественно украшались головами или фигурами волкообразных хищников, а сюжет свернувшегося в кольцо хищника на каменных пряслиц-

[8] Граница между последними двумя периодами обусловлена теми же факторами, которые были обозначены выше для двух предыдущих периодов.

[9] С. В. Кузьминых предполагает, что это мигранты из района Среднего Подонья (устное сообщение).

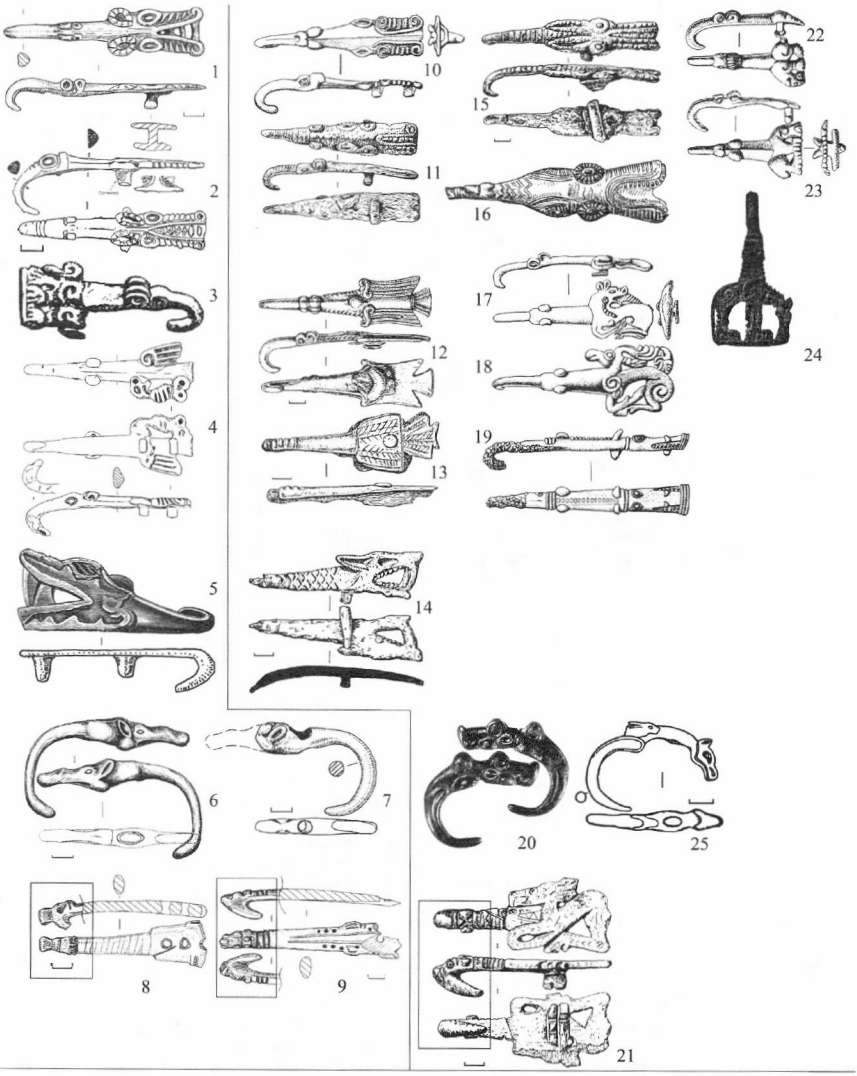


Рис. 10. Находки с территории АКИО: 1 – Грохань; 2 – Новомордово; 3 – Чурачикский кург; 4 – с. Таяба; 5–7 – Ананьинский могильник; 8–9 – Пижемское городище.
Ближайшие аналогии: 10 – Частые курганы, курган 10; 11,15 – Мастюгино, курган 32/32; 12 – Мастюгино, курган 47/30; 13 – Колобино, курган 5; 14 – Мастюгино, курган 11/16; 16 – Частые курганы, курган 3; 17 – Мастюгино, сборы А. А. Спицына 1905 г.; 18 – Частые курганы, курган 12; 19 – Мастюгино, курган 2 (1906 г.); 20 – Сынтас, курган 2; 21 – Мастюгино, курган 34/39; 22 – Русская Тростянка, курган 1; 23 – Частые курганы, курган 11; 24 – с. Бажиган; 25 – Новообинский клад.
8–9, 21 – кость; 13, 16 – бронза, обтянутая золотыми листочками; 19 – железо, обтянутое бронзовыми листочками; остальное бронза.

Fig. 10. 1–9 – Finds from Ananjino; 10–25 – Closest analogies.

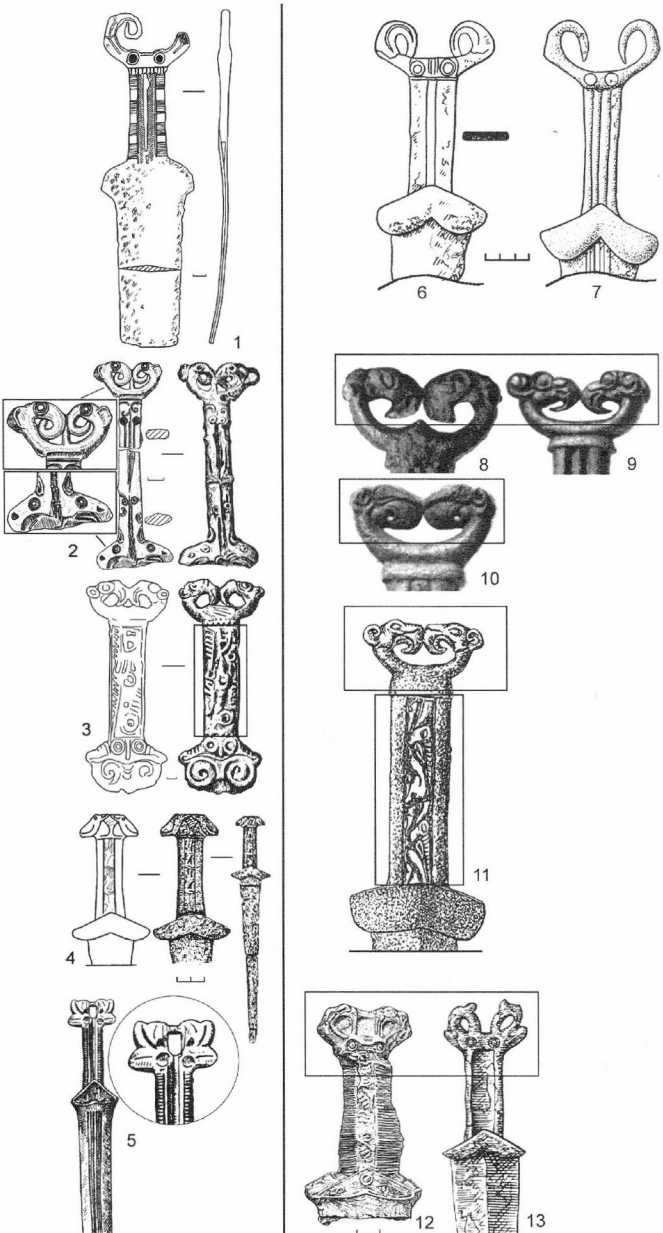


Рис. 11. Находки с территории АКИО: 1 – г. Свияжск; 2 – городище Грохань; 3 – с. Ядрино; 4 – пос. Юг, Пермская обл.; 5 – г. Сарапул. Ближайшие аналогии: 6 – с. Грищенцы; 7 – Екатеринославская губ.; 8 – Минусинский край; 9–10 – г. Красноярск, окр.; 11 – с. Рогозиха; 12 – курган Солоха; 13 – Волковцы.

Fig. 11. 1–5 – Finds from Ananjino; 6–12 – Closest analogies.

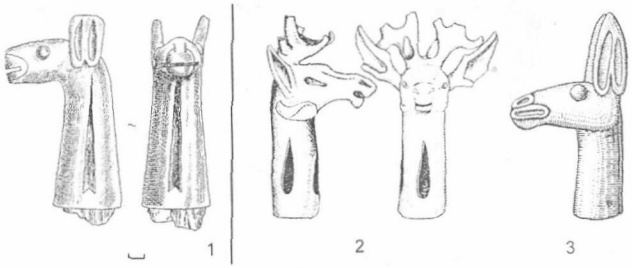


Рис. 12. Находки с территории АКИО: 1 – Ст. Ахмыловский могильник, погребение 925. Ближайшие аналогии: 2 – Краснодарский музей; 3 – Келермес.

Fig. 12. 1 – Finds from Ananjino; 2–3 – Closest analogies.

цах встречается на Вятке чаще, чем на всех металлических бляшках Волго-Камья (рис. 19: 7–9). Костяные псалии из среднекамских поселений украшались головой медведя, часто очень схематичной; глиняные фигурки – все антропоморфные, очень примитивны, независимо от наличия орнамента.

Наиболее распространенными в V–III вв. до н. э. являются мотивы грифона, медведя и волка. Сочетания различных персонажей (волк и грифон) наглядно демонстрируют ананьинские секиры. Встречаются также отдельные изображения животных неопределенного вида, лошади, человеческих ног и лап животных (рис. 21: 3; 22: 1, 2). Кроме того, известны две бронзовые бляшки явно местного производства в виде насекомых – клеща и стрекозы, истоки и появление которых пока не поддаются объяснению. Они очень нехарактерны для искусства АКИО (рис. 22: 11, 12).

В качестве материала для изготовления пряслиц и антропоморфных фигурок впервые активно используются камень и глина. Число бронзовых, каменных, глиняных и костяных изделий примерно одинаково. Железных предметов известно всего два.

Подражания и часть местных изделий данного периода уже сформировались, при этом связь подражаний со своими скифскими прототипами не выглядит непосредственной, демонстрируя полное своеобразие в трактовке. Четко выделяются этапы переработки сюжетов и некоторых категорий предметов к нуждам местного населения. Это проявляется в характере композиций, в стилистике изображений, в манере передачи и сочетании персонажей и категорий украшаемых предметов (например, ананьинские секиры, см. также рис. 20: 13–18). Необходимо отметить, что с IV в. до н.э. или даже более раннего времени в северных районах АКИО начинает формироваться новое художественное направление, характеризующееся использованием одинаковых стилистических приемов, элементов декора и форм («перевитая косичка», ряды круглых или квадратных жемчужин, полые фигурки) для разных категорий украшаемых предметов. Близкие стилистические и сюжетные аналогии этим приемам имеются в металлической пластике позднеананьинских печорских и усть-полуйских памятников Зауралья (рис. 14: 6, 7, 12; 15: 1, 4, 5). В I тыс. данные приемы становятся характерными чертами нового формирующегося художественного стиля в Среднем Прикамье, вобрав в себя скифские и зауральские сюжеты и урало-сибирскую стилистику изображений (см., например, – Оборин, Чагин 1988: рис. 1, 13, 1, 17, 22, 25–27 и др.).

Если рассматривать только копии, подражания и местные предметы, изготовленные на территории Волго-Камья, то наиболее многочисленные и представительные серии ананьинских зооморфных украшений (рукояти кинжалов и мечей, чеканы, крючки, пряслица, бляшки) продемонстрируют более или менее близкую стилистическую или сюжетную аналогию скифским изображениям из различных «провинций» скифского мира (рис. 5–18). Это означает, что они формировались под влиянием внешней художественной традиции, в первую очередь, скифского звериного стиля в самом широком его понимании. Причем, можно утверждать, что некоторые серии ананьинских предметов, в свою очередь, являются результатом формирования уже собственных локальных направлений на основе скифской художественной традиции (костяные рукояти ножей, парадные секиры). Все эти вещи всегда характеризуются наличием подчеркнутых, ярко выраженных звериных мотивов (включая грифона), где особое место занимает звериный образ и его тщательная художественная передача. Вместе с тем, параллельно существует пласт очень схематичных, нередко даже примитивных с точки зрения художественного образа, изделий, выполнявших знаковую, амулетную функцию: бронзовые и глиняные антропоморфные фигурки, бляшки-личины и схематичные фигурки животных и летящих птиц, подвески в виде человеческих ног[10]. Следовательно, если говорить об истоках ананьинского звериного стиля, подразумевая при этом искусство

[10] Вероятнее всего эти предметы связаны с так называемым «таёжным ананьиным».

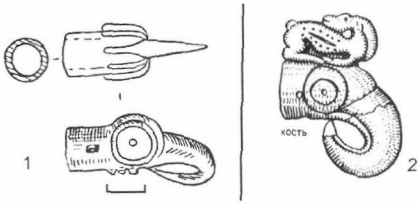


Рис. 13. Находки с территории АКИО: 1 – Ст. Ахмыловский могильник, погребение 926.
Ближайшие аналогии: 2 – Могильник Нартан, курган 6.

Fig. 13. 1 – Finds from Ananjino; 2 – Closest analogies.

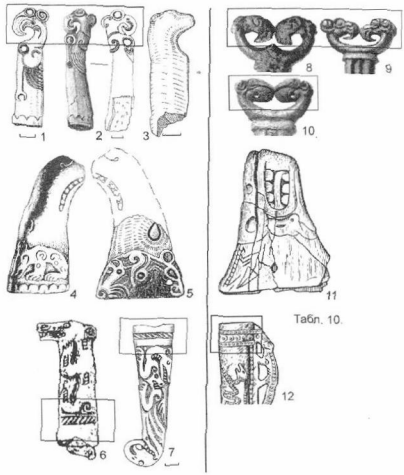


Рис. 14. Находки с территории АКИО: 1– Котловский могильник; 2 – Ананьинский могильник; 3, 4 – Пижемское городище; 5 – Аргыжское городище; 6 – Шиховской могильник; 7 – Скородумский клад.
Ближайшие аналогии: 8 – Минусинский край; 9, 10 – г. Красноярск, окр.; 11 – Блюменфельд; 12 – р. Цыльма (фрагмент).

Fig. 14. 1–7 – Finds from Ananjino; 8–12 – Closest analogies.

ананьинского населения Волго-Камья в целом, то необходимо признать, что наиболее яркая в художественном отношении его часть сформировалась при непосредственном влиянии скифского искусства.

Заключение. Таким образом, на территории АКИО выделяются несколько районов с наибольшей концентрацией находок в зверином стиле: Средняя Кама, Нижняя Кама, Вятка и Средняя Волга, откуда происходят *разные* в стилистическом, художественном и хронологическом плане находки с *разными* истоками, а также *разные* категории предметов без единого и непрерывного развития форм и художественного оформления. К наиболее ранним предметам в зверином стиле из Волго-Камья относятся немногочисленные отдельные импортные изделия, поступившие из различных областей Кавказа и скифского мира, которые не оказали существенного влияния на местное искусство. Позднее, по мере активизации связей ананьинского населения со скифским миром, с VI в. до н. э. происходит заимствование некоторых категорий и форм зооморфных предметов, характерных в одних случаях для западных районов скифского мира, в других – для восточных. В дальнейшем, – также под влиянием скифского искусства – опосредованно, через приграничную со скифским миром территорию, начинается процесс разработки местных категорий предметов с собственными художественными приемами. Именно к этому времени относятся вятские костяные рукояти ножей, а также самые яркие ананьинские шедевры – парадные секиры, заключающие в себе глубокий религиозно-философский смысл и демонстрирующие высокий художественный уровень ананьинцев.

На раннем этапе развития ананьинского искусства звериного стиля (VII–VI вв. до н. э.) половину материала составляют отдельные яркие, высокохудожественные привозные изделия с изображениями хищных птиц и животных в динамических позах с Кавказа и Закавказья, Северного Причерноморья и Казахстана, а также немногие местные копии и подражания им. Не совсем понятен сам процесс появления подобного рода изделий в АКИО. Многие из них в родной среде являлись частью более крупных предметов или серий однотипных предметов: бляшек от поясов, конской упряжи, украшений костюма или оружия. Зооморфные пластины от кавказских поясов могли попадать на Среднюю Волгу уже в поврежденном виде среди мощного потока импорта кавказских изделий. Уже на Средней Волге, видимо, из сохранившихся фрагментов вырезали украшения, адаптируя их таким образом к местным формам. Очевидно, что остальные предметы также попадали в АКИО в виде отдельных находок. В отрыве от первоначального контекста они представляли ценность, прежде всего, с точки зрения художественного исполнения индивидуального изделия, не оказывая при этом значительного влияния на местное искусство.

В качестве местного ананьинского компонента мы можем выделить существование традиции изготовления очень простых бронзовых предметов знаково-понятийного характера, наиболее полно представленных в материалах Ст. Ахмыловского могильника на Средней Волге. В первую очередь, это – антропоморфные фигурки-идольчики и личины, выполнявшие функции неких амулетов. В измененном виде такая традиция вновь появляется в гляденовское время на Средней Каме и получает развитие в I тыс. н. э. Судя по материалам, это следует связывать, скорее всего, с заимствованием из-за Урала.

Для периода VI–IV вв. до н. э. можно отметить большое количество отдельных бронзовых ременных бляшек западного и восточного происхождения в виде

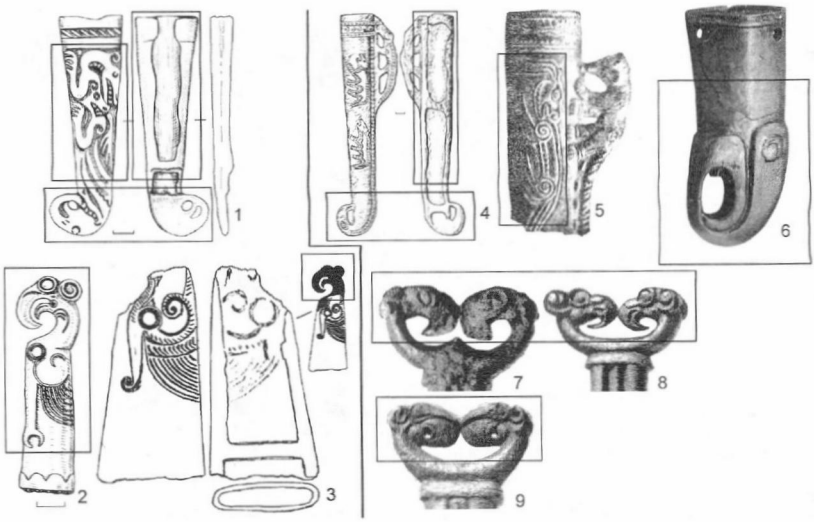


Рис. 15. Находки с территории АКИО: 1 – Скородумский клад; 2 – Котловский могильник; 3 – Ананьинский могильник. Ближайшие аналогии: 4 – р. Цильма; 5 – р. Ямал; 6 – Репяхувата могильник; 7 – Минусинский край; 8, 9 – г. Красноярск, окр.

Fig. 15. 1–3 – Finds from Ananjino; 4–9 – Closest analogies.

голов, когтей и лап животных и грифонов, а также ряд других изделий скифского, савроматского и тагарского облика, под влиянием которых местные мастера начинают изготавливать вещи по образцам привозных, сохраняя при этом основную идею. Наиболее сильным в VI – начале V в. до н. э. является восточный вектор влияния скифского звериного стиля на местное искусство. Это выразилось, прежде всего, в заимствовании и распространении бронзовых зооморфных чеканов как категории предметов в восточных районах Волго-Камья. Такие чеканы превратились у ананьинцев в символ, связанный с определенным социальным положением и властью в обществе. Можно также отметить, что с востока заимствуются и адаптируются к местной среде как категория предметов поясные зооморфные крючки, толчком к распространению которых с V в. до н. э. послужили импортные зооморфные крючки другой конструкции со Среднего Дона. Под воздействием скифского звериного стиля некоторые наиболее распространенные скифские сюжеты, например летящий олень, переносятся на местные категории вещей (гребни, пряслица, рукояти ножей), указывая на определенные изменения в сознании местного населения. Даже некоторые собственно ананьинские изделия демонстрируют опосредованное влияние скифского искусства, что особенно заметно на костяных крючках и рукоятях ножей из вятских памятников. Они представляют последний этап заимствования и разработки скифских прототипов, и, вероятнее всего, образцами для них послужили уже не скифские оригиналы, а не дошедшие до нас переходные формы, что, прежде всего, относится к костяным рукоятям ножей. Наибольшей концентрацией находок в зверином стиле этого времени характеризуются памятники Нижней Камы и Вятки. Лидирующее положение на Нижней Каме занимает Ананьинский могильник, где среди находок преобладают привозные изделия из разных регионов скифского мира и подражания им. Материалы вятских памятников не содержат импортов и представляют уже местное развитие или опосредованное проникновение скифской художественной традиции с юга через нижнекамские памятники.

В позднеананьинское время процесс переработки многих скифских сюжетов и композиций достигает своего апогея. Это хорошо видно на примере бронзовых бляшек и вятских каменных пряслиц с изображениями животных, а также гребневидных привесок с головами грифонов. Импортных изделий и копий очень мало. Помимо прямого переноса скифских сюжетов на местные изделия ананьинцы используют и отдельные скифские художественные приемы для украшения собственных категорий предметов, причем стилистика и композиции в ряде случаев существенно отличаются от скифских (бронзовые ананьинские секиры и рукоять ножа (рис. 14: 6) из Шиховского могильника). Параллельно с обширным пластом изображений «скифского облика» в Волго-Камье существует и местный оригинальный пласт, представлен-

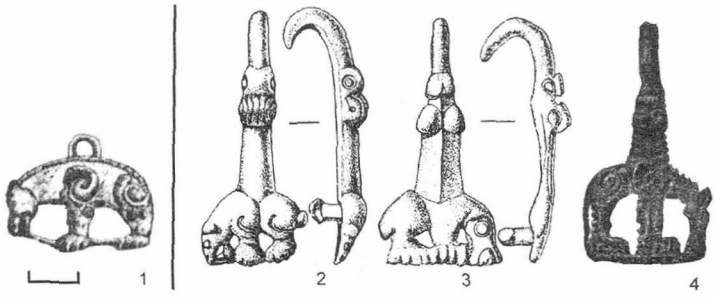


Рис. 16. Находки с территории АКИО: 1 – Гляденовское костище. Ближайшие аналогии: 2 – Русская Тростянка, курган 1; 3 – Частые курганы, курган 11; 4 – с. Бажиган.

Fig. 16. 1 – Finds from Ananjino; 2–4 – Closest analogies.

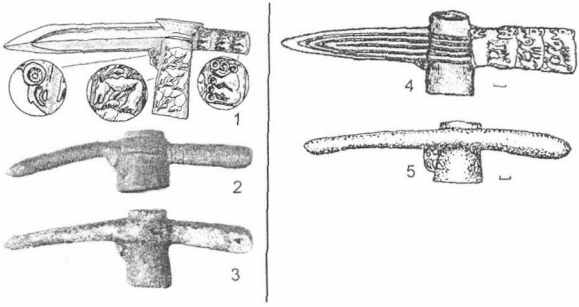


Рис. 17. Находки с территории АКИО: 1 – р. Сарабаиха, Пермская обл.; 2 – городище Кара-Абыз; 3 – Новый Уфимский могильник. Ближайшие аналогии: 4 – Могильник Н. Шарап II, курган 2, погребение 5, Верхнее Приобье; 5 – б. Барнаульский округ, г. Бийск.

Fig. 17. 1–3 – Finds from Ananjino; 4–5 – Closest analogies.

ный глиняной антропоморфной скульптурой и костяными псалиями с головами медведей на концах. Если вопрос о происхождении костяных псалий конецгорского типа остается открытым, то глиняные фигурки можно с уверенностью отнести к особенным формам искусства племен лесной полосы Урала и Сибири, связанного с местными идеологическими воззрениями, имеющими глубокие корни в нео- энеолитической эпохе.

В некоторых случаях удается определить происхождение не только предметов, но и самих категорий художественных изделий АКИО. Например, зооморфные чеканы, крючки, рукояти мечей/кинжалов и навершия можно вполне уверенно отнести к заимствованиям, причем образцами для ананьинских чеканов и рукоятей кинжалов послужили западно- или южносибирские образцы, а для крючков – донские и южноуральские (рис. 10). Такие категории вещей как гребни, ложки, кочедыки, лопатки, налобные венчики, пряслица, антропоморфные фигурки, рукояти ножей, секиры вполне могут считаться местными или общими для народов лесной полосы Евразии. Однако скифские художественные приемы и стилистика многих образов на них как раз и отражают процесс интенсивного влияния скифского звериного стиля на местное искусство (пряслица, рукояти ножей, гребни, секиры, некоторые ножны и т. д.). Это говорит о том, что отдельные категории предметов были целиком заимствованы извне и получили дальнейшее развитие у ананьинцев, а многие местные – развивались под влиянием искусства различных регионов скифского мира, перенимая сюжеты, приемы и формы (рис. 8: 2–5; 11; 17: 1–5).

Зачастую используемые мотивы и сюжеты (исключая изображения на импортах) также являются заимствованиями. Мотив хищной птицы-грифона появляется в Волго-Камье в конце VI в. до н. э. вместе с чеканами и рукоятями кинжалов с головами

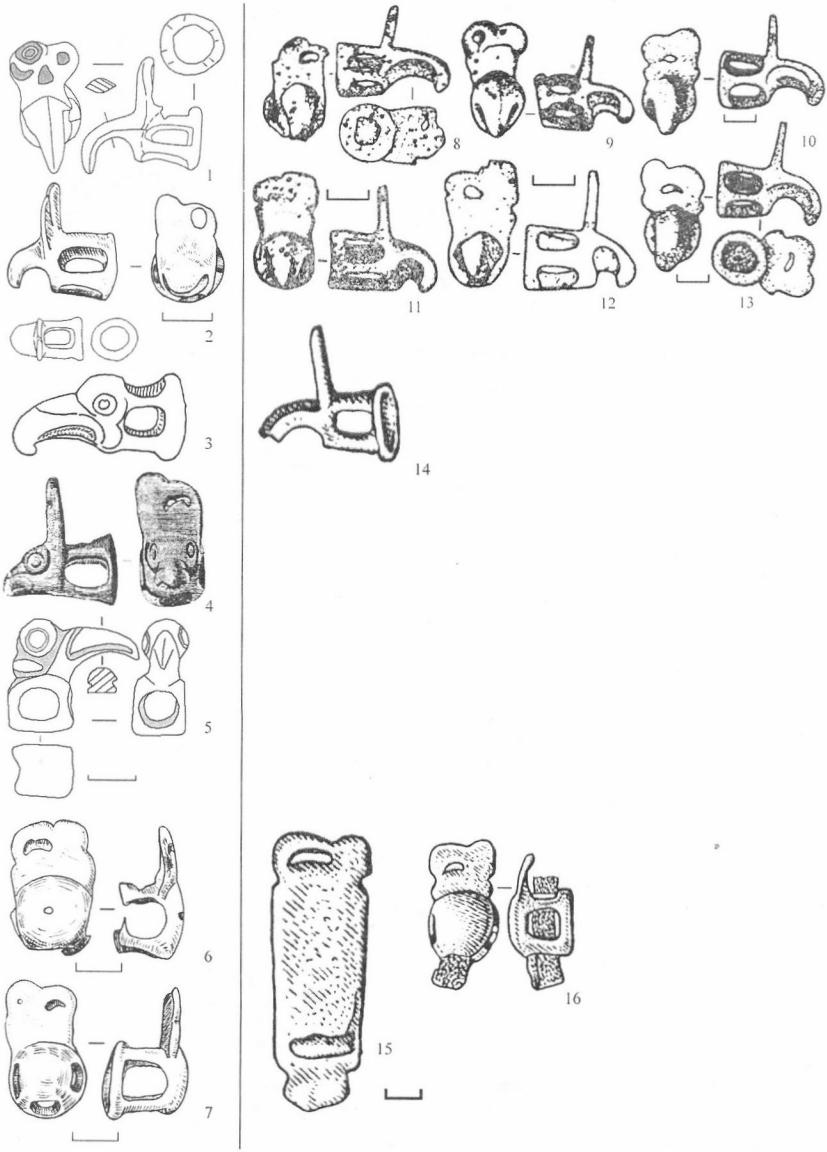


Рис. 18. Находки с территории АКИО: 1, 3, 6, 7 – Ананьинский могильник; 2 – Заосиновское 5; 4 – Галкинское городище; 5 – Мурзихинский I (IV) могильник. Ближайшие аналогии: 8, 9 – Могильник Сынтас I, погр. 1; 10, 13 – Могильник Сынтас I, погр. 2; 11,12 – Могильник Сынтас I, погр. 3; 14, 15 – хут. Черниговский, Южный Урал; 16 – Могильник Мечет-Сай, р. Илек.

Fig. 18. 1–7 – Finds from Ananjino; 8–16 – Closest analogies.

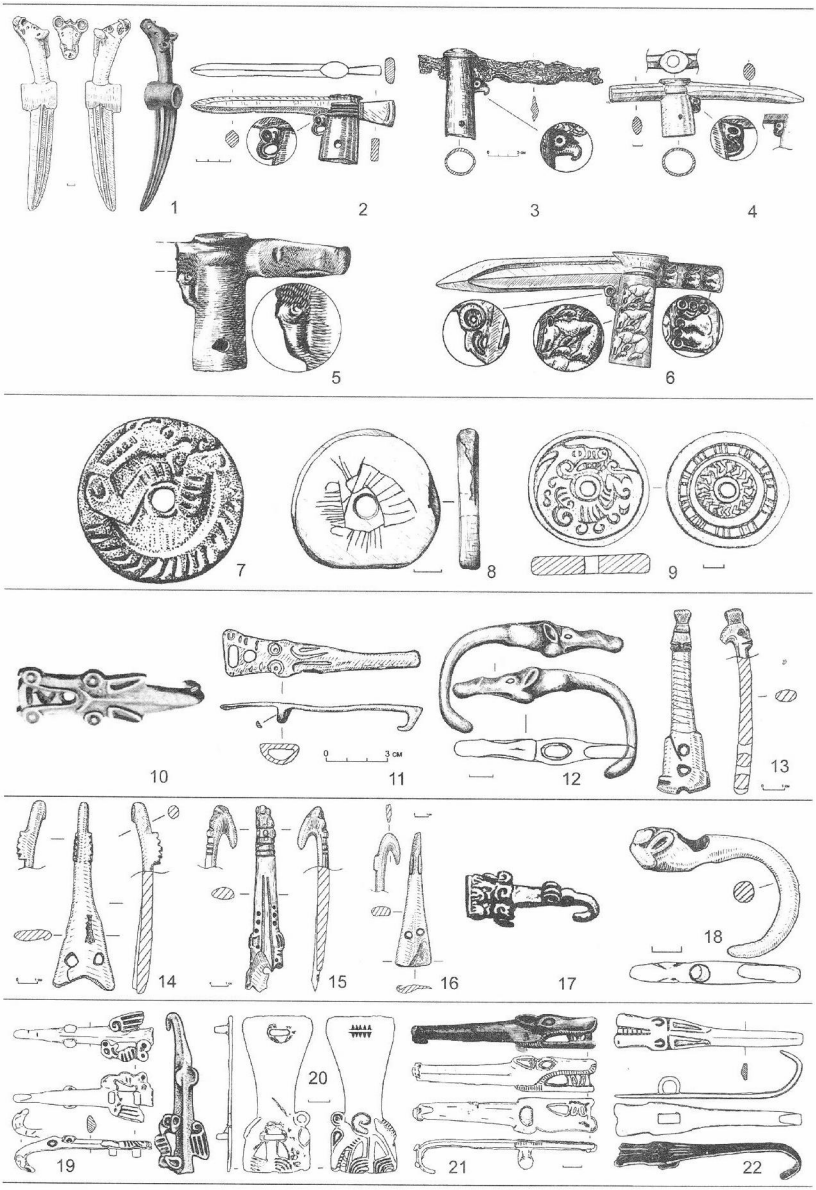


Рис. 19. Находки с территории АКИО по категориям.

Fig. 19. Ananjino finds by categories.

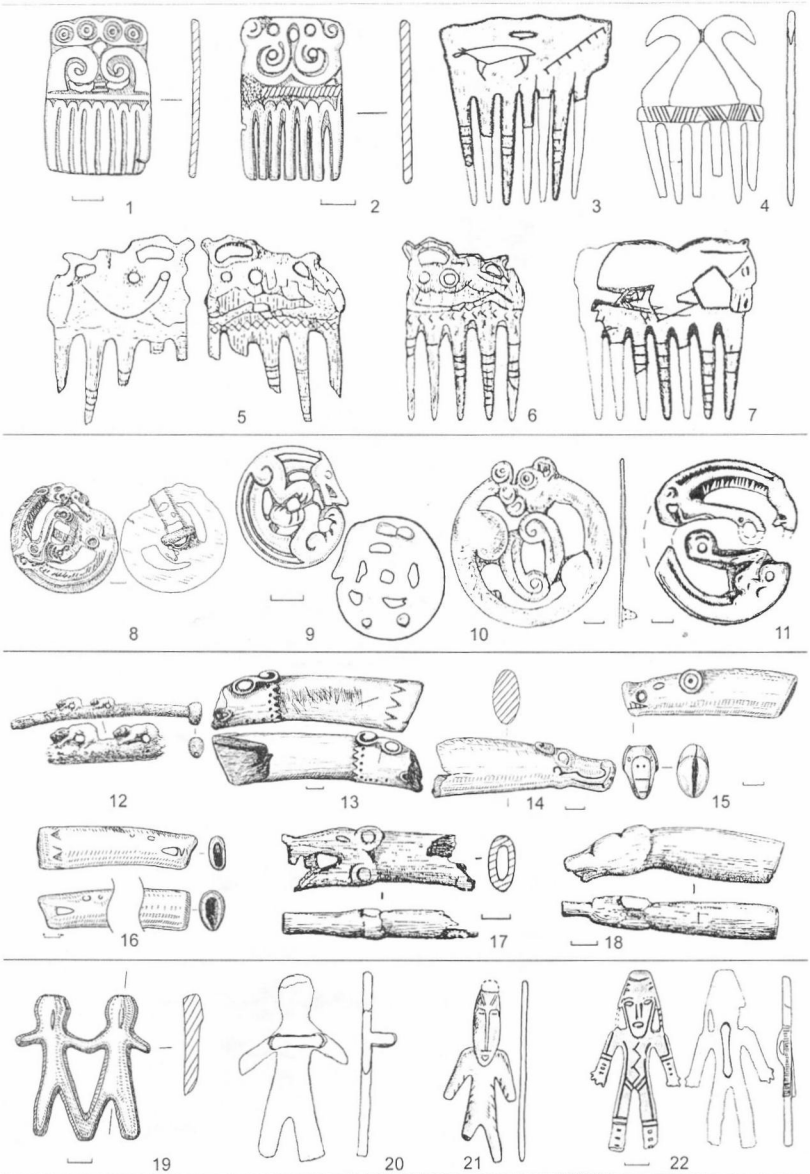


Рис. 20. Находки с территории АКИО по категориям.

Fig. 20. Ananjino finds by categories.

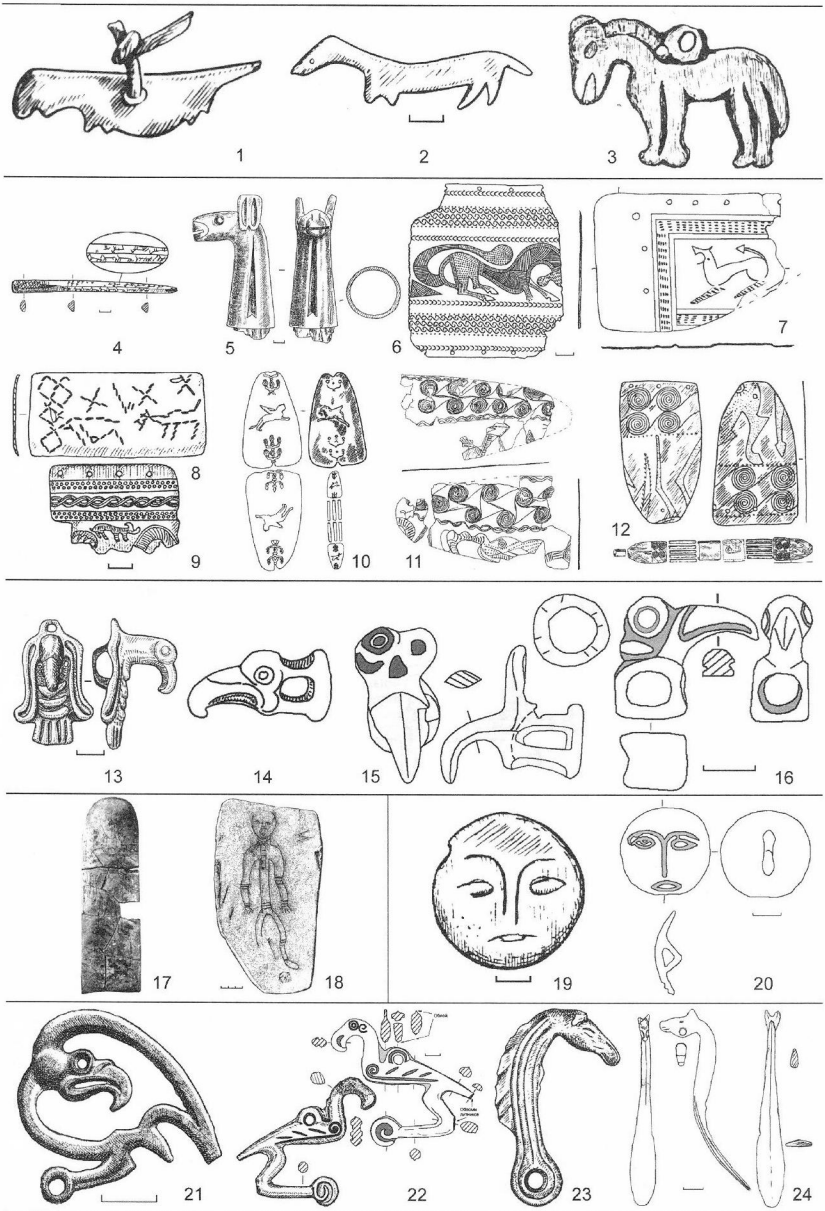


Рис. 21. Находки с территории АКИО по категориям.

Fig. 21. Ananjino finds by categories.

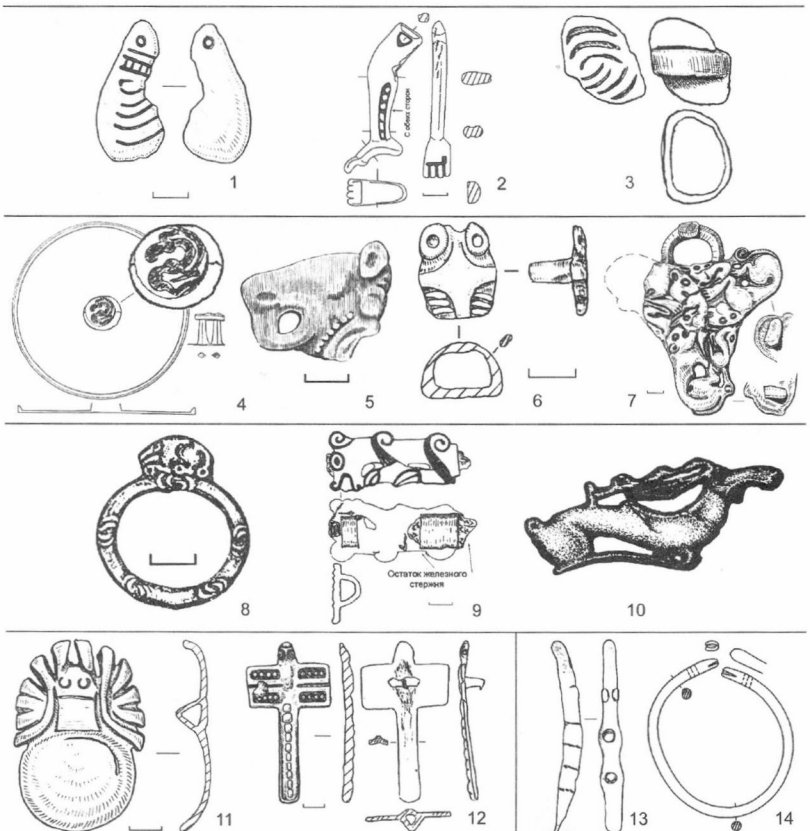


Рис. 22. Находки с территории АКИО по категориям.

Fig. 22. Ananjino finds by categories.

грифонов. Позднее головами грифонов стали украшать гребни, секиры, крючки. Мотив кошачьего хищника также можно рассматривать как заимствование, хотя он и не получил распространения в АКИО (всего четыре находки). До сих пор не совсем понятно, считать ли истоком происхождения мотива волкообразного хищника в зверином стиле территорию АКИО или более южные районы лесостепи. Однако все его изображения с территории Волго-Камья, несмотря на локальную специфику в трактовке, исполнены в духе традиций скифского звериного стиля (отдельные и сдвоенные головы волков на концах предметов, свернувшийся в кольцо или опустивший голову волкообразный хищник). Фигуры лосей с подогнутыми ногами на гребнях и бляшках – прямое подражание скифскому летящему оленю, но в местной интерпретации. Обилие металлических фигурок летящих птиц с распростертыми крыльями в синхронных культурах Зауралья и Западной Сибири позволяет предположить, что и этот мотив также был привнесен в Волго-Камье извне. К несомненно местным мотивам относятся мотив человека (отдельные фигурки и личины) и медведя (хотя сюжеты с изображениями медведей или копируют скифские образцы или являются их развитием). Таким образом, наиболее яркие в художественном отношении мотивы, а в особенности сюжеты, представляют собой реплики скифских и сибирских

образцов или являются результатом их локального развития.

В этой связи интересно сопоставить процесс развития ананьинского искусства с основными этапами скифского культурогенеза. На раннем этапе, когда скифская культура в своем особенном виде полностью еще не сложилась на всем евразийском пространстве, преобладает роль Северного Кавказа и через него Закавказья – наиболее сильных центров с устойчивыми культурными традициями. Это прослеживается не только по материалам ананьинского искусства, но и по большому количеству других кавказских импортов. В период скифской классики, когда формируются основные региональные центры скифской культуры (Южная Сибирь, Южное Приуралье и Нижнее Поволжье, собственно Скифия и др.), в разных областях АКИО под воздействием традиций этих центров начинается процесс восприятия иноземных художественных приемов. Интенсивный процесс культурного взаимодействия с передовыми для того времени племенными образованиями Евразии привел к выработке и формированию лишь в отдельных районах АКИО собственных способов оформления художественных изделий на основе скифских образцов. Таким образом, на протяжении всего своего развития ананьинское искусство подвергалось постоянному воздействию традиций наиболее сильных скифских художественных центров, но формирование общего для всего Волго-Камья художественного стиля так и не произошло.

Не совсем ясной остается роль ананьинского звериного стиля, точнее, его отдельных художественных компонентов в сложении пермского звериного стиля. Нам известны серии позднеананьинских находок из северных районов АКИО, по стилю напоминающие прикамские полые фигурки птиц и зверей I тыс. н. э., но гораздо больше «идеологически» и стилистически близких прототипов они находят в искусстве зауральских племен (усть-полуйская, иткульская и кулайская культуры), к тому же значителен хронологический разрыв между позднеананьинскими изделиями и прикамскими полыми бляшками. В связи с этим остается открытым вопрос об ананьинском наследии в пермском зверином стиле и взаимодействии лесотаежных и степных культур в Волго-Камском регионе в эпоху раннего железного века.

Васильев, Ст. А. 2001. Ананьинские зооморфные чеканы: оружие или символ? // Вестник молодых ученых. Исторические науки 1: 30–37. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.

Географический ... словарь. 1989. Географический энциклопедический словарь. Москва: Наука.

Голубева, Л. А. 1979. Зооморфные украшения финно-угров // Свод археологических источников Е1-59. Москва: Наука.

Збруева, А. В. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР 30. Москва: Наука.

Корепанов, К. И. 1980. Звериный стиль в искусстве племен Среднего Поволжья и Прикамья в VII–III вв. до н. э. Рукопись дисс. … канд. ист. наук.

Кузьминых, С. В. 2000. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: 104-112. Ижевск: Издательство Удмуртского университета.

Оборин, В. А., Г. Н. Чагин. 1988. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство.

ANAN'INO ANIMAL STYLE. THE ORIGINS, BASIC COMPONENTS AND DEVELOPMENT

ST. A. VASIL'EV

In the territory of the Anan'ino cultural and historical community (ACHC) there are several regions where finds of objects in the animal style are the most abundant: the middle and lower Kama, Vyatka, and Middle Volga rivers. There, various objects have been found differing in their art style and type, chronology, origins and category, and demonstrating no single and continuous evolution either in the form or artistic execution.

At the early stage of the formation of the Anan'ino animal style (7th–6th cen. B.C.), half of the material is constituted by expressive and highly artistic representations of birds and beasts of prey in dynamic postures on single imports from Caucasus and trans-Caucasus, northern Black Sea area and Kazakhstan, along with rare local copies and imitations. The process itself of the appearance of such objects in the ACHC is still obscure. In their native milieu, many of them were parts of some larger objects or series of articles of the same type: belt plaques, horse harness, adornments of wearing apparel, or weapons. The zoomorphic plates from Caucasian belts may have come already damaged to the Middle Volga among the rich flow of Caucasian imports. It seems that it is in the Middle Volga, that adornments were cut from the preserved fragments and in this way adapted to the local forms. There is little doubt that the other objects also came to ACHC as single imports. Taken out of their original context they were evaluated in terms of their artistic execution as individual pieces, influencing the local art only inconsiderably.

As a local Anan'ino component, we may single out the tradition of manufacturing very simple bronze objects

of a symbolic-conceptual character, which are represented most completely among the finds from the Starshy Akhmyl cemetery in the Middle Volga. Mainly; these are anthropomorphic figurines or small idols and faces which served as a kind of amulets. In a transformed variety this tradition reappeared during the Glyadenovo period and was advanced in the 1st mil. A.D. in the Middle Kama. Judging by the material, it was probably borrowed from beyond the Urals.

For the period of the 6th–4th cen. B.C. we may note numerous separate bronze belt plaques of western and eastern origins in the form of heads, talons and paws of beasts and griffons, as well as a number of other objects of Scythian, Sauromatian or Tagar appearance, under the influence of which, local masters started manufacture of imitations, preserving at the same time their own principal idea. In the 6th and beginning of the 5th cen. B.C., the eastern vector of the influence of the Scythian animal style on local arts was the strongest. This was expressed first and foremost in borrowing and spreading of bronze zoomorphic *chekans* (battleaxes) in the eastern parts of the Volga and Kama region. Among the Anan'ino population, such *chekans* became a symbol linked with a certain social position and power. We should mention that such category as zoomorphic hooks was also borrowed from the east and adapted to the local population. The spread of the hooks began in the 5th cen. B.C., initiated by zoomorphic hooks of another construction from the middle Don. Under the influence of the Scythian animal style, some of the most widespread Scythian subject matters, *e.g.* the flying deer, were transferred onto local categories of objects (combs, spindlewhorls, knife-handles) indicating certain changes in the concepts of the population. Even some of the purely Anan'ino artefacts demonstrate indirect influence of the Scythian art, as is well expressed in bone hooks and knife-handles from Vyatka sites. These represent the last stage of the borrowing and reworking of Scythian prototypes, and probably, already some transitional shapes which have not survived, rather than any Scythian originals, were the examples. The above is especially true of the bone knife-handles. The greatest concentration of finds in animal style is characteristic of the sites in the lower Kama and Vyatka. In the lower Kama, the leading is the cemetery of Anan'ino where imports from various regions of the Scythian world and their imitations predominate among the finds. The material from the Vyatka includes no imports and represents already local evolution or indirect penetration of the Scythian artistic tradition from the south via sites of the lower Kama.

In the late Anan'ino period the process of reworking of many Scythian motifs and compositions reached its apogee as is well demonstrated by bronze plaques and Vyatka stone spindle-whorls with animal representations, and comb-like pendants with griffon heads. Imported objects and copies are very uncommon. Along with direct transference of Scythian subject matters onto local manufactures, bearers of the Anan'ino culture employ also certain Scythian artistic techniques for decoration of their own categories of goods, the stylistics and compositions in many cases differing essentially from the Scythian ones (bronze Anan'ino pole-axes and the knife-handle from the burial ground of Shikhovskiy). Parallel with the numerous representations of 'Scythian appearance' in the Volga and Kama there exists also an original local series comprising ceramic anthropomorphic sculpture and bone cheek-pieces with bear heads at the ends. Whereas the origins of the bone cheek-pieces of the Konetsgorsky type are still disputable, the clay figurines may be assigned reliably to special forms of the art of the Uralian and Siberian forest zone which were connected with local ideological concepts rooted deep in the Neolithic and Eneolithic epochs.

In some cases it has been possible to establish the origin not only of individual artefacts but of entire categories of decorated objects from ACHC. For instance, the zoomorphic *chekans*, hooks, hilts of swords/daggers and staff tops undoubtedly were borrowings, Anan'ino *chekans* and dagger hilts having been derived from west- or south-Siberian prototypes, whereas the hooks – from the Don and southern Urals. Such categories as combs, *spoons*, *kochedyks* (tools for weaving), shovels, headdress pendants, spindle-whorls, anthropomorphic figurines, knife-handles, and pole-axes may be justifiably considered either as local or common for all peoples of the forest zone of Eurasia. However, Scythian artistic techniques and the styles of many representations on them reflect exactly the intensive influence of the Scythian animal style on local arts (spindle-whorls, knife-handles, combs, pole-axes, some scabbards *etc.*). This fact suggests that many categories of objects were completely borrowed from outside and further reworked by the Anan'ino population, whereas many local ones developed under the influence of the art of various regions of the Scythian world, taking over from there subject matters, techniques and forms.

Often, the motifs and subject matters (except for representations on imports) also were borrowed. The motif of a predacious bird-griffon appears in the Volga and Kama area in the end of the 6th cen. B.C. simultaneously with *chekans* and dagger-hilts with griffon heads. Later, heads of griffons were used to decorate combs, pole-axes and hooks. The motif of a feline beast of prey also may be considered as a borrowing, though it did not become very common in ACHC (only four finds). It is still not quite clear whether it was the territory of ACHC or that of the more southern regions of the forest-steppe that gave birth to the motif of a wolf-like predator in the animal style. However, all its representations from the Volga and Kama, notwithstanding their local specifics of treatment, are executed in the spirit of traditions of the Scythian animal style (single and double wolf heads at the ends of some objects and a wolf-like beast of prey curled into a ring or with its head lowered down). The elks' figures with flexed feet on combs and plaques are direct imitations, albeit in their local interpretation, of the Scythian flying deer. The abundance of metal figurines of flying birds with extended wings in the synchronous cultures of the trans-Urals and Western Siberia suggests that this motif also came to the Volga and Kama from outside. The undoubtedly local motifs include those of a human (single figurines and faces) and bear (though the subjects with

representations of bears are either copies or reworks of some Scythian examples). Thus, the most expressive artistically motifs are replications of Scythian and Siberian examples or resulted from their local evolution.

In this connection, it is of interest to compare the process of evolution of the Anan'ino art with the main stages of the Scythian cultural genesis. At the earliest stage, when the Scythian culture had not yet been established in its peculiar form throughout entire Eurasia, the influences of the northern Caucasus and, via the latter, trans-Caucasus were predominant as those of the most powerful centres with stable cultural traditions. This is suggested not only by the Anan'ino art but also by numerous other Caucasian imports. During the period of Scythian classics, when the major regional centres of Scythian culture were formed (southern Siberia, southern Ural and lower Volga areas, Scythia proper, *etc.*), under the influence of traditions of those centres, the process of adoption of foreign artistic manners began in different regions of ACHC. The cultural interaction with advanced in their time tribal formations of Eurasia, only in some separate regions of ACHC led to the development of their own techniques of designing objects after Scythian artistic examples. Thus, during the entire course of its development, the Anan'ino art was influenced continuously by traditions of the most powerful Scythian centres of art, however no art style common for the entire area of the Volga and Kama has been formed here.

СИБИРСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ МАСКИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ)[1]

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ[2]

Более ста лет назад в древних погребениях Южной Сибири, в бассейне реки Енисея и верховьях Чулыма (Присаянье) обнаружены глиняные и гипсовые погребальные маски. По разным причинам они до сих пор относятся к наименее изученным аспектам древнего искусства и верований. Сибирские маски разнообразны, что позволяет искать им аналоги среди археологических и этнографических материалов разного времени и разных территорий, начиная с глиняных обмазок черепов из погребений катакомбной культуры Украины (Новикова 1991: 28–31) и до шелковых лицевых покрытий из могил Восточного Туркестана IV–VI вв. (Лубо-Лесниченко 1995: 357–358) и Волго-Камья VI–XIV вв. (Казаков 1985: 58–59).

Под сибирскими масками подразумеваются разные по времени, технологии изготовления и семантике изображения лица человека и, прежде всего, изображения, непосредственно покрывавшие человеческие лица, либо их подобия. Маской, например, называют облицовку головы мумии или человекоподобного манекена. Сюда же относятся скульптуры, каркасом которых служили черепа людей и животных, либо специальные сшитые из кожи и наполненные травой формы (болванки), а также полые гипсовые головы, закрепленные на постаментах (условно называемые бюстами). Термин «маски» появился в литературе практически со времени их открытия для науки (Горощенко 1899: 178–180; Адрианов 1904) и бытует по настоящее время. Полисемантичность данного термина до сих пор не смущала исследователей (слишком слабо изучены еще особенности разных изображений). Однако необходимость разработки более четкой терминологии для описываемого культурного феномена уже назрела, причем для всех типов масок, независимо от характера памятника. Такую работу сильно затрудняет малочисленность публикаций масок (свод всех масок готовится автором к печати). Из-за этого научные сопоставления и выводы базируются, к сожалению, не на самих масках, а на различных семантических версиях. В настоящей работе предпринята попытка систематизации основных типов масок из разновременных могильников, принадлежащих к разным культурам, а также впервые проводится комплексный анализ технологии и способов изготовления масок с применением методов естественных наук (химии, биологии, ботаники, анатомии и судебной анатомии). Основой работы послужили коллекции из Государственного Эрмитажа и сибирских экспедиций ИИМК РАН.

В погребальной обрядности маски использовались населением Присаянья в течение двух исторических периодов – таштыкско-переходного (I–IV вв.) и таштыкского (V–VII вв.). Все типы могил с масками исследовались с конца XIX века и получили общее название «могилы с масками», хотя между собой имели мало общего. В дальнейшем эти различия были выявлены, что позволяет в настоящее время судить о каждом типе могил отдельно и конкретизировать характер находившихся в них масок.

Маски из позднетагарских (тесинских) курганов. Тесинские курганы имеют крупные насыпи и значительные площади монументальных бревенчатых погребальных камер. В степных районах средние размеры камер составляют 30–50 кв. м, в лесостепных – 16–30 кв. м. В них содержалось, как правило, до 50–100 погребенных. Большее количество человек, захороненных в одной могиле, вызвано, по-видимому, какими-то исключительными обстоятельствами. Останки людей, умерших явно в разное время, сохранялись до момента окончательного захоронения либо в виде мумифицированных тел, либо скелетов, либо, наконец, отдельных черепов. Заключительный обряд погребения представлял собой «трупосожжение на месте», то есть заполненная погребаемыми камера сжигалась вместе с ними. Поэтому деревянная конструкция камеры обуглена, кости скелетов в той или иной степени обожжены, а маски закопчены. Похоже, что площадь камер рассчитывалась на определенное количество единовременно погребаемых, однако мнения исследователей об этом не совпадают (Вадецкая 1983: 54–55; 1996: 113). Нет сомнения только в том, что внешний облик умерших их сородичи пытались как-то сохранить до момента погребения в камере. Об этом свидетельствуют, например, черепа с нанесенной на них глиняной обмазкой. Далеко не сразу удалось установить, что трепанированные черепа заполнялись травой, а еще позднее были обнаружены и другие следы «мумификации тел» – наличие травы в области груди и живота, соломенная обмотка рук и ног и пр. Кроме того, существуют версии, объясняющие глиняные обмазки черепов вне зависимости от идеи мумификации. Однако до их изложения необходимо привести сведения об основных находках из интересующей нас области.

История изучения тесинских масок. Первые два кургана с масками раскапывались практически одновременно. Один из них исследовал финский археолог И. Р. Аспелин у села Тесь на р. Тубе (правом притоке Енисея) в 1888–1889 гг. (Вадецкая 1986: 126,

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 01-06-80229).

[2] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб.,18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел Центральной Азии и Кавказа.

© Э. Б. Вадецкая, 2004

№ 26), другой – Д. А. Клеменц на р. Уйбат, левом притоке Абакана в 1889–1890 гг. (Вадецкая 1986: 128, № 41). Расчистка спрессованных скелетов не производилась. Вещи из первого кургана хранятся в Национальном музее г. Хельсинки, а о масках известно только то, что в коллекции имеются глиняная обмазка челюсти человека и обломки не менее пяти гипсовых облицовок, на внутренней стороне которых фиксируются отпечатки зубов и лицевых костей (Tullgren 1922). Вещи из второго кургана хранятся в Историческом музее, среди них обломки нескольких масок (носы, подбородок, шеи) из желтой жирной глины (Кызласов 1960: 147). По наблюдениям Д. А. Клеменца, в обломках глиняных масок застряли золотая пластинка, сердоликовая и стеклянная золоченая бусины, предположительно отнесенные к ожерельям покойников (Клеменц 1888: 251).

Третий курган, раскопанный в 1895, 1897 гг. в Уйбатской степи у оз. Кызыл-Куль А. В. Адриановым (Вадецкая 1986: 128, № 40), дал больше информации, ибо исследовался более тщательно. По наблюдениям А. В. Адрианова, в кургане захоронены, спустя значительное время после смерти, приблизительно 150 (судя по костям скелетов), но не менее 109 (судя по количеству черепов) человек. В центре камеры лежали неполные скелеты, по углам – черепа, сложенные кучами, а вдоль стен – кости целых скелетов в следующем порядке: непосредственно «под черепами находились шейные и спинные позвонки, под ними кости рук и ног, а иногда и таза, пальцев, ребра» (Адрианов 1902–1924: 60). Следовательно, покойников захоронили вдоль стен камеры в сидячем положении. Многие черепа были обмазаны глиной. Она находилась в глазницах, носовых отверстиях, в промежутках между скуловыми дугами и черепом, а также вокруг шейных позвонков. Поверх глины лица были покрыты бесформенной гипсовой массой или гипсовыми масками, окрашенными ярко-красной краской с черными полосами или кружками на щеках. Пятьдесят пять черепов имели отверстия (3 х 5 см), а внутри нескольких из них обнаружены комки глины (заполнение рта – *Э. В.*), часто скреплявшие собой череп и позвоночник (Адрианов 1902–1924: 60). Обломки гипсовых масок с трех черепов (вместе с вещами из кургана) были переданы А. В. Адриановым в Археологическую Комиссию, откуда поступили в Исторический музей. Среди фрагментов – носы, вылепленные из 3–4-х слоев глины толщиной 15–35 мм, моделированные губы, облицовки щек и глаз с глубокими прорезями. С обратной стороны глазных прорезей имеются гипсовые утолщения, а против губ – отпечатки зубов. На щеках гипс нанесен в 3 слоя, толщиной в 5, 2 и 1 мм. Верхний, тонкий слой – красочный, ярко-красный (ГИМ, колл. 36854 и фото 50, опись № 1784).

Вскоре после раскопок черепа исследованы антропологом К. И. Горощенко, который, в отличие от А. В. Адрианова, маской назвал не вылепленное на черепе изображение лица, а весь череп, так как глина с него не снималась. Черепа-маски он разделил на три типа: только с глиной, с глиной, покрытой гипсом, и черепа, покрытые вторично глиной поверх гипса (Горощенко 1899: 177–183). Однако в опубликованном им каталоге антропологического отдела Минусинского музея последний тип черепов отсутствует, да и черепов извлечено из могилы немного (Горощенко 1900: 38). Из курганов Кызыл-Куль в каталоге зафиксированы 31 череп и их обломки. Десять черепов трепанированы. У шести из них глиной, гипсом, либо тем и другим закрыты глазницы, а у трех, помимо глазниц, закрыты носовые отверстия. Два черепа (без трепанации) сохранили полную обмазку: один – глиной и сверху гипсом (причем, глиной обмазаны также его нижняя челюсть и 5 шейных позвонков); второй был покрыт глиняно-песчаной массой со следами гипса. Лицевая часть одного черепа обмазана только глиной (Горощенко 1900: 38).

Спустя почти 100 лет, в 1996 г. антропологом М. Б. Медниковой (ИА РАН) были вновь осмотрены черепа из кургана Кызыл-Куль, но только с посмертной трепанацией, о которой впервые получены подробные сведения. Выявлено 42 трепанированных черепа: 22 мужских, 19 женских и один детский. На них наблюдаются двусторонние отверстия на височных и теменных костях и только на четырех черепах – односторонние отверстия в височной области: в трех случаях слева и в одном справа. От глиняных облицовок на нескольких черепах сохранилась только моделировка полости глазниц красной пластической глиной. У трех черепов искусственно разрушены глазницы (Медникова 1997: 134–136).

Раскопки этих курганов получили известность благодаря двум противоречащим одна другой гипотезам о причинах изготовления масок и трепанации черепов, изложенным в работах со схожими названиями. Первая из них – «Гипсовые погребальные маски и особый тип трепанации в курганах Минусинского округа», написана К. И. Горощенко специально для Трудов X Археологического съезда (Горощенко 1899: 178–179). Вторая – «О древних погребениях с гипсовыми масками и с трепанированными черепами в Минусинском уезде» – прочитана А. В. Адриановым 24 февраля 1904 г. на заседании Московского Археологического Общества и тогда же кратко опубликована в газете «Московские Ведомости» (№ 73 от 12 марта) и в Известиях Археологической Комиссии (Адрианов 1904).

Согласно конкретным, но, казалось бы, противоречивым наблюдениям К. И. Горощенко, с одной стороны, большинство осмотренных черепов («сырые» черепа по терминологии К. И. Горощенко) были трепанированы вскоре после смерти человека, о чем свидетельствуют края отверстий в черепах. Однако встречались и отверстия, проделанные уже на «сухих» черепах, то есть с уже истлевшими мягкими тканями. С другой стороны, глиной облицованы черепа, а не головы трупов, так как глиной были заполнены глазницы. При этом К. И. Горощенко полностью исключал хирургическое удаление кожных покровов и мышц на черепах. Во-первых, потому, что «глиной заполнены такие пустоты лицевого черепа, которые недоступны постороннему, даже жидкому веществу».

Во-вторых, потому, что тонкие носовые косточки находились в полной сохранности, в связи с чем «искусственное удаление мышц носовой полости и притом такое тщательное представляется не только невероятно сложным, но даже невозможным» (Горощенко 1899: 178). Учитывая эти антропологические выводы, К. И. Горощенко предположил, что трепанированные черепа и вообще черепа, «обделанные глиной», принадлежат умершим, похороненным не в виде трупов, а в виде скелетов. Очевидно, трупы до окончательного погребения довольно долго лежали вне курганов, успевали истлеть и превратиться в скелет. *Гипотеза К. И. Горощенко предполагала, что трепанацию производили,* чтобы очистить череп от мозга, ускорить процесс тления, скорее подготовить его погребение и сделать пригоднее для изготовления на нем маски. На некоторых черепах, по мнению К. И. Горощенко, видно стремление посредством глины восстановить, «реставрировать» черепа умерших (Горощенко 1899: 178–179; 1900: 9).

А. В. Адрианов для обоснования своей гипотезы делал акцент на том, что в коллективные могилы, в том числе в кургане Кызыл-Куль, одновременно хоронили людей, умерших в разное время. Об этом, по его наблюдениям, свидетельствует разная сохранность костей скелетов. *Значит, должен был существовать* обычай временных погребений или долгого хранения трупа. С этим обычаем он связал использование гипсовых масок, которые делались для сохранения черт лица, с целью запечатлеть образ умершего. Трепанация, согласно той же гипотезе, «была посмертной для удаления мозга (как вещества, быстрее всего подвергавшегося разложению) и необходимой ввиду продолжительного сохранения трупа и дальнейшей его подготовки к захоронению, а также потому, что до погребения протекал значительный промежуток времени» (Адрианов 1904). Таким образом, в начале XX в. были высказаны два разных мнения о том, *что считать маской* (моделированный глиной череп или его лицевое гипсовое покрытие) и была ли она связана с мумификацией трупа или реставрацией скелета.

Новые источники и их интерпретация. Новые *глиняные маски найдены в 1960–1984 гг. в результате* раскопок, проведенных как в степных (р. Енисей), так и лесостепных (р. Чулым) районах. Наибольшее количество масок обнаружено экспедициями ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН). В отчетах о раскопках и публикациях курганов сведения о них весьма скупы, однако сами маски, около 20 и более лет назад привезенные в Санкт-Петербург, могут существенно пополнить представления о них[3].

Курган Барсучиха 1, расположенный на левом берегу Енисея под горой Барсучиха, раскопан М. Н. Пшеницыной в 1970–1971 гг. (Вадецкая 1986: 124, № 5). В камере с останками 39 человек на 11 черепах обнаружены фрагменты глиняных покрытий. Четыре скелета лежали в анатомическом порядке. Их разрушенные черепа (на затылке одного из черепов сохранились светлые волосы) имели остатки консервирующей растительной массы. Поверх глины нанесен тонкий слой гипса со следами черной и красной красок (Пшеницына 1975: 45–46). От пятого скелета (35–40 лет) остались раздавленный череп с нижней частью расплющенной маски (щека, губы, подбородок) и позвоночник (ГЭ кол. 2622, № 36). Маску удалось извлечь. Она – глиняная, толщиной до 4,5 см. В месте расположения рта имеется прорезанное отверстие (один зуб погребенного виден сквозь это отверстие). На внутренней поверхности маски фиксируются *вдавленные в глину мелкие кусочки костей* черепа и двух верхних позвонков (рис.1: 1). В коллекции Эрмитажа находятся также и две нижние челюсти, обнаруженные в разных частях камеры. Глиной облицована только внешняя, наружная сторона одной из них, однако обе челюсти заполнены внутри глиной, на которой сохранились отпечатки верхних зубов, но отсутствуют отпечатки позвоночника. На заполнении одной челюсти (№ 38) есть оттиски двух витков веревочки и длинной травинки. Очевидно, челюсти связывали веревкой, а внутри черепа было травяное заполнение. Первый химический анализ показал, что для масок использовалась природная глина без искусственных примесей (Кулькова 1975: 50–52). Однако, по мнению Е. Ю. Медниковой (результаты её химических анализов изложены ниже), высокое содержание оксида кальция, являющегося основным компонентом извести и гипса, в масках из кургана Барсучиха 1 свидетельствует, о том, что в глину добавлялось связующее вещество – известь или гипс.

Курган Тепсей XVI раскопан М. Н. Пшеницыной на правом берегу Енисея, под горой Тепсей в 1976, 1977 гг. (Пшеницына 1977; Вадецкая 1986: 126, № 23). Согласно сообщению М. Н. Пшеницыной, 25 *скелетов в камере находились в анатомическом* порядке, а 15 черепов лежали отдельно. Среди тех и других были черепа, обмазанные глиной и заполненные растительной массой. *Все маски изготовлены* из глины, которой обмазывались не только черепа, но также шея и первые грудные позвонки. Судя по *рисунку одной маски, сделанному на месте находки*, глиной покрыты лицевая часть черепа и нижняя часть затылка. Прорезь глаз передает сомкнутое положение век покойного. Толстый слой обмазки шеи плавно переходит в «нагрудник», достигающий плеч (Пшеницына 1992: табл. 92, 2; табл. 1, рис. 2). Свыше ста обломков масок (без костей черепов) хранятся в ИИМК РАН. Преобладают шеи, подбородки (с заполнением рта), глаза, обмазки груди, а также трепанационных отверстий черепа, имеющих овальную форму, размеры 6,5 х 7,5 см и 8 х 9,5 см, толщину 1–2 см. Эти куски глины вставлялись в отверстие черепа и поэтому с внутренней стороны имеют четкие

[3] Авторы раскопок (сотрудники ЛОИА АН СССР М. Н. Пшеницына, Н. Ю. Кузьмин и П. Г. Павлов) в отчетах и при публикации материалов лишь вскользь касались анализа масок, не проводя специального источниковедческого исследования, которое предлагается *в данной работе.*

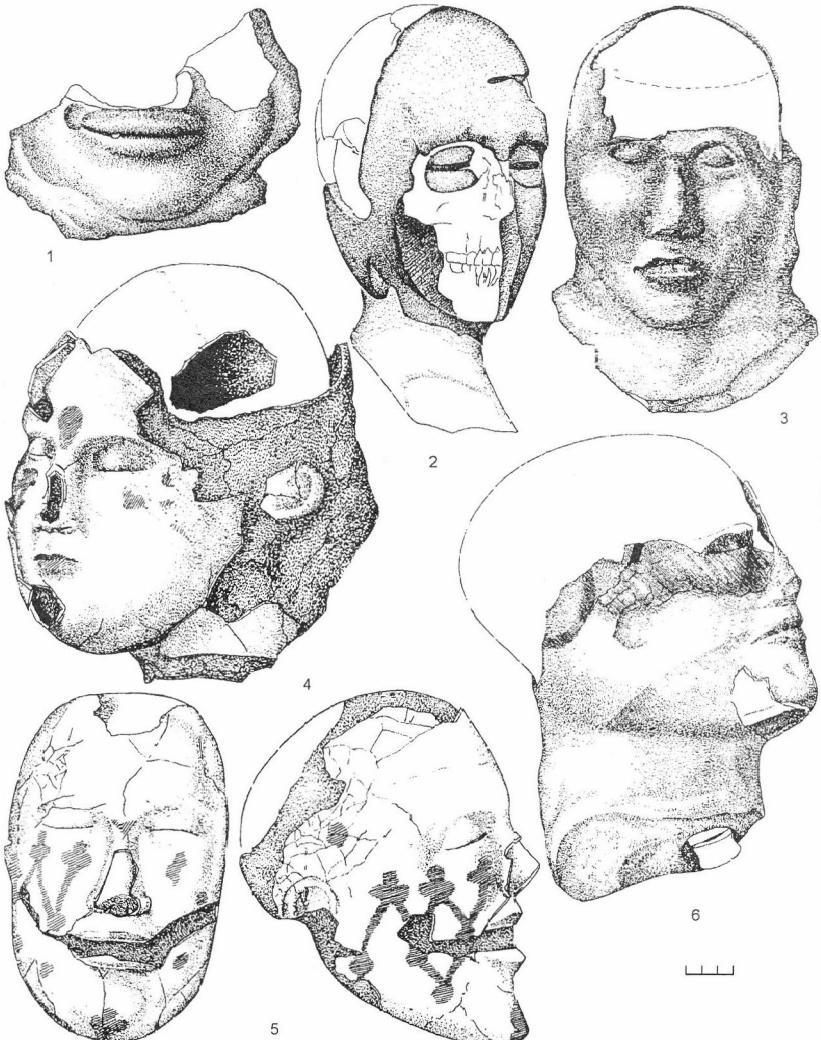


Рис. 1. Маски из тесинских курганов и грунтового могильника Каменка: 1 – Барсучиха I; 2 – Тепсей XVI; 3–5 – Новые Мочаги; 6 – Каменка III, погребение 71 В.
1–3 – глина на голове и шее мумии; 4–6 – облицовка глиняной головы мумии. Роспись красной краской.

Fig. 1. Masks from Tes burial mounds and Kamenka burial ground: 1, Barsuchikha I; 2, Tepsey XVI; 3–5, Novye Mochagi; 6, Kamenka III, burial 71 B.
1–3 – clay on the head and neck of a mummy; 4–6 – plaster coating on the clay head of a mummy. Red painting.

отпечатки травы и ее стеблей, заполнявших череп. Сверху «крышки черепа» (как весь череп) обмазывались слоем глины, поэтому имеют 2 слоя общей толщиной до 3,5 см. Заполнение рта (внутри челюстей), как правило, слеплено вместе с подбородками. Большинство обмазок шей и подбородков производилось в два слоя. Глаза изображены по-разному: одни имеют четкую форму глазного яблока, другие – усеченного конуса, третьи – бесформенных кусков глины. Вне зависимости от манеры передачи, глаза вдавливались в глазницы и сверху обмазывались. Шеи масок также вылеплены по-разному: среди резко преобладающих толстостенных и грубых есть единичные тонкостенные, изящные. Таким образом, можно предполагать, что моделировка производилась разными специалистами.

На внутренней стороне практически всех глиняных шей имеются отпечатки травы и ее стеблей, которыми были обмотаны шеи погребенных, а, кроме того, оттиски ремней и веревок, часто закреплявших траву на шее. Иногда следы травы встречаются и на подбородках масок, поэтому не исключено, что в некоторых случаях весь череп, а не только шея, обматывался травой.

Большинство погребенных в кургане, вероятно, *жили где-то поблизости от места захоронения*, но часть умерших привозилась издалека, что подтверждают маски, *изготовленные из глин различного* происхождения с добавлением разных связующих веществ, *предотвращавших разрушение глины* после высыхания[4]. Химические анализы сделаны для 40 фрагментов *серых и коричневых масок. Многие* из них вылеплены из коричневой некарбонатной, очевидно, местной глины с *добавлением извести*. Отдельные части тех же масок не имели связующего материала. Серые маски вылеплены либо из золы с незначительным количеством песка, либо из серой глины. Связующим материалом для первых была известь, а для вторых – гипс. Ротовая полость черепа, обмазанного массой из золы, заполнялась либо пеплом, скрепленным с известью, либо суглинком. Для придания пластичности в глиняное тесто вносились в небольшом количестве рубленая трава (со стеблями) и, возможно, шерстяные нити. Маски из золы и пепла встречены лишь в этом кургане и пока не получили своего объяснения.

Курган Новые Мочаги у д. Калы, в 12 км от г. Саяногорска раскопан Н. Ю. Кузьминым в 1983 г. (Вадецкая 1986: 128, № 38). В наземной камере захоронено не менее 120 человек. Большинство скелетов *находилось в* анатомическом порядке, хотя были и только части скелетов, и отдельные черепа. Слой *травы, толщиной до 1–1,5 см лежал под скелетами* и поверх них. Иногда травой обернуты кости рук и ног. Практически все черепа трепанированы и заполнены травой. Глиной заполнены: глазницы, внутрь которых иногда вставляли по голубовато-зеленоватой бусине; носовые отверстия; пространство под нижними челюстями. В нескольких случаях глиной обмазаны верхние позвонки до ключиц и плеч. Поверх глины, как правило, положен слой окрашенного гипса. На белый, серый, желтый гипс нанесена роспись, выполненная красной и черной красками. Изредка гипсом покрыты только рот и глаза (Кузьмин 1984: 2–17; Кузьмин, Варламов 1988).

В ИИМК РАН хранится более 20 черепов с остатками глиняных обмазок, а также фрагменты от свыше 50-ти снятых с глины гипсовых облицовок. Но только четыре черепа глина покрывает почти полностью, так как была законсервирована на нем при раскопках. Один из них, трепанированный в области левого виска, моделирован слоем глины толщиной до 1 см, покрывавшим голову целиком, за исключением макушки. На упавшем с затылка обломке глины имеются отпечатки волос. Сквозь ротовое отверстие видны зубы. Полость рта *глиной не* заполнена. Позвонки с передней стороны обмазаны глиной, но сам, сохранившийся *в анатомическом порядке*, позвоночник глиной не заполнен. Следовательно, обмазка произведена тогда, когда в позвонках еще был костный мозг. Гипсовой облицовки поверх глины не было (рис. 1: 3).

Второй череп облицован слоем глины толщиной в 1–1,5 см, а по ней – слоем гипса толщиной в 2–4 мм. Обмазка сохранилась от уровня трепанационного отверстия в области левого виска до шеи включительно. Полость рта заполнена глиной, но между отростками *позвонков она* отсутствует. Глиной моделированы нос, губы, уши, глазницы. Внутрь черепа вложена *трава. Роспись*, нанесенная красной краской, лучше сохранилась на правой раздавленной стороне (*рис.* 1: 4). *Глиняное* покрытие третьего черепа расписано красными полосами. Оно закрыто слоем гипса, *также расписанным* красной и черной красками. Роспись на глину и гипс наносилась, по-видимому, не одновременно (*рис.* 1: 5).

С четвертого черепа слой гипса толщиной до 4 мм был снят, поэтому видно, что под ним находились забитые глиной глазницы, носовое отверстие и зубы. Глина покрывает череп от уровня отверстия в левом виске и шею под нижней челюстью. Ею заполнено пространство между челюстями и обмазаны шейные позвонки (внутри них глина отсутствует).

В отличие от кургана Кызыл-Куль, где почти все черепа были с двусторонними отверстиями и лишь единичные с односторонними, черепа из кургана Новые Мочаги трепанированы, *в основном, только* слева. Что касается глиняных обмазок, то в обоих случаях они одинаковы, прежде всего, тем, что глина плотно примыкает к поверхности костей черепа. Это обстоятельство отличает их от обмазок черепов из кургана Тепсей XVI.

По *внешнему виду и* технологии изготовления маски из кургана Новые Мочаги почти не отличаются друг от друга. Они вылеплены из глины бежевого и бежево-серого цвета с розовым оттенком, в тесто

[4] Химические анализы (определение связующего вещества) выполнены Е. Ю. Медниковой в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН.

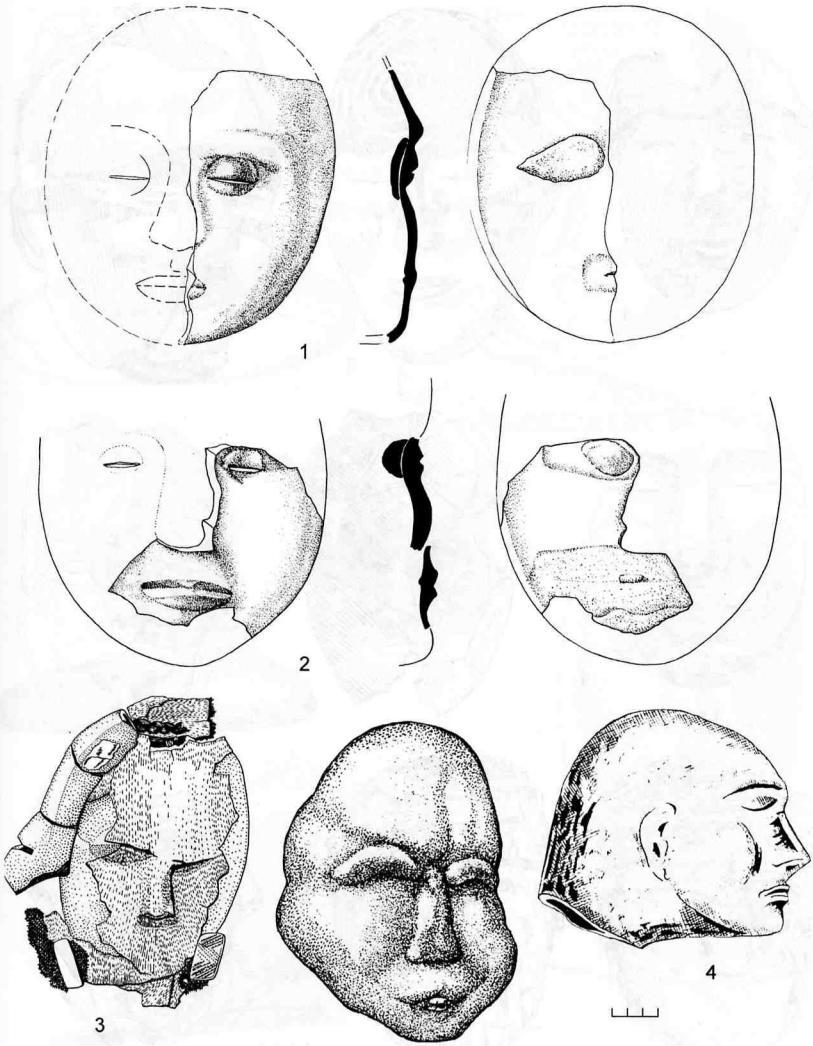


Рис. 2. Маски из тесинских курганов: 1,2 – Тас-Хыл; 3 – Береш, курган 2; 4 – Шестаково, курган 6.
1, 2 – гипсовые маски с отпечатками на внутренней стороне. Глаза мумии были обмазаны, а рот прикрыт куском кожи; 3 – глиняная голова мумии, покрытая кожаной маской; 4 – глиняная голова куклы.

Fig. 2. Masks from Tes burial mounds: 1, 2 – Tas-Khyl; 3 – Beresh, mound 2; 4 – Shestakovo, mound 6.
1, 2 – plaster masks with imprints on the inside. Eyes of the mummy were plastered, and the mouth was covered with a piece of leather; 3 – clay head of a mummy covered with a leather mask; 4 – clay head of a doll.

Рис. 3. Маски из таштыкских могильников: 1–3 – Оглахты; 4 – Абакан; 5 – Терский; 7 – Абаканское нефтяное месторождение. 1–5, 7 – глиняные маски (1–3 – роспись на масках; 4 – маска поверх тонкого шелка; 5 – отпечатки на внутренней поверхности маски: глаза и рот женщины были прикрыты лоскутами материи, а лицо было целиком покрыто маской из тонкой кожи); 6 – соломенная голова куклы, кожаное лицо которой было покрыто маской из тонкого красного шелка.

Fig. 3. Masks from Tashtyk burial grounds: 1–3 – Oglakhty; 4 – Abakan; 5 – Tersky; 7 – Abakan oil depot. 1–5, 7 – clay masks (1–3 – painting on masks; 4 – mask above fine silk; 5 – imprints on the inside of a mask: the woman's eyes and mouth were covered with pieces of cloth, and the entire face was covered with a mask made of fine leather); 6 – straw head of a doll whose leather face was covered with a mask made of fine red silk.

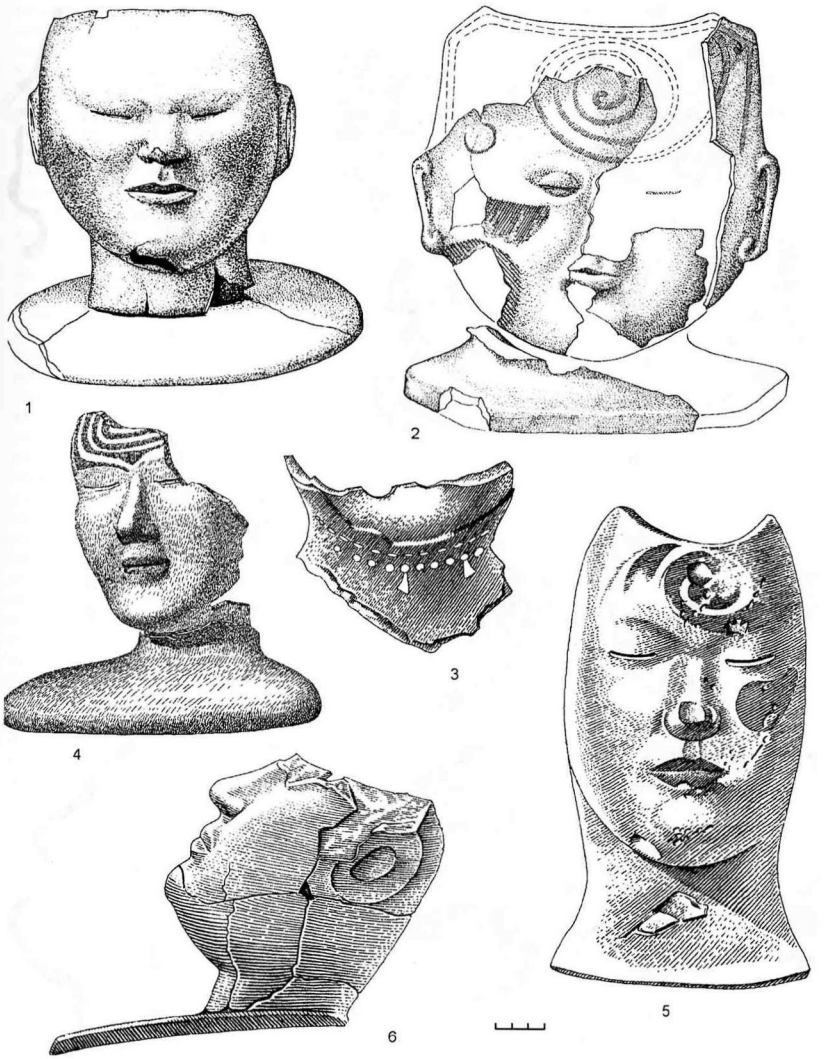


Рис. 4. Бюсты из таштыкских склепов: 1 – Белый Яр III; 2 – Тепсей III, склеп 2; 3, 5 – Сары, склеп 1; 4 – Сарагаш (Барсучиха IV); 6 – Уйбат I, склеп 6.
1, 2, 4, 6 – типы подставок для бюстов; 3, 5 – шея-подставка бюста. 2–5 – роспись на бюстах.

Fig. 4. Busts from Tashtyk burial vaults: 1 – Bely Yar III; 2 – Tepsey III, vault 2; 3, 5 – Sary, vault 1; 4 – Saragash (Barsuchikha IV); 6 – Uybat I, vault 6.
1, 2, 4, 6 – types of bases of busts; 3, 5 – neck-base of a bust. 2–5 – painting on busts.

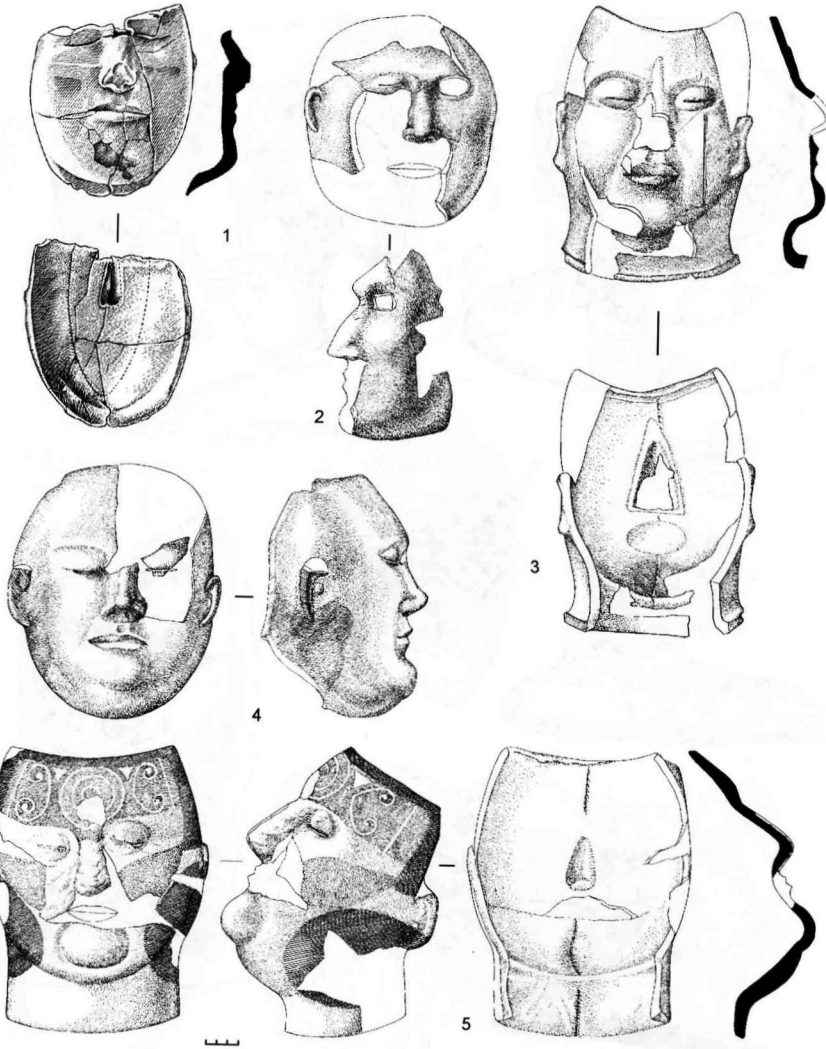


Рис. 5. Бюсты из таштыкских склепов: 1 – Сыда III; 2 – Кривинское, склеп I; 3–5 – Тепсей III, склеп 2.
1, 3, 5 – отпечатки от кожаных деталей (нос, рот, швы, заплаты) на внутренней стороне масок. 4, 5 – роспись на бюстах.

Fig. 5. Busts from Tashtyk vaults: I, Syda III; 2, Krivinskoe, vault I; 3–5, Tepsey III, vault 2.
1, 3, 5 – imprints of leather details (nose, mouth, sutures, patches) on the inside of masks. 4, 5 – painting on busts.

которой добавлена трава (сохранились фрагменты *пучков травы и стеблей*). *Глина – преимущественно* карбонатная, содержащая известь в качестве связующего вещества. Однако обращает на себя внимание то, что *для облицовки отдельных участков* черепа могла использоваться как некарбонатная, так и карбонатная глина, причем с разным количеством *извести. Это выявлено на 10-ти образцах, взятых* с четырех масок. Среди образцов были 2 куска карбонатной глины, закрывавшие трепанационные отверстия. *На их внутренней стороне отпечатались* трава и стебли, находившиеся в черепе. В одном случае для обмазки шейных позвонков использована некарбонатная глина, а для заполнения горла — карбонатная, то есть с известью (рис. 1: 3). В другом случае между челюстей вложена глина без связующего, но отверстие в черепе закрывала глина, в составе которой была известь (череп № 10). В третьем черепе (№ 39) образцы глины взяты из заполнения глаза, нёба и носа. Во всех местах глина содержала известь, но в заполнении носа, по мере приближения к лобной кости, количество извести увеличивалось, а около самих лобных пазух находилась чистая известь. По предположению Е. Ю. Медниковой, содержание извести в глине зависело от степени сохранности в том или ином месте черепа органики, разрушавшейся гашеной известью. Это хорошо согласуется с заключением патологоанатома В. А. Протасова[5] о состоянии тел погребенных при изготовлении маски, о чем будет сказано ниже. *Как выяснилось, внутри череп был заполнен* тростником[6]. Изучение глиняных масок, снятых с глиняной основы, показало, что гипс нанесен в один или два слоя, покрытых отделочным, иногда тончайшим белым грунтом. Следующий слой наносили после полного высыхания предыдущего, а отделочный – не дожидаясь высыхания. Основные слои состояли из гипса с природными добавками, а также небольшим количеством измельченного материала и шерсти. Отделочные слои состоят из чистого гипса. Поверхность масок раскрашена киноварью и охрой. На тыльной стороне встречаются отпечатки материи и складок кожи, которыми глиняные головы обшивались.

Курган Лисий (Сабинка) находится поблизости от кургана Новые Мочаги, у д. Сабинки и раскопан П. Г. Павловым в 1984 г. (Павлов 1984–1985; Вадецкая 1986: 127, № 32). Захоронения в кургане произведены дважды через значительный промежуток времени. Первоначально на дне ямы площадью 36 кв. м и глубиной 2,7 м был сооружен сруб для 118 умерших. Черепа скелетов трепанированы и заполнены растительной массой, но масок на них не было или они не сохранились. Позже камеру отремонтировали (заменили опорные столбы для крыши и средний пролет) и соорудили настил еще для 195 умерших, черепа которых были моделированы глиной, а в пяти случаях поверх глины облицованы гипсом. Кости скелетов обмотаны травой; иногда ребра скреплены ивовыми прутьями; в одном случае ивовый прут пропущен сквозь позвоночный столб скелета (Павлов 1987: 110–111).

Черепа, в том числе обмазанные глиной, переданы в Музей Антропологии и Этнографии РАН, где пока удалось разыскать и перевезти в ИИМК РАН два раздавленных черепа и три нижние челюсти, обмазанные глиной, а также очень толстую обмазку груди. Оба черепа покрыты тонким слоем глины, окрашенной охрой. Лицевая часть одного из них поверх глины облицована слоем гипса толщиной в области глазниц в 3 мм, а на щеках до 7 мм. Облицовка – красная с черной росписью. Череп не трепанирован. Маски изготовлены из коричнево-розовой глины. В четырех из пяти взятых для анализа образцов обнаружена известь.

Курган Тас-Хыл у с. Бирикчуль Аскизского района раскопан Н. Ю. Кузьминым в 1989 г. (Кузьмин 1989). В разграбленном кургане, наряду с глиняными *плохо сохранившимися масками, найдены обломки* трех гипсовых, сдвинутых грабителями в угол камеры. Эти обломки привезены в ИИМК РАН и склеены. Толщина масок до 7–8 мм. По всей вероятности, гипсом замазывались глазницы, которые, соприкасаясь с поверхностью маски, слипались с ней. Рты масок имеют прорези, с внутренней стороны которых встречаются гипсовые утолщения от затекавшего внутрь гипса. Кроме них, в области рта видны отпечатки кожи или ткани, видимо прикрывавшей рот покойника. На обратной стороне края одной маски (напротив глаза) отмечаются отпечатки тонких линий, возможно, волос (рис. 2: 1, 2). Очевидно, эти маски *лепили прямо на лице покойника через ткань без предварительной* обмазки его глиной. Носовое отверстие, отпечатавшееся на внутренней поверхности третьей *маски, не соответствует человеческому носу.* Видимо, третья маска лежала не на человеке, а на его имитации. Маски из кургана Тас-хыл аналогичны некоторым маскам из *таштыкских грунтовых могил*, о которых речь пойдет ниже.

В условиях северной сибирской лесостепи кости сохраняются плохо, поэтому от глиняных масок находят, как правило, обломки (без черепа), иногда с отпечатками зубов, волос, глаз, в одном случае уха (Мартынов 1979: 132–133, рис. 35). Тем не менее, именно из этих мест происходят две находки, судя по которым можно заключить, что древнее население вкладывало разный смысл в посмертные маски.

В 1968 г. при раскопках могильника у с. Шестаково, на правом берегу р. Кии (приток р. Чулыма) в одном из курганов А. И. Мартыновым обнаружены остатки масок нескольких типов: глиняная, глиняная с гипсовой облицовкой и гипсовая, от которой сохранилась только шея. Вместе с ними найдена глиняная скульптура головы человека, отличающаяся от дру-

[5] Санкт-Петербургский медицинский университет им. акад. И. П. Павлова, кафедра анатомии человека.

[6] Таксонометрическое определение частиц (в 5 пробах) сделано микроскопическим методом по признакам анатомического строения фрагментов эпидермиса (кожицы) побегов и листьев сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа М. И. Колосовой.

гих каркасом и способом изготовления. Рентгеновское исследование скульптуры показало, что каркасом для нее послужил череп барана (определение зоолога М. Д. Оводова), покрытый слоем серовато-желтой, хорошего качества глины, воспроизводившей черты лица человека, уши и узкую шею диаметром 6,5 см. Внутренняя полость шеи ближе к черепу сужается, образуя 2 отверстия. На стенках полости видны отпечатки двух стержней, на которые, видимо, надевалась голова, а также веревочек и ремешков. С их помощью голова, вероятно, прикреплялась к телу человека или туловищу куклы. Лицо скульптуры ангобировано жидкой глиной, затерто и раскрашено. Около носа, на щеках и губах имеются следы черной краски, а на подбородке и чуть ниже щек – красной, желто-красной и коричневой (рис. 2: 4). В области носа и на затылке сохранились отпечатки пальцев изготовителя скульптуры. На темени и макушке обнаружены пять небольших отверстий и углублений для крепления головного убора, а рядом с ними несколько отпечатков косичек (Мартынов, Мартынова, Кулемзин 1979: 165–172, рис. 98).

В 1981 г. мной был раскопан курган 2 у д. Береш, на р. Береш – притоке Урюпа, впадающей в р. Чулым. В камере находилось 60 целых скелетов. Их черепа, грудная клетка и полость живота были заполнены травой. Трава, в которой иногда попадались кусочки грубой кожи, находилась также под костями рук и ног. Черепа и шейные позвонки покрыты слоем глины (масками). В данном случае конструктивной деталью являлись прутики, положенные вдоль обеих сторон позвоночника. Они выступали на 5–6 см за шейные позвонки и верхними концами были погружены в глину, заполнявшую ротовую полость и нижнюю челюсть. Глиняная скульптура поверх черепа одного скелета сохранилась полностью. Лоб, виски, скулы, брови и нос грубо сформованы из отдельных кусков глины. Вся голова обтянута кожей, в которой сделаны прорези на месте глаз. Кожаный нос пришит отдельно. Маска из кожи, в свою очередь, обмазана тонким слоем глины и гипса, поверх которого на лице скульптуры сохранились следы росписи красной краской. Прическа изображена с помощью двух костяных пластинок, обмазанных глиной и облицованных слюдой. Пластинки прикреплялись к голове шнурками, пропущенными сквозь отверстия. На темени между пластинками крепится миниатюрный кожаный мешочек, в котором была тонкая свернутая косичка. К сожалению, привезенная в ИИМК РАН глиняная голова мумии разрушилась (Вадецкая 1996: 106–108; 1999: 146, рис. 74) (рис. 2: 3).

В 1980 г. у того же с. Береш А. В. Субботин раскопал курган 1, в котором очень хорошо сохранились бревна камеры, а от скелетов остались лишь следы. На месте черепов лежали единичные обломки глиняных масок и глиняных обмазок, среди них заполнения глазниц, в точности, повторяющие форму глазного яблока человека. Эти и менее определимые фрагменты, в том числе рельефные, извлечены из могилы и хранятся в ИИМК РАН. На них наблюдаются отпечатки кожи и узора пальцев. Химический анализ показал, что в глиняное тесто масок добавлялся в качестве связующего гипс (определения Е. Ю. Медниковой), а не известь, как в тесте масок из курганов Новые Мочаги, Лисий и Тепсей XVI. Использование гипса, с одной стороны, облегчало изготовление масок, поскольку получать известь было трудоемко, а гипс можно было просто развести водой. Кроме того, процесс сушки масок с известью отнимал значительно больше времени, чем с гипсом. С другой стороны, маски с добавлением гипса быстрее разрушались, так как во влажной среде гипс теряет свои вяжущие свойства. Возможно, поэтому их обшивали кожей животных или тканью. В частности, на тыльной стороне выпуклых фрагментов гипсовых масок различаются отпечатки грубых переплетений тканей и небольшие по площади остатки, видимо, кожи. Гипсовая масса нанесена на ткань в один слой толщиной 2–4 мм, сверху покрыта отделочным слоем толщиной до 1 мм, поверх которого положен тончайший грунт, раскрашенный оранжевой охрой. В срезе одного спрессованного глиняного фрагмента обнаружен слой стеблей и тростника, заполнявших череп, и окрашенного красным гипса от маски (определение Л. С. Гавриленко и М. И Колосовой). Напомним, что черепа из кургана Новые Мочаги тоже были заполнены тростником (см. выше).

Последние, интересные находки были сделаны Э. Н. Киргинековым при раскопках кургана в г. Черногорске в 2001 г.[7]. В неоднократно грабленой камере площадью 21 кв. м. находились останки 40 погребенных, представленных полными и неполными скелетами, и 16 отдельных черепов. Только 4 скелета от головы до пояса или до половины бедер были обмазаны слоем глины толщиной 1–5 см. Остатки глины, наблюдавшиеся не только на черепах, но и на костях и кистях рук других скелетов, свидетельствуют о том, что первоначально не только череп и шейные позвонки, а почти вся мумия обмазывалась глиной. Для обмазки использовалась местная глина серо-зеленоватого цвета. Отмечена одна привозная мумия, на черепе и кистях рук которой сохранилась глина красноватого цвета. Глиняные мумии были, видимо, обшиты берестой или войлоком, так как в 3 случаях поверх глины остался слой органики белесого цвета. Практически все черепа трепанированы, со следами глины на поверхности и травянистой растительностью внутри. Лучше сохранившиеся черепа с масками имеют двухсторонние отверстия диаметром 7,5–8 см в каждом виске, заполненные глиной. В нескольких случаях кусок глиняной «нашлепки» проваливался внутрь черепа. Глазницы, рот и нос заполнены глиной. Поверхность моделирована глиной толщиной от 4 мм (лоб) до 1,5 см (скулы и щеки). На лицевых костях 3 черепов поверх глины нанесен гипс в 2 слоя, окрашенный красной крас-

[7] Пользуюсь случаем поблагодарить Э. Н. Киргинскова за возможность использовать текст полевого отчета и присланные для анализов образцы.

кой. На двух черепах гипс остался только на глазных впадинах.

Как отмечалось выше, в начале XX в. сложились две гипотезы о причинах использования в погребальном обряде глиняных масок. Новые находки оживили старую дискуссию о том, реставрировали ли скелеты для погребения или мумифицировали трупы, чтобы сохранить их до момента захоронения. Различные точки зрения вызваны не только слабой изученностью материала, но и наличием фактов, которые можно истолковать по-разному.

Находки масок на скелетах, лежащих в полном анатомическом порядке, на мой взгляд, являются основным доказательством того, что трупы как-то мумифицировали. А останки в трех курганах (Береш, Новые Мочаги, Лисий) позволили конкретизировать способ мумифицирования, включающий следующие основные этапы: у покойника извлекали головной мозг и все внутренности тела; вместо них вкладывали особую смесь из трав, иногда с включением угольков; глазницы, нос и рот заполняли глиной; ею же моделировали всю голову и подбородок с шеей; в глиняное заполнение рта втыкали верхние концы прутиков, положенных вдоль позвоночника; глиняную голову облицовывали гипсом или обшивали кожей; руки, ноги и туловище оборачивали травой, после чего обшивали кожей. Искусственная мумификация трупа, по нашим наблюдениям, дополнительно подтверждается наличием редких находок остатков украшений в тесте масок (Уйбат), отпечатками волос на глине, остатками самих волос (Кызыл-Куль, Барсучиха, Новые Мочаги), оттисками складок нёба и десен на кусках глины, вложенной в ротовую полость черепа (Вадецкая 1999: 157).

Тем не менее, вторичный осмотр черепов из кургана Кызыл-Куль, осуществленный антропологом М. Б. Медниковой, подтвердил мнение К. И. Горощенко не только о том, что трепанация производилась сразу после смерти, но и что лицевой отдел черепа моделировался после удаления мягких тканей (Медникова 2001: 210–211). Ею же осмотрены 20 разрушенных черепов из кургана Новые Мочаги, на которых обнаружены следы вероятного посмертного бальзамирования (*искусственное нарушение* мозговой капсулы). Между тем, археологи считают маловероятной гипотезу естественного превращения трупов в скелеты из-за множества случаев их анатомически правильного положения в могилах. Поэтому выдвинуты предположения о хирургическом удалении мягких тканей либо только с головы (Пшеницына 1975: 48), либо со всего трупа (Кузьмин, Варламов 1988: 149). Поскольку известны могилы, в которых обнаружены скелеты с трепанированными и заполненными травой черепами, но без следов масок, высказано суждение о последовательно существовавших обрядах: до появления обычая изготовлять маски тела мумифицировали, а с появлением масок стали реставрировать (Павлов 1987: 111). Н. Ю. Кузьмин полагает, что с помощью прутьев и травы конструировали не мумию, а муляж по искусственно очищенному скелету (своеобразный манекен), который обшивали кожей животного (см. курган Береш). Заполнение глиной глазниц, полостей носа и рта доказывает, по его мнению, что обрабатывали череп, а проткнутый сквозь позвоночник в одном случае прут (см. курган Лисий) говорит о том, что реконструировали скелет (Кузьмин, Варламов 1988: 149). При этом вопрос о способе удаления мягких тканей с трупа всеми археологами оставлен открытым.

Дополнительная информация, полученная при осмотре фрагментов масок, а также результаты химических анализов, проведенных Е. Ю. Медниковой, не подтверждают изготовление манекенов на высохшем скелете, как полагал К. И. Горощенко, но говорят в пользу каких-то хирургических операций, производившихся с телом. Поскольку глина отсутствует внутри обмазанных ею позвонков, очевидно, к моменту изготовления маски в них находился мозг. В курганах Тепсей XVI и Береш некоторые глазницы черепов были заполнены, как указывалось, глиняными шариками диаметром 38 мм, полностью повторяющими форму и размер глазного яблока человека. Очевидно, они помещались не в глазницу, а внутрь глазного яблока (в мешочек глаза), что подтверждается составом глины одного шарика (Тепсей XVI), в котором обнаружены остатки органических веществ, похожих на компоненты крови. Следы органики (жирных пятен и слизи) выявлены еще в нескольких фрагментах масок из склепа Тепсей XVI.

Учитывая, что выводы антропологов не согласуются с наблюдениями археологов, да и суждения последних не одинаковы, я привлекла к исследованию материалов из курганов Новые Мочаги и Лисий патологоанатома В. А. Протасова, который представил обстоятельное заключение (с точки зрения анатомии, антропологии и судебной медицины) о физическом состоянии тел покойников на момент изготовления маски, и о последовательности этапов их формирования.

Согласно мнению эксперта, ко времени изготовления маски труп представлял собой частично высохший скелет и обмазка глиной производилась уже по черепу, внутри которого (в наиболее глубоких его пространствах и наружных, достаточно крупных каналах) сохранялись остатки мягкой, высохшей ткани и твердая мозговая оболочка. Нижние челюсти у одних черепов уже отделилась, у других – еще сохранилась связь нижней челюсти с черепом. Во всех случаях череп был соединен с позвоночным столбом, содержавшим мозг. Косвенные признаки указывают на то, что скелеты имели высохшие глаза (высохшие глазные яблоки) и кости, соединенные остатками связок и мембран. Эти выводы подтверждаются многими наблюдениями, среди них следует отметить наиболее понятные не только специалистам. Отсутствие мягких тканей на черепе в момент изготовления маски доказывается плотным прилеганием глины к наружной поверхности мозгового и лицевого отделов, под скуловой дугой, на месте прикрепления жевательных мышц к нижней челюсти (к наружной и внутренней поверхности её углов), к скуловой дуге и т. д.

Глина также плотно прилегает к позвонкам (телам, дугам, отросткам), но не проникает между ними и в позвоночный канал, так как анатомический порядок чередования позвонков, толщина межпозвоночных дисков и расстояние между ними не нарушены. О длительном сохранении высохшей твердой мозговой оболочки свидетельствует лучшая сохранность внутренней пластинки черепа по сравнению с наружной. Следы глины не обнаружены ни в одном канале черепа (нижнеглазочном, подбородочном, зрительных, носослёзных), в том числе в слуховых проходах, обмазанных снаружи глиной. Когда глиной заполняли глазницы, она не проникала ни в верхнюю и нижнюю глазничные щели, ни в полость черепа со стороны глазниц, ни в крыловидноёбную ямку. Помешать проникновению глины в эти каналы могли лишь сохранившиеся к тому времени остатки тканей. По той же причине в верхнюю глазничную щель не попадала растительная масса, которой заполнялся череп, видимо, при изготовлении маски.

Заключение патологоанатома не подтверждает мнение о том, что проводилась искусственная мумификация трупа и глиной обмазывалась голова и шея, так как в этом случае оставались бы щели между глиной и костью. Однако механическая (хирургическая), а не естественная скелетизация также маловероятна, ибо по тому, как глина прилегает к местам прикрепления большинства мышц, можно утверждать, что они не могли быть столь тщательно очищены механическим путем. Дело в том, что в процессе изготовления мумии можно было удалить остатки засохшей ткани, не сгнившей и не выеденной насекомыми, а на свежем трупе добиться столь тщательного удаления мягких тканей в местах прикрепления мышц нереально. Заполнение глиной глазниц часто служит для археологов аргументом об удалении глаз у трупа. Однако тщательная очистка стенок глазниц механическим способом маловероятна. Кроме того, глина плотно примыкает ко всем стенкам глазницы, за исключением верхней глазничной щели и области зрительного канала. Значит, это место не было расчищено насекомыми из-за наличия глазного яблока. При удаленном глазном яблоке жировая ткань, прикрывающая область зрительного канала и верхней глазничной щели, не помешала бы их проникновению к глазной щели.

Состояние глиняного заполнения внутри черепа позволяет определить последовательность конструирования глиняной маски. Сначала заполнялась носовая полость, затем глазницы, позже ротовая полость и, наконец, формировалась глиняная шея. Носовая полость заполнялась глиной двумя способами: со стороны ротовой полости или со стороны носоглотки. В первом случае частично удалялась костная часть нёба, являющаяся нижней стенкой носовой полости, и сохранялась часть мягкого нёба. Во втором случае нёбо должно было бы отсутствовать, но в некоторых черепах сохранился задний край костного нёба, указывая на то, что эта кость была, видимо, защищена остатками мягких тканей от механического повреждения. При заполнении глазниц глина вдавливалась в них с усилием. При этом иногда разрушалась нижняя стенка глазницы и, как правило, разрушались и вдавливались в носовую полость части решетчатых костей. Ротовая полость заполнялась глиной снизу, через отверстие, образовавшееся после удаления диафрагмы рта и языка. На глине видны отпечатки верхних и нижних зубов и реже костных рельефов верхней и нижней челюстей, хотя ни разу не обнаружено проникновение глины в отверстие каналов нижней челюсти и большого нёба, видимо, закрытых остатками мягких тканей.

Таким образом, следует признать, что мое мнение о мумификации тел было ошибочным. Ближе других к пониманию обряда подошел Н. Ю. Кузьмин, считавший, как указывалось, что соломенный манекен с глиняной головой изготовляли на скелете покойника (Кузьмин, Варламов 1988: 149). Но, вопреки его мнению, труп превращался в скелет не механическим, а, как предполагал еще К. И. Горощенко, естественным способом. Следовательно, существовало два этапа захоронения и период между ними, когда тело реставрировалось.

Согласно заключению патологоанатома В. А. Протасова, при первичном захоронении не было необходимости удалять внутренние органы вместе с диафрагмой рта и языком, так как они легко удалялись позже. Сложнее определить причину и время посмертной трепанации. Трепанационные отверстия были на десяти сравнительно хорошо сохранившихся черепах из кургана Новые Мочаги и на одном черепе из кургана Лисий. Отверстия расположены слева, в верхнебоковой части свода черепа, захватывая часть лобной, височной, теменной кости, реже крыло клиновидной кости. Края отверстий не совпадают со швами черепа и первоначально имели зазубрины, сглаженные в процессе последующего естественного разрушения. Отверстия могли вырубаться как специальным инструментом, так и обычным ножом с заостренным концом, причем не только после смерти человека, но и при изготовлении маски, чтобы заполнить череп растительной массой, так как хрупкость костей черепа, которая могла бы помешать вырубить отверстия, появляется лишь спустя годы после захоронения. В определенных условиях за летний период мог быть освобожден от мозга даже не трепанированный череп, а растительная масса могла быть заложена через большое (затылочное) отверстие черепа. Таким образом, не только места трепанационных отверстий (с одной или двух сторон черепа), но и время операции не было строго регламентировано. Что же касается черепов из кургана Новые Мочаги, то их (по состоянию их глиняного заполнения), вероятно, трепанировали при первичном захоронении, когда все полости черепа (носовая и ротовая, вскрытая полость черепа) оставлялись открытыми. Иначе процесс гниения мозга задержал бы высыхание тканей в крупных отверстиях черепа (таких, как верхние глазничные щели и яремные), туда проникли бы и их расчистили насекомые. Расчищенные отверстия были бы заполнены глиной, чего не наблюдается.

Эксгумированные скелеты, кости которых собраны для реставрации, обнаружены в ограде упоминавшегося кургана в г. Черногорске. Они располагались с двух сторон входа, очевидно, на деревянных настилах, установленных на 35–45 см выше древней почвы. В первом скоплении обнаружены кости 59 человек, а во втором – примерно 86, представленных целыми скелетами, частями скелетов в сочленении и отдельными черепами, среди которых нет трепанированных или обмазанных глиной.

Результаты исследования показывают, что обряд реконструкции человека был очень сложным. Поскольку первичные захоронения производились с целью последующей эксгумации трупа, для них, очевидно, выбирали места, где наряду с естественным разрушением мягких тканей (за счет гниения и поедания насекомыми) шел процесс высыхания. Сроки временных погребений определялись конкретными местными условиями. Согласно судебно-медицинской практике, при неглубоких захоронениях в сухих почвах или при обкладывании тел камнями продолжительность естественной скелетизации составляет один год. При глубоких захоронениях, без доступа насекомых, мягкие ткани (в средней полосе России) сохраняются до двух-пяти лет.

В глину большинства масок добавлялась гашеная известь, которую получали из негашеной извести, обжигая известняк при температуре +900–1200° С. Процесс был сложным, поэтому известь использовали бережно – *не для всех частей маски*.

За пределами анализа масок остается всё, связанное с их росписью, поскольку фрагменты раскрашенных гипсовых облицовок, снятые с глиняных масок кургана Новые Мочаги, мною пока не исследовались.

Очевидное существование временных и окончательных захоронений открывает новый подход к дальнейшему изучению не только самих глиняных масок, но и обычая коллективного захоронения людей, умерших в разное время, возникшего задолго до появления ритуала реконструкции тела.

Все *курганы с глиняными масками принято именовать* «тесинскими», а погребенных «тесинцами»: по названию первого кургана, раскопанного финским ученым *И. Р.* Аспелиным у села Тесь. Датировка курганов постоянно меняется как в сторону удревнения, так и омоложения. По последним данным их нижнюю дату определяют не только, как представлялось, единичные местные копии украшений хуннского типа, оригиналы которых известны в могилах хуннов Забайкалья I в. до н. э. – I в. н. э. (Миняев 1997: 2–11) Теперь датировку (не ранее I в. н. э.) подтверждают *отдельные типы* импортных бус, производство которых началось только со II в. н. э. Однако некоторые изделия, обнаруженные в камерах, позволяют расширить хронологические рамки курганов с масками до II–IV вв. (Вадецкая 1995: 116–118; 1997: 27–28; 1999: 132–153).

Маски из таштыкских грунтовых могильников[8]. Таштыкские погребальные маски происходят из обширных могильников, состоящих из десятков (до ста) могил в виде небольших, но глубоких ям, на дне которых поставлены низкие (в 1–2 венца) срубы, плотно закрытые бревнами и поверх них берестой. Размеры срубов *рассчитаны на одного-двух или* трех-четырех покойников. Ямы заполнялись землей, а на их поверхности насыпался небольшой земляной холмик. Для женщин применялось трупоположение, а мужчин, как правило, кремировали, пепел собирали в мешочек и вкладывали в кожаную, набитую соломой куклу, сшитую в рост человека. Гипсовые маски лепили на лицах трупов, покрытых шелковой или иной тканью. В I–II вв. н. э. маски изготавливались только для знатных покойников, а в III–IV вв. практически для всех взрослых, даже кремированных погребенных и только изредка для детей.

История изучения таштыкских масок. В 1898-1899 гг. А. В. Адрианов раскопал 23 тагарских кургана около Абаканской Управы (г. Абакан). В насыпях восьми курганов было обнаружено 18 впускных таштыкских могил, в шести из них были найдены гипсовые маски. Семь масок находились на лицевых костях взрослых людей и одна на лицевых костях ребенка. Один обломок маски, видимо, упал с головы *куклы и был найден среди кальцинированных* человеческих костей. Женские маски были белыми с красной росписью, а одна мужская была окрашена в красный цвет (Вадецкая *1999*: 236–238, № 13). Фрагмены лучше сохранившихся четырех белых масок со следами красной росписи вместе с вещами из могильника хранятся в Историческом музее (ГИМ, кол. 39951, 40211).

Осенью 1902 г. местный крестьянин случайно обнаружил хорошо сохранившуюся могилу в горах Оглахты, рядом с улусом Сарговым, в 40 км к северу от г. *Абакана. А. В. Адрианов тогда же посетил* могилу, выкупил обломки маски у находчиков и выслал их в Археологическую Комиссию, благодаря чему получил финансирование для раскопок могильника (Вадецкая 1981: 100–103). В 1903 г. он раскопал 17 могил, в восьми из которых было не менее 13 масок: одна – на голове куклы, остальные – на лицевых костях скелетов (Вадецкая 1999: 230–234, № 11). Согласно описанию А. В. Адрианова, черепа с масками были трепанированы в затылочной части, выдолбленная кость обычно находилась внутри черепа. Под *многими масками на глазах и поверх рта лежали* прямоугольные или квадратные кусочки зеленого шелка, причем с прорезями на месте глаз и рта. Некоторые маски охватывали уши, теменную часть и шеи. Большинство масок были сплошь раскрашены яркокрасной краской, а на внутренней стороне некоторых из них отпечатались лицевые морщины, а также прилипшие пряди волос (Адрианов 1903; 1903а). По наблюдениям А. В. Адрианова, маска *снималась* не с лица, а лепилась прямо на нем, для чего на лицо наносили слой гипса толщиной не более 1 мм, который растирали и наращивали последующим слоями (Адрианов 1903а). При раскопках были извлечены

[8] «Таштыкскими» могильники называются по месту первых раскопок на р. Таштык.

почти целая маска с лица подростка, голова куклы и маска с остатками лица куклы. Остальные маски были сняты кусочками. Лучшие вещи, маски и две мумии были высланы в Археологическую Комиссию, где были сфотографированы и откуда поступили в *Исторический музей и музей Антропологии МГУ*. Часть обломков масок и вещей была передана А. В. Адриановым в Красноярский краеведческий музей.

Позднее маски обнаружены в значительном количестве в 20-ти могильниках. К сожалению, они *плохо сохраняются, поскольку вылеплены из рыхлого*, тонкого, плотно прилегающего к костям черепа гипса. Ко времени археологических раскопок гипс, как правило, покрыт мелкими трещинами, поэтому маску отделяют от черепа по кусочкам, которые *потом редко удается сохранить и склеить*. Целых масок к настоящему времени насчитывается лишь около 10-ти экземпляров, однако и они уточняют первую информацию, полученную от А. В. Адрианова, что, прежде всего, касается масок из могильника Оглахты.

Как указывалось, целая (склеенная) маска, покрывавшая *лицо подростка 10–12 лет, хранится в Государственном Историческом музее* (ГИМ, кол. 43931). Маска передает условные черты лица с четко обозначенными крупными ноздрями. Она – белая, толщиной 3–6 мм; лицевая ее поверхность заглажена жидким гипсом и окрашена ярко-красной краской, а линия бровей и прорези глаз нарисованы черной *краской. На обратной стороне маски отпечатались* кусочки ткани (прямоугольной формы, размерами 5 x 4 см), положенные на глаза подростка. Нос и рот покойника замазаны гипсом, после чего все лицо закрыто тканью, поверх которой вылеплена маска. Очевидно, на месте глаз ткань имела прорехи, через которые затек гипс, образовав на обратной стороне маски конусовидные утолщения размером 3 x 2 см, толщиной 10 мм (рис. 3: 1).

Спустя 65 лет Л. Р. Кызласов раскопал новые могилы в горах Оглахты и две хорошо сохранившиеся найденные маски, не сняв их с женского и мужского *черепов, передал в Эрмитаж. Маски, плотно* прилегая к костям, закрывают 3/4 черепа, в том числе и ушные отверстия. Они вылеплены из гипса, смешанного с известняком и песком, и заглажены чистым гипсом. Прорези глаз и ротовое отверстие сделаны по сырому гипсу, а роспись – поверх высохшего. На белом слое женской маски ярко-красной краской окрашены лоб, щеки, нос, рот и уши. На лбу, висках и с правой стороны носа процарапаны до грунтового слоя спиральные узоры (рис. 3: 2). На затылке сохранились кожа и волосы, а под маской – шелковая зеленая ткань. Череп мужчины *трепанирован в левой височной области. Верхняя* часть маски имеет вырез для косы, уложенной вдоль темени. Мужская маска сплошь окрашена красной краской и пересекается двумя черными широкими полосами. Одна из них проведена вдоль лба, выше глаз, а другая – с двух сторон носа (рис. 3: 3) (Кызласов 1969: 97; 1972: 78–79; Вадецкая 1986: 36; 1992: *табл. 100, 1–2*).

В *других* могильниках удалось снять целые маски с трех черепов: первую, мужскую – при раскопках А. Н. Липского в г. Абакане в 1947 г. (Вадецкая 1999: 239, № 15), *вторую, женскую – при раскопках* автора у бывшего хутора Терский в 1989 г. (Вадецкая 1999: 217–218, № 4), третью, женскую – при раскопках А. И. Готлиба могильника у с. Абакано-Перевоз в 1993 г. Первая маска хранится в Абаканском музее (кол. 273). *Она – белого цвета, но первоначально* была окрашена охрой. Внутренняя ее сторона была повреждена в процессе реставрации, поэтому об отпечатках судить трудно, однако, по сведениям А. Н. Липского, имелись отпечатки шнуров и веревочек, *которые, видимо, охватывали лицевое* покрывало трупа. Маска (рис. 3: 4) не похожа на лицо погребенного, реконструированное М. М Герасимовым. Она вылеплена из каолиновой глины с небольшим содержанием гипса и большим количеством водорастворимых солей (Липский 1956: 32–36). Вторая маска найдена на черепе женщины 55–60 лет, труп которой, судя *по положению костей, был похоронен* в полуразложившемся виде. Это подтверждают и *отпечатки* глазных впадин на внутренней стороне маски, причем на глазах и на ротовом отверстии наблюдаются отпечатки, по-видимому, накладок из тонкой ткани или кожи. Можно предположить, что все лицо затянули тонкой кожей, поверх которой лепили маску. Для этого гипс *нанесли на основу в один слой толщиной* 2–3 мм, тщательно разгладили, покрыли отделочным *слоем* толщиной менее 1 мм, на который нынесли узоры красной краской. При лепке гипс затек в глазницы (рис. 3: 5). В гипсовую массу добавлены тонкоизмельченные частицы растительного материала и оболочек от семян (Вадецкая 1999: 20, рис. 6: 4). Третья, женская, маска, хранящаяся в археологической лаборатории Абаканского университета, очень *похожа на женскую маску из могильника Оглахты тем*, что ее лоб, щеки и губы окрашены красным, а на лбу и висках прочерчены белые спирали. На обратной стороне маски *отпечатались складки лицевого покрывала*.

Обломки других масок, снятых с лицевых костей черепа, получены, главным образом, автором в 1967–1968 гг. из могильников Новая Черная IV (Вадецкая 1999: 220–222, № 5) и Мысок (Вадецкая 1999: 213–215, № 3), а также в *1967 г. Л. Л. Барковой* из могильника Барсучиха II (Вадецкая 1999: 225, № 6а). Характер отпечатков на внутренней стороне позволяет выделить две разновидности масок: на одних *против глаз и рта* – оттиски матерчатых накладок, как на оглахтинских и терской, а на других – гипсовые нашлепки, что делает их похожими на гипсовые тесинские маски *из кургана Тас-Хыл (ГЭ, кол. 2573,* 2633, 2632). В последнем случае, очевидно, глаза и рот трупов были замазаны гипсом, слившимся с маской (рис. 2: 1–2). Результаты химических анализов масок из пяти могильников – Барсучиха II (Кулакова 1975), Терский, Комарково, Красная грива, Черное озеро – показали, что они вылеплены из гипса, изначально содержавшего *природные примеси*.

Таштыкские погребальные куклы, в которые клали пепел кремированных трупов, имитируют формы

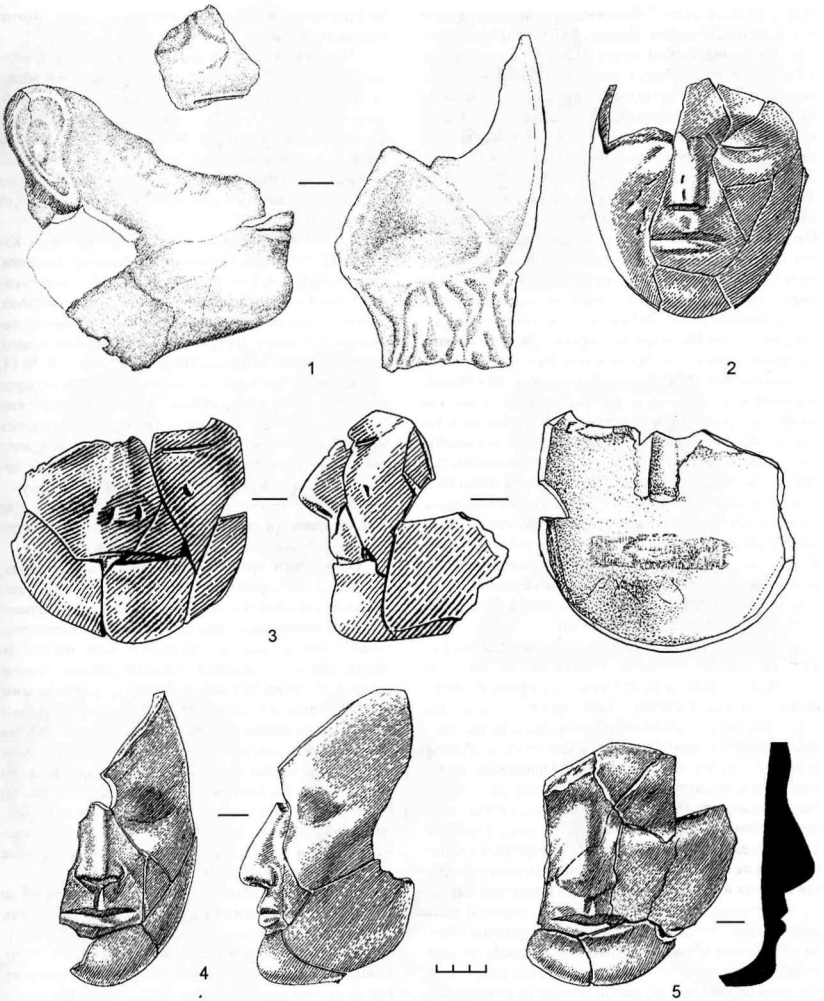


Рис. 6. Маски из таштыкских склепов: 1 – Тепсей III, склеп 3; 2 – Тагарский Остров; 3 – Терский, склеп 4; 4,5 – Усть-Тесь, склеп I.
1 – маска соломенной куклы с отпечатками на внутренней стороне (отпечатки грубой кожи на подбородке и от складок на шее; роспись на маске); 2 – маска на детском черепе; 3 – маска соломенной куклы с отпечатками на внутренней стороне (на месте носа вставлена палочка, рот прикрыт куском кожи и шелковым лоскутом поверх него).

Fig. 6. Masks from Tashtyk burial vaults: 1 – Tepsey III, vault 3; 2 – Tagarsky Ostrov; 3 – Tersky, vault 4; 4, 5 – Ust-Tes, vault I.
1 – mask of a straw doll with imprints on the inside (imprints of coarse leather on the chin and folds on the neck; painting on the mask); 2 – mask from a child's skull; 3 – mask of a straw doll with imprints on the inside (stick inserted on the place of the nose, mouth covered with a piece of leather and a strip of silk above it).

человеческого тела. Обнаружены они пока только в могильнике Оглахты. Мелкие фрагменты кукол хранятся в Красноярском музее (кол. 24), целая голова в Историческом музее, а две куклы более 30-ти лет реставрируются в Эрмитаже. Способы изготовления погребальных кукол изучены и опубликованы (Вадецкая 1986: 36–37). Из лоскутков овчины мехом внутрь шили мешки, имитировавшие руки и ноги (длиной 36–50, шириной 13–15 см), а также – туловище (50 х 20 см). Их сшивали жилами либо тонкими ремешками и набивали тугими комочками сухой травы. Отдельно изготовляли голову и пришивали к туловищу. Исследованная голова куклы из Исторического музея сделана из комков травы и обтянута куском кожи, сшитым из мелких кусочков аккуратными стежками, швом через край. Обозначены глазные впадины, рот, скулы. На лицевой стороне кожаной болванки пришиты кожаные брови и нос. Все лицо закрыто куском гладкого тонкого красного шелка (20 х 19 см), верхний и нижний края которого присборены. По шелку на уровне бровей проведены черные полосы как на гипсовых красных масках из этого могильника, что позволяет видеть в шелковом лицевом покрытии куклы подобие маски. На лбу тонкий шелк был сшит с куском толстого полихромного, закрывавшего макушку. Первоначально на голову куклы была надета меховая шапка, от которой осталась кромка на лбу (рис. 3: 6). У других кукол могильника к кожаной голове был пришит миниатюрный шелковый или кожаный мешочек с тоненькой косичкой (Вадецкая 1986: 36, рис. 1, 4; 1992: табл. 100).

Таштыкские погребальные куклы иногда покрывали гипсовыми масками. Голова куклы, набитая травой, истлевала, и на ее месте, как правило, оставались мелкие кусочки гипса, преимущественно окрашенного в красный цвет. Лишь однажды под маской сохранился «обшитый кожей ком травы» – голова куклы. Согласно описанию А. В. Адрианова, маска изображала не скуластое, хотя и широкое лицо, с прямым чуть вздернутым носом и небольшим ртом с тонкими губами. На правой щеке, на лбу и виске наблюдались следы красной краски. На внутренней стороне маски не отпечатались черты человеческого лица, так как она «представляла блюдце, в котором сделаны прямоугольные прорези для носа, который приделан с противоположной стороны» (Адрианов 1948: № 69). Таким образом, данная маска представляла собой грубую имитацию масок мумий, что характерно для всех первых масок, вылепленных на головах кукол. Одна из них извлечена В. П. Левашевой из могилы около улуса Откнин в 1938 г. (Вадецкая 1999: 238, № 14). Маска толщиной от 6 до 10 мм (в области губ и носа) сплошь окрашена красной краской. Черты лица вылеплены грубо и асимметричны. На внутренней ее стороне – отпечатки кожаного лица и шва от пришитого к лицу куклы носа (Абаканский музей, кол. 257; рис. 3: 7).

Единичные фрагменты масок ранних таштыкских кукол собраны автором в 1967–1969 гг. в могильниках Новая Черная IV–V и Мысок (ГЭ, кол. 2573, 2675, 2633). Их принадлежность к куклам определяется по отпечаткам на обратной стороне палочек, имитировавших носы.

Маски из инокультурных могильников. Гипсовая, полностью окрашенная красной краской маска таштыкского типа покрывала череп знатного покойника в одной из могил у бывшего улуса Мохово, на левом берегу Енисея. В могиле были найдены железный нож и костяная булавка, как в тесинских курганах, но около могилы стоял таштыкский сосуд (Левашева 1958; Вадецкая 1986: 127, № 27). Маска не сохранилась.

В 1964–1967 гг. Я. А. Шер на могильниках Каменка III, V, расположенных в урочище Каменка, на правом берегу Енисея, раскопал более ста временных тесинских могил в каменных ящиках и 9 срубов, схожих с таштыкскими по конструкции и расположению погребенных. Вещи в них были как тесинского, так и таштыкского облика (Вадецкая 1986: 125, № 14, 15). В шести могилах, на лицевых костях четырех скелетов были обнаружены остатки таштыкских (гипсовых) масок, а на пяти скелетах – тесинских (глиняных, покрытых гипсом). На черепах с масками наблюдались следы трепанации: у шести черепов было по отверстию в каждом виске, у двух – по одному в левом виске, у одного – в правом. Две тесинские маски вместе с черепами извлечены и переданы в Эрмитаж.

Один череп, трепанированный с левой стороны, покрыт слоем серой глины толщиной до 1 см. Нижняя челюсть сместилась, разорвав глиняную обмазку, и это заполненное землей место закреплено реставратором. Глины нет ни вокруг шеи, ни между челюстями. Голова поверх глины облицована гипсом в 2 слоя. На нижнем слое толщиной 3-5 мм намечены ноздри. Верхний слой достигал в районе губ толщины до 5 мм, а по краям маски – лишь до 1,5 мм. Гипсом моделированы нос и уши. Верхний его слой расписан красно-коричневой краской: поперек лица нарисован зигзаг с трилистниками вверху и точками внизу; на подбородке изображен трилистник; на переносице – треугольник (ГЭ, кол. 2621, № 9). Маска по внешнему виду и росписи схожа с масками из кургана Новые Мочаги (рис. 1: 6).

Второй череп обмазан слоем глины толщиной до 1,5 см. Глина сохранилась до уровня надбровных дуг. Ею покрыта шея и заполнен рот. Поверх глины жесткой щеткой нанесен жидкий гипс толщиной 4–6 мм, на который после сушки нанесена роспись, такая же, как на первой маске (ГЭ, кол. 2621, № 10). Маски изготовлены из природной глины, содержавшей гипс. Минералогический состав ее не одинаков, а гипса – практически тождествен (Кулькова 1975: 50–52).

Могильник в урочище Каменка по копиям украшений хунского типа датируется I в. до н. э. – I в. н. э., по стеклянным импортным бусам – I–II вв., по вещественным аналогам из таштыкских могильников – I–III вв. (Вадецкая 1999: 164–168). Начало его формирования корректно датировать не ранее I в. н. э.

Маски из таштыкских склепов. Коллективные захоронения потомков ранних таштыкцев и тесинцев V – начала VII вв. условно называют «склепами».

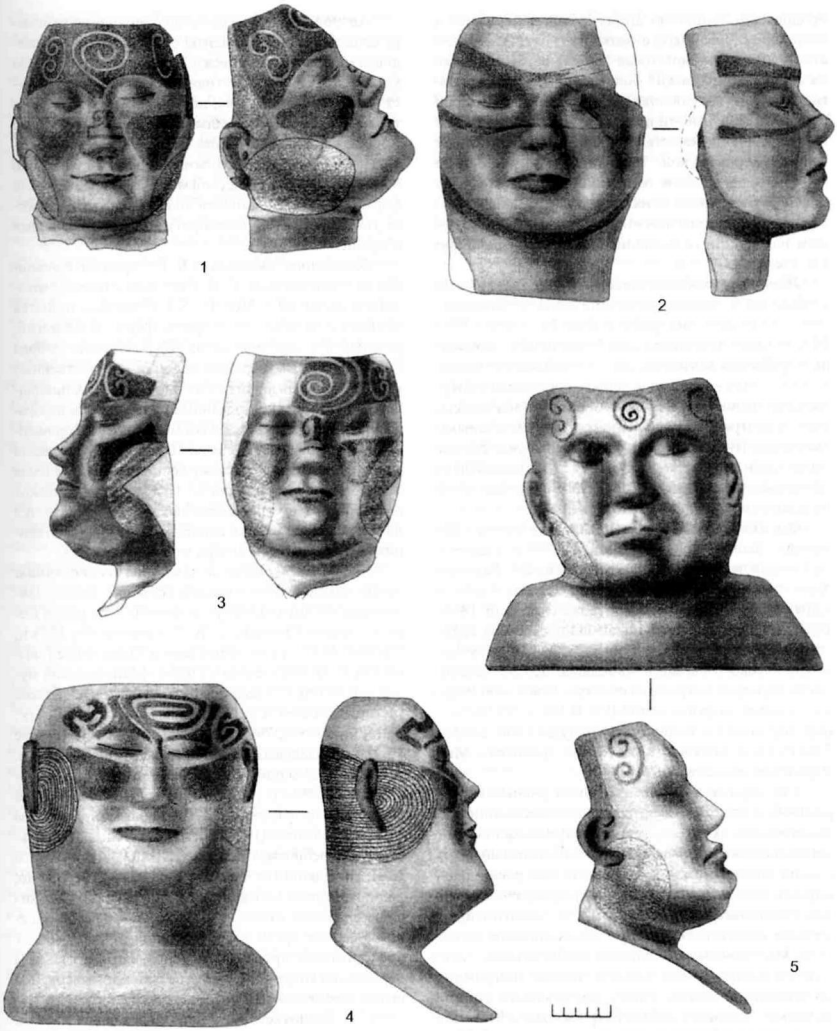


Рис. 7. Орнаментация таштыкских масок: 1–5 – из могильника Уйбат I, склеп 11 (1936 г.).

Fig. 7. Painting masks from Tashtyk burial vaults: 1–5 – Uybat I, vault 11 (1936 г.).

Крупные камеры площадью 36–60 кв. м очень схожи с тесинскими. Малые, площадью 9–16 кв. м, схожи с наиболее крупными таштыкскими могилами. Преобладают камеры, отражающие в своей конструкции смешанные таштыкские и тесинские традиции, так как к этому времени произошло окончательное слияние этнических групп енисейского населения. В камерах погребены десятки (иногда до сотни и более) покойников, преимущественно кремированных. В похоронной практике чаще, чем раньше, используются гипсовые погребальные маски, находимые, как правило, среди остатков кремации, поскольку их

продолжали лепить на лицах кукол, содержавших пепел кремированных, и редко на скелетах. Новшеством являются бюстовые маски, изготовленные *на специальных мягких болванках*, которым придавали вертикальное положение и в которые помещали пепел. Значит, вместилищами пепла вместо целых погребальных кукол стали болванки, имитирующие только головы кукол. Таштыкские погребальные камеры так же, как и тесинские сжигали, поэтому маски из этих склепов находят в весьма плачевном состоянии, в связи с чем информация об интересующем нас предмете накапливалась очень медленно и постепенно.

История изучения масок из склепов. Первые сообщения о масках поступили от П. С. Палласа, экспедиция которого работала на Енисее в 1771–1772 гг. *Один из жителей села Ужур, профессиональный* грабитель могил, рассказал ученому, что встречал в могилах «человечьи головы, сделанные в натуральную величину из «фарфорообразной» массы, пустые внутри, раскрашенные красными и зелеными листьями» (Вадецкая 1981: 91). *Лишь спустя сто лет* эти находки подтвердились, через 150 лет на них была обнаружена роспись, а через 200 лет стало ясно из какого материала они изготовлены.

Около 30 первых масок (преимущественно в обломках) нашел А. В. Адрианов в 1883 г. в склепе на Тагарском острове, под г. Минусинском. Рисунки двух из них опубликовал Д. А. Клеменц в атласе «*Древности Минусинского музея*» (Клеменц 1886: т. XX, 1–2). В 1887 г. пять масок по просьбе и на средства П. С. Уваровой были привезены на выставку Археологического съезда в Ярославле. Позже четыре маски передали в Археологическую Комиссию, а одну – в музей антропологии МГУ. В 1891–1892 гг. все они поступили в Исторический музей (кол. 24956, 24961). Остальная часть коллекции хранится в Минусинском музее (кол. 9768).

Уже первые находки озадачили ученых своим разнообразием. Три маски плотно облегали лицевые кости черепа, тогда как другие, полые лежали среди пепла от сожжений, в числе которых был «целый бюст, *пустой внутри и от нижней части шеи расширяющийся* в горизонтальную подставку» (Адрианов 1886: 42). Участвовавший в раскопках Д. А. Клеменц поделился в 1888 г. с директором Минусинского музея Н. М. Мартьяновым следующим соображением: «Адрианов нашел много нового, маски, например, но честь будет не ему, а тому, кто объяснит, что это за маски» (Клеменц 1888а: 134). Сам Д. А. Клеменц в них тоже не разобрался даже после того, как в 1888 г., вслед за А. В. Адриановым, раскопал второй таштыкский склеп на Тагарском острове, снял одну маску с черепа и собрал обломки четырех полых масок (ГИМ, кол. 44848). Дело в том, что до этого не были известны не только маски, но и могилы, куда переносили прах кремированных покойников, поэтому догадаться о связи гипсовых изображений человеческого лица с остатками кремации было трудно, что, однако, не помешало назвать загадочные изображения «масками», поскольку схожие находились на скелетах.

Антрополог К. И. Горощенко опубликовал четыре целые маски и фрагменты от трех, а также обследовал маски, хранившиеся в Минусинском музее. Он установил, что их оборотная сторона не соответствует чертам лица человека, поэтому их не могли изготавливать, просто накладывая на лицо слой гипса. *Хорошая отделка масок навела его на мысль, что* «маски изготовляли современным способом, то есть лицо обмазывалось пластической массой, из неё получали форму, в которую наливали полужидкий гипс, а места углублений (нос, глаза, рот) замазывали гипсом» (Горощенко 1900: 8).

Ошибочное заключение К. И. Горощенко повлияло на представления С. В. Киселева, с именем которого в *конце 20 – 30-х гг. XX в.* связана попытка первого комплексного анализа форм, технологии, росписи и семантики масок. С. В. Киселев собрал более 200 масок, включая обломки из собственных раскопок, что позволило ему определить их принадлежность *к тем кремированным, которых они изображали*. С. В. Киселев разделял мнение К. И. Горощенко *о том*, что маски отливались в формах, но сделал много наблюдений, противоречащих этому. В течение 50-ти лет представления С. В. Киселева о масках в литературе не комментировались, и он является до сих пор практически единственным предшественником и оппонентом автора в изучении масок.

Новые материалы и аспекты исследования. Маски находят почти в каждом большом склепе. Наибольшее их число собрано в склепах: у деревни Сарагаш (около 15 масок, С. А. Теплоуховым в 1923 г.; ГЭ, кол. 4134), у сел Усть-Сыда и Кривинское (свыше ста, С. В. *Киселевым в 1928 г.*; *Минусинский музей*, кол. 9790, ГЭ кол. 1341), на Уйбатском чаатасе (*несколько сотен*, С. В. Киселевым в 1936, 1938 гг.; ГИМ, кол. 78558, 79956), на Сырском чаатасе (свыше 70, Л. Р. Кызласовым в 1950 г.; Абаканский музей, кол. 278, 279), под горой Тепсей (более ста, М. П. Грязновым в 1967–1969 гг.; ГЭ, кол. 2616). В последние годы десятки масок найдены Д. Г. Савиновым (в 1988 г.) на Арбанском *чаатасе* (*ИИМК РАН*), в 1990 г. Е. Д. Паульсом на Ташебинском чаатасе (ИИМК РАН), в 1991 г. А. И. Поселяниным в склепе могильника Белый Яр, под г. Абаканом (Абаканский университет). Несмотря на огромное количество материала, единого мнения о масках *среди исследователей нет, так как их* представления продолжают основываться, главным образом, на визуальном осмотре обломков масок, ибо целых и реставрированных масок немного.

С. А. Теплоухов, нашедший подставки к маскам, высказал мнение, что все маски закреплялись в постаменты и были бюстовыми масками (Теплоухов 1929: 51). С. В. Киселев разделил их на 4 типа: голова без ушей, *голова с ушами*, *голова с ушами и шеей*, маска-бюст (Киселев 1935: 5). Однако масок без ушей *практически* нет. Кроме того, уши часто утрачиваются. Что касается шеи, то она является одним из элементов бюста. Таким образом, можно условно признать лишь 2 типа – голова и бюст. М. П. Грязнов по отпечаткам кожи на внутренней стороне масок установил, что они лепились на кожаных формах

(болванках) и предположил что маски всегда находились на лицах кожаных кукол. Он ошибочно отнес те скульптуры, которые С. А. Теплоухов и С. В. Киселев называли бюстами, к куклам, у которых гипсовидной массой моделировали не только голову и шею, но иногда и верхнюю часть груди (Грязнов 1979: 94, 142).

Главным признаком бюстов является наличие подставок разных форм (круглых, многоугольных, овальных, прямоугольных, квадратных) и размеров (*рис. 4: 1–2, 4, 6*). *В некоторых случаях подставкой* служила сама расширяющаяся книзу шея (рис. 4: 5). Подставка крепилась к голове с помощью шеи по-разному: длинные шеи вставлялись в отверстия подставок, а короткие надевались поверх отверстий (рис. 4: 1). Таким образом, высота *шеи или ее ширина* являются косвенным признаком бюста (рис. 5: 3, 5). Иногда шея сформована вместе с подбородком, она плавно переходит в подставку (рис. 4: 3). Подставки изготовлялись не только из гипса или глины, но также из дерева и керамической массы. В частности, подставками оказались некоторые изделия, ранее воспринимавшиеся в качестве «шляповидных» *сосудов (рис. 4: 1). Поскольку у многих бюстов* подставок не сохранилось, дополнительным признаком для определения бюста может быть массивность головы – размеры голов бюстов превышают размеры голов соломенных кукол (рис. 5: 1, 4). Кроме того, *встречаются подчетырехугольные лепные головы* с плоским основанием (рис. 5: 2). Наибольшее число подобных масок найдено в склепе Сырского чаатаса.

В отличие от бюстов, гипсовые головы кукол определяются с большим трудом. М. П. Грязнов предположил *наличие кукол в малом склепе 3 под горой* Тепсей, что подтвердилось при реставрации масок. Удалось восстановить раздавленную правую часть маски – рыхлой, белой, окрашенной синей краской на подбородке и красной на щеке и ухе. Примечательно, что на внутренней стороне маски имеются отпечатки нескольких видов тканей: на подбородке – грубой ткани, из которой было сшито лицо куклы, *против щеки – тонкой ткани, закрывавшей* лицо куклы и собранной у шеи в глубокие мягкие складки (ГЭ, кол. 2616; рис. 6: 1). Аналогичные отпечатки очень тонкой ткани имеются и на некоторых других масках из того же склепа. В связи с этим следует напомнить, что в более раннее время (в могильнике Оглахты) лица некоторых трупов и кукол были закрыты под масками шелковой тканью. Значит, такая деталь погребального обряда, как покрытие кусочками ткани глаз, рта и всего лицо покойника была перенесена на куклы.

Еще одна маска куклы найдена автором в 1989 г. в склепе у хутора Терский. Маска в 3/4 объема голо*вы человека, без шеи сохранилась от подбородка до* глаз. Внутри она была заполнена землей, в которой встречались остатки травы. На внутренней стороне маски наблюдаются отпечатки хорошо выделанной кожи, с аккуратными швами и частично выбившимся мехом. *В области носа – отпечаток* вставленной в кожаное лицо ровной палочки. В области рта – отпечаток кожаной накладки и поверх нее – узкого кусочка тонкой ткани (рис. 6: 3). В целом, по отпечаткам на маске восстанавливается кожаная голова куклы с носом и ртом, закрытым кусочком, видимо, шелка как у оглахтинских мумий. Предположительно (по косвенным признакам – отсутствию шеи, хрупкости и характеру отпечатков на внутренней поверхности), к маскам кукол можно отнести еще две из большого склепа I у с. Усть-Тесь (рис. 6: 4). Однако опыт изучения масок показывает, что их идентификация с куклами должна обосновываться в каждом конкретном случае, поскольку маски кукол и бюстов изготовляли на одинаковых болванках.

Изучению технологии *масок мешает их плохая* сохранность, разнообразие и то обстоятельство, что *в похоронной практике* маски, видимо, использовались дважды: одними масками закрывали лицо покойника до его кремации, а вторые изготовлялись для имитации покойного – кожано-травяной куклы или бюста.

В склепах захоронения трупов с масками выглядят исключением из правил обряда, поэтому можно предполагать, что этих покойников из-за непредвиденных обстоятельств не могли кремировать и похоронили вместе с пеплом кремированных, помещенным в куклы и бюсты. Маски на трупах из склепов практически не отличаются от масок на скелетах в грунтовых могильниках. Так, маска, снятая А. В. Адриановым с черепа ребенка из склепа на Тагарском острове, была похожа на маску подростка из могильника Оглахты. Она сплошь окрашена красной краской. Черты лица – условные. На *обратной стороне маски* в области глаз, губ и ушей отмечены следы затекше*го при лепке гипса, а против* рта – отпечатки зубов (Минусинский музей, кол. 9744; табл. 6, рис. 2).

Нет сомнения в том, что маски лепили на кожаных и реже матерчатых формах, хотя в литературе высказывались и иные мнения. В частности, С. В. Киселев считал, что их отливали в форме, снятой с лица, или с вылепленного от руки изображения (Киселев 1935). Это мнение основано на двух предположениях – «портретности масок» и материале, из которого они сделаны. С. В. Киселев выделял среди масок реалистические «портретные» и с условными чертами лица. Реалистические маски *являлись доказатель*ством слепков с лица. Однако, как представляется, *термин «портретность» не* совсем корректен, так как речь идет о небольшом количестве масок с явно подчеркнутыми некоторыми деталями лица (рис. 6: 4), но, главное, это противоречит отпечаткам фактуры кожи, швов, складок на обратной стороне всех масок (облицовывавших куклу или бюст). По отпечаткам даже реконструируются формы для изготовления масок, сшивавшиеся из небольших кусочков кожи мехом внутрь, которые, очевидно, набивали травой. Швы накладывали через край. Известны гладкие болванки без деталей лица, с моделированным носом в виде палочки или собранной *в складки кожи (рис. 5:* 1, 3) и редко встречающейся имитацией рта или ушей. Судя по отпечаткам на внутренней стороне масок, формы имели дыры, сквозь которые выбивался мех, что предполагает использование изношенной кожи.

Этот мех каким-то острым предметом заталкивали вглубь болванки, дырки зашивали, а иногда покрывали заплатками.

В течение длительного времени о составе теста масок и приемах их изготовления существовало только два мнения. С. В. Киселев на основе визуальных наблюдений предполагал, что для масок использовали гипсовидную смесь, которую он назвал «терракотой неизвестного состава». Маски, по его заключению, отливали в формах по частям – отдельно грудь, шею, подбородок, нос и уши. Части масок вынимались из форм и склеивались. Этому противоречат, как указывалось, установленные кожаные формы масок. М. П. Грязнов считал, что маски не отливали из гипса, а лепили из жидкой глины: сначала более толстый слой массы накладывали на надбровья, щеки и подбородок, затем налепляли нос, уши, губы, а сверху лицо моделировали белой глиной (Грязнов 1979: 94).

Недавно мною опубликованы результаты первой серии химических анализов масок из 6-ти склепов. Все маски оказались гипсовыми с природными примесями, за исключением одной подставки, изготовленной из глины (Вадецкая 1999: 102). Тогда же я высказала собственное мнение о том, что маски лепили, но не из глины, а из гипса. Поскольку на сколах масок часто видны несколько разных по толщине слоев, представлялось, что гипсовая смесь наносилась на определенные участки формы лепешками, которые растирали, наносили новые, перекрывая края без какой-либо системы (Вадецкая 1999: 94). В настоящее время получены данные о химическом составе еще 30 масок из 13 склепов. Они свидетельствуют о том, что материалом масок является гипс с переменным содержанием естественных примесей карбоната кальция, глинистых соединений и кварцевого песка. Количество примесей колеблется от 5 до 20%. Гипс слабо обжигали до 130° С, тонко измельчали и в смеси с водой применяли для лепки масок. В процессе сожжения склепов большинство масок покрылось копотью. В зависимости от степени воздействия огня наружные слои гипса приобрели разные цвета и оттенки: серые, темно-серые, серо-коричневые, черно-коричневые, но внутренние слои часто остаются белыми. Некоторые маски полностью или частично разрушились или утратили прочность под воздействием высокой температуры. Обычно указывается, что маски «обожжены», однако горели в склепе не маски, а органические вещества (трава, кожа, кость), из которых состояли их болванки, а также прикрепленные к ним волосы, шляпы и другие окружающие предметы.

Бытует мнение, что изделия из гипса могли только отливать, а из глины – лепить, но полученные при изучении технологии масок данные анализов (микроскопического, качественного микрохимического и полуколичественного химического) позволяют сделать вывод, что маски не отливали из гипса в заранее приготовленные формы, а лепили, нанося гипс в несколько приемов на предварительно изготовленную основу, разравнивая его и постепенно создавая необходимые объемы. Несмотря на внешние отличия, маски изготавливались по одной технологии. Сначала на поверхность формы наносился слой в 1–2 мм, на отдельных участках до 3 мм. После его высыхания второй слой, формирующий маску, толщиной от 3 до 8 мм, иногда больше. Третий слой (3–8 мм) встречается не на всех масках. После нанесения основных слоев поверхность выравнивалась и покрывалась не менее двух раз отделочным слоем толщиной до 1 мм, на который наносился грунт, затем роспись или красочный слой. В качестве красок использовались земляные пигменты: белая, голубая, серо-зелёная, красная глины, а также минеральный пигмент – киноварь[9]. Для серой, серо-голубой и черной краски – древесный уголь. Основные слои скреплялись между собой арматурным растительным материалом, благодаря которому создавался каркас, укрепляющий вылепляемую конструкцию. Это были побеги (ветки) растений, которые раскладывали почти вплотную (на расстоянии 4–5 мм) между основными слоями маски. Они сохранились в необожженных фрагментах масок. На торцах прокопченных фрагментов видны отверстия, а сами растения выгорели. В качестве арматурного материала служили: луб можжевельника, древесина ивы, древесина и сердцевина березы, древесина акации (породы древесины определены М. И. Колосовой). В некоторых склепах маски состоят из одного неровного основного слоя и отделочного (Арбан, Дальняя Чея, ТЭЦ, Белый Яр, Койбалы). Основной слой достигает толщины до 6–15 мм, а отделочный – 1–1,5 мм. В них растительные каркасы отсутствуют, но при замешивании теста в отделочный материал добавляли измельченную древесину ивы, тополя, караганы (вид акации) и реже также измельченные семена и шерсть.

В некоторых склепах были обнаружены кожаные мешочки с кальцинированными косточками человека – пеплом. По расположению мешочков, гипсовых масок-бюстов и инвентаря в камере было высказано подтвержденное пока дважды предположение, что именно в головах кукол и бюстах помещался пепел от кремированных покойников (Вадецкая 1990: 116–118). В склепе Белый Яр (под г. Абаканом) А. И. Поселянин в 1991 г. нашел около 50 относительно хорошо сохранившихся масок-бюстов. Внутренняя полость трех масок была заполнена кальцинированными косточками. В одном из бюстов сохранились даже остатки травы от кожано-травяной болванки, служившей формой для бюста. В другой раз остатки кожаного мешочка с кальцинированными косточками обнаружены внутри маски из склепа Ташебинского чаатаса при ее реставрации в ИИМК РАН.

Маски-головы кукол и маски-бюсты имеют размер в 3/4 и больше объема головы человека, открытый верх и затылок. Через это отверстие в кожаную болванку вставляли мешочек с пеплом кремирован-

[9] На основе серии химических анализов технология изготовления масок реконструирована сотрудником Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа Л. С. Гавриленко.

ного трупа, зашивали и прикрывали прической или головным убором. Большинство изображений передают условные черты лица, часто асимметричные. Закрытые веки изображены, как правило, стандартно с помощью прорезей. Разнообразно моделированы носы и особенно уши. Сравнительно небольшое число масок реалистичны и даже производят впечатление «портретов», благодаря одной особо примечательной черте лица, которая гротескно подчеркивалась скульптором. Такой чертой могли быть крупный нос, иногда с горбинкой, изгиб век, губ, складки нижнего века и т. п. Однако *большинство масок* схематичны и, тем не менее, индивидуальны. Особого исследования требует орнаментация масок. Пока установлено, что первоначально *они все раскрашивались*, но красочный слой часто выгорал, в результате чего киноварь исчезала с поверхности, а цвет природных глин разных оттенков (земляные краски), которыми раскрашивались маски, видоизменялся или превращался в красный оксид железа. Возможно, поэтому преобладают маски со следами красного вещества. Однако какая-то система в росписи и в использовании определенных красок была. Так, синей (голубой, черной) краской окрашивали прорези глаз, а также края маски: за ушами, нижние части скул и щек, края шеи. Иногда голубой (синей) краской ок*рашены верхние края маски*, создавая впечатление «бордюра». Красной краской окрашены: лоб, виски, щеки, уши, нос и губы. У многих масок на лбу, висках *и у носа имеются криволинейные* узоры: круги, волюты, спирали. Они либо нарисованы красной краской по светлому фону, либо процарапаны по красному фону (рис. 4: 2, 4; рис. 5: 5; рис. 6: 1; рис. 7: 1–5). Семантика узора не изучена.

Заключение. Как указывалось, задачами данной статьи были систематизация основных типов погребальных масок и их анализ с учетом технологии, установленной методами естественных наук. Наибольшее внимание уделено ранним маскам (тесинским), как менее изученным и которые автор исследовал впервые. Главные результаты исследования связаны с выводами медицинской экспертизы об изготовлении мумий и их масок по эксгумированным трупам, что объясняет, почему мертвым клали бутафорные изделия; доказывает существование временных захоронений и стимулирует выявление последних среди уже раскопанных, нестандартных могил неясного происхождения, называемых в литературе «тесинскими грунтовыми или инокультурными» (Вадецкая 1999: 161–164). Важным представляется наблюдение о том, что технология масок (по характеру глины и связующего материала) различается в степных и лесостепных районах, на основании чего появляются первые свидетельства того, что готовые мумии свозили из разных мест для захоронения в одном кургане. Эти *наблюдения желательно подтвердить* дополнительной серией химических анализов глиняных масок.

Благодаря методам точных наук окончательно завершена дискуссия о материалах и способах изготовления ташгыкских масок из склепов. Их лепили *слоями из природного гипса и раскрашивали* красками, полученными из разноцветных глин и угля, а также киноварью. Веским аргументом в пользу лепки масок являются остатки древесной арматуры, проложенной между слоями. Использованные для неё побеги растений свидетельствуют о том, что маски лепили только в летний период, что объясняет наличие следов ремонта масок до их погребения. Район распространения выявленной технологии масок еще предстоит уточнить. Вопросы семантики масок и их орнаментации остались за пределами данной работы, поскольку требуют дополнительного исследования.

По уточненной информации под погребальными масками Енисея подразумеваются скульптуры передней половины головы человека (иногда с шеей и грудью), вылепленные поверх глиняной, травяной, матерчатой или кожаной прокладки на черепе, лице, мягкой волбанке. Все маски несъемные, не имеют отверстий для глаз и рта и изображают мертвого человека с закрытыми глазами. Они не относятся к маскам-накладкам и пока не имеют аналогов. Однако утвердившееся в научной литературе название «маски» позволило предположить, что скульптуру накладывали на лицо трупа, делая с него или его изображения отливку (Киселев 1949: 222). Когда стало известно, что тесинские черепа под глиной как-то обрабатывали, а кожаные головы погребальных кукол обмазывали гипсовидной массой, появились *названия «глиняная и гипсовая голова»* (*Пшеницына* 1975: 44; Грязнов 1979: 142–143). Несмотря на его условность, все исследователи, однако, придерживаются старого термина «маска» в публикациях при описании материалов.

Адрианов, А. В. 1884. Доисторические могилы в окрестностях Минусинска // Известия Русского Географического Общества 19/3: 246–251.

1886. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. // Записки Западно-Сибирского Отделения Русского Географического Общества 8/2. Омск.

1902–1924. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск.

1903. Оглахтинский могильник // 29-е иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь» 249–254.

1903а. Письма А. В. Адрианова в Археологическую Комиссию и предварительный отчет о раскопках Оглахтинского могильника 1903 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. I, дело 33.

1904. О древних погребениях с гипсовыми масками и трепанированными черепами в Минусинском уезде // Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к выпуску 10-му (хроники и библиография) вып. 6. Санкт-Петербург.

1948. Оглахтинский могильник. Опись находок // Рукописный Архив Музея антропологии, этнографии Сибири Томского государственного университета. Дело 55, кол. 24.

Вадецкая, Э. Б. 1981. Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука.

1983. Первые итоги работ на КАТЭКе // Древние культуры евразийских степей: 47–56. Ленинград: Наука.

1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Ленинград: Наука.

1986а. Мумии и погребальные куклы таштыкской культуры // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 186: 33–41.

1990. К реконструкции древних мировоззрений по таштыкским маскам // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: 116–118. Томск.

1992. Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: 236–246. Москва: Наука.

1995. *Исследования коллективных могил позднетагарского времени в верховьях реки Чулым (раскопки кургана 2 у деревни Береш)* // Археологические Вести 4: 96–122. Санкт-Петербург: Петро-РИФ.

1997. Хронологические этапы таштыкской культуры // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: 20–28. Омск: Издательство Омского государственного университета.

1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

Горощенко, К. И. 1899. Гипсовые погребальные маски и особый тип трепанации в курганах Минусинского округа // Труды X Археологического съезда в Риге в 1886 г.: 172–188.

1900. Курганные черепа Минусинского округа. Минусинск.

Грязнов, М. П. 1979. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников под *горой Тепсей на Енисее*: 89–146. Новосибирск: Наука.

Казаков, Е. З. 1985. О средневековых погребальных масках *Евразии и их истоках* // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: 57–60. Томск: Издательство Томского государственного университета.

Киселев, С. В. 1935 Маски из древнейших чаатас // Известия государственного музея имени Н. М. Мартьянова *I* (12): 1–16. Минусинск.

1949. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР 9. Москва: Наука.

Клеменц, Д. А. 1886. Древности Минусинского музея. Атлас. Томск.

1888. Отчет о раскопках Уйбатского кургана // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 1, дело 23.

1888а. Письмо Д. А. Клеменца к Н. М. Мартьянову // Рукописный архив Минусинского музея имени Н. М. Мартьянова. Опись 1. дело 44.

Коваленко, Т. И. 1972. Реставрация гипсовых погребальных масок // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 35: 78–79. Ленинград.

Кулакова. Т. Ф. 1975. Химическое исследование глиняных «голов» из склепов и могил тесинского этапа // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 142: 50–52.

Кузьмин, Н. Ю., О. Б. Варламов. 1988. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже новой эры: опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск.

Кузьмин Н. Ю. 1989. Отчет о раскопках Верхнеаскизского отряда Среднеенисейской экспедиции в Аскизском районе в 1989 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп.1, 1989 г., д. 97.

Кызласов, Л. Р. 1960. Таштыкская эпоха в древней истории Хакасско-Минусинской котловины. Москва. 1969. Кто жил в Хакассии две тысячи лет назад // Наука и жизнь 12: 93–97.

Левашова. В. П. 1958. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры // Советская археология 1: 171–181.

Липский, А. Н. 1956. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии // Краеведческий сборник 1: 11–91. Абакан: Хакасское книжное издательство.

Лубо-Лесниченко, Е. И. 1995. Погребальные маски и лицевые покрывала // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: 351–359. Москва: Издательство восточной литературы.

Новикова, Л. Л. 1991. Маска в культуре // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: 3–41. Санкт-Петербург.

Мартынов, А. И. 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука.

Мартынов, А. И., Г. С. Мартынова, А. М. Кулемзин. 1971. Шестаковские курганы. Кемерово.

*Медникова, М. Б.*1997. К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии // Российская археология 4: 130–139.

Миняев, С. С. 1997. Сюннуский культурный комплекс: время и пространство // Культурные процессы в Центральной Азии в постскифскую эпоху: проблемы хронологии. Материалы к заседанию отдела 23 мая 1997: 1–11. Санкт-Петербург.

Павлов, П. Г. 1987. Преемственность тагарских и тесинских памятников на юге Хакассии // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: 109–112. Омск.

Пшеницына, М. Н. 1975. Глиняная «голова» – предшественник таштыкской гипсовой маски // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 142: 44–48.

1977. Отчет о работах тепсейского отряда в 1977 г. // Рукописный архив ИИМК. Ф. 35,оп. 1, 1977 г., д. 122.

1992. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: 224–235. Москва: Наука.

Теплоухов, С. А. 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии 2: 41–61. Ленинград.

Tullgren, A. M. 1922. Trouvailles tombales Sibiriennes en 1889: Le Kourgane de Tes-Smya 29/2: 1–23.

SIBERIAN BURIAL MASKS
(tentative results and prospects of studies)

E. B. VADETSKAYA

More than 100 years ago, clay and plaster funerary masks were first found in ancient burials excavated in the Yenisey and Chulym basins, Southern Siberia. Today these masks belong to the least studied aspects of ancient art and religion. They are sculptured representations of the human face and differ in terms of chronology, technology, and semantics. While some covered the dead person's head or that of a dummy, others were sculptured on skulls of humans and animals; most often they were attached to specially sewn leather dummies stuffed with grass. Many were inserted in pedestals and look like busts. The traditional term «mask», then, is conventional. Masks were used during two periods: Tagar-Tashtyk (AD 0-400) and Tashtyk (400 – early 600s). The Tagar-Tashtyk oneswere found either in Tes (Late Tagar) mounds or in ground burials representing Tashtyk and other cultures. Tashtyk burials fall in two types, known as small vaults and large vaults (Вадецкая 1997: 20-28). The present

article is the first attempt at classifying masks from various cultural associations based on archival data and drawings of specimens owned by a number of museums and laboratories.

Masks from Late Tagar (Tes) mounds.

The average size of burial chambers is 30–50 sq m in the steppe areas of the Yenisey Basin and 16–30 sq m in the forest-steppe areas. The chambers normally contain the remains of 50–100 persons who died at a different time but were buried simultaneously and then burnt together with the chambers. The bodies were mummified to prevent them from decomposition prior to the burial. The first known evidence of mummification was provided by artificial postmortem openings in skulls, suggesting that the heads of the deceased had been trephined in order to extract the brain. More recently, pieces of clay, sometimes covered with plaster, were found on some crania with or without trephination (Tes: I. R. Aspelin 1888–89; Uybat: D. A. Klements 1889–90; Kyzyl-Kul: A. V. Adrianov 1895, 1897). The Tes burial also contained a human mandible covered with clay and fragments of at least five plaster masks (now at Helsinki Museum); in the Uybat burial there were fragments of clay models of human necks with beads stuck in them, and fragments of one or two plaster masks (State Historical Museum, Moscow, henceforth GIM). The Kyzyl-Kul mound contained many skeletons and skulls with masks. However, only few of them were preserved by the excavators, specifically two skulls covered with clay and plaster, the face of another specimen with clay on it, and about ten skulls in which only the nasal cavities and orbits or the orbits alone were stuffed with clay (Горощенко 1900: 38; now at the Martyanov Museum, Minusinsk, hereafter MM). Seven fragments of a clay mask from this mound were transferred to GIM.

In the 1960's – 1980's, over 20 Tes mounds were excavated. In many of them, remains of masks were found, and some provided evidence concerning mummification techniques. In Barsuchikha I, left bank of the Yenisey (Pshenitsyna, 1970–71), remains of clay were found on 11 out of 39 crania. Five skeletons were discovered in anatomical order, the skulls had been stuffed with organic substance, and some light hair was preserved on the occiput of one of the individuals. Four masks were made of clay, covered with a thin layer of plaster with traces of red and black pigment on it (Пшеницына 1975: 45–46). Also, there were two mandibles covered with clay, and the lower part of a clay mask, ca. 4,5 cm thick. It has sculptured lips, a chin, part of the neck and the left cheek; the mouth is shown by a slit cut through the clay down to the teeth (State Hermitage, hereafter GE, coll. 2622 № 36; fig. 1: 1).

Most of the skeletons with clay masks found at Tepsey XVI, right bank of the Yenisey, Pshenitsyna 1976–77), lay in anatomical order. The crania had been stuffed with organic substance. Most masks had necks and «breasts» (Пшеницына 1992: tab. 92: 2). One mask, extracted together with the skull, has been drawn. One half of the frontal part of the skull and the lower part of the occiput are covered with clay, as are the neck and part of the breast. Orbits are stuffed with clay on which there are slits denoting eyes (fig. 1: 2).

More than 80 individuals whose remains were found in a mound excavated at Novye Mochagi, left bank of the Yenisey (N. Yu. Kuzmin, 1982–83), had masks. The crania had been trephined and stuffed with grass. Grass was also found in the abdominal region; arms and legs, too, had been wrapped in grass. Most skulls had been covered with clay and a thin layer of plaster. Orbits had been stuffed with clay and sometimes a blueish glass bead imitating the eye had been inserted. More than ten skulls with masks were extracted from the chamber, and the plaster layer with paint was taken from more than 50 masks. The collection has not yet been studied, but the preliminary analysis suggests that types of masks were diverse. Some skulls are only covered with clay, except for the parietal region which is trephined. The mouth is half open, revealing the teeth, and the anterior part of the neck is covered with clay (fig. 1: 3). Most skulls have sculptured details, the clay layer is 1–1,5 cm thick, and the plaster layer 2–4 mm thick. The painting is red (fig. 1: 4). The plaster was applied not all at once, as evidenced by several specimens which had been first modelled with clay, then painted, and finally covered with plaster against which new painting had been applied (fig.1: 5). Plaster parts of clay masks have not yet been drawn. Their thickness is up to 4 mm, and the designs are variable. On the inside, imprints of clay orbits and teeth are seen. Similar masks were found in a mound at Sabinka, left bank of the Yenisey (P. G. Pavlov, 1984). Some of them have recently been brought to IIMK and will be studied.

The most detailed evidence concerning mummification techniques was provided by finds from the mound at Beresh on a small tributary of the Uryup which flows into the Chulym (Вадецкая 1981). Sixty remains of mummies with clay masks were discovered there. Skulls and chests of the deceased had been stuffed with grass, and the extremities had been wrapped in grass. The necks had been covered with clay and wrapped with leather stripes. Finally the entire body including legs, arms, and trunk had been sewn round with leather. It has become clear why clay was stuffed under the lower jaw. The clue was provided by twigs which had been placed on both sides of the spine. Their upper ends, situated 5–6 cm above the upper cervical vertebrae, had been stuck into the clay. The head of the mummy had been crudely modelled in clay and then sewn round with leather in which slits for the eyes had been cut. The leather face had been covered with a thin layer of plaster and painted red. A leather nose had been attached separately. A coiffure had been made on the mummy's head (Вадецкая 1996: 106–108) (fig. 2: 3).

In the Tas-Khyl maound, left bank of the Yenisey (N.Yu. Kuzmin, 1989), clay masks covered with a thin layer of plaster, as well as those made of plaster were found. The latter are 7–8 mm thick, their outer surface had been smoothed with a sharp tool. The masks are white, and on some of them remains of paint have been preserved. Deep slits denote the eyes. On the inside, opposite the eyes, there are plaster lumps, and opposite the mouth, drops of plaster and imprints of leather or cloth. Apparently the eyes were covered with plaster and the mouth with cloth (fig. 2: 1–2).

Preserving the corpse until the burial was not the only purpose of the masks. Sometimes they imitated the head of the deceased, which had not been preserved. An example is provided by a mask found in one of the mounds at Shestakovo, right bank of the Kiya, the tributary of the Chulym (A. I. Martynov, 1968). The clay head was evidedently modelled on the skull of some animal since its size, as estimated by radiography, is much smaller than that of a human cranium. The head has a narrow neck on whose inside there are well preserved imprints of twigs and cords with which the head was attached to the trunk of the dummy. There are remains of painted design on the face, and on the crown there are small openings to which the coiffure was attached, and imprints of plaits (Мартынов et al. 1971: 165–172; fig. 2: 4).

Masks from Tashtyk ground burials.

These cemeteries consist of small deep graves on whose bottom low wooden frames densely covered with logs and birchbark were placed. Most graves contain remains (bodies, bones, and ashes) of 2–4 persons, buried at the same time. Ashes were placed in pouches which were inserted into the trunks or heads of the dummies. The latter were sewn of leather, natural-size, and stuffed with grass.

The masks were rare in the 1st and early 2nd centuries AD but are present on nearly all adult skeletons dating to late 2nd and 3rd centuries. They were made of a thin layer of plaster covering three quarters of the skull and cannot be removed. The mask was modelled on the face which was covered with silk (in some instances only the eyes and the mouth were covered). The masks are mostly crushed, and it was possible to restore only few of them. Three specimens were excavated from a cemetery in Oglakhty Mountains, north of Abakan, left bank of the Yenisey (A. V. Adrianov, 1903, L. R. Kyzlasov, 1969). One is owned by GIM (fig. 3: 1), and two, together with the skulls, by GE (fig. 3: 2-3). Masks differ in terms of colour: those of a male and a juvenile are painted red with black stripes, and that of a female is white with a red design. A white mask from Abakan (A. N. Lipsky) is owned by the Abakan Museum (fig. 3: 4). It was possible to restore a mask partly detached from a female skull found in a grave at Tersky on the bank of Saragashensky creek (E. B. Vadetskaya 1989). Judging by the imprints on the inside, the mask was modelled on a half-decomposed face. The mouth and eyes were covered with patches of cloth on which a piece of leather covering the entire face was placed (fig. 3: 5). Although the plaster of which the masks are made contains no artificial tempering, natural admixtures are abundant (Кулькова 1975: 50–52).

Straw dummies sewn round with leather have been preserved only at Oglakhty. Their faces were covered either with silk (fig. 3: 6) or with plaster masks. A leather head of a dummy with leather eyebrows and nose sewn on it is owned by GIM. Its face is covered with thin red silk on which black stripes are drawn. Eyes are embroided with polychromous silk threads. The back of the head is sewn round with thick polychromous silk (Вадецкая 1986a: 36–37). What usually remains of the masks are tiny fragments, mostly red. Only one intact mask was removed directly from the head of the dummy. According to Adrianov, it was cruder than those on the corpses. Another mask, now at the Abakan Museum, was also detached from the dummy (burial near the Abakan oil depot, V. P. Levasheva, 1938). It is red, with crude asymmetrical features, eyes and mouth being shown by slits. On the inside there are imprints of leather and a seam from the nose sewn onto the face (fig. 3: 7).

Masks from ground burials of other cultures.

These burial grounds have no universally accepted name. With the exception of certain late ones, they are very different from those of the Tashtyk Culture and have nothing in common with Tes mounds. Masks are quite rare and apparently mark those persons who had assimilated the Tashtyk Culture, as evidenced by Tashtyk vessels which are always present in burials with masks. A Tashtyk-type mask, made of plaster and painted red, was found on one of the individuals buried near Mokhov Ulus, left bank of the Yenisey (V. P. Levasheva, 1938). Ten persons in masks were buried at Kamenka, righ bank of the Yenisey (Ya. A. Sher, 1965–67). In four cases only tiny fragments of plaster masks were preserved, other skulls were covered with clay and a thin layer of plaster. Two skulls with masks, resembling one of the types of masks excavated from a mound at Novye Mochagi were extracted. One mask has been restored. It is covered with two layers of plaster above clay. A red zigzag with trefoils and dots is painted across the face. The root of the nose and the chin are also painted (GE coll. 2621 № 9; fig. 1: 6). The paste had not been artificially tempered (Кулькова 1975: 50–52).

Masks from Tashtyk vaults.

While large chambers, 36–60 sq m in surface area, are very similar to those in the late Tagar (Tes) mounds, small ones, 9–16 sq m in size, resemble the largest Tashtyk graves. Most burials have mixed Tagar-Tashtyk features and contain remains of dozens (sometimes more than 100) individuals, mostly represented by ashes placed in dummies or busts. After the funeral the chamber with all its contents was set on fire. The number of masks in vaults is considerably larger than in Tes mounds or Tashtyk graves. All are crushed and very few attempts at restoring them have been made.

The first masks were found by A. V. Adrianov in a vault on Tagarsky Ostrov, an island near Minusinsk. They were diverse in terms of appearance and location: while some were on skulls, other lay or stood near the ashes. Later, the largest number of masks was collected in vaults at Saragash, the left bank of the Yenisey (S.A.Teploukhov, 1923), Ust-Tes and Krivinskoye, the right bank (S.V. Kiselev, 1928), Uybat Chaatas (S.V. Kiselev, 1936, 1938), Syr Chaatas (the Malye Syry, L.R. Kyzlasov, 1950), Tepsey Mountain, the right bank of the Yenisey (M. P. Gryaznov, 1967–69), Arban Chaatas, the Teya (D. G. Savinov, 1988), Tasheba Chaatas near the Abakan heating plant (Pauls, 1990), and Bely Yar, right bank of the Abakan (Poselyanin, 1991).

The first attempts at reconstructing masks from vaults suggest that the most common ones were bust whose major feature are pedestals in which plaster heads were inserted (or to which these heads were attached). Pedestals are round, oval, rectangular or polygonal (fig. 4: 1–4, 6), and

are made of plaster, clay, wood or ceramics (fig. 4: 1). The second feature of the busts are necks which are either wide or long or widen toward the bottom (fig. 4: 5; fig. 5: 3, 5). The heads of the busts are larger than those of humans or dummies, and some of them are subrectangular and have a flat base (fig. 5: 1, 2, 4).

The dummies were normally buried in small chambers which were completely burnt out. Part of a mask from a dummy in vault 3 at Tepsey has been restored. It is white, loose, painted blue in the region of chin and neck, and red on ear and cheek. The neck is narrow, and has imprints of soft leather folds on the inside. Opposite to the chin there are imprints of coarse cloth which was either sewn round the face or placed on it (fig. 6: 1; GE coll. 2616 № 249). Similar imprints of silk and leather are present on several other fragments of masks detached from dummies found at Tepsey vault 3 and Tagarsky Ostrov. Imprints on the inside of a mask from vault 4 at Tersky (E. B. Vadetskaya, 1989) make it possible to reconstruct the face of the dummy. It had a straight stick instead of nose and a stripe of leather denoting the mouth and covered with a piece of silk. The mask is thin and has no neck (fig. 6: 3). Based on the same features, several more masks may be attributed to dummies, including those from a vault at Ust-Tes (fig. 6: 5).

The custom of modelling a mask on the face of the corpse before cremation was still practiced at that time. Skeletons with masks are rare and occur mostly on the right bank of the Yenisey. The custom was still alive, however, as evidenced by masks with certain individual features such an aquiline nose, sharply curved lips, etc. (fig. 6: 4). To represent such faces in leather, masks modelled on real faces were required. The present author is aware of only one mask removed from the face of a juvenile (Tagarsky Ostrov, A. V. Adrianov, 1883). It is painted red, and there are lumps of clay on the inside opposite the eyes and lips, and imprints of several teeth (fig. 6: 2, MM coll. 9744).

Masks were modelled either on the heads of the dummies or on very similar blocks sewn of small pieces of skins, inside out, and stuffed with grass. Some dummies are quite worn and have darns and patches. The insides of the masks often bear imprints not only of leather and seams but of false noses and lips (fig. 5: 1, 3, 5). Masks were made of plaster or, less often, clay with natural admixtures. They always cover three quarters of the head, whereas the crown and the back of the head were left open and covered with coiffure and headdress. During the excavations of a burial vault at Bely Yar in 1991 (A. I. Poselyanin), it was finally proven that ashes were placed in busts. In one instance the grass in which the pouch with the ashes had been wrapped was preserved. Initially all the masks were painted all over, apparently either white or red. Over the red paint, black stripes were drawn. White specimens are either decorated with red designs all over or their facial parts (forehead, temples, nose, cheeks, and lips) are covered with red designs while the edges (rims, lower parts of cheeks, regions behind the ears, and neck) are painted dark blue (fig. 4: 2, 4, 5; fig. 5: 5; fig. 6: 1).

As new masks are restored and studied, more and more information concerning these unique artistic and ritual objects is being gained.

ПАЛЕОФОНОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Р. А. СИНГАТУЛИН[1]

Первые опыты записи колебаний звучащего твердого тела на вращающемся глиняном барабане, сооруженном на базе гончарного станка, провел еще в 1807 году англичанин Томас Юнг. Причем, передаваемые колебания твердого тела – камертона записывались не через воздух, а посредством механической связи колеблющегося тела с записывающим элементом. В 1877 году работа гончара натолкнула американца Томаса А. Эдисона на идею создания прибора для записи и вопроизведения звука, так появился фонограф.

Происходящее в последнее десятилетие интенсивное развитие вычислительных средств и промышленных прецизионных технологий делает возможным решение ряда задач большой сложности, которые ещё недавно лежали за пределами доступности (расшифровка гена ДНК, расчет структур атомов, молекулярная динамика и ряд других проблем). В археологии это связывают с появлением новой научной дисциплины – палеофонографии (Галкин 2000: 11), которая изучает вибро-акустическую информацию, извлеченную из массового керамического материала. Говорить о палеофонографии как о новом сформировавшемся научном направлении пока рано, так как большинство проведенных исследовательских работ *еще не вышли из стадии лабораторных* экспериментов. Тем не менее, уже сейчас даже по немногочисленным работам (Балановский, Сингатулин, Царева 2002: 35–36) видно, какие возможности открывает палеофонография при изучении массового керамического материала.

Задачи, ставившиеся ранее при обработке массового керамического материала, хотя и имели решение (Генинг В. Г. 1992: 5–186), но были столь сложны, что их часто приходилось решать эмпирическим путем. Применение эмпиризма в этих исследованиях обычно связано с трудоемким накоплением большого количества данных и сложностью их систематизации, а также отсутствием надлежащих приборно-измерительных систем (Проблемы… 1988: 3–203). В этом отношении палеофонография, *в основе* которой лежат самые новейшие технологии, значительно превосходит по своим информационным возможностям ранее применявшие методы.

Но и с появлением палеофонографии имеется ряд *важнейших научных проблем, которые* сейчас невозможно решить из-за ограниченных методических возможностей археологического знания, которыми мы располагаем (Генинг В. Ф. 1982: 5–47). Эти методические возможности ограничены как комплексностью самого физического явления, которое приводит к трудноразрешимой по своей сложности математической задаче, так и ограниченностью той измерительной методики, которую мы применяем. Измерительная методика может быть недостаточно чувствительна и недостаточно точна, или изучаемое явление может не поддаваться измерениям вообще. Поэтому успех решения в палеофонографии определяется *расширением методических возможностей: изобретением* новых методов наблюдения, использованием измерительной аппаратуры, работающей на новых *принципах, методами теоретических и математических* обобщений научного материала, большой экспериментальной работой.

К сожалению, сама палеофонография и ее методы мало известны большинству исследователей. Вся известная информация о «древней звукоакустике» в основном заимствована из популярных источников (Джоунс 1985: 33–35). А исследовательские центры, занимающиеся палеофонографией (за исключением групп из США (Woodbridge 1969: 1465–1466) и Японии, работавших над данной проблемой в конце 60 – *начале 70-х годов, Швеции* (Kleiner, Astrom 1993: 66–72) – в конце 80-х – начале 90-х годов XX века), в настоящее время в основном представлены исследователями из Киева, Саратова и Санкт-Петербурга. Ожидание, вернее – отсутствие необходимой информации, породило несколько упрощённое «понимание» возможностей палеофонографии. Часть оппонентов крайне негативно оценивает возможность получения какой-либо акустической информации от керамической посуды. Другая часть, наоборот, необоснованно превозносит новые технологии, сравнивания их по информационной значимости с современными фонотеками. Наиболее реалистичной и последовательной оказалось третья категория оппонентов, которая ратует за проведение широких исследований в этой области, независимо от их результатов. Главное, в чем соглашаются все сторонники и противники новых вибро-акустических технологий, то, что *один опыт* или даже серия экспериментов, произведенных с самой совершенной аппаратурой, выполненных с *предельной точностью, всегда неубедительны* и для его (или их) проверки надо, чтобы нашелся еще один экспериментатор или группа исследователей, готовых затратить время и средства на решение данной проблемы. И если решение задачи известными методами лежит на пределе точности эксперимента, то убедительным оно может быть лишь тогда, когда будут найдены новые методы решения. В то же время, при возникновении новых научных направлений неизбежно стремление исследователей связать их с предшествующими разработками для более быстрого восприятия и внедрения. Однако могут быть и исключения,

[1] Россия. 410600. Саратов. ул. Мичурина, 86. Главное управление культуры. Научно-производственный центр. Лаборатория керамики.

как в случае с палеофонографией, когда новое направление в своей информационной части значительно превосходит существующие методы. По словам В. И. Вернадского: «Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неизбежно переоценивает старое» (Вернадский 1926: 9–10).

В практике археологии стало популярным описывать свойства различных объектов и тел математической зависимостью и одновременно давать некий *стилизованный символ этого свойства – модель.* Модель служит своеобразным аналогом изучаемого объекта, позволяет выделять и анализировать его наиболее существенные характеристики и внутренние связи. В этом контексте выявление вибро-акустической информации из древней гончарной керамики в общем виде идентично исследованию «черного ящика», применяемому в современной кибернетике для изучения функциональных свойств систем регулирования. Этим термином, введенным выдающимся специалистом в области вычислительной техники В. Р. Эшби (Эшби 1959), *условно обозначают* любой объект, функциональные свойства которого неизвестны или известны недостаточно. Для изучения функциональных свойств такого «черного ящика», который имеет ряд входов (x_1, x_2, x_3) и ряд выходов (y_1, y_2, y_3), на вход его подается воздействие, характер которого известен. Под влиянием входного воздействия *на выходе исследуемого объекта возникают* ответные сигналы. Сопоставление входных сигналов с выходными позволяет оценить функциональное состояние изучаемой системы. Если характер входных и выходных сигналов идентичен, то можно говорить об идеальной адаптации системы. Однако на практике и, особенно, при исследовании сложных *биомеханических систем* (а в данном случае это комплекс системы человек – гончарный круг), сигналы, *передаваемые через «черный ящик», искажаются.* По степени искажения сигнала в процессе прохождения его через «черный ящик» можно судить о функциональном состоянии изучаемой системы или комплекса систем. Кроме того, на характер передачи сигналов по системам «черного ящика» большое влияние оказывают побочные воздействия, которые в технической кибернетике называются шумом. Этому соответствует входное значение – *z*. Чем *значительнее шум, тем больше энтропия,* тем менее эффективно будет исследование функционального состояния изучаемого объекта. По *словам Норберта* Винера: «В то время как энтропия является мерой дезорганизованности, информация, переносимая некоторым потоком посланий, определяет меру организованности. Фактически мы можем определить информацию, содержащуюся в послании, как отрицательную энтропию или отрицательный логарифм вероятности. При этом, чем больше вероятность послания, тем меньше информации оно содержит» (Винер 1968: 38). Парадокс, заключенный в этих словах, объясняется довольно просто – при одинаковом количестве печатных знаков в хорошем стихотворении содержится больше информации, чем в обычной газетной полосе.

Для правильного понимания возможностей палеофонографии из основных свойств информации и энтропии важно отметить адитивность, то есть независимость сложения или наложения сигналов и шумов от различных источников (Винер 1968: 34–56). Кроме *того, реальное количество информации* содержащееся, в данном случае в гончарной керамике, зависит от получателя, от его способности к восприятию и интерпретации полученных вибро-акустических данных: «глазом предмет воспринимается иначе, чем ухом, и предмет глаза – иной, чем предмет уха» (Маркс, Энгельс 1974: 121). В этом ли состоит понимание, восприятие той информации, которая может быть извлечена из массового керамического материала?

При сравнении различных мнений о возможностях новых *вибро-акустических технологий исследования* массового керамического материала, изготовленного на гончарном круге, на первый план обычно ставится возможность получения фонограммы *осмысленной* речи гончара. Существует высокая вероятность записи случайных, сопутствующих речи, акустических сигналов, которые также могли возникнуть при изготовлении гончарного изделия на гончарном круге. И хотя образцы таких фонограмм имеются (Балановский, Сингатулин, Царева 2002: 36), расшифровка их содержания пока не ясна, так как *процесс* осмысленной речи выражается образами, в которых как бы «сливаются» объективные свойства предметов и субъективные характеристики мышления отдельных индивидуумов (Колесов 1980: 7–22). Понимание «сообщения» возможно или при «догадке» о его структуре, *или при мощном кибернетическом* анализе. Кроме того, лингвистические особенности речи человека, *не зависящие от помех и шума,* позволяют исследовать обусловленную плохой *записью или* сложными акустическими условиями фонограмму низкого качества. В реальности мы имеем дело с древним аналогом механического звукозаписывающего устройства в виде гончарного круга, которое фиксирует достаточно высокий уровень шумов *и неявный коартикуляционный сигнал.* В этом случае выявить полезный сигнал, являющийся речью, позволяют только *наработанные математические модели.*

Помимо речевой компоненты в фонограмме, полученной от гончарных изделий, могут быть обнаружены *сигналы* дыхания и пульсации от сердечной деятельности гончара. Например, на основании медицинских данных (Графические методы… 1962: 3–64) разница между длиной поперечного диаметра сердца во время систолы и диастолы составляет 1,5–2 см, и заметно воздействует на положение напряженных рук при изготовлении гончарного изделия. В данном случае посуда выступает в качестве матрицы, на которой запечатлена графическая информация о частоте пульса гончара – сфигмограмма, кроме того, фиксируется и дыхание гончара в виде тахограммы. Данные, полученные в результате анализа свыше двух

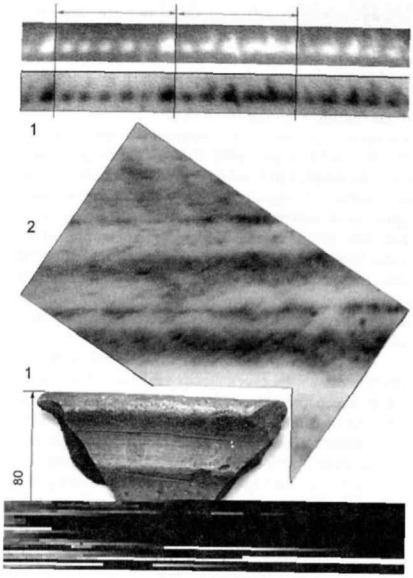


Рис. 1. Вибро-акустические исследования средневековой керамики. 1 – фрагмент венчика золотоордынской керамики со следами горизонтальных треков – «звуковых дорожек»; 2 – увеличенное негативное изображение «звуковых дорожек»; 3 – преобразованные «звуковые дорожки» с фонограммой периодического сигнала.

Fig. 1. Vibroacoustic studies of medieval pottery. 1 – rim fragment of a pot from the Golden Horde with traces of horizontal «sound-tracks»; 2 – magnified negative image of the «sound-tracks»; 3 – *transformed «sound-tracks»* with phonogram of a periodic signal.

тыс. фрагментов золотоордынской посуды (Балановский, Сингатулин, Царева 2002: 36) показывают, что запись сердцебиения и дыхания фиксируется в 70–85 % случаев. Это позволяет использовать керамические изделия, изготовленные на гончарном круге, в качестве палеоантропологического материала, так как социально-биогенные процессы накладывают свой отпечаток на особенности телосложения, развития жировых отложений, скелета, мускулатуры, психики и т. п. Причем, признаки физического развития взаимно связаны между собой – при изменении одного признака изменяются и другие. Хотя связь между этими признаками неодинакова, но она может быть определена методом корреляции. Взаимосвязь различных показателей, в таком случае, можно описать с помощью уравнений регрессии. Применение таких уравнений позволяет оценить значение какого-либо признака по величине другого. На основании расшифровки сфигмограмм и тахограмм можно провести анализ состояния дыхательной и сердечно-сосудистой системы (Кацова 1991: 3–25), определить параметрические характеристики роста, веса, отдельных частей тела, пол и возраст гончара и др. Например, исследования фрагмента (рис. 1) средневековой золотоордынской керамики (Балановский, Сингатулин, Царева 2002: 36), взятого из района Увекского городища, позволили выявить аритмичные, но чётко выраженные сердечные акции. При количественном анализе получены данные для типично здорового человека: сегменты HI=10mm, IJ=30mm, JK=48mm, KL=42mm, отношения HI/IJ=0,33, JK/IJ=1,6, KL/IJ=1,4, JK/KL=1,14, и т.д., по параметрам которых осуществлялся селективный поиск среди других фрагментов керамики для идентификации работы гончара.

По той же методике проводились исследования сарматского кувшина III в.[2], которые дают более существенный результат, чем изученные фрагменты. Так, вибро-акустические исследования

ский, Сингатулин, Царева 2002: 36) позволили обнаружить значительные различия в навыках труда гончаров, изготовлявших данный кувшин. На стенках выявлены три разные группы сфигмограмм и тахограмм, принадлежащих женщине около 30 лет, ребенку 9–11 *лет и мужчине неопределенного возраста.* Различие по данному признаку свидетельствует о том, что при изготовлении сосуда применялись достаточно сложные технологии и совместный труд нескольких обработчиков. Появление групповых (возможно в рамках семьи) способов изготовления данного изделия можно рассматривать как признак специфической групповой технологии производства керамики, позволяющий констатировать сложный состав культурных традиций, существовавших в среде гончаров-сарматов.

Важным компонентом, поддающимся обнаружению и идентификации на гончарных изделиях при палеофонографических исследованиях, является так называемый резонансный отклик, по которому возможно определение не только динамических характеристик, но и конструктивных особенностей элементов гончарного станка. Так, например, обработка извлеченных звуковых фрагментов, при наличии на поверхности тел вращения специфических периодических горизонтальных треков, дает импульсно повторяющийся, затухающий звук, связанный с ударом ноги, резонансом биомеханической системы (человек-станок) и движением маховика по инерции (выбег). В данном случае, можно достаточно верно интерпретировать наблюдаемые явления, благодаря хорошо изученному и описанному материалу в области гиротехники (Кожешник 1961; Пельпор 1988).

Еще одним результатом палеофонографических исследований может стать расшифровка информации о процессах, происходивших в тех помещениях, где формировалось изделие и располагался гончарный круг. С помощью современных программных средств, на основании вибро-акустической информации с однотипных носителей (фрагментов гончарных изделий), изготовленных в конкретном месте, можно смоделировать трехмерное звуковое пространство и произвести реальное моделирование в форме графического материала, плана обстановки гончарной мастерской (определить объем, материал стен, пола и пр.).

Перспективы применения вибро-акустических исследований вполне очевидны. Растущие возможности вычислительных электронных систем в сочетании с новыми промышленными технологиями и учетом синтеза знаний гуманитарных и естественных наук, позволяют по-новому взглянуть на проблему информационных возможностей керамики – самого массового материала, с которым приходится работать археологу. В тоже время, необходимость палеофонографических исследований как нового научного направления выдвигает в качестве первостепенной задачи разработку вопросов теории, методологии и методики исследований.

Балановский, А. В., Р. А. Сингатулин, Ю. А. Царёва. 2002. О применении новых информационных технологий при анализе вибро-акустической информации с керамической посуды // Современные проблемы археологии: 35–36. Киев.

Вернадский, В.И. 1926. Мысли о современном значении истории знаний. Ленинград.

Винер, Н. 1968. Кибернетика. Москва.

Галкин, Л. Л. 2000. Рождение палеофонографии // Техника молодежи 12: 11.

Генинг, В. Г. 1992. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев.

Генинг, В. Ф. 1982. Структура системы археологического знания (к вопросу о методологическом анализе уровней знания в археологии) // Методологические и методические вопросы археологии: 5–34. Киев

Графические методы... 1962. Графические методы исследования сердечно-сосудистой системы // Вопросы кардиологии 2: 3–64. Москва.

Дэвид Джоунс. 1985. Изобретение Дедала. Москва.

Кацова, Г. Б. 1991. Морфотипическая, соматометрическая и функциональная характеристика детей и подростков 6–15 лет в популяции. Автореф. дисс. … канд. мед. наук. Оренбург.

Кожешник, Я. 1961. Динамика машин. Москва.

Колесов, В. В. 1980. Историческая фонетика русского языка. Москва: Высшая школа.

Маркс, К., Ф. Энгельс. 1974. Полное собрание сочинений. 2-е изд. т. 42. Москва.

Пельпор, Д. С. Гироскопические системы. Элементы гироскопических приборов. Москва. 1988.

Проблемы... 1988. Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.

Сингатулин, Р. А. 2002. Палеофонографические исследования гончарной керамики с Увекского городища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений: 185–191. Казань.

Эшби, В. Р. 1959. Введение в кибернетику. Москва.

Kleiner, M. P. Astrom. 1993. The Brittle Sound of Ceramics – Can Vases Speak? // Archaeology and Natural Science 1: 1104–3121. Göteborg: Scandinavian Archaeometry Center, Jonsered.

Woodbridge, R.G. 1969. Proceedings of the IEEE 57 (8): 1465.

PALAEOPHONOGRAPHY: PROBLEMS OF NEW TECHNOLOGIES.

R. A. SINGATULIN

Palaeophonography as a new scientific discipline concerned with studying the vibro-acoustic information yielded by the mass ceramic material, has arisen due to the impressing successes of the new precision technologies. Unfortunately, the majority of researchers know practically nothing about both palaeophonography itself and its methods. Some of the opponents evaluate extremely sceptically the acoustic information yielded by ceramic ware. Others, on the contrary, are unreasonably enthusiastic as regards the new technologies, comparing pottery in terms of the informational importance with modern record-libraries. The third category of the opponents proved to be more realistic and consecutive, supporting the necessity of the realisation of wide researches in this area, irrespective of their possible results.

Of greatest interest are the attempts of discovering the vocal component in the extracted phonograms. No large-scale searching for sound fragments have been carried out till now, though some isolated results have been obtained. Along with the vocal component, in the phonograms extracted from ceramic products, some signals bearing information about breathing and cardiac functioning of the ancient potters may presumably be detected. An analysis of the data received from more than 2000 fragments of pottery from the Golden Horde showed that it was possible to identify records of palpitation and breathing in 70–85% of the examples. This allows us to use ceramic products made on a potter's wheel as palaeoanthropological evidence. By means of decoding signals from cardiac activity and breathing it is possible to conduct an analysis of the condition of the respiratory and cardio-vascular systems, to identify the parametrical characteristics of the potter's stature and the weight of his separate members, as well as his sex and age. For instance, an investigation of a pottery fragment from the medieval settlement-site of Uvek of the Golden Horde, allowed to identify certain arrhythmic but distinctly expressed cardiac pulsations. The quantitative measurements showed that these corresponded to pulsations which are typical to a healthy individual. The parameters detected were employed for a selective search of other fragments of pottery manufactured by the same potter. Similar studies were conducted on a Sarmatian jug of the 3rd cen. On its wall, three groups of signals from cardiac and respiratory functioning, namely those belonging to a woman about 30 years old, a child of 9-11 years old and a male, have been detected. This information indicates that in the course of manufacturing such pottery, fairly complicated technologies and joint activities of several craftsmen were used.

The investigations of the medieval pottery from Uvek allowed to identify some periodic, low-frequency signals, which were interpreted as produced by the mechanical drive of the potter's wheel. In addition, there is a hypothetical possibility to decode the information about some processes which were taking place simultaneously with the running of the potter's wheel within the limits of the same workshops. Also it may be attempted to simulate the three-dimensional acoustic space with the realistic graphical reconstruction of the internal environment inside the potter's workshop *i.e.* to identify the volume of the room and the material of its walls and floor.

The constantly increasing computational capabilities of modern computers in combination with new industrial technologies and the application of methods of natural sciences to various problems of the humanities, enable us to consider in a new light the informational capacity of ceramics – the most abundant evidence in archaeological studies.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА: МИКРОСТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Х. А. Амирханов. Зарайская стоянка. 243 с., 92 илл., 7 табл. 2000. РАН. Москва: Научный мир.

Эта несколько запоздалая рецензия посвящена редкому в последнее время событию в археологии палеолита – выходу монографии, посвященной одному памятнику. Автор оценивает Зарайскую стоянку так: «...информационные возможности которого (Зарайска) не только сравнимы с Костенками I/1 и Авдеево, но и способны послужить основой для постановки новых проблем» (с. 30). Он, наверно хотел написать *после но: но и превосходят их, но затем остановился* и задумался.

Нельзя писать о Зарайской стоянке, даже если это рецензия на работу Х. А. Амирханова, не говоря о раскопках этой стоянки А. В. Трусовым (с перерывами *с 1980 по 1995 гг.*). *Они были опубликованы* в целом ряде статей и достаточно полно, так что в значительной части монография Х. А. Амирханова представляет собой его полемику со своим предшественником. Х. А. Амирханов опубликовал свою монографию, раскопав на памятнике около 50 м в четвертом раскопе А. В. Трусова, часть которого была, увы, разрушена действиями археологов еще до появления в раскопе Х. А. Амирханова. Естественно, можно задуматься, не преждевременна ли его публ*икация*? Мы *думаем, нет.* Откладывание публикации, как правило, приводит к тому, что ожидаемая монография так и не появляется (см. опыт исследования Костенок I/1 второго объекта и второго же объекта Авдеева). Напротив, результаты раскопок Авдеева (первый объект) были изданы сразу же после раскопок (Рогачев 1953).

Из множества вопросов, решение которых было предложено А. В. Трусовым и Х. А. Амирхановым, всякий наверно выберет в качестве важнейших – свои, и будет по-своему прав. Важнейшим является вопрос, сколь долго жил человек в Зарайске, уходил ли со стоянки надолго и можно ли в этом убедиться. Как *полагают теперь исследователи костенковской* культуры и восточного граветьена, костенковская культура существовала непродолжительное время – около 22000–21000 лет от наших дней. При этом основанием является то, что спектр радиокарбоновых опред*елений возраста того и другого памятника совпадает* с большой точностью. Если мы и не знаем, когда существовали Костенки I/1 и Авдеево, то мы знаем, что они примерно были одновременны. Принимается во внимание полное совпадение набора орудий, и даже искусства двух памятников. По одним методам, наши стоянки – Авдеево и Костенки I/1 – существовали менее года, по другим – несколько десятков лет, а дальше всех идет Х. А. Амирханов. Он *пишет*, что Зарайская стоянка была посещаема неоднократно *на* протяжении тысяч лет, от 21 до 15 000 лет. Другими словами, все памятники, ставшие известными нам до Зарайска – существовали краткое время, а Зарай*ская стоянка существовала более 5000 лет.* И А. В. Трусов полагал, что «этот комплекс формировался в течение длительного времени» (Трусов 1994). Такой способ обращения с радиокарбоновыми датами заслуживает особого внимания. В отличие от своих коллег, Х. А. *Амирханов верит в даты как в показатель* возраста объектов культурного слоя. Он относит самое раннее появление человека на Зарайской стоянке к 21000 лет или ранее. Датировка для нижнего слоя и его третьего этапа приводит Амирханова в восхищение – все (три) даты около *19000 лет*. Мы не смеем восхищаться этой кучностью. Нам известно, что если для памятника есть десять или тем более двадцать дат, то они всегда дают большой разброс. Нет кучности и для верхнего культурного слоя – даты располагаются нормальным образом от *18000* лет до *15600* лет. Столь же широко располагаются и даты для нижнего культурного слоя – от 23 000 до 17600 лет. Эта картина наводит на мысль, что перед нами нормальная картина разброса дат. И Амирханов соглашается, что нормальный разброс *дат располагается в пределах 5000* лет. И это минимальный показатель разброса. Разброс дат наблюдался для самых разных памятников, в том числе и с тонким культурным слоем. Пример тому дает масса определений для Костенок I/1 (Синицын, Праслов 1997) – от 14 до 24 000 лет назад. Столь же широк диапазон дат для Авдеева. Датировать два первых этапа (не ощутимых, по нашему мнению) от *19200 лет до 20400 лет нельзя*, поскольку точность метода этого не позволяет. Также как нельзя датировать слои с точностью до тысячи лет.

Разные горизонты (по Х. А. Амирханову – два культурных слоя и четыре этапа) с культурными остатками *существовали в разное время, когда климат* существенно менялся. Кстати, ни в Костенках I/1, ни *где*-либо в другом месте холодного максимума валдайского оледенения, о котором пишет Амирханов, пока не обнаружено. Соответственно, он утверждает, что на стоянке есть два культурных слоя, которые по материалу, насколько можно судить по его же наблюдениям, не различаются. Если иметь в виду археологическую сторону дела, то не существенно, есть там два слоя

или один – благо из одного (или двух слоев) происходит одинаковый материал, который и Х. А. Амирханов рассматривает как единое целое. И эволюции материала мы всё равно не получаем. Предположим, что Х. А. Амирханов прав и в Зарайске есть два слоя. Если допустить справедливость всех дат Зарайска, от 22 до 15000 лет (как это делает Амирханов), то следует думать и в самом деле, что граветийские памятники существовали довольно долго. Да, если принимать радиокарбоновые даты за истину, то можно считать многие памятники многослойными, и радиокарбоновый метод станет выглядеть лучше. Но вот как доказать, что слой с 20/30 см мощности – многослойный памятник? Есть соблазн разделить его на прослои, и объявить прослои отдельными (самостоятельными) слоями. В мощном слое, то есть в слое около 30 см, всегда существуют прослои, подразделения слоя, представленные линзами окрашенного охрой материала или насыщенные углем. Такие прослои наблюдались и в Костенках I/1, и в Авдееве. Нами было установлено (в Авдееве), что эти линзы коротки, несопоставимы с соседними линзами и не могут служить для расчленения культурного слоя на самостоятельные культурные слои. Как будто, и в Костенках I/1 нет нескольких самостоятельных слоёв. Это не значит, что время существования человека на памятнике с мощным культурным слоем было кратким, что оно не делимо. Напротив, для Авдеева было принято, что хотя стратиграфических подразделений слоя в пределах всего исследуемого объекта не просматривается, однако время его существования можно подразделить на время выкапывания ям и на после-ямное время (Гвоздовер, Григорьев 1994). Если в Костенках и Авдееве не удалось выделить два слоя, то ведь в Зарайске – это еще более сложная задача, ввиду того, что раскопана малая площадь. Стоит сравнить это заключение со словами Х. А. Амирханова: «*не имея возможности* выделить реальные горизонты обитания на… протяженных площадях, мы можем, тем не менее, говорить о нескольких этапах жизни на поселении» (с. 44). Однако Х. А. Амирханов о четвертом этапе говорит как о верхнем слое – горизонте погребенной почвы *серого цвета*. А *вот второй этап* – определен как время функционирования двух больших очагов. Одно из понятий – стратиграфическое, тогда как второе – временное, условное.

Х. А. Амирханов утверждает, что материалы культурного слоя в Зарайске могут быть поделены между двумя культурными слоями. Это вполне возможно, и читателя, незнакомого на месте со стратиграфией Зарайска, монография Х. А. Амирханова убедит в наличии двух культурных слоев. Есть два литологических слоя – *красноватый слой и серый слой с культурными* остатками. Это было отмечено и А. В. Трусовым в его статьях. И А. В. Трусов и Х. А. Амирханов говорят о культурных остатках в обоих слоях. Но А. В. Трусов говорит о слое красноватого цвета как основном, а о сером слое – как слое, в котором находки приурочены только к его основанию и попали в процессе их выноса из красноватого слоя: материал выносился и в серый слой, и в слой суглинка выше серого. Присутствие человека, с точки зрения А. В. Трусова, относится ко времени накопления красноватого слоя суглинка/супеси. Иная точка зрения у Х. А. Амирханова. Кстати, принято считать *серова*тый слой, перекрывающий красноватую супесь с культурными остатками, ископаемой почвой. Конечно, это дело геологов и почвоведов, но сильно меняющаяся нижняя граница слоя – он везде ложится на слой красноватой супеси и выполняет углубления в нем – как нам кажется, противоречит определению этой породы как ископаемой почвы. Соответственно, он не похож и на культурный слой – трудно себе представить, как человек ходил по поверхности, изобилующей западинами и ямами и не нарушил эту поверхность, а после этого накапливающийся материал выполнял сохранившийся рельеф. Это не умозрительное соображение. Мы на протяжении 30 лет наблюдали подобный кроющий слой (в Авдееве это *песок, слой 4*), выполняющий углубления на поверхности культурного слоя *во втором* объекте Авдеева.

Совершенно справедливо Х. А. Амирханов считает главным доказательством принадлежности толщи ко времени *присутствия человека не просто* наличие культурных остатков в виде кремня или *обломков костей, но и* структурных элементов культурного слоя (по терминологии, предложенной Авдеевской экспедицией). Таковы ямы и очаги. Так называемые зольники, *скорее всего, представляют* собой линзы материала, выброшенного из очагов, *они чаще всего не имеют* определенных границ и не могут считаться поэтому элементом культурного слоя, но важны для микростратиграфии памятника. Кстати, термин «микростратиграфия» введен в Авдеевской экспедиции с 1973 года: как стратиграфия в пределах культурного слоя. Имеются в виду такие подразделения внутри культурного слоя (на которые не обращают внимания геологи), которые имеют значение в пределах одного-двух квадратов, хотя иногда и эти наблюдения простираются на несколько метров.

На микростратиграфию *скоплений* материала обратил внимание А. В. Трусов. Если по Х. А. Амирханову *скопление* материала в раскопе 1 приурочено к одному слою, то по А. В. Трусову (Трусов 1999) скопление кремня «…сантиметров на 5 возвышается над поверхностью … *красноватого суглинка, но* одновременно уходит в глубину этого суглинка *сантиметров на восемь*».

Х. А. Амирханов уверенно пишет о том, что такой-то очаг (очаг 1, например) относится к верхнему слою, то есть серому прослою, и яма такая-то к нижнему слою. По опыту многолетнего исследования *примерно такого же* культурного слоя в Авдееве мы знаем, как трудно установить соотношение между углублением в культурном слое и горизонтально лежащим культурным слоем. Известно, что эта сложная проблема не была решена в Костенках I/1 в раскопках довоенных лет. Насколько можно судить по заметкам о втором объекте исследования на тех же самых Костенках I/1, *не удалось ее решить и в* раскопках 1971–1989 года.

Можно говорить, с какого уровня впущен очаг или яма. Но говорить о связи со слоем какого-то углубления – нельзя. Яма или очаг не принадлежат к одному слою, а пересекают несколько слоев. В этом наше понимание углубления отличается от утверждений Х. А. Амирханова. Для каждого частного случая необходимо установить микростратиграфию участка, прилегающего к яме или очагу. В толще, примыкающей к яме, должно быть несколько прослоев, и только тогда можно говорить о том, прорезан ли горизонтально лежащий культурный слой углублением и, стало быть, откуда было впущено углубление. Между тем, таких документов в публикации Х. А. Амирханова нет, как нет и самого этого понятия: горизонтально лежащий культурный слой. Нет и представления о нарушении прослоев – по той или иной причине. А без этого нельзя установить, откуда впущено углубление. Надо сказать, что большинство профилей через ямы, приведенные в книге, архаичны по своему способу исполнения. На этих профилях есть место только контуру ямы. Теперь принято (по крайней мере – у нас в Авдееве) делать такой разрез, чтобы в профиле были и контуры ямы, и позиция горизонтально лежащих отложений. Это, и только это позволяет (и то далеко не всегда) определить позицию заполнения ямы по отношению к слою, другими словами, – определить, откуда впущена яма. Примером необходимости таких разрезов может служить яма НО-1,2. Яма, как полагает Х. А. Амирханов, проецируется на трещину. И, по его мнению, яма позже трещины. Может быть, так все и было, как пишет Х. А. Амирханов, но разрезов, которые бы это документировали, нет. Конечно, можно говорить об ограниченности листажа. Но пока предметом публикации является раскоп в 50 м. А что он будет делать, когда раскоп будет иметь 600 м? У нас возникает сомнение в правоте автора. Подобные ямы, раскопанные в Авдееве, никогда не пересекают канав, а являются их частью. Канавы используют, но только для сброса туда костей мамонта/волка и при этом расширяют – так же, видимо, как в случае с ямой на кв. НО-1,2

Вот яма на линии М-4,5. Она приурочена к основанию погребенной почвы, или серого слоя. Наиболее четко края ямы читаются от уровня –113 см, читаем мы. А наименее четко? Это в целом совпадает с отметками верхней погребенной почвы. Но может ли это говорить о том, с какого слоя впущена яма? На опыте Авдеева скажем дружно: нет, не может. Очаг 1 отнесен к верхнему слою, но ни слова нет о причинах этого. «Принципиальным моментом в восприятии нами этих объектов …является убеждение в стратиграфической разнесенности…» (с. 104). Восприятие и убеждение автора безусловно относятся к его личным положительным качествам, но после всего – хочется документации. Ее в публикации не хватает.

Большое внимание Х. А. Амирханов уделяет очагу 3 – но и его стратиграфическая позиция никак не документирована. Он впущен с уровня рыжеватой супеси – это в тексте, а разреза к нему не прилагается. Приходится верить автору на слово. Между тем, уровень, с которого исследователь уловил углубление, далеко не основание для определения его соотношения с культурным слоем. В частности, это положение отмечает и Х. А. Амирханов для нескольких углублений Зарайска – их верх был разрушен естественными процессами. Ведь и часть очага могла быть разрушена – особенно если стенки очага из песка/супеси. В Авдееве удалось найти другое свидетельство времени существования очага – не начала, а конца. Выброс из очага был распространен на протяжении более двух метров и показывал момент окончания действия очага. О выбросе из очага (расплывчатое пятно выше заполнения очага) говорится в тексте несколько раз, и это могло бы быть основанием для понимания микростратиграфии возле очага. Но нет разрезов, которые бы документировали это. В Авдееве теперь это норма – установить выброс из очага и его стратиграфическое положение. Кстати, кажется Х. А. Амирханов полагает действие очага постоянным – между тем как оно было прерывистым. Из очага сначала выгребали (каждый день? каждую неделю?) содержимое и после этого загружали его горючим материалом. Естественно, что форма очага и его размеры менялись. Наблюдения Х. А. Амирханова за очагами Зарайска, их типологией довольно точны. Отметим найденные им приочажные ямки. Они найдены и в Костенках I/1, и в Авдееве. И в Авдееве помимо основных очагов глубиной до полуметра есть дополнительные очаги – такие, как в Зарайске очаг 3. А в линию выстраиваются только большие, основные очаги. Дополнительные очаги есть и в первом объекте Костенок I/1 и в Авдееве. Свидетельств того, что два типа очагов разновременны – мы в Авдееве не сумели найти.

Х. А. Амирханов обращает много внимания на образования, которые называются мерзлотными. Трещины эти разные, и мы готовы поверить в это, поскольку мы исследовали их в большом количестве в Авдееве между 1972 и 2002 гг. Он выделяет несколько разновидностей мерзлотных деформаций и распределяет их во времени. Все это очень тонко, но если принять во внимание, что несколько генераций мерзлотных трещин выделены в пределах двадцатисантиметровой толщи, возникает некоторое удивление: а что, это возможно? Деление трещин на две разновидности, предлагаемое в монографии Х. А. Амирхановым, справедливо. Этого рода нарушения особенно для нас интересны, поскольку за тридцать лет в Авдееве мы исследовали множество разного рода нарушений, описали их и предложили соответствующую терминологию и классификацию (Величко, Гвоздовер и др. 1982). Деление нарушений на разновидности у Х. А. Амирханова примерно такое, как было предложено нами, но убеждения в разновременности описываемых явлений у нас не появилось. Напротив, нарушения, которые были впущены (по нашим наблюдениям) с середины толщи культурного слоя оказывались заполненными белесой породой без культурных остатков. Уж вовсе невероятным на основании авдеевского опыта нам кажется деление толщи в 10–20 см на уровни трещин. Проще говоря, трещины разные потому, что у них неодинаковый генезис, а не потому, что они разного возраста. Наверно, опи-

санные геологами и мерзлотоведами трещины не вполне соответствуют нашим канавам. Да и в качестве канав мерзлотные нарушения выступают только в работах археологов – геологи их видят только в профилях, оттого они у них – трещины. Конечно, важно существование открытых трещин, в которые проваливаются (но по-разному) культурные остатки, а иногда – блоки породы с культурными остатками. Но причины, по которым в другие трещины культурные остатки не попадали, остаются для нас неясными. Оттого мы не склонны принимать разновозрастность мерзлотных явлений.

Планиграфия служит предметом особого внимания Х. А. Амирханова. Надо сказать, его внимание оправдано – с недавних пор планиграфия оформилась как особый метод наряду с типологическим. Мы готовы согласиться с Х. А. Амирхановым в том, что Зарайская стоянка напоминает Костенки I/1 или Авдеево – большие очаги (наряду с маленькими), ямки вокруг очага. Эта последняя деталь особенно убеждает в сходстве Зарайска с Костенками I/1. Известно, что только вокруг немногих очагов (но в обеих стоянках: Авдеево и Костенки) есть множество ямок, которые даже и не ямки – в них ничего нельзя положить. Наверно, последнее построение П. П. Ефименко, предполагавшее круглое жилище в конце длинного в первом объекте Костенок I/1, повлияло на убеждение Х. А. Амирханова, будто А. В. Трусов прав, и в Зарайске представлены разные эпизоды жизни человека, разделенные моментами отсутствия его. Кстати сказать, круглое жилище в Костенках – результат фантазии П. П. Ефименко. Там, где он проводил границы своего круглого объекта, ничего провести нельзя. Это места, разрушенные предыдущими раскопками, да и в ранний период раскапывания Костенок I/1 не оставалось особенно точных сведений об уровне или количестве материала. В книге Х. А. Амирханова несколько раз повторяется тезис: один объект перекрывает другой. Но примеров этого мы не нашли. Есть случаи перекрытия заполнения большой канавы заполнением ямы, но это – другой казус. Канава – не антропогенный элемент слоя. Мы бы не могли считать и сложное углубление с разницей отметок дна в несколько сантиметров за две разных ямы: речь идёт о ямах 21 и 20. Но может быть, Х. А. Амирханов прав, хотя и он не берется сказать, какая яма раньше. Соотношение между ямами и мерзлотными деформациями представляет для исследователей Авдеева большой интерес. В Авдееве почти нет трещин, которые бы пересекали ямы. Чаще трещины идут вдоль края ямы и сдвигают породу в яму.

В оценке материала – каменных и костяных изделий из Зарайской стоянки – Х. А. Амирханов проницательно увидел множество признаков, общих с костенковской культурой. Жаль, мимо прошли особенности материала, не имеющие соответствия в этой скромной пока совокупности стоянок (Авдеево, Костенки и Гагарино). Как показали исследования А. В. Трусова, в Зарайске есть концентрации материала – коричневого кремня, которые образуют скопления. В скоплениях этих, судя по материалам, хранящимся в Историческом музее, преобладают крупные отщепы и пластины, в целом производящие впечатление мастерской. Здесь скорее всего приготовляли облупни, то есть ядрища в их первоначальном состоянии. Насколько нам известно, такого рода скоплений нет ни в Авдееве на двух уже исследованных объектах, ни в Костенках I/1 – по крайней мере, на объекте, исследованном П. П. Ефименко и А. Н. Рогачевым. Это – существенное отличие, и не техническое. Мастерские отличаются отсутствием целых категорий каменных изделий, иным набором ядрищ и заготовок. Словом, это существенно меняет типологию и пропорции в совокупности каменных орудий. А вот клады пластин есть и в Авдееве, и в Костёнках.

Мы должны быть благодарны Х. А. Амирханову, который столь оперативно свел известные данные по Зарайской стоянке и предоставил их в наше распоряжение. Этот интереснейший памятник с выразительным инвентарем ждет исследования. Мы имеем в виду и исследование памятника в поле, и исследование его инвентаря. И совершенно естественно, что этот материал на фоне остальных памятников костенковской культуры и граветьена Восточной Европы вызывает споры, а у разных исследователей – разные точки зрения на новый материал. Мы уверены, что публикация материалов Костенок I/1 и Авдеево вызовет не меньше споров и разногласий.

Гвоздовер, М. Д., Г. П. Григорьев. 1990. Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 202: 21–23.

Величко, А. А., М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев, З. П. Губонина, В. П. Ударцев и др. 1981. Авдеево // Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины: 48–56. Москва: Наука.

Рогачев, А. Н. 1953. Исследование остатков первобытнообщинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1953 г. Материалы и исследования по археологии СССР 39. Москва-Ленинград: Наука.

Синицын, А. А., Н. Д. Праслов, Ю. С. Свеженцев, Л. Д. Сулержицкий. 1997. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. Санкт-Петербург: Академпринт.

Трусов, А. В. 1994. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Труды Государственного исторического музея 85: 94–116. Москва: Издательский центр Государственного исторического музея.

Г. П. Григорьев.
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии палеолита.

Е. В. Булочникова
Россия. Москва.
Московский государственный университет.
Институт и Музей антропологии.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Н. Б. Виноградов. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. 360 стр. 2003. Челябинск: Южноуральское книжное издательство.

Книга известного исследователя восточноевропейских культур поры палеометалла Н. Б. Виноградова посвящена развернутой публикации материалов раскопок могильника Кривое Озеро, расположенного к югу от Челябинска. Могильник принадлежит к числу памятников культурной общности, располагавшейся в древности почти в центре евразийских степей, открытие которого было одним из выдающихся достижений российской археологии второй половины XX века. Это открытие связано с раскопками *В. Ф. Генингом могильника Синташта на Южном Урале*, где в крупных гробницах ярко представлен культ коня и где найдены следы легких двухколесных экипажей. Затем исследования Г. В. Здановича показали, что в это же время на Южном Урале существовали овальные в плане укрепленные поселения со свидетельствами развитого металлургического производства. Этот «феномен Синташты» в ходе последующих археологических изысканий оказался представлен достаточно широко в областях от северо-запада Казахстана до среднего Поволжья. Целая серия культурных комплексов или культур со сходными показателями от укреплений до колесниц характеризует общество средней бронзы, которое можно рассматривать как структуру типа ранних комплексных обществ с доминантой военно-аристократического пути политогенеза, но без явных признаков выделения суперлидеров, что позволяет говорить о социальной структуре олигархического типа (Массон 1998).

Курганы, раскопанные в могильнике Кривое Озеро, дали материал, относящийся к двум культурным комплексам этого региона, именуемым синташтинским и петровским. На их соотношении Н. Б. Виноградов останавливается в специальном разделе в начале книги (стр. 8 и сл.). В научной литературе существует довольно устойчивая и широко представленная традиция считать эти комплексы в определенной мере синхронными. Н. Б. Виноградов убедительно показывает, что речь идет о хронологической последовательности, когда синташтинские памятники предшествуют петровским. Одним из решающих аргументов является стратиграфия поселения Устье I, где слой с синташтинскими материалами перекрывается двумя слоями с комплексом петровского типа. Н. Б. Виноградов полагает, что такое более позднее обживание могло иметь место на эталонном синташтинском памятнике – поселении Аркаим. Абсолютная хронология рассматривается автором в небольшом параграфе (стр. 262–263). Изложение здесь носит констатирующий характер, и возраст комплексов типа Синташты автор предлагает определять в диапазоне XX–XVII веков до н. э., а петровского – XVII–XVI веками до н. э.

Два кургана (№ 9 и № 10) в могильнике Кривое Озеро дали материалы синташтинского типа. Диаметр курганов достигает 18 метров. Они содержат многочисленные погребения, последовательность которых, когда это представлялось возможным, тщательно прослежена в ходе раскопок. Особый интерес представляют центральные погребения. В кургане № 9 – это погребение в могильной яме, обозначенной номером 1 и имеющей размеры 3,7 x 2,3 м. Остатки тлена показывают наличие гробницы, обложенной досками, крепящимися на деревянных столбах, что повторяет, хотя и в скромных масштабах, традиции гробниц самой Синташты. Погребальный инвентарь также подтверждает это наблюдение. В его число входили бронзовые тесло, нож и кинжал. Расчищены также остатки двухколесного экипажа и две пары костяных псалиев. В могиле № 1 найдены два черепа лошади, кости ног и хвостового отдела позвоночника двух особей. Детальные археозоологические определения, произведенные П. А. Косинцевым и вынесенные в специальное приложение (стр. 333–344), составляют одну из важных частей публикации. Согласно этим определениям, в могильной яме (гробнице 1) представлены костные остатки пяти особей крупного рогатого скота, четырех овец, четырех лошадей и одной собаки. Кости лошадей неоднократно встречались и в других могилах синташтинского времени в могильнике Кривое Озеро. Приверженность к погребению лошадей в качестве жертвенных животных, судя по всему, является характерной чертой именно синташтинской культурной традиции (Косинцев 1999: 250).

К петровскому времени в могильнике относятся курганы № 1 и № 2, также содержавшие многочисленные захоронения. Их диаметры составляют 21 и 24 метра. Погребений в них меньше, чем в курганах синташтинского времени, и к тому же они нарушены грабителями, особенно центральное захоронение. Сами могилы обустраивались как гробницы, сооруженные из дерева, что свидетельствует о значительной близости этого могильника к синташтинским традициям. Это касается и центрального погребения особой значимости, где уже сами размеры гробницы очень значительны (2,8 x 4,5 м). Действия грабителей оставляют нас в неведении относительно значительной части погребального инвентаря, но и сохранившиеся объекты свидетельствуют о статусе центральных погребений курганов. Так, в центральной могиле кургана № 2 найден роговой псалий, свидетельствующий о связи усопшего с взнузданными конями. Такая же находка была и в центральной гробнице кургана № 1, где, кроме того, найден превосходный втульчатый наконечник бронзового копья.

Однокультурность погребений в курганах могильника Кривое Озеро позволяет ставить вопрос о характере общественных структур, оставивших эти некрополи. Могильник как погребальный ансамбль, скорее всего, соответствует общине, обитавшей на каком-то конкретном поселении. Расположение курганов демонстрирует стремление поместить усопших в определенной замкнутой группировке. Наибольшее количество погребенных насчитывает курган № 10, где общее число детских и взрослых захоронений достигает 49. Интерпретация здесь затруднена. Наличие парных захоронений мужчины и женщины, вероятно, позволяет говорить об устойчивости малой семьи. *Это было показано В. С. Сорокиным на примере* раскопок могильника Тасты-Бутак (Сорокин 1962). В таком случае курган в целом должен представлять собой усыпальницу структуры более высокого рангового уровня, например, большесемейной общины как составного компонента общины поселенческой. Лидер большесемейной общины, помещенный в центральном захоронении, имеет атрибуты синташтинского *нобилитета, представляющие* его как воина с копьем и стрелами, передвигающегося на колеснице. Аналогичная структура наблюдается и в курганах петровского времени. Центральное погребение могло быть и не единичным, но это были лидеры в среде *основного массива населения*, тогда как могильник Синташта представлял собой, скорее всего, специализированный некрополь местной аристократии.

Обширный и хорошо документированный материал могильника Кривое Озеро открывает значительные *возможности для интерпретации*. Н. Б. Виноградов уделяет особое внимание культурологическим и социологическим вопросам. Все это делается очень тщательно и осторожно, с продуманными формулировками. Так, специально рассматривается культурная принадлежность и происхождение открытых археологических комплексов. Возможно, лучше говорить о генезисе культурных комплексов, чем о «*происхождении*», что как бы подразумевает развитие одного из другого. Не вызывает сомнений тесная, почти генетическая связь синташтинских и петровских комплексов. Если не придавать особое значение локальной вариабельности, то речь, скорее всего, может идти о спонтанной трансформации.

Как известно большое внимание исследователи уделяют вопросу о роли и влиянии абашевских и степных комплексов на формирование синташтинской культуры. Н. Б. Виноградов подробно рассматривает эти вопросы, опираясь на превосходную керамическую коллекцию могильника Кривое Озеро, *где для* синташтинского времени насчитывается 145 орнаментированных сосудов. *Достаточно осторожен* общий вывод о многокомпонентности культурного пласта Синатшты (стр. 260). При наличии определенных связей с абашевской общностью и степняками следует иметь в виду, что формирование Синташты как культурного и исторического явления – вполне самостоятельный феномен, в котором мутационные изменения имели большее значение, чем отзвуки переселенческих потоков.

Достаточно осторожен Н. Б. Виноградов и при социологической интерпретации (стр. 263–269). Он колеблется в однозначном признании особой роли военного фактора в синташтинском обществе и всячески подчеркивает роль металлургии. Разумеется, стада крупного рогатого скота и развитая металлургическая деятельность составляли экономическую основу процветания Синташты. Но состав погребального инвентаря элитарных гробниц особо подчеркивает именно военную функцию нобилитета. Престижно-знаковое значение помещаемых в гробницы коий *недавно специально рассматривалось* Н. М. Маловым (Малов 1999). Легкие двухколесные экипажи, следы которых обнаружены в незаурядных погребениях, в том числе и в могильнике Кривое Озеро, вполне могли служить в первую очередь средством передвижения, что не исключает их использование и в военных действиях. Иконография Древнего Востока свидетельствует, что в колеснице располагались возница и сам воин, обычно использующий лук и стрелы. В ряде гробниц Синташты вместе с остатками колесниц найдены и наборы наконечников стрел. Если экипажами управляли возницы, то их едва ли обязательно захоранивали вместе со знатными воинами, колесницами *которых они управляли*. Массовое возникновение овальных поселений-крепостей явно указывает на необходимость охраны как самого населения, так и накопленных им ценностей. Идея овала могла быть заимствована от круглых оград-краалей, служивших *для помещения скота*. В таких оградах могли располагаться и стада, принадлежащие синташтинцам, поскольку в тесной застройке поселений нет места для больших стойл и загонов. Прямые свидетельства военных конфликтов не столь уж частое явление в археологии, и следы явного штурма Левенцовки в низовьях Дона – открытие, по своему уникальное. Следует иметь в виду и возможность более масштабного противостояния обществ разной культурной принадлежности, что предполагалось для Сеймино-Турбино в одной из разработок (Гончарова, Бехтер 1999). Во всяком случае, можно с бо́льшими основаниями говорить о военно-аристократическом пути политогенеза общества Синташты, чем об организационно-управленческой его нацеленности, скажем, на металлургическое производство. Сопла для металлургических горнов как свидетельство претензий усопшего лидера на первенство и в этой сфере крайне редки по сравнению с предметами вооружения, помещаемыми в престижные усыпальницы.

Как известно открытие памятников типа Синташта-Арканм *привело на первых порах к стремлению* использовать для их объяснения понятийную сетку, выработанную для южных цивилизаций – как-то «города» и «протогородская цивилизация». Малую результативность такого подхода отмечает и Н. Б. Виноградов (стр. 266). Автором этих строк было предложено понятие ранние комплексные общества, что постепенно получило признание, в том числе и в наименовании *последней международной конференции*, посвященной этой тематике (Комплексные общества ... 1999). Надо полагать, что и для динамично разви-

вавшейся в тот период зоны евразийских степей необходимо выработать собственную понятийную сетку и терминологию. Все увеличивающиеся материалы по комплексам типа Синташты-Аркаима, в том числе и превосходный материал данной книги, позволяют более конкретно рассматривать историю древних степных обществ как самостоятельное явление в истории древнего мира.

Гончарова, Ю. В., А. В. Бехтер. 1999. Синташта и Сейма – враги и соседи // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск.

Комплексные общества... 1999. Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Материалы к международной конференции. Челябинск.

Косинцев, П. А. 1999. Животные в погребальном обряде населения Урало-Поволжья в начале II тыс. до н. э. // *Комплексные общества Центральной Евразии.* Челябинск.

Малов, Н. М. 1999. Копья – знаки архаичных лидеров покровской археологической культуры // Комплексные общества Центральной Евразии. Челябинск.

Массон, В. М. 1988. Эпоха древнейших великих степных обществ // Археологические Вести 5: 255–267. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Сорокин, В. С. 1962. Могильник Тасты-Бутак в Западном Казахстане. Москва-Ленинград.

В. М. Массон
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

УКРАШЕНИЯ ДРЕВНИХ ВЬЕТОВ

Trònh Sinh, Nguyeãn Vaên Huyeân. Trang söùc cuïa ngöôøi vieät coå. 154 p., 70 ill, 25 photo. 2001. Haø Noäi: Nhaø xuaát baûn vaên hoùa daân toäc.

Монография вьетнамских ученых-археологов Чинь Шиня и Нгуен Ван Хюена «Украшения древних вьетов» ориентирована на широкий круг читателей – как специалистов (искусствоведов, историков, этнографов, археологов и т. д.), так и всех тех, кто интересуется культурно-историческим наследием вьетнамского народа.

Монография посвящена украшениям – весьма любопытной стороне материальной культуры обитателей древнего Вьетнама. Временные рамки исследования охватывают период с палеолита по эпоху бронзы (культура Донгшон). Авторы рассматривают как материальную культуру вьетов (прародителей современного вьетнамского народа), так и культуры, принадлежавшие другим народам, обитавшим на территории страны в изучаемый период.

Книгу открывает вступительное слово профессора Чан Куок Выонга, за которым следует авторское введение. Монография состоит из восьми глав, снабжена списком использованных источников и литературы, заключением на английском языке и иллюстрациями.

Первая глава называется «Человек в поисках красоты». В ней на этнографическом материале представлены интерпретации понятия красоты в современных и традиционных обществах, населяющих различные уголки земного шара. Глава представляет собой пеструю мозаику любопытных фактов, демонстрирующих сколь разнообразны «эталоны» красоты в нашем мире.

Вторая глава названа «Украшения первобытных людей». Она начинается с предположения о том, что уже в эпоху палеолита на территории Вьетнама первобытные люди, также как и в других районах планеты (приводятся примеры неандертальцев, кроманьонцев и древних обитателей Австралии), использовали такие украшения, как морские раковины и раскрашивали свои тела охрой. Этому предположению, однако, не достает археологических подтверждений. По свидетельству авторов, самые ранние первобытные украшения, обнаруженные на территории Вьетнама, датируются ранним неолитом. Так носители культуры Хоабинь отдавали предпочтение, прежде всего, ожерельям из морских раковин. По свидетельствам этнографов, ряд малых народов современного Вьетнама до сих пор пользуется этим видом украшений. К культуре Хоабинь, или же несколько более поздней культуре Бакшон, относятся два браслета из зеленого камня, которые можно считать самыми древними образцами украшений подобного рода, найденными во Вьетнаме. В эпоху позднего неолита украшения становятся более разнообразными. Так в пещере Минькам было обнаружено собрание предметов, включающее ожерелье и серьги из раковин, ожерелье из зеленых камней, а также серьги из слоновой кости, имеющие шестиугольную форму. Авторы делают вывод, что первобытные люди, населявшие территорию Вьетнама, начали носить украшения раньше других обитателей Юго-Восточной Азии.

Третья глава называется «Камень украшает человека». В ней проводится типологический анализ каменных браслетов и круглых серег – двух видов украшений, многочисленные образцы которых были обнаружены при раскопках культур Фунгнгуен,

Донгдау, Гомун, Донгшон и других. По форме горизонтального сечения авторы выделяют следующие типы браслетов: а) прямоугольные; б) почти квадратные; в) ступенчатой формы; г) в форме месяца; *д) круглые; е) треугольные; е) овальные сплющенные.* В отдельную группу авторы выделяют браслеты, покрытые рельефным орнаментом. Серьги делятся на следующие группы: а) в форме простого обода; б) имеющие заостренные выступы; в) имеющие три вытянутых заостренных отростка; г) украшенные двумя головами животных; д) в форме «вороньего колена».

В главе речь идет также о других видах каменных украшений, таких как бусы, бисер и амулеты. Бусины по форме делятся на следующие разновидности: а) в виде вытянутых, круглых в сечении палочек; б) просто круглые (шаровидные, овальные, в виде бочки для вина). В отдельную группу выделены наиболее красивые бусы из ярко-красного агата. Обнаруженные при раскопках захоронений в местечке Донгшон зерна бисера в диаметре имеют 0,2–0,4 см. Их положение на останках свидетельствует, что бисерные ожерелья носились как на шее, так и на запястье. Что касается амулетов, то авторы упоминают изображение звериного клыка из Лангвака, а также фигурку в виде головы буйвола из Диньчанга, которые имеют отверстия, видимо, для ношения на шнурках в качестве оберегов.

Четвертая глава называется «Переход к обработке драгоценных камней». В эпоху культуры Фунгнгуен в древне-вьетском обществе появилось разделение труда. Наряду с деревнями, где жители занимались только сельскохозяйственным производством, возникли поселения, обитатели которых зарабатывали на жизнь путем создания каменных изделий, в первую очередь украшений, которые затем обменивались у земледельцев на продукты питания. Авторы приводят перечень мест, где археологами были обнаружены такие «индустриальные» поселения. Отдельно отмечаются «индустрии» Байты и Чангкень, где основным материалом для браслетов и серег служили нефрит и яшма. Ближайшие к Северному Вьетнаму месторождения этих полудрагоценных камней находятся в горных районах Бирмы. По мнению авторов, оттуда материал доставлялся в страну вьетов через территорию современной китайской провинции Юннань. Основной артерией для транспортировки драгоценных камней по территории Вьетнама служила Красная река. Авторы даже вводят термин «Яшмовый путь», сравнивая эту торговую магистраль с Великим шелковым путем, соединявшим Китай со странами Средней Азии и Ближнего Востока. Реки также играли большую роль в транспортировке уже готовых украшений. Характерным примером тому служит «индустрия» Хонгда, находившаяся между рекой Да и Красной рекой. Украшения из этого поселения в изобилии доставлялись в деревни, лежавшие в долинах двух рек. В районе Хонг Да жители до сих пор находят в земле древние браслеты, а также заготовки украшений и бруски камня, употреблявшиеся в производстве.

Далее авторы знакомят читателя с техникой изготовления украшений из камня. После того, как глыбы камня по воде доставлялись на место, мастера откалывали от них небольшие куски, служившие исходным производственным материалом. Далее приводятся описания основных способов изготовления украшений. Это выпиливание, сверление, долбление, шлифовка и полировка. В завершение главы подчеркивается высокий уровень мастерства древневьетских ювелиров, работавших кропотливо и экономно, стараясь напрасно не расходовать материал, в особенности, полудрагоценные породы камня.

Пятая глава называется «Сверкание стекла». В ее начале сообщаются краткие сведения об открытии стекла. Говорится о том, что самые древние изделия из этого материала появились в Египте около 4500 лет назад, а несколько позже крупным центром стеклянного производства стала Индия. Что касается Вьетнама, то здесь древние стеклянные изделия были впервые обнаружены при раскопках Са Хуинь – группы кувшинных погребений. Французскими археологами высказывалось предположение, что эти предметы попали туда из стран индийского культурного ареала. Современными вьетнамскими археологами было зарегистрировано около 33 памятников, относящихся к культурам Сахуинь и Донгшон (среди них особенно выделяются памятники провинций Тханьхоа, Нгеан, Куангбинь и др.), где в числе прочих находок были обнаружены стеклянные предметы. Их общее число по предварительным подсчетам достигает примерно 8000 экземпляров, а возраст определяется примерно IV–III веками до н. э. Все эти находки являются украшениями – использовать стекло в качестве материала для изготовления посуды жители Вьетнама начали позднее: приблизительно в III веке н. э. Среди обнаруженных стеклянных украшений основное место занимают бусы, несколько меньше браслетов и серег. По мнению авторов, такие качества стекла, как блеск, игра света и тени на гладкой поверхности, а также прозрачность одних его видов и красивые цветовые оттенки других, помогли этому материалу завоевать художественное воображение вьетов. Разнообразием цветовых оттенков стеклянный бисер превосходит браслеты и серьги. Что касается разновидностей форм, то их меньше в сравнении с украшениями из камня.

Стеклянные браслеты в сечении бывают трех разновидностей, совпадающих с таковыми у каменных аналогов: треугольные, в форме полумесяца и пятиугольные. Серьги же имеют четыре разновидности: а) круг с поперечной щелью, в которую вставлялась мочка уха, в сечении имеющий ступенчатую форму (обычно – две ступени), одна его поверхность покрыта рельефным орнаментом, а другая – гладкая; б) разновидность, имеющая три длинные подвески и щель для надевания на ухо; в) серьги, напоминающие ось колеса, в горизонтальном сечении имеющие круглую, а вертикальном – восьмиугольную форму; г) серьги, украшенные двумя изображениями головы животного.

Бусы составляют 58, 33% от всех обнаруженных стеклянных предметов. Всего авторы выделяют

четыре разновидности бус: а) простые круглые шарики, имеющие сквозное отверстие; б) с торца имеющие вид вытянутого прямоугольника (в форме китайского иероглифа «единица»); в) в форме палочек или брусочков, круглые с торца; г) в форме брусочков, многоугольные с торца. Цветовые оттенки украшений чрезвычайно богаты – встречаются бусины светло-зеленые, темно-зеленые, мутно-белые, коричневые, оранжевые, красные, фиолетовые и пепельно-серые. Каждая бусина имеет какой-либо один оттенок, к которому не примешиваются другие, что отличает вьетнамские бусы от индийских, которые часто сочетают разные цветовые оттенки.

Весьма трудно отличить друг от друга бусы, изготовленные из рукотворного и вулканического стекла. Химический анализ ряда образцов стеклянных украшений, обнаруженных в разных районах страны, привел ученых к выводу о том, что подавляющее большинство находок изготовлено из рукотворного стекла. Лишь восемь «печаток», найденных при раскопках южновьетнамской культуры Фунань в местечке Окео обработаны так, как будто исходным материалом для них послужил кусок вулканического стекла, однако, на первый взгляд, отличить эти предметы от изготовленных из рукотворного стекла очень трудно. Химический анализ также привел ученых к выводу о том, что материал для стеклянных украшений не завозился из других районов, а был местным. Состав стекла, из которого сделаны украшения, обнаруженные в разных частях страны, отличается и, по мнению авторов, отражает химические особенности местных видов песка. Косвенно о местном происхождении материала свидетельствуют и обнаруженные наряду с украшениями в захоронениях местечка Лангвак и «кувшинном» захоронении Канзо куски стеклянного шлака, стеклянного волокна, застывшая стеклянная пена, заготовки браслетов, хранящие следы отливки, обработки и шлифовки, заполненные мягким песком рвы, покрытые углем и золой.

Данные археологов и этнографов позволяют восстановить приблизительную картину производства стекла древними вьетами. За основу брался песок, смешивавшийся с известью, раковинами моллюсков, другими природными добавками, дававшими различные цветовые оттенки. Для выплавки этой смеси в стекло использовались специальные печи. По мнению авторов, для древних вьетов добиться необходимой для выплавки стекла температуры (800–900 С°) было несложно. Стеклянное производство у вьетов появилось не раньше IV–III веков до н. э., в эпоху Донгшон, когда литейщики бронзовых изделий доводили уровень температур в своих печах до необходимых 1083°, при которых плавится бронза. Изучив следы обработки на стеклянных находках, авторы делают вывод о том, что украшения изготавливались путем помещения расплавленной стеклянной массы между двумя половинками формы. Половинки затем плотно сжимались и связывались. Форма примерно на 25-30 часов помещалась в горячую жаровню или печь, которая обкладывалась материалами, препятствовавшими быстрому снижению температуры. Такая техника медленного остывания закаляла стекло, делала его более прочным. После извлечения из формы украшения подвергались финальной обработке. Мастера обтачивали и полировали их, стараясь ликвидировать неизбежные производственные огрехи и придать изделию совершенную форму. До начала нашей эры такая техника была единственной, так как вьеты еще не умели выдувать стекло.

Стеклянные изделия были обнаружены примерно в тридцати памятниках, разбросанных по всей территории Вьетнама. На право старшинства в перечне центров стеклянного производства, по мнению вьетнамских археологов, претендует культура Сахуинь. Именно там были найдены самые древние образцы украшений из стекла. Памятники этой культуры расположены вдоль морского побережья центрального Вьетнама. Эти места богаты белым песком – сырьем для производства стекла. Район распространения культуры Сахуинь является родиной таких видов украшений, как серьги с тремя заостренными отростками и серьги, украшенные изображениями голов животных. Из приморских районов водным путем украшения доставлялись в ряд районов Вьетнама и других стран Юго-Восточной Азии.

Глава шестая называется «Сияющие бронзовые браслеты». По мнению авторов, открытие бронзы является величайшим изобретением в истории человечества. Оно означало переход на иной производственный уровень. Каменные орудия труда, какими бы совершенными они не были, могли обеспечивать лишь необходимое количество пропитания. С появлением сначала меди, потом бронзы человеческие общества смогли быстро развивать свою экономику.

Древние вьеты начали использовать бронзовые изделия примерно 4000 лет назад, однако массовый переход к высококачественным орудиям труда из бронзы произошел в эпоху Донгшон – 2700 лет назад. Что касается украшений, то первые бронзовые браслеты появились в рамках культуры Гомун, около 3000 лет назад. Бесспорно, вьетов привлекло яркое сияние металлических украшений – то качество, которым не обладали каменные браслеты.

Авторы полагают, что для создания первых бронзовых браслетов в качестве образца использовались каменные прототипы. Так в культуре Гомун были обнаружены круглые и овальные в сечении бронзовые браслеты. Авторы отвергают предположение, что данный вид украшений произошел от согнутых в кольцо отрезков бронзовой проволоки, так как в поперечном сечении многие образцы обладают слишком большим диаметром. Кроме того, ряд экземпляров несет на себе явные следы изготовления способом отливки. Отсюда делается вывод о том, что круглые в сечении браслеты копируют аналогичные каменные украшения. Что касается треугольных в сечении бронзовых браслетов культуры Донгшон, то их происхождение авторы напрямую возводят к неолитическим прототипам (культура Халонг). Каменные браслеты, имеющие в сечении форму полумесяца, также использовались в качестве образцов для бронзового литья, что было

обусловлено не только эстетическими соображениями, но и необходимостью экономить материал.

При сравнении бронзовых браслетов, найденных на территории Северного Вьетнама с аналогичными украшениями, обнаруженными в соседних странах (Камбоджа, Таиланд), видны четкие отличия, свидетельствующие о самобытности древне-вьетнамских украшений.

В ходе раскопок памятников культуры Донгшон в провинции Тханьхоа (1935–1939 гг.) французский археолог Жансе обнаружил несколько браслетов *цилиндрической формы, украшенных с наружной* стороны тремя рядами орнамента. Находки были датированы IV–III вв. до н. э. С начала 1960-х годов вьетнамскими археологами при раскопках памятников Донгшонской культуры было обнаружено несколько десятков образцов этого вида украшений. В местечке Тхиузыонг было обнаружено две разновидности браслетов. Первая (1 образец) имеет форму усеченного конуса, достигающего 6,8 см в высоту и 3–5 см в диаметре. Браслет испещрен вытянутыми прямоугольными отверстиями. Вторая разновидность (6 образцов) имеет цилиндрическую или коническую форму, слегка расширяясь сверху и снизу. Наружная *сторона покрыта рельефным орнаментом.* Браслеты достигают 5 см в высоту и 6,2 см в диаметре. При раскопках памятников Намчинь и Дыонгко были обнаружены образцы браслетов, по форме совпадающие с первой разновидностью из Тхиузыонга. Более *разнообразны находки, сделанные* в местечке Лангвак. Там было обнаружено 44 экземпляра цилиндрических и конических браслетов. Они также делятся на две разновидности. Первая разновидность (32 образца) – это браслеты цилиндрической формы, *покрытые выпуклым орнаментом. Снаружи к* украшениям при помощи специальных петелек крепятся колокольчики числом от 2 до 14 штук. В высоту браслеты имеют от 2 до 8,3 см, а в диаметре от 5,4 до 9,5 см. Все колокольчики имеют примерно одинаковые размеры – *5 см в высоту и 1 см в диаметре.* По размерам, числу колокольчиков и виду орнамента браслеты этой разновидности делятся на четыре подгруппы. Основная часть браслетов предназначалась для ношения на запястьях, в то время как самые крупные образцы с наибольшим числом колокольчиков одевались на предплечья. Вторая разновидность включает 12 экземпляров. Браслеты имеют форму усеченного конуса. В высоту они достигают 7,5 см, а в диаметре – 4,6 см в широкой и 3,8 см в узкой части. Украшения этого вида богато декорированы рельефным орнаментом. Помимо вышеперечисленных образцов, в Лангваке были обнаружены также ножные браслеты, *украшенные колокольчиками.* Один из таких браслетов был обнаружен непосредственно на щиколотке скелета усопшего. Этот браслет в высоту имеет 11,9 см, в диаметре достигает 9 см. Он украшен орнаментом и двумя горизонтальными вереницами колокольчиков (5 колокольчиков в верхней и 4 – в нижней веренице).

Далее авторы пытаются решить вопрос о происхождении бронзовых браслетов эпохи Донгшон. Сравнивая различные археологические и этнографические материалы, они приходят к выводу, что этот вид украшений не был заимствован вьетами у других народов, и является самобытным произведением древневьетнамских мастеров-ювелиров.

По мнению авторов, украшенные колокольчиками браслеты играли не только декоративную роль, но и являлись своеобразными музыкальными инструментами. Как показывают данные археологов, один человек мог *носить* сразу по 6–8 таких браслетов, общее число колокольчиков на которых достигало 60-ти штук. Во время танца колокольчики ритмично звенели в такт движениям, создавая своеобразный мелодический рисунок.

По мнению авторов, *бронзовые браслеты с колокольчиками* были дорогостоящим украшением (из 102 могил в Лангваке браслеты были обнаружены лишь в 13), популярным как среди женщин, так и среди мужчин, независимо от возраста (браслеты были найдены как в погребениях воинов, так и в детских захоронениях).

В конце главы упоминаются также другие виды бронзовых *украшений, обнаруженные* в захоронениях эпохи Донгшон. Кольца, украшенные парами колокольчиков, напоминают собой уменьшенные копии браслетов. На останках покойного в одном из погребений Лангвака была обнаружена целая низка, состоящая из 17 таких колец. Считается, что этот вид украшений мог играть роль перстня, а также становиться ожерельем, если низка колец надевалась на шею. Бронзовые амулеты в виде когтей тигра, видимо, выполняли магическую функцию. К мелким украшениям можно *отнести бронзовые шейные цепочки* и заколки для волос. Весьма любопытны в эстетическом отношении бронзовые пряжки для поясов, украшенные изображениями черепах (пряжка из Лангвака) и колокольчиками (пряжка из Донгшон).

В *заключение главы авторы выделяют следующие* особенности развития ювелирного мастерства вьетов *в эпоху* бронзы. В этот период повысилось качество и разнообразие украшений. В эпоху Донгшон мастерство древневьетнамских ювелиров достигло расцвета. Во многом это объясняется *обилием* медной руды на территории Вьетнама. Если в эпоху камня сырье для наиболее дорогих украшений доставлялось издалека, то в бронзовом веке обилие сырья позволило вьетам широко развивать ювелирное производство.

Седьмая глава названа «От обожженной глины, раковин улиток, кости, рога, дерева и птичьих перьев … к золоту». Как следует из названия, глава посвящена украшениям, *изготавливавшимся из материалов,* менее долговечных, чем бронза (за исключением *золота*), бывших, однако, не менее популярными.

При раскопках прибрежных деревень в уезде Халук археологами были обнаружены браслеты, серьги и бусы из обожженной глины, смешанной с песком. Образцы глиняных украшений были найдены в разных районах Вьетнама, в особенно большом количестве – на востоке южной части страны.

Раковины моллюсков и улиток были популярным украшением еще с неолитических времен. Раковины

мягкотелых моллюсков типа Tridacna высверливались посередине, их края специально выпиливались, после чего из них изготавливались ожерелья и серьги.

Древние вьеты в качестве украшений использовали также зубы, кости и рога животных. Клыки тигров, диких собак, кабанов с просверленными у корня отверстиями были обнаружены при раскопках в селениях Донгдау и Гомун. В отверстия продевались шнурки для ношения клыков на шее в качестве оберегов. Некоторые клыки не имеют отверстий, но специально отполированы и покрыты бороздками, вокруг которых, видимо, обвязывался шнурок. В Донгдау были обнаружены также браслеты, изготовленные из трубчатых костей крупных животных. *Весьма любопытным украшением является обнаруженное* в Диньчанге сделанное из оленьего рога изображение человеческой головы высотой 3,7 см с отверстиями в районе глаз и рта, которое, по мнению авторов, носилось на шее.

Весьма популярным у древних вьетов видом украшений были птичьи перья. Бронзовые барабаны эпохи Донгшон покрыты гравировкой, изображающей воинов в пернатых головных уборах. Оружие воинов, их боевые ладьи также богато украшены перьями. По мнению авторов, для украшения использовались перья таких птиц, как фазан и павлин. Перья вплетались в волосы, вставлялись в головные уборы, а также вдевались в специальные полые серьги «в виде вороньего колена». Судя по изображениям *на барабанах, некоторые породы птиц играли у вьетов* роль тотема, поэтому, как и у других народов (индейцев Америки, например), украшения из перьев этих птиц играли сакральную роль.

Что касается золота, то, хотя на территории Вьетнама имеются золотые месторождения, а также золотой песок, народы, населявшие эти земли в эпоху бронзы, не использовали золото в качестве материала для изготовления украшений. Наиболее ранние золотые украшения, датируемые первыми веками нашей эры, были обнаружены при раскопках культуры Окео и городов государства Чампа в южной части современного Вьетнама. Единственным золотым предметом, обнаруженным в слое культуры Донгшон, является золотая заколка для волос (селение Донгшон). *До сих пор остается открытым вопрос, принадлежал* ли этот предмет людям эпохи бронзы, или же попал в донгшонский пласт из более позднего культурного слоя. Если заколка действительно принадлежала донгшонцам, то неясно, была ли она изготовлена вьетскими ювелирами, или же ее выменяли у иноземных купцов.

Железо, бывшее в эпоху бронзы редким металлом, весьма ценилось древними вьетами. В конце эпохи Донгшон из железа изготавливались некоторые образцы оружия, орудий труда и украшений. При раскопках в селении Чиенвай археологами были обнаружены браслеты и серьги из железа. Плохая сохранность железных предметов в земле является причиной, по которой до нас дошло мало образцов подобных украшений. Позже, когда железо стало основным металлом, использовавшимся в повседневной жизни, вьеты навсегда перестали использовать его в ювелирном деле.

Восьмая глава называется «Эстетика вьетов в эпоху древности». Эта глава подводит итог исследованию и занимает место заключения. В ней рассматриваются основные особенности ювелирного дела древних вьетов, а также «эталон красоты», бытовавший у носителей Донгшонской культуры.

Для изготовления украшений вьеты выбирали простые материалы с богатым цветовым оттенком, которые было легко добывать. Раковины улиток и моллюсков, камень, в особенности полудрагоценные породы (нефрит, яшма, агат), бронза, стекло, птичьи перья использовались для создания самых разнообразных украшений.

В первобытную эпоху единственным видом украшений были ожерелья из раковин улиток и моллюсков и раскраска из охры. В начале эры металла вьеты преимущественно носили браслеты из камня, потом стали отдавать предпочтение каменным серьгам, пока, наконец, бронзовые браслеты и серьги не стали вытеснять каменные. В то же время весьма популярны были стеклянные бусы. Из стекла изготавливались также браслеты, уступавшие, однако, в популярности каменным и бронзовым аналогам. Вьеты, обитавшие в бассейне Красной реки, широко использовали для создания украшений птичьи перья, в то время как у народов, населявших современный Центральный и Южный Вьетнам, этот материал совсем не пользовался популярностью.

К специфическим видам вьетских украшений авторы относят следующие виды: а) овальные каменные и бронзовые серьги с четырьмя выступами, а также бронзовые серьги, с четырьмя колокольчиками; б) каменные и стеклянные серьги с тремя вытянутыми заостренными отростками, возникшие в культуре Сахуинь и распространившиеся затем по всей Юго-Восточной Азии; в) серьги, украшенные парными изображениями головы животного, которые были найдены только в культуре Сахуинь; г) найденные в культуре Фунгнгуен (ранний бронзовый век) браслеты, в поперечном сечении имеющие форму буквы Т, изготовленные весьма сложным способом сверления; д) бронзовые браслеты, серьги, ожерелья и пряжки ремней, украшенные продолговатыми колокольчиками. *Среди последней группы украшений* главенствующее место занимают ручные и ножные браслеты, не имеющие аналогов у других народов.

Основываясь на данных, полученных при раскопках захоронений (местоположение украшений на останках), а также на изобразительном материале (статуэтка флейтиста, статуэтка танцора, рукояти кинжалов в виде женских фигур), авторы произвели реконструкцию внешнего облика древнего вьета (не уточняется, мужчины или женщины), носившего полный набор украшений. Голову венчал убор из птичьих перьев. В ушах были серьги – либо большие и тяжелые, либо легкие в виде вороньего колена, с продетыми сквозь них перьями. Шея была украшена ожерельем или бусами из каменных, стеклянных, реже бронзовых компонентов. Также на шее носились

амулеты из зубов и рога животных, из камня и бронзы. Пояса людей, занимавших в обществе *особое* положение (возможно, военных вождей), снабжались *массивными бронзовыми пряжками, украшенными* причудливыми фигурами черепах или колокольчиками. Поперек туловища также надевалась бронзовая цепочка с колокольчиками. Запястья украшались браслетами из камня, стекла и бронзы, причем, как правило, в большом количестве. По меньшей мере, каждую руку украшала пара браслетов. На предплечье также носились браслеты, украшенные большим числом колокольчиков. Этот же вид украшений надевался на щиколотки ног (обычно, украшались *сразу* обе ноги).

На основе дошедших до нашего времени изображений женских фигур на рукоятях бронзовых *кинжалов*, авторы пытаются реконструировать «эталон красоты» эпохи Донгшон. *Самым красивым* из подобных изображений украшена рукоятка кинжала, найденного у подножья горы Ныа. В длину оружие *имеет 50 см, длина рукояти – 18,2 см. Навершие* рукояти представляет собой фигуру женщины. «Женщина с горы Ныа» имеет круглое лицо (непременная часть вьетнамского эталона красоты с древности до настоящего времени), маленький рот, выпуклый нос, широко раскрытые глаза, в которых авторы видят отражение ума и доброты. Волосы зачесаны кверху. Уши украшены парой больших серег, спускающихся до плеч. Это доказывает факт, что вытянутые книзу уши считались у вьетов красивыми *еще* в добуддийские времена (у народов Дальнего Востока такая форма ушей традиционно связывается с обликом бодхисатв). Талия «женщины с горы Ныа» узка и соответствует современным понятиям о красоте. *Одежда состоит из высокого головного* убора, имеющего заостренную кверху форму, облегающей короткой куртки, длинной юбки, доходящей до щиколоток, и пояса, концы которого свисают до земли – один спереди, другой сзади. Куртка, юбка и пояс испещрены узорами.

Изображения мужских фигур на рукоятях кинжалов отличаются отсутствием узкой талии и наличием короткой набедренной повязки. Что касается украшений, то их внешний вид и количество совпадают у мужских и женских фигур.

Авторы рассматривают также изображение женской фигуры на рукояти кинжала из Лангвака. В целом, внешний облик «женщины из Лангвака» совпадает с обликом предыдущей фигуры. Она еще более приближается к современным понятиям о красоте. У фигуры – выпуклая грудь и крутые бедра, на лице обозначены брови и длинные ресницы.

Одежда напоминает одеяние предыдущей фигуры. *Пояс покрыт узорами. В уши продеты* большие серьги в виде колец. Шея украшена четырьмя ожерельями. Руки от запястий до локтей закрыты браслетами. Набор украшений на этой фигуре кажется самым богатым среди всех подобных изображений.

Гравировки на больших бронзовых барабанах, являющихся символом культуры Донгшон, включают изображения юношей и девушек, молотящих рис. Юбки девушек, также как их головные уборы, украшены *птичьими перьями*.

В заключении главы авторы, ссылаясь на средневековые источники, освещающие древнюю историю вьетнамского народа, пишут о веселом, оптимистичном характере своих древних предков, воплотившемся в обычаях и прикладном искусстве. В эпоху бронзы классовое разделение у вьетов было еще нечетким. Племенные вожди возделывали землю наравне со всеми. В общинах царил дух веселья и радостного отношения к жизни, что отразилось на богатстве украшений.

Опираясь на старинные источники, авторы пишут, что, возможно, начиная с эпохи бронзы, у вьетов бытовал обычай татуировать свои тела изображениями *драконов, сохранявшийся вплоть до недавнего* прошлого. Другим обычаем, дошедшим до настоящего времени, является жевание бетеля и чернение зубов. Останки, обнаруженные в захоронениях эпохи бронзы, порой имеют черные зубы, что свидетельствует о древности обычая.

Сравнение украшений вьетов с украшениями соседних народов подтверждает их самобытность. Так, народность Диен, населявшая китайскую провинцию Юннань, в основном украшала упряжь своих коней, индийцы красили брови и украшали лоб специальным пятнышком, жители Таиланда изготавливали бронзовые браслеты с колокольчиками, отличавшиеся, однако, по форме от вьетских (кроме того, тай*ские колокольчики имеют круглую, а не вытянутую*, как у донгшонских, форму).

На этом заканчивается последняя глава книги вьетнамских археологов Чинь Шиня и Нгуен Ван Хюена «Украшения древних вьетов». За ней следует список использованной литературы, состоящий из 22 наименований. Книгу закрывает заключение, являющееся переводом последней главы на английский язык. Изложенный в монографии материал частично проиллюстрирован рисунками и фотографиями. Рисунки представляют в разных ракурсах основные *виды каменных, стеклянных и бронзовых украшений*, о которых идет речь в книге. Весьма интересны прорисовки изображений на бронзовых барабанах, а также кинжалов с навершиями в виде женских фигур. Фотографии наглядно демонстрируют многообразие описываемого материала. Особый интерес представляют фотографии браслетов с колокольчиками эпохи Донгшон, надетых на запястья и щиколотки современного человека. *Эти изображения помогают наглядно* представить, как бронзовые украшения смотрелись на человеческом теле.

В заключении рецензии необходимо сказать, что данная монография представляет собой первую во вьетнамской исторической науке попытку широкого изучения столь самобытного явления материальной культуры древних вьетов, как украшения. История древневьетнамских украшений рассматривается на длительном временном промежутке с неолитического периода (около 10–8 тыс. лет до н. э.) по пери*од поздней бронзы (VIII в. до н. э. – I в. н. э.). Исследование* базируется на богатом археологическом

материале. Также используются этнографические и исторические источники. Авторы часто прибегают к компаративному методу, сравнивая украшения вьетов с аналогами, существовавшими у других, в том числе, соседних народов. Это помогает лучше ощутить своеобразие мастерства ювелиров древнего Вьетнама.

С другой стороны, малодоказательными кажутся частые попытки авторов продемонстрировать первенство древних вьетов в деле создания целого ряда видов украшений, пользовавшихся популярностью у многих других народов Юго-Восточной Азии. Эта тенденция характерна для большинства работ вьетнамских ученых, посвященных древностям своей страны. Она имеет исток в исследованиях периода борьбы Вьетнама за независимость в 60-х–70-х годах XX века, когда наука выполняла государственный идеологический заказ. Эта тенденция, видимо, окончательно не изжита до сих пор.

Стремление авторов с максимальной наглядностью реконструировать способы ношения различных видов украшений безусловно относится к положительным сторонам работы.

Бесспорно, монография вьетнамских археологов Чинь Шиня и Нгуен Ван Хюена «Украшения древних вьетов» является подробным и глубоким исследованием, которое может быть интересно как специалистам, так и рядовым читателям.

В. А. Ветюков
Россия, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет, кафедра Истории стран Дальнего Востока

ЭТНО- И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ ЭЛЛИНСКОЙ НАРОДНОСТИ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ, ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВОГО ТИПА В АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Ю. В. Андреев. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.). 862 с., 250 илл., 5 вкл., библ.: С. 801–820. 2002. Санкт-Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин».

В последней книге Ю. В. Андреева «От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.)» тщательно исследованы, увлекательно и изящно описаны и убедительно интерпретированы древние культуры и цивилизации, появлявшиеся, развивавшиеся и угасавшие в районе Эгеиды в эпоху бронзы (западноанатолийская культура Трои-Гиссарлыка, кикладская культура, раннеэлладская культура материковой Греции, минойская цивилизация Крита, микенская цивилизация Греции), в своей совокупности составившие предысторию классической Эллады, блестящий и красочный образ которой Юрий Викторович создал в своей предыдущей работе «Цена свободы и гармонии». Он не оставил своего читателя в некотором недоумении поражаться и восхищаться «греческим чудом», как бы внезапно возникшим из небытия, или, по крайней мере, объяснять его по привычной, принятой в нашей историографии схеме – успехами в развитии ремесла и торговли.

Он написал еще «От Евразии к Европе», поставив и по-своему решив такую сложную задачу, как показать, что привело к возникновению «греческого чуда» именно в данном регионе и в данное время. Эта задача разрешена Юрием Викторовичем тем более основательно, что второй раздел его монографии содержит обстоятельную характеристику состояния греческого общества и его культуры в течение периода так называемых «темных веков» (XII–VIII вв. до н. э.). В последней главе этого раздела особое внимание уделено переломному VIII столетию, или веку Гомера, с которого собственно и начинается история античной Греции.

Помимо всестороннего и глубокого исследования культурогенеза Эгейского мира эпохи бронзы и раннего железа, завершающим витком развития которого явилось рождение греческой культуры исторического времени, Ю. В. Андреев в своей работе ставит еще целый ряд сложных и важных проблем: этногенеза греческого народа, формирования свойственного ему особенного этнического характера и психического склада (в немалой степени «ответственного», по мысли автора, за возникновение «греческого чуда») и, наконец, выявления особенностей (по сравнению

с эволюционным процессом) пути исторического развития народов Эгейского мира и ранней Греции, то есть глобальной теоретической проблемы, далеко выходящей за рамки конкретного исторического исследования.

Какими же источниками располагал автор для осмысления интересовавших его глобальных проблем? Для последних разделов своей работы, посвященных процессу становления раннегреческого полиса, он использовал свидетельства античных историков, анализируя их, сверяя с относящимся к данной эпохе археологическим материалом и, таким образом, выявляя зерно исторической истины. Так, на с. 761–762 приводится свидетельство из «Археологии» Фукидида, где четко разграничены два этапа в развитии греческого общества, каждому из которых соответствовал определенный образ жизни и определенный тип поселения. Первоначально (в отдаленной древности) это была кочевая или полукочевая жизнь в разрозненных, лишенных стен деревнях-комах с постоянными перемещениями по территории страны как целых племен, так и отдельных семей, в более позднее время – оседлая жизнь в хорошо укрепленных городах-полисах. Ю. В. Андреев отмечает, что, по мнению Фукидида, переход от бродячего образа жизни к оседлому, от деревень к городам был тесно связан с развитием мореплавания и торговли, которая ведет к накоплению богатства, дающего человеку возможность приобрести средства защиты от окружающего его враждебного мира, то есть обнести свой полис стенами. Уважительно относясь к сообщению Фукидида, Ю. В. Андреев, тем не менее, имея в виду археологический материал, характерный для данного периода, указывает, что в реальной жизни греков геометрического времени богатство, нажитое торговлей, скорее всего, еще не играло той главенствующей роли, которую приписывал ему Фукидид, ориентировавшийся в своих рассуждениях на передовую экономику Афин второй половины V в. до н. э. Однако автор отмечает, что одна существенная черта конкретной исторической ситуации, сложившейся в Греции уже в VIII в. до н. э., им схвачена верно – резкое обострение межобщинной вражды, вызванное (как это теперь ясно) нарастанием перенаселенности и земельного голода и непосредственно связанное с этой враждой возникновение поселения нового типа – укрепленного полиса. На этом примере видно, что Юрий Викторович не ограничивался информацией письменных источников, а корректировал ее данными археологии, и это способствовало всестороннему и глубокому проникновению в суть вопроса.

Для большей же части этого фундаментального труда – в разделах, посвященных эгейским культурам эпохи ранней бронзы, минойской цивилизации периода ее расцвета, детально охарактеризованной во всех ее сложных и загадочных аспектах, включая религию и искусство минойцев, микенской цивилизации и, в известной степени, начальной фазе «темных веков» в истории Греции – основным источником является именно археологический материал. Это – археологические комплексы, открытые в разных частях Эгейского мира, огромное количество керамики разных типов и стилей, принадлежащей разным археологическим культурам и разным регионам Эгейского бассейна, бесчисленные оттиски печатей, часто загадочные по смыслу и образу художественной выразительности фрески, произведения скульптуры, ювелирные изделия и тому подобные древности. И вот автор остается один на один с этим огромным археологическим материалом и, как он сам говорит, с «лишь далекими отсветами первоначальных верований и преданий» (Андреев 2002: 401) народностей Эгейского мира в позднейших греческих мифах, а также с многочисленными гипотезами предшественников, требующими проверки.

Здесь на помощь Ю. В. Андрееву приходят его интерес и любовь к изобразительному искусству – искусству в целом. Тонкий вкус, глубокое и в то же время широкое знакомство со всеми художественными стилями, со всеми эпохами в эволюции европейского и мирового искусства способствовали свободной ориентации в проблемах и специфике древнего искусства и ряду оригинальных и ярких наблюдений. Анализ исследуемых произведений древнего искусства отличается профессиональным изяществом, смелыми сопоставлениями, широким взглядом на вещи и, наконец, образным языком, который доносит произведения древнего искусства более понятными современному читателю.

Более того, не растерявшись и не утонув в этом море керамики, изображений на печатях и других добытых археологией артефактов, автор средствами художественного анализа, классифицируя и группируя рассматриваемые им произведения по типам и стилям, создает обобщенные образы археологических культур и цивилизаций, существовавших в районе Эгеиды, выявляя закономерности их развития, психический склад и духовные наклонности создавших их народов.

Вторым «инструментом», помогающим Ю. В. Андрееву разгадывать загадки древних эгейских культур, является глубокое знание истории древних религий (как западных, так и восточных), позволяющее ему проводить параллели и делать сопоставления, а также предпринимать попытки философского осмысления религиозных верований древних народов в духе самых крупных историков религии XX в. (М. Элиаде и др.).

В первой части своей работы, исследуя культуры Эгейского мира эпохи ранней бронзы, Юрий Викторович старается нащупать древнейший фундамент, на котором потом (много времени спустя) будет построено здание будущей эллинской культуры, и делает ряд интересных и важных наблюдений.

Вопреки мнению видного английского археолога К. Ренфрю, исходившего из представления об эгейском регионе как о некой культурной общности («эгейское койне»), автор показывает, что все этнокультурные группы, находившиеся внутри этого региона, развивались в целом автономно (хотя основные культурные ареалы Эгейского мира не были

полностью изолированы друг от друга) и сам процесс эгейского культурогенеза в III тыс. до н. э. шел крайне медленно, неравномерно и прерывисто.

Самым удивительным и своеобразным явлением в истории Эгейского мира в эпоху ранней бронзы Ю. В. Андреев считает культуру островов Кикладского архипелага, характеристика которой является блестящим образцом его метода работы. Отмечая чрезвычайно высокий уровень развития кикладского ремесла, Юрий Викторович особенно подробно описывает и анализирует один тип кикладских керамических изделий – так называемые «кикладские сковородки» (плоские сосуды с одной ручкой, по форме действительно напоминающие сковороду), бывшие предметами культовой утвари, сама форма и декоративное убранство которых пронизаны сакральной символикой.

На основании анализа двух видов «кикладских сковородок» Юрий Викторович пришел к такой любопытной мысли: на Кикладах «возникли две заметно различающиеся между собой модели мироздания: одна, воплотившая в духе первобытного синкретизма образ великого женского божества природы, и другая, хотя и несколько более ранняя по времени, но уже свидетельствующая о переходе человеческого сознания на более высокий уровень абстрактного мышления и его постепенном освобождении от осмысления окружающего мира исключительно в категориях или скорее в образах мифологического антропоморфизма» (49–50).

Из этого высказывания можно сделать два вывода: 1) более ранние религиозные верования не обязательно должны быть более примитивными; 2) антропоморфизм не представляет собой высшей формы в развитии древней религии и мифологии – более высокие, философские представления об окружающем мире и богах могут носить абстрактный характер.

Первый из них близок к представлениям о происхождении религии и мифологии таких видных историков религии XX в., как М. Элиаде и Р. Генон, принадлежавших к направлению так называемого традиционализма. М. Элиаде считал, что мифы воспроизводят священную историю, происходившую в начале Времен, а Р. Генон возводил мифологию к примордиальной традиции, представляющей собой сверхвременной синтез всех знаний человечества. Оба же они полагали, что древние мифологии по своей сущности и образной форме восходят к одному, высшему истоку. Любопытно, что аналогичная мысль была высказана представителем совсем другого направления в изучении мифологии, одним из виднейших структуралистов – Ж. Дюмезилем, который, правда, имел в виду только индоевропейское сообщество, а не все человечество. По его мнению, изначальная протоиндоевропейская религия была исторически гораздо более утонченной и сложной, чем более поздние индоевропейские религии, произошедшие от нее. Короче, Дюмезиль «не мог допустить эволюции того, что уже существовало в зрелом состоянии ранее самого появления традиции. . . « (Dumezil 1973: 27).

Второй вывод также находится в согласии с размышлениями некоторых последователей древних религий. Например, П.-М. Дюваль, занимающийся изучением религии древних кельтов, считает, что свойственная кельтам склонность к духовности и абстрактности, так ярко проявившаяся в их искусстве, в религии могла привести к созданию идеи великих богов, которые не имели антропоморфных очертаний и приобрели их только в Галлии римского времени под настойчивым римским влиянием (Duval 1976: 126).

Сам Ю. В. Андреев так не считал ни в первом, ни во втором случае. Как показывает дальнейший ход его мысли, будучи рационалистом и, в известной степени, эволюционистом по своим воззрениям, он полагал (это видно на примере истолкования эволюции минойской религии), что развитие религии идет от низших форм к высшим – через тотемизм, фетишизм, культ предков, анимизм, шаманизм и тому подобное, к выделению из этого «первобытного пандемонизма» нескольких центральных фигур главных божеств, имеющих антропоморфный облик (Андреев 2002: 279–280). Идеальные же антропоморфные образы греческих богов классической Греции представляли для него вершину развития античной религии. Однако отбор памятников кикладской культуры и их интерпретация делают возможными приведенные выше размышления по поводу развития древних религий. И это свидетельствует о высокой научной акрибии автора и об его широком, философском взгляде на вещи.

Вершиной развития кикладской культуры автор считает кикладскую скульптуру – замечательных кикладских идолов. Чтобы читатель мог оценить своеобразие и высокий эстетический уровень этой скульптуры, он сравнивает кикладские идолы, изображающие женские божества, с неолитическими женскими статуэтками и отмечает, что на фоне неуклюжих, тяжеловесных, «закосневших в своей грубой материальности женских фигур эпохи неолита» кикладские статуэтки «воспринимаются как воплощение сдержанной, суховатой элегантности, глубокой духовной сосредоточенности и отрешенности от всего земного. Лучшие из них поражают благородной чистотой (певучестью) линий, изысканной четкостью и законченностью силуэта… Если неолитические Венеры напоминают сгустки материи или какой-то иной субстанции, заполняющей пространство, лишь на мгновение от нее отделившиеся и всегда готовые снова в ней раствориться, то лучшие из кикладских идолов как бы обведены некой магической чертой, полностью изолирующей их от их непосредственного окружения наподобие современной голограммы» (Андреев 2002: 58–59). Подкупает бережное и любовное отношение Ю. В. Андреева к таким ранним культурам, чувство глубокого уважения, которое он к ним испытывает. Кикладцев, например, он называет «рафинированными эстетами и аристократами духа», а их искусство «первым проблеском» специфически эгейского чувства формы. Юрий Викторович отмечает, что, к сожалению, культуры Эгейского мира

эпохи ранней бронзы (ни утонченная культура кикладцев, ни среднеэлладская культура материковой Греции, в отличие от инертной кикладской обладавшая какой-то упругой силой сопротивления натиску окружающей среды, ни другие культуры) не превратились в цивилизации. Они как будто растратили отпущенный им природой запас жизненных сил и впали в анабиоз.

Исключением из этого правила суждено было стать, как известно, лишь одной минойской культуре ранней бронзы на Крите, которая превратилась в одну из самых блестящих цивилизаций древнего мира. Объяснение причин этого явления автор видит в наличии двух важнейших факторов, которые он не однажды использует в своей работе, чтобы обосновать глобальные перемены в истории Эгейского мира и ранней Греции: это мощный «энергетический заряд», который подспудно таился под внешне консервативными формами раннеминойской культуры, и географический фактор – удачное географическое положение Крита, позволившее его древним обитателям наладить более или менее стабильную систему контактов с культурными центрами Египта и Передней Азии, что открыло для них не только колоссальный рынок дефицитных видов сырья, но и «рынок новых идей». Ю. В. Андреев не отрицает наличия восточных влияний в критской культуре и, более того, он считает, что цивилизация Крита «с полным основанием может быть признана новым и достаточно важным звеном в цепи взаимосвязанных дворцово-храмовых цивилизаций Восточного Средиземноморья и Передней Азии» (Андреев 2002: 118), но в то же время он отмечает самобытность и своеобразие критской культуры. Объяснение этому явлению он находит, анализируя образцы так называемой «пятнистой керамики», относящейся еще к раннеминойской эпохе, и на основе этого анализа выводя «стилистическую формулу» минойской культуры, которую он определяет как «живописный динамизм». Образцы «пятнистой керамики» ясно показывают, что уже в III тыс. минойские художники, наделенные особой восприимчивостью к цвету и движению, представляли мир в сугубо импрессионистической манере, то есть в состоянии непрерывного движения, непрерывных изменений, превращений, переходов из одной формы в другую. В этом мировосприятии не было места автономным, замкнутым на себя и как бы навеки застывшим восточным культурным системам.

Большая часть первого раздела, озаглавленного «Эгейские культуры и цивилизации бронзового века», посвящена минойской цивилизации Крита в эпоху средней и поздней бронзы, которая исследована глубоко и скрупулезно. Это – период существования «старых дворцов» и «новых дворцов». Интересна высказанная мысль о том, что дворец, несомненно, был прежде всего святилищем, жилищем верховного божества, и в этом качестве мог успешно выполнять и все другие свои функции (Андреев 2002: 136–137). Более того, критский дворец сакрален уже по самой своей вписанности в окружающий ландшафт. Он обычно расположен так, что на его осевой линии к северу или к югу можно видеть округлый или конический холм, а на некотором расстоянии от него – гору с раздвоенной вершиной. В понимании самих минойцев, эти особенности ландшафта были наполнены глубокой сакральной символикой и воспринимались как неоспоримое свидетельство присутствия самой великой богини – «матери-земли», в лоне которой и располагался дворец.

Специальная глава посвящена некоторым архаическим чертам минойской цивилизации, среди которых важное место занимает феномен так называемого «минойского матриархата». В первом параграфе этой главы предпринята попытка пролить свет на эту загадочную проблему, использовав критские фрески как исторический источник. Автор проанализировал ряд фресок, на которых изображены критские дамы всегда в преимущественном положении по сравнению с мужчинами: они занимают лучшие, почетные места на всякого рода светских и сакральных представлениях, исполняют более важные, чем мужчины, функции в культовых церемониях или просто изображаются выше ростом и монументальнее, чем мужчины. Ю. В. Андреев приходит к выводу о том, что женщина пользовалась в минойском обществе почетом и уважением как существо, принадлежащее к сакральной сфере и выполняющее функции посредницы между миром людей и миром богов. Он не соглашается с теми исследователями, которые оценивали «минойский матриархат» как явление пережиточного характера, как остаточное наследие эпохи «материнского права», поскольку современная этнография доказала, что, скорее всего, такой эпохи в истории человечества вообще не было. Сам Юрий Викторович дает несколько парадоксальное, но в то же время остроумное и правдоподобное объяснение этому феномену. По его мнению, это была защитная реакция архаического менталитета минойцев на слишком быстрый переход от первобытнообщинного строя к цивилизации. Минойское общество нуждалось в тормозе, который замедлил бы слишком стремительную динамику роста. Таким тормозом на пути исторического прогресса явились женщины как наиболее консервативная и традиционно мыслящая часть социума. В то же время они смогли выдвинуться на первый план общественной жизни, поскольку являлись главными хранительницами культов хтонических божеств и, прежде всего, Великой богини. Такая высокая позиция в обществе давала женщинам возможность «контролировать поведение своих мужей и братьев, сдерживать их чрезмерный азарт и склонность к авантюрам». В этом автор видит одну из основных причин известной недоразвитости минойской цивилизации. Впрочем, он считает, что минойских женщин за это винить не следует. «Ведь именно их мудрой опеке над представителями противоположного пола, – пишет Юрий Викторович, – мы обязаны тем, что созданная ими культура стала едва ли не самым прекрасным из побегов на древе истории древнего Средиземноморья» (Андреев 2002: 215).

Поскольку в жизни обитателей древнего Крита все было насыщено сакральностью, то естественно

поэтому, что самая большая часть (около 300 страниц) первого раздела книги посвящена критской религии. Автор замечает, что религиозный характер носят почти все дошедшие до нас произведения минойского искусства, даже те из них, которые долгое время воспринимались как образцы чисто декоративной или пейзажной живописи (фрески из Кносса и Айя Триады, вазы морского и флорального стиля). Основываясь на огромном археологическом материале, Ю. В. Андреев исследует различные аспекты критской религии.

Во-первых, он отмечает широкое употребление в сфере культа разнообразных сакральных символов, например символов Центра Мира. Символика Центра Мира хорошо известна. Еще М. Элиаде показал, что в мифологическом мировосприятии человека традиционной культуры центральное место занимало воспроизведение космогонического акта, который начинался именно с Центра Мира, поэтому «центр» является областью, наделенной высшей сакральностью, областью абсолютной реальности.

В книге Ю. В. Андреева приведен целый ряд таких символов Центра Мира. Например, минойцы сознательно выбирали для своих святилищ вершины гор, а Священная гора, где встречается Небо с Землей, расположена в Центре Мира, поэтому именно там можно было ожидать эпифании божества. Юрий Викторович отмечает также, что в сценах эпифании нередко фигурируют изображения священных деревьев, обнесенных особого рода оградой (Андреев 2002: 264–265). Такое священное дерево является или Космическим деревом, символизирующим вселенную, или Древом жизни. Таким образом, священное дерево воплощает абсолютную реальность, ход жизни и сакральную власть и поэтому находится в Центре мироздания. Кроме того, крыша дворца, сам дворец, был ли он сакральным комплексом или царской резиденцией, – это Священная гора, а тем самым и Центр Мира.

В последней, 4 главе исследования минойской религии уделено много внимания еще одному важному символу Центра Мира – лабиринту, который занимал такое важное место в критской религиозно-мифологической традиции. Согласно концепции Элиаде, лабиринт, каковы бы ни были его изначальное значение и функции, служил непосредственно для охраны и защиты Центра, то есть «воплощал собой путь – через инициацию к сакральному и вечному, к абсолютной реальности» (Элиаде 1999: 348). Ритуалы инициации с использованием лабиринта призваны научить неофита входить при жизни в царство мертвых, не потеряться в нем, суметь проникнуть в труднодоступное место, в котором находится источник или символ могущества, святости или бессмертия.

Ю. В. Андреев сначала выбирает только одно из символических значений лабиринта, трактуя его как «путь на тот свет». Затем он начинает тщательно исследовать этот символ. Он отмечает, что древнейший из всех известных сейчас науке чертежей «классического лабиринта» был открыт на табличке из пилосского архива, что делает более или менее оправданной догадку об «изобретении» фигуры этого рода где-то в пределах эгейского региона (Андреев 2002: 482). Затем он останавливается на сложной проблеме происхождения «классического лабиринта» и приходит к обоснованному выводу, что с точки зрения развития геометрической и тесно с ней связанной религиозной идеи, заложенной в лабиринте, его ближайшим прообразом является заспиралеванная вращающаяся свастика, уже характерная для кикладского и раннеминойского искусства. Юрий Викторович идет еще дальше, различая за этим священным символом «образ божественного быка с причудливо изогнутыми ногами, руками и рогами» (Андреев 2002: 493).

Затем он исследует мифологию лабиринта по позднейшим греческим мифам, считая Дедала первоначально (еще в конце минойской эпохи) божеством-психопомпом, которому была доверена тайна Лабиринта, а затем (после эллинизации Крита) зодчим-строителем Лабиринта – темницы для Минотавра. Тезей – это герой, отправляющийся за героической инициацией на тот свет, а прекрасная Ариадна – это «Владычица Лабиринта», хозяйка загробного мира.

Проанализировав различные воплощения и отражения мифологемы Лабиринта в искусстве и мифологической традиции, Ю. В. Андреев дает развернутое определение этого священного символа. И в этом определении нашли отражение его размышления об особенностях мировосприятия, менталитета, духовного склада минойцев, которые, в конечном счете, могли бы объяснить своеобразие минойской цивилизации в целом: «... Именно этот грандиозный образ во всей его необычной сложности и многомерности с полным основанием может быть признан пространственно-временной доминантой минойской модели мира. В этом удивительном порождении религиозной фантазии людей бронзового века слились в единый «семантический пучок» имевшие для них жизненную важность представления о стремительном вихревом движении мироздания, о циклах рождения и смерти в жизни природы и общества, и, наконец, о великом и страшном пути, связующем этот бренный земной мир с миром вечной жизни» (Андреев 2002: 511).

Ю. В. Андреев, отмечая, что минойцы воспринимали мир как вечно движущуюся живую материю, делает вывод, что они неизбежно должны были прийти к тому, что лучшим средством магической стимуляции скрытых сил природы является подражание этому движению. Отсюда, по мысли Юрия Викторовича, особый динамизм, присущий минойской цивилизации. Так, динамическая экзальтация была в высшей степени характерна для минойских религиозных обрядов и акцентированный динамизм был отличительной чертой минойского искусства: «Неудивительно поэтому, что именно образ Лабиринта, этого мифического perpetuum mobile оказался наиболее органичным для минойского менталитета способом решения важнейших загадок бытия».

Вторая глава называется «Центральные фигуры минойского пантеона: Великие богини и их спутники». Здесь проанализирован обширный археологический материал, имеющий отношение к критской

религии: прекрасно описаны и увлекательно истолкованы многочисленные изображения на оттисках печатей, *статуэтки, рельефы, антропоморфные* сосуды, росписи на вазах и другие памятники минойского искусства. С самого начала Ю. В. Андреев должен был определиться, выбрав ту или иную позицию в концептуальном споре, разделившем исследователей минойской религии на два лагеря: одни, вслед за Эвансом, считают критскую религию монотеистической, а все божественные женские образы, встречающиеся в минойском искусстве, – изображениями одной Великой богини – Матери-Земли, известной по древним религиям разных народов мира; другие *идут вслед за Нильссоном, который выдвигал* целую группу, с его точки зрения, почти не связанных между собой критских божеств.

Автор выбирает позицию политеизма, однако, в отличие от Нильссона, он анализирует образы только трех богинь, известных под достаточно условными наименованиями – «Древесная богиня», «Владычица зверей» и «Змеиная богиня». Самым поразительным изображением «Древесной богини» является *загадочная сцена, представленная на знаменитом* «кольце Миноса», блестящую интерпретацию которой предложил Юрий Викторович (Андреев 2002: 284–290). Будучи совершенно согласны с этой интерпретацией, приведем вывод, к которому он пришел. На «кольце Миноса» на фоне причудливого пейзажа разыгрывается мистерия явления божества, следующая непосредственно за актом сотворения мира. Только что совершившийся акт был делом рук «Древесной богини»: *именно она создала* первую сушу, разбросав по поверхности моря бетилы, устроила на возникших таким образом островах первые святилища и взрастила на них священные деревья. В данном случае «Древесная богиня» – это образ универсального женского божества, которое царит над всем космосом и, более того, способно претворить изначальный хаос в космос. Ю. В. Андреев утверждает что «основополагающая для минойской религии мысль о ее власти *над всем миром* … здесь выражена достаточно ясно» (Андреев 2002: 297).

Далее Ю. В. Андреев *рассматривает* изображения «Владычицы зверей» на печатях, называя ее другой Великой богиней минойского пантеона, видимо, не идентичной первой. Как правило, она изображается в виде женской фигуры в сопровождении зверей. Однако, существует целый ряд печатей, на которых «Владычица зверей» в центре композиции заменена *финиковой пальмой или* колонной, ассоциирующимися соответственно с жертвенными животными и воплощенной богиней (Андреев 2002: 312 *слл.*).

Как особое божество, во многом отличное как от «Древесной богини», так и от «Владычицы зверей», Ю. В. Андреев расценивает так называемую «Змеиную богиню», известную прежде всего по знаменитым фаянсовым статуэткам из «хранилища храмовой утвари» Кносского дворца, хотя сохранились и другие ее изображения, в основном, скульптурные (Андреев 2002: 317 сл.). Вопреки мнению Эванса и его последователей, Юрий Викторович считает, что «Змеиная богиня» не была богиней домашнего очага, а, как и две предыдущие, мыслилась как некая универсальная сила, охватывающая всю природу и в связи с этим проникающая в различные сферы человеческой деятельности.

Таким образом, приведенный материал наводит на мысль, что, может быть, не так уж и не прав был Эванс, когда в своем первоначальном озарении, сразу же после открытия им минойской культуры, высказал *мысль о существовании на Крите одной Великой* богини. Не придерживающийся этой точки зрения Ю. В. Андреев, тем не менее, отметил, что составляющие основное структурное ядро минойского пантеона образы трех Великих богинь отличались крайней аморфностью и, видимо, уже изначально не были четко разграничены между собой (Андреев 2002: 353). Может быть, бесконечный спор между монотеистами и политеистами не так уж и важен, судя по приведенному *мнению греческого археолога Ст.* Алексиу, к которому Юрий Викторович советует прислушаться: «Это различие (между разными богинями и различными аспектами одной и той же богини – Ю. А.) было неясным для догреческого верующего» (Андреев 2002: 276, прим. 91).

Остановимся на проведенном автором анализе (с которым мы полностью согласны) еще одного персонажа минойского пантеона – критского мужского божества, которого с легкой руки Эванса, в данном случае следовавшего за Дж. Фрэзером, считают сыном и одновременно возлюбленным или супругом Великой богини. Ю. В. Андреев прав, говоря, что подобные представления основаны на достаточно произвольных сближениях с религиями стран Передней Азии и почти не находят подтверждений в иконографическом материале критского искусства.

В действительности, изначально в критской религии присутствовала очень древняя идея андрогинности универсального женского божества, характерная для древних религий. *В минойской религии* черты андрогинности яснее всего выступают в образе «Владычицы зверей», загадочное украшение которой – «змеиная рама» – могло восприниматься и как змеи, и как рога, и как стебли какого-то фантастического растения, и, наконец, как божественный фаллос, наделенный четырьмя навершиями, метафорический образ многократно увеличенных плодотворящих сил природы. Понятно, что божество, соединяющее *признаки как женского, так и мужского пола и*, следовательно, способное к оплодотворению при выполнении своей основной функции дарования жизни всему живому, могло обойтись и без мужского партнера. Как справедливо отмечает Юрий Викторович, «очевидно консорт Великой минойской богини не был ни ее сыном, ни ее возлюбленным. Вернее всего его положение при ней можно было бы определить как статус дублера, мужской ипостаси, может быть, *своего рода эманации богини, помогающей ей в выполнении* некоторых ее функций» (Андреев 2002: 343).

Мысль о возможности *сексуальных союзов между* верховными женскими и мужскими божествами, *вероятно*, зародилась в религиозном сознании миной-

цев достаточно поздно, скорее всего под влиянием какой-либо из восточных религий: египетской, вавилонской, хеттской или западносемитской. В позднейшем критском цикле мифов мифологема «священного брака» тесно связана с образом божественного быка (похищение Европы, рождение Минотавра от противоестественной связи Пасифаи с быком). Культ быка (глава 3), до этого не игравший какой-то заметной роли в религиозной жизни минойцев, был впервые включен в число наиболее важных общегосударственных культов в период «новых дворцов». Центральные дворы Кносского и других дворцов превратились в игровые площадки, на которых устраивались игры с быками (знаменитая минойская тавромахия, ставшая главной формой почитания богабыка). Вероятно, тогда же в число религиозных празднеств, справлявшихся в критских дворцах, были включены и ритуалы «священного брака» Великой богини и божественного быка, воплощавшего образ верховного мужского божества.

Блестяще, как бы на одном дыхании, написана 5 глава о критском искусстве, которая называется «Экстатическое искусство». Ю. В. Андреев не задавался целью (какая обычно ставится в искусствоведческих работах) систематического изложения и подробного описания всех областей искусства древнего Крита, начиная с монументальных (архитектура, скульптура, живопись) и кончая прикладным искусством (керамика). У Юрия Викторовича была совсем другая задача: он старался выявить, в чем состоит своеобразие критского искусства, и докопаться до скрытых, тайных пружин, приводивших в движение механизм удивительного, особенного эстетического мироощущения минойцев, которое вылилось в создание замечательных произведений искусства.

Эту сложную задачу он решает, анализируя стили росписей критских ваз, высказывая свое восхищение в удивительно красивых и выразительных описаниях лучших образцов критской вазописи. Характерной особенностью критского искусства является присущая ему динамическая экспрессия, которая, как убедительно показал Ю. В. Андреев, представляет собой попытку воспроизведения художественными средствами великого религиозного таинства заклинания загадочных сил природы и приобщения к ним через прямой контакт с их главным источником и воплощением, каковым для минойцев была Великая богиня.

Юрий Викторович отмечает, что эта идея мистического слияния с божеством, хотя и выраженная в отвлеченной и зашифрованной форме, пронизывает все наиболее типичные абстрактно-орнаментальные росписи стиля Камарес. «Столь характерное, – пишет он, – для них вращательное движение нередко переходит в какой-то неистовый вихрь, настоящую оргию цветовых пятен и линий, в которой, как может показаться, принимает участие вся живая и неживая природа, символически представленная бесконечно варьирующимися комбинациями спиралевидных завитков, цветов, побегов и листьев каких-то диковинных растений. Почти неизменно, хотя и во множестве повторяющийся в этих росписях мотив спирали в этом сложном семантическом контексте может быть осмыслен как знак, указывающий на присутствие божества, или его символическая замена» (Андреев 2002: 533).

Та же самая динамическая экспрессия, порожденная мистическим экстазом, характерна и для ваз морского стиля, хотя они и украшены максимально приближенными к действительности и поэтому легко узнаваемыми изображениями различных морских животных: осьминогов, наутилусов, морских коньков, морских звезд. «Но все они, – продолжает Юрий Викторович, – так же как и орнаментальные фигуры в вазовой живописи предшествующего периода, находятся в состоянии непрерывного кругового движения, вращаясь одновременно вокруг собственной оси и вокруг тулова сосуда. Темп и направление этого движения могут различаться, но сам его характер везде остается одним и тем же. Неспешно плывут вдоль стенок так называемой марсельской вазы кораблики-наутилусы. Как бы мчится на нас из глубины сосуда, стремительно ввинчиваясь в воображаемую толщу воды, огромный осьминог на шарообразных амфорах из Гурнии и Палекастро. Медленно всплывают и вновь опускаются «на дно», вращаясь вокруг своей оси, морские звезды и причудливо закрученные раковины, выписанные на тулове и горлышке остроконечного ритона из Като Закро... » (Андреев 2002: 538).

Анализ критского искусства позволил автору сделать ряд важных теоретических выводов о психологическом складе минойского этноса, о влиянии географического фактора на психологию минойцев и на характер развития их цивилизации, о месте минойской культуры среди других культур Эгейского мира, о чертах ее сходства с будущей греческой культурой, о причинах упадка минойской цивилизации. Исследование наиболее характерных стилистических особенностей минойского искусства привело Ю. В. Андреева к мысли о наличии в психике минойцев черт разбалансированности нервной системы, некоторого невротизма, проявлявшихся в постоянной жажде движения (оборотной стороной страха перед неподвижностью) и неожиданном соединении часто в одних и тех же произведениях искусства необыкновенно острой наблюдательности и в то же время странной иллюзорности, ирреальности общей картины мира. По мнению автора, свойственная древним критянам нервность могла возникнуть в процессе адаптации этноса к капризной и изменчивой природе Крита, которая то являла жителям острова благостный и щедрый лик Матери-Земли, то наводила на них ужас страшными, разрушительными землетрясениями. Поэтому критяне находились в состоянии постоянного нервного напряжения, которое порождало в их сознании определенную раздвоенность, ощущение неустойчивого равновесия, балансирования на грани добра и зла, жизни и смерти.

В заключительной части раздела, посвященного культурам Эгейского мира, Юрий Викторович говорит о положительном влиянии географического фактора на развитие минойской цивилизации. Удачное

географическое положение Крита (его удаленность на южной окраине Эгейского бассейна от наиболее опасных очагов агрессии, достаточно большая территория и богатство природных ресурсов, близость к древним цивилизациям Передней Азии) способствовало тому, что на рубеже III–II тыс. до н. э. Крит был буквально вырван из «материнского лона» евразийского типа (по выражению автора) и начал быстро развиваться уже как цивилизация в известной степени *европейского типа. Эти счастливые обстоятельства*, интенсивное развитие мореплавания и торговли, экономическое преуспевание вывели древних критян из состояния психической неуравновешенности, вселив в них уверенность в своих силах и естественный оптимизм преуспевающих купцов и мореходов. И критское искусство откликнулось на это жизнерадостностью, каким-то особенным гедонизмом, который свойствен критским фрескам эпохи расцвета.

В этой жизнерадостности, а также в подчеркнутом изяществе силуэтов, в гармоничности пропорций *произведений минойского искусства* Ю. В. Андреев справедливо видит черты сходства с будущим искусством классической Греции. Кроме того, «праэллинскими» или «протоевропейскими» чертами минойской цивилизации он считает ярко выраженный динамизм, проявившийся в необыкновенно быстрых темпах ее развития, активные поиски контактов с другими культурами и в то же время способность к достаточно критическому, избирательному усвоению чужого опыта, что привело в результате к самобытности минойской культуры.

Однако, резкое расширение географического и культурно-исторического кругозора, стремительный выход из длившейся тысячелетиями изоляции от *внешнего мира, обновление всей системы* социально-экономических отношений – все это повлекло за собой болезненную ломку привычных стереотипов мироощущения минойцев, еще более усилив его врожденную дисгармоничность. «Сформировавшийся в этой напряженной, насыщенной сложными драматическими коллизиями атмосфере «этнический характер» минойцев причудливо соединил в себе такие, казалось бы трудно совместимые свойства, как стихийный гедонизм и любовь к природе и слепой, безотчетный страх перед нею, миролюбие и скрытую *агрессивность, благодушие и жестокость*» (Андреев 2002: 564–565). Преодоление этой внутренней раздвоенности потребовало от древних критян огромного расхода нервной энергии, постоянного эмоционального напряжения. Все это не могло продолжаться бесконечно и, в конце концов, привело к надлому и гибели всей системы.

В главе, посвященной микенской цивилизации и озаглавленной «Микенский финал бронзового века», Ю. В. Андреев характеризует микенскую цивилизацию как своего рода «неудачный черновик» классической греческой *цивилизации* (Андреев 2002: 641). Нужно сказать, памятники микенской культуры при знакомстве с ними не создают такого лишенного привлекательности общего образа, какой подразумевает это определение. Микенские дворцы-крепости с их мощной циклопической кладкой производят сильное и яркое впечатление. Более того, микенская архитектура имеет свои особенности, свидетельствующие о том, что она делает явный шаг вперед по сравнению с критской архитектурой. В *микенских дворцах* сразу бросается в глаза отсутствие центрального двора, который определял композицию критских дворцов. Напротив, микенский архитектор предпочитает проводить идею пути через ряд последовательно следующих друг за другом дворов, все возрастающих в своих размерах и великолепии, подготовляя, таким образом, зрителя к конечной цели – мегарону. Это мастерство микенского архитектора, с которым он добивается нарастания архитектурного впечатления, неизвестно критской архитектуре.

Конечно, трактовка форм животных на «Львиных воротах» микенского акрополя сильно уступает динамическому и натуралистическому чутью критских скульпторов, но, как известно, критская скульптура знала только маленькие статуэтки, не выше 50 см, тогда как здесь перед нами попытка создать скульптурные формы монументального размера. «Львиные ворота» являются первым памятником монументальной скульптуры на почве Греции, и в этом смысле иератические микенские львицы больше предвосхищают дух будущей греческой скульптуры, чем утонченные, импрессионистические статуэтки критского искусства.

Кроме того, греческий «храм в антах», самый *ранний тип греческого храма, так напоминает микен*ский мегарон, что становится ясно – именно от него он ведет свое происхождение. Пусть это частный случай. Но и сам Ю. В. Андреев неоднократно отмечает, что характерными чертами микенского искусства были – структурная ясность, тектоника, соразмерность части и целого, которые мы потом увидим в образном строе будущего греческого искусства.

Однако, каждый исследователь имеет право на свою точку зрения. К тому же, точка зрения Юрия Викторовича, как всегда, аргументирована и подтверждена *анализом большого числа микенских артефактов*. Просто акценты расставлены таким образом, что, оставляя несколько в стороне период расцвета микенской культуры и ее достоинства, автор сосредоточивает свое внимание на ее деградации и обусловленных вырождением недостатках. Характеризуя микенскую цивилизацию, Ю. В. выходит на уровень теоретических обобщений. Он пишет, что ему хотелось бы отойти от упрощенно-эволюционистского взгляда на историю Эгейского мира, поскольку он неадекватен сложной диалектике процесса становления *греческой цивилизации: исследователи, стоящие* на позиции эволюционизма, совершенно сбрасывают со счета дискретный, скачкообразный характер этого процесса, который проявился в засвидетельствованном археологией факте послемикенского регресса (Андреев 2002: 641, прим. 57).

В заключительном разделе своей работы, посвященном истории Греции в эпоху «темных веков», Ю. В. Андреев останавливается на сложной проблеме дорийского переселения, отмечая, что относящийся

к этому времени археологический материал плохо согласуется с сохраненным античной традицией преданием о так называемом возвращении Гераклидов. Романтически окрашенные легенды о подвигах потомков Геракла, об их противоборстве с ахейскими владыками Пелопоннеса, о разделе завоеванной страны и изгнании или порабощении почти всего ее населения не находят никакого подтверждения в материале раскопок. В то же время Юрий Викторович считает неприемлемым встречающееся в работах некоторых исследователей абсолютное отрицание самого факта дорийского переселения и связанных с ним изменений в этническом составе населения Греции. Более разумной ему, справедливо, кажется позиция тех ученых, которые, признавая реальность нового расселения греческих племен в конце II тыс. до н. э., вместе с тем подчеркивают, что позднейшая античная традиция не может считаться вполне адекватным отражением этого процесса и нуждается в тщательной корректировке с помощью археологического материала.

Рассматривая проблему дорийского переселения, автор делает два заслуживающих внимания наблюдения. Первое состоит в том, что продвижение дорийцев и других родственных им племен по территории Греции едва ли может быть названо «нашествием». По всей вероятности, оно осуществлялось путем постепенного просачивания небольших родо-племенных групп пришельцев в пустоты, образовавшиеся между уцелевшими после гибели микенской цивилизации островками коренного населения. Согласно второму наблюдению, в конкретной исторической обстановке периода миграций процесс расселения новой волны грекоязычных племен на Пелопоннесе и за его пределами мог растянуться на весьма длительный срок, вероятно, составляющий не менее нескольких столетий. Начавшись, по всей видимости, еще в XIII в. до н. э., он едва ли успел полностью завершиться к концу XI в. и, видимо, продолжался и в следующем столетии, представляя собой заключительный этап греческого этногенеза.

Исследуя историю Греции эпохи «темных веков», Ю. В. Андреев показывает, как после регресса микенской цивилизации, когда на протяжении XII–VIII в. в. до н. э. жизнь греческого общества не выходила за рамки самого примитивного деревенского или даже пастушеского быта, лишь около середины VIII в. до н. э. с началом архаического периода в наиболее передовых районах греческого мира возобновляется надолго прерванный цивилизационный процесс. Появляются укрепленные поселения протогородского типа, простейшие периптерные храмы, примитивные изображения человеческих фигур и фигур животных в вазовой живописи и мелкой пластике, древнейшие, очень короткие надписи, выполненные знаками нового алфавитного письма. Автор отмечает, что все это происходило на фоне возобновившихся после долгого перерыва контактов со странами Востока, которые оказывали влияние на формирование греческой цивилизации.

Затем Ю. В. Андреев задает ключевой для ранней истории Греции вопрос: почему молодая греческая цивилизация резко свернула в сторону с давно уже проторенной «столбовой дороги» цивилизаций древнего Востока? В результате этого отклонения, после того как сформировались основные институты греческого полиса, появился новый еще невиданный прежде тип государства и общества, и «во всем своем блеске предстали перед изумленным человечеством классическое греческое искусство, литература и философия» (Андреев 2002: 787). Иначе говоря, в чем причина рождения «греческого чуда»?

Юрий Викторович отказывается от распространенной в современной историографии точки зрения, согласно которой, процессы становления в Греции цивилизации нового типа были ускорены и интенсифицированы благодаря внедрению в экономику древних обществ Средиземноморья и Передней Азии индустрии железа. Он справедливо замечает, что «революция раннего железного века» носила всеобъемлющий, глобальный характер, в то время как «греческое чудо» было, «как и положено настоящему чуду, явлением уникальным, единственным в своем роде и четко ограниченным как в пространстве, так и во времени» (Андреев 2002: 788). Как и в случае культур Эгейского мира, минойской и микенской цивилизаций, чтобы решить загадку рождения «греческого чуда», автор обращается к факторам этнического и духовного порядка. Он полагает, что своеобразный менталитет древних греков (определявшийся особенностями их этнического характера и психологического склада) сформировался в период «темных веков» и на уровне подсознательного выбора заставил их пойти по новому, европейскому пути развития. Ю. В. Андреев замечает, что за этим субъективным решением скрывались какие-то объективные процессы, по его мнению, скорее биологического (генетического), чем социально-экономического или технологического характера. Впрочем, что это были за процессы, об этом можно только гадать (Андреев 2002: 788).

В заключение Юрий Викторович еще раз выходит на уровень высокого и обобщающего теоретизирования. Он пишет: «Итак, как мы теперь это ясно видим, движение отдельных этнических групп, населявших Эгейский мир в III–II тыс. до н. э. и в конце концов (видимо, уже к началу I тыс. до н. э.) слившихся в один большой греческий этнос, от варварства к цивилизации отнюдь не было плавным и последовательным восхождением с низших ступеней лестницы исторической эволюции на более высокие. Скорее, напротив, это движение было вполне скачкообразным, прерывистым и беспорядочным и изобиловало всевозможными катастрофами, отклонениями от однажды избранного пути, продолжительными остановками и паузами и даже возвращениями вспять на, казалось бы, уже пройденные исторические рубежи, после которых, впрочем, прерванное движение каждый раз возобновлялось, причем всегда на новом, как вскоре выяснилось, более высоком витке исторической спирали» (Андреев 2002: 788).

Поэтому Ю. В. Андреев делает вывод, что процессу эгейско-греческого этногенеза, несмотря на все

разрывы эволюционной цепи, сопутствовала определенная культурная преемственность. Постепенное перемешивание этнических групп, которые перемещались по территории материковой Греции и островов Эгейского моря, привело к перестройке их генотипов, сделало их более гибкими, более способными адаптироваться друг к другу. В результате этого этносы, которые вначале резко отличались друг от друга по складу своего менталитета (древнейшие обитатели Крита – минойцы, греки-ахейцы, дорийцы) понемногу ассимилировались и слились в более или менее однородную массу, из которой вырос греческий народ. Сложный процесс греческого этногенеза включал также и преобразование содержащейся в этническом генофонде информации, которое должно было привести к возникновению новых, ранее неизвестных форм культуры. Итак, автор высказал свои предположения о процессах, приведших к рождению «греческого чуда». И это объяснение воспринимается как достоверное.

Таким образом, в своей замечательной книге Юрий Викторович Андреев представил нам (впервые в отечественной историографии) взятый во всей его совокупности, удивительный, завораживающий мир древних культур и цивилизаций Эгейского бассейна. Это и изящная, странно утонченная для такого раннего времени (III тыс. до н. э.) кикладская культура, и более монументальная и жизнеспособная, обладавшая силой сопротивления окружающей среде (в отличие от инертной кикладской культуры) среднеэлладская культура, и ряд других. Это великолепная минойская цивилизация древних критян с ее прекрасными дворцами, являющими собой примеры живописной архитектуры, естественным образом сливающейся с окружающим пейзажем, как бы перетекающей в него; с ее загадочными фресками, передающими, с одной стороны, мистический экстаз, который переживали древние критяне, как будто всегда находившиеся в состоянии предстояния божеству, а с другой стороны, свойственные им жизнерадостность и веселое любование миром; с ее совершенными произведениями искусства – глиняными вазами, росписи которых отличаются динамизмом и экспрессией, самыми характерными чертами минойского художественного стиля.

Это и мощная микенская цивилизация, регресс и печальный финал которой способствовали приходу на территорию Греции «темных веков» ранней греческой истории и культуры. И, наконец, как «свет в конце туннеля» рождение молодой греческой цивилизации, цивилизации европейского типа, уже на исходе «темных веков» предвещавшей расцвет греческой культуры классического периода.

Кроме того, мы должны быть благодарны Юрию Викторовичу за его смелые попытки проникнуть в тайны психологии и духовного склада носителей древних культур Эгейского мира, древних критян, микенцев, греков эпохи «темных веков», а также за его широкие теоретические обобщения, проливающие свет на ход исторического процесса не только древней Эгеиды, но и других регионов античного мира[1].

Элиаде, М. 1999. Очерки сравнительного религиоведения. Москва.

Dumezil, G. 1973. Gods of the Ancient North. Berkley.
Duval, P.-M. 1976. Les dieux de la Gaule. 2 Ed. Paris.

Н. С. Широкова.
Россия. Санкт-Петербург.
Государственный университет,
исторический факультет,
кафедра истории Древней Греции и Рима.

МЕХ И КОЖА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology.
Edited by Esther Cameron. 105 p., 22 ill. 1998. London.

В сборник «Раннесредневековая кожа и мех» вошли доклады, прочитанные на симпозиуме в Оксфорде в сентябре 1995. В последнее время заметно возрос интерес к исследованиям древних стилей обуви и технологии выделки кожевенного сырья, так как это позволяет использовать кожаные изделия для датировки. Собранные работы охватывают широкий круг вопросов, связанных с организацией кожевенного производства, охотой и торговлей мехами в средневековой Европе. Привлечены разнообразные источники – археологические, письменные, изобразительные, а также данные по эко-

[1] Украшением книги Ю.В.Андреева и дополнением, разъясняющим ее содержание, является обширный иллюстративный материал, прекрасно подобранный Л. В. Шадричевой-Андреевой.

логии, природной среде, истории торговли и экономике.

Статья Роя Томпсона «Процессы выделки кожи» посвящена обработке кожи, которая под воздействием физических операций и химических процессов приобретает стойкость к разложению (гниению) в теплой и влажной среде. Мастерство кожевника состоит в подборе оптимальных методов обработки сырья для получения требуемых свойств кожи в зависимости от назначения.

Письменные и археологические источники сообщают об использовании растительного дубления в средневековой Англии. Среди ремесленников упоминаются специалисты-кожевники: дубильщики, строгальщики, изготовители пергамена и скорняки, видимо, выполнявшие отдельные операции по обработке шкур. Свежие шкуры поступали к ним снятые вместе с конечностями (рога, хвост, копыта). После их обрезания и очистки от грязи, шкуры промывали в проточной воде. Сгонку шерсти вели двумя способами: 1) ее выдергивали или соскребали с наружной поверхности руками (этот способ преобладал до конца XVIII в. для снятия овечьей шерсти и меха ягнят); 2) шкуры размачивали в щелочном растворе (известь) для разрывания химических связей между коллагенами, что позволяло удалять волос механически, вымывать протеиновые полисахариды и облегчало выскабливание остатков мездры. Для строгания традиционно использовали двуручные тупые струги – основной тип инструмента в течение всего средневековья, известный по изображениям с XV в.

Изготовители пергамена после известкования *натягивали шкуры на деревянные рамы*, используя нити и деревянные колки, и сушили их в сараях или на открытом воздухе. Полусухую шкуру опрыскивали *горячей водой для разглаживания* поверхности и натирали мелом.

В конце средних веков часто упоминаются *биохимически активные вещества при известковании* шкур. Так, для придания мягкости и эластичности коже в меховом сырье протеиновые ферменты удаляли *механически, добавляя в щелочной раствор* экскременты собак, голубей и свиней. Альтернативой было бучение кож в кислых настоях (например, *ячменя) для нейтрализации щелочной среды* и разрыхления кожи, что способствовало проникновению внутрь дубящих веществ.

Автор описывает особенности трех способов дубления, их физико-химическое воздействие на шкуру и недостатки. Первый из них жировой или так называемый *«замшевый»*. *В позднем средневековье при* таком дублении использовали тюлений, китовый и рыбий жир, которые действовали комплексно – разрыхляли коллагены *волокон, предохраняли их* от склеивания после высыхания кожи, создавали водоотталкивающий слой вокруг волокон, защищая кожу от гниения. Второй способ дубления квасцевый. При обработке кожи растворами квасцов, соли и жиров (яичный желток) получали белый, мягкий товар. Но средневековый опыт показал, что *квасцевое дубление* в горячих растворах (белое или термическое дубление) не предохраняет кожи от гниения. Третий способ дубления – обработка шкур растительными таннидами. С позднего средневековья единственным дубильным материалом была кора дуба с добавлением ивы, ясеня, каштана, ольхи, сосны, канадской ели, лиственницы и березы. Активные элементы этих экстрактов имеют разный молекулярный вес полифенольных составляющих. Проникая в сеть коллагенов, они образуют многоточечные гидратные связи, отличные от химических связей, получаемых при других дубящих процессах.

Различные методы дубления кож применялись отдельно или в сочетаниях друг с другом. Предположительно, для ранних кордуанских кож использовали растворы квасцов и растительных дубителей. После дубления кожи сушили и строгали до одной толщины, натирали жирами, маслом, красили и разглаживали. Эти операции, видимо, делали кожевники, а не дубильщики. По источникам, в XIII в. лондонские кожевники и кожевенные рабочие принадлежали к разным гильдиям.

Скорняки занимались, в основном, кожевенно-меховым сырьем. Вместо известкования шкуры проходили серию промывок, между которыми удалялась мездра. Дубили маслом, квасцами и растительными таннидами. Проблемой была сильная растяжимость слабо дубленой шкуры, затруднявшая работу одежных мастеров. Для сохранения блеска меха шкуру после очистки погружали в чан с настоем ячменя или других крахмалистых веществ, как в дубильном или квасном процессах, где часто используют настои в зависимости от вида сырья и желаемого результата.

Р. Томпсон приводит строки епископа Алфрика (XI в.), вложенные в уста саксонского мастера: «Я купил шкуры и кожи и Я (подготавливаю) их своим ремеслом, и Я делаю из них башмаки разных видов, кожаные голенища, туфли, кожаные чулки, бутыли и ремни упряжи, фляжки, кожаные воротники, кожаные завязки для шпор, недоуздки, сумки и кошельки и никто не желает провести зиму без моих изделий».

В целом, реконструируемая технология выделки *шкур была* очень близка приемам, применявшимся в средневековье на территории Древней Руси, исключая, видимо, квасцевое дубление. В западноевропейском производстве последнее играло значительную роль и приводило к увеличению выпуска продукции, но снижало качество кожи. Различия в этом стали ощутимыми к позднему средневековью, когда резко увеличился спрос на прочный и долговечный товар растительного дубления, получивший свое имя – «*русская кожа*», «юфть».

В статье «Шкуры, рога и кости: взаимосвязанные производства по переработке животного сырья в *контексте раннего* города» Артур МакГрегор считает основным фактором развития города организацию снабжения его мясными продуктами питания, подвоз *которых* должен быть постоянным и «своими ногами». В хозяйстве нужны и шкуры (особенно крупного рогатого скота) и рога (особенно оленьи) и кости. *Существует* взаимосвязь между урбанизацией и спросом на это сырье. Свидетельств о кожевенном произ-

водстве в пост-римское время мало, хотя достаточно источников предшествующего периода.

В работе дается характеристика каждого ремесла, где с пост-римского времени использовали животное сырье. Высший уровень в обработке кости – производство составных гребней. На начальной стадии производства основным сырьем для изготовления гребней были рога оленей. Ремесленное производство гребней предполагает налаженное «мануфактурное» производство, постоянное поступление сырья, а также широкий рынок сбыта. Поскольку подобная продукция вряд ли могла находить сбыт в ограниченном регионе – необходим был регулярный межрегиональный товарообмен.

Существовало и другое применение рога. Рукояти ножей из нескольких англо-саксонских погребений были сделаны из рога. Кроме того, известны две роговых рукояти англо-саксонских мечей, а также серия питьевых рогов из Саттон-Ху и других погребений. Но изготовление таких рогов не требовало руки профессионального мастера-костореза, поскольку рога нуждались только в дополнительной отделке и полировке, хотя находка двух шлемов из роговых пластин в железной окантовке (один, из Бенти Грейдж в Дербишире, датирован VII в., другой – из богатого франкского погребения в Колони) предполагает знание приемов размягчения рога, указывая на высокий уровень мастерства.

Развитие кожевенного и рогового производств могло следовать через две фазы сложения города: протогородскую, достигшую пика в норманский период, и фазу полного развития, имевшую место в конце средневекового периода. Для протогородской стадии присутствие дубильщиков и мастеров по рогу показывают отдельные группы находок. Многочисленные сердцевины рога в Дорестаде доказывают наличие производства в VIII в. В Рибе и Менслине, на южном берегу Балтики, такие обрезки в большом количестве найдены отдельно от других частей скелета, что также маркирует специализированное производство. Для локализации мест кожевенного производства показательны и кости стопы, поскольку известна продажа сырых шкур вместе с копытами. Кости могли вываривать для получения клея, используемого в кожевенном деле, что объясняет их скопление, например, в Кинг Линне. По костным скоплениям можно предполагать некоторые различия в снабжении мастеров по рогу и кожевников. Надо учитывать и вероятность сезонного забоя скота, определяемого трудностями зимнего содержания. Запасы кости и шкур были необходимы мастерам, так как для подготовки кости к работе (размачивания) требуется около года. Дубление занимает еще больше времени – от года до 18 месяцев. Известно, что лейчестерские дубильщики присягали не продавать кожи, лежавшие в дубильном настое менее года и 1 дня. Эта присяга лежала в основе Акта о коже 1563 г., по которому кожа для низа обуви должна дубиться не менее 12 месяцев, а для верха – 9 месяцев. Отсюда ясно, что ни выделка кож, ни обработка рога не были пригодны для странствующих мастеров.

Автор приводит интересные наблюдения по материалам раскопок в Йорке, где изменения речного режима способствовали хорошей сохранности кожаных предметов. Отмечено расслоение многих вещей от неполного продува, на многих обрезках с краев шкур видны дыры, оставшиеся от их подвешивания с грузом при просушке. Преобладающие вещи – туфли и низкие (до лодыжки) башмаки – показывают традицию раскроя и пошива.

При раскопках 1902–1903 гг. здесь найдено место дубления поздневикингского времени в Хай Усгейте – это 3 большие ямы, каждая около 7 х 3 м, примыкающие друг к другу. Они находились в одном (?) строении размером 27,5 х 5 м, и имели подходы с каждой стороны. На дне одной ямы встречен толстый слой глины, в другой – песка (около 23 см), в третьей – извести (около 13 см). Глина и песок могли использоваться при отмоке кож. Слой извести в третьей яме остался от золки, сырьем для чего служили большие обломки известняка, найденные по соседству.

О кожевенной мастерской у Пэйвмента в Йорке свидетельствуют найденные рядом скопления скорлупы яиц, а также такие необычные находки как семена бузины, используемые при подготовке кожи, и жуки-рогачи (corniverous), питавшиеся мясными отходами. Следует также отметить, что скопления определенных видов жуков, живущих в дубовой коре, могут отмечать место, где проводились дубильные работы. В состав щелочного раствора, куда помещали шкуры после очистки, входили помет различных животных, моча и перестоявшее пиво. Это объясняет, почему кожевники были нежелательными соседями для горожан.

В статье Гале Оуэн-Крокер рассматриваются письменные источники о кожаной одежде англосаксонских поселенцев и делается вывод о существовании накидок из меха животных у германцев с эпохи Юлия Цезаря до второй половины IX в. Юлий Цезарь писал, что англосаксы привыкли ходить в короткой одежде из меха или шкур, оставляя большую часть тела, по мнению римлян, неприлично открытой. Он описал у германцев «небольшие плащи из шкуры северного оленя» и «небольшие покровы из меха», подобные небольшим накидам из детских погребений железного века в торфяных болотах и скульптурам германцев на памятнике в Майнце. Исидор Сицилийский называет одеждой германцев накидки, закрывавшие плечи и грудь до пупка, более напоминающие пончо, чем плащ. Одежда типа пончо изображена на памятнике Адамклисси в Румынии. Тацит описывает одежду германцев иначе. Прирейнские германцы носят шкуры эпизодически, но более удаленные племена используют одежду из меха повсеместно. При этом Тацит отмечает, что одежду делали из шкур не только наземных животных, но и «пятнистых морских животных» (тюленей ?).

По описаниям римлян есть основания предполагать, что у первых переселенцев в Англии около V в. существовала одежда из шкур, но археологические материалы, в частности, изученное поселение ранних германцев, позволяет усомниться в таком предполо-

жении. Изобразительные источники для этого времени отсутствуют. А на миниатюрах в рукописях конца англосаксонского периода изображения одежды из шкур не встречены. Несмотря на схематизм рисунков, одежда из шкур животных легко выделяется, например, меховая сумка на шее нищего в Кентерберийском списке Утрехтской Псалтыри (XI в.). На Бенедиктинской миниатюре X в. Святого Этелволда, в сцене крещения Христа Иоанн Креститель изображен в шкурах. Сто лет спустя (в 1080-е гг.) на гобелене из Байе вышивальщицы умело показали меховую одежду. Гобелен из Байе показывает также, что кожа использовалась для защитной одежды воинов. Автор указал сюжеты, где различия в цветовой гамме и линии рисунков предполагают изображение кожаных одежд на группе норманских лучников. Таковым, например, является стрелковый костюм епископа Одо, вышитый треугольниками контрастных цветов.

Письменные источники англосаксонского времени скудны. Единственное описание одежды из меха имеется в трактате Альдхельма конца VII – начала VIII вв. Альдхельм осуждает людей, легко дающих обет религиозной жизни, но носящих экстравагантные одежды. Не всегда ясно, относятся ли эти слова только к женщинам, или к обоим полам, и какой предмет одежды они означают. Другие источники – завещание *англосаксонки Уинфлед и Введение к списку* D англосаксонской летописи 1075 г. – имеют несоответствия наименований в современном и староанглийском языке. Во втором тексте названы беличья шкура и шкурка горностая. В латинских текстах об англосаксах употреблены слова «овчина» и «одежда из козьих и барсуковых шкур».

Эстер Камерон в статье «Кожа до периода завоевания *на английских книжных переплетах, оружии* и доспехах, V–XII вв.» анализирует данные о коже в Англии до норманского завоевания. Автор рассматривает книжные переплеты и способы обработки кожи для них, а также использование кожи для оружия и доспехов в VII – первой половине XI вв. Археологические данные о кожаных предметах англосаксов V–XII вв. немногочисленны. Это фрагменты обуви и минерализованные части кожаной обкладки на оружии, а также остатки прямоугольного кожаного футляра для весов и набора гирек первой половины VI в. из Уотчфилда, Оксфордшир. Эта редкая находка зафиксирована в погребении с вещами, видимо, привезенными из меровингской Галлии.

Ранние (из дошедших до нас) книжные переплеты относятся к Евангелию от Иоанна из Стоунихерста (*Британская библиотека*) и «*Cadmug*» Кодекс (библиотека земли Фульд, Западная Германия). Их считают английскими, подражающими восточно-средиземноморскому (коптскому) стилю в книжном деле, существовавшему в Европе до конца VII в. Третий английский переплет – Кодекс Бонифация I (конец VII – начало VIII в.) показывает важные изменения в изготовлении переплетов, когда коптское влияние ослабевает, но еще сохраняется в оформлении. Другие переплеты (второй половины VIII – XI вв.) – сохранились не полностью. Ранняя кожаная обтяжка на них заменена в более позднее время (на «Книге судного дня» – в эпоху Тюдоров). Однако они датируются по кожаным створкам, характерным для второй половины VIII – XI вв. С XII в. входит в употребление штампованное декоративное оформление.

Книги коптского стиля делали из листов пергамена или папируса, сложенных в тетради и сшитых растительной нитью. Тетради проложены тонкими деревянными дощечками или «картоном» из многих слоев папируса, покрытых тонкой кожей. Кожаные обложки коптских переплетов (например IX в. из Катруана, Тунис) имеют прорезной и нитяной декор и рельефный штампованный рисунок. Некоторые книги обвязывали *кожаными ремешками. Металлические* или костяные штырьки для застегивания крепились на краю нижней крышки, на них надевалась петля плетеного ремешка верхней крышки. В этой технике выполнены стилистически и конструктивно близкие ранние английские переплеты – из Стоунихерста и «Cadmug» Кодекс.

Кодекс Бонифация I, древнейший для северо-западной школы книжного оформления, *имеет большую* толщину деревянных досок (до 6 мм), что отличало англосаксонскую продукцию. По семи переплетам *VIII – нач. XI* вв. можно определенно утверждать, что для досок использовали дуб. Тетради сшивались в книгу витой растительной нитью, а с XI в. до первой четверти XIII в. в романских книгах использовали двойные кожаные ремешки квасцевого дубления. Их пропускали в бороздки, сверленые по краю досок, и завязывали на корешке. О наличии металлических застежек на книгах (кроме Кодекса Бонифация I) судить сложно.

По археологическим материалам среди инструментов кожевника неизвестны ножи с полукруглым лезвием, которые изображались в книжных миниатюрах. Шилья с ромбовидным сечением X – начала XII в. найдены в Лондоне (4 экз.) и в слоях X в. в Йорке (Коппергейт), где сохранились и двусторонние инструменты для горячего тиснения поверхности и краев увлажненной кожи. Инструмент имел треугольный или прямоугольный в сечении рабочий край и специальный уступ для упора. На переплете Евангелия из Стоунихерста тисненые полосы заливали краской, а на лицевой крышке сделан рельефный *оттиск вьющейся виноградной лозы. Последнее вы*полнено в технике тиснения с изнанки, когда на деревянную доску наклеивают шнурки и прижимают к ним кожу. Считается, что этот прием был характерен для восточного Средиземноморья. Например, в Каире найден фрагмент окрашенного пергамена, проложенный изнутри грубой хлопчато-бумажной тканью, на которой были укреплены шнурки для создания рельефа на коже. Некоторые исследователи считают, что штампы в английских изделиях использовались только до XII в.

По археологическим материалам кожа до периода норманского завоевания не окрашивалась, однако книжные переплеты из Стоунихерста и Кодекс Бонифация I имеют темно-красную окраску. *Для изделий* церковного характера использовали пурпурный фон,

по которому писали серебряной или золотой краской. В качестве примера можно привести рукопись епископа Вилфреда. Квасцы, используемые в качестве протравы в Южной Европе для получения ярких красок, видимо, привозились в Британию. Хотя были и свои органические красители (красный, синий), а цвет похожий на пурпур получали из местных лишайников. Подобные красители определены на тканях из погребений конца VI – середины VII в. из Саттон-Ху, Тэплоу, Чесселл Дауна, Кемпстона, Брумфилда. Пигменты синего и желтого цветов покрывали лицевую створку переплета Евангелия из Стоунихерста, а на одновременном ему «Cadmug» Кодексе тисненые линии были прокрашены золотом. При нанесении золотого фона в книге, в качестве связующего брали яичный белок (Теофил, трактат XII в.). Измельченные пигменты, замешанные на связующем, держали в раковинах – палитрах, одну из которых нашли в Гластонбери.

Известно, что переплеты, сделанные в коптской традиции, проклеивали, но для периода англосаксов трудно говорить об использовании клеящих веществ на основе животного белка, разлагающегося со временем. Теофил упоминает для проклейки дерева казеин, получаемый из молока или сыра, и растворимый в воде желатин – из кожи и костей животных и рыб. На переплете уитонской «Книги судного дня» середины XII в. фиксируются проклеенные листы, но надо учитывать, что фолиант реставрировался в XVIII в.

Пока нет твердых доказательств использования англосаксонской элитой так называемых мышечных доспехов, известных по римским изображениям, которые сшивались или склеивались из нескольких слоев кожи. Но находки специфичных застежек в Саттон-Ху и Тэплоу позволяют предполагать наличие таких панцирей. Кожа для доспехов, как впрочем, для разных футляров, кубков для питья, бутылей и т. д. обрабатывалась особым образом маслом, горячим воском или кипящей водой, то есть в технике «кипяченой, вареной кожи». В английских завещаниях и других документах XIV–XV вв. упоминаются кожаные доспехи для воинов и лошадей. Но вещи такого типа пока не найдены.

Кожей и шкурами покрывались деревянные щиты, от которых иногда сохраняются минерализованные фрагменты. Об этом есть письменные упоминания. В частности, в законе Ательстана (X в.) запрещалось брать для покрытия щитов тонкую непрочную овчину. В свою очередь Теофил отмечал использование для щитов сыромятных шкур лошадей, ослов и коров, «вымачиваемых в воде до тех пор, пока волос можно будет соскоблить». Способ крепления кожи на щитах остается дискуссионным.

Кожа использовалась и для обкладки ножен мечей. По фрагментам из погребений не определима порода животного, но предполагается, что для этой цели использовали шкуры ягнят. Некоторые ножны мечей были декорированы в технике «фаундейшн моулдинг», например, ножны из могильников Хоулетс (Кент) и камерного погребения VII в. в Брумфилде (Эссекс). Фрагменты кожи сохранились на ряде однолезвийных скрамасаксов, появившихся в Англии с VII в., но это мог быть импорт из нижнерейнских земель. Поздняя группа (X в. ?) ножен для скрамасаксов – из Лондона, Йорка, Глостершира и Хегсгейма имеет богатый декор из глубоко тисненых линий, выполненных тупым инструментом и прошитых потайным швом. Автор предполагает их северное (скандинавское) происхождение.

По заключению автора, англосаксонские кожаные изделия не имеют ярко выраженных германских черт. Однако в них прослеживаются позднеримские традиции в использовании тонкой кожи поверх деревянной основы с рельефным расписным декором. С VII в. в употребление входит более толстая кожа. Сильное влияние на изготовление кожаных англосаксонских изделий оказывали центры Южной Скандинавии.

Статья Вероники Монтемболт «Кожаные находки из Руана и Сен-Дени, Франция» посвящена изучению уникальной коллекции кожаной обуви из раскопок последних лет. В Руане кожаные предметы встречены в раскопе 1993–1994 гг. на Плас де ла Пюсель, на участке вдоль р. Сены, ограниченном с запада ручьем и лежавшем за стенами римского и средневекового города. В первые века н. э. здесь была редкая усадебная застройка. На участке открыто несколько зданий конца II – начала III вв. Плотная квартальная застройка появляется здесь в XI–XII вв..

Кожаные находки из слоев II–XV вв., в основном, представлены изношенными фрагментами подошв, вероятно, утерянными в пути или втоптанными в грязь. Большинство моделей обуви неполные, например, только верхняя часть галло-римской обуви, что затрудняет определение конкретного типа обуви. Найдены две сандалии: одна – целая детская, с одним отверстием на фронтальной стороне для пропускания тонкого ремешка между пальцами. Другая сандалия и шесть аналогичных фрагментов представляют тип обуви с подошвой, подбитой гвоздями. Они делятся на группы по расположению гвоздей в центре подошвы – ромбом, треугольником, по кругу и крестообразно.

К средневековью относятся 35 подошв и пять деталей верха. Встречены подошвы: одна со швом в «подтай» и заостренной пяткой (XII–XIII в.); 19 подошв со слабым сужением в области свода стопы (XII–XIII вв.); 14 подошв асимметричных, с резким сужением переймы (XII–XIII вв.); одна подошва асимметричная со слабым сужением в области свода, отражающая анатомию стопы (до XIV в.). Все экземпляры имеют выворотный основной шов, и по наличию ранта или способа прокалывания кожи разделены на три группы. Обувь с подошвой, имевшей вытянутую пятку, так называемая «дворовая обувь», аналогична моделям X в. из Йорка и XII в. из Лондона. Верх асимметричного кроя соотносится с находками из разных регионов Европы XI–XII и XII–XIII вв. Найден также предмет неопределенного назначения – фрагмент 20 х 14,5 см (XV в.), с декором из 4-х дорожек с завитками и вписанными в них животными.

Раскопки в Сен-Дени начались в 1973 г. Сотни кожаных предметов были найдены в канавах, рвах и ямах на берегу Сены, но в могилах некрополя, по соседству с базиликой, их не было. Кожаные предметы относятся к разным временам, в том числе римскому периоду, но основная масса – от каролингского до XV в. Среди находок можно упомянуть детали обуви, ножны, мяч, ремни, кошельки и прочее. Типологически определимы 38 туфель. Кожа хрупкая, плохой сохранности.

Джеймс Ховард-Джонсон в работе «Торговля мехом, с классической античности до раннего средневековья» рассматривает причины быстрого распространения влияния викингов на обширные пространства лесной и степной зон Восточной Европы. Викинги традиционно стремились к власти и богатству. Последнее подтверждают многочисленные серебряные дирхемы, которых только в шведских кладах около 70 тыс. А вместе с дирхемами из других скандинавских стран, Польши и России общее число найденных монет достигает 200 тыс., что составляет *небольшую часть изначально скрытого богатства.*

Мощные потоки серебра объясняются налаженной к началу IX в. и сохранявшейся до последней четверти *X* в. торговлей между халифатом и севером, что подтверждают «современные» арабские путешественники и географы. Она началась не позднее первой половины VIII в., о чем свидетельствует множество позднесасанидских и омейядских дирхемов, *проникавших на север при (или после) абассидской* «революции» (747–750 гг.), переместившей политический «центр тяжести» из Сирии на восток – в Иран и Ирак. Скорость монетных потоков возрастает к концу VIII в., когда первый из крупных кладов появляется далеко на севере – в Старой Ладоге. Ясно, что торговые контакты предшествовали проникновению на юго-восток викингов, появление которых отражает *временное нарушение монетного потока в 820–*830-е гг. На этой огромной континентальной арене викинги были грабителями, которых влекла возможность наживы на растущем рынке, лежавшем вдоль водных путей Восточной Европы.

Халифат имел широкий выбор товаров, предлагаемых северу. А что мог север предложить взамен – в большом количестве и по соответствующей цене – *чтобы накопить столь огромные богатства? Список* северных товаров традиционен – мед, янтарь и воск, а также оружие и рабы. Но основной северный товар это мех во всех его разновидностях, от малоценного (лесных белок, лис, куниц) до высококачественного товара (шкурки горностая и соболя), добываемого к северу и востоку от Новгорода. Это подтверждают многочисленные арабские письменные источники, главным образом – по географии, лучшие из которых были написаны в X в. Основными посредниками в торговле халифата с севером были булгары на Средней Волге, *поддерживавшие связи с Хорезмом*, который, видимо, был главным центром обработки и распространения меха в халифате. Арабский географ Макваддаси перечисляет товары, поставляемые булгарами в X в. в Хорезм. Это мех соболя, горностая (белый с черными кончиками), степной лисы, куницы, бобра, пятнистого зайца и козы, а также воск, стрелы, береста, высокие меховые шляпы, рыбий клей, рыбий зуб, бобровая струя, янтарь, выделанные конские кожи, мед, лесной орех, сокола, мечи, доспехи, славянские рабы, овцы и другое. Начальное положение меха в перечне предметов торговли показывает его большую значимость.

На вопрос, *как изменялись* торговые отношения между севером и югом в VIII–IX в., ответ можно по*лучить*, рассматривая тысячелетний отрезок от 500 г. до н. э. до 500 г. н. э., отраженный в классических источниках. Мех отмечается в них как широко распространенный товар. В средневековье он использовался для верхней и нижней одежды. В кругах элиты он служил для подкладки верхней одежды, для шапок, внутренней части обуви, кроватных покрывал и подкладок в шатрах. Но для этой цели могли использоваться и другие материалы (шерстяные, льняные и шелковые ткани). Особая привлекательность меха – в его высокой эффективности как изолирующего материала и в экзотических приятных расцветках.

В районах с суровой зимой широко применялась разнообразная пушнина. К таким территориям относятся и регионы с континентальным климатом, где зимы относительно суровые и продолжительные – степи Евразии, высокогорья Европы и Передней Азии и др. Социокультурное развитие обществ в южной Европе и Передней Азии было выше, чем у северных лесных соседей. Эти общества вполне оценили свойства меха, и поэтому контакты с севером постоянно развивались. Сдерживающим фактором товарообмена был субъективный взгляд жителей цивилизованной ойкумены на северных соседей – варваров. Первые носили одежды из обработанных растительных материалов, а вторые – грубо обработанные шкуры. В античном мире мода на мех не получила развития. В своих трактатах Плиний Старший не упоминает использование для одежды меха животных из семейства куньих, хотя при этом размышляет о медицинских качествах частей тела этих животных.

В греко-римском мире мех не был товаром широкого потребления, за исключением двух субкультурных групп. Во-первых, он использовался в одежде группами молодежи (часто из высших слоев общества), *которые желали* выделиться своим поведением и нарядами, например, цвета различных партий на лошадиных бегах в цирке VI в. н. э.; во-вторых, германскими народами, населявшими Империю. В целом же, кроме отдельных районов, специфических по природным условиям, в Средиземноморье не было объективных причин *для спроса на меха.*

Коренное изменение торговой ситуации между Севером и Югом произошло в VIII–IX вв. Исламская культура, уже на раннем этапе развития, резко отличалась от греко-римской по своим морально – психо*логическим* установкам. Она не ставила границы «обитаемой» ислама. Внешний мир виделся не страшным и отталкивающим, а потенциально пригодным для расширения территории, чтущей Мухаммеда. Снятие всех барьеров для торговли, быстрый

рост городов, возросшая техническая оснащенность и специализация ремесла привели к быстрому росту торговой активности. В торговый обмен вовлекались северные соседи, налаживались торговые пути в области естественного распространения мехового сырья.

Известно, что к правлению аль-Махди (775–785 гг.) придворные уже появлялись перед халифом в мехах. Мех стал неотъемлемой частью одежды мусульман высокого ранга. После смерти Харуна аль-Рашида в 809 г., в его сокровищнице нашли около четырех тысяч халатов, подбитых мехом соболя. Меха ценились и при обмене дарами между дворами правителей. Проследить процесс смены традиций сложно, но важную роль здесь могли сыграть контакты мусульманского мира со степными народами, например, на северо-восточных границах, в Хорасане. Абасиды пришли к власти благодаря военной и политической поддержке Хорасана, что открыло путь для проникновения периферийных вкусов и моды в столицу арабского мира – Багдад. Распространение моды на меха в столице активизировало давно известные торговые пути к источникам товара. Меха стали символом социального статуса. Ношение одежд из меха, вероятно, стало быстро распространившейся модой среди правящих кланов провинциальных городов. Резкий рост спроса на меха в течение IX в. подтверждают нумизматические и письменные источники.

Даже небольшая часть населения способна резко увеличить покупательский спрос. Например, по документам английского королевского двора XV–XVI вв. известно, что мать Эдуарда III, королева Изабелла имела шесть покрывал с подкладкой из меха белого горностая, одно из которых содержало 1396 шкурок, а комплект одежды Генриха IV из 9 предметов включал почти 12 тысяч шкурок белки и 80 – горностая. Ясно, что халифат IX–X вв., с его богатейшим двором и разветвленным аппаратом управления, был способен поглотить огромное количество пушнины и платить за нее высокую цену.

Таким образом, рост спроса на меха в халифате, их интенсивное потребление, привели к повышенному отлову и отстрелу пушного зверя в лесной зоне Восточной Европы, что одновременно было возможно только на значительной территории. Роль координаторов, посредников и сборщиков пушнины играли отряды викингов. Западный мир, следующий античной традиции неприятия варварских одежд, воспринял моду на меха позднее. По сведениям Адама Бременского и Петра Дамиана только во второй половине XI в. в Западной Европе резко увеличивается спрос на роскошные меха. Первые сведения о сложившемся скорняжном ремесле восходят к эпохе поздних Каролингов.

Статья Бенгта Вига «Кости животных из города викингов Бирки, Швеция» посвящена анализу костей из Бирки, собранных в ходе комплексных исследований, начатых в 1990 г. Проанализировано почти шесть тонн костей из раскопок, начиная с работ 1870-х гг. Яльмара Столпе. В работе освещены только предварительные результаты раскопок последних лет. Однако они дают нам представление о значении домашних животных и роли охоты на диких животных в средней Швеции эпохи викингов. При раскопках 1990 г. слои промывались, поэтому в состав коллекции входит большое количество костей самых мелких млекопитающих, птиц и рыб.

По оценкам, в Бирке VIII–X в., на площади около 7 га, проживало 700–1000 чел. Основанное около середины VIII в. поселение перенесено в Сигтуну около 975 г., а территория бывшей Бирки стала распахиваться.

Торговля мехами и кожами из Скандинавии и через нее известна по данным Иордана (VI в.), Адама Бременского (XI в.) и арабских источников. На выделку меха и шкур в Скандинавии указывают находки инструментов в погребениях Эланда, Остерютланда и Вестерютланда, относимые ко II в. н. э. Другой источник информации – находки минерализованных волос и меха животных на бронзовых изделиях из погребений по обряду кремации в Бирке. Среди них определены: куница, белка, бобр и овца. По погребениям бобр предстает самым популярным меховым сырьем. В раскопах, в основном в погребениях с кремацией, иногда находят когти медведя, волка и рыси – это остатки шкур, на которых хоронили усопших в конце железного века и эпоху викингов. Кости пушных зверей, преимущественно белки, найдены на поселениях Бирки и Сигтуны. Крупнейшая коллекция костей пушных животных (тысячи единиц) собрана в Бирке в последние годы. Выделка мехов, судя по ним, велась в Бирке на протяжении всего существования поселения – и в специальных мастерских, и в «обычных» хозяйствах.

Среди костей диких животных в Бирке преобладали кости лисицы, куницы, более редкими были кости бурого медведя, волка, бобра, рыси, горностая, барсука, выдры, хорька, росомахи. Находки определенных частей скелета горного зайца, тюленя и козы позволяют предположить, что в Бирку попадало не мясо, а только мех и кожа этих животных. От мелких животных – лисиц, куниц, зайцев и др. находят кости лап, а от белки – еще и хвосты. От крупных животных (медведя, волка, рыси, а также тюленя) обычно сохраняются только когти. В Сигтуне встречены черепа животных со следами порезов, в том числе и кошки. Шкуры козы ценились значительно выше, чем козье мясо, что наблюдается и в других регионах Европы.

На основе находок, автор характеризует особенности обработки меха в Бирке. Большое число костей пушных зверей указывает на отлаженную систему охоты и сбора шкур в Бирке для торговли, в том числе из Северной Швеции. Росомаха, например, сейчас встречается только в Лапландии, хотя в древности могла водиться и значительно южнее. Шкуры обрабатывали на месте и продавали готовые меха. Судя по находкам меховых воротников и шапок в погребениях, часть мехов, особенно – лисицы, белки, куницы, использовало и местное население. Автор называет зиму и раннюю весну лучшим временем для охоты, когда мех наиболее густой, а значит – более ценный.

Это сомнительно, так как за зиму животные тощают, шкура их становится более тонкой и, при недостатке витаминов, менее прочной. Наиболее предпочтительной считается поздняя осень и ранняя зима.

Статья Джеймса А. Спрингса «Британские бобры – пушнина, факты и домыслы» раскрывает историю этих животных, практически неизвестных в Британии. Внезапно возникший интерес к бобрам можно объяснять веяниями моды XVI–XVIII вв. и появлением на рынках бобровых мехов из России и Канады.

Суммируя данные археологии о древнейшей истории Британии, автор сообщает о переселении многих видов животных на остров после отступления ледника около 10300 лет тому назад и до поднятия уровня океана около 8500 лет назад, когда образовался пролив Ла-Манш. Многие животные с того времени были истреблены, в том числе бобр, благородный олень, архары, тур и другие. Присутствие бобров от раннего мезолита до поздней бронзы археологически зафиксировано наличием на стоянках и поселениях деревьев с характерными для бобров погрызами стволов. Поваленные бобрами деревья человек использовал в своих постройках. Нельзя исключать, что отдельные торфяники, например в Торн Мурсе близ Донкастера, образовались после обширного лесопоавала в раннем бронзовом веке, в котором принимали участие и бобры. Кроме того, резцы бобра использованы в инструментах и приспособлениях, найденных в неолитическом кургане в Дагглеби Хоув в Йоркширских перелесках.

Для римской эпохи нет археологических данных вообще о существовании бобров. Быстрое распространение хорошо организованного сельского хозяйства оттеснило бобров с традиционных мест их обитания. Но известно, что в 301 г. н. э. император Диоклетиан издал указ, контролирующий цены на ряд товаров, среди которых, предположительно, плащ из шкуры бобра.

Для эпохи раннего средневековья кости бобра найдены на ряде поселений: в Йорке, на укрепленном поселении Эофорвик VIII–IX вв., в позднесаксонских слоях Рамсбери в Уилтшире, что показывает широкое использование мяса и меха этих животных. В то время бобр был уже редким животным даже в диких местностях Уэльса, что отражает сборник уэльских законов (около 940 г. н. э.) короля Хауэл-Да, где указана стоимость бобра, которая значительно превышает стоимость куницы, волка, лисы и выдры. Единственная находка меха бобра в саксонское время – его остатки в месте соприкосновения с деревянной лирой из погребальной камеры в ладье в Саттон-Ху. Бобровый резец, оправленный в золото (использованный в качестве привески), найден в могильнике VII в. в Уигбер Лоу в Дербишире, правда, в переотложенном виде.

На средневековых памятниках Британии бобр не встречается. Имеется только два письменных упоминания о бобрах этого периода в Шотландии. Это списки экспортных товаров времени правления королей Давида (1124–1153 гг.) и Роберта Брюса (1306–1329 гг.), но в последнем бобровые шкурки могли быть предметом повторного экспорта.

Предложенные для симпозиума работы показывают необычайную широту применения животного сырья в материальной культуре народов средневековой Европы. Конкретные примеры использования кожи, меха и кости включают и изменения традиций использования материалов и изделий, а также развития технологии выделки шкур и обработки кости. Эти работы интересны с точки зрения возможностей археологического источниковедения. Предложенные авторами интерпретации и выводы могут послужить основой для анализа многих категорий археологических находок в русских средневековых городах, для оценки и интерпретации распространения предметов в культурном слое городов, выводов о хозяйстве и быте средневековых жителей.

Т. С. Матехина (Варфоломеева)
Россия, Новгород
Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

А. В. Курбатов
Россия, Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
Отдел славяно-финской археологии

EX ORIENTE LUX: ВОЗВРАЩЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). 499 с. 146 илл. LXXX табл. 2002. Москва: Наука.

Ученое сообщество России давно привыкло к тому, что каждая новая публикация, подписанная именем Л. Г. Хрушковой, заставляет на время отложить текущие дела и углубиться в чтение. Однако выход в свет рецензируемой книги составляет событие, которого коллеги, без преувеличения, ждали давно и с нетерпением.

Такое значение печатного труда обусловлено его судьбой и содержанием. Сам автор сообщает о своей книге (с. 5), что ее основу составляет докторская диссертация, защищенная 19 декабря 1990 г. в Ленинградском отделение Института археологии АН СССР. Известно, что этот труд был включен в рабочий план издательства «Мецниереба» (Тбилиси, Грузия) *на* 1991 г., *но события, взорвавшие обыденное* течение научной жизни страны, отодвинули публикацию книги более чем на 10 лет.

Ожидание книги усугублялось не просто фактором «неизвестности» важной работы, посвященной раннехристианской архитектуре Восточного Причерноморья, широкому кругу заинтересованных читателей. Речь шла о большем: о возвращении в отечественную науку тех подходов к исследованию памятников культовой архитектуры, зачатки которых, появившееся в России в конце XIX – начале XX вв., были утрачены в условиях пренебрежения фундаментальными характеристиками религиозной культуры при изучении истории и искусства христианских *обществ*.

Название диссертации «Раннехристианские сооружения Восточного Причерноморья» имело важное уточнение «(особенности и место в контексте христианской археологии)» (Хрушкова 1990). Без преувеличения, Л. Г. Хрушкова привнесла в российскую науку не только сам термин «христианская археология», обогатив номенклатуру исследовательских направлений, но и восполнила серьезную лакуну в области источниковедения культовых памятников и методологии их изучения (Хрушкова 1991: 539–540).

Неслучайно настоящее издание фланкировано именами, стоящими у истоков возрождения аналогичного подхода к христианскими древностям в системе древнерусской культуры. Научный редактор издания член-кор. РАН, директор Института археологии Н. А. Макаров одним из первых смело ввел в круг памятников древнерусского христианства погребения сельских некрополей Русского Севера XI–XIII вв. и интерпретировал находимые в них нательные кресты и иконки-привески в качестве осознанно используемых символов новой религии (Макаров 1988: 101–103; Макаров 1991: 11–20; Макаров 1994: 67–80; Макаров 1997: 151–155). В то же время, один *из рецензентов книги д. и. н заведующий отделом* славяно-русской археологии ИА РАН А. В. Чернецов, целенаправленно занимающийся изучением такого сложного и многоуровневого феномена как русская церковная культура эпохи Средневековья (Николаева, Чернецов *1991*; Чернецов *1992*; Чернецов *1997*: 81–93), впервые после 70-летнего перерыва вернул в отечественную науку понятие «церковная археология» (Чернецов 1991: 35).

Автор в предисловии к своей книге безусловно прав, говоря о диссертации более чем десятилетней давности лишь как об «основе» ныне рецензируемой работы. Перед нами новый труд, характеризующийся *иной* структурой, которая отражает авторскую эволюцию подходов к изучаемому материалу. Тем не менее, основные выводы европейской науки, изучающей христианские древности, и ее методологические принципы, адаптированные к культовой архитектуре Восточного Причерноморья, блестяще составившие гипотетическую и доказательную базу диссертации, остались практически без изменений. Принципиально меняется не столько предмет исследования, сколько его объект. Если диссертация была посвящена изучению «раннехристианских сооружений», то книга ориентирована на гораздо более широкую культурную перспективу – она исследует «раннехристианские памятники». Это нашло отражение *и в* самой форме подачи материала. Структура издания получает *свое развитие* в сторону детализации: книга состоит из 8 глав в отличие от квалификационной работы, разбитой всего на 4 части.

В диссертации были отдельно проанализированы церковные здания по их типам: если первая глава посвящалась базиликам, то вторая – однонефным церквам и сооружениям с центральным планом. Теперь основу описания составляет географический принцип, в согласии с которым храмы, объединенные историко-топографическим единством, описываются по регионам с севера на юг: Питиунт и Алахадзы (глава II, с. 67–136), памятники Абазгии: Цандрипш, Хашупса, Гагра и Аба-Анта, Анакопия (глава III, с. 137–194), Севастополис, Дранда и Гиенос (глава IV, с. 195–290), нагорная *Апсилия: Цибила, Шапкы и Мрамба* (глава V, с. 291–330) и памятники Южной Лазики: Зиганис, Археополис, Вашнари и Петра (глава VI, с. 331–353). Стоит согласиться, что такой подход, совпадающий с принципами внутренней самоидентификации христианской культуры, зафиксированной в нормах канонического права, где церковная жизнь четко очерчивается границами античного полиса и его

хоры, способствует гораздо более полному пониманию изучаемого феномена.

Книга предваряется помещенным в рамки I главы достаточно полным очерком, посвященным истории раннего христианства в Восточной Таврике в I–VII вв. и являющимся принципиально новым разделом по сравнению с диссертацией (с. 34–66). Глава носит преимущественно историографический характер и предоставляет читателю спектр мнений и систему логически и хронологически взаимосвязанных фактов. Такой подход абсолютно оправдан, поскольку данная тема не является самостоятельным предметом *исследования для авто*ра, а приведенные данные исчерпывающе характеризуют *тот культурно*-исторический контекст, в котором происходило становление и развитие раннехристианской архитектуры региона. Опубликованное исследование, корректно переводя археологическую информацию в историческую, в полной мере конкретизирует историю местного христианства как в ее прагматическом, так и культурном измерении: факты архитектурного строительства позволяют уточнить и хронологию христианизации отдельных территорий (с. 177–175, 236) и высказать предположения о специфике эволюции ментальностей местных общин (с. 116–118). Так, практически не вызывающая сомнения ранняя дата базилики в Цандрипше (вторая четверть VI в.) и ее уникальность на исторически известном фоне архитектурной активности этого времени позволяют уточнить сообщение Прокопия Кесарийского о строительстве Юстинианом I (527–565) храма Богородицы для абазгов и тем самым конкретизировать геополитическую направленность деятельности этого императора.

Все это позволяет исследовательнице сделать принципиальный вывод о том, что «Восточное Причерноморье – один из тех регионов, где археологические свидетельства дают нам более полную и яркую картину распространения христианства, нежели письменные источники» (с. 418). Стоит отметить ориентированность автора на современную европейскую литературу по истории христианства, что создает определенную диспропорцию в отношении отечественных исследований христианского Востока, научное значение которых не утрачено до сих пор (Болотов 1994: 257, 277–279; Болотов 1994а: 452–453, 486–488).

Наиболее существенную переработку претерпевает глава VII, посвященная «архитектурной декорации» (с. 354–393) и ранее в диссертации называвшаяся «Декорации церквей» (IV глава), которая приобретает внутреннее членение. Практически без изменений осталась глава VIII – «Обряды и литургические устройства» (с. 394–417), лишь поменяв в своем названии *европеизированное «ритуалы»* (глава III диссертации) на более привычное «обряды».

Кажется вполне естественным, что в процессе работы над книгой не все из разумных пожеланий оппонентов и обещаний диссертанта были исполнены. Так, нереализованным осталось предложение д. и. н. профессора Г. В. Курбатова о приложении к будущему изданию сводной таблицы со схематическими планами известных архитектурных памятников с распределением по типам зданий, что позволило бы наглядно представить их типологию и эволюцию (Архив ИИМК РАН: Ф. 312. Оп. 1. Д. 1585/19. 12; 1990: 24). Актуальными остались и замечания, касающиеся совмещения системно-сравнительного анализа архитектурных форм и строительных традиций и техники, причем в последнем случае компаративистский аспект исследования предлагалось посвятить не только синхронным памятникам других регионов, прежде всего Восточной Грузии и Закавказья, но и функционально иным типам зданий, представленных *гражданскими постройками* (*Архив ИИМК РАН. Ф.* 312. Оп. 1. Д. 1585/19. 12. 1990: 18, 21–22, 23).

Не только структурно-содержательные моменты работы претерпели существенное изменение, значительно обогатилась и источниковая база исследования. Если в диссертации рассматривалось 26 памятников, то в книге привлечены материалы не менее 35 архитектурных построек IV–VII вв. разной степени изученности и сохранности. Среди них и уникальные по своей «архитектурной стратиграфии» памятники, представившие исследователям реликты до 4-х последовательно сменявших друг друга культовых построек (базилики и храмы Питиунта, Алхадзы, Археополиса и Цебельды). Некоторые храмы сохранились достаточно хорошо (Сепиети, Дранда, Гагра) и в силу этого исследовались лишь методами расчисток и обмеров, другие известны только по своим отдельным компартиментам (баптистерий Зиганиса) или же вообще представлены случайными находками мраморных деталей интерьера и экстерьера, как это имеет место в материалах Анакопии, Цаиши и Хоби, последние из которых, предположительно, связаны своим происхождением с Зихией.

Привлечение широкого круга аналогий, представляющих художественно-архитектурные традиции всей христианской ойкумены, позволило автору превратить разнообразный и зачастую разобщенный со своим контекстом археологический материал в полноценный источник. По нашим подсчетам, для сравнительного анализа архитектурных форм, компартиментов литургического характера и их декоративных деталей исследовательница привлекает не менее 120 разнохарактерных и разновременных храмовых комплексов, *исследованных в различных регионах* христианского мира: Западная Европа, Италия, Балканы, Греция, Северная Африка и Киренаика, Ближний Восток и Малая Азия, Закавказье, Крым и др.

С точки зрения архитектурной археологии наибольший интерес представляют памятники, прошедшие полный цикл археологических исследований. Автор, активно вовлекающий в работу материалы раскопок своих коллег (В. Г. Цинцадзе, Ю. Н. Воронов, О. Х. *Бгажба, П. Закарая*, В. А. *Лекви*надзе, М. Н. Гунба, Г. Ф. Гобеджишвили, Т. М. Микеладзе, Г. А. Лордкипанидзе, З. В. Агрба, Л. А. Шервашидзе, Д. Хахуташвили, М. Дидебулидзе), сама являлась руководителем и участником полевых работ на многих из рассматриваемых памятниках (Алхадзы,

Цандрипш, Цебельда), среди которых особое место занимает уникальная октагональная церковь в Севастополисе (Сухуми), предположительно связанная с сиро-палестинской архитектурной традицией. Не случайно этому храму, исследованному только в 1989–1992 гг. и в силу этого не задействованному в диссертационном исследовании, в работе уделено значительное место (с. 203–259). Здесь в полной мере проявилась принадлежность автора к отечественной школе архитектурно-археологических исследований. Специалист в области полевой археологии с удовлетворением отметит тщательность фиксации архитектурных и археологических объектов, а просто вдумчивый читатель получит удовольствие, рассматривая безупречную графику помещенных в книге планов и разрезов исследованных памятников. Все это придает книге характер первоисточника и внушает безусловное доверие к сделанным выводам.

Итак, перед нами – первая обобщающая работа о христианской архитектуре Византийской Колхиды IV–VII вв. в широком культурно-историческом контексте, которая, помимо перечисленных глав, предваряется обширным введением и завершается исчерпывающим заключением. Приведенный в конце труда список литературы ограничивается лишь основными работами по теме, остальные библиографические сведения помещены в подстрочных примечаниях (с. 33, 439–445). Книга имеет обширное английское summary (с. 460–482) на печатный лист (несомненно, автор рассчитывает на закономерный резонанс, который должен вызвать этот труд у не читающей по-русски мировой научной общественности), а также снабжена указателями (с. 483–492) и необходимым при ее чтении глоссарием (с. 432–438).

Значение опубликованной книги, как мы пытались показать выше, не ограничивается введением в научный оборот архитектурно-археологических материалов еще одной «литургической провинции» (термин P. Donceel-Voute) христианского мира и их аналитического осмысления. Это и не удивительно. В силу ряда причин в конце 1980-х – начале 1990-х гг. автор оказалась своеобразным «монополистом» в такой деликатной области как контакты отечественной науки с передовыми европейскими школами христианской археологии и их представителями, которые с избытком перечислены в книге с выражением им искренней и заслуженной благодарности (с. 6). Это позволило исследовательнице стать обладательницей уникальной библиографической коллекции по истории и культуре раннего христианства, свода историографических мнений и гипотез, объясняющих художественные и архитектонические формы их литургической функцией, в чем так остро нуждались исследователи христианской культуры и архитектуры в России, кто в книге отнесен к «специалистам по русской церковной археологии».

Книга не только знакомит российского читателя с европейским научным богатством. Было бы наивным полагать, что автор ограничивается простой трансплантацией известных подходов к восточно-причерноморским материалам, хотя, например, обоснованность сопоставления трехчастности южного притвора Цебельдинской церкви с процессионными баптистериями Восточного Средиземноморья несомненно впечатляет (с. 308–313, 413–414). Исследование оказывается ответственной методологической трансформацией этих подходов, адаптированной к сложностям и особенностям местных памятников. Содержание книги, где корректно изложены версии, мнения и источниковедческие принципы европейских исследователей, позволяет отечественным авторам избавиться от суеверного отношения к возможностям и достижениям христианской археологии. В процессе чтения становится очевидно, что интерпретации и выявленные взаимосвязи между культом и архитектурой являются в большинстве случаев солидными, работающими, но все же гипотезами, различающимися по степени обоснованности и верифицируемости. Следовательно, их применение к морфологически близкому материалу должно иметь важные методологические ограничения и дополнительную систему доказательств.

Автор и сам признает, что некоторые проблемы возникают каждый раз, когда речь идет о реконструкции литургических функций архитектурно-археологических форм (с. 220), и что неплодотворно искать точное соответствие между идеализированными литургическими комментариями и археологическими останками (с. 226). Поэтому именно репрезентативность исследовательской выборки, представленной известными в других областях памятниками архитектуры, используемыми в качестве аналогий при анализе культовых зданий Восточного Причерноморья, и обеспечивает относительную надежность предлагаемых гипотез. Такого рода компаративистика позволяет не только проследить становление архитектурных типов, но и наметить общие тенденции развития христианского культа в регионе в контексте наших знаний об эволюции литургики и связанных с ней ментальностей (с. 73–74, 85, 93–94, 106–108, 141–150, 308–312).

Иногда подобная методика приводит к тому, что на основе скупых полевых отчетов делаются обширные реконструкции по аналогии. Так, южное помещение церкви в Гиеносе рассматривается как мемориальная часовня, культ которой организуется вокруг богатого инвентарем погребения. Но отсутствие археологически зафиксированных свидетельств почитания, о которых в тексте не упоминается, позволяет предположить здесь не столько наличие мемория, сколько ктиторское погребение, сопровождаемое рядовым заупокойным культом (с. 280–281). Впрочем, должно признать, что содержание, вкладываемое в понятие «мемориальный культ» в европейской науке, значительно шире сложившихся в отечественной литературе представлений о почитании мощей и реликвий, и в ряде случаев включает в себя и заурядную погребально-поминальную обрядность.

Столь же неоднозначными видятся судьба и культовое значение епископской базилики Питиунта, воссозданные в работе. При исследовании кафедрала V в. («церковь № 2»), который сменил собою кафед-

рал епископа Стратофила, погибший в середине IV в. («церковь № 1»), выдвигается тезис о том, что трапециевидная мозаичная вымостка в восточной части здания явилась формообразующим элементом для появления апсиды нетрадиционной (асимметричной и пятигранной) формы (с. 72–73). Сама вымостка рассматривается как locum sanctum («теофанический мемориЙ»), в силу чего она не только сохранилась, но и была включена в качестве конструктивного фактора в новую постройку.

Однако этот мемориЙ отсутствовал в древнейшей базилике епископа Стратофила, и впоследствии трапециевидная экседра никоим образом не повлияла на правильное полукружие базилики, возникшей позднее, во второй половине V – начала VI вв. («церковь № 3»). Если допустить, что почитаемое место возникло в процессе истории местной общины уже после гибели первого храма - во второй половине IV – начале V вв., то все же трудно согласиться с тем, что за полстолетия оно перестало быть религиозно значимым. Представляется, что выдвинутая гипотеза служит преимущественно тому, чтобы утвердить мнение о прекращении мемориального культа в епископском кафедрале и его продолжении исключительно в загородной церкви. Исследовательница сопоставляет два факта: включение епископской базилики, изначально расположенной extra muros, в городскую черту уже со второй половины V в., и появление приблизительно в то же время к юго-востоку от города загородного храма-мартирия, куда якобы и был перенесен мемориальный культ из городского собора.

Ради содержательного согласования и синхронизации двух храмовых комплексов в исследовании пришлось пожертвовать основной тенденцией развития христианского менталитета, которая имеет надрегиональный и стадиальный характер – имеется в виду знаменитый процесс «la mort apprivoisée», в результате которого граница между полисом и некрополем стиралась, и заупокойный культ складывался и функционировал уже в ситуации intra muros. Получается, что эта особенность мировоззрения не была присуща христианам Питиунта, продолжавшим практиковать мемориальный культ в соответствии с законом XII таблиц, то есть extra muros (с. 116–117, 412).

На это, по мнению исследовательницы, должен указывать и тот факт, что первый христианский храм возник за городской стеной. Возможно, что подобный взгляд явился результатом несколько прямолинейного перенесения на исследуемый материал фундаментальных выводов Андре Грабара (с. 73–74). Известно, что появление ранних церковных зданий на границе городских стен или даже за их пределами является общей закономерностью эпохи урбанистической христианизации, на что указывает и автор, приводя в качестве примера церковь Богоматери в Эфесе IV в. (с. 116). Это было обусловлено целым рядом подчас внерелигиозных процессов. Вопрос о влиянии социально-политических факторов на храмовую топографию был подробно разобран R. Krautheimer (Краутхаймер 2000: 17–19, 20, 32–37), но возможность именно общественных причин возникновения христианского здания за городской чертой в исследовании не рассматривается.

Логика рассуждений, вступающая в противоречие с общеизвестным направлением развития христианской культуры, такова: загородное положение «церкви № 1» наводит на мысль о мартириуме, а это, в свою очередь, позволяет предположить мемориальное значение трапециевидной экседры в «церкви № 2»; поскольку «церковь № 3» не следует своей апсидой форме мозаичной вымостки, то в это время культ переносится extra muros, где в сосновой роще и появляется «церковь № 6». Для этого акцентируется и предполагаемое различие в почитании мощей intra и extra muros у обитателей Питиунта и Севастополиса, где в октагональной церкви V–VI вв., находящейся в пределах города, зафиксированы погребения (с. 257). Изначальный характер базилики епископа Стратофила как теофанического мартирия ничем не подтверждается, тогда как традиционность мемориальной функции южной апсиды базилики Цандрипша, упоминаемой в исследовании, хорошо документирована археологически (с. 144). Стоит предположить не функционально-литургические, а технико-строительные причины появления асимметричной апсиды и повторяющей ее формы экседры в Питиунтской базилике, которые на основе опубликованного текста и представленных чертежей не определимы.

Еще одна проблема христианской археологии лишь намечена в исследовании: речь идет не только о связи символических толкований на литургию с храмовой планиграфией и компартиментикой, но и о влиянии литургических реформ на архитектурную эволюцию. В связи с этим упоминается и принятая в историографии дата введения «двух Входов» во время литургии – 574 г. (с. 401), в связи с чем даются ссылки на R. Krautheimer (Krautheimer 1975: 211) и Р. Тафта (Тафт 2002: 90–92). Если Р. Тафт ничего не пишет о возможной дате реформы, то авторитетный Р. Краутхаймер скорее всего позаимствовал ее у коллег-литургистов.

Мнение о том, что становление двух центральных процессий литургии связано в точной датой – 574 г., есть следствие некритического восприятия византийского «этиологического мифа». В источниках (Historiarum Compendium Георгия Кедрина), отстоящих от событий почти на 500 лет, сообщается лишь о регламентации исполнения определенных песнопений во время евхаристических процессий в 9 год царствования Юстина II (565–578). О том, что эти процессии существовали задолго до 574 г., свидетельствуют многочисленные памятники византийской литургики, в частности «Беседа о Пасхе и евхаристии» Константинопольского патриарха Евтихия (552–565, 577–582).

Исследовательница справедливо утверждает, что существование трех апсид Цандрипшской базилики вовсе не обязательно должно быть связано с литургией «двух Входов» конца VI в. и приводит в качестве примера храм Калат Семан в Сирии (474–490)

(с. 148). Базилика датируется второй четвертью VI в. Тем не менее, наличие трех апсид в храме Дранды свидетельствует, по мнению автора, о ее строительстве после 574 г. (с. 269–270). Налицо противоречие, которое лишь отчасти смягчается тем, что исследовательница видит в «триедином» алтаре Дранды, *апсидиальные пространства которого сообщаются* между собой, развитые жертвенник и диаконник, тогда как Цандрипшский алтарь архаичен, то есть не имеет системы внутренних сообщений (с. 401, 403–404, 151). Впрочем, триконх базилики в Алхадзы (VI в.) также может рассматриваться как имеющий, помимо собственно алтаря, еще жертвенник и диаконник (к обоснованности этой терминологии мы еще вернемся), поскольку эти компартименты сообщаются между собой, хотя ее постройка совершена гораздо ранее эпохи кодификации литургии.

Несомненно, и планиграфия алтаря в Дранде, подчеркивающая функциональную замкнутость его компартиментов, свидетельствует об определенных архитектурных новшествах постюстиниановой эпохи, и постройка церкви совершается не ранее VII в., на что указывает хронология использованных при строительстве амфор. Однако попытка поставить датировку храма во взаимосвязь с возможной богослужебной «реформой 574 г.» кажется избыточной *и с точки зрения истории архитектуры, и с точки зрения* истории литургии.

Очевидно, что кодификация двух литургических шествий – из скевофилакии на амвон и из протесиса в алтарь, происходила постепенно и не была вызвана к жизни императорским декретом. Окончательное закрепление в VI–VII вв. в составе литургии Малого и Великого Входов не произвело революции в планировке восточной части христианского храма. Эта литургическая особенность естественным образом наложилась на уже существовавшую с третьей четверти V в. форму триконха. Дата 574 г. вообще может не стоять в какой-либо связи с эволюцией архитектурной формы.

Принадлежность исследования к традициям христианской археологии обусловила определенную диспропорцию в осмыслении монументальных форм *христианской культуры Восточного* Причерноморья и археологии «малых форм». Речь не идет о массовом материале, добытом в процессе полевых исследований – например, описание и анализ керамики в работе сделан на высоком профессиональном уровне, в основе которого лежат методологические подходы и изобразительные стандарты, принятые в отечественной науке. Это относится, скорее, к той категорией предметов, которая в англоязычной литературе получила название «the minor objects». Собственно, автор и пользуется калькой этого понятия, *говоря о «мелких предметах культа»* (с. 327).

Попытка преодоления христианской археологией в XX в. эстетических и апологетических подходов, основы которых были заложены Иоганом И. Винкельманом (1717–1768) и Джовани Б. де Росси (1822–1894) (Сен-Рок 1998: 202–206), не отменила историографической инерции, в силу которой именно архитектурные, художественные и эпиграфические памятники *до сих пор являются приоритетами этой науки*, поскольку именно они оказываются зачастую наиболее информативными. Подходы средневековой и византийской археологии, уделяющей традиционно большое внимание как массовому археологическому материалу, так и отдельным находкам, принадлежащим к этой категории артефактов, лишь постепенно завоевывают себе место в структуре христианской археологии. Это происходит не без некоторых исследовательских издержек, что хорошо видно из рецензируемого труда.

Иногда отдельные артефакты рассматриваются вне своего археологического контекста, что не влияет на итоговые выводы, лишь несколько затрудняя восприятие комплекса в своем топографическом единстве. Традиционная аналитическая схема христианской археологии хорошо видна на примере базилики Цандрипша. *Отдельные сюжеты главы посвящены* погребениям, элементам декора, эпиграфическим находкам и происходящим отсюда археологическим *материалам. Исследованные внутри* храма гробницы рассматриваются отдельно (с. 151–159) от найденных в них стеклянных сосудов (с. 173).

Отмеченная диспропорция особенно заметно проявляется в процессе привлечения отдельных артефактов или их серий к контекстуальной датировке архитектурных памятников. В Севастополисе – Сухуми, самом крупном городе римско-византийского времени в северной части Причерноморской Таврики, до 1989 г. не было известно памятников храмовой архитектуры (с. 195–203). Случайные находки культовых предметов *раннехристианского времени*, по мнению автора книги, указывали «на существование ранних церковных зданий в Севастополисе» (с. 203). *К числу таких предметов был отнесен* и «бронзовый литой крест с изображением Христа в архаичном иконографическом типе» (с. 199, 203; рис. 71, табл. LXXX, 2) (рис. 1: 1, 2). Исследовательница более нигде не возвращается к вопросу об атрибуции и датировке этой находки. Но, если принять во внимание тот факт, что строительство октагональной церкви Севастополиса датируется рубежом IV/V – началом V вв. (с. 256), а ее разрушение – серединой VI в. (с. 237, 242), то бытование Распятия должно укладываться в те же хронологические рамки. Однако известно, что кресты того же иконографического типа широко бытуют в Северной, Восточной и Южной Европе в конце X – первой половине XII вв. (Мусин 2002: 152–170) (*рис. 2: 1, 2*), *то есть значительно позже* того временного интервала, в который Л. Г. Хрушкова помещает исследуемый экземпляр как хронологический индикатор существования храма.

Необходимо отметить, что ранее автор уже публиковал и анализировал сухумскую находку (Хрушкова 1979: 62–74. Рис. 43: 1). В числе характерных стилистических особенностей названы тесная вписанность фигуры в пространство креста, ее фронтальность, укороченность анатомических пропорций, увеличенные кисти рук и схематизм в изображении одежды. Среди «отступлений от *византийских про-*

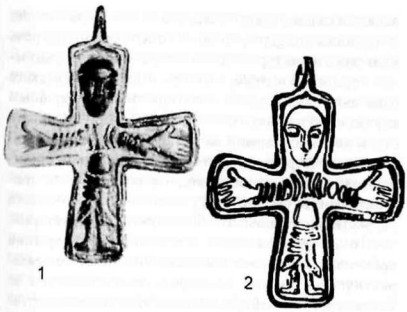


Рис. 1. Распятие из Сухуми: 1 – фото; 2 – прорись.

Fig. 1. Crucifix from Sukhumi: 1 – photo; 2 – drawing.

Рис. 2. 1 – распятие с городища Деман – Княжа Гора, Новгородская обл. (фото); 2 – распятие из Аллиманнинге, Вальбо, Гастрикланд, Швеция.

Fig. 2. 1 – Crucifix from the townsite of Deman – Knyazha Gora, Novgorod Oblast (photo); 2 – Crucifix from Allimanninge, Valbo *sn.*, Gastrikland, Sweden.

тотипов» в изображении Распятия исследовательница перечисляет «подпоясанную одежду с рукавами», «головной убор» (? – А. М.) и «отсутствие нимба с надписью». Приведенная в работе как аналогия литейная форма для крестов из Херсонеса не может быть признана в качестве таковой из-за более развитой и тщательно проработанной иконографии (Якобсон 1959: рис. 179: 4). Точно так же и «глухая» отсылка к Распятию из Новгорода конца X в. ничего не решает, поскольку имеется в виду происходящий с Неревского раскопа крест с несколько отличным от обсуждаемого изображением Христа (Седова 1981: 39, 49; рис. 13: 2), хотя в целом аналогия оказывается верной. Все же в ранней публикации выводы поданы более корректно, хотя, на наш взгляд, и неверно: считается, что крест «определенно изготовлен до IX–X вв.», «скорее всего VII–VIII вв.» (Хрушкова 1979: 66).

Сухумская находка в Восточном Причерноморье не является единственной. Схожий по иконографии крест с иной, элипсоидной, формой лопастей, где изображение складок на груди передано крестообразной фигурой, происходит из Лыхны (табл. LXXX, 1). Эта крестовидная перевязь, отсутствующая на сухумском экземпляре, оказывается наиболее близкой к иконографии европейских нательных крестов *XI* в. В Причерноморском регионе кресты подобной иконографии известны в Херсонесе (Крым), Диногетии (Румыния) и позднеаланских могильниках Северного Кавказа. Абхазские находки существенно дополняют картину распространения нательных Распятий этого типа, но не могут изменить уже известных хронологических рамок их бытования. Наоборот, они, не имея отношения к раннехристианским памятникам региона, способны уточнить некоторые параметры его культурно-политической истории в начале II тыс. н. э., в частности наличие в среде местных племен культурных импульсов, связанных с северноевропейским влиянием, идущим через Древнюю Русь по пути «из Варяг в Греки».

Точно также уязвимы для критики еще два сюжета, связанных с крестами. На наш взгляд, не подтверждается мнение о вотивном характере металлического креста, вмонтированного в «стеллу», бывшую некогда частью иконостаса, но найденную на позднеантичном некрополе к западу от Питиунта (с. 111–113. Табл. XI, 3). При обосновании его вотивности дается ссылка на работу N. Teteriatnikov (Teteriatnikov 1998: 419–433), в которой схожие крестовидные ниши в церквах Константинополя, Эфеса и Синая оцениваются как места для хранения схожих крестов. Известно, что подобные кресты носили преимущественно литургический, а не вотивный характер: их несли участники торжественных процессий во время стациональной литургии. О распространенности стациональных богослужений в литургической практике Восточного Причерноморья свидетельствуют и находки схожих крестов из Питиунта (с. 115; табл. XI, 4) и Цандрипша, последний из которых как раз и снабжен черенком для деревянной ручки (с. 184–185; рис. 61).

При раскопках церкви в Гиеносе был найден крест из золотой пластинки с одиночными отверстиями на каждом конце (с. 288, 290; табл. LXVII, 6). Исследовательница сопоставила эту находку с такой категорией предметов как Folienkreuze или Goldblattkreuze, чаще всего встречающейся в составе погребального инвентаря. Они имеют широкую географию распространения от Сирии до Испании и от Египта до Аллемании в VI–VII вв. Сами предметы оцениваются в работе как многофункциональные религиозные символы или вотивы, подчеркивающие социальный престиж погребенных. В свете этих представлений гиеносская находка так же отнесена к разрушенному захоронению. Однако характер отверстий говорит скорее об использовании здесь гвоздей, а не тонких нитей, которыми сквозь парные отверстия пришивались на саван гораздо более изящные кресты, происходящие из погребений аллеманской и ланго-

бардской знати раннего средневековья. Вероятно, перед нами вотив, крепившийся к твердой поверхности и не имевший отношения к мемориальному культу. Очевидно, стоит подходить более дифференцировано к определению функционального назначения подобных крестов, не смешивая разнородные культурные явления.

Точно так же и миниатюрная бронзовая ложечка VI в. с ручкой в виде стержня предположительно, но без достаточных оснований, отнесена к разряду евхаристических лжиц (с. 173–174; рис. 57). К сожалению, не указан археологический контекст находки, хотя связь с культурным слоем на территории храма очевидна. Мнение о евхаристическом характере лжицы можно отнести лишь к «восточно-христианской литургической экзотике», как она видится из Европы – письменные источники фиксируют лжицу как скандальную инновацию константинопольской церкви лишь в первой половине – середине XI в. (Муретов 1895: 197). В данном случае либо неверна датировка (что менее вероятно), либо интерпретация.

Трудно согласиться и с попыткой поставить алтарную плиту из Цебельды с «Видением св. Евстафия» в эволюционный ряд высокого иконостаса, где сцена мученичества корреспондирует с местным рядом иконостаса, евангельские сцены с праздничным рядом, а пророческие видения – соответственно с пророческим рядом (с. 393). Многоярусный иконостас рождается из принципиально иной иконографической программы, развернутой не на плоскости, а в пространстве фресковой росписи или мозаики, на другой этно-культурной почве и в другую эпоху (Покровский 1910: 432–435). Полагаем, что даже «некоторого представления о переходе от раннехристианской алтарной преграды к средневековому иконостасу» цебельдинские плиты дать не могут.

Не оценены, на наш взгляд, по достоинству и познавательные возможности изучения погребального обряда как источника сведений о распространении христианства среди местного населения. Целиком согласимся с автором, что отсутствие христианской символики в погребениях еще не свидетельствует о отсутствии христианизации (с. 52–53), но мнение о консервативности обряда, долго сохранявшего языческие черты в виде наличия инвентаря (с. 330), представляется нам несколько архаичным. Автор сам отмечает важность продолжения полемики по вопросу о хронологии раннесредневековых могильников в Абхазии для понимания истории христианства в регионе (с. 18–20), хотя главные свидетельства распространения христианства, по его мнению – это церковные здания (с. 20).

Еще одна проблема, порожденная опубликованным исследованием, связана с научной терминологией. Она возникла еще в эпоху обсуждения и защиты диссертации и не решена до сих пор, хотя сама терминология в работах автора, несомненно, эволюционирует. Отметим отказ автора от попыток выработать самостоятельную терминологию, согласованную с нормами русского языка. Так, используемый в исследовании термин «литургические устройства» является калькой употребляемого N. Duval понятия «les installations liturgique, liturgical structure». Иногда речь идет даже о «литургической мебели», хотя французские термины «meuble, meublé» в данном контексте означают «обстановку», «насыщенность», в крайнем случае «меблировку» (с. 309, 310). Трудно подобрать столь же емкий термин на родном языке, хотя описательные конструкции, пусть и с употреблением иностранных заимствований, представляются более приемлемыми: пусть это будут «детали литургического убранства» или «элементы богослужебной структуры».

То же стоит сказать и в отношении термина «обычный культ», что тождественно понятию «евхаристический культ», «мемориальный культ» и т. д. Такая строгая дифференциация богослужебных функций, возникшая еще в европейской науке, вряд ли имела место в истории, и разведение в пространстве этих функций не всегда способствует пониманию исследуемого храма как цельного комплекса. Не совсем точно и употребление такого понятия как «правило единственности алтаря» (с. 189). Речь идет о допустимости совершения Евхаристии на конкретном престоле лишь один раз в сутки, что и привело к созданию в храмах как восточной, так и западной традиции дополнительных алтарей с литургическими престолами либо в виде латеральных капелл, либо в виде усвоения евхаристических функций боковыми апсидами. Очевидно, здесь тоже более уместна описательная конструкция.

В связи с этим стоит вновь затронуть вопрос о северной и южной апсидах восточно-христианского триконха как жертвеннике и диаконнике. Эта терминология, возникшая в греческой практике позднего средневековья, вряд ли может быть столь линейно переносима на более раннее время. В исследованиях подразумевается, что жертвенник выполнял функции протесиса, а диаконник – скевофилакии. Вместе с тем, указания средневековых евхологиев и служебников до определенного момента совмещают протесис и сосудохранительницу, а южной конхе отводятся исключительно мемориальные функции.

К числу мелких замечаний стоит отнести ошибочность именования преподобного Максима «самым знатным из греческих иерархов» VII в. (с. 57), сосланных в Колхиду и здесь скончавшихся. Исповедник, будучи монахом, вряд ли был и игуменом (Болотов 1994: 477). Сомнительна связь между антропоидной формой саркофага и храмовой апсидой (с. 102). Подобная форма для внутреннего углубления саркофага известна уже в памятниках римского времени, в частности, в Карнунтуме (Австрия). Скорее всего, на сложение такой формы повлияла эстетика, заставившая мастера синхронизировать внешний контур изделия с внутренним, а не искусственная символика. Слишком прямолинейным кажется и переход от факта идентичности ширины баптистерия и нартекса в церкви Цебельды к мнению, что эти компартименты обладали «одинаковой степенью святости» в сознании современников (с. 308).

Сказанное совершенно не влияет на удивительное цельное впечатление от книги, которое возника-

ет у читателя. Немногие работы на тему архитектурной археологии читаются на одном дыхании как эта. Автор блестяще показывает существовавшие тенденции развития христианского строительства, связанные уже со второй половины IV в. с количественным увеличением культовых сооружений и усложнением их планов и архитектурных типов. Преобладание, в отличие от Закавказья, некупольной архитектуры, эллинистического типа базилики над анатолийским, усложняющая эволюция структуры алтаря и появление сводчатых перекрытий – вот основные архитектонические черты, характеризующие раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. Принципиально интересны и выводы, касающиеся литургической и социальной культуры. Оказывается, в регионе невозможно выделить приоритетное архитектурное влияние какой-либо литургической провинции, будь то Малая Азия, Константинополь или Сиро-Палестинский регион, поскольку местные постройки не имеют ярко выраженных аналогий. Стоит присоединиться к мнению автора, что такое положение дел обусловлено расположенностью региона на перекрестке культур и цивилизаций, что и создает многоликую картину.

Для региона оказывается характерным сочетание различных богослужебных функций (евхаристических, мемориальных и мистериальных) в одном здании и компартименте, что приводило к усложнению планов зданий и отсутствию строгой зависимости между архитектурной формой, планиграфией и литургической функциональностью. Именно функциональным осмыслением архитектурных памятников безусловно оживляется рецензируемая книга, поскольку за камнями и плинфой позволяет увидеть конкретного исторического человека с его социальными желаниями и мистическими стремлениями.

Мы должны поздравить автора и друг друга с тем, что эта книга, наконец, вышла в свет и стала доступна любознательному читателю и вдумчивому исследователю. Она не только полноценно вводит в научный оборот памятники христианской археологии Колхиды, но и дает исчерпывающие представления об исследовательском потенциале этой науки в мировом масштабе, знакомя нас с новейшими работами в этой области. Рецензируемая книга займет свое достойное место на полке рядом с другим изданием, также посвященным исследованиям христианских древностей (Беляев 1998). Если труд Л. А. Беляева давно стал своеобразным энциклопедическим справочником в области истории и персоналий христианской археологии, то книга Л. Г. Хрушковой уже становится энциклопедией достижений этой науки в области ее методологии и интерпретационных гипотез, основные принципы которых весьма корректно, а значит, и блестяще применены автором в процессе изучения раннехристианских памятников Восточного Причерноморья IV–VII вв.

Беляев, Л. А. 1998. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. Москва.

Болотов, В. В. 1994. Лекции по истории Древней Церкви. II. История Церкви в период до Константина Великого. Москва.

1994а. Лекции по истории Древней Церкви. IV. История Церкви в период Вселенских соборов. 3. История богословской мысли. Москва.

Краутхаймер, Р. 2000. Три христианские столицы. Топография и политика. Москва – Санкт-Петербург.

Макаров, Н. А. 1988. К интерпретации находок предметов христианского культа в древнерусских могильниках (По материалам Белозерья и Каргополья) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научно-практической конференции 1: 101–103. Новгород.

1991. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // Краткие сообщения Института археологии 205: 11–20. Москва.

1994. Первые христиане или последние язычники? // Кириллов. Историко-краеведческий альманах 1: 67–80. Вологда.

1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. Москва.

Муретов, С. 1895. Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «Устава литургии» Константинопольского патриарха Филофея. Опыт историко-литургического исследования. Москва.

Мусин, А. Е. 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. Санкт-Петербург.

Николаева, Т. Н., А. В. Чернецов. 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. Москва: Наука.

Седова, М. В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва: Наука.

Сен-Рок, П. 1998. Современная христианская археология на Западе // Российская археология 2: 202–206. Москва.

Тафт, Р. Ф. 2000. Византийский церковный обряд: Краткий очерк. Санкт-Петербург: Алетейя.

Хрушкова, Л. Г. 1979. Материалы по мелкой пластике Абхазии // Материалы по археологии Абхазии: 62–74. Тбилиси.

1990. Раннехристианские сооружения Восточного Причерноморья (особенности и место в контексте христианской археологии). *Автореф. дисс. … докт. ист. наук.* Ленинград.

1991. Христианская археология в СССР // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений 1. Москва, 8–15 августа 1991 г. Москва.

Чернецов, А. В. 1991. К изучению эволюции архиерейского посоха и его символики // Советская археология 3: 84–97.

1992. Золоченые двери XVI века. Соборы Московского кремля и Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме. Москва.

1997. Начало христианства на Руси в свете археологических данных // Slavia Antiqua XXXVIII: 81–93.

Якобсон, А. Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР 63. Москва-Ленинград: Наука.

Krauthaimer, R. 1975. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth.

Teteriatnikov, N. 1998. Devotional crosses in the columns and walls of Hagia Sophia // Byzantion LXVIII/2: 419–433.

А. Е. Мусин
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел славяно-финской археологии.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

ХРОНИКА ЗАРУБЕЖНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ (лидирующая роль Международного общества – Study group on music archaeology of the International Council for Traditional Music [ICTM])

В. А. МЕШКЕРИС[1]

В 1981 г. вышел в свет 12-й том известного американского журнала «World Archaeology», посвященный музыкальной археологии (*World Archaeology* 1981). В нем были опубликованы результаты исследований этого подразделения науки в разных странах – от Австралии (на юге) до Скандинавии (на севере), включая Египет, Переднюю Азию и Западную Европу. Собранные материалы охватывали широкий хронологический диапазон – с доисторических эпох вплоть до средневековья. В этом издании воплотилась идея сотрудничества ученых различных направлений гуманитарных наук, что способствовало развитию музыкальной археологии. В 80-е годы вышли шесть номеров (1984–1986) «Music Archaeological Bulletin», материалы которых были собраны в 1987 г. в двух выпусках более объемного журнала «Archaeologia musicalis»[2], ставшего впоследствии основным периодическим изданием Международного общества историков музыки. Изучавшие музыкальную археологию ученые встречались на международных форумах в Самарканде, посвященных исследованию традиционной музыки[3]. Проблемы генезиса и специфики ранних форм музыкальной культуры и археологии были в центре внимания конференции, состоявшейся в 1986 г. в Армении. В ней приняли участие музыковеды, этнографы, историки, филологи, лингвисты, философы (Проблемы генезиса… 1986). Международный симпозиум в Душанбе в 1990 году, связанный с легендарным музыкантом Борбатом, значительно обогатил историко-востоковедческое инструментоведение (Борбат… 1990).

На фоне развития музыкальной археологии организация Международного общества историков музыки представляется весьма своевременной. «Группа по изучению музыкальной археологии» (Study Group on Music archaeology) при «Международном совете традиционной музыки» (ICTM) оформилась в Германии (Ганновер) в 1986 году. На совещании были определены конституционный статус «Группы», условия приема в ее члены, основные положения и перспективные задачи общества, подчиненного Международному совету традиционной музыки. Целью деятельности группы по изучению музыкальной археологии является междисциплинарное исследование в области музыкальной археологии, осуществление научных контактов ученых и студентов посредством международных встреч, обмена публикациями и корреспонденцией. Были определены права и обязанности выборных руководителей – председателя подкомитета, председателя группы, секретаря, правила выборов, срок исполнения полномочий. Членом «Группы» может стать любой участник «Международного совета традиционной музыки», который активно работает в области музыкальной археологии, регулярно выступает на заседаниях и представляет материал для периодической печати. «Группа» предлагает созывать международные конференции не реже одного раза в три года. Официальным языком конференций признан английский, однако отдельные члены могут представлять доклады на немецком, французском, испанском или итальянском языках.

[1] Россия. 191186 Дворцовая набережная 18. ИИМК РАН. Отдел Центральной Азии и Кавказа.

[2] В первом номере нового издания опубликованы музыкальные инструменты: аэрофоны, хордофоны и мембранофоны Старого и Нового Света (1987, Heft 1); второй выпуск был посвящен дискуссии, выясняющей границы между музыкальной археологией и смежными дисциплинами (1987, Heft 2). Последующие номера этого журнала касались различных вопросов: литофонов (1988, Heft 1); древней музыкальной культуры народов Центральной и Средней Азии (1988, Heft 2); теоретических вопросов и интерпретации уникальных памятников музыкальной археологии Центральной Европы, Азии и Южной Америки (1989, Heft 1/2; 1990, Heft 1).

[3] Музыковедческие симпозиумы в Самарканде (1978, 1983, 1987 гг.) были посвящены проблемам изучения и сохранения музыкальных традиций народов Ближнего и Среднего Востока. Они проводились под эгидой Международного музыкального совета – ММС ЮНЕСКО (Традиции музыкальных культур… 1984; Культурные традиции…; Третий симпозиум… 1987; Григорьева 1988: 62–71).

С момента создания и по настоящее время председателем общества является профессор Эллен Хикманн (Ганновер). В течение ряда лет в подготовке наиболее важных конференций и изданий принимали активное участие Кайса С. Лунд (Швеция), Е. Хомо-Лешнер (Франция), Анн Бекли (Англия). Ныне большую поддержку в организации и развитии музыкальной археологии оказывает директор Восточного отделения Немецкого археологического института, выдающийся специалист Рикардо Эйхманн (Берлин). Международный размах и активная деятельность «Группы» проявилась в привлечении к музыкальной археологии более 130 специалистов из 25 стран мира. Материалы наиболее значительных международных конференций по музыкальной археологии в Стокгольме, Париже, Льеже, были изданы в фундаментальных публикациях: Second Conference of the ICTM Study Group on Music Archaeology, vol. I (General Studies), vol. II (the bronze lurs); Publications issued by the Royal Swedish academy of Music № 53, Stockholm, 1986; La pluridisciplinarité en archéologie musicale, vol. I, II; IV-e rencontres internationales du Group d'études sur archéologie musicale de L'ICTM (Saint-Germain-Laye musée des antiquités nationales) 8–12 October, 1990, Paris; Centre français d'archéologie musical le PRO LYRA, Paris, 1994; «Songe Originels». Préhistoire de la Musique. Actes du colloque de musicologie, 11–13 Decembre, 1992, Études et Recherches Archéologiques de L'Université de Liège, № 60, Liège 1994.

Музыкальная археология первобытной эпохи нашла отражение в материалах симпозиумов: в Индии – Global conference on Rock Art (under the aegis of UNESCO), Indira Gandhi National Centre for the Arts, New Delhi, 29 ноября – 7 декабря 1993 г.; в Италии – News 95 – International Rock Art congress, International Federation Rock Art Organization – IFRAO – Meeting, Torino; в Македонии – World Rock Art Congress, Skopje, 14–21 июля 2002 г.

Исследованию древних струнных инструментов была посвящена Международная конференция на Кипре в 1996 году (Лимассол) (Мешкерис 1996). В мае 1999 года в Германии (Михельштейне) состоялся 9-ый симпозиум Международной исследовательской группы музыкальной археологии (Study Group on Music Archaeology) – In memoriam Hans Hickmann 1908–1968 – «Musikarchäologie der metallzeiten Music archaeology of metal ages» (май 18–24, 1998; Foundation Kloster Michaelstein. Blankenburg/Harz, Germany).

Материалы германской конференции изданы в двухтомнике «Studien zur Musikarchäologie»: I, II Hrsg. E. Hichmann, U. A. Ricardo Eichmann. Orient Archäologie Bd. 6, 7. Rahden/West, 2000.

Проблематика восточной музыкальной археологии немецкого издания освещена в статье В. А. Мешкерис (2002). Палеомузыкология ближнего зарубежья (бывших республик советской Средней Азии) явилась темой докладов Международных конференций, посвященных изучению культурного наследия Востока – тезисы которых отражены в специальных сборниках: Петербургской конференции Института истории материальной культуры РАН в публикации: Изучение культурного наследия Востока, Санкт-Петербург, 1999; симпозиума в Туркменистане в честь 10-й годовщины независимости Туркменистана – в сборнике «Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства» (Ашхабад, 2001).

Ценно, что капитальные издания материалов конференций открыли доступ к предмету исследований. Развитие современной музыкальной археологии поддерживается смежной дисциплиной «музыкальная иконография как источник истории музыки», которая формируется под эгидой Исследовательского центра в Нью-Йорке при Отделе музыкальных инструментов The Metropolitan Museum of Art, организовшего 8 конференций по этой проблематике.

В ноябре 2003 года состоялась 9-ая конференция, посвященная памяти основателя музыкального иконографического центра Эммануэля Винтернитца[4]. В проекте программы наряду с выступлениями мемориального характера были предусмотрены доклады по палео-этномузыкологии с акцентом на иконографический аспект, в том числе сообщения Петербургской группы из пяти разнопрофильных специалистов музыкологии, которую представляли: В. А. Свободов – ст. научный сотрудник Российского института истории искусств и аспирант А. Белов; В. А. Мешкерис – доктор наук, вед. научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, член Международного общества Study Group on Music Archaeology (ICTM); Н. Васильева – востоковед Петербургского государственного университета; Ж. Атаева – студентка Российской Академии художеств им. И. Е. Репина.

Плодотворны итоги деятельности Международного общества Study Group on Music Archaeology (ICTM), тесно связанного с отечественной музыкологией, в становлении которой активно участвует Петербургская археолого-музыковедческая группа. Междисциплинарные контакты всемирного сотрудничества открывают перспективу развития современной музыкальной археологии.

Борбат... 1990. Борбат и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. Душанбе.

Григорьева, А. 1988. Жизнь традиций народов Ближнего и Среднего Востока в современной музыкальной культуре // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культуры Центральной Азии 14: 62–71. Москва.

Культурные традиции... Культурные традиции и преемственности в развитии древних культур и цивилизаций. Санкт-Петербург: Издательство Европейский дом.

[4] Тезисы переданы в интернете: website – Music in Art: Music Iconography as a sourse for Music History.2003.

Мешкерис, В. А. 1996. Музыка из глубины веков на Кипре // Апраксин Блюз 6.

Проблемы генезиса... 1986. Проблемы генезиса специфики ранних форм музыкальной культуры. Тезисы докладов, 24–30 октября, 1986. Дилижан, Ереван.

Традиции музыкальных культур... 1984. Традиции музыкальных культур народов Ближнего и Среднего Востока и современность. По материалам Второго международного музыковедческого симпозиума. Самарканд, 1983. Москва.

Третий симпозиум... 1987. Третий международный музыковедческий симпозиум. Самарканд, 2–9 октября 1987.

Global conference ... 1993. Global conference on Rock Art. Musical Subjects. Indira Gandhi National Centre for the Arts: 18–24. New Delhi.

La pluridisciplinarité... 1994. La pluridisciplinarité en archéologie musicale, vol. I, II. IV-e rencontres internationales d'archéologie musicale de L'ICTM. Saint-Germain-Laye, 8–12 Octobre, 1990. Paris.

Musikarchäologie ... 1998. Musikarchäologie der metallzeiten. Foundation Kloster Michaelstein. Blankenburg. Harz, Germany, May 18–24, 1998.

News 95. 1995. Rock Art and music archaeology // International Rock Art congress: 61-65. Torino.

Second Conference ... 1986. Second Conference of the ICTM Study Group on Music Archaeology, vol. I (General Studies); vol. II (The bronze lurs). Publications issued by the Royal Swedish academy of Music 53. Stockholm.

Song Originelsa... 1994. Song Originelsa. Préhistoire de la Musique: actes du colloque de musicologie, 11–13 Décembre, 1992. Liége.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ ИЗ СОБРАНИЯ ГЕНРИХА ШЛИМАНА В АНТИЧНОМ ФОНДЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

З. В. ХАНУТИНА[1]

В отделе новой экспозиции Государственного музея истории религии, посвященном Древней Греции, не слишком привлекают внимание две небольшие терракотовые статуэтки (рис. 1).

Первая из них – пластинообразная женская фигурка, так называемая «паппада», высотой 158 мм, выполненная из плотной оранжевой глины очень хорошего качества в технике свободной лепки, расписанная бурым лаком (рис. 1: 1). Вместо рук – симметричные треугольные выступы. Толстая прямая шея, постепенно суживаясь, переходит в голову, увенчанную высоким округлым головным убором, напоминающим калаф или полос. Головной убор и длинное одеяние украшены геометрическим орнаментом. Лицо имеет вид клюва, на котором с обеих сторон нарисованы большие глаза. Надо лбом – завиток-волюта (рис. 2).

Вторая – изображение животного, скорее всего ослика или мула (высота 75 мм, длина 110 мм), также выполненное в технике свободной лепки, но более небрежно, чем вышеупомянутая «паппада» (рис. 1: 2; 3). Глина, из которой выполнена эта статуэтка, крупного помола, пористая с темными включениями, да и сама фигурка сохранилась гораздо хуже: имеются сколы на ногах и обломано правое ухо.

Общими для них на первый взгляд, являются лишь ранняя по сравнению с большинством экспонатов датировка – VI в. до н. э., и место изготовления – Беотия.

Однако, как выяснилось, обе эти терракоты принадлежат весьма примечательной коллекции, попавшей в Россию в 80-е гг. XIX в. Судьба ее, увы, очень типична для многих музейных и частных собраний, существовавших в нашей стране, в 20–30-е гг. разрозненных, распределяемых и перераспределяемых по различным музеям, подчас стихийно и хаотично.

Но прежде чем мы проследим «путь скитаний» упомянутой коллекции по музеям России, хочется вспомнить некоторые эпизоды истории российского музейного дела, его направления, которые создали предпосылки для появления в нашей стране этого собрания.

Интерес к античным древностям возникает в России несколько позже, чем в Европе, а именно в период царствования Петра I. К этому времени относится появление первых отечественных собраний произведений античного искусства и нумизматики, причем многие владельцы стремились сделать их доступными для обозрения. Тогда же, по инициативе Петра I создается и первый российский публичный государственный музей – Кунсткамера (кабинет редкостей) [1714], где наряду с разнообразными «курьезами» и древностями хранились и некоторые античные памятники, входившие в так называемую Сибирскую коллекцию Петра I и происходившие, вероятно, из скифских и сарматских курганов района Волги и Дона (Формозов 1986: 17–30).

В последней четверти XVIII в., после присоединения к Российской Империи территорий Северного Причерноморья интерес российских археологов, главным районом исследований которых была до этого Сибирь, обращается к древней истории южнорусских степей, включая Крым. Начиная с этого периода, исследования в Причерноморье с каждым годом расширялись, а в Сибири – постепенно замирали.

Большую роль в организации изучения этих земель играет Императорская Академия наук. В июне 1773 г. Конференция АН приняла постановление о направлении в Крым экспедиции акад. И. А. Гюльденштедта, который в августе 1776 г. составляет проект экспедиционных исследований на юге России. Наиболее важными для изучения он считает район устья Днепра и Крым. В 1779 г. академик дал обязательство представить историческое и географическое описание новых учреждений в Азовской и Новороссийской губерниях, однако преждевременная смерть не позволила ему выполнить эту работу. В последующие годы Императорская Академия наук регулярно организует экспедиции по изучению южных российских территорий, возглавляемые В. Ф. Зуевым (1754?–1794), К. И. Габлицем (1752–1821), П. С. Палласом (1741–1811) и др. (Тункина 2002: 42–62).

[1] Россия. 190000. Санкт-Петербург. ул. Почтамтская, 14/5. Государственный музей истории религии. Отдел архаических верований.

© З. В. Ханутина, 2004

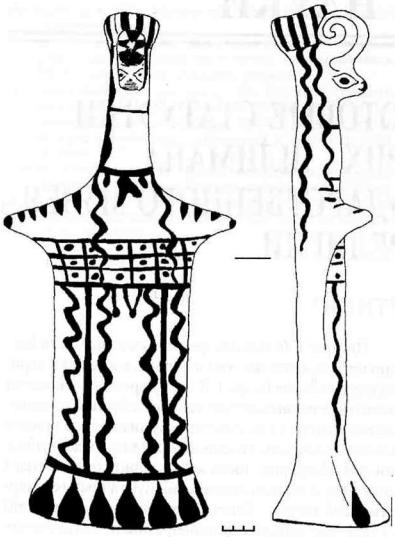


Рис. 1. Женская статуэтка с геометрическим орнаментом. VI в. до н.э. Беотия.

Fig. 1. Figure of a woman with geometrical ornaments. 6th cent. BC. Boiotia.

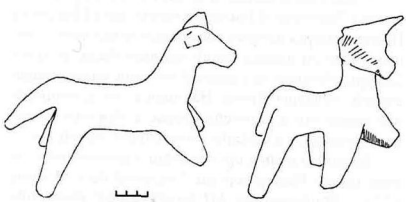


Рис. 2. Статуэтка ослика. VI – начало V вв. до н.э. (Беотия ?).

Fig. 2. Figure of a donkey. 6th – early 5th cent. BC (Boiotia ?).

В этот же период в России возникает наиболее значительное и по сей день хранилище археологических древностей – Эрмитаж.

С самого начала XIX в., который с полным правом можно назвать веком расцвета археологической науки вообще и классической археологии в частности, во многих странах Европы открываются музеи древностей. Если в XVIII в. общедоступными археологическими коллекциями были лишь Отделы древностей Британского музея и Лувра, то в XIX в., характерной чертой которого является расцвет национального самосознания, интереса к истории человечества, по инициативе исторических и археологических обществ, а также отдельных меценатов и ученых, возникают: Датский национальный музей древностей (1807), Национальный музей в Нюрнберге, Римско-Германский музей в Майнце (1852), Музей национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Ле (1862), Национальный археологический музей в Афинах (1874) и др. Появляются первые археологические музеи за пределами Европы: Египетский музей древностей в Каире – 1857, Оттоманский музей древностей в Стамбуле – 1869 (Дукельский, Фролов 2001: 46).

В этот период, в особенности после египетского похода Наполеона интересы археологов обращаются также и на Восток. Наступает эпоха великих археологических открытий. Одна за другой организуются экспедиции в Египет, Грецию, страны Ближнего Востока. Их возглавляют Дж. Б. Бельцони (1817–1818), Ж. Ф. Шампольон (1828–1829), Р. Лепсиус (1843–1845), П. Э. Ботта (1843–1846), О. Г. Лэйярд (1845–1849), основатель Египетского музея древностей О. Мариэтт (1849–1857), Г. Шлиман (1870–1890) Ф. Питри (1880–1926) Р. Кольдевей (1882, 1897–99) и др. (Керам *1986: 20–220*).

Не отстает от Европы и Россия. На протяжении XIX в. здесь открываются: Музей при гидрографическом депо в *Николаеве (1803)*, *Феодосийский* музей древностей (1811), Одесский городской музей *древностей* (1825), Керченский музей древностей (1826), Музей Одесского общества истории и древностей (1839), Археологический музей Киевского университета (1835), Музей Русского археологического общества в Петербурге (середина 1840-х), Екатеринославский музей древностей (1849), Музей древностей в Вильно (1856), Музей Московского археологического общества (1864), Кавказский музей в Тифлисе (1864), Туркестанский музей древностей в Самарканде (1874), Рязанский музей древностей (1896), Херсонский археологический музей (1898), Городской музей древностей и искусства в Киеве (1899) и др. (Разгон 1961: 207–212, 224; Дукельский, Фролов 2001: 46).

В апреле 1805 г. Александр I подписал «Положение, полагаемое к учреждению по Эрмитажу», по которому в музее было образовано пять отделений. В I и II отделениях хранились, наряду с другими предметами искусства, античные древности. После прихода ученых Императорской Академии наук на службу в Императорский Эрмитаж эти учреждения становятся основными центрами изучения античности в России.

К середине XIX в. появились объективные предпосылки для организации правительственного учреждения, которое должно было сосредоточить в своих руках надзор и управление над археологической деятельностью в стране. Инициатором его создания стал почетный член Императорской Академии наук (1852) граф Лев Алексеевич Перовский (1792–1856). После его смерти председателем комиссии становится граф С. Г. Строганов (1794–1882). Строгановская комиссия 2 *февраля 1859* г. была реорганизована в Императорскую Археологическую комиссию, подчиненную Министерству Императорского двора и по-

Рис. 3. Греческие терракоты из собрания Генриха Шлимана (Государственный музей истории религии): 1 – женская статуэтка; 2 – статуэтка ослика.

Fig. 3. Greek figurines from collection of Heinrich Schliemann (State museum for history of religion): 1 – Figure of a woman; 2 – Figure of a donkey.

лучавшую ежегодную правительственную субсидию для производства раскопок. Комиссия имела свой музей, руководила Керченским музеем древностей и Римской комиссией археологических разысканий. В ее задачи входили: производство раскопок на всей территории страны, собирание сведений о памятниках, «ученая разработка и оценка» найденных древностей.

С 1886 г. работу комиссии возглавлял граф А. А. Бобринский. После ликвидации комиссии в 1919 г. ее функции были возложены на Академию истории материальной культуры.

Помимо этого, в мае 1846 г. было образовано Петербургское археолого-нумизматическое общество, преобразованное в феврале 1851 г. в Императорское Русское археологическое общество с тремя отделениями: русской и славянской археологии, восточной археологии, древней и западной археологии (Тункина 2002: 245–255).

В XIX в. претерпевает изменения и концепция музейного дела в России. Если главными задачами музеев XVIII – начала XIX в. являются накопление, хранение и систематизация музейных собраний, то во второй половине XIX века постепенно осознаётся образовательно-просветительное и идеологическое значение деятельности музеев.

Реформы 1860–70-х гг. стимулировали развитие экономики страны, пробуждали общественную активность россиян, способствовали демократизации культуры. Повышение естественнонаучных, технических знаний, рост промышленности и сельского хозяйства, понимание необходимости просвещения народа, распространения научных знаний вызвали к жизни совершенно новые типы общедоступных музеев: педагогические музеи, музеи наглядных пособий, музеи техники, естественно-исторические музеи. Во многих города Европы и России по инициативе общественности возникали комплексные (в дальней-

шем краеведческие) музеи, объектом показа которых стала окружающая жизнь – история, природа, экономика края (Златоустова, Каспаринская, Кузина: 2001).

Во второй половине XIX в. характерным явлением демонстрации достижений капиталистического хозяйства в Европе стали сельскохозяйственные и промышленные выставки[2]. Всемирная выставка 1851 г. в Лондоне, показавшая состояние художественно-промышленных производств в Европе, позволила сформулировать задачу преодоления разобщенности между «ремеслами и художествами». Художественно-промышленное образование стало рассматриваться как специальная область художественной подготовки, его основой считалось воспитание вкуса на лучших образцах искусства прошлых эпох. Взаимосвязь художественно-промышленных учебных *заведений с музеями того же профиля получила* принципиальное значение.

В самых разных странах западной и восточной Европы, почти во всех крупных промышленных и культурных центрах возникают учебные заведения и музеи нового типа, получившие название – Kunstgewerbe-Museum – Музей художественных ремесел.

Впервые идея такого музея, была развита немецким архитектором и теоретиком искусства, создателем Саут-Кенсингтонского музея в Лондоне Г. Земпером. Образованный на основе коллекции выставки 1851 г., этот музей надолго стал образцом для промышленных и художественно-промышленных музеев. Одним из первых *специализированных был Австрийский* музей искусства и промышленности в Вене (1864). При нем существовало Училище художественных ремесел (1867), которое стало одним из ведущих учебных заведений этого профиля в Европе.

В этот процесс включается и Россия. Здесь во 2-й половине XIX в. художественно-промышленные музеи становятся наиболее распространенным типом промышленного музея.

Вышеупомянутые музеи серьезно изучали искусство в прикладных целях, *поэтому, наряду с копиями*, часто являлись хранителями коллекций подлинных высокохудожественных предметов искусства, в том числе и коллекций древностей. Примерами таких музеев могут служить Музей при Строгановском училище технического рисования в Москве (1864) и Музей училища технического рисования *барона Штиглица в Петебурге*. Последний был открыт в 1881 г. и стал одним из самых крупных и значительных в России собраний прикладного искусства (Кошман, Мамонтова: 2001).

Инициатива создания училища и музея принадлежала сенатору А. А. Половцову, председателю Русского исторического общества, и была реализована на средства его тестя – крупного российского финансиста и промышленника барона А. Л. Штиглица (1814–1884)[3] как часть общеевропейской программы реформы художественно-промышленного образования.

Александр Александрович Половцов – приближенный Александра Ш (с 1883 г. – государственный секретарь), политик и фабрикант, страстный коллекционер предметов искусства являлся одной из главных, если не главной фигурой в деле создания училища. *Половцов стал бессменным* председателем совета училища и товарищем почетного попечителя – барона А. Л. Штиглица (Прохоренко, Власова 1994: 16).

Именно в этот музей и попадают «герои» нашей статьи, делая свои «первые шаги» в России.

Но вернемся на несколько десятилетий назад, в январь 1846, когда в Петербург приезжает из Амстердама тогда никому еще не известный 24-летний поверенный голландской фирмы «Б. Шрёдер и К» Генрих Шлиман.

Петербургский период жизни Шлимана достаточно изучен (Штоль 1965; Богданов 1990; Бабанов, *Суетов 1968; Дашевская 1968; Богданов 1998; Клейн* 1998), поэтому, не останавливаясь на подробностях, упомянем лишь основные его вехи. 5 февраля 1847 г. Генрих Шлиман получил российское подданство, а спустя 2 недели записался купцом 2-й гильдии. В этом же году близко сходится с семейством Лыжиных, глава которой адвокат Петр Александрович (1783–1855) давал ему советы юридического характера. 12 октября 1852 г. Генрих Шлиман женился на Екатерине Петровне Лыжиной. От этого брака у него было трое детей: сын Сергей (1855), дочери Наталья (1859) и Надежда (1861). В 1854 г. записался в 1-ю купеческую гильдию. К середине 1850-х годов оборот его капитала достиг 15 *миллионов талеров*, тогда как основной капитал составил 1 миллион талеров и приносил 33 тысячи годовой ренты.

В марте 1864 г., заплатив «по-царскому» влиятельному чиновнику Василию Семеновичу Малышеву, Шлиман становится почетным гражданином Петербурга, и тогда же начинает энергично свертывать свое дело. 8 апреля он выходит из купеческого сословия и покидает Петербург, еще не зная, что уезжает надолго.

Когда Шлиман оставил Россию, он располагал более чем 10 миллионами марок или примерно 3 миллионами талеров. В рублях это составляло 2,7 миллионов.

Именно эти деньги, как справедливо считал и сам Шлиман, дали ему возможность финансировать раскопки, начатые в Гиссарлыке в 1870 г. и продолжавшиеся с небольшими перерывами до самой смерти археолога в 1890 г.

После очень успешных раскопок в Гиссарлыке *в 1871–73 гг.* («Клад Приама») Шлиман начинает поиски достойного претендента на обладание его сокровищами.

[2] Подобные выставки систематически с 1870-х гг. проводились и в России (например Политехническая выставка 1872 г., послужившая базой для основания Московского политехнического музея или Всероссийская промышленная выставка 1870 г., явившаяся основой Музея прикладных знаний в Санкт-Петербурге (Михайловская 1961).

[3] А. А. Половцов был женат на приемной дочери барона, Н. М. Июнсвой.

Он предлагает свое собрание разным странам – Греции, Италии, Великобритании, Франции, оценив его в 80 тысяч франков. «Всякий раз что-то ему не подходило. То предлагалось слишком мало денег (но это не было главным), то было мало почета, то чем-то он был разгневан на страну. Но в течение всего этого времени втайне, в тиши велся глубокий зондаж относительно возможности передать троянские древности русскому государству» (Клейн 1998: 13).

Об этом он пишет в 1875 г. археологу Н. К. Богушевскому и повторяет в 1876 г. в письме к русскому банкиру барону Гюнцбургу: «Но после того, как я двадцать лет своей жизни провел в Петербурге, все мои симпатии принадлежат России, и поскольку я искренне желаю, чтобы мое собрание попало туда, я прошу от русского правительства только 50 000 франков и был бы даже согласен спустить цену до 40 000... Во всяком случае, я обещаю Вам, что для России я оставляю преимущество перед всеми прочими странами, ибо там я добыл мое состояние, а кроме того, я хотел бы провести раскопки в глубине России ...» (Клейн 1998: 13).

Спустя три года (в 1878 г.) Шлиман вновь обращается к Богушевскому: «Я пожелал бы, чтоб троянские мои древности поступили в Эрмитаж, потому что я капитал свой приобрел в России и надеюсь, что древности мои могут быть причиной возвращения моего в Россию...» (Неверов 1998: 68).

В 1883 г. с просьбой разрешить ему раскопки в Закавказье (он мечтал найти в Колхиде следы аргонавтов и Золотого руна) Шлиман обращается через члена Русского археологического общества И. В. Помяловского в Императорскую Археологическую комиссию.

Ее председатель И. А. Васильчиков в рапорте министру двора от 18 января 1883 г. докладывает о предложении Шлимана, считая его весьма выгодным для России, так как Шлиман обязуется все находки сдать в Императорский Эрмитаж и раскопки предполагает производить исключительно за свой счет. Но министр двора отвечает, что господин Шлиман не может въехать в Россию без «высочайшего на то соизволения и великодушного помилования», которые пожалованы так и не были[4].

Не дожидаясь, пока решится вопрос о возможности проведения раскопок в Колхиде, но все-таки надеясь на благоприятный результат, Шлиман делает России ценный подарок: в начале 1883 г. он посылает в Петербург на имя А. А. Половцова пять ящиков с троянскими древностями.

Половцов знакомится со Шлиманом в мае 1879 г. во время своего заграничного путешествия на корабле близ Дарданелл (Прохоренко, Власова 1994: 18). Первое свидетельство существования контактов между ними – недатированная телеграмма Половцова из С.-Петербурга, в которой упоминаются письма и какая-то просьба Шлимана. Известны письма Половцова Шлиману из Рима и С.-Петербурга, датированные апрелем и сентябрем 1880 г., последнее содержит упоминание об «умных и приятных днях», которые Половцов провел в Греции в обществе Шлимана. В общей сложности переписка этих людей длилась почти шесть лет. Половцов проявлял живой все возрастающий интерес к научной работе Шлимана, который тот поддерживал, регулярно посылая ему книги и отчеты об исследованиях (Йене 1996: 1).

Этот дар, состоявший из 180 предметов, в 1886 году поступает в Музей Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица. Первое упоминание о поступившем в музей собрании находится в «Памятной книжке для записывания поступающих в музей предметов», начатой в апреле 1885 г. и законченной 25.01.1899 г. (Архив ГЭ: Ф. 1, оп. IX, ед. хр. 80) В ней на 11-й стр. имеется запись, датированная 28 ноября 1886 г.:

«Записаны по особой описи Коллекция античных древностей, пожертвов. г. Шлиманом

7417–7597

А также современного производства стекло, купленное на выставках 1878 и 1889[5] гг.

7598–7672–7690»

Далее подробный список, включающий 180 предметов, занесен в толстый журнал под названием «Описи вещей, поступивших в музей б. Штиглица 1885–1886 гг.» (С. 220, опись № 46 «Вещи, присланные в дар Музею г. Штиглица. Зап. в инв. кн. 7417–7595) (Архив ГЭ: Ф. 1, оп. IX, ед. хр. 9).

Опись составлена подробно, кропотливо. Кое-где рядом с описанием предмета имеется маленький рисунок пером, служащий очевидно для уточнения внешнего вида, иногда разъясняется на какой глубине обычно встречаются подобные находки, есть и другие уточнения.

В этой описи под № 14 имеется запись:

«Ослик из обожженной глины алаго цвета. Из раскопок в Гиссарлыке. 0,12 т 86' – 7430».

А под №№ 125....130:

«Шесть идолов из обожженной глины, расписанные бурым тоном. Из раскопок в Гиссарлыке. Выс. 0,17 т 86'–7541–7546».

Так на страницах документов впервые появляются «герои» этой статьи.

Далее вся опись переносится в «Инвентарную книгу вещей, принадлежащих Музею Центрального училища технического рисования барона Штиглица», находящуюся ныне в одном из отделов Эрмитажа. Позже вся керамика из этой описи заносится в «*Каталог предметов глинянаго, фаянсоваго и майоликоваго производств*» составленный в 1899 г. хранителем музея А. А. Карбоньером. Там на стр. 16 в разделе «*b) Статуетки*» за № 99 числятся «*Шесть божков глиняных, расписанных бурым тоном. Из рас-*

[4] Причинами «политического и гражданского свойства», по которым Шлиману было отказано во въезде в Россию были, по-видимому, второй брак, при том что по российским законам был не расторгнут первый, то есть Шлиман считался двоеженцем, а также получение американского подданства, без оформления выхода из русского (Дашевская 1968: 194).

[5] Ошибка, видимо подразумевается 1879 г. – *З. Х.*

копок в Гиссарлыке», а за № 108 *«Ослик из обожженной глины алого цвета. Из раскопок в Гиссарлыке»*.

К началу XX века Музей училища технического рисования барона Штиглица был одним из лучших в России среди художественно-промышленных музеев. В его фондах хранилось более 20 тысяч произведений русского и западноевропейского декоративно-прикладного искусства разных исторических периодов. Коллекции позволяли проследить развитие практически всех отраслей прикладного искусства с момента их зарождения до конца XIX в. Собрание постоянно пополнялось за счет многочисленных приобретений на аукционах, у русских и зарубежных антикваров, благодаря дарам частных лиц. Каталоги коллекций музея, составленные А. А. Карбоньером, были одними из первых в отечественной музейной практике научными каталогами памятников прикладного искусства.

В годы Первой мировой войны деятельность музеев прифронтовой полосы приостановилась. Сокровища Эрмитажа и других петроградских музеев частично удалось вывезти в Москву для хранения в Оружейной палате, частично законсервировать. Не миновала эта участь и Музей барона Штиглица. В 1915 г. он был подготовлен к эвакуации, большая часть экспозиции свернута. Все ценности тщательно упаковывают в ящики и размещают в двух залах первого этажа. Политическая ситуация то и дело меняется, эвакуация не состоялась, и 257 ящиков с коллекцией простояли не распакованными несколько лет. Но даже в это трудное время музей продолжал свою просветительскую деятельность. В большом выставочном зале в течение марта и апреля 1915 г. была устроена «Выставка церковной старины», знакомившая посетителей с предметами православного культа из ризниц многих храмов города в т.ч. Александро-Невской Лавры, Петропавловского собора, Зимнего дворца (Прохоренко, Власова 1994: 37).

Стремясь, как и весь Петроград, оказать помощь фронту, руководство музея дает согласие на размещение в его залах мастерских Красного Креста для изготовления противогазов и бинтов, а также для устройства в них складских помещений. В 1917 г. эти мастерские закрывают, помещение опечатывается (Архив ГЭ: Ф. I, оп. IX, ед. хр. 97).

* * *

Сразу после революции важнейшая задача в области культуры, провозглашенная большевиками, состояла в том, чтобы сделать культурные ценности достоянием народа.

Осуществляя это решение, Советское правительство предпринимает ряд мер по охране художественно-исторических ценностей, находившихся в государственных и частных музеях, в царских дворцах, особняках и усадьбах дворянства и буржуазии, в крупных церквах и монастырях. В ноябре 1917 г. при Наркомпросе был создан орган, руководивший этой работой – Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников старины и искусства. После переезда правительства в Москву коллегия преобразовалась в музейный отдел Наркомпроса (май 1918 г.) с постоянным отделением в Петрограде. Подотделы музейного отдела Наркомпроса существовали во многих губерниях и областях.

Специальными декретами, часть которых была подписана В. И. Лениным, национализировались бывшие царские дворцы, крупнейшие общественные и частные музеи и собрания, брались на учет все остальные частные коллекции. Были приняты меры, запрещающие вывоз за границу предметов искусства и старины. Собранные ценности сосредоточивались в государственных хранилищах. Этим было положено начало Государственному музейному фонду, явившемуся в дальнейшем важным источником пополнения коллекций центральных и местных музеев (Равикович 1961).

К сожалению, на деле осуществление охраны этих ценностей, в огромном количестве «свалившихся на голову народа», не было ни продумано, ни организовано должным образом, даже и в Государственном музейном фонде. Несмотря на привлечение к администрированию музейного дела большого числа специалистов-профессионалов, в освоении культурного наследия, как и во всей стране, царил хаос, документация велась нерегулярно, люди, распоряжавшиеся учетом, хранением и распределением сокровищ, часто не имели не только искусствоведческого, но и общего образования. (См. напр.: Прищепова 1995: 220–222).

В первые годы после революции число музеев возрастает более чем вдвое. По данным Наркомпроса с 1919 по 1927 г. на территории РСФСР было создано 250 местных музеев.

При изучении перечня музеев, возникших в этот период, складывается впечатление, что многие из них создавались с целью хоть как-то практически использовать национализированные ценности, которые вроде бы «разбазаривать» нельзя, но и что с ними делать непонятно. Именно такими причинами вызвано появление многочисленных «музеев дворянского быта», «музеев уходящего быта» в бывших монастырях и храмах. В основу многих открывшихся музеев легли уже сформировавшиеся национализированные коллекции предметов искусства.

Например, в Москве в 1918–1921 гг. были созданы 38 музеев, а к 1923 г. их насчитывалось уже 72. В их числе музеи ансамблевого типа в дворянских усадьбах: Кусково, Останкино, Коломенское; музеи в Симоновом и Донском монастырях. Собрание искусства А. В. Морозова становится в 1919 г. государственным «Музеем-выставкой русской художественной старины» (с 1921 г. – Музей фарфора, впоследствии – Музей керамики); коллекция живописи И. А. Морозова преобразуется во 2-й Музей новой западной живописи; в Петербурге – музеи-особняки Юсуповых, Шереметевых, Строгановых, Лихтенбергских, Мятлевых, Дурново, Бобринских, Барятинских, Нарышкиных, Горчаковых, Шуваловых, Гагариных, Куракиных и др., а также пригородные дворцы.

Наряду с устройством новых, поначалу сохранялась и основная масса дореволюционных музеев. Продолжал свою деятельность и музей барона Штиглица. С 1917 по 1922 г., несмотря на исключительно тяжелые условия (сырость, отсутствие отопления, *неисправности здания*), *музей работает и даже изыскивает* возможности приобретать отдельные вещи и книги для библиотеки. К 1922 г. удается освободить часть здания и силами сотрудников восстановить 12 залов. Изыскиваются внутренние резервы для оплаты мелкого ремонта. Но все эти меры недостаточны: состояние здания ухудшается, положение музея все более усложняется, и в 1922 г., после закрытия *училища, его музей переходит в ведение* Академии Художеств, а в 1923 г. передается Петроградскому Управлению научно-художественными учреждениями (ПУНУ) и становится филиалом Государственного Эрмитажа. Открытие музея в новом качестве назначено на 16 декабря 1923 г. Штат его состоит из двух сотрудников: директора – Э. К. Кверфельдта и его помощника – художника прикладных искусств В. Н. Омме, *служащего в музее с 1921 г. Оба – бывшие* выпускники училища барона Штиглица. Помогают им трое «младших служащих, отслуживших здесь от 20 *до 30 лет*» (Архив ГЭ: *Ф.* I, оп. *IX*, ед. хр. 97).

Работает музей по воскресеньям с 11 до 15 час и имеет 3 отдела: 1) майолики и французского фаянса; 2) западного фарфора; 3) русского фарфора XVIII–XIX столетий. (Архив ГЭ: Ф. I, оп. V, ед. хр. 367).

В этот период большинство коллекций *музея* вливается в фонды Государственного Эрмитажа. В их числе оказывается и собрание Г. Шлимана, которое актом *от 12 августа 1924 г. передается в Отдел* древностей. Здесь шесть божков, числящиеся в каталоге Карбоньера под № 99 и имеющие инвентарные номера музея барона Штиглица с 7541 по 7546, получают новые наименования: «Статуэтка стоящей женщины геометрического стиля» и инвентарные номера Г 1379 – Г 1381 и Г 1385 – Г 1387. Фигурка ослика № 7430 названа статуэткой мула, ее новый номер – Г 1367.

И все-таки день открытия музея был воспринят его сотрудниками как долгожданный праздник. К 9 ноября 1924 г. они подготовили выставку «Прикладное искусство Дальнего Востока». *Проводятся планомерные* работы по развертыванию постоянной экспозиции.

Но проходит некоторое время и положение музе*ев в СССР в корне меняется. Если основной задачей* музейного дела в «Программе РКП(б)», принятой на VIII съезде в марте 1919 г. называлась необходимость «открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров» (КПСС в резолюциях... 1983: 83), то к концу 20-х го*дов музей рассматривается как «плацдарм для орга*низованного мышления масс». Главными задачами провозглашаются пропаганда установленных партией и государством концепций, революционная агитация, выработка определенной идеологии.

Экспозиции небольших «безыдейных» музеев не подходили для решения подобных задач. Обвиненные в «вещевизме» (*безыдейном показе вещей*) и буржуазном объективизме, признанные противоречащими идеям коммунистического воспитания, они один за другим *присоединяются к центральным музеям* на правах филиалов, а подчас и закрываются совсем. *Их фонды* вливаются в крупные музеи, или передаются в Государственный музейный фонд.

Начинают открываться музеи совершенно другого плана, призванные осуществлять новые задачи музейного строительства в России. Наступает период «великого переселения экспонатов». Такие понятия как «собрание», «коллекция», сохранение их целостности, осознание уникальности и неповторимости мало значат в обществе, где ничего не стоящая отдельная человеческая личность рассматривается только как винтик гигантской политической машины, а искусство оценивается с точки *зрения силы* его агитационно-идеологического воздействия. В этот период безжалостно разделяются и распределяются в различные музеи и учреждения Гос. Антиквариата интереснейшие музейные коллекции и частные со*брания*, *которые* так много могли бы рассказать о культуре периода, когда они были собраны, о неповторимых особенностях личности их собирателей.

Вновь «сгущаются тучи» и над музеем барона Штиглица. Уже весной 1926 г. экспозиционные работы были прерваны и встает вопрос о ликвидации Первого филиала *Эрмитажа, как в 1925 г. стали называть* музей. 3 июня 1926 г. было опубликовано постанов*ление Главного* управления научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями об освобождении занимаемых Эрмитажем помещений в Соляном переулке и передаче их Сельскохозяйственному музею. Вмешательство наркома просвещения А. В. Луначарского ненадолго приостановило этот процесс, но в июле 1927 г. вышло следующее постановление Совета народных комиссаров о ликвидации Первого филиала Эрмитажа (Прохоренко, Власова 1994: 42).

Вопреки всему музей продолжает работать, словно пытается доказать свое право на существование. В апреле 1927 г. открылась выставка западно-европейских шпалер, мебели, резьбы по дереву, гобеле*нов, тканей и* шитья. Используя все возможные пути, борется за музей Э. К. Кверфельдт, убедительно аргументируя свою точку зрения в докладных записках *директору* Эрмитажа. Осуждали закрытие музея и многие сотрудники Эрмитажа. «Свертывание такого музея и небрежное к нему отношение, – говорилось на конференции музейных работников Эрмитажа в конце 1929 г., – будет равняться «великому головотяпству и совершенно недопустимо» (Прохоренко, Власова 1994: 45). Но несмотря на все усилия уникальное собрание перестает существовать. Лучшая его часть передается в Эрмитаж, скульптуры, гипсовые слепки, рисунки и учебные материалы остаются в Музее Академии Художеств, куда были перевезены в 1926–27 гг., 289 предметов отправляются в Государственный музейный фонд, часть экспонатов попадает во Всесоюзное объединение по экспорту «Антиквариат».

* * *

С победой большевиков в России началась непримиримая борьба со всеми другими видами идеологии. Религия рассматривалась богоборческой властью в качестве одного из основных препятствий на пути установления идеологической монополии.

Положения первых законодательных актов советской власти в отношении церкви были обобщены и закреплены в декрете Совнаркома РСФСР об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. Декретом провозглашался и ряд норм ограничительного характера, в том числе национализация церковного имущества. В первый же период гражданской войны конфронтацию усилило то, что основная масса духовенства, поначалу не выразившая явно своего отношения к октябрьскому перевороту, влилась в ряды противников советской власти.

Ответом на это стал открытый террор большевиков против духовенства. Только в 1918 г. по данным ВЧК, далеко не полным, расстреляно 827 священнослужителей. В конце 1918 – 1919 г. к репрессиям добавляется целая программа мер общегосударственного уровня, направленная на выполнение установки VIII съезда РКП(б) о «полном отмирании церкви».

Центральное место в ряду мер репрессивного характера заняла развернувшаяся в 1918–1920 гг. кампания вскрытия и «разоблачения» святых мощей, сопровождавшаяся закрытием тех монастырей, где они покоились. Глумление над святыми мощами, потрясшее православный мир, вызвало волну антиправительственных выступлений по всей России.

Очень искусно было использовано ВЧК для разрушения церкви изнутри обновленческое движение. И, наконец, последней акцией, призванной добить православие в России, стала кампания по изъятию церковных ценностей, проведенная в 1922 г. (См. подробнее: Кривова 1997: 95–125; Архивы Кремля, Кн. 1, 1997: 111–194).

Все возможное для спасения высокохудожественных и исторических ценностей делали сотрудники Главмузея по всей России. Их отношения с организаторами кампании складывались сложно, и разногласия возникали буквально с первых дней проведения кампании. Представители комиссии по изъятию всеми силами стремились как можно больше ценностей изъять и отправить на продажу, а представители Главмузея – сохранить и передать в ведение музеев (См. подробнее: Кривова 1997: 95–97,105; Архивы Кремля, Кн. 2, 1997: 90, 117–121, 132).

Настоящая борьба развернулась между сотрудниками музеев и властями из-за российских святынь Казанского и Исаакиевского Соборов. Представителями Главмузея неоднократно предпринимались попытки уберечь от конфискации художественные и исторические реликвии православия. Эксперты Эрмитажа Романов, Удаленков и другие потребовали передачи музею большинства ценностей.

В Казанском Соборе основной спор вызвал знаменитый иконостас, изготовленный из серебра, добытого казаками легендарного атамана Платова в войне с Наполеоном. После долгих препирательств экспертов с уполномоченными по изъятию, ими был направлен запрос в Москву Н. И. Троцкой, однако ответа не последовало. Тогда 16 марта 1922 г. Председатель Российской академии истории материальной культуры А. И. Васильев и Ректор Российской академии художеств Белогруда телеграфировали в Москву во ВЦИК М. И. Калинину, Главмузей Н. И. Троцкой и Наркомпрос А. В. Луначарскому настоятельную просьбу остановить разрушение иконостаса Казанского Собора как памятника мировой культуры.

Ответом властей была лишь телеграмма М. И. Калинина, направленная Петроградскому Губкому, в которой он предлагал приостановить конфискацию иконостаса Казанского собора и раки Александро-Невской Лавры до окончательного разрешения вопроса в центре. Кроме того, он настаивал на том, что экспертиза петроградских специалистов вполне авторитетна и вывоз этих ценностей в Москву для экспертизы недопустим. Как реагировали власти на действия Председателя ВЦИК, нам уже хорошо известно. Безрезультатным остался и протест видных петроградских ученых и специалистов академиков Ольденбурга и Марра. В результате 17 марта 1922 г. иконостас был разобран. Всего из Казанского Собора было изъято 129 пудов 37 фунтов и 20 золотников серебра. Два грузовика вывезли из Исаакия более 3 пудов 4 фунтов золота и 11 пудов серебра.

Несмотря на отчаянные усилия и постоянно ужесточаемый порядок изъятия, правительство не сумело собрать то количество золота и серебра, на которое рассчитывало. Но задача разрушения Церкви, ликвидации остатков её экономического могущества, дискредитации и уничтожения духовенства как класса была почти решена.

Осенью 1922 г. центр тяжести церковной политики партии все более перемещается с изъятия ценностей и прямого вооруженного насилия в сторону дирижирования процессами раскола и антирелигиозной пропаганды. Учитывая ошибки прошедших кампаний, агитаторы и пропагандисты совершенствуют методы работы: грубое огульное высмеивание религии и её обрядов сменяет научный подход, начинают издаваться серьезные антирелигиозные журналы. С 1926 г. выходит ежемесячник Союза воинствующих безбожников «Антирелигиозник», где публикуются интересные исторические и естественнонаучные статьи, написанные специалистами, обширные библиографические списки и т. д. при полном отсутствии разнузданной карикатуры и анархистских лозунгов, характерных для более ранних подобных изданий (напр. «Безбожник» или «Безбожник у станка»).

Совершенно меняют свой облик и антирелигиозные музеи. Если в первые годы советской власти они скорее напоминали музеи церковного быта, где сохранялись в неприкосновенности интерьеры и даже иногда допускалось сосуществование с музеем прежних владельцев как иллюстрация к уходящему укладу жизни, то музеи второй половины 20-х годов – «птенцы» ВКП(б), давшей установку на окончательное преодоление религии, выглядят совершенно

иначе. Создаваемые в большом количестве по инициативе Союза воинствующих безбожников эти музеи мыслились только как средство пропаганды. Фонды их, как правило, состояли из листовок, плакатов, книг, фотографий, культовых предметов массового производства и различных копий. Значительная часть их создавалась энтузиастами, не обладавшими ни научными знаниями, ни опытом музейной работы. Отсутствовали в ряде случаев помещение и финансовая база. Поэтому, возникнув лишь на некоторое время, *большинство подобных музеев вскоре закрывалось.*

«По существу в стране было только два действительно жизнеспособных музея этого профиля – Центральный антирелигиозный музей в Москве (ЦАМ) и Музей истории религии в Ленинграде (МИР).

ЦАМ, первоначально устроенный в помещении Военно-инженерной школы, имел, по словам его основателя Б. П. Кандидова «финансовую базу в количестве 91 рубля, а музейное оборудование составляли 21 витрина, 5 столов, 2 табуретки и 2 тумбочки». Все работы выполнялись самим Кандидовым. Просуществовав несколько месяцев, музей закрылся, а собранные экспонаты Кандидов перевез себе на квартиру… В 1928 г. ЦАМ наконец получил и помещение, и средства, и кадры. Немалую роль в этом сыграла поддержка Е. Ярославского, лично просившего А. В. Луначарского помочь в организации музея. Решением Моссовета ЦАМу был передан собор Страстного монастыря, а с осени 1928 г. начались работы по приспособлению здания под музей (в частности, считалось необходимым побелить стены собора, скрывая росписи). Первая экспозиция была открыта для публики 2 мая 1929 г.» (Тарасова, Ченская 2002: 26).

В 1931 г. ЦАМ планирует развернуть новую экспозицию по истории религии, начиная с первобытного общества. *Директор ЦАМа А. Николин, получив* согласие Сектора науки Наркомпроса РСФСР, обращается в Эрмитаж с просьбой о выделении необходимых для этого материалов. Приложенная к письму «Ориентировочная схема построения отделов Центрального Антирелигиозного Музея» предусматривает наличие в экспозиции восьми отделов: 1) Вводного (выставка по очередной ударной антирелигиозной кампании); 2) Диалектика природы и общества; 3) Религия в первобытно-коммунистическом или доклассовом обществе; 4) Религия в древневосточном обществе; 5) Религия в рабовладельческом античном обществе и т. д. Восьмой отдел, площадь которого равна остальным семи вместе взятым, демонстрирует материалы по «религии в обществе переходного периода», то есть начиная с 1917 г.

Отбор материалов для отдела № 5 осуществляет самостоятельно зав. Сектором античного общества О. Ф. Вальдгауэр. В подробном письме на имя заведующего научной частью ЦАМ Н. В. Румянцева он перечисляет намеченные к передаче экспонаты, в числе которых «оригиналы античного производства: мрамор, бронза, терракотты, расписные вазы» (Архив ГЭ: Ф. I, оп. V, ед. хр. 1216 (2). 1931 г.).

6 октября 1931 г. 74 обещанных предмета из фондов Эрмитажа передаются по акту в ЦАМ. В их числе оказываются и две терракоты из коллекции Шлимана, о существовании которой к тому времени все уже забыли. «Статуэтка стоящей женщины геометрического стиля» именуется в списке, приложенном к акту передачи, «Идол примитивный», а фигурка ослика названа почему-то фигуркой собаки (Архив ГЭ: Ф. I, оп. V, ед. хр. 1216 (2). 1931 г.).

Оказались разбросанными по стране и некоторые другие предметы этой коллекции: 13 сентября 1929 г. в Москву, в Государственный музей керамики отправлена пиксида с крышкой, 26 мая 1931 г. в Хабаровский музей отослали лекиф, а 19 сентября 1970 г. Донецкому художественному музею был передан коринфский аригалл. Экспонатов, отправленных в Москву и Донецк, в фондах указанных музеев обнаружить не удалось, следы их затерялись. 30 марта 1951 г. часть коллекции была возвращена из Эрмитажа в открывающийся вновь Музей теперь уже Ленинградского художественно-промышленного училища (Богданов 1990: 54).

К концу 30-х гг. Центральный Антирелигиозный Музей становится серьезным научным учреждением. В нем работают известные специалисты-религиоведы (Г. И. Снесарев, А. Б. Ранович, В. С. Рожицын, С. А. Токарев и др.), осуществляется не только накопление, но и обработка музейных фондов. Его коллекции, относящиеся практически ко всем конфессиям, представленным в России, весьма богаты и разнообразны. «Именно под воздействием своих коллекций ЦАМ медленно, но неуклонно эволюционировал от антирелигиозного, пропагандистского к историческому типу музея» (Тарасова, Ченская 2002: 27). С 1942 г. он переименовывается в Центральный музей истории религии и атеизма (не путать с ленинградским, носящим такое же название). Но в период Великой Отечественной войны наступает некоторое улучшение *в отношениях* Государства и Церкви, меняется политическая ситуация, а вслед за этим и судьба музея. В период 1941–1945 гг. его экспозиции были свернуты, здание превращено в общежитие МПВО; осуществлялось только хранение экспонатов. В 1944 г. помещение музея передается комитету кинематографии для киностудии Союзмультфильм, в постановлении СНК по этому вопросу *не предусматривалось выделение* какого-либо другого помещения взамен изъятого.

Постановлением Совнаркома от 10 декабря 1945 г. музей передается в ведение АН СССР, с переводом его в церковь Вознесения у Никитских ворот. Президиум АН СССР не счел возможным закрепить за музеем это здание и 12 января 1946 г. вынес решение о переводе музея в Ленинград и фактическом слиянии его с Ленинградским музеем истории религии.

Энергичные меры, предпринятые директором МИР В. Д. Бонч-Бруевичем по перевозке коллекций ЦАМ в Ленинград, спасли их от разграбления и сохранили как единый комплекс. Коллекции ЦАМ влились в фонды Ленинградского музея истории религии – единственного уцелевшего среди музеев, возможно потому, что он, помимо антирелигиозных целей, сразу был сориентирован на изучение истории религии и начал развиваться как уникальное научно-исследовательское учреждение.

Вместе с этими коллекциями возвращаются в Ленинград и 2 статуэтки из собрания Шлимана. Много лет хранятся они в запасниках музея, давно забыто их происхождение. Но наступают новые времена, Музей истории религии, долгое время находившийся в Казанском соборе, получает новое здание на Почтамтской улице. Это дает сотрудникам музея возможность создать гораздо более обширную и красочную экспозицию, в которой наши статуэтки-пилигримы обрели наконец достойное место и заслуженное внимание.

Архивы Кремля. 1997. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1, 2. Москва-Новосибирск.

Бабанов, И. Е., Л. А. Суетов. 1968. Новые документы к биографии Шлимана // Вестник древней истории 1: 195–198.

Богданов, И. А. 1998. «...Имею честь быть покорнейшим слугой» // Троя. Петербург: Шлиман. Каталог выставки, Государственный Эрмитаж: 16–37. Санкт-Петербург.

Богданов, И. А. 1990. Долгая дорога в Трою. Ленинград.

Дашевская, О. В. 1968. Новое о Генрихе Шлимане // Вестник древней истории 1: 191-195.

Дукельский, В. Ю., А. С. Фролов. 2001. Археологические музеи // Российская музейная энциклопедия 1: 45–46. Москва.

Златоустова, В. И., С. А. Каспаринская, Г. А. Кузина. 2001. Музейное дело в России // Российская Музейная Энциклопедия 1: 401-404. Москва.

Йене, А. Г. 1996. Шлиман и А. А. Половцов. Путь троянских древностей в Россию // Троя и ее сокровища: Тезисы международной научной конференции: 1–2. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Керам, К. 1996. Боги. Гробницы. Ученые. Москва: Наука.

Клейн, Л. С. 1998. Генрих Шлиман в Петербурге // Троя. Петербург: Шлиман: Каталог выставки. Государственный Эрмитаж: 8–15. Санкт-Петербург.

Кошман, Л. В., Н. Н. Мамонтова. 2001. Художественно-промышленные музеи и выставки // Российская Музейная Энциклопедия 2: 302–304. Москва.

КПСС в резолюциях... 1983. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. Москва.

Кривова, Н. А. 1997. Власть и церковь в 1922–1925 гг. // Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства: 95–125. Москва: АИРО-XX.

Михайловская, А. И. 1961. Из истории промышленных выставок в России первой половины XIX века (Первые всероссийские промышленные выставки) // Очерки истории музейного дела в России: Ш: 79–155. Москва: Советская Россия.

Неверов, О. Я. 1998. Древности из собрания Генриха Шлимана // Троя. Петербург: Шлиман. Каталог выставки, Государственный Эрмитаж: 66–69. Санкт-Петербург.

Прищепова, В. А. 1995. Страница истории Государственного Музейного фонда // Кунсткамера 7: 217–223. Санкт-Петербург.

Прохоренко, Г., Г. Власова. 1994. Музей барона Штиглица: Исторический очерк // Музей барона Штиглица. Прошлое и настоящее: 11–62. Санкт-Петербург.

Равикович, Д. А. 1961. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925) // Очерки истории музейного дела в СССР VI: 97–145. Москва: Советская Россия.

Разгон, А. М. 1961. Археологические музеи в России (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России Ш: 189–230. Москва: Советская Россия.

Тарасова, И. В., Г. А. Ченская. 2002. Из истории музейного дела в России: музей церковно-археологический и антирелигиозный // Труды Государственного музея истории религии 2: 17–30. Санкт-Петербург.

Тункина, И. В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). Санкт-Петербург: Наука.

Формозов, А. А. 1986. Страницы истории русской археологии. Москва: Наука.

Штоль, Г. 1965. Шлиман. Москва.

Архив ГЭ. Архив Государственного Эрмитажа. Ф. I, оп. V, ед. хр. 367; Ф. I, оп. V, ед. хр. 1216 (2). 1931 г.; Ф. 1, оп. IX, ед. хр. 9, 80, 97.

UNKNOWN TERRACOTTAS FROM HEINRICH SCHLIEMANN'S COLLECTION IN THE ANCIENT ASSEMBLAGE OF THE STATE MUSEUM OF THE HISTORY OF RELIGION

Z.V. KHANUTINA

This article deals with two ancient terracottas of the 6th century B.C. – a plate-like female figurine (Fig. 1: 1; 2) and a figurine of a donkey or a mule (Fig. 1: 2; 3) from the collection of the State Museum of the History of Religion (GMIR). Both of the figurines were brought to Russia in 1883 as part of the collection of Trojan antiquities from excavations at Hissarlik. That year, the collection was gifted by H. Schliemann to the State Secretary A.A. Polovtsov, who handed it over to the collection of the Museum of the School of Technical Drawing of baron Stieglitz in Saint-Petersburg.

In 1923, after the School was closed, the Museum was affiliated to the Hermitage and subsequently closed altogether like many other pre-Revolutionary museums. Most of its exhibits were transferred to the Hermitage; among such items was also Schliemann's gift distributed between the Department of Antiquities and the Hellenic-Scythian Department.[6] Several pieces from that collec-

[6] After the school mentioned above was re-founded (V. I. Mukhina High Artistic-Commercial College), the Museum was opened anew and in 1951 the most of Schliemann's collection returned to it.

tion were transferred at some time or other to different Russian museums, as it was also the case with the terracottas under discussion which were sent along with some other items from the Hermitage to widen the exposition of the Central Anti-Religious Museum (TsAM) organized in 1926 in Moscow.

After the TsAM was closed in 1964, the terracottas were returned to Petersburg (Leningrad) and similarly to the most of the materials preserved in TsAM came into the collection of the State Museum of the History of Religion. Now the two statuettes from Schliemann's collection are exhibited in GMIR.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ПОКРЫШКИН И ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ (по материалам архивов ИИМК РАН)

М. В. МЕДВЕДЕВА[1]

Петр Петрович Покрышкин – один из основателей методов научной реставрации архитектуры. Он получил архитектурное образование в Академии Художеств, которую блестяще окончил в 1895 г. С этого же времени П. П. Покрышкин участвовал в работе экспедиций, организованных Императорской Археологической Комиссией. В 1902 г. он становится членом ИАК, где активно занимался исследованием архитектурных памятников России. В 1909 г. П. П. Покрышкин был удостоен звания академика архитектуры (рис. 1). В Археологической Комиссии он *являлся постоянным* участником специальных заседаний, где решались вопросы реставрации, ремонта и сохранения памятников зодчества; состоял сотрудником Отдела монументальных памятников, который возглавлял с 1918 г. до его *упразднения в 1919 г.* В августе 1919 г. он принимал участие в избирательном собрании по выбору членов Академии, созванном в связи с преобразованием Российской Государственной Археологической Комиссии в Российскую Государственную Академию истории материальной культуры (Журналы заседаний… 1919: 20). Участники собрания, в том числе П. П. Покрышкин, сняты 6 августа 1919 года во внутреннем дворе Зимнего дворца И. Ф. Чистяковым. Фотография хранится в фотоархиве ИИМК РАН.

О жизни и деятельности ученого ярче всего свидетельствует научное наследие, которое он оставляет последующим поколениям. В материалах П. П. Покрышкина, наряду с его печатными работами, библиографическим указателем по архитектуре, хранящимся в Рукописном архиве, одно из самых значимых мест занимают фотографические коллекции, накопленные в результате его плодотворных исследований в самых разнообразных регионах России. Как пишет Н. П. Сычев в некрологе П. П. Покрышкина, «нет места в России где, кажется, не был, не руководил работами и сам не работал бы П. П.» (Сычев 1922: 4).

В Обзоре деятельности Отдела монументальных памятников Археологической Комиссии за 1907–1917 гг. П. П. Покрышкин упоминает, что фотографический архив отдела к 1917 г. *включал около 17000* снимков (Обзор деятельности… 1917: 7об.). Большую часть архива составляли фотографии и негативы, сделанные в процессе его многочисленных поездок и реставрационных работ. Съемку производил сам П. П. Покрышкин, часто фотограф ИАК И. Ф. Чистяков или местные фотографы, с которыми он сотрудничал во время исследований. На некоторых фотографиях имеется личный штамп – «П. П. Покрышкин».

К сожалению, его материалы в фотоархиве разрозненны и не выделены в отдельный фонд, чего они, несомненно, заслуживают. Скорее всего, фотодокументы не могли быть сформированы в отдельный *фонд по причине внезапного отхода от дел П. П. Покрышкина*, после чего они оказались разобщены в материалах нескольких исследователей и организаций, которые в свою очередь и передали их в фотоархив в различные годы. По мере комплектования и научной обработки фотодокументов сотрудниками фотоархива, они поступили в разные фонды. Наибольшее их количество сконцентрировано в фонде Императорской Археологической Комиссии, часть представлена в личных фондах архитектора К. К. Романова и искусствоведа Н. П. Сычева. Сейчас стала очевидной необходимость систематизации фотоматериалов П. П. Покрышкина из собрания фотоархива ИИМК, которые могут стать еще одним источником, позволяющим оценить по достоинству его научную деятельность.

П. П. Покрышкин родился 22 июля 1870 г. в г. Иркутске, в семье врача. Высшее образование получил на архитектурном отделении Академии художеств и,

[1] Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив ИИМК РАН.

© М. В. Медведева, 2004

окончив его в 1895 г. со званием архитектора-художника, был командирован за границу стипендиатом Академии (Сычев 1922: 1). В фотоархиве сохранилось несколько крупноформатных фотографий памятников Италии и Франции, привезенных им из поездки.

Начиная с 1895 г., П. П. Покрышкин принимал участие в экспедициях, организованных Императорской Археологической Комиссией и другими учреждениями, и проводил самостоятельные обследования архитектурных памятников в различных городах Российской империи и за рубежом. В 1895–1896 гг. и в 1898–1900 гг. он участвовал в работах специальной историко-архитектурной экспедиции под руководством Н. И. Веселовского, занимавшейся обследованием, архитектурными обмерами и фотофиксацией мечетей и мавзолеев в Средней Азии.

В 1900 г. архитектор, преподаватель Академии художеств П. П. Покрышкин участвовал в археолого-этнографической экспедиции Петербургской Академии наук в Македонию, работавшей под руководством академика Н. П. Кондакова.

В 1902 г. П. П. Покрышкин был командирован по заданию Академии художеств в Сербию и продолжил исследования, начатые двумя годами ранее (Сычев 1922: 1–2; Медникова 1995: 304). В фотоархиве хранится около 300 фотографий, посвященных этой поездке.

По возвращении в Петербург из Сербии П. П. Покрышкин был назначен Членом Археологической Комиссии (Сычев 1922: 2), после чего стал вести свою напряженную и обширную работу по реставрации архитектурных памятников России по заданиям ИАК.

О широте научных интересов П. П. Покрышкина и географическом охвате его поездок по территории России свидетельствуют материалы из фотоархива ИИМК РАН, так как практически все его исследования нашли отражение в фотодокументах. С 1903 г. он курировал ремонтные работы на кремлевской стене в Смоленске; в 1903 г. П. П. Покрышкин провел расчистку стенописи костела в Люблине; в 1908 г. обследовал крепостные стены во Пскове; в 1907–1909 гг. – реставрационные работы в Благовещенской церкви Супрасльского монастыря и в Черском замке; в 1909 г. обследовал старинные башни в окрестностях Холма; а в 1910 и 1912 г. на соборной горе в Холме провел археологические исследования строений Даниила Галицкого. Кроме того, с 1909 года он обследовал Борисоглебскую Коложскую церковь в Гродно; Васильевский храм в Овруче (1907–1908 гг.); исследовал церковь Спас на Берестове в Киеве (1909–1912 гг., 1914 г.); занимался реставрацией развалин Старогородской церкви Черниговской губернии, ремонтом и выпрямлением колокольни Успенской церкви в Архангельске. В 1911 г. П. П. Покрышкиным обследованы стены и башни московского Кремля. Под его руководством производились реставрация иконостаса в церкви Спаса на Бору в Московском Кремле в октябре 1911 г. – августе 1912 г., реставрационные работы в Большом Успенском Соборе в Кремле в 1910–1913 гг. и многие, многие другие.

Рис. 1. П. П. Покрышкин. 1910-е гг.

Fig. 1. P. P. Pokryshkin. 1910.

Рис. 2. П. П. Покрышкин с учениками Высшего Художественного Училища во Владимире. 1903 г.

Fig. 2. P. P. Pokryshkin with students of the School of High Art in Vladimir. 1903.

Особое место в деятельности П. П. Покрышкина занимали исследования новгородской архитектуры. Он неоднократно ездил в Новгород, принимал активное участие в реставрационных работах и охране памятников древнего города. Пожалуй, не осталось ни одной церкви или древнего здания Новгорода, не запечатленных на его фотографиях.

Самой значительной работой в Новгороде стали его реставрационные исследования *в церкви Спаса* на Нередице 1903–1904 гг. Еще в 1892 г. в Археологическую Комиссию поступило ходатайство от Новгородской Духовной Консистории о необходимости проведения ремонтных работ в храме. В связи с финансовыми трудностями решение вопроса было отложено (Ядрышников 2000: 72–73). В 1898 г. по просьбе Комиссии в Новгород выехал Академик архитектуры В. В. Суслов для обследования технического состояния памятника. Он произвел в церкви точные обмеры и подготовил чертежи, ставшие основой последующих ремонтно-реставрационных работ (Суслова 1993: 208–214). Непосредственно к реставрации церкви приступили только в 1903 г. Представителем от ИАК был назначен П. П. Покрышкин, под руководством которого и проводились работы в течение 1903–1904 гг. По итогам работ в 1906 г. была издана книга П. П. Покрышкина «Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903–1904 гг.». В фотоархиве ИИМК имеется коллекция негативов и фотоотпечатков (около 200 ед. хр.), сделанных в процессе реставрации Спаса на Нередице.

Для наблюдения за работами П. П. *Покрышкин* приехал в Новгород в мае 1903 г. прямо из Владимира (рис. 2), где обследовал Дмитриевский собор (Медникова *1995: 304*). В июне он посылает рапорт в ИАК с просьбой прислать ему чертежи В. В. Суслова. Вместе с этим он просит Комиссию немедленно прислать в Новгород сторожа-фотографа И. Ф. Чистякова для производства снимков с фресок Спасо-Нередицкой церкви. В тот момент в церкви были устроены подмостки и разобран иконостас, что значительно облегчало процесс фотографирования фресковой росписи внутри храма. «Чистяков должен взять *с собой*, – *пишет* П. П. Покрышкин, – все принадлежности для проявления, большой «самаркандский» фотоаппарат, растворы, ванны, фонарь, пластинки. Для большого аппарата потребуется дюжин 5 и столько же размером 18 х 24 см. Все пластины должны быть высшей чувствительности и половина из них противуореольная. Требуется также прибор для снимания при свете магния» (О ремонте… 1859: 142). Название «самаркандский» возникает неслучайно. Когда П. П. Покрышкин *работал в Самарканде в составе* экспедиции Н. И. Веселовского по обследованию памятников древней архитектуры Самарканда, фотофиксацией занимался И. Ф. Чистяков, используя именно этот фотоаппарат. Подобный аппарат, в отличие от других, позволял производить качественные крупноформатные снимки, но при этом для съемки на нем требовались стеклянные пластины размером 24 х 30 см, хрупкие и тяжелые, что делало процесс фотографирования более трудоемким.

Таким образом, при производстве ремонтных работ летом 1903 г. в церкви Спаса на Нередице в Новгороде под наблюдением члена ИАК П. П. Покрышкина появилась возможность, благодаря возведенным *внутри лесам, сделать фотографии со всех* без исключения фресковых изображений. Из них было отобрано 164 снимка, из которых был составлен альбом для подношения Императору. 9 апреля 1904 г. Император и Императрица посетили годичную выставку древностей, добытых Императорской Археологической Комиссией, где фотограф ИАК И. Ф. Чистяков преподнес альбом фотографических снимков его работы с фресок Спасо-Нередицкой церкви (ИАК 1904: 2–3).

Фотографии и негативы, сделанные И. Ф. Чистяковым, отличаются высоким качеством и точностью исполнения. Он являлся бессменным фотографом Императорской Археологической Комиссии, а затем ГАИМК с 1896 г. по 1934 г. К 1918 г. коллекция *негативов и отпечатков*, сделанных *И. Ф. Чистяковым*, насчитывала 20000 ед. хр. и составляла основную часть собрания фотоархива.

Кроме овладения техникой фотодела, И. Ф. Чистякова характеризует еще одна, весьма ценная черта – сознание важности своевременной точной паспортизации снимка. Он с 1896 г. из года в год вел понегативную запись и нумерацию снимков с отметкой содержания, автора и издания, для которого предназначались снимки. В результате И. Ф. Чистяков оставил нам не только тысячи хороших снимков, *но тысячи документов, которые и сегодня* могут быть использованными в исследовательской работе (Личное дело… : 8–10).

Часть материалов П. П. Покрышкина была атрибутирована на основе записей И. Ф. Чистякова. П. П. Покрышкин часто брал его с собой в свои многочисленные поездки, а также заказывал пересъемку различных материалов для последующих реставрационных работ. Сопровождал он его и в поездках в Псков.

Дневник поездки П. П. Покрышкина 1908 г. *в Псков для осмотра и изучения крепостных* стен свидетельствует о тщательности проведенных исследований. В конце августа – в начале сентября 1908 г. П. П. Покрышкин обследовал стены псковского кремля. К поездке в Псков он подготовился, изучив планы Псковской крепости 1694 г., 1740 г., названия стен и башен по И. Д. Годовикову. Эти материалы по заказу П. П. Покрышкина были пересняты в Псковском Музее фотографом И. Ф. Чистяковым. Сейчас фотоснимки и негативы хранятся в фотоархиве в фонде ИАК.

В дневнике поездки П. П. Покрышкин очень подробно, поэтапно, день за днем дает внешнее описание каждого участка стены, отдельно описывает детали и особенности, фиксирует степень сохранности с рекомендациями о том, что надо сделать в каждом конкретном случае. Часто сетует на застроенность частными постройками территорий, прилегающих непосредственно к разрушающимся стенам. В ходе поездки он произвел первоначальные обмеры, что отражено в дневнике. В результате обследования

П. П. Покрышкин вынес несколько минимальных рекомендаций по сохранению памятника:

«1. Надо покрыть башни, очистив их, но рвов отнюдь не засыпать.

2. Деревья близ самой стены вредят ей (сырость, корни, сор).

3. Засыпку рва между Петровской и Михайловской башнями надо прекратить, а тот мусор, что насыпан, убрать.

4. Насыпь у стены близ Власьевского спуска восстановить.

5. Окрестить известью *впадины ради наблюдения*» (Черновой дневник: 58).

Все усилия П. П. Покрышкина были направлены на подробное и как можно более точное изучение и сохранение памятников древней архитектуры. Активное участие он принимал *в обсуждении проблем*, связанных с их охраной.

Вопрос об охране памятников неоднократно поднимался на протяжении XIX века, но издаваемые инструкции так и не были объединены в единую систему, равно как и не был создан центральный орган, ведавший делами охраны памятников (Охрана памятников… 1978: 11).

11 марта 1889 г. был издан Указ о предоставлении Археологической Комиссии исключительного права выдавать разрешения на ведение археологических раскопок и о запрещении реставрировать памятники древности без согласования с Комиссией и Академией Художеств (Об учреждении… 1859: 12об).

Согласно Правилам, вышедшим в 1890 г., рассмотрение ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников должно было происходить следующим образом. Археологическая Комиссия заботилась о предоставлении запрашивающей организацией подробного проекта реставрации и ремонта. После подачи проект рассматривался Археологической Комиссией совместно с Академией Художеств и делегатом от ходатайствующего ведомства, приглашались *и другие компетентные* лица. Затем после утверждения проект посылался в надлежащее ведомство для составления сметы и поиска денег. Для наблюдения за работами командировались специалисты от ИАК или Академии Художеств (Охрана памятников… 1978: 137–138).

В ежегодные Отчеты Императорской Археологической Комиссии, начиная с 1894 г., включалось рассмотрение вопросов о реставрации, ремонте, сохранении и упразднении старинных памятников зодчества. Данные вопросы обсуждались на заседаниях ИАК с участием делегатов *от Святейшего Синода*, Императорской Академии Художеств и Министерства Внутренних дел. Протоколы этих заседаний печатались в особой серии выпусков «Известий Императорской Археологической Комиссии» под заголовком «Вопросы реставрации». В Обзоре деятельности Отдела монументальных памятников древности за 1907–1917 гг. П. П. Покрышкин указывает, что всего было опубликовано 19 выпусков «Известий Императорской Археологической Комиссии», посвященных «реставрационным» заседаниям (Обзор деятельности… 1917: 8). По Отчетам Императорской Археологической Комиссии можно проследить статистику рассмотренных дел. Так, в течение 1894 г. ИАК обсудила 12 проектов реставрации монументальных памятников (Отчет ИАК 1896: 47), а в 1912 г. уже 107 дел (Отчет ИАК 1916: 100), в 1913 г. – 155 дел, в 1914 г. – 125 дел, *в 1915 г. – 124 дела* (Отчет *ИАК 1918*: 232).

В декабре 1904 г. при Министерстве внутренних дел была образована Особая Комиссия по пересмотру действующих постановлений и составлению нового законопроекта об охране памятников. «Основные положения», *разработанные в течение февраля-апреля* 1905 г., были вынесены на обсуждение соответствующими учреждениями. В июле 1905 г. они были представлены с этой целью в Общество архитекторов-художников. Правление Общества в свою очередь обратилось к П. П. Покрышкину, как наиболее сведущему и заинтересованному в данной теме, с просьбой рассмотреть каждый из пунктов и сообщить по ним свои соображения.

В заключении по поводу законопроекта он изложил ряд своих замечаний и рекомендаций. П. П. Покрышкин однозначно соглашался с тем, что сложившееся положение требует принятия нового действующего закона по охране памятников. Он предлагал учредить поощрения для содействующих делу охраны памятников и в то же время обсудить вопрос о «карательных» мерах, так как «без таковых никакой закон не будет совершенным» (Разработка законоположений… 1905: 2об); приветствовал идею создания особых охранных органов в каждой губернии. В связи с этим у П. П. Покрышкина возникали опасения, вызванные беспокойством о недостаточном количестве компетентных и образованных специалистов, которым можно доверить исполнение разработанных Положений, особенно на местах. Он внес свои предложения по реорганизации образования «для воспитания внимания и любви к старине у нового поколения молодежи». Как один из возможных способов, он рекомендовал ввести в средних учебных заведениях практику, в каникулы обязать учеников делать описание, рисунки и фотографии с памятников старины под руководством сведущих людей. «Только тогда преподавание истории не будет исключительно «книжным», но ученики будут знать и вещественные *исторические памятники*» (Разработка законоположений… 1905: 12об). Он также ратовал за воспитание в высших учебных заведениях плеяды молодых архитекторов-художников, которые станут заниматься вопросами охраны памятников старины.

Согласно выработанным Положениям памятник подлежал постановке на охрану после 150-летнего существования. П. П. Покрышкин был не согласен с этим, выступал за то, чтобы постройки последних 150 лет тоже были внесены в список охраняемых объектов, и, как пример, приводил здания эпохи Александра I, которые по своему художественному значению достойны этого статуса (Разработка законоположений… 1905: 11).

Он также указывал на опасность деления списка памятников древности на памятники важнейшего зна-

чения, охрану которых на себя берет Правительство, и памятники, охраняемые на местные средства. Одна из главных задач к этому времени по признанию МВД, Ученых Обществ и самих исследователей – создание Свода памятников старины, то есть как можно более полная регистрация их на территории России. Еще в 1820–40-е гг. МВД посылало *запросы губернаторам* с целью собрать немедленно сведения по всем губерниям *о памятниках древности* и о том, в каком состоянии они находятся. Но, к сожалению, это не принесло ожидаемых результатов. Многие губернаторы поняли слово «памятник» буквально *и прислали снимки* новейших надгробных памятников; Губернатор Олонецкой *губернии ответил*, что древностей в его губернии не имеется; другие отговаривались невозможностью составления чертежей из-за отсутствия профессионалов (Разработка законоположений… 1905: 3).

В связи с составлением списка памятников П. П. Покрышкина беспокоило отсутствие всякого руководства, как следует описывать и зачерчивать памятник, производить его обмеры. Именно этой цели должны были служить его работы, опубликованные в «Известиях ИАК»: «Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях» (Покрышкин 1905: 120–123), и «Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства» (Покрышкин 1915: 178–190).

К 1910 г. П. П. Покрышкин разработал свой проект опросных листов для специалистов из комитета по охране памятников по описанию древних церквей и зданий. Неизвестно, рассматривался ли он на реставрационных заседаниях и был ли утвержден в качестве руководства по составлению описаний, но его черновой вариант сохранился в Рукописном архиве ИИМК РАН (Разработка законоположений… 1905: 4, 20–33). За основу П. П. Покрышкин взял метрику для получения сведений о древних храмах, зданиях и художественных предметах для Императорской Академии Художеств, которую он переработал и дополнил с целью более точного описания *памятников* зодчества специалистами. Также он рекомендовал организовать *свободный доступ к* сведениям о памятниках древности, накопленным в ИАК и других ученых обществах, для лиц, командируемых для составления списков. П. П. Покрышкин *придавал огромное* значение роли фотографии и фотофиксации в деле *регистрации и реставрации* памятников. Во всех рекомендациях по составлению описаний памятников зодчества он указывает на необходимость их фотографирования.

«Желательно, в конце концов, чтобы все памят*ники были* сфотографированы, на что, конечно, потребуется ассигнование известных сумм» (Разработка законоположений… 1905: 2). В опросных листах, составленных П. П. Покрышкиным, первым же пунктом указано на необходимость фотографирования зданий, иконостасов и утвари с 4-х сторон (Разработка законоположений… 1905: 4). Фотографии, по его мнению, часто предпочтительнее рисунков. «Многие из ответов на вопросы могли бы быть заменены отчетливыми фотографическими снимками» (Разработка законоположений… 1905: 32об). При подаче проектов ремонта, реставрации или расширения древних зданий в ИАК советовал обращать внимание на наличие в них кроме чертежей здания, снимков как фасадов и «частей здания, назначенных к переделке или реставрации, так и находящихся *в нем отдельных памятников* старины (иконостасов, икон, паникадил, колоколов и т. п.)» (Разработка законоположений… 1905: 16)

К 1911 г. был разработан новый проект «Положения по охране древностей». П. П. Покрышкин *в рапорте на имя председателя Археологической* Комиссии от 5 декабря 1913 г. обозначил свое отношение к этому проекту. Он выступил против предложения создания нового учреждения по охране памятников, сомневаясь в компетентности его сотрудников, тем более что уже существовали Императорская Археологическая Комиссия и Императорская Академия Художеств, которые имели в своем составе лучших специалистов. Он настаивал, чтобы права научной компетенции этих учреждений были сохранены в неприкосновенности.

«Государственная мудрость, – писал он в своем рапорте, – требует развития существующего учреждения и предоставления ему возможности шире развернуть свою деятельность. Все заботы по наблюдению за целостью памятников древности, за верным выполнением на местах учрежденных в законном порядке проектов ремонта и реставрации – все это должно относиться к обязанностям Министерства Внутренних Дел, а за Императорской Археологической Комиссией и Императорской Академией Художеств следует оставить право научной компетенции» (Рапорт… 1913: 2).

П. П. Покрышкин приветствовал сам факт появления законопроекта, направленного на усиление надзора за древностями и установление наказаний за нарушение закона. Вновь он обращал внимание на то, что местные органы следует создавать только *из компетентных образованных* специалистов, которым надо много учиться «путем составления проектов ремонта и реставрации и собирания необходимых сведений». П. П. Покрышкин считал, что преждевременно полностью возлагать на вновь созданные мес*тные органы решение вопросов* реставрации древних памятников.

Он резко выступил против разделения памятников на «имеющие государственное значение и второстепенные по значению в деле охраны». «Необходимо *защищать все древности* и памятники, не подводя их под «ранжир», но рассуждая о каждом из них в отдельности (Рапорт… 1913: 4)». П. П. Покрышкин подчеркнул, что еще нет достаточного количества специалистов, чтобы сделать регистрационные *списки памятников за три года, как предполагает* законопроект. «Какой же чародей сможет быстро составить списки всех древностей в необъятном нашем государстве, когда нет у нас даже полных списков населенных мест и точных географических карт? Несомненно, для этого потребуются столетия» (Рапорт… 1913: 3об).

В 1915 г. академик П. П. Покрышкин был назначен председателем Комиссии по изучению ущерба, нанесенного памятникам архитектуры в зоне военных действий. Он с группой исследователей находился в зоне военных действий в 1916–1917 г., обследуя архитектурные памятники Сучавы, Драгомирны, Гуморы, Радовицы, Воронца и др. В результате поездки в фотоархив ИАК поступили 319 фотографий и негативов.

В 1916–1917 гг. П. П. Покрышкин по заданию Императорской Археологической Комиссии осуществлял археологический надзор за работами по проведению железной дороги вблизи церкви Спаса-Нередицы, о чем свидетельствует 59 негативов из собрания фотоархива. В период Первой Мировой войны в 1916 г. началось строительство стратегически важной железнодорожной магистрали Петроград-Царское Село-Новгород-Орел. Участок дороги должен был проходить рядом со Спасо-Нередицким храмом. К сожалению, ученой общественности (*Императорская Археологическая Комиссия, Московское* археологическое общество, Новгородское общество любителей древности) не удалось добиться переноса магистрали к северу от Новгорода. Исторически сложившийся ландшафт между Новгородом и Юрьевым монастырем, водная система были нарушены, состояние фресок в церкви Спаса на Нередице в связи с увеличением влажности ухудшилось (Маркина 2000). Поэтому особенно ценными являются снимки из собрания фотоархива, на которых представлена панорама этой местности до строительства. Они были сделаны в 1903 г. от церкви Спаса на Нередице И. Ф. Чистяковым во время реставрации, производившейся под руководством П. П. Покрышкина.

После революции *П. П. Покрышкин принимал* самое активное участие в создании Археологического отдела при Всероссийском Отделе по делам Музеев и охраны памятников старины, руководителем которого он становится в декабре 1918 г. (Медникова 1995: 307). Основная часть работ Отдела была связана с Новгородом, где П. П. Покрышкин предполагал развернуть реставрационные работы по восстановлению памятников архитектуры, а также стенописи и икон (Медникова 1995: 308). В то же время он работал в Отделе монументального зодчества Российской Государственной *Археологической комиссии*, в октябре 1918 г. отдел был расширен, председателем был назначен П. П. Покрышкин. В эти годы он занимался обследованием закрывавшихся храмов в Петрограде, памятников архитектуры Царского Села, Павловска, Старой Ладоги, Новгорода, Москвы, планировал дальнейшее изучение памятников зодчества и стенописи. «Тяжелые условия жизни, холод, голод, расшатанное здоровье не ослабили энергии П. П. Покрышкина, и он по-прежнему, без шума, со скромностью и терпением вел свою колоссальную работу», – *пишет Н. П. Сычев в некрологе (Сычев 1922*: 4). В «Обзоре деятельности Отдела монументальных памятников РГАК за 1907–1917 гг.» П. П. Покрышкин подвел итоги и наметил перспективы дальнейшего развития и реорганизации Отдела. Оценивая проделанную работу за десять лет, он подчеркивал, что на реставрационных заседаниях отдела было рассмотрено около 1500 дел (Обзор деятельности… 1917: 2), связанных с реставрацией и ремонтом монументальных памятников, что отражено в обзорах памятников по губерниям, печатаемых в серии «Известий Археологической Комиссии» под заголовком «Вопросы реставрации». Реставрационные дела рассматривались на специальных совещаниях с участием делегатов от Святейшего Синода, Императорской Академии Художеств и Министерства Внутренних дел, но в экстренных случаях дела решались малыми заседаниями, *а иногда и единолично кем-либо из членов* Комиссии.

Летом складывалась критическая ситуация, когда *поступало наибольшее количество запросов.* Все члены Комиссии уезжали из Петербурга на раскопки или в ученые путешествия для осмотра памятников. Решение по делам откладывалось, и работы на местах производились самовольно, без наблюдения специалистов, поскольку Комиссия медлила с ответом (Обзор деятельности… 1917: 4 об. – 5). П. П. Покрышкин признавал подобную ситуацию ненормальной и связывал это с отсутствием нужного количества сотрудников. В связи с этим он считал необходимой реорганизацию отдела, чтобы исследования проводились систематичнее и шире. П. П. Покрышкин предлагал значительно увеличить штат сотрудников отдела. Он внес следующие предложения по реорганизации отдела:

1. «Всем архитекторам необходимо дать помощников» (Обзор деятельности… 1917: 4).

2. *Для изучения* стенописей и икон необходим «специалист с помощниками», так как до этого Комиссия обращалась за экспертизой к подрядчикам-иконописцам (Обзор деятельности… 1917: 4).

3. Чтобы облегчить работу сотрудников отдела по регистрации памятников нужно дать им в помощь каталогизаторов, которые кроме составления списков по черновым записям архитекторов, дополняли бы библиографический указатель и производили выписки сведений о памятниках для протоколов реставрационных заседаний. «В списки должны вноситься *не только памятники* архитектурные, но и вся их обстановка, с описанием их состояния» (Обзор деятельности… 1917: 7).

4. Необходимо организовать фотографирование памятников зодчества. «Хотя каждый из членов отдела сам будет фотографировать, но при необходимости большого количества снимков нужен специалист-фотограф реставрационного отдела, с помощниками и отдельно оборудованной *мастерской для проявления* и печати, а также удобное помещение для организации хранения негативов» (Обзор деятельности… *1917*: 4).

При осуществлении намеченной реорганизации члены Комиссии смогли бы заниматься не только текущими работами и осматривать не только те памятники, о которых докладывали на заседаниях, но многие другие, фотографируя их. Появилась бы возможность систематических осмотров по опреде-

ленным районам, что «значительно продвинуло бы дело регистрации и позволило бы проявлять широкую инициативу в деле охраны памятников».

П. П. Покрышкин указывал также на необходимость более широкого распространения изданий Императоской Археологической Комиссии, чтобы они стали доступны не только специалистам. Издания Комиссии рассылались бесплатно сотрудникам, в учреждения, в России и за границей (около 300 экз.), но их практически невозможно было купить. «Приходилось слышать сетования, – пишет П. П., – что для покупки их нужно специально приехать в Петроград, да и тут еще потратить много энергии, чтобы сперва узнать, а потом купить. Комиссионер не проявляет энергии, а в помещении Комиссии продажа запрещена и производится в каждом отдельном случае для избранных, да и то с разрешения Председателя или его товарища» (Обзор деятельности… 1917: 8).

Но, к сожалению, его проектам не суждено было сбыться. Отдел монументального зодчества вскоре был упразднен, а его функции переданы Отделу искусств древнерусского и славянских народов, смета на предполагавшиеся работы в Новгороде не была утверждена, в результате спора по разграничению прав Археологического отдела и РАИМК деятельность отдела свелась к сбору сведений о памятниках (Медникова 1995: 305, 308, 310), что совершенно не устраивало П. П. Покрышкина, стремившегося к самым активным работам по сохранению и восстановлению таковых.

Он отказывается от чтения лекций в Академии художеств, которые должен был читать с 1919 г. (Сычев 1922: 4), перестает посещать заседания РАИМК, с июля 1920 г. получает отпуск по состоянию здоровья и уезжает из Петрограда. 3 января 1921 г. на заседании совета РАИМК зачитывается письменный отказ П. П. Покрышкина от звания академика архитектуры и членства в РАИМК, пришедший из города Лукоянова Нижегородской губернии (Медникова 1995: 310). П. П. Покрышкин скончался 18 февраля 1922 г. в сане протоиерея Тихонова монастыря г. Лукоянова, заразившись при посещении и напутствии больных в инфекционных бараках оспой и вскоре сыпным тифом.

Н. П. Сычев пишет в некрологе, что «много скорбей выпало на долю Петра Петровича в последние годы», в результате чего «он должен был избрать новую жизнь по предречению и завещанию покойного родителя». «Самоотверженная деятельность П. П. на новом поприще была отмечена, после ряда церковных наград ему было предложено принять сан епископа, но он скромно отклонил предложение и не ушел от мира», где он продолжал до конца дней своих вести работу по борьбе с невежеством и безкультурием (Сычев 1922: 5).

В заключение следует отметить, что П. П. Покрышкин оставил нам ценнейшее по научному значению наследие, которое можно полноценно использовать и в современных исследованиях. Стоит только вспомнить, что материалы его реставрационных работ церкви Спаса на Нередице, оказались востребованными как в процессе послевоенной реставрации, так и в наши дни. Он стал одним из создателей метода точного архитектурного исследования, четко при этом оценивая значение и возможности фотографических документов. И, конечно, вся его жизнь и научная деятельность были посвящены делу изучения, восстановления и сохранения архитектурного богатства России, а также воспитанию среди нового поколения России уважительного отношения к памятникам старины и популяризации реставрационных работ не только среди специалистов.

Известия ИАК. 1904. Известия Императорской Археологической Комиссии. *Прибавления к выпуску 10. Санкт-Петербург.*

Маркина, Г. К. 2000. Строительство железнодорожной магистрали Петроград-Царское Село-Новгород и борьба за сохранение новгородских памятников старины // Новгородский исторический сборник. 8 (18): 331–362. Санкт-Петербург: Издательство Дмитрий Буланин.

Медникова, Е. Ю. 1995. Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической Комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // Археологические Вести 4: 302–311. Санкт-Петербург: Издательство Дмитрий Буланин.

Отчет ИАК. 1896. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1894 г. Санкт-Петербург.

1916. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1912 г. Петроград.

1918. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1913–1915 гг. Петроград.

Охрана памятников… 1978. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – нач. XX вв. Сборник документов. *Москва.*

Покрышкин, П. П. 1905. Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях // Известия Императорской Археологической Комиссии 16: 120–123. Санкт-Петербург.

1906. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903–1904 гг. Санкт-Петербург.

1915. Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства // Известия Императорской Археологической Комиссии 57: 178–190. Петроград.

Суслова, В. А. 1993. Исследование и подготовка к реставрации Спасо-Нередицкой церкви академиком архитектуры В. В. Суслovым в 1896–1898 г. // Новгородский исторический сборник 4 (14): 208–214. Санкт-Петербург-Новгород.

Ядрышников, В. А. 2000. Спасо-Нередицкий монастырь: история строительства и реставрации // Новгородский исторический сборник 8 (18): 53–82. *Санкт-Петербург:* Издательство Дмитрий Буланин.

Архивные материалы.

Журналы заседаний… 1919. Журналы заседаний Правления Российской Академии истории материальной культуры. РА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 5.

Личное дело И. Ф. Чистякова. РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 733.

О ремонте… 1896. О ремонте Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде. РА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 34.

Обзор деятельности… 1917. Обзор деятельности Отдела монументальных памятников древности Российской Государственной Археологической Комиссии, составленный по печатным протоколам заседаний, с осени 1907 г. по 1917 г. РА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 11.

Об учреждении ИАК. 1859. Об учреждении Императорской Археологической Комиссии. РА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 1.

Разработка законоположений об охране древних памятников искусства и их учета в обществе художников-реставраторов. 1905. РА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 6.

Рапорт... 1913. Рапорт на имя председателя Археологической Комиссии о законопроектах по охране памятников древности. РА ИИМК РАН Ф. 1. Д. 37.

Сычев, Н. П. 1922. Некролог Покрышкина. РА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 1616.

Черновой дневник... 1908. Черновой дневник по осмотру и изучению Кремля, детинца и стены в г. Пскове. РА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 12.

PETR PETROVICH POKRYSHKIN AND PROBLEMS OF THE PRESERVATION OF ARCHITECTURAL SITES (on the basis of materials from archives of IIMK RAS)

M. V. MEDVEDEVA

Petr Petrovich Pokryshkin was one of the founders of different methods of scientific architectural restoration. He received his architectural education in the Academy of Arts from which he graduated brilliantly in 1895. From the same time P. P. Pokryshkin participated in different expeditions organized by the Imperial Archaeological Commission. In 1902, he became a member of IAC where he was carrying out active investigations of architectural memorials in Russia. In 1909, Pokryshkin was conferred the title of Academician of Architecture. In the Archaeological Commission he was a permanent participant of various special meetings where the problems of restoration, repair and preservation of architectural sites were discussed (fig. 1). He was also an assistant of the Department of Monumental Architecture which he headed since 1918 until its abolishment.

Among P. P. Pokryshkin's materials, along with his published works and a bibliographical handbook on architecture preserved in the Manuscript Archive of IIMK, of highest importance are the photographic collections accumulated as a result of his fruitful investigations in quite diverse regions of Russia. The photographic documents on the activities of Pokryshkin reflect the width of his scientific interests and geographical scope of his numerous trips by orders of the Imperial Archaeological Commission (fig. 2).

Among the most significant achievements of P. P. Pokryshkin are his restoration studies in the Church of the Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa near Novgorod in 1903–1904. From these works resulted Pokryshkin's book «Report on the capital repairs of the Church of the Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa in 1903–1904» which was published in 1906. Preserved in the Photo Archive is a collection of excellent negatives and imprints (about 200 items) taken by photographer of the Imperial Archaeological Commission I. F. Chistyakov during the process of the reconstruction of the Church on the Nereditsa.

P. P. Pokryshkin participated actively in discussions of various problems connected with the protection of sites. These questions were more than once raised during the 19th century, however the instructions issued have not been finally united, neither any central body in charge of the protection of sites has been created. In 1905, the «Principal Regulations» of a new law draft on the protection of sites were worked out and submitted for discussion to corresponding institutions and experts. Pokryshkin presented a number of his remarks and recommendations. He was worried by the insufficient number of competent and well-educated specialists who could be trusted with the fulfilment of the Regulations. He also pointed out the danger of subdividing the list of ancient sites into those of the highest importance to be protected by the Government and the sites protected at the expense of local authorities. In connection with drafting the list of sites, Pokryshkin draw attention to the «absence of any directions for description of sites». Intended exactly to that aim were his works «Brief advices for carrying out precise measurements of ancient buildings» and «Brief advices concerning repairs of sites of antiquity and arts». By 1910, he had developed a project of interrogatories for experts from the Committee of the Protection of Sites for preparing descriptions of ancient churches and buildings of other types. Pokryshkin attached great importance to the role of photography and photographic fixation in the registration and restoration of memorial sites. In all his recommendations on composition of descriptions of architectural sites he pointed out the indispensability of their being photographed.

In 1911 a new draft of the «Regulations on protection of antiquities» was worked out. In his report of December 5, 1913, to the name of the President of the Archaeological Commission, Pokryshkin expressed his position relative that draft. He opposed against the proposition to create a new institution for protection of sites and persisted on the reservation of the rights of scientific competence for the Imperial Archaeological Commission and Imperial Academy of Arts. Pokryshkin contested severely against the division of sites into «those of state importance and of secondary significance as concerned with their protection».

After the Revolution, Pokryshkin continued his energetic activities in protection and restoration of monumental memorials. Simultaneously, he directed the Archaeological Department attached to the All-Russian Department for Affairs of Museums and Protection of Sites of Antiquity, the Department of Monumental Architecture of the Russian State Archaeological Commission and Special Commission for Protection and

Registration of Novgorodian Sites where he planned to promote a wide program of investigations. Unfortunately, all his projects have remained unrealized. The Department of Monumental Architecture was soon closed, the budget for the intended works in Novgorod remained unapproved, and the debates on the spheres of competence between the Archaeological Department and the Russian Academy of the History of Material Culture (RAIMK) resulted in reducing the works of the Department to mere gathering of information on different sites, that in no way satisfied Pokryshkin who was keen on the most active works for their preservation and reconstruction. In 1921, he abdicated the title of Academician of Architecture and resigned from the membership of RAIMK. In 1922, P. P. Pokryshkin died in the order of archpriest in the Tikhon Monastery, city of Lukoyanov of the Nizhegorodskaya Province.

P. P. Pokryshkin has left to us scientific heritage of the highest value which may be used quite effectively in present-day studies. He became one of the founders of the method of precise architectural investigation with clear understanding of the importance and possibilities of photographical registration. His whole life and scientific activities were dedicated to the cause of studying, restoration and preservation of architectural treasures of Russia, as well as fostering among the new generation in Russia the respect for the memorials of antiquity and popularization of restoration works.

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ ДМИТРИЕВНЫ БЕЛАНОВСКОЙ

10 сентября 2003 г. – день юбилея выдающегося исследователя древностей неолита и энеолита Юга Восточной Европы, кандидата исторических наук Татьяны Дмитриевны Белановской.

Т. Д. Белановская (Родионова) родилась в Петрограде, в семье Марии Григорьевны и Дмитрия Александровича Родионовых. Отец ее до 1914 г. работал в Петроградской таможне, с начала Первой Мировой войны *служил в Действующей армии*, начав рядовым и закончив войну штабс-капитаном, затем был на командных должностях в Красной Армии. Т. Д. Родионова в 1936 г. закончила с отличием *среднюю школу и поэтому без экзаменов была принята* на первый курс исторического факультета Ленинградского государственного университета. Первая полевая практика летом 1937 г. проходила в знаменитой впоследствии Оленеостровской экспедиции, руководимой одной из самых ярких личностей российской археологии того времени, В. И. Равдоникасом.

Эти исследования в значительной мере определили жизненный путь археолога. Далее Татьяна Дмитриевна в течение ряда сезонов участвовала в работах Трипольской археологической экспедиции, руководимой Т. С. Пассек. В эти сезоны Трипольская экспедиция *ИА АН СССР и ИА АН УССР* исследовала такие ключевые поселения, как Коломийщина I, ставшее в значительной мере эталонным для понимания структуры поселений трипольской культуры, Коломийщина II, Владимировка, *Красноставка и др. Материалы* трипольской культуры заняли заметное место в исследованиях Татьяны Дмитриевны. Ее научным руководителем в Университете стал блестящий знаток трипольских древностей, ученый, хорошо знакомый с материалами неолита Европы, Е. Ю. Кричевский, ставший жертвой блокады Ленинграда. Завершение учебы в Университете пришлось на трагические для нашей страны дни. Последний Государственный экзамен Татьяна Дмитриевна сдавала 25 июня 1941 г. Она получила диплом с отличием и была рекомендована в аспирантуру, но прием в аспирантуру с объявлением война был отменен. Татьяна Дмитриевна стала участником Великой Отечественной войны, *перенеся все тяготы блокады Ленинграда*, проработав , с 1941 г. до 1944 г. включительно, в Военном

Т. Д. Белановская. Фото 1953 г.

госпитале, прилагая все силы к спасению жизни и здоровья раненых советских солдат и офицеров. В 1944 г. Университет вернулся из эвакуации и, по предложению Заведующего кафедрой археологии ЛГУ, *чл.-корр. АН СССР В. И. Равдоникаса*, Татьяна Дмитриевна, сдав экзамены, поступила в аспирантуру ЛГУ. Научным руководителем ее был назначен В. И. Равдоникас. В дальнейшем с кафедрой археологии Университета связана вся ее дальнейшая жизнь. Татьяна Дмитриевна успешно закончила аспирантуру и в 1948 г. защитила кандидатскую диссертацию *на тему «Об особенностях* некоторых групп трипольской керамики в связи с классификацией памятников триполья». Проведя впервые специальное изучение нерасписной,т.н.кухонной керамики ряда трипольских памятников, Т. Д. Белановская сделала ряд новых наблюдений важных для дальнейшего развития уже ставшей классической схемы *созданной Т. С. Пассек.*

В 1948-1952 г. она ассистент, в 1952 г. избрана доцентом кафедры археологии ЛГУ. В эти годы Татьяна Дмитриевна продолжала экспедиционные исследования в Трипольских экспедициях Т. С. Пассек и С. Н. Бибикова, а также работала на памятниках трипольской культуры совместно с украинскими и молдавскими археологами. Публикуются статьи, посвященные результатам исследований *и введению* в научный оборот ранее полученных материалов таких трипольских памятников, как Красноставка, Лука-Устинская, Бортничев, Траянов, прочно вошедшие в основной фонд источников по трипольской культуре.

Огромное внимание Т. Д. Белановская уделяет *научно-педагогической работе. В течение* многих лет она читает на кафедре археологии курсы «История первобытного общества» (на историческом и восточном факультетах), «Основы археологии», «Археология неолита». Лекции и курсы лекций, насыщенные систематизированным фактическим материалом, среди них «Трипольская культура» (1958), «История *первобытного общества и основы этнографии*» (Вып. 1, 1964, Вып. 2, 1967) были опубликованы Университетом в виде специальных изданий. Большой интерес слушателей всегда привлекал курс «Археология неолита» и ряд спецкурсов, построенных на материалах зарубежной археологии. Свободно владея основными европейскими языками, Т. Д. Белановская широко включает в лекционные материалы данные о ключевых памятниках неолита и мезолита *Западной Европы*, Балкан и других территорий. Такие названия, как Уиндмилл-Хилл, Скара Брэ, Граймз Грейвз, Старчево, *Кереш* и многие другие, специалисты – неолитчики, закончившие кафедру ЛГУ, впервые услышали на лекциях Татьяны Дмитриевны. Ею опубликованы рецензии на некоторые важные обобщающие работы зарубежных коллег (в частности, на монографии К. Окли, А. Гольденвейзера).

Доброжелательность, сочетающаяся с требовательностью и взыскательностью, высокая эрудиция, истинно петербургская культура неизменно привлекали к Татьяне Дмитриевне учеников. К их числу относятся А. Н. Румянцев (трагически погибший в начале пути ученого, вскоре после окончания ЛГУ), Е. А. Горюнов, начинавший как исследователь мезолита-неолита, но ставший затем крупным археологом-славистом, В. П. Третьяков, много сделавший для изучения неолита Волго-Окского междуречья и древностей волосовского круга, В. Е. Лузгин, успешно работавший над неолитической проблематикой в Сыктывкаре, сотрудники ИИМК РАН И. В. Верещагина, В. И. Тимофеев, В. Я. Шумкин, сотрудник Гос. Эрмитажа И. В. Калинина, сотрудник кафедры археологии С-Пб ГУ Е. Г. Матвеева (Козловская) и другие. Лекционные курсы Т. Д. Белановской слушали многие сотрудники, работающие ныне в ИИМК РАН. В течение многих лет она также руководила студенческим археологическим кружком. В 1972, 1974, 1975 гг. Т. Д. Белановская читала курс «История первобытного общества» в Сыктывкарском Государственном Университете. Под ее научным руководством были защищены диссертации представителей научных центров Севера (А. А. Куратов) и Сибири (В. В. Есипов, В. С. Зубков).

Археологическую школу, практику в экспедициях Татьяны Дмитриевны прошли сотни студентов Ленинградского (Санкт-Петербургского) Университета и других вузов России, ныне независимых стран СНГ, а также иностранцы, в том числе из Вьетнама *и стран Африки. Те из них,* кто продолжил археологическую специализацию, получили немало навыков, которые пригодились им в дальнейших работах. Наверняка, всем кто участвовал в работах Нижне-Донской и других экспедиций Татьяны Дмитриевны запомнился сигнал к началу раскопок «Начинаем !», произносимый мелодичным, но вполне настойчивым голосом.

Основные научные публикации Т. Д. Белановской (около пятидесяти) посвящены проблемам неолита и энеолита Юга нашей страны, *некоторым методи*ческим вопросам археологии, вопросам древней экономики, влиянии среды на материальную культуру и некоторым другим. Особое место занимают работы, посвященные результатам исследований в Нижнем Подонье.

Несомненно, главным делом жизни Т. Д. Белановской стало проведение масштабных исследований в полной мере уникального многослойного поселения эпох неолита-энеолита Ракушечный Яр (Усть-Донецкий р-н Ростовской обл.). Многолетними ста*ционарными раскопками экспедиции ЛГУ*, руководимой Т. Д. Белановской, была вскрыта площадь около 1200 кв. м.

Мощная (до 5 метров) толща отложений была тщательно подразделена на 23 отдельных культурных слоя и горизонта, что позволило проследить изменения материалов по слоям, а также и выделить особую неолитическую культуру – ракушечноярскую, прочно занявшую свое место среди неолитических культур степной зоны. Естественно-научными методами установлен глубокий возраст ракушечноярской культуры, для которой характерно уже наличие и керамики и костей домашних животных. До настоящего времени поселение Ракушечный Яр, основные

результаты исследований которого монографически опубликованы («Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья», Л., 1995, 198 стр.), не имеет себе равных не только в Восточной Европе, но и на значительно более широкой территории по детальности и четкости стратиграфии отложений, прослеженных на широкой площади, богатству и разнообразию археологических материалов, охватывающих значительную часть неолитического и энеолитического периодов. К материалам этого уникального памятника, несомненно, будут обращаться многие поколения исследователей.

Хочется пожелать Татьяне Дмитриевне здоровья, новых публикаций, а главное – долго-долго быть среди коллег и учеников, служа особенно важным в наше время и научным и нравственным ориентиром.

В. И. Тимофеев.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ СЕРГЕЕВНЫ ПАССЕК (15 августа 1903 г. – 4 августа 1968 г.)

Природа щедро наградила Татьяну Сергеевну Пассек поразительной красотой и обаянием прекрасной женщины и одновременно талантом крупного ученого – сочетание, встречающееся крайне редко.

В студенческие годы (1938, 1939, 1940 гг.) мне посчастливилось проходить полевую практику в Трипольской экспедиции, возглавлявшейся Татьяной Сергеевной.

Интерес к археологии пробудили у меня, первокурсницы Исторического факультета Ленинградского государственного университета, блестящие лекции *по истории* первобытного общества заведующего кафедрой профессора Владислава Иосифовича Равдоникаса.

Первую полевую археологическую практику я прошла вместе с другими *первокурсниками в* 1937 г. в Оленеостровской экспедиции, возглавлявшейся Владиславом Иосифовичем; эта экспедиция определила мой дальнейший жизненный путь, связав его с археологией.

В 1938 г. доцент нашей кафедры Евгений Юрьевич Кричевский, *видный специалист* по неолиту Европы, по рекомендации Владислава Иосифовича взял в Трипольскую экспедицию студентку IV курса Валю (Валентину Дмитриевну) Рыбалову, также участницу Оленеостровской экспедиции, и меня.

Задолго до знакомства с Татьяной Сергеевной много хорошего я слышала о ней от археологов *старшего поколения*. Как-то мне в руки попала монография Татьяны Сергеевны «La céramique tripolienne», L., 1935; изумительно разнообразная и оригинальная орнаментация этой керамики меня поразила.

В 1938 г. Татьяна Сергеевна руководила раскопками поселения Коломийщина I, расположенного к юго-востоку от села Халепье Обуховского района Киевской области. Это был первый памятник, исследовавшийся Татьяной Сергеевной по новому методу – вскрытие глинобитных площадок производилось *не траншеями, а большими площадями*, что позволило выявить план поселения (площадки были расположены двумя концентрическими кругами), определить функциональное назначение площадок как жилищ, а не ритуальных сооружений (такое предположение высказывал первый исследователь трипольской культуры В. В. Хвойко); благодаря открытию площадок полностью стало возможным изучить их конструкцию и назначение отдельных частей жилища.

Ехали мы в экспедицию в приподнятом настроении – нам предстояли знакомство с Татьяной Сергеевной и интересная работа на еще *неизвестном* памятнике.

В село Халепье, где проживали сотрудники экспедиции, мы прибыли к вечеру; постоянный участник экспедиции Михаил Леонтьевич Макаревич проводил нас к дому, где должны были поселиться мы, практикантки. В ожидании хозяйки дома мы сидели *в саду, когда как-то неожиданно появилась Татьяна* Сергеевна в сопровождении Евгения Юрьевича. Первое, что бросилось в глаза, – редкая красота Татьяны Сергеевны, казалось, что это какое-то прекрасное видение… Татьяна Сергеевна приветливо заговорила с нами, ознакомила с распорядком дня, рассказала о предстоящей работе.

Татьяна Сергеевна очень продуманно формировала состав экспедиции; костяк ее составляли опытные специалисты во главе с самой начальницей – Евгений Юрьевич Кричевский, научные сотрудники Института археологии АН УССР Неонила Леоновна Кордыш, Михаил Леонтьевич Макаревич и Виктор Платонович Петров. Фотосъемки прекрасно выполнял фотограф Института археологии АН УССР Владимир Никанорович Горбовец; было много студентов из Киева, Москвы и Ленинграда. Молодежь училась у Татьяны Сергеевны *не только передовой методике* раскопок, но и ответственному отношению к работе, преданности своему делу.

В довоенные годы самым способным учеником Татьяны Сергеевны был, несомненно, студент Исторического факультета Киевского Государственного Университета Саша (Александр Панкратович) Черныш, отличавшийся вдумчивостью, большой серьезностью, глубоким интересом к делу. В годы Великой

Отечественной войны на долю Саши выпали тяжелые испытания, но он сумел преодолеть все невзгоды и посвятил все силы любимой науке. Он внес существенный вклад в изучение палеолита и мезолита юга нашей страны; с его именем связано исследование таких памятников как Владимировская стоянка, Бабин I, Кормань I, Молодово I и V, Атаки I и VI, Оселивка I.

Татьяна Сергеевна была очень требовательна в работе к себе, сотрудникам и студентам, она приучала молодежь бережно относиться к изучаемому объекту, поскольку в процессе раскопок он будет неизбежно уничтожен, тщательно фиксировать все детали. В экспедиции господствовал строгий распорядок, раскопки каждой площадки возглавлял опытный специалист. Татьяна Сергеевна, сама руководившая исследованием конкретной площадки, успевала одновременно быть в курсе хода работ на всех объектах.

Серьезная, сосредоточенная Татьяна Сергеевна преображалась в минуты отдыха. В экспедиции всегда отмечали 15 августа день рождения Татьяны Сергеевны и одновременно день археолога. Многие считают, что дата 15 августа была названа днем археолога в честь Татьяны Сергеевны.

На празднике Татьяна Сергеевна была душой общества, она обладала чувством юмора, ее реплики искрились остроумием, безобидной шуткой.

В общении с окружающими Татьяна Сергеевна была доступна, проста и естественна, она никогда не кичилась своим родовитым происхождением, умела найти подход к любому человеку.

Часто в Халепье приезжал муж Татьяны Сергеевны, художник МХАТа Иван Яковлевич Гремиславский, живо интересовавшийся работой экспедиции; именно Ивану Яковлевичу принадлежит рекомендация зачерчивать трипольские площадки с помощью квадратной сетки – прием, хорошо известный специалистам.

Однажды на Коломийщину I приехал со всем составом своей экспедиции профессор Михаил Константинович Каргер, производивший в то время в Киеве раскопки Десятинной церкви; гости интересовались раскопками трипольских памятников. Открытые площадки, на которых можно было проследить все детали, произвели на посетителей большое впечатление.

В 1939 г. Татьяна Сергеевна приступила к раскопкам трипольского поселения Коломийщина II, расположенного в 1,5 км к северо-западу от Коломийщины I. Было изучено пять жилищ, отмечены новые особенности в их конструкции, в частности было выявлено округлое возвышение – жертвенник, собран большой вещественный материал, среди которого особый интерес представляют фрагменты глиняной модели жилища.

В 1939 г. в числе студентов, проходивших практику в Трипольской экспедиции, была студентка исторического факультета Ленинградского Государственного Университета Варя (Варвара Андреевна) Ильинская, впоследствии видный скифолог, работавшая в Институте археологии АН УССР.

Татьяна Сергеевна расширила территорию своих полевых изысканий в 1940 г., начав работу в Побужье, у села Владимировки Подвысоцкого района Кировоградской области, на берегу реки Синюхи (приток Буга). В первый же год было открыто более 150 жилищ, расположенные концентрическими кругами; их прекрасная сохранность позволила выявить такую особенность, как наличие крестообразных жертвенников, был собран большой и очень выразительный вещественный материал.

В 1941 г. планировалось продолжить столь перспективные работы во Владимировке, но внезапно грянувшая Великая Отечественная война не только нарушила научные планы, но и жестко прошлась по многим человеческим судьбам.

Татьяна Сергеевна в годы войны напряженно трудилась в Москве, исполняя в 1941–1945 гг. в Институте истории материальной культуры обязанности ученого секретаря.

Евгений Юрьевич Кричевский погиб в расцвете творческих сил, став жертвой вражеской блокады Ленинграда.

Неонила Леоновна Кордыш после войны оказалась за границей в США, дальнейшая ее судьба мне неизвестна.

Михаил Леонтьевич Макаревич пережил войну и до конца своих дней работал в Институте археологии АН УССР, где помимо чисто археологической работы иллюстрировал свои труды и труды своих коллег, так как был прекрасным рисовальщиком.

Судьба Виктора Платоновича Петрова в годы войны оказалась сложной. Вместе со всем коллективом Института археологии АН УССР в начале войны он эвакуировался в Уфу, где был призван в армию. Никаких писем от Виктора Платоновича не поступало, на все запросы сотрудников в военкомате отвечали, что сведений о нем не имеют. Ко всеобщему удивлению через некоторое время до сотрудников дошли слухи, что Виктор Платонович в Киеве редактирует немецкую газету. Впоследствии выяснилось, что ни о какой измене Родине не было и речи, после войны Виктор Платонович успешно трудился сначала в Москве в Институте истории материальной культуры, а затем в Киеве в Институте археологии АН УССР.

Владимир Никанорович Горбовец в период временной оккупации Киева фашистскими захватчиками понес трагическую утрату – его жена погибла от рук гестаповцев; детей удалось спасти благодаря тому, что они находились в селе у родителей Владимира Никаноровича. Трудности, пережитые в года оккупации, подорвали здоровье Владимира Никаноровича и его жизнь рано оборвалась.

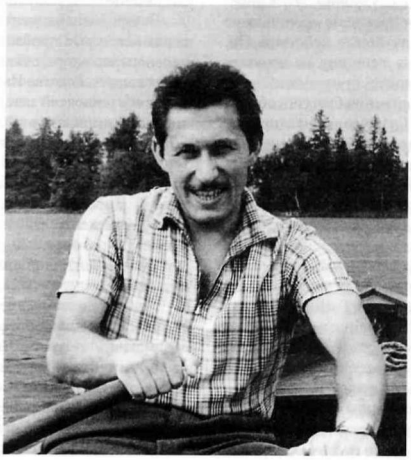
Валентина Дмитриевна Рыбалова сражалась на фронте, после окончания войны продолжила занятия в аспирантуре на Кафедре археологии Ленинградского Государственного Университета, а в дальнейшем работала в Институте археологии АН УССР и на Кафедре археологии Ленинградского Университета.

К сожалению, всех упомянутых выше лиц уже нет в живых…

Т. Д. Белановская

ПЕРСОНАЛИИ

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ



Больше 20 лет назад, 6 февраля 1982 г., в расцвете таланта и творческих сил из жизни ушел выдающийся ученый-антиковед Игорь Георгиевич Шургая. Он родился 1 мая 1934 г. в Ленинграде в русско-грузинской семье: предки по мужской линии происходят из Западной Грузии (Кутаиси), а предки по женской линии – из крестьян Обонежья (с. Ошта), то есть с территории, некогда входившей в состав владений Великого Новгорода. Его родственники с той и другой стороны оставили заметный след в истории нашего города. Среди них можно упомянуть всем известного председателя Исполкома Петроградского совета Н. С. Чхеидзе и деда Игоря Георгиевича, Петра Ивановича Лучкина, создателя С.-Петербургских Электромеханических мастерских, ставшего миллионером и заслужившего за производимую продукцию многие международные награды, в том числе три гран-при на Всемирных выставках в Париже и Неаполе.

Ребенком Игорь Георгиевич пережил все ужасы блокады и даже был ранен случайным осколком. Тогда же, в блокаду он начал учиться в расположенной недалеко от дома школе № 24 Василеостровского района. В возрасте восемнадцати лет И. Г. Шургая поступил на исторический факультет ЛГУ (кафедра археологии). С этого времени основным предметом научных интересов и делом всей жизни для него стало изучение античной археологии Средиземноморья и Причерноморья. В свою первую археологическую экспедицию он отправился в 1953 г. в Керчь, где тогда проводила масштабные исследования Боспорская экспедиция ЛОИА АН СССР во главе с виднейшим советским антиковедом В. Ф. Гайдукевичем. Эта первая экспедиция, безусловно, определила очень многое в судьбе И. Г. Шургая, посвятившего себя изучению боспорских городов, таких как Мирмекий, Тиритака, Илурат.

Обучение в университете завершилось в 1957 г., когда страна после XX съезда КПСС, как казалось, расставалась с недавним прошлым, но оно не сразу отпускало людей. Вспоминается фотография из семейного альбома чуть более раннего времени, на которой Игорь Шургая запечатлен на праздничной демонстрации, возможно, первомайской (то есть в день его рождения). Мы видим молодого человека с модным коком на голове, тоненькой полоской усиков, в элегантном пальто (так и хочется сказать – «оттенка кофе с молоком», хотя фотография черно-белая), а в руке этот стильный юноша держит портрет Сталина.

Это любительское фото по-своему очень показательно и информативно, поскольку с документальной силой позволяет ощутить сложнейшую эпоху, которую в то время переживала наша страна, представить себе, какие непростые, неоднородные, может быть, даже противоречивые чувства переполняли сердца ее граждан, в особенности, граждан молодых. Игорь Георгиевич был членом КПСС, но сталинистом, конечно, не был! И вообще он был человеком в высшей

степени порядочным, чутким по отношению к другим людям, всегда очень болезненно воспринимавшим любую несправедливость и, по выражению В. М. Массона, всегда готовым лечь «на амбразуру чужого горя».

«Я ведь либерал, можно сказать, альтруист», – порой произносил Игорь Георгиевич, и на его лице появлялась прекрасная шургаевская улыбка, в которой легко ощущался налет самоиронии. Этот либерал, однако, был способен не только на иронические сентенции, но и на самые активные действия. Он, к примеру, мог вступиться за женщину, не испугавшись бандитского ножа. Многие ли из мужчин способны на такое? А Игорь Георгиевич был способен…

В феврале 1958 г. И. Г. Шургая был принят в ЛОИА АН СССР на должность научно-технического сотрудника, проще сказать, лаборанта с окладом 740 рублей. В следующем 1959 г. он уже начальник отряда Боспорской экспедиции, а в 1962 г. принят в аспирантуру ЛОИА. Тема диссертационного исследования определялась долго и мучительно. Сначала она была в общих чертах сформулирована как «Экономика городов Северной Африки в римскую эпоху», затем, в декабре 1963 г., изменена на «Внешнеэкономические связи Боспора эпохи эллинизма». В 1965 г. тема трансформировалась еще раз – «Александрия Египетская – ремесленный и торговый центр в III–I вв. до н. э.». Наконец, представленная в окончательном виде кандидатская диссертация называлась уже «Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (III-I вв. до н. э.)». Официальными оппонентами на защите, состоявшейся 8 февраля 1967 г., были Б. Б. Пиотровский и Г. Д. Белов.

Можно представить, как нелегко давалась, в общем, еще совсем молодому человеку неопределенность ситуации, как сложно ему было в этой неразберихе и разноголосице отстоять свою точку зрения. Конечно, он всегда мог опереться на поддержку своего учителя В. Ф. Гайдукевича, смерть которого в 1966 г. во время раскопок городища Мирмекий стала страшным ударом для Игоря Георгиевича. Лишь через шесть лет после этого И. Г. Шургая попытался возродить Боспорскую экспедицию ЛОИА, но времена уже стали не те, да и люди изменились. Когда-то единая «команда Гайдукевича» рассыпалась.

Надо признать, что Игорь Георгиевич чрезвычайно любил своего учителя. Эта любовь, как представляется, доходила почти до обожания. Единственно верным вектором научного пути для И. Г. Шургая была линия, обозначенная С. А. Жебелевым и В. Ф. Гайдукевичем. Отступать от их наследия он не желал даже в мелочах, и эта позиция, конечно, заслуживает уважения, хотя, с другой стороны, всем ясно, что любое движение вперед (увы, не только в науке) не может обойтись без потерь, жертв, переосмысления старого опыта и былых достижений.

Еще до защиты диссертации, в декабре 1965 г., И. Г. Шургая был переведен на должность младшего научного сотрудника. Тогда, после смерти В. Ф. Гайдукевича, Группу античной археологии возглавил П. Н. Шульц. Здоровье этого уважаемого человека становилось все хуже и хуже. Он часто и продолжительно болел, поэтому ставший к тому времени старшим научным сотрудником И. Г. Шургая в 1971 г. был назначен заведующим Группой. Через два года его ввели в состав Ученого совета Ленинградской секции Ученого совета Института археологии АН СССР (терминология тех лет в наши дни звучит уже непривычно). В общем, с карьерой все, как будто, обстояло достаточно благополучно.

Вскоре, однако, разразились неприятности. Учитывая некоторые проблемы, по большей части формального характера, связанные с выполнением плановой темы, руководство Института решило «разгрузить его от обязанностей заведующего Группой» (формулировка из приказа от 20 марта 1975 г.). Поскольку в ЛОИА для этой должности подходящей кандидатуры не нашлось, то «дистанционное управление» Группой стала осуществлять из Москвы И. Т. Кругликова. Впрочем, вскоре все вернулось «на круги своя», и в декабре 1980 г. Игорь Георгиевич получил премию в размере 120 руб. «за четкое руководство Группой античной археологии на общественных началах».

Мы уже говорили, что, будучи студентом, И. Г. Шургая прошел хорошую школу на раскопках Мирмекия и Илурата. Впрочем, откровенным «полевиком» он так и не стал и любил повторять: «Вот часто говорят, что археолог – это не кабинетный ученый…, да самый кабинетный!» Действительно, Игорь Георгиевич любил свой уютный кабинет в доме на 2-й линии Васильевского острова, из окна которого открывался прекрасный вид на купол Академии художеств. Одна стена там была целиком заставлена книгами, в том числе привезенными из путешествия 1967 г. по Египту, Ливии и Тунису, и, надо сказать, что проблемы изучения не только Причерноморья, но и Средиземноморья эпохи эллинизма всегда оставались в поле его зрения. Отдельные крупные статьи И. Г. Шургая, связанные с исследованием производства рельефной керамики на Боспоре, позднеэллинистическими рельефными кубками и александрийской чернофигурной керамикой стали классикой отечественной античной археологии. К сожалению, его книга, посвященная культуре Александрии Египетской, так и осталась незавершенной.

Над рабочим столом И. Г. Шургая висела в рамке акварель работы его давнего, со времени блокады, друга, известного востоковеда А. П. Терентьева-Катанского. С присущим ему юмором он, копируя средневековую миниатюру, изобразил Игоря Георгиевича в виде германского императора Оттона III со всеми атрибутами власти, пришедшими в Западную Европу из Византии. Рядом находился гравированный портрет другого императора, Наполеона I. Все это, конечно, отражало разнообразные увлечения хозяина кабинета. Действительно, нужно было быть большим поклонником великого корсиканца, чтобы выложить за редкое издание мемуаров его секретаря Бурьенна 200 рублей, сумму равную тогда месячной зарплате младшего научного сотрудника с кандидатской степенью.

Игорь Георгиевич ценил хорошую книгу, любил и хорошо знал поэзию, среди его любимых поэтов был, разумеется, и А. С. Пушкин. Помнится, получив очередной том последнего академического издания А. С. Пушкина (все, конечно, представляют эти не очень изящные желтоватые книги), он заколол скрепочкой несколько страниц. Оказалось, это была «Гавриилиада», и И. Г. Шургая не хотел даже случайно раскрыть этих кощунственных, как он сам говорил, «недостойных гения строк». Эта маленькая деталь позволяет с уверенностью говорить, что наш учитель был христианином. В его характере вообще перемешалось многое, что, казалось бы, никак не может соединиться вместе – членство в коммунистической партии и глубокая религиозная вера, утонченность петербургского интеллигента и горячий кавказский темперамент.

На работу Игорь Георгиевич обычно ходил пешком, и иногда прогулки с ним по улицам и набережным города превращались в настоящие лекции об архитектуре и истории С.-Петербурга. Он мог рассказывать буквально о каждом доме, называть события, с ним связанные, перечислять владельцев. В этом отношении сравниться с ним не мог никто.

И все же, несмотря на то, что И. Г. Шургая не жаждал покидать свой Петербург-Ленинград и надолго расставаться с городским комфортом, он год за годом отправлялся в Илурат, который любил не менее сильно. В палатке начальник экспедиции, естественно, не жил, а снимал комнату в близлежащей деревне Ивановке, в доме, который облюбовал еще В. Ф. Гайдукевич. Этот дом располагался на восточном краю деревни, всего в каком-то километре от экспедиционного лагеря, разбитого на вершине холма около юго-западных ворот городища. На раскоп он, следуя традиции В. Ф. Гайдукевича, появлялся обычно не раньше 11 часов утра в черных очках, белом костюме и белой пилотке на голове. Общение с ним в течение рабочего дня очень любили студентки Академии художеств, проходившие археологическую практику на раскопках Илурата, так как под интересную беседу можно было отдохнуть, на некоторое время забыть о надоевшей им лопате. Многие шутки Игоря Георгиевича, его рассказы, забавные истории, происходившие в экспедиции, «братцы-илуратцы» с удовольствием вспоминают до сих пор.

Человек увлекающийся, И. Г. Шургая часто говорил о «магии идеи», и она, безусловно, нередко овладевала им самим. Так было с предположением о наличии большой площади в районе перекрестка двух главных улиц Илурата или стремлением найти в крепости «римские казармы». Эти ожидания не подтвердились, но с именем исследователя связаны многие важные открытия, полученные в ходе изучения планировочной структуры Илурата, центральных кварталов города, где были обнаружены домашнее святилище и производственный комплекс винодельни, очень ценные материалы дали также раскопки района юго-восточных ворот и северного угла обороны крепости.

Наша первая встреча с Игорем Георгиевичем произошла более тридцати лет назад, когда для нас заканчивался первый курс на кафедре археологии Ленинградского университета, и предстояла первая археологическая экспедиция. Когда встал вопрос о том, куда отправиться на раскопки, все решилось как-то само собой. На одном из занятий А. В. Давыдова, учившая нас азам археологической науки, спросила: «Есть ли желающие поехать в античную экспедицию?» – В ответ поднялись две руки. Так студенты Владимир Горончаровский и Юрий Виноградов попали в Илуратский отряд Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР, и этот случай определил в нашей жизни чрезвычайно многое.

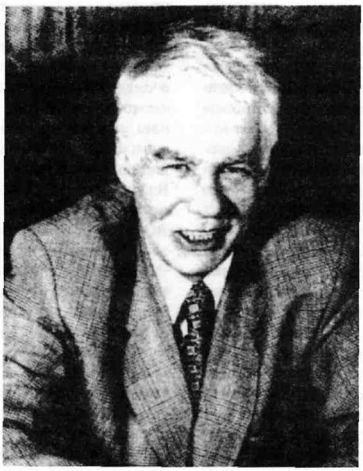
Впервые в Илурат мы приехали в открытом грузовике под вечер, в дождь, и, надо признаться, что первое впечатление от памятника было не самым лучшим: какие-то непонятные, поросшие деревьями, мокрые развалины. Впрочем, уже первые недели раскопок все изменили, – постепенно пришло понимание, внутреннее ощущение памятника, где так хорошо сохранились оборонительные стены и башни, улицы и жилые дома, где при небольшой доле воображения, жизнь древних боспорян обрастала вполне зримые формы. Отчасти, это заслуга И. Г. Шургая, настоящего петербургского интеллигента, непревзойденного рассказчика, с присущим ему грузинским темпераментом легко затрагивавшего любые темы – от устройства древнегреческого дома до деталей биографии Наполеона. Этот полевой сезон решил все, и наша судьба отныне оказалась связанной с Боспорской экспедицией, которая и сейчас продолжает работать, но уже на территории России.

Необходимо сказать еще об одной печальной странице в жизни Игоря Георгиевича. Многим казалось, что этот человек был просто создан для домашнего уюта, семейной жизни, воспитания детей и т. д., но судьба распорядилась иначе, и по существу он так и остался одиноким. Самыми близкими для него после родителей – Клавдии Петровны и Георгия Несторовича – всегда были младший брат Герман и племянница Вера. Правда, попытка создать семью все-таки была предпринята в апреле 1979 г. (тогда ему было 45 лет!), но этот брак никак нельзя признать удачным.

Игорь Георгиевич скоропостижно скончался, когда ему не исполнилось и 48 лет. И хотя мы, его ученики, сейчас пребываем в более зрелом возрасте, для нас он навсегда останется Учителем. Все, кто хорошо знал И. Г. Шургая, всегда будут вспоминать о нем с печалью и любовью.

Ю. А. Виноградов
В. А. Горончаровский

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУБОВА



Игорь Васильевич Дубов родился 10 июля 1947 года в городе Ленинграде в семье военнослужащего. Вместе с родителями объездил почти всю нашу страну – Курильские острова, Сахалин, Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, Верхнее Поволжье. Школьные годы его прошли в старинном русском городе Ярославле на Волге, которому было суждено сыграть значительную роль в его дальнейшей судьбе. В пятнадцатилетнем возрасте он, собирая материалы об истории города для школьного сочинения, попал в местный краеведческий музей, где произошло его знакомство с известным ярославским краеведом, сотрудником музея археологом Алексеем Степановичем Смирновым. Это знакомство, как и работа в археологических экспедициях под руководством А. С. Смирнова, и определили будущий жизненный путь Игоря – юноша решил стать археологом. Причем, привлекала его в первую очередь не романтика палаточной жизни с песнями под гитару у костра, а возможность своими руками прикоснуться к глубокой древности, к корням русской истории и культуры. Закончив в 1965 г. специальную железнодорожную школу в Ярославле, где готовили помощников машиниста электровоза, Игорь Дубов приезжает в Ленинград поступать на кафедру археологии ЛГУ. Эта кафедра в то время была одной из самых популярных на историческом факультете, конкурс на нее составлял свыше тридцати человек на место, и поступить удалось только на следующий год.

Пять лет студенческой учебы в 1966–1971 гг. прошли в напряженных занятиях древнерусской историей и археологией у профессоров Владимира Васильевича Мавродина, Михаила Константиновича Каргера, члена-корреспондента АН СССР Петра Николаевича Третьякова и других выдающихся ученых, работавших на историческом факультете. Научным руководителем студента стал один из патриархов отечественной археологии, заведующий кафедрой археологии, а в прошлом директор Государственного Эрмитажа Михаил Илларионович Артамонов, среди исследовательских тем которого немалое место занимали проблемы ранней истории славян и Древней Руси. Раскопки в Старой Ладоге, крепости Орешек и Городце под Лугой в Ленинградской области, в Гнездово под Смоленском, в Дагестане, которыми руководили Г. Ф. Корзухина, О. И. Давидан, А. Н. Кирпичников, И. И. Ляпушкин и др., стали для будущего специалиста отличной школой полевой археологии. Вместе со своими сокурсниками студент И. Дубов стал активно работать в опекаемом М. И. Артамоновым проблемном «Варяжском семинаре» молодого тогда преподавателя Л. С. Клейна. Из числа участников этого семинара вышла целая плеяда археологов-славистов, позднее составивших ядро славяно-финского сектора Ленинградского отделения Института археологии и кафедры археологии ЛГУ, которые вывели на качественно новый уровень изучение раннесредневековых древностей Северной

Руси. Доклады и курсовые работы И. Дубова о комплексах ярославских могильников со скандинавскими вещами (фибулами и гривнами с молоточками Тора) получили высокую оценку преподавателей кафедры и были рекомендованы к пе-чати. Естественно, что талантливого студента взяли в аспирантуру кафедры археологии.

В 1972 г. И. В. Дубовым была организована Ярославская археологическая экспедиция кафедры археологии ЛГУ, которая приступила к исследованию уникального комплекса археологических памятников *у деревни Большое Тимерёво в окрестностях Ярославля*, который, впрочем, еще предстояло тогда открыть. Уже следующий сезон раскопок в Тимерёво принес замечательные открытия – был раскопан курган, давший новую уникальную информацию *о могильнике в целом и показавший возможность* и перспективность изучения курганов, носящих следы раскопок прежних лет. Тогда же было начато исследование открытого близ могильника поселения, площадь которого по первоначальной оценке превышала 5 га. *На распашке было найдено скопление* серебряных восточных монет из клада, сокрытого в IX веке. Это крупнейший клад арабских монет IX века, обнаруженный в Восточной Европе. Совместно с сотрудником Государственного Эрмитажа, *ведущим специалистом по восточной нумизматике* Игорем Георгиевичем Добровольским И. В. Дубов ввел тимеревский клад в научный оборот. Ими же на отечественных материалах открыт и новый исторический источник – граффити на восточных монетах.

В течение пяти полевых сезонов велось интенсивное изучение поселения раннего периода отечественной истории. В ходе этих работ были изучены остатки крупного раннегородского торгово-ремесленного центра общеевропейского значения, вскрыты *десятки сооружений* различного назначения, в том числе производственные, обнаружены сотни интересных и ярких находок.

Результаты раскопок Тимеревского археологического комплекса позволили И. В. Дубову высказать предположение о том, что в районе Тимерева располагался один из возможных центров Арсы – одной из «трёх групп Руси» арабских источников.

В 1974 г. И. В. Дубовым была досрочно защищена кандидатская диссертация по теме: «Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья». С этого же года он становится ассистентом кафедры археологии и начинает свою преподавательскую деятельность, длившуюся в нашем университете более четверти века. *В течение многих лет* И. В. Дубовым читались оригинальные курсы лекций «Музееведение и краеведение», «Музееведение и охрана памятников», «Исторические и краеведческие музеи» для студентов исторического факультета Ленинградского – *Санкт-Петербургского университета. На* его лекциях студенты истфака, многим из которых впоследствии предстояло стать музейными работниками, впервые знакомились с организацией музейного дела в нашей стране, основами фондовой и экспозиционной работы. Незадолго до кончины Игорем Васильевичем была подготовлена к печати рукопись курса лекций «Музееведение. Исторические и краеведческие музеи». Для студентов-археологов он читал курс «Археология финно-угров» и вел различные спецкурсы и спецсеминары. В 1978 г. издательством ЛГУ была опубликована коллективная монография трех молодых преподавателей кафедры археологии (В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев «Археологические памятники Древней Руси *IX–XI вв.*»), *в которой* И. В. Дубовым были написаны главы «Северо-Восток» и «Археологические данные к проблеме образования Древнерусского государства». Эта книга стала первым изданием, по-новому освещающим данный круг проблем, в частности, *после многих десятилетий* замалчивания или искажений, вопрос о присутствии скандинавских культурных элементов в Восточной Европе времени сложения древнерусского государства.

1980-е годы стали для Игоря Васильевича Дубова временем творческого *расцвета. Выходят в свет* его монографии: «Северо-Восточная Русь в эпоху раннего *средневековья*» (1982 г.), «Города, величеством сияющие» (1985 г.), «Великий Волжский путь» (1989 г.); учебное пособие «Новые источники по истории Древней Руси» (1990 г.). В 1988 г. И. В. Дубовым *была* основана серия сборников статей «Славяно-русские *древности*» (*издано* три ее выпуска). В 1983 г. он успешно защитил докторскую диссертацию «Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья». В центре его *исследовательского внимания* оказываются сложнейшие проблемы образования древнерусского государства, перехода от родоплеменного строя к классовому обществу, возникновения городов на Руси. Ряд работ И. В. Дубова посвящён «переносу» городов – *явлению, происходившему* на рубеже X–XI вв. и отражавшему переход от ранних племенных центров к княжеским резиденциям, постепенно сосредоточивающим административную власть в округе. Для научной деятельности И. В. Дубова было характерным использование всего круга имеющихся разнохарактерных источников, сочетание археологического материала и данных письменных источников, тщательный анализ историографического наследия. И. В. Дубов становится одним из наиболее авторитетных специалистов по археологии Верхнего Поволжья и археологии финно-угров. Он являлся постоянным участником смешанной советско-финляндской рабочей группы по научному сотрудничеству в области археологии. Положительные рецензии на работы И. В. Дубова публиковались в журналах «Советская археология», «Советская этнография», «Этнографическое обозрение», «Живая старина» и других изданиях. Ряд работ И. В. Дубова опубликован в Германии и Финляндии.

Среди книг, написанных ученым, есть несколько изданий научно-популярного характера, адресованных, прежде всего школьникам и пропагандирующих наиболее яркие и славные страницы отечественной истории. Таковы опубликованные издательством «Детская литература» *книги* «От Калки до Угры» и «Начало Отечества», написанные в соавторстве

с А. Я. Дегтяревым (1980, 1983, 1986, 1990 гг.) и повествующие в занимательной форме о трагических и героических событиях трехсотлетней борьбы русского народа с монголо-татарскими завоевателями и посвященные истории возникновения государственности на Руси. Одна из этих книг отмечена Первой премией на конкурсе имени М. Горького для молодых писателей. Такова и автобиографическая брошюра «Как я стал археологом» (1998 г.), рассказывающая об этой романтической профессии. Игорь Васильевич был ярким популяризатором археологии как науки открытий – для этого достаточно почитать его статьи в периодической печати, в газетах, журналах. Писал он легко.

Кроме научной и преподавательской деятельности была в жизни И. В. Дубова еще одна сторона, где ярко проявились его незаурядные организаторские способности. Еще в студенческие годы он возглавлял сначала СНО исторического факультета, а затем всего университета, был членом *бюро комсомольской* организации ЛГУ, заведуя отделом науки. В 1977 г. комсомольцы университета избрали его своим руководителем. С 1980 г. И. В. Дубов стал заместителем секретаря парткома, а в 1984 г. был избран руководителем партийной организации ЛГУ. В ту эпоху, когда КПСС по конституции объявлялась «руководящей и направляющей силой советского общества» и никакие важные решения не принимались без участия партийных органов, пост секретаря парт*кома приобретал значение одного из* руководителей университета. В это время он также был избран депутатом Ленсовета. И. В. Дубовым было налажено четкое взаимодействие с ректоратом, и все вопросы решались оперативно к пользе для университета. Под руководством И. В. Дубова было подготовлено и защищено несколько кандидатских диссертаций. В течение многих лет И. В. Дубов являлся членом ученых советов других научных заведений, был членом экспертного Совета Высшей аттестационной комиссии России.

В 1987 г. произошел еще один поворот в судьбе И. В. Дубова – он возглавил Музей этнографии народов СССР (ныне – Российский этнографический музей). Здесь опять-таки пригодились его организаторские и административные способности. Этот музей, сам по себе уникальный, обладающий прекрасными коллекциями и интересными экспозициями, как-то «проигрывал», «терялся» среди других замечательных музеев нашего города. С приходом нового директора заметно активизировались все стороны деятельности музея, особенно научная работа. На его базе стали проходить крупные научные конференции, издаваться труды, готовиться диссертации, создаваться новые экспозиции, налаживаться международные связи. Этнографический музей одним из первых, наряду с Эрмитажем и университетом, получил статус «особо ценного объекта национального достояния РФ». Значительно расширилась сфера деятельности музея, например, был организован первый в России *детский этнографический центр, куда приходят заниматься* школьники всех возрастов. В период работы в РЭМе И. В. Дубовым были опубликованы монографии «Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны» (1991), в соавторстве с нумизматом-востоковедом И. Г. Добровольским и филологом-рунологом Ю. К. Кузьменко, «*И* поклоняшеся идолу камену…» (1995), «Залесский край. Эпоха раннего средневековья» (1999), учебное пособие для школьников «Древние славяне» (1995) в соавторстве с А. В. Голубевой, научно-популярная книга «Варяги на Руси» (2001) и многие статьи. Всего в его активе около двухсот подготовленных и изданных научных и популярных трудов. Поражала его высокая работоспособность, требовательность к себе и другим, вовлеченным в общий творческий процесс.

В последние годы жизни И. В. Дубов занимался в музее издательской работой и продолжал преподавать сначала на кафедре этнографии и антропологии, а затем на кафедре источниковедения истории России исторического факультета нашего университета.

А. Н. Кирпичников
В. Н. Седых

ХРОНИКА

ИИМК РАН в 2001–2002 годах

В 2001–2002 гг. ИИМК РАН проводил научно-исследовательскую деятельность по семи основным направлениям, утвержденным Отделением истории РАН в декабре 1999 г. Этим направлениям соответствует работа четырех отделов, двух лабораторий и одной группы Института. Все подразделения осуществляли разработки по «Основным заданиям научно-исследовательских работ ИИМК РАН» (в 2001 г. – 30, в 2002 г. – 25 заданий), утверждаемым Бюро Отделения истории РАН ежегодно. Результаты работы докладывались и обсуждались на заседаниях подразделений и Ученого совета ИИМК РАН. Основные итоги исследований отражены в многочисленных публикациях (более 500), в том числе в 15 монографиях, 5 сборниках статей, 5 сборниках материалов научных конференций и ежегодниках ИИМК РАН «Археологические вести» №№ 8, 9.

В 2001 г. в ИИМК РАН было образовано новое структурное подразделение – группа «Археологического мониторинга». Эта реорганизация связана с интенсификацией паспортизации археологических объектов и необходимостью создания единого банка данных по памятникам культурного наследия Российской федерации, в том числе электронных карт по объектам археологии. В 2001 г. в ИИМК РАН был утвержден новый состав Полевого комитета ИИМК РАН. Его возглавил с. н. с. В. А. Завьялов.

В 2001–2002 гг. в Институте были организованы полевые исследования 50 экспедиций и отрядов в различных регионах России и странах СНГ. Кроме того, сотрудники Института принимали участие в работах международных экспедиций в Сибири, на Украине, в Таджикистане, в Туркмении, в Киргизии, в Финляндии, Польше, Швеции, Дании и в США (Аляска).

Основу деятельности ИИМК РАН в 2001–2002 гг. составляло базовое бюджетное финансирование, наряду с которым исследования велись по различным грантам, в том числе РГНФ, РФФИ, INTAS, Санкт-Петербургского научного центра РАН (14), кроме того, в рамках Федеральных целевых программ «Интеграция науки и высшего образования России на 2001–2005 годы» и «Культура России (2001–2005 гг.)» в ИИМК РАН проведены работы по двум проектам полевых исследований археологических памятников и по четырем проектам паспортизации памятников археологии и культуры в Сибири, на Северном Кавказе и в Ленинградской области.

ИИМК РАН в 2001–2002 г. организовал и провел 9 международных и одну всероссийскую конференцию. В марте 2001 г. Отдел истории античной культуры совместно с Государственным Эрмитажем и Государственным музеем истории религии организовал в Санкт-Петербурге международную конференцию «Боспорский феномен: колонизация региона. Становление полисов. Возникновение государства», явившуюся третьей в серии конференций, посвященных изучению Боспорского царства. В апреле 2001 г. профессор В. М. Массон был одним из главных организаторов и руководителей международной конференции молодых ученых «Культурное наследие Центральной Азии», состоявшейся в Ашхабаде (Туркменистан). В мае 2001 г. в ИИМК РАН Отделом палеолита была проведена всероссийская конференция «Каменный век Старого Света», посвященная 90-летию со дня рождения крупнейшего исследователя палеолита профессора П. И. Борисковского. В августе 2001 г. с. н. с. Эксперементально-трасологической лаборатории ИИМК РАН Н. Н. Скакун была одним из руководителей в подготовке и проведении международной конференции «Трипольский мир и его соседи», состоявшейся в г. Збараж (Украина). Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН принял самое активное участие в организации и проведении международной конференции «Конь и всадник» (октябрь 2001 г., Ашхабад, Туркменистан).

В марте 2002 г. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа совместно с Государственным Эрмитажем организовал и провел крупную международную конференцию «Степи Евразии в древности и средневековье», посвященную 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя сибирских древностей профессора М. П. Грязнова. В мае 2002 г. сотрудники Отдела славяно-финской археологии приняли участие в подготовке и проведении очередного XIII российско-финляндского симпозиума «Славяне и финно-угры. Типология и хронология», состоявшегося на этот раз в Хельсинки (Финляндия). В августе 2002 г. Отделом совместно со Староладожским музеем-заповедником и Правительством Ленинградской области была проведена конференция «Культура, образование, история Ленинградской области», которая была посвящена 75-летию Ленинградской области, 1250-летию Старой Ладоги, 30-летию Староладожского музея-заповедника и 30-летию Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН. Эта конференция стала первой в серии юбилейных торжеств, которые пройдут в честь 1250-летия Старой Ладоги. Указ о праздновании этого юбилея подписан в декабре 2002 г. Президентом РФ В. В. Путиным. В октябре 2002 г. Отдел истории античной культуры совместно с Государственным Эрмитажем и Музеем истории

религии провел четвертую международную конференцию «Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища», посвященную памяти безвременно ушедшего из жизни сотрудника отдела Е. Я. Рогова. В ноябре 2002 г. Отделом археологии палеолита была проведена международная конференция «Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур», посвященная 90-летию со дня рождения выдающегося исследователя верхнего палеолита Восточной Европы А. Н. Рогачева.

Радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН в 2001 г. успешно прошла 4-й международный контроль радиоуглеродных лабораторий, проводимый университетом г. Глазго (Шотландия), в котором участвовали более ста лабораторий мира, использующих различные принципы: жидкой сцинтилляции, газового счета и ускорительной масс-спектрометрии. Датировка 87,5% образцов, присланных на анализ в лабораторию, не вышла за пределы допустимых погрешностей, что следует признать очень хорошим результатом.

Продолжалась активная деятельность ИИМК РАН в области международных научных контактов. В Институте проходили стажировку и работали с материалами исследователи из США, Франции, Англии, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии и стран СНГ. Более ста сотрудников Института выступили с докладами на международных симпозиумах, конференциях и совещаниях, как в России, так в странах СНГ и дальнего зарубежья, в том числе на XIV международном Конгрессе доисторических и протоисторических наук (Бельгия, Льеж, сентябрь 2001 г.) и VII ежегодной конференции Европейской ассоциации археологов (Германия, Эсслинген, сентябрь 2001 г.), в США на конференции Американской Антропологической Ассоциации, на конференции QUEEN в Швейцарии, на ежегодных NorFa курсах (Пярну, Эстония).

Следует отметить выпуск в 2002 г. во Франции журнала «Dossiers d'Archéologie», посвященного достижениям российской археологической науки, в котором опубликованы статьи 9 сотрудников ИИМК РАН: чл.-корр. РАН Е. Н. Носова, проф. З. А. Абрамовой, д. и. н. С. А. Васильева, проф. В. П. Любина, д. и. н. К. К. Марченко, к. и. н. Е. В. Беляевой, к. и. н. В. И. Тимофеева, к. и. н. С. С. Миняева, к. и. н. В. А. Трифонова.

Основные научные направления

1. В рамках общей темы «История первобытного общества и архаических общественных отношений» исследования проводил Отдел археологии палеолита ИИМК РАН.

Важнейшее место в научных разработках Отдела занимает изучение палеолита Кавказа и юга Русской равнины. Признанием значимости этого направления для зарубежных специалистов стало издание в Бельгии монографии проф. Любина В. П. «Ашель Кавказа» («L'Acheuleen du Caucase». ERAUL 93. Liege. 2002.), которая вводит в мировое палеолитоведение археологические материалы ашельской эпохи Кавказа. Данное издание существенно дополнено по сравнению с ранее опубликованной русской версией, получившей широкое признание отечественных и зарубежных специалистов. Издание монографии В. П. Любина в Бельгии делает важнейшие достижения отечественной археологии на Кавказе, выполненные на высоком методическом уровне, доступными для специалистов, не владеющих русским языком.

В 2001 г. вышла в свет монография д. и. н. Н. К. Анисютkина «Мустьерская эпоха на Юго-Западе Русской равнины», посвященная изучению опорных памятников региона и разработке проблем эпохи мустье. В работе обобщены многолетние результаты исследования автором памятников мустьерской эпохи Русской равнины и Центральной Европы.

Особое место в изучении палеолита на юге России занимает работа Ильской экспедиции ИИМК РАН (нач. – д. и. н. Щелинский В. Е.) совместно с Римско-Германским музеем (ФРГ) (проф. Г. Бозински), при участии и финансировании Краснодарского краевого комитета по охране памятников истории и культуры, в рамках трехстороннего договора о сотрудничестве. Экспедиция в 2001–2002 гг. продолжила раскопки одного из крупнейших памятников – Ильской стоянки (Краснодарский край). Кроме того, в 2002 г. во время полевых работ сотрудниками экспедиции открыт новый памятник – стоянка «Богатыри», на берегу Азовского моря (Темрюкский район, Краснодарского края), предположительно относящаяся к эпохе нижнего палеолита. Это выдающееся открытие позволит поставить на почву реальных фактов изучение путей заселения нынешней территории юга России в ашельскую эпоху.

Не менее важное место в работе Отдела занимают исследования всемирно известных Костенковских позднепалеолитических стоянок на Дону (Воронежская обл.). В 2001–2002 гг. здесь работали две экспедиции ИИМК РАН, в которых принимали участие археологи и специалисты в области естественных наук из США. Костёнковская экспедиция ИИМК РАН (нач. – к. и. н. Синицын А. А.) продолжила исследования самого древнего слоя поселения Костёнки 14 (Маркина гора), новая датировка которого позволила удревнить время появления Homo sapiens sapiens на Русской равнине до 36–37 тысяч лет тому назад. Костёнковско-Борщевская экспедиция ИИМК РАН (нач. – д. и. н. Аникович М. В.) на стоянке Костёнки 12 (Волковская стоянка) открыла два новых культурных слоя, которые очевидно также удревняют время существования памятника.

В последние годы сотрудники Отдела сделали ряд принципиально новых открытий в изучении культур эпохи мезолита. Кольская экспедиция ИИМК РАН (нач. – к. и. н. Шумкин В. Я.) продолжила исследования наскальных рисунков в южной части Кольского полуострова (оз. Кенозеро). В 2001–2002 гг., как и в предыдущие годы, здесь были открыты новые группы изображений. Кроме этого экспедиция возобновила раскопки известного Оленеостровского могильника на Баренцевом море (Кольский п-ов), где найдены погребения с прекрасной сохранностью скелетных остатков (включая носовые кости), дерева и кожи. Выявлены реальные перспективы дальнейших исследований. Эти материалы открывают самые

благоприятные перспективы для дальнейшего изучения могильника, включая его радиоуглеродное датирование и палеоантропологические изыскания.

В 2001–2002 гг., в рамках международного проекта «Жохов 2000» (нач. – к. и. н. Питулько В. В.) на Новосибирских о-вах (о-в Жохова, о-в Новая Сибирь и о-в Котельный) были проведены работы комплексной экспедицией ИИМК РАН, при участии археологов и специалистов смежных отраслей из различных научных центров России, США и Канады (Арктический и Антарктический НИИ, Музей Арктики и Антарктики, ГИН РАН, географический факультет МГУ, Екатеринбургский госуниверситет, Усть-Ленский гос. Заповедник, Смитсониевский Институт). В результате исследований получены новые уникальные данные по одному из самых северных мезолитических поселений – Жоховской стоянке (8500 лет тому назад). Участники экспедиции в нижнем течении р. Яны (Республика Саха (Якутия)) открыли новый памятник древнекаменного века. По предварительным данным возраст этой стоянки насчитывает около 27000 лет. Вероятно, обнаружен самый северный в Евразии позднепалеолитический памятник.

2. В рамках общей темы «Раннеземледельческие общества и городские цивилизации Востока — взаимодействия со степными обществами Евразии» исследования проводил Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Значительным достижением Отдела можно считать выход в 2002 г. в свет монографии д. и. н. Березкина Ю. Е. «Мост через океан. Заселение Нового Света и мифология индейцев и эскимосов Америки». Серия «Российские исследования в гуманитарных науках», т. 23. – The Edwin Mellen Press, 2001. Автор исследовал структуру мифологических систем индейцев Северной и Южной Америки. Выявив особенности распределения мифологических мотивов по конкретным ареалам Нового Света, исследователь реконструировал процесс заселения Американского континента на рубеже плейстоцена и голоцена. В монографии дан аналитический обзор материалов по археологии, лингвистике и физической антропологии индейцев Нового Света, освещаются вопросы этно- и культурогенеза, реконструируются вероятные сценарии заселения Северной и Южной Америки. Книга Ю. Е. Березкина является значительным вкладом российской науки в исследование прошлого аборигенного населения Америки.

В 1970–1980 гг. д. и. н. И. Н. Хлопин провел широкомасштабные исследования древностей эпохи бронзы на юго-западе Туркмении. К сожалению, его преждевременная кончина не позволила опубликовать обнаруженные здесь уникальные археологические материалы, которые не только характеризуют самобытную культуру древних жителей Прикаспия, но и дают возможность реконструировать культурные и торговые связи юго-западной Туркмении с соседними странами, а также проследить динамику становления цивилизации в регионе, который в эпоху железа известен под названием Дахистан. Группа сотрудников ИИМК РАН под руководством Завьялова В. А. провела значительную работу по подготовке материалов экспедиции И. Н. Хлопина к печати. Книга И. Н. Хлопина «Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана» вышла в свет в 2002 г. Она завершает публикацию археологических материалов, полученных И. Н. Хлопиным во время раскопок древних могильников в долине р. Сумбар (Юго-Западная Туркмения). В монографии представлена периодизация археологических комплексов, охватывающая временной промежуток от середины III до конца I тысячелетия до н. э. (периоды ЮЗТ-IV–I). Материалы предшествующих периодов (ЮЗТ-V–VII) опубликованы в 2000 г. Автор также рассматривает проблему расселения индоариев, появления катакомбного обряда погребения и распространения сероглиняной керамики в среднеазиатском регионе.

Одним из важных достижений Отдела является возобновление издания «Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества (ЗВОРАО)». В 2002 г. вышел в свет сборник ЗВОРАО. Новая серия, т. I (XXVI). Отв. редактор – проф. Масон В. М. Настоящий том является продолжением авторитетнейшего издания отечественного востоковедения, основанного академиком В. В. Розеном в 1886 г. Последний том «Записок» под номером XXV вышел в свет в далеком 1921 г. В новой серии этого издания, организованной с целью продолжения прерванной традиции, публикуются разработки российских ученых и их коллег из ближнего зарубежья в области восточной археологии, истории, нумизматики, филологии, эпиграфики и сфрагистики.

Следует отметить также важнейшие полевые исследования Отдела. В 2001 г. Алтыновский отряд Каракумской экспедиции ИИМК РАН (нач. – проф. Массон В. М. и к. и. н. Кирчо Л. Б.) возобновил работы на всемирно известном поселении эпохи бронзы Алтын-депе (Туркменистан), благодаря финансовой поддержке Итальянского института археологии (ISMEO Рим). Западнокавказская экспедиция ИИМК РАН (нач. – к. и. н. Трифонов В. А.) в 2001–2002 гг. продолжила раскопки дольменного комплекса эпохи бронзы на р. Жанэ (Краснодарский край). Новым для российской археологии методическим приемом работы является исследование дольменов по реконструктивной методике. Одной из основных задач экспедиции, наряду с раскопками является музеефикация исследованных объектов и целенаправленная работа по созданию археологического заповедника в долине р. Жанэ («Дольмены – каменные гробницы древнего населения Кавказа»).

Забайкальская экспедиция ИИМК РАН (нач. – к. и. н. Миняев С. С.) в 2001–2002 гг. продолжила раскопки могильника Царам (Бурятия) – уникального царского кургана гуннской эпохи. В ходе работ 2002 г. исследовано третье перекрытие над основным захоронением на глубине 9 м и слой, содержащий многочисленные остатки жертвенных животных.

3. В рамках общей темы «Античный мир и древние народы Восточной Европы» исследования проводил Отдел истории античной культуры ИИМК РАН. Главным результатом работы Отдела в 2002 г. стала публикация в Дании коллективной монографии

«Панское I. Том. 1. Монументальное здание Уб» (на англ. яз.). Редакторы – Ханнестаад, А. Н. Щеглов, В. Ф. Столба. — Орхус: издательство Орхусского университета, (Panskoye I, Vol. 1: Monumental building U6. Edited by L. Hannestad, V. Stolba, A. Šèglov. Aarhus: Aarhus University Press. tes). Впервые за многие годы раскопок античных поселений на юге России начато всеобъемлющее издание результатов исследования античной усадьбы Панское I многолетней экспедиции Института, руководимой к. и. н. Щегловым А. Н. Это единственное полностью раскопанное сельское поселение в Северо-Западном Крыму, датирующееся эллинистическим временем (IV–III вв. до н. э.) Поселение было основано жителями Ольвии – крупнейшего древнегреческого полиса в Северном Причерноморье. Спустя полстолетия с момента своего основания поселение Панское перешло во владение другого древнегреческого города – Херсонеса Таврического. С этого времени и вплоть до своей окончательной гибели оно составляло часть хоры (сельскохозяйственной территории) Херсонесского государства. В публикации представлены результаты исследований так называемого монументального здания, воздвигнутого после перехода поселения под контроль Херсонеса. Подробно описаны многообразнейшие и богатейшие археологические находки: скульптура, керамика, светильники, терракоты, монеты, изделия из металла, камня и стекла, а также граффити. С исключительной полнотой освещаются две наиболее важные проблемы античной археологии: хозяйственная деятельность древнегреческих колонистов и их отношения с местными племенами – скифами и таврами.

Главным достижением полевой деятельности Отдела в 2001–2002 гг. являются раскопки крупнейшего античного поселения – Семибратнего городища (нач. отряда – к. и. н. Горончаровский В. А.). Богатейший культурный слой памятника обещает новые открытия в области взаимоотношений греческого и варварского населения.

4. В рамках общей темы «Древнерусская городская культура — балтийские взаимодействия и процессы этнокультурной трансформации в Восточной Европе» проводил исследования Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН. В 2001 г. д. и. н. Рябинин Е. А выпустил монографию «Водская земля Великого Новгорода», в которой опубликованы итоги двадцатилетних полевых исследований автора на Ижорском плато. В книге обобщены результаты многолетних раскопок финских древностей на Северо-Западе России.

В 2002 г. под руководством проф. А. Н. Кирпичникова подготовлен и издан сборник статей «Ладога и ее соседи в эпоху средневековья», посвященный актуальным проблемам археологии и истории народов Северо-Запада России в эпоху средневековья. В нем представлены новые исследования по вопросам истории материальной культуры и исторического развития ладожского поселения и территорий, поддерживавших с Ладогой тесные контакты. В сборнике публикуются материалы раскопок последних лет, проведенных на Северо-Западе России. Специальный раздел посвящен региональным исследованиям и вопросам источниковедения. Проф. Кирпичников А. Н. был также редактором, составителем и участником сборника статей «Культурное наследие Российского государства», в котором представлены новые исследования по вопросам истории материальной культуры, исторического и духовного развития России. Под редакцией Е. Н. Носова и Г. И. Смирновой, ИИМК РАН и Эрмитаж издали сборник «Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси», посвященный памяти известного исследователя Старой Ладоги О. И. Давидан. В сборник включены статьи многих ведущих археологов, касающиеся важнейших проблем археологии и истории Северо-Запада России.

Специально следует отметить монографию к. и. н. Мусина А. Е. «Становление церкви на Руси в IX–XIV веке. Средневековая русская христианская культура: историко-археологическое исследование», изданную в США в серии «Российские исследования в гуманитарных науках», т. 17. – The Edwin Mellen Press, 2001., посвященную изучению влияния церкви на общественную жизнь в той мере как это отражалось в археологических и письменных источниках.

Особое место в научных разработках Отдела занимают многолетние исследования древнерусских городов – Рюрикова городища и Старой Ладоги. Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН (нач – чл.-корр. РАН Носов Е. Н.) в 2001–2002 гг. продолжила многолетние археологические комплексные исследования уникального памятника древнерусской культуры – Рюрикова городища. В 2002 г. впервые удалось исследовать нижнюю часть древнейших оборонительных сооружений IX в.

Староладожская экспедиция ИИМК РАН (нач. – проф. Кирпичников А. Н.) в 2001–2002 гг. продолжила многолетнее изучение древнейшего городского центра Руси – Старой Ладоги (Ленинградская обл.). В 2002 г. здесь было открыто уникальное деревянное строение X в. с богатым вещевым материалом. Архитектура дома и находки в нем находят полное соответствие в археологических материалах Скандинавии.

Псковская областная экспедиция ИИМК РАН (нач. –проф. Белецкий С. В.) в 2001–2002 гг. продолжала многолетние исследования городища Воронич, близ усадьбы Тригорское в Пушкиногорском заповеднике. Работы производятся по проекту ФПЦ «Интеграция высшего образования и фундаментальной науки», совместно с Санкт-Петербургским госуниверситетом культуры и искусств.

Отдел славяно-финской археологии постоянно принимает участие в раскопках, проводимых в историческом центре Санкт-Петербурга. Так к. и. н. Сорокин П. Е., по заданию городской инспекции охраны памятников, возглавил охранные археологические работы у здания Двенадцати коллегий, возле Михайловского замка, на территории Михайловского сада и в Петропавловской крепости.

5. В рамках общей темы «Микро- и макроанализ орудий труда и изучение древних производств» исследования проводила Экспериментально-трасологи-

ческой лаборатория. Следует особо отметить опубликованный в 2002 г. проф. Коробковой Г. Ф. раздел «*Индустрия Алтын-депе эпох энеолита-бронзы*», который является большой частью крупной коллективной темы, в которой подводятся итоги трасологического изучения индустрии уникального протогородского поселения юга Туркменистана.

6. Сотрудники Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН успешно выполняют работы по двум главным направлениям: радиоуглеродный и спектральный анализы археологических источников, при этом Лаборатория производит эти анализы для археологов и реставраторов из многих регионов России. В 2002 г. радиоуглеродная группа под руководством к. х. н. Зайцевой Г. И. успешно завершила работы по теме «Хронология памятника скифского времени Аржан-2 в Туве». Исследование проводилось совместно с радиоуглеродными лабораториями Гронингена (Нидерланды), Упсалы (Швеция) и Аризоны (США). В результате осуществлено датирование органических материалов из памятника, с последующей калибровкой дат. К. г. н. Левковская Г. М. успешно завершила тему «Компьютерный банк палеоботанических и палинологических данных из верхнепалеолитических и мезолитических памятников территории бывшего СССР».

Ученые советы ИИМК РАН

Ученый совет ИИМК РАН (19 членов совета) в 2001–2002 гг. провел 14 заседаний, на которых наряду с организационными вопросами, были заслушаны 12 научных докладов ведущих сотрудников Института: 1. к. и. н. Е. Я. Рогов (†) «Некоторые проблемы становления Херсонесского государства»; 2. к. и. н. В. А. Трифонов «Поправки к абсолютной хронологии культур ранней и средней бронзы Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа»; 3. к. и. н. В. И. Тимофеев «Феномен лесного неолита»; 4. к. и. н. А. Н. Щеглов «Территориальное Херсонесское государство»; 5. проф. А. Н. Кирпичников «Великий Волжский путь и его международное значение»; 6. к. х. н. А. Н. Егорьков «Перспективы развития Лаборатории археологической технологии ИММК РАН»; 7. д. и. н. Праслов Н. Д. «О времени появления лука в палеолите»; 8. к. и. н. Платонова Н. И. «История археологической мысли в России в первой трети XX в.»; 9. Завьялов В. А. «Зар-тепе (Южный Узбекистан) и проблемы кушанской хронологии»; 10. к. и. н. Горончаровский В. А. «Боспорская конница первых веков н. э.»; 11. к. х. н. Егорьков А. Н. «Спектральный анализ в ИИМК РАН: достижения, состояние, перспективы»; 12. д. и. н. Белецкий С. В. «Знаки Рюриковичей».

В 2001 г. Ученый совет избрал почетным доктором ИИМК РАН профессора Кёльнского университета (Германия) Г. Бозинского, который выступил с докладом «Средний палеолит. 250 000 лет нашей истории» на расширенном заседании Ученого совета в ноябре 2001 г. (доклад опубликован, см. Археологические Вести 10: 217–227).

В 2001–2002 гг. Диссертационный совет ИИМК РАН (Д 200. 15. 01) провел защиты 7 докторских и 8 кандидатских диссертаций. Диссертации защитили 5 сотрудников ИИМК РАН, в том числе на соискание степени доктора исторических наук: 1. Н. Д. Праслов по теме «Палеолит бассейна Дона»; 2. Ю. А. Виноградов по теме «Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху»; 3. А. Е. Мусин по теме «Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова»; на соискание степени кандидата исторических наук: 1. А. К. Каспаров по теме «Скотоводство и охота в эпоху неолита и палеометалла в Южной Туркмении»; 2. А. В. Субботин по теме «Динамика развития Тагарской культуры».

В 2001–2002 гг в аспирантуре ИИМК РАН проходили подготовку 28 соискателей ученых степеней, 4 стажера и 2 аспиранта на контрактной основе.

Ученый секретарь ИИМК РАН, к. и. н.
С. А. Кулаков

БИБЛИОГРАФИЯ

РАБОТЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЯХ (1941–1991 гг.)[1]

Паавер М. И.

1738. – Znaleziska kości zwierzęcych z grodzisk i osad z okresu wczesnożelaznego i rzymskiego na Litwie // Acta Baltico-Slavica. 1965. T. 2: 261–279.

Павленко В. И.

См. № 919.

Павлинская Л. Р.

1739. – The Scythians and Sakians, eighth to third centuries B. C. // Nomads of Eurasia. Los Angeles, 1989: 19–40: ил.

Паничкина М. З.

1740. – *L'ensemble chelléen du gisement Paléolithique ancien de Satani-Dar // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 9–27: ил.

Панкрушев Г. А.

1741. – Происхождение карел по археологическим данным // *Происхождение Карелии: Фин.-сов.* семинар. Joensuu, 1977: 41–64.

1742. – Karjalaisten alkuperä arkeologtisten tietojen valossa // Karjalan synty: Symp. 30. 6–2. 7 1976. Joensuu, 1977: 30–47.

Панфилов О. В.

1743. – Zoological interpretation of petroglyphs Dashti Aymatk (The Upper Zeravshan) // JCentrAs. 1986. Vol. 9, № 1: 61–67: ил. Библиогр.: 67.

Соавт.: Сапожников Г. Н.

Панцхава Л. Н.

См. № 549.

Папрецкене И. А.

1744. – Odontology of the 14–17 century Lithuanians. Pt. 1: Ethnic odontology and odontoglyphics // Przegląd Antropologiczny. 1981. R. 47, Z. 1: 49–62. Библиогр.: 60–61.

Pt. 2: Pathology of the masticatory apparatus // Przegląd Antropologiczny. 1981. R. 47, Z. 2 (1982): 225–235. Библиогр.: 233–234.

Соавт.: Чеснис Г. А.

1745. – The teeth of the 1st millenium A. D. population in Lithuania // Anthropologie (Brno). 1983. T. 21, № 3: 243–258. Библиогр.: 250–258.

Соавт.: Чеснис Г. А.

Паромов Я. М.

1746. – Intervention sur la péninsule de Taman // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 161–164: ил.

Парфенов Г. В.

1747. – Traces of ancient cultures in Ayrtam gorodishche // Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ.; 1966. Vol. 3, № 1: 135–144.

Пархоменко О. В.

1748. – Die Keramik der Variante der Saltovo-Kultur am oberen Lauf des Flusses Don // VAH. 1990, T. 3: 291–312: ил. Библиогр.: 312.

Пассек Т. С.

1749. – Проблемы энеолита Юго-Запада Восточной Европы // L'Europe à la fin de l'âge de la pierre: Symp. consacré aus problèmes du Néolithique européen. Praha, 1961: 137–160.

1750. – *Die ersten Ackerbauern // Lebende Vergangenheit. Berlin, 1954: 49–74.

1751. – Relations entre l'Europe occidentale et l'Europe orientale à l'époque Néolithique // CISPP; 6. Tivoli, 1962: 127–144: ил.

Пастернак Я.

1752. – *Археологія України: Первісна, давня та середня історія України за археологічними джерелами / Наукове товариство ім. Шевченка. – Торонто, 1961. – 789 с.: ил.

Патрушев В. С.

1753. – Les origines de la parente des Mariis et dews Merias // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 185.

Пахомов М. М.

См. № 1946.

Пашкевич Г. А.

1754. – Early evidence for food plants in Ukraine // Palaeovegetational development in Europe and regions relevant to its palaeofloristic evolution: Pan-Europ. Palaeobotanical Conf. Vienna: Museum of Natural History, 1992: 65–68. Библиогр.: 68.

1755. – The palaeoethnobotanical examination of cultivated plants of Old Russian state // Acta interdisciplinaria archaeoloica. 1991. T. 7: 249–268: ил. Библиогр.: 261–262.

1756. – Subfossile Reste von Kultur- und Wildpflanzen aus Fundplätzen in der Ukraine aus den letzten Jahrhunderten v. u. Z. und der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends u. Z. // ZfA. 1983. Bd. 17, H. 1: 47–57. Библиогр.: 56–57.

См. также № 835.

Пашуто В. Т.

1757. – Neues über die Erforschung der Alten Ruś // WissBeitrHalle. Reihe C. 1982. B. 24: 3–20.

1758. – Ziel und Aufgaben des «Corpus der ältesten Quellen zur Geschichte der Völker der UdSSR» // Klio. 1982. Bd. 64, H. 2: 533–542.

Пекарская Л. В.

1759. – Neue Untersuchungen am frühmittelalterlichen Silberfund von Martynovka // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 243–247: ил. Библиогр.: 246–247.

[1] Окончание. Начало см. Вести. 2002. № 9, 10.

Пелда-Дукмане К. Р.

1760. – Die Entwicklung der Numismatik in Lettland // HambBeitrNum. 1979/1981. H. 33/35 (1988): 195–204.

Пеняк С. И.

1761. – Исследование древнеславянских памятников второй половины I тысячелетия на территории Закарпатской области УССР // ARozhl. 1968. R. 20, S. 5: 594–604, 699–700: ил.

1762. – Негровский клад бронзовых мечей (Закарпатская обл. УССР) // ActaArchHung. 1968. T. 20, F. 1/4: 143–148: ил.

1763. – Новые древнеславянские памятники второй половины I тыс. н. э. в Закарпатской области УССР // CIAS; 3. Bratislava, 1980. T. 2: 335–340. Библиогр.: 340.

Передольская А. А.

1764. – Мастер керченских фрагментов, найденных на горе Митридат // Archeologia (Wrocław). 1963. T. 14: 41–48: ил..

1765. – Attische Tonfiguren aus einem südrussischen Grab. – Olten: Graf, 1964. – 32 с., 16 л. ил. (Antike Kunst; 2).

Рец.: Higgins R. // JHS. 1967. Vol. 87: 217.

1766. – The Hermitage pelike by Smikros // Epitymbion Roman Haken. Pragae, 1958: 100–101: ил.

Перхавко В. Б.

1767. – Западнославянские украшения из Дегтянского клада // SlovA. 1985. R. 33, C. 2: 311–327: ил. Библиогр.: 325–326.

Петерс Б. Г.

1768. – О морском деле древней Греции в переходное и архаическое время // La Mer Noire et le monde méditerranéen: Symp. intern; 1. Sozopol, 1979: 14–16. (Thracia Pontica; 1).

Петренко А. Г.

1769. – Ossements d'animaux dans les fouilles de Tankeevka // StA. 1977. T. 6: 237–248: ил. Библиогр.: 248.

1770. – *Zur Geschichte der Tierzucht bei den Wolgabulgarien: Nach archäozoologischem Material aus der Stadt Biljar // Archaeozoological studies. Amsterdam, 1975: 261–262.

Петренко В. П.

1771. – Die Hügelgräberfelder von Grobin (UdSSR) // Das Altertum. 1990. Bd. 36, H. 1: 43–48: ил.

1772. – Nya fynd med runor från Gamla Ladoga // Viking. 1979. Bd. 42: 78–84: ил.

Соавт.: Кузьменко Ю. К.

1773. – A picture stone from Grobin (Latvia) // Fornvännen. 1991. Årg. 86: 1–8: ил. Библиогр.: 8.

См. № 946.

Петрин В. И.

1774. – Die Ignatievka-Höhle (Ural) – jungpaläolithische Höhlenbilder und einige Aspecte ihre Interpretation // JRGZM. 1991. Jg. 38, T. 1 (1995): 17–32. Библиогр.: 31.

Соавт.: Сироков В. В.

Петрин В. Т.

1775. – The Early Palaeolithic complex from Gobi Altai // Early man news. 1990. № 15: 7–10: ил.

Петрова Г. Н.

См.. № 406.

Петрунь В. Ф.

1776. – About some species of lithic raw materials in archaeological complexes of the Carpathians and adjoining territories of the USSR // Intern. Konf. über Silexgewinnung u. Steinwerkzeug-Rohstoff Charakterisierung im Karpathenbecken. Budapest, 1986: 229–231: ил. Библиогр.: 231.

Петрухин В. Я.

См.. № 1524.

Пилявский В. И.

1777. – Lo stile barocco nell'architettura russa // Studi sul Borromini: Atti del Convegno promosso dall'Accad. naz. di San Luca. Roma, 1967. Vol. 1: 411–416: ил.

Пиотровский Б. Б.

1778. – Международните изложби - забележително явление на съвременността // МПК. 1978. Кн. 2: 33–37.

1779. – The Aeneolithic culture of Transcaucasia in the 3d millennium B. C. // CISPP; 6. Firenze, 1965. Vol. 2: 365–366.

1780. – Antichità del regno di Van (Urartu) // Tesori d'Eurasia: 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica: Catalogo. Milano: Mondadori, 1987: 41–62: ил.

1781. – *Concerning the origin of the Armenian nation // Armenian affaires. 1950. Vol. 1, № 3/4: 287–292.

1782. – Dagli Altai all'Urartu // // Tesori d'Eurasia: 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica: Catalogo. Milano: Mondadori, 1987: 11–16.

1783. – Early cultures of lands of the Scythians // From the lands of the Scythians: Ancient treasures from the museums of the USSR 3000 B. C. – 100 B. C. New York, 1975: 12–15.

1784. – *L'étude des antiquités d'Urartu en URSS // Cahiers d'histoire mondiale. 1958: 44–54.

1785. – Excavations and discoveries in Scythian lands // From the lands of the Scythians: Ancient treasures from the museums of the USSR 3000 B. C. – 100 B. C. New York, 1975: 26–31: ил.

1786. – Excavations of Karmir-Blur, Armenian SSR, gouv. Eriwan // Ipek. 1974/1977. Bd. 24 (1977): 50–53: 2 л. ил.

1787. – *Fortschritte der Erforschung des Urartu-Reichs // Intern. Orientalisten-Kongr.; 24. München, 1959: 119–128.

1788. – Preface // Avant les Scythes: Préhistoire de l'art en URSS. Paris: Renunion des Musées Nationaux, 1979: 11–15: ил.

1789. – Il Regno di Van Urartu. Roma: Ateneo, 1966. – 398 с.: ил. (Centro di Studi Micenei. Univ. di Roma. Incunabula Graeca; 12).

1790. – Ourartou. – Geneva: Nagel, 1969. – 222 с.: ил. (Archaeologia mundi). – Библиогр.: 205–209.

Рец.: Parrot A. // Syria. 1973. T. 50. F. 3/4: 448–449.

1791. – *Short report of the archaeological expedition of the Academy of sciences of the USSR done in Nubia // Fouilles en Nubie 1959/1961. Le Caire, 1963: 63–65.

1792. – Teichebaini, centre ourartien du VII siècle avant notre ère et ses rapports avec les autres pays du monde antique // Le rayonnement des civilisations Grecque et Romaine sur les cultures périphériques: CIAC; 8. Paris: Boccard, 1965: 411–419.

1793. – *Urartu. – München: Heyne, 1980. – 191 с. : ил. (Archaeologia mundi).

1794. – *Urartu: The Kingdom of Van and its art. – New York: Praeger, 1967. – 111 с: ил..

Рец.: 1. Barnett R. D. // Antiquity. 1969. Vol. 43, № 169: 81–82.

2. Mellink M. J. // Archaeology (New York). 1969. Vol. 22, № 2: 155–156.

3. Orthman W. // Zeitschrift für Assyriologie. 1971. Bd. 61, Hbd. 1: 184–185.

Пиотровский Ю. Ю.

1795. – Paléolithique: le temps des mammouths: Catalogue des objets de L'Eremitage // Avant les Scythes: Préhistoire de l'art en USSR: Catalogue. Paris, 1979: 40–47: ил.

См. также № 809.

Пирцхалава М. С.

1796. – La céramique colchidienne de Vani aux VI siècles // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 257–260: ил.

Питулько В. В.

1797. – Archaeological data on the maritime cultures of West Arctic // FScandA. 1991. Vol. 8: 23–24: ил. Библиогр.: 33–34.

Пицхелаури К. Н.

1798. – Проблема генезиса археологических культур Южного Кавказа в Ш тыс. до н. э. // Роль Черного моря в праистории Сред. и Юго-Вост. Европы: Междунар. симп.; 15. Толбухин, 1988: 10.

1799. – Jungbronzezeitliche bis älteeisenzeitliche Heiligtümer in Ost-Georgien. – München: Beck, 1984. – 123 с.: ил. (AVA-Materialien; 12).

1800. – Richesses des tumulus // DossAParis. 1984. № 88: 38–45: ил.

Пичикян И. П.

См. №: 1263, 1271, 1274.

Платонова Н. И.

1801. – Popularizing archaeology among schoolchildren in the USSR // The Exluded Past: Archaeology in Education. London: Unwin Hyman, 1990: 245–251. (One world archaeology; 17).

Плетнева Л. М.

1802. – Параллели погребениям с конем Венгрии в Томском Приобье // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 188.

Плетнева С. А.

1803. – Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2: 9–19: ил.

1804. – Древните българи в Източна Европа // Изв. на българското историческо дружество въ София. 1980. Кн. 33: 23–40.

1805. – Земледельцы и кочевники // Междунар. конгр. по българистика; 1. Симп. Славяни и прабългари. София, 1982: 31–43.

1806. – Ausgrabungen in der Festung Majaki [1975] // MAInstUngAk. 1976. T. 6 (1977): 119–123.

1807. – Ausgrabungen in der Festung Majaki [1977] // MAInstUngAk. 1978/1979. T. 8/9 (1980): 149–150.

1808. – Ostslawen und Nomaden // Welt der Slawen. München: Beck, 1986: 216–228: ил.

1809. – Der Schlüssel liegt in den altrussischen Chroniken // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 272–273: ил. Библиогр.: 273.

1810. – 10–th century graves of a nomadic warriors family in the Ingul river valley // AErt. 1989. Vol. 116: 86–98: ил.

Соавт.: Бокий Н. М.

См. также № 1366.

Поболь Л. Д.

1811. – Белорусское Поднепровье в 1 тысячелетии нашей эры // MKAS; 1. Warszawa, 1969. T. 2: 306–324: ил.

1812. – Деревянное рало из торфяника у дер. Капланович // Acta Baltico-Slavica. 1967. T. 5: 117–128: ил.

1813. – Древнейшая славянская археологическая культура Поднепровья : С середины Ш в. до н. э. по начало II в. н. э. // SlovA. 1975. R. 23, C. 1: 55–62: ил.

1814. – Металлографические исследования железных изделий из Тайманова Быховского района Белорусской ССР // CIAS; 3. Bratislava, 1980. T. 2: 341–358: ил. Библиогр.: 357–358.

1815. – О некоторых спорных вопросах истории племен железного века Белоруссии // Acta Baltico-Slavica. 1969. T. 6: 269–278.

1816. – О новых археологических памятниках БССР VI–IX вв. // Славяните и средиземноморският свят VI–XI в. София, 1973: 221–230.

1817. – Посоховидные булавки : О времени их появления, территории распространения и этнической принадлежности // ActaACarp. 1971. T. 12, F. 1/2: 239–247: ил.

1818. – Связи зарубинецкой культуры с римским миром // ActaACarp. 1971. T. 12, F. 1/2: 227–237: ил.

1819. – Fibule zarubinieckie w zbiorach Państwowego Muzeum archeologicznego w Warszawie // WiadA. 1968. T. 33, Z. 3/4: 394–397: ил.

1820. – Konferencja archeologiczna w Mińsku w 1966 // Acta Baltico-Slavica. 1967. T. 5: 462–465.

1821. – Strittige Fragen zur Geschichte der Stamme der Zarubincy-Kultur // ZfA. 1975. Jg. 9, H. 2: 207–234: ил. Библиогр.: 233–234.

1822. – Skarb metalowych pasów z okresu rzymskiego odkryty w miejscowości Krasnyj Bor (BSRR) // WiadA. 1972. T. 37, Z. 2: 115–138: ил.

1823. – Wyroby żelazne z II–IX w. z Białorusi na podstawie materiałow archeologicznych z osady Tajmanowo w mogilewskim // PraceMatŁodz. 1978. T. 25: ил.

Соавт.: Гурин М. Ф.

1824. – Z badań nad ceramiką kultur białoruskiego Naddniprza w okresie od VII w. p. n. e. do V w. n. e. // APolski. 1968. T. 13, Z. 2: 474–490: ил.

Погожева А. П.

1825. – Die Statuetten der Tripolje-Kultur // AVA-Beitr.1985. Bd. 7 (1986): 95–242: ил. Библиогр.: 110–120.

Подвысоцкая Е. П.

1826. – Пам'ятки ювелірного мистецтва IX ст. до н. е. – перших століть н. е. із зібрання Музею історичних коштовностей України // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 251–254.

Подобедова О. И.

1827. – К вопросу о поэтике древнерусского изобразительного искусства: Распространенные сравнения в памятнике мелкой пластики XIII в. // Старинар. 1969. Кн. 20: 309–314.

1828. – Отражение византийских иллюстрированных хроник в Тверском (Троицком) списке хроники Георгия Амартола // Congr. Intern. des études byzantines; 14. Bucureşti, 1974: 373–390.

Полосьмак Н. В.

1829. – Un nouveau kourgane à «tombe gelée» de l'Altaï // ArtA. 1991. T. 46: 5–12: ил. Библиогр.: 12.

Полубояринова М. Д.

См. № 2394.

Поляков А. О.

1830. – Museum cataloging and the computer. – Zagreb, 1978. – 10 с.

Соавт. : Шер Я. А.

Полякова Г. Ф.

1831. – Игра в мельницу в Древней Руси // SlovA. 1973. R. 21 C. 2: 441–444: ил. Библиогр.: 443.

Соавт.: Фехнер М. В.

Попов В. А.

1832. – On Marxism and Matriarchate // CAnt. 1979. Vol. 20, № 3: 609–611. Библиогр.: 611.

Попов Г. В.

1833. – Византийские фрески второй половины XIV в. в Керчи (Крым) // Bulgaria Pontica: Symp. intern.; 2. Sofia, 1988. T. 2: 547–569.

1834. – О художественных связях Твери с Афоном: Выносная икона первой четверти XV века тверского происхождения // Старинар. 1969. Кн. 20: 315–322: ил.

Попова Т. А.

1835. – Экспозиция «Происхождение человека и развитие первобытного общества» Музея антропологии и эт-

нографии АН СССР в Ленинграде // Anthropologie (Brno). 1965. Vol. 2, № 3: 76–83: ил. Библиогр.: 83.
Соавт.: Фирштейн Б. В.

Попова Т. Б.

1836. – Погребальный обряд племен позднянковской культуры // SlovA. 1973. R. 21. С. 2: 433–440: ил. Библиогр.: 438.

Поршнев Б. Ф.

1837. – The troglodytidae and the hominidae in the taxonomy and evolution of higher primates // CAnt. 1974. Vol. *15*, № 4: 449–450.

Поспелова Г. А.

См. № 1725.

Потапова О.

См. № 200.

Потемкина Т. М.

1838. – Offerprästinnans grav från äldre sarmatisk tid i Västsibirien. 400–300–talet f. Kr. Byn Sjikajevka i Kurgandistriktet // Skyter och Sarmater från Don till Ural. Örebro, 1990: 49–51: ил.

Потехина И. Д.

1839. – Neolithic cemeteries and populations in the Dnieper Basin. – Oxford, 1987. – 224 с.: ил. (BAR. Intern. Ser.; 383). Библиогр.: *204–216*.
Соавт.: Телегин Д. Я.
Рец.: Leon-Leurquin J. // L'Anthropologie. 1989. T. *93*, № 1: 336.

1840. – Palaeoanthropological study of the Dnieper Region in the Early Eneolithic // Telegin D. Ja. Dereivka. Oxford, 1986: *127–134*. (BAR. Intern. ser.; 287). Библиогр.: 134.

Потин В. М.

1841. – Einige seltene deutsche Denare des 11. Jahrhunderts aus der Sammlung der staatlichen Eremitage, Leningrad // HambBeitrNum. 1970/1972. H. 24/26 (1977): 37–44.

1842. – Funde deutscher Münzen des *10–17* Jahrhunderts aus dem europäischen Teil der Sowjetunion // HambBeitrNum. 1967. H. 27, Bd. 7: 53–63.

1843. – **Funde westeuropäischer Denare im Norden des Sowjetunion // Sigtuna Papers. 1990: 265–273.

1844. – *Numismatics of the Middle Ages in the USSR // A Survey of numismatic research *1966–1971*. New York, 1973. Vol. 2: 268–277.

1845. – Numismatische Chronologie und Dendrochronologie im Licht der novgoroder Ausgrabungen // HambBeitrNum. 1973/1975. H. 27/29 (1982): 53–66: 1 л. ил.

1846. – Seltene Münzen des Niederlothringischen und friesischen Raums aus dem 10.–12. Jahrhundert // HambBeitrNum. 1963. H. 17: 483–493: 2 л. ил.

1847. – Die westeuropäische Numismatik des Mittelalters in der UdSSR // A Survey of numismatic research 1960–1965. Copenhagen, 1967. T. 2. Medieval and oriental numismatics: 72–81.

1848. – Znaleziska monet na obszarze Polski według danych archiwów leningradzkich. Cz. 1. 1859–1889 // WiadNum. 1967. R. 11, zeszyt dod. – 87 с. Библиогр.: 14. Cz. 2. 1890–1913 // WiadNum. 1971. R. 15, Z. 4 (58): 199–256.

Праслов Н. Д.

1849. – Листовидные острия в палеолите Русской равнины // Les industries à pointes foliacées du Paléolithique supérieur européen: Colloque intern. Cracovie, 1989: 23.

1850. – L'art du Paléolithique supérieur à l'est de l'Europe // L'Anthropologie. *1985*. T. *89*, № 2: *181–192*: *ил*. Библиогр.: 192.

1851. – Neue Frauenstatuetten des Paläolithikums aus Kostenki (UdSSR) // Das Altertum. 1986. Bd. 32, H. 1: 14–17: ил.

1852. – Outils de chasse du Paléolithique de Kostenki // La chasse dans la préhistoire: Colloque intern.: Pre-actes. Treignes, 1990: 67.

1853. – Palaeolithic cultures in the Late Pleistocene // Late Quaternary environments of the Soviet Union. Minneapolis, *1984: 313–318: ил. Библиогр.: 318*.

1854. – Premousterian sites of Eastern Europe // Congr. INQUA; 10. Birmingam, 1977: 370.
См. также № 14, 16.

Привалова Е. Л.

1855. – Certaines particularités des peintures murales géorgiennes des XII–XIII siècles // Студеница и визант. уметност око 1200 године. Beograd, 1988: 415–433, 4 л. ил. (Српска *Акад. наука и уметности. Науч. скупови; 41*).

Приходнюк О. М.

1856. – Мартинівський скарб // / *Золото степу: Археологія України*. Київ; Шлезвиг, 1991: 239–242: ил. Библиогр.: 242.
Соавт.: Шовкопляс А . М.

1857. – Основные итоги изучения пеньковской культуры // ActaACarp. 1985. T. 24: 101–133: ил.

1858. – Проблема преемственности черняховских и раннесредневековых древностей в свете новых исследований на Среднем Днестре // SlovA. 1985. R. 33. C. 1: 71–137: ил. Библиогр.: 104–105.
Соавт.: Вакуленко Л. В.
Рец.: 1. Castiglione L. // ActaArchHung. 1975. T. 27. F. 1/2: 248–250.
2. Pinelli P. // RA. 1977. F.1: 148–150.

Пронин В. В.

1859. – Archeologické nálezy na Černeckej hore v Mukačeve (Zakarpatska oblast, USSR) // ŠZ AÚSAV. 1959. T. 3: 5–20: ил.

Прохоров Г. М.

1860. – A codiocological analysis of the illuminated Akathistos to the Virgin (Moscow, State Historical Museum, synodal gr. 429) // DOP. 1972. Vol. 26: 237–252: ил.

1861. – Рец.: Meyendorf J. Byzantium and the rise of Russia: A study of Byzantino-Russian relations in the 14th century. – Cambridge, 1981. – 326 с. // Byzantinoslavica. 1982. T. 43, № 2: 233–239.

Пругло В. И.

1862. – Eine Gussform aus Myrmekion // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 3: 170.

1863. – Hellenistische Arzneiflaschen // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 3: 359–361.

1864. – Die östlichen Stadtviertel von Myrmekion im Lichte der archäologischen Untersuchungen der Jahres 1957 // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 3: 170–173.

1865. – Späthellenistische bosporanische Terrakotten, Krieger darstellend // BiblClOr. 1969. Jg. 14, H. 4: 242–243.

Пугаченкова Г. А.

1866. – Дионисийская тема в античном искусстве Средней Азии // Acta antiqua. 1967. T. 15. F. 1/4: 423–428.

1867. – К типологии монументального зодчества древних стран среднеазиатского региона // IranAnt. 1982. Vol. 17: 21–47.

1868. – À l'étude des monuments timourides d'Afghanistan // Afghanistan. 1970. Vol. 23, № 3: 24–49: ил.

1869. – Antiochus Commagenes et le Prince Kushan: du problème de la forme dans la sculpture de l'orient héllenistique // AAS. 1971. Vol. 21, F. 1/2: 113–114: ил.

1870. – The architecture of Central Asia at the time of the Timurids // Afghanistan. 1969/1970. Vol. 22, № 3/4: 15–27.

1871. – L'art antique de la Bactriane (IV s. av. notre ère - IV s. après notre ère) d'après les fouilles dans la République Soviétique de Uzbekistan // Acad. des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus. 1976. Avril-juin: 217–227: ил.

1872. – Caractères de l'architecture defensive antique en Asie Centrale: À la lumière des recherches les plus récents // La fortification dans l'histoire du monde grec: Colloque intern. Paris: CNRS, 1986: 57–69: ил.

1873. – La culture de la bactriane du nord à la lumière des découvertes archéologiques dans la vallée du Sourkhan-Darya // Le plateau iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique: Leurs relations à la lumière des documents archéol.: Colloque untern. Paris, 1977: 281–295: ил.

1874. – *Ishrat-Khaneh and Ak-Saray, two Timurid Mausoleums in Samarkand // Ars Orientalis. 1963, Vol. 5.

1875. – Die Kuschaner // / Ideen des exacten Wissens. 1971. № 10: 697–705: ил.

1876. – Manuscript miniatures from the Oriental Studies Institute of the Uzbek SSR Academy of Sciences // BAsInst. 1990. N.s. Vol. 4: 139–148: ил.

1877. – Marmorstatuen der Partherzeit aus Alt-Nisa // BiblClOr. 1962. Jg. 7, H. 4: 219–222.

Соавт.: Массон М. Е.

1878. – More on the studies of the Kushan monuments in Southern Uzbekistan // Kushan culture and history. 1972. № 2: 74–82: ил.

1879. – Les ostothèques de Miankal' // Mesopotamia. 1985. Vol. 20 (1986): 147–183: 7 л. ил.

1880. – Des problèmes de l'art de la Parthie du Nord et de la Bactriane du Nord // Le rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques: Congr. intren. d'archéologie classique; 8. Paris, 1965: 597–601: ил.

1881. – Les *monuments peu connus de l'architecture me*dievale de l'Afghanistan // Afghanistan. 1968. Vol. 21, № 1: 17–52: ил.

1882. – La sculpture de Khaltchayan // IranAnt. 1965. Vol. 5, F. 2: 116–127: ил.

1883. – Die Skulptur von Chalčajan // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 2: 105.

1884. – *Un supplément substantiel à l'histoire de* l'architecture du moyen-orient résultant des études pratiquées en Ouzbekistan // Il monumento per l'uomo: Congr. intern. del restauro; 2. Venezia, 1964: 768–771.

1885. – Un temple du feu dans le «Grand Soghd» // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris:CNRS, 1987: 53–61: ил. (Publ. de l'U.R.A. 29: Mém. *№ 2*).

1886. – Zur Ikonographie des Heraios: Zu einigen Fragen der Frühgeschichte der Kuschandynastie // BiblClOr. 1965. Jg. 11, H. 4: 210–211.

См. также № 1111, 1490, 1491.

Пузикова А. И.

1887. – Skytergravarna vid mellersta Don // Skyter och Sarmater från Don till Ural. Örebro, 1990: 13–24: ил.

См. также № 1605.

Пузинас И.

1888. – Die Flügelfibeln in Litauen und ihre Bedeutung für die Handelsgeschichte // Ur-und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Heidelberg, 1950: 189–199.

Пулатов У. П.

1889. – Architektur und Fortifikation der Schlösser Ustruschanas und Ilaks // WissBeitrHalle. 1983. Reihe I. Bd. 21: 92–118: ил.

Пуляное А. Н.

1890. – Ancient and Medieval Crimean sculls // Anthropologie (Brno). 1975. T. 13, № 1/2: 71–79: ил.

Пуннинг Я. М.

1891. – Eustatic fluctuations of the Baltic Sea in the Holocene // Iskos. 1985. Vol. 5: 119–125: ил. Библиогр.: 125.

1892. – Geosystematic studies of the Landscape development // Nordic conf. on the application of scientific methods in archaeology; 5. Stockholm, 1990: 41.

Путуридзе Р. В.

1893. – Les vases céramiques de Vani aux V–IV siècles // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 273–274: ил.

Пушко В. Г.

1894. – Белокаменный крест 1458 года дьяка Стефана // Byzantinoslavica. 1976. T. 37, № 2: 201–214: ил.

1895. – *Богоматерь Великая Панагия // Зборник радова Византолошког ин-та (Београд). 1978. Т. 18: 247–256.

1896. – Декоративное убранство интерьера Софии Киевской // SlAnt. 1991/1992. T. 33 (1993): 131–159: ил. Библиогр.: *157–159*.

1897. – Древнерусское художественное литье из Старого Галича // ActaACarp. 1989. T. 28: 165–173: ил.

1898. – Заметки о ростовской иконописи второй половины XV века // Byzantinoslavica. 1973. T. 34, № 2: 199–210: ил.

1899. – Икона Богоматери Агиосоритиссы // ZborMuzBeograd. *1975*. T. 8: 345–362: ил.

1900. – Икона Богоматери Одигитрии из церкви села Гуменец // Rev. roumaine d'histoire de art. 1975. T. 12: 41–49: ил.

1901. – Икона в домонгольской Руси // WissBeitrHalle. 1988. Reihe H. Bd. 6: 87–116: ил.

1902. – Каменные иконки и кресты в Ростове Великом // Byzantinoslavica. 1971. T. 32, № 1: 86–101: ил.

1903. – Киевская скульптура XI века // Byzantinoslavica. 1982. T. 43, № 1: 51–60: ил.

1904. – Киевские рельефы святых всадников // Старинар. 1976. Кн. 27 (1977): ил.

1905. – Киевский крест-энколпион с Княжей горы // SlAnt. 1988. T. 31: 209–225: ил. Библиогр.: 223–225.

1906. – *Киевский художник XI в. Алипий Печерский: По сказанию Поликарпа и данным археол. исследований // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1979. Bd. 25: 63–88.

1907. – Миниатюры Четвероевангелия из монастыря Протат на Афоне (Москва, ГИМ, Син. греч. 519) // DeltChrA. 1980/1981. Per. 4, T. 10: 59–70: ил.

1908. – Новгородская *ставротека* // *Byzantinoslavica*. 1969. T. 30, № 2: 241–245: ил.

1909. – Новгородские фрески XII–XIII вв. // WissBeitrHalle. 1983. Reihe H. Bd. 3: 188–218: ил.

1910. – *Новые направления в русском искусстве XIV в. // Russia Medievalis. München, 1979. T. 4: 35–70.

1911. – *Об источниках миниатюр Изборника Святослава 1073 г. // *Études Balkaniques. 1980: 102–110.*

1912. – Печерский ктиторский портрет // Зограф. 1982. № 13: 42–48: ил.

1913. – Послесловие к статье М. А. Новицкой «Орнаментальная резьба так называемых шиферных изделий великокняжеской эпохи в Киеве // Acta historiae artium Academiae scientuarum hungaricae. 1979. T. 25, F. 1/2: 12–13.

1914. – Преславската матрица и възпросът за иконографските образци в искуството на древния Киев // Археология (София). 1983. Год. 25, Кн. 1/2: 86–97: ил.

1915. – *Приделы Кирилловской церкви в Киеве* // ZborMuzBeograd. 1979. T. 9/10: 243–255.

1916. – Произведения искусства - реликварии древнего Киева // Russia Medievalis. München, 1987. T. 6, F.1: 135–156.

1917. – Резные кости из старых херсонесских находок // Byzantinoslavica. 1974. T. 35, № 1: 47–49: ил.

1918. – Сербская икона в Троице-Сергиевом монастыре // ZborMuzBeograd. 1970. T. 6: 319–325: ил.

1919. – Рец.: Даркевич В. П. Светское искусство Византии: *Произведения византийского художественного ре*месла в Восточной Европе XI–XIII в. – М., 1975. – 347 с. // Byzantinoslavica. 1981. T. 42, № 2: 225–230.

1920. – Рец.: Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М., 1978. – 198 с. // Byzantinoslavica. 1983. T. 44, № 2: 242–244.

1921. – Рец.: Лихачева В. Д. Искусство Византии IV–XV вв. – Л., 1981. – 310 с. // Byzantinoslavica. 1982. Т. 43, № 2: 218–221.

1922. – Рец.: Попов Г. В. Живопись и миниатюра Москвы XV – нач. XVI в. – М., 1975. – 335 с. // Byzantinoslavica. 1977. Т. 38, № 2: 234–239.

1923. – *Deux oeuvres de la glyptique byzantine à Pskov // Byzantion, 1970. T. 39: 164–165: ил.

1924. – *Les martyrs varègues de Kiev (983) // Analecta bollandiana (Bruxelles). 1983. T. 101, F. 3/4: 363–385.

1925. – Die Miniaturen aus Tetraevangelium des Jahres 1067 vom Sinai // Byzantinoslavica. 1981. T. 42, № 1: 31–38: ил.

1926. – *Un relief en stéatite byzantin au musée de Vologda // CArch. 1970. T. 20: 77–79: ил.

1927. – *Zwei Denkmäler der Rostover Ikonenmalerei des 16. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1975. Bd. 21: 7–16.

Соавт.: Пуцко М. Н.

Пуцко М. Н.

1928. – Рукомойный прибор аугсбургского мастера Давида Бесмана // ZborMuzBeograd. 1979. Т. 9/10: 571–579: ил.

См. также № 1927.

Пушкина Т. А.

1929. – Gnëzdovo-boplassen: En boplass fra vikingtiden ved Øvre Dnepr // Gunneria. 1991. № 64, Vol. 2: 359–365. Библиогр.: 364–365.

См. также № 26.

Пшеничная Н. Ф.

См. № 1164.

Пшеничнюк А. Х.

1930. – Kejsargraven från äldre sarmatisk tid i södra Ural: Byn Filippovka i Orenburgdistriktet // Skyter och Sarmater från Don till Ural. Örebro, 1990: 35–42: ил.

Пьянкова Л. Т.

1931. – Bronze Age settlements of the Southern Tadjikistan // The Bronze Age civilization of Central Asia. New York, 1981: 287–310: ил.

1932. – Jungbronzezeitliche Gräberfelder im Vachš-Tal, Süd-Tadžikistan. – München: Beck, 1986. – 99 с.: ил. (AVA-Materialien; 36). Библиогр.: 87–99.

Пятышева Н. В.

См. № 1256.

Рабинович М. Г.

1933. – О происхождении и развитии восточно-славянских городов: Москва и города Московского княжества // CIAS; 3. Bratislava, 1980. T. 2: 359–372. Библиогр.: 371–372.

1934. – Средневековая Москва: XI–XIV вв. // CISPP; 7. Prague, 1971. T. 2: 1140–1144.

Равич И. Г.

1935. – Study on the composition of Scythian and Sarmatian bronze mirrors and technologies of their manufactures // Bulletin of the Metal Museum. 1991. Vol. 16: 20–31: ил. Библиогр.: 29–31.

См. также № 612.

Равский Е. И.

1936. – Geological periodization of the sites of the Siberian Palaeolithic // ArcAnthr. 1968. Vol. 5, № 1: 76–81.

Соавт.: Цейтлин С. М.

Радилиловский В. В.

См. № 1653–1655.

Раев Б. А.

1937. – *Ковани кани* от римските провинции и техните италийски прототипове // *Археология (София)*. 1978. Год. 20, Кн. 3: 1–8: ил.

1938. – Les «Blechkannen» de province et leurs prototypes italiques // Colloque intern. sur les bronzes antiques; 4. Lyon, 1977: 155–165: ил.

1939. – Die Bronzegefässe der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // BerRGK. 1977. Bd. 58: 605–642: ил.

Рец.: Wielowiejski J. // KHKM. 1980. R. 28, № 1: 125–132.

1940. – Les chaudrons marteles: Les traditions italiques *dans les ateliers provinciaux* // Toreutik und figürliche Bronzen römischer Zeit: Tagung über *antike Bronzen; 6. Berlin, 1984:* 216–219: ил.

1941. – Etrusco-Italic and Celtic helmets in Eastern Europe // *JRGZM. 1991.* Jg. 38, T. 2 (1995): 465–496: ил. Библиогр.: 494.

Соавт.: Симоненко А. В., Трейстер М. Ю.

1942. – Metal vessels from «Hohlac» (Novočerkassk) // Cahiers d'archéologiques romande de la Bibliothèque historique vaudoise. 1979. № 17: 235–240: 3 л. ил.

1943. – Roman imports in the Lower Don Basin. – Oxford, 1986. – 135 с., 41 л. ил. – (BAR. Intern. Ser.; 278). – Библиогр.: 117–134.

Рец.: Ioniță I. // Germania. 1989. Jg. 67, Hbd. 1: 243–246.

1944. – Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas Don // Bulletin des Musées Roy. d'art et d' histoire. 1974. An. 46 (1977): 139–149: ил.

Раевский Д. С.

1945. – Anthropomorphe Motive in der Kunst Skythiens // Das Altertum. 1981. Bd. 27, H. 1: 19–28: ил.

Ранов В. А.

1946. – Люди каменного века на подступах к Памиру: Палеолитическая стоянка Шугноу и ее место среди *окружающих памятников* // ActaACarp. 1976. T. 16: 5–20: ил.

1947. – Alte Felszeichnungen von Ljangar (Westpamir) // Das Altertum. 1977. Bd. 23, H. 3: 161–170: ил.

1948. – Douze années de recherches sur la préhistoire au Tadjikistan méridional et au Pamir (1971–1982) // Paléorient. 1984. Vol. 10, № 2: 5–22: ил. Библиогр.: 20–22.

1949. – L'exploration archéologiques du Pamir // Bull. de l'école français d'Extrême Orient. 1984. T. 77: 67–97.

1950. – Foreword // *Gupta S. P. Archaeology of Soviet* Central Asia and the Indian borderlands. – Delhi, 1979. T. 1: IX–XIII.

1951. – Galets aménages de l'Asie Centrale // CISPP; 7. Prague,1970. T. 1: 231–235. Библиогр.: 234.

1952. – The Hissar Neolithic culture of Soviet Central Asia // Man & Environment. 1982. Vol. 6: 63–71. Библиогр.: 70–71.

1953. – The loessic Palaeolith: A new term in Palaeolithic terminology // Current research in the Pleistocene. Orono, 1987. *Vol. 4: 25–27. Библиогр.*: 26

1954. – Neanderthal man and the Mousterian culture in Central Asia and its outling districts // Early man news. 1990. № 15: 15–18: Библиогр.: 17–18.

1955. – A new outline of Paleolithic explorations in Altai, Siberia and Mongolia // Early man news. 1990. № 15: 5–6.

1956. – On the Central Asian Palaeolithic // CAnt. 1979. Vol. 20, № 3: 644–648. Библиогр.: 648.

1957. – On the Central *Asian Palaeolithic: Reply on re*cent comments // CAnt. 1980. Vol. 21, № 6: 809–810. Библиогр.: 810.

1958. – The Palaeolithic industries of the Central Asia: A revision // CISPP; 9. Nice, 1976. Coll. 7: 91–129: ил. Библиогр.: 112–115.

1959. – The peculiarities of the Pleistocene palaeosol formations and distribution of embedded Palaeolithic tools // Current trench in Geology. New Delhi, 1985. Vol. 6. Climate and Geology of Kashmir: 227–240: ил. Библиогр.: 239–240.

1960. – Le peuplement préhistorique de la Haute-Asie: D'après l'exemplaire de l'Asie Centrale soviètique // L'Anthropologie. 1972. T. 76, № 1/2: 1–20. Библиогр.: 20.

1961. – Les premiers peuplements de l'URSS // Les Premiers peuplements humains de l'Europe. Paris, 1989: 20.

1962. – Les sites très anciens de l'Âge de la Pierre en URSS // Les premiers Européens: Congr. nat. des Soc. Savantes; 114. Paris, 1991: 209–216. Библиогр.: 216.

1963. – *Stone Age in Central Asia // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 376.

1964. – Toward a new outline of the Soviet Central Asian Palaeolithic // CAnt. 1979. Vol. 20, № 2: 249–270. Библиогр,: 268–270.

1965. – Uncovering the history of the Roof of the World // AJA. 1961. Vol. 65, № 4: 396–397.

Соавт.: Бубнова М. А.

1966. – Zentralasien // AVA-Forschungen. *1984.* Bd. 4: 299–343: ил. Библиогр.: 341–343.

См. также № 450, 728, 729.

Ранович А. Б.

1967. – Aufsätze zur alten Geschichte. – Berlin, 1961. – 165 с. – (Lebendiges Altertum; 4).

1968. – Der Hellenismus und seine geschichtliche Rolle. – Berlin, 1958. – 338 с.

Рапопорт Ю. А.

См. № 1643.

Раппопорт П. А.

1969. – Город Рай // Acta Baltico-Slavica. 1969. Т. 6: 175–179.

1970. – Из истории строительного производства в Древней Руси // Зограф. 1982. Т. 13: 49–52: ил.

1971. – Мстиславов храм во Владимире-Волынском // Зограф. 1977. Т. 7: 17–22: ил.

1972. – Некоторые вопросы истории русской архитектуры конца XII первой половины XIII в. // Старинар. 1969. Кн. 20: 339–345: ил.

1973. – О типологии городищ Галицкой Руси // ActaACarp. 1966. Т. 8, F. 1/2: 213–217.

1974. – Оборонительные сооружения Западной Волыни *XIII–XIV вв.* // *Światowit. 1962.* Т. 24: *619*–627: ил.

1975. – Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза: Итоги работ 1962 г. // ActaACarp. 1963. Т. 5, F. 1/2: 61–76: ил.

Соавт.: Малевская М. В.

1976. – Основные этапы развития древнерусского военного зодчества // CISPP; 7. Prague, 1971. Т. 2: 1135–1137.

1977. – Планировка западнорусских городищ X–XI вв. // MKAS; 1. Warszawa, 1965. Т. 4: 47–54.

1978. – Роль памятников архитектуры в изучении истории древнерусских городов // WissBeitrHalle. Reihe C. 1981. Bd. 21: 196–201.

1979. – Русская архитектура рубежа XII и XIII веков // CIAS; 3. Bratislava, 1979. Т. 1: 643–646.

1980. – Строительное производство Древней Руси // Russia Mediaevalis. München, 1987. Т. 6, H. 1: 90–134.

1981. – Die altrussischen Burgwälle // ZfA. 1967. H. 1: 61–87: ил. Библиогр.: 86–87.

Рец.: Szymański W. //KHKM. 1968. R. 16, № 4: 756–757.

1982. – Kárpátaljai középkori varak // AErt. 1965. Т. 92: 61–65: ил.

1983. – Die ostslawischen Wohnbauten des 6. – 13. Jh. in der Waldsteppenzone // ZfA. 1972. Jg. 6, H. 2: 228–239: ил. Библиогр.: 238–239.

1984. – Russian Medieval military architecture // Gladius. 1969. Т. 8: 39–62: ил.

См. также *№ 493, 873, 1024, 1025, 1379,* 1380, 1643.

Распопова В. И.

1985. – Историческая интерпретация жилой архитектуры Пенджикента // WissBeitrHalle. Reihe I. 1983. Bd. 21: 78–91.

См. также № 1429–1432, 1438.

Рассамакин Ю. Я.

См. № 1733.

Расторопов А. В.

1986. – The problem of the Hungarians formation // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 190.

Ратич А. А.

1987. – Les anciens ensembles fortifiés russes de Sudovaja Višnja (RSSU – region de Lvov) // MKAS;1. Warszawa, 1970. Т. 3: *41–51.* Библиогр.: *50–51.*

Рафалович И. А.

1988. – Славяне и тюрко-болгары в VI–XI вв. на территории Молдавии по археологическим данным // Славяните и средиземноморският свят VI–XI в. София, 1973: 161–182.

Соавт.: Хынку И. Г.

Рахимов Н. Т.

1989. – The terracotta figurine from the Mug-Teppa settlement // JCentrAs. 1986. Vol. 9, № 1: 53–60: ил. Библиогр.: 56–59.

Рековец Л. И.

1990. – La localité Bolchévik 2 et l'évolution de la microthériofaune au Pléistocène dans la région septentrionale de la mer Noire // L'Anthropologie. 1990. Т. 94, № 4: 659–674: ил. Библиогр.: 673–674.

Ремпель Л. И.

1991. – La maquette architecturale dans le culte et la construction de l'Asie centrale préislamique // Cultes et monuments religieux dans l'Asie centrale préislamique. Paris:CNRS, 1987: 81–88: ил. (Publ. de l'U.R.A. 29: Mém. № 2).

Римантене Р. К.

1992. – Der Anteil mesolithischer Typenformen an den Fundkomplexen der neolithischen Neman-Kultur // Veröff. des Museums für Ur- u. Frühgeschichte Potsdam. 1981. Bd. 14/15: 177–182: ил.

1993. – Die ethnokulturelle Lage in Litauen in der Spätaltsteinzeit // CISPP; 7. Prague, 1970. Т. 1: 337–339.

1994. – Die Herkunft der mesolithischen Industrie in dem Bereiche des Neman (Nemunas) Flussbassins // The Mesolithic in Europe: Intern. Archaeol. Symp. on Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973: 485–502.

Рогачев А. Н.

1995. – Раскопки палеолитических стоянок и погребений // Изв. на Археол. ин-т. София, 1959. Кн. 22: 5–13.

1996. – Données nouvelles sur la stratigraphie du Paléolithique *supérieur de la plaine d'Europe Orientale* // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 28–43: ил.

1997. – Étude des vestiges de la colonie paléolithique de la société primitive d'Avdeevo sur le Seim // Paléolithique et Néolithique de *l'URSS. Paris, 1957:* 114–167: *ил.*

1998. – Objects and methods of the primeval archaeology // Cultura antiqua (Kyoto). 1979. Vol. 31, № 5: 40–47: Яп.

1999. – Principal results and problems in the study of the *Palaeolithic of the Russian Plain // ArcAnthr. 1964. Vol.* 2, № 1: 135–142. Библиогр.: 140–142.

Рогинский Я. Я.

2000. – Sur l'ancêtre le plus proche de l'Homo sapiens et le lieu de la transformation en homme moderne // The origin of Homo sapiens: Proc. of the Paris symp. Paris, 1972: 59–63.

Розанова Л. С.

2001. – Моделирование древних приемов железообработки: К проблеме реконструкции древних технологических процессов // MatA. 1991. Т. 26: 89–92: ил. Библиогр.: 92.

Соавт.: Терехова Н. Н.

2002. – Связи археологических культур Волго-Камья и Северного Кавказа в эпоху раннего железа по металлографическим данным // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 193.

Романова Е. Н.

См. № 754.

Романчук А. И.

2003. – Город и деревня Юго-Западного Крыма в 8–9 вв. // JbÖByz. 1982. Bd. 32, H. 3: 549–559: ил. Библиогр.: 556–557.

2004. – Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium: Proc. of the Byzant. symp. in the 16th intern. Eirene conf. Praha: Academia, 1986: 123–135: ил.

2005. – *Die byzantinische Provinzstadt vom 7. Jahrhundert bis zur ersten Hälfte des 9. Jahrhunderts: Auf Grund von Materialien aus Cherson // Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung. Berlin: Akad.-Verl., 1983: 57–68: ил.

2006. – *Chersonesos und sein ländliches Territorium im 8./9. Jahrhundert // Studien zum 8. u. 9. Jahrhundert in Byzanz. Berlin: Akad.-Verl., 1983: 35–45: ил.

Ртveладзе Э. В.

2007. – Новые нумизматические данные к истории взаимоотношений Северного Тохаристана и государств Востока в V–VIII вв. н. э. // ActaOrHung. 1987. T. 41, F. 2: 301–319: ил. Библиогр.: 317–319.

2008. – Bactrian fortification: Genesis and evolution in their social and cultural aspect // La fortification dans l'histoire du monde grec: Colloque intern. Paris: CNRS, 1986: 323–328: ил.

2009. – Les édifices funéraires de la Bactriane septentrionale et leur rapport au zoroastrisme // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris: CNRS, 1987: 29–39: ил. (Publ. de l'U.R.A. 29: Mem. № 2).

Руденко С. И.

2010. – О древних связях Китая с племенами Алтая // Каогу Сюбао. 1957. № 2 (16): 37–48: ил. Кит.

2011. – The ancient culture of the Bering Sea and Eskimo problem // Toronto: Univ. of Toronto press, 1961. – 186: 19 л. ил.: ил. (Arctic Inst. of North America Anthropology of the North; Transactions from Russian sources; 1). – Библиогр.: 180–186.

2012. – Bibliographical references to Central Asia and Caucasus // Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ.; 1966. Vol. 3, № 1: 175–177.

2013. – Frozen tombs of Siberia: The Pazyryk burials of Iron Age horsemen. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1970. – 340 с.: ил. – Библиогр.: 329–332.

Рец.: 1. Jettmar K. // Asian Perspectives. 1974. Vol. 17: 59–60.

2. Michael H. N. // American Anthropologist. 1973. Vol. 75, № 4: 1108–1110.

3. Piggot S. // AntJ. 1972. Vol. 52, Pt. 1: 197–198.

4. Rice T. T. // Antiquity. 1971. Vol. 45, № 177: 75–76.

2014. – Die Kultur der Hsiung-nu und die Hügelgräber von Noin Ula. – Bonn: Habelt, 1969. – 320 с.: ил.– (Antiquitas. Reihe 3. Bd. 7). – Библиогр.: 115–117.

Рец.: 1. Rawson J. // Oriental Art. 1972. Vol. 18, № 5: 282.

2. Spuler B. // Islam. 1971. H. 1: 160–161.

2015. – The mythological eagle, the gryphon, the winged lion and the wolf in the art of Northern Nomads // Artibus Asiae. 1958. Vol. 21, № 2: 101–122: ил.

2016. – *Die Schätze der Pazyrykschen Kurgane // Lebende Vergangenheit. Berlin, 1954: 129–159.

2017. – *Die sibirische Sammlung Peters I. – Düsseldorf, 1964. – 52 с., 27 л. ил.: ил.

2018. – Studien über das Nomadentum // Viehwirtschaft u. Hirtenkultur Ethnographische Studien. Budapest, 1969: 15–32.

2019. – The Ust'-Kanskaia Palaeolithic cave site, Siberia // American Antiquity. 1961. Vol. 27, № 2: 203–215: ил.

2020. – *Vom Kaftan bis zur Konkubin: Zentralaltai, uraltes Kulturzentrum // Freie Welt. 1955. № 11: 10–11.

2021. – Der zweite Kurgan von Pazyryk: Arbeitsergebnisse der Expedition des Inst. für Geschichte der materialen Kultur der Akad. der Wiss. der UdSSR v. J. 1947. – Berlin: Verl. Kultur u. Fortschritt, 1951. – 96 с.: ил.

Румянцев А. Н.

2022. – Рец.: Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы (МИА СССР, 1967, № 148) // Sprawozdania archeologiczne. 1973. T. 25: 326–331.

2023. – Geneza kultury środkowodnieprzańskiej i jej związki ze strefą Karpacką // ActaACarp. 1974. T. 14: 57–67.

Русаков О. М.

2024. – Archaeomagnetic secular variation study in the Ukraine and Moldavia // Archaeometry. 1973. Vol. 15. Pt. 1: 153–157: ил. Библиогр.: 157.

Соавт. Загний Г. Ф.

См. также № 816.

Русанова И. П.

2025. – Керамика раннеславянских поселений Житомирщины // ARozhl. 1968. R. 20, S. 5: 576–582, 697–698.

2026. – Классификация керамики типа Корчак // SlAnt. 1988. T. 30: 93–100: ил.

Русишвили Н. Ш.

2027. – Fossilised species of wheat from the territory of Georgia // Acta interdisciplinaria archaeologica. 1991. T. 7: 285–294: ил. Библиогр.: 293–294.

Русяева А. С.

См. № 456, 1154.

Рутковская Л. М.

2028. – Археологические памятники IV–VI вв. в районе Кременчугского моря (Украина) // SlovA. 1979. R. 27, № 2: 317–364: ил. Библиогр.: 361.

Рцхиладзе Р. С.

2029. – The problem of the specifity of the East in Herodotus' History // Intern. Tagung der Keilschriftforscher der socialistischen Länder. Budapest, 1974: 81–84.

Рыбаков Б. А.

2030. – К археологическим проблемам Великоморавского государства // Das Grossmährische Reich: Wiss. Konf. des Archäol. Inst. der Tschechoslowak. Akad. der Wiss. Praha, 1966: 49–50.

2031. – Любеч и Витичев – ворота «Внутренней Руси» // MKAS; 1. Warszawa, 1970. T. 3: 7–20: ил.

2032. – Святовит – Род // Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Wrocław: Ossolineum, 1968: 390–394: ил.

2033. – Языческая символика русских украшений XII в. // MKAS; 1. Warszawa,, 1970. T. 5: 352–374: ил.

2034. – Historism in Archaeology // Cultura antiqua (Kyoto). 1980. Vol. 32, № 7: 43–47: Яп. Библиогр.: 40–47.

2035. – Historismus archaeologie // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. T. 2: 215–219.

2036. – Die Kultur des mittelalterlichen Novgorod // Wikinger und Slawen: Zur Frühgeschichte der Ostseevölker. Berlin: Acad. – Verl., 1982: 239–262: ил.

2037. – *Die Kunst der alten Slawen in Geschichte der russischen Kunst. – Dresden, 1957.

2038. – *Pierwsze wieki historii Rusi. – Warszawa: PIW, 1983. – 200 s.

Рец.: 1. Grala H. // Pamitnik słowiański. 1983. T. 33 (1986): 272–276.

2. Konopka M. // Z otchłani wieków. 1984. R. 50: 253.

2039. – Die Sklavenhaltergesellschaft in Transkaukasien, Mittelasien und dem Schwarzmeergebiet. Die alten Slawen: I. Jahrtausend v. u. Z. bis 4. Jahrhundert u. Z. // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H 4: 228–232.

Рыбачек Е. П.

См. № 1502.

Рыбина Е. А.

2040. – Ergebnisse archäologischer Forschungen in Novgorod // Das Altertum. 1980. Bd. 26, H. 1: 41–48: ил.

Рыгдылон Э. Р.

2041. – *Nouvelles traces de colonies de l'âge de la pierre dans le bassin moyen de l'Ienisei // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 245–252: ил.

Рюмин А. В.

2042. – Пещерная живопись позднего *палеолита на* Южном Урале // ARozhl. 1961. R. 13, S. 5: 712–732: ил. Библиогр.: 731.

Рябинин Е. А.

2043. – Славяне и финно-угры Северной Руси X–XV веков // CIAS; 3. Bratislava, 1979. T. 1: 659–664.

2044. – The character and direction of cultural links in the zone of Slav-Finno-Ugrian contacts: Metal plastic-art evidence // Iskos. 1984. Vol. 4: 139–144. Библиогр.: 143–144.

2045. – The Chud of the Vodskaja Pyatina // FScandA. 1987. T. 4: 87–104: ил. Библиогр.: 103–104.

2046. – Cultural links of Finno-Ugric tribes *in the Middle* Ages: Based on archaeological data // Soumalais -Ugrilaisen seuran toimituksia. 1986. № 194: 213–222: ил.

2047. – Finno-ugric paganism and Old Russia: Based on archaeological data // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980: 207–219: ил. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22). Библиогр.: 218.

2048. – New data on the ancient Vod culture // Iskos. 1990. Vol. 9: 93–97.

См. также № 939, 940, 945, 946.

Рябова В. А.

2049. – Культови посудини Скіфії // *Золото степу*: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 153–156: ил.

Рябцевич В. Н.

2050. – Некоторые вопросы обращения медной монеты на территории Польши // MKAS; 1. Warszawa, 1968. T. 6: 292–295.

2051. – Certains problèmes de la circulation de la monnaie de cuivre sur le territoire de la Pologne // MKAS; 1. Warszawa, 1968. T. 6: 295–300.

2052. – Putywlskie i sewskie czechy // PraceMatŁodz. 1988. T. 8: 107–151: ил. Библиогр.: 149–150.

2053. – Skarby monet z XVI i XVII wieku na terenie obwodu brzeskiego i grodzieńskiego Białoruskiej SRR // PraceMatŁodz. 1986. T. 6: 211–239.

Савва Е. Н.

2054. – Au sujet des liens de la culture «Mnogovalikovaia» repandue entre Dniestr et Prut et la culture Monteoru // Thraco-Dacica. Bucureeti, 1991. T. 12, № 1/2: 15–37: ил.

Савватеев Ю. А.

2055. – *Ancient settlements connected with* rock art in Karelia // Boll. del Centro Camuno di studi preistorici. 1988. Vol. 24: 45–68: ил.

2056. – Karelische Felsbilder – Leipzig: Seeman, 1984. – *256 с., 8 л. ил.*: ил. – Библиогр.: 255–256.

2057. – *Kakjalan maan muinaismuistoja // Karjalan Heimo. 1972, № 1/2: 17–18.

2058. – Rock pictures of Lake Onega // Boll. del Centro Camuno di studi preistorici. 1982. Vol. 19: 27–48: ил. Библиогр.: 48.

2059. – Rock pictures (petroglyphs) of the White Sea // Boll. del Centro Camuno di studi preistorici. 1977. Vol. 16: 67–86: ил. Библиогр.: 96.

Савельев Ю. А.

2060. – Der Palast in Vuni auf Zypern // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 5: 294–295.

Савельева Э. А.

2061. – Европейский Северо-Восток // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 203.

Саверкина И. И.

2062. – К вопросу об эллинистическом и римском влиянии на портретную скульптуру Пальмиры // WissZRostock. 1970. Jg. 19, H. 8: 631–634.

2063. – Römische Sarkophage in der Eremitage. – Berlin: *Akad.-Verl., 1979. – 65 с., 64 л. ил.* – (*Römische Sarkophage*; 1). – Библиогр.: 9–10.

Рец.: 1. Koch G. // BJb. 1982. Bd. 182: 692–695.

2. Stefańska H. // Archeologia (Wrocław). 1982. T. 33 (1985): 224–225.

Савинов Д. Г.

2064. – Les nomades du Saiano-Altai et les civilisations antiques // Nomades et sédentaires en Asie Centrale: Colloque franco-sov. Paris: CNRS, 1990: 225–226.

2065. – The Sayano-Altaic centre of early medieval cultures // Antiquity. 1989. Vol. 63, № 241: 814–826: ил. Библиогр.: 825–826.

Савостина Е. А.

2066. – Trouvaille de reliefs antiques dans un établissement agricole de Bosphore Cimmérien (Taman) // RA. 1987. F. 1: 3–24: ил.

Сайко Э. В.

2067. – Техническая организация керамического производства раннеземледельческих культур // StPraehist. 1984. T. 7: 131–152: ил.

2068. – Comprehensive approach to the archaeology of *Central Asia // Man & Environment. 1983. Vol. 7: 98–106.* Библиогр.: 105–106.

Сакса А. И.

2069. – Финляндия и Карелия в позднем железном веке // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 200.

2070. – *Medieval Karelia on European trade routes // Iskos.* 1984. Vol. 4: 93–97. Библиогр.: 97.

2071. – On the study of ancient Karelian craft centres // Iskos. 1990. Vol. 9: 69–73.

2072. – The results and perspectives of archaeological research on Karelian Istmus // FScandA. 1985. T. 2: 37–49: ил. Библиогр.: 48–49.

Салтыков А. А.

2073. – La vision de saint Eustache sur la stèle de Tsebelda // CArch. 1985. Vol. 33: 5–17: ил.

Сапожников Г. Н.

См. № 1743.

Сапожников И. В.

См. № 16.

Сапрыкин С. Ю.

2074. – Особенности земельных отношений в Понтийском царстве Митридатидов // Acta Centri Historiae «Terra Antiqua Balcanica». 1986. Т. 1: 113–120.

2075. – ΠΑΦΛΑΓΟΝΙΚΑ // Tracia Pontica: Sympos. Intern.; 4. Sofia, 1991: 241–254.

Сарап Г.

2076. – Одонтологическая характеристика средневекового населения Эстонии // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 201.

Сарианиди В. И.

2077. – Ancient Horasan and Bactria // Le Plateau iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique: Leurs relations à la lumière des documents archéol.: Colloque untern. Paris, 1977: 129–142: ил.

2078. – Bactrian centre of ancient art // Mesopotamia. 1977. Vol. 12: 97–110: ил.

2079. – Une civilisation au coer du désert le Kara-Koum à l'âge du Bronze // Archeologia (Paris). 1968. № 21: 66–69: ил.

2080. – Le complexe cultuel de Togolok-21 en Margiane // ArtAs. 1986. T. 41: 5–21: ил.

2081. – *The golden hoard of Bactria: From the Tilla-Tepe excavations in Northern Afghanistan. – New York: Abrams, 1985. – 259 с., 84 л. ил.: ил.

2082. – Die Kunst des alten Afganistan: Architectur, Keramik, Siegel, Kunstwerke aus Stein und Metall. – Leipzig: Seeman, 1986. – 348 с.: ил. Библиогр.: 328–341.

Рец.: Kohl Ph. L. // BAsInst. 1990. Vol. 4: 334–336.

2083. – The lapis lazuli rout in the Ancient East // Archaeology (New York). 1971. Vol. 24, № 1: 13–15: ил.

2084. – Monumental architecture of Bactria // De l'Indus aux Balkans. Paris, 1985: 417–432: ил. Библиогр.: 431–432.

2085. – New finds in Bactria and Indo-Iranian connections // South Asian Archaeology: 1977. Intern. Conf. of the Assoc. of South Asian Archaeologists in Western Europe; 4. Naples, 1979. T. 2: 643–659: ил. (Ist. Univ. Orientale. Sem. di studi asiatici; 6). Библиогр.: 658–659.

2086. – North Afghanistan in the Bronze Period // Afghanistan. 1971. Vol. 24, № 2/3: 26–38: ил.

2087. – On early trade // CAnt. 1979. Vol. 20, № 1: 165–176. Библиогр.: 167.

2088. – Die Schätze des «Goldenen Hügels» // Das Altertum. 1980. Bd. 26, H. 2: 113–118: ил.

2089. – Seal-amulets of the Murghab style // The Bronze Age civilization of Central Asia. New York, 1981: 221–255: ил.

2090. – Southern Turkmenia and Northern Iran. Ties and differences in very ancient times // East a. West. 1971. Vol. 21, № 3/4: 291–310: ил.

2091. – Togolok 21, an Indo-Iranian temple in the Karakum // BAsInst. 1990. Vol. 4: 159–165: ил.

2092. – Le tombe regali della «collina d'oro» // Mesopotamia. 1990. Vol. 15: 5–18: ил.

2093. – The treasure of the Golden Hill // AJA. 1980. Vol. 84, № 2: 125–132.

2094. – The treasure of the Golden Mound // Archaeology (New York). 1980. Vol. 33, № 3: 31–41: ил. Библиогр.: 41.

2095. – Tresors d'une nécropole royale en Bactriane // Archeologia (Paris). 1979. № 135: 18–27: ил.

См. также № 84, 1138, 1176, 1447.

Саркисян Г. К.

2096. – Greek personal names in Uruk and the graeco-babyloniaca problem // ActaAntHung. 1974. T. 22, F. 1/4: 495–503.

То же // Wirtschaft u. Gesellschaft im Alten Vorderasien. Budapest, 1976: 495–503.

2097. – New cuneiform texts from Uruk of the Seleucid Period in the staatliche Museen zu Berlin // Forschungen u. Berichte (Staatliche Museen zu Berlin). 1974. Bd. 16: 15–76: ил.

2098. – Von der Templesklaverei im hellenistischen Babylonien // Iraq. 1983. Vol. 45, Pt. 1: 131–135.

Саядян Ю. В.

2099. – Armenien und die angrenzenden Gebiete in der Nacheiszeit // ZfA. 1978. Bd. 12, H. 1: 15–37: ил. Библиогр.: 36–37.

Свеженцев Ю. С.

См. № 754.

Свенцицкая И. С.

2100. – Расцвет местных культов в малоазийских провинциях II-III вв. // Год. на Софийския Унив. 1984. Т. 77, № 2 (1985): 402–407.

Свердлов М. Б.

2101. – Die historischen Hilfswissenschaften und ihre Rolle bei der Erforschung der Geschichte der Alten Ruś // WissBeitrHalle. Reihe C. 1981. Bd. 19: 156–200.

2102. – Jeszcze o «ruskich» monetach Bolesława Chrobrego // WiadNum.1969. R. 13. Z. 3: 175–181.

Свешников И. К.

2103. – К вопросу о племенном составе населения Прикарпатья и Волыни в конце II и начале I тысячелетия до н. э. // MKAS; 1. Warszawa, 1969. T. 2: 42–64.

2104. – Памятники почапского типа в верховьях Западного Буга // SlovA. 1973. R. 21, S. 1: 15–24: ил.

2105. – Kultura komarowska: Na podstawie materiałów z pln. Podkarpacia i Zach. Wołynia // APolski. 1967. T. 12, Z. 1: 39–107: 39–107: ил.

2106. – Krzemieniarstwo kultury ceramiki sznurowej na Wołyniu // Z otchłani wieków. 1984. R. 33, Z. 4: 222–226: ил.

Северова М. Б.

2107. – [A survey of numizmatic research 1966–1971]. USSR // A survey of numizmatic research 1966–1971. New York, 1973. T. 3: 145–152.

Соавт. Спасский И. Г.

Седов В. В.

2108. – Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа // Acta Baltico-Slavica. 1967. T. 5: 129–146.

2109. – Височные кольца поволжско-финских племен // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 204.

2110. – *Из этнической истории прибалтийско-финских племен // CIFU; 5. Turku, 1981. T. 2: 339.

2111. – Конференции по топонимике северо-западной зоны СССР. Рига, февраль 1967 г. // Acta Baltico-Slavica. 1969. Т. 6: 369–373.

2112. – Поселения культуры штрихованной керамики // StA. 1967. T. 2: 177–195.

2113. – Рец.: Поболь Л. Д., Митрофанов А. Г. Праблема рассялення славян на тэрыторыі Беларусі у I тысячагоддзі н. э.: Па археалагічных данных. – Минск, 1966. – (Весці АН БССР. 1966, № 2) // Acta Baltico-Slavica. 1969. T. 6: 263–268.

2114. – Славяне в римскую и ранневизантийскую эпохи // CIAS; 3. Bratislava, 1979. T. 1: 15–35: ил. Библиогр.: 33–35.

2115. – Славяне и племена Юго-Восточного региона Балтийского моря // Intern. Kongr. für slaw. Archäologie; 2. Berlin, 1970. Bd. 1: 11–22.

2116. – Die Archäologie und die Bildung archäologischer Reservate in den Städten der Alten Ruś : Pskov, Izborsk, Ladoga, Berest'e // Veröff. des Zentralinst. für Alte Geschichte und Archäologie der Acad. der Wiss. Berlin, 1978. Bd. 9: 71–75: ил.

2117. – Old Russia and Southern Finland: Finds of Old Russian origin in Finland // Iskos. 1984. Vol. 4: 16–25: ил.

2118. – The orientation of the dead in the Finno-Ugrian cemeteries of the Early Middle Ages // Iskos. 1990. Vol. 9: 141–149.

2119. – Origine de la branche du nord des Slaves Orientaux // Studia nad etnogeneza slowian i kultura Europy wresnosredniowiecznej. Wrocław, 1987. T. 1: 161–165.

2120. – Ostslawen, Balten und Esten // Wikinger und Slawen: Zur Frühgeschichte der Ostseevölker. Berlin: Acad. – Verl., 1982: 225–238: ил.

2121. – Die Ostslawen und die Kiewer Ruś // Welt der Slawen. München: Beck, 1986: 184–206: ил.

2122. – Slav-westfinnish links in Izborsk and its neighbourhood // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980: 81–89: ил. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22). Библиогр.: 89.

2123. – *Zur ethnischen Geschichte der Ostsee-finnischen Stämme // CIFU; 5. Turku, 1981: 429–438.

Селиванова Н. Б.

2124. – Методика определения источников для археологических памятников // Sem. on Petroarchaeology; 3. Plovdiv, 1984: 93–102: ил. Библиогр.: 102.

2125. – Source location of Neolithic stone materials in the Matveyevokurgan district // Intern. Conf. on prehist. flint mining a. lithic raw material identification in the Carpathian Basin. Budapest. 1986: 232–235. Библиогр.: 235.

См. также № 1355.

Селимханов И. Р.

2126. – Enträtselte Geheimnisse der alten Bronzen - Berlin: Deutscher Verl. der Wiss, 1974. – 96 с.: ил. Библиогр.: 91–93.

Рец.: Filip J. // ARozhl. 1974. R. 26, S. 6: 639.

2127. – Ergebnisse von spektralanalytischen Untersuchungen an Metallgegenständen des vierten und dritten Jahrtausends aus Transkaukasien // Germania. 1966. Jg. 44, Hbd. 2: 221–233.

2128. – Frühetappen der vorgeschichtlichen Kupfermetallurgie auf dem Gebiet Europas und des Kaukasus im Lichte neuer Erkenntnisse und Analysenergebnisse // SlovA. 1968. R. 16, S. 461–472: ил. Библиогр.: 471–472.

2129. – Spectral analysis of metal articles from archaeological monuments of the Caucasus // PPS. 1962. Vol. 28: 68–79.

2130. – Was native copper used in Transcaucasia in Eneolithic times? // PPS. 1964. Vol. 30: 66–74.

2131. – Zu einigen aktuellen Problemen der ältesten Metallurgie // Moderne Probleme der Archäologie. Berlin, 1975: 177–187: ил. Библиогр.: 186–187.

2132. – Zur Frage einer Kupfer-Arsen-Zeit // Germania. 1977. Jg. 55, Hbd. 1/2: 1–6.

2133. – Zur spektralanalytischen Bestimmung von Zinn und anderen Elementen in ältesten Kupferlegierungen mittels Verdampfung des durch Bohrung der Proben erzeugten Metallpulvers // AAustr. 1966. H. 39: 87–92.

Селиранд Ю. Я.

2134. – Die archäologischen Feldarbeiten in der Estnischen SSR in den Jahren 1979–1982 // StBStock. 1985. T. 1: 135–151: ил. Библиогр.: 149–151.

2135. – Die archäologischen Forschungen in der Estnischen SSR in den Jahren 1967–1978 // ZfA. 1980. Bd. 14, H.1: 67–97: ил. Библиогр.: 95–97.

2136. – *Halki vuosituhansien. – Helsinki, 1970. – 208 с. (Helsingin Yliop. arkeol. laitos, moniste: 1).

Соавт.: Тыниссон Э. Ю.

2137. – Ein Lanzenspitzenfund aus Estland // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1973. T. 75: 197–203: ил.

2138. – On underwater archaeology in Soviet Estonia // Seafaring on the Baltic in the 18th century: Seminar in the city of Kotka 1983. Kotka, 1985: 32–46.

2139. – Über das frühmittelalterliche Schmiedehandwerk in Estland // Offa. 1980. Bd. 37: 208–218: ил.

2140. – Über das Wesen der Kultur der Esten in der jüngeren Eisenzeit // Iskos. 1990. Vol. 9: 151–154.

2141. – Über die Entwicklung der Esten zu einer Völkerschaft: Aufgrund der Gräbermaterialien aus dem Anfang des II. Jahrtausends // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980: 179–187. (Univ. of Helsinki dep. of Archaeology; 22).

2142. – Über die Rolle des orientalischen Silbers in den Handelabeziehungen der Bevölkerung Estlands // ZfA. 1978. Bd. 12, H. 2: 245–250.

2143. – Über einige in Estland gefundene frühmittelalterliche Schwertklingen mit Schmiedezeichen // Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsische Bodendenkmalpflege. 1982. Bd. 17: 175–181: ил.

2144. – Viking Age weapon and coin finds in Estonia // Prehistory times and Middle Ages in the Baltic Area: Seminar in the city of Kotka 1985. Kotka, 1985: 28–48.

2145. – Viron rautakausi: Viron nuoremman rautakauden aineiston pohjalta – Rovaniemi: Pohjois-suomen hist. yhdistys, 1989. – 188: ил. (Stidia archaeologica septentrionalia; 1). – Библиогр.: 176–180.

2146. – Von der Verbreitung der ersten Elemente des Christentums bei den Esten // CIAS; 3. Bratislava, 1979. T. 1: 713–720: ил.

2147. – Zur Geschichte der Drehscheibenkeramik in Estland // Studia nad etnogeneza slowian i kultura Europy wresnosredniowiecznej. Wrocław, 1987. T. 1: 265–270: ил. Библиогр.: 270.

2148. – Рец.: Антейн А. К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. – Рига, 1973 // FM. 1973.Årg. 80 (1974): 78–80.

См. также № 679.

Семенов А. В.

2149. – The ancient culture of the Koryak National District // ArcAnthr. 1965. Vol. 3, № 1: 107–115: ил. Библиогр.: 114–150.

Семенов Вл. А.

2150. – Етнографски наблюдения върху българското село в Одеска област на СССР // Векове (София). 1990. № 3: 31–35: ил.

Соавт. Скакун Н. Н.

Семенов С. А.

2151. – Трасологическое изучение орудий древнего палеолита // CISPP; 7. Prague, 1970: 299.

2152. – The forms and functions of the oldest tools: a replay to prof. F. Bordes // Quartär. 1970. Bd. 21: 1–20.

2153. – Końce nici czyli lekcja pokory. Rozmova z prof. S. A. Siemionowem // Z otchłani wieków. 1978. R. 44, № 2: 126–138: ил.

2154. – Prehistoric Technology: On Experimental study of the oldest tools and artefacts from traces of manufacture and wear. – London, 1964. – 212 с.: ил.

Рец.: Sheldon J. M. // Bull. of the Inst. of Archaeology. London. 1966. Vol. 6: 132.

2155. – *Retoucheurs de pierre du Paléolithique récent // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 382–387: ил.

2156. – *Les Stakhanovistes de la Préhistoire // Science et vie. Paris, 1964.

2157. – *Sur les perçeurs de pierre // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 388–391: ил.

2158. – Technologia prehistórica: Estudio de las herramientas y objetos antiguos a través de las huellas de uso. – Madrid: Akal editor, 1981. – 373 с.: ил. – (Akal Universitaria, ser. arqueologia).

2159. – Testováni úderové funkce loveckých nástrojů // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. T. 2: 123–127.

Семенов Ю. И.

2160. – Ehe und Familie in F. Engels' «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats» // Das Altertum. 1984. Bd. 30, H. 3: 177–182.

2161. – Über die Periodisierung der Urgeschichte // EAZ. 1967. Jg. 8, H. 1: 15–38. Библиогр.: 36–38.

Семенова М. Ф.

2162. – On Russian-Latvian language contacts as seen from geographical terms and the toponomy of the Latvian SSR // Acta Baltico-Slavica. 1969. T. 6: 23–28.

Семенцов А. А.

См. № 754.

Семин М. Ю.

См. № 825.

Сергеев Д. А.

См. № 112, 114.

Серебрянный Л. Р.

2163. – *L'apport de la radio-chronometrie à l'étude de l'histoire tardipleistocène et holocène des regions de glaciation ancienne de la plain Russe // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 174.

Серов С. Я.

См. № 614.

Сидорова Н. А.

2164. – Роль греческого искусства в формировании римского скульптурного *портрета* // *Concilium Eirene; 16.* Praha, 1983. Vol. 2: 88–93.

Симаков В.

2165. – *Looking into the Stone Age // Readings in Physical Anthropology and archaeology. New York, 1978: 64–68: ил.

Симоненко А. В.

2166. – Поховання сарматської знаті біля с. Пороги та в Ногайчикському кургані в Криму // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 215–220: ил. Библиогр.: 220.

См. также № 1158, 1941.

Симонов Р. А.

2167. – К истории славянских пасхальных расчетов // ИИ. 1991. Т. 18: 120–133.

Синицын А. А.

2168. – *Kostenki 14 (Marekina Gora): 1978 // ERAUL.* 1991. № 52: 3–6: ил. Библиогр.: 5.

Сироков В. В.

См. № 1774.

Ситливый В. И.

2169. – «Barrenförmige Kerne» im frühen Mittelpaläolithikum // AKorrBl. 1990. Jg. 20, H. 4: 355–362: ил. Библиогр.: 361–362.

2170. – The Mousterian complex Sorgeidy // Anthropologie (Brno). 1989. T. 27, № 2/3: 119–131: ил. Библиогр.: 131.

Скакун Н. Н.

2171. – Кремнеобрабатывающее производство в эпоху палеометалла Болгарии // Sem. on Petroarchaeology; 3. Plovdiv, 1984: 83–92: ил. Библиогр.: 91–92.

2172. – *Новые данные о земледельческих орудиях эпохи энеолита в Причерноморье Болгарии: в свете эксперим.-трасол. исследований // Congr. intern. d'études du Sud-Est *Europe; 6. Sofie, 1989: 124–125.*

2173. – Орудия труда и хозяйство болгарской (Алдени II) энеолитической культуры // StPraehist. 1986. Т. 8: *91–107*: ил.

2174. – Оръдията на труда от неолитното селище при с. Дуранкулак Толбухински окръг: Типологично-трасологически анализ // Археология (София). 1982. Кн. 1: 49–53: ил.

2175. – Что такое трасология в археологии // ИИ. 1981. Т. 7/8: 33–40: ил.

2176. – Эксперименты в экспедиции «Добруджа – 79» // ИИ. 1981. Т. 7/8: 59–64: ил.

2177. – *Quelques résultats des études ménees sur l'outillage des cultures chalcolithiques de Bulgarie // Les gestes retrouvés: Traces et fonctions. [Liège, 1990].

2178. – Stone artefacts connected with chipping technique // The Lower Strumešnica Valley in Prehistoric, Ancient and Early Medieval times. Krakow, 1983: 35–42: ил.

См. также № 2150.

Скалон К. М.

2179. – Der Helm von Conceşti, Rumänien // Spätrömische Gardehelme. München, 1973: 91–94: ил. (Münchner Beitr. zur Vor- und Frühgeschichte; 15). Библиогр.: 91.

Скорый С. А.

2180. – Лісостепова Скіфія // Золото степу: Археологія України. *Київ; Шлезвиг, 1991: 79–84: ил*

2181. – Der Kurgan Perepjaticha: Ein «Fürstengrab» der skythischen Landnahmezeit in der ukrainischen Waldsteppe // HambBeitrA. *1991.* Bd. *18 (1996): 85–105:* ил.

Скуднова В. М.

2182. – Расписная керамика местного производства Нимфея VI в. до н. э. // Archeologia (Wrocław). 1958. Т. 10 (1960): 100–111: ил.

Славин Л. М.

2183. – Der Hauptetappen der Erforschung Olbias // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 3: 156–160.

2184. – Die Westseite der Agora von Olbia // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 3: 173–175.

Смиленко А. Т.

2185. – *Гончарный центр VIII в. н. э. на Нижнем Днепре // CISPP; 7. Prague, 1971. Т. 2: 1213–1216.

2186. – О характерных чертах культуры восточных славян *VI–IX веков // CIAS; 3. Bratislava, 1979. Т. 1: 757–765:* ил. Библиогр.: 764–765.

2187. – Les ensembles archéologiques du littoral du Dniéper du type Pereščepinskij et leur appréciation historique // MKAS; 1. Warszawa, 1970. Т. 3: 127–132. Библиогр.: 131–132.

2188. – Die Keramik der Töpferwerkstätten von Balka Kancerka im Dneprgebiet // VAH. 1990. Т. 3: 313–325: ил. Библиогр.: 325.

Смирнов А. П.

2189. – *Возникновение производящего хозяйства* и финно-угры // CIFU; 4. Budapest, 1975. Pt. 1: 181–193.

2190. – Magyar régészeti emlékek a Volga-vidéken? // A *vizimadarak népe. Budapest, 1975: 369–384.*

2191. – Die Skyten. – Dresden: Verl. der Kunst, 1979. – 215 с., 16 л. ил. – (Fundus-Bücher;63) – Библиогр.: 200–203.

2192. – Skytové. – Praha: Panorama, *1980.* – 206 с., 16 л. ил. – Библиогр.: 201–203.

2193. – *Scytowie. – Warszawa, 1974.

Смирнов К. А.

2194. – Некоторые итоги изучения поселений эпохи раннего железа в верховьях Днепра и в Днепро-Волжском междуречье // Przemiany ludnościowe i kulturowe I tysiąclecia p. n. e. na ziemiah między Odrą a Dnieprem: Symp. Wrocław: Ossolineum, 1983: 141–157.

2195. – *О двух районах появления сетчатой керамики // CIFU; 5. Turku, 1981: 407–412.

2196. – The culture of the population of the Volga-Oka area 1000 B. C. – 1000 A. D. // Iskos. 1990. Vol. 9: 155–159. Библиогр.: 159.

2197. – Ethnic processes in the Volga-Oka area in the 1 century B. C. // Turun historiallinen arkisto. 1986. T. 41: 13–25. *Библиогр.: 23–24.*

2198. – Ties between the population of the Volga-Oka area and the inhabitants of the steppe and forest-steppe in the 1 *millenium B. C. // Iskos. 1984. Vol. 4: 126–131. Библиогр.:* 130–131.

Смирнов К. Ф.

2199. – *Sauromates et sarmates // Dialogues d'histoire ancienne. 1980. Vol. 6: 139–153: ил.

Рец.: David T. Á propos de l'article de K. F. Smirnov // Там же. С. 155–174: ил.

Смирнов Ю. А.

2200. – International human burial: Middle Palaeolithic (Last Glaciation) beginnings // JWP. 1989. Vol. 3, № 2: 199–233: ил. Библиогр.: 229–233.

Смирнова Г. И.

2201. – Гальштатские городища в Закарпатье // SlovA. 1966. R. 14, С. 2: 397–409: ил.

2202. – Население Среднего Поднестровья в VI–V вв. до н. э. и его западные соседи // // Congr. intern. de thracologie; 2. Bucureşti, 1980: 235–251: ил.

2203. – Некоторые вопросы раннескифского периода на Среднем Днестре: По поводу статьи М. Душека // ARozhl. 1967. R. 19, S. 2: 223–235.

2204. – Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре // PamA. 1960. R. 51. Č. 1: 221–239: ил.

2205. – Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время // Thracia. 1980. T. 5: 121–144: ил.

2206. – Badania w Niezwiskach // Z otchłani wieków. 1959. R. 1:80–85: ил.

2207. – Complexele de tip Gáva-Holihrady – o comunitate cultural-istorică // StCercIstor. 1974. T. 25, № 3: 359–380: ил.

2208. – K otázce trácké na kruhu robené keramiky ve středním Podněstře // ARozhl. 1965. R. 17, S. 1: 76–91.

Рец.: Dušek M. K otázké tráckej keramiky // ARozhl. 1966. R. 18, S. 1: 54–64.

2209. – Sanctuarul de lingă satul Dolinean din regiunea Nistrului Mijlociu // StCercIstor. 1976. T. 27, № 3: 309–317: ил.

Смирнова Э. С.

2210. – L'icône du Pantocrator du Musée d'Art Russe ancien Andréi Roublev de Moscou et les problèmes des contacts artistiques entre Byzance et la fin du XII et au début du XIII siècle // Студеница и визант. уметност ово 1200 године. Beograd, 1988: 435–446, 8 л. ил. (Српска Акад. наука и уметности. Науч. скупови; 41).

Соболева Н. А.

2211. – К вопросу о начале чеканки и распространении грошевой монеты в Западной Европе // Sb. 2. Numismatického symp. 1969. Brno, 1976: 206–210. (Numismatica moravica; 5).

2212. – Grosce praskie w Wielkim Księstwie Litewskim // WiadNum. 1970. R. 14, Z. 2: 107–117.

2213. – Nálezy pražských grošů na úsemi SSSR. // SborNMPraha. Rada A. 1970. S. 24, Č. 3/4: 189–242.

Рец.: Castelin K. // HambBeitrNum. 1970/1972. Bd. 24/26: 418–419.

Соколов Г. И.

2214. – *Antike Scwarzmeerküste: Denkmäler der Architektur, Bildhauerei, Malerei und angewandten Kunst. – Leipzig: Seemann, 1976. – 200 с., ил.

Соколова О. Ю.

2215. – Винодельня эллинистической эпохи из Нимфея // Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture thrace; 7. Plovdiv, 1990: 18.

Сокольский Н. И.

2216. – Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья // Griechische Städte u. einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961: 123–136. (Dt. Akad. der Wiss. zu Berlin. Schriften der Section für Altertumswiss.; 28).

2217. – К истории Северо-Западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica: Международ. конф. по класически студии; 6. Serdicae, 1963: 11–25: ил.

2218. – Excavations on the Taman Peninsula: The City of Cepi // Archaeology (New York). 1965. Vol. 18, № 3: 181–186: ил.

2219. – La sculpture sinde // CIAC; 8. Paris, 1965: 437–439.

Соловьев В. С.

2220. – Une plaque en terre cuite de Kafyrkala // ArtAs. 1990. T. 45: 144–145: ил.

См. также № 1261, 1262, 1267.

Соловьева Г. Ф.

2221. – Новые открытия советской археологии // КНКМ. 1970. R. 18, № 4: 545–562.

Соломоник Э. И.

2222. – Новые данные о связях Ольвии с Истрией // Klio. 1970. Bd. 52: 427–436: ил.

2223. – О клеймении скота и рабов в древности // Deutsche Akad. der Wiss. zu Berlin. Schriften der Sektion für Altertumswiss. 1969. Bd. 52: 219–226.

2224. – Eine metrische Grabinschrift des 3. Jahrhunderts u. Z. // BiblClOr. 1967. Jg. 12, H. 3: 142–143.

2225. – Neue epigraphische Denkmäler aus Chersonesos // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 4: 211–215.

2226. – Neues zum Asklepioskult in Chersonesos // Klio. 1975. Bd. 57, H. 2: 433–442: ил.

Сорокин В. Я.

2227. – Outils de l'habitat tripolien Iablona I // BiblAIass. 1990. T. 4: 401–420: ил. Библиогр.: 413.

2228. – Über die Beziehungen zwischen den Kulturen Vinča und Precucuteni-Tripolje A // Banatica. 1991. T. 11: 213–217.

Сорокин С. С.

2229. – Horse-drawn vehicles of the Eurasian forest-steppe in pre-«centaurian» times // IranAnt. 1990. Vol. 25: 97–147: ил.

Сорокина Н. П.

2230. – Antike Überlieferung in der mittelalterlichen Glaserzeugung // La formation et dévelopment des métiers au Moyen Âge (V–XIV siècles): Colloque intern. Budapest: Acad. Kiadó, 1977: 95–106: ил.

2231. – Bibliography on glass for the period 1960–1979 // JGS. 1980. Vol. 22: 82–87.

2232. – Glass aryballoi (first-third centuries A. D.) from the Northern Black Sea region // JGS. 1987. Vol. 29: 40–46: ил. Библиогр.: 46.

Сотникова М. П.

2233. – *Russian coins of the X–XI centuries A. D.: Récent research and a corpus in commemoration of the millenary of the earliest Russian coinage. – Oxford, 1982. – (BAR. Intern. Ser.; 136).

Соавт.: Спасский И. Г.

Спасский И. Г.

2234. – Gold coins and *coin-like gold in the Muscovite* State, and the first gold pieces of Ivan III // NumChron. 1979. Vol. 19: 165–184: ил.

2235. – Numismatic research in Russia, the Ukraine, and Byelorussia in the period 1917–1967 // NumChron. 1972. Vol. 12: 247–273.

См. также № 2107, 2233.

Ставиский Б. Я.

2236. – Языки и *письменности кушанской Бактрии* в свете данных археологии и нумизматики // ActaAntHung. 1977. T. 25, F. 1/4: 211–219.

2237. – Antichita dell'Asia centrale: Fin al sec. VI // Encyclopedia universale dell'arte antica classica e orientale. Roma, 1961. Vol. 4: 558–559.

2238. – *La Bactriane sous les Kushans. Problèmes d'histoire et de culture. – Paris: Maisonneuve, 1986. – 322 с.: ил.

2239. – Bibliography of soviet works in which questions connected with the history of the Kushans are discussed // Papers on the Date of Kaniska. Leiden: Brill, 1968: 394–403.

2240. – Buddhist monuments of Central Asia and the Sasanians // BAsInst. 1990. Vol. 4: 167–170.

2241. – The capitals of ancient Bacria // East and West. 1973. Vol. 23, № 3/4: 265–277: ил.

2242. – Die Denkmäler des Buddhismus in den Sowjetrepubliken Mittelasiens. Eine kurze Übersicht // Das Altertum. 1979. Bd. 25, H. 3: 182–186.

2243. – Kara-Tepe in Old Termez: A Buddhist religious centre of the Kushan period on the bank of the Oxus // ActaAntHung. 1980. T. 28, F. 1/4: 95–135: ил.

2244. – Kara-Tepe in Old Termez (Southern Uzbekistan): Summary of the work done 1978–1982 // Serie Orientale Roma. 1988. Vol. 56, № 3: 1391–1405: ил.

2245. – *Kara-Tepe - Remains of a Buddhist Monastery of the Kushan period in Old Termez: Prelim. communication on excavations of 1937 and 1961 // Indo-Asian Studies. New Delhi, 1963. Pt. 1.

2246. – Kunst der Kushan: Mittelasien. – Leipzig: Seemann, 1979. – 223 с.: ил. Библиогр.: 213–218.

2247. – Notes on gem-seals with Kushana cursive inscription of the collection of the State Hermitage // Journal of the Numismatic society of India. 1960. Vol. 22: 102–108.

2248. – Le problème des liens entre le bouddhizme bactrien, le zoroastrisme et les cultes *vazdàens locaux à la* lumiàre des fouilles de Kara-Tepe sur le site de l'antique Termez (Ouzbekistan) // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris:CNRS, 1987: 47–51: ил. (Publ. de l'U.R.A. 29: Mém. № 2).

2249. – The study of Kushan Central Asia and some questions concerning the chronology of the Kushans in Soviet historical science // Papers on the Date of Kaniska. Leiden: Brill, 1968: 293–303.

2250. – Die Völker Mittelasiens im Lichte ihrer Kunstdenkmäler: Archäol. Reise durch die Geschichte Alt-Mittelasiens: Vom Paläolithikum bis zur Islamischen Eroberung. – Bonn: Keil, 1982. – 223 с.: ил. Библиогр.: 215–219.

Станкевич Я. В.

2251. – К вопросу о появлении гончарного круга у северо-восточных славян // Światowit. 1962. Т. 24: 421–441: ил.

Станко В. Н.

2252. – Экологическая ситуация в мезолите Северного Причерноморья // Роль Черного моря в праистории Сред. и Юго-Вост. Европы: Междунар. симп.; 15. Толбухин, 1988: 2.

См. также № 16.

Станкус Й. А.

2253. – Технология железных изделий балтов во II–XIII веках // CIAS; 3. Bratislava, 1980. Т. 2: 437–442. Библиогр.: 437–442.

Старков В. Ф.

2254. – Russian arctic seafaring and the problem of discovery of Spitsbergen // FScandA. 1986. 1986. Т. 3: 67–72: ил. Библиогр.: 72.

См. также № 813, 1673.

Старостин П. Н.

2255. – Нижнее Прикамье в середине 1 тыс. н. э. // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 206.

2256. – Памятники предболгарского времени Нижнего Прикамья // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2: 82–91: ил.

Степанян Н. С.

2257. – Kunst des Mittelalters in Armenien: Kulturgeschichte, Architectur, Plastik, Wandmalerei, Buchmalerei, angewandte Kunst. – Berlin: Union Verl., 1981. – 351 с. ил. Библиогр.: 338–342.

Степовик Д. В.

2258. – Болгарская средневековая миниатюра и украинская книжная иллюстрация XIV–XVII вв. // Междунар. конгр. по българистика; 1. Българската култура и взаимодействието й със световната култура. Т. I. Културата на средновековна България. София, 1983: 322–343. Библиогр.: 340–343.

Стродс Х. П.

2259. – К итогам основных археологических полевых исследований в Латвии (1959–1965 гг.) // CISPP; 7. Prague, 1971. Т. 2: 1232–1240.

Студзицкая С. В.

2260. – Каменный топор с головой медведя с неолитической стоянки Волго I // SlovA. 1973. R. 21, C. 2: 429–432: ил. Библиогр.: 431.

Сукачев В. Н.

См. № 152.

Сулейманов Р. К.

2261. – *Abi-Rakhmat rock shelter in Uzbekistan* // Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ.; 1966. Vol. 3, № 1: 145–148: ил.

Сулейманова-Валеева Г. Ф.

2262. – Проблема салтовской культуры в изучении генезиса культур народов Среднего Поволжья // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 207.

Сулейменов Е. Н.

См. № 1164.

Сулейменов Р. Б.

2263. – Развитие археологии Казахстана // WissBeitr-Halle. Reihe I. 1985. Bd. 30: 58–66.

2264. – La formation de la société nomade. Problèmes et méthodes // Nomades et sédentaires en Asie Centrale. Paris, 1990: 227–234.

Сумбадзе Л. З.

2265. – Сокровищница народной архитектуры и быта Грузии. Принципы планировки и экспозиции Тбилисского музея // Rev. roumaine d'histoire de art. 1972. Т. 9: 37–52: ил.

Сымонович Э. А.

2266. – Гепиды и готская проблема // Zachodnia strefa osadnictwa kultury czerniachowskiej. Lublin, 1986: 31–33.

2267. – Инфильтрация латенской культуры на Нижний Днепр и в Крым и особенности подобных проникновений *в близкие эпохи* // *Przemiany ludnościowe i kulturowe I* tysiąclecia p. n. e. na ziemiah między Odrą a Dnieprem: Symp. Wrocław: Ossolineum, 1983: 37–54.

2268. – Раннесредневековая культура лесной полосы Поднепровья (типа колочин-акатово) и ее место в славянском этногенезе // SlAnt. 1975. Т. 22: 17–28: ил.

Тарасов Л. М.

2269. – La double statuette paléolithique de Gagarino // Quartär. 1971. Bd. 22: 157–163: ил.

Таранушенко С. А.

2270. – Памятник украинской монументальной деревянной архитектуры – церковь Николая в Новом Ропске на Стародубщине // ZborMuzBeograd. 1979. Т. 9/10: 581–588.

Таутавичюс А. З.

2271. – Археологические исследования в Литве в 1962–1966 гг. // Acta Baltico-Slavica. 1970. Т. 7: 207–241: ил.

Телегин Д. Я.

2272. – К вопросу о культурно-территориальном членении и периодизации неолитических памятников украины и Белоруссии // PraceMatŁodz. 1972. № 19: 5–13.

2273. – Основные черты и хронология среднестоговской культуры эпохи меди // CISPP; 7. Pague, 1970. Т. 1: 482.

2274. – Поздний мезолит Украины: Опыт культурно-территориального членения памятников // The Mesolithic in Europe: Intern. Archaeol. Symp. on Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973: 531–549: ил. Библиогр.: 544–546.

2275. – Северное Причерноморье и Нижнее Подунавье в эпоху неолита и медного века: Вопросы хронологии и синхронизации культур // Роль Черного моря в праистории Сред. и Юго-Вост. Европы: Междунар. симп.; 15. Толбухин, 1988: 7–8.

2276. – Dereivka: A settlement and cemetery Copper Age horse keepers on the Middle Dnieper. – Oxford, 1986. – 186 с.: ил. – (BAR. Intern. Ser.; 287). – Библиогр.: 119–126.

Рец.: Sherratt A. // Antiquity. 1987. Vol. 61, № 232: 327–328.

2277. – Fragen der Chronologie und Periodisierung des Mesolithikums in der Ukraine // Mesolithikum in Europa: Intern. Mesolithikum Symp.; 2. Berlin, 1981: 315–322: ил. Библиогр.: 322.

2278. – Gräberfelder des Mariupoler Typs und der Srednij Stog – Kultur in der Ukraine (mit Fundortkatalog) // Saarbrücker Beitr. zur Altertumskunde. 1991. Bd. 55, Т. 1: 55–83: ил. Библиогр.: 81–83.

2279. – Das Mitteldneprgebiet und die östlich anschliessende Ukraine in der Epoche des Neolithikums und der frühen Metallzeit // ZfA. 1969. H. 1: 1–15: ил.

2280. – Neolithic cultures of the Ukraine and adjacent areas and their chronology // JWP. 1987. Vol. 1, № 3: 307–331: ил. Библиогр.: 330–331.

2281. – On the Yamna Culture // CAnt. 1987. Vol. 28, № 3: 357–358.

2282. – The origin of horseback riding // Scientific American. 1991. Vol. 265, № 6: 94–100: ил. Библиогр.: 100.

См. также № 1839.

Телегин Н. Д.

2283. – Каменные орудия неолитических культур Юго-Запада СССР // Chipped stone industries of the early farming cultures in Europe. Warszawa, 1988: 543–557: ил. Библиогр.: 555.

Тер-Акопян Н. Б.

2284. – Первобытное общество в учении К. Маркса и Ф. Энгельса о всемирно-историческом процессе // Grundprobleme vorkapitalistischer Gesellschaftsentwicklung: Intern. Tagung. Dresden, 1984: 152–155.

Тереножкин А. И.

2285. – Культура племен Северо-Западной Скифии // MKAS; 1. Wrocław, 1969. Т. 2: 225–228.

2286. – Der Bronzekessel des Odessaer Museums // MAnthrWien. 1962. Bd. 92: 272–277: ил.

2287. – *Die Kimmerier und ihre Kultur // Die Hallstattkultur: Frühform europäischer Einheit. Ausstellungskatalog. Steyr, 1980: 20–29.

Терентьева Л. Н.

2288. – Проблемы прибалтийско-славянских связей в работах советских этнографов // MatZP. 1968. Т. 14: 250–257.

Терехова Н. Н.

2289. – The history of metalworking production among the ancient agriculturalists of Southern Turkmenia // The Bronze Age civilization of Central Asia. New York, 1981: 313–324: ил.

См. также № 2001.

Тимофеев В. И.

2290. – Neolithic sites of the Zedmar type in the Southeast Baltic // Acta archaeologica Lundensia. Ser. in 8. 1991. № 20: 15–26: ил. Библиогр.: 25–26.

2291. – On the Early Neolithic links between the East-Baltic area and Fenno-Scandia // Iskos. 1984. Vol. 4: 36–41: ил.

2292. – On the links of the East Baltic Neolithic and Funnel Beaker Culture // Die Trichterbeckerkultur: Neue Forschungen und Hypothesen. Poznań, 1990. Т. 1: 135–149: ил. Библиогр.: 147–149.

2293. – On the problem of the Early Neolithic in the East Baltic area // ActaA. 1987. Vol. 58 (1988): 207–212. Библиогр.: 212.

2294. – Problems of the connections of Neolithic cultures in the Baltic region // Iskos. 1990. Vol. 9: 33–38.

2295. – Zabytki neolityczne obwodu Kaliningradzkiego i niektóre problemy neolitu strefy przybaltyckiej // Neolit i początki epoki brązu na ziemi Chełmińskiej. Toruń, 1987: 419–428.

См. также № 754.

Тимофеев Е. М.

См. также № 904.

Тимофеева Н. К.

См. также № 1693, 2418.

Тимощук М. Б.

2296. – Découvertes archéologiques en Ukraine // BSPF. 1968. Т. 65, № 5/6: 136–137.

Тирацян Г. А.

2297. – Archeologia dell'Armenia Sovietica // / Tesori d'Eurasia: *2000 anni di Storia* in 70 anni di Archeologia Sovietica: Catalogo. Milano: Mondadori, 1987: 19–40: ил.

2298. – Some aspects of the inner organization of the Armenian satrapy // ActaAntHung. 1981. Т. 29: 151–168.

Титов В. С.

2299. – Рец.: Hanschmann E., Milojčić Vl. Die frühe und beginnende mittlere Bronzezeit: Die deutschen Ausgrabungen auf der Agrissa-Magula in Thessalien. Bonn, 1976. – 125 с. // PZ. 1983. Bd. 58, H. 2: 259–267.

2300. – Рец.: Milojčić Vl., A. V. Driesch, K. Enderle и др. Die deutschen Ausgrabungen auf Magulen um Larisa in Thessalien 1966. Bonn, 1976. – 81 с. // PZ. 1980. Bd. 55, H. 2: 261–269.

См. также № 1367.

Титов Е. Е.

См. также № 717.

Тиханова М. А.

2301. – Раскопки поселения у с. Лепесовка: К вопросу о происхождении черняховской культуры // CISPP; 7. Prague, 1971. Т. 2: 1059–1063: ил.

2302. – À la mémoire de Michail Illarionovič Artamonov // ActaACarp. 1974. Т. 14: 174–176.

2303. – Zu Fragen des Austausches und Handels im Zeitabschnitt der Černjachov-Kultur // Ausklang der Latène-Zivilisation u. Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet: Symp. Bratislava: Veda, 1977: 343–359. Библиогр.: 352–359.

См. также № 1504.

Ткаченко В. И.

2304. – The Beregovo group of Upper Palaeolithic sites in Transcarpathia // Anthropologie (Brno). 1989. T. 27, № 2/3: 213–222: ил. Библиогр.: 222.

Товт С. С.

2305. – Antické mince Zakarpatska: I polovina I tisicileti n. l. // Numismatické listy. 1977. R. 32, № 5/6: 129–133.

Тодуа Т. Т.

2306. – Three inscriptions from Pityus on the Caucasus frontier // Saalburg Jahrbuch. 1988. Jg. 44: 56–58: ил.

Токарев С. А.

2307. – Probleme der Erforschung der frühen Religionen // EAZ. 1969. Jg. 10, H. 2: 151–165.

Токарский Н. М.

2308. – La fortezza e la chiesa di Amberd (X–XIV sec.). Profilo storico-illustrativo // Amberd. Milano, 1972: 1–19: ил. (Documenti di architettura armena; 5).

Толмачева М. М.

2309. – Технология изготовления железных изделий в Плиске // ИИ. 1983. Т. 10: 59–72: ил.

Толордава В. А.

2310. – Un complexe cultuel des VIII–VII siècles à Vani // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 244–247: ил.

Толочко П. П.

2311. – Археологія на Україні // Золото степу: Археологія України. Київ; *Шлезвиг, 1991: 14–16.*

2312. – *Киев – столица древнерусского государства // Българо-украински връзки през вековите. София, 1983: *11–41.*

2313. – О времени возникновения Киева // CIAS; 3. Bratislava, 1980. T. 2: 455–459. Библиогр.: 459.

2314. – Памятники VI–VII вв. и проблема возникновения Киева // Slované 6.–10. století. Brno, 1980: 245–251.

2315. – *Происхождение и раннее развитие Киева* // WissBeitrHalle. Reihe C. 1981. Bd. 21: 81–118.

2316. – Kiev und seine überregionalen wirtschaftlichen Verbildungen im 9.–10. Jahrhunderts // BerRGK. 1988. Bd. 69: 344–357: ил.

2317. – Kiew – «Mutter der russischen Städte» // Welt der Slawen. München: Beck, 1986: 184–206: ил.

2318. – Das Kiever Wohnhaus des 10.–13. Jahrhunderts // Das Altertum. 1982. Bd. 28, H. 3: 169–176: ил.

См. также № 1617.

Толстиков В. П.

2319. – О системе обороны акрополя Пантикапея // Thracia. 1985. T. 7: 97–114: ил.

2320. – L'apport de la fortification à l'histoire du Bosphore antique // La fortification dans l'histoire du monde grec. Paris: CNRS, 1986: 167–177: ил.

2321. – *Archäologische Forschungen im Zentrum von Pantikapaion und einige Probleme der Stadtplanung vom 6. bis zum 3. Jahrhundert v. Chr. // Demokratie u. Architektur: Konstanzer Symp. Konstanz, 1989: 69–80.

Толстов С. П.

2322. – *Az ösi Chorezm. – Budapest, 1950.

Рец.: Hermatta J. // AErt. 1972. K. 79, S. 1: 75–79.

2323. – *Das alte Choresm // Lebende Vergangenheit. Berlin, 1954: 191–244.

2324. – Dated documents from the Toprak-kala palace, and the problem of the «Saka era» and the «Kaniska era» // Papers on the Date of Kaniska. Leiden: Brill, 1968: 304–326: ил.

2325. – The Early culture of Khwarizm // Antiquity. 1946. Vol. 20, № 78: 92–99: ил.

2326. – The prehistoric cultures and primitive irrigation systems of Ancient Chorasmia // Univ. of London. Inst. of Archaeology. Annu. rep. 1958. Vol. 13: 8–36.

2327. – Les résultats des travaux de l'expédition archéologique et ethnographique au Kharezm de l'Académie des sciences de l' URSS en 1951–1955 // Orientalia Romana: Essays and lectures. Roma, 1958. Vol. 1: 119–168: ил. (Ser. Orientale Roma; 17).

То же см.: [Pt. 1] // ArtAs. 1957. T. 4, F. 2: 83–113: ил.; [Pt. 2] // Там же. F. 3: 187–198: ил.

2328. – Les scythes de l'Aral et le Khorezm // IranAnt. 1961. Vol. 1: 42–92: ил.

2329. – *Úspěchy sovětské archeologie. Praha, 1951.

Топоров В. Н.

2330. – *Балтийский горизонт древней Москвы* // Acta Baltico-Slavica. 1981. T. 14: 259–272.

2331. – *The* Thracian horseman in an Indo-European perspective // Orpheus. 1990: 46–63.

Тохтасьев С. Р.

2332. – Cimmerians // Encyclopedia Iranica. Costa Mesa. 1991. Vol. 5, F. 6: 563–567. Библиогр.: 566–567.

2333. – Zum Gründungsdatum von Istria // Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture thrace; 7. Plovdiv, *1990: 12.*

2334. – Zur Herkunft der Bosporanischen Spartokiden // Pulpudeva. Sofia., 1986. T. 5: 113–121.

Тревер К. В.

2335. – À propos des temples de la déesse Anahita en Iran sassanide // IranAnt. 1967. Vol. 7: 121–132: ил.

2336. – Tête de Senmurv en argent des collections de l'Ermitage // IranAnt. 1964. Vol. 4, F. 2: 162–170: ил.

См. также № 1465.

Трейстер М. Ю.

2337. – Бронзолитейное мастерство VI–V вв. до н. э. // Eirene. 1988. Bd. 25: 45–67: ил.

2338. – A bronze matrix from Chersonessus // BayVgBl. 1990. Jg. 55: 309–313: ил.

2339. – An inscribed conical clay object from Hermonassa // Hesperia. 1989. Vol. 58, № 3: 289–296: ил.

Соавт. Шелов-Коведяев Ф. В.

См. также № 481, 613, 1941.

Третьяков В. П.

2340. – *Днепро-Донецкий неолит и культура воронковидных кубков к северу от Карпат* // ActaACarp. 1979. T. 19: 37–50: ил. Библиогр.: 48–50.

См. также № 731.

Третьяков П. Н.

2341. – Абашевская культура // PamA. 1961. R. 52, C. 2: 374–383: ил.

2342. – К вопросу о балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья // SlAnt. 1964. T. 11: 1–35: ил.

2343. – К вопросу о балто-славянских отношениях в области Верхнего *Поднепровья в первом тысячелетии* нашей эры // Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Wrocław: Ossolineum, 1968: 288–296: ил.

2344. – Некоторые итоги изучения славянских древностей в Поднепровье // Славяните и средиземноморският свят VI–XI в. София, 1973: 13–15.

2345. – Новые археологические данные по этнической истории восточнославянских племен в 1тысячелетии н. э. // MKAS; 1. Warszawa, 1969. T. 2: 291–305.

2346. – Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье // SlAnt. 1960. T. 7: 13–34.

2347. – О балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья // Acta Baltico-Slavica. 1969. T. 6: 117–127.

2348. – *О восточноевропейских элементах в культуре* Злеховского селища // Časopis Moravského musea v Brné 1972. R. 57: 141–145.

2349. – *О деятельности Института славяноведения АН СССР // Beogradski medunarodni slavist. sastanak. Beograd, 1957: 283–288.

2350. – Das altslawische Dneprgebiet // SlovA. 1970. R. 18, C. 1: 11–16. Библиогр.: 16.

2351. – *Contributions to the Ancient History of the USSR with special reference to Transcaucasia. – Cambridge, Mass., 1961. – 129 с.: ил. (Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ.; Vol. 1, № 3).
Соавт.: Монгайт А. Л.

2352. – *Poczatki Dawnej Rusi // Sladami dawnich kultur. Warszawa, 1957: 7–41.

2353. – U kolébky staré Rusi. – Praha, 1958. – 346 с.
Рец.: Bohm J. // PamA. 1959. R. 50, C. 1: 345–348.

Трещева Ю. Н.

2354. – Über den Kult des Achilleus Pontarchos im nachgetischen Olbia // Das Altertum. 1986. Bd. 32, H. 3: 186–189.

Трифонов В. А.

2355. – Why so little is known about modern Soviet archaeology: Archaeological data in the USSR – collection, storage and exploitation // World Archaeol. Bull. Southampton. 1991. № 5: 77–85.

Трофимова Т. А.

2356. – Приаральские саки: Новые краниологические материалы // Anthropos (Brno). 1963. Č. 15 (N. S. 7): 257–270: ил.

2357. – Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии // Anthropos (Brno). 1967. Č. 19 (N. S. 11): 234–252: ил. Библиогр.: 251–252.
См. также № 45.

Труммал В. К.

2358. – *Einige Ergebnisse der Ausgrabungen in der mittelalterlichen Stadt Tartu* // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 211.

Тургунов Б. А.

2359. – Les fortifications de Dal'verzine-Tépé // La fortification dans l'histoire du monde grec: Colloque intern. Paris: CNRS, 1986: 283–288.

Турсунов Н. О.

См. № 1270.

Турчанинов Г. Ф.

2360. – Les revélations de la pierre inscrite de Maikop // *Archeologia (Paris). 1966. № 12: 52: ил.*

Тушабрамишвили Д. М.

2361. – Les premiers habitants du pays // DossAParis. 1984. № 88: 20–23: ил.

Тыниссон Э. Ю.

2362. – *Древнеэстонское жилище и его место в деревенской архитектуре Северо-Восточной Европы // CIFU; 5. Turku, 1981: 345.

2363. – От финно-угров к прибалтийским финнам // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 210.

2364. – Die früheren Formen des Wohngebäudes als einer Quelle der ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Völker // FM. 1986. Årg. 93: 43–53: ил. Библиогр.: 52–53.

2365. – *Die frühgeschichtlichen Wohnbauten in Estland und ihre Stelle in Nordosteuropäischen Bauernarchitektur // CIFU; 5. Turku, 1981: 421–426.

2366. – Das jungeisenzeitliche Gräberfeld Tammiku in Ostestland // *Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*. 1973. T. 75: 237–247: ил.

2367. – Viking expeditions and Estonia // Prehistory times and Middle Ages in the Baltic Area: Seminar in the city of Kotka 1985. Kotka, 1985: 75–91. Библиогр.: 89–91.

2368. – Zum Problem der grossen westestnischen Wallburgen // StBStock. 1985. T. 1: 99–110: ил. Библиогр.: 109–110.
См. также № 2136.

Тюленев В. А.

2369. – Entisajan Viipurin uusista arkeologisista tutkimuksista // Viipurin kaupungin historia. Lappeentranta, 1982: 25–33: ил.

2370. – The inscribed medieval sword from excavations in Vyborg: With reference to the arms of ancient Karelians // Iskos. 1984, № 4: 107–111: ил. Библиогр.: 110–111.

2371. – Die Festung Wyborg im 13. bis 16. Jahrhundert aus der Sicht der neueren bautechnischen-archäologischen Forschungen // Burgen und Schlösser. 1983. Jg. 24, H. 2: 79–86: ил.

2372. – Den medeltida Fastningen Viborg. – S. l., 1991. – 14 с.: ил.

2373. – Viipurin arkeologisen tutkimuksen tuloksia // Viipurin suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. Helsinki, 1987. T. 8: 5–37: ил.

Угрелидзе Н. Н.

2374. – Кавказ и сопредельные страны по материалам стеклоделательного производства // MKAS; 1. Warszawa, 1970. T. 5: 301–314: ил.

Удальцова З. В.

2375. – К вопросу о типологии византийской культуры // Междунар. конгр. по българистика; 1. Българската култура и взаимодействието й със световната култура. Т. 1. Културата на средновековна България. София, 1983: 277–284. Библиогр.: 277–284.
См. также № 1257.

Улубанян Б. А.

См. № 128.

Урбанавичюс В. Ф.

См. № 2566.

Урысон М. И.

2376. – Georgi Fransevich Debets (1905–1969) // Anthropologie (Brno). 1969. T. 7, № 3: 89–90.

Усик В. И.

2377. – Korolevo – transition from Lower to Upper Palaeolithic according to reconstruction data // Anthropologie (Brno). 1989. T. 27, № 2/3: 179–212: ил. Библиогр.: 211–212.
См. также № 680.

Успенская А. В.

2378. – Сельские поселения Северной Руси X–XIII вв. // Časopis Moravského musea v Brné. 1970. R. 55: 101–110.

2379. – Славяне и угро-финны на Верхней Волге в период образования древнерусского государства // CIAS; 3. Bratislava, 1979. T. 1: 857–866: ил.

Уткин А. В.

2380. – Waterfowl representations on ceramics from Saktysh I and VIII // Fennoscandia. 1989. Vol. 6: 99–100: ил. Библиогр.: 100.

Утченко С. Л.

2381. – Über die althistorische Forschung in der Sowjetunion // Das Altertum. 1956. Bd. 2, H. 1: 3–7.

Ушинскас В. А.

2382. – Балты: К проблеме этногенеза // FolA. 1991. № 12: 33–44.

Фабри К. Е.

2383. – Biopsychologische Voraussetzungen der Anthropogenese // SUFG. 1985. Bd. 41: 184–189. Библиогр.: 189.

2384. – Волжская Булгария и финно-угорский мир Восточной Европы // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 156.

Федоров В. В.

2385. – *La station néolithique de Lekhanovskaia: D'après les matériaux du musée d'Anthropologie et d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'URSS // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 258–281: ил.

2386. – *Sur les «entrepôts de silex» à l'époque Néolithique // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 253–277: ил.

Федоров Г. Б.

2387. – Римские и ранневизантийские монеты на территории Молдавской ССР // Omagiu lui George Oprescu cu prilejul mpliririi a 80 de ani. Bucureşti, 1961: 179–191: ил.

2388. – Основные итоги и задачи работы в области археологии Юго-Запада СССР первого тысячелетия нашей эры // StCercIstor. 1959. An. 10, № 2: 371–408: ил.

Федоров М. Н.

2389. – Excavations at Afrasiab // Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ.; 1966. Vol. 3, № 1: 127–130: ил.

Федоров-Давыдов Г. А.

2390. – Archaeological research in Central Asia of the Muslim Period // WorldA. 1983. Vol. 14, № 3: 393–405: ил. Библиогр.: 404–405.

2391. – *The culture of the Golden Horde cities. – Oxford: BAR, 1984. – 278 с., 57 л. ил. – (BAR. Intern. ser.; 198).

Рец.: Spinei V. // Arheologia Moldovei. 1988. T. 12: 338–339.

2392. – Die goldene Horde und ihre Vorgänger. – Leipzig: Koehler u. Amelung, 1972. – 191 с.: ил.

Рец.: Brentjes B. // EAZ. 1974. Bd. 15: 286.

2393. – *Monety opowiadają o historii. – Warszawa, 1966. – 185 с.

Рец.: // Z otchłani wieków. 1966. R. 32, Z. 3: 189–190.

2394. – Die Städte der Goldenen Horde // Das Altertum. 1976. Bd. 22, H. 3: 171–178: ил. Библиогр.: 178.

Соавт.: Полубояринова М. Д.

2395. – Die Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga – München: Beck, 1984. – 131 с.: ил. (AVA-Materialien; 11). Библиогр.: 125–131.

Федорова Н. В.

2396. – Серебро Великой Венгрии // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 157.

Ферлингер А. Ф.

2397. – Statistical grouping of Palaeolithic sites of Western Siberia // Early man news. 1990. № 15: 42–44. Библиогр.: 44.

Соавт. Холюшкин Ю. П.

Фехнер М. В.

См. № 1831.

Фиалко Е. Е.

См. № 303, 304.

Филипович Л. А.

См. № 1250, 1254.

Филиппов А. К.

2398. – Палеолитическое искусство – вид эстетической деятельности и форма общественного сознания // ŠZ AÚSAV. 1988. T. 25: 145–151: ил. Библиогр.: 151.

Фирштейн Б. В.

См. № 1835.

Фихман И. Ф.

2399. – Akademiemitglied Wassili Wassiljewitsch Struwe // Das Altertum. 1967. Bd. 13, H. 4: 251–256.

2400. – Einige Fragen der Wirtschaftstätigkeit der Handwerkerkorporationen im spätrömischen Ägypten // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 4: 222–223.

2401. – Kurienland in Oxyrhynchos // Festschrift zum 150 jährigen Bestehen des Berliner ägyptischen Museums. Berlin, 1974: 343–346. (Staatl. Museen zu Berlin. Mitt. aus der ägyptischen Sammlung; 8).

2402. – Die spätantike ägyptische Stadt Oxyrhynchos. Ein sozialökonomischer Abriss // Das Altertum. 1979. Bd. 25, H. 3: 177–182.

Флеров В. С.

2403. – Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2: 170–181: ил.

2404. – Einige Arten der polierten Keramik der Saltovo-Majaki-Kultur // VAH. 1990. T. 3: 113–136: ил. Библиогр.: 136.

Формозов А. А.

2405. – Изучение микролитических культур в СССР // Kaogu сюэбао. 1955. № 10: 13–26: ил. Кит.

2406. – Клады каменных орудий на территории СССР // ARozhl. 1958. R. 10, S. 5: 637–645: ил.

2407. – Mezolityczne i neolityczne obszary kulturowo-etniczne europejskiej części ZSRR // PraceMatŁodz. 1960. T. 5: 5–25: ил. Библиогр.: 17–20.

2408. – «Notes du Pays» de P. P. Svin'in – premier journal russe historique et archéologique // MKAS; 1. Warszawa, 1972. T. 7: 77–86.

2409. – Outillage microlithique du Néolithique de la Crimée // BSPF. 1958. T. 55, № 5/8: 253–267.

2410. – The petroglyphs of Kobystan and their chronology // RScPreist. 1963. T. 18, F. 1/4: 91–115: ил.

Рец.: Kuhn H. // Ipek. 1966/1969. Bd. 22: 191.

2411. – The rock paintings of Zaraut-Kamar, Uzbekistan // RScPreist. 1965. T. 20, F. 1: 63–84: ил.

Рец.: Kuhn H. // Ipek. 1966/1969. Bd. 22: 193.

См. также № 520, 1731.

Фрадкин Э. Е.

2412. – Polyikonic sculpture from the Upper Palaeolithic site of Kostenki I // ArcAnthr. 1970. Vol. 7, № 2: 129–136: ил. Библиогр.: 136.

2413. – Zbiory archeologiczne w Muzeum antropologii i etnografii im. Piotra I Akademii nauk ZSRR w Leningradzie // WiadA. 1970. T. 35, Z. 1: 119–122: ил.

Фролов Б. А.

2414. – L'art rupestre préhistorique: Des traditions archaique de l'animalisme // The World archaeol. Congr. 1986. Final papers. Southampton, 1986. Vol. 2.

2415. – Aspects mathématiques dans l'art préhistorique // Valcamonica symp. Capo di Ponte, 1970: 475–478.

2416. – Biological knowledge in the Palaeolithic // / Khao co hoc. 1981. № 2: 73–77. Вьет.

2417. – Grafika czy arytmetyka: Element – Motiw – Rytm // Z otchłani wieków. 1988. R. 53: 82–85: ил.

2418. – La nascita dell'arte popoli dell' Amur [Рец.: Окладников А. П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1962] // Boll. del Centro Camuno di studi preistorici. 1968. Vol. 4: 99–110: ил.

2419. – On astronomy in the Stone Age // CAnt. 1981. Vol. 22, № 5: 585. Библиогр.: 585.

2420. – On Southern San Rock art // CAnt. 1981. Vol. 24, № 2: 237–238.

2421. – On Upper Palaeolithic symbol systems // CAnt. 1979. Vol. 20, № 3: 605–607.

2422. – *Variations cognitives et créatrices dans l'art mobilier au Paléolithique Supérieur*: Rythmes, nombre, images // CISPP; 9. Nice, 1976. Coll. 14: 8–23. Библиогр.: 21–23.
См. также № 1704.

Фролова Н. А.

2423. – *The coinage of the Kingdom of Bosporus, A. D. 69–238. – Oxford: BAR, 1979. – 249 с.: ил. – (BAR. Intern. ser.; 56).
Рец.: *Mihăilescu-Brliba V.* // Arheologia Moldovei. 1988. Т. 12: 331–332.
2424. – *The coinage of the Kingdom of Bosporus, A. D. 242–341/342. – Oxford: BAR, 1983. – (BAR. Intern. ser.; 166).

Хавлюк П. И.

2425. – Вельбарские памятники на Южном Буге // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim: Materiały z konf.* Lublin, 1988. Т. 1: 137–144: ил

Хазанов А. М.

2426. – The dawn of Scythian history // IranAnt. 1982. Vol. 17: 49–63.
2427. – The early states among the Eurasian nomades // Oikumene. 1983. Т. 4: 269–283. Библиогр.: 283.
См. также № 113.

Хазарадзе Н. В.

2428. – *Concerning the ethnocultural description of Eastern Asia Minor*: ethnopolitical entities of the 9th–7th centuries B. C. (Tabal) // Intern. Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder. Budapest, 1974: 46–48.
2429. – Tabal: Remarks on the ethnocultural description of Eastern Asia Minor: Ethnopolitical entities of the 9th–7th centuries B. C. // ActaAntHung. 1974. T. 22, F. 1/4: 429–432.

Хакимзянов Ф. С.

2430. – *New Volga Bulgarian inscriptions* // *ActaOrHung.* 1986. Т. 40, F. 1: 173–177: 2 л. ил.

Халиков А. Х.

2431. – Изучение археологической культуры ранних болгар на Волге // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2: 36–42.
2432. – *Культура древних венгров в Приуралье и Подунавье в VIII–X вв. н. э.* // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6. – 10. Jahrhundert: Symp. Nitra, 1984: 45–47.
2433. – Културно-исторические связи между Дунайской и Волжской Българиями: К изучению проблемы // Междунар. конгр. по българистика; 1. Симп. Славяни и прабългари. *София, 1982: 381–387.*
2434. – *О структуре археологических культур восточно-европейских финноугров в 1 тысячелетии н. э.* // CIFU; 5. Turku, 1981. T. 8: 357–363.
2435. – Рец.: Димитров Д. Прабългарите по северното и западното Черноморие. – Варна, 1987. – 303 с. // Исторически преглед. 1988. Год. 44, Кн.5: 86–88.
2436. – Рунические знаци и надписи от Волжка България и техните дунавски паралели // Археология (София). 1988. Год. 30, Кн. 3: 47–53: *ил.*
2437. – Столицата на Волжка България от домонголско време // Археология (София). 1973. Год. 15, Кн. 1: 21–37: ил.
2438. – Altungarn an der Kama und im Ural: Das Gräberfeld von Bolschie Tigani. – Budapest: Magyar nemzeti múseum, 1981. – 132 с.: ил. – (Regeszeti füzetek; 21). – Библиогр.: 9–10, 92–93.
Соавт.: Халикова Е. А.
Рец.: Nevizánsky G. // ARozhl. 1984. R. 36, S. 3: 336.
2439. – Archäologische Denkmale vom Pyheensilta-typ in Finnland und ihre östlichen Analogien // FScandA. 1986. Vol. 3: 35–50: ил. Библиогр.: 49–50.
2440. – On the development of architecture in premongolian Volga-Bulgaria // ActaArchHung. 1977. T. 29, F. 1/2: 199–202.
Соавт.: Шарифуллин Р. Ф.
2441. – Unpublished Volga Bulgarien inscriptions // ActaOrHung. *1977. Vol. 31, F. 1: 107–125:* ил.
Соавт.: Мухаметшин И. Г.
См. также № 896.

Халикова Е. А.

2442. – К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2: 72–81: ил.
2443. – Cimetière des Hongrois primitifs aubord du Kama: *Contribution à la question de la Magna Hungaria* // AErt. 1976. Vol. 103, № 1: 53–78: ил.
2444. – Composant ethnique dans les populations de Bulgarie de la Volga et de la Hongrie du X siècle // MAInstUngAk. 1972. Beih. 1: 177–194.
См. также № 895, 2438.

Халилов Д. А.

2445. – Archäologische Forschungen in Aserbaidshan // *Das Altertum. 1982. Bd. 28, H. 2: 106–112:* ил.
2446. – Das alte Schemacha im Lichte der archäologischen *Ausgrabungen* // *Das Altertum. 1978. Bd. 24, H. 1: 30–35: ил.*

Ханзадян Э. В.

2447. – Die frühbronzezeitliche Kultur des armenischen Hochlandes und ihre Beziehungen zu Vorderasien // Gesellschaft und Kultur im Alten Vorderasien. Berlin, 1982: 27–34: ил.
2448. – Kultanlagen in Metsamor im Armenischen Hoch*land* // *Das Altertum. 1980. Bd. 26, H. 1: 34–40:* ил.

Хардаев В.

2449. – Пам'ятки ювелірного мистецтва кочівників середньовіччя (IV–XIV ст.) // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 255–258: ил.

Харсекин А. И.

2450. – Etruscan studies in the USSR: Bibliographical *notes* // *StEtr. 1960. Vol. 28: 485–495.*
2451. – Two inscribed objects from Hermitage Museum of Leningrad // StEtr. 1959. Vol. 27: 151–155: ил.

Хахутайшвили Д. А.

2452. – A contribution of the Kartvelian tribes to the mastery of iron metallurgy in the Ancient Near East // *ActaAntHung. 1974. T. 22, F. 1/4: 337–348:* ил.
То же: Intern. Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder. Budapest, 1974: 44–45.
2453. – Les sites archéologiques sur les terres submersibles des fleuves Tcholoki et Otchkamouri // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 207–211.
См. также № 1552.

Хачатрян Ж. Д.

2454. – Enige in *Armenien gefundene Stücke antiken Gla*ses // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 6: 356–357.
2455. – Silver bowls and basins of Armenia in the Late Hellenistic Period // IranAnt. 1989. Vol. 24: 297–310: ил.

Хвощинская Н. В.

2456. – Dress of the finnish population of the early second *Millenium A. D. In the Western areas of Novgorod Land* // Iskos. 1984. Vol. 4: 174–178: ил. Библиогр.: 178.
2457. – Evolution of the burial rite of the Finnic population of the Eastern Coast of the Lake Peipus in the beginning of the 2 Millenium A. D. // Iskos. 1990. Vol. 9: 107–111: ил.

Хеапост Л.

2458. – **Distribution of blood groups among the Estonians* // CIFU; 5. Turku, 1981. T. 8: 368–369.

Хевелидзе М.

2459. – Babylonian and Egyptian triads // Gesellschaft und Kultur im Alten Vorderasien. Berlin, 1982: 137–141.

Хидашели М. Ш.

2460. – Die Gürtelbleche der älteren Eisenzeit in Georgien // AVA-Beitr. 1986. Bd. 8 (1989): 7–72: ил. Библиогр.: 39–43, 72.

2461. – Mythological motifs on the bronze articles of the Caucasus and Luristan // ActaAntHung. 1974. T. 22, F. 1/4: 353–361: ил.

То же: Intern. Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder. Budapest, 1974: 49–51.

2462. – Religious beliefs in the Caucasian society of the Early Iron Age: According to archaeological evidence // Gesellschaft und Kultur im Alten Vorderasien. Berlin, 1982: 127–136: ил.

Хлебникова Т. А.

2463. – Керамика болгар Поволжья VIII – начала X вв.: Этнокультурные группы и их истоки // Плиска-Преслав. София, 1981. Т. 2: 146–159: ил.

Хлобыстин Л. П.

2464. – Exchange in the Neolithic and Bronze Age in the territory of the forest belt of the USSR // Iskos. 1984. Vol. 4: 60–63. Библиогр.: 63.

Хлопин И. Н.

2465. – *Александр Македонский в Маргиане* // Klio. 1971. Bd. 53: 157–160.

2466. – Бактрийский поход Кира II // SchrOr. 1974. Bd. 11: 207–216.

2467. – К локализации пактиев Геродота // AltorF. 1975. Bd. 3: 47–54.

2468. – К толкованию DB. I. 15–17 // Archiv orientalni. 1975. Vol. 43, № 4: 342–345.

2469. – Маршрут азиатского похода Александра Великого // IranAnt. 1982. Vol. 17: 105–129.

2470. – Семь каршваров Авесты // Klio. 1973. Bd. 55: 79–86.

2471. – Сумбарские могильники – ключ для синхронизации памятников эпохи бронзы юга Средней Азии и Ирана // Le Plateau iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique: Leurs relations à la lumière des documents archéol.: Colloque untern. Paris, 1977: 143–154: ил.

2472. – About the Behistun inscription, I, 15–17 // OrLovPer. 1974. T. 5: 15–19.

2473. – Ancient farmers in the Tedžen Delta // East and West. 1974. Vol. 24, № 1/2: 51–87: ил.

2474. – Archäologische Materialien zur Entstehung des altiranischen Feuerkultes // Klio. 1975. Bd. 57, H. 1: 53–71: ил.

2475. – Die Chronologie und Dynamik des Feldzuges Alexanders des Grossen nach Mittelasien // Ancient Society (Leuven). 1980/1981. Vol. 11/12: 151–172.

2476. – Denkmäler der Bronzezeit im Tal des Flusses *Sumbar (Südwestturkmenien)* // IranAnt. *1973. Vol. 10:* 80–93: ил.

2477. – Doppelspiralige Kopfnadeln in Mittelasien und im Kaukasus // OrLovPer. 1989. Vol. 20: 99–114: ил.

Соавт.: Хлопина Л. И.

2478. – Double-spiral headpins in the Middle East // Archaeologia Iranica et Orientalia. Gent, 1989. Vol. 1: 99–109: ил. Библиогр.: 106–107.

Соавт.: Хлопина Л. И.

2479. – The Early Bronze Age cemetery of Parkhai II: The first two seasons of excavations 1977–1978 // The Bronze Age civilization of Central Asia. New York, 1981: 3–34: ил.

2480. – Ehe und Familie in der Urgesellschaft. Zugleich ein Beitrag in der Diskussion über die Zusammenarbeit von Ethnographie und Archäologie in der Urgeschichtsforschung // EAZ. 1976. Jg. 17, H. 1: 13–32. Библиогр.: 32.

2481. – Jungbronzezeitliche Gräberfelder im Sumbar-Tal, Südwest-Turkmenistan. – München: Beck, 1986. – 136 с.: ил. (*AVA-Materialien; 35*). – Библиогр.: 131–136.

2482. – Kollektivgräber des 3/2 Jahrtausends v. u. Z. in Südturkmenien. Ein Beitrag zur Entwicklung der sozialen Struktur der urgeschichtlichen Bevölkerung Südturkmeniens // EAZ. 1977. Jg. 18, H. 3: 385–398. Библиогр.: 397–398.

2483. – Lois historiques de la constitution des cultures dans les steppes de l'Asie Centrale // Nomades et sédentaires en Asie Centrale. Paris, 1990: 169–177.

2484. – Mandragora turcomanica in der Geschichte der Orientalvölker // OrLovPer. 1980. Vol. 11: 223–231: ил.

2485. – *The manufacture of pile carpets in Bronze Age Central Asia // Hali (The Intern. Journal of Oriental Carpets and Textiles). 1982. Vol. 5, № 2.

2486. – On the genesis of fire temples in Ancient Iran // The Memorial volume of the 5th Intern. Congr. of Iranian Art and Archaeology. Tegeran, 1972. Vol. 1: 276–281.

2487. – Die Reiseroute Isidors von Charax und die oberen Satrapien Parthiens // IranAnt. 1977. Vol. 12: 118–165.

2488. – *Spuren des Feuerkultes in Urartu // OrLovPer. 1977. Vol. 8.

2489. – Zur DPe-Inschrift ZZ 13–15 // OrLovPer. 1973. Vol. 4: 113–119.

2490. – Zur Lösung des Rätsels des Akes-Flusses (Herod. III, 117) // OrLovPer. 1971. Vol. 2: 137–152.

См. также № 934.

Хлопина Л. И.

2491. – Die Chronologie der späten Bronzezeit in Südturkmenien // IranAnt. 1977. Vol. 12: 1–19: ил.

2492. – Die Herkunft der Swat-Kultur (Nordwest Pakistan) // OrLovPer. 1979. Vol. 10: 195–226.

2493. – Namazga-depe and Late Bronze Age of Southern Turkmenia // The Bronze Age civilization of Central Asia. New York, 1981: 35–60: ил.

2494. – Das Pferd in Vorderasien // OrLovPer. *1982. Vol.* 13: 5–24: ил.

2495. – Southern Turkmenia in the Late Bronze Age // East and West. 1972. Vol. 22, № 3/4: 199–214: ил.

См. также № 2477, 2478.

Ходжаш С. И.

2496. – Die bildenden Künste in Erebuni //ActaAntHung. 1974. T. 22, F. 1/4: 389–414: ил.

То же: Intern. Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder. Budapest, 1974: 17–23.

2497. – A new document *from the times of the wars with* Assyria // SchrOr. 1988. Bd. 20: 247–259: ил.

Соавт. Берлев О. Д.

2498. – Le père du fondateur de la dynastie des princes de Tjhhtj en Nubie // SchrOr. 1977. Bd. 13: 183–188: ил.

Соавт. Берлев О. Д.

2499. – Principes fondamentaux dans l'étude des scarabées égyptiens ornamentés // SchrOr. 1979. Bd. 14: 297–305: ил.

2500. – Several Middle Kingdom stelae of the Moscow Fine Arts Museum // AltorF. 1975. Bd. 3: 5–18, 2 л. ил.

Соавт. Берлев О. Д.

2501. – Ein Skaraboid mit einer weiblichen Sphinx auf dem Staatlichen Museum, Moskau // ZAS. 1979. Bd. 106, H 2: 132–137: ил.

2502. – Urartäische Toilettkästchen aus Erebuni // SchrOr. 1982. Bd. 15: 95–97: ил.

2503. – Zwei Gegenstände aus dem Grabinventar des Wesirs Paser // SchrOr. 1988. Bd. 20: 314–316: ил.

Ходза Е. Н.

2504. – Zwei Porträtstatuen aus Kerč. Zu Stil und Datierung // WissZRostock. 1970. Jg. 19. H. 8: 621–630.

Соавт.: Вощинина А. И.

Холюшкин Ю. П.

См. № 1213, 1218, 2397.

Хотинский Н. А.

2505. – Archäologisch-paläogeographische Forschungen im Zentrum der Russischen Ebene // ZfA. 1976. Jg. 10, H. 2: 161–172: ил. Библиогр.: 172.

См. также № 734, 740.

Хрушкова Л. Г.

2506. – Les baptistères paléochrétiens du littoral oriental de la Mer Noire // Зборник радова Византилошког ин-та. Београд, 1981. Т. 20: 15–24: ил.

2507. – Les édifices paléochrétiens en Transcaucasie Occidentale // Byzantion, 1989. T. 59: 88–127: ил.

2508. – Pitiunt et le littoral oriental de la mer Noire à l'époque paléochrétienne // Collection de l'école française de Rome. 1983. T. 123: 2657–2686: ил.

Хузин Ф. С.

См. № 896.

Хынку И. Г.

2509. – Археологические памятники X–XIV вв. в Гачештских и Оргеевских Кодрах Молдавии // Congr. intern. des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. T. 2: 561–568.

2510. – Некоторые болгарские черты в материальной культуре населения раннего средневековья Молдавии // Études Balkaniques. 1975. № 4: 96–102.

2511. – Сельские поселения X–XV вв. на территории Молдавии // Časopis Moravského musea v Brně. Vědy společenské. 1970. R. 55: 47–52/

2512. – Славяне в Прутско-Днестровском междуречье // ActaArchHung. 1965. T. 17: 11–22: ил.

См. также № 1988.

Хютт Г. И.

См. № 1588.

Цауне А. В.

2513. – Die Hauptergebnisse der archäologischen Forschungen in Riga in den letzen 50 Jahren (1938–1989) // FScandA. 1990. Vol. 7: 81–95: ил. Библиогр.: 95.

Цветкова И. К.

2514. – Скульптура лося с неолитической стоянки Володары // SlovA. 1973. R. 21, C. 2: 423–428: ил. Библиогр.: 427–428.

Цейтлин С. М.

См. № 1936.

Церетели Л. Д.

2515. – Le peuplement ancien dans la vallée de Kodori // ERAUL. 1988. № 35: 211–224: ил. Библиогр.: 216.

Цинцадзе В. Г.

См. № 1527–1529.

Циркин Ю. Б.

2516. – К характеристике фокейской колонизации в западном Средиземноморье // Klio. 1972. Bd. 54: 91–99.

2517. – Финикийский Гадес – римский муниципий // Klio. 1975. Bd. 57, H. 1: 207–216.

2518. – The battle of Alalia // Oikumene. 1983. Vol. 4: 209–221.

2519. – The crisis of antique society in Spain in the third century // Gerión. 1987. Vol. 5: 253–270.

2520. – Economy of the Phoenician settlements in Spain // Orientalia lovaniensia analecta. 1976. T. 6: 547–564.

2521. – The Greeks and Tartessos // Oikumene. 1986. Vol. 5: 163–171.

2522. – The Hebrew Bible and the origin of Tartessian power // Aula orientalis (Barcelona). 1986. T. 6: 179–185.

2523. – The labours, death and resurrection of Melgart as depicted on the gates of the Gades' Herakleion // Revista di studi fenici (Roma). 1981. Vol. 9, Pt. 1: 21–27.

2524. – The Phoenician civilization in Roman Spain // Gerión. 1985. Vol. 3: 245–270.

2525. – Phönizier und Spanier: Zum Problem der kulturellen Kontakte // Klio. 1981. Bd. 63, H. 2: 411–421.

2526. – Socio-political structure of Phoenicia // Gerión. 1990. Vol. 8: 29–43.

2527. – The South of Spain in the Civil War of 46–45 B. C. // Archivo español de arqveologia. 1981. Vol. 54, № 143/144: 91–100.

2528. – Two ways of Romanization of Spain // Klio. 1988. Bd. 70, H. 2: 477–485.

2529. – Рец.: Blázquez J. M. Tartessos y los origines de colonisación fenica en Occidente. – Salamanca, 1975 // Bibliotheca orientalis (Leiden). 1982. T. 39, № 3/4: 401–406.

Цицишвили А. Л.

2530. – *Tierknochenreste aus Kurganbestattungen der mittleren Bronzezeit von Vardzia (Ostgeorgien) // Archaeozoological studies. Amsterdam, 1975: 431–437.

Чеботаренко Г. Ф.

2531. – Die Keramik des mittleren und südlichen Dniestr-Prut-Gebietes im 8. – 12. Jh. // VAH. 1990. T. 3: 47–75: ил. Библиогр.: 75.

Чердынцев В. В.

2532. – *La chronologie absolue du Pléistocène // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 344.

Черненко Е. В.

2533. – Лицарі Великої Скіфії // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 131–135: ил.

2534. – Die Skythen: Waffen und Taktik des ersten schweren Kavallerie // Deutsches Waffen-Journal. 1984. H. 9: 1078–1082: ил.; H. 10: 1216–1222: ил.

2535. – *A Scythian helmet in Glasgow Art Gallery and Museum // AntJ. 1970. Vol. 50, Pt. 2.

2536. – *The Scythians 700–300 B. C. – London, 1983.

Чернецов А. В.

2537. – *Types on Russian coins of the XIV and XV centuries: An iconographic study. – Oxford: BAR, 1983. – (BAR. Intern. ser.; 167).

Чернецов В. Н.

См. № 1602.

Черносвитов П. Ю.

См. № 813.

Черных Е. Н.

2538. – Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. – София, 1978. – 387 с.: ил. – Библиогр.: 324–329.

Рец.: 1. Бонев А. Г. // Археология (София). 1982. Год. 24, Кн. 2: 51–54.

2. Greeves T. A. P. // PPS. 1982. Vol. 48: 538–542; То же: Journal of Historical Metallurgy. 1981. Vol. 15, № 1: 45–49.

3. M. N. // ARozhl. 1979. R. 32, S. 5: 586–587.

2539. – Древнейшие финно-угры и индоевропейцы в рамках евразийской металлургической провинции // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 150.

Соавт.: Агапов С. А., Кузьминых С. В.

2540. – Езеро. Раннобронзовато селище. – София: Издво на Бълг. акад. на науките, 1979. – 547 с.: ил.

2541. – О Юго-Восточной зоне Балкано-Карпатской металлургической провинции эпохи энеолита // StPraehist. 1978. T. 1/2: 170–181: ил.

2542. – Об Европейской зоне Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) // ActaACarp. 1977. T. 17: 29–53: ил.

2543. – Об основных этапах древнейшей металлургии меди на территории Болгарии (IV – начало I тыс. до н. э.) // Thracia. 1974. Т. 3: 379–395: ил.

2544. – Предисловие к: Иванов И. С. Съкровищата на Варненския халколитен некропол. – София, 1978: 5–6.

2545. – Спектрален анализ на металните находки от праисторическото селище до с. Езеро (Предварителни данни) // Археология (София). 1971. Год. 13, Кн. 1: 55–61.

2546. – Старите медни рудници около гр. Стара Загора: Предварит. Отчет // Археология (София). 1972. Год. 14, Кн. 1: 61–67: ил.

2547. – Aibunar – a Balkan copper mine of the fouth millennium B. C.: Investigations of the years 1971, 1972 and 1974 // PPS. 1978. Vol. 44: 213–217: ил.

Рец.: Krzak Z. // KHKM. 1980. R. 28: 151–152.

2548. – Die ältesten Bergleute und Metallurgen Europas // Das Altertum. 1982. Bd. 28, H. 1: 5–15: ил.

2549. – Ancient gold in the Circumpontic area // Découverte du métal. Paris, 1991: 387–396. Библиогр.: 394.

2550. – The Circumpontic metallurgical province as a system // East and West. 1991. Vol. 41, № 1/4: 11–45: ил. Библиогр.: 44–45.

То же: Saarbrücker Beitr. zur Altertumskunde. 1991. Bd. 55, T. 2: 593–622: ил. Библиогр.: 620–622.

Соавт.: Авилова Л. И., Барцева Т. В.

2551. – Frühestes Kupfer in den Steppen- und Waldsteppenkulturen Osteuropas // Saarbrücker Beitr. zur Altertumskunde. 1991. Bd. 55, T. 2: 581–592: ил. Библиогр.: 588–589.

2552. – Frühester Kupferbergbau in Europa // Macht, Herrschaft und Gold. Saarbrücken, 1988: 145–150: ил. Библиогр.: 150.

2553. – Frühmetallurgische Kontakte in Eurasien // AVA-Beitr. 1983. Bd. 5 (1984): 19–34.

2554. – Metallurgische Bereiche der jüngeren und späten Bronzezeit in der UdSSR // Jber. des Inst. für Vorgeschiche der Univ. Frankfurt A. M. 1976 (1977): 130–149: ил.

2555. – Metallurgische Bereiche des 4. – 2. Jahrt. v. Chr. in der UdSSR // Les débuts de la métallurgie. CISPP; 9. Nice, 1976. Coll. 23: 177–209: ил. Библиогр.: 197–202.

2556. – El sistema de la provincia métalurgica circumpontica // Trabajos de prehistoria. 1990. Vol. 47: 63–101: ил. Библиогр.: 100–101.

Соавт.: Авилова Л. И., Барцева Т. В.

2557. – Рец.: Antikes Kupfer im Timna-Tal: 4000 Jahre Bergbau und Verhüttung in der Arabah (Israel). – Bocum, 1980. – 236 c. // Germania. 1984. Jg. 62, Hbd. 2: 486–488.

Черных Н. Б.

2558. – The problem of dendrochronology of Rusian buildings on Spitsbergen: Some notes regarding the discussion // FScandA. 1988. Vol. 5: 117–118.

Черныш А. П.

2559. – Краткие итоги двадцатилетних полевых исследований палеолита и мезолита украинского Прикарпатья // ActaACarp. 1972/1973. Т. 13 (1973): 21–38.

См. также № 856.

Черныш Е. К.

2560. – Пути расселения трипольско-кукутенских общин в IV–III тыс. до н. э. // Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de la culture thrace. Sofia, 1982: 19–22. (Thracia praehistorica. Pulpudeva, Suppl. 3).

2561. – Формирование трипольско-кукутенской культурной общности // StPraehist. 1981. Т. 5/6: 5–47: ил.

Чернышев Н. А.

2562. – *Le cimetière nèolithique du Kouznetzk // Paléolithique et Néolithique de l'URSS. Paris, 1957: 286–292: ил.

Чернявский М. М.

2563. – The Neolithic in North-Western Byelorussia // Neolit i początki epoki brązu na ziemi Chełminskiej. Toruń, 1987: 429–439:ил.

2564. – Osiedla bagienne Bialorussi // Z otchłani wieków. 1967. R. 33, Z. 4: 227–231: ил.

Черняховский А. Г.

См. № 1355.

Чеснис Г. А.

2565. – Craniological characteristics of the 14th–17th cc. population in Lithuania. Pt. 1. Male crania // Przegl№d antropologiczny. 1976. T. 42, Z. 2: 233–243. Библиогр.: 242–243; Pt. 2. Femail crania and summary tables of both sexes // Там же. Т. 45, Z. 1/2: 3–13. Библиогр.: 12; Pt. 3. Non metric traits // Там же. Т. 43, Z. 2: 347–356. Библиогр.: 355.

2566. – Materials on the historical demography of Lithuania in the 14th–18th cc. // Anthropologie (Brno). 1978. Т. 16, № 3: 195–203. Библиогр.: 203.

2567. – The Medieval Lithuanians according to craniological data: Multivariate analysis // Lund Univ. Historiska museum. Rep. ser. 1990. № 46: 145–151: ил. Библиогр.: 151.

См. также № 1744, 1745.

Чеснов Я. В.

2568. – Ethnocultural history of Southeast Asia as based on the materials of the 14th Pacific Sciences Congress (Khabarovsk, August 1979) // Asian perspectives. 1982. Vol. 22, № 2: 206–219. Библиогр.: 216–219.

Чеснокова Н. Н.

2569. – Early Middle Ages arts and crafts in the European North-East // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 14.

Чилашвили Л. А.

2570. – Държавният музей на Грузия: История, резултати, проблеми // МПК. 1983. Год. 23, Кн. 1: 4–11: ил.

Чиндина Л. А.

2571. – States of ethno-cultural processes in Western Siberia // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 149.

Чкониа А. М.

2572. – L'orfèvrerie de la Colchide antique sur le site de Vani // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 261–265: ил

Членов М. А.

2573. – Whale Alley: A site on the Chukchi Peninsula, Siberia // Expedition. 1984. Vol. 26, № 2: 6–15: ил. Библиогр.: 15.

Соавт.: Крупник И. И.

Членова Н. Л.

2574. – О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // StThr. 1975. Т. 1: 69–90: ил.

Чмыхов Н. А.

2575. – Зодиакальное датирование памятников неолита-бронзового века Юга Восточной Европы // ИИ. 1988. Т. 15: 44–46.

Чубинишвили Т. Н.

2576. – Куро-аракская культура в Закавказье в III тысячелетии до н. э. // CISPP;7. Prague, 1970. T. 1: 139–142.

2577. – The interconnections between the Caucasian («Kuro-Araxes») and the Near East cultures in the third millennium B. C. // Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ.; 1966. Vol. 3, № 1: 167–173: ил.

Шамрай А. В.

См. № 1628.

Шандровская В. С.

2578. – Die Bedeutung der Bleisiegel für das Studium einiger Aspecte der byzantinischen Geschichte // JbÖByz. 1982. Bd. 32, H. 2: 165–173: ил.

2579. – Рец.: Seibt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Teil 1: Kaiserhof. – Wien, 1978. – 348 с. // Byzantinoslavica. 1980. T. 41, № 2: 251–255.

Соавт.: Соколова И. В.

Шаповал И. М.

2580. – *Odkrywca skarbów – Warszawa, 1971. – 303 с.: ил.

Рец.: G[urba] J. // Z otchłani wieków. 1972. R. 38, № 2: *189–190*.

Шаповалов Г. И.

2581. – Следы древнего судоходства у днепровских порогов // Tracia Pontica: Sympos. Intern.; 4. Sofia, 1991: 435–442: ил.

Шарашенидзе Я. М.

2582. – The Sukkal mahs of Ancient Mesopotamia: The *period of the Third Dynasty of Ur // Intern. Tagung der* Keilschriftforscher der socialistischen Länder. Budapest, 1974: 85–88.

Шарипова Л. Х.

2583. – New finds of stone tools in Bukhara Oblast // Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ.; 1966. Vol. 3, № 1: 131–134.

Шарифуллин Р. Ф.

См. № 2440.

Шаскольский И. П.

2584. – О роли норманнов в Древней Руси в IX–XI вв. // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavia et Byzance): Colloque nordique et intern. de byzantonologie. Uppsala: Almqvist *& Zeitler, 1981: 203–214. (Acta Univ. Upsaliensis; 19).*

2585. – Förbindelser mellan östra Europa öch Skandinavien // Festskrift tillägnad Matts Dreijer på hans 80–årsdag 31. 01. 1981. *Marienhamn, 1981: 93–103: ил. Библиогр.: 102–103.* (Alands folkminnesforbund; 5).

2586. – Recent developments in the Normanist controversy // Varangian problems. *Copenhagen, 1970: 21–38.*

См. также № 806.

Шаталов А. Т.

См. № 907.

Шауб И. Ю.

2587. – Религиозно-мифологические представления жителей Боспорского царства: Некоторые сюжеты «боспорских пелик» // Concilium Eirene XVI. Praha, 1983. Vol. 2: 72–75.

Шацкий Г. В.

2588. – Hunting and domestication of animals on petroglyphs at Chadaksay, Uzbekistan // Russian transl. ser. of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard Univ.; 1966. Vol. 3, № 1: 109–123.

Швидковский О.

2589. – Държавните и обществените организации и опазването на паметниците на културата // МПК. 1985, № 3: 50–53.

Шеворошкин В. В.

2590. – Karisch, Lydisch, Lykisch // Klio. 1968. Bd. 50: 53–69.

Шевченко Л. М.

См. № 1507.

Шейнина Е. Г.

2591. – The technique of conservation of Old Russian frescoes discovered in archaeological excavations // ICOM Committe for conservation; Trennial Meetring; 5. Zagreb, 1978. – 6 с.

Шелковников Б. А.

2592. – Russian glass from the 11th to the 17th century // JGS. 1966. Vol. 8: 95–115: ил.

2593. – *Zur Frage der Herkunft der «Hedwigsgläser» // Intern. Congr. on Glass. Bruxelles, 1965: 1–4: ил.

Шелов Д. Б.

2594. – Археологические исследования Танаиса // Eirene. 1965. T. 4: 55–66.

2595. – Дополнительные клейма на родосских амфорах // Mélanges offerts à K. Mihałowski. Warszawa, 1966: 281–285.

2596. – Италийские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. // ActaArchHung. 1965. T. 17, F. 1/4: 251–274: ил.

2597. – Кочевники волго-донских степей и античный мир во *II–IV* вв. н. э. // Živa antika (Skoplje). 1975. G. 25, S. 1/2: 343–354.

2598. – Рельефные эллинистические чаши из Танаиса // *SborNMPraha.* Řada A. S. 20, № 1/2: 159–162.

2599. – Римские бронзовые сосуды в Восточной Европе // Thracia. 1985. T. 7: 18–23.

2600. – Сарматы и гунны в Нижнем Подонье // ActaAntHung. 1978. T. 26, F. 1/2: *49–55.*

2601. – Эллинские и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных // Griechische Städte u. einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. *Berlin, 1961: 112–122.* (Dt. Akad. der Wiss. zu Berlin. Schriften der Section für Altertumswiss.; 28).

2602. – Les amphores d'argile claire des première siècles de n. e. en mer Noire // BCH. 1986. Suppl. 13: 395–400: ил.

2603. – Das antike Tanais: Forschungen und Geschichte // *Klio. 1988. Bd. 70. H. 2:* 372–403: ил.

Соавт. Арсеньева Т. М.

2604. – Coinage of the Bosporus VI–II centuries B. C. – *Oxford, 1978.* – 226 с.: ил. (BAR. Intern. Ser.; 46).

Рец.: Castelin K. // Numismatické listy. 1980. R. 35, № 5/6: 171.

2605. – *Der nördlicher Schwarzmeeraum in der Antike // Heinen H. Die Geschichte des Altertums in Spiegel der sowjetischen Forschung. 1980.

2606. – Der römische Import im Unterdon- und Wolgagebiet in den 1. Jahrtausend u. Z. // Studien zur Geschichte u. Philosophie des Altertums. Budapest: Akad. Kiadó, 1968: 238–246.

2607. – Römische Bronzegefässe in Osteuropa // Eirene. 1982. T. 18: 61–75: ил.

2608. – Die römischen Bronzegefässe in Ost-Europa // Greece and Italy in the Classical World. *London, 1979: 287.*

2609. – Soviet archaeological expeditions in 1961 // Archaeology (New York). 1961. Vol. 14, № 3: 166–170: ил.

Соавт. Мерперт Н. Я.

2610. – Рец.: Sztetyłło Z. Le timbres céramiques dans les collections du Musée National de Varsovie. – Warszawa, 1983. – 219 с.: ил. // Archeologia (Wrocław). 1986. T. 37: 198–199.

Шелов-Коведяев Ф. В.

2611. – Афины, Нимфей и держава Спартокидов во второй половине V в. до н. э. // Eirene. 1986. T. 23: 5–20.

2612. – Еще раз о государстве Синдов // Klio. 1989. Bd. 71, H. 1: 216–225.

2613. – Die Eroberung Theodosias durch die Spartokiden // Klio. 1986. Bd. 68, H. 2: 367–376.

2614. – Histoire et état actuel de l'épigraphie céramique grecque (amphores et tuiles) en Union Soviétique // BCH. 1986. *Suppl. 13: 9–29.*

См. также № 2339.

Шеляпина Н. С.

2615. – Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля: 1963–1975 гг. // CIAS; 3. Bratislava, 1979. Т. 1: 721–727: ил.

Шемаханская М. С.

2616. – New aspect of the origin of the Ancient bronze // Bulletin of the Metal Museum. 1991. Vol. 16: 3–9: ил. Библиогр.: 8–9.

Шер Я. А.

2617. – Un algorithme de classification typologique // Archéologie et calculateurs: Problèmes sémilogiques et mathématiques: Colloques intern. Paris: CNRS, 1970: 193–203. Библиогр.: 202–203.

2618. – Metodologické otázky archeologie // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. Т. 2: 233–252. Библиогр.: 250–252.

2619. – On the sources of the Scythic Animal Style // ArcAnthr. 1988. Vol. 25, № 2: 47–58: ил.

2620. – Poécitač v muzeu: *Realita a problemy* // Malina J. Archeologie vcera a dnes. Brno, 1981. Т. 2: 57–67. Библиогр.: 67.

2621. – The use of computers in museums: Present situation and problems // Museum. 1978. Т. 25, № 3/4: 132–138.

2622. – Vývoj archeologického jazyka // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. Т. 2: 197–204. Библиогр.: 203–204.

См. также № 1830.

Шиганов М.

2623. – *Neue archäologische Erforschungen in Nordgebieten des Zwischenflusslandes der Flüsse: Oka, Wolga und Sura und Fragen der Ethnogenesis der mordwinischen Stämme // CIFU; 5. Turku, 1981. Т. 2: 344.

Шилакидзе М. И.

2624. – Urgeschtliche Musikinstrumente in Georgien // Das Altertum. 1985. Bd. 31, H. 4: 251–252.

Шилик К. К.

2625. – Обнаружение двух античных городов на дне Керченского пролива // Thracia Pontica: Sympos. Intern.; 4. Sofia, 1991: 427–434.

2626. – Marine archaeological studies in the Soviet Union // Marine archaeology: Seminar in the city of Kotka 1988. Kotka, 1989: 26–31.

Шило Н. А.

См. № 710.

Шилов В. П.

2627. – Проблемы освоения открытых степей Калмыкии в эпоху бронзы и раннего железа // StPraehist. 1981. Т. 5/6: 103–128: ил.

См. также № 1165.

Ширинский С. С.

2628. – Objektive Gesetzmässigkeiten und subjektiver Faktor bei der Entstehung des altrussischen Staates // Beiträge zur Entstehung des Staates. (Veröff. des Zentralinst. für Alte Geschichte und Archäologie der Acad. der Wiss.). 1974. Bd. 1: 202–221: ил.

См. также № 1367.

Шифман И. Ш.

2629. – Die Bodeneigentumsverhältnisse in Palästina in der ersten Hälfte des I. Jahrtausends *v. u. Z.* // Intern. Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder. Budapest, 1974: VI.

2630. – Gegenseitige Beeinflüssung der punischen und der römischen Kulturen in Nordafrika zur Zeit der römischen Herrschaft // Klio. 1981. Bd. 63, H. 2: 423–428.

2631. – Die Grundeigentumsverhältnisse in Palästina in der ersten Hälfte des I. Jahrtausends v. u. Z. // ActaAntHung. 1974. Т. 22, F. 1/4: 457–471.

Шишкина Г. В.

2632. – Les remparts de Samarcande à l'époque hellénistique // La fortification dans l'histoire du monde grec: Colloque intern. Paris: CNRS, 1986: 71–78: ил.

Шкода В. Г.

2633. – К реконструкции ритуала в согдийском храме // Archiv Orientalni. 1990. Vol. 58, № 2: 147–151: ил.

2634. – Le culte du feu dans les sanctuaires de Pendžikent // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris:CNRS, 1987: 63–72: ил. (Publ. de l'U.R.A. 29: Mem. № 2).

См. также № 1437.

Шмаглий Н. М.

2635. – Крупные трипольские поселения в междуречье *Днепра и Южного Буга* // *Semaines Philippopolitaines de* l'histoire et de la culture thrace. Sofia, 1982: 62–69. (Thracia praehistorica. Pulpudeva, Suppl. 3).

2636. – О социально-демографической реконструкции крупных трипольских поселений // Intern. Symp. über die Lengyel-Kultur. Nitra; Wien, 1986: 257–264: ил.

2637. – Grosse Tripolje-Siedlungen zwischen Dnepr und südlichen Bug // Das Altertum. 1982. Bd. 28, H. 2: 118–125: ил.

Шмидехельм М. Я.

2638. – Список работ академика АН ЭССР профессора доктора Харри Моора // Acta Baltico-Slavica. 1969. Т. 6: 15–22.

2639. – Kollis-Viron varhaisrautakausi, 500 eaa. – 500 jaa. – Helsinki, 1983. – 233 c.: ил. (Helsingin Yliop. arkeol. laitos, moniste: 1). – Библиогр.: 229–231.

2640. – Mitteleisenzeitliche Funde aus dem Steingrab von Toila in Nordostestland // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1973. Т. 75: 187–196: ил. Библиогр.: 196.

2641. – Niektóre zagadnienia związane z badaniami archeologicznymi zabytków z pierwszych wieków n. e. w zachodniej części Mazur // Acta Baltico-Slavica. 1964. Т. 1: 25–35: ил.

Шмидт Е. А.

2642. – Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине 1–го тысячелетия н. э. // Acta Baltico-Slavica. 1969. Т. 6: 129–144: ил.

2643. – Особенности формирования культуры восточнославянского племени кривичей // CISPP; 7. Prague, 1971. Т. 2: 1067.

Шнирельман В. А.

2644. – On the Palaeolithic/Mesolithic transition // CAnt. 1982. Vol. 23, № 2: 224–225.

2645. – On the social anthropology of a Neolithic cemetery // CAnt. 1979. Vol. 20, № 2: 412–413. Библиогр.: 413.

2646. – The origins of the food-producing economy [Com. to Kabo V. R.] // CAnt. 1985. Vol. 26, № 5: 612.

Шноре Э. Д.

2647. – Латгало-славянские контакты на территории восточной Латвии во второй половине 1–го и начале 2–го тысячелетия н. э. // Acta Baltico-Slavica. 1969. Т. 6: 145–157: ил.

Шовкопляс И. Г.

2648. – *The Upper Palaeolithic cultures in the Ukraine* // The origin of Homo sapiens: Proc. of the Paris symp. Paris, 1972: 181–186.

См. также № 1856.

Шофман А. С.

2649. – Градостроительная деятельность Александра Македонского // Klio. 1975. Bd. 57, H. 1: 123–145.

Шрамко Б. А.

2650. – Добыча и обработка железа у племен Скифии в VII–IV вв. до н. э. // CISPP; 7. Prague, 1970. T. 1: 108–111: ил.

2651. – Der Ackerbau bei den Stämmen Skythiens im 7.–3. Jahrhundert v. u. Z. // SlovA. 1973. R. 21, C. 1: 147–166: *ил. Библиогр.: 164–166.*

2652. – Altertümer vom Sewerski Donez // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 5: 295–297.

2653. – *Der Hakenpflug der Bronzezeit in der Ukraine* // Tools and Tillage. 1971. Vol. 1, № 4: 223–225: ил.

2654. – Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentren von Buntmetallen in der *Früheisenzeit* // Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava, 1974: 469–485: ил.

См. также № 1618.

Штаерман Е. М.

2655. – Die Bedeutung der Werke W. I. Lenins für die Erforschung der Antike // Klio. 1971. Bd. 53: 5–47.

Шталь И. В.

2656. – Миф о пигмеях в Северном Причерноморье // Klio. 1986. Bd. 68, H. 2: 351–366: ил.

2657. – Сюжетное изображение борьбы пигмеев и журавлей на пеликах Северного Причерноморья: IV в. до н. э., историко-культурный и этнографический аспект // Thracia Pontica: Intern. Symp.; 3. Sofia, 1986: 333–352: ил.

Штыхов Г. В.

2658. – Древнейшие города Белоруссии // CISPP; 7. *Prague, 1971. T. 2: 1137–1140.*

2659. – Принципы анализа материалов о возникновении и развитии городов Древней Руси // ŠZ AÚSAV. 1988. T. 25: *169–175. Библиогр.: 175–176.*

2660. – Рец.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.. – М., 1966. // Acta Baltico-Slavica. 1969. T. 6: 278–282.

Шумкин В. Я.

2661. – Litt om labyrinter i ost // Spor. 1990. Årg. 5, № 2: 25: ил.

2662. – On the ethnogenesis of the Sami: An archaeological view // Acta Borealia. 1990. Vol. 2: 3–20. Библиогр.: 18–20.

2663. – Rock Art of Russian Lapland // Rock Art Research. 1991. Vol. 8, №2: 109–112: ил. Библиогр.: 112.

2664. – The Rock Art of Russian Lapland // FScandA. 1990. Vol. 7: 53–67: ил. Библиогр.: 67.

2665. – Saams, Lop', Lopari: the problems of ethnocultural identification // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 196.

Шуньков М. В.

2666. – Some problems in the reconstruction of the natural environment of the Central Altai Mousterian sites // Early Man news. 1990. № 15: 20–22. Библиогр.: 22.

Шургая И. Г.

2667. – Aus der Geschichte der Beziehungen des Nordlichen Schwarzmeergebietes und Alexandrien in hellenistischer Zeit // Klio. 1977. Bd. 59: 451–475.

2668. – Der griechisch-ägyptische Kult im nördlichen Schwarzmeegebiet // Klio. 1979. Bd. 61: 453–458.

2669. – Ilouraton // ZfA. 1974. Bd. 8, H. 1: 109–124: ил. Библиогр.: 124.

Шутова Н. И.

2670. – *Common and specific features in funeral rites of* Finnish speaking peoples of the Middle Volga and the Urals in XVI–XIX c. // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 197.

Щапова Ю. Л.

2671. – Производство и сбыт стеклянной продукции в Древней Руси // MKAS; 1. Wrocław, 1970. T. 5: 209–219.

2672. – Apparition de la verrerie chez les slaves orientaux // CIAS; 3. Bratislava, 1980. T.2: 385–391: ил.

2673. – Le verre Byzantin du V–XII siècles: Aspect chimico-technologique du problème // Посебна издана / Српска Акад. наука и уметности. Балканолошки ин-т. Београд, 1975. Кн. 3: 33–48: ил.

2674. – Zasady interpretacji analiz składu szkła zabytkowego // APolski. 1973. T. 18, Z. 1: 15–72.

Щеглов А. Н.

2675. – К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе *Таврическом // Eirene. 1966. T. 5: 99–105:* ил.

Соавт. Кац В. И., Павленко В. И.

2676. – The Amastrian stamped pottery // Archeologia (Wrocław). 1989. T. 40: *15–28: ил..*

2677. – Les amphores timbrées d'Amastris // BCH. 1986. Suppl. 13: 365–373: ил.

2678. – Le commerce du ble dans le Pont Septentrional: Seconde moitié du VII–V siècle // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1990. Vol. 100: 141–159.

2679. – Un établissement rural en Crimée: Panskoe I (fouilles de 1969–1985) // DialHistAnc. 1987. № 13: 239–272: ил.

2680. – Utilisation de la photographie aérienne dans l'étude du cadastre de Chersonesos Taurique: IV–II s. av n. è. // Centre de recherches d'histoire ancienne. Paris, 1980. Vol. 38: 59–63: ил.

См. также № 550, 919.

Щеглова В. В.

2681. – *Einige Angaben über die ältesten Haustierte Belorusslands // Archaeozoological studies. Amsterdam, 1975: 193–205.

Щелинский В. Е.

2682. – Некоторые особенности изготовления и эффективность раннепалеолитических орудий из разных пород камня // Sem. on Petroarchaeology; 3. Plovdiv, 1984: 185–191: ил. Библиогр.: 191.

2683. – *Nouvelles découvertes dans la grotte Kapovaia* // L'Anthropologie. 1989. T. 93, № 2: 615–622: ил. Библиогр.: 622.

2684. – *Some results of new investigations at Kapova Cave* in the Southern Urals // PPS. 1989. Vol. 55: 181–191: ил. Библиогр.: 191.

Щепкина М. В.

2685. – К вопросу о просвещении Руси // Плиска-Преслав. София, 1979. Т. 1: 200–205.

Щетенко А. Я.

2686. – The problem of Indo-Iranian contacts in post-harappian time // CISPP; 7. Prague, 1970. T. 1: 133–135. Библиогр.: 135.

Щукин М. Б.

2687. – Културата на номадите от V до VII в. // Съкровище на хан Кубрат. София, 1989: 12–22.

2688. – Културата на тюрките в Сибир от VII до IX в.: Тюрки в Азия и Европа // Съкровище на хан Кубрат. София, 1989: 31–38.

2689. – Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян // CIAS; 3. Bratislava, 1980. T. 2: 399–411: ил. Библиогр.: 408–411.

2690. – Некрополи на кримските готи // Съкровище на хан Кубрат. София, 1989: 27–29: ил.

2691. – О начальной дате черняховской культуры // Prace archeologiczne. 1976. Z. 22: 303–317: ил.

2692. – The Balto-Slavic forest direction in the archaeological study of the ethnogenesis of the Slavs // WiadA. 1986/1990. T. 51, Z. 1 (1991): 3–30: ил.

2693. – О «úzkých» a «širokých» datacích // Malina J. Archeologie včera a dnes. Brno, 1981. T. 2: 49–55. ил. Библиогр.: 54–55.

2694. – Das Problem der Černjachov-Kultur in der sowjetischen archäologischen Literatur // ZfA. 1975. Bd. 9, H. 1: 25–41. Библиогр.: 35–41.

2695. – Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st century B. C. Vol. 1–2. – // Oxford: BAR, 1989. – (BAR. Intern. ser.; 542). Vol. 1. The end of the La Tène Period. – 246 c.: ил.; Vol. 2. The beginning of the Early Roman Period. – C. 247–491: ил.

Рец.: 1. Kazanski M. // RA. 1992. F. 1: 163–166.

2. Fog N., Mogensen K. // Acta hyperborea (Copenhagen). 1992. Vol. 4: 392–395.

2696. – Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981: 135–161: ил.

2697. – Zur Frage der Datierung keltischer Altertümer in Transkarpatengebiet der Ukraine und einige Probleme der Latène-Chronologie // ActaACarp. 1991. T. 30: 115–140 ил. Библиогр.: 135–139.

Соавт.: Еременко В. Е.

См. также: № 658, 911.

Эндзинас А. И.

2698. – Древнее производство железа на территории Литвы // Acta Baltico-Slavica. 1973. T. 8: 21–52: ил.

Юпрус Х.

2699. – Das Wohnhaus in Tallinn vor 1500 // Häuser und Höfe der handeltreibenden Bevölkerung im Ostseeraum und im Norden vor 1500. Visby, 1975: 141–164: ил. (Acta visbyensia; 5).

Юргинис Ю. М.

2700. – Entwicklung der Steinbauten in Litauen im 14.–15. Jahrhundert // Kultur und Politik im Ostseeraum und im Norden 1350–1450. Visby, 1973: 223–237: ил. (Acta visbyensia; 1971, T. 4).

Юсифов Ю. Б.

2701. – Храмовое хозяйство в Эламе // Klio. 1965. Bd. 46: 5–25.

2702. – On the ancient population of the Urmia Lake Region // AMI. 1986. Bd. 19 (1988): 87–93.

2703. – *On the Scythians in Mannea // Societies and languages of the Near East: Studies in honour of I. M. Diakonoff. Warminster: Aris and Phillips, 1982: 349–356.

Ютина Т. К.

2704. – Richtung und Charakter der kulturellen Kontakten der Bevölkerung der Mittleren Prikamje in der Epoche des Mittelalters // CIFU; 7. 2. B. Summaria diss. Debrecen, 1990: 163.

Яблонский Л. Т.

2705. – Burial place of a Massagetan warrior // Antiquity. 1990. Vol. 64, № 243: 288–296: ил. Библиогр.: 295–296.

Ягодин В. Н.

2706. – Les sépultures à ostothèques sur les marges nord-ouest de la chorasmie antique // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris: CNRS, 1987: 11–22: ил. (Publ. de l'U.R.A. 29: Mém. № 2). Библиогр.: 21–22.

Яйленко В. П.

2707. – Новые эпиграфические данные о римском Боспоре: Надписи малоазийцев с Керченского полуострова // Eirene. 1985. T. 22: 71–75.

2708. – Фракийские гидронимы VIII–V вв. до н. э. на северном побережье Понта // Tracia Pontica: Sympos. Intern.; 4. Sofia, 1991: 221–236.

Якимов В. П.

2709. – *Early man and the emergence of races // Readings in Physical Anthropology and Archaeology. New York, 1978: 307–311: ил.

2710. – *Evropšti neandertálci a problém formování homo sapiens // Sovětská věda. 1951. № 5: 495–505.

2711. – *Les hominoides. Les hominides et la limite inférieure de l'anthropogene // Congr. INQUA; 8. Paris, 1969: 367.

2712. – New materials of skeletal remains of ancient peoples in the territory of the Soviet Union // Current argument on early man: Proc. of the Nobel Symp. Oxford: Pergamon Press, 1980: 152–169: ил. Библиогр.: 168–169.

Якобсон А. Л.

2713. – Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики. – Междунар. симп. славянской археологии. – София, 1970. – 13 с.

2714. – Модель храма из раскопок Эски-кермен в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии // Зограф. 1977. № 8: 30–33: ил.

2715. – Некоторые закономерные особенности архитектуры Месемврии в XIII–XIV веках // Преслав (София). Т. 2: 156–177: ил. Библиогр.: 175.

2716. – О периодизации раннесредневековой архитектуры Болгарии: V–VI столетия // Междунар. конгр. по българистика; 1. Българската култура и взаимодействието й със световната култура. Т. 1. Културата на средновековна България. София, 1983: 367–374.

2717. – Рец.: Tchubinašvili G. P. Recherches sur l'architecture arménienne. – Tbilisi, 1967. // Revue des études arméniennes. 1968. T. 5: 463–478.

2718. – Antike Traditionen in der Kultur der frühmittelalterlichen Städte an der nördlichen Schwarzmeerküste // BiblClOr. 1966. Jg. 11, H. 6: 357–359.

2719. – À propos des relations entre les régions littorales au nord et au sud de la mer Noire // Byzantinoslavica. 1981. T. 42, № 1: 43–51: 2 л. ил.: ил.

2720. – Gli archi incrociati nell'architettura medioevale Armena // Intern. Simp. di Arte Armena; 1. Venezia, 1987: 323–332: ил.

2721. – Miscellanea Jakobson. – Milano: OEMME Ediz., 1986. – 203 с.: портр. – (Ricerca sull'architettura Armena; 25; Fonti; 4). – Pubblicazioni di A. L. Jakobson: с. 2–15 / M. Hasratian.

2722. – Les rapports et les corrélations des architectures arménienne et géorgienne au Moyen Âge // Revue des études arméniennes. 1971. T. 8: 229–249.

См. также № 830.

Яковенко Э. В.

2723. – Про скифські веретена // Золото степу: Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991: 112–114: ил. Библиогр.: 114.

Якубов Ю. Я.

2724. – Gardani Chisor – der Palast des Herrschers von Pendzikent im Bergland von Buttam // Das Altertum. 1978. Bd. 24, H. 2: 89–94: ил.

2725. – Eine Holzskulptur vom oberen Zeravšan (UdSSR) // Das Altertum. 1983. Bd. 29, H. 3: 181–185: ил.

Ямпольский З. И.

2726. – Наскальные изображения Кобыстана и происхождение религии и искусства // ActaACarp. 1967. T. 9, F. 2: 101–111: ил.

Ямских А. Ф.

2727. – Late Palaeolithic ecological aspects of the Upper and Middle Enisey Valley // Early man news. 1990. № 15: 39–41. Библиогр.: 41.

Янин В. Л.

2728. – The archaeology of Novgorod // Scientific American. 1990. № 262: 72–79.

2729. – Das frühe Novgorod // BerRGK. 1988. Bd. 69: 338–343.

2730. – Ladoga und Nowgorod // Welt der Slawen. München: Beck, 1986: 210–214: ил.

2731. – *Modern methods in archaeology: The Novgorod excavation // Diogenes. 1960. Vol. 29: 82–101.

2732. – *Nyirfakéreg levelek üzenete = Auf Birkenrinde geschriebene Briefe. – Budapest; Užgorod: Gondolat-Kárpáti, 1980. – 283 с.

Рец.: Erdélyi I. // ActaArchHung. 1985. T. 37, F. 3/4: 466–467.

2733. – Piśmiennictwo na brozozowej korze w Nowogrodzie // KwH. 1977. R. 84, № 4: 895–909.

Янитс К. Л.

2734. – *Вопрос о преемственности населения и культуры каменного века в Эстонии // CIFU; 5. Turku, 1981. T. 2: 325.

Соавт. Янитс Л. Ю.

2735. – Die mesolithischen Siedlungplätze mit Feuersteininventar in Estland // Mesolithikum in Europa: Intern. Mesolithikum Symp.; 2. Berlin, 1981: 389–399: ил. Библиогр.: 398–399.

2736. – *Über die Kontinuität der Bevölkerung und Kultur der Steinzeit in Estland // CIFU; 5. Turku, 1981. T. 4: 419–428.

Соавт. Янитс Л. Ю.

Янитс Л. Ю.

2737. – Hat Estland im Neolithikum Verbindungen zu Schweden gehabt? // StBStock. 1985. T. 1: 17–38: ил. Библиогр.: 37–38.

2738. – Die kennenzeichnende Züge der Siedlung Tamula // Iskos. 1984. T. 4: 183–193: ил. *Библиогр.: 193.*

2739. – Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1957. T. 58: 80–100: ил.

2740. – Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland // FM. 1965. År. 72: 5–46: ил.

2741. – Über die estnischen Bootäxte vom Karlova-Typus // FM. 1971. År. 78 (1973): 46–76: ил.

См. также № 2734, 2736.

Янковская Н. Б.

2742. – A system of rotation of eponyms of the commercial association at Kanis (Asia Minor XIX B. C.) // Archiv orientalni. 1967. Vol. 35, № 4: 524–548.

Янушевич З. В.

2743. – Находки культурных растений из позднеэнеолитических слоев Овчарова // Овчарово. София: Бълг. акад. на науките, 1983: 107–118: ил. (Разкопки и проучвания; 9). Библиогр.: 116–117.

2744. – Находки культурных растений на поселении у с. Лепесовка // Acta museorum agriculturae (Praha). 1973. T. 8, № 1: 1–14: ил. Библиогр.: 11–12.

2745. – Развитие земледелия в Северном Причерноморье от неолита до раннего железного века // Recent advances in the understanding of plant domestication and early agriculture: World Archaeol. Congr. Southampton, 1986: 1–16: ил. Библиогр.: 15.

2746. – Agricultural evolution North of the Black Sea from the Neolithic to the Iron Age // Foraging and farming: The evolution of plant exploitation. London: Unwin Hyman., 1989: 607–619: ил. (One world archaeology; 13). Библиогр.: 619.

2747. – Discoveries of cultivated plants in the early farming settlements of the Jarym-Tepe I and Jarym-Tepe II in Northern Iran // JAS. 1980. Vol. 7. № 2:167–178: *ил. Библиогр.: 177–*178.

Соавт. Бахтеев Ф. Х.

2748. – Fossil remains of cultivated plants in the South-West of the Soviet Union // Folia quarternaria. 1975. T. 46: 23–30: ил.

2749. – Die Kulturpflanzen Skythiens // ZfA. 1981. Bd. 15, H. 1: 87–96: ил. Библиогр.: 96.

2750. – Prehistoric food plants in the South-West of the Soviet Union // Berichte der Deutschen botanischen Gesellschaft. 1978. Bd. 91: 59–66: ил. Библиогр.: 65–66.

2751. – The specific composition of wheat finds from ancient agricultural centres in the USSR // Plants and ancient man: Studies in Palaeoethnobotany. Proc. of the symp. of the intern. Work Group for Palaeoethnobotany; 6. Rotterdam: Balkema, 1984: 267–276: ил. Библиогр.: 276.

См. также № 1646, 1647.

Составители
Р. Ш. Левина, О. Н. Сажина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AA – Archäologischer Anzeiger.
AAS – Les Annales archéologiques arabes syriennes. Revue d'archéologie et d'histoire.
AAustr – Archaeologia austriaca.
ABalt – Archaeologia baltica.
ActaA – Acta archaeologica. København.
ActaACarp – Acta archaeologica carpathica.
ActaAntHung – Acta antiqua Academiae scientiarum hungaricae.
ActaArchHung – Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae.
ActaOrHung – Acta orientalia Academiae scientuarum hungaricae.
AErt – Archaeologiai értesitö.
AJA – American Journal of Archaeology.
AKorrBl – Archäologisches Korrespondenzblatt.
AltorF – Altorientalische Forschungen.
AMI – Archäologische Mitteilungen aus Iran.
AntJ – The Antiquaries Journal.
APol – Archaeologia polona.
ÀPolski – Archeologia Polski.
ArcAnthr – Arctic Anthropology.
ARep – Archaeological Reports. London.
ARozhl – Archeologické rozhledy.
ArtAs – Arts Asiatiques.
AVA-Beitr – Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie.
AVA – Forschungen zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie.
AVA-Materialien – Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie.
AVest – Arheološki vestnik.
BAR – British Archaeological Reports.

BAsInst – Bulletin of the Asia Institute.
BayVgBl – Bayerische Vorgeschichtsblätter.
BCH – Bulletin de correspondance hellénique.
BerRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Komission.
BEtOr – Bulletin d'études orientales.
BiblAIass – Bibliotheca archaeologica iassiensis.
BiblClOr – Bibliotheca classica orientalis.
BJb – Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn.
BMusHongr – Bulletin du Musée hongrois des beaux-arts.
BSPF – Bulletin de la Société préhistorique française.
CAnt – Current Anthropology.
CArch – Cahiérs archéologiques.
CIAC – Congrés international d'archéologie classique.
CIAS – Congrés international d'archéologie slave.
CIFU – Congressus internationalis fenno-ugristarum.
CISPP – Congrés international des sciences préhistoriques et protohistoriques.
DialHistAnc – Dialogues d'histoire ancienne.
DOP – Dumbarton Oaks Papers.
DossAParis – Les dossiers de l'archéologie.
EAZ – Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift.
EPRO – Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire Romain.
ERAUL – Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège.
FascAHist – Fasciculi archaeologiae historicae.
FM – Finkst Museum.
FolA – Folia archaeologica.
FolOr – Folia orientalia.
FolPraehistPosn – Folia praehistorica posnaniensia.
FScandA – Fennoscandia archaeologica.
HambBeitrA – Hamburger Beiträge zur Archäologie.
HambBeitrNum – Hamburger Beiträge zur Numismatik.
INQUA – International Union for Quaternary Research.
Ipek – Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst.
IranAnt – Iranica antiqua.
JAME – A nyiregyházi Josa András Múzeum Évkönyve.
JAnthrA – Journal of Anthropological Archaeology.
JAS – Journal of Archaeological Sciences.
JbÖByz – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik.
JbSchwUrgesch – Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Urgeschichte.
JCentrAs – Journal of Central Asia.
JCunSt – Journal of Cuneform Studies.
JHS – The Journal of Hellenic Studies.
JGS – Journal of Glass Studies.
JÖBG – Jahrbuch der Österreichischen byzantinischen Gesellschaft.
JRAS – Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.
JRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz.
JSchrVgHalle – Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte.
JWP – Journal of World Prehistory.
KHKM – Kwartalnik historii kultury materialnej.
KwH – Kwartalnik historyczny.
MAInstUngAk – Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften.
MAnthrWien – Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.
MatA – Materiały archeologiczne.
MatZP – Materiały Zachodnio-Pomorskie.
MesMisc – Mesolithic Miscellany.
MIO – Mitteilungen des Instituts für Orientforschung.
MKAS – Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej.
NAR – Norwegian Archaeological Review.
NumChron – The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society.
OchrZab – Ochrona zabytków.
OJA – Oxford Journal of Archaeology.
OrLovPer – Orientalia lovaniensia periodica.
PACT – Revue du Groupe européen d'études pour les techn., phys., chim. et math. appliquées à l'archéologie.
PamA – Památky archeologické.
PPS – Proceedings of the Prehistoric Society.
PraceMatŁodz – Prace i materialy Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi.
PrzA – Przegląd archeologiczny.
PrzH – Przegląd historyczny.
PZ – Praehistorische Zeitschrift.
RA – Revue archéologique.
RScPreist – Rivista di scienze preistoriche.
SborBrno – Sbornik praci Filosofické fakulty Brněnské university. Rada archeologickoklasická (E).
SborNMPraha – Sbornik Narodniho musea v Praze.
SchrOr – Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients.
SlAnt – Slavia Antiqua.
SlovA – Slovenská archeológia.
SM – Suomen Museo.
SMEA – Studi micenei ed egeo-anatolici.
StA – Studia archaeologica.
StAWrocław – Studia archeologiczne. Wrocław.
StBStock – Studia Baltica Stockholmiensis.
StCercIstor – Studii şi cercetări de istorie veche şi archeologie.
StEtr – Studi etruschi.
StPraehist – Studia praehistorica.
StThr – Studia thracica.
SUFG – Schriften zur Ur -und Frühgeschichte.
ŠZ AÚSAV – Študijné zvesti archeologického ústavu Slovenskej Akadémie Vied.
VAH – Varia archaeologica hungarica.
VjesDal – Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku.
WiadA. – Wiadomości archeologiczne.
WiadNum – Wiadomości numizmatyczne.
WissBeitrHalle – Wissenschafliche Beiträge. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.
WissZBerl – Wissenschafliche Zeitschrift der Humbolt Universität zu Berlin.
WissZHalle – Wissenschaftliche Zeitschrift. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.
WissZRostock – Wissenschaftliche Zeitschrift der Universitat Rostock.
WK – Waffen-und Kostümkunde.
WorldA – World Archaeology.
ZAM – Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters.
ZAS – Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde.
ZborMuzBeograd – Zbornik Narodnog muzeja Beograd.
ZfA – Zeitschrift für Archäologie.
ИИ – Интердисциплинарни изследования. София.
МПК – Музеи и паметници на културата. София.

ИЗДАНИЯ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ СОТРУДНИКАМИ ИИМК РАН в 1998–2002 гг.

1998

1. Археологические Вести / ИИМК; Отв. ред. В. М. Массон. – СПб: Дм. Буланин – . № 5. – 300 с.: ил., карт.
2. Археология Петербурга / ИИМК; СПб. фил. РНИИ культ. и природ. наследия; Отв. ред. Г. С. Лебедев. – СПб. – Вып. 2 (1997) – 52 с.: ил., карт.
3. Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Памятники долины Белого Июса на севере Хакассии / ИИМК. – СПб. – 94 с.: ил., карт. – Рез. англ. Библиогр.: с. 89–91. – (Раскопки на дорогах Хакассии; Вып 2). (Археол. изыскания; Вып. 59).
4. *Викинги и славяне: Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях* / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, А. Хедман. – СПб: Дм. Буланин. – 94 с.: ил, карт.
5. Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы в центре Тувы / РАН. ИИМК. ИВ; СПбГУ. – М.: Фундамента-Пресс, 1998. — 84 с.: ил. – Библиогр.: с. 79–83.
6. Далекое прошлое Пушкиногорья: Учебное пособие / Составитель С. В. Белецкий; РАН. ИИМК; СПбГАК; Гос. мемориал. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник «Михайловское». – СПб. – Вып. 1. История. – 108 с.
7. Далекое прошлое Пушкиногорья: Учебное пособие / Составитель С. В. Белецкий; РАН. ИИМК; СПбГАК; Гос. мемориал. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник «Михайловское». – СПб. – Вып. 2. Археология. – 114 с.: ил
8. *Далекое прошлое Пушкиногорья:* Учебное пособие / Составитель С. В. Белецкий; РН. ИИМК; СПбГАК; Гос. мемориал. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник «Михайловское» – СПб. – Вып. 3. Музейная педагогика. – 72 с.
9. Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70–летию А. Д. Грача / РАН. ИИМК; МАЭ; СПбГУ; *Отв. ред.* Д. Г. Савинов. – СПб.: Культ–информ-пресс. – 304 с.: ил., карт.
10. Изучение памятников морской археологии: [Сб. ст.] / РАН. *ИИМК;* Отв. ред. В. М. Массон. – СПб. – Вып. 3. – 234 с.: ил. – (Археол. изыскания; Вып. 58).
11. Изучение раннего палеолита Старого Света: К 80–летию В. П. Любина: /Сб. ст.// / РАН. ИИМК; Отв. ред. В. М. Массон. – СПб. – 68 с.: ил. – (Археол. изыскания; Вып. 57).
12. Культурное наследие Российского государства: [Сб. ст.] / Составитель А. Н. Кирпичников; РАН. ИИМК; ЛО ВООПИК; Отв. ред. А. Н. Кирпичников, В. М. Массон, В. С. Пономарев. – СПб.: Вести. – 136 с.
13. *Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе* / РАН. *ИИМК.* – СПб.: Петербург. Востоковедение. – 192 с.: ил., карт. – (Археол. изыскания; Вып. 47; Палеолит Кавказа; Кн. 1).
14. Миняев С. С. Дырестуйский могильник / РАН. ИИМК; СПб. фонд «Азиатика». – СПб.: Европ. дом. – 234 с.: ил. – Рез. англ. – (Археол. памятники сюнну; Вып. 3).
15. Питулько В. В. Жоховская стоянка / РАН. ИИМК. – СПб: *Дм. Буланин. – 186 с.: ил., карт. – Рез. англ. Библиогр.:* с. 105–116.
16. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы / РАН. ИИМК; Отв. ред. А. А. Синицин, Н. Д. Праслов. – СПб. – 142 с.: ил. – Рез. англ. – (Археол. изыскания; Вып. 52). – Библиогр.: с. 119–133.
17. *Хлобыстин Л. П. Древняя история* Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии / РАН. ИИМК. – СПб: Дм. Буланин. – 342 с.: ил., карт. – Рез. англ. Библиогр.: с. 181–195.
18. Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский север: проблемы и источники / РАН. ИИМК. – СПб: Петербург. Востоковедение . – Т. 1. 464 с.: ил., карт.; Т. 2. 426 с.: ил., карт.

1999

1. Археологические Вести / РАН. ИИМК; Отв. ред. В. М. Массон, Е. Н. Носов. – СПб.: Дм. Буланин. – № 6. – 520 с.: ил.
2. Археология Петербурга / РАН. ИИМК; СПб. фил. РНИИ культ. и природ. наследия; Отв. ред. Г. С. Лебедев. – *СПб.: Петербург. Востоковедение. – Вып. 3 (1998).* – 36 с.: ил
3. Астахов С. Н. Древний палеолит Японии / РАН. ИИМК. – СПб. – 38 с.; 22 л. ил.
4. Астахов С. Н. Палеолит Енисея: Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске / РАН. ИИМК. – СПб.: Европ. дом. – 208 с.: ил. – Рез. англ. Библиогр. : с. 183–191.
5. Беляева Е. В. Мустьерский мир Губского ущелья: Северный Кавказ / РАН. ИИМК. – СПб.: Петербург. Востоковедение. – 212 с.: ил. – Рез. англ. – (Труды ИИМК; Т. 1.; Палеолит Кавказа; Кн. 2). – Библиогр.: с. 199–204.
6. Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: Материалы междунар. науч. конф. – /РАН. ИИМК; ГМИРА; Науч. ред. и сост. М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, Е. Я. Рогов, В. А. Хршановский. – СПб. – 360 с. : ил.
7. Вадецкая Э. Б. *Таштыкская эпоха в древней истории* Сибири / РАН. ИИМК. – СПб.: Петербург. Востоковедение. – 436 с.: ил., карт. – Рез. англ. Библиогр.: с. 425–433.
8. Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее / РАН. ИИМК. – СПб: Дм. Буланин. – 136 с.: ил. – Рез. англ.
9. Далекое прошлое Пушкиногорья: Учебное пособие / Сост. С. В. Белецкий; РАН. ИИМК; СПбГАК; Гос. *мемориал.* ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник «Михайловское». – СПб. – Вып. 4. Культурология. Новые археологические исследования. – 60 с.: ил.
10. Изучение культурного наследия Востока: Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: Материалы Междунар. конф. / РАН. ИИМК.; Отв. ред. В. М. Массон. – СПб.: Европ. дом. – 166 с.: ил. – (Археол. изыскания; Вып. 61).
11. Кирчо Л. Б. К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана / РАН. ИИМК. – СПб. – 120 с.: ил. – (Археол. изыскания; Вып. 60).
12. Красниенко С. В., Субботин А. В. Археологическая карта Шарыповского района: (Красноярский край) / РАН. ИИМК. – СПб. – 114 с.: ил.
13. Локальные различия в каменном веке: Тезисы докладов на Междунар. конф., посвящ. 100–летию С. Н. Замятнина / РАН. ИИМК. МАЭ; Отв. ред. Т. А. Попова, Н. Д. Праслов. – СПб. – 178 с.
14. Вадим Михайлович Массон: Биобиблиографический указатель / Составитель Л. М. Всевиов; РАН. ИИМК. – СПб. – 44 с.: *портр.*
15. Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита / РАН. ИИМК. – СПб: Европ. дом. – 174 с.: ил. – Рез. англ. Библиогр.: с. 87–95.
16. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы: Тезисы докладов Междунар. конф., посвящ. *120–летию открытия палеолита в Костенках* / РАН. ИИМК; Отв. ред. М. В. Аникович, Н. Д. Праслов. – СПб. – 82 с.

17. Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / РАН. ИИМК; Отв. ред. Е. Н. Носов. – СПб. – 256 с.: ил., карт.
18. Советская археологическая литература: Библиографический указатель. 1985–1987 / Составители Р. Ш. Левина, Л. М. Всевиов; РАН. ИИМК; Библиотека РАН; Отв. ред. Е. Н. Носов. – СПб. – 518 с.
19. Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии: Первые Семеновские чтения / РАН. ИИМК; Отв. ред. Г. Ф. Коробкова. – СПб. – 188 с.
20. Korabkowa G. F. Narzędzia w pradziejach: Podstawy badania funkcij, metoda traseologiezną / Uniw. Mikołaja Kopernika. – Toruń. – 168 s.
21. Modelling of specific and sensitive coastal areas of the Baltic sea: Workshop «Environment in the Neva bay – Karelian Isthmus area, through time». – СПб: Thesa. – 92 p.

2000

1. Археологические Вести / РАН. ИИМК; Отв. ред. Е. Н. Носов. – СПб: Дм. Буланин. – № 7. – 384 с.: ил.
2. Белецкий С. В., Скрынникова Е. В. Псковский Кремль: археология, реставрация, музеефикация: Учебное пособие / РАН. ИИМК; СПбГУКИ – СПб. – 34 с.: ил. – (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада; Вып. 1). – Библиогр.: с. 31–33
3. Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей: Учебное пособие. Часть первая: X – XI вв. / РАН. ИИМК; СПбГУКИ . – СПб. – 120 с: ил. – (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада; Вып. 2). – Библиогр.: с. 115–120.
4. Взаимодействие культур и цивилизаций: В честь юбилея В. М. Массона: [Сб. ст.] / РАН. ИИМК; Фонд содействия развитию связей с Туркменистаном; СПб. о-во культурных связей с Туркменистаном; Отв. ред. Ю. Е. Березкин. – СПб. – 268 с.: ил.
5. Далекое прошлое Пушкиногорья: Учебное пособие / Составитель С. В. Белецкий; РАН. ИИМК. СПбГУКИ; Гос. мемориал ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник «Михайловское». – СПб. – Вып. 5. Археология. – 240 с.: ил.
6. Далекое прошлое Пушкиногорья: Учебное пособие / Составитель С. В. Белецкий; РАН. ИИМК; СПбГУКИ; Гос. мемориал. ист.-лит. и природно-ландшафт. музей-заповедник «Михайловское». – СПб. – Вып. 6. Песенный фольклор археологических экспедиций. – 120 с.
7. Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла: (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / РАН. ИИМК; Отв. ред. В. М. Массон . – СПб.: Европ. дом. – (Археол. изыскания; Вып. 63). – 168 с.: ил., карт.
8. Изучение памятников морской археологии / РАН. ИИМК; Ред. П. Е. Сорокин. О. И. Богуславский. – СПб. – Вып. 4. – 240 с.: ил. – (Археол. изыскания; Вып. 62).
9. Красниенко С. В., Субботин А. В. Тропой тысячелетий: (Очерк древней истории Шарыповского района). – Шарыпово. – 14 с.: ил.
10. Культурное наследие Российского государства / Составитель А. Н Кирпичников; РАН. ИИМК; ЛО ВООПИК.; Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, В. С. Пономарев. – СПб.: Вести. – Вып. 2. Прошлое и современность – 190 с.: ил.
11. Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы): Материалы к междунар. науч. конф. / Гл. ред. В. М. Массон. – Ашгабат; СПб: Европ. дом. – 244 с.
12. Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья / РАН. ИИМК. – СПб.: Петербург. Востоковедение. (Труды ИИМК; Т. II). – 232 с.: ил., карт. – Рез. англ. Библиогр.: с. 223–228.
13. Любин В. П., Геде Ф. Й. Палеолит республики Кот д'Ивуар: (Западная Африка) / РАН. ИИМК. – СПб. : Петербург. Востоковедение . – 158 с.: ил., карт. – (Труды ИИМК; Т. III). – Библиогр.: с. 149–151
14. Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Нижнем Дону / РАН. ИА; Германский археол. ин-т. – М. – 218 с., 36 ил.: ил. – Рус., нем. – (Pontus septentrionalis; 2; Танаис; 2).: Библиогр.: с. 264–272.
15. Маршак Б. И., Распопова В. И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 1999 году / РАН. ИИМК; ГЭ; АНРТадж. ИИАЭ. СПб.: Изд-во ГЭ. – 44 с., 41. л. ил. – (Материалы Пенджикентской археол. экспедиции; Вып. 2).
16. Семенов В. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В. Петроглифы Каратага и горы Кедровой: (Шарыповский район Красноярского края) / РАН. ИИМК. – СПб. – 66 с., 19 л. ил. – Рез. англ. Библиогр.: с. 60–62.
17. Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады Междунар. науч. симпоз. по вопросам археологии и истории / РАН. ИИМК; Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, А. И. Сакса. – СПб: Вести. – 266 с.: ил., карт.
18. Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов междунар. конф., посвящ. Н. Н. Гуриной / РАН. ИИМК; Отв. ред. В. И. Тимофеев – СПб. – 98 с.: портр.
19. Radiocarbon and Archaeology / РАН. ИИМК; Отв. ред. Г. И. Зайцева. – СПб: THESA. – Vol. 1. No 1. – 88 с.: il., map.
20. A D. Rezepkin. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. – Pahden: Leidorf. – 76 s., 43 taf.: taf. – (Archäologie in Eurasien. Bd. 10).

2001

1. Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л. Древности Аскизского района Хакасии / РАН. ИИМК; ВООПИК. Хакас. Отд-ние. – СПб. – 100 с.: ил. – Библиогр.: с. 98–99.
2. Археологические Вести / РАН. ИИМК; Отв. ред. Е. Н. Носов. – СПб: Дм. Буланин, 2001. — 335 с.
3. Анисюткин Н. К. Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины / РАН. ИИМК. – СПб: Европ. дом. – 308 с.: ил., карт. – Рез. англ. Библиогр.: с. 172–181.
4. Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей: Учебное пособие – Часть вторая. XII–XIII вв. / РАН. ИИМК; СПбГУКИ. – СПб. – 188 с.: ил. – (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада.; Вып. 3).
5. Белецкий С. В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику: Учебное пособие / РАН. ИИМК; СПбГУКИ. – СПб. – 192 с.: ил., карт. – (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада; Вып. 4).
6. Березкин Ю. Е. Мост через океан: Заселение Нового Света и мифология индейцев и эскимосов Америки. – Lewiston ets: Edwin Mellen. – 430 с.; 57 л. ил., карт. – (Российские исследования в гуманитарных нуках; Т. 23). – Библиогр.: с. 367–404.
7. Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства : Материалы междунар. конф. / РАН. ИИМК; ГМИР; ГЭ;. Отв. ред. В. Ю. Зуев. – СПб: Изд-во ГЭ – Ч. 1 – 196 с.: ил.; Ч. 2. – 316 с.: ил.
8. Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник / РАН. ИИМК. – СПб.: Петербург. Востоковедение. – 216 с. – (Труды ИИМК; Т. IV).
9. Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60–летию Д. Г. Савинова / РАН. ИИМК; СПбГУ; Отв. ред. С. Н. Астахов. – СПб.: Изд-во филол.факультета СПбГУ. – 250 с.: ил.
10. Маршак Б. И., Распопова В. И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2000 году / РАН. ИИМК; ГЭ; АНРТадж. ИИАЭ – СПб.: Изд-во ГЭ. – 47 с., 44 л. ил. – (Материалы Пенджикентской археологической экспедиции; Вып. III).

11. Массон В. М. Вопросы культурного наследия. Материалы для методол. семинаров. / Гос. ин-т культ. наследия народов Туркменистана, Центр. Азии и Востока. – Ашхабад. 64 с.
12. Мусин А. Е. Становление церкви на Руси в IX–XIV веке: Средневековая русская христианская культура: историко-археологическое исследование. – Lewiston ets: Edwin Mellen, 2001. – 488 с.: ил. (Российские исследования в гуманитарных науках; Т. 17). – Библиогр.: с. 419–442.
13. Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла / РАН. ИИМК; Отв. ред. В. М. Массон; Сост. Л. Б. Кирчо. – СПб. – 212 с.: ил. – Рез. англ. – (Материалы ЮТАКЭ; Вып. 5.).
14. Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода: результаты археологических исследований 1971–1991 гг. / РАН. ИИМК. – СПб.: Дм. Буланин. – 260 с.: ил.,карт. – Библиогр.: с. 202–210.
15. Сорокин П. Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц: (700 лет поселению на Неве). / РАН. ИИМК; Сев.-Зап. Ин-т наследия. – СПб: Литера. 128 с.: ил., карт.- Рез. англ. Библиогр.: с. 124–127.
16. Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993—1997 гг.): [Сб. ст.]. / РАН. ИИМК; Твер. гос. объед. Музей; Науч. ред. В. А. Лапшин. – СПб: Европ. дом. 232 -с.: ил. – Рез. англ.

2002

1. Археологические Вести / РАН. ИИМК; Отв. ред. Е. Н. Носов. – СПб.: Дм. Буланин. – № 9. – 318 с.: ил.
2. Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: Материалы междунар. науч. конф. / РАН. ИИМК; ГЭ.; Отв. ред. В. Ю. Зуев. – СПб.: Изд-во ГЭ. – Ч. 1. – 300 с.: ил; Ч. 2 – 350 с.:ил.
3. Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур: (Материалы междунар. конф., посвящ. 90–летию А. Н. Рогачева) / РАН. ИИМК; Под ред. Н. Д. Праслова. – СПб. – 170 с.
4. Вишняцкий Л. Б. Введение в преисторию. Проблемы *антропогенеза и становления культуры.* Курс лекций / Высшая антропол. *школа. – Кишинев.* 312 с.: ил., карт.
5. Записки Восточного отделения Российского археологического *общества* (ЗВОРАО) / РАО. Восточ. Отд-ние; РАН. ИИМК; СПБ. фил. *ИВ; Отв. ред.* В. М. Массон. – СПб.: Петербург. востоковедение. – Новая серия; Т. I (XXVI). – 550 с.: ил.
6. *Кирпичников* А. Н., Губчевская Л. А. Старая Ладога: История и достопримечательности / РАН. *ИИМК;* Староладож. ист.-архит. и археол. музей-заповедник. – СПб.: Славия. – 60 с.: ил, карт.- Рус., англ. Библиогр.: *с. 60.*
7. Культура, образование, история Ленинградской области: ТД науч.-практич. конф. / РАН. ИИМК; Староладож. ист.-архит. и археол. музей-заповедник; Сост. и отв. ред. А. Н. Кирпичников. – СПб.: Вести. – 90 с.
8. Культурное наследие Российского государства: [Сб. ст.] / РАН. ИИМК; ВООПИК. Ленингр. отд-ние; Сост. и отв. ред. А. Н. Кирпичников. – СПб.: Вести. – Вып. III. – 304 с.
9. Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. науч. ст. / РАН. ИИМК; Отв. ред. А. Н. Кирпичников. – СПб. – 312 с.: ил.
10. Маршак Б. И., Распопова В. И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2001 году / РАН. ИИМК; ГЭ; АН РТадж. ИИАЭ. – СПб.: Изд-во ГЭ. – 86 с., 74 л. ил. – (Материалы Пенджикентской археологической экспедиции; Вып. IV.)
11. [Массон] Вадим Михайлович Массон. Биобиблиографический указатель с дополнениями / РАН. ИИМК; Сост. Л. М. Всевиов, доп. В. М. Плоских. – Бишкек: Изд-о Кыргыз. Славян. ун-та. 48 с.: портр.
12. Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв.: Погребальный обряд и христианские древности / РАН. ИИМК. – СПб.: Петербург. востоковедение. – 270 с.: ил., карт. – Рез. англ. – (Труды ИИМК; Т. V.).
13. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы: [Сб. ст.] / РАН. ИИМК; Ред. А. А. Синицын, В. Я. Сергин, Дж. Ф. Хоффекер. – СПб: – 256 с.: ил. – (Костенки в контексте палеолита Европы. Сер.: Исследования; Вып. 1; Труды Костенковской экспедиции).
14. Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. Сборник статей памяти О. И. Давидан / РАН. ИИМК; ГЭ; Отв. ред. – Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. – СПб.: Изд-во ГЭ. – 144 с.: ил.
15. Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы междунар. науч. конф., посвящ.100–летию М. П. Грязнова. Книга I. / РАН. ИИМК; ГЭ; Отв. ред. – Ю. Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во ГЭ. – 284 с.: ил.
16. Хлопин И. Н. Эпоха бронзы юго-западного Туркменистана / РАН.ИИМК; Отв. ред. В. А. Завьялов. – СПб. Петербург.Востоковедение. – 334 с.: ил.
17. V. P. Lioubin. L'Acheuléen du Caucase / Études et Recherches archéologiques de l'Université de Liège. – Liège: l'Université de Liège. 142 p.: il.
18. Miniaev S. S., Smolarsky Ph. Art of the Steppes. — Brussels: Foundation Richard Liu, – 106 p.: il., map.
19. Panskoye I / Ed. by L. Honnestad, V. F. Stolba, A. N. Ščeglov. – Vol. I Monumental building U 6 – Aarhus: Aarhus University Press. – Text. – 368 p.; Plates. 18 p., 96 p/ il, map. – (Archaeol. in Western Crimea).

Составители
Л. Б. Кирчо, Л. М. Всевиов

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКОВ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ» №№ 1–10.

I. Статьи и заметки

1. Абрамова З. А., Г. В. Григорьева. Обработка бивня на палеолитическом поселении Юдиново. 2. С. 5–12.
2. Аванесова Н. А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры. 4. С. 63–72.
3. Алёкшин В. А. Особенности погребального обряда эпохи мустье (по материалам захоронений Крыма). 2. С. 157–168.
4. Алёкшин В. А. Новые данные о мустьерских погребениях Ближнего Востока. 3. С. 136–143.
5. Алёкшин В. А. Мустьерские погребения Западной Европы. 4. С. *188–216.*
6. Алёкшин В. А. Неандерталь, Крапина, Монте Чирчео. Ритуалы в среднем палеолите. 5. С. 241–249.
7. Амбросиани Б., П. Г. Гайдуков. Е. Н. Носов, И. Янссон. *Первая находка скандинавской* равноплечной фибулы типа Вальста на Руси. 3. С. 110–120.

8. Амирханов Х. А. Адаптация и некоторые аспекты культурогенеза (на примере раннеголоценовых памятников Кавказа). 4. С. 181–187.
9. Андреев Ю. В. Коллапс микенской цивилизации и варварский мир Центральной Европы. 1. С. 165–174.
10. Аникович М. В. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы. 3. С. 144–157.
11. Аникович М. В., Б. А. Бредли, Е. Ю. Гиря. Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников. 5. С. 42–54.
12. Анисюткин Н. К. Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины. 3. С. 6–15.
13. Анисюткин Н. К., У. И. Исламов, К. А. Крахмаль. Кливеры раннепалеолитической стоянки Сельунгур в Средней Азии. 7. С. 12–19.
14. Анисюткин Н. К. Проблема мустьерских жилищ с использованием многочисленных костей мамонта. 9. С. 11–23.
15. Артемьев А. Р. Скрамасакс из псковского некрополя X – начала XI вв. 5. С. 228–232.
16. Ахунбабаев Х. Г. К проблеме северных границ Греко-Бактрийского царства. *10. С. 139–144.*
17. Байпаков К. М. Семиреченские художественные бронзы. 8. С. 151–159.
18. Бельский С. В. Юго-Восточное Приладожье в период *860–950-х годов: проблемы формирования* и развития основных типов погребального обряда и их взаимодействие. 6. С. 197–214.
19. Бердимурадов А. Э., М. К. Самибаев. Ранние росписи *согдийского храма Джар-тепе II (V – начало VI вв.).* 3. С. 96–109.
20. Березкин Ю. Е., Н. Ф. Соловьева. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология). 5. С. 86–123.
21. Березкин Ю. Е. Керамика из района бухты Оля на острове Итуруп. 9. С. 119–123.
22. Березкин Ю. Е. О путях заселения Нового Света: некоторые результаты сравнительного изучения американских и сибирских мифологий. 10. С. 230–291.
23. Бозински Г. Средний палеолит: 250000 лет нашей истории. 10. С. 219–229.
24. Борисковский П. И. О научном предвидении в археологии палеолита. 3. С. 253–255.
25. Булгакова В. И. Сфрагистический материал и историко-культурные интерпретации: находка печати князя Изяслава Ярославича (1052–1078) в Киеве. 7. С. 218–221.
26. Буров Г. М. Деревянные орудия с поселения Вис II в бассейне Вычегды (середина I тысячелетия н. э.). 7. С. 189–199.
27. Былкова В. П. Поселения на Нижнем Днепре в аспекте скифо-эллинских отношений (рубеж V–IV вв. до н. э. – III в. н. э.). 7. С. 125–139.
28. Вадецкая Э. Б. Исследование коллективных могил позднетагарской культуры в верховьях Чулыма (раскопки кургана 2 у деревни Береш). 4. С. 96–122.
29. Вайман А. А. О квазишумерских табличках Тэртэрии. 3. С. 181–191.
30. Варваровский Ю. Е. К вопросу о «теории двух Сараев» и локализации города Гюлистана. 7. С. 251–265.
31. Васильев И. Б., П. Ф. Кузнецов, А. П. Семенова. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье. 1. С. 52–63.
32. Васильев С. А. Финальный палеолит Сибири и мадлен Франции: сравнительный анализ структуры стоянок. 3. С. 158–165.
33. Васильев С. А. Стадиализм в палеолитоведении: 60 лет спустя. 5. С. 250–254.
34. Васильев С. А. Поздние комплексы многослойной стоянки Уй II и проблемы развития каменного века в голоцене на Верхнем Енисее. 8. С. 61–76.
35. Васильева Н. Б., Н. В. Косорукова. Стоянка каменного века Марьино-1 на реке Ратце. 8. С. 77–87.
36. Виноградов Ю. А. Новые данные о южноаравийском порте Кана (I–VI вв. н. э.). 2. С. 72–79.
37. Виноградов Ю. А. Раскопки храма Зат-Химьям в западном Хадрамауте (Райбун V). 3. С. 88–95.
38. Виноградов Ю. А., Д. И. Фоняков. Коллекция металлических предметов с Ягорлыцкого поселения. 7. С. 96–105.
39. Власова Е. В., С. Л. Соловьев. Новые исследования хоры и некрополя Нимфея: 1992–1995. 5. С. 187–204.
40. Власова Е. В. Сосуды в форме рога из кургана Куль-Оба. 6. С. 163–167.
41. Галибин В. А. Находки индийских стеклянных бус в погребениях Сибири и Средней Азии. 2. С. 66–71.
42. Галибин В. А., В. И. Тимофеев. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики. 2. С. 13–19.
43. Гвиди А. Итальянское «многостишие»: различные направления доисторической археологии. 3. С. 203–207.
44. Гилевич А. М. Хронология и топография кладов и коллективных находок херсонесских монет IV–II вв. до н. э. 6. С. 346–373.
45. Гиря Е. Ю., А. Ресино. С. А. Семенов. Костенки, палеолитоведение. 9. С. 173–190.
46. Горбунова Н. Г. Об одном типе бронзовых зеркал («бактрийские»? «сарматские»?). 5. С. 283–296.
47. Горончаровский В. А. Золотой медальон III в. н. э. из раскопок Илурата. 2. С. 80–84.
48. Горюнова В. М. Новый клад антского времени из *Среднего Поднепровья. 1. С. 125–140.*
49. Григорьева Г. В. Исследования на верхнепалеолитическом поселении Юдиново в 1995–1997 гг. 6. С. 56–70.
50. Григорьева Г. В. Исследования *верхнепалеолитического* поселения Юдиново в 2000 г. 9. С. 24–33.
51. Гукин В. Д., С. И. Курчатов. Позднекочевническое погребение у села Паланка. 4. С. 143–145.
52. Гусев С. В. Раскопки эскимосского поселения Каниськак (Дежнево) на азиатском берегу Берингова пролива (1990–1992 гг.). 4. С. 25–32.
53. Давыдова А. В., С. С. Миняев. Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике. 2. С. 55–65.
54. Денисова В. И. Литейная форма мастера Гикесия из Ольвии. 3. С. 78–87.
55. Денисова В. И. Горгонейон-скифос из Ольвии. 6. С. 146–162.
56. *Денисова В. И. Рисунки античных кораблей из Ольвии.* 7. С. 112–120.
57. Денисова В. И. К некрополю Ольвии начальной поры (даты, находки, гипотезы). 8. С. 190–202.
58. Егорьков А. Н. Газохроматографическая методика обнаружения органического связующего в древней настенной живописи. 6. С. 215–220.
59. Егорьков А. Н., М. Б. Днепровская. Органическое связующее стенописных красок храма Богородицы средневекового грузинского пещерного монастыря Бертубани. 7. С. 266–271.
60. Завьялов В. А. К вопросу о происхождении статуэтки Будды из Хельго. 4. С. 137–142.
61. Заднепровский Ю. А. Могильник Уч-ат в Южной Киргизии. 10. С. 91–104.
62. Заднепровский Ю. А., В. Н. Васильев, Ю. А. Морозов. Новые материалы по эпохе бронзы юго-восточного Башкортостана. 9. С. 65–72.
63. Зайцева К. И. Лепные чашки на ножках конца VII – I вв. до н. э. из Северного Причерноморья. Часть первая. 7. С. 140–153.
64. Зайцева К. И. Лепные чашки на ножках конца VII – I вв. до н. э. из Северного Причерноморья. Часть вторая. 8. С. 160–171.

65. Исаков А. И. Богатое женское погребение из Саразма (Таджикистан). 1. С. 64–75.
66. Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов. 6. С. 404–419.
67. Каменецкий И. С. Ново-Джерелиевское IV городище. 7. С. 164–177.
68. Каминская И. В., Э. С. Шарафутдинова. Жилой комплекс Гамовская Балка – новый памятник эпохи средней бронзы на Северо-Западном Кавказе. 6. С. 86–100.
69. Карих А. В., С. Н. Лисицын, Н. Д. Праслов, А. А. Синицын. Открытие новой верхнепалеолитической стоянки в Костенковско-Борщевском районе на Дону. 6. С. 71–75.
70. Каспаров А. К. Собака эпохи энеолита из Южной Туркмении по палеозоологическим данным. 7. С. 41–48.
71. Каспаров А. К. Возможности идентификации зооморфных статуэток из энеолитических слоев памятников Илгынлы-депе, Алтын-депе и Кара-депе в Южной Туркмении. 8. С. 99–105.
72. Каспаров А. К. Скелет лошади из захоронения в некрополе Нимфея. 9. С. 45–50.
73. Каспарова К. В. О времени возникновения зарубинецкой культуры. 2. С. 169–190.
74. Касымов М. Р., Т. Ю. Гречкина. Кульбулак и его значение для первобытной археологии Центральной Азии. 4. С. 7–24.
75. Килуновская М. Е., Вл. А. Семенов. Оленные камни Тувы (часть 1 – новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности). 5. С. 143–154.
76. Килуновская М. Е., Вл. А. Семенов. Оленные камни Тувы (Часть 2. Сюжеты, стиль, семантика). 6. С. 130–145.
77. Кирпичников А. Н. Булавы и кистени из коллекции И. Хойновского в собрании Музея Войска Польского. 7. С. 229–235.
78. Кирпичников А. Н., В. А. Назаренко. Археологические открытия в Старой Ладоге. Черты сходства средневековых городов региона Балтики. 1. С. 141–151.
79. Кирпичников А. Н., В. П. Коваленко. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане). 2. С. 122–134.
80. Кирпичников А. Н., С. В. Белецкий. Новые сфрагистические находки из Старой Ладоги. 3. С. 132–135.
81. Кирпичников А. Н., А. Стальсберг. Новые исследования мечей эпохи викингов (по материалам норвежских музеев). 4. С. 171–180.
82. Кирчо Л. Б. Богатое погребение эпохи средней бронзы на Алтын-депе. 7. С. 70–76.
83. Кирчо Л. Б., Г. М. Ковнурко. Минералого-петрографическая характеристика находок из погребений Алтын-депе и вопросы хронологии. 6. С. 76–85.
84. Кирчо Л. Б., Г. М. Ковнурко. Престижно-культовые предметы и украшения Алтын-депе из древних искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа). 10. С. 109–114.
85. Кирчо Л. Б., Т. А. Шаровская. Орнаментированный каменный сосуд из Алтын-депе (к вопросу о постгеокюрском комплексе Южного Туркменистана). 8. С. 120–124.
86. Кисель В. А. «... Он привязал к бедру кинжал... » (об одном из способов ношения клинкового оружия). 7. С. 82–95.
87. Кисель В. А. Заметки о специфике рукопашного боя у сарматов. 10. С. 292–306.
88. Клейн Л. С. Историзм в археологии. 2. С. 135–144.
89. Клотт Жан (пер. З. А. Абрамовой). Последние данные о гроте Шове. 6. С. 41–50.
90. Кляшторный С. Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане. 8. С. 203–206.
91. Колтухов С. Г., С. И. Андрух. Скифские погребения V в. до н. э. из Северо-Западного Крыма. 4. С. 146–152.
92. Конецкий В. Я., К. Г. Самойлов. К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н. э. 7. С. 320–328.
93. Конте И. Клементе, Е. Ю. Гиря. Анализ орудий из ребер лося со стоянки Замостье 2 (7 слой, раскопки 1996–97 гг.). 10. С. 49–61.
94. Коробков И. И. Яштухская палеолитическая стоянка (вопросы геологии и условий залегания палеолитических индустрий). Тезисы отчетного доклада по плановой теме. 20 апреля 1992 г. 4. С. 313–315.
95. Коробкова Г. Ф. Орудия труда и начало земледелия на Ближнем Востоке. 3. С. 166–180.
96. Коробкова Г. Ф., Т. А. Шаровская. Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным). 8. С. 88–98.
97. Крайнов Д. А., Е. Л. Костылева, А. В. Уткин. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIа. 2. С. 20–30.
98. Крапивина В. В. Статуэтка Афродиты из Ольвии. 8. С. 172–174.
99. Крижевская Л. Я. К вопросу о раннем неолите Урала и его генезисе. 6. С. 491–498.
100. Кропотов В. В. Фибулы из могильников Дружное и Нейзац. 8. С. 175–187.
101. Крыжицкий С. Д. Ольвия и скифы в V в. до н. э. К вопросу о скифском «протекторате». 9. С. 208–221.
102. Кулаков С. А. Некоторые новые данные к изучению Ахштырской пещерной стоянки (Северо-Западный Кавказ). 7. С. 20–28.
103. Курбатов А. В. Погребальная обувь средневековой Руси. 9. С. 155–172.
104. Курбатов А. В. «Меры сапожные» и проблематика ремесленного ученичества. 10. С. 171–184.
105. Курбатов А. В., О. В. Овсянников. Изделия кожевенного производства в городах Русского Заполярья XVI–XVII вв. (Мангазея). 6. С. 245–271.
106. Курочкин Г. Н. Открытие богатой жреческой гробницы сибирских скифов. 1. С. 97–106.
107. Курочкин Г. Н. Раскопки скифского «царского» кургана на юге Сибири. 2. С. 31–43.
108. Кутимов Ю. Г. Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазабагъябской культуры Южного Приаралья (по материалам могильника Кокча 3). 9. С. 191–203.
109. Кушнарева К. Х., М. Б. Рысин. Новые данные к хронологии памятников эпохи средней бронзы Южного Кавказа. 10. С. 115–128.
110. Лисицын Н. Ф. К вопросу о технике первичного расщепления в верхнем палеолите Среднего Енисея. 6. С. 51–55.
111. Лисицын Н. Ф. Финальная пора позднего палеолита на юге Средней Сибири. 10. С. 205–218.
112. Литвиненко Р. А. Памятники покровского типа на Северском Донце. 4 С. 73–82.
113. Лозовская О. В., В. М. Лозовский. Типология и функции каменных изделий стоянки Замостье 2 (поздний мезолит-ранний неолит Русской равнины). 10. С. 33–48.
114. Любин В. П. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии. 5. С. 15–41.
115. Любин В. П. Туркменистан в эпоху палеолита. 8. С. 9–28.
116. Любин В. П., Ф. Й. Геде. Исследования палеолита в Западной Африке (Республика Кот д'Ивуар). 6. С. 19–40.
117. Малов Н. М., В. В. Филипченко. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья. 4. С. 52–62.
118. Марина З. П. О культурных контактах в энеолите-бронзовом веке племен Левобережного Предстепья и Северного Кавказа. 6. С. 308–318.

119. Марколонго Бруно, Паоло Мощи. Геоморфологическая эволюция предгорной равнины Восточного *Копетдага в эпоху голоцена*: предварительный геоархеологический обзор. 7. С. 33–40.
120. Маршак Б. И., В. И. Распопова, В. Г. Шкода. Новые исследования согдийской культуры в Пенджикенте. 2. С. 91–102.
121. Массон В. М. Движение информации в археологии. 1. С. 11–13.
122. Массон В. М. Археологическая Европа от Атлантики до Урала. 2. С. 1–4.
123. Массон В. М. Взаимодействие культур и культурная интеграция. 3. С. 1–5.
124. Массон В. М. На путях к новой инфраструктуре археологии России. 4. С. 1–6.
125. Массон В. М. Археология и культурное наследие страны. 5. С. 9–13.
126. Массон В. М. Эпоха древнейших великих степных *обществ*. 5. С. 255–267.
127. Массон В. М. Урбанизация и городской образ жизни. 6. С. 15–16.
128. Матева Б. И. Раскопки поселения среднего энеолита в Северо-восточной Болгарии *(предварительные* результаты). 10. С. 76–80.
129. Матюхин А. Е. Палеолитические мастерские в бассейне нижнего Дона. 3. С. 25–37.
130. Матюхин А. Е. О структуре, типах и принципах изучения палеолитических мастерских. 6. С. 272–286.
131. Матюхин А. Е. Описание и интерпретация орудий из палеолитических мастерских. 8. С. 29–48.
132. Матюхин А. Е. Михайловская балка – новый палеолитический *памятник* в устье Северского Донца (предварительное сообщение). 9. С. 34–40.
133. Матюхин А. Е. Об элементарных способах раскалывания камня в палеолите. 10. С. 15–27.
134. Мерфи Айлин М. Обзор *результатов палеопатологического* анализа погребений скифского периода на могильнике Аймырлыг (Тува). 8. С. 125–150.
135. Миняев С. С. Изучение погребений сюнну в Забайкалье. 1. С. 107–115.
136. Миняев С. С. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве сюнну. 4. С. 123–136.
137. Миняев С. С. Бронзовая пластина-пряжка из Дырестуйского *могильника*. 5. С. 155–158.
138. Миняев С. С., Л. М. Сахаровская. *Сопроводительные* захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам. 9. С. 86–118.
139. Михайлов К. А., В. Ю. Соболев. Новгородские наборные пояса X–XII вв. 7. С. 222–228.
140. Михайлов К. А., Е. Н. Носов. Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище. 9. С. 136–140.
141. Мордвинцева В. И. Старобельский клад. 6. С. 168–178.
142. Мордвинцева В. И., Е. П. Мысько. Курганы сарматской знати у поселка Октябрьский. 6. С. 179–191.
143. Мусин А. Е. К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в *российской археологии*. 2. С. 145–156.
144. Нехаев А. А. Домайкопская культура Северного Кавказа. 1. С. 76–96.
145. Никитин А. Б. Парфянские надписи на буллах из Старой Нисы. 2. С. 103–106.
146. Нунан Т. С. Возникновение Киева как важного европейского торгового и ремесленного центра домонгольского периода. 5. С. 295–312.
147. Нунан Т. С., Р. К. *Ковалев*. Неизвестный клад начала IX в. из имения М. А. Оболенского Дмитровского уезда Московской губернии. 7. С. 206–217.
148. Нунан Т. С., Р. К. Ковалев. Большой клад дирхемов ранней эпохи викингов, найденный в 2000 г. в г. Козельске, Калужской обл. 10. С. 151–165.
149. Овсянников О. В. Средневековая Арктика: археологические открытия последних лет. 3. С. 121–131.
150. Ошибкина С. В. Мезолитические погребения восточного Прионежья. 3. С. 48–57.
151. Павлова К. В. Поливная керамика городища Осовик. (Приложение: Н. Б. Селиванова. Результаты петрографического исследования образцов древнерусской керамики с городища Осовик Рогнединского района Брянской области). 8. С. 207–216.
152. *Палагута И. В. Системы расселения ранних земледельцев* Карпато-Поднепровья: опыт изучения микрогрупп памятников культуры Триполье-Кукутени. 7. С. 49–59.
153. Папанова В. А. Расписная ойнохоя местного производства из некрополя Ольвии. 10. С. 129–132.
154. Паромов Я. М. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове. 7. С. 309–319.
155. Паульс Е. Д. Еще раз о назначении так называемых «моделей ярма». 6. С. 124–129.
156. Пашкин Е. М., В. О. Подборская. Исследование нижних частей несохранившейся угловой башни XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря. 10. С. 166–170.
157. *Платонова Н. И., М. Б. Щукин*. Странная случайная находка из окрестностей Луги Ленинградской области. 7. С. 178–188.
158. Питулько В. В. *Открытие мезолита в Приполярной зоне* Арктики. 1. С. 40–51.
159. Питулько В. В., А. К. Каспаров. Древние охотники высокоширотной Арктики: материальная культура и стратегия жизнеобеспечения. 5. С. 55–71.
160. Плихт И. ван дер. Калибровка радиоуглеродной временной шкалы. 5. С. 78–85.
161. Плохов А. В. Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода. 9. С. 141–154.
162. Полосьмак Н. В. Исследование второго кургана могильника пазырыкской культуры Ак-Алаха I. 4. С. 91–95.
163. Праслов Н. Д. О керамике эпохи верхнего палеолита в *Северной Евразии*. 1. С. 28–39.
164. Пугаченкова Г. А. Еще раз об Ишратхане и дворце Дилькуша. 8. С. 217–222.
165. Рабинович Р. А., М. Е. Ткачук. Исследования на поселении древнерусской культуры у села Рудь в Молдове. 4. С. 164–170.
166. Рогов Е. Я. Набор столярно-плотничьих инструментов из раскопок здания У6 поселения Панское I. 7. С. 154–158.
167. Рогов Е. Я., И. В. Тункина. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя *Панское I*. 5. С. 159–175.
168. Рогов Е. Я., С. В. Кашаев. Чернолаковая керамика из раскопок поселения Вышестебливская 11. 9. С. 124–135.
169. Романова Г. А., Н. Н. Скакун. Исследование верхнего горизонта поселения Нагорное II в Подунавье. 9. С. 73–85.
170. Рудольф В. (США). Большая пекторали из Толстой Могилы: работа «чертомлыцкого мастера» и его школы. 2. С. 85–90.
171. *Русяева А. С.* Курганы *Ольвии* как символ ее славы и сакральной охраны. 7. С. 106–111.
172. Рыбалова В. Д. Два поселения предскифского времени на Левобережье Среднего Днестра и *некоторые* проблемы белогрудовской культуры (по материалам разведки Юго-Подольской экспедиции в 1953–1954 гг.) / Послесловие Г. И. Смирновой. 6. С. 320–341.
173. Рябинин Е. А. Северный трансевропейский путь X века и меря (по материалам резной кости Костромского Заволжья). 1. С. 153–162.
174. Савинов Д. Г. Таштыкский склеп Степновка II на юге Хакассии. 2. С. 44–54.
175. Савинов Д. Г., В. В. Бобров. Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в *Западной Сибири*. 4. С. 83–90.

176. Самар В. А. Дремайловское поселение эпохи поздней бронзы на юге Украины. 5. С. 131–142.
177. Самзун А. Стадия III в Мергаре (Пакистан): ее особенности и возможные параллели с памятниками Южного Туркменистана. 7. С. 77–81.
178. Санкина С. Л. О скандинавском присутствии на Русском Севере: могильник Куреваниха-2 (к историографии норманской проблемы в антропологии). 5. С. 233–240.
179. Сапожников И. В. Локальный хозяйственно-бытовой комплекс на позднепалеолитической стоянке Большая Аккаржа. 3. С. 38–47.
180. Семенов Вл. А. Воинские погребения ранних кочевников Тувы. 1. С. 116–125.
181. Семенов Н. В. Происхождение иконографии и символика некоторых коптских стел. 10. С. 145–150.
182. Сенаторов С. Н. Ранняя кизил-кобинская керамика из раскопок в Херсонесе. 7. С. 159–163.
183. Сергацков И. В. Серебряный кубок из Бердии и некоторые вопросы истории сарматов в I в. н. э. 6. С. 192–196.
184. Синицына Г. В., С. Н. Лисицын. Опыт выделения хронологических комплексов финального палеолита-раннего мезолита на многослойной стоянке Вышегора I в Смоленской области. 8. С. 49–60.
185. Скакун Н. Н. Новые раскопки энеолитических поселений в низовьях Дуная. 3. С. 58–68.
186. Скакун Н. Н. Прогресс техники в эпоху энеолита на Юго-Востоке Европы (по материалам земледельческих культур Болгарии). 6. С. 287–307.
187. Скакун Н. Н. Археологические вкладыши молотильной доски, эксперименты и этнографические параллели. 8. С. 106–119.
188. Скакун Н. Н., В. А. Тарасов. Результаты применения магниторазведки и каппаметрии при исследовании поселения трипольской культуры Бодаки. 7. С. 60–69.
189. Скржинская М. В. Пища ольвиополитов. 7. С. 121–124.
190. Скржинская М. В. Какому божеству поклонялись ольвиополиты в святилище на Гипполаевом мысу? 9. С. 204–207.
191. Смирнова Л. И. Проколки (хронология и функциональное назначение). 7. С. 236–246.
192. Соловьев С. Л. Периодизация жилого строительства античной Березани. 4. С. 153–163.
193. Соловьев С. Л. Архаическая Березань (историко-археологический очерк). 7. С. 291–308.
194. Соловьева Н. Ф. Стенопись Илгынлы-депе. 5. С. 124–130.
195. Соколова Л. А. Погребение в колыбели окуневского могильника Уйбат V. 4. С. 44–51.
196. Ставиский Б. Я. «Кушанская проблема» и археология Средней Азии (1968–1993 гг.) (некоторые итоги). 5. С. 268–282.
197. Стальсберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. (по археологическим собраниям СНГ). 3. С. 192–202.
198. Стеганцева В. Я. Относительная хронология погребений катакомбной культуры в междуречье Маныча и Сала. 6. С. 101–113.
199. Столба В. Ф. Несколько личных имен в греческих керамических надписях из Херсонеса. 2. С. 107–113.
200. Столба В. Ф., Ю. Е. Варваровский. Николаевский клад серебряных джучидских монет XIV века. 6. С. 231–244.
201. Столяр А. Д. Становление искусства как археологическая реальность. 4. С. 217–233.
202. Столяр А. Д. О мировоззренческих факторах мезонеолитического этногенеза на Севере Европейской России (по археологическим памятникам Карелии). 8. С. 238–249.
203. Стоянов Р. В. Еще раз об ориентировке и положении костяков в некрополе Херсонеса Таврического V–I вв. до н. э. 10. С. 133–138.
204. Тарасов А. Ю. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии. 10. С. 62–75.
205. Тарасов А. Ю., А. И. Мурашкин. Новые материалы с поселения Залавруга I и проблема датировки петроглифов Новой Залавруги. 9. С. 41–44.
206. Тимофеев В. И., Г. И. Зайцева, Г. Посснерт. Радиоуглеродная хронология цедмарской неолитической культуры в юго-восточной Прибалтике. 5. С. 72–77.
207. Толочко П. П. Варяги в Южной Руси. 8. С. 250–257.
208. Торгоев А. И. К интерпретации могильника Уч-ат. 10. С. 105–108.
209. Удеумурадов Б. Н. Древние земледельцы южной Маргианы (юго-восток Туркмении). 3. С. 69–74.
210. Филиппов А. К. Роль орудий труда и символических средств в деятельности человека нижнего палеолита. 10. С. 185–204.
211. Филиппова Е. Е. Плоская таштыкская маска из собрания Государственного Исторического музея. 3. С. 75–77.
212. Харитонов С. В. О средневековом письменном памятнике «Записка готского топарха» в связи с результатами археологических исследований Эски-Кермена и его округи. 10. С. 307–317.
213. Холл М., С. С. Миняев. Рентгеновский флуоресцентный анализ керамики сюнну. 10. С. 81–90.
214. Хомчик М. А. Римский бронзовый треножник из собрания Национального Музея истории Украины. 8. С. 188–189.
215. Хохлов В. А. Об аланской принадлежности амулета из Старого Орхея (Требужен). 7. С. 200–205.
216. Храпунов И. Н., В. П. Власов. Новое кизил-кобинское поселение в горном Крыму. 5. С. 176–186.
217. Цвек Е. В. Веселый Кут – новый центр восточно-трипольской культуры. 4. С. 33–43.
218. Цвек Е. В. Восточнотрипольская культура и контакты ее носителей с энеолитическими племенами Европы. 7. С. 272–290.
219. Чукова Т. А. К вопросу о формировании новгородского и псковского иконостасов. 6. С. 221–230.
220. Чукова Т. А. Периодизация истории русского средневекового зодчества и эволюция малых архитектурных форм интерьера конца X-первой трети XIII в. 7. С. 246–250.
221. Шорин М. В. Культовые камни Приильменья (по материалам Новгородской области). 5. С. 216–227.
222. Шувалов П. В. Монеты между археологией и нумизматикой. 6. С. 374–403.
223. Шумкин В. Я. Проблема сохранения памятников наскального творчества на севере Европейской России. 7. С. 29–32.
224. Шумкин В. Я., А. И. Мурашкин. Новые данные о могильнике на Большом Оленьем острове Баренцева моря. 10. С. 28–32.
225. Щелинский В. Е. Орудия труда архантропов из пещеры Азых (Азербайджан). 1. С. 17–27.
226. Щелинский В. Е. Функциональное назначение двусторонне обработанных орудий мустьерской стоянки Заскальная V в Крыму. 3. С. 16–24.
227. Щелинский В. Е. О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита. 8. С. 223–237.
228. Щетенко А. Я. Археологические комплексы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана (По материалам Намазга-депе). 9. С. 51–64.
229. Щетенко А. Я., Ю. Г. Кутимов. Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан). 6. С. 114–123.
230. Янин В. Л. Новгородские берестяные грамоты Михаило-Архангельского раскопа (1990 г.). 2. С. 114–121.
231. Янин В. Л. Две древнерусские вислые печати начала XI в. 5. С. 205–215.

II. Рецензии

232. Абрамова З. А. Новый взгляд на искусство палеолита // D. Vialou. La Préhistoire. L'Univers des Formes. (431 pages, 405 tables, figures, maps). 1991. Paris: Callimare // 1. С. 177–183.

233. Абрамова З. А. Образ зверя в искусстве палеолита // Henri Delporte. L'Image des Animaux dans l'Art préhistorique. 254 pages, 289 figures en texte. 1990. Paris: Picard // 2. С. 200–202.

234. Абрамова З. А. Тайны подземных святилищ // Jean Clottes et Jean Courtin. La grotte Cosquer. Peintures et gravures de la caverne engloutié. 197 pages, 191 figures en texte. 1994. Paris: Seuil. Jean Clottes. Les cavernes de Niaux. Art préhistorique en Ariège. 179 pages, 181 figures en texte. 1995. Paris: Seuil. Jean-Marie Chauvet, Eliette Brunel Deschamps, Christian Hillaire. La grotte Chauvet à Vallon-Pont-d'Arc. Postface de Jean Clottes. 195 pages, 94 figures en texte. 1995. Paris: Seuil // 5. С. 322–331.

235. Абрамова З. А. Палеолитическая живопись Страны Басков // Jesus Altuna. L'Art des Cavernes en Pays Basque. Ekain et Altxerri avec la collaboration de Amelia Baldeon et Koro Mariezkurrena. 200 pages, 211 figures en texte. 1997. Paris: Seuil // 6. С. 420–426.

236. Абрамова З. А. Что же такое «восточный граветт»? // Восточный граветт (отв. редактор Х. А. Амирханов). 329 С. 166 илл. 15 табл. 1998. Москва: Научный мир // 9. С. 222–228.

237. Алекшин В. А. Индоевропейская проблема и археология // J. P. Mallory. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. 288 pages, 175 illustrations. 1989. London: Thames and Hudson. Reprinted 1990. First paperback edition 1991. Printed and bound in the German Democratic Republic // 1. С. 200–203.

238. Аникович М. В. Верхний палеолит Центральной и Восточной Европы: закономерности и проблемы // R. Dessbrosse, J. Koslowski. Hommes et climats à L'Âge du Mammouth. Le Paléolithique supérieur d'Eurasie centrale. 144 pages, 41 figs. 1988. Paris: Masson // 1. С. 188–191.

239. Анисюткин Н. К. Еще раз о стинковском варианте среднего палеолита Приднестровья (ответ на критические статьи А. С. Сытника) // Ситник О. Стінківська мустьэрська культура: аналіз та інтерпретація джерел // Археологический альманах, № 8, Донецк. С. 171–191. Сытник А. С. 2000. Новые памятники стинковской индустрии на Днестре и их культурно-историческая интерпретация // Stratum plus, № 1, Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест. С. 332–350 // 10. С. 318–322.

240. Анисюткин Н. В., С. А. Васильев История жилища от австралопитеков до первых земледельцев // R. Desbrosse, J. Kozlowski. Les habitats préhistoriques. Des Australopithèques aux premiers agricultures. 132 pages, 81 figures. 1994. Cracovie–Paris: Éd. du CTHS: Université Jagellon // 5. С. 319–322.

241. Беляева Е. В. Нижний и средний палеолит Леванта и Европы: на перекрестке мнений // Towards Modern Humans/ The Yabrudian and Micoquian 400–50 k-years ago. Proceedings of a Congress held at the University of Haifa. November 3–9, 1996. Ed. by Avraham Ronen and Mina Weinstein-Evron. 236 pages and 106 figures. BAR International Series 850. 2000. Oxford: Archaeopress // 9. С. 232–238.

242. Березкин Ю. Е. Новые данные о происхождении земледелия // Foraging and farming. The evolution of plant exploitation. David R. Harris/ Gordin C. Hillman, eds. 733 p. London etc. 1989 // 1. С. 196–199.

243. Березкин Ю. Е. На пороге государственных структур // Wilson D. J. Prehistoric settlement patterns in the Lower Santa valley, Peru. A regional perspective on the origins and development of complex North Coast society. 590 pages, 280 figures, 18 plates. 1988. Washington; London: Smithsonian Institution Press // 1. С. 208–213.

244. Березкин Ю. Е. Исследования по археологии Ближнего Востока и Средней Азии // J. L. Huot, M. Yon, Y. Calvet (eds.). De l'Indus aux Balkans. Recueil à la mémoire de Jeans Deshayes. 478 pages. 1985. Paris: Éitions Recherche sur les Civilisations // 1. С. 218–223.

245. Березкин Ю. Е. Город-государство или империя? Контроверза Уари // W. H. Isbell, G. F. McEwan (eds). Huari Administrative Structure. Prehistoric Monumental Architecture and State Government. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collections. 1990, 321 pp., 250 figs. K. J. Schreiber. Wari Imperialism in Middle Horison Peru. Ann Arbor, 1992 (University of Michigan, Museum of Anthropology, Anthropological Papers). 332 pp., 68 figs // 3. С. 214–221.

246. Березкин Ю. Е. Кому нужна этноархеология? // Ethnoarchéologie. Justification, Problèmes, Limites. XIIe Rencontre Internationales d'Histoire d'Antibes. 452 pages. 1992. Ville d'Antibes: Éditions APDCA, Juan-les-Pins. Centre des Recherches Archéologiques // 4. С. 241–244.

247. Березкин Ю. Е. Развитие ранней государственности на побережье Перу // Izumi Shimada. Pampa Grande and the Mochica Culture. 323 pages. 175 figures. 1994. Austin: University of Texas Press // 4. С. 249–253.

248. Березкин Ю. Е. Золото перуанских вождей // El Mundo Ceremonial Andino. Luis Millones and Yoshio Onuki (eds). 306 pages. 1994. Osaka: National Museum of Ethnology. (Senry Ethnological Studies, no. 37). Walter Alva and Christopher B. Donnan. Royal Tombs of Sip?n. 228 pages, 249 figures. 1993. Los Angeles: Fowler Museum of Cultural History, University of California // 4. С. 253–258.

249. Березкин Ю. Е. Запустение поселений как феномен культуры // Abandonment of Settlement and Regions. Ethnoarchaeological and Archaeological Approaches. Ed. by Catherine M. Cameron and Steve A. Tomka. 201 pages. 1996 (first published 1993). Cambridge: University Press // 5. С. 350–351.

250. Березкин Ю. Е. Тектоника археологических плит: колонизация и аккультурация // The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Euroasia. Ed. by David R. Harris. 594 pages. 1996. London. Institute of Archaeology, University College London: UCL Press // 5. С. 353–355.

251. Березкин Ю. Е. У истоков месопотамской письменности и государства // Schmandt-Besserat, Denise. Before Writing. Forward by William W. Hallo. Vol. 2. A Catalogue of Near Eastern Tokens. 416 p. 1992. Austin: University of Texas Press // 7. С. 334–338.

252. Березкин Ю. Е. Археология и этнография индейцев Плато // Handbook of North American Indians. William C. Sturtevant, general editor. Volume 12, Plateau, Deward E. Walker, Jr., volume editor. 791 p. 1998. Washington: Smithsonian Institution // 9. С. 239–245.

253. Березкин Ю. Е. Археология и этнография Великих Равнин // Handbook of North American Indians, Vol. 13, parts 1–2. Raymond J. DeMallie, volume editor. Washington: Smithsonian Institution, 2001. 1360 pp // 10. С. 322–329.

254. Богуславский О. И. Проблемы исследования, реставрации и использования древних памятников – опыт словацких археологов // Studijné zvesti Archeologického ustavu Slovenskej Akadémie vied 26. 196 s., 13 obr. 1990. Nitra // 2. С. 198–199.

255. Богуславский О. И. Новый цикл исследований Бирки // B. Ambrosiani and H. Clarke (ed.). Investigations in the Black Earth. Birka Studies I. 134 pages, 38 figures. 1992. Stockholm // 4. С. 223–226.

256. Васильев С. А. Всемирная доистория: взгляд из Франции // J. Garanger (dir.). La préhistoire dans le monde. 837 pages and illustrations. 1992. Paris: Presses Universitaires de France // 5. С. 316–318.

257. Васильев С. А. Палеолитические охотники в долине Сены // Occupations du Paléolithique supérieur dans le sud-est du Bassin parisien. M. Julien, J.-L. Rieu (Dir.). Documents d'Archéologie française 78. 240 p., 131 fig. 1999. Paris: Ed. de la Maison des sciences de l'homme // 8. С. 258–259.

258. Васильев С. А. Северная Европа на рубеже палеолита и мезолита // L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire: confrontation des modèles régionaux de peuplement. B. Valentin, P. Bodu, M. Christensen (Dir.). Mémoires du Musée de Préhistoire d'Île-de-France. № 7. 364 pages. 2000. Nemours: Éd. A. P. R. A. I. F // 9. С. 229–231.

259. Вишняцкий Л. Б. История одной карьеры // R. G. Klein. The Human Career, Chicago, 1989, 524 pp // 3. С. 208–210.

260. Вишняцкий Л. Б. До Ляско // Before Lascaux. The Complex Record of the Early Upper Palaeolithic. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White (Eds.). X + 304 pages, illustrations. 1993. Roca Raton. FL: CRC Press // 4. С. 234–236.

261. Гиря Е. Ю. Технологический анализ палеоиндейских индустрий (обзор литературы). 1. С. 192–195.

262. Горончаровский В. А. Новая серия публикаций древностей Северного Причерноморья античной эпохи // M. Mielczarek. Armes grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musée de l'Armée Polonaise à Varsovie. 120 pages, 28 figures. 1995. Toruń: Université de Nicolaus Copernicus à Toruń // 6. С. 436–438.

263. Григорьев Г. П. Неандерталец и его эпоха // Marcel Otte (éd.). Actes de colloque international de Liège (4–7 Decembre 1986): L'Homme de Néandertal 1; La Chronologie 2; L'Environnement 3; L'Anatomie 4; La Téchnique 5; La Pensee 6; La Subsistence 7; L'Extinction 8; La Mutation. 1226 pages. 1988. Liège // 1. С. 184–187.

264. Гусев С. В. Новая коллективная монография о приморской адаптации // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана (отв. ред. Ю. Е. Востриков). 390 С. 177 илл. 29 табл. 1998, Владивосток. ДВО РАН // 7. С. 329–334.

265. Долуханов П. М. Системные исследования и археология // J.-Cl. Gardin, O. Guillaume, P. O. Herman, A. Hesnard, M. S. Lagrange, M. Renaud, E. Zadora-Rio. Systèmes – experts et sciences humaines. 1987. Paris: Éditions Eyrolles. J. -Cl. Gardin (éd.). Artificial Intellegence and Expert Systems. Case studies in the knowledge domain of Archaeology. 1988. Chichester: Ellis Horwood Publishers Ltd // 1. С. 227–230.

266. Долуханов П. М. Археология завтрашнего дня // A. Galley. L'Archéologie Demain. 320 pages, 64 figures. 1986. Paris: Pierre Bellfond // 2. С. 195–197.

267. Заднепровский Ю. А. Новый труд по археологии и истории Казахстана // История Казахстана с древнейших времен до наших дней в четырех томах. Том 1. Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья. 540 С. 1996. Алматы: Атамура // 6. С. 430–433.

268. Кирпичников А. Н. Фундаментальное исследование по военному делу эпохи средневековья // David Nicolle. Medieval warfare. Source book. Vol. 1: Warfare in Western Christendom. 320 p., 200 ill. 1995/ Vol. 2: Christian Europe and its Neighbours. 320 p., 200 ill. 1996. London: Arms and Armour Press // 7. С. 341–343.

269. Кирчо Л. Б. Новый этап изучения убейдской культуры // E. F. Henrickson and I. Thuesen (éd.). Upon this foundation. – The 'Ubaid reconsidered. Proceedings from the 'Ubaid symposium, Elsinore. May 30–th-June 1–st 1988. 478 pages, illustrated. 1989. Copenhagen: University of Copenhagen. ISBN 87–7289–070–3 ISSN 0902–5499 // 2. С. 203–205.

270. Лапшин В. А. Спасательная археология в Швеции // L. Ersgerd, M. Holmström, K. Lamm (ed.). Rescue and research. Reflections of society in Sweden 700–1700 A. D. 352 pages, 106 illustrations. 1992. Stockholm: Riksantikvarieämbetet // 3. С. 228–230.

271. Лапшин В. А. Новейшие исследования культурного ландшафта в Швеции // The cultural landscape during 6000 years in southern Sweden – the Istad Project. Berlund, B. E. (éd.). Ecological Bulletin 41. 495 pages. 1991. Copenhagen. Tesch, S. Houses, farmsteads, and longterm Change. A regional study of prehistoric settlements in the Köpinge area, in Scania, Southern Sweden. 132 pages. 1993. Lund // 4. С. 259–263.

272. Левковская Г. М. Взаимодействие человека и окружающей среды // Vývoj životneho prostředia v praveku, vo včasnej dobe dejinnej a v stredoveku. Studijné zvesti Archaeologického ustavu Slovenskej Acadéie vied. 26. 236 pages, 19 figures, 8 tables. 1990. Nitra // 3. С. 221–223.

273. Липатов А. А. Размышления над книгой о Византии и Готланде // Erland Lagerlöf. Gotland och Bysans: Bysantiskt inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. 205 с., ил., карт. 1999. Visby: Ödins forlag AB // 8. С. 281–288.

274. Липатов А. А. История и археология Новгорода в новом немецком издании // Novgorod: Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands / Hrsg. von Michael Müller-Wille, Valentin L. Janin, Evgenij N. Nosov u. Elena A. Rybina. – Neumünster: Wachholtz, 2001. – 399 с., ил., карт. – (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; Bd. 1) // 10. С. 334–341.

275. Лурье П. Б. О современной иранской археологической литературе // Majalle-ye Bâstânšenâsi va Tarih – № 8/2, 1994, № 9/2, 1995; Mirâth-e Farhangi – № 14, 15, 1996 г. // 9. С. 245–252.

276. Любин В. П., Е. В. Беляева. Восточно-Малокавказская среднепалеолитическая провинция // Джафаров А. К. Средний палеолит Азербайджана. 228 С., 115 рис. 1999. Баку: Элм // 8. С. 260–262.

277. Массон В. М. Зарождение земледелия и первые женские божества // J. Cauvin. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La révolution des symboles au Néolithique. 304 pages, 8 plates, 67 figures/ 1994. Paris: CNRS Éditions // 4. С. 237–241.

278. Массон В. М. Двадцать пять лет археологических исследований в Дании // Digging into the Past. 25 years of Archaeology in Denmark. Ed. by Steen Hvass and Birger Storgaard. 312 pages and illustrations. 1993. Århus: Universitetsforlag // 5. С. 313–315.

279. Массон В. М. О системе цивилизаций бронзового века на Ближнем Востоке // C. Lamberg-Karlovsky. Beyond the Tigris and Euphrates. Beer-Sheva. Studies by Department of Bible and Ancient East. Vol. IX. 1996. Ben-Gurion University of the Nagev Press // 6. С. 426–430.

280. Михайлов К. А. Новые исследования могильников эпохи викингов в южной Скандинавии // Grøn O., Krag A. H. og Bennike P. Vikingetidsgravpladser pä Langeland. 197 pages, 152 figures. 1994. Rudkøbing // 4. С. 271–273.

281. Михайлов К. А. Камерные погребения эпохи викингов в Дании // Silke Eisenschmidt. Kammergräber der Wikingerzeit in Altdänemark. Universitätsforsshungen prähistorischen zur Archäologie. Bd. 25. 152 pages, 25 Abb., 6 Karte, 42 Tafeln. 1994. Bonn // 7. С. 343–345.

282. Нефедкин А. К. Победили ли пешие дротикометатели колесничих? (По поводу гипотезы Р. Дрюса о причине падения восточносредиземноморских цивилизаций около 1200 г. до н. э.) // Drews R. The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe ca. 1200 B. C. 252 pages, 4 figures, 10 pls. 1993. Princeton: Princeton University Press // 6. С. 433–436.

283. Никоноров В. П. Поединки всадников в наскальных *рельефах парфян и сасанид // Gall H., von. Das* Reiterkamphbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. Berlin, 1990. 113 S., 12 Abb. ; 24 Taf. (Tehraner Forschungen. Bd. VI) // 1. С. 214–217.

284. Носов Е. Н. Города эпохи викингов // Helen Clarke and Björn Ambrosiani. Towns in the Viking Age. 207 pages, 30 illustrations. 1991. Leicester and London: Leisester University Press (a division in Pinter Publishers LTD) // 2. С. 209–212.

285. Носов Е. Н. Морская археология в скандинавских странах // *Aspects of Maritime Scandinavia. A. D. 200–1200.* Proceedings of the Nordic Seminar on Maritime Aspects of Archaeology, Roskilde, 13th–15th March, 1989 (Éd. Ole Crumlin – Pedersen). Røskilde 1991. 291 p // 3. С. 226–228.

286. Носов Е. Н. Труды двенадцатого викингского конгресса // Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age (Ed. B. Ambrosiani and H. Clarke) // The Twelfth Viking Congress. Birka Studies (3). 320 pages, 48 figures, 1994. Stockholm // 4. С. 266–271.

287. Носов Е. Н. Первый проект нового центра по исследованию периода викингов и средневековья в Осло // Three Studies on Vikings and Christianization. M. Kindal (Ed.). KULTs skriftserie No 28 / Religiosskiflet No 1. 73 pages, 12 plates, 10 figures. 1994. Oslo // 4. С. 274–277.

288. Носов Е. Н. Западные финны в раннем средневековье // L. Okulicz-Kozaryn. Finowie zachodni. 270 str., 122 rys. 1993. Warszawa // 5. С. 344–349.

289. *Пустовалов С. Ж. «История экономики Степной Скифии VI–IV вв. до н. э.» Н. А. Гаврилюк и проблемы экономических реконструкций по материалам скотоводческих народов древности в Северном Причерноморье // Н. А. Гаврилюк. История экономики Степной Скифии VI–IV вв. до н. э.* 424 С., 66 рис., 6 табл. 1999. Харьков: Издательство ПТФ // 8. С. 274–281.

290. Романова Г. А. Новое исследование *по готской проблеме* // P. J. Heather. Goths and Romans, 322–489. 378 pages. 1991 (=1992). Oxford: Clarendon Press // 5. С. 341–342.

291. *Романова Г. А. Молекулярная биология в археологии* // Ancient DNA in Archaeology. Ed. by Bernd Herman, Susanne Hummel. 257 pages. 1993. New York, Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag // 5. С. 351–352.

292. Рысин М. Б. Новые методы изучения керамических комплексов мегалитических гробниц Южной Швеции // Birgitta Hardh. Patterns of deposition and settlement. Studies on the Megalithic tombs of West Scania (Studier utgivna av Kungl. Humanistiska Vetenskapssamfudet: Lund 1988–1989: 2). 1990. 112 pages, 29 figures, Lund (Sweden): Almqvist and Wiksell International. Stockholm // 2. С. 205–207.

293. Синицын А. А. Вопросы формализации в археологии // J.-Cl. Gardin. 1991. Le calcule et la raison. Essais sur la formalisation du discours savant. École des Hautes *Études en Sciences Sociales.* 293 pages, illustrated. Paris. F. Djindjian. 1991. Méthodes pour l'archéologie. 403 pages. Paris: Armand Colin // 2. С. 191–195.

294. Хвощинская Н. В. Открытие в Хёгоме (уникальные данные по истории североевропейского костюма) // M. Nockert. The Högom find and other migration period textiles and costumes in Scandinavia. Archaeology and environment 9: Högom part II. 157 pages, 148 figures. 1991. Umea: Department of archaeology, Umea. University // 2. С. 207–209.

295. Хвощинская Н. В. Контакты между Скандинавией и восточнобалтийскими землями в свете новых исследований // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Scandinavien im frühen Mittelalter. Internationale Konferenz 23–25. Oktober 1990, Riga. Herausgegeben von Aleksander Loit, Evalds Mugurevičs und Andris Caune. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9. 184 pages, 95 figures. 1992. Uppsala // 4. С. 263–266.

296. Хвощинская Н. В. Могильники Готланда – начало новой серии публикаций // Lena Thunmark-Nylén. Die wikingerzeit Gotland 1. Abbildungen der Grabfunde. Kungl. Vitterhets och antikvitets akademien. 396 pages, 511 figures. 1995. Stockholm // 5. С. 342–344.

297. Хрушкова Л. Г. Из истории города Умм-Эль-Разас в свете новых археологических открытий // Michele Picirillo, Eugenio Alliata. Umm Al-Rasas Mayfa' ah I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano. Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior 28. 376 p., 29 ill. 1994. Jerusalem // 7. С. 338–340.

298. *Шувалов П. В. Художественный мир кельтской цивилизации* // B. Raftery (td.). Celtic art. Unesco collection of representative works: Art album series. 171 p., 205 ill. (103 in color). 1990. Unesco – Flammarion // 1. С. 224–226.

299. Щетенко А. Я. Комплексное изучение древнеиндийских памятников // Paul C. Rissman and Y. M. Chitawala. Harappan Civilization and Oriyo Timbo. 155 pages, 55 figures, 31 tables. 1990. Oxford and IBH Publishing co. Pvt. LTD. New Delhi, Bombay, Calcutta and American Institute of Indian Studies // 1. С. 204–207.

300. Щетенко А. Я. *Реконструкция хозяйства хараппцев* (по палеоботаническим материалам Рожди) // Steven A. Weber. Plant and Harappan Subsistence. En Example of Stability and Change from Rojdi: 200 pages, 45 figures, 30 tables. 1991. Oxford and IBN Publishing co. Pvt. Ltd. New Delhi, Bombay, Calcutta and American Institute of Indian Studies // 3. С. 211–214.

301. Щетенко А. Я. Новое серийное издание по проблематике древнеиндийской цивилизации // Harappan studies Vol. I. Ed. Gregory L. Possehl, Maurizio Tosi. 71 pages. 1993. Oxford and IBN Publishing Co. Pvt. Ltd. New Delhi, Bombay, Calcutta // 4. С. 244–248.

302. Щетенко А. Я. Фундаментальный труд по древнеиндийской цивилизации // B. B. Lal. The Earliest Civilization of South Asia (Rise, Maturity and Decline). 330 *pages, 125 halftone illustrations, 32 color plates, 75 figs* and maps. 1997. Aryan Books International. New Delhi // 5. С. 331–341.

303. Щетенко А. Я. Хронология древнеземледельческих культур среднеазиатского междуречья эпохи ранних металлов // Sarazm (Tadjikistan) Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancient). Par B. Lyonnet avec la collaboration de A. Isakov et la participation de N. Avanessova. Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale VII. 131 p., 10 tabl., 45 fig., I–V pl. 1996. Paris: De Boccard Édition // 8. С. 263–267.

304. Щетенко А. Я. *Проблемы хронологии цивилизации* эпохи бронзы Средней Азии // Fredrik T. Hiebert. Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia. American School of Prehistoric Research Bulletin 42. *200 p., 175 ill., foto 57; 13 tabl. 1994.* Cambridge: MA Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University // 8. С. 268–274.

305. Щетенко А. Я. Новые открытия пакистанских археологов // Farid Khan, J. R. Knox and K. D. Thomas. Explorations and Excavationa in Bannu District, North-West Frontier Province, Pakistan, 1985–1988. British Museum Occasional Paper № 80. 170 pages, 71 figures, 21 plates. 1991. London: Department of Oriental Antiquities // 10. С. 329–333.

III. Организация науки

306. Абдуллоев Д. III Международный симпозиум «Узбекистан – вклад в цивилизацию. Бухара и мировая *культура». Бухара, октябрь 1995. 5. С. 364–365.*

307. Абдуллоев Д. Международная научная конференция «50 лет раскопок древнего Пенджикента». (Пенджикент, 15–20 августа 1997 г.). 6. С. 455–456.

308. Альслебен А., Л.-К. Кёнигсон, Х. Кролль, М. Миллер-Вилле, Е. Н. Носов, Т. Хаммер, И. Янссон. Международные палеоботанические исследования в Новгородской земле (400–1200 гг. н. э.). 3. С. 240–245.
309. Брисбейн М. А., Е. Н. Носов, А. С. Хорошев. Российско-английское сотрудничество в археологическом изучении Новгорода. 3. С. 245–249.
310. Буров Г. М., Ю. -Т. В. Уртане. Конференция «Использование человеком пещер» (Ньюкасл, 6–9 июля 1993 г.). 6. С. 448–450.
311. Васильев С. А. Современная британская археология палеолита. 7. С. 346–350.
312. Васильев С. А. XII Конгресс Международного Союза доисторических и протоисторических наук в Италии (Италия, Форли, 8–14 сентября 1996 г.). 7. С. 351–352.
313. Васильев С. А. Международная конференция «Археология Востока – археология Запада. Соотношение теории и практики в общеевропейской археологии» (Познань, 18–21 мая 2000 г.). 8. С. 297–298.
314. Васильев С. А. Международная конференция «Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий» (Куртак, 22–31 июля 2000 г.). 9. С. 253–254.
315. Васильев С. А. XIV Конгресс Международного Союза доисторических и протоисторических наук (Бельгия, Льеж, 2–9 сентября 2002 г.). 10. С. 342–343.
316. Васильев С. А. Международная конференция «Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии» (Санкт-Петербург, 30 января – 5 февраля 2000 г.). 10. С. 343–345.
317. Вахтина М. Ю., В. А. Хршановский. Международная научная конференция «Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира». 7. С. 354–356.
318. Вахтина М. Ю. Организация археологических исследований античных памятников Турции. 8. С. 299–300.
319. Видейко М. Ю. Международная конференция «Трипольский мир и его соседи». Збараж, 20–23 августа 2001 года. 10. С. 347–350.
320. Виноградов Ю. А., Е. Я. Рогов, С. В. Кашаев. Международный коллоквиум «Греки и негреки на северном берегу Черного моря» (Мюнстер, 15–16 января 2001 г.). 9. С. 254–256.
321. Горшенина С. Центральноазиатские исследования во Франции. 8. С. 289–296.
322. Гурова Н. К. Проблемы организации археологического парка в центре Афин. 6. С. 439–447.
323. Зайцева Г. И. Международная научно-практическая конференция «Проблемы культурогенеза и культурного наследия» (7–12 ноября 1993 г. Тюмень). 4. С. 291–292.
324. Кирпичников А. Н., Е. Н. Носов. Сотрудничество археологов России и Финляндии. 2. С. 233–235.
325. Кирпичников А. Н., Е. Н. Носов. Встреча российских и финляндских археологов в Выборге. 4. С. 292–294.
326. Кирпичников А. Н., Е. Н. Носов. Научная встреча археологов России, Финляндии, Эстонии и Швеции в Хельсинки. 5. С. 365–368.
327. Кирпичников А. Н., Е. Н. Носов. Международный археологический симпозиум в Пушкинских горах. (Пушкинские горы, 11–14 мая 1999 г.). 7. С. 352–354.
328. Кирпичников А. Н., В. А. Горончаровский. Международная конференция «Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе» (Санкт-Петербург, 2–5 сентября 1998 г.). 8. С. 305–306.
329. Кирчо Л. Б. Новое обследование Алтын-депе. 6. С. 458–459.
330. Кирчо Л. Б. Воссоздание института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге. 1. С. 233–235.
331. Коробкова Г. Ф. Трасология и работа международной трасологической школы. 1. С. 239–242.
332. Кулаков С. А. О работе международной конференции «Пещерный палеолит Урала» (Уфа, 9–14 сентября 1997 г. 0. 6. С. 450–452.
333. Курочкин Г. Н. Древние торговые города восточной Африки и шведская программа их изучения. 3. С. 237–240.
334. Кушнарева К. Х. Международный симпозиум-коллоквиум «Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии». 5. С. 361–362.
335. Левина Р. Ш. Библиотека ИИМК. 4. С. 322–324.
336. Лозовский В. М. Конференция «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». (Сергиев Посад. 1–5 июля 1997 г.). 6. С. 453–455.
337. Массон В. М. Международная программа «Древний Мерв». 2. С. 228–229.
338. Массон В. М. Международные конференции по изучению древних городов Средней Азии. 3. С. 235–237.
339. Массон В. М. Работа международной консультативной комиссии по индо-европеистике и фракологии. 5. С. 363–364.
340. Массон В. М. Конференция по изучению связей древних культур Карпатской котловины и культур восточноевропейских степей в эпоху палеометалла. 5. С. 369–370.
341. Массон В. М. Международный коллоквиум по культурному наследию государства Саманидов. (Душанбе, 14–19 июня 1998 г.). 6. С. 456–458.
342. Милютенко Н. И., С. Л. Кузьмин, С. В. Белецкий. Чтения «Ладога и Северная Русь» в Староладожском музее-заповеднике. 5. С. 393–395.
343. Миняев С. С. Культурные процессы в Центральной Азии в постскифское время: проблемы хронологии. 5. С. 391–393.
344. Монк М. Практика и структура археологической науки в Ирландской республике. 5. С. 356–360.
345. Мусин А. Вторая Всероссийская церковно-археологическая конференция, посвященная 150–летию заслуженного профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии, директора Императорского Археологического Института Николая Васильевича Покровского (1848–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 года. 6. С. 460–465.
346. Негматов Н. Н. Хисорский историко-культурный заповедник в Таджикистане. 2. С. 223–224.
347. Носов Е. Н. Симпозиум археологов Дании и России. 1. С. 252–254.
348. Носов Е. Н. Международный научно-практический семинар по археологии в Новгороде. 2. С. 236–237.
349. Носов Е. Н. Вопросы изучения древнего Новгорода на 5–ой ежегодной встрече Европейской ассоциации археологов. 8. С. 307–310.
350. Носов Е. Н. Археологическая конференция в г. Ньюкасле-на-Тайне. 1. С. 246–251.
351. Олсворс-Джонс Ф. Датирование палеолита в Восточной Европе. 4. С. 282–284.
352. Пурхонен Паула. Организация охраны памятников Финляндии. 4. С. 278–281.
353. Синицын А. А. Второй советско-американский археологический симпозиум по палеоиндейской верхнепалеолитической адаптации. 1. С. 243–245.
354. Смагулов Е. А. Институт археологии в Казахстане: перспективы международного сотрудничества. 2. С. 225–227.
355. Сорокин П. Е. Экспедиция по древнему водному пути из Средней Швеции в Северо-Западную Русь. 4. С. 294–297.

356. Соффер О. А. Организация и финансирование археологии в США. 2. С. 213–220.
357. Сталсберг А. Норвежская археология: организация и финансирование. 3. С. 231–234.
358. Столяр А. Д., И. Л. Тихонов. Международный симпозиум, посвященный 150–летию со дня рождения А. А. Иностранцева. 4. С. 284–287.
359. Столяр А. Д. Памяти профессора М. И. Артамонова. Международная научная конференция, посвященная 100–летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова – основателя ИИМК АН СССР. 8. С. 302–305.
360. Торопова Е. В., С. В. Трояновский. О возобновлении Новгородского общества любителей древности. 8. С. 334–335.
361. Трифонов В. А. Международный симпозиум «Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы» (Новороссийск, 18–24 марта 1991 г.) 2. С. 230–232.
362. Фам Куанг Шон. Организация археологической науки и проблемы археологических исследований во Вьетнаме. 2. С. 221–222.
363. Фуллар Р. Первые чтения памяти С. А. Семенова. 10. С. 346–347.
364. Цецхладзе Г. Р., С. Л. Соловьев, Ж. -П. . Морель. Международная научная конференция «Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.)» (Тамань, 9–16 октября 2000 года). 8. С. 301–302.
365. Щеглов А. Н., Л. Ханнестад, С. В. Кашаев, Л. Б. Кирчо, Й. Серенсен, В. Ф. Столба, Х. Хаструп. Российско-датские раскопки на поселении и некрополе Пантикапея I (Северо-Западный Крым). 4. С. 288–290.
366. Щетенко А. Я. Американские археологи в Санкт-Петербурге. 3. С. 249–251.

IV. История науки и персоналии

367. Абдуллоев Д., В. П. Никоноров. Памяти Владимира Ивановича Козлова (21. 01. 1952–21. 09. 2001). 10. С. 390–391.
368. Абрамова З. А. Памяти учителя (к 90–летию со дня рождения А. П. Окладникова). 6. С. 498–502.
369. Абрамова З. А., С. Н. Лисицын. Памяти Николая Федоровича Лисицына (1945–1997). 5. С. 396–398.
370. Белановская Т. Д. Проблемы истории первобытного общества в трудах П. И. Борисковского. 3. С. 260–261.
371. Васильев С. А. П. И. Борисковский и проблемы азиатского палеолита. 8. С. 316–318.
372. Васильев С. А. Андре Леруа-Гуран и отечественная наука о первобытности (из истории русско-французских научных связей в археологии). 9. С. 257–261.
373. Вахтина М. Ю., Ю. А. Виноградов. Памяти друга. 10. С. 387–390.
374. Виноградов Ю. А. Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью. 8. С. 311–315.
375. Григорьев Г. П. П. И. Борисковский и П. П. Ефименко. 3. С. 262–263.
376. Григорьева Г. В. Чтения памяти Павла Иосифовича Борисковского. 3. С. 252–253.
377. Григорьева Г. В., Н. Д. Праслов. Памяти Игоря Ильича Коробкова (1934–1993). 4. С. 312.
378. Длужневская Г. В. Из истории формирования фонда фотоархива Института истории материальной культуры РАН. 4. С. 298–302.
379. Длужневская Г. В. Фотографии из собственной библиотеки Императора Николая II в собрании фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург). 5. С. 382–384.
380. Длужневская Г. В. Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН. 10. С. 351–362.
381. Завьялов В. А. Научное наследие И. Н. Хлопина. 8. С. 324–325.
382. Заднепровская Т. Н., Р. Ш. Левина, Д. А. Мачинский. Памяти Н. А. Винберг (К 100–летию со дня рождения). 10. С. 381–387.
383. Кирпичников А. Н. К семидесятилетию со дня рождения И. Н. Хлопина. 8. С. 322–324.
384. Коробкова Г. Ф. 100–летие со дня рождения С. А. Семенова. 6. С. 503–511.
385. Крижевская Л. Я. Памяти Е. А. Викиловой (1915–1989). 7. С. 373–374.
386. Левина Р. Ш. Митрополит Евгений и Н. Н. Мурзакевич. 6. С. 479–488.
387. Массон В. М. Памяти Ю. А. Заднепровского. 7. С. 375–376.
388. Массон В. М. Александр Натанович Бернштам. Из плеяды первопроходцев среднеазиатской археологии. (К 90–летию со дня рождения). 9. С. 279–281.
389. Массон В. М., А. Н. Кирпичников. Памяти Игоря Николаевича Хлопина (7. 06. 1930–7. 12. 1994). 4. С. 317–320.
390. Медникова Е. Ю. Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической Комиссии (по материалам Рукописного архива ИИМК РАН). 4. С. 303–311.
391. Моисеева Н. Д. История дома Романовых в XIX веке по фондам фотоархива Института истории материальной культуры РАН. 5. С. 385–390.
392. Носов Е. Н. Институту Истории Материальной Культуры РАН 80 лет. 6. С. 9–14.
393. Носов Е. Н. К шестидесятилетию со дня рождения Е. А. Горюнова. Памяти друга. 8. С. 325–329.
394. Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки. 5. С. 371–382.
395. Платонова Н. И. М. И. Артамонов – директор ИИМК. 6. С. 466–478.
396. Платонова Н. И. Панорама отечественной археологии на «великом переломе» (по страницам книги В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры»). 9. С. 261–278.
397. Платонова Н. И. Федор Кондратьевич Волков глазами ученика (к публикации очерка С. И. Руденко). 10. С. 369–375.
398. Пшеницына М. Н., Н. А. Боковенко. Михаил Петрович Грязнов (1902–1984 гг.) (К 100–летию со дня рождения). 10. С. 377–381.
399. Руденко С. И. Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти). 10. С. 363–368.
400. Сакса А. И. Памяти Вячеслава Альбертовича Тюленева (1947–1996). 5. С. 398–399.
401. Семенов Вл. А., В. А. Алекшин, Н. Г. Горбунова. К восьмидесятилетию А. М. Мандельштама. (11. VIII. 1920–8. IX. 1983). 8. С. 319–322.
402. Скакун Н. Н., Ю. Е. Березкин, В. А. Алекшин. Памяти Геннадия Николаевича Курочкина (14. 08. 1946–26. 12. 1993). 4. С. 315–317.
403. Столяр А. Д. Памяти Павла Иосифовича Борисковского. 3. С. 256–260.
404. Терпиловский Р. В. Вклад Е. А. Горюнова в развитие раннеславянской археологии. 8. С. 329–331.
405. Тимофеев В. И., Т. М. Гусенцова. Памяти Л. Я. Крижевской. 6. С. 489–490.
406. Тункина И. В. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии (становление археолога). 7. С. 357–372.
407. Фам Куанг Шон. Роль П. И. Борисковского в формировании и развитии археологии во Вьетнаме. 3. С. 264–265.
408. Шауб И. Ю. Памяти Юрия Викторовича Андреева (1937–1998). 6. С. 517–519.

V. Хроника

409. Кирчо Л. Б. Институт истории материальной культуры РАН в 1993 году. Научная жизнь. 3. С. 266–267.
410. Кирчо Л. Б. Институт Истории Материальной Культуры РАН в 1994 году. Научная жизнь. 4. С. 321–322.
411. Кирчо Л. Б., С. А. Кулаков. Научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Института Истории Материальной Культуры РАН в 1995–1996 годах. 6. С. 512–515.
412. Кулаков С. А. Институт Истории Материальной Культуры в 1997 году. 6. С. 515–517.
413. Кулаков С. А. Институт Истории Материальной Культуры РАН в 1998 году. 7. С. 377–380.
414. Кулаков С. А. Институт Истории Материальной Культуры РАН в 1999 году. 8. С. 332–334.
415. Кулаков С. А. Институт Истории Материальной Культуры РАН в 2000 г. 9. С. 282–284.

Составитель Н. В. Головачева

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Абдуллоев Д. 306, 307, 367.
Абрамова З. А. 1, 232–236, 368, 369.
Аванесова Н. А. 2.
Алекшин В. А. 3–6, 237, 401, 402.
Альслебен А. 308.
Амбросиани Б. 7.
Амирханов Х. А. 8.
Андреев Ю. В. 9.
Андрух С. И. 91.
Аникович М. В. 10, 11, 238.
Анисюткин Н. К. 12–14, 239, 240.
Артемьев А. Р. 15.
Ахунбабаев Х. Г. 16.

Байпаков К. М. 17.
Белановская Т. Д. 370.
Белецкий С. В. 80, 342.
Бельский С. В. 18.
Беляева Е. В. 241, 276.
Бердимурадов А. Э. *19*.
Березкин Ю. Е. 20–22, 242–253, 402.
Бобров В. В. 175.
Богуславский О. И. 254, 255.
Бозински Г. 23.
Боковенко Н. А. 398.
Борисковский П. И. 24.
Брисбейн М. А. 309.
Булгакова В. И. 25.
Буров Г. М. 26, 310.
Былкова В. П. 27.

Вадецкая Э. Б. 28.
Вайман А. А. 29.
Варваровский Ю. Е. 30, 200.
Васильев В. Н. 62.
Васильев И. Б. 31.
Васильев С. А. 32–34, 240, 256, 257, 311–316, 371, 372.
Васильева Н. Б. 35.
Вахтина М. Ю. 317, 318, 373.
Видейко М. Ю. 319.
Виноградов Ю. А. 36–38, 320, 373, 374.
Вишняцкий Л. Б. 259, 260.
Власов В. П. 216.
Власова Е. В. 39, 40.

Галибин В. А. 41, 42.
Гвиди А. 43.
Геде Ф. Й. 116.
Гилевич А. М. 44.
Гиря Е. Ю. 45, 93, 261.
Горбунова Н. Г. 46, 401.
Горончаровский В. А. 47, 262, 328.
Горшенин С. 321.
Горюнова В. М. 48.
Гречкина Т. Ю. 74.
Григорьев Г. П. 263, 375.
Григорьева Г. В. 49, 50, 376, 377.
Гукин В. Д. 51.
Гурова Н. К. 322.
Гусев С. В. 52, 264.
Гусенцова Т. М. 405.

Давыдова А. В. 53.
Денисова В. И. 54–57.
Длужневская Г. В. 378–380.
Днепровская М. Б. 59.
Долуханов П. М. 265, 266.

Егорьков А. Н. 58, 59.

Завьялов В. А. 60, 381.
Заднепровская Т. Н. 382.
Заднепровский Ю. А. 61, 62, 267.
Зайцева Г. И. 206, 323.
Зайцева К. И. 63, 64.

Исаков А. И. 65.

Казанский М. М. 66.
Каменецкий И. С. 67.
Каминская И. В. 68.
Карих А. В. 69.
Каспаров А. К. 70–72, 159.
Каспарова К. В. 73.
Касымов М. Р. 74.
Кашаев С. В. 168, 320, 365.
Килуновская М. Е. 75, 76.
Кирпичников А. Н. 77–81, 268, 324–328, 383, 389.
Кирчо Л. Б. 82–85, 269, 329, 330, 365, 409–411.
Кисель В. А. 86, 87.
Клейн Л. С. 88.
Клотт Ж. 89.
Кляшторный С. Г. 90.
Ковалев Р. К. 147, 148.
Коваленко В. П. 79.
Ковнурко Г. М. 83, 84.
Колтухов С. Г. 91.
Конецкий В. Я. 92.
Конте И. К. 93.
Коробков И. И. 94.
Коробкова Г. Ф. 95, 96, 331, 384.
Косорукова Н. В. 35.
Костылева Е. Л. 97.
Крайнов Д. А. 97.
Крапивина В. В. 98.
Крижевская Л. Я. 99, 385.
Кропотов В. В. 100.
Крыжицкий С. Д. 101.
Кузьмин С. Л. 342.
Кулаков С. А. 102, 332, 411–415.
Курбатов А. В. 103–105.
Курочкин Г. Н. 106, 107, 333.
Курчатов С. И. 51.
Кутимов Ю. Г. 108, 229,
Кушнарева К. Х. 109, 334.

Лапшин В. А. 270, 271.
Левина Р. Ш. 335, 382, 386.
Левковская Г. М. 272.
Липатов А. А. 273, 274.
Лисицын Н. Ф. 110, 111.
Лисицын С. Н. 69, 184, 369.
Литвиненко Р. А. 112.
Лозовская О. В. 113.
Лозовский В. М. 113, 336.
Лурье П. Б. 275.
Любин В. П. 114–116, 276.

Малов Н. М. 117.
Марина З. П. 118.
Марколонго Б. 119.
Маршак Б. И. 120.
Массон В. М. 121–127, 277–279, 337–341, 387–389.
Матева Б. *И.* 128.
Матюхин А. Е. 129–133.
Мачинский Д. А. 382.
Медникова Е. Ю. 390.
Мерфи А. М. 134.
Милютенко Н. И. 342.
Миняев С. С. 53, 135–138, 213, 343.
Михайлов К. А. 139, 140, 280, 281.
Моисеева Н. Д. 391.
Монк М. 344.
Мордвинцева В. И. 141, 142.
Морель Ж. –П. 364.
Морозов Ю. А. 62.

Мощи П. 119.
Мурашкин А. И. 205, 224.
Мусин А. Е. 143, 345.
Мыськов Е. П. 142.

Назаренко В. А. 78.
Негматов Н. Н. 346.
Нефедкин А. К. 282.
Нехаев А. А. 144.
Никитин А. Б. 145.
Никоноров В. П. 283, 367.
Носов Е. Н. 140, 284–288, 309, 324–327, 347–350, 392, 393.
Нунан Т. С. 146–148.

Овсянников О. В. 105, 149.
Олсворс–Джонс Ф. 351.
Ошибкина С. А. 150.

***П**авлова К. В. 151.*
Палагута И. В. 152.
Папанова В. А. 153.
Паромов Я. М. 154.
Паульс Е. Д. 155.
Пашкин Е. М. 156.
Питулько В. В. 158, 159.
Платонова Н. И. 157, 394–397.
Плихт И. ван дер. 160.
Плохов А. В. 161.
Подборская В. О. 156.
Полосьмак Н. В. 162.
Посснерт Г. 206.
Праслов Н. Д. 163, 377.
Пугаченкова Г. А. 164.
Пурхонен П. 352.
Пустовалов С. Ж. 289.
Пшеницына М. Н. 398.

Рабинович Р. А. 165.
Распопова В. А. 120.
Ресино А. 45.
Рогов Е. Я. 166–168, 320.
Романова Г. А. 169, 290, 291.
Руденко С. И. 389.
Рудольф В. 170.
Русяева А. С. 171.
Рыбалова В. Д. 172.
Рысин М. Б. 109, 292.
Рябинин Е. А. 173.

Савинов Д. Г. 174, 175.
Сакса А. И. 400.
Самар В. А. 176.
Самзун А. 177.
Самибаев М. К. 19.
Самойлов К. Г. 92.
Санкина С. Л. 178.
Сапожников И. В. 179.
Сахаровская Л. М. 138.
Семенов Вл. А. 75, 76, 180, 401.
Семенов Н. В. 181.
Сенаторов С. Н. 182.
Сергацков И. В. 183.
Серенсен Й. 365.
Синицын А. А. 69, 293, 353.
Синицына Г. В. 184.
Скакун Н. Н. 169, 185–188, 402.
Скржинская М. В. 189, 190.
Смагулов Е. А. 354.
Смирнова Л. И. 191.
Соболев В. Ю. 139.
Соколова Л. А. 195.
Соловьев С. Л. 39, 192, 193, 364.
Соловьева Н. Ф. 20, 194.
Сорокин П. Е. 355.
Соффер О. А. 356.
Ставиский Б. Я. 196.
Стальсберг А. 81, 197, 357.
Стеганцева В. Я. 198.
Столба В. Ф. 199, 200, 365.
Столяр А. Д. 201, 202, 358, 359, 403.
Стоянов Р. В. 203.

Тарасов А. Ю. 204, 205.
Тарасов В. А. 188.
Терпиловский Р. В. 404.
Тимофеев В. И. 42, 206, 405.
Тихонов И. Л. 358.
Ткачук М. Е. 165.
Толочко П. П. 207.
Торгоев А. И. 208.
Торопова Е. В. 360.
Трифонов В. А. 361.
Трояновский С. В. 360.
Тункина И. В. 167, 406.

Удеумурадов Б. Н. 209.
Уртане Ю.–Т. В. 310.
Уткин А. В. 97.

Фам Куанг Шон 362, 407.
Филиппов А. К. 210.
Филиппова Е. Е. 211.
Филипченко В. В. 117.
Фоняков Д. И. 38.
Фуллар Р. 363.

Ханнестад Л. 365.
Харитонов С. В. 212.
Хвощинская Н. В. 294–296.
Холл М. 213.
Хомчик М. А. 214.
Хорошев А. С. 309.
Хохлов В. А. 215.
Храпунов И. Н. 216.
Хрушкова Л. Г. 297.
Хршановский В. А. 317.

Цвек Е. В. 217, 218.
Цецхладзе Г. Р. 364.

Чукова Т. А. 219, 220.

Шарафутдинова Э. С. 68.
Шаровская Т. А. 85, 96.
Шкода В. Г. 120.
Шорин М. В. 221.
Шувалов П. В. 222, 298.
Шумкин В. Я. 223, 224.

Щ*еглов* А. Н. 365.
Щелинский В. Е. 225–227.
Щетенко А. Я. 228, 229, 299–305, 366.
Щукин М. Б. 157.

Янин В. Л. 230, 231.

Составитель Н. В. Головачева